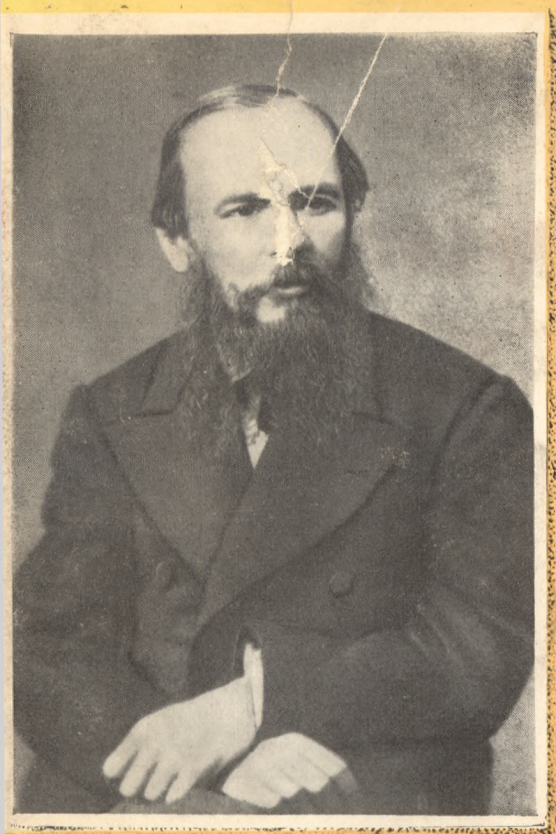
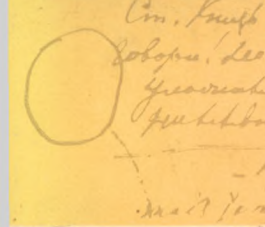


Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

В РАБОТЕ НАД РОМАНОМ «ПОДРОСТОК»

Творческие рукописи

Литературное наследство



Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В РАБОТЕ НАД РОМАНОМ «ПОДРОСТОК»

ТВОРЧЕСКИЕ РУКОПИСИ

В настоящем томе впервые публикуются обширные творческие рукописи Достоевского, связанные с созданием романа «Подросток» (1874—1875 гг.).

Эти материалы имеют большое значение для исследования писательской лаборатории Достоевского и эволюции его мировоззрения. Они сохранились в несравненно более полном виде, чем творческие рукописи других романов Достоевского. По печатаемым в этом томе материалам можно наглядно проследить все этапы сложного труда писателя, характер его работы над большим романом, глубже изучить трагические противоречия его личности.

Черные записи к «Подростку» широко демонстрируют развитие авторского замысла — от неосуществленных произведений «Атеизм» и «Житие великого грешника» — к роману о юноше, современнике писателя.

Публикуемые материалы ясно показывают эволюцию образов героев «Подростка», многократно изменяющихся на страницах рукописи. Они раскрывают подлинную концепцию романа «Подросток», его органическую связь как с более ранними романами и замыслами Достоевского, так и с последним его романом «Братья Карамазовы».

Публикуемые тексты сопровождаются обстоятельными историко-литературными и реальными комментариями, а также статьей о Достоевском-романисте.

В книге 130 иллюстраций и вклейка (большая часть их воспроизводит неопубликованные рукописи и портреты Достоевского).

Книгу можно приобрести в магазинах:

Москва, ул. Горького, 8; ул. Вавилова, 55/5;
Ленинград, Литейный проспект, 57.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига».

Цена книги 2 руб. 40 коп.

Литературное наследство

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В РАБОТЕ НАД РОМАНОМ «ПОДРОСТОК»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

РЕДАКЦИЯ
И. И. АНИСИМОВ (ГЛАВ. РЕД.), Д. Д. БЛАГОЙ,
А. С. БУШМИН, В. В. ВИНОГРАДОВ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ,
Н. А. ТРИФОНОВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 5

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

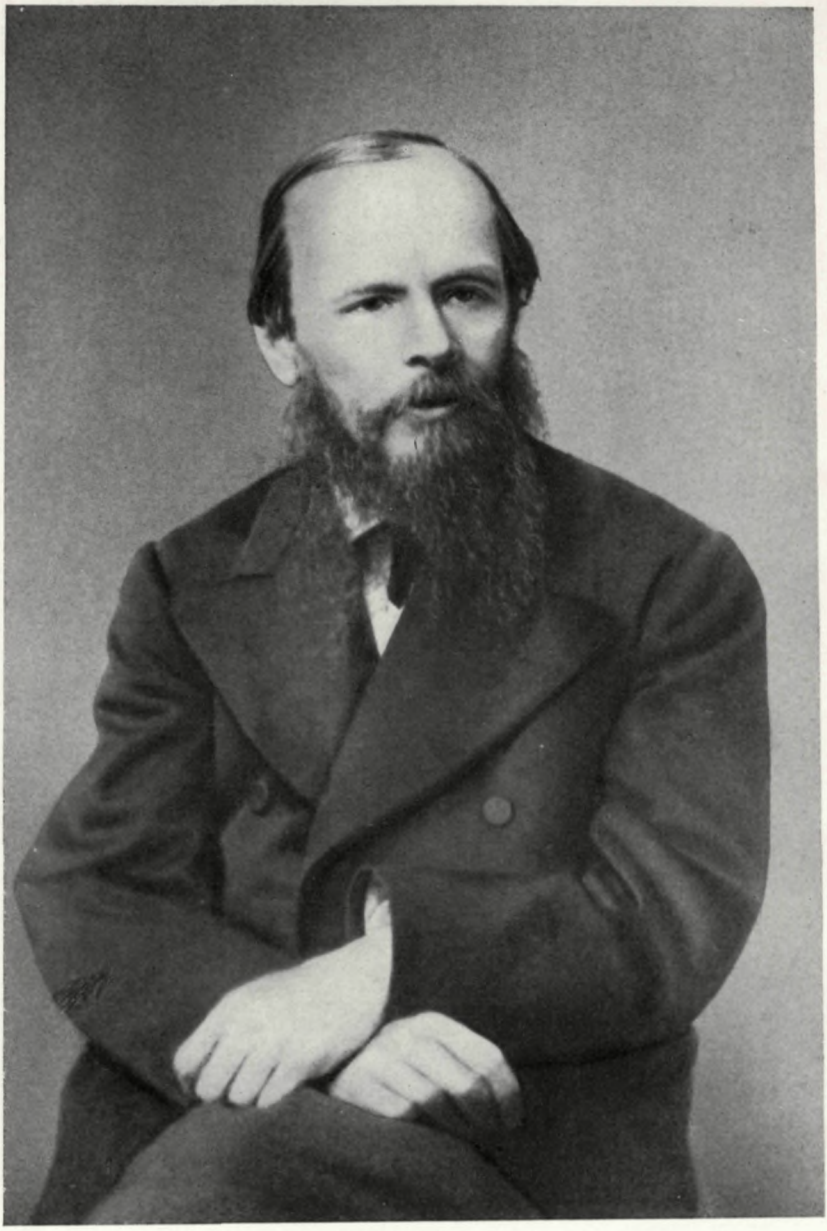
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В РАБОТЕ НАД РОМАНОМ «ПОДРОСТОК»

ТВОРЧЕСКИЕ РУКОПИСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 5

7—2—2
1118—65

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ



ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография Н. Досса, Петербург, 1876 г.
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

Изучение рукописного наследия Ф. М. Достоевского вскоре после Великой Октябрьской революции приняло широкий размах. За полтора десятилетия были изданы многие творческие рукописи и эпистолярные тексты великого писателя.

Вслед за тринадцатитомным собранием сочинений (под ред. Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева; 1926—1930) вышли три тома писем, впервые собранных, прокомментированных и подготовленных к печати А. С. Долининым (1928—1934 гг.). Последний (четвертый) том писем появился после большого перерыва (в 1959 г.). Это собрание в семнадцати томах до сих пор остается непревзойденным по объему включенных в него произведений (так как сюда также входят первоначальные редакции, варианты, неизвестные главы и фрагменты). Оно отличается высоким качеством подготовки текстов.

В конце 20-х и первой половине 30-х годов один за другим выходили в свет неизвестные до того времени рукописные материалы к художественным произведениям Достоевского: сначала — к рассказам и повестям («Двойник», «Неточка Незванова» и др.), а затем и к большим романам: «Преступлению и наказанию», «Идиоту», «Бесам» и «Братьям Карамазовым». Являясь результатом научных исследований и серьезной текстологической работы большой группы литературоведов, все эти публикации не только существенно обогатили, но во многом изменили представление о противоречиях мировоззрения Достоевского, о сложной эволюции его творчества.

Анализу достижений советских исследователей Достоевского был посвящен обширный критический обзор В. Л. Комаровича, напечатанный в т. 15 «Литературного наследства» (1934 г.).

Отмечая, что «за истекшие с начала революции 17 лет в деле приближения к читателю творческой личности Достоевского сделано едва ли не больше, чем было сделано до того, за период вдвое больший (после смерти писателя)», Комарович обстоятельно рассматривал и оценивал каждую новую публикацию. В этом же томе «Литературного наследства» были напечатаны новые материалы о Достоевском, в частности работа Л. П. Гроссмана «Достоевский и правительственные круги 70-х годов», куда впервые вошли письма к Достоевскому ряда его корреспондентов. Работа эта сохранила свое значение и до настоящего времени.

Хотя публикациями 20—30-х годов отнюдь не были исчерпаны даже основные творческие рукописи Достоевского, в последующее тридцатилетие новые материалы почти не печатались. А между тем, в той части архива Достоевского, которая до сих пор остается еще неизданной, находятся материалы, имеющие громадное значение для изучения жизни писателя, его идеологии и творческой лаборатории. Поэтому несколько лет тому назад «Литературное наследство» приступило к подготовке двух томов, посвященных Достоевскому. В первом из них, предлагаемом сегодня читателю, содержатся обширные рукописные материалы к роману «Подросток», публикуемые А. С. Долининым. Они гораздо полнее, чем творческие записи к другим романам, отражают все этапы сложной и многогранной работы Достоевского. Рукописи дают возможность проследить, как постепенно, исходя из широких замыслов неосуществленных произведений «Атеизм» и «Житие великого грешника», писатель намечает основные образы будущего романа, как он не только обогащает, но коренным образом видоизменяет сюжет, привлекая все новые и новые факты действительности, используя при этом сообщения газетной хроники. Черновые записи обнаруживают глубокие связи «Подростка» как с предшествующими произведениями, так и с последним романом Достоевского — «Братья Карамазовы».

На основе изучения рукописей «Подростка» А. С. Долининым было написано фундаментальное исследование об истории создания романа (в дополненном и переработанном варианте оно вошло в его книгу «Последние романы Достоевского». Л., «Советский писатель», 1964). Однако сами творческие рукописи «Подростка» до сих пор оставались неизданными. Читателям и исследователям романа известны лишь те небольшие фрагменты, которые цитируются в монографии А. С. Долинина.

В области публикации творческих записей к большим романам Достоевского у советских текстологов сложились две традиции. В связи с исключительной трудностью определения хронологической последовательности черновых текстов Достоевского некоторые публикаторы, стремясь быть «предельно точными», воспроизводили тексты каждой тетради отдельно, в соответствии с той нумерацией страниц, которая позднее была проставлена рукой жены писателя А. Г. Достоевской. Так изданы материалы к «Преступлению и наказанию» и «Бесам».

На основании совсем другого принципа воспроизведены черновые рукописи романа «Идиот». При подготовке их к печати П. Н. Сакулин стремился воссоздать реальную картину творческого процесса и решал свою сложную научную задачу в основном весьма успешно. Такой же путь избрал и А. С. Долинин. Нет сомнения, что в некоторых случаях при всей осторожности и обоснованности принимаемых решений (см. комментарий к наст. тому, стр. 440) они носят все же характер научной гипотезы, но это ни в малой мере не колеблет достоверности самого принципа. Редакция «Литературного наследства» отстаивала эту точку зрения еще на заре советской текстологии (в упомянутой статье В. Л. Комаровича). Публикация черновых записей к роману «Подросток», на наш взгляд, убедительно демонстрирует несомненные преимущества научно-исследовательского подхода к изданию материалов творческой лаборатории Достоевского. Печатаемые тексты значительно расширяют и углубляют представление о мировоззрении Достоевского середины 70-х годов (в том числе о его эстетических взглядах), о художественных исканиях великого писателя, о его сложной, трагически противоречивой личности, наконец,— о самом характере его напряженной работы над жанром большого романа.

В настоящем томе публикуются лишь те рукописи Достоевского, которые непосредственно связаны с его работой над «Подростком». На многих страницах записных тетрадей находятся заметки Достоевского об исторических событиях прошлого и о текущей современности, о литературе и о собственном творчестве. В тех случаях, когда эти заметки не связаны с созданием «Подростка», они не включаются в настоящую публикацию и будут напечатаны отдельно в одном из следующих томов «Литературного наследства», озаглавленном «Неизданный Достоевский».

В подготовке тома к печати принимали участие Ф. И. Гринберг и Н. Н. Соломина. Подбор иллюстраций—Г. Ф. Коган.

Редакторы тома — И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм.

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ДОСТОЕВСКОГО-РОМАНИСТА

Статья Л. М. Розенблюм

ДОСТОЕВСКИЙ В СЕРЕДИНЕ 70-х ГОДОВ. СОЗДАНИЕ «ПОДРОСТКА»

Роман «Подросток» в творчестве Достоевского занимает особое место. Не потому, что он принадлежит к числу шедевров великого романиста. Напротив, по силе изображения характеров, по композиционной стройности «Подросток» заметно уступает лучшим произведениям Достоевского. Но «Подросток» (и это очень ярко отражено в рукописях) знаменует тот период духовной жизни писателя, когда после «Бесов» (1871 — 1872), после шестнадцати месяцев сотрудничества в консервативном журнале «Гражданин» (1873 — апрель 1874) он написал роман иного характера, роман, который был напечатан в «Отечественных записках» Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Не следует думать, конечно, что изменились основные убеждения Достоевского. Уже после того, как первые главы «Подростка» были отосланы Некрасову (около 10 декабря 1874 г.), Достоевский писал жене: «Но хоть бы нам этот год пришлось милостыню просить, я не уступлю в направлении ни строчки!»[1] Разумеется, и «Отечественные записки» не намерены были «уступать в направлении». Объясняя, почему роман бывшего редактора «Гражданина» мог появиться в «Отечественных записках», Н. К. Михайловский ссылается на *содержание* «Подростка». — В противном случае «„Отечественные записки“ принуждены были бы отказаться от чести видеть на своих страницах произведение г. Достоевского, даже если б он был гениальный писатель»[2]. В чем же идейная новизна романа, если в целом писатель сохранял прежние позиции?

В 1867 г. Достоевский уехал за границу. Незадолго до этого созданием «Преступления и наказания» завершился большой период творческой эволюции писателя. Бурные 60-е годы, когда происходила острая борьба вокруг реформ и шли горячие споры о дальнейших путях исторического развития России, были временем становления «зрелого» Достоевского — мыслителя и художника. Потрясающие картины физических и нравственных мучений человека в буржуазном мире, страстное стремление к добру и справедливости, мечта о «золотом веке» — все это парадоксально сочеталось в творчестве Достоевского 60-х годов с надеждами на мирное, религиозно-моралистическое разрешение всех «роковых вопросов» эпохи. Порвав с идеями революции и социализма, Достоевский пропагандирует так называемое «почвенничество» — своеобразный вариант славянофильства. Почвенники утверждали, что главные социальные проблемы в России решены в результате реформ, что правительство показало пример того, как и впредь нужно регулировать внутренние конфликты, что, следовательно, никакой реальной основы классовая борьба в России не имеет. Главной задачей современного развития почвенники считали преодоление исторически сложившейся разобщенности «верхов» и «низов», приход интеллигенции к «почве», к народной нравственности. В глубоком противоречии с бунтарским пафосом творчества Достоевского, с мужественной логикой его аналитического ума создавался миф о легко достижимой гармонии социальных интересов под эгидой русской монархии. За время пребывания Достоевского за границей, при ожесточенной ненависти писателя к западной

буржуазной цивилизации и к революционному движению, которое он считал лишь одной из ее форм, этот миф укрепился. В марте 1868 г. Достоевский так рассуждает в письме к А. Н. Майкову из Женевы: «Все, что вы пишете про Россию, и, главное, ваше настроение (розовый цвет) меня очень радует. Это совершенная правда, что нечего обращать внимания на разные частные случаи; было бы целое и толчок и цель у этого целого, а все остальное и невозможно иначе при таком огромном перерождении, как при нынешнем государе. Друг мой, вы решительно точно так же смотрите, как и я»[3]. Достоевский и... «розовый цвет»! Может ли быть что-нибудь более невероятное и несообразное в устах автора романа «Идиот», написанного в том же году и представляющего произведение не только глубоко трагическое, но и страстно-обличительное по отношению ко всему социальному укладу русской жизни! Заявляя, что «наша конституция есть взаимная любовь монарха к народу и народа к монарху», Достоевский сообщает Майкову, что здесь сделался «совершенным монархистом» [4]. К этому времени относятся наиболее резкие его выпады против Белинского, Чернышевского, Некрасова, Щедрина, Тургенева, против всех, кто принадлежал к освободительному движению, русскому и западному, в особенности против революционной эмиграции. События Парижской коммуны вызывают у Достоевского новый прилив озлобления: «Они рубят головы — почему?— Единственно потому, что это всего легче ⟨...⟩ Пожар Парижа есть чудовищность» [5]. В это время окончательно сформировалась идеология Достоевского последнего периода творчества. Не вообще христианство, а именно православие, его мессианскую роль проповедует он, католицизм же приравнивает к социализму как якобы две аналогичные системы, стремящиеся к переустройству человеческого общества на основе «науки и разума». Очень важно отметить, что все «позитивные» идеи Достоевского исходят из одного, как любил он выражаться, капитального убеждения,— что в России все иначе, чем на Западе, что «наша сущность в этом отношении бесконечно выше европейской» [6], что в России нет почвы для классовых противоречий и революционного движения, а если оно возникает, то только в виде бесовского наваждения. А поэтому: «всему миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием ⟨...⟩), и это совершится в какое-нибудь столетие,— вот моя страстная вера» [7].

Порой у Достоевского возникали сомнения: вполне ли знает он нынешнюю русскую жизнь, следя за ней лишь по газетам и письмам? Говоря о суде присяжных, он вдруг признается Майкову: «Впрочем, издали я могу ужасно ошибаться» [8]. За осуществление больших замыслов «Атеизм» и «Житие великого грешника» Достоевский твердо решил не приниматься до приезда на родину: «Мне непременно надобно воротиться в Россию,— писал он,— здесь же я потеряю возможность даже писать, не имея под руками всегдашнего и необходимого материала для письма,— то есть русской действительности (дающей мысли) и русских людей» [9]. И в другом месте: «Писателю же особенно (если только он не специалист, не ученый) невозможно заживаться. В нашем ремесле, например, первое дело действительность, ну а здесь действительность швейцарская» [10].

Возвращение в Россию отнюдь не избавило Достоевского от главных его иллюзий. Когда-то он писал, что если бы ему доказали, что Христос вне истины, а истина вне Христа, он предпочел бы остаться с Христом, нежели с истиной [11]. Не раз еще и до конца жизни он в различных формах повторял это признание, утверждая, что готов верить в свой религиозный идеал, даже вопреки очевидности, вопреки логике фактов. И все же, когда Достоевский вернулся в Россию, действительность оказалась столь мрачной, что трудно было увидеть ее в «розовом цвете». Достоевский не мог не заметить, что во многом, очень существенном, он, будучи за границей, в самом деле «ужасно ошибался». И прежде всего это касалось бурного развития капитализма в России, распада крестьянской общины, повсеместного обнищания народа, морального разложения, охватившего разные сословия. Однако новые русские впечатления отразились в произведениях Достоевского не сразу. Конец 1871 г. и почти весь 1872 г. были посвящены завершению романа «Бесы». В 1873 г. в качестве редактора «Гражданина» Достоевский помещает в журнале статьи актуального значения, написанные активными деятелями консервативного, «охранительного» направления — В. П. Мещерским, Т. И. Филипповым, особенно, К. П. Победоносцевым. Победонос-

цев энергично сотрудничал в «Гражданине» с плохо скрываемой целью подчинить своему влиянию Достоевского. «Вчера приехал Победоносцев,— сообщает писатель жене,— был в редакции, ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Все говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом и так как, кроме служанки, в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трем темным лестницам вниз, со свечой в руках до самого подъезда»[12]. Это — поистине рембрандтовская картина: зловещий фон темной лестницы и одинокое пламя свечи в руке Победоносцева. Как коварно стремится он уловить в свои сети ум и сердце великого писателя, как ухаживает за ним, с елейной ласковостью святоши и царедворца!

И вот, когда Достоевский наиболее крепко связал себя с лагерем реакции, не только идейно, но и организационно (в «Гражданине»), его временами томит эта слишком тесная связь. Его раздражают литературная бездарность и прямой сервилизм Мещерского. Он решительно вычеркивает из статьи Мещерского слова о необходимости политической слежки за студентами. В записке, посланной Мещерскому, он заявляет: «Но 7 строк о надзоре, или, как вы выражаетесь, *о труде* надзора правительства, я выкинул радикально. У меня есть репутация литератора и сверх того — дети. *Губить себя* я не намерен. [Кроме того, ваша мысль глубоко противна моим убеждениям и волнует сердце]»[13]. Уже в статьях из «Дневника писателя» 1873 г., опубликованных в «Гражданине», можно встретить такие резкие высказывания об экономической и духовной жизни современного общества, которые, кажется, не оставляют места для иллюзий о легко достижимой социальной гармонии. «Прежний мир, прежний порядок, очень худой, но все же порядок,— отошел безвозвратно. И, странное дело: мрачные нравственные стороны прежнего порядка — эгоизм, цинизм, рабство, разъединение, продажничество не только не отошли с уничтожением крепостного быта, но как бы усилились, развились и умножились»[14]. Достоевский пишет о «мрачной, ужасной картине этого нового рабства, в которое вдруг впал русский крестьянин, выйдя из прежнего рабства»[15]. Особое внимание обращает писатель на картину мирской сходки. «Эта сходка — это *все*, что осталось твердого и краеугольного в народном русском строе, главная исконная связь его и главная будущая надежда его,— и вот и эта сходка уже носит в себе начало своего разложения, уже больна в своем внутреннем содержании! Вы видите, что во многом — это лишь одна форма, но что внутренний дух ее, внутренняя вековая правда ее пошатнулась — пошатнулась вместе с зашатавшимися людьми»[16].

Внимательно всматривается Достоевский после большого перерыва в жизнь петербургской бедноты,— давно, очень давно не писал он о ней! В очерке «Маленькие картинки» (1873) изображается воскресный летний день на пыльных улицах «этого самого угрюмого города, какой только может быть на свете». Ни веселья, ни радости, шумят только пьяные, а трезвые мужики, мещане и мастеровые мрачны и задумчивы,— и от этого «так особенно грустно по воскресеньям».

Дети этих бедняков большей частью маленькие, «первого возраста, едва ходят или совсем еще не умеют ходить; не потому ли и так мало детей постарше, что не доживают и умирают?»[17] С горечью пишет Достоевский о повсеместном пьянстве, насаждаемом трактирами и кабаками, как о страшных приметах капиталистической эпохи. «Есть местности, где на полсотни жителей и кабак, менее даже, чем на полсотни». «Чем же, стало быть, они окупаются? Народным развратом, воровством, укрывательством, ростовщичеством, разбоем, разрушением семейства и стыдом народным — вот чем они окупаются!»[18] Все эти впечатления накапливались и вскоре вылились в твердое убеждение, которое так сформулировано в черновиках «Подростка»: «Общество химически разлагается» (стр. 69). Продолжая сохранять надежды на мирное разрешение социальных противоречий в духе христианских идеалов, Достоевский не может не видеть, как глубоко проник капитализм во все сферы русской жизни. «Явятся мелкие, подленькие, развратнейшие буржуа,— восклицает он,— и бесконечное множество закабаленных ими нищих рабов— вот картина!»[19]

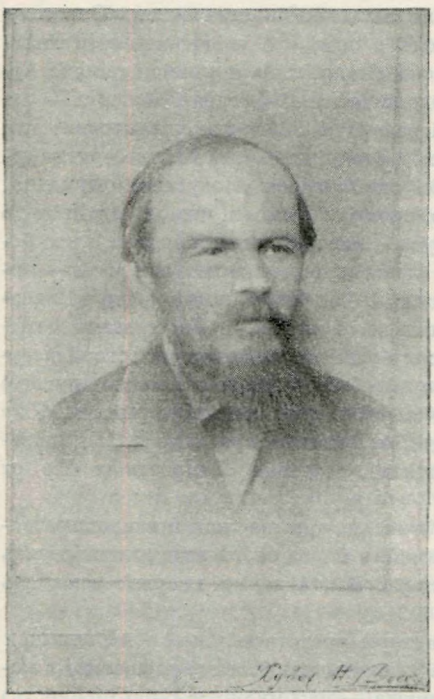
В это же время Достоевский начинает несколько по-иному присматриваться к революционной молодежи, которую он «с плетью в руках» (его слова) злобно окарикатурил в «Бесах». По-прежнему отвергая революционный путь преобразования «мира сего», Достоевский о самих революционерах говорит с некоторым сочувствием. Даже в отзывах о нечаевцах слышатся другие ноты. Опровергая тех, кто хотел бы видеть в революционерах ничтожных, недоучившихся болтунов, Достоевский пишет: «Да неужели вы вправду думаете, что прозелиты, которых мог бы набрать у нас какой-нибудь Нечаев,— должны быть непременно одни шалопаи? Не верю, не все; я сам старый „нечаевец", я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных ⟨...⟩ Знаю, вы, без сомнения, возразите мне, что я вовсе не из нечаевцев, а всего только из „петрашевцев" ⟨...⟩ Но пусть из петрашевцев. Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли бы стать нечаевцами т. е. стать на „нечаевскую" же дорогу, *в случае, если б так обернулось дело*? ⟨...⟩ Но позвольте мне про себя сказать: *Нечаевым*, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но *нечаевцем*, не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности»[20]. И это напечатано в «Гражданине» через несколько месяцев после окончания «Бесов». Там же появилась и другая статья Достоевского «Нечто личное», где он с симпатией пишет о Чернышевском как человеке и вспоминает свой визит к нему по поводу прокламации «Молодая Россия»[21]. «Мне показалось, что Николаю Гавриловичу не неприятно было мое посещение; через несколько дней он подтвердил это, заехав ко мне сам»,— пишет Достоевский. И еще: «... я убежден, что сам Чернышевский подтвердит точность моего рассказа о нашей встрече, если когда-нибудь прочтет его. И дай бог, чтобы он получил возможность это сделать. Я так же тепло и горячо желаю того, как искренно сожалел и сожалею о его несчастии»[22].

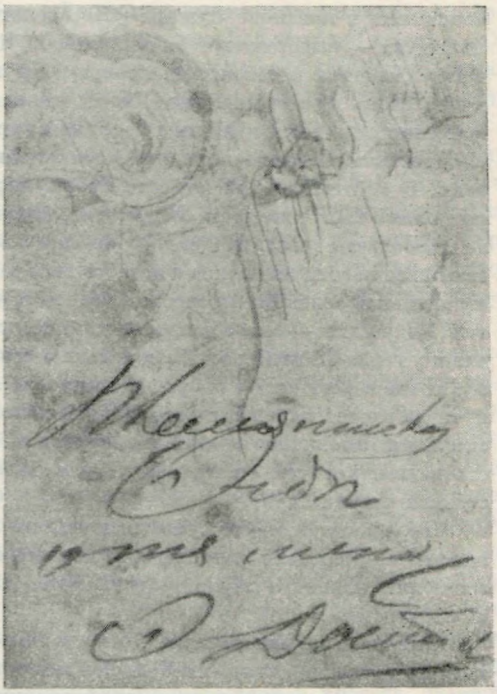
Впоследствии Чернышевский описал этот эпизод в своих воспоминаниях [23]. Интересно и другое признание Достоевского: «Чернышевский никогда не обижал меня своими убеждениями. Можно очень уважать человека, расходясь с ним в мнениях радикально»[24]. Итак, радикальное расхождение во мнениях осталось, оно сохранилось до конца жизни Достоевского, но начало появляться другое — способность уважать настоящих революционеров, понимать, что их убеждения не случайны, не наносны а выстраданы. Этого уважения совершенно лишены были заграничные письма Достоевского. Только по отношению к личности Белинского и теперь (в статье «Старые люди») тон сохраняется по-прежнему озлобленным. Он резко изменится в «Дневнике писателя» 1877 г., где Достоевский вспомнит первую встречу с великим критиком как «самую восхитительную минуту» во всей своей жизни и нарисует образ Белинского с огромным пиететом [25].

Некоторое изменение тона, в котором Достоевский, начиная уже с 1873 г., пишет об отдельных деятелях революционного движения, требует, разумеется, объяснения. Вспоминаются слова Ивана Карамазова: «Дорог иной подвиг человеческий, в который давно уже, может быть, перестал и верить, а все-таки по старой памяти чтишь его сердцем»[26]. Говоря о прошлом, Достоевский больше всего думал, конечно, о современности, о тех юношах и девушках, которые мечтают о революции или готовятся идти в народ. Очевидно, на фоне моральной деградации, духовной опустошенности, буржуазного карьеризма, эгоизма, цинизма определенную ценность в глазах Достоевского приобретали люди, верящие в общественный идеал, самоотверженно стремящиеся к благу человечества, даже в том случае, если избранный ими путь писатель решительно отвергал.

Все эти элементы новизны в мировоззрении Достоевского по сравнению с заграничным периодом необходимо иметь в виду, когда мы обращаемся к творческой истории «Подростка».

А. С. Долинин первый обратил внимание на связь между статьей Н. К. Михайловского о «Бесах» («Отечественные записки», 1873, № 2) и замыслом следующего романа Достоевского. В конце статьи Михайловский прямо обращался к писателю: «,,Как! Россия, этот бесноватый больной, вами изображаемый, перепоясывается железными дорогами, усыпается фабриками и банками,— и в вашем романе нет ни одной черты из этого мира! Вы сосредотачиваете свое внимание на ничтожной горсти безумцев





ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография Н. Досса. Петербург, 1876 г. С дарственной надписью на обороте: «Племяннику Феде от меня. Ф. Достоевский»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

и негодяев! В вашем романе нет беса национального богатства, беса, самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла. Свиньи, одолеваемые этим бесом, не бросятся, конечно, со скалы в море, нет, они будут похитрее ваших любимых героев. Если бы вы их заметили, они составили бы украшение вашего романа. Вы не за тех бесов ухватились. ⟨...⟩ Рисуйте действительно нераскаянных грешников, рисуйте фанатиков собственной персоны ⟨...⟩ богатства для богатства". В „Подростке" призыв этот явно услышан»[27].

Работа над романом началась, очевидно, в феврале 1874 г. (см. комментарий, стр. 437), но продвигалась медленно. В апреле Достоевский официально уходит из «Гражданина», в том же месяце его посещает Некрасов с предложением напечатать новый роман в «Отечественных записках». После поездки в Москву с целью известить Каткова о желании передать роман другому журналу Достоевский сообщает Некрасову о своем окончательном согласии и энергично принимается за обдумывание планов «Подростка». Май, правда, оказался малопродуктивным. В начале июня Достоевский едет на два месяца лечиться в Эмс. Здесь, несмотря на нездоровье и обычное для него за границей унылое настроение, он успевает до такой степени оформить замысел романа, что август и сентябрь, проведенные в Старой Руссе, оказываются необычайно плодотворными. Достоевский не только завершает общий план, но и приступает к детальному обдумыванию содержания первых частей романа. В письме от 20 октября он уже может сообщить Некрасову: «Работу же пришлю или привезу ни в каком случае не позже 10-го декабря»[28].

При создании «Подростка» (особенно в ранних записях) писатель был еще внутренне связан с прежними замыслами, главным образом с «Житием великого грешника» и «Исповедью Ставрогина» (ненапечатанная глава «У Тихона» в «Бесах»). Из «Жития...» вошли в новый роман многие черты юного героя: и его ожесточенность, и унизительное

положение в пансионе Сушара («Не сделаться ли льстецом?»— думает он. «Это тоже сила духа — выдержать себя льстецом»). И мысль о том, что «пощечина есть величайшая обида» и смывается кровью (в рукописях «Подростка» и в самом романе Аркадия очень мучает пощечина, перенесенная Версиловым). И фигура Ламберта — законченного негодяя и циника («полная картина разврата»). И такое характерное для «Подростка» слово «беспорядок» («вся жизнь буря и беспорядок»). И многие другие детали. В «Житии...» уже отчасти сформулирована «идея» героя «Подростка» Аркадия, носившего там то же имя: «№. Достиг, например, процессом мысли, что потому не надо *не честно*, что действуя и *честно* он еще *даже лучше* наживет деньги, потому что богатым все льготы на всякое зло и без того даны», «деньги разрешают все вопросы — инстинктивное сознание превосходства, власти и силы». То, что стало характерной чертой Подростка,— способность постоянно отклоняться от «идеи» — Достоевский отмечал и у героя «Жития...»: «Хотя деньги и страшно его устанавливают на известной *твердой* точке и решают *все* вопросы, но иногда *точка* колеблется (поэзия и много другого) и он не может найти выхода. Это-то состояние *колебания* и составляет роман». Уже здесь, по отношению к «Житию...» встала перед Достоевским проблема формы повествования, которой он придавал громадное значение, создавая «Подростка»: «Не от себя ли рассказ?»[29]

Но, пожалуй, самое существенное, что в «Житии...», так же как и в предшествовавшем ему замысле «Атеизма», Достоевский поставил перед собой задачу изобразить эволюцию главного героя, развитие его характера. И эта задача впервые решалась в «Подростке».

Обычно в произведениях Достоевского характеры предстают уже сложившимися и лишь раскрываются с наибольшей полнотой в моменты наивысшего душевного напряжения, в ситуациях катастрофических. Отсюда — необычайная «уплотненность» времени, насыщенность его событиями в романах Достоевского. Однако с конца 60-х годов, сразу же после окончания «Идиота», Достоевский буквально одержим желанием написать роман другого типа: об идейных исканиях героя («Атеизм») и особенно — о процессе формирования характера, об истории души («Житие...»). Им руководит конечно, стремление провести своего героя через многие искушения и даже преступления к идеальной христианской нравственности в духе добродетельного доктора Ф. П. Гааза — известного писателю еще с детства замечательного московского врача-филантропа [30]. В заключении плана «Жития...» читаем: «Кончает воспитательным домом у себя и Гасом становится.— Все яснеет. Умирает, признаваясь в преступлении»[31]. Но Достоевский в данном случае хотел изобразить не внезапное откровение, как в эпилоге «Преступления и наказания», и не заранее сложившийся образ, как в «Идиоте», а прежде всего самый *процесс становления* человеческой личности. Этим же, кстати сказать, объясняется и расширение временны́х рамок романа (который начинается с детства героя, т. е. в другую историческую эпоху), и новая его структура (роман должен состоять из пяти больших повестей).

Писатель был целиком захвачен новой художественной задачей, хотя она, быть может, и не вполне соответствовала характеру его дарования. «По крайней мере,— писал он Н. Н. Страхову весной 1870 г.,— из этой идеи я сделал цель всей моей будущей литературной карьеры» [32]. Так оно во многом и было. С «этой идеей» (в самой общей форме, разумеется) связан не только «Подросток», но еще больше «Братья Карамазовы». Правда, второй роман о Карамазовых, где предполагалось показать историю Алеши, а также эволюцию Ивана и Мити, оставленных автором в период тягчайшего душевного кризиса, не был написан. «Подросток» оказался единственным произведением писателя, где заветная мысль показать «историю души» получила художественное воплощение. В черновиках она выражена с полной ясностью: «Еще название: ПОДРОБНАЯ ИСТОРИЯ. Или: ОДНА ПОДРОБНАЯ ИСТОРИЯ» (стр. 114); «Не писать ли всю биографию в детстве?» (стр. 83); «Не забыть последние строки романа: „Теперь знаю, нашел, чего искал, что добро и зло, не уклонюсь никогда“» (стр. 112); «*Полное заглавие романа*: *ПОДРОСТОК*. ИСПОВЕДЬ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА. ПИСАННАЯ ДЛЯ СЕБЯ» (стр. 98).

Такова роль первоначального замысла «Жития...» в работе над «Подростком».

Большое значение для создания образа Версилова имела ненапечатанная исповедь Ставрогина. Имя Ставрогина встречается на полях рукописи там, где герой — «Он», «хищный тип» — характеризуется со стороны основных своих душевных качеств. «Страстность и огромная *широкость* ⟨...⟩ И обаятелен и отвратителен (красный жучок, Ставрогин)». «Красный жучок» — т. е. «красненький паучок» Ставрогина — символ не то чтобы нравственных страданий, а скорее некоторой внутренней судороги при мысли о страшном преступлении, совершенном над малолетней девочкой. Так же, как и Ставрогин, «Он» «снес пощечину, отмстил втайне, бесчестил, выносил сильные впечатления» (стр. 61). Целые фрагменты исповеди Ставрогина были перенесены в рассказ Версилова о «золотом веке» — будущем счастливом обществе (видимо, Достоевский уже окончательно примирился с мыслью, что в состав «Бесов» «исповедь» никогда не войдет).

Предыдущие идеи и образы Достоевского, несомненно, отразились и в характере того героя, который в начальных планах «Подростка» занимает очень заметное место, а потом исчезает совсем. Это учитель Федор Федорович (в первых записях — Федор Петрович). Он, как князь Мышкин, дружен с детьми и сам похож на ребенка: «У оравы детей советник и руководитель Федор Федорович, идиот» (стр. 64). Почти в точности повторяет впечатление, произведенное Мышкиным на семью Епанчиных при первом знакомстве, следующая запись: «Она (и многие) считают Федора Ф-ча ребенком, ничего не понимающим в жизни и в человеке, и вдруг Фед. Федорович, когда пришло время (но совершенно нечаянно и не думая подготовлять сцену), рассказал ей всю психологию ее души...» (стр. 65). Некоторые черты Федора Федоровича восходят, вероятно, и к образу «идеального учителя» из замысла, предшествующего «Бесам» (опубликован под условным названием «Зависть» [33]). Об этом учителе сказано, что он «все более и более в продолжение всего романа вырастает в красоте. Начинает с смешного и кончает идеалом красоты вполне». Он особенно дружен с детьми: «В городе между тем он в этот год много начудасил (дети).— Все трое подкидышей и две взрослые сироты» [34]. О Федоре Федоровиче говорится примерно то же: «Но вдруг он поражается одним: подкинутым младенцем. И *непосредственно* становится любителем детей и христианином» (стр. 68). И у учителя в «Зависти» дважды отмечена «роль христианина» [35]. В отношении к любви у учителя и Федора Федоровича тоже много сходного. Таким образом, и здесь мы видим пример живой, непосредственной связи нового образа с предшествующими.

Тем не менее было бы ошибкой думать, что все эти прежние идеи и образы имели в работе над «Подростком» основополагающее значение. Они — лишь исходный толчок для размышлений над проблемами, которые и раньше занимали Достоевского, но остались во многом нерешенными и могут помочь освоить новый жизненный материал. Еще из-за границы Достоевский писал Майкову, что опасается отстать от «живой струи» русской жизни, «не от идеи, а от плоти её» [36]. Но, разумеется, «идея» и «плоть» — неразрывны, новая «плоть» видоизменяет «идею» настолько существенно, что все содержание становится совершенно иным. Это мы отчетливо видим по работе Достоевского над «Подростком». Казалось бы, так много уже заготовлено раньше, можно попробовать соединить детей из «Жития...» с новым вариантом Ставрогина — «хищным типом». Такая мысль на мгновение мелькнула у Достоевского. «!?! Задача. Соединить роман: *дети* с Этим ⟨т. е. с «хищным типом» — *Л. Р.*⟩ натуральнее» (стр. 62). Но все равно, и при таком соединении нужно все создать сначала. Достаточно вспомнить, что действие первого романа в «Житии...» относилось к 40-м годам, а в «Подростке» изображаются 70-е. Разные эпохи, жизненный материал не могли не изменить радикально предшествующих замыслов. Подобно тому, как в «Подростке» совершенно по-новому воплощены темы предшествующих произведений, в «Братьях Карамазовых» мы встречаемся с образом, намеченным для «Подростка», но в него не вошедшим. Сюжет о Лизавете Смердящей, подробно разработанный в черновиках как один из рассказов Макара Долгорукого, получает совершенно иной смысл в последнем романе Достоевского.

Творчество — это всегда открытие мира заново, сколько бы ни использовалось накопленное ранее. Именно во время обдумывания старых образов и одновременного отталкивания от них Достоевский заносит в тетрадь такую замечательную запись,

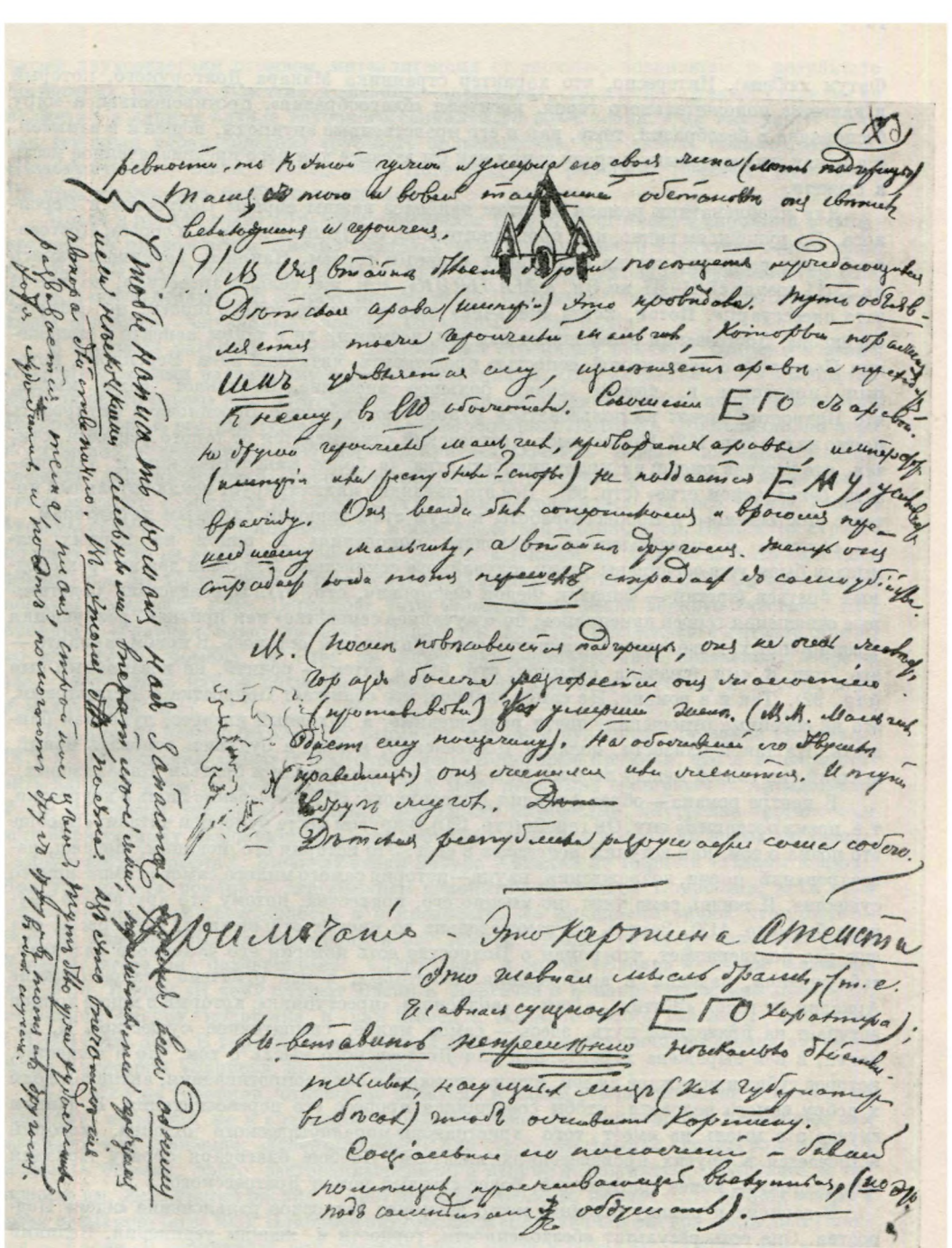
своего рода закон творчества: «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего *одним* или *несколькими* сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно. *В этом дело поэта*. Из это⟨го⟩ впечатления развивается тема, план, стройное целое. *Тут дело уже художника*. Хотя художник и поэт помогают друг другу и в том и в другом — в обоих случаях» (стр. 64).

Можно с уверенностью сказать, что самым сильным впечатлением, которое «пережил сердцем» автор «Подростка», был, во-первых, страшный хаос буржуазного мира, его «беспорядок», «безобразие» (слова, настойчиво повторяемые и в черновиках, и в самом романе). «Беспорядок», «Беспорядочные силы» — предполагаемые названия романа. А рядом с этим «поэта» Достоевского особенно привлекали образы тех, кто не желает успокаиваться на идеале буржуазного благополучия, ищет правды и смысла жизни. Предметом самой большой сердечной заинтересованности Достоевского в новом романе была судьба юного героя, ибо «из подростков созидаются поколения».

В одной из ранних записей к «Подростку» читаем: «*Главное*. Во всем идея разложения, ибо все *врозь* и никаких не остается связей не только в русском семействе, но даже просто между людьми. Даже дети врозь». «Столпотворение вавилонское...» И поперек страницы: «*Разложение — главная видимая мысль романа*» (стр. 69).

Еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), написанных после первой заграничной поездки Достоевского, буржуазное общество уподоблялось вавилонскому столпотворению. В черновиках к «Подростку» впервые этот образ применен к русской действительности. Через много страниц в рукописи вновь настойчиво повторяется: «Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых потому же нет), в разложении семейного начала» (стр. 129). И, наконец, под названием «Окончательное» еще раз сформулирована та же главная мысль всего произведения, но в данном случае уже от имени героя, поскольку стало ясно, что рассказ будет вести он: «Тут были все элементы общества, и мне казалось, что мы, как ряженые, все не понимаем друг друга, а между тем говорим на одном языке, в одном государстве и все даже одной семьи ⟨...⟩ БЕСПОРЯДОК» (стр. 178). «Все элементы общества», охваченные беспорядком, это прежде всего высшее дворянство и буржуазия. Вот что говорит, например, о высшем обществе героиня романа Ахмакова: «В нем во всем ложь, фальшь, обман и высший беспорядок. Ни один из этих людей не выдержит пробы: полная безнравственность, полный цинизм у всякого. Это разбойники и мелкие плуты, каждый...» стр. 362, здесь эта мысль выражена гораздо подробнее и острее, чем в окончательном тексте). Характерно, что образы князей Сокольских — с одной стороны, и Ламбе́рта и Стебелькова (в черновиках — Колосов) — с другой, сразу же обрисованы Достоевским как прямые и яркие доказательства «всеобщего разложения». Без сколько-нибудь существенных изменений они перешли на страницы романа. Правда, по отношению к старику Сокольскому, который давно уже превратился в живой труп, Достоевский ограничивается лишь иронией. Зато к буржуазным дельцам и проходимцам Ламберту и Стебелькову он преисполнен страстной ненависти. Уже в первое время работы над романом возникла известная характеристика человеконенавистнических «фантазий» Ламберта: «Ламберт говорит, что когда он будет богат, то самое большое его наслаждение будет кормить хлебом и мясом собак, когда дети бедных будут умирать с голоду. А когда им будет нечем топить, то он купит дровяной двор, ⟨...⟩ сложит кучу и весь истопит даром...» (стр. 86). Даже по отрывочным черновым записям можно почувствовать, каким страстным антибуржуазным пафосом будет проникнут роман. Под стать Ламберту и темная личность афериста, специалиста по продаже фальшивых акций и политического доносчика Стебелькова.

Чтобы пригвоздить к позорному столбу буржуазную «мораль», позволяющую покупать и продавать все, чтобы показать нравственную победу Подростка над этим хаосом и вообще чтобы свести вместе основные силы, сталкивающиеся в романе, Достоевский тщательно и долго готовит одну из финальных сцен, где Ламберт шантажирует Ахмакову, предъявляя ей «документ» (поскольку в этой сцене участвуют и Версилов и Аркадий, оба влюбленные в Ахмакову, она условно называется «Пожар.



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 9, л. 15

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Фатум любви»). Интересно, что характер странника Макара Долгорукого, который в качестве положительного героя, носителя «благообразия», противопоставлен миру беспорядка и безобразия, тоже, как и его нравственные антиподы, вошел и в замысел, и в роман уже «готовым» и сразу занял как бы заранее для него предназначенное место в сюжете.

Для проблематики романа в целом наиболее важны образы Подростка и Версилова. По рукописям видно, как продолжительно, обдумывая все pro и contra, Достоевский ищет решения, кто из них станет главным героем. Наконец, возникает запись от 23/11 июля: «ГЕРОЙ не Он, а *МАЛЬЧИК*», «*Он* же только аксессуар, но какой зато аксессуар!!». Потом, когда «мальчик» становится не только героем, но автором «Записок», Достоевский размышляет над тем, возможно ли в таком аспекте в изложении Подростка с достаточной ясностью представить читателю идеи Версилова, которым придается в романе очень большое значение. Возникает даже мысль, что Подросток может воспользоваться рукописью умершего Версилова и цитировать прямо из нее (стр. 162). Но всё-таки Достоевский отказывается от такого решения, считая, что рассказ юноши раскроет личность отца «в более фантастическом и так сказать, бенгальском огне» (стр. 96). Все это наглядно иллюстрирует исключительный интерес Достоевского в процессе работы к двум этим главным сложным характерам.

«Атеист» и представитель «молодого поколения» в одном из первых замыслов были уже соединены узами «случайного семейства». Это были два из трех сводных братьев (третий — фанатик Федор Федорович, стр. 67). Впоследствии родственные отношения героев изменились, но «случайное семейство» как признак разрушения традиционных, даже самых близких человеческих связей осталось. В новом варианте — это отец и сын (сначала пасынок, стр. 91), а затем — родной, но незаконный сын (стр. 92). Так и в романе. Но самое главное, что сближает Подростка с Версиловым, это не семейные отношения, почти разрушенные, а духовный интерес, духовная близость. На такой близости, полагал Достоевский, можно в будущем основать новый, высший тип связей между людьми (так думал он, изображая и братьев Карамазовых).

В центре романа — образ Аркадия Долгорукого: «*Первостепенно* лишь о подростке, т.е. поэма посвящена ему. Он герой» (стр. 180). В другом месте рукописи читаем: «Вообще это поэма о том, как вступил *подросток* в свет. Это история его исканий, надежд, разочарований, порчи, возрождения, науки—история самого милого, самого симпатичного существа. И жизнь сама учит, но именно его, подростка, потому что другого не научила бы» (стр. 112). Запись эта замечательна во многих отношениях. Во-первых, она еще раз подтверждает, что роман о Подростке есть история его духовного развития, заблуждений, падений и возрождения. Во-вторых, в ней отмечено резкое отличие Аркадия от героя «Жития...» (там— «волчонок», «преступник», который в конце концов вступает на праведный путь, здесь — самое милое, симпатичное существо). И, наконец, в ней выражена характерная для Достоевского мысль о том, что в обществе, которое губит и искажает людей, нужна громадная сила сопротивления, активная воля к добру самого человека, чтобы совершился процесс его перевоспитания. В данном случае эта мысль не имеет того христиански-моралистического оттенка, который встречается в других произведениях писателя. Вообще благодаря образу Аркадия «Подросток» — менее трагический, более светлый роман Достоевского.

В записях к роману большое место занимает авторское разъяснение «идеи» Подростка. Она есть результат обездоленности, гордости и жажды уединения. Великий реалист настаивает на полной социальной детерминированности «идеи»: «Роман пропадет и будет *искусственно-вынужденный*, если не будет: характера подростка, измученного, надломанного, страдающего и мрачного, с проблесками света и радости, удалившегося в свою мрачную идею и в столкновении с светом видящего вопросы, задачи, ужас. Так что тут только видно, каким образом подросток мог сочинить себе такую мрачную идею» (стр. 140).

Есть, однако, запись очень существенная, так как она относится к предполагавшемуся предисловию, в которой Достоевский пытается переключить конкретную социальную проблематику романа в план широких исторических и психологических категорий. Это его излюбленное объяснение духовной трагедии мыслящих русских

людей двухсотлетним отрывом интеллигенции от «почвы», возникшим в результате петровских реформ. Понятия душевного «подполья», трагического индивидуализма не получают в данном случае глубокого социального объяснения. Они выступают здесь как основная характеристика «русского большинства», как «жизнь общего правила». «Недоконченные люди (вследствие Петровск⟨ой⟩ реформы *вообще*)» (стр. 343). Но предисловие это не было написано.

Когда в первой главе «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский упомянул о «Подростке», он прежде всего отметил социальную обусловленность характера своего юного героя: «Я взял душу безгрешную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и „случайность" свою ⟨...⟩ Все это выкидыши общества, „случайные" члены „случайных" семей» [37].

В процессе развития сюжета Достоевский стремился показать соприкосновение Аркадия с самыми различными социальными силами: «Все элементы нашего общества обступили его разом» (стр. 178). Отмечается «фанатическая ненависть подростка против аристократов» и все растущее сопротивление влиянию Ламберта. Постепенно, по мере погружения в действительную жизнь, притягательность «идеи» как единственного средства для достижения свободы и могущества становится слабее, ее поэтический ореол меркнет: «Своя идея не выдержала и разом поколебалась. От того тоска». Вместо буржуазного «исхода», воплощенного в идее сделаться Ротшильдом, Подросток страстно ищет ответа на вопрос «что зло, что добро»: «Покажи вы мне тогда хоть капельку дороги, и я бы догадался и тотчас вскочил на правый путь» (стр. 288). Он всей душой понимает мудрость слов Версилова, что «богатырство выше всякого счастья». Под рубрикой «Главная идея» читаем: «Подросток хотя и приезжает с готовой идеей, но вся мысль романа та, что он ищет руководящую нить поведения, добра и зла, чего нет в нашем обществе, этого жаждет он, ищет чутьем, и в этом цель романа» (стр. 101).

В одном из неопубликованных отрывков черновой рукописи «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский замечает о «Подростке»: «Некоторые приняли, что я хотел выставить влияние денег на молодую душу, но у меня цель была обширнее» [38]. Аркадия влекут к себе люди, живущие высокими духовными интересами, внутренне противостоящие буржуазному «безобразию». Перед юношей возникает несколько новых «исходов» Самоубийство Крафта... Жизнелюбивая натура Аркадия не мирится с таким концом. Долгушинцы (в романе — дергачевцы) непонятны и чужды Подростку, хотя он и отдает должное их убежденности и искренности. По рукописям видно, что Достоевский не намерен был распространять эту тему и отводил ей второстепенную роль. В одном месте он подчеркивает: «Долгушин и проч. Васина — очень мельком» (стр. 173). И еще: «К чему служат Васин и Дергачев в романе? Ответ: как аксессуар, выдающий фигуру подростка и как повод к *окончательному разговору* подростка с НИМ» (стр. 388). В горячих возражениях Подростка долгушинцам слышна аргументация антигероя «Записок из подполья».

Как мы уже говорили, отношение писателя к идеям революционеров осталось, по существу, прежним, но в сравнении с большинством из современного поколения они вызывали его уважение: «теперь же пошли или ⟨...⟩ *равнодушные* тупицы или монахи; первые — *деловые*, часто застреливающиеся, а вторые коммунисты, Долгушин и верующие им. Есть третий разряд — чистокровные *подлецы*, но этот ⟨...⟩ разряд всегда и везде одинаков» (стр. 103). Наиболее интересная и симпатичная фигура среди долгушинцев — Васин. В черновиках ему уделено много места и образ его глубже, чем в романе. «А в будущее верю,— говорит он.— А впрочем, что же и делать, кроме революции, когда, кроме нее, нечего делать». На возражение Подростка, что «можно просто быть гражданином», делать отдельные добрые дела, Васин уверенно отвечает: «Это нельзя совсем, к сожалению». И далее идет замечательная метафора. Современное феодально-буржуазное государство представляется громадной машиной из «стали, чугуна, дерева и проч.» Но «вместо того, чтоб по тяжести и сложности машины всякая в ней часть была крепко связана одна с другой сильными спаями или винтами и проч., вообразите, что все это держится смазанное каким-нибудь клейстером или сахарными веревочками, всего, стало быть, на одну секунду: ветер дунет, и все рассыплется ⟨...⟩

Нет, уж лучше работать, чтоб машина поскорее рассыпалась, а там уж свою завести покрепче» (стр. 115). Диалога этого в окончательном тексте романа нет. Может быть, Достоевский почувствовал неотразимость тех аргументов, которые заключены в речи Васина? В черновиках Васин поставлен на огромную этическую высоту: «Не стоят люди Васина. А Христа?» (стр.191). Но ни долгушинцы, ни даже Васин не привлекают Подростка. «Васин, я не могу быть здесь,— говорит глубоко взволнованный Подросток,— я ошибкой пришел, мы два разных тела (тут не один разлад в идеях)» (стр. 257). «Васин колеблет его, но мысль не совпадает с его идеей (не понимает человека без собственности)» (стр. 191). В другом месте рукописи находим такой отзыв Подростка о революционерах: «Дергачев... разве это неблагородно? Они заблуждались, они мелко понимали, но они жертвовали собой на общее великое дело, хотя, конечно, в нем ничего не смыслили. Но я могу внести новую идею. Надо бы только изучить все это» (стр. 367).

Не вдохновляет Аркадия и религиозная проповедь Макара Долгорукого. К ней он относится лишь с сочувственным интересом — не больше. Достоевский удержался в данном случае от соблазна показать определяющее влияние Макара на душу Подростка. Хотя нравственный облик старца, его «благообразие» по контрасту со всем современным обществом сильно привлекают Аркадия.

Гораздо серьезнее воздействие на нравственный мир героя его матери («мамы», как она названа в романе). В этом идеальном женском образе, по мысли Достоевского, воплотились лучшие черты русского национального характера: твердость духа, самоотверженная любовь и всепрощение.

Самые заветные надежды Подростка обращены к Версилову. Образ этот претерпевает заметную эволюцию в рукописи. Не теряя общих, «родовых» черт, сближающих его со Ставрогиным, Версилов предстает одним из деятелей русского либерализма 50-х годов, принимавшим участие в проведении реформы в качестве мирового посредника (стр. 99). Вскоре разочаровавшись, он уезжает за границу. Судя по черновым записям, у Достоевского была мысль сблизить Версилова с русскими революционерами за границей, в частности с Герценом: «Есть ли русский, который бы не был в свое время в заговоре?» (стр. 406). Но потом писатель отказался от такого варианта. Версилов в основном созерцатель, скиталец. В его анализе русской и европейской жизни есть много верных наблюдений, глубоких мыслей, но нет идеологии, нет стержня. А именно этого жаждет Подросток, ибо без «главной» идеи не может быть деятельности. В Версилове все двойственно: атеизм и тоска по христианскому идеалу, презрение к человеку, который уподобляется мыши (стр. 264, 270), и мечта о счастье человечества, жестокость и великодушие. В отличие от Ставрогина, черты демонизма и даже некоторой аллегоричности в образе Версилова значительно ослаблены. Нет уже ни «жучка», ни тайных преступлений. Но Версилов тоже обречен на бездеятельность, ибо его раздвоенность — источник пассивности и полного (уже психического) краха в финале. Об этом заключительном аккорде, когда полубезумный Версилов разбивает икону, Достоевский думал еще в начале работы и на многих страницах отмечал для памяти: «рубка образов».

Есть в рукописи и другой вариант судьбы Версилова, впоследствии отвергнутый автором: «После всей тоски в финале Он вдруг исчезает. Подросток узнает, что он пошел в монастырь. Через месяц удавился в монастыре» (стр. 152).

Особенно подробно подготавливается Достоевским текст беседы Версилова с Подростком, текст его исповеди. Это один из наиболее значительных в идейном отношении эпизодов романа. О беседе с Версиловым, как известно, Аркадий мечтал долгие годы и втайне надеялся,что перед той истиной, которую «Он» ему откроет, его собственная «идея» покажется ничтожной. В разговоре Версилова с сыном предстают два поколения — «отцы и дети». Как часть большого замысла о современных «отцах» и «детях» характеризует Достоевский в «Дневнике писателя» 1876 г. свой недавно законченный роман: «Когда, полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для „Отечественных записок“, я чуть было не начал тогда моих „Отцов и детей“, но удержался, и слава богу: я был не готов. А пока я написал лишь „Подростка“,— эту первую пробу моей мысли» [39].

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ CCXVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 36).
1875.

ПОДРОСТОКЪ.

ЗАПИСКИ ЮНОШИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава первая.

I.

Не утерпѣлъ, я сѣлъ записывать эту исторію моихъ первыхъ шаговъ на жизненномъ поприщѣ, тогда какъ могъ бы обойтись и безъ того. Одно знаю навѣрно: никогда уже болѣе не сяду писать мою автобіографію, даже если проживу до ста лѣтъ. Надо быть слишкомъ подло влюбленнымъ въ себя, чтобы писать безъ стыда о самомъ себѣ. Тѣмъ только себя извиняю, что не для того пишу, для чего всѣ пишутъ, т. е. не для похвалъ читателя. Если я вдругъ вздумалъ записать слово въ слово все, что случилось со мной съ прошлаго года, то вздумалъ это вслѣдствіе внутренней потребности: до того я поражонъ всѣмъ совершившимся. Я записываю лишь событія, уклоняясь всѣми силами отъ всего посторонняго, а главное отъ литературныхъ красотъ; литераторъ пишетъ тридцать лѣтъ и въ концѣ совсѣмъ не знаетъ, для чего онъ писалъ столько лѣтъ. Я—не литераторъ, литераторомъ быть не хочу. и тащить внутренность души моей и красивое описаніе чувствъ на ихъ литературный рынокъ почелъ бы непріличіемъ и подлостью. Съ досадой, однако, предчувствую, что кажется нельзя обойтись совершенно безъ описанія чувствъ и безъ размышленій (можетъ быть даже пошлыхъ): до того развратительно дѣйствуетъ на человѣка всякое литературное занятіе, хотя бы и предпринимаемое единственно для себя. Размышленія же могутъ быть даже очень пошлы, потому что то, что самъ цѣнишь — очень возможно, не имѣетъ никакой цѣны на

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1875 г.

(По общей нумераціи тома CCXVIII).

Январь № 1.

	стран.
УНЫНІЕ. Стих. Н. Некрасова.	5
ПОДРОСТОКЪ. Романъ. Часть первая. Ѳ. Достоевскаго.	11
БРОДЯЧАЯ РУСЬ. III. Нищая братія. С. Максимова.	101
СЕСТРѢ (Изъ Байрона). Стих. Н. Гербеля.	141
БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ. XIII. Н. Щедрина.	145
ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА ВЪ АВСТРАЛІИ. I. Переѣздъ до Австраліи.—II. Мельбурнъ.—III. Китайцы въ Австраліи.—Европейскіе обитатели. IV. Австралійскій піонеръ.—V. Политическія и общественныя учрежденія Викторіи.—VI. Золотоносный промыселъ.	179
MELIORA LATENT. Разсказъ мистриссъ Линъ-Линтонъ.	217

Февраль № 2.

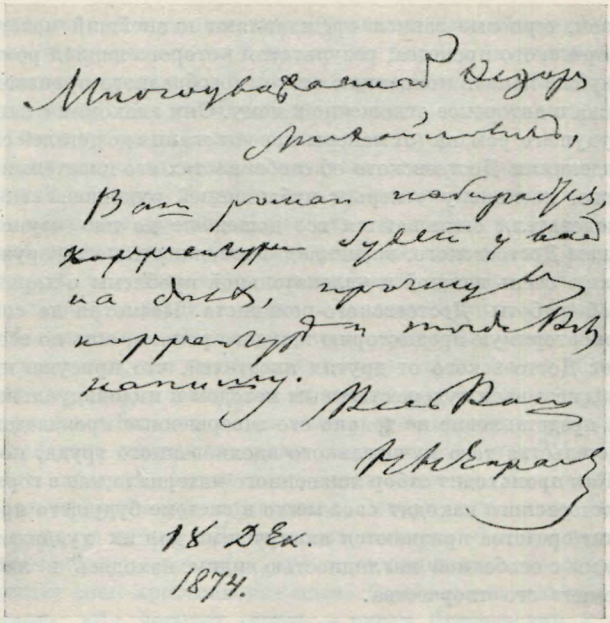
ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА ВЪ АВСТРАЛІИ.—VII. Стада и луговая жизнь.—VIII. Черные.—Прощанье съ Викторіей.—IX. Ванъ-Дименова земля.—X. Сидни.—XI. Восточный берегъ Австраліи.—XII. Австралійскіе людоѣды.—Политическія гаданія.	269
МЫСЛЬ. Стих. А. Яхонтова.	321
ПЕРЕПИСКА ДВУХЪ БАРЫШЕНЬ. (Изъ матеріаловъ для изученія современныхъ понятій объ отвлеченныхъ предметахъ). М. Авдѣева.	323
REQUIEM. (Изъ Драммора). Стих. Д. Михаловскаго.	347
ПОДРОСТОКЪ. Романъ. Окончаніе первой части. Ѳ. Достоевскаго.	349
БОРЬБА ЗА ДУХОВНУЮ ВЛАСТЬ И СВОБОДУ СОВѢСТИ ВЪ XVI—XVII СТОЛѢТІИ. I—V. М. Драгоманова.	445
ЭЛЕГІЯ. (А. Н. Е—ву). Стих. Н. Некрасова.	495
ДУРАКЪ. Разсказъ Бретъ-Гарта.	497

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК»
«Отечественные записки». 1875, № 1
Титульный лист. Начало публикации. Оглавление тома

Версилов, как написано в черновиках,— тип «высшей интеллигенции» — «цивилизованный и отчаянный», «бездеятельный и скептический». Аркадий же: «Молод〈ое〉 поколение — подросток, лишь с инстинктом, ничего не знающий» (стр. 178). Конечно, *такой* Версилов немногому мог научить Подростка, не мог указать ему пути, хотя есть в рукописи одно место, где он советует Аркадию идти «в народ» (стр. 413). В конце концов он откровенно признается, что вести за собой никого не может, так как его «странствия как раз кончились и как раз сегодня 〈...〉 Сегодня финал последнего акта, и занавес опускается» [40].

Но есть в духовном опыте Версилова то, что нужно и дорого сыну, что не пропадет и по-своему перейдет к новым поколениям. Это — живая, личная заинтересованность в судьбах человечества. Она, по убеждению Версилова, станет характерной особенностью психологии людей будущего: «Пусть я умру без следа, но останется в них память о том, что я жил и любил их, а когда прейдут и они, а настанут совсем другие, то и тысячелетия спустя будут помнить новые люди об нас всех, прежде живших, что мы жили и любили их раньше, чем они пришли на свет, и желали бы видеть их счастье. И пусть под конец кончится вся земля и потускнеет солнце, но все-же где-нибудь [в мировой гар〈монии〉] останется мысль, что все это было и *послужило чем-то* [мировой гармонии] всему — и люди полюбили бы эту мечту» (стр. 433). Раздвоенность, противоречивость Версилова завели его в тупик, но, как знать, может быть, дети будут счастливее? Мысль (выраженная, правда, с большими ограничениями, но все-таки выраженная) о некоей плодотворной преемственности идей, переходящих от «русских европейцев» к современному поколению, разительно отличает «Подростка» от «Бесов». Аркадию по душе уверенность Версилова, что «богатырство выше всякого счастья», так же как и его мечта о «золотом веке», которая потрясла сердце юноши [41]. В сочувствии юноши Версилову ощущается и отношение самого автора. Из всех атеистов, когда-либо изображавшихся Достоевским, Версилов наиболее симпатичен ему, оттого, вероятно, что наименее последователен. Это — единственная в своем роде попытка писателя изобразить атеиста, который жаждет веры. Поэтому картина «золотого века», поначалу совершенно атеистическая, неожиданно завершается явлением Христа. Описывая любовь людей друг к другу в будущем обществе, Версилов замечает: «... эта мысль, что они останутся, всё так же любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече» [42]. И далее: «...но замечательно, что я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, „Христа на Балтийском море". Я не мог обойтись без него, не мог не вообразить его, наконец, посреди осиротевших людей» [43]. Те же глубокие противоречия, не сводимые ни к какой единой точке зрения, заключены в суждениях Версилова о революции и коммунизме. Свидетель Парижской коммуны, он понимает ее историческую закономерность, но отрицает такой способ борьбы: «Только я один, между всеми петролейщиками, мог сказать им в глаза, что их Тюильри — ошибка; и только я один, между всеми консерваторами-отмстителями, мог сказать отмстителям, что Тюильри — хоть и преступление, но все же логика» [44].

Интересно, что некоторые черты Версилова перешли к нему из характеристики Федора Федоровича. В замысле образ Федора Федоровича претерпел определенную эволюцию. Поначалу он хотя и предан «нескольким социальным идеям», «но не верит в коммунизм» (стр. 65). В дальнейшем оказывается, что он коммунист, критикующий Христа. Однако после истории с подкинутым младенцем — «*непосредственно* становится любителем детей и христианином», не переставая быть коммунистом: «воспламеняет детей учениями коммунизма» (стр. 68). «Недалеко еси от царствия небесного, говорит ему один. Ты смешал христианство с коммунизмом. Но эту несовместимую смесь делают и теперь многие. А пока кровь и пожары (драгоценности Тюильри). Но кровь и пожары не смущают Фед〈ора〉 Фед〈орови〉ча. А драгоценности будут лучше, в тысячу раз выше» (стр. 68). Однако попытка сочетать коммунистические и христианские идеи в характере цельного, деятельного героя показалась Достоевскому, по всей вероятности, малоубедительной. Как известно, он считал атеизм неотъемлемым от коммунистической идеологии, построенной «на основе науки и разума», и в этом отношении был достаточно проницателен. Образ Федора Федоровича в том виде, как он сло-



18 Дек.
1874.

ПИСЬМО Н. А. НЕКРАСОВА К ДОСТОЕВСКОМУ ОТ 18 ДЕКАБРЯ 1874 г. С СООБЩЕНИЕМ О ПЕЧАТАНИИ РОМАНА «ПОДРОСТОК» В «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСКАХ»

Автограф

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

жился в первоначальном замысле, очевидно, не удовлетворил писателя, так как выглядел нереальным *. Другое дело — Версилов. В его раздвоенном мировоззрении не деятеля, а созерцателя вполне совместимы и логическое оправдание революции и некоторые «нелогичные» симпатии к христианству. Так и осталось в романе. Отношения с Версиловым — важный этап нравственного развития Подростка. В финале Аркадий ощущает себя окрепшим духовно, прошедшим через многие искушения капиталистического «беспорядка», освободившимся от ротшильдовской «идеи» во имя новой жизни. Дальнейший путь его еще далеко не ясен, но очевидно одно — он сделался твердым и страстным противником современного буржуазно-дворянского мира. На такой конец романа внутренне ориентированы очень многие черновые записи, более того,— с этим органически связана работа Достоевского над другими образами, над содержанием произведения в целом.

* К тому же кругу вопросов, которые занимали Достоевского при обдумывании характера Федора Федоровича, он отчасти вернулся в связи с образом Алеши Карамазова. Во втором романе «Братья Карамазовы», задуманном, но не осуществленном, писатель хотел, видимо, еще раз обратиться к проблеме «совместимости» революционных и христианских идей. Судя по известной записи в «Дневнике» А. С. Суворина, Достоевский собирался своего Алешу «провести через монастырь и сделать революционером» («Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. 2, М., Гослитиздат, 1964, стр. 328—329). Но есть основания предполагать, что, уйдя из монастыря, Алеша в «этих поисках» мог приобщиться и к атеизму. На такую возможность как бы намекает замечательная деталь из разговора Алеши с Лизой Хохлаковой в начале книги «Pro и contra». Разговор происходит сразу же после знакомства Алеши со штабс-капитаном Снегиревым и его горького рассказа о страданиях Илюши. «Я монах, монах? Монах, я, Lise? Вы как-то сказали сию минуту, что я монах?— Да, сказала.— А я в бога-то вот, может быть, и не верую.— Вы не веруете, что с вами? — тихо и осторожно проговорила Lise. Но Алеша не ответил на это. Было тут, в этих слишком внезапных словах его нечто слишком таинственное и слишком субъективное, может быть, и ему самому неясное, но уже несомненно его мучившее» (т. 9, стр. 277). Именно в таком состоянии духа Алеша встречается с Иваном и слушает его исповедь в главе «Бунт».

Таким образом, черновые записи представляют ценнейший материал для изучения сложного творческого процесса, результатом которого явился роман «Подросток». Они помогают глубже понять концепцию этого своеобразного произведения, характер каждого персонажа и авторское отношение к нему. Они знакомят с напряженными поисками формы будущего романа (от манеры повествования до деталей сюжета) и с интереснейшими суждениями Достоевского об особенностях его писательского мастерства.

Но кроме этого, поскольку теперь, с публикацией рукописей «Подростка», в распоряжении исследователя оказываются все дошедшие до нас черновые материалы к большим романам Достоевского, возникает возможность во всеоружии фактов приступить к изучению очень важной и увлекательной проблемы о характерных особенностях творческой работы Достоевского-романиста. Несмотря на совершенно индивидуальную и неповторимую предысторию каждого романа, есть во всех них нечто общее, что отличает Достоевского от других писателей, что присуще именно и только ему. О том, что мы называем художественным методом и индивидуальным стилем писателя, могут дать представление не только его завершенные произведения, но и документальные свидетельства того мучительного вдохновенного труда, который скрыт от взора читателя. Как происходит отбор жизненного материала, как в горячем споре между собой идеи Достоевского находят свое место в системе будущего произведения, какие стилистические средства признаются наилучшими для их художественного воплощения,— все это мы с особенной наглядностью видим, находясь в лаборатории писателя в самый момент его творчества.

ПОЭТ И ХУДОЖНИК

Воспользуемся определениями самого Достоевского для характеристики основных стадий его писательского труда. Дело «поэта», как пояснял он в уже цитированной нами записи,— пережить действительность сердцем, в результате чего воображение автора создает предварительный, общий план произведения. Свою громадную работу по «выдумыванию планов» каждого нового романа Достоевский, по-видимому, относил к «делу поэта». Следующий этап — деятельность «художника», когда поэтический замысел должен быть конкретизирован и воплощен в самом произведении, сначала — в набросках к нему, а затем — в окончательном тексте. Разумеется, границы между работой «поэта» и «художника» очень условны, и Достоевский подчеркивал: «художник и поэт помогают друг другу и в том и в другом — в обоих случаях». Этими понятиями — «поэт» и «художник» — Достоевский пользовался постоянно и, можно сказать, упорно. Еще в письме к А. Н. Майкову из Флоренции от 15/27 мая 1869 г. он подробно выразил ту же мысль, которую мы находим в записях к «Подростку»: «...поэма, по-моему, является как самородный драгоценный камень, алмаз, в душе поэта, совсем готовой, во всей своей сущности, и вот это первое дело поэта, как создателя и творца, первая часть его творения. Если хотите, так даже не он и творец, а жизнь, могучая сущность жизни... ⟨...⟩ Затем уже следует второе дело поэта, уже не так глубокое и таинственное, а только как художника: это, получив алмаз, обделать и оправить его» [45]. Твердое убеждение Достоевского, выношенное годами,— что «поэт» в нем сильнее «художника», что его замыслы всегда грандиознее, лучше воплощения. «Будучи больше поэтом, чем художником, я вечно брал темы не по силам себе» [46]; «То-то и есть, что все беру темы себе не по силам. Поэт во мне перетягивает художника всегда, а это и скверно» [47]; «Я не спросясь со средствами и увлекаясь поэтическим порывом, берусь выразить художественную идею не по силам» [48]. В такой самооценке играло, конечно, роль чувство неудовлетворенности результатами своего труда, которое нередко встречается у требовательных художников. Достоевский вспоминает в этой связи дорогие ему имена Гюго и Пушкина: «Так сила поэтического порыва всегда, например, у Hugo сильнее средств исполнения. Даже у Пушкина замечаются следы этой двойственности» [49]. Но, кроме этого, Достоевский отлично понимал специфические особенности своей страстной и противоречивой творческой натуры, которые подчас мешали ему создавать гармонические произведения. На замечание в письме Страхова: «Мне все кажется, что вы до сих пор не управляете вашим талантом» [50], Достоевский горячо и со-

чувственно откликнулся: «Вы ужасно метко указали главный недостаток. Да, я страдал этим и страдаю; я совершенно не умею, до сих пор (не научился) совладать с моими средствами. Множество рассказов и повестей разом втискивается у меня в один, так что ни меры, ни гармонии. Все это изумительно верно сказано вами, и как я страдал от этого сам уже многие годы, ибо сам сознал это» [51].

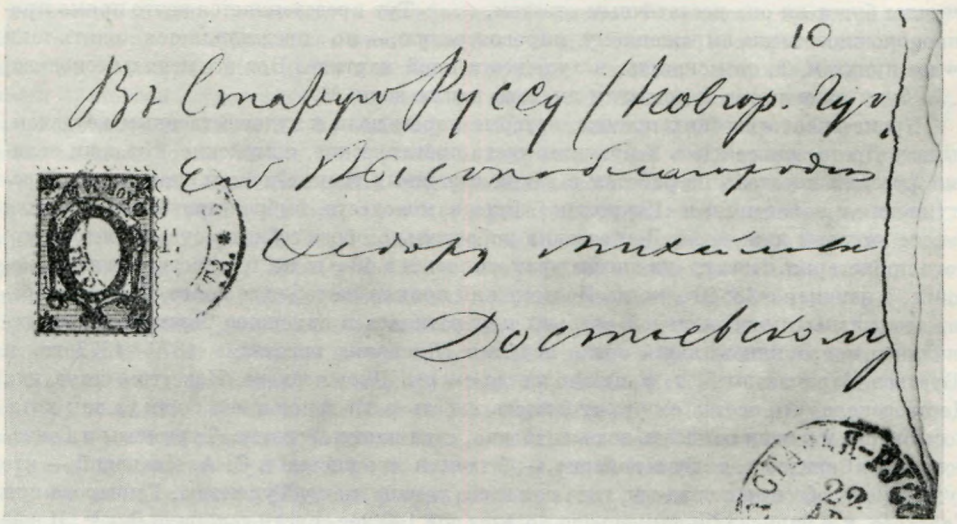
Во время работы над «Подростком» писатель ставит перед собой задачу сосредоточиться на основном действии, не распылять внимания читателя, не отвлекать его на второстепенные сюжеты: «1-е правило. Избегнуть ту ошибку в „Идиоте" и в „Бесах", что второстепенные происшествия (многие) изображались в виде недосказанном, намёчном, романическом, тянулись через долгое пространство в действии и сценах, но без малейших объяснений в угадках и намеках, вместо того, чтобы *прямо объяснить истину*. Как второстепенные эпизоды они не стоили такого капитального внимания читателя, и даже, напротив, тем самым затемнялась главная цель, а не разъяснялась, именно потому, что читатель, сбитый на проселок, терял большую дорогу, путался вниманием.— Стараться избегать и второстепенностям отводить место незначительное, совсем короче, а действие совокупить лишь около героя» (стр. 211—212).

И все же мысль писателя, что он часто берет «идею не по силам», была вызвана не только своеобразием его натуры художника. Острая неудовлетворенность, которая очень часто выражается в письмах Достоевского с конца 60-х годов, связана, на наш взгляд, с ощущением великого реалиста, что он не может сколько-нибудь убедительно воплотить в искусстве свои христианские идеи. Сомнения начались во время работы над романом «Идиот»: «Из четырех героев,— писал Достоевский А. Н. Майкову,— два обозначены в душе у меня крепко, один еще совершенно не обозначился, а четвертый, т. е. главный, т. е. первый герой,— чрезвычайно слаб. Может быть, в сердце у меня и не слабо сидит, но — ужасно труден» [52]. Тревога Достоевского по поводу художественного выполнения задуманного достигла апогея в его известном письме к Победоносцеву о книге «Русский инок», которая должна была стать ответом на «Бунт» Ивана Карамазова: «Ответу на все эти атеистические положения у меня пока не оказалось, а их надо. То-то и есть и в этом-то теперь моя забота и все мое беспокойство. Ибо ответом на всю эту отрицательную сторону я и предположил быть вот этой 6-й книге «Русский инок», которая появится 31 августа. А потому и трепещу за нее в том смысле: будет ли она достаточным ответом. ⟨...⟩ Тут представляется нечто прямо противоположное выше выраженному мировоззрению,— но представляется опять-таки не по пунктам, а, так сказать, в художественной картине. Вот это меня и беспокоит, т. е. буду ли понятен и достигну ли хоть каплю цели» [53].

Кроме идеологических причин, которые порою вели к художественным неудачам, были у Достоевского здесь и причины чисто практические, житейские. Ни один великий русский писатель не работал в таких страшных тисках нужды, как автор «Преступления и наказания» и «Подростка». Еще в молодости, выбрав призвание писателя вместо карьеры инженера, Достоевский добровольно обрек себя на судьбу литературного пролетария. Писать «из хлеба» приходилось и в 40-е годы, и по возвращении с каторги, а начиная с 1864 г., когда Достоевский принял на себя все долги умершего брата, его жизнь с материальной стороны превратилась в сплошное бедствие. Дела несколько поправились лишь после издания «Дневника писателя» 1876—1877 гг. и «Братьев Карамазовых», т. е. незадолго до смерти Достоевского. Известны сетования Достоевского, что всегда ему приходилось писать ради денег и «на срок», а так хотелось бы раз в жизни написать вещь свободно, «как пишут Толстые, Тургеневы и Гончаровы» [54]. «Верите ли, я знаю наверно,— читаем в его письме к С. А. Ивановой,— что будь у меня обеспечено два-три года для этого романа, как у Тургенева, Гончарова или Толстого, и я написал бы такую вещь, о которой 100 лет спустя говорили бы» [55]. И еще (в письме к Н. Н. Страхову): «Мне все обходится дороже, чем другим. Боже, что другие-то литераторы делают с редакторами, да еще нарочно, а не потому, что нужда колотит в загорбок молотом, и им все сходит» [56]. В романе «Униженные и оскорбленные» (1861) автобиографический герой, писатель Иван Петрович, тоже принужден работать ради денег. «Вон С***, тот в два года по одной повести пишет,— говорит ему Наташа,— а N* в десять лет всего только один роман написал. Зато как у них отчеканено, отдела-

но, ни одной небрежности не найдешь.— Да, они обеспечены и пишут не на срок, а я — почтовая кляча!» — отвечает Иван Петрович [57]. С***,— по всей вероятности, Л. Н. Толстой, публиковавший с промежутками в два года отдельные части трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». N*,— несомненно, Гончаров, который писал «Обломова» десять лет (с 1849 по 1859 г.). Интересно в этом смысле письмо Гончарова Е. В. Толстой как раз во время работы над «Обломовым», в канун 1856 г.: «А романа нет как нет. ⟨...⟩ Этот требует благоприятных, почти счастливых обстоятельств, потому что фантазия, участие которой неизбежно в романе, как в поэтическом произведении, похожа на цветок; он распускается и благоухает под солнечными лучами, и она развертывается от лучей... фортуны. А где их взять?» [58] Достоевский никогда не имел возможности ждать, пока цветы фантазии распустятся и заблагоухают под лучами фортуны. Он работал лихорадочно, превозмогая нужду, тяжелое самочувствие после эпилептических припадков, а иногда даже большое горе (смерть близких). Великий труженик, он еще был принужден бояться, что не успеет вовремя доставить рукопись, не оправдает надежд редакции, окажется несостоятельным должником. И при этом — ни на мгновение не покидающая писателя высокая требовательность, готовность, несмотря на то, что многое уже написано, перечеркнуть всё и начать работу заново.

Глубочайшего драматизма исполнена творческая история романа «Идиот». Когда первая часть была уже написана и готова к отправке в «Русский вестник», когда Достоевский, и так уже запоздавший, уверил Каткова, что рукопись будет в редакции к началу декабря 1867 г., он вдруг уничтожил весь текст и начал роман по совершенно другому плану. В неопубликованном «Дневнике» А. Г. Достоевской, за вторую половину 1867 г., читаем: «В субботу 21⟨декабря—*Л.Р.*⟩ Начал диктовать новый роман, старый брошен. *От 23 до 31 числа* время прошло очень быстро: вечером диктовали, а утром переписывали» [59]. «Уверяю вас,— сообщал Достоевский Майкову сразу после этого события,— что роман мог бы быть посредствен; но опротивел он мне до невероятности именно тем, что посредствен, а не положительно хорош. ⟨...⟩ Затем (так как вся моя будущность тут сидела) я стал мучиться выдумыванием нового романа. Старый не хотел продолжать ни за что. Не мог. Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее)



КОНВЕРТ ПИСЬМА Н. А. НЕКРАСОВА К ДОСТОЕВСКОМУ ОТ 20 АВГУСТА 1875 г., АДРЕСОВАННОГО В СТАРУЮ РУССУ

Автограф

В письме Некрасов сообщает о ходе печатания романа «Подросток» в «Отечественных записках»

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

СТАРАЯ РУССА. ОБЩИЙ ВИД

Фотография 1880-х годов с надписью А. Г. Достоевской:
«Река Перерытица, на берегу которой находится дом Ф. М. Достоевского. Влево виднеется Школа (имени Достоевского)»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался — не понимаю. Наконец 18-го декабря я сел писать новый роман» [60]. Как бы обобщая происшедшее, Достоевский восклицает: «Вы знаете, что такое значит *сочинять*? Нет, слава богу, вы этого не знаете! Вы на заказ и на аршины, кажется, не писывали и не испытывали адского *мучения*»[61]. Нечто аналогичное произошло с «Бесами». Достоевский обещал Каткову начать присылать роман с середины 1870 г., а в самом начале августа уже написанные 15 листов были целиком забракованы. «Вся работа всего года уничтожена,— сообщает Достоевский С. А. Ивановой.— О Сонечка! Если б вы знали, как тяжело быть писателем, то есть выносить эту долю!» [62]

Работа Достоевского над большими романами (после того как Анна Григорьевна начала их стенографировать) обычно строилась таким образом, что самое значительное время было отдано «выдумыванию планов». Планов сменялось множество. Новые мысли, образы, сюжеты стремительно возникали в воображении писателя. Поистине неистощима его творческая фантазия, хотя она включена в известную нам идейную концепцию Достоевского, которая особенно отчетливо ощущается в его творческих поисках последнего десятилетия. Еще в период «черновой» работы (иногда раньше, как было с «Подростком», иногда позже — по поводу «Преступления и наказания») Достоевский ведет переговоры с издателями. Для «Преступления и наказания» он мог уже представить сразу развернутый проспект произведения (черновик письма Каткову с изложением его находится в тетради с творческими записями к роману). «Я всегда всю жизнь работал тем, кто давал и давали мне вперед деньги. Так оно всегда случалось и иначе никогда не было,— писал Достоевский Страхову.— Это худо для меня с экономической точки зрения, но что ж делать! Зато я, получая деньги вперед, всегда продавал уже нечто имеющееся, т. е. продавался только тогда, когда поэтическая идея уже родилась и по возможности созрела. Я не брал денег вперед на пустое место, т. е. надеясь к данному сроку выдумать и сочинить роман. Я думаю, тут есть разница» [63]. Только имея уже определенный план романа, пусть еще в самом общем виде, Достоевский решался договариваться о сроках, но, как мы знаем, и после этого

многое могло измениться радикально. Хотя «художник» вступал в свои права, «дело поэта» продолжалось.

Сменяющиеся планы каждого романа Достоевского могут быть рассмотрены как определенным образом записанные различные его редакции. Если редакции романов Толстого предстают перед нами в связном художественном тексте, то редакции Достоевского — конспективные наброски, сделанные для себя. Это — некая схема будущего романа, которая уже завтра может быть дополнена, исправлена или совсем изменена. Так, в черновиках к «Подростку» после попытки соединить поэму о детях с образом «хищного типа» возникает сюжет романа о трех братьях («атеист», «фанатик» и «молодое поколение»), в ходе дальнейших размышлений центральным героем становится «Он» (новая редакция). Достоевский всесторонне обдумывает этот характер (стр. 70—74) и отношения с другими персонажами: замучил жену, страстно влюблен в княгиню, жестоко обращается с каким-то мальчиком (видимо, пасынком), вступает в любовные отношения с падчерицей Лизой, которая затем кончает самоубийством («У него две смерти на душе〈...〉 жучок *беспорядка*»; стр. 73). Затем появляется мысль сделать главным героем Подростка и в соответствии с этим перестраивается, но не сразу, система действующих лиц (еще одна редакция). К этому времени относится, в частности, запись крупными буквами: «Все поправить можно тем, что Он и ст〈арый〉 князь *не* на родных сестрах женаты» и т. д. (стр. 78). Записью: «1-е августа. *Идея*. Не отец ли Он современный, а подросток сын Его? (*Обдумать*)» (стр. 88), начинается работа над новой конструкцией романа. Как еще одну своеобразную редакцию можно выделить замысел, при котором Лиза, превращаясь в женский вариант «хищного типа», становится главным двигателем всей интриги: «*Идея романа*. Хищный тип — женский, Лиза, а не *Он*» (стр. 106), «Подросток сгорает жаждою добра и не знает, как решить про отца, а Лиза—демон» (стр.106). Внимательно подготавливается и неоднократно подробно записывается начало романа в этой редакции (сцена встречи Подростка с Лизой в вагоне поезда, их случайное знакомство). Странно, что Достоевский не обращает внимания на сходство такой завязки с началом романа «Идиот». В этой редакции особо отмечена (под рубрикой «Главнейшее») дружба Подростка с «бедным мальчиком», очевидно, тем самым, которого третирует Он (стр. 112). На этом этапе уже достаточно хорошо разработана и «идея» Подростка, и тема долгушинцев, и некоторые стороны взаимоотношений подростка с Ним. Но Он несет еще много активных черт «хищного типа». 31 августа Достоевский как будто уже готов приступить к созданию романа по последнему плану: «Обдумывать 1-ю часть,— пишет он,— т. е. уже подробности в подробностях» (стр. 140). И назавтра, 1 сентября, действительно составляет «План первых глав»: «Вагон, Лиза, приезд в Петерб〈ург〉 и проч.— Прием у теток. К Нему, не застал, мачеха и Лиза» и т. д. (стр. 143). Однако вскоре писатель сильно видоизменяет весь план. В подготовке следующей редакции заметное место принадлежит проблеме формы повествования: от чьего лица вести рассказ: от Подростка или от автора?

Новый план романа значительно отличается от предыдущих: в него входит фигура старца Макара Долгорукого, и образ Лизы резко меняется, приближаясь к положительной характеристике в окончательном тексте.

Аналогичную картину интенсивной смены одного плана другим встречаем и в черновых записях к роману «Идиот»[64]. В отличие от рукописей «Подростка», первая тетрадь набросков к «Идиоту» открывается большим подробным проспектом нового романа, обдуманным, очевидно, еще заранее. Однако, несмотря на столь основательную, иногда даже детальную, разработку замысла, он лишь отдаленно предвосхищает некоторые особенности будущего произведения. В целом — перед нами сюжет совершенно другого произведения, совсем не похожего на роман «Идиот». И хотя с самого начала роман был задуман под тем же названием, герой его, как известно, представлял во многих отношениях прямую противоположность будущему Мышкину. Уже первый план романа свидетельствует о желании Достоевского дать глубокий социальный анализ пореформенной русской жизни. В центре — «разорившееся помещичье семейство (порядочной фамилии)» с явными признаками быстро развивающейся буржуазности. Старший сын — «балованный матерью, обожаемый красавец, но умевший понять свое положение», «из самых буржуазных натур». Его сестра — «глупа, жестока и буржу-

ДОМ ДОСТОЕВСКОГО В СТАРОЙ РУССЕ
Фотография 1881 г.
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

азна», жених сестры — «офицер, дающий под залог деньги». Отец семейства «быстро падает с последними, отчаянными и ужасно глупыми расчетами достать денег». Он не только «все промотал за границей, но еще многие чрезвычайные долги его поданы, наконец, за границей из России ко взысканию». Семейство обращается за помощью к дяде, о котором сказано, что это — «лицо капитальное всего романа», «уединившийся ростовщик, но ростовщик с поэзией» (здесь впервые намечены отдельные черты будущего героя повести «Кроткая»). Младший сын в семействе — Идиот. «Прослыл Идиотом от матери, ненавидящей его. Кормит семейство, а считается, что ничего не делает. У него падучая и нервные припадки». Униженное положение и озлобленность определяют главные черты характера Идиота — «самовладение от гордости (а не от нравственности) и бешеное саморазрешение всего», «... он бы мог дойти до чудовищности, но любовь спасает его». Таким образом, Идиот предстает человеком, одержимым сильными и противоречивыми страстями. Как некий антипод главного героя появляется сын дяди, рекомендуемый им в качестве социалиста. «Но он не социалист, напротив, он находит в социализме, кроме неосуществимости, мало идеала. Экономическое распределение, хлебный вопрос». Образ сына, так же, как образ самого Идиота в окончательной редакции, связывается с именем Христа: «Христос. Сын отчасти поражает Идиота еще прежде», «Сын благороднейшая фигура». Сложные любовные перипетии связывают главную героиню — женщину «капризно-вызывательного и поэтического характера», которая несомненно «выше своей среды», а также воспитанницу — забитую и мстительную девушку под именем Миньона с Идиотом, дядей и сыном. По

первому плану Достоевский делает приблизительную «постройку хронологическую», т. е. распределяет описания и события в соответствии с развитием сюжета: «1) Семейный совет ⟨...⟩, 2) Подробности об Идиоте ⟨...⟩, 3) Вечер с дядей» и т. д. вплоть до конца: «10) Вдруг объявляется свадьба дяди и Миньоны. Миньона все раздает. 11) ⟨...⟩ Дядя умирает. Сын и Миньона сходятся». Но вскоре возникает «новый и последний план» с новыми действующими лицами (кроме уже известных раньше). Это — «генерал-лейтенант и его семейство — лица, считающие себя важными. У них два сына, старший подает надежды, младший — убийца, и дочь 25 лет». В семействе Идиота вместо Миньоны появляется героиня под именем О⟨льги⟩ У⟨мецкой⟩, повлиявшая отчасти на создание образа Настасьи Филипповны. «Помню, что зимою 1867 года Ф. М. интересовался подробностями нашумевшего в то время процесса Умецких,— сообщает А. Г. Достоевская.— Интересовался до того, что героиню процесса Ольгу Умецкую намерен был сделать (в первоначальном плане) героиней своего нового романа. Так она и занесена под этой фамилией в его записной книжке. Жалел он очень, что мы не в Петербурге, так как непременно отозвался бы своим словом на этот процесс»[65]. Судебный процесс по делу «о дочери помещика Ольге Умецкой, обвиняемой в поджогах, и о родителях ее, Владимире и Екатерине Умецких, обвиняемых в злоупотреблении родительской властью», происходил в Кашире в середине сентября 1867 г. Четырнадцатилетняя девочка Ольга Умецкая, доведенная до крайнего отчаяния жестоким обращением родителей, пыталась бежать, покончить с собой и, наконец, совершила несколько поджогов в усадьбе. В результате одного из них сгорел помещичий дом.

Несмотря на то, что Достоевский назвал этот свой план последним, он через очень короткое время был заменен другим, но тоже ненадолго. Перед текстом нового плана в правом верхнем углу, как бы в виде эпиграфа, написано: «Забитый». Надпись определяет главную тему романа в данном варианте. Об Идиоте сказано: «Всех и всего стыдится, своих затаенных чувствований, дик, забит. Делает подлости со зла и думает, что так и надо (№ № №. В гордости ищет выхода и спасения). Кончает божественным поступком (№ Провести нить характера, то будет занимательно)». Далее отмечается, что герой— не просто забитый. «Просто забитый — ничего не будет, кроме забитого. Старая тема, изношенная, и пропадет вся главная и новая мысль романа». Нужно показать, «какой человек забит». Героиня одновременно и увлекается им и пугается его.

В следующий план под названием «Окончательный», но в действительности очень далекий от конца, Достоевский вводит новых лиц, которые группируются вокруг главной героини. Один из них — инженер (у инженера мать, сестра и бедный отец, майор, без ног). Другой — сенатор, сватался, но получил отказ. По этому же плану Ольга Умецкая входит в генеральское семейство «с мщением против своих. Но потом возненавидела и приготовилась мстить и генеральскому семейству». Однако самое главное в новом плане — «перемещение» Идиота из прежней семьи в семью «дяди». «Идиот — сын „дяди". Может быть, пасынок» — читаем в другом месте [66]. «Дядя. Два сына. Идиот побочный, а другого не признает за законного и живет врозь»[67],— характерная для Достоевского тема «случайного семейства», когда «все врозь» и «даже дети врозь». Позднее говорится, что Идиот — законный сын, но отверженный с детства. «Не сделать ли так, что мать Идиота жива (характер)». Оказывается, она живет в Петербурге. Когда-то она бежала от дяди с купцом, оставив ему Идиота. («Идиот отыскивает мать, грязь, ужас и характер»[68]). Сам же он воспитывался в провинции у Умецких. Теперь эта сильная и противоречивая натура видится автору несколько по-иному. Жажда самоутверждения выливается в мечту стать банкиром и «всех держать под ногами в цепях». Обездоленный сын ростовщика, «не миллионер, а нищий», как объясняет Достоевский, «в развитии и в окружающей среде он почерпнул все эти яды и начала»[69]. Очевидное сходство этого мотива с темой будущего Аркадия Долгорукого подтверждается следующей записью: «Вопрос капитальный: в чем фигура Идиота интереснее, романичнее и выпуклее выражает мысль? при законности или незаконности?[70]» На этом этапе в противовес Идиоту выдвигается фигура благородного Ганечки («честный и прекрасный характер»)[71]. Достоевский считает, по-видимому, что план приобрел уже некую окончательность, и приступает к составлению проспекта 1-й ча-

сти. Но и сейчас, как в случае с первым планом, это оказывается преждевременным. Очень скоро сюжет претерпел радикальные изменения. Характер Идиота был заменен другим, весьма близким к известному нам образу князя Мышкина. Черты бывшего Идиота передаются сыну дяди. Совершив эту серьезную качественную перемену, связанную со всей идейной проблематикой и предполагаемым содержанием будущего романа, Достоевский делает последнюю запись: «Подробное расположение плана и вечером начать»[72]. Как мы уже знаем, написанная по этому плану 1-я часть романа не удовлетворила автора, была забракована им и в кратчайший срок заменена другой.

Нам представляется вполне вероятным такое объяснение творческой неудачи Достоевского. Последний план был не просто еще одним новым вариантом прежнего замысла, а совершенно другим замыслом. Он отвечал, как известно из писем самого Достоевского, давнишним и сокровенным его поэтическим намерениям. Но весь сюжет романа, образная структура, сложившаяся к этому моменту, прошедшая через многие планы и уже готовая перейти на страницы связного текста, далеко не соответствовала потребностям нового замысла. Достоевский предполагал, очевидно, что в самом процессе писания («под пером», как он любил говорить) он сможет произвести необходимые изменения. Однако, чтобы роман получился «положительно хорош», следовало коренным образом изменить все содержание в свете новой проблематики произведения, в центре которого должен был находиться образ идеального героя, противопоставленный миру социального зла. Этим и занялся Достоевский, отбросив написанное. Он опять,— сказано в письме к Майкову,— принялся за «выдумывание» планов. В его воображении с еще большей, чем прежде, стремительностью замелькали, сменяя друг друга, все новые и новые редакции, пока, наконец, не найдена была окончательная, и то, очевидно, лишь для 1-й и 2-й части. В результате все образы романа и весь сюжет его были,по существу,созданы заново. Что же касается двух последних частей, то в черновых записях к ним мы находим целый ряд неосуществленных мотивов («Иполит — главная ось всего романа», «Сцена двух соперниц, подготовленная Иполитом», «Аглая со злобы выходит за Ганю и прогоняет его» и т. д.) — свидетельство того, что работа «поэта» шла параллельно с работой «художника» почти до самого конца.

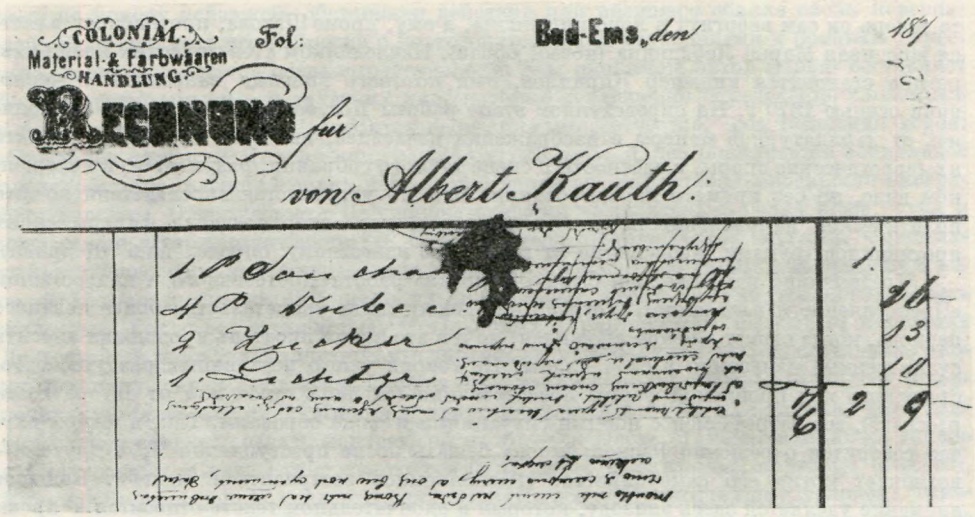
Вероятно, самым мучительным для Достоевского был процесс создания «Бесов», и не только потому, что редакцию, уже написанную (листов около 15), пришлось перечеркнуть, но и потому, что в отличие от «Идиота», новый роман и на последнем этапе работы еще много раз изменялся и перестраивался. «Роман, который я писал, был большой, очень оригинальный, но мысль несколько нового для меня разряда, нужно было очень много самонадеянности, чтоб с ней справиться. Но я не справился и лопнул»,— так писал Достоевский С. А. Ивановой о первом периоде работы над «Бесами»[73]. А затем и о новой редакции: «Будет много невыдержек, лишних растянутостей. Бездна красот (говорю буквально) не выйдет ни за что, ибо вдохновение во многом зависит от времени»[74]. Но не в сроках только было дело. В период работы над «Бесами» вдохновение писателя оказалось связанным ложной политической тенденцией и в значительной мере ей подчинено: «Задумав огромный роман (с направлением,— дикое для меня дело), полагал сначала, что слажу легко,— признавался Достоевский Майкову.— И что же? Переменил чуть не десять редакций и увидал, что тема oblige*, а поэтому ужасно стал к роману моему мнителен»[75]. Именно ко времени, когда писатель, распаленный ненавистью к «нигилистам и западникам», как называл он всех деятелей освободительного движения, считал свою работу не очень сложной, относится его письмо к Страхову из Дрездена от 24 марта/5 апреля 1870 г.: «На вещь, которую я теперь пишу в „Русский вестник", я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны; хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь!»[76] Впервые в жизни Достоевский открыто отдавал предпочтение тенденции перед художественностью, впервые противопоставлял эти понятия. Но определив себе такую задачу, Достоевский как художник попал в условия,

* обязывает (*франц.*).

несравнимо более трудные, чем когда-либо прежде. Рассматривая планы «Бесов» от первых (под условными названиями «Подпольная идея для „Русского вестника“» и «Зависть») до самых последних, мы замечаем не только то, что характерно для работы Достоевского-романиста вообще: быструю смену лиц, мотивов, ситуаций. Здесь есть нечто специфическое именно для «Бесов»: происходит напряженная внутренняя борьба между памфлетным заданием произведения и органическим интересом автора к «глубинам души человеческой». Работа, начавшаяся в ноябре 1869 г., длительное время не могла вполне завладеть вниманием писателя. Он нередко, параллельно с «Бесами», обдумывает другие сюжеты. Не только в январе, но даже и в мае 1870 г. ряд страниц посвящается плану «Жития великого грешника» — замыслу, значительно больше привлекавшему Достоевского. Возникают идеи новых произведений, в частности — романа о писателе в старости (февраль 1870 г.). Характер подготовительных записей к «Бесам» в этот период подтверждает слова Достоевского из письма к В. В. Кашпиреву: «Во все продолжение работы роман шел вяло и под конец опротивел» (первая половина августа 1870 г.)[77].

После многократных изменений в плане «Бесов», приблизительно к марту 1870 г., когда Достоевский уже готовился приступить к следующей стадии работы (обдумыванию подробностей), наименее определившимся оказался образ Ставрогина («князя», как он назван в черновиках). В течение марта образ этот претерпел существенную трансформацию. В записи от 7 марта объясняется, что князь, в прошлом «развратнейший человек и высокомерный аристократ», под влиянием Голубова (другого героя — славянофила, проповедника православия) утверждается в новых идеях. Более того, оказывается, что, узнав о Нечаеве, он специально приехал с целью «изловить и предать его, но первоначально желает выслушать»[78]. Такой образ князя соответствовал антинигилистической направленности романа-памфлета, но, очевидно, мало удовлетворял Достоевского-художника. Далее князь определяется как «новый человек» (несомненно—противопоставление новым людям Чернышевского). Однако он не имеет «особенных идей», «льнет к Голубову и только выходит в отчаянии». «И потом вдруг застреливается» (запись от 11 марта)[79]. Вскоре, в наброске от 15 марта, Ставрогин предстает иным: «Князь — человек, которому становится скучно». «Так как он вне всяких партий,— то может совершенно беспристрастно все разглядеть и всех выслушать (оставаясь сам свысока)»[80]. Правда, и здесь он «ввязывается от негодования в дело Нечаева, и доносит, и обличает», но это, видимо,— лишь эпизод, вспышка. В характере *этого* князя многое предвосхищает Ставрогина окончательной редакции, вплоть до деталей — «пощечина и дуэль без выстрела». Как и будущий Ставрогин, он пишет письмо «воспитаннице» (Даше), которую не любит, и потом застреливается: «Перед этим в последний раз идет к Голубову». Объяснение характера — обычное для Достоевского: «Выставить человека, который сознал, что ему недостает почвы»[81]. 10 апреля/29 марта принимается решение кардинальное: вместо Голубова центральным лицом в романе будет Ставрогин. «Итак, весь пафос романа — в князе, он герой. Все остальное движется вокруг него, как калейдоскоп. Он заменяет и Голубова. Безмерной высоты»[82]. Ставрогин сразу же делается выразителем политических убеждений самого автора, чем Достоевский, очевидно, рассчитывал укрепить тенденцию романа. «№. Идея князя... (Все МОЕ мнение о православии как самом полном и настоящем выражении России с последнею резкостью)»[83]. Под заглавием «Мысли князя» излагается религиозно-монархическая доктрина Достоевского, хорошо известная нам по его письмам из-за границы конца 60-х — начала 70-х годов: «Никогда народ русский не может восстать на царя 〈...〉 Царь для народа есть воплощение души его, духа 〈...〉 Бунты могли быть лишь, когда существовали сословия 〈...〉 С освобождением крестьян кончилось все 〈...〉 Россия есть лишь олицетворение души православия...» и т. д.[84]

Однако великий реалист не захотел свести роль главного героя к выполнению публицистической функции, сделать же такой характер цельным и убедительным он не мог. Человек, во многом близкий Достоевскому внутренне («Я из сердца взял его»[85]), все заметнее начинает вырисовываться как фигура трагическая. От образа прежнего князя сохраняется мотив самоубийства: «Уезжает в Петербург и удавливается в Скво-



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
На счете магазина колониальных товаров в городе Эмсе
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

решниках»[86]. Эта запись с отметкой «важное» сделана 18/6 июня, а несколько раньше, в 20-х числах мая 1870 г., Достоевский писал: «№. Хроникер по смерти князя делает разбор его характера (непременно глава *Анализ*). Говоря, что это был человек сильный, хищный, запутавшийся в убеждениях и из гордости бесконечной желавший и могший убедиться только в том, что вполне *ясно* ⟨...⟩. Любопытно, что он так глубоко мог понять сущность Руси, когда объяснял ее и воспламенял этим [Нечаева] Ш⟨атова⟩, но еще любопытнее и непонятнее то, что он, стало быть, ничему этому не верил»[87]. Далее, раскрывая противоречивый образ Ставрогина, Достоевский в конце июня на многих страницах под названием «Фантастические» изображает его беседы с Шатовым о вере и атеизме. Речи князя исполнены глубокого драматизма. Пропагандист христианства, он не может победить в себе того естественного органического безбожия, которое сам он считает неотъемлемым от сознания цивилизованных людей. «Возможно ли веровать цивилизованному человеку? Только по легкомыслию человек не ставит этот вопрос на первый план»[88]. «... Ни одного верующего при вашем развитии, я по крайней мере ни одного не встречал»[89]. «Можно ли веровать во все то, во что православие велит веровать? Если же нет, то гораздо лучше, гуманнее — все сжечь и примкнуть к Нечаеву»[90]. «Закружили вы меня!»— восклицает Шатов[91].

При такой постановке «роковых» вопросов, при невозможности опровергнуть доводы «науки и разума» вся памфлетная основа романа угрожала рассыпаться в прах. И Достоевский отказывается от уже найденной трактовки Ставрогина. Все его беседы с Шатовым он переносит в прошлое, за пределы сюжета и значительно суживает идейный диапазон этих бесед. В новой редакции Ставрогин появляется как лицо демоническое, с чертами сладострастника и насильника. «16 августа. Князь — мрачный, страстный, демонический и беспорядочный характер, безо всякой меры, с высшим вопросом, дошедшим до быть или не быть? Прожить или истребить себя? Остаться на прежнем, по совести и суду его, невозможно, но он делает все прежнее и насильничает»[92]. И, наконец, в преддверье окончательной редакции мы видим Ставрогина совершенно опустошенным, неспособным стать подлинно трагическим героем, равнодушным и обреченным. Это — лишь оболочка прежнего Ставрогина. Он даже и не «князь» теперь. 1 ноября 1870 г. Достоевский заносит в тетрадь следующую запись: «Nicolas в известном отношении (в отношении идеи, поразившей его и овладевшей им)— человек отпетый»[93]. Если раньше Ставрогин выдвигался автором, чтобы поразить нигилизм,

то теперь он сам ввергнут в лоно нигилизма, а ему, кроме Шатова, противопоставляется юродивая Марья Лебядкина (новый образ). Наследником атеистических идей Ставрогина становится инженер Кириллов, имя которого впервые заносится в черновики осенью 1870 г. На определенном этапе работы Достоевский, несколько отклоняясь от карикатурной манеры в изображении нечаевцев, пытается подробно показать их теоретические споры, в частности в сцене тайного собрания, разумеется, в искаженном виде, но без прямого пародирования. Все это устраняется впоследствии во имя политической направленности романа-памфлета, где автор создавал фигуры своих противников «руками, дрожащими от гнева» (по известному определению Щедрина).

Чрезвычайно напряженной была «черновая» работа Достоевского и над романом «Преступление и наказание». Хотя до нас дошли лишь свидетельства более позднего периода, когда сюжет в целом сложился, но и в это время писатель продолжал вносить существенные изменения в свои планы. Не говоря уже о постоянных раздумьях Достоевского над проблемой формы повествования (от лица героя или от автора вести рассказ?), мы встречаемся с новыми ситуациями и даже образами. Так, в одном случае говорится о решении Раскольникова бежать после преступления [94], в другом — возникает мотив его самоубийства: «Раскольников застрелиться идет»[95]. Большое внимание уделяется здесь эпизоду, который в окончательном тексте относится к прошлому героя,— самоотверженному поведению Раскольникова на пожаре [96]. Как видно, вначале Достоевский имел в виду, что событие это совершается после убийства. Подвиг Раскольникова, спасающего детей на пожаре, должен был отчасти реабилитировать его, открыть ему путь к возрождению. В дальнейшем Достоевский отказался от такого сюжетного построения. (Может быть, оно показалось ему несколько схематичным.) В черновиках появляется образ девочки по имени Сяся—дочери Лизаветы. Она встречается у Раскольникова с Соней Мармеладовой[97]. Так Достоевский хотел усложнить трагическое самочувствие убийцы. Этой же цели служило, видимо, и сообщение о том, что медицинское вскрытие обнаружило беременность Лизаветы («На шестом месяце была. Мальчик»[98]). В окончательном тексте сказано глухо (или, как любил выражаться писатель,— «намёчно»), что Лизавета постоянно ходила беременная. Судя по черновикам, Достоевский имел в виду показать, что Раскольников фактически явился убийцей не двух, а даже трех человек.

В одном из планов разрабатывается ситуация остро враждебных отношений матери Раскольникова и Дуни к Соне Мармеладовой, в которые втянут и Разумихин. Помимо целого ряда важных частностей, отличающих черновые планы «Преступления и наказания» от его последней редакции, в записях отражено намерение автора сомкнуть идейный смысл романа с проблемой «социализм и христианство», которой посвящен конспект специальной статьи в той же тетради. Конспект этот представляет интереснейший документ, где впервые сформулирована концепция «золотого века»[99]. Но ни сама статья, ни соответствующие заметки для «Преступления и наказания» не были реализованы. В набросках к роману читаем: «Страдания и вопросы — ⟨...⟩ Христос, баррикада. Мы недоделанное племя?»[100]. И еще: «О, зачем не все в счастье? ⟨думает Раскольников.— *Л. Р.*⟩. Картина золотого века. Она уже носится в умах и в сердцах. Как ей не настать и проч. №. Но какое право имею я, я, подлый убийца, желать счастья людям и мечтать о золотом веке. Я хочу иметь на это право,— и вследствие того (этой главы) он идет и на себя доказывает»[101].

Таким образом, и материалы к «Преступлению и наказанию» обнаруживают всё ту же характерную особенность творческой работы Достоевского-романиста: беспрерывное видоизменение замысла, появление все новых мотивов и ситуаций. Процесс этот длится до тех пор, пока не завершается последняя глава произведения. Могучая фантазия гениального художника, приведенная в движение силой жизненных впечатлений и остротой поставленных проблем, поистине неистощима.

Каков же был характер черновых набросков Достоевского к будущим романам? Подавляющее большинство их (за исключением диалогов, о чем мы скажем ниже) не похоже на то, что можно назвать творческими «заготовками». Очень немногие черновые записи (кроме диалогов) предназначались для того, чтобы непосредственно войти в текст произведения. Достоевский почти никогда не делает записей, даже конспектив-

ных, по поводу пейзажей, обстановки действия или внешнего облика своих персонажей. Если сравнить его наброски с подготовительными материалами к романам Тургенева, разница окажется очень выразительной. Так, например, автор «Нови» составляет формулярный список действующих лиц, которые совершенно определенно сложились в его сознании. В список заносятся фамилия, имя, отчество, год рождения героя: «Нежданов, Алексей Дмитриевич, р. 1843 г., 25 лет». Далее описывается социальное происхождение, внешний облик персонажа, черты его характера, особенности биографии, взгляды. О наружности Нежданова сказано: «Удивительно белая кожа, руки и ноги самые аристократические»[102]. О Маркелове: «Наружность: смуглый, черноглазый, курчавые черные волосы — лицо угрюмое, энергическое упрямое выражение в носе несколько крючковатом, широких правильных губах.— Руки жилистые — весь жилистый. Голос бас отрывистый»[103]. Подобных характеристик не бывает в записях Достоевского, и не только потому, что портреты у него большей частью созданы по иному принципу, чем у Тургенева. Вообще ни в каком виде портретных зарисовок в черновиках Достоевского нет. Иногда только появляется заметка для памяти, что в данном случае следует создать портрет, но и это — редкость. Такова, например, запись к «Подростку»: «Связь Его с женою графа. (Старый джентльмен, портрет)» (стр. 69). Или, когда речь идет о визите Подростка к Надежде Прокофьевне (Сусловой), отмечен ее «симпатический взгляд» (стр. 112). Совершенно уникальной и очень обширной выглядит на этом фоне следующая запись к «Бесам»: «Я не стану описывать красоты, скажу толь⟨ко⟩ блондинка — высокая очень блондинка, 2-е, что может быть она и не так хороша была. В ней была непоследовательность и беспокойство. В ней было ломание, много ломания,— но было и детство. Она извивалась, как вода ручейка, искала своего уровня»[104].

Только намеками, в виде задания самому себе, говорится о необходимости описать обстановку того или иного события. Например: «Свидание и обстановку этого свидания,с подробностями à la Л⟨ев⟩Т⟨олстой⟩ непременно» (стр.136).Приблизительно так же обстоит дело и с пейзажными зарисовками, за исключением лишь тех картин, которые исполнены особого, почти символического смысла. Но и на них в записях Достоевского только указано: «Final романа. Все умерли. Подросток остался один. Смутно. Три дня сидел. Вышел вечером. Идея наживы тускла. Солнце закатывается над Невой. Жить хочется. Каждая травка молится» (стр. 124). В черновиках к «Преступлению и наказанию»: «И затем последняя глава: лето, пыль, известка, поручик Порох и проч., как можно гаже, пакостнее и прозаичнее»[105]. «На Крестовск. только одно утро и росинки дождя, после росинок дождя,— естественная и психологическая потребность людей этой планеты»[106]. «Выходит ⟨Раскольников.— *Л. Р.*⟩, и описание Петербурга. Прощание со всем этим светом, грусть. Великолепное описание и вдруг встреча раздавленного»[107].

В процессе обдумывания будущего произведения Достоевский все свое внимание посвящает четырем главным задачам: 1) углубленной и детальной разработке идейной проблематики, 2) созданию основных характеров и всей системы образов персонажей, 3) сюжетной конструкции и 4) форме повествования.

Своеобразие Достоевского как художника-мыслителя, превращавшего идею в страстное чувство и логическое рассуждение в предмет высокой поэзии, состояло в постоянном стремлении точно формулировать мысли героев и идеи романа в целом. На всем протяжении творческой работы над «Подростком» Достоевский то и дело под специальными заголовками определяет главные идеи всего произведения, идеи отдельных частей (их основной пафос), идеи героев. Нередко под таким же названием — «идея»— фиксируются какие-то новые соображения автора по поводу содержания романа или его построения. Например: «*идея*. Роль подростка: Лиза очаровала подростка, влюбила в себя до бешенства» (стр. 106). Или: «*ИДЕЯ*: Не Васину ли он ночью (когда ребенок заснул) говорил про свое детство» (стр. 146). Такие заметки нужно строго отличать от предыдущих. Что же касается идеи всего произведения и идей героев, то здесь резкой границы часто не бывает, поскольку отдельные стороны того, что Достоевский называл «сутью романа», выражаются подчас самими героями. В одной из записей к «Подростку» Достоевский отмечает это как особенность своей творческой

манеры: «Всю эту ТЕОРИЮ (т. е. *влияние на жену*) Он сам разъясняет во время дела и *растолковывает* читателю всю мысль романа, ⟨...⟩ в чем собственно мысль касается Его. И такое правило принять для всего романа, чтоб сами лица разъясняли и *ЧТОБ ПОНЯТНЕЕ БЫЛО*» (стр. 80). Так, главная мысль романа о всеобщем разложении, когда «все врозь», сформулированная вначале как авторская, вкладывается затем в уста Крафта. Идея о «беспорядке» выражается многими лицами и прежде всего Версиловым и Аркадием.

В обрисовке действующих лиц будущего романа Достоевский всегда сосредоточен на их идейной и социально-психологической характеристике. Мы уже упоминали о первоначальных заметках писателя о «хищном типе», Федоре Федоровиче, Подростке, Васине, Ламберте. То же относится и к другим образам: «Мать. Русский тип (огромный характер) и забитые, и покорные, и твердые, как святые» (стр. 173); «Оля — ангельский тип. Запуганные» (там же); «Затем Он — старый барский тип. Драгоценные черты скептицизма, благородства, неверия, ленивого атеизма, лени, либерализма, деспотизма» (стр. 172). Для Версилова создается и «Опыт биографии»: «Помещик и сын помещика, но не внук. Учился в русских и в германских университетах. Женился в ранней молодости (сведения о первой жене теряются)...» и т. д. (стр. 99). Аналогичным образом намечаются характеристики персонажей к другим романам. О С. Т. Верховенском сказано: «Портрет чистого и идеального западника со всеми красотами.— Может быть, живет (в Москве) в губернск⟨ом⟩ городе. *Характерные черты.*— Всежизненная беспредметность и нетвердость во взгляде и в чувствах, составлявшая прежде страдание, а теперь *обратившаяся во вторую природу.* (Сын над этой потребностью насмехается).— Третий раз женат. (Характернейшая черта).— Жаждет гонений и любит говорить о претерпенных им.— Человек сороковых годов и помнит об них в сношениях с уцелевшими. (Я и Тимофей Грановский)»[108]. О Шатове, который пока еще фигурирует под фамилией Шапошников: «Ш.— *тип коренника.* Его убеждения — Славянофилы, барская затея. Нигилисты, дети помещиков. Никто не знает себя на Руси. Просмотрели Россию»[109].

Иногда, обдумывая образы для нового произведения, Достоевский стремится выделить в каждом из них какую-то важнейшую, доминирующую черту, что, видимо, помогает уточнить соотношение героев и их значение в общей концепции: «В князе идиотизм! В Аглае — стыдливость; Иполит — тщеславие слабого характера. Н⟨астасья⟩ Ф⟨илипповна⟩ — беспорядок и красота (жертва судьбы); Рогожин — ревность; Ганя — слабость, добрые наклонности, ум, стыд, стал эмигрантом; Ев⟨гений⟩ П⟨авлович⟩ — последний тип русского помещика — джентльмена; Лизавета Прокоф⟨ьевна⟩ — дикая честность; Коля — новое поколение»[110]. Подобный же список находим и в рукописях «Подростка» (стр. 172—173, 178).

Отличительной чертой работы Достоевского над многими образами была внутренняя ориентация на определенный прототип. Наибольший интерес в этом смысле представляют не те случаи, где Достоевский использовал некоторые черты знакомых ему лиц или жизненных ситуаций в своих сочинениях, хотя и последние очень интересны. К ним, в частности, относится указание на сходство романа Версилова и Ахмаковой (во время болезни генерала) с отношениями Достоевского и Елены Павловны Ивановой, а также на близость характеров Анны Андреевны Версиловой и Вари (Варвары Михайловны Достоевской — Карепиной, сестры писателя; см. об этом: стр. 268 и 290, а также комментарий А. С. Долинина: стр. 495 и 498). В письме к А. Н. Майкову по поводу «Идиота» Достоевский сообщал, что «многие вещицы в конце 1-й части — взяты с натуры, а некоторые характеры — просто портреты, н⟨а⟩п⟨ример⟩, Генерал Иволгин, Коля»[111]. По воспоминаниям А. Г. Достоевской, в повести «Вечный муж», в картине семейного быта и нравов Захлебининых автор запечатлел многие стороны жизни своих родственников Ивановых[112]. В черновых тетрадях к «Бесам» имеется следующая запись (она в иной редакции через несколько страниц повторяется еще раз): «Возвратясь, и лишь только князь явился, красавица дает ему знать, что он опоздал приехать». Комментаторы справедливо соотносят эту деталь с известным эпизодом биографии Достоевского (ответ, полученный им в Париже от А. П. Сусловой)[113]. Видимо, писатель связывал характеры Сусловой и будущей Лизы Тушиной.

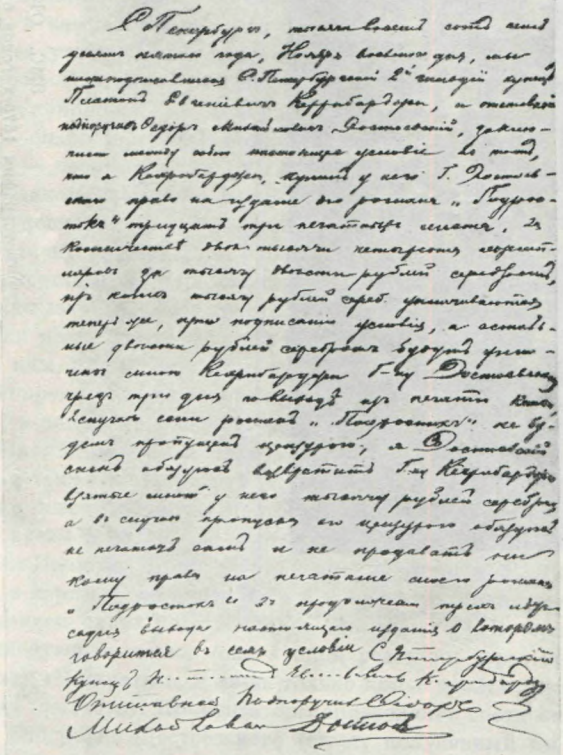
ЭМС. ОБЩИЙ ВИД

Фотография 1870-х годов с надписью А. Г. Достоевской:
«Вид г. Эмса, куда Ф. М. Достоевский приезжал лечиться летом 1874, 75, 76, 78 и 79 гг.
Отели Ville d'Alger, Stadt Genf и Lucern, в которых Ф. М. останавливался, находятся на набережной р. Лана»
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

В облике старика Федора Павловича Карамазова нетрудно обнаружить сходство с отдельными чертами отца Достоевского, Михаила Андреевича.

Но гораздо более примечательным было другое отношение Достоевского к прототипу. Это — многочисленные случаи, когда некий тип общественной жизни, запечатленный в ярком образе конкретного лица, побуждал писателя не к использованию каких-то отдельных черт, а к созданию образа, внешне не всегда похожего, однако (в понимании Достоевского) внутренне близкого, подобного своему прототипу. В таких случаях герои появляются в черновиках Достоевского и долго существуют под именами своих прототипов. Таков Колосов (Стебельков в «Подростке»), взятый писателем из нашумевшего процесса о фальшивых акциях Тамбовско-Козловской железной дороги (стр. 264 и 492). Таков Долгушин, получивший в романе имя Дергачева. Л. П. Гроссман установил, что в образе Лужина отразились характерные черты стряпчего П. П. Лыжина, с которым писателю приходилось иметь дело в 1865 г. [114] Под именем Лыжина этот персонаж поначалу фигурирует в черновиках «Преступления и наказания». Мы уже упоминали об Ольге Умецкой, чье имя долго не сходило со страниц записных тетрадей к «Идиоту».

Постоянным источником для пополнения галереи прототипов Достоевского были газеты, которые он ежедневно внимательно читал, делая выписки о самых интересных материалах, часто из судебной и уголовной хроники (см. стр. 60, 485 и 485). «Кстати, получаете ли вы какие-нибудь газеты,— писал Достоевский С. А. Ивановой,— читайте ради бога, нынче нельзя иначе, не для моды, а для того, что видимая связь всех дел, общих и частных, становится все сильнее и явственнее» [115]. В романе «Бесы» одна из героинь, Лиза Тушина, высказывает, очевидно, идею самого Достоевского о роли газетных известий: «Издается в России множество столичных и провинциальных га-



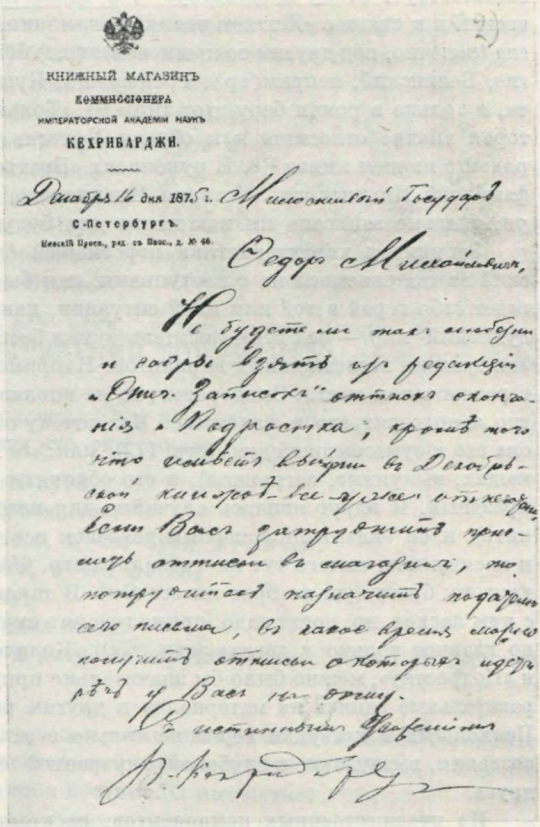
ДОГОВОР НА ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ПОДРОСТОК», ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ДОСТОЕВСКИМ С ИЗДАТЕЛЕМ П. Е. КЕХРИБАРДЖИ 8 НОЯБРЯ 1875 г.

Подписан Достоевским

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЯ
П. Е. КЕХРИБАРДЖИ
К ДОСТОЕВСКОМУ
ОТ 16 ДЕКАБРЯ 1875 г.
О ХОДЕ ПЕЧАТАНИЯ
РОМАНА «ПОДРОСТОК»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
КОММИССІОНЕРА
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
КЕХРИБАРДЖИ.

Декабря 16 дня 1875 г. Милостивый Государь
С.-Петербургъ.
Невскій Просп., уг. съ Вас., д. № 46.

Федор Михайлович,

Не будете ли так любезны и сообщить гр. редакціи «Отеч. Записок» отчетную сумму из «Подростка», причем могло бы выйти в декабрьской книжке. Все нужное от нее Вам доставлено прошлым отписом в магазин, но потрудитесь напомнить подробно это письмо, в какое время можно получить отписку и которая идет у Вас по очереди.

С истинным уважением
П. Кехрибарджи

зет и других журналов, и в них ежедневно сообщается о множестве происшествий. Год отходит, газеты повсеместно складываются в шкапы или сорятся, рвутся, идут на обертки и колпаки. Многие опубликованные факты производят впечатление и остаются в памяти публики, но потом с годами забываются. Многие желали бы потом справиться, но какой же труд разыскивать в этом море листов, часто не зная ни дня, ни места, ни даже года случившегося происшествия? А между тем, если бы совокупить все эти факты за целый год в одну книгу, по известному плану и по известной мысли, с оглавлениями, указаниями, с разрядом по месяцам и числам, то такая совокупность в одно целое могла бы обрисовать всю характеристику русской жизни за целый год...» Из всех происшествий книга должна была включить «только то, что рисует эпоху». «Это была бы, так сказать, картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни...»[116].

Именно таких сведений искал Достоевский в газетных сообщениях, а в период работы над «Бесами» он, очевидно, остро ощущал потребность в такой книге, о которой говорила Лиза, поскольку в романе должны были появиться не только представители 60-х, но и 40-х годов. В рукописях к «Бесам» Верховенский-отец проходит под именем Грановского, а сын — Нечаева. Разъясняя Каткову характер подобной «прототипности», Достоевский писал: «Одним из числа крупнейших происшествий моего рассказа будет известное в Москве убийство Нечаевым Иванова. Спешу оговориться: ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет. Да если б и знал, то не стал бы копировать. Я только беру совершившийся факт. Моя фантазия может в высшей степени разниться с бывшей действительностью и мой Петр Верховенский может нисколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в пораженном уме моем создалось воображением то лицо, тот тип, который

соответствует этому злодейству»[117]. О таком же принципе типизации говорил Достоевский и в связи с «Житием великого грешника»: «Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). ⟨...⟩ К Чаадаеву могут приехать в гости и другие, Белинский, наприм⟨ер⟩, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип)»[118]. «Только в роман беру этот тип»—формула, которая вполне относится и к образу Христа, упоминаемому в черновиках «Идиота» рядом с именем князя[119]. В рукописях «Братьев Карамазовых» Митя фигурирует под фамилией Ильинского. (История Ильинского, слышанная Достоевским еще в Сибири, впервые записана им как канва для будущего романа в тетрадях «Подростка»).

Записывая характеристики персонажей (даже самые первоначальные), Достоевский всегда связывал их с поступками, как бы проверяя психологию «делом». Как поведет себя герой в той или иной ситуации, какое событие может полнее раскрыть его духовный мир — над этим писатель думал беспрестанно, перебирая в уме и набрасывая десятки всевозможных вариантов. Например: «Ст. князь. Был полтора года назад в разжижении мозга. Выздоровел, но не вполне оправился. Ему страшная обида, если кто заподозрит его в идиотстве. Вот почему он и проклял бы дочь, если б узнал, что она его в сумасшедший дом» (стр. 172); или: «NB. *Он* — праздный человек (прежний помещик, выкупные, заграница), и его обвиняют враги его (и обе жены) в том, что он праздный. И вдруг явилась случайно для него какая-нибудь деятельность (подсочинить); и он оказывается первым деятелем все уладившим, тогда как обвинители его и насмешники ничего тут не сделали» (стр. 64). «Федор Федорович отдал свое имение другому брату (уж не брат ли его Он). В таком случае, он брата любит и неизменно с ним ласков, но, когда надо, прямо говорит ему, что он злодей ⟨...⟩ Деятельное лицо, но главное только в детях» (стр. 650). Количество примеров, взятых из рукописей к «Подростку», можно было бы значительно приумножить, добавив к ним столь же выразительные записи из материалов к другим романам, но в этом нет необходимости. Психология и поступки героя не только в законченном тексте, но и в процессе его создания, выступают в глубокой внутренней связи, дополняют и проверяют друг друга.

Из художественных компонентов, раскрывающих характер персонажа Достоевского, не меньшую, а порой бо́льшую роль играет монолог или диалог, т. е. слово героя. В идеологическом романе Достоевского мыслям, высказываниям действующих лиц, их спорам принадлежит главенствующее место. И если во время подготовки романа многие его элементы писатель мог записывать для себя кратко, вчерне, с расчетом, что в процессе письма «придет» остальное, то он, видимо, никогда не поступал так по отношению к речам своих героев. Здесь все отрабатывалось тщательно, многократно, иногда с предельным приближением к окончательному тексту. Так, в материалах «Подростка» находим подробные записи центрального эпизода — беседы Версилова с сыном и «исповеди» Версилова, разговора Версилова с Ахмаковой, изложение «идеи» Аркадия, разговоров с долгушинцами Васиным, Макаром Долгоруким, Ахмаковой и т. д.

Подобная же картина в рукописях к другим романам. Записаны важнейшие реплики из бесед Раскольникова с Соней, Порфирием, Свидригайловым и т. д. В материалах к «Идиоту» сохранились записи разговоров Идиота с дядей, его же с Сыном, Мышкина с Рогожиным после убийства Настасьи Филипповны. Особенно много подробных высказываний героев, разговоров, которые превращаются в большие диспуты, содержится в рукописях «Бесов». Здесь и пространные беседы Ставрогина с Шатовым, и речи обоих Верховенских — отца и сына (в черновиках соответственно — «Грановского» и «Нечаева») и многие, многие другие. Замечательно, что наброски к «Братьям Карамазовым», сделанные на последней стадии работы, состоят почти сплошь из одних высказываний действующих лиц. Имея перед собой эти необходимые, самые ответственные для него тексты, Достоевский приступал к диктовке цельного повествования.

«Достоевский тесно связан со своими героями,— говорил Луначарский.— Его кровь течет в их жилах. Его сердце бьется во всех создаваемых им образах. Достоевский рождает свои образы в муках, с учащенно бьющимся сердцем и с тяжело прерывающимся дыханием»[120]. Это сказано очень точно и особенно ощущается в самый мо-

мент рождения образа, а еще больше — в момент рождения речи героя. Даже внешний вид записи, сама графика передают душевное напряжение и героя, и автора.

«Между тем росла идея.
Мы не могли не вырастать
тотчас в пропагаторов и в
подвижников —
Никто не знает себе меры,
Ни себе ни эпохе.
Я начал вериги.—
И вот тут ОНА».

Это из исповеди Версилова. А вот речь, вернее крик души Подростка, мечтающего спасти Его: «В НОЧЬ ВЫРЕЗАНИЯ ДОКУМЕНТА подросток у Ламберта в исступлении:

Это чистейший человек, и он не должен знать,
но я ЕМУ докажу, кто она такая.

Она стала поперек пути Его.
Она испортила Его жизнь.
Ей даром досталось, а Он брал мучением,
и *она* торжествует, а Он погиб.
Я спасти Его хочу.
Я разбить Его идол хочу.
Отдайте мне его, я хочу его воротить такого, какой он был три дня назад»

В иные моменты Достоевский так горячо проникается волнением своего героя, что прямо на наших глазах возникает удивительный, неповторимый его стиль, когда голос героя и голос автора как бы сливаются воедино. О подростке:

«Ему бессмыслен Он, хотя и мил, и он все спорит.
И бессмысленно смирение дома,
И бессмысленна начинающаяся любовь его к княгине,
И бессмысленна и шатка своя идея, что страшно
закружило его,
И бессмыслен Васин,
И ужасен роман Лизы,
И к чему правда?»

Такие строки читаются порой, как стихи. Они совсем не предназначены войти в роман и найти их можно только в записной тетради.

Работая над языком романа и, в особенности,— языком персонажей, Достоевский почти в каждой тетради ведет специальный раздел под названием «Слова и словечки». В материалах к «Подростку» он очень обширен, сюда, в частности, занесено много народных выражений, предназначенных для речи Макара Долгорукого (стр. 214—217). К разделу «Слова и словечки» примыкает одна очень интересная запись. Известно, что Достоевский гордился тем, что ему удалось ввести в русский литературный язык глагол «стушеваться». Еще задолго до «Дневника писателя» 1877 г., где были напечатаны воспоминания Достоевского [121], он отмечал это в тетрадях к «Подростку»: «Я изобрел или, лучше сказать, ввел одно только слово в русский язык, и оно принялось, все употребляют: глагол стушеваться (в Голядкине)». Кстати сказать, здесь же находится и оценка самой повести «Двойник», развернутая затем в «Дневнике писателя», с характерным определением Голядкина, которое не вошло в печатный текст: «Мой главнейший подпольный тип». В данном случае все это рассуждение нужно было писателю, чтобы обосновать еще одно свое предложение: он намерен ввести глагол «дарвалдаять» (от известных слов народной песни: «колокольчик, дар Валдая)». Глагол должен изображать «что-то мотающееся (болтающееся) и звенящее». «Можно даже сделать существительное Дарвалдай и приложить его ко всем сочинителям брошюр „ Быть

или не быть?", „Что мы такое?", „Чем мы будем?". В прошедшем времени будет странно: дарвалдаял, особенно в женском роде: Сидела-сидела у меня, дарвалдаяла-дарвалдаяла. Но почему же странно? Ведь говорит же народ: Сидела-сидела, стучала-стучала у меня, или: настучала-настучала и ушла...

— Можно взять и фамилью Дарвалдаев в роман или водевиль для изображения неосновательного молодого человека с претензиями, консервативного или либерального, все равно». Такого опыта Достоевский не предпринял, но набросок этот очень живо выражает некоторые важные особенности обращения писателя к языку как средству создания образа (вплоть до фамилии «со значением»).

Когда идеи и характеры будущего романа были достаточно разработаны и основные сюжетные ситуации (как обычно — в связи с характерами) уже намечены, Достоевский приступал к конспекту целого произведения (по главам). Этот процесс он называл «устроением материала». «Компоновка всего романа, уже окончательная,— пишет он,— общий summarium, *с показанием места* для всех лиц и историй романа *по частям* романа» (стр. 285). Тут, по терминологии Достоевского, было, в основном,— «дело художника».

Придавая громадное значение острой, занимательной фабуле, Достоевский, по всей вероятности, был мало обременен ее «выдумыванием». На многих страницах рукописи «Подростка» читаем повелительные обращения автора к самому себе: «Фабулу! Фабулу!» (стр. 94). «Но затем фабулу! фабулу!, которую развивать страшно сжато, последовательно и неожиданно» (стр. 96). Но следов самой работы именно над фабулой в записных тетрадях Достоевского сравнительно немного. Видимо, построение интриги, все повороты и хитросплетения авантюрного сюжета не затрудняли писателя. Здесь его фантазия безгранична.

Так, 1—2 марта (очевидно, ночью) Достоевский записывает: «Скомпоновать подробно 1-ю главу, остальные, уже при имеющемся материале, *сами придут*» (стр. 291). «Компонуя» роман, писатель детально обдумывал не столько внешние поводы для связи событий, сколько их внутреннюю, психологическую, идейную взаимозависимость, то, что сам он назвал «порядком психологии» (стр. 390). Достоевскому важно прежде всего определить для себя основную мысль, организующую фабулу: «Но в фабуле должна быть неуклонно главная идея: Стремление к поджогу подростка, как совращение от своей идеи и неудачный первый шаг» и т. д. Именно «порядок психологии» интересует писателя, когда он делает следующую рабочую запись: «Компоновка 2-й части подробная (Большая задача) ⟨...⟩ №. Итак вся *задача* распадается на три главные и крупнейшие отдела (кроме мелких, которые *все* припомнить).

№ 1) на сношения подростка с НИМ

2) » » подростка с князем (Лиза)

3) » » подростка с Ахмаковой» (стр. 286).

Такой тип организации материала на завершающем этапе характерен для творческой истории всех романов Достоевского.

Особенно наглядно, можно сказать классически, он представлен рукописями «Братьев Карамазовых». Делая записи к каждой главе романа, Достоевский как бы прочерчивает внутреннюю идейную связь между ними, в самом романе выраженную не столь прямолинейно. Так, в книге «Pro и contra» вслед за «Бунтом» идет глава «Великий инквизитор», представляющая ответ Ивана на мысль Алеши, что «единый безгрешный», т. е. Христос, может простить мучителей, поскольку сам принял великое страдание. Иван, напротив, считает Христа самым страшным грешником, обманувшим человечество, возложившим на него непомерное бремя, а потому, несмотря на свои высокие намерения, заслуживающим решительного осуждения со стороны истинных гуманистов. Однако «истинным гуманистом» в поэме Ивана предстает, как известно, вдохновенный проповедник рабства и деспотизма — средневековый инквизитор. В черновики Достоевский заносит слова инквизитора, которых не оказалось в окончательном тексте, может быть, по цензурным причинам: «Тебе поют единый безгрешный, а я говорю, что ты единый виновный»; и далее: «... и если есть единый грешный, то это ты сам» [122]. Этими словами обозначена прямая логическая, полемическая связь между главами. Во время работы Достоевскому важно было «осязать» ее в точных, прямых

Ѳ. М. Достоевскій

ПОДРОСТОКЪ

РОМАНЪ

ЧАСТЬ I

ЦѢНА 3 Р. 50 К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ПЛАТОНА ЕВГЕНІЕВИЧА КЕХРИБАРДЖИ
1876

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ДОСТОЕВСКОГО
НА ПЕРВОМ ИЗДАНИИ РОМАНА «ПОДРОСТОК» (1876, СПб.):

«Любимому и многоуважаемому брату Андрею Михайловичу
на память от автора»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

словах. Впоследствии, когда глава была написана, даже изъятие отдельных фраз не могло изменить ее общего смысла. Черновые записи, потому что они кратки и фиксируют наиболее важные моменты, дают ясно почувствовать идейную соотнесенность глав о Чёрте, пытающемся вернуть Ивана на почву его прежней философии, и Ракитине, искушающем Митю. То же относится и к внутренней связи между изображением духовного возрождения Мити (в ночь следствия) и главой «Кана Галилейская», где описано, как Алеша, переживший мучительные сомнения в истинности своей веры после смерти старца Зосимы, возвращается в монастырь и укрепляется духом при чтении Евангелия. Достоевский записал: «Митю везет становой.— Вспомнил про Грушеньку и крики ее. Начало очищения духовного (патетически, как и глава Кана Галилейская)»[123]. Но интересно и, в общем, характерно для Достоевского, что в самый последний момент он обнаруживает пробел в фабульной канве романа. Нужно еще придумать повод для второго свидания Ивана со Смердяковым (хотя конспект диалога уже готов). «№ ???? (придумать причины)», — пишет Достоевский для памяти [124].

Изучая рукописные материалы к романам Достоевского, нетрудно заметить, что в них постоянно встречаются имена русских и западно-европейских писателей,их героев, а также размышления автора о своих произведениях, написанных прежде. В процессе творчества Достоевский всегда ощущал себя включенным в многовековую историю развития мировой литературы. Обостренное чувство призвания сказать новое слово после своих предшественников, постоянное стремление освоить их опыт и в результате решить задачи иные и по-иному было присуще Достоевскому смолоду. Еще в начале 1846 г., во время работы над «Двойником», он, выросший на почве гоголевской школы, писал брату: «Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, т. е. иду в глубину, а разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я» [125]. Литературными спутниками Достоевского были Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Грибоедов, из зарубежных писателей — Шекспир, Шиллер, Сервантес, Гюго, Диккенс, а позднее — Вольтер и Гете. Творчество Достоевского развивалось при постоянной внутренней ориентации на то, что было сделано или делалось его великими современниками — Толстым, Тургеневым, Некрасовым и Щедриным.

Пушкин упоминается в материалах к «Подростку» не только в связи с мотивом Скупого рыцаря (стр. 95). Здесь особенно, в отличие от других рукописей, многократно и упорно повторяется желание подражать стилю Пушкина, учиться писать у него кратко, просто и сжато (стр. 96, 174, 214). В качестве эталона для повествователя выдвигается образ скромного и наивного рассказчика Ивана Петровича Белкина (стр. 96,111). Из черновиков в текст романа «Идиот» перешла тема пушкинского «бедного рыцаря» и само стихотворение. Не только тема Раскольникова перекликается с германовской, вплоть до сна, в котором герою «Преступления и наказания» мерещится убитая старуха, но сама формула идеи (Наполеон, Магомет... или «тварь дрожащая») несомненно восходит к пушкинским стихам. Исследователи приводят обычно строки из «Евгения Онегина»: «Мы все глядим в Наполеоны; /Двуногих тварей миллионы/ Для нас орудие одно...». Но образ толпы как «дрожащей твари», послушной голосу пророка, взят (в другом осмыслении) из цикла «Подражания Корану», написанного в духе священной книги магометан: «Мужайся ж, презирай обман, /Стезею правды бодро следуй, /Люби сирот и мой Коран/ Дрожащей твари проповедуй». К «Бесам» в качестве эпиграфа взято опять-таки тенденциозно переосмысленное стихотворение Пушкина («Бесы»). В «Братьях Карамазовых» нет генерального пушкинского мотива, но высказываниям о Пушкине, например в беседе между Алешей и Колей Красоткиным, придается особое значение, поскольку с молодым поколением и с определенным отношением к идейному наследию великого поэта Достоевский связывал судьбы России.

Пушкин, Рафаэль, Шекспир — имена, которые встречаются в записных тетрадях как символы высшего развития человеческой личности,идеалы добра и красоты. В черновиках к «Преступлению и наказанию» читаем: «Мужик пашет, а он, может, Ньютон аль Шекспир. Падает яблоко, зарождается мысль и угасает. Кабы общее-то образование-с. Не надо спорить (о системах), а надо жить»[126]. Но Достоевский спорил именно о систе-

мах и в этом азартном споре стремился привлечь на свою сторону гениев прошлого, заявляя (в «Бесах»), что в обществе, устроенном на основах «науки и разума», «Шекспир побивается каменьями».

В черновиках к роману «Бесы», где очень много записей о Шекспире, находим такую: «Это без направления и вековечное и удержалось ⟨...⟩ Шекспир это пророк, посланный богом, чтобы возвестить нам тайну о человеке, душе человече⟨ской⟩»[127]. Однако громадное большинство ссылок Достоевского на Шекспира связано с проблемами творческими. Обдумывая, например, трагическую сцену, когда после похорон Макара Ивановича, в день рождения «мамы» Версилов является к ней с цветами, чтобы потом (как он собирается) уйти навсегда, Достоевский делает такую запись: «Похороны и букет. Описание фактами à la Шекспир» (стр. 390). Перед одним из вариантов трагического финала «Идиота» написано: Schakespeare [128]. Об объяснении Мышкина с Настасьей Филипповной: «Князь просто и ясно (Отелло) говорит ей, что он ее полюбил»[129]. В черновиках «Бесов» Ставрогин сопоставляется то с Гамлетом, то с Генрихом IV из хроники Шекспира. В романе, как известно, есть глава под названием «Принц Гарри. Сватовство». В записях к «Подростку» с Гамлетом сравнивается «Он» (стр. 59). При работе над одним из вариантов «Бесов» делается заметка: «Сцену оскорбления в⟨оспитанни⟩цы князем и ужасного его раскаяния.— Шекспир»[130]. Большая запись об Отелло и его оценке Пушкиным в несколько расширенном виде перешла со страниц черновиков в роман «Братья Карамазовы» [131]. Мы видим, как постоянно и активно обращался Достоевский к творчеству Шекспира, что, разумеется, не случайно. «Гениальность Достоевского неоспорима, по силе изобразительности его талант равен, может быть, только Шекспиру»,— сказал Горький[132], и этим сравнением коротко определил очень многое. Подобно Шекспиру, Достоевский всегда стремился решать коренные проблемы жизни человека и человечества. Его герои рождены эпохой переломной, кризисной. Люди больших идей и могучих страстей, они выступают, как и у Шекспира, в катастрофических ситуациях. Судьбы их, как правило, трагичны. Мастерство сложной психологической характеристики в соединении с увлекательным, стремительным сюжетом, который необходим писателю, чтобы воплотить острые конфликты самой действительности,— вот что прежде всего роднит изобразительную манеру Достоевского и Шекспира.

Часто в записях к «Подростку» встречается имя Льва Толстого. Толстой в период работы над романом привлекал Достоевского замечательной пластичностью своих образов, что не было присуще Достоевскому и к чему он, как видно, стремился в описании женских персонажей. Отсюда — неоднократные упоминания «грациозного» изображения княжны Кити, которому следует подражать (стр. 268, 407). С другой стороны, автор «Войны и мира» и «Анны Карениной» (до восьмой части, которая была воспринята иначе) оценивается Достоевским как величайший представитель «помещичьей» литературы, уже сказавшей свое последнее слово. В этой связи возникают имена толстовских героев: Пьер Безухов, Андрей Болконский, «грустный Левин» (стр. 343, 388, 413). К этой теме сводится и проект предисловия (стр. 342), идеи которого своеобразно отразились в содержании письма Николая Семеновича Подростку. В отличие от Толстого, изображавшего, по мнению Достоевского, жизнь «культурного слоя», в его сложившихся, «законченных» формах («Ростовы»),он считал себя художником, одержимым «тоской по текущему», чей удел — «угадывать... и ошибаться». Как символ демократического, разночинского направления в русской общественной мысли, пришедшего на смену «культурному слою» дворян, возникает в записях к «Подростку» имя Шевченко (стр. 434).

Для понимания идейного смысла образа Версилова существенно его сравнение с Чацким, намеченное еще в черновиках (стр. 218). Гениальная комедия Грибоедова, без сомнения, всегда была на памяти Достоевского. Во многих его произведениях, в том числе и в романах («Идиот»,«Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы»), имеются скрытые цитаты из «Горя от ума». Достоевский чутко воспринимал политический смысл комедии, но оценивал его, разумеется, по-своему. Нам уже приходилось писать о том, как использован образ репетиловского «тайного общества» в «Униженных и оскорбленных» [133]. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Чацкий грубо окарикатурен

в угоду почвеннической теории: «Это фразер, говорун, но сердечный фразер, совестливо тоскующий о своей бесполезности»[134]. Последнее обращение Достоевского к образу Чацкого находим в его записной книжке 1880 г.: «Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива:

Пойду искать по свету...

Т. е. где? Ведь у него только и свету, что в его окошке, у московских хорошего круга, не к народу же он пойдет. А так как московские его отвергли, то значит свет означает здесь Европу. За границу хочет бежать ⟨...⟩ Чацкий — декабрист. Вся идея его — в отрицании прежнего, недавнего, наивного поклонничества. Европы все нюхнули, и новые манеры понравились. Именно только манеры, потому что сущность поклонничества и раболепия и в Европе та же»[135]. Конечно, характеристика Версилова совпадает с *таким* Чацким лишь отчасти, но сходство здесь очевидно.

Работая над «Подростком», Достоевский по поводу различных проблем обращается к произведениям Руссо, Лесажа, Диккенса, Гейне, Гете (см. «Комментарий»).

Как бы обобщая свой творческий опыт и соотнося его с тем, что уже создано в литературе, Достоевский нередко делает наброски предисловия («Бесы») или послесловия («Идиот»). Намечен проект такого предисловия и в материалах к «Подростку» (стр. 342—343).

Среди сочинений Достоевского есть одно, где невольно воплотились некоторые характерные особенности той манеры, в которой находили свое выражение творческие замыслы писателя. Речь идет о главе «Великий инквизитор» в «Братьях Карамазовых». Иван рассказывает Алеше содержание поэмы, которую он «выдумал», но не написал. Это только замысел, но, разумеется, рассказ о нем в романе возведен уже в ранг произведения высокого искусства и не может быть непосредственно сопоставлен с «сырым материалом» записных книжек. Тем не менее, создавая легенду Ивана, Достоевский как бы передал герою сокровенные свойства своего мастерства, с которым мы знакомились по черновым рукописям. И действительно. Рассказ начинается с предисловия, где поэма ставится в ряд с другими произведениями такого жанра, начиная со средних веков. Затем отмечается ее своеобразие. После анализа «Хождения богородицы по мукам» сказано: «Ну вот и моя поэмка была бы в том же роде, если б явилась в то время»[136]. Но она явилась в другое время и потому имеет другой, противоположный пафос.

Обстановка действия не описана,— на нее только указано: «Действие у меня в Испании,— говорит Иван,— в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу божию в стране ежедневно горели костры...» Точно так же говорится о появлении Христа на площадях «южного города, как раз в котором всего лишь накануне в „великолепном автодафе", в присутствии короля, двора, рыцарей, кардиналов и прелестнейших придворных дам, при многочисленном населении всей Севильи, была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков...». В книге «Достоевский» Л. П. Гроссман воспроизводит картину, намеченную Иваном: «Этим „великим аутодафе" руководил в своей пурпурной кардинальской мантии престарелый инквизитор»[137], что вполне соответствует реальности события. Однако «пурпурной» мантии еще нет в изложении Ивана. Вероятно, она появится в поэме, а пока сказано так: «О, он не в великолепных одеждах своих, в каких красовался вчера перед народом, когда сжигали врагов римской веры». Пейзаж описывается тоже «пунктирно», он только «обозначен» цитатой из «Каменного гостя» Пушкина: «Проходит день, настает темная, горячая и „бездыханная" севильская ночь. Воздух „лавром и лимоном пахнет"». Психология народа, встречающего появление Христа, тоже пока не описана, но сказано и даже отмечено особо, что любил делать сам Достоевский в тетрадях с помощью значка №: «Он появился тихо, незаметно, и вот все — странно это — узнают его. Это могло бы быть одним из лучших мест поэмы, то есть почему именно узнают его». Но в конспективном рассказе Ивана есть картины не только «намеченные», но и «разработанные» с большой поэтической силой, и прежде всего — монолог инквизитора перед Христом, т. е. изложение идей в речи самого героя, чему сам Достоевский придавал первостепенное значение.

ИДЕЯ — ХАРАКТЕР — СЮЖЕТ

Говоря о громадной творческой работе Достоевского по «выдумыванию планов», мы лишь отчасти и попутно касались той органической внутренней связи, которая в этих сложных превращениях существовала между важнейшими компонентами будущего произведения: идеей, характерами, сюжетом. А связь эта настолько неразрывна что можно с уверенностью сказать: каждое сколько-нибудь значительное изменение в идее неуклонно, хотя, может быть, и не сразу, вело за собой изменения характеров и сюжета. То, что в законченном произведении (единство — порой противоречивое — идеи, характеров и сюжета) воплощено очень отчетливо, но уже в неизменном виде, то в процессе творчества предстает как картина подвижная, но в самой подвижности демонстрирующая такое единство особенно ярко. Так, в первоначальных планах «Подростка», когда идея «беспорядка» и «безобразия» современного, «химически» разлагающегося общества трактуется автором прежде всего как результат отсутствия нравственных основ (здесь еще во многом сказывается влияние концепции «Бесов»), главным героем романа выступает «Он» — «хищный тип», духовно близкий Ставрогину. Он же — движущая сила сюжета. Центральное место в сюжете занимают поэтому *Его* интриги, *Его* инфернальная жестокость и мучения («жучок»), *Его* отношения с другими трагическими героями (жена, падчерица, мальчик). По мере того как идея о всеобщем разложении «основ» приобретает все более глубокий, современный социальный смысл, по мере того как она приобретает все более отчетливое антибуржуазное содержание, возникает потребность в другом главном герое. Им и становится Подросток с его теорией обогащения, превратившейся в страсть и цель жизни. Каким же должно быть в такой структуре романа значение образа «Его»? Достоевский неизбежно пришел к необходимости произвести здесь важные изменения. На той же странице, где зафиксировано окончательное решение автора сделать главным героем Подростка: «*Полное заглавие романа: ПОДРОСТОК...*», имеется следующая знаменательная запись. «! ЛИЦО: (тип). *Мечтатель.* ⟨...⟩ Может быть, это сам Он и есть №. ГЛАВНОЕ. Лицо это может быть введено не иначе,как органически связанное с романом» (стр. 98). Итак, намечается вместо «настоящего хищного типа» сделать Его «мечтателем».

Понятие «мечтатель» в языке Достоевского имеет совершенно определенный смысл. Это — человек глубоко неудовлетворенный, ушедший от действительности. Его волнуют мировые проблемы, однако он бездеятелен, ограничен книжным восприятием жизни. Противопоставляя «мечтателей» обывателям, стремящимся лишь к личному комфорту, Достоевский обличал их как «русских европейцев», оторванных от почвы. Галерея «мечтателей», начатая Достоевским еще в 40-е годы (но там, разумеется, эти образы заключали лишь часть того смысла, которым они наполнились впоследствии), была достаточно широкой: от «подпольного человека» до героя романа «Мечтатель», задуманного в середине 70-х годов [138].

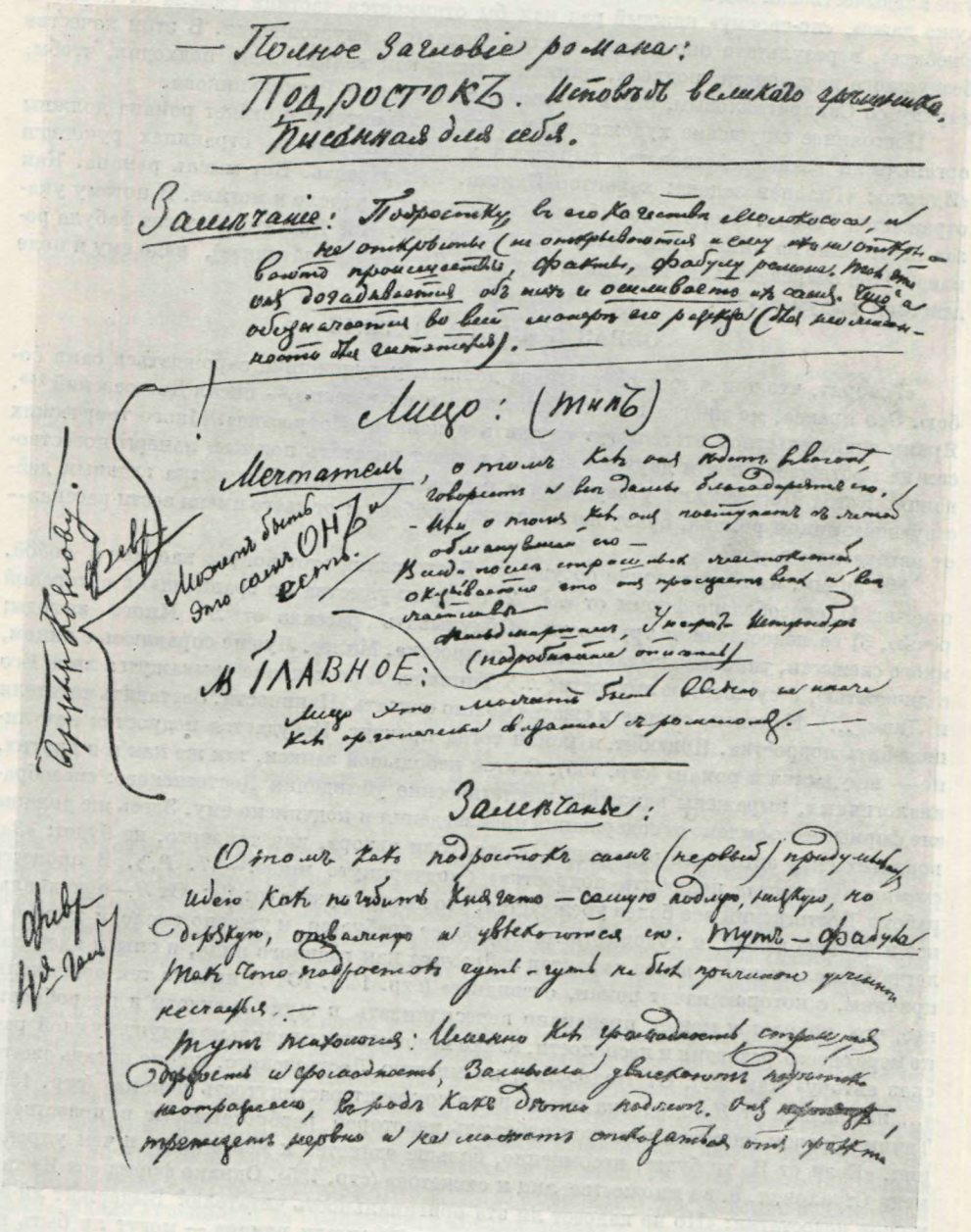
Не сразу, а постепенно, но совершенно неуклонно черты «хищного типа» начинают приглушаться в Версилове (исчезает, в частности, образ загубленной падчерицы). Сравнительно долго сохраняется в сюжете несчастный мальчик, которого жестоко преследует «Он», что на каком-то этапе ощущается автором как некая несообразность. Читаем запись: «№. НЕПРЕМЕННО. В ходе романа подросток дивится: Как этакий терпимый человек, твердый и высокого идеала, великодушия человек (№. Перенесение обид, учительница и проч.)— как мог Он раздирать рот ребенку» (стр. 203). Далее образ замученного мальчика исчезает и сохраняется лишь в рассказе Макара Долгорукого о купце. Ступевав черты «хищного типа» в Нем, Достоевский долгое время не хотел терять этой темы в ее первоначальном значении и оттого так много внимания уделял «хищничеству» Лизы. На время она, вместо «Него», который, как «мечтатель», уже не может выполнять такой функции, становится движущей силой в развитии интриги романа. Правда (что очень характерно), она уже связана с Ламбертом и компанией. Постепенно Достоевский все более ощущает необходимость для раскрытия «идеи» Подростка именно ламбертовского, буржуазного хищничества и усиливает роль Ламберта в движении сюжета. Достоевский много обдумывает трагический исход судьбы Лизы («Конец Лизы ⟨...⟩ как колокольный звон.»—стр. 109), но затем все-таки

отказывается от этого образа. Несчастный конец (самоубийство) венчает историю другой героини романа — «запуганной» Оли, но ее характер очень мало похож на характер Лизы. Исключение «хищного типа» Лизы из сюжета «Подростка» связано, по-видимому, с другой идеей романа, о которой мы уже говорили,— с идеей нравственного возрождения. «Исчезновение» Лизы происходит одновременно с «возникновением» образов Макара Долгорукого и «мамы». Новый образ Лизы, совсем не похожий на прежний, определен все той же тенденцией. Это направление романа захватывает отчасти и образ Версилова, поэтому задуманное для него самоубийство отменяется, вместо чего в финале изображается картина примирения. По мере раскрытия в Версилове типических черт «мечтателя» его отношения с Ахмаковой, помимо чисто романической стороны (унаследованной от любви «Его» к «княгине» из ранних редакций), изображаются как идейный поединок. «Я бы сама пошла в заговор и стала все разрушать, если бы это могло к чему-нибудь повести»,— говорит Ахмакова Версилову во время их единственного разговора в романе. «Идите на подвиги», — отвечает он ей. Ахмакова: «Подвиги везде возможны, они не уйдут, если я захочу, но укажите мне праведника, и я пойду за ним. А вы не праведник, в вас я не верю; вы можете быть только страдальцем».

Так идея «всеобщего разложения» как следствия буржуазного «беспорядка» и «безобразия» и поиски нравственного идеала организуют и образную систему романа и его сюжет.

В процессе создания «Преступления и наказания» произошли серьезные изменения в характерах и сюжете в соответствии с тем, как складывалась идейная проблематика романа. Главная мысль и содержание «Преступления и наказания» были впервые изложены Достоевским в письме к Каткову из Висбадена. Здесь, в частности, подчеркивается, что «чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его»[139]. Эта идея определила сразу же и раскрытие характера Раскольникова, и развитие сюжета. Более того, в процессе работы над романом первоначальная мысль стала значительно глубже. Нравственные муки Раскольникова начались задолго до того момента, о котором идет речь в письме, не после убийства, а до него. Вероятно, с того самого времени, когда созрела мысль о преступлении, возникли душевные терзания героя, чувство его разомкнутости с окружающим миром, с людьми. Время это находится уже за пределами сюжета. Наказание начинается *раньше* преступления. С первой же страницы романа Раскольников появляется глубоко несчастным от того «дела», на которое он себя обрек. В первоначальных планах некоторые герои, группировавшиеся вокруг Раскольникова, заметно отличались от тех, которых мы встречаем в окончательном тексте. Так, Соня Мармеладова обладала способностью земной любви и могла ее активно проявлять: «Она написала ему, наконец, письмо: люблю, буду ваша раба, она пленилась его гордостью и независимостью и проповедью того, что она не унижена (ее письмо художественно). Он идет к ней после этого письма»[140]. Лужин не был так ординарен, как в окончательном тексте. После того зла, которое он причинил Соне, «он вдруг влюбляется в нее до последнего. (Трагедия)»[141]. Но вот в черновиках является новая запись под названием «Идея романа»: «⟨...⟩. Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием». Далее говорится, что это счастье «приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе»[142].

Возникает, таким образом, еще одна тенденция в романе, которая постепенно приводит к обеднению образа Сони, превратившейся в идеальную, смиренную проповедницу христианства. Но есть в новой идее Достоевского и другая сторона — ненависть к буржуазному комфорту и его защитникам, в каком бы обличье они ни выступали. Эти люди не могут «перетащить на себе» страдание и глухи к страданиям других. Именно поэтому Лужин в последней редакции оказывается неспособным ни к какой трагической любви и превращается в типичного буржуа пореформенной складки. В окончательном тексте романа о любовных чувствах Лужина (в данном случае к Дуне) говорится так: «Он знал, что женщинами можно „весьма и весьма“ много выиграть. Обаяние прелестной, добродетельной и образованной женщины могло удивительно скрасить его дорогу, привлечь к нему, создать



— Полное заглавіе романа:
Подростокъ. Исповѣдь великаго грѣшника.
Писанная для себя.

Замѣчаніе: Подростку въ его качествѣ школьника, и не откровенно (не откровенности и самому что-то открывать — вовсе происшествія, факты, фабулу романа. Тѣ-то онъ дополняетъ объ нихъ и осмысливаетъ ихъ самъ. Что и обозначается во всей манерѣ его разсказа (тѣ же мелкія — почти тѣ же читателя).

Лицо: (типъ)

Мечтатель, о томъ какъ онъ будетъ богатъ, говоритъ и вотъ дамы благодарятъ его. — Или о томъ, какъ онъ поступитъ съ тѣмъ, обманувшимъ его — Вдругъ послѣ строгаго молчанія открываетъ это отъ прислуги или отъ часовыхъ

Можетъ быть это самъ ОНЪ и есть.

Аркадій Долгоруковъ.

Князь Сергѣй Сокольскій.

Князь Николай Сокольскій.

Версиловъ.

Ламберъ.

Офицеръ.

Князь Сергѣй.

Князь Николай

ореол... и вот все рушилось!〈...〉 Наконец, ведь он уже даже любил по-своему Дуню, он уже владычествовал над нею в мечтах своих — и вдруг!..»[143] Словами «наконец», «ведь», «уже даже», «по-своему» каждый раз как бы отнимается частица смысла от понятия «любить», в результате оно совсем обессмысливается, опустошается. В этом качестве бездушного карьериста, подлеца, циника Лужин как нельзя более подходил, чтобы, наряду со Свидригайловым, стать одним из «двойников» Раскольникова.

Постоянное ощущение художника, что идея, характеры и сюжет романа должны органически взаимодействовать, выражено в такой записи на страницах рукописи «Идиота»: «Главная задача: характер Идиота. Его развить. Вот мысль романа. Как отражается Россия. Все, что выработалось бы в князе, угасло в могиле. И потому указав постепенно на князя в действии, будет довольно. Но! Для этого нужна фабула романа. Чтоб очаровательнее выставить характер Идиота (симпатичнее), надо ему и поле действия выдумать»[144].

ОБРАЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ

«Говорят, что тон и манера рассказа должны у художника зарождаться сами собою. Это правда, но иногда в них сбиваешься и их ищешь»,— писал Достоевский[145]. Ярким свидетельством этого могут служить рукописи «Подростка». Много творческих сил на протяжении почти двух месяцев посвящает писатель поискам манеры повествования. Когда Достоевский утвердился в намерении сделать Подростка главным действующим лицом романа, сразу же возникла проблема: от чьего имени вести рассказ— от автора или героя?

Мы видим, как всесторонне обсуждает Достоевский этот вопрос наедине с собой, отмечая 1) своеобразие формы от «*я*», 2) ее преимущества по сравнению с авторской речью, 3) ее недостатки и трудности. «Обдумывать рассказ от *Я*. Много выгоды; много свежести, типичнее выдается лицо подростка. Милее. Лучше справлюсь с лицом, с личностью, с сущностью личности〈...〉 Типичнее и постепеннее выкажутся лица Его и Лизы〈...〉 Наконец, скорее и сжатее можно описать. Наивности. Заставить читателя полюбить подростка. Полюбят, и роман тогда прочтут. Не удастся подросток как лицо — не удастся и роман» (стр. 135). В этой небольшой записи, так же как и в других, аналогичных, выражены важнейшие эстетические убеждения Достоевского: своеобразие формы неотъемлемо от содержания произведения и подчинено ему. Здесь же должно воплотиться и авторское отношение, даже, если автора, как такового, не будет: «*Заставить читателя* полюбить подростка» 〈подчеркнуто мною.— *Л. Р.*〉. В процессе работы Достоевский все более убеждается, что писать нужно «от Я»: «От *Я*—оригинальнее и больше любви, и художественности более требуется, и ужасно смело, и короче и легче расположение и яснее характер *подростка* как главного лица, и смысл идеи как причины, с которою начат роман, очевиднее» (стр. 145). «От Я именно тем оригинальнее, что подросток может пренаивно перескакивать в такие анекдоты и подробности по мере своего развития и неспелости, какие невозможны правильно ведущему свой рассказ автору» (там же). От Подростка, по мнению Достоевского, можно писать сжато: «... изложение от *Я* подростка неоспоримо сократит растянутость романа» (стр. 139). Таким образом писатель надеется избежать некоторой разбросанности в повествовании. «Если от Я, то будет, несомненно, больше единства и менее *того*, в чем упрекал меня Страхов, т. е. во множестве лиц и сюжетов» (стр. 135). Однако форма «от Я» таит и свои недостатки: «Но не надоест ли эта оригинальность читателю? Выдержит ли это *Я* читатель на 35 листах? И главное, основные мысли романа — могут ли быть натурально и в полноте выражены 20-летним писателем?» (стр. 145). Одно время Достоевский склоняется к другому варианту: «Если писать не от лица подростка (Я), то— сделать такую манеру, что 〈б〉 уцепиться за подростка как за героя и не покидать его во все начало романа, так что, наприм〈ер〉, и княгиня, и Он, и обстановка теток, и Долгушины, и все описываются лишь ровно настолько (разумеется, первоначально), *насколько постепенно касаются подростка. Прекрасно может выйти*» (стр. 108). Замечательно, что Достоевский рассуждает так, будто бы он в первый раз в жизни решает подобную проблему, будто бы не было совсем «Преступления и наказания», где после многократных и разнообразных попыток писать от первого лица он избрал именно ту

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ
Фотография 1871 г., Дрезден
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

форму, о которой говорит здесь, и действительно «прекрасно вышло». С абсолютной точностью соответствует стилю «Преступления и наказания» замечание о том, что манера «уцепиться» за героя должна быть выдержана в начале романа. В дальнейшем развитии романа, как известно, некоторые важнейшие эпизоды (например, свидание Свидригайлова с Дуней, конец Свидригайлова) даны вне аспекта Раскольникова.

Но не только в «Преступлении и наказании», в подавляющем большинстве произведений Достоевского манере повествования придается особый смысл. Началось это еще с повести «Бедные люди», когда Достоевский поручил своим скромным героям самим рассказывать о себе и окружающем мире: «В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет образованности. Не понимают, как можно писать таким слогом. Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал» (из письма к М. М. Достоевскому от 1 февраля 1846 г.[146]). В «Двойнике» Достоевский в авторском повествовании «уцепился» за Голядкина, в «Белых ночах» и «Неточке Незвановой» рассказывают сами герои, в «Селе Степанчикове» — отчасти так же, хотя племянник Ростанева для сюжета — лицо второстепенное. В «Униженных и оскорбленных» герой и повествователь опять соединены в одном лице. То же и в «Записках из мертвого дома». Характерно, что во всех перечисленных случаях герой не эгоцентричен. Порученную ему автором роль рассказчика он использует прежде всего для повествования о судьбах других людей. Иное дело «Записки из подполья», где повествователь, говоря о целом мире, рассказывает, в сущности, только о себе. На основе внутренней борьбы между двумя этими повествовательными тенденциями строится стиль исповеди Подростка, что глубоко соответствует психологической характеристике героя (в душе которого противоборствуют индивидуализм и гуманность), а также общей

идее романа. «Слог и тон» исповеди Аркадия должен, по мысли Достоевского, «подсказать читателю развязку» (стр. 135). Черновые материалы к «Подростку», самому крупному произведению Достоевского, где повествование ведется от первого лица, дают богатейший материал для изучения проблемы «полифонического романа».

Герои Достоевского нередко пользуются предельной свободой самовыражения, допустимой в произведениях искусства. К их числу принадлежит и Аркадий Долгорукий. Но предоставляя герою все авторские полномочия, Достоевский находил возможность с большой определенностью запечатлеть в романе свою позицию даже в том случае, если ни одного слова от автора в нем не было. О необходимости слышать авторское слово за словом героя говорит Достоевский в одной из глав «Дневника писателя» 1876 г. («Запоздавшее нравоучение»). Речь идет о том, что один из корреспондентов приписал автору мысли самоубийцы из статьи «Приговор», опубликованной в «Дневнике» несколько раньше. Корреспондент требует авторского слова, авторского «нравоучения». Достоевский отвечает: «Я и сам, когда еще писал статью, чувствовал, что нравоучение необходимо; но мне как-то совестно стало тогда приписать его. Мне показалось, стыдно предположить, даже в самом простодушном из читателей, столько простоты, чтобы он сам не догадался о *подкладке* статьи и цели ее, о нравоучении ее. Для меня самого эта цель была столь ясна, что я невольно предполагал ее столь же ясною и для всякого»[147]. Какими средствами достигал Достоевский ясности своей идеи, своей «подкладки», особенно в тех случаях (а их множество), когда сам он «устранялся» от повествования,— вопрос этот еще мало исследован. Рукописи «Подростка» представляют ценный материал для сопоставления авторской позиции, выраженной в них непосредственно, с тем, как она отразилась в «подкладке» окончательного текста романа.

* * *

История создания «Подростка», как и других романов Достоевского, началась, конечно, задолго до того времени, когда в черновых тетрадях появились первые заметки к будущему произведению. И завершилась она намного позже, чем была сделана последняя запись. Но все же самой значительной — по продолжительности, напряженности творческих исканий и важности открытий — была для Достоевского именно эта — «черновая»— стадия работы.

С осени 1866 г., когда жена писателя Анна Григорьевна стала стенографировать под его диктовку окончательный текст каждого нового произведения, изменился отчасти и сам характер творческого процесса. Период «черновой» работы приобрел еще большее значение, так как в него входили теперь очень многие моменты, необходимые для подготовки связного текста, в создании которого немалую роль играл, по-видимому, элемент импровизации. Тем ответственнее становилась вся предварительная работа писателя, когда он фиксировал в записных тетрадях все самое основное, существенное для будущего романа в целом и каждой главы в отдельности.

Мучительные и радостные часы творчества Достоевский всегда вспоминал с восторгом как лучшее время жизни: «Нет! если я был счастлив когда-нибудь, то это даже и не во время первых упоительных минут моего успеха, а тогда, когда еще я не читал и не показывал никому моей рукописи: в те долгие ночи, среди восторженных надежд и мечтаний и страстной любви к труду; когда я сжился с моей фантазией, с лицами, которых сам создал, как с родными, как будто действительно существующими» [148].

Около тридцати лет назад были изданы материалы к «Преступлению и наказанию» (1931), «Идиоту» (1931), «Бесам» (1935) и «Братьям Карамазовым» (1935)[149]. Ненапечатанными и до последнего времени малоизученными оставались лишь творческие рукописи «Подростка», самые значительные по объему и представляющие во многих отношениях совершенно исключительный интерес. «Подросток» — единственный роман Достоевского, подготовительные записи к которому сохранились почти полностью. В них отражен весь творческий процесс, начиная от первых отдаленных «подступов» к замыслу до заготовок к очередным главам, сделанных во время создания связного

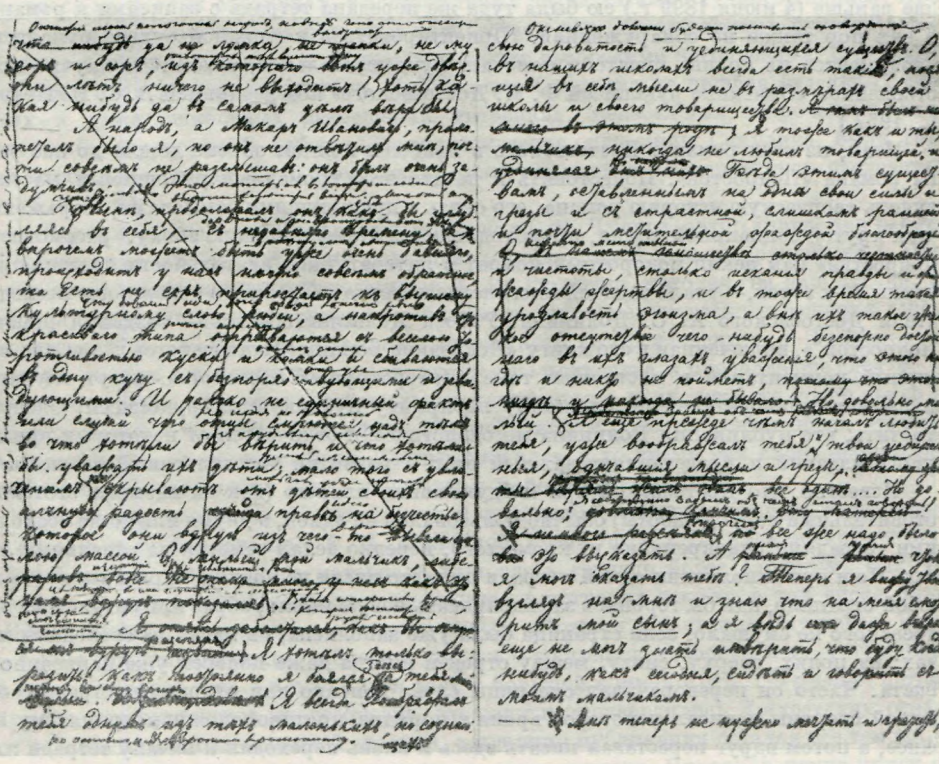
окончательного текста, когда часть романа уже появилась в журнале, а продолжение нужно было писать немедленно.

Черновые рукописи к другим романам дошли до нас в далеко не полном виде, с очень существенными пробелами и не могут дать такой цельной картины. Так, материалов к «Преступлению и наказанию» сохранилось мало. Они относятся к сравнительно поздней стадии работы, к разным эпизодам романа, но преимущественно к первой и второй частям окончательной редакции. Многие фрагменты представляют даже связный текст, но еще в изложении от лица Раскольникова. Начальный этап творческой истории, когда произошло соединение замыслов романа «Пьяненькие» и повести о студенте-преступнике, в имеющихся черновых материалах не зафиксирован.

Совсем иначе обстоит дело с набросками к «Идиоту», где наиболее полно отражена ранняя стадия работы.

На этом фоне гораздо шире представлена творческая история «Бесов», но, что касается «Братьев Карамазовых», то ничем, кроме обширных заготовок к каждой главе романа, сделанных, по-видимому, непосредственно перед диктовкой для стенограммы,— мы не располагаем. Где находятся наброски идей, планов, характеров этого самого большого и сложного создания Достоевского,— неизвестно. В сохранившихся бумагах писателя имеется лишь несколько первоначальных записей к «Карамазовым».

Судьба рукописного наследия Достоевского в целом очень драматична, отчасти так же, как судьба самого автора. От 40-х годов не сохранилось ничего, за исключением писем, все рукописи были отобраны у Достоевского при аресте 23 апреля 1849 г. и погибли в III Отделении. От конца 50-х — начала 60-х годов дошло немногое, в основном — тетради с заметками для публицистических статей, печатавшихся в журнале «Время». Только во второй половине 60-х годов, после



НАБОРНАЯ РУКОПИСЬ РОМАНА «ПОДРОСТОК» С ПРАВКОЙ ДОСТОЕВСКОГО

Текст переписан А. Г. Достоевской
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

женитьбы Достоевского на Анне Григорьевне Сниткиной, архив писателя стал бережно храниться и систематизироваться. Но и здесь не обошлось без злоключений. Уезжая за границу в 1867 г. и думая провести там всего два-три месяца, Достоевские оставили свое имущество, в том числе библиотеку и рукописи, у различных родственников. По возвращении оказалось, что книги были распроданы пасынком Достоевского, П. А. Исаевым. Может быть, в то же время пропали и рукописи Достоевского, о местонахождении которых Анна Григорьевна, ставшая женой писателя всего лишь за два месяца до отъезда, могла не знать. Характерно, что она вспоминает о найденной корзине с рукописями Достоевского как о радостной случайности: «Приятным сюрпризом для меня оказалась большая плетеная корзина с бумагами, хранившимися у одних моих родственников. Рассматривая ее содержимое, я нашла несколько записных книжек Федора Михайловича, относящихся к роману „Преступление и наказание" и мелким повестям, несколько книг по ведению журнала „Время" и „Эпоха"»[150].

Но, как мы уже говорили, в этих записных тетрадях содержатся далеко не все, а лишь часть материалов, относящихся к «Преступлению и наказанию». Перед выездом Достоевских на родину из-за границы, где они, вопреки ожиданиям, прожили четыре года, где были написаны роман «Идиот», повесть «Вечный муж» и почти закончены «Бесы», писатель сжег большую часть своих рукописей, опасаясь таможенного осмотра. «Мне удалось отстоять только записные книжки к названным этим романам и передать моей матери, которая предполагала вернуться в Россию»,— сообщает А. Г. Достоевская [151]. Поскольку в сохранившихся тетрадях мы не находим многих несомненно существовавших записей к последнему замыслу «Идиота», можно предположить, что они находились не в тетрадях, а на отдельных листах и тоже погибли в огне. Загадочно исчезновение рукописи «Братьев Карамазовых», которую Анна Григорьевна заботливо берегла и в 1907 г. сдала на хранение в Государственный банк. Еще раньше (4 июня 1899 г.) ею была туда же передана тетрадь с записями к роману, до сих пор также не обнаруженная. (Ориентироваться в сложной судьбе рукописей и документов из архива писателя помогает фундаментальное, тщательно научно подготовленное «Описание рукописей Ф. М. Достоевского» под редакцией В. С. Нечаевой. М., 1957.)

Итак, из всех романов Достоевского в наиболее полном объеме дошли до нас тексты романа «Подросток». Подготовить к печати этот громадный рукописный массив, изучить творческую историю романа, его связь с предыдущими замыслами, отражение в нем крутой социальной ломки, происходившей в пореформенную эпоху, рассмотреть «Подростка» как некий поворотный момент в литературной деятельности писателя середины 70-х годов,— стало задачей многолетнего труда старейшего советского исследователя Достоевского А. С. Долинина. Работа Долинина «История создания романа „Подросток"», включенная в его книгу «Последние романы Достоевского» [152], и его обширный комментарий в настоящем томе «Литературного наследства» могут служить надежным путеводителем по сложному лабиринту публикуемых рукописей. Следует отметить, что публикация Долинина методологически отличается от некоторых предыдущих изданий и представляет важный этап в развитии текстологии Достоевского.

Известно, что Достоевский при «выдумывании планов» (как он называл этот подготовительный период работы) обычно пользовался не одной, а двумя или даже несколькими тетрадями одновременно и, кроме того, нередко делал заметки на отдельных листах. Но и при заполнении одной тетради он часто писал не подряд, а раскрывал ее на любой странице, как бы торопясь зафиксировать новую мысль, образ или ситуацию. Достоевского не смущало, если страница была уже заполнена, он писал на свободных местах: на полях, сверху, снизу, между строк и иногда даже поперек уже написанного текста. Часто он переворачивал страницы слева направо или открывал тетрадь с обратной стороны и писал некоторое время в порядке, противоположном принятому им ранее, а потом вдруг переставал писать здесь и вновь переходил к началу тетради или к любой случайной странице другой тетради. Более того, в рукописях Достоевского не всегда легко установить последовательность записей, сделанных даже на одной и той же странице: иногда что-то написано в середине, потом сбоку, потом в верхнем углу, а между записями встречаются рисунки и «пробы пера». Но было бы неверно пред-

полагать, что в таком обилии иногда беспорядочно расположенных и редко датированных записей нельзя установить определенной системы. Сам Достоевский, как известно, ориентировался в своих записях вполне свободно; иногда он оставлял ссылки на те страницы, к которым собирался обратиться при написании главы или сцены. Указывая на связь различных записей, Достоевский довольно часто ставил около них какие-нибудь одинаковые знаки (крестики, кружочки, цифры). Цифрами и стрелками он любил обозначать и последовательность текстов. Эти элементы графики, так же как характер почерка, цвет чернил и т. д., помогают и исследователю читать тетради Достоевского в порядке их заполнения. Но главное, разумеется, не в этом. Главное, что позволяло самому писателю легко ориентироваться в массе черновых набросков и что вслед за ним должно помочь исследователю,— это развитие идеи и системы образов, запечатленное в рукописных материалах. Досконально понимание специфики творческого процесса данного писателя, характера его художественного мышления, самое детальное знание общественных и личных обстоятельств, при которых создавалось произведение,— вот единственно верный компас, помогающий текстологу восстановить всю последовательность работы романиста, весь пройденный им путь, от первой до последней записи. Остальные (внешние) особенности текста могут служить лишь дополнительными ориентирами.

Публикации черновых материалов к «Преступлению и наказанию» (подготовлена И. И. Гливенко) и «Бесам» (подготовлена Е. Н. Коншиной) основывались прежде всего на внешних признаках. Воспроизводилась каждая записная тетрадь как целое, как архивный документ, либо с изъятием текстов постороннего содержания («Преступление и наказание»), либо полностью («Бесы»).

Совсем иначе подошел к изданию рукописей «Идиота» П. Н. Сакулин. Он стремился воспроизвести реальный ход работы Достоевского и смело переставлял записи, находящиеся на разных страницах, в соответствии с результатами научного анализа. Правда, его задача облегчалась большим количеством дат, проставленных рукой Достоевского в записных тетрадях к «Идиоту», а также авторскими заголовками, отделяющими один план романа от другого. Публикация Сакулина не лишена отдельных спорных и даже ошибочных размещений материала, неизбежных, впрочем, в такой сложной, новаторской работе. Текстологические принципы Сакулина были горячо одобрены в статье В. Л. Комаровича, напечатанной в «Литературном наследстве», т. 15 (1934 г.).

Через несколько лет Комаровичу возражал Г. И. Чулков, автор книги«Как работал Достоевский» (1939), считавший образцовой публикацией издание рукописей к «Преступлению и наказанию» под редакцией И. И. Гливенко, которая, на наш взгляд, может служить наглядным примером неудачного, чисто механического решения текстологических задач. Каждая страница Достоевского воспроизводится у Гливенко отдельно, и если в подлиннике она обрывается на полуслове, а продолжение следует несколько страниц спустя и соответственно начинается с полуслова, то точно такое же расположение сохранено Гливенко. Мы не говорим уже о бесчисленных «точных» воспроизведениях недописанных Достоевским слов, в то время как слова, написанные полностью и совершенно ясно, напечатаны порой с искажениями.

В отличие от текстов «Преступления и наказания», записные тетради, относящиеся к «Бесам» и опубликованные Е. Н. Коншиной, очень тщательно, вдумчиво прочитаны. Самый состав рукописного материала был здесь гораздо более сложным. Как уже сказано, в книге напечатаны все имеющиеся в тетрадях тексты, в том числе планы «Жития великого грешника», «Вечного мужа», «Повести о капитане Картузове» и др., а также публицистические наброски, записи о состоянии здоровья и т. д. Впервые, в изданиях этого типа в конце книги дается большой комментарий. Но именно потому, что содержание текстов многообразно, что записи производились Достоевским отнюдь не в соответствии с нумерацией страниц, а принцип публикации остался все тем же, по «тетрадям»,— ориентироваться в материале очень нелегко. Правда, в конце книги напечатан примерный хронологический указатель к публикуемым текстам, который, несомненно, помогает разобраться в них. Но вместе с тем этот указатель лишний раз подтверждает научную недостаточность избранной системы публикации.

При напечатании рукописей «Братьев Карамазовых» вопрос о последовательности текстов решался значительно проще, поскольку, как мы уже говорили, все они относятся к одной стадии работы и связаны с соответствующими главами романа.

Несмотря на недостатки, характерные для раннего этапа текстологии Достоевского, нельзя не видеть большой пользы, которую принесли и продолжают приносить изучению писателя даже далеко не совершенные издания. Они сделали доступными очень многие важнейшие тексты Достоевского, углубили наше представление об истории создания его крупнейших произведений. Нет ни одной сколько-нибудь серьезной книги или статьи о Достоевском, где не цитировались бы «записные тетради». Но современный уровень развития литературоведческой науки требует значительно большего: отказа от формально-механического копирования текстов и воссоздания точной, научно обоснованной картины живого творческого процесса писателя. Именно таким подходом к решению текстологических проблем отличается публикация материалов к «Подростку», подготовленная А. С. Долининым, который, в отличие от П. Н. Сакулина, имел перед собой рукописный фонд, неизмеримо более обширный и сложный.

За последние годы советское литературоведение обогатилось целым рядом новых работ о Достоевском, где рассматривается и «Подросток», изученный значительно меньше, чем другие романы. Однако, за исключением работы А. С. Долинина, для анализа «Подростка» черновые материалы почти не привлекались. Издание рукописей, так широко отражающих весь творческий процесс, несомненно поможет углубленному изучению и этого романа Достоевского, и его творчества в целом.

Но публикация материалов к «Подростку» интересна не только для исследователей. Не боясь преувеличения, можно сказать, что изданные в правильной последовательности, они составляют увлекательную книгу о том, как работал великий писатель. Перед нами своеобразная документальная повесть, герой которой — сам Достоевский, его страстная мысль, его неумолкающий спор с самим собой в поисках правды о человеке и человечестве, и его труд — каждодневный, подвижнический труд, без которого нет искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Письма», т. III, стр. 145.
[2] Н. К. Михайловский. Сочинения, т. 3. СПб., 1897, стр. 301.
[3] «Письма», т. II, стр. 100.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 363.
[6] Там же, стр. 81.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же, стр. 161.
[10] Там же, стр. 44.
[11] См. письмо к Н. Д. Фон-Визиной от февраля 1854 г. («Письма», т. I, стр. 141).
[12] «Письма», т. III, стр. 69.
[13] Там же, стр. 88.
[14] Достоевский, 1926, т. XI, стр. 99.
[15] Там же.
[16] Там же, стр. 102.
[17] Там же, стр. 113.
[18] Там же, стр. 96.
[19] Там же, стр. 97.
[20] Там же, стр. 133—134.
[21] Там же, стр. 23—25.
[22] Там же, стр. 29.
[23] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 777—779. По воспоминаниям Чернышевского, поводом к визиту Достоевского были петербургские пожары.
[24] Т. XI, стр. 29.
[25] См. «Январь». Глава вторая («Старые воспоминания»).
[26] Достоевский, 1956, т. 9, стр. 289.
[27] А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Л., «Сов. писатель», 1964, стр. 13.

[28] «Письма», т. III, стр. 140.
[29] «Записные тетради Ф. М. Достоевского». М., «Academia», 1935, стр. 96—108.
[30] Там же, стр. 107, 417.
[31] Там же, стр. 407.
[32] «Письма», т. II, стр. 258.
[33] «Записные тетради Ф. М. Достоевского», стр. 46 и след.
[34] Там же, стр. 53.
[35] Там же, стр. 51.
[36] «Письма», т. II, стр. 261.
[37] Достоевский, 1926. т. XI, стр. 148.
[38] Цит. по материалам публикации Г. С. Померанца, подготовленной для тома «Лит. наследства» «Неизданный Достоевский».
[39] Достоевский, 1926, т. XI, стр. 147—148.
[40] Достоевский, 1956, т. 8, стр. 511.
[41] Там же, стр. 518—520.
[42] Там же, стр. 519.
[43] Там же, стр. 520.
[44] Там же, стр. 515.
[45] «Письма», т. II, стр. 190.
[46] Там же, стр. 291.
[47] Там же, стр. 297.
[48] Там же, стр. 358.
[49] Там же.
[50] «Русский современник», 1924, кн. 1, стр. 200.
[51] «Письма», т. II, стр. 358.
[52] Там же, стр. 61.
[53] «Письма», т. IV, стр. 109.
[54] «Письма», т. II, стр. 298.
[55] Там же, стр. 283.
[56] Там же, стр. 328.
[57] Достоевский, 1956, т. 3, стр. 363.
[58] «Голос минувшего», 1913, № 12, стр. 245.
[59] Неопубликованный дневник А. Г. Достоевской за вторую половину 1867 г. Хранится в ЛБ.
[60] «Письма», т. II, стр. 60.
[61] Там же, стр. 59.
[62] Там же, стр. 283.
[63] Там же, стр. 288.
[64] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Идиот". Неизданные материалы». М.— Л., Гослитиздат, 1931, стр. 32.
[65] А. Г. Достоевская. Воспоминания. М.— Л., ГИЗ, 1925, стр. 115.
[66] Там же.
[67] Там же, стр. 30.
[68] Там же, стр. 49.
[69] Там же, стр. 45.
[70] Там же, стр. 61.
[71] Там же, стр. 72.
[72] Там же, стр. 95.
[73] «Письма», т. II, стр. 282.
[74] Там же, стр. 283.
[75] Там же, стр. 301.
[76] Там же, стр. 257.
[77] Там же, стр. 279.
[78] «Записные тетради Ф. М. Достоевского», стр. 90.
[79] Там же, стр. 94.
[80] Там же, стр. 87.
[81] Там же, стр. 88.
[82] Там же, стр. 244.
[83] Там же, стр. 313.
[84] Там же, стр. 196.
[85] «Письма», т. II, стр. 289.
[86] «Записные тетради Ф. М. Достоевского», стр. 196.
[87] Там же, стр. 317.
[88] Там же, стр. 212.
[89] Там же, стр. 222.
[90] Там же, стр. 209.
[91] Там же, стр. 213.
[92] Там же, стр. 57—58,
[93] Там же, стр. 247.

[94] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Преступление и наказание“». М.—Л., Гослитиздат, 1931, стр. 74, 88.
[95] Там же, стр. 216.
[96] Там же, стр. 73, 177—178.
[97] Там же, стр. 87, 89.
[98] Там же, стр. 94.
[99] Там же, стр. 89. Конспект статьи «Социализм и христианство» будет опубликован в томе «Лит. наследства» «Неизданный Достоевский».
[100] Там же, стр. 143.
[101] Там же, стр. 89.
[102] А. Мазон. Парижские рукописи И. С. Тургенева. М.— Л., Academia, 1931, стр. 114.
[103] Там же, стр. 115.
[104] «Записные тетради Ф. М. Достоевского», стр. 257.
[105] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Преступление и наказание“», стр. 59.
[106] Там же, стр. 65.
[107] Там же, стр. 87.
[108] «Записные тетради Ф. М. Достоевского», стр. 108—109.
[109] Там же, стр. 110.
[110] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Идиот“», стр. 161.
[111] «Письма», т. II, стр. 102—103.
[112] А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 86.
[113] «Записные тетради Ф. М. Достоевского», стр. 423.
[114] Л. П. Гроссман. Достоевский. М., изд. «Молодая гвардия», 1962, стр. 335.
[115] «Письма», т. II, стр. 43.
[116] Достоевский, 1956, т. 7, стр. 136—137.
[117] «Письма», т. II, стр. 288.
[118] Там же, стр. 264.
[119] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Идиот“», стр. 126, 129, 133.
[120] «Ф. М. Достоевский в русской критике». М., Гослитиздат, 1956, стр. 449.
[121] См. «Ноябрь». Глава первая («История глагола „стушеваться“»).
[122] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Л., 1935, Изд-во АН СССР, стр. 133, 135.
[123] Там же, стр. 230.
[124] Там же, стр. 275.
[125] «Письма», т. I, стр. 86—87.
[126] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Преступление и наказание“», стр. 215.
[127] «Записные тетради Ф. М. Достоевского», стр. 79.
[128] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Идиот“», стр. 146.
[129] Там же, стр. 165.
[130] «Записные тетради Ф. М. Достоевского», стр. 294.
[131] «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования», стр. 188.
[132] М. Горький. Собр. соч. в 30 томах. М., Гослитиздат, т. 27. 1953, стр. 314.
[133] См. вступительную статью в кн.: Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные. М., Гослитиздат, 1955, стр. 18—19.
[134] Достоевский, 1956, т. 4, стр. 82.
[135] Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1883, стр. 375.
[136] Достоевский, 1956, т. 9, стр. 310.
[137] Л. П. Гроссман. Достоевский. М., «Молодая гвардия, 1962, стр. 510.
[138] ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 16.
[139] «Письма», т. I, стр. 419.
[140] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Преступление и наказание“», стр. 65.
[141] Там же, стр. 170.
[142] Там же, стр. 167.
[143] Достоевский, 1956, т. 5, стр. 319—320.
[144] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Идиот“», стр. 131—132.
[145] «Письма», т. II, стр. 194.
[146] «Письма», т. I, стр. 186.
[147] Достоевский, 1926, т. XI, стр. 483.
[148] Достоевский, 1956, т. 3, стр. 60.
[149] «Из архива Ф. М. Достоевского. „Преступление и наказание“. Неизданные материалы». М.— Л., Гослитиздат, 1931; «Из архива Ф. М. Достоевского. „Идиот“. Неизданные материалы». М.— Л., Гослитиздат, 1931; «Записные тетради Ф. М. Достоевского». «Academia», 1935; «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Л., Изд-во АН СССР, 1935.
[150] А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 146.
[151] Там же, стр. 136.
[152] А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Л., «Советский писатель», 1964.

ТВОРЧЕСКИЕ РУКОПИСИ РОМАНА «ПОДРОСТОК»

Публикация и комментарии А. С. Долинина

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ НАБРОСКИ К РОМАНУ*

ФЕВРАЛЬ — ИЮЛЬ 1874 г.

Школьный учитель, роман (описание эффекта чтений Гоголя, Тараса Бульбы). Враги, волостной писарь (корреспонденцией дозволяются).

Гамлет-христианин.

Повесть о русском сером мужичке Иване Матвеевиче Проходимове.

Апокрифическое евангелие (NB. Искушение дьяволово, глиняная птица пред нищими духом. Социалисты и националисты в Иерусалиме. Женщины. Дети).

Дети. Мать, вышедшая вторично замуж. Группа сирот. Сведенные дети. Боец за правду. Смерть измученной матери. Протест детей. Бежать? Идут на улицу. Боец один. Странствия, и т. д.

Фантастическая *поэма-роман*: будущее общество, коммуна, восстание в Париже, победа, 200 миллионов голов, *страшные язвы*, разврат, истребление искусств, библиотек, замученный ребенок. Споры, беззаконие. Смерть.

Застрелившийся и бес вроде Фауста. Можно соединить с *поэмой-романом* и т. д.

РОМАН О ДЕТЯХ, ЕДИНСТВЕННО О ДЕТЯХ, И О ГЕРОЕ-РЕБЕНКЕ (NB. Избавляют одного страдающего ребенка, хитрости и проч.).

Нашли подкинутого младенца.

Федор Петрович (любитель детей и кормилица).

Федор Петр., обращаясь к детям по исполнении их поручений, говорит: «Господа, я ваши дела исполнил и спешу дать вам отчет». Или: господа, я прочел такую-то книгу, и вдруг рассказывает им о Шиллере или о чем-нибудь политическом и т. д. (NB. Сам взрослый ребенок и лишь проникнут сильнейшим живым и страдальческим чувством любви к детям).//

Человек в высших экземплярах своих и в высших проявлениях своих ничего не делает *просто*: он и застреливается не просто, а религиозно.

«Московские ведомости», 26 февраля, 74, из Бахмута о жене-пристяжной.

Один хотел дать другому 100 000, но не знает, как предложить.

---

* Все тексты Достоевского печатаются по современной орфографии. Расположение абзацев и строк на каждой странице не сохраняется. Страницы отделяются друг от друга двумя косыми чертами (//). Написания имен, в которых имеются разночтения (напр. Ламбер и Ламберт) унифицированы в соответствии с наиболее частым употреблением. *Ред.*

Батюшки (очерк). Коклеты, чёрт возьми, попик и студент и проч.

Заговор детей составить свою *детскую империю*. Споры детей о республике и монархии. Дети заводят сношения с детьми-преступниками в тюремном замке. Дети-поджигатели и [портящ] губители поездов. Дети обращают чёрта. Дети развратники и атеисты. Ламберт. Andrieux. Дети убийцы отца («Москов. ведомости», № 89, 12 апреля).

Чиновник, его свадьба, подкинутый ребенок: заводит воспитательный дом, принимает подаяние, выходит в отставку.
И другой чиновник (на обороте), сам дитя, и т. д.//

Момент. Быстрая встреча молод⟨ого⟩ человека (идеал борьбы) с прежним товарищем, решившимся застрелиться. День с ним. Тот застреливается.

Маг. У Дюссо или в Мал⟨ом⟩ Ярославце. Переворот голов и проч. (Мальчик-лгун рассказывает это и говорит: я сам видел).

Хищный тип (разбор кн. Данилы Авсеенком). Почему *дурак* князь Данило имеет право на мое внимание. Сопоставление у Авсеенко простого честолюбца, который бы непременно вернулся в Петербург к празднику, с князем Данилом, который, напротив, не вернулся по необузданности натуры своей, ибо страстен, женился на Милуше и хочет быть в страсти свободным. А потом хнычет: зачем не вернулся. NB. Это потому, что он, главное,— *дурак*. Настоящий хищный и на Милуше женился бы всецело и вернулся бы. Было бы безнравственно, но у полнейшего хищника было бы даже и раскаяние и все-таки продолжение всех грехов и страстей.
Не понимают они *хищного типа*.
NB NB. Иметь в виду настоящий хищный тип в моем романе [к] 1875 года. [Это будет] Это будет уже настоящий героический тип, выше публики и ее живой жизни, а потому понравится ей обязательно. (А кн. Даниле, например, нечем нравиться).

Хищный тип (1875 года).
Страстность и огромная *широкость*. Самая подлая грубость с самым утонченным великодушием. И между тем, *тем* и *сила* этот характер, что эту бесконечную широкость преудобно выносит, так что ищет, наконец, груза и не находит. И обаятелен, и отвратителен (красный жучок, Ставрогин).

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ
№ 50. ВТОРНИКЪ 1874. 26-го ФЕВРАЛЯ.
ГОДЪ СТО ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ЗАГОЛОВОК ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ», 1874, № 50, 26 ФЕВРАЛЯ

Здесь была напечатана корреспонденция «Из Бахмута», упоминаемая Достоевским в черновых записях к роману «Подросток»

ИЗЪ БАХМУТА.

По причинѣ трехлѣтнихъ неурожаевъ, изъ нѣкоторыхъ селъ Бахмутскаго уѣзда крестьяне начали переселяться въ Кургансkую станицу. Восемь семействъ изъ села Петровскаго 2го уже тамъ съ прошлой весны, и еще до 20 семействъ собираются весной. Но мѣсто тамъ болотистое, и пришлый народъ платится здоровьемъ за хорошія жатвы; многіе крестьяне здѣшняго уѣзда возвратились оттуда не досчитываясь одного, двухъ членовъ семьи.

Недѣли три назадъ въ здѣшнемъ уѣздѣ произошелъ такого рода случай: въ селѣ Андреевкѣ одна крестьянка, терпѣвшая постоянно отъ лобоевъ мужа и свекрови, убѣжала изъ своего дома къ своей матери; та, подъ опасеніемъ отвѣтственности за пріемъ дочери, не пустила ея къ себѣ, и молодая женщина, переночевавъ на гумнѣ своего отца, раннимъ утромъ ушла въ чужое село, верстъ за 15, къ одной своей подругѣ, вышедшей туда замужъ. Жила она тамъ съ недѣлю, зарабатывая свой хлѣбъ пряденіемъ и всякою другою работой; но сельское начальство потребовало отъ нея вида, и за неимѣніемъ его, написало въ село Андреевку съ запросомъ, дѣйствительно ли такая-то крестьянка отпущена начальствомъ? Вмѣсто отвѣта прибылъ изъ Андреевки мужъ этой крестьянки, съ двумя своими товарищами, взять ее домой. Прибыли они въ село Богоявленское вечеромъ, и въ ночь уѣхали обратно. Отъѣхавъ отъ села съ полверсты, двое изъ нихъ (мужъ этой женщины и другой) перепоясали женщину веревкой, и привязавъ ее къ оглоблѣ, начали шибко погонять лошадей и бабу, которая должна была бѣжать вмѣсто другой пристяжки, подвергаясь все время ударамъ нагайки съ узломъ на концѣ. Проѣхавъ такъ верстъ пять, компанія остановилась ночевать, заставивъ бабу угрозами молчать; а утромъ поѣхали дальше, и опять привязали бабу вмѣсто пристяжной. У шинка, бывшаго на дорогѣ, они остановились выпить, оставивъ бабу привязанною къ оглоблѣ. Содержатель шинка, увидѣвъ это, отвязалъ женщину и предложилъ ей поѣсть, но она отъ боли упала на сани, а между тѣмъ вышли изъ кабака ея мужъ съ товарищами, и повезли ее дальше; отъѣхавъ немного, опять привязали ее къ оглоблѣ и такъ въѣхали въ свое село. Народъ окружилъ ихъ и поймалъ мужиковъ и женщину къ волости. Мужъ требовалъ отъ старосты чтобъ его жену высѣчь за побѣгъ; но староста не допустилъ этого, а отвязавъ ее, уговаривалъ ихъ мириться и отправиться домой. Нѣсколько дней провела баба въ домѣ мужа, подвергаясь еще бо́льшимъ лобоямъ; но наконецъ кое-какъ выкарабкалась изъ дому къ своему отцу, который уже рѣшился принять ее и подалъ волости жалобу на зятя. Потащили больную вновь въ волость, и при освидѣтельствованіи ея, все тѣло ея—спина, руки и ноги, оказались въ синякахъ. Послали дѣло къ слѣдователю. Онъ вытребовалъ доктора и хотѣлъ требовать къ себѣ и больную; но волость отвѣтила что она такъ слаба что не можетъ быть доставлена къ нему. Поѣхалъ онъ съ докторомъ въ село Андреевку. Состояніе здоровья избитой женщины оказалось очень плохимъ, и выздоровленіе сомнительнымъ.

Изъ разспросовъ оказалось что женщина эта вышла замужъ по своей охотѣ, два года назадъ, вопреки желанію матери жениха; поведеніе ея было очень

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ «ИЗ БАХМУТА»

«Московские ведомости», 1874, № 50, 26 февраля, стр. 3

№. ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ ТИПЕ. 4 мая 74 *.

[Сам] Снес пощечину, отмстил втайне, бесчестил, выносил великие впечатления.//

ТОЧНОСТЬ — c'est la politesse des rois **.— Да ведь вы-то — не король.

Хищ⟨ный⟩ тип при встрече с княгиней жертвует своим местом у князя и говорит ей грубости, но тем нравится.

Задумал было к скопцам ⟨в⟩ секту (денег).

Вертится полячишка Жеромский, адвокатишка. Портрет — (передоверил противному адвокату).

---

* Здесь справа: «Только что зародился новый месяц».

** вежливость королей (*франц.*).

Треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море. Исчезли и *стерлись* определения и границы добра и зла. *Н. В. Д—ко* и *Жеромский*. Нынче честно не проживешь. Характеры среды, русла.

Вечером значит только *вечером*, а *вечор* значит вчера вечером.

А вы, знать, рассчитывали около моего процесса *попитаться*. Или: попитался около него маленько.

* Молодой человек (№ великий грешник) после ряда прогрессивных падений вдруг становится духом, волей, светом и сознанием на высочайшую из высот. (Не объяснять читателю, просто вдруг. Все дело в том, что все зачала нравственного переворота лежали в его характере, который и поддался-то злу не наивно, а со [сознатель‹ной›] злой думы и т. д.).//

Он у нас, как месяц молодой, появлялся: только взойдет, тут же и закатится.

** Думать о *хищном типе*. Как можно более сознания во зле. Знаю, что зло, и раскаиваюсь, но делаю рядом с великими порывами. Можно так: *две деятельности* в одно и то же время; в одной (с одними людьми) деятельности он великий праведник, от всего сердца, возвышается духом и радуется своей деятельности в бесконечном умилении. В другой деятельности — страшный преступник, лгун и развратник (с другими людьми). Один же с собой на то и другое смотрит с высокомерием и унынием, отдаляет решение, махая рукой. Увлечен страстью. *Здесь* — страсть, с которою не может и не хочет бороться. *Там* — идеал его очищающий и подвиг умиления и умилительной деятельности. Обе стороны и люди, тут замешанные, под конец романа встречаются. Злобствует на свой дар живучести среди безверия, подлости и тщеславия.

!?! Задача. Соединить роман: *дети* с Этим натуральнее.

Этот хищный тип большой скептик. Социальные идеи у окружающих его, над которыми он смеется. Разбивает беспощадно идеалы у других (у одного мальчика) и находит в этом наслаждение.

Черта. Он очень добр и вежлив со всеми, несмотря на свои злодейства. Делает зло спокойно и даже добродушно, дружески и благосклонно смотрит на человека, которого он измучил и [от] который от него погиб: «друг мой, зачем же ты мне подвернулся. Мне надо было удовлетворить мою прихоть, а я самой маленькой прихотью тебе не пожертвую».

№. Иногда же жертвует всем для самой маленькой прихоти другого.

У него убеждение (хоть и не теория): нет другой жизни, я на земле на одно мгновение, чего же церемониться. Но так как условия общежития установились обществом в роде контракта, то плутуй втайне, нарушай контракт втайне, и если этим нарушается // гармония и выходит диссонанс для будущего общества, то — какое мне дело, хоть бы они провалились не только в будущем, но хоть и сию минуту и я с ними вместе, après moi le déluge ***. Параллель: как у нас истощение почвы и истребле-

---

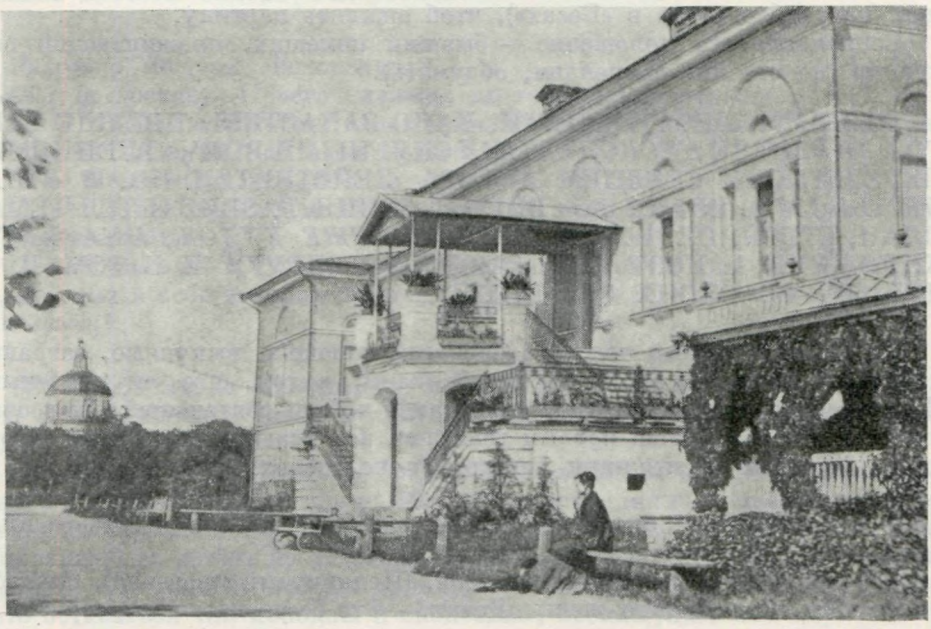
* Слева: «Ст‹арая› Русса».
** На левом поле: «Эмс».
*** после меня хоть потоп (*франц.*).

ние лесов. (Но не из теории о том, что нет будущей жизни, это происходит. И он сам смеется над тем, чтоб его характер мог быть таким от теории. Но он ошибается: не от теории, а от чувства этой теории, ибо он атеист не по убеждению только, а всецело). У него такая даже наклонность мысли: вот прекрасное видение и впечатление. Так глушить их скорее: все то существовать будет одно мгновение, а в таком случае лучше бы и не быть этому прекрасному.

№. В него влюбляется страстно женщина. (В ту молодой юноша 20 лет). У этой, или у другой, жены его,— дети. Вражда с детьми (он обольщает одну девочку, которая изменяет шайке детей и матери. Мать умирает). Ревность матери к ребенку, к своей же девочке. Но в самой средине ревности мать ее допрашивает [мучает] и покрывает поцелуями. Но девочка высокомерно и подозрительно холодна. Мать ноет над ней: зачем ты меня не любишь? [Мать] Девочка больна и в бреду. Мать над нею. Мать умерла. Девочка чуть с ума не сошла от раскаяния. Упрекает его [за] (тот охладел и смеется). Странные и фантастические упреки, хотя и *краткие*. Девочка повесилась. Мать перед смертью влюбилась в князя.

№. Мать из хорошего более высшего общества, чем Он. №. Вроде графини В-ой Дашковой, вышедшей бы замуж за доктора. Оттого и князь, что есть связи в том обществе.

Он бросает ребенка, [та] девочка повесилась. *Жучок*. Неотразимость раскаяния и невозможность жить после жучка. И это рядом с способностию сознательного зла. Его губит сразу совершенно неотразимо бессознательное жизненное впечатление жалости, и он гибнет, как муха.



СТАРАЯ РУССА. МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. ГЛАВНОЕ ЗДАНИЕ
Здесь находилась читальня, где Достоевский просматривал газеты. Фотография 1880-х годов
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Эмбрион плана. Жена с сведенными детьми, праведница, его адская жертва, всем ему пожертвовавшая, погубившая для него князя Г⟨олицы⟩на (история смерти того), предавшаяся мучителю беззаветно. Ее он адски мучит для наслаждения ее мучениями.

Орава детей и их заговор. Изменница одна девочка, дочь его жены, его падчерица. Ранняя любовь ребенка. После смерти матери повесилась (тут-то жучок).

Мать и маленькая дочь ревнуют друг друга. (У оравы детей советник и руководитель Федор Федорович, идиот).

Это — мрачная *Его* деятельность. Светлая же в любви к одной девице или чужой жене. (Вот из // ревности-то к этой чужой и умерла его *своя* жена, мать падчерицы). Там, с тою и во всей тамошней обстановке он светел, великодушен и героичен.

!?!NB. Он *втайне* делает добро и посещает нуждающихся. Детская орава (империя) это проведала. Тут *объявляется* тоже героический мальчик, который поражен Им, удивляется Ему, изменяет ораве и переходит к Нему, в Его обожатели. Сношения Его с оравой. Но другой героический мальчик, предводитель оравы, император (империя или республика? — споры), не поддается Ему, усиливает вражду. Он всегда был соперником и врагом перешедшему мальчику, а втайне другом. Теперь он страдает, когда тот перешел, страдает до самоубийства.

*NB. После повесившейся падчерицы, он не очень жалеет, гораздо более разгорается он жалостию (против воли) к ** умершей жене. (NBNB. Мальчик дает ему пощечину). На обожавшей его девушке (праведнице) он женился или женится. И тут вдруг жучок. Детская республика разрушается сама собою.

Примечание. Это картина *АТЕИСТА*. Это главная мысль драмы (т. е. главная сущность Его характера).

Но *вставить непременно* *** несколько действительных, насущных лиц (как губернатора в «Бесах»), чтоб оживить картину.

Социальное его положение — бывший помещик, проживающий выкупные (но это под сомнением, обдумать).

ЧТОБЫ НАПИСАТЬ РОМАН, НАДО ЗАПАСТИСЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО *ОДНИМ* ИЛИ *НЕСКОЛЬКИМИ* СИЛЬНЫМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ, ПЕРЕЖИТЫМИ СЕРДЦЕМ АВТОРА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО. *В ЭТОМ ДЕЛО ПОЭТА*. ИЗ ЭТО⟨ГО⟩ ВПЕЧАТЛЕНИЯ РАЗВИВАЕТСЯ ТЕМА, ПЛАН, СТРОЙНОЕ ЦЕЛОЕ. *ТУТ ДЕЛО УЖЕ ХУДОЖНИКА*, ХОТЯ ХУДОЖНИК И ПОЭТ ПОМОГАЮТ ДРУГ ДРУГУ И В ТОМ И В ДРУГОМ — В ОБОИХ СЛУЧАЯХ.//

NB. *Он* — праздный человек (прежний помещик, выкупные, заграница), и его обвиняют враги его (и обе жены) в том, что он праздный. И вдруг явилась случайно для него какая-нибудь деятельность (подсочинить); и он оказывается первым деятелем, все уладившим, тогда как обвинители его и насмешники ничего тут не сделали.

Федор Федорович, как Баранов; на конторе у какого-нибудь Башмакова и отменно хорошо знает свое дело.

[Чинов] Федор Федорович женится. (Подкинутый младенец). Свадьба расходится. Содержание жены. Детки.— Это бессознательная страсть к

---

* На левом поле рисунок — лицо пожилого мужчины.

** Исправлено из: «за».

*** «*непременно*» — подчеркнуто трижды.

детям. С женой, с которою расстроилось, объясняется, как *книга* (он вообще говорит, как книга, входит в сношения и ужасно как начинает ей нравиться).

!?! Может быть, эта жена Федора Федоровича и есть та чужая жена, где совершается праведный подвиг Его.

А может быть, ее сестра.

Федор Федорович отдал свое имение другому брату (уж не брат ли его Он.) В таком случае, он брата любит и неизменно с ним ласков, но, когда надо, прямо говорит ему, что он злодей, но совсем не презирает его, точно признавая факт, и продолжает быть ласковым. Деятельное лицо, но главное только в детях.

Есть идеи, которым он верит неизменно и слепо. Несколько социальных идей, между прочим. Но не верит в коммунизм.

Про народность: «В том то и есть, что я совершенно народен, что я совершенный русский. А впрочем мне все равно». И действительно, он мало заботится: народен он или нет? Но странно: народ при соприкосновении с ним (NB сделать это соприкосновение в романе) — совершенно и *прямо* признает его за своего.//

(Дети проклинают классицизм. Заговор против Каткова. Но Федор Федорович разбивает их рассуждения в прах, и они становятся обожателями Каткова.)

NB. Федор Федорович женится не по страсти и не по любви, а по какому-то семейному условию. Невеста холодна с ним ужасно (перед расстроившимся от подкинутого младенца браком). Фед. Федорович хорошей фамилии (захудалые роды).

NB. Вводить ли дурака в вагоне. (Юр⟨одивый⟩) (и в бане — нога) и молодого человека? (молодой человек может соперничать с Ним). *Он*-то и есть любовник чужой жены (праведный подвиг), а эта чужая жена есть бывшая невеста Федора Федоровича.

Разговор Федора Федоровича:

Она (в досаде). Нечего сказать, вы-таки самодовольны.

Ф. Ф. Я согласен, что это мой чрезвычайный недостаток (NB. хотя он и никогда не думал об этом недостатке).

Она. Нечего сказать, вас не поймаешь на слове.

Ф. Ф. (в некотором удивлении). Как, вы меня ловили? А я думал, вы *просто* говорите.

Она. Чувствует к Фед. Ф-чу ласковость, говорит с ним, он ей нравится, но сама в себе говорит прямо: «Нет, он невозможен!» (т. е. как муж, *как самец*).

NB. Высокомерие (кажущееся) и спокойствие Ф. Ф-ча и были причиною ее ненависти к нему и приготовили сцену [после] разрыва после подкинутого ребенка.

Она (и многие) считают Федора Ф-ча ребенком, ничего не понимающим в жизни и в человеке, и вдруг Фед. Федорович, когда пришло время (но совершенно нечаянно и не думая подготовлять сцену), рассказал ей всю психологию ее души, до глубины ее ужаснувшей, но спокойно и почти холодно. «Но если вы все это проникли и знаете в людях, то как вы можете оставаться так холодны и спокойны», воскли//цает она ему.

Но ведь я не холоден и не спокоен, отвечает он ей, но так холодно и спокойно, что *как будто* не понял замечание.

Разгадка в том, что он idea fixa, а таковые все спокойны, хотя бы на казнь идти.

Он [40] *сорока лет*, а Федор Федорович, младший брат Его (или еще лучше сведенный брат) *двадцати семи.*

Сведенный брат. (Об этом подумать).

С Ним неожиданный (главное для *него* неожиданный) припадок ревности к измученной им жене, которой он сам изменил. Он смеется было, считая это припадком самолюбия *, но страсть давит его (Сон. Гол⟨ицын⟩),—дуэль, мысль о убийстве его на *ее* глазах и что она скажет. Ее любовь к [нему] Г⟨о⟩ли⟨цыну⟩. Страстная любовь Его к ней. Преступление.

Он — дурного рода, сын какого-то чиновника, но *высший* и *известный* человек по образованию. Он, может быть, стыдится того, что дурного рода, и страдает. (NB. Брат говорит про него или ему: «А ведь стыдишься, что не аристократ»).

NB. Кандидат на судебные должности. (Не старший ли брат в обедневшей семье, праведник и сидень). Он получил до женитьбы пощечину (*история* и *обстановка*), за *которую она* и вышла за него, а потом его же этим укоряет. ([В ней] когда «мой князь» и проч.). В нем *все низости падения* и все ощущения высокой мысли. Во мне все низости падения (тайный разврат). Молодой мальчик, работающий у графа, — его брат. (Может быть, проповедь о Христе и боге, а он атеист). Изрубил образа.

Империя детей.

(Благородного подвига à part**, как отдельного эпизода, не надо.)

NB. Выравнять и концентрировать (сознать) этот характер сильнее. Сделать его симпатичнее. (Развратный человек. Разврат).//

NB!!! В нем усталость и равнодушие и вдруг (часто) быстрый порыв на какое-нибудь дело (и большею частию развратное и ужасное), часто и на благородное (но он непременно его опакостит и под конец кончит чем-нибудь развратным, тайным и ужасным).

Он — проповедник христианства, и потому-то княгиня и бросила свой свет и всех и пошла за него. А потом [при сме] он разбивает образ (перед или после смерти ее, лучше перед). Я развратен, я атеист.

[Или] Главное, он [всегда] иногда высоко искренен, тем и поражает.

Он и есть главный управляющий делами графа, у которого с женою связи, а брат выписан им в помощники (тоже на конторе). С ним-то и история с Lambert.

№.(NB. С женитьбой его на вдове-княгине состояние его несколько поправилось. Но княгиня мало имеет своего состояния).

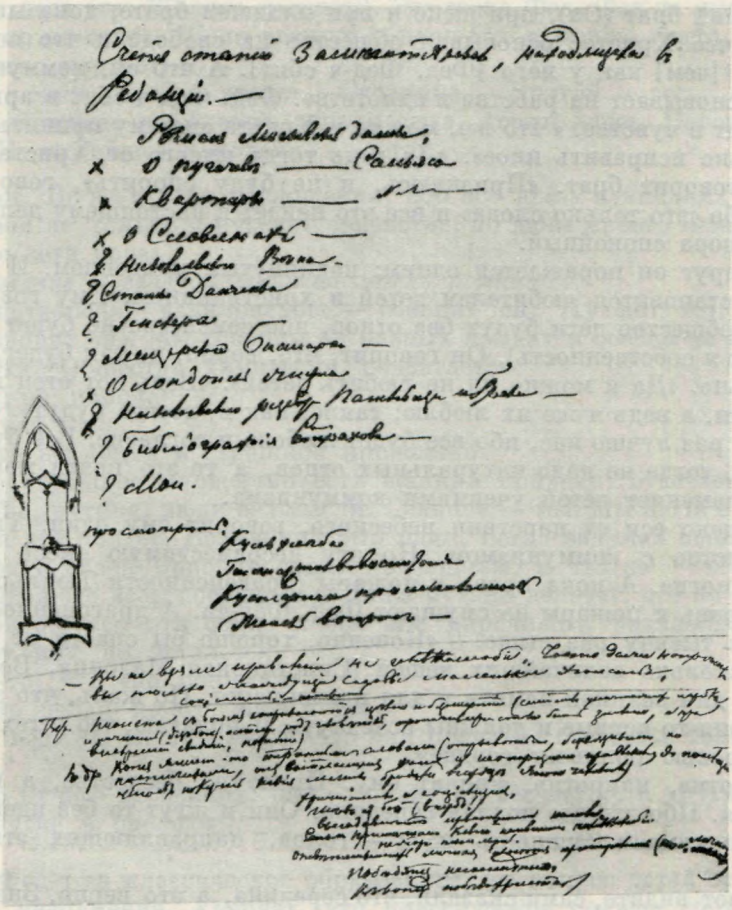
ЗАДАЧА: ВМЕШИВАТЬ ЛИ ДЕТЕЙ?

№ Федор Федор-ч выигрывает билет, но признает его чужим, ибо купил у чиновника. Его невеста и семейство ее кричат против его намерения отдать. Он ничего не говорит и отдает, что узнается в день брака. Но невеста все-таки думает, что он только часть отдал и узнает, что отдано все, уже после венца. А тут вдруг подкинутый младенец. Разъезжаются.

---

* Исправлено из: «самолюбием».

** отдельно (*франц.*).



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК» С ЗАМЕТКАМИ О ЖУРНАЛЕ «ГРАЖДАНИН»

Тетрадь № 8, л. 17

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

NB. Дело в том, что товарищ, которому он отдал выигрыш билета, ни копейкой не поделился с ним. Фед. Фед. (по обыкновению) не находит этого ни хорошим, ни дурным и принимает как факт. «В нынешнем обществе и не может быть других явлений и других людей».

Его ничто не смущает, даже явные оправдания матереубийц, чему старший брат радуется, чтобы все развалилось, и Фед. Фед. с странным любопытством // смотрит на него и отвечает: «да, да, именно, чтобы все поскорей развалилось». Но он не понимает, что старший (Он) говорил в другом ⟨смысле⟩ развалилось. *Он* говорил в том смысле, чтобы все пошло к дьяволу, а Фед. Фед., чтобы поскорее настало новое общество.

Фед. Фед.— социалист и фанатик, но как бы холодный и расчетливый, а старший — скептик и ничему не верующий. Фед. Фед-ч — весь вера, а Он — весь отчаяние.

Про Христа Фед. Фед-ч отзывается, что в нем было много рационального, демократ, твердость убеждения и что некоторые истины верны. Но не все.

Старший брат (Он), при жене и при младшем брате, доказывает Фед. Фед-чу, что Христос основывал общество на свободе и что нет другой свободы, [чем] как у него [Фед. Фед-ч сбит]. А что он, коммунист Фед. Фед-ч, основывает на рабстве и идиотстве. Фед. Фед-ч сбит в аргументах, но не сбит в чувстве. «Что же, можно и Христа систему принять, говорит он. Только исправить иное». «Да ведь тогда ничего от Христа не останется», *говорит брат.* «Признаюсь, *я* не буду спорить», говорит Фед. Фед-ч, ибо «это только слова» и все это нейдет к настоящему делу. И уходит от спора спокойный.

Но вдруг он поражается одним: подкинутым младенцем. И *непосредственно* становится любителем детей и христианином. Ему говорят, что в новом обществе дети будут без отцов, ибо семейства не будет (а семейство, так и собственность). Он говорит, что, верно, не так будет, если это натурально. «Да и можно ли не любить детей». «Ведь вот отец и мать их побросали, а ведь я же их люблю; такие, как я, всегда будут». «О! будут в тысячу раз лучше нас, ибо все будет любовь и согласие! Все будут отцы и матери, тогда не надо натуральных отцов, а то это почти монополия».

Воспламеняет детей учениями коммунизма.

Недалеко еси от царствия небесного, говорит ему один. Ты смешал христианство с коммунизмом. Но эту несовместимую смесь делают и теперь многие. А пока кровь и пожары (драгоценности Тюильри).

Но кровь и пожары не смущают Фед. Фед-ча. А драгоценности будут лучше, в тысячу раз выше. // «Конечно, хорошо бы спасти от будущего огня несколько величайших вещей (Сикстинская Мадонна, Венера Милосская) для великой памяти и для примирения. Но жаль, что это невозможно; они-то первые и должны исчезнуть. Я полагаю, что у тех, которые жгут, кровью обливает сердце».

Напротив, напротив, кричат ему. Право на бесчестье, а не слезы. Радуются. Ибо это все подлая середина. Они и жгут-то без идеи. Это мы только понимаем сущность идеи — голов, направляющих эти подлые руки.

Ну, вот видите, сами сказали, что середина, а это верно. Значит, и не могло быть иначе, следств⟨енно⟩ чего же роптать?

И ты спокоен!—восклицает Он. Не то, что роптать и бунтовать, а проклясть. Если мир так идет, что подлое дело должно очутиться на месте светлого, то пусть все провалится: «Я не принимаю такого мира», говорит Он.

Все несчастье его, что Он — атеист и не верует *воскресенью*, а Фед. Фед-ч уверовал в смысл коммунизма.

Фед. Фед-ч разговаривает *потом* с будущей своей женой о детях: «Ведь вот вы же не такая *книга*. Ведь вот вы же весь обратились в живое чувство, в одно ощущение»,— говорит ему жена. «Но до этого вы были книга. Что вам женщина!»

— Ах, если б вы знали, как много значит!

— Неужто? вы любили? Любите?!

— Да (это говорит он совершенно неожиданно для читателя).

— Кого же?

— Я *вас* люблю * и т. д.

— О, вы не знаете, как я вас любил.

— Неужто?

— Да я вас и теперь люблю, еще пуще *люблю*, чем тогда.

(Начинаются грациозные отношения между мужем и женой. Но не сходятся: «*Он невозможен*»). (Он при ней чиркает молоко из грудей кор-

* Над строкой.

милицы и пьет его. Желтые пеленки). Эта жена Фед. Фед-ча имеет связи с (Ним), но не связь. Жена ревнует. Связь Его с женою графа. (Старый джентльмен, портрет). //

Итак, один брат — атеист. Отчаяние. Другой — весь фанатик. Третий — будущее поколение, живая сила, новые люди. Перенес Lambert'a.' (И—новейшее поколение — дети).

Главное. Во всем идея разложения, ибо все *врозь* и никаких не остается связей не только в русском семействе, но даже просто между людьми. Даже дети врозь.

Разложение — главная видимая мысль романа *.

«Столпотворение вавилонское»,— говорит он. Ну вот мы, русская семья [говорит он]. Мы говорим на разных языках и совсем не понимаем друг друга. Общество химически разлагается.

— Ну, не народ.

— Народ тоже.

— Есть же семьи и страшное множество.

— Это страшное множество есть жалкий призрак, отвечает он, это все средина, рутина, люди без мысли. Главное — мы. Мы люди с мыслию, и за нами все пойдет. Белинский был один, когда задумал свой поворот после статьи своей Бородин⟨ской⟩ Годовщины, и что же — все за ним пошли. Идея его всех победил⟨а⟩. Даже рутина лепечет, его не понимая. Так и теперь, все эти семьи и вся эта народность разложится, даже образа от них не останется.

— То-то, что «не понимая».

— Зато делая по-его, как и все.

— Да ведь ты же говоришь, что они праву на бесчестье только обрадовались.

— Это ничего не значит: они — праву на бесчестие, а другие — другому. Другие и одолеют.//

Фед. Фед-ч за классическое образование, на вопрос детей отстаивает, признает недоумение. Уверяет, что классическое больше соответствует нашим целям, и удивляется, что либералы отвергли.

Фед. Фед-ч долго колебался, как сказать детям, говорил **, что не приготовлен к вопросу; наконец, изучил и приготовил.

Контора хотя в доме графа, но в компании еще с каким-то графом Полетикой, двумя жидами и еще русским капиталистом (железная дорога).

*** Картина земли под снегом через 100 000 лет. Глупость создания. «Что глупее всего, так это то, что вам докажут, что это вовсе не глупость, а так факт, тогда как я знаю же почему-то, что это глупо (чтоб пустые холодные шары летали). Игра в Монаке несравненно выше всего, что существует».

— Да вам-то что же?

— Да [обидно] ничего.

Старый князь говорит:

— Послушай,—ч, милый, тебе-то что же, ну пусть их летают (шары то есть).

---

* «*Разложение ∞ романа*» — на левом поле.

** Над строкой.

*** На левом поле: «3-я часть».

История пощечины; перенесение пощечины. Беспокойство жены, чтоб не было дуэли. Жена поздравляет его с твердостью духа, но он знает, что она презирает его. (Пощечина уже заслуженная, во время мучения жены).

Разврат его тайный ей известен (она ночью следует за ним и уличает).

Любовь ее все более и более, до встречи с князем. Ей 30, первого ребенка (девочку) она имела 17 лет.

Князю Г〈олицыну〉 24 года *.

Он о святом Феодосии.

Черта. Он ужасно любопытен, любит сплетни: «Что там у вас такое завелось?» Сам не спрашивает из гордости и ждет, чтоб донесли ему.

Он часто в раскаянии и слезах и тогда простодушно валяется у ней в ногах, все ей рассказывает. Я тебя замучаю, говорит он жене, а как ты умрешь, я не перенесу тебя...//

Он ее отравляет. Или просто с ней горячка [и он втыкает ей гвоздь]. Ибо она сама не выносит напряжения с князем, и он жалеет, что не задушил ее.

Он трус, но тут идет на опасность.

У меня нет денег, сударыня.
Quêteuse **. Я не человеколюбив, сударыня.
Я не люблю бедных, сударыня.
Я не человеколюбив, сударыня.
У меня есть деньги, сударыня, и я надеюсь прожить без людей.
?NB. У него есть деньги, и он надеется прожить *без людей*.

[?] НАЧАТЬ РОМАН: [Он-таки в] Разговор ее с братом, графом. Граф генер〈ал〉. Он высший человек и умный, я очень его люблю,— но он глуп, и я даже очень его не люблю. Он-таки вышел в отставку. Та с жаром защищает его. А дома нападает на него, что он вышел в отставку ***. Тоже смешная и болезная. Они говорят о процессе. Ее процесс о наследстве. Тут вся наша надежда, говорит он; деньги детей.

Молодой мальчик, брат, доносит ей, что он развратничает ночью. Она прогоняет и не верит. Старший мальчик грубит. Лиза. Приготовление к женитьбе среднего брата Федора Федоровича. Младший выходит и встречается с Lambert'ом, говорит ему о домашних.

Есть ли дьявол? 3-й брат спрашивает старшего. Между тем бунт детей.

Приготовляется дело с пощечиной. Князь Г〈олицын〉 (по делу о наследстве).//

...**** Я не могу с этим не согласиться (т. е. что это все равно и что [при] никто не виноват), но [в таком случае игра двух лавочников в шашки], имея разум, не могу не признать этого ужасно глупым, несмотря ни на какую невинность, и игра двух лавочников в шашки бесконечно умнее и толковее всего бытия и вселенной.

Стало быть, вы все-таки не верите же в бога или так говорите?

— Я [говорю это] вывожу так в случае, если нет бога.

---

* Исправлено из «26 лет».

** Собирательница пожертвований (*франц.*).

*** На левом поле вариант: «над его род〈ом〉». И дальше: «Ты переменил общество. Княжна Mimi 〈?〉 Его там же принимают».

**** На левом поле: «3-я часть».

ПЕТЕРБУРГ. ДОМ, В КОТОРОМ ДОСТОЕВСКИЙ ЖИЛ В 1875—1878 ГОДАХ

Надпись А. Г. Достоевской: «Вид греческой церкви в С. Петербурге и дома Г. Струбинского (на углу Греческого проспекта и улицы Песков), в котором Ф. М. Достоевский жил с 1875—1878 г. *Здесь были написаны и изданы „Дневник писателя"* за 1876 и 1877 гг.»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

— А *в случае*, если он есть?

— В этом *случае*: есть и для меня вечность, и тогда все тотчас же принимает вид колоссальный и грандиозный, размеры бесконечные, достойные человека и бытия. Все принимает разум и смысл.

Премудрость подавляет ум человеческий, а он ищет ее.

Бытие должно быть непременно и во всяком случае выше ума человеческого.

Учение о том, что ум человеческий есть заключительный предел вселенной, так же глупо, как и все, что есть самого глупого и то, что глупее, бесконечно глупее игры в шашки двух лавочников *.

6 июля.

Не начать ли тем, что Он проповедник христианства по преимуществу: так и обставить. (Втайне атеист). Молодой мальчик, брат **.

Разговор ее с братом генералом (больным).

...Прежде Он был человек умный и даже полезный. ...Он хочет сделать себя святым, и чтоб его мощи явились; шутка! ...И, наконец, это такая идея, даже странно предположить. Светский человек, ходил в

---

* Несколько ниже рисунок — мужское лицо.

** На левом поле рисунки — мужские лица.

нашем платье, ну и все, и вдруг его мощи... Une supposition! * Я ничего не говорю, конечно, все это святыня. Но вдруг его мощи. Для светского человека даже как-то и неприлично, чтоб его мощи потом явились.

Он ей: расстанемся, я тебя замучаю, я тяжел. Дети твои меня мучают. Они глядят на меня, как на змея. Ссора с старшим мальчиком. Или он, или я. Расстаются.

(Посты). Девочка пришла сказать ему, что он подлец. Он переехал на квартиру. Crapule ** вдруг после постов. Младший брат.

NB. СТРАШНО РЕВНИВ.

Я вдруг в свете занимаю место, и вдруг завтра являются мои мощи. Это совсем даже неприлично. Если б со мной как-нибудь случилось или там как-нибудь предложили небесные силы, то я бы отклонил, я бы не пожелал. // Une supposition... потому, что действительно, может, мощи и в самом деле как-нибудь там являются и все это вовсе не такой préjugé ***, потому что ведь чем ч⟨ёрт⟩ не шутит, и, наконец, все это неизвестно. C'est de l'inconnu ****.

Хищный тип мало того, что ищет груза, мало того, что ищет веры, но он ищет *даже отчаяния полного безверия* и цинизма,— чтоб хоть на этом остановиться. А то не верю же я ни во что и в то же время верю в великую мысль («великая мысль» — это его частное техническое выражение; условиться на этот счет с читателем). В чем же моя *великая мысль*? [В] То и смешно и нелепо, что *не формулирована*. Чуть формулировать, то сейчас же и сам осмею. Нет, она является в чувстве, в впечатлении. Живешь, идешь и вдруг говоришь: «Это хорошо»,— так вот это-то и не хорошо.

NB. *Он* хоть и говорит, что он невежда и мало знает, но надо условиться с читателем: дело в том, что он много знает. Есть синтез, есть целый архив выжитого, *есть* чувства, в которые незыблемо верует. (NB. Чувство же и сгубило его: не вынес жучка).

Он говорит жене: Я тебя замучаю и мне тебя не жалко, пока ты передо мной; а умрешь, я ведь знаю, что уморю себя казнию.

Хоть бы я был слабохарактерная ничтожность, // говорит он, и страдал этим сознанием, высокостию и низкою завистию этого сознания. А то ведь я знаю, что я бесконечно силен,— чем, как ты думаешь? А вот этою непосредственною силою живучести и уживчивости, этими чувствами точными (добрыми), которые заставляют меня теперь говорить — «это хорошо». Эти чувства, конечно, хорошие, но... ты понимаешь, что тут после *но*. Я, стало быть, люблю жизнь.

Любить жизнь такому, как я, подло. Неужели земля только для таких, как я, стоит? Всего вероятнее, что так. (А святые или каменьями побиваются, или самосожигаются).

Меня ничем не разрушишь и что всего подлее: ничем не смутишь. Я беспрерывно бесстыден. Я могу чувствовать два противоположные

---

* Предположение (*франц.*).
** Мерзавец (*франц.*).
*** предрассудок (*франц.*).
**** Это неведомое (*франц.*).

чувства вместе. Это бесчестно и даже не по моей воле. Но представь себе, я даже сам не знаю, хорошо это или дурно.

Я бесчестен до конца почти и, главное, рад тому. [Я ср.] Мое имя срамник, и больше ничего.

Большое № (в план). А Крафты вешаются. Правда, Крафты глупы, а мы умны.

[Я бы] Я было порадовался тому, что у нас лет уже 15, как все интеллигентное, вследствие потребностей России, бросилось в реализм и принялось специализироваться, и в этом смысле, божусь тебе, я даже враг всякой [рефор] учебной реформе, всякому поднятию уровня образования. В нашем любезном отечестве, так уж это само собою устроилось, что всякое поднятие образования есть в то же время поднятие уровня страдания.

Да и лучше, что специализируются, подымать образование значит подымать уровень *страдания*.

Молодой мальчик, брат (который с Ламбертом и все), дает пощечину старшему брату. Бежит после этого из семьи. Затем сходится с старшим братом, *сдержанно*, но *неудержимо*. Не хочет выказывать почтения — и выслушивает его с страшным любопытством. *Он* слушает его, видя в нем некоторую занимательность. В конце Он погибает от жучка, а младший воскресает в высший подвиг. Обоих замешать в одну и ту же интригу (с княгиней). М⟨олодой⟩ челов⟨ек⟩ парализирует его злодеяния.

Он, некоторое время, сходится с Ламбертом.

Он уверяет, что он продукт и тип людей [об] России, какие они все в данный момент. Он поддерживает идею, что все такие (подлецы), как он, если только умны. Не знают, смеется он или нет (№. Не смеется). И когда ему говорят: «так все такие подлецы?», то он отвечает: мы не только подлецы, мы, кроме того, и единственные * носители высшей идеи.

Да, [но б] но как скептики, без страдания, говорит ему жена или кто-нибудь. Вам страдания надо. [Вы] Мы до страдания не доросли, ибо страдания достойно только неразвращенное сердце.

Молюсь о страдании.

Страдание (жучок), явившись раз, давит его, как таракана.

Что он? болтал ли просто со мной, что ему не с кем болтать. Я видел, что это что-то не то, но в то же время в каждой выходке его, хотя и измышленной ⟨?⟩, было столько страдания надорванного и прожитого, что я не мог отстать от него или стать к нему равнодушным. Напротив, привязывался с каждым днем более.

И кроме того, я всегда подозревал, что это Он может быть только так говорит со злобы или от страдания, но втайне, про себя, Он-то и есть фанатик какой-нибудь высшей идеи, то-то и есть, что таинственность продолжала окружать его в глазах моих.//

Лиза повесилась, потому что [говор] разорвала с матерью, и говорит: «Я обидела мать». Повесилась она в то время, когда мать с князем. Он рад, что повесилась, и не почувствовал. Колоссальное впечатление на мать. Она вдруг отрезвилась от князя и умерла с тоски. У него две смерти на душе. Его же замучил жучок не *по жене*, а по *Лизе* (жучок *беспорядка*). В последний день бегство ребенка (мальчика, брата Лизы)

---

* «и единственные» — над строкой.

№.№.№. В семействе сцены и волнения из того, как сгоняют горничную. Картина бытовая.

!№! У Него нет страсти к княгине, а просто досада, интрига, злоба и оскорбленное самолюбие. Он тут-то и хочет погубить княгиню.

* *Просто* он — любовник княгини *не любя ее*. Ищет денег. Младший брат доказывает ей, что он хочет обокрасть ее. Княгиня с ним разрывает и его выгоняет. Никогда не *принадлежала* ему. Тогда-то Он и связывается с Ламбертом.

Я уже потому типичный *русский* дворянин, говорит он, что в высшей степени бесчестен. Бесчестность и право на бесчестие оказалось высшим свойством русской души в последние 20 лет.

Нет, я видно гений, говорит он, и в самом деле. Другой из средины давным бы давно лопнул, а у меня — проклятый дар живучести. Нет, я не застрелюсь.

Мальчик (брат) вместо него начинает правду.

Басню, басню надо! План занимательный.
Месть княгине. //

Сцена с горничной (обнаруживается грязное его сожитие). Наклеветал, что горничная обворовала. Мальчик брат страшно возмущен и укоряет его. Тот тогда *берет в руки* брата, идя далее его в безверии. Напротив, в вере в злодейство.

В тайне делает добро, но после жучка равнодушен и *бросил благодетельствуемых*.

Он жену не ценит как жену, на словах брака, не то, что не признает, а *равнодушен*. Но чуть *коснулось* до него, то и *взбесился* (когда она к князю).

После пощечины он удивляется, что у него злобы нет. Смеется про себя и в слух говорит, что потому, верно, не чувствует злобы, что действительно стоил пощечины.

— МНЕ СКУЧНО, говорит он.
— Но ведь вы интригант, сплетник мелочной, говорит ему *мальчик*; как же вам скучно?
— Не знаю, я интригант и сплетник мелочной, а все-таки скучно.

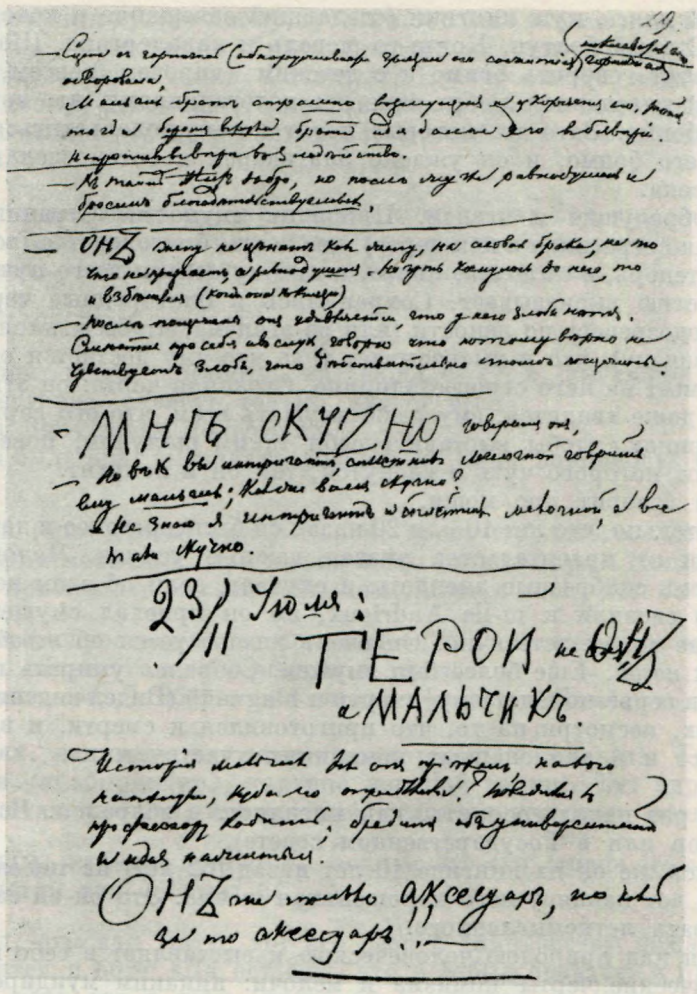
23/11 июля.
ГЕРОЙ не ОН, а *МАЛЬЧИК*.
История мальчика, как он приехал, на кого наткнулся, куда его определили? Повадился к профессору ходить; бредит об университете и идея нажиться.

Он же только аксессуар, но какой зато аксессуар!! //

ПОДРОСТОК.

Мальчик не выдержал экзамена из классич⟨еских⟩ языков. Его и выписали в Петербург *на место*, как бы для замены старшего брата, [женив] женившегося, и тем утраченного для семьи. Они же сведенные братья и те родственницы — ему ближние тетки, а Тому почти ничего.

* На левом поле: «*В план*».



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 9, л. 29

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Мальчик и пропускает идею, что его привезли кормить теток. Ему в семействе отвечают, что пока его самого кормят, и, одним словом, срезали его со всех сторон. Он уже приехал с идеей стать Ротшильдом.

«Деспот» брат (т. е. Он), которого он принимал за напыщенного деспота,— режет его своей цинической простотой, например признает сам, что Он необразован и проч. Развращает его. Бесконечность самолюбия.

Мальчик дружится с Лизой. Он предугадал все отношения Его с Лизой и разрывает с Ним, презирая Его. Прямо поворачивает на правый путь. Не прощает ему Лизу.

Молод⟨ой⟩ человек приехал оскорбленный, с жаждой отомстить. Колоссальность самолюбия, план Ротшильда (его тайна). Устроить тему: не надо Лизы.

РЕШИТЬ? Лета Его жены. Надо иль не надо князя и ревность. Одна ли Лиза, или дети и их бегство после гроба матери.//

Старый князь, муж княгини (сделавший завещание и которого обманывают). Старый болтун. Когда-то щеголь и кавалергард. (Капиталист). Теперь любит говорить бонмо и с детским (впрочем, совсем невинным, радостным) тщеславием любит заметить недогадливому, что вот, дескать, я сказал бонмо. Зато те, которые хотят к нему подольститься, нарочно замечают его бонмо, и он ужасно благодарен и готов сделать все для того человека.

* И добродушие и эгоизм. Припадки скупости. Странный взгляд (единственно серьезная в нем черта), что честь, благородство (все в смысле чинов) — теперь, *в наш век*, ничто, а потому деньги всего лучше. Мысль эту с грустию высказывает. Сохранились и благородные черты. Жену свою не подозревает по лености (или из эгоизма, чтобы отклонить неприятную развязку), что и высказывает и за что ему достается от княгини, которая имеет на него строгое влияние. Странная черта: он этим строгим влиянием даже хвалится, ему любо внушать всем, что его держут в ежовых рукавицах, чтобы выставить себя таким шалуном, повесой, мальчуганом, от которого чуть отвернутся, так он и накутит.

Это он говорит про мощи.

Замечательно, что лет 10 или 20 назад он был серьезнее и даже в одном назначении от правительства оказал важные услуги. Человек вкуса. Любит очень скабрезные анекдоты и скучает, если об этом не заговаривают. Его свозили к m-lle Andrieux, но он приехал смущенный, ему скверно, не то, не эстетично. Он очень интересуется об *новой женщине*. Свозили к *новой*. Еще более был смущен. Собрался умирать и в чем похоронить и серьезно ждет [ему] смерти и blague** (Видел видение) Урвался к Andrieux, несмотря на то, что приготовился к смерти, и вдруг умер. Капиталист и в акционерных компаниях участвует.

Князь раз начал говорить, как нигилист, и заврался. Все отрицать (он сенатор или в Государственном совете).

Женился же он на княгине 10 лет назад (62 лет) из тщеславия, чтоб говорили: вот какая у него хорошенькая женка. Это он ей сам говорит, чтоб сыграть легкомысленного.//

Смеется над природою человеческою и выставляет в себе и в других психологические черты комизма и мелочи: никаким мундиром не прикроешь, говорит он. Тут много остроумия.

Князь наслышался атеистов и стал атеистом: «Итак, этого всего ничего нет» (т. е. бога), говорит он. «Признаюсь, я это всегда подозревал», говорит он. И тут же начинает болтать и рассуждать, что *это* (т. е. бог) было бы даже и неприлично.

«Не знаю, как это выразить, но, по-моему, это даже тривиально. Там всегда на меня розга — une idée. Я генерал и тут...» «Сознал тщету». Ну там генерал, генерал, а все так же сикаем, такие же шалуны.

И, наконец если уж все—то докажи, чтоб я это видел, так сказать, осязал. Ну, если Он (бог) есть, персонально (а не в виде разлитого там духа какого-то, что ли,— потому что *** это, признаюсь, еще труднее понять), то в чем же он одет? Какого он росту? Ты, милая, не сердись, я, естественно, вправе это спросить, ибо если он бог, личный бог, т. е. лицо, то какого же он росту, et enfin ****, где живет? Это важный вопрос, где живет *****, очень важный. Я не про паспорты такие какие-нибудь, разу-

---

* На левом поле: «*февра*‹*ль*›».
** Шутка (*франц.*).
*** Над строкой.
**** и наконец (*франц.*)
***** Над строкой.

меется.А разумный дух,по-моему,пустяки.Это одно затемнение[дела] идеи*. Ну, а все же, un domicile **, это придает достоинство идее порядка и, т⟨ак⟩ ск⟨азать⟩, благочиния. Разлитый? Ну что же это, вода что ли такая. А по-моему, вовсе ничего не разлито, а просто везде трава [везде] растет, как всегда росла, и только вот и все ***. Я это всегда подозревал, всегда.

Старый князь вечно Его критикует и очень рад над ним заглаза подшутить, но глаз на глаз почему-то боится его. *Тот* уверен, что может его направить, куда угодно. Направляет на княгиню.

[Женаты на двух сестрах].

Он говорит жене: я никогда не любил ее (т. е. княгиню). Это было только тщеславие, зависть только, может быть.

— А на Лизу зачем польстился?

— Лиза была враг сызначала, мне нужна была покорность ее. Льстило мне.

Мальчик (брат Лизы) был больной, вроде юродивого. Любил Лизу. *Он* был врагом мальчика. При жизни жены разрывал рот. Когда все умерли, хотел приблизить к себе мальчика. Идет с ним. Тот бежал.//

Мальчик (подросток) страстно мечтает, как он накопит, но никому не говорит, чистит сапоги в мечтах и проч.

NB. *важное*. Об Ламберте ни слова до появления Ламберта (все в рассказе).

Об идеях, занимающих подростка (кроме Ротшильда). Тоже все в свое время (н⟨а⟩прим⟨ер⟩, картина ледяной земли). Тут вдруг его замечания, показывающие, что он уже думал, чувствовал, волновался.

(Женщины, желание женщины, волнующее его), сцена его с m-lle Andrieux, а потом как он имел б⟨....⟩.

Приехал, отыскал Витю, тот его свел с гимназистом бежать в Америку. С Витей о боге: «Да вот еще, что я забыл сказать» и проч.

Первая ночь его в доме, когда он воротился от Вити. Горничная. Мечты про себя (о Ротшильде). Счел перед сном деньги.

На другое утро его в канцелярии (у ст. князя). Там разговор ст. князя с Его женой и об мощах. Мальчик расхохотался. Разговорился с князем.

Дома застал сцену с горничной. Сцену из-за детей. Поссорился с братом (с Ним). Высказал, что его кормить теток выписали.

Поднял письмо в канцелярии и узнал тайну княгини.

Пощечина Ему.

Мальчик сходится с Ним из-за пощечины (сперва враждебно). Сцены жены Его с ним за ревность. Свидание Его с княгиней, последнее. Узнает все. Княгиня его обидела *незамечанием* его. Поклялся мщением.//

Появление князька. [К]

Появление Ламберта.

?NB. Может быть, Лизу совсем не надо. Тогда ей 24 года, и она с князем.

[?NB.Ей 26 лет и у ней двое детей 8 и 7 **** лет].

---

* Над строкой.
** жилище (*франц.*).
*** Над строкой.
**** Исправлено из: «2».

Может быть, он, составлял завещание, и пугает ее, что завещание ничего не значит (5% и под залог имений), а [он] князь нового не напишет, особенно, как он покажет ст. князю любовные записки.

? Молодой князь, к которому он ревнует (племянник старика и законный наследник), не имел с княгиней никаких сношений (что-нибудь странное было, Его обманувшее), а вдруг жена его влюбилась в князя. Тогда он ревнует жену и с Lambert'ом хочет погубить княгиню.

?NB. Не падчерица ли ее Лиза. Странная дружба с нею Лизы. Лиза не давала ей выходить за Него замуж. Прямо стала с самого начала врагом его. Заступается за своего маленького брата (сведенного) в доме, делает кутерьму. Мачеху разжигает против Него (13 лет). И вдруг любовь [ее] к нему. [Мачеха поражена. Смерть Лизы]. Он ее обольстил. Лиза (в невинности своей) думала, что она все гнусное сделала (вышла за него замуж). Повесилась. Это поражает жену (мачеху).

NB. Ст. князь смеется над рогами Его. Тот доказывает ст. князю, в бешенстве, что и он с рогами, от князя же. И для того пускает в ход записочку, поднятую подростком.

Lambert'а же план, чтоб она дала и дала 20 000 // за записку. Подросток спасает ее.

Мачехина любовь к князьку вроде сумасшествия.

ВСЕ ПОПРАВИТЬ МОЖНО ТЕМ, ЧТО ОН и ст. князь *НЕ* на родных сестрах женаты. Напротив, мачеха (Его жена) дальняя (близкая даже) * родственница (племянница) ст. князю. *Ст. князь* беспрерывно критикует вольнодумца покойника-брата своего, отца княжны, его племянницы, т. е Его жены. Умер колл⟨ежский⟩ регистратор в бедности и под судом. И всегда враг княгине, а с князьком *она* * в детстве играла. И потому как *она* ** (т. е. мачеха) услыхала о князьке, то вспомнила и рассказала мужу и князю грациозный рассказ о том, как они в детстве с князем помолвились (любовь детей, причем князек был годом моложе ее). При этом она беспрерывно припоминает и рассказывает анекдоты об ужасном характере князька (еще ребенка), прельстившем ее тем, что он ничего не боялся. Так как она несколько дней сряду все припоминает и говорит и щеки ее пылают, то Ему и показалось, что это неспроста.

NB. Потом, после детской помолвки не встречались вплоть до *канун*а ее свадьбы с покойником-генералом. Князек только что был произведен и предлагал ей увезти ее из-под венца. Это она рассказывает Ему с видом глубокой таинственности, даже поразившей Его. И только я его и видела, один час. Но мы с ним на *ты*,— говорит она. Теперь князек воротился из ссылки за дуэль и закутил в Петербурге. Жена (мачеха) и пошла к нему вдруг, особенно услыхав, *что он любовник* княгини.//

Она (жена, мачеха) так и запылала, услыхав, что князек будто бы любовник княгини. А князек, может быть, и в самом деле любовник их обеих (и княгини, и мачехи).

Разъяренные две женщины.

Молод⟨ой⟩ князек *** простодушнейший и прелестно-обаятельный характер (победить эту трудность).

---

* «близкая даже» — над строкой.
** Подчеркнуто дважды.
*** Исправлено из: «князь».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ М. Г. РОЙТЕРА К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Тушь, 1947 г.
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Мачеха вроде как с ума сошла. Она говорит Ему прямо, что Им она увлеклась болезненно, но что это не любовь была. Что она так же увлекалась и покойным генералом мужем. Она влюбчива, как Дон-Жуан, но Дон-Жуан женщина. В ней все *сострадание*: генерала, промотавшего ее приданое, она любила из сострадания, за его беззащитность, Его тоже из сострадания. Князька тоже любит, как мать. «Но теперь я только познала блаженство!» восклицает она. Я теперь для себя живу, «я сама жестокая!» Это слово, что она жестокая, и показывает, что она, по-прежнему, вся сострадание. Смерть Лизы, к которой она ревновала, поразила ее. Она умерла и т. д. и т. д.

ТИП, который отделать вместе с КНЯЗЬКОМ *.

ГЛАВНЕЙШЕЕ. Перед смертью (от нравственного беспорядка и истощения) она говорит: «Как это все вдруг ужасно! Какой вдруг беспорядок. Нет, я не хищная, я вечная жертвочка. Как эту всю грозу трудно перенести». Лизу не переносит. Его тоже. //

Если б Он был тип высшего и правильного человека, она бы подчинилась ему и была бы примерной женой.

Я как будто всю жизнь искала, кому подчиниться, говорит она. Но тот смутил ее душу и раздавил ее покой СВОИМ безначалием. Смутил ее. Сообщил ей смуту. Оттого и страдала она с ним. Она ходила за Ним, как нянька, все прощала Ему, всякое признание Его, всякую пакость. Но убеждений и безначалия Ему не прощала. Видя свое влияние на нее,

* Исправлено из: «князем».

Он горделиво усилил влияние и смущение. Она как бы помешалась под конец. Он дошел до того, что перед ней постоянно в полной ⟨пьяной ?⟩ исповеди. Она и бросилась к князю.

Это она умирая говорит, грустно смеясь, что искала всю жизнь подчиниться.

NB. Нравоучение. NB.

Создать (crée) чрезвычайно новый и грациозный тип женщины и жены.

!? NB. Всего более обратить в романе внимания на черту исповедничества, сладострастного влияния на нее смущением, луганием души ее. Игра кошки с жертвой. Зато и рассердился же Он, когда ее у него отняли (князек). Тогда он прямо наплевал на интригу свою с княгиней и на все дело, забыл и перестал // чувствовать это дело, ибо ему понадобилась *жена*, которую отнимали. Признак, что с княгиней у него ничего не было.

ПОДРОСТКУ ПОБОЛЬШЕ РОЛИ.

Всю эту *ТЕОРИЮ* (т. е. *влияние на жену*) Он сам разъясняет во время дела и *растолковывает* читателю всю мысль романа, [как он ощу] в чем собственно мысль касается Его. И такое правило принять для всего романа, чтоб сами лица разъясняли и *ЧТОБ ПОНЯТНЕЕ БЫЛО.*

ЖУЧОК — не Лиза, а она, жена. Он припоминает ее жалкое облаченье в хищный тип. Сострадание задавило ее*. К преследуемому ребенку нежность. Убежал. Мальчик с птичкой.

Как это ты с Ним тогда сошлась? спрашивает ее (мачеху) ст. князь. NB. Тут дается знать ее история.

«Я думал, что я такой ** великий человек, а я такой маленький», говорит про Него (мачеха). //

24/12 июля.
ПОПРОБОВАТЬ ЗАВТРА ДЕТЕЙ, *ОДНИХ ДЕТЕЙ.*

Сделать так, что подросток, под конец, проговаривается Ему про свою главную идею о Ротшильде. Это уже тогда, когда он сам начинает несколько в свою идею не веровать. Но излагает ее Ему с *усиленным* азартом и с *раздраженною* самонадеянностью. Тот выслушал очень внимательно, видимо был поражен, спросил: «сколько уже он накопил денег?» — и иронически одобрил мысль. (NB. Подросток излагает, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, как можно было нажить при подписке на акции. *Подробности у Анны Г-ны.* Идея подписки, видимо, поразила его и вновь было укрепила в идее о Ротшильде).

Но подросток видит ясно, что Тот смеется и не хочет сказать ему свою мысль. А потому он (с юношескою неловкостью, поспешностью и угловатостью) пристал к Нему, чтоб Он указал ему лучший идеал: как стать свободным человеком. Тот не ответил и сказал наконец: какое мне дело до всех вас (у Него уже тогда сбежала жена). Я для себя живу, хотя бы все у вас провалилось. Переживай все свое сам и ***, между прочим, упоминает подростку его недавний эпизод с теткой, брёзгливой старой девой, которая заставила-таки подростка (по великодушию сердца его) просить у ней, у злобной, сухой, брёзгливой и требовательной, прощения, ухаживать за ней и при этом истратить для нее несколько денег.

* Исправлено из: «его».
** Над строкой.
*** «Переживай все свое сам и» — над строкой.

«С такими порывами, иронически замечает Он подростку, Ротшильдом не сделаешься, а станешь добряком чиновником, мокрой курицей». Но подросток ответил ему, что это в последний раз и что он в дневнике даже записал, что в последний раз и что уж далее он будет сух и жесток. «Вот вы увидите, вот вы скоро услышите», говорит подросток Ему, намекая на Ламберта, и это-то обещание, данное *из задора* и из гордости, и было отчасти причиною, что он согласился на мысль Ламберта ее изнасиловать и взять у ней вексель в 30 000 и 10 000 сейчас.

?NB. Подросток, между прочим, сводит знакомство с детьми, которые хотят убить и ограбить отца, или видит этих детей, в том доме, где квартирует, // сейчас после убийства отца, и сцена эта сильно на него действует, но он все-таки идет с Ламбертом. Подростку главное и то, что княгиня, по его понятиям, «оскорбила его». Приготовляясь насиловать, он все еще смущен и конфузится и сообщает это Ламберту, но тот даже и не понимает его. *Подросток не знает* до самого последнего часа, что тут участвовал с Ламбертом и Он. Сам Ламберт ему об этом сказывает в последнее мгновение, чем и способствует в нем взрыву негодования.

Подросток хочет быть, главное, свободен и Ротшильда достигнуть даже злодействами. «*А достигнув делать добрые дела*», говорит ему Он. Тот краснеет и тут-то и пристает к нему сказать: что такое свобода.

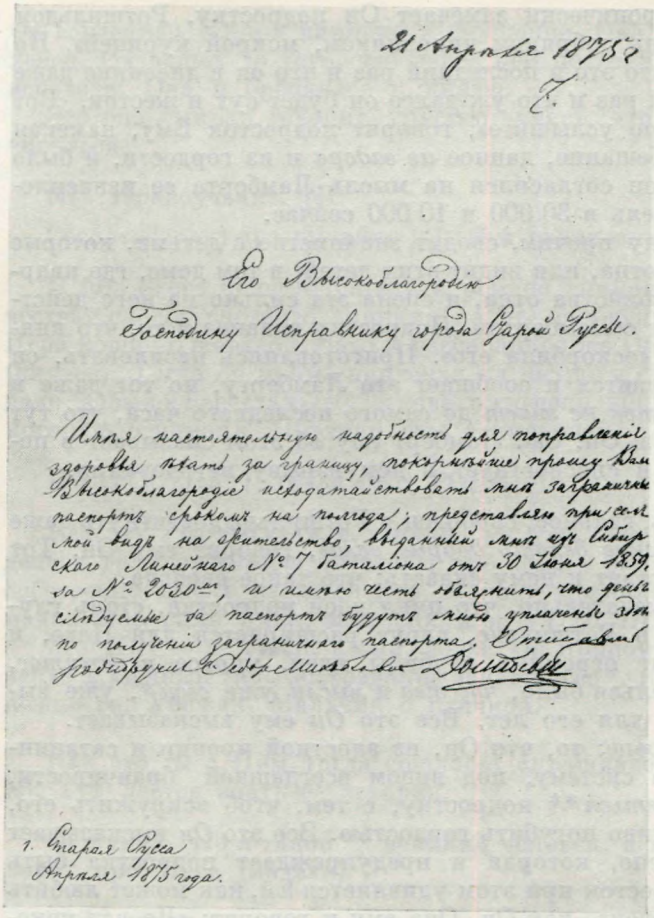
И тут *ГЛАВНОЕ* замечательно, что цикл идей подростка, столь глупенький, но страстный в Ротшильде, вдруг расширяется для Него, и Тот с удивлением видит огромные глубины идеи, многое *пережитое*, чего и предположить нельзя было, *чувства* и *мысли* уже *свои* *, уже выжитые, что неожиданно для его лет. Все это *Он* ему высказывает.

ТУТ огромное nota bene: то, что Он, из злостной иронии и сатанинского губления взял за систему, под видом всегдашней бранчивости, *тонко льстить и удивляться* ** подростку, с тем, чтоб вскружить его, сбить с толку и насмешливо погубить гордостью. Все это *Он* высказывает или подростку, или жене, которая и предупреждает подростка быть осторожнее с Ним. Подросток при этом удивляется Ей, как может любить она такого подлого человека, как *Он*. Она ему и говорит: «Да вот покорил же он вас!» Во всяком случае, чтоб было ясно высказано читателю о плане действия Его, т. е. развращения // юноши из злорадства.

Подросток однажды в досаде говорит Ему: Вы просто ничем не ознаменовали себя и потому всем завидуете. Это же говорит и жене. Этим словом он глубоко злит Его, тем более, что слово это относительно Его несправедливо.

Лиза с самого начала вступает во вражду с подростком, смеется над ним и почти ненавидит его под конец. И однако же перед тем, как повесилась, оставила ему письмо и его одного выбрала [кому изъявить] в исполнители своей последней воли. Она просит его в письме (ни малейше не объясняя причины, почему его одного, а никого другого выбрала) защитить ее перед матерью, вымолить у ней прощение и объявить ей грех ее (в письме она говорит, что *отдалась* Ему, «вышла за него замуж», но тот ясно доказал, что Лиза, как ребенок, еще не понимала, что значит *отдалась*, и думала, что *все* отдала, т. е. девство). Оставляет ему одно свое платье на память, то самое, в котором он видел ее в последний раз, похоронить же ее в том, в котором повесилась. Затем завещает забыть ее совсем. На подростка производит сильное впечатление это письмо, хотя *особенно замечательно то*, что он тоже вовсе не удивился, что Лиза обратилась к нему. Но обращение Лизы к нему все же было одною из

* Подчеркнуто дважды.
** Подчеркнуто трижды.



21 Апреля 1875

Его Высокоблагородию
Господину Исправнику города Старой Руссы.

Имея настоятельную надобность для поправления здоровья выехать за границу, покорнейше прошу Вас Высокоблагородие исходатайствовать мне заграничный паспорт сроком на полгода; представляю при сем мой вид на жительство, выданный мне от Сибирского Линейного № 7 батальона от 30 Июня 1859 за № 2030-м, и имею честь объяснить, что деньги следуемые за паспорт будут мною уплачены здесь по получении заграничного паспорта. С отличным уважением покорный слуга Ф. Достоевский

1. Старая Русса
Апреля 1875 года.

ПИСЬМО ДОСТОЕВСКОГО К ИСПРАВНИКУ СТАРОЙ РУССЫ О ВЫДАЧЕ ЗАГРАНИЧНОГО ПАСПОРТА

Апрель 1875 г.
Переписано А. Г. Достоевской. Подпись рукою Достоевского
Архив Новгородской области, Новгород

сильных причин нравственного в нем переворота. «Значит я способен на хорошее, если она одного меня выбрала в исполнители своей воли»,— думает он.

Ламберт, между прочим, рассказывает ему историю, как его держали в провинции и как он *имел* Викторию, запугав, что расскажет о ней матери. Кучер Киргиз. Рассказывает он это безо всякого стыда, а, напротив, хвастаясь подлостью.— Сделать ясным читателю, что этот удачный пример с Викторией и послужил, может быть, основанием вере его, что и с княгиней так же можно. *Замечательно*, что Ламберт не открыл подростку, что он будет просить у княгини и *клубнички*. Но оказывается, что открыл Ему. Тот не поверил в успех клубнички и даже отсоветовал, но впрочем согласился, рассудив, что ведь, чёрт знает, пожалуй и даст.// Но на* успех векселя он надеялся. Впрочем, Ему не вексель и не клубничка дороги тут были, а скандал, который, несомненно, тут бы вышел по неосторожности юношей, тогда как Он, во всяком случае, в стороне.

После *всего* **, когда княгиня уже помирилась с подростком и тот в раскаянии говорит ей: «Где честный человек, укажите мне честного чело-

* В оригинале: «в».
** Подчеркнуто трижды.

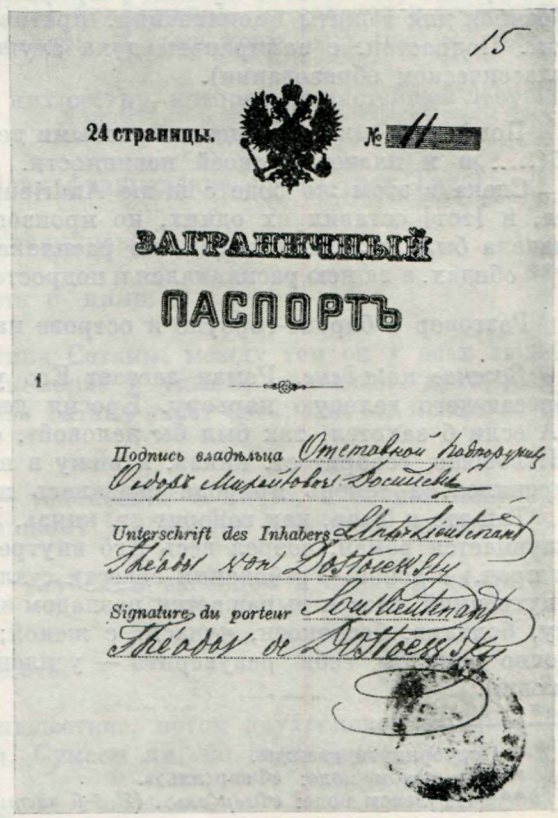
века» (это, когда Ламберт лежит без чувств),— то княгиня и говорит ему, указав на него самого: «Вот честный человек».

С Лизой у подростка и прежде того сцены, целый роман. Создать. Лиза, как сказочная царевна, задает ему задачи. Он их исполняет. Лиза только смеется над ним. Подросток поклялся ей вечно мстить. [Подросток]. *Раз подрались* (непременно), и их разбирали. Подросток был глубоко оплеван, но просить прощения у Лизы не хотел. Лиза сделала из этой драки, *вместо шутки*, *усиленно-серьезную* и скандальную для подростка историю.

В посмертном письме к нему Лизы нет ни одного слова *лично к нему*, в объяснение: почему она одного его выбрала и к нему обратилась и всегда почитала его и любила.//

нет { не было ли англичанина-атеиста в Москве, который сделал подростка атеистом? не писать ли всю биографию в детстве?//

Он, *в начале романа*, проповедник христианства *непременно*. Мощи. Чем и возбуждает прежде всего негодование подростка. Подросток слышит мнение стар. князя про *мощи* и расхохотался, чем и обратил на себя милостивое внимание ст. князя, которому *лестно*, что острота его произвела такой эффект (даже хотя бы и на подростка!). Этот же случай как бы сближает с стар. князем подростка, который без того хотел уже нагрубить и выйти с шумом и скандалом из конторы. Но гордость его мигом побеждена ст. князем, и они через этот случай как бы сходятся, так что стар. князь учится у него даже нигилизму. И вообще тут пойдет


15

24 страницы. № 11

ЗАГРАНИЧНЫЙ

ПАСПОРТЪ

1

Подпись владѣльца Отставной подпоручикъ Ѳедоръ Михайловъ Достоевскій

Unterschrift des Inhabers Staabs-Lieutenant Fedor von Dostoewsky

Signature du porteur Lieutenant Fedor de Dostoewsky

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПАСПОРТ ДОСТОЕВСКОГО, ВЫДАННЫЙ ЕМУ В МАЕ 1875 г. В НОВГОРОДЕ

Архив Новгородской области, Новгород

ряд комических сцен, характеризующих отношения подростка с ст. князем.

Но Он непременно должен под конец *изрубить образа* (это уже во время финальной катастрофы) и именно, когда Он заметил, что раба-жена его ужасно стала увлекаться молод. князьком, но еще все-таки до решительного ее разрыва с мужем и *перебега* к молод. князю.

N*Bene*. Тут важно то, что Он, проповедуя изо всех сил христианство, свободу (Христову в противоположность социальной теории преступления) и будущую жизнь, прямо выставляет, что без Христа (православного) и христианства жизнь человека и человечества *немыслима*, потому что *иначе* жить не [стоит] *стоит* (т. е. на мгновение, лавочники и шашки, ледяные камни — планеты и проч.). *Так что**, когда Он разрубает образа, оказывается, что он сам ничему не веровал и был глубоким атеистом в душе всегда с *изначала* жизни своей, тем и мучился.

«Мне понятны теперь его страдания», говорит подросток. Ведь не притворялся же он, когда *усиленно* Христа // проповедовал, напротив, наивысшим образом искренно. Сам себя уверял, что *верит*. Самому себе доказывал, что есть *вера*, с чудовищем сомнений своих боролся, давил его, но тот наконец и [сознал] сожрал его (чудовище).

** Разговоры с мальчиком, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, о преступлении и [теоретически] теории его или о борьбе работника с бульдогом. «Вот дескать я!» И в Европе хотят (bourgeoisie) остановить это четвертое сословие силою. Предсказывает в пламенных словах разрушение мира и цивилизации. Уже прелюдию видели. *Вам* (т. е. молодежи) надо готовиться, ибо вы будете участниками, время близко при дверях, и именно, когда кажется так крепко (мильонные армии, разрывные бомбы). Вся эта сила, набранная для защиты цивилизации, против нее же обрушится и ее поглотит. Подросток, с замиранъем духа слушает эти разговоры. (Тоже о классическом образовании).

Подросток *влюбчив*, сцена с разными девицами, потерял невинность с б⟨.....⟩и и плачет о своей невинности.

Сцена в этом же роде с m-me Andrieux. Lambert сказал ему, у...би ее, и [тот] оставил их одних, но произошло странное. M-me Andrieux начала было с легкой любви, но расплакалась о своем жребии и своих *** обидах, а за нею расплакался и подросток и ушел, ничего не сделав ***.

Разговор о бароне-горбуне и острове на Балтийском море.//

Важное nota bene. Роман застает Его уже вышедшего в отставку и бросающего деловую карьеру. Бросил дела, как получил наследство. «А если б захотел, так был бы деловой», осуждает Его даже ст. князь. «И вообще, говорит ст. князь, я вижу в нем какого-то поэта, он доселе крепился, а теперь природа сказалась и Он себя обнаружил».

Так это и было, как говорит ст. князь. Именно с той точки, с которой начинается роман, созрел весь Его внутренний хаос и разлад (безверие и проч.) с собой. Требования совести стали настойчивее и проч. И этот внутренний хаос и выражается разладом внешним, т. е. вышел в отставку, болтлив, беспокоен, чудасит с женой; одним словом, *беспорядок*, и точно как бы себя разуверить — усиленная проповедь христианства (мощи).

---

* Подчеркнуто дважды.
** На левом поле: «Февр⟨аль⟩».
*** На левом поле: «*Февр⟨аль⟩. (В 4-й части.)*»

Об этом в самом начале романа *сказать читателю* и объяснить, что человек порядка, меры и деловитый к удивлению начал *свихиваться*, чем и представляет задачу для своих знакомых и домашних, хотя теток даже этим обворожил, и те в восторге от его нового направления. Другие же говорят: Ведь был даже прежде прогрессивен.

18/30 июля.

Идея. Не сделать ли, что Он совершенно и всецело переходит в пиетизм, с фанатизмом, себя увлек и уверил, проповедует (*дрожит* над своей верой, т. е. бережет), делает подвиги, расстраивает чужие планы и вдруг рубит образа (только не сейчас бы как жена ушла).

Ст. князь его зовет *архиереем*, но слушается и боится его. *Тот* заправляет всеми делами, впутывает жену и проч.//

Воспитатель про детей: «Знаете, вот мы их растим, а ведь как жаль, что они вырастут, станут хитры и грубы, а теперь так простодушны и так прелестны. Они хитрят и лгут и теперь; они дерутся, но все это так простодушно».

Мы бесконечно хуже их, побежал к дворнику.

Я их очеловечиваю, и они меня очеловечивают. Есть кое-что, чего без них я бы никогда не понял.

* Он говорит про Ламберта, все выслушав от младшего брата: «Это хорошо».

— Что же хорошего в Ламберте?

— *Цельная идея.* Он, видимо, не хотел доканчивать и рассеянно задумался. Молод. человек тоже [не] допрашивать не захотел и тоже задумался.— Молодой человек говорит: «Я тоже хочу быть цельной идеей, но не Ламбертом».

?! ИДЕЯ. Не сделать ли у них сестру, которая из чистейшей девушки вдруг идет в б⟨...⟩и.

Сочинить для m-me Andrieux французские фразы (как Гизо).

— Э, да хоть бы они провалились!
— Прекрасное желанье.
— Впрочем, я готов вместе с ними.

«Я не понимаю [челов.] типа Сатаны, между тем он у всех людей. Я понимал бы иронию, высокомерие и уныние сознающего духа, если б было сущее и не было бога. Но Сатана знает бога; как же может он отрицать его».

Идеалы обеих сторон { Сатана — успокоение в ничто, в вечной смерти. Бог — [покой] успокоение в вечной жизни.

«Ищите человека с самым глубоким взглядом и смело подходите,— это он».//

Мою «библиографию» написать.

Мы перенесли татарское нашествие, потом двухвековое рабство. Теперь надо свободу перенести. Сумеем ли, не споткнемся ли?

---

* На левом поле: «Февраль».

* Железные дороги, может быть, более повредили России, чем пользы принесли. А, впрочем, у нас все было так, все с Петра Великого начиная, все залпом и неестественно. Нынешнее время — это царства ** золотой середины, полупросвещения, невежества, лени, неспособности к делу, потребности всего готового и проч.

Три мерзавца купца избивают на бульваре порядочную женщину (может быть, рассказывает Lambert). Полиция поощряет. (Дурак Lambert замечает на вопрос дурака Перчаткина: [глу] почему полиция поощряет? — потому что боятся, что, если это запретить, то начнется политическое, так что в этом духе даже поощряют). Перчаткин говорит: Ага!

Тирада о духовенстве, ничего не делающем.
Эльпидифорова (Александрова). *Космополитка.* История, как она сломала челюсть.
Баня. Аполлонова нога. Зачем вам жениться. Можете на содержание пойти.

Ламберт говорит, что когда он будет богат, то самое большое его наслаждение будет кормить хлебом и мясом собак, когда дети бедных будут умирать с голоду. А когда им будет нечем топить, то он купит дровяной двор [и ве] сложит в кучу и весь истопит даром, на морозе, и ни полена не даст бедным. Пусть бранят, у меня от этого стоять будет лучше. (NB. У него все подобные фантазии).

Фантазия острова в Ботническом заливе, и там тюрьма и проч.

Бытие должно быть непременно и, во всяком случае, выше ума человеческого, так, чтоб всю жизнь // человек *искал.* Мало того, надо *** непременно [и всего], чтоб он никогда *** *не сыскал*: это приличнее. Ну вот тебе и философ. Да что ж, философ⟨ы⟩ не вин⟨оваты⟩. Это нечто ⟨обыкновенное?⟩ ****
О порядке явления тварей [книга Бытия]. Кто научил, когда не было науки? (Египетский папирус).

Он думает про себя: «Я все-таки ничему неученый болван, хоть и умный человек».

Объяснение его: искушение Христово 40 дней в пустыне. (Глава).

Ну, да ведь не от всякого (человека) можно обидеться.

НАСТОЯЩИЙ ХИЩНЫЙ ТИП (смотри стр. 3 планов).

Картина, как он ищет денег. (Подлость и широкость). Сам себе сознается и себе удивляется. *Сам называет себя хищным типом.* (Чтоб было все объяснено читателю). *Ищет груза, ищет веры*; но его придавил жучок.

О 40 днях в пустыне говорит, но главное *не верит.* Он задает себе вопрос: Ну что, если б я верил? Да после всего, что я сказал,— тотчас бы в пустыню ушел.
Наконец, прорывается и раскалывает образа.
Удавившийся.

---

* На левом поле: «*Здесь*».
** Над строкой: «время».
*** Над строкой.
**** «Да что ж ∽ ⟨обыкновенное?⟩» — двумя строками выше у правого края.

* Теперь безлесят Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и приготовляют ее для калмыков. Кто это делает. Купечество, скупающее землю, и старинное дворянство — помещики, прежние бойцы за землю, пока их не лишили крепостного права. Явись новый молодой хозяин с надеждами, посади дерево,— и над ним расхохочутся: «разве дескать ты до него доживешь?» С другой стороны, желающие добра толкуют о том, что будет 1000 лет вперед. Идея о детях, идея об отечестве, идея о целом, о будущем идеале — все эти идеи не существуют, разбиты, подкопаны, осмеяны, оправданы беззаконностью, наступившею после крепостного права. Дворян уничтожили и требуют от них воскресения и обновления — в духовном попечительстве о России, в ношении высшей идеи, обращаются к нему с манифестом о воспитании. Но человек, истощающий почву с тем, чтоб «с меня только стало», потерял духовность и высшую идею свою. Может быть, даже просто не существует.

— Ну, а ваша идея об России и отчаяние за ее второстепенность. Разве это не на 1000 лет вперед.

— Это — это самый насущный вопрос, который есть. Основное это. Правда [есть], если только хоть на 100 000 существует один носитель// высшей идеи,— тогда все спасено. Но существует ли даже на 100 000 один? вот вопрос.

Ответ: Существует, он теперь сидит и говорит передо мной.

** *Он* нагибается к уху и шепчет: «Он лжет».

Словечки мальчика: Я не хочу быть Шиллером
— Почему?
— Потому что это подло } с Ламбертом.

О том, как он учится нигилизму и прочему, узнает, что добро, что зло и проч.

— Даром-то, как Христос, я не хочу любить ***, говорит Он.

— Награды ищете? Спрашивает мальчик ****.

— Да, награды. А ты думал нет?

— Какой же награды?

— То-то и есть, что не знаю какой. То-то и есть, что какой-нибудь позабористее. Чтоб все любили меня. Я иду— «это он идет» (шепчут). Я что сделал — «это он, наш благодетель». Мне аплодируют, коммуна, памятник при жизни. Дева, мечтая о влюбленном, подумает обо мне. Кстати, все они должны быть в меня влюблены тоже и т. д. Государь узнает, сделает и меня государем. (Нахальная, ироническая, комическая картина мечтаний *каждого человека* о счастье).

Подросток улыбается и говорит: «Нет, вам, может, не надо награды, и вы надо мной смеетесь»,— и тот ему смеясь:

— Почему ты знаешь, может быть, именно надо и именно в этом самом виде.

Трех дней не вытерпит, если б и в этом виде, заскучает.

— Вам непременно наскучит: вы — не Мак-Магон.

— Трех дней, трех часов не выдержать!

«Студент университета», бросающийся ночью на всех женщин с похабщиной (корреспонд⟨енция⟩ «Русского мира», около 10 июля/74).//

---

* Под строкой: «человек с надеждами». На левом поле чуть ниже: «С Крафтом».

** На левом поле: «Витя». Возможно, вариант вместо: «Ламберт».

*** Сверху: «действовать».

**** Сверху: «подросток».

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД
РАБОТЫ НАД СЮЖЕТОМ

АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ 1874 г.

1 августа.
Идея *. Не отец ли Он современный, а подросток сын Его? (*Обдумать.*)

Сначала можно подумать, что Он только подлая тварь и мешок с г..... (*чем и любит себя выставлять*). Про отцовские обязанности говорит: «Оставьте меня в покое». Христианство проповедует с насмешкой (но оказывается, что это насмешка горькая). Но потом оказывается, что Он очень серьезен и страдает безверием и ощущением своей при этом *живучести* *, которую считает подлостью (от того разврат и цинизм).

Он обижен и в жестоком разрыве и ссоре с князем и княгинею, в самом начале романа.

ИМЕНИЕ ВОЗВРАТИЛ УЖЕ В СЕРЕДИНЕ РОМАНА, ТАК ЧТО ВЫШЛО ОНО ВДРУГ, СОВСЕМ *ОТ НЕГО* НЕОЖИДАННО.//

Если Он — *отец*, то (уже по решении возвратить именье) ** выписан подросток и без того самовольно вышедший из Московск⟨ого⟩ университета. Жена (княгиня-мачеха) очень рада, что он возвращает ее же именье.

А именье возвращено в *середине*, странно, нечаянно и для всех неожиданно. Подростку это не объявляют. Он останавливается у теток, озлобленных женитьбой Его. Тетки же воспитывали и кормили подростка и прежде, ибо он не помнит матери. Подросток узнает об отданном имении сам собою и, главное, из разговоров ст. князя с мачехой. Тетки же не находят нужным разговаривать с ним о серьезных предметах.

Он же приехал, чтоб взбунтоваться.

Когда же спрашивает потом мачеху и отца: чем будут жить? то не получает почти никакого ответа: дескать, как-нибудь.

Семейство, которому возвратили деньги. И проч.

Ст. князь удивляется, зачем Он оставил у него место. Он же объясняет a parte, что оставаться у ст. князя — значило потворствовать связи и планам молод. княгини и мол. князя (Гол⟨ицына⟩). Но это ложь, а Он просто влюблен и ревнует княгиню и в *безнадежье* даже решался на дерзкое предложение, грозил рассказать ст. князю. Та его выгнала. Мстит княгине и рад Ламберту.

---

* Подчеркнуто дважды.
** Сверху вариант: «до решения возвратить именье».

Жена его ревнует. Когда же она связалась с Голицыным, то бросил и оставил княгиню и стал отбивать яростно жену (одним словом, много подлостей в его биографии). Ни одной страстью не пожертвовал.//

№. Встреча отца с приехавшим к нему из Москвы сыном, не выдержавшим классического экзамена. Отец хохочет, зовет сына чумкой, смеется над классицизмом, учит его бесчинствовать и проч. Сын презирает отца.

Идея (совсем другое). В то время, когда все презирают Его за смирение (и жена), Он делает подвиг (воинственный даже) и сносит пощечину. Но подвиг обнаруживается. Придумать.

Пронесли слух, что Он сделает чудо, все собираются и съезжаются смотреть.

О трех дьяволовых искушениях.

* *Понятнее.* Главное желанье Его — это толковать, что порок вовсе не отвратителен. *Он* ненавидит *женевские идеи* (т. е. человеколюбие, т. е. добродетель без Христа) и не признает в добродетели ничего натурального. Подросток дивится, но тетки ему говорят, что это доказательство от противного и что понимать надо в обратном смысле, что он хочет лишь довести до абсурда. Но подросток догадывается, что он говорит натурально и что тут нет абсурда. (*В дела княгини Он вмешивается из фанатизма*).

Разговаривает про Унгерн-Штернберга и рубит вдруг образа. После образов хочет застрелиться, но наступает эпизод жены с князем. Смерть жены. Его самоубийство. Подросток заступает его место на земле.//

Подросток говорит: Я хочу быть добрым просто потому, что мне нравится.

О Нем подросток говорит надгробное слово: «Он был слишком совестлив».

** Если б я был чиновник или буржуа, говорит Он, я бы желал порядка, спокойствия, чтоб покомфортнее прожить, в 1-х) мне, а в 2-х) (из гуманности) и другим (с атеизмом-то!). Мало того: сам бы поддерживал порядок. Но так как я честен и совестлив, то я (с атеизмом) хочу откровенно разрушения и злодейства, а не хочу женевских идей. Но не справился с злодейством и загрызла совесть.

Ст. Русса. 4 августа ***

Юноша верит, что при деньгах — он победитель и в состоянии смотреть вперед без страха и гордо, как вечный победитель... Но Он грозит ему картиной будущего петролея.

В Нем, хищном типе, страстная и *неутомимая* потребность наслаждения жизнию, *живою жизнию*, но в широкости ее он не желал бы захватить слишком видный жребий (Наполеона, н⟨а⟩прим⟨ер⟩). Слишком много на тебя смотрят, слишком много надо кривляться, *сочинять себя* и позировать. Вкусы разные, и я люблю больше свободу. Особенно люблю тайну. [Роль] Жребий Унгерн-Штернберга лучше Наполеонова.

---

* На левом поле: «? Февр⟨аль⟩, ? 3-я часть».
** На левом поле чуть ниже: «Февр⟨аль⟩. 3-я часть».
*** «*Ст. Русса.* 4 августа» — на левом поле.

Как Руссо, находил наслаждение загаливаясь, так и Он находил сладострастное наслаждение загаливаться перед юношей, даже развращать его полною своею откровенностью. Наслаждается его недоумением и удивлением. Но страстно религиозен, хотя носит язву, атеизм и в последствии *воспламеняется* и рубит образа.

Сгорает, сгорает. //

ПОДРОСТОК удивляется и спрашивает сам себя: религиозен [он] Он или атеист.

На возражение юноши, как Он может быть религиозен и соединять Христа с тайным развратом, он говорит: Что ж из того, что я подл и гадок, истина и *без меня* истина.

* Нет, не может *без тебя*, если только ты *веришь*. Именно *без тебя* не может,— так ты должен рассуждать. Ты должен бросить все и идти в схимники

И пойду непременно, и это будет. Это жажда, это потребность моя, ибо теперь я только играю с дьяволом, но не возьмет он меня.

И тут лекция о силе и укреплении воли и о свободе отшельника (но не ради гордости, а для Христа).

О *загаливании* Он сам говорит юноше. Жена его тоже все знает, до юноши он загаливался при ней.

Но, наконец, сгорает и разбивает образа, делает злодейство, не выдерживает красного жучка.

200 000, и он отдал назад (Щелков), и его мучает то, что он сделал доброе дело.

Когда разбил образа: «Нет добра и зла, хочу жить в свою ж...», и замучился жучком.//

Сам объясняет, что такое *хищный тип* и *бабий тип*.

Русский тип, художественность сообщительности, ничегонезнание, интересование великою идеей, рассказ о том, как русский простой молодой человек победил инженера немца, свалив в яму камень у Павловских казарм, как говорил с ген.-губернатором, светлейшим Суворовым, и как ему, не понимавшему слишком неодолимой простоты известных идей, предложил анекдот о вороне, прожившей на свете 3 года. О, без сомнения, так захохотал Суворов, рассказал потом анекдот царю, вникнули, зачем он не служит: «Имею, дескать, маленький капитал», приняли на службу — и пошел и пошел... Вот как сделал карьеру! А ведь прибыл в Петербург и скитался, пока не наткнулся на камень.

В Англии судили Христа.

** Против этих людей есть другой несносный тип, для художественных чистая казнь, тип не менее необразованный и малосведущий, как *** и «художественные», но зато необычайно *точный*. Ему до поэтической сущности рассказа нет дела, и не заметит даже ее медведь-Собакевич, не умилится, подлец, а не пропустит и не даст соврать, привяжется: где, когда, в котором году, да тогда и не было Суворова, да это и не Александр Иванович, а Павел Игнатьевич, да тот и не служил в таком-то году, а напротив, был директором соляных дел и проч.

Он не главноуправляющий делами князя, а был прежде в роде того, но, как Щелков, выиграл наследство (несправедливо) и зажил с деньгами,

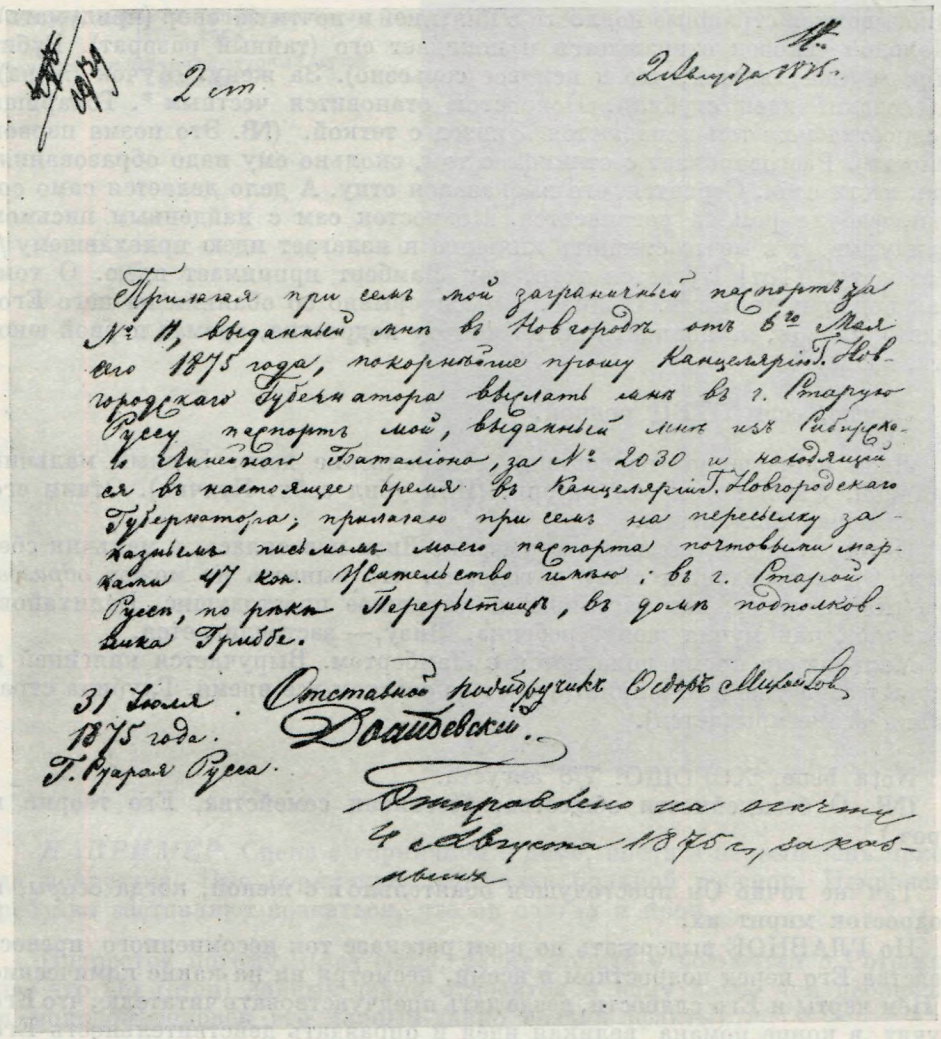
---

* На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».

** На левом поле: «Может быть, для повести Козлову», «Февр⟨аль⟩».

*** Исправлено из: «чем».

2 ст. 2 Августа 1875.



Прилагая при семъ мой заграничный паспортъ за № 11, выданный мнѣ въ Новгородѣ отъ 6го Мая сего 1875 года, покорнѣйше прошу Канцелярію Г. Новгородскаго Губернатора выслать мнѣ въ г. Старую Руссу паспортъ мой, выданный мнѣ изъ Сибирскаго Линейнаго Баталіона, за № 2030 и находящійся въ настоящее время въ Канцеляріи Г. Новгородскаго Губернатора; прилагаю при семъ на пересылку заказнымъ письмомъ моего паспорта почтовыми марками 47 коп. Жительство имѣю: въ г. Старой Руссѣ, по рѣкѣ Перерытицѣ, въ домѣ подполковника Гриббе.

31 Іюля 1875 года. Г. Старая Русса.

Отставной подпоручикъ Ѳедоръ Михайловъ Достоевскій.

Отправлено на почту 4 Августа 1875 г., заказнымъ

ПИСЬМО ДОСТОЕВСКОГО К НОВГОРОДСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ О ВОЗВРАЩЕНИИ ЕМУ ПОСТОЯННОГО ПАСПОРТА, ВЗАМЕН ЗАГРАНИЧНОГО 31 ИЮЛЯ 1875 г.

Архив Новгородской области, Новгород

женился — и вдруг отдает все и тайный документ по делу. Может быть, Федор Федорович на том настаивал и принудил к тому.//

Подросток хоть и видится с Витей и обходит всех *своих* по приезде, но на проекты их (Америка, подметные грамоты) смотрит свысока, как *имеющий свою идею*, и ему говорят, что он изменился, изменил прежним убеждениям. Но подросток секрета своего (стать Ротшильдом) никому из них не открывает. Чем и ставится перед читателем сразу в таинственное и загадочное положение (пересчитывает деньги, ходит по менялам, по толкучему, ищет, как прирастить, спрашивает, обнюхивает, скупится).

Пасынок и отчим. Художественная натура. Обаятельный характер (отказался от наследства). Загаливаться. Пленяет (буквально).

Оказываются страшные подлости с княгиней и почти заговор (придумать). Молодой человек отвращается и покидает его (тайный разврат). Рубит образа (оказывается, что в нем все серьезно). За жену. Жучок (жена). Женевские идеи сгубили. Подросток становится честным *. Товарищи подростка меж тем попадаются. Эпизод с теткой. (NB. Это поэма первой юности). Разговаривает с отчимом о том, сколько ему надо образования, как вести себя. Сердится, что высказался отцу. А дело делается само собой, фабула романа развивается. Подросток сам с найденным письмом придумывает в мечте стеснить княгиню и излагает идею приехавшему // Ламберту. [Тот] Пугается того, как Ламберт принимает идею. О том, как попал к Andrieux. О Лизе. И беспрерывно об обаянии на него Его. Одним словом, не покидать ни на минуту подростка, аромат первой юности, поэма.

Лучше, если ОТЕЦ родной.

Лиза непременно (падчерица), генеральские дети. Бедный мальчик больной. Ушел по смерти матери. (Или убил себя. Птичка). Отчим его преследовал болезненно.

Потом, в конце, когда жена умерла, Лиза повесилась, а мальчик сбежал: Он исповедуется сыну и говорит, что вынесть не может *образов*; все рассказывает, как загаливался (страшное простодушие, Валиханов, обаяние), как мучил жену, ребенка, Лизу,— застреливается.

Мальчик на время попадается с Ламбертом. Выручается княгиней и застает отца уже в отчаянии (атеист со свистом все время. Глубина страдания его открывается).

Nota bene. ХОРОШО! 7/8 августа.

(NB. О безыдейности общества, бессвязии семейства, Его теории и проч.).

Так же точно Он простодушен обаятельно и с женой, когда ссоры, и подросток мирит их.

Но ГЛАВНОЕ выдержать во всем рассказе тон несомненного превосходства Его перед подростком и всеми, несмотря ни на какие комические в Нем черты и Его слабости, везде дать предчувствовать читателю, что Его мучит в конце романа великая идея и оправдать действительность Его страдания.//

Он, например, атеист, а вдруг толкует подростку нагорную проповедь, но не решает ничем.

Или грядущий коммунизм. (Что же спасет мир?— Красота.—Но всегда с насмешкой). Может быть, рубит образа — и говорит, хочу жить в свою задницу, а об отданном имении говорит: c'était ⟨une⟩ bêtise **.

Устоит ли Россия? [спр] (от коммунизма), спрашивает подросток. Он бегло излагает признаки, что у России своя идея, *но* [во время] заключает с насмешкой: Я не образован и не специалист, этого не решу.

NB. Чтоб оправдать это, пример, как застрелился — от идеи, что Россия второстепенный народ и служит лишь материалом.

Нет у нас в России ни одной руководящей идеи. Пример: роль дворянства, принцип потерян, отвлеченная идея на воздусях, на кончике иголки, не удержится.

---

* На левом поле от начала абзаца до этого места стоит: «Nota bene».

** Это была глупость (*франц.*).

РОСТОВЩИЦА

Рисунок пером Ю. Г. Жуковского
1870-е годы

Государственный литературный музей
Москва

НАПРИМЕР. Сцена с горничной в доме, почти в первый день приезда подростка. Про горничную рассказал больной ребенок. Ненависть, ребенка заставляют сознаться, что он солгал и проч.

Подросток потому, *имея отца*, начал копить и возмечтал о Ротшильде, что Он (отец) давным-давно относится к нему более чем небрежно, и молодой человек это давным-давно сознал (факты).//

Я не могу понять идеи быть полезным обществу, излагает Он. Для чего? Зачем? В желание быть полезным надо верить и его любить, я не люблю и не верю. И что мне общество? Терпеть не могу эту казенную идею. Я еще мог бы заняться, но не затем, чтоб пользу приносить, а только из жалованья, если б очень нужда приспичила. Но пока есть еще два рубля, я хочу жить в уединении и ничего не делать. По крайней мере отрада, что ничего не делаешь, спокоен совестью, что ни в чем не участвуешь.

Идеей подростка копить Он (сквозь смех) глубоко *поражается*. «Это глубочайшая идея и глубочайшее влечение», говорит Он. «Это ужасно в тебе замечательно».

NB. Фабулу (Ламберт, Andrieux, княгиню и проч.) продумать ЛУЧШЕ, глубже, ШИРЕ И СЕРЬЕЗНЕЕ. О княгине и проч.

NB. Непременно, чтоб у него разрыв с княгиней и чтоб Он сгорал к ней местью. Что впоследствии, когда подросток узнает, и поражает

подростка, что Он такой скептик и уединенный человек, а интригант [и] страстный... И что Он, при всей обаятельности, так сух и зол.

Он, например, выпытывает с первых шагов у подростка о его сношениях с княгиней и доводит подростка до признания, что он пленен. Подросток бесится, а Он вдруг становится зол, сух и высокомерно небрежен.//

Он говорит подростку, я буду знать все открытия точных наук и через них приобрету бездну комфортных вещей, теперь сижу на драпе, а тогда *все* будем сидеть на бархате, ну и что же из этого? Все-таки остается вопрос: что же тогда делать? При всем этом комфорте и бархате — [что делать], для чего собственно жить, какая цель? Человечество возжаждет великой идеи.

Я согласен, что накормить и распределить права на корм человечеству в данный момент есть тоже великая идея, ибо задача. Но идея второстепенная и подчиненная, потому что после корма человек непременно спросит, для чего же мне жить.

Так что все эти *второстепенные* задачи, которые задает себе человечество, кажутся лишь отводом глаз от великой главной идеи: вот, дескать, дитя малое, займись чем-нибудь на досуге, не думай о великой задаче. И поверьте, если добудут корм для всех людей, тотчас же себе другую, второстепенную идею выдумают для [зан] временного занятия и отвода, только бы не думать о великой идее. Человечество всю свою жизнь так делало.

(Подростку) Вот ты копишь и хочешь стать Ротшильдом. Что это для бархату, для сладких обедов, что ли? Напротив, из гордости. Тебе слаще сухой хлеб, чем пироги есть, чтоб достигнуть цели.

А цель не богатство материальное, а могущество.

ИДЕЯ: «ОТЦЫ и ДЕТИ» — ДЕТИ и ОТЦЫ. Ибо сын, намеревающийся быть Ротшильдом,— в сущности *идеалист*, т. е. новое явление как неожиданное следствие нигилизма.//

В Нем, в отношении к подростку, свысока насмешка во всем; даже в самых патетических объяснениях, всегда кончит (будто спохватится) насмешкой и отрицанием (но свысока, *небрежным*, как бы мимоходом, *лениво*, без жару и без старания).

Тиран и деспот во всякую минуту. Любит выказать себя эгоистом. Даже в самые подленькие и слабохарактерные минуты, когда раздирал рот мальчику,— и тогда подросток не мог поймать Его, потому что в самом крайнем случае Он сам тут же и *ловил себя* и выставлял на вид свой же стыд.

Особенно характерны (и это ГЛАВНОЕ) выходят в этом случае страстные проповеди христианства, так что подросток во весь роман никак не может понять, *в самом ли деле* Он говорит или нет. До самого момента, когда он изрубил образа; [С] засмеялся было сейчас после того, но криво. Подросток понял, что тут очень серьезно.

ФАБУЛУ! ФАБУЛУ!

НЕПРЕМЕННО. В романе должны быть помещены, с самого начала, все самостоятельные попытки подростка нажить копейку: толкучий, аукционы, продажа, покупка, удачи и неудачи, т. е. наживание и [прожив] потеря. В результате непременно барыш, которым подросток отменно доволен. Мечты о чистке сапогов и проч. *Мечты об изобретениях*. Но подросток останавливается на той идее, что изобретения презирает. Его,

главное, утешает в его системе наживы — бесталантность ее. Именно то, что не нужно гения, ума, образования, а в результате все-таки первый человек, царь всем и каждому и может *отмстить* всем обидчикам (пересчитать обидчиков от московского профессора до теток, княгини, князя и того офицера, который толкнул его на улице). Отмстить или сделать бесконечно много добра. // Уж там, дескать, как я хочу, только бы добиться свободы и самостоятельного могущества. Система же его: копление, сила воли, характер, уединение и тайна. Идея вступления в компанию ему не так нравится. Его очень пленяет, что вот, дескать, я один, беден, оборван, бесталанен. Все-то меня не хотят и приметить, высокомерно проходят мимо, а чуть обратятся ко мне, то непременно свысока и даже презирая. А если б знали, что я уже сила, что еще несколько времени, и я вдруг явлюсь, даже теперь могу явиться.

Рассчитывает свои годы, когда, то есть именно, будет столько-то капиталу, когда столько-то и к каким годам он станет Ротшильдом. Знает анекдоты вроде о Ротшильде, нажившем миллионы именно потому, что за несколько часов раньше других узнал о смерти герцога Беррийского и проч. NB. Поражает его нищий, имевший в подкладке 200 000. *С меня довольно сего сознания.* (NB. *Подобрать анекдоты*).

Ему даже нравится мысль быть необразованным; но однако же переменяет идею и решает узнавать и учиться именно, чтоб удивить всех, когда придется явиться.

Расспрашивает о социализме: Уничтожение собственности особенно поражает его, первый даже разговор с Витей в этом смысле. Витя ничего не может [ск] объяснить ему и сводит с кем-то вроде Долгушина, толкующих о нормальном человеке (их потом арестуют). Он не соглашается с социализмом: противоестественно.

Он же, на вопросы его, много ему объясняет. Когда Он доказал подростку ненатуральность социализма, то подросток смеется от удовольствия. Заметив это, Он тотчас же сбивает подростка великостью идеи социализма. Подросток некоторое время даже увлечен.

ГЛАВНОЕ. Вся идея копить у подростка тоже великая и поэтическая идея в мечтах.

Чтобы не делать роман слишком отвлеченным, надо ввести несколько приезжих земцев. Анекдот Его, как он старался в земстве и как дали по 10 руб. и как, когда все согласились,— встало только трое. (Справиться у отца Ивана).//

(12 августа) *ВАЖНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ.* Писать *от себя*. Начать словом: *Я*.

«Исповедь великого грешника, для себя».

Мне девятнадцать * лет, а я уже великий грешник. После погрома, поразившего меня, хочу записать. Для себя, после, много лет спустя (а я проживу долго), я осмыслю лучше все эти факты, но эта рукопись и тогда послужит мне для узнания самого себя и т. д.

Начать прямо и *сжато*: как и почему захотел быть богатым; когда явилась идея. На экзамене у профессора. (Анекдот). И уже *после* о том, что у него отец в Петербурге и кто его отец и как он туда поехал. ?NB. Поехал, не простившись с Ламбертом. (В вагоне дурак — 30 000).

(NB. Или эту историю о том, как Ламберт ехал потом, и хотя он не видал сам лично, но ведет рассказ *как бы сам был там*, предуведомив, что пишет по слухам и по собранным фактам). Эти предуведомления очень наивны: теперь излагаю по собранным фактам, хотя там не был.

---

* Сверху вариант: «двадцатый год».

«Пишу без слога», или: «Пишу, разумеется, без слога, а только для себя», или в этом роде. Это в середине. Исповедь необычайно сжата (учиться у Пушкина). Множество недосказанностей. Своя манера: н⟨а⟩прим⟨ер⟩, едет к отцу, и сведения об отце лишь тогда, когда уже он приехал, а биография отца и того позже.

СЖАТЕЕ, КАК МОЖНО СЖАТЕЕ. О том, как подрался с Лизой,— наивнее. «Эту мелочь я мог бы пропустить, но я записываю для себя».//

О горничных, о задах женщин. Фру-фру, зады и шлейфы его возмущали. Особенно сердили его подымающие пыль шлейфы, и как он *отмщал*, или выругавшись, или поскорее перебегая на другую сторону.

О том, как он в вечер отправки с *студентом университета* ходил по бульварам и говорил похабщину порядочным женщинам (сжатее). Тут самое легкое и ничтожное воспоминание о Ламберте.

ОПЯТЬ РАЗРЕШЕНИЕ. Дурак в вагоне *с Ним*, как он поехал, но Ламберт приезжает после и рассказывает ему о дураке как о встрече, которую уже Ламберт обделал по-своему в Петербурге.

?О том: есть ли дьявол? Застреливается и призывает беса.

О дуэли, бывшей с ним.

О застрелившемся *Крафте* из-за того, что ничтожна Россия (теория ничтожности России). Крафта он знал лишь мельком, и Крафт объявляется (читателю и ему) уже после катастрофы, т. е. своего самоубийства.

Множество связных и характерных происшествий, хотя и эпизодных и не относящихся до романа, но как все *в свое время его поразившее* — для действительности, живости и правдоподобия.

Но затем *фабулу*, *фабулу*!, которую развивать страшно сжато, последовательно и неожиданно.//

В конце романа (исповеди) смысл тот, что он поражен, раздавлен, собирается с духом и мыслями и готовится переменить на новую жизнь. Гимн всякой травке и солнцу (финальные строки). Копление же богатства бросил.

* Таким образом сам собою *вырисовывается* тип юноши (и в *неловкости рассказа*, и в том: «как жизнь хороша», и в необыкновенной серьезности характера. Художественность должна помочь. Но как в повестях *Белкина* важнее всего сам Белкин, так и тут прежде всего обрисовывается подросток.)

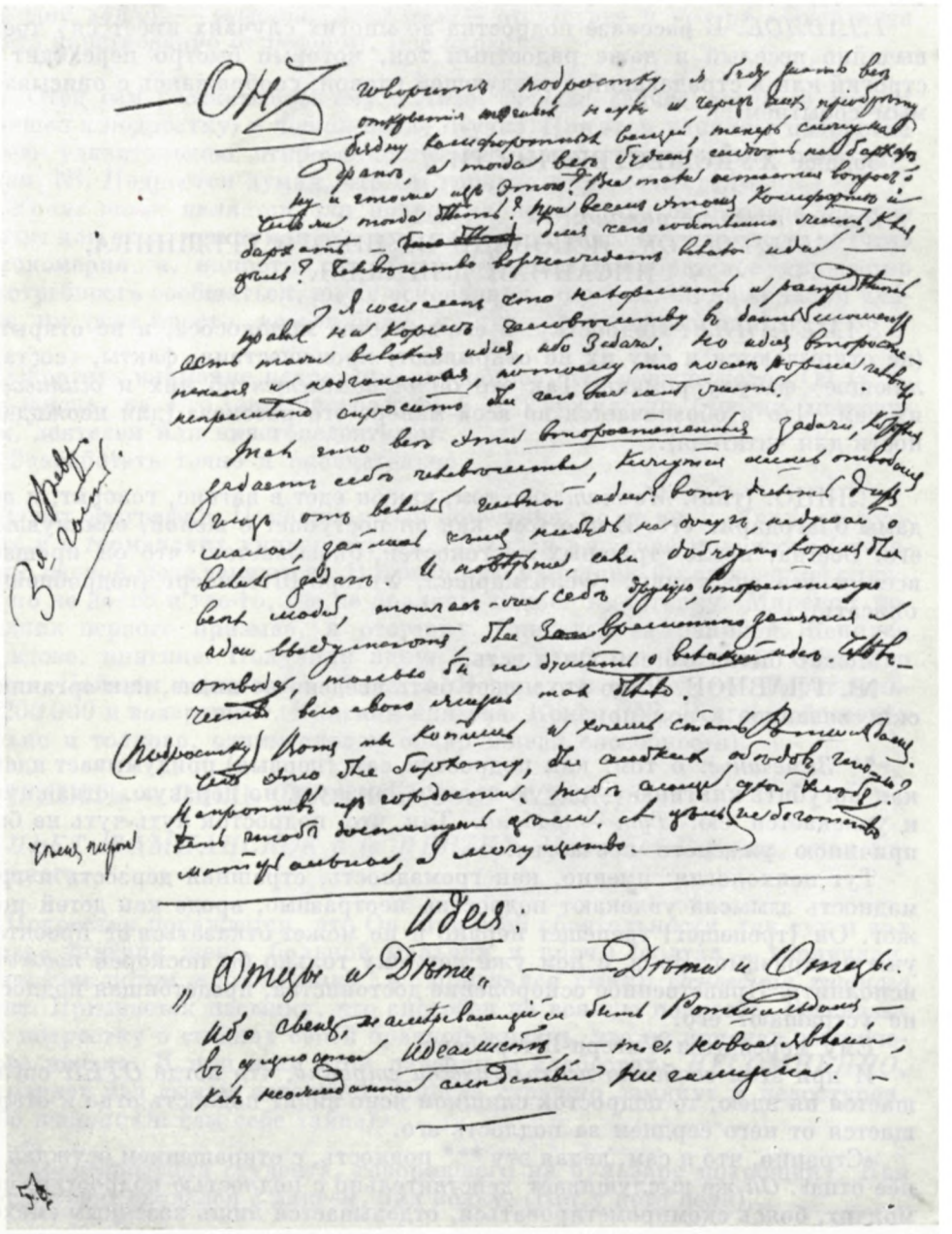
Характер отца, которым он все время придавлен, выдается тоже лучше, ибо суеверно подчиненное отношение к Нему подростка выдает и Его я более фантастическом и, так сказать, бенгальском огне. Мысль же романа (и фабула) *оправдают то*, что подросток наиболее остановился на отце.

О женщинах и об Andrieux. Иные чрезвычайно легкомысленные, но светлые, радостные (за начавшуюся жизнь) и детские увлечения подростка (в сторону) сравнительно с серьезностью главных событий.

???Один только ВОПРОС—о муках Его по смерти жены, бегства ребенка и проч. [О жу] И, главное, о жучке. Рассказ от третьего лица будет ли тут натурален. *Отец* может, впрочем, и сам это рассказать подростку, перед самым самоубийством.

---

* На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 9, л. 56

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Веселый день *вместе* накануне Его самоубийства.

ГЛАВНОЕ. В рассказе подростка во многих случаях имеет⟨ся⟩ чрезвычайно веселый и даже радостный тон, который быстро переходит в строгий или в страдающий с следующей главой, соображаясь с описываемым событием.

Задача ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ.//

Полное заглавие романа:
ПОДРОСТОК. ИСПОВЕДЬ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ СЕБЯ.

ЗАМЕЧАНИЕ. Подростку, в его качестве молокососа, и не открыты (не открываются и ему их не открывают) происшествия, факты, ⟨составляющие⟩ фабулу романа. Так это он *догадывается* об них и *осиливает* их сам. Что и обозначается во всей манере его рассказа (для неожиданности для читателя).

*!ЛИЦО: (тип). *Мечтатель* о том, как он едет в вагоне, говорит, и все дамы благодарят его. Или о том, как он поступает с женой, обманувшей его. Всегда, после страшных жестокостей, оказывается, что он прощает всех и все счастливы. Фельдмаршал, Унгерн-Штернберг (подробнейше описать).

Может быть, это сам Он и есть.
№. ГЛАВНОЕ. Лицо это может быть введено не иначе, как органически связанное с романом.

** *Замечанье*: о том, как подросток сам (первый) придумывает идею, как погубить княгиню — самую подлую, низкую, но дерзкую, отважную, и увлекается ею. *Тут — фабула.* Так что подросток чуть-чуть не был причиною ужасного несчастья.
Тут психология: именно, как громадность, страшная дерзость и громадность замысла увлекают подростка неотразимо, вроде как детей поджог. Он [трепещет] трепещет нервно и не может отказаться от проекта// уже неотразимо. Воли в нем уже нет, ему только бы поскорей *поджечь*, исполнить. Нравственное оскорбление достоинства, предстоящая подлость не устрашают его.
Ему мерещится Унгерн-Штернберг.
И при этом особенно *психологически странно*, что когда *ОТЕЦ* соглашается на идею, то подросток слишком ясно видит подлость отца и отвращается от него сердцем за подлость его.
«Странно, что я сам, делая эту *** подлость, с отвращением осуждал за нее отца». *Он* же выслушивает действительно с подлостью подростка; сам молчит, боясь скомпрометироваться, отделывается лишь казенным смехом и кривлянием и потом, минуя подростка и *втайне* от него, связывается по этому делу с Ламбертом ****.
Ламберт же сразу [ужас] отвращает до ужаса подростка нестерпимою грубостью и легкомыслием своей концепции идеи.
(№. При этом новое поколение, Lambert и подросток, и контраст им Он, безмерно образованнейший, более понимающий и развитый, чем они).

---

* На левом поле: «В рассказ Козлову. Февр⟨аль⟩».
** На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 4-я часть».
*** Над строкой.

Тут же психология *материального обаяния*, преступления над молодой душой — *отвагой*. *А во всем* — отсутствие и потеря общей идеи в это царствование от реформ). Все врозь *.

//Отец сам рассказывает ему о Лизе, *вначале*, сейчас после ее смерти (пришел к подростку) и *потом* после Жучка. При этом удивляет подростка своею удивительною откровенностью и почти невозможным простодушием. NB. Подросток думал, что Он гораздо *строже и крепче*.

Кроме того: является для подростка ясным, что он гораздо больше значит для отца, чем думал значить, что в Нем вовсе нет и никогда не было высокомерия, а, напротив, какое-то странное панибратское дружество и потребность сообщаться, но не основанная, впрочем, ни на сильном чувстве, ни даже просто, *может быть*, на чувстве. (Хищный тип).

Обратить внимание *непременно* на вопрос, что прежде делал Он (т. е. всю жизнь, на Его [авт] биографию) т. е. служил ли, был ли помещиком, деятелем или ничегонедеятелем.

Разработать точно и окончательно.

Опыт биографии. Помещик и сын помещика, но не внук. Учился в русских и в германских университетах. Женился в ранней молодости (сведения о первой жене теряются). В Крымскую кампанию был в военной службе, но не долго и где-то, где не дрались. Вышел в отставку. Мировой посредник первого призыва, в отставку. Скитался за границей. Женился на вдове, княгине. Получили вдруг наследство (княгинино). Общество князя. Пайщик и деятель в обществе. Возвратить наследство. Берет деньги 200 000 и возвращает. Княгиня князева. Конец. (NB. Всегда действовал дельно и толково, одним словом обнаруживал способности).

КОПИТЬ — ЛИШЬ ПОЭТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ.//

ПЬЕТ ШАМПАНСКОЕ à la HERZEN. Поминает Герцена, знал Белинского.

Подросток поражается, что Он, при всей обаятельности, так сух и зол (Лиза, княгиня жена, больной мальчик и проч.) (солгал — горничная, в чем сам потом *простодушно* и признался сыну). *Основания хищного типа*. Признается пасынку, что способен на всякую подлость. Рассказывал подростку о «тайнах своей брачной жизни», что не признал эстетического начала. И при всем этом падении и слабостях, *НЕСОМНЕННО*, сохраняет над сыном авторитет. Иногда страшно замкнут и недоступен. (Ибо *тайна*. Он сам себе тайна).

Характеристика студента, говорившего на бульваре похабщину. Как этот студент связался с лакеем, пил водку. (Нет у него цели).

Вокзал, приехали, идея — сколько дела найдет, а ведь, наверно, ни у кого-то нет дела.

ВОПРОС. Разрешить непременно. Был ли Он фанатически религиозен и проповедовал ли евангелие, когда приехал подросток (как уверяли ст. князь и тетки?). Если проповедовал, то подросток является перед ним враждебно и готовый в драку.

---

* На левом поле: «Я космополитка». Ниже отдельные слова: «Примирения и счастья, всеобщий человек, молодость сердца, Дон-Жуан».

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СЦЕНЫ

Акварель Ю. Г. Жуковского, 1870-е годы

Литературный музей, Москва

Подросток приезжает в тот день, когда тетки (два месяца тому похоронив главу семейства) хотели выбираться, сели, заплакали и решили остаться на квартире (Андреевы).

15 августа.

Лучше бы всего так, что он проповедовал до фантазии (хотя жена в разговоре с ст. князем и говорит: «это не то» или «тут не то»), на том и застал его подросток, и вот [он же с] Он же с необычайным простодушием среди проповеди (или после известного срока проповеди) делается и легкомысленным, и развратным, и злым, и широким, но всегда умным и остроумным. Подросток дивится и упрекает его в разврате (развить).

Может быть, подросток махнет рукою и думает, что это *ловкий человек* и *художник* (до образов).— РАЗВИТЬ.

Когда подросток приехал, то процесс как раз уже две недели как окончательно выигран. Умерший Андреев передает записку Ему, по которой выигранные 200 000 не Его.

В минуту приезда подростка и решается судьба денег. Ст. князь негодует, княгиня поражена. А подросток [узнает] узнает уже позже

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СЦЕНЫ
Акварель
Ю. Г. Жуковского, 1870-е годы
Литературный музей, Москва

от *чужих*, после того как уже [сошелся] сошелся с отцом, о выдаче денег.

Не семейство ли *молодого князя* [вело] вело процесс о 200 000-х?

ГЛАВНАЯ ИДЕЯ. Подросток хотя и приезжает с готовой идеей, но вся мысль романа та, что он ищет руководящую нить поведения, добра и зла, чего нет в нашем обществе, этого жаждет он, ищет чутьем, и в этом цель романа.

Он, видимо, жалеет его иногда и хочет отвести от зла и даже указывает, что вот это зло, а не добро. (В замысле на княгиню, после того как Он уже сам одобрил; на другой день). Вот для чего, минуя подростка, сходится с Ламбертом.//

?Подростком найдена записка княгини, но какая записка? (определить) (тут и фабула).

Идея. [Лиза взрослая, 18 лет, и втайне влюблена в Него. La haine dans l'amour *. Она-то и подучает подростка поймать княгиню. Она и уча-

---

* Ненависть в любви (*франц.*).

ствует в заговоре с Ламбертом. Она ревнует княгиню к Нему. Мачехи нет, все в доме теток] *.

Тема **. NN считают величайшим подлецом; все улики против него. Из презрения к нему от него отказываются все, кого он любит, жена бросает его и уходит к другому; он не может оправдаться, да и не хочет компрометировать *кого-то*. Сын, новое поколение, *дети*. Оказывается, что он невинен. *Подросток*. Один ребенок только верил ему слепо. Тут могут быть интриги Лизы.

Или: Лиза и Ламберт. Лиза поджигает Ламберта прижать княгиню, входит в заговор. Она же мучает мать, восстановляя ее против Него ревностью [нечаянн]. *Он* слишком хорошо видит, в чем дело и что Лиза его любит. Его характер, при этом *подросток*.

Нечаяное и неотразимое объяснение Его с Лизой, *имел ее*. Лиза хочет извести мачеху. (Мачеха и князь. Смерть мачехи. Лиза повесилась. Подросток своей дорогой. Ламберт и документ от Андреева. Подросток влюблен в княгиню. Увлечен Лизой. *Он* не влюблен в княгиню, но страшно, всем существом своим интересуется ее мнением. Тщеславие, влюбчивость и оскорбленная гордость *до выхода из себя*. Сверх того, обижен. Игра в обиженную любовь. Все оказывается ничем при измене жены. Оказывается, что жена-то и была дорога ему. Она то и есть жучок.

Вот фабула. В ней и *тенета подростку*, в которых тот сразу запутывается. Характеры же прежние.

Тон всего. Он все время занят своей высшей идеей (разложением) и своею *потерею цели* и *химическим* своим разложением. И потому, *пока дело велось*,// третировал все *свысока*. [Но когда] Разврат не давал ему взять в руки дело правильно. Под конец, когда погубил жену и все кончилось, жучок входит в свои права и все побеждает.

Он *чувствует*. Надо отвергнуть Лизу *вначале*, перестать мучить жену, стать честным, трудиться исполнять долг.

Но главный вопрос: *кому*? Соединенный с натурой, хищным типом, позывом к *беспорядку и приключениям*.

NB. Весь вопрос: верен ли характер и твердо ли стал перед автором. Все прежние качества: тайна, серьезность, легкомыслие, никакой над собой обработки во имя отрицания принципов и обаятельное простодушие, чем восхищает и Лизу, и жену, и подростка, и княгиню.

Есть попытки: отдал 200 000 и проч. Но все это ничто и даже сердит его тем, что значит Он в чем-то еще верит. Проповедь религии *есть* и даже фанатически, когда войдет в дело, но небрежно, отрывисто: не мешай, дело есть. Когда же невольно увлекается проповедью, то сам на себя рассердится, что и замечает подросток (для сведения читателя).

ОДИН ИЗ ПРЕЖНЕГО ПОКОЛЕНИЯ. Я ОДИН ИЗ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ, а новых не вижу, а что вижу, то не серьезно, говорит *Он*, и все третирует свысока.

Видит и новое в новых людях, т. е. *бесправильность*, отрицание долга или просто незнание долга без отрицания, а потому бесстрашие перед преступлением, эгоизм.

Одноидейность, материальная жажда наслаждений, с другой — отвлеченный [матер] идеализм (Долгушины).//

---

* Над записью этого абзаца проведены три зачеркивающие линии.

** Ниже, против следующего абзаца повторено: «*Тема*».

* Это плоды банкрутства старого поколения, говорит Он, мы ничего не передали новому в назидание и руководство, ни одной твердой и великой идеи. А сами всю жизнь *болели* жаждою великих идей. [Ну] «Ну, что бы *я* передал? — говорит *Он*.—Я сам нищий. Всю жизнь верил, что я богат и «не увижу горести» и вот под старость с сумой, ничего во мне нет, ничего и не было.

Когда Он имел Лизу: я имел ту, которую наиболее ненавижу, говорил Он.

После того, как имел Лизу,— они расстались врагами, не говоря этого друг другу (следы преступления).

Они обнялись и разошлись, и вдруг она подбежала в бешенстве: «Смотри, *я убью* тебя».

***Он говорит*: Нигилисты — это в сущности были мы, вечные искатели высшей идеи.

Теперь же пошли или [тупицы необразованные] *равнодушные* тупицы, или монахи; первые — *деловые*, часто застреливающиеся, а вторые коммунисты, Долгушин и верующие им.

Есть третий разряд — чистокровные *** *подлецы*, но этот [всегда] разряд всегда и везде одинаков.

Он всегда слишком, слишком откровенен с сыном, с подростком. Не только безмерная *прелесть* простодушия Его *не* дает презирать Его *очень* **** за легкомыслие. Но только что, в течение романа, подросток начнет неуважать Его за это простодушие, как тотчас же и проявится в Нем что-то неожиданное, покрытое тайной, новое, чего еще и не подозревал в Нем подросток. *Под конец* подросток совершенно ясно убеждается, что знает Его только с одной, почти наружной и малой стороны, и что есть бездна неисследованного, тайного и что (подозревает подросток) *Он* ни за что *и* никогда не выдаст ему. Так что подросток мучается под конец, чтоб проникнуть и узнать этот характер,— мучается потому, что поражен Им и любит Его.//

*****Поражает* тоже подростка, в течение романа, что все откровенности и все простодушие Его никогда как бы не идут от сердца, не основаны на сильном чувстве дружества или [потреб] теплой потребности открыться. Напротив, именно бессердечны (хищный тип). Кроме религии! (и это ужасно поражает подростка). Об религии Он говорит иногда с вдохновением, хотя и не прощая себе потом. (Подросток все это замечает в своей исповеди *для читателя*, равно и предыдущий пункт — о непроникнутой тайне его характера).

Тысячу раз подросток спрашивает себя: что же Его занимает, интересует. Неужели петушье отношение к женщинам, герценская болтовня за шампанским и проч. Он это спрашивает себя, и вдруг отдает Он 200 000 и проч., и подросток опять сбит с толку.

В самом конце подросток сбит с толку, что Он, если и мучается и готов застрелиться, то в сущности ни о чем в частности не жалеет, ни жены, ни княгини, ни Лизы, одного только разве мальчика. Между тем страдает жестоко и умирает в жестоком страдании. Но почти помешался от боли о жучке (т. е. мальчике). Но и этой боли не признает за суть СВОЮ и

---

* На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я ⟨часть⟩».
** На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».
*** Над строкой.
**** Подчеркнуто дважды.
***** На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».

СВОЕГО страдания. (Беспорядочность, неизвестность во что верить, для чего все это).

Тут застреливается Крафт, достают его последнюю *бумажку*. Он очень заинтересовался мотивом смерти Крафта. «Крафта съела идея, которой он поверил, [меня] МЕНЯ же — то, что потерял всякую идею, которой бы мог поверить», говорит Он.//

Подросток и молодое поколение таким образом *одолевают* *. Заключительная мысль формулируется в конце романа подростком так. Спасет себя только тот, кто смолоду выработал себе то сильное нравственное ощущение (чувство), которое называется убеждением. Формула убеждения может измениться с жизнию, но нравственное ощущение этого чувства неизменимо всю жизнь. В ком есть это, тот уцелеет (это мог сказать Он подростку перед самоубийством).

Про страдание о мальчике он говорит: Уж не нашел ли я суть чувства, непосредственного ощущения боли, чего всю жизнь искал?

Просто: безнравственный человек, нравственного начала не выработал. Чисто русский универсальный ** тип.

Если чисто русский и универсальный тип, то почему же не все страдают и убивают себя?

Ответ: потому что не во всех развит дух анализа и совестливости, как в Нем.

«Потому что дураков *** много, а умных **** мало, говорит Он. Умные ***** уходят, а дураки ****** остаются».

«Я б и оставил жизнь, до конца ******* уж нашел бы какой-нибудь долг, [обман] сумел бы обмануть себя, если б не этот мальчик (жучок)».

«Почему *Я* ничего не жалею, а только этого одного мальчика? Почему весь мой самосуд формулировался лишь на этом мальчике?»//

«[Ведь] Зачем *Я* женился на моей жене? Потому что она мне ужасно жалка. А меж тем, я же ее и мучаю. Да еще в няньки себе обратил. Ведь это теперь нянька моя».

?ВАЖНЫЙ ВОПРОС. Делать ли, что мачеха влюбилась в князя? Не отбросить ли вовсе князя?

???! Не ограничиться ли тем, что мачеха узнала о связи Лизы с Ним и *изнемогла*.

А не Лизу ли сделать влюбившуюся в князя и гласно ему отдавшуюся: «Я хищный тип», говорит Лиза, пошла по всем по трем. И тут в семье страшно мстит за себя, страшно и *гласно* смеется над Ним. А Он взбесился и за Лизу вызывает князя.

Лиза умирает в [о] объятиях мачехи, но странно.

??? [Лиза] Подросток не застает ли уже Лизу в связи с Ним. А Он подростку объявляет это [только] в средине романа. // Но когда объявляет, то еще не знает, любит ли Его Лиза или продолжает ненавидеть (ибо клевещет на Него матери по-прежнему, интригует и смеется над Ним).

---

* Подчеркнуто дважды.
** Над строкой.
*** Сверху: «скотов».
**** Сверху: «людей».
***** Сверху: «люди».
****** Сверху: «скоты».
******* Над строкой.

Он же порабощен Лизой и говорит подростку, что начинает влюбляться именно за то, что она, хоть и дала, но продолжает Его ненавидеть.

Он вымолил у Лизы еще и еще свидания. Свидания характерные, каждый раз с ненавистью.

Наконец, видя попытку отравить мать, Он страшно поражен.

Непременно так. Лиза не дает ему ни в одно свиданье, а дразнит его и доводит до исступления.

Он дивится ее головному разврату *при невинности.*

— Какой ты хищный тип, говорит она.

— Отравим и убежим.

— Куда? Она всюду за ним.

— Пусть.

— Я разлюблю тебя.

— И разлюби, брось на перекрестке.

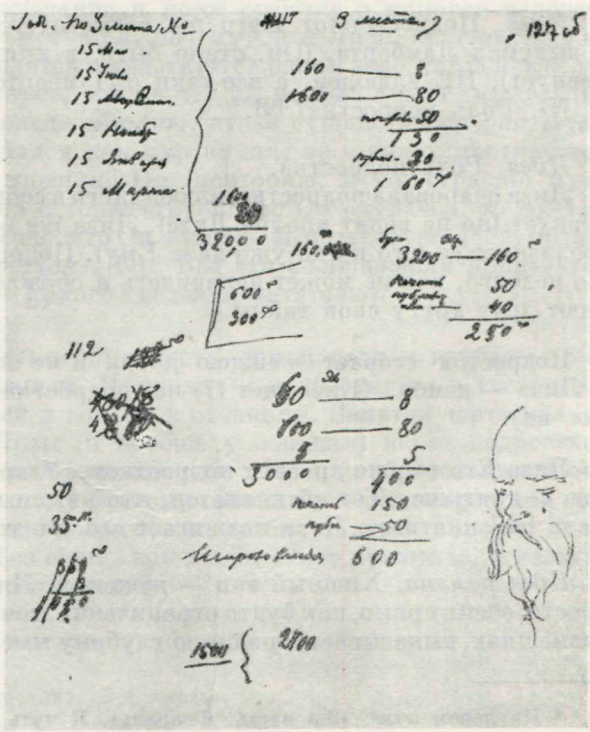
И вдруг Лиза в это-то мгновение, когда мать все узнала, и отдается *князю*. По-видимому, с фанатизмом, а между тем она не любит князя (правда, увлеклась и приврала, что *«мой князь»*. Князь, правда, имел ее, но мимолетом). Она отдалась князю, чтобы вывести из себя Его от ревности. (Не так: со стороны Лизы просто игра. Хоть и копейки не стоит, а достигну. Мучить хочется).

ГЛАВНОЕ. Лиза прозрела Его характер: т. е. разложение и ничего целого, а влюблена (простодушие Его увлекло ее). *Она инстинктивно и безотчетно* захотела поднять Его ревностью. Княгиню же она хотела погубить чисто из ревности к Нему. Когда же сорвалось — повесилась в нужнике.

(Момент, когда *Они* одни, матери не было. Жучок).

Мать не вынесла, изнемогла, сошла с ума и умерла.

Затем мальчик (так, так!)//



СТРАНИЦА С ДЕНЕЖНЫМИ ПОДСЧЕТАМИ ИЗ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 8, л. 127 об.

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Лиза с Ламбертом, в засаде и с княгиней. Подросток увлечен Лизой. Но спасает княгиню.

ГЛАВНОЕ №. ПОДРОСТОК ВЕДЕТ РАССКАЗ ОТ СЕБЯ: Я, Я.

Подросток, стало быть, так и застает Его в буре отношений с Лизой, но без страсти с Его стороны. Все, напротив, фикция и вымысел.

Он зовет князя на дуэль за Лизу.

Разрешена задача! 20 августа, 1-й час пополуночи.//

№. Горничную обнаружила Лиза.

26 августа.

* *Он* глядит на Лизу тоже *как на беспорядок*, т. е. потерявшую цель и, при сильнейших страстях, мечущуюся как бы [похо] во всеобщем хаосе.

Она меня не любит, говорит Он, она только так, хоть копейки не стоит, но чтоб достигнуть... Игра от отчаяния (если б перевести на сознание, то это игра от отчаяния, хотя в ней нет сознания).

Похождение подростка, кража браслета. Мальчик верный. В руках подростка важная тайна. Искушение.

Он разрубил образа когда, после первого (именья) разу с Лизой, она довела его до бешенства отказом и насмешкой. *Влюбился* до бешенства. Пошел с подростком: «Все это вздор, вся нравственность лавочники и шахматы». Дрался с князем. И когда все кончилось, увидел, что совсем и НЕ ЛЮБИЛ ЛИЗЫ и *не было ничего*! Тут самосуд и страдание.

Идея. Подросток от Него же заимствуется всем этим исступлением и выдумал Ламберта. (Он, стало быть, в княгиню не влюблен, но Лиза ревнует). НЕ влюблен, а все-таки с Ламбертом.

№. Роль подростка? №.//

Идея. Роль подростка.

Лиза очаровала подростка, влюбила его в себя до бешенства. Он это знает, ревнует (но не верит вполне Лизе). Лиза же жалуется подростку, что Он соблазняет ее (это когда уже дала Ему). Подросток с ненавистью к Нему. Но недолго, ибо не может ненавидеть и обожает Его. Оба, наконец, поверяют друг другу свои тайны.

Подросток сгорает жаждою добра и не знает, как решить про отца, а Лиза — демон. (Клевещет (?) на подростка арестованным, что он предал их).

Лиза Его только дразнит подростком. Уверяет подростка, что Он влюблен в княгиню, Тот ей клянется, что нет, и выдумывает одно, как прижать [ее] княгиню. Лиза поджигает его на это с энтузиазмом.

Идея романа. Хищный тип — женский, Лиза, а не *Он*. Лиза глядит просто, очень прямо, как будто ограниченна, точно сумасшедшая. И вдруг, в насмешках, выказывает страшную глубину мысли и развития. Она убедила

---

* На левом поле: «3-я часть. Февраль». И чуть ниже: «Другой роман».

Его, что он ее развратил своим *беспорядком*. Она обожает мать в самом деле. Она [пиш] доказывает Ему, что Его любить не за что. Ужасно любит подростка.//

Лиза едет с подростком по железной дороге из Москвы в Петербург. Она ему говорит о Нем, которого знает (уже знала прежде и влюбилась в Него до свадьбы матери). Подросток ей сообщает свой план обогащения. Лиза ездила в Москву на время и случайно лишь сошлась с подростком.

Он заговора ламбертовского против княгини пугается; но Ему тоже, по малодушию Его, и льстит прижать княгиню. Но Он однако *не знает*, что главная руководительница заговора Лиза. Так как подросток выдумал эту идею против княгини, то Он и думает, что подросток и Ламберт одни действуют. Впоследствии, как известно, Он так увлекается идеей, что идет к Ламберту помимо подростка. Если б Он знал, что тут мудрит Лиза, то Он бы не участвовал и противодействовал и уж, конечно, испугался бы. Но Лиза знает про себя (от подростка и Ламберта), что и Он *косвенно* вошел в заговор, и она про себя смеется и *злится*: ибо понимает, что Он вошел в заговор из ревнивого и горделивого мщения против княгини, стало быть *до сих пор интересуется** княгиней, желает ей отмстить стало быть любит княгиню. (NB. Лиза и прежде, да еще при подростке и матери, дразня Его, говорила Ему вслух и в глаза, что Его выгнали от княгини, причем мачеха с жаром взяла Его сторону, и от этого ссора матери с Лизой некоторое время). Ни подросток, ни Он не знают всего злодейского размера замыслов Ламберта (а по-настоящему Лизы) на княгиню.

** Иначе [и Он] подросток бы остановился, а Он испугался бы. Но психология // в том, что и подросток, и Он тем более, предчувствуют ужасную роль Ламберта и, несмотря на то, обоим это нравится, тогда как, если б не предчувствовали, а прямо знали, то наверно воспретили бы. (NB. Это драгоценное психологическое замечание и *новое сведение* о природе человеческой). Таким образом и объясняется, почему Он и Лиза, враги между собою в известном смысле, сходятся и участвуют в одном деле, тогда как если б Он знал, что Лиза участвует, ни за что бы не был с нею вместе. Лиза смеется про себя и раздражена мыслию, что в сущности она опять-таки дурачит Его, который попался как кур во щи, не в силах противустать мелкой идее горделивого мщения. Но, повторяю, и Он страшно мучит Лизу тем, что хоть если она и торжествует, что Он одурачен, то все-таки ведь тут новое доказательство, что Он княгинею интересуется***, интересовался и будет интересоваться. (NB. Все эти соображения высказать в романе *словами*, для более яркого сведения читателю).

Хищный тип, страстность и широкость, самая подлая грубость, с самым утонченным великодушием. Приходит к подростку то в восторге от Лизы, то грустен, скептичен и зол, то в отчаянии. Заметна черта мелкого хвастовства успехами у Лизы (и вообще у женщин) перед подростком. Возбуждает в нем энтузиазм к великой идее и жажду образования. Помогает на глазах подростка одному бедному семейству. Среди страстной веры насмешливый скептицизм (это до того, как разбил образа). Говорит прямо подростку: «Если б я был без веры, как же бы я мог прожить», и излагает все предыдущее о двух лавочниках.//

---

* Подчеркнуто дважды.
** На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».
*** Над строкой.

№. Главные вопросы. Трудность начала романа. Действие подростка на толкучем, в семействе, у Долгушина, Вити и проч. От себя ли писать, или от автора. Роль теток.

Тетки (Андр-вы) такого свойства, что они [его] подростка и воспитывали с самого детства, и он с удивлением узнает, приехав в Петербург, что Он на него никогда ничего не давал, а платил Андр-в. Подросток вследствие этого последнего обстоятельства не хочет идти к Нему; но тетки кричат: «Что ты, что ты, он тебе место даст». Из этого подросток выводит, что он выписан, чтоб кормить теток, и очень этим фрапирован, считает деньги.

То, что его так запросто выписали, выслав ему деньги из Москвы *, тетки — объясняется его 19-ю годами: и церемониться нечего, и разговаривать не стоит. Бранят его, зачем он ехал в вагоне второго, а не третьего класса. (Не Лизой ли объяснить?).

Подросток (в обоих случаях, пишет ли он от себя, или рассказывает Лизе) выражает идею: что вот как это петербуржец едет из столицы в деревню Москву, а между тем его там мигом огорошат, или из Москвы в Петербург и тотчас наткнется на тех, кто его умнее.

В вагоне Лиза и дурак. Он Лизе о Ламберте. Та сдержаннее, но ему об отце и проч.

Если писать не от лица подростка (Я), то — сделать такую манеру, что⟨б⟩ уцепиться за подростка как за героя и не покидать его во все начало романа, так что, наприм⟨ер⟩, и княгиня, и Он, и обстановка теток, и Долгушины, и все описываются [та] лишь ровно настолько (разумеется первоначально), *насколько постепенно касаются подростка. Прекрасно может выйти.*

Важный вопрос: сообщает он или не сообщает Лизе в вагоне свой план о наживе? (Непременно сообщает, но под глубокой тайной).//

? №. Подросток у Лизы, себе неведомо, шпионом у княгини.

В вагоне подросток лишь постепенно знакомится с Лизой, говорит ей свою фамилию, та ему свою. Но узнав его фамилию, она хоть и удивляется (потому что слыхала мельком о Его сыне), но сначала проэкзаменовала и выпытала все у подростка и лишь в Малой Вишере сообщает ему, что они из одной семьи, чему подросток ужасно удивляется, хотя восхищен; но и при восхищении соображает, однако, что эта девица себе на уме и сильный характер. Тут он очень негодует на себя, что сообщил ей о своей идее. Она же с Любани начинает издеваться над его идеей и хохотать над ним до бесстыдства. Тот в бешенстве. Подъезжая же к самому Петербургу, она вдруг с ним мирится и дает ему торжественную клятву, что никогда никому не скажет об его идее. Подросток опять тает. Таким образом Лиза его в высшей степени *проэкзаменовала* и *высмотрела.*

Но подросток, хоть и растаял, а все-таки с горьким недоумением на счет ехидства Лизы и, пуще всего, о своей неловкости. Но Лиза и тут вполне его утешает, говоря ему: «Я нарочно вас шпионила, да, я унизилась до этого. Но это потому, что я несчастна и беззащитна. Мне нужен

---

* Описка: «в Москву».

защитник, помощник, я давно его ищу. Вы чисты, правдивы и умны. О, я очень скоро приду к вам умолять вас о покровительстве. В чем мое горе, в чем моя нужда, скажу после, да и время нет; но если б и было время, я бы не сказала теперь, напротив, хочу, чтоб вы сами все своими глазами осмотрели, беспристрастно, а если *я* вам скажу, то вы, как великодушный, будете поневоле смотреть моими глазами, а в этом беда, ибо, кто знает, я, может, и сама ошибаюсь. Вы же, новый человек, будете судьей моего положения, вы решите судьбу мою, скажете мне все».

Приехав в Петербург, она все продолжает [молчать] молчать и не идет к нему. Проходит неделя, другая; напротив, даже начинает смеяться над ним. // Это сбивает с толку подростка, и он оскорблен в своей гордости; но из гордости не поминает ей ни о чем.

Первые дни он еще был влюблен в Лизу, но потом думает о ней с презрением, третирует ее водевильной «субреткой». И уже потом, вдруг, Лиза опять очаровывает его и сбивает с толку, говорит о молодом князе, говорит, что влюблена в него, что ревнует княгиню, восстановляет подростка против княгини и т. д.

Вообще третировать в рассказе Лизу *слегка* (сообразно взгляду подростка) [и только пот], хотя и ставить ее перед читателем постоянно загадочною. И только потом, в течение романа (опять-таки сообразно взгляду подростка) вывесть Лизу великаншей, Сатаной, подавляющею подростка. Трагическая же смерть ее и штука с м⟨олодым⟩ князем подавит и читателя. К князю она сбежала действительно увлекшись — и вот [что] в чем и трагедия. Конец Лизы должен быть торжествен и ужасен, как колокольный звон.

Жажда правды, простоты в Нем, нашла фальшь, сразу потребовала идеала и обвинила Его, т. е. первого встречного. Не хотела ждать.

В вагоне она уселась так: на одной скамье Лиза и семинарист, напротив дурак и подросток. Лиза часто перебивала подростка в самом патетическом месте (н⟨а⟩прим⟨ер⟩, тотчас как он сообщил ей идею) и тотчас, не отвечая ему, говорит: не слушаемте их (т. е. дурака).

Подросток всегда поражается этим бессердечием: у него сложилась мысль, что так всегда в высшем свете. Кончив слушать, Лиза тотчас обратилась к подростку и с таким заинтересованным видом стала говорить об его идее, что тотчас же рассеяла все его сомнения.

Но все-таки он говорит себе: «Змея высшего света», и тут-то объяснить его отношения к женщине, презрение, фру-фру, хвосты и целомудрие.

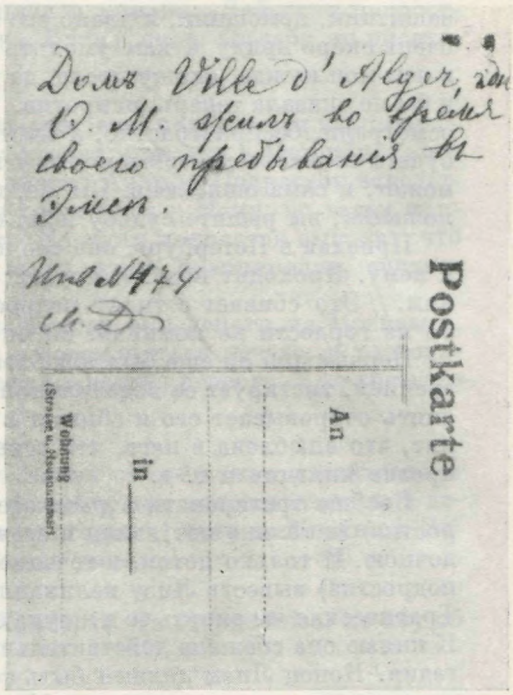
В [одну] // одну *из обид* Лизы он рассуждает: никогда не женюсь, прочь женщин, один с моей идеей и т. д. (NB. Эту идею, впрочем, из шутовской и ребяческой, развить в конце в сильную и поэтическую для читателя. Все постепенно).

?NB. Семинарист в дороге только что отошел от дурака обвиненный в краже 10 рублей, как наткнулся на историю с дамой. NB. NB. Не ввести ли впоследствии этих лиц в роман?

*NB. Кража бриллиантов. Был если не обвинен, то сильно заподозрен у князя. Князь поспешил замять, княгиня покраснела. Нашли потом под [княз] ст. князем. У подростка мало просили прощения, обидели его (он же уже влюблен в княгиню), так что подросток, так обвиненный напрасно, уходит в себя и строит страшные планы будущего угрюмого копителя.

---

* На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».



ЭМС, ОТЕЛЬ VILLE D'ALGER, В КОТОРОМ ОСТАНАВЛИВАЛСЯ ДОСТОЕВСКИЙ

Почтовая открытка 1870-х годов

На обороте надпись А. Г. Достоевской: «Дом Ville d'Alger, где Ф. М. жил во время своего пребывания в Эмсе»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Но нельзя копить, хочет идти в воры. Молится. Спасает на другой день отысканные серьги. Удивляется, как все его настроение скоро прошло.

Все поджечь. Ночь на улицах, темный лик Богородицы у Знаменья.

Лиза хоть и говорит ему (потом, когда открывается), что влюблена в князя, но влюбляет, однако, его (т. е. подростка) в себя, показывая вид, что и к нему неравнодушна.— Это еще до признания Его подростку о Лизе. Подросток даже признается Ему (на Его вопросы), что любит Лизу, и тот хмурится. Лизу подросток уговаривает любить Его, быть к Нему справедливее и ласковее.

Тем *сильнее* он поражен, когда узнает от Него, что Лиза любит Его.

Подростка очень поражает и притягивает к // себе симпатией мачеха (особенно, когда он вступился за ребенка). Вообще прелесть мачехи и выдается по впечатлениям подростка.

В Петербурге начинается с того, что подросток с первых же дней * ссорится с тетками, объявляет им, что его выписали их кормить, те режут его, и Он их мирит. Он приглашает было подростка, во время ссоры с тет-

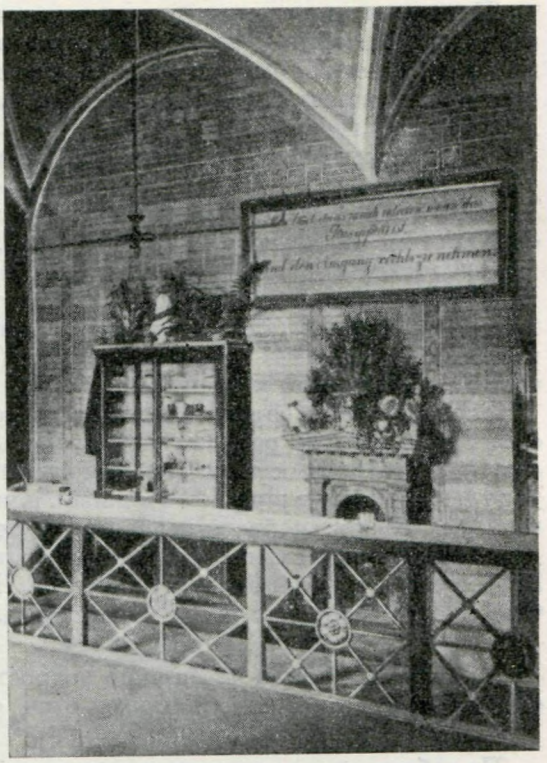
* Исправлено из: «первого дня».

ЭМС. ИСТОЧНИК «KRÄNCHEN»

Фотография 1870-х годов

«Фотография, приобретенная Ф. М. Достоевским на память лечения его в Эмсе в 1879 г.» (А. Г. Достоевская)

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва



ками, переехать к Нему. Подросток переезжает, и у Него поражается и мачехой, и отношениями с Лизой, и горничной, и больным мальчиком, и спором о христианстве.

Кончает тем, после мальчика, что ссорится с Ним и от Него уходит. Тут же в эти дни поступает и к ст. князю и по толкучему ходит, и Витю видит, и Крафт встретился. Ощущение надобности собственной квартиры, своего угла. Рассуждения о том. Это он говорит коммунистам.

У ст. князя действительно три дочери взрослые и воспитанница.

Объяснить дурака и вдову Перчаткину (развить).

Возвратясь * в один из первых дней вечером домой, подросток [идет] пришел с грустной думой: Петербург, его влияние, бедность, искал квартиры, толкучий, Долгушины, жажда Христа (в тот же вечер спор о христианстве). Вообще больше поэзии в впечатлениях.

В этот же вечер и разорванный рот у мальчика.

Вообще будет чем занять подростка до Ламберта. Поэтичнее.

Дурные страсти, разврат, цинизм, Его пример (когда узнал про Лизу) подействовали на подростка, и из гордости и злости (а также из тяготения к пожару), а также из расстройства нервов, от всего беспорядка он и изобретает замысел на княгиню.//

№. Вообще в лице подростка выразить всю теплоту и гуманность романа, все теплые места (Ив. П. Белкин), заставить читателя полюбить его. Затем мачеха, Он.

---

* На левом поле параллельно абзацу: «[вы подж.]».

Кончается вопросом подростка: где правда в жизни? (которой он и ищет во все продолжение романа). И когда на последней странице он похоронил Его, посетил Долгушина и проч., то грустная торжественная мысль: «Вступаю в жизнь». Гимн — быть правым человеком. Знаю, нашел, что добро и зло, говорит он.

Эту последнюю страницу выработать. Знаменательнее и поэтичнее.

NB. НЕ ЗАБЫТЬ. О том, как подростка «обидел» молодой князь, как он решается отмстить ему, идет к нему, как молодой князь изящно его принимает, примиряет и восторгает его. Любовь страстная к молод. князю. Но скоро и разочарование: все великосветские хищные типы, сушь. И выходит, что один Он еще остается ему как теплый и лелеющий сердце (но все-таки задача до тех пор, как начинает (Он) страдать; тут подросток весь тает из сострадания к Нему).

Вообще жажда сердца, сочувствия, великой идеи (дает Он, но всегда сомнение). Так что раз, [мучая] мучаясь сушью жизни, прельстился одною из// брезгливых теток, но вынес одно к ней сострадание и еще одно убеждение: что как вникнешь в жизнь или в душу человека, то даже в том, что презираешь, найдешь глубину (в тетке).

Поссорившись с Ним [нанял] (вначале, когда квартировал и не знал Его), сманил с собой больного ребенка. Но тот стал проситься домой; тут Он [розыск] разыскал его и подействовал примирительно).

Вообще весь роман через лицо подростка, ищущего правды жизненной (Жиль-Блаз и Дон-Кихот), может быть очень симпатичен.

Не забыть последние строки романа: «Теперь знаю: нашел, чего искал, что добро и зло, не уклонюсь никогда».

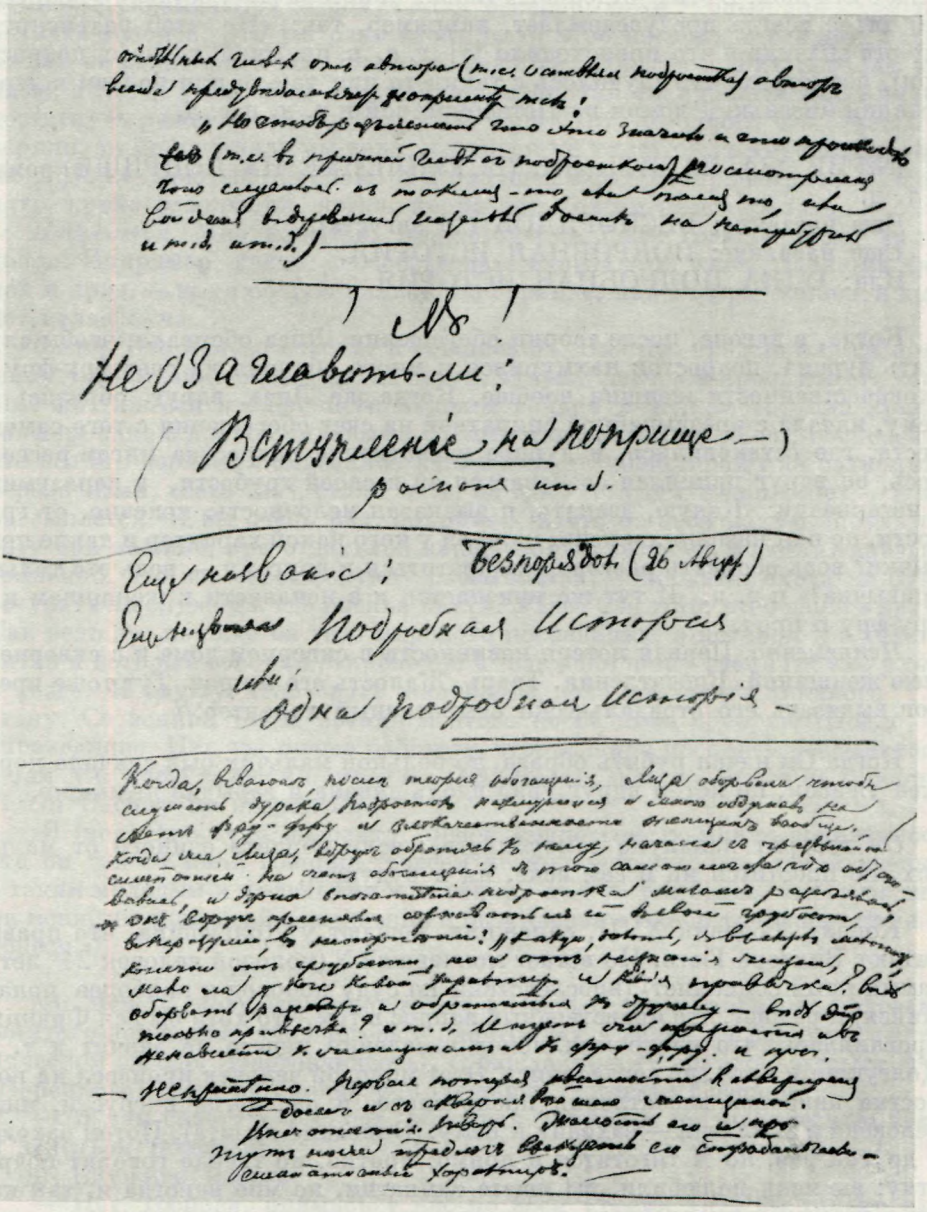
Final. Вообще это поэма о том, как вступил *подросток* в свет. Это история его исканий, надежд, разочарований, порчи, возрождения, науки — история самого милого, самого симпатичного существа. И жизнь сама учит, но именно его, подростка, потому что другого не научила бы.

Кстати NB. Не забыть о том, как Он начинает постепенно уважать подростка, удивляется его сердцу, милой симпатии и глубине идей при таком легком образовании. Все это однажды даже высказывает подростку. И вообще выставить так, чтоб читатель это понял, что Он во весь роман ужасно следит за подростком, что равно рисует и Его в чрезвычайно симпатическом виде и с глубиною души.//

НЕ ЗАБЫТЬ. У Долгушина его тоже сочли было шпионом, но оказался другой. А подросток все-таки был обижен подозрением и с оскорбленной душой со всех сторон не знал к кому пойти. (Му́ки).

NB. Однажды пошел к Надежде Прокофьевне, запомнил ее по симпатическому ее взгляду. Сидел у ней вечер. Та занималась, вышла: «Никогда, никогда не откажусь от этой светлой идеи». Столько сил и так односторонне направленных! Но подросток вышел с умилением.

Отнюдь не забыть ГЛАВНЕЙШЕЕ. Не забыть дружбу подростка с бедным мальчиком: не забыл его и после того, как сманил его от Него. Весь роман он им интересуется. С мальчиком тайные свидания, но без больших слов (7 или 8 лет, создать характер мальчика). Лиза, напротив, не имеет к брату никакой симпатии, даже враждебна. Когда же подросток по делу Долгушина был арестован, то тут и бежал мальчик. [ТОН] Подросток поражен ужасно.



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 9, л. 87

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

И опять, в течение романа (и под конец все чаще и чаще) оставляя подростка, обращаться *отдельными главами* и к другим лицам в рассказе от имени автора. Таким образом и будет раскрыт эпизод самоубийства мальчика с птичкой. В этих//отдельных главах от автора (т. е. оставляя подростка) автор всегда предуведомляет, например, так: «Но чтоб разъяснить, что это значило и что происходило [с] (т. е. в прежней главе с подростком), посмотрим, что случилось с таким-то или там-то или войдем в деревенский низенький домик на Петербургской и т. д. и т. д.

!№! НЕ ОЗАГЛАВИТЬ ЛИ: (ВСТУПЛЕНИЕ НА ПОПРИЩЕ) роман и т. д.
Еще название: БЕСПОРЯДОК (26 августа).
Еще название: ПОДРОБНАЯ ИСТОРИЯ.
Или: ОДНА ПОДРОБНАЯ ИСТОРИЯ.

Когда, в вагоне, после теории обогащения, Лиза оборвала, чтобы слушать дурака, подросток нахмурился и много обдумал на счет фру-фру и злокачественности женщин вообще. Когда же Лиза, вдруг обратясь к нему, начала с чрезвычайной симпатией на счет обогащения с того самого места, где остановились, и дурное впечатление подростка мигом рассеялось, он вдруг принялся сознаваться ей в своей грубости, в неразумии, в нетерпении: «Какую, дескать, я высказал мелочность, конечно, от грубости, но и от незнания жизни, мало ли у кого какой характер и какие привычки? ведь оборвать разговор и обратиться к другому — ведь это только привычка?» и т. д. И тут же признается и в ненависти к женщинам и к фру-фру и проч.
Непременно. Первая потеря невинности в скверном доме и с сквернейшею женщиной. Впечатления. Тварь. Жалость его и проч. Тут тоже предлог выказать его страдальчески симпатичный характер.//

Когда Он начал рубить образа, то больной мальчик был сначала поражен ужасом, но потом вдруг упал вдоль дивана и зарыдал *неслышно.*

Он говорит накануне самоубийства: если обидите единого от малых сих, не простится ни в сем веке, ни в будущем.

Король Людовик XVII, сапожник, решают у Долгушина, что правы, читают Виктора Гюго. Но встает молчавший N (молодой человек 24[х] лет и самый ярый социалист) (впоследствии по суду коновод и наиболее попавшийся) и решает, что нравственный вопрос в том, что хотя бы вся Франция провалилась, что число миллионов населения ничего не значит и т. д. Долгушин и проч. не согласились. Этот молодой человек произвел на подростка наиболее впечатления прекрасного, и он, когда в грусти, ищет человека и симпатии — заходит к нему. (Описание визита). Потом заходит в другой раз, но N тяготится и прямо, кротко, но твердо говорит подростку: вы меня полюбили, вы ищете симпатии, но мне некогда и, так как вы к нам не принадлежите, то простимтесь и т. д.
№. (Все лица, картины, портреты).
Крафт в их числе, но не согласился тоже идти с ними в народ; сухо и отрывисто выразил часть своей теории и потом застрелился.

Лиза никому не должна, все ей должны. (Иначе как в беспрерывном счастье не соглашаюсь жить). Хищный тип.

Васин (идеальный нигилист) — образец разума и логики (и сердца) в крепкой дури. Подросток устраивает свидание [ма] [с] его с отцом.

Васин говорит: хоть революция и ни к чему теперь у нас не послужит, но все-таки, так как иначе заниматься нечем, *надо* заниматься революцией. Выгоды прямой — никакой, разве та, что *идея* поддерживается, примеры указываются и получается беспрерывный * опыт для будущих революционеров. Это уж одно стоит того, чтоб не покидать идею. Разом ничего не делается; к несчастью, я, кажется, один из наших признаю эту идею, а то все у нас коль завяжут общество, так уж с непременною целью достигнуть разом всего вдруг, и в это верят. До того верят, что// если б не верили, то не начинали бы дела, несмотря на то, что есть хорошие из них люди. Я не верю, но начинаю. Я в будущее верю. А впрочем, что же и делать, кроме революции, когда, кроме нее, совсем нечего делать.

Подросток. Мне кажется, можно просто быть гражданином, желая добра. Например, учить, способствовать санитарной части, заняться наукой и проч.— все в общую пользу, по соринке, как в муравейнике, и выйдет целая куча.

Васин. Это нельзя совсем, к сожалению. Видите, представьте себе машину чрезвычайно большую, из стали, чугуна, дерева и проч. Вместо того, чтоб по тяжести и сложности машины всякая в ней часть была крепко связана одна с другой сильными спаями или винтами и проч., вообразите, что все это держится смазанное каким-нибудь клейстером или сахарными веревочками, всего [на], стало быть, на одну секунду: ветер дунет — и все рассыплется. Я бы очень рад, например, взять на себя какую-нибудь работу при машине, при отдельной какой-нибудь части ее, но коль я знаю несомненно, что все через секунду рассыплется,— скажите, охота ли будет вступать на службу и где рвенья найти? Разве для того, чтоб деньги брать. Так ведь это похоже на того мирового посредника, о котором я в газетах читал и который говорил откровенно и [сам] для шику очень громко у себя в уезде: Я служу, чтоб брать жалованье, дела же делать никакого** не стану. Со всякой точки зрения я этого посредника одобряю. Подло, но справедливо. Нет, уж лучше работать, чтоб машина поскорей рассыпалась, а там уж свою завести покрепче. (NB. Васин, однако, много не говорит).

Он Васину не возражает.

«Я [воз] Васину не возразил, пишет подросток, но мне то понравилось, что он так со мной говорил, совсем не высокомерно, он, такой ученый, с таким молодым и маленьким человеком, как я, тем более, что он не знал ни меня, ни идеи моей совершенно и был уверен в одном только — что я не донесу.»//

NB. Между молодым поколеньем не забыть лицо молодого человека, богатого помещика, учившегося в работниках у немца на фабрике, на техническом заводе. (Настойчивость). «Гражданин», 19 августа, письма А-ра (Порецкого). Был на сходке у Долгушина. Отчасти Спешнев.

— Я вам советую, господа, обратить внимание на техническую часть и заняться техникой.

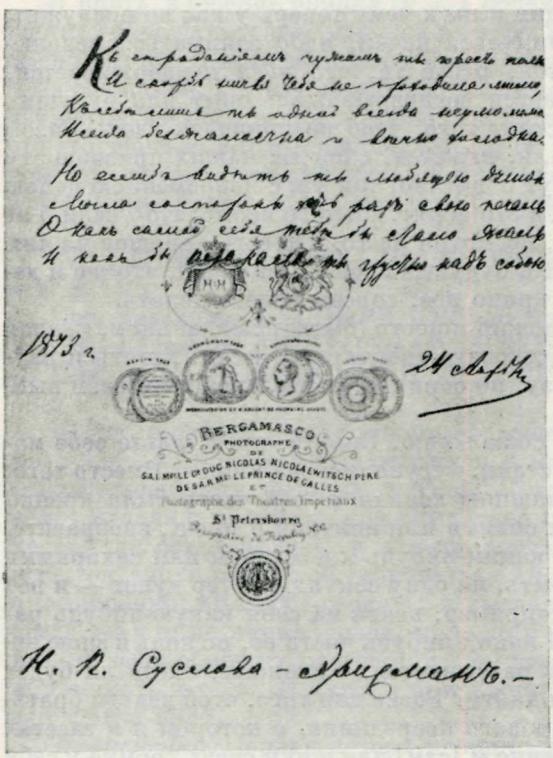
— Служить машине?

— Нет, господа, примись у нас по всей России хотя бы только одна техническая часть хорошо, то уже произойдет переворот (революция), несравненно сильнейшая и успешнейшая, чем все ваши обращения к народу.

В вагоне подросток сначала говорит, что отец его домашним секретарем у министра, «у какого — позвольте мне умолчать» (жена министра — княгиня).

---

* Над строкой.
** Над строкой.



АВТОГРАФ А. Ф. КОНИ НА ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ ФОТОГРАФИИ Н. П. СУСЛОВОЙ

Стихотворение А. К. Толстого (1859), положенное на музыку Ц. А. Кюи

Самоотверженная борьба Н. П. Сусловой — первой русской женщины-врача — за право служить науке вызывала восхищение современников. «Я всю мою жизнь прожила сердцем и все мои поступки управлялись чувством», — писала она Кони в 1873 г. — «Нужно ⟨...⟩ прикрепиться всей душой к ⟨...⟩ соответствующему моим силам делу и искать только в этом нигде не найденного счастья». Этими ее настроениями можно объяснить появление на фотографии Сусловой стихов А. К. Толстого. В материалах III отделения отмечалось, что Суслова «принадлежала к числу первых поступивших в Интернациональное общество женщин ⟨...⟩ Сам Эрисман — крайний революционер, член Интернационала, в постоянных сношениях с самыми подозрительными личностями нашей эмиграции».В 1873—1874гг. Кони помог Сусловой и ее мужу профессору Ф. А. Эрисману получить право въезда в Россию.

Тон фатишки (Паша). Детство и отрочество. Поэт мелкого самолюбия. Лиза отстраняет литературу. Но мигом подросток, от обаяния Лизы, не выдерживает тона и обращается в простодушнейшего, благороднейшего и смешного ребенка, каков он и есть.

Потом, когда они узнали фамилии друг друга (и когда Лиза все, что надо ей, от него выпытывает), подросток ужасно конфузится, что приврал и увеличил старого князя до министра.

Лиза же, чтоб усилить его мучения, *пренаивно* (т. е. с умыслом) *особенно* и *длинно* напирает на то, что ст. князь далеко не министр, мало того — запутался, чуть не под опекой (у семьи, с которою борется княгиня). Вообще восстанавляет настоящее значение князя, что полезно впредь и для читателя.

Подросток же виляет, стыдится и насилу заставил Лизу оставить министра; рад, по крайней мере, что Лиза не заметила, что он соврал из хвастовства, в настоящем случае особенно мелкого и смешного.

Но когда они в Любани поссорились, Лиза ясно высказывает ему, что он соврал, чтоб перед ней похвастаться. Секретарь министра! Нет, это вы поэт мелкого самолюбия, а не граф Толстой (а черемуха).

№ важное. По 1-й части никак нельзя признать Лизу за то, во *что* она под конец разрастается. Но идею хищного, зверского и предчувствие *чего-то* // очень глубокого непременно надо дать.

Когда подросток (в вагоне) поведал ей свою идею о Ротшильде, ему вдруг становится грустно: Что вы молчите? Хоть бы посмеялись, как это я глупо сделал, что сказал вам, говорит он Лизе. Я не умел передать и

Н. П. СУСЛОВА

Фотография 1870-х годов
из собрания А. Ф. Кони

Центральный государственный
архив
Октябрьской революции, Москва

Н. П. Суслова (сестра А. П. Сусловой, подруги Достоевского) упоминается в записях к «Подростку» (см. стр. 112 наст. тома).
Н. П. Суслова и А. Ф. Кони познакомились в Петербурге в феврале 1873 г. (летом того же года началась дружба Достоевского с А. Ф. Кони). В письмах к Кони Суслова с благодарностью вспоминала о встречах и беседах с ним, о его стихах и рассказах из судебной практики, о его «чтении рассказа Мармеладова»)

вижу, как это вам должно казаться глупо, просто и от мальчика. Но это я совсем иначе чувствую, гораздо умнее.

[Лиза молчит. Ему это еще досаднее]. [Что же вы молчите]? — [Т. е. чувствов] [Вы говорите]

— Неужели и теперь чувствуете, что умнее?

— Послушайте, вы ужасно умны, говорит подросток.

Действительно, я заметил, стоит высказаться, и вдруг увидишь нелепость.

Мысль изреченная есть ложь.

№. Лиза дала ему договориться до чертиков, до барона Унгерн-Штернберга.

26 ав⟨густа⟩.

Идея.

Он, жена молодая, любовь, ревность, беспорядок, сам изменяет, мучает жену, продает, Лиза, мальчик, подросток, молод. князь и проч.

Или: муж продал жену и ходит к ним. //

* К свиданию Васина, Его и подростка. Говорят о самоубийствах. Задается подростком ** вопрос: какие причины заставляют перед последними мгновениями чуть не всех (или очень многих) писать *исповеди* (№ так, что, если б у всех были средства, то все, может быть, [напи] писали бы исповеди). Самолюбие, мелкое тщеславие. Иные и самоубийства происхо-

---

* Над строкой: «Февраль — 3 и 4».
** Сверху: «?».

дят от одного тщеславия. (Неверие?). (Недостаток общей, руководящей идеи, затронувшей все образования и все развития, н⟨а⟩ прим⟨ер⟩ кухарка, повесившаяся из-за того, что потеряла барские 5 руб.). И это общая черта [всяко] только нашего времени, ибо никак нельзя сказать, что самоубийства были в точно таком же числе и с таким характером и прежде, до гласности. Напротив. Именно теперь усилились, и именно эта черта только нашего времени. Потеряна эта связь, эта руководящая нить, это что-то, что всех удерживало.

— Что ж, по-вашему, потеряно. Неужели утрата крепостной зависимости?

— Нет, не одно это.

— А что?

— Потерян вообще порядок.

— Стало быть, теперь вообще беспорядок?

— Именно. Я не хвалю то, что потеряно. То был дурной порядок, но хороший или дурной — он все-таки был порядок. А теперь и хорошо, да беспорядок.

— Т. е. не хорошо, да беспорядок.

— Хоть и так, не спорю.

Истребляют себя от многочисленных причин, пишут исповеди тоже от сложных причин, а [но можно] не одного тщеславия. Но можно отыскать и общие черты, напр⟨имер⟩, то, что в такую минуту у всех потребность писать. «Голос»: зарезавшийся ножом в трактире: «образ милой К. все предо мною». Уж тут-то, кажется, никакого тщеславия, да и, наконец, зарезаться тупым ножом из одного самолюбия! Но вот что опять-таки общая черта: тут же, в этой же оставленной им записке (*несмотря на милую К.*, которой образ, *уж конечно*, не мог давать ему покоя, если из-за нее зарезался) — тут же у него и примеч⟨ание⟩: «Удивительно пусто в голове, думал, что в этакую минуту будут особые мысли». Умно или глупо подобное замечание,— важно то, что все они чего-то ищут, о чем-то спрашивают, на что ответа не находят, о чем-то интересуются совершенно вне личных интересов. О [чем] каком-то общем (деле) и вековечном, несмотря даже на образ милой К., который, без сомнения, мог бы прогнать всякую общую идею и потребность самоуглубления и обратить действие *совершенно* в личное. //

Записки Гарибальди. «Вы, говорит он правительствам и государям, творцы интернационалки и революции, потому что вы противитесь истине и человеческому братству». Экономическая система Гарибальди сводится вся к следующему. «Каким образом избегнуть опасности? Ничего нет легче: стоит только, чтоб потребляющие теперь [не] за пятьдесят человек потребляли бы только как двадцать пять».

Таких убеждений человеку легко жить на свете. Таких экономических правил можно наделать сколько угодно, но как их исполнить? Этот последний вопрос никогда не влезает в такие головы, как у Гарибальди. Они так простодушно веруют в совершенные пустяки, что удивление берет, как они могут иметь влияние.

— Чистым великим характером. Тем, что служили провозвестниками великой идеи.

Так, уступая, Гарибальди, в противоположность всем революционерам, не нажился и отверг миллионы*, предлагавшиеся ему правительством Италии! Но все-таки согласитесь, что сей храбрый генерал и честный человек *мыслию не орел.*

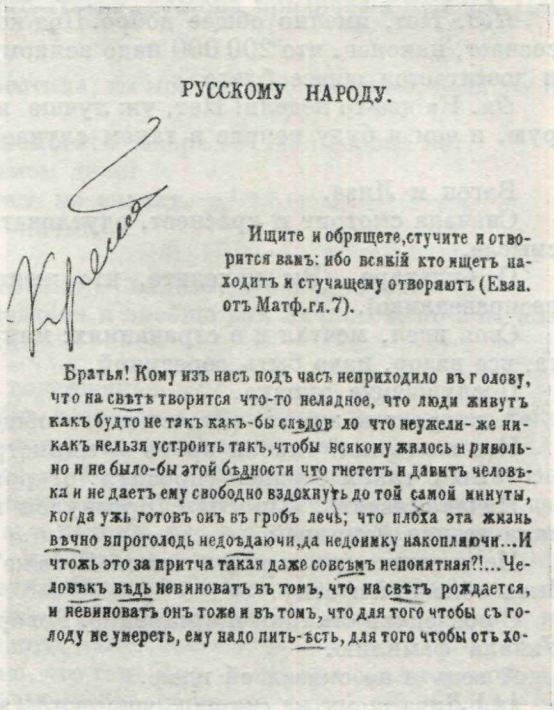
---

* Над строкой «сот⟨ни⟩ ты⟨сяч.⟩600000».

ПРОКЛАМАЦИЯ
«РУССКОМУ НАРОДУ»,
НАПИСАННАЯ
В. А. ДОЛГУШИНЫМ

Из материалов
следственного дела
о долгушинцах

Центральный государственный архив
Октябрьской революции, Москва



РУССКОМУ НАРОДУ.

Ищите и обрящете, стучите и отворится вамъ: ибо всякій кто ищетъ находитъ и стучащему отворяютъ (Евав. отъ Матф. гл. 7).

Братья! Кому изъ насъ подъ часъ неприходило въ голову, что на свѣтѣ творится что-то неладное, что люди живутъ какъ будто не такъ какъ-бы слѣдовало что неужели-же никакъ нельзя устроить такъ, чтобы всякому жилось и привольно и не было-бы этой бѣдности что гнететъ и давитъ человѣка и не даетъ ему свободно вздохнуть до той самой минуты, когда ужь готовъ онъ въ гробъ лечь; что плоха эта жизнь вѣчно впроголодь недоѣдаючи, да недоимку накопляючи... И чтожь это за притча такая даже совсѣмъ непонятная?!... Человѣкъ вѣдь невиноватъ въ томъ, что на свѣтъ рождается, и невиноватъ онъ тоже и въ томъ, что для того чтобы съ голоду не умереть, ему надо пить-ѣсть, для того чтобы отъ хо-

Случай.

— [Этим] Он был защитнико⟨м⟩ великой идеи всю свою жизнь.

— Видите ли-с; эти люди легко веруют, а потому им и жизнь легка.

— А дела великие?

— И дела великие [при] легки при таком простодушии.

Замечание.№ Разговоры подростка с Ним вначале имеют иногда следующую форму:

— А что вы думаете о Гарибальди?

— А что вы думаете вообще о женщинах?

— А что вы думаете о будущей жизни? и т. д.

Т. е. все такие бессвязно-поспешные и внезапные вопросы (также и с Витей при первом свидании). Как будто подросток спешит, чтоб не забыть задать вопросы, о которых он про себя *уже много прежде думал* и которые его очень интересуют.//

Ледяные камни.

Под. Может, есть на планетах ум.

Он. Наука это отрицает.

Под. Может быть, есть что-нибудь выше ума?

Он. Наука это вдвойне отрицает.

— Да для чего тогда делать добро.

Только, чтоб ужиться на такой короткий срок.

— Да, если это закон природы, если вы делаете оттого, что не можете не делать.

Он. Неужели ж я не мог 200-то тысяч оставить у себя?

Под. Вы не могли.

Он. А другой бы мог?

Под. Да, другой бы мог.

Он. Стало быть, нет общего добра. Что каждый делает, то и свято.

Под. Нет, именно общее добро. Под конец жизни своей человечество сознает, наконец, что 200 000 надо всякому отдавать и что так выгоднее и достигается общее благо.

Он. На две-то недели! Нет, уж лучше я в эти две недели пофантазирую, и чем я буду неправ в таком случае?//

Вагон и Лиза.

Сначала смотрит и краснеет, одутловатый, был невинен в буквальном смысле.

О бульваре. (Вы находите, что женщина несправедлива. Фру-фру несправедливо).

Своя идея, мечтал и в страданиях: минуты, много страдал. [Так] Газета, все вздор, надо быть серединой.

Послушаемте дурака.

А подросток думал. (Это высшего общества).

Кто ваш отец? (начал врать — министр).

* Вы с таким сердцем (просиял, откровенности).

Начала язвить. (Проспал, проснулся красный). Язвит ужасно. Сначала не над фамилией.

Меня выписали кормить теток. Я тоже не поступил из идеи. Не хочу быть обязанным отцу.

С последней станции примирение. Говорит, что будет в нем нуждаться. Узнала фамилию.

А ведь я не сказал ей идею.

[А] Лиза *тоже не сказала, кто она?* Так что встреча у отца его поражает.

Ступил на мостовую — оторвался от идеи.

NB. Беспрерывно повторять, что у него идея.

В вагоне: Что он незаконнорожденный. Я горжусь этим. Она молчит. Вы девушка, и объяснять вам это неприлично. (Девушка смеется).

NB. Когда он вдруг покраснеет и вздуется: я никому в разговор не напрашиваюсь.

Дурак сначала привел подростка в негодование, и он вступился, а потом он вдруг стал хохотать.

Все-таки сказал ей: *Я имею свою идею.* И накануне (она промолчала) и утром. Утром Лиза подхватила и начала об идее. Злые насмешки. Ссора. Лиза: Вы пухлый. Хотел прибить. Вдруг признался *в своем стыде*, т. е. что хотел бить. Заключил: Вы насмешница, великодушие и справедливость подвигнули меня признаться. Пусть — смеетесь. Я презираю ваш смех. Тут Лиза о его сердце и уме. Привстали и, уже выходя, про себя: а все-таки она не может презирать меня, потому что не сказал идею.

Выходя из вагона — грусть, унизил себя.

Мнительный, мрачный. *Уединиться.* Спор с извозчиком (бросил было двугривенный, поднял). Нет, уединиться [од], пухлый. Мечта об уме, один. Этот [одутловатый] был человеконенавистник. // Лиза. Гусар. Разрубить саблей. Возможность разрубить уже утешает.

Замечание от автора. Такие бывают только 15 лет, но этот 19 сидел в углу, думал один.

NB. Непременно, среди карикатурного разговора, несколько *очень умных* замечаний подростка. Лиза, мирясь с ним в Колпине, ловко при-

---

* На левом поле: «[открывает, что Лиза]».

поминает эти фразы для доказательства, что она признает в нем ум. Подросток восхищен.

У теток. Я тебя, дурака, крестила, ты мог быть повежливее, если уж не ласковым.

NB. Тетка: Ты мог бы нам помогать теперь. У тебя сердца нет.

— Крестили — [я об] в самом деле?

— Христианская вера ничего не значит.

— Господи, как это — не значит.

— Так, не значит.

— Да полноте, Марфа Петровна,— видите, это нигилист.

— Я уважаю Христа как деятеля и вообще как личность, но в остальное [я] не верю как в глупость.

— Отец ханжа и живет на содержанье.

— Ах ты пащенок. (NB. Мне всего досаднее было, что я хотел было гордо молчать, а чуть прикоснулся и тотчас не выдержал и все рассказал).

Как воротился ввечеру: Тетя, я нарочно сказал, я верю в Христа. Вы, конечно, можете признать за низость мое признание; но я не из лести к вам и не для того, чтоб вам угодить, а потому, что я сделал несправедливость, солгал, и совесть мне говорит, что надо с позором сознаться.

— Ну, ниче⟨го⟩, говорит тетка. Ведь он (Христос) такой. Он теперь на тебя радуется, и будь он здесь — тебя подозвал и поцеловал.— Вот на духе хула, так-то уж не прощает.

— Это я знаю, это я понимаю, что так. Дух — это дух славы и свободы, которые человек (по крайней мере европейского типа) уж никогда не

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Фотография 1870-х годов
из коллекции
А. Г. Достоевской

Музей-квартира
Ф. М. Достоевского,
Москва

оставит, и гармонии, которая уже относится ко всему обществу и устроит общество разумное, на разумных началах.

— Мудро-то ты говоришь; да ничего. И так можно.

Подушка мешала одна, подложил пакет с бумагами.
Письмо: ее сиятельству, княгине, под образа.

О Христе: «Когда я это выпалил». //

Если от *Я*, то [сцену] о Брусилове в такой форме:
Я плакал, плакал, плакал, плакал. Я один был 5 лет. Я было ни за что не хотел, но неудержимо. Рассказал о Сушаре (все по Его вопросам). Он искренно сожалеет. Обнимает Его, как отца. Об острове, гимназии, фискале, *все уединялся*. Теория — не хотел говорить. Изложил. Тот уходит поражен *скептично*. [Подро] Я остался один. Странно мне было. [Зал] Я обнимал отца. Наконец нашел. Так это. Любил. О, я ни за что не хотел говорить. Но идея — *потускла*. Я перекрестился.

И во 2-й части как бы отвращение. Любит и не любит отца. «Это началось как-то странно», бегло рассказывает в общей картине о семейной жизни (все вроде фру-фру).

После разговора *о духе*, ночью встал поцеловать руку. Но тетка спала. Чепец, отвислая губа (Лев Толстой).

Фру-фру во все продолжение романа и во 2-й части.

Ну это уж слишком было бы * ловко с ее стороны [Все это делается]. Слишком [то пров] ловкое обыкновенно проваливается. В слишком умных и ловких делах нужно всегда действовать капельку глупо, иначе не удается.

Люди [слишком уж] безусловно умных вещей не любят и холодны к ним. Умники поглупее всегда ближе к сердцу. Что поглупее, то сроднее. Так что умники поглупее, пожалуй что, и умнее безусловных умников. //

В вагоне, в третьем классе. Солдатская голова в окне. Апрель. Почему не сел в третьем классе, а во втором.

[В кассе] Мне показалось низким спрятаться, я и взял (в кассе встреча с Лизой).

Он с женой. Сойдемся и друг друга срамим (корим).

Он, мельком и внезапно, часто огорошивает подростка такими сентенциями:

— Да зачем мне делать добро? Да зачем мне любить кого-нибудь?

— Да ведь это просто любится, а не зачем-нибудь.

— Да ведь глупо. Что за устройство? 100 000 лет любви, и потом все обратится в ледяной ** камень. Вот относительно общества всех. А относительно меня и того ближе.

— А все-таки вы любите.

— А все-таки это глупо ***.

— Ну так верьте.

— Я верю, изо всех сил верю, верю именно потому, что нельзя не верить.

---

* Над строкой.
** Над строкой.
*** «Да ведь глупо ∞ это глупо» — под двумя перекрещивающимися линиями.

Так не владеть собою, как Он, так подчиняться всем страстям, как Он, и так не работать над собой — это почти неестественно. Все говорят, что он прежде был дельный, имел цели и преследовал их. И вдруг он проповедует христианство! Но если христианство — то где же подвиги? Вот его цель, вот его любовь. Что ж он ничего для нее не делает?

Какая жгучая, какая сильная природа, думает подросток (видя иные Его стремления), и какая он вялая баба в другое время!

У Сушара, приехав, Он мне показался необыкновенно прекрасным и блестящим. Встретил же я его в Петербурге совсем иным (без волос и опустившимся).//

Он приходит к подростку и начинает обвинять себя: «Я сброд всех мелких самолюбий» и проч

Он раз долго не ходил к подростку, после бесчестного поступка. Подросток Его встретил: «Что же вы не приходите».

— Да я тебя боялся, право. Это все так бесчестно, что я думал, что ты меня очень будешь бранить *, мне и на глаза к тебе нельзя показываться.

Все это пленяет подростка, *но, признавая⟨сь⟩ бесчестным*, он никогда не раскаивается: напротив, скептичен. Но видимо мучается. Чем же? Эти вопросы занимают подростка.

Он, когда уже подросток узнал о Его связи с Лизой, пришел к подростку и ужасно заботится: что бы подарить ей (мачехе) в именины.

Он подростку в пламени страсти о Лизе: *я ее* повешу собственной рукой.

В вагоне. Нет, я весталку видал (статую), вся в покрывале, это приличнее ([есть] Бурбонский музей. Неаполь) — просто статуя.

** *Своя идея у подростка.* У меня сила, и я спокоен. Я знаю, что я хочу есть хорошо и могу, когда мне угодно. Ну вот этого довольно. Я съел кусок хлеба и ветчины, а сыт буду знанием. Чины, баронство, женщины. Я мучить никого не хочу и не буду. Но я знаю, что если б захотел мучить, то мог бы мучить. Этого довольно. Я в дурном платье хожу. Ученый, Галилей, а я неуч. Но знаю, что я сильнее. И довольно. Мне даже приятнее мысль, что я такой неученый, и вот почему // я не пошел в университет и в последний год худо учился.

— И не скучно будет наживать?

— Нет.

— Да. Терпенье, вечный расчет, вечное ожидание, жизнь наполнена, очень хорошо (говорит Он). Как это ты выдумал (странно-странно посмотрел на подростка).

Le ris tenta le rat. Le rat tata le ris ***.

Он Лизе на первом свидании: Я не понимаю тебя.

— А зачем же вы пришли сюда, коль не понимаете. Я вам пришла [позвала] сказать, что я вас ненавижу. Вы мать мучаете. Вы любите княгиню.

NB. Все это Он рассказывает пасынку, а не описывается сцена Его с ней.

— Ее отравить? Да *Я* таких, как ты, 1000 за нее не возьму.

— Тогда я отравлюсь.

---

* «Ты ∞ бранить» — между строк.

** Против этого абзаца на левом поле: «Своя идея».

*** Мясо искушало крысу, крыса пощупала мясо (*франц.*).

— Отравись.
Сидит. Молчит.
Лиза: Я хочу, чтоб *ты* меня сейчас обнял и поцеловал.

Подросток Ему: Да ведь не может быть, чтоб в ней (в Лизе) страсть. Вы старик. И Его как бы кольнуло.

ЗАМЕЧАНИЕ (от автора если). Final романа. Все умерли. Подросток остался один. Смутно. Три дня сидел. Вышел вечером. Идея наживы тускла. Солнце закатывается над Невой. Жить хочется. [Молит] Каждая травка молится. Молитва подростка: сохрани меня, господи, и благодарю тебя, что мне жить хочется. А что будет, то будет.
Молодое поколение, вступающее в жизнь.

№. Подросток после Сушара и у Сушара начал было сначала ужасно учиться (читал Карамзина), но именно с целью *уединиться и накопить своих сил*. Так продолжалось с первых лет в гимназии, хотя и считали его за тупицу, приобретающую все прилежанием. Пусть, думал он,//
это моя наружность вредит. Я никому не нравлюсь*, но я потом в Париже. Мечты гимназиста четвертого класса, как потом ⟨напишет⟩ диссертацию, учителю в ней докажет, что он ничего не знал. Он в Париж, издает в Париже, все его принимают за ученого. Зовут в Россию. Я не еду. Дураков профессоров и академик⟨ов⟩ раздавлю, скажу, что дураки. И, сказав им, останусь, но отвергну все предложения. Уединюсь. Они озлобятся втрое и начнут доказывать, что я пигмей ничтожный. Докажут. Я нарочно выжду как можно дольше, чтоб и публика им поверила, чтоб меня все забыли и за бесчестие считали считать за что-нибудь. Я вдруг после трехчетырех лет молчания книгу в Париже, на французском, с предисловием, что на русском нельзя издавать. Опять закричит Европа. Опять они ниц. И так всю жизнь. С учеными русскими буду нарочно всегда говорить о пустяках и никогда об ученом. (№. Всегда в мечтах признавал себя за первого человека).
(За Христа, покайтеся, чудеса, идет из Харькова, Ейлекон, академия).
Унгерн-Штернберг. (Две головы сняли).
Необитаемого острова властелин. Но с пятого класса гимназии стала посещать идея о Ротшильде. Не стать ли подлым? Пусть презирают, а я могуч**. Если и продолжал превосходно учиться, то по привычке. Но в последнем классе перестал хорошо учиться, тут идея торжества средины.
Он ему в середине исповеди: Я вижу, что ты всегда себя ставил на первый * план. И эта *середина* (необразованная) есть такая гордость. Это прекрасная практическая идея. Лелеять свою гордость и самолюбие всю жизнь. Это огромное занятие, и можно богато наполнить жизнь и очень забавно прожить. Даже быть недурным человеком.

Он, ругая Сушара: Об чем же ты мечтал, мальчик, в своем уголку? (а я и не знал).
А я вот об чем мечтал, начал подросток, сверкая глазами... — т. е. он не хотел рассказывать *ни за что*, но по мере настроения все выложил.
И когда он ушел, то *смутно* стало ему не потому, что он рассказал об острове, а о том, что он выдал идею. Только идея одна поколебалась. За

---

* Над строкой: «*Своя идея*».
** «Не ∞ могуч» — позднее.
*** Сверху вариант: «главный».

ПЕТЕРБУРГ. ПАВЛОВСКИЙ ВОКЗАЛ
Литография 1862 г.
Литературный музей, Москва

признание же в мечтах он не стыдился. И не потому, что Он не одобрил, поколебалась идея. Он, напротив, очень серьезно выслушал и загадочно сказал. Но поколебалась потому, что он рассказал. Я не хорошо изложил подумал он, засыпая. Затем стали его ужасно волновать и смущать социальные идеи.//

Ну, что бы я передал молод⟨ому⟩ поколению, говорит Он. Я сам нищий. Всю жизнь верил, что я богат и не увижу горести, и вот под старость с сумой. Ничего во мне нет; [ничего и не было] это бы ничего, что нет: я бы перенес. Но грустно * то, что ничего и не было.

Он говорит: Нигилисты — это [мы] в сущности были мы, вечные искатели высшей идеи. Теперь же пошли или равнодушные тупицы или монахи. Первые — это «деловые», которые очень, впрочем, нередко застреливаются, несмотря на всю свою деловитость. А монахи — это социалисты, верующие до сумасшествия, эти ** никогда не застреливающиеся.

— Полноте, нигилисты ли не застреливаются?

— Это попавшие в нигилизм ошибкой. Нигилизм без социализма — есть только отвратительная нигилятина, а вовсе ** не нигилизм. Так и называй: «нигилятина». Тут или глупость, или мошенничество, или радость праву на бесчестье, но вовсе не нигилизм. Всего же чаще радость праву на бесчестие. Настоящий нигилизм, истинный и чистокровный, это тот, который стоит на социализме. Тут все — монахи. Чистый монастырь, вера беспредельная, сумасшедшая. Потому-то и отрицается все [весь

* Снизу вариант: «обидно».
** Над строкой.

свет], что противно социализму, что веруют. Все, что не по вере их, то и отрицается. А что не по вере их? Весь наш мир. Вот наш мир и отрицается.

Подросток. Что ж, тут все разряды или есть еще?

— Есть еще третий разряд — чистокровные подлецы всех сортов, но эти всегда и везде одинаковы, так что [об них] не стоит и говорить *.

Лиза. Я обвинила *первого встречного* за то, что Он не идеал, ибо кто вы, в моей жизни, как не первый встречный.

Я бы назвал его подростком, если б не минуло ему 19 лет. В самом деле, растут ли после 19 лет? Если не физически, так нравственно.

Ни полкапли правды.

О пьянице студенте. Это Он все [ей] рассказывал Лизе.

Эта гешихта//.

В нашем обществе совсем неясно.

Настоящий нигилист не может, не должен, не смеет ни с чем из существующего примириться. На сделки он не смеет идти ни под каким видом. Да и знает, что никакая сделка решительно невозможна.

Нравственных идей совсем теперь нет (говорит Он) вдруг ни одной не оказалось и, главное, с таким видом, что как будто их никогда и не было.

— Ну, а прежде.

— *Про прежнее ничего не знаю. Знаю только, что я вдруг оглянулся* и ничего не нашел. Идеализм.

— Уже сорока лет оглянулись?

— Le temps n'y fait rien **. А впрочем, 40 лет.

У Него «неутолимый аппетит к жизни».

— И говорит молчаливо (Васин).

— Как это — молчаливо говорит? Что за выражение?

— Да есть такие, что и говорят, точно молчат. Это выражение хорошее.

Подросток. Теперь, как уж я знаю, что из меня серьезного человека не выйдет, то я и решил и т. д.

Этак подробно писать — значит вся жизнь столько же томов, как свод законов.

Он подростку объясняет поэзию — сладкий лимонад. «Песни западн⟨ых⟩ славян» — значит сладкий лимонад.

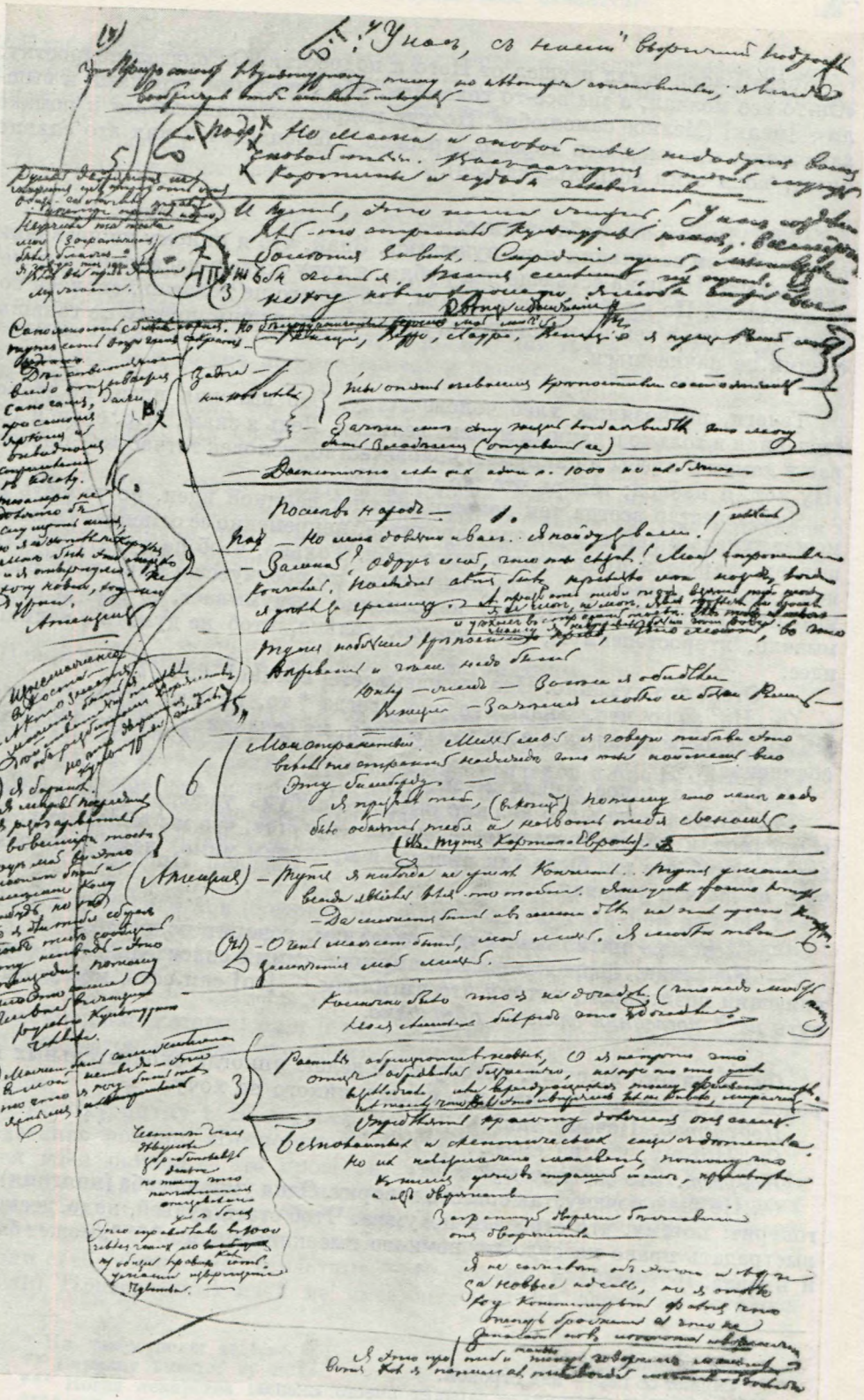
Нервности.

Державин повесил двоих в Пугач⟨евском⟩ бунте без надобности, единственно из поэтического любопытства, по замечанию Ив. Ив. Дмитриева. Он смеется.

---

* «Одинаковы ∞ говорить» — позднее.

** «Время ничего не меняет» (*франц.*).



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Когда Васин встал и ушел от Него и подростка, Он сказал подростку: «Он-то все молчал, а мы все-то говорили, оба перед ним дураками и вышли». [мелк] (Мелкое самолюбие. Но тут подросток приписывает в романе замечание, что «молчать хорошо, красиво и безопасно» и как это славно будет, коли этим воспользоваться).//

Подр. Вы строго себя судите.

Он. В этом замечании я не нуждаюсь. Знай, что я никому не позволяю судить себя. Но пока есть еще два рубля, я хочу жить в уединении и ничего не делать. По крайней мере отрада, что ничего не делаешь, спокоен совестью, что ни в чем не участвуешь, ничего не портишь, ничего не гадишь, с ними не пачкаешься.

Телеги, подвозящие хлеб человечеству. Это высокая идея, но второстепенная и только в данный момент великая. Ведь я знаю, что, если я обращу камни в хлебы и накормлю человечество, человек тотчас же спросит: «Ну вот, я наелся; теперь что же делать?».

Человечество всегда так делало: жаждет великой идеи, но терпеть не может думать о ней и, чуть она зародится, непременно ее осмеивает и оплевывает, старается представить ниже себя. Только, чтоб не думать о великой идее (ты, наверно, если не понимаешь, то предчувствуешь, что я разумею под великой идеей), оно непременно выдумывает, и всегда выдумывало, второстепенную, для *отвода*, только, чтоб не думать о великой идее.

— Отец, это туманно. Что вы называете великой идеей?

Он. Не знаю что. Знаю, что это всегда * то, из чего истекает *живая жизнь*, непосредственная, а не умственная, не сделанная, не [сочиненная] сочиненная.

Подр. Что такое живая жизнь?

Он. Живая жизнь это должно быть что-нибудь ужасно простое, самое обыденное, в глаза бросающееся, до того простое, что мы никак не хотим верить, чтоб все это было так просто, и проходим мимо, даже и не замечая, *не то* что узнавая.]

— Следствие нигилизма будет идеализм, говорит подросток.

— Неправда, возражает Он; напротив, самый спасительный и отрезвляющий позитивизм, потому что нигилизм — [то] сам есть, может быть, чуть *не*** *последняя степень идеализма.*

Он. Я никого не сужу, потому и не делаю никогда окончательных выводов (на упрек подростка), что судить никого не хочу.

Подросток. Почему так?

Он. Потому, что не смею.

Подрост. Это же почему?

Он. Не знаю почему, так совесть говорит. Одна умная особа (княгиня)*** говорит: потому, что страдать не умею. Чтоб стать судьей, надо, дескать, выстрадать право на суд. Это немного высокопарно, но ****, может быть, и правда. //

---

* Над строкой.

** «Может ∞ не» — над строкой.

*** «Одна ∞ княгиня» — вариант вместо «жена».

**** «Немного ∞ но» — под строкой.

Наш атеист, если только с умом и с сердцем, всегда наклонен приласкать бога, потому что добр и безмерно доволен тем, что он атеист. Атеизм ему источник наслаждения, а не страдания.

Подр. Ужасно, ужасно вы всегда отвлеченно говорите.
Он. А ты не приставай.

Вокзал, приехали. А ведь, может быть, ровно ни у кого тут нет дела, а это все так.

Он. Я прежде, давно еще, думал: А ну освободят крестьян, ведь тотчас же они (либералы) станут ужасно несчастны. * Ну об чем тогда им будет говорить. Но я ошибся. Они тотчас нашлись: они тотчас же *опять* принялись писать — и до сих пор все кричат и пишут, что надобно освободить крестьян.
Подр. Ну полноте, где же это?
Он. [Уверяю]. По крайней мере ничего нового не выдумали.

Подросток его называет батюшка, иногда отец, и однажды даже весь вечер повторяли с *засосом*: *отец*, *сынок*. Но на завтра Он уже морщился и не отвечал словом сынок, а на третий день попросил подростка никогда не упоминать этих глупостей.

Одноидейность.

Нажрался нигилятины, натрескался нигилятины.

— Какие они ** отрицатели. У них даже отрицание религии возведено в религию. [Идеалисты] Это — вечно молящиеся. Конечно, кроме подлецов и дураков. В этом полку страшно много подлецов и промышленников, впрочем дураков еще больше. Нигилятина. Это Ламберт.
— Так ведь это тоже идея нравственная.
— Бог знает. Оставим это.
— Чистокровные подлецы.

Разговор нигилистов (в восторге): «Quae medicamenta non sanant» *** и т. д., а потому пустить красного петуха повсеместно по городам [селам] и деревням, с того и начать. Вот как я понимаю. (Говорит это шпион; ему возражают.)

Оба умершие Ротшильды и о том, сколько они оставили состояния и т. д. (Подросток, нажива, его идея). //

Новое.
По новому плану с 26 августа.
Название романа: «Беспорядок».
Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому **** нет), в убеждениях (которых потому же ***** нет), в разложении семейного начала.
Если есть убеждения страстные — то только разрушительные (социализм). Нравственных идей не имеется, вдруг ни одной не осталось

---

* На левом поле: «здесь».
** Вариант вместо: «у них».
*** Когда лекарства не помогают (*лат.*).
**** «по тому самому» — над строкой.
***** «потому же» — над строкой.

и главное с таким видом, говорит *Он* [подросток], что как будто их никогда и не было.

— Ну да ведь вот вы религиозны.

— Еще бы этого-то у меня не оставалось.

* — Ты вот, говорит Он подростку, выбрал идею о Ротшильде. Этой идеей ты мо⟨же⟩шь тоже свидетельствовать о нравственном беспорядке. Ты хочешь удалиться в *свою* нору от всех и берешь к тому меры.

Лиза — полный нравственный беспорядок, не согласна жить без счастья.

Долгушины — нравственный беспорядок.

— Пусть *они* ошибаются, говорит подросток, но у *них* убеждение чести и долга, след⟨овательно⟩ уже нет беспорядка.

— Убеждение чести и долга ко всеобщему разрушению — хорош порядок, впрочем *Я* и спорить не хочу, говорит Он.

Подросток до половины романа убежден, что Он женился на деньгах. И вдруг отдают 200 000.

Мачеха чрезвычайно молода, 24 года. Под конец непременно мо⟨лодо⟩й князь. *Он* мстит. «За все».

Лиза убеждает подростка, что Он продает жену молодому князю (или что мачеха на содержании у старого князя).

Мачеха подозревает, что Он в связи с Лизой, и, узнав, отдается князю, но не из мщения, а из упадка духа: я сама хищный тип.//

Мачеха умирает в помешательстве [и обним] Она еще прежде, когда отдалась молод⟨ому⟩ князю,— обнимает Его и говорит: «что с тобой будет?»

Он говорит подростку: Живи мгновение. Я не верю в будущую жизнь, следоват⟨ельно⟩ не стоит *нравственничать*.

— Вы поэтому и безнравственничаете? говорит подросток.

— Нет, не по одному этому, я вообще подлец, да это и хорошо (это уже после образов).

Под конец: (вера в долг и убеждения — вот счастье)

Княгиня ненавидит Его и потому еще, что подозревает, что Он готов продать жену ст. князю. (Мачеха — родственница ст. князю). (Может быть, клевета Лизы, а, может быть, и вправду.)

?Женился на содержанке князя (т. е. мачеха была будто бы содержанкой, пока [кн] сама 200 000 получила).

Завещание в пользу мачехи.

Он интригует между прочим, что у княгини поддельное завещание. (Фабулу!)

Подросток сразу видит, что мачеха не *может быть продана* (по своему высокому характеру), но правда в том, что она дружна с ст. князем как с дальним родственником. Она чтит ст. князя как благодетеля их семьи (Ал. Алексеевич). Но правда относительно Его все-таки — та, что Он много перебрал у князя денег на // собственные издержки (карманные

---

* На полях слева: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».

У РОСТОВЩИКА

Рисунок Л. И. Соломаткина (акварель, белила), 1870—1880-е годы
Государственный литературный музей, Москва

и тайные). И вдруг подросток узнает, что этот, женившийся на деньгах, возвратил 200 000 и даже без всякого шуму.

«Неутолимый аппетит к жизни» у Него.

Мучитель жены. [Я]

— * Это тоже к аппетиту вашему принадлежит? (т. е. мученье жены), спрашивает подросток.
— Именно так, отвечает Он.

Княгиня уверена, что подросток из Его же шайки на счет завещания. (Все обдумать.)

(NB. Дорогу в вагоне сократить.)

Лиза говорит: Если б я жила в XVI столетии, я бы отравительницей была.
Я беспорядок люблю (вдруг говорит Лиза).

Он влюблен (известным манером в княгиню).
— Вы мышиный жеребчик.
— ** Да для ⟨ч⟩его я не буду им, для чего я не буду жить в свою ж., что же иначе делать? Заботиться об общем благе, [ра] внести лепту

* На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».
** На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».

в счастье будущих поколений? Да наплевать на них, на кой ляд! Пусть скажут мне что-нибудь серьезное, чтоб это оправдать!

— Это уже чувство нравств⟨енное⟩, жажда долга, гармонии.

Он в ответ лавочников. Нет, брат, видно не на чувстве долга и гармонии, а тут что-нибудь естественное. [гнет] Гнет естественный, как у дерева сделать фрукт, как у птицы сделать гнездо и вывести детей. Гнет природы.

— Хошь бы и так.

— Ну нет, в этом устройстве со мной никто не советовался, зачем же я подчинюсь, когда, // может быть, могу не подчиниться.

— А если воли нет, если не можете не подчиниться.

— Я и сказал, *может быть*, но пока я не знаю, я хочу попробовать.

— Да ведь это атеизм.

Он. Я говорил в шутку.

Васин не возражал, молча встал и ушел.

NB. Этот разговор происходил в помещении Васина. Васин пришел, когда узнал, что Он отдал 200 000. Говорили же Он и подросток, а Васин лишь слушал. Так что Ему потом совестно и досадно, что Он так разговорился.

Он с Лизой *жил* на самом деле. Мать узнала в конце. Лиза то очарует Его при свидании, то терзает в остальное время. Лиза пустилась было очаровать молод. князя, но тот отверг ее. Обида. Лиза после смерти сошедшей с ума мачехи — повесилась.

Суть романа: Беспорядочная любовь Его к Лизе и страдание от нее. Любовь и обожание Его к жене и мучение взаимное. Но скрывают тайну. Любовь-ненависть Его к княгине.

Лиза — раз очаровала подростка, отдалась ему, [Тот] собственно предчувствуя ужас подростка после этого. Над ужасом его смеется.//

Васин вдруг говорит Ему: Вы были скомпрометированы по такому-то делу, говорит он.

— Нет, не был.

— Вы участвовали там-то.

— Доказательство, что я здесь и говорю с вами.

— Вы, однако же, были, заметил молчаливо * Васин.

— * Наживать деньги бесчестно, говорит *Он* ему. Ну, ты купил дешевле, перепродал дороже — два раза обманул.

Подросток задумался.

— Тут должна быть черта, сказал он. Этому солдату никто бы больше не дал, тут рынок.

— Подумай, и увидишь, что нет черты.

Разговор с Ним, но уже долго спустя по открытии секрета Ротшильда и как бы нечаянно. Подросток вследствие этого разговора колеблется, однако же есть момент, что хочет стать лучше мошенником, но с деньгами.

Если отказаться от этой идеи, думал подросток, тогда что же мне останется делать. Мне тогда нечего делать: жить так очень глупо. Разве, как

---

* Над строкой.

отец, в клубнику пуститься. В социализм не верю. В религию — так уж прямо монахом. Во что верить?

И в скорости после этого разговора Он, вдруг расхохотавшись:

— Неужели это на тебя такой холодной водой подействовало? Чёрт возьми — неужели эти соображения тебе самому не приходили в голову? Ведь ты же знал, на что решился, и, кажется, вовсе не так прост: задаешь вопросы, ищешь ответов.

— Мне и прежде это думалось, сказал мрачно подросток.

— * А до тех пор, пока другой того же не высказал, ты не верил тому, что мерещилось? Это верно, это всегда так с человеком. Только я вовсе не для того говорил, чтоб отбить тебя от твоей идеи. Идея твоя, право, хорошая и стоит всякой другой. Занятие в жизни, уничтожение идей.//

Подросток часто плачет, что из него серьезного человека не выйдет.

? NB. Отец Васина, продавший жену, ходит к [нему] Нему, считая Его тоже за продавшего жену.

Васин, хоть и старший в тайном обществе, но все прочие члены с ним во многом не согласны, а иные враги и даже подозревают его.

Подросток *должен* быть свидетелем, в продолжение романа, чрезвычайных по малодушию выходок от Него. Он должен приходить к подростку и в *волнении* говорить, что Его дома не уважают, не считают главой и проч.

Когда мачеха отдалась молод. князю, молодой князь предлагает Ему продать жену.

НОВАЯ ЧЕРТА: *Он* должен непременно ревновать жену еще прежде молодого князя. Он мнителен (отец). Смотрит под постелями, прислушивается ночью. Лиза все это замечает и впоследствии выдает наружу. Подросток сначала не подозревает ничего, видит только, что постоянно неладно в доме. То — голубки, то истерическая сцена, и вдруг Он огорошивает подростка *сообщением*, что жена его в связи с таким-то. Подросток не поверил, но Тот стал уверять и почти поверил.

Дело кончилось к стыду Его. Презрение, насмешки Лизы по этому поводу, а отчасти Лиза же Его и науськивала. И это все *прежде*, чем подросток узнал о связи Его с Лизой, равно любовь к княгине, которую узнал от Лизы же.

NB. Мачеха же ревнует Его то к горничной, // то в связишках, но главное к княгине. Эту ревность к княгине раздувает в ней и Лиза. Зная все, Он бесится. Мучение жены [Вообще под] организованное. Его надо нянчить и проч.

Вообще подростка поражает контраст между окончательными строгими и высоко-захватывающими Его убеждениями (или разубеждениями) и удивительною необработкою характера в действительной жизни. Поддается, раб впечатлений.

— ** Что вы в Нем нашли? спрашивает подросток в негодовании Лизу.

---

* На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я часть».

** На левом поле: «Что вы нашли».

— Он развратил меня и должен мне принадлежать, ответила Лиза, потому что я его не терплю и презираю (что развратил — соврала).

NB. Лиза *непременно* предлагает Ему отравить жену, под угрозой, что она все [ей] матери скажет. Но та узнала сама. [В] Мачеха догадалась наконец, именно вследствие удивительных сцен Лизы с Ним дома.

Эти сцены так разделяются. Сначала мать [за них бр] негодовала на Лизу за дерзость к Нему. Потом стала удивляться и вникать с любопытством. Наконец, из трусости Его перед Лизой и из разных неосторожностей Лизы и Его промахов стала подозревать. Когда стала подозревать, то сначала животное любопытство ревности, потом безмерная грусть и возвеличение характера. Хотела было выпытать у подростка, пришла к нему и плакала (сцена, грациознее). Наконец, Лиза вдруг в ожесточенной сцене сама все сказала. Сцена.

Затем мачеха вдруг отдалась князю. Лиза ужасно ее обвинила. Вы были святая. Зачем вы себя от меня отняли. Бешенство Лизы [удавилась]. Помешательство мачехи. Лиза удавилась. //

Вы не можете любить меня, коли заметили во мне столько смешных черт, говорит Он Лизе.

ДВЕ ИДЕИ. *Окончательно.*

Лиза не отдавалась Ему ни разу, но тянет любовь и имеет с Ним свидания. Мучит Его неизвестностью. Любит ли Его или ненавидит. Предлагает отравить мать. Помешанная, говорит Он. Лиза, может быть, сама не знает, любит ли она Его или ненавидит. Так и оставить, не разъяснив.

В бешенстве страсти Лиза отдается молод. князю (а сначала науськивала Его ревновать мать к молодому князю). Замучила Его признанием: «Да я давно уж его любовница», т. е. молодого князя (и соврала). [Тот приходит от этого признания в бешенство, рубит образа, дуэль.]

Мачеха, узнав о Лизе, умирает в помешательстве. Лиза вдруг вся отдалась умирающей мачехе. Она бросила молод. князя, с которым рассталась врагами (осмеяла его, довела тоже до бешенства, оплевала его у ног своих). И когда мачеха умерла,— повесилась.

NB. НЕ НАДО, ЧТОБ МАЧЕХА ОТДАВАЛАСЬ МОЛОД. КНЯЗЮ. Не надо, чтоб Лиза *отдавалась Ему хоть раз.* Любовь без этого. //

Или так: [Лиза, чтоб довести его до исступления, отдается князю. Он рубит образа и идет вызывать. Тогда мачеха, боясь вызова, бежит к молод. князю и умоляет его не драться. Ты мне обещал быть другом, говорит она. Спаси Его, спаси Лизу. Спаси меня от беспорядка, от ужаса. Я всегда тебя немножко любила, с детства. Дай, возврати мне спокойствие (тут мечты о прежнем, идеале). Умирает в лихорадке — в исступлении.

NB. Так что мачеха, хоть и бежала к князю, но не было между ними *ничего.*]*

Смерть жены вразумляет и Его, поражает, дуэли нет. После смерти жены ненависть к Лизе, в день похорон она повесилась.

Но что же означает этот *домашний* беспорядок и какую роль играет в целом поэмы.

Идея та, что теоретически Он выработал правило, что нечего на земле уважать. А на деле Он всецело земле предан. Жить стыдно,— а на деле живуч.

---

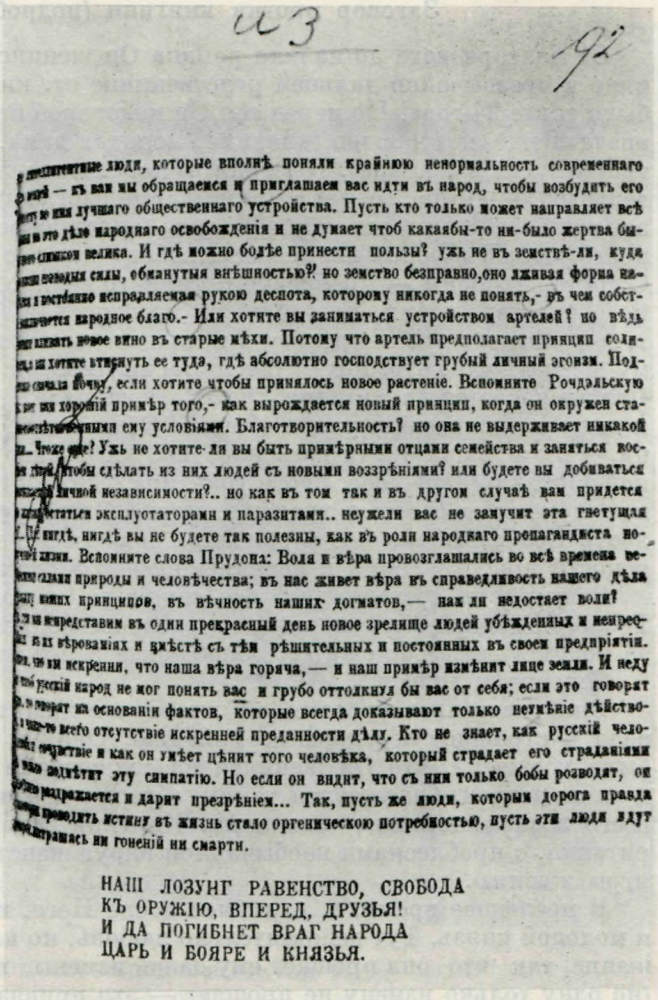
* Против зачеркнутого на левом поле: «Обдумать pro и contra. Задача».

ПРОКЛАМАЦИЯ «К ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ ЛЮДЯМ», НАПИСАННАЯ А. В. ДОЛГУШИНЫМ

Последняя страница

Из материалов следственного дела о долгушинцах

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва



...интеллигентные люди, которые вполнѣ поняли крайнюю ненормальность современнаго ...ой — къ вам мы обращаемся и приглашаем вас идти въ народ, чтобы возбудить его ...ту во имя лучшаго общественнаго устройства. Пусть кто только может направляет всѣ ...и на это дѣло народнаго освобожденія и не думает чтоб какаябы-то ни-было жертва бы... слишком велика. И гдѣ можно болѣе принести пользы? ужь не въ земствѣ-ли, куда ...молодыя силы, обманутыя внѣшностью?! но земство безправно, оно лживая форма на... и постоянно исправляемая рукою деспота, которому никогда не понять,- въ чем собст... ...ается народное благо.- Или хотите вы заниматься устройством артелей? но вѣдь ...вать новое вино въ старые мѣхи. Потому что артель предполагает принцип соли... ...вы хотите втиснуть ее туда, гдѣ абсолютно господствует грубый личный эгоизм. Под... ...сначала почву, если хотите чтобы принялось новое растеніе. Вспомните Рочдэльскую ...вам хорошій примѣр того,- как вырождается новый принцип, когда он окружен ста... ...ными ему условіями. Благотворительность? но она не выдерживает никакой ... Чтоже еще? Ужь не хотите-ли вы быть примѣрными отцами семейства и заняться вос... ...чтобы сдѣлать из них людей съ новыми воззрѣніями? или будете вы добиваться ...личной независимости?.. но как въ том так и въ другом случаѣ вам придется ...статься эксплуотаторами и паразитами.. неужели вас не замучит эта гнетущая ... нигдѣ, нигдѣ вы не будете так полезны, как въ роли народнаго пропагандиста но... ...жизни. Вспомните слова Прудона: Воля и вѣра провозглашались во всѣ времена ве... ...силами природы и человѣчества; въ нас живет вѣра въ справедливость нашего дѣла ...наших принципов, въ вѣчность наших догматов,— нак ли недостает воли? ...мы непредставим въ один прекрасный день новое зрелище людей убѣжденных и непрео... ...въ их вѣрованіях и вмѣстѣ съ тѣм рѣшительных и постоянных въ своем предпріятіи. ...что мы искренни, что наша вѣра горяча,— и наш примѣр измѣнит лице земли. И неду... ...чтоб русскій народ не мог понять вас и грубо оттолкнул бы вас от себя; если это говорят ...говорят на основаніи фактов, которые всегда доказывают только неумѣніе дѣйство... ...чаще-то всего отсутствіе искренней преданности дѣлу. Кто не знает, как русскій чело... ...сочувствіе и как он умѣет цѣнит того человѣка, который страдает его страданіями ...подмѣтит эту симпатію. Но если он видит, что съ ним только бобы розводят, он ...раздражается и дарит презрѣніем... Так, пусть же люди, которым дорога правда ...проводить истину въ жизнь стало оргеническою потребностью, пусть эти люди идут ...страшась ни гоненій ни смарти.

НАШ ЛОЗУНГ РАВЕНСТВО, СВОБОДА
КЪ ОРУЖІЮ, ВПЕРЕД, ДРУЗЬЯ!
И ДА ПОГИБНЕТ ВРАГ НАРОДА
ЦАРЬ И БОЯРЕ И КНЯЗЬЯ.

Он — отрицатель всего и в отчаянии, что не за что ухватиться, а между тем *ко всему* прикреплен.

Обдумывать рассказ от *Я*. Много выгоды; много свежести, типичнее выдается лицо подростка. Милее. Лучше справлюсь с лицом, с личностью, с сущностью личности. Все писано под вторичным арестом уже по делу Ламберта о убиении Перчаткина.

Легче и типичнее можно описать *страсть поджечь*, т. е. страсть сделать поджог (сравнение с поджогом заговора против княгини). Типичнее и постепеннее выкажутся лица Его и Лизы.

Задача.

Наконец, скорее и сжатее можно описать. Наивности. Заставить читателя полюбить подростка. Полюбят, и роман тогда прочтут. Не удастся подросток как лицо — не удастся и роман.

27 ав⟨густа⟩.

Сильно обдумать. // Колорит. Выведу ли характер? Если от *Я*, то будет, несомненно, больше единства и менее *того*, в чем упрекал меня Страхов, т. е. во множестве лиц и сюжетов. Но слог и тон подростка? Этот слог и тон может подсказать читателю развязку.

Заговор против княгини (подробности).

За полтора года до начала романа Он женился на бывшей воспитаннице и чрезвычайно дальней родственнице ст. князя, вдове генерала. Ей было тогда 24 года. Но перед тем Он некоторое время производил сильное впечатление на княгиню (княгиня, молодая дама, 26 лет, есть вторая или третья жена ст. князя). Княгиня — довольно мрачный, сильно впечатлительный характер, хотя и с чрезвычайно светлыми проблесками. Светская заносчивость, нестерпимая гордость, английское упрямство и щепетильность (жена Байрона), мелкое самолюбие — вот ее великосветская сторона. С другой стороны — проблески истинного великодушия, проблески истинного человеколюбия, наклонность мистическая (чем и подействовал Он, т. е. религией, проповедью) и в последнее время наклонность к социализму (сделать так, что, может быть, Васин имеет на нее некоторое влияние). Что же касается до влияния Его $1^1/_2$ года назад, то оно было несомненное и даже с начавшейся уже любовию. Объяснение было со стороны княгини,— и этого она стыдится вековечно, до болезни. Было и свидание, в какой-то жалкой трущобе, вроде трактира, где они вдруг рассорились. Главною причиною ссоры в трактире могла быть грубая семинарская неумелость Его в выборе места свидания и видимые до грубой и комической ясности приготовления к несомненному торжеству.

Свидание и обстановку этого свидания, с подробностями à la Л⟨ев⟩ Т⟨олстой⟩ непременно передать в рассказе подростка. (NB. В его рассказе может выйти еще сжатее, обнаженнее и недосказаннее).

Серебро и золото.

Они расстались врагами, но внезапная женитьба Его на мачехе привела в страшное негодование княгиню. Она не клеветала, но искренно была убеждена, что Он женился на содержанке ст. князя и подставной муж за деньги. Он уязвлен таким образом и обижен княгиней, но пуще всего воспоминанием // свидания. Княгиня искательница *серьезного*; пуританка, с проблесками необычайной вдруг женственности, грациозности, игры жизнию.

В последнее время, т. е. сейчас после Него, на нее произвел влияние и молодой князь. Тут действительно любовь, но какое-то материнское обожание, так что она прощает ему даже измены, наприм⟨ер⟩ en haut lieu* (но одну только измену не прощает — это привязанность, как оказывается, чистую, к мачехе). Ссоры с Ним полтора года назад и произошли оттого, что он стал проповедовать ей о том, что она прелюбодейница, изменяя даже мысленно мужу; она же ему даже и призналась тогда в своем материнском влечении к молод. князю.

Тогда разыгралась странная игра. Будучи искренно до того поражена проповедью Его, она вдруг стала подмечать, что в этой проповеди Его: не прелюбодействуй, кроется Его ревность к молод. князю и желание переманить ее себе, т. е. не прелюбодействуй с ним, а со мною. Тут она Его (уже начиная любить, но внутренно [что] и конвульсивно желая отвязаться от этой любви, казавшейся ей противною) и обличила, и это послужило темой сцены свидания в *неудачно* им *выбранном* дрянном трактире.

Он в эти полтора года разлуки много вынес от нее презрения и презрительного мнения, но это и раздражало Его какую-то необъяснимую страсть и желание к княгине, любовь гордости, la haine dans l'amour ** и проч. Любви настоящей, может, и не было. Но Он всегда предполагал, что и в княгине, может быть, есть капля такой же haine dans l'amour, и меч-

---

* В высоких сферах (*франц.*).
** Ненависть в любви (*франц.*).

ДОМ ДОСТОЕВСКОГО В СТАРОЙ РУССЕ
Гравюра, 1880-е годы
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

тал воротить ее сердце. В последнее же время почти разуверился ужасно презрительным отношением Ее к Нему.

Это уже во время самого романа и *надобно* изобресть эту сцену (может быть, кража бриллиантов). // Причем Он ходил объясняться за [мальчика] сына. Это княгиня вбила в голову князя, что Он проповедует l'evangile и на счет мощей. Васин же обращает ст. князя в атеизм.

Года же два назад у ст. князя был припадок разжижения мозга (Ламанский). Тут он потерял свои места. В это время княгиня, хлопоча за молод. князя, наследника мужа, и писала Андрееву о том, что ст. князь сделал завещание всех капиталов в пользу мачехи (фикция, но откуда взялась).

NB. Это она говорила и Ему, еще не зная о Его ближайшей женитьбе на той же мачехе, и вдруг была поражена (уже после свидания в трактире), что Он на этой *содержанке* и женится.

NB. В течение романа княгиню поражает, что Он отдал 200 000, равномерно Он доказывает княгине, что нет ничего в завещании в пользу мачехи, так что происходит (уже в романе) попытка примирения княгини с Ним, но кончившаяся опять ссорой и презрением.

Итак, когда ст. князь был болен разжижением мозга, княгиня и писала Андрееву о том, чтоб объявить ст. князя сумасшедшим и завещание, тогда же составленное, недействительным (в Андреева княгиня веровала как в самою себя). Тут нашлось и письмо к Андрееву о молод. князе (в ответ на подозрение старика Андреева, что она любит молод. князя), и это письмо *за нужду* могло ее компрометировать.

Еще при жизни Андреева княгиня раз вдруг попросила Андреева возвратить ей эти письма, тот // ответил, что их уничтожил тогда же (сжег). Это была неправда.

По смерти Андреева княгиня, боясь интриги Его, т. е. доноса на нее князю, доноса от Него с целью исключить ее из завещания [(ибо молод)], приехала к одной из теток, с которой была когда-то дружна, и стала просить о тех письмах, но тетка сказала, что ничего не нашла подобного.

Тут сцена: подросток спал за ширмами, тетка того не знала. Подросток пробудился и невольно и вольно слышал и признания о письмах и, хотя и не ясно, заключил, что княгиня боится писем. [Это у] Тут он встал и вышел из-за ширм, смутил княгиню. Затем вообразил, что вот теперь-то княгиня станет его бояться. (NB. Княгиню он ненавидит, т. е. страстно любит, о чем *заранее* признается читателю). Но она еще презрительнее и грубее стала с ним, тут обида молод. князя и сцена кражи бриллиантов.

В ночь отчаяния, когда подросток ходит по городу, ему приходит мысль о письмах *. Он вспомнил, что в квартире есть пакет писем. (NB. От Него он уже *распознал*, что письма имеют важное значение.) И тут, совсем даже без намерения и без плана отмстить, он стал искать эти письма и нашел их.

Найдя, он стал мучить себя идеей. (NB. Он уже, может быть, тогда у князя не служит) Из разговоров с Ним, ловко веденных подростком, он видит, что княгиню можно очень прижать. Ему *сначала* не надо ни денег, ни *иметь* княгиню, а просто победить, показать себя, иметь успех (сперва он мечтал застрелить кого-нибудь). //

(Фантазия об Унг⟨ерн⟩-Штернберге). Эту фантазию рассказывает *мечтатель*, самый кроткий человек (не брат ли Васина?). Теперь, *как страсть к поджогу* у подростков вообще, охватывает его сознание его могущества. Ему он не говорит, что нашел письма.

Наконец, Ему открывает отдаленный и еще неясный план насилия. Советуется с Ним. Тот и удивляется, и задумывается, и поражен. Ничего не говорит. Видимо, не желает высказываться и давать совет. Но идея, очевидно, Ему приятна.

Характернее всего в этом то, что подросток, объявляя Ему о письмах, не сказал ничего точно, т. е. что он в самом деле отыскал переписку, а только высказал предположение, что если б ее отыскал, то что бы тогда делать.

Когда подросток говорил на счет фантастического ** письма к княгине, чтоб заманить ее, чтобы та ношла, то Он подал совет: выписать в пригласительном письме одно или два характернейших выражения из ее переписки с Андреевым — «небось, испугается». Если б я имел в руках письма, я бы нашел, какие выражения, говорит Он, но подросток молчит (NB. Подросток глубоко презирает Его за то самое, что сам хотел сделать).

Он приходит к нему несколько дней спустя почти в тревоге с целью отговорить и косвенно отговаривает, т. е. прямо признает всякую подобную идею, если б таковая была у кого-нибудь,— подлостью. В это посещение Он проговаривает⟨ся⟩ подростку одним *неосторожным* вопросом, которого

---

* «Или просто, он случайно находит пакет переписки Андреева» (сноска Достоевского).

** Над строкой.

сам не заметил, вроде, н⟨а⟩прим⟨ер⟩: «Ну что дело с письмами» и проч. Из чего подросток замечает, что он принял серьезно, ждет эффекта, желает его, но чужими руками и нравственно желает себя устранить даже и в глазах подростка.

Но на подростка в это время нападает разочарование. // Он с ненавистью смотрит на идею о письмах, а с Ним рассорился и поругался.

Но Ему не спится. Он открывает Лизе о письмах, но отдаленно. Лиза язвит Его за подлость мысли и за то, что Он, стало быть, все-таки еще интересуется княгиней, так что Он совсем оставляет идею и становится еще злее, чем прежде. Но Лиза, одержав этот верх, начала очаровывать подростка и выведала о письмах. Подросток поражен, что Лиза знает, и так как некому, кроме Него, ей передать, то и начинает в первый раз подозревать их связь. Дружба и почти любовь подростка и Лизы (нарочно от Лизы, но потом и она почти увлекается любовью, ибо это такая натура,что выдуманная игра в любовь, овладев ею раз, быстро обращается в ней в настоящую, хотя и продолжается ровно на столько же, на сколько продолжается *игра*). Лиза сочиняет весь план интриги. Поджигает подростка, устраивает новую обиду от княгини и проч.

Они работают, но Он по поводу отдачи 200 000 имел свидание с княгиней (через Васина, может быть). Княгиня выпытывала было о [письмах] возможности писем в Его руках, но Он, видя и убедившись (ложно), что княгиня затем и звала Его мириться, чтоб выпытать о письмах, грубо ей намекает об этом. Она бледнеет и выгоняет Его. Он унижен, хотя и вел себя с достоинством. Он тотчас же идет к подростку и уже прямо осведомляется, нашел ли он письма? (но и только, не говоря о возможности плана). Подросток говорит, что нет, а сам Лизе сообщает, что Он спрашивал. Лизе предлог еще раз посмеяться над Ним за то, что Его так мучит княгиня, опять выгнала и проч. Но Он поражен, главное, тем, что подросток сообщил Лизе (ибо кто же другой?), и выводит из этого, что письмо, стало быть, есть, но узнав, что тут действует Лиза, опять отговаривает подростка и в этой (шумной) сцене клянется, что предупредит // княгиню.

Тут вдруг Ламберт. Лиза переходит к Ламберту и уговаривает подростка перестать. Но Ламберт неосторожен и признается подростку (выдавая таким образом Лизу), ибо ему нужна материальная помощь подростка.

Но узнав от подростка, что Он, может, уже уведомил княгиню. (NB. Когда Он грозил, что даст знать княгине, то подросток не пересказал этой фразы Лизе, [желая у] сам борясь между благородными чувствами, которых в Лизе не предполагал. Но Ламберт снова увлек его). Ламберт идет к Нему и прямо спрашивает и даже рассказывает, что сделать. (Тот в это время лежал болен — от княгини, от передачи Лизы князьку, от бегства жены и проч.) Проникнув Ламберта и увидав, что тут действительно скандал (насилие), Он соглашается и говорит, что не предуведомил. Борьба Его с самим собою: предуведомлять или нет. Все это Он потом на исповеди [призн] говорит подростку.

Но подросток еще до исповеди это рассказывает читателю.

Тут сцена с княгиней, подросток удивил Ламберта. Ламберт встает и уходит.

Зазвали в квартиру тетки. Знали наверно, что княгиня руки тетки не знала. Тетки уехали на богомолье. Тут спрятана была Лиза и проч.

Замечание 31 августа.

Подросток пишет, что в объяснениях фактов от себя он непременно ошибется, а потому, по возможности, хочет ограничиться лишь фактами.

NB. 31 августа. Фактическое изложение от *Я* подростка неоспоримо сократит растянутость романа, *если сумею.* //

31 августа.

Непременно. Обратить больше внимания на чрезвычайные несогласия и *нервности*, в семействе Его с мачехой и Лизой. На вечное брюзжанье, страдания и муки, которые для Него [иногда] всегда почти оканчиваются, из самых трагических, *вдруг* обрываясь, прощая и мирясь, с весельем и забвением, но никогда не оканчиваются так для мачехи, которая хоть и все прощает, всегда, но боль остается и нарастает. (Тут и Лиза). Когда у него боль нарастает — будит иногда ночью мачеху. Ее бунт в конце и уход к князю — объяснить помешательством: «Я сама хищный тип».

Психология в том, что она поражена поступком Лизы. Подозревать она могла давно, что Лиза с Ним живет; но, подозревая, никогда тому не верила. Напротив, с нею происходили страшные вещи: внутренние упреки, *насмешки* над самой собой. Однажды она даже делает попытку признаться Ему и Лизе в «*подлости*» своих подозрений и рассказывает свой сон (действительно ей приснившийся) о связи Лизы с *Ним*. Но она не выдерживает в конце сна, заливается слезами и [пр.] молит у Лизы и у Него прощения на коленях (подросток свидетелем).

Узнав же, что Лиза ходила к князю, и когда *Он и Лиза сами себя выдали* в ее глазах (образа́), она так поражена, что сходит с ума.

Ушла она к м. князю уже сумасшедшая и то по примеру Лизы. Князь выгоняет Лизу. Тут-то Он вызывает было на дуэль князя, *но не за Лизу, а за мачеху*. Мачеха умерла, не вынесши беспорядка. //

31 августа.

СЛИШКОМ ВАЖНОЕ. Первая мечта о изнасиловании княгини — есть мечта подростка, а не Ламберта. Ламберт же требует лишь 30 000 (и даже убить). В этой «мечте» «страшное преступление подростка».

NB. Я никогда бы не осмелился даже разинуть рот об этом княгине, *пишет* подросток. Начал бы и голос бы сорвался. Я воображал об этом, ходя по городу, тысячу раз. Но все-таки непременно решился исполнить свидание. И потому старался не думать о том, что я струшу, и, если воображал, то воображал уже минуты победы. Я укреплял себя идеей, как *они подлы*.

31 августа.

Обдумывать 1-ю часть, т. е. уже подробности в подробностях.

ЗАДАЧА. Чтоб к концу 1-й части читатель предчувствовал важность окончания (идеи) и дальнейшего развития [ро] мысли романа. [И] Интригу. Кончить 1-ю часть на интереснейшем месте.//

Еще замечание из главнейших. Подросток должен все писать (весь роман) так же неожиданно и оригинально, как и фру-фру.

1 сент⟨ября⟩.

Разрешенное сомнение.

В романе нет патетического и симпатического.

— Что ты сам любишь?

Роман пропадет и будет *искусственно-вынужденный*, если не будет: характера подростка, измученного, надломанного, страдающего и мрачного, с проблесками света и радости, удалившегося в свою мрачную идею и в столкновении с светом видящего вопросы, задачи, ужас. Так что тут только видно, каким образом подросток мог сочинить себе такую мрачную идею.

1-е — детство подростка (непременно) в течение всего романа разными отрывками, мельком, как его били в пансионе. Н⟨а⟩прим⟨ер⟩, при защите

ДЕЛО О НАДЗОРЕ
ЗА ДОСТОЕВСКИМ
В СТАРОЙ РУССЕ
1872—1876 ГОДЫ

Обложка

Архив Новгородской области, Новгород

больного ребенка. Умершая измученная мать, первая дружба, Ламберт и проч.— все мельком. //

Страдания подростка в пансионе *непременно* мельком и о том, как его прозвали *сыч*. Не только мельком, но даже как бы *нехотя*. Сильная *недоговоренность*, но тем читателю будет понятнее. Однажды он говорит Ламберту о страданиях в пансионе (и в гимназии) — всего 6 строк. В другой раз вспоминает о Брусилове. Потом о том, что идея отчуждения родилась у него еще давно, именно в желании сделаться царем острова, которого бы никто не знал, на полюсе или на озере Сред. Африки.

Не он ли Брусилов?

Брусилов — Он, и это он раз только вспоминает в своих записках (Ламберт — это сын Сушара, там и подружились). Он никогда этого не рассказывал Ему, не жаловался, горд.

Я хотел было отмстить Сушару, сжечь даже, обдумывал, — но не решился. Бежать — но не решился. (Я трус).

Характер его мрачен, ипохондричен, нервен, подозрителен. Но свет сквозь тучи. Молодость. И, наконец, великая идея побеждает. Но страшная гордость,— так что он не жалуется никому.— Тон записок мрачный и наивный. Иногда наивно-иронический, но искренно. Искатель и скиталец. Отец его был тогда Брусилов * гран-сеньором (из средней руки). Il faut le rosser **.

---

* Сверху.

** Нужно его выпороть (*франц.*).

Мечтатель об [ос] Унгерн-Штернберге — это он.
Я должен признаться, что я страшный мечтатель и трус,— признаюсь в том *перед собой*. Если б пришлось признаться перед другими,— я бы умер сначала. Я никогда не мог вообразить себя в мечтах моих иначе как главным, как героем. Я не соглашался на второстепенную роль. А потому и наживание — непременно миллион.//

Он — очень хорошей фамилии и не чиновник, не адвокат, а всю жизнь скитавшийся и проживший два средней величины состояния. Карьеры не успел составить. Правда, успел заняться адвокатурой.
Смотри биографию. Соединить с наследствами и Брусиловым.

От Сушара и взяла тетка и поместила в гимназию] (Мельком). В гимназии били его. Фискал. Сыч. Ламберт. Сушар умер, и у Ламберта только мать.

Подросток и мелочен, и глубок, и много знает, и наивен, и мрачен. Надломан. Но воскресенье и свет в конце. *И не* объяснять, почему свет и воскресенье.
У подростка особая квартира. Швейцар в казенном здании. Елейная душа. (Это швейцар отвел похищенного мальчика к Нему). Мальчик был у больной девочки швейцаровой. [С] Мальчик потом просился к девочке, подросток водил его. Смерть девочки, потребовавшей мальчика проститься. Подросток подробно и сурово-серьезно описывает, как он устроил это последнее свидание детей. Швейцар через это стал знакомым Ему.
Швейцар — елейная личность, не очень разговорчивый. Подросток уважает и любит его и только с ним вполне откровенен. К швейцару ходит просящий по 20 коп. поручик [он-то раз]. Этот поручик рассказывает о [работнике] лодке в Англии, об камне и проч. У швейцара жена, гуляла. После смерти дочки он ее сжег на плите.

Мальчик, когда в последний раз бежал утопиться, забежал к швейцару, думая найти подростка. [на] В квартире швейцара ничего не нашел. Странствия мальчика собирал подросток.

Подросток *НЕ* * сидел в тюрьме, а только был прикосновен к делу Ламберта. //

Подросток. Записки. В вагоне. Мне кажется, я говорил с ней довольно глупо. Это [ср] странно, я и до сих пор не умею говорить с женщинами, тогда как с мужчинами могу говорить умно. Но при женщине я всегда на что-то рассержусь в самом начале и потому мелю вздор. Надо исправиться. [Вм] Но от этого, конечно, и происходила моя ненависть к женщинам. И вообще я ужасно самолюбив. В мелочи я тщеславен и выдаю себя, но большую идею умею хранить.
Когда я сошелся в первый раз с этим характером [с Лизой] (с Лизой) — это было уже давно, почти тому шесть месяцев.
Вклеить непременно фразу: правда **, я очень много читал.

Подросток кончил ПОЛНЫЙ КУРС ГИМНАЗИИ, но не захотел в университет потому, что помер Андреев, содержавший его, и он не захотел быть на Его содержании, тетки же написали ему в Москву, что присылать

---

* Подчеркнуто трижды.]
** Над строкой.

деньги не могут. Во 2-х, потому не поступил в университет (даже с радостию), что хотел скорее *приступить к своей идее*.

Подросток шел все классы гимназии из самых первых, но в последнем едва выдержал экзамен. (Умышленно. *Средина*). Но выдержал все-таки.

Он не говорит с мачехой по три дня, решаясь не говорить по 10 (прибегает к подростку и все это рассказывает ему). Или будит ее ночью для объяснений (больную).

(NB. Мачеха так развита, что всю эту психологию отлично понимает).

1 сентября.

ПЛАН ПЕРВЫХ ГЛАВ.

NB! В каждой главе знать главную точку и только об ней. Недосказанность *.

Вагон, Лиза, приезд в Петерб〈ург〉 и проч.

Прием у теток. К Нему, не застал, мачеха и Лиза.

К Вите, к Васину, зашел к Нему вечером, неловкость, что поздно. Комизм оттого, что поздно, и как обошлось (надувшийся подросток).

Пришел домой к теткам. *Письма*. Ночлег. Тетки разбранили. Решил нанять квартиру.

Наутро квартира. Толкучий. *Наживать*.

Он (вчера), приходи обедать. Пришел — *ссора*, нет обеда. Пойдем в трактир.

В трактире знакомятся. *Он* показывает себя.

Приход домой. Горничную уже прогнали. Лиза. На ребенка. Подросток уходит [с странным чувством на свою [их] квартиру].

Князь и княгиня (всюду загадки). Подслушивает разговор о мощах, сошелся с князем.

Обиды от княгини [молод].

Опять у Долгушина. Говор〈или〉 о молодом князе.

Заночевал у теток. Посещение княгини. Вышел из-за ширм.

У Него. Сцена с ребенком. Нанял квартиру. Увез к себе. Ребенка воротили.

Убеждение, что Он женился на деньгах и что жена на содержании у ст. князя. Какое мне дело?

Сходится с Ним и [ужасно хочет] упрекает, что мачеха на содержании у ст. князя. Тетка выгнала его за это.

Тут узнает, что Он отдал 200 000. (Это ** рано)

Обиженный и грустный, рассорившись с Ним, обидев мачеху — у себя в углу. [О Сушаре, о мечте. Изложение своей идеи]. Приходит Он. Он [Приходит Лиза] — обидевший *Его*, все Ему излагает: и Сушара, и Брусилова, и свою идею. Очаровательный вечер. Тут спрашивает Его о Васине. //

В очаровательный вечер спрашивает Его о Васине, ибо их теории хоть не поколебали *его идею*, но все-таки произвели в нем тревогу и сомнение.

Главное, в очаровательный вечер подростка поразило то, что Он не смотрит свысока, не отдаляет колким словом расспросов, но отвечает на все, даже на вопрос[ы] о петролее и проч.

(NB. *Задача*. Но как согласить оскорбленного мальчика и очаровательный вечер? *Ответ*. Тем, что Он просил прощения у мальчика, и тот Его

---

* «В каждой ∽ недосказанность» — на левом поле.

** *Сверху*: «NB.»

осторожно обнял, что Тот признался подростку во всех слабостях, что, наконец, подросток, прощаясь с Ним, берет с Него обещание хранить мальчика).|

Встреча с *дураком* у княгини (еще в 1-й части). Дурак заходил к подростку. Подросток говорит о дураке Ему. Оба смеются. Видят дурака.

2-я часть.

Развитие Его мальчика. Долгушины *. Почти отложил идею. Начинает не уважать Его, но интересуется. С Лизой. Женщина б⟨....⟩. Княгиня. Бриллианты. Отверженный. 200 000. Тут Ламберт. Встреча. Первая мысль об идее *отмстить*. Свою идею на время отложил.

NB. *Свою идею* он только *вначале* принял горячо, а потом за *недосугом* отлагает. При бриллиантах *вспоминает*. Надули на торгу. Народная сцена. Но зато хоть и оставил практически идею, но теоретически продолжает отстаивать ее, Васину и всем. //

Елейный швейцар учит подростка именно презрению богатства и большого ума и указывает счастье и свободу в обладании волею. Молитесь. (Великий характер). И он-то, обладая волею, сжигает жену на плите.

[Во 2-й части] (1-я часть. Признание подростка в идее, и потом его грусть, *что сказал*, и кончить чертами из его биографии. Гимназия. Остров необитаемый и проч. Три года идеи).

В 1-й же части непременно какой-нибудь эффектнейший поступок. У князя грубиянство. Обиды от княгини. Молод. князь (поколотить). Васин. Украл ребенка. Высказал отцу, что он на содержанке. Примирение. Высказал план обогащения. Грусть, что высказал трехлетнюю идею. *Он* ушел, не сказавши ничего. Кончить его биографией.

Письмо Андреева **.

Во 2-й части — княгиня. Сходки с Ним. Его семейная жизнь. Лизины грубости. *Он* его разочаровывает насчет Ротшильда и Васин. Но княгиня презирает его, настоящее столкновение с молод. князем. Бриллианты. Говорит дерзость о ее разврате — ужасная грубость. Выгоняют. Ночи. Мщение. Пусть я буду враг человечества.

Все время на попечении его мальчик ***.

Елейный солдат. На утро бриллианты найдены. Но он так нагрубил, что вышел. (NB. Он погрозил княгине, что знает о письме Андреева. Об этом письме он разузнал от Него). (NB. Вдруг узнал об связи Его с Лизой. Лиза у него сообщает про письмо. Начало заговора. Разрыв. Удаление от всех. Скитания. Застрелиться. Ламберт.)

Свидание с девочкой. Смерть девочки ****.

2 сент⟨ября⟩.

Два вопроса. Если *от автора*, будет ли интересно? От подростка (от *Я*) интересно само собой. И оригинальнее. И более высказывается характер.

От *Я* или от автора? (от *Я* — и о Брусилове чуть ли не лучше, оригинальнее). //

NB. Оригинальнее расположение рассказа у подростка. Переброска из одной подробности в другую. В этом расположении его собственный характер, *но по главам*.

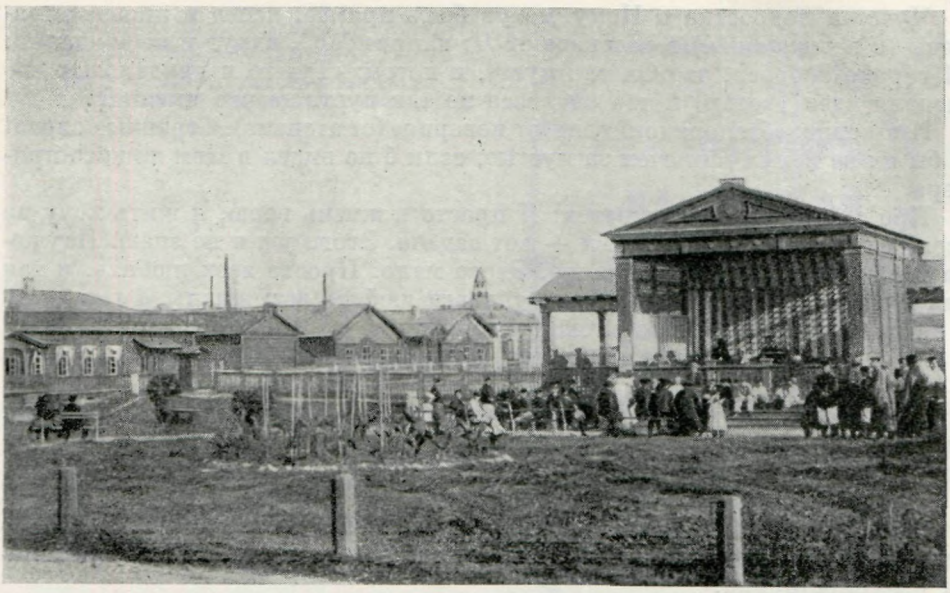
---

* *Сверху*: «Васин».

** «Письмо Андреева» — на левом поле.

*** «Все ∞ мальчик» — на левом поле.

**** «Свидание ∞ девочки» — на левом поле.



СТАРАЯ РУССА. МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. КУРЗАЛ
Фотография 1880-х годов
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

От *Я* — оригинальнее и больше любви, и художественности более требуется, и ужасно смело, и короче, и легче расположение, и яснее характер *подростка* как главного лица и смысл идеи как причины, с которою начат роман, очевиднее. Но не надоест ли эта оригинальность читателю? Выдержит ли это *Я* читатель на 35 листах? И главное, основные мысли романа — могут ли быть натурально и в полноте выражены 20-летним писателем?

№? Подросток пишет четыре года спустя после происшествия, чем и объясняется, что он мог осмыслить Его, Его идеи и проч.*

Подросток приводит Васина к своему Швейцарову, и что же — Швейцаров вполне подтверждает его учение, кроме того, чтобы все рассыпалось: оно само собою рассыплется. «Или он ничего не понял, или он понимает больше, чем я»,— заметил подростку Васин.— «Во всяком случае, у него какая-то своя идея. Эти люди самые опасные» (?) **

***. Молодой князь, вместо ответа на вызов, предлагает Ему продать жену.

Если *от Я*, то придется меньше пускаться в развитие идей, которых подросток, естественно, не может передать так, как они были высказаны, а передает только суть дела. //

От *Я* именно тем оригинальнее, что подросток может пренаивно перескакивать в такие анекдоты и подробности, по мере своего развития и неспелости, какие [уже] невозможны правильно ведущему свой рассказ автору.

---

* Над всем абзацем три линии, как бы зачеркивающие.
** На левом поле: «Idée».
*** На левом поле: «Идея».

Чувства подростка к Нему могут быть прямее, яснее и проще выражены (*и неожиданнее*) в рассказе от *Я*; наприм⟨ер⟩, вдруг и неожиданно: «Я горько скорбел, что Он так пуст», и потом: «Тут-то я увидал, что его глодала идея [котор] и что он вовсе не так пуст, но что именно?»

И в конце: «беспорядок души от неверия» (от атеизма). Странные слова! Я бы их не понял или счел за пустые, если б не видел в Нем живого примера.

Про себя в конце подросток: Я просто в жизнь верю, я жить хочу из всех сил? Но что делать живя — вот задача. Этого уж я не знаю. Неужели только доставать пропитание. Этого мало. Просто всех любить, и так как я этого не умею, но хочу, то учиться любить всю жизнь, а там — ну я не знаю что там, я еще слишком молод.

И, во-первых, думаю, что пойду в университет...

[Он] Если от автора, то чертить свысока, как бы прикрываю симпатию, сдерживаясь, и как можно оригинальнее в тоне и в *распределении порядка* описываемых сцен и предметов.

(№. Определил⟨а⟩ его к ст. князю мачеха. Тот просил себе давно секретарика). Секретарик. Ст. князь сказал даже мачехе: ты мне приискала бы секретарика.

Он объяснил подростку, что князь впал в детство.

[В 1-й части] // Во всяком случае, в 1-й части обратить внимание на характер Его. (Так как ни христианством, ни интригами Он еще не высказывается.)

Надо что-нибудь пропустить в 1-ю часть *ослепительного* и *загадочного* о Нем.

Замечание драгоценное. Это в 1-й уже части Он не приходит к подростку из боязни, «что тот Его забранит» (черта, действующая на подростка *трогательно* своим простодушием).

В 1-й же части подросток говорит Ему, что Он старик и что прежде, когда он в последний раз Его видел, Он был ослепительнее. «Вы еще прихрамывали». [Il faut le r]

— Да, милый, я все-таки любил тебя.

— Вы сказали Сушару. Il faut le rosser *.

Подросток украл письмо в пакете Андреева. Княгиня говорила тетке: От этого письма вся участь моя,— Он предъявит его мужу и тот лишит меня всего. Он способен. (Не отыщете ли вы где-нибудь? Нет ли в лоскутках бумаг?) Тут о содержанстве. Тетка заступается. Княгиня прямо говорит тетке, что предлагала князя в сумасшедший дом. Этого муж никогда не простит. Подросток вспомнил про пакет за образами. Говорит Ему. Тот ему объясняет, чего боится княгиня, и ужасно интересуется.

— Да вы разве в нее влюблены?

Подросток не говорит Ему, однако, что имеет письмо. //

ИДЕЯ. Не Васину ли он ночью (когда ребенок заснул) говорил про свое детство. Никогда не скажу отцу? Но не сказал Васину про идею. Отцу же сказал про идею. И когда Он ушел — идея потускла, но зато *Я* ничего не открыл про Брусилова.

---

* Нужно его выпороть (*франц.*).

ОБЛОЖКА СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
О ДОЛГУШИНЦАХ, 1873—1874 ГОДОВ
Центральный государственный архив
Октябрьской революции, Москва

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ
СЛѢДСТВІЕ
ПО ДѢЛУ
о составленіи печатаніи
и распространеніи
разными лицами
ПРОКЛАМАЦІЙ
противузаконнаго содержанія

Вернее характер выйдет. И уже в конце романа Он ему: Мне Васин все рассказал, все (про Брусилова) на другой же день и завещал беречь тебя. Вот я тебя и берег (т. е. сам натолкнул на преступление).

Васину же рассказывает в такой форме: сначала о Брусилове сдержанно-насмешливо, но все. И потом, как уходил в себя, как мечтал (тут можно, что подросток в отдельной главе рассказывает, как он мечтал, но читателю, а не Васину). Васину рассказал лишь о Брусилове. Васин сондирует его: не годится ль он, ища уединения, в социалисты и в заговорщики:

— Жаль, что вы людей не встретили. Книг хороших не читали. Идеи не вынесли.

— У меня есть идея.

— Какая?

— После скажу. Только не ваша.

— Ну, теперь спать, сказал Васин (белые ночи). //

Когда же Он пришел к подростку (и все эти дни нежность), то Он вдруг: Я знаю, мне Васин сказал про тебя.

Вспыхнул: Я не хотел говорить. Я не хочу вымаливать жалость. А ведь вы были не такой старик. И вдруг бросился рыдать.

Идея: Васин мне говорил об идее и обо всех твоих идеях. Не беспокойся, ты искал уединения. Я понимаю, я не смеюсь. Он поверяет идею.

Когда ушел, раскаяние, что сказал идею. Зачем Васин про меня сказал. По крайней мере не *Я*. Но я расплакался. Это скверно. Но всего больше томила меня идея, что я высказал ее. Э, это я худо рассказал.

И потом во 2-й части он много раз про идею (возводя ее в поэтическую мысль перед читателем).

Затем Ламберт. Final. Идея потускла.

Ему же он сказал, до исповеди и до Васина, лишь об: Il faut le rosser.
— Это был добрый, добрейший француз.
— Да, добрый.
— Ты как будто не согласен.
— Ничего я.
— Я потому и отдал к нему, что добрый. //

От *Я* подросток [может] говорит: Я, конечно, не в состоянии изложить все эти идеи так, как они сказали. И потом: он может в рассказе от *Я* писать как бы и *от автора*, рисуя бывшие сцены до него и без него. Н⟨а⟩прим⟨ер⟩, так: у них это вот как произошло: Васин пошел к Долгуш⟨ину⟩ и сказал ему. Или однажды княгиня, войдя к мужу, сказала ему и проч.

Если от *Я*, то вся поэма в том: как было я пал и как я был спасен.

Я назвал все это: Беспорядок. Это слово Его. *Он* чаще всего употреблял это слово.

Если от автора, то это *приелось*, да и приемы рассказа уже даны в литературе, и сделать оригинальным подростка, т. е. объяснить, почему его выбрал, труднее.

О ПИСЬМЕ в 1-й части уже непременно должна быть заброска.

Можно так сделать, что он уже украл письмо и не чувствует никакого угрызения, но долго спустя почувствовал угрызение.//

* Но непременно о письме в 1-й части.

ОСНОВНОЕ и ГЛАВНЕЙШЕЕ. Когда Он узнал, что Васин рассказал про Сушара,— Он был уязвлен. Не было сильнее боли, которая бы могла так пронзить меня. У меня только одно оставалось, только это: гордость сознания, что я страдал. Но молчу и не корю Его, и вдруг все отнято. [Пла] Заплакал (от умиления, но и от злобы. Отец). Потом рассердился и в сердцах рассказал идею. Когда ушел, было смутно. Вот и отец, но... и злобно — и заснул тяжело. Злой дух уже носился надо мною.

NB. Я был в настроении мрачном и возбужденном, и как мог я делать глупости — визит старого князя к Andrieux. Рисуется этим характер подростка. Тоже как был у девки. //

** Но *ТОН* *** рассказа в том, что все это *год назад* было, т. е. он и теперь, и год спустя, в своем роде тоже подросток, но на того подростка, который год назад, смотрит свысока.

NB. Это замечание он и сам может сделать (написать) в записках.

Он — после того, как поведал, что Васин сказал *Ему*:

— Друг мой, я готов 1000 раз просить у тебя прощения, но что из этого выйдет. Ты так у меня... (А между тем Он искал меня).

Он. Во всяком случае, ты можешь быть уверен, что теперь...

Глаза мои засверкали: Я ничего не хочу... я кляну Васина, у меня одно оставалось. И я начал плакать, плакал-плакал.

— Не было человека, которому бы я еще не делал зла!

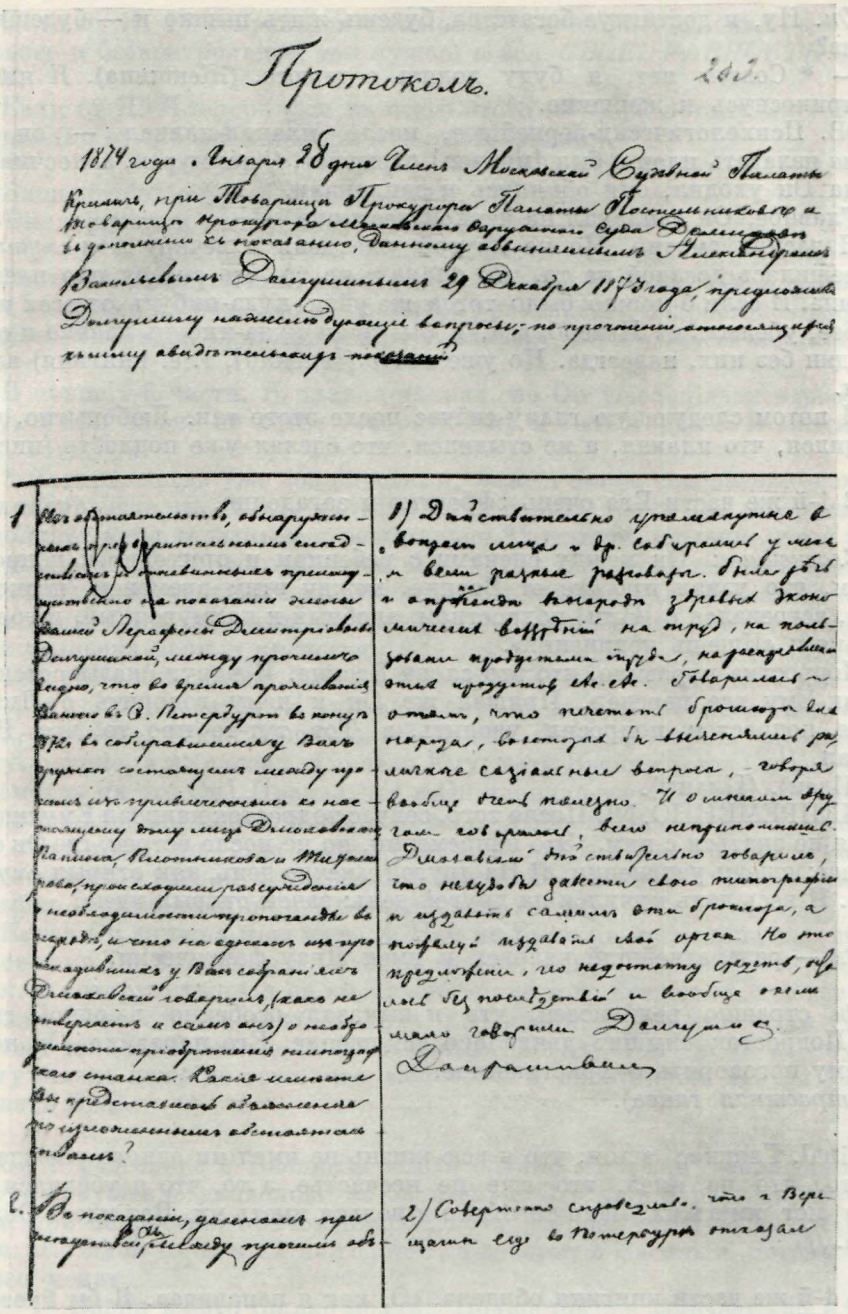
— Я хочу быть Ротшильд⟨ом⟩.

Он. Ну что ж [или может план], это еще не ново или, может быть, план состоит в способе.

Подрост. Нет, и в способах ничего нет.

---

* На левом поле цифра: «668».
** На левом поле: «!Здесь».
*** Подчеркнуто дважды.



Протоколъ. 265.

1874 года, Января 28 дня Члена Московской Судебной Палаты Крылова, при Товарищѣ Прокурора Палаты Поспѣловскомъ и Товарищѣ Прокурора Московскаго Окружнаго Суда Фелицынѣ въ дополненіе къ показанію, данному авѣщественнымъ Александровымъ Васильевымъ Долгушинымъ 29 Декабря 1873 года, предложилъ Долгушину нижеслѣдующіе вопросы, по прочтеніи относящихся къ нимъ авидетельствующихъ посланій

1. Изъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ и изобличающихъ противоправительственную пропаганду, веденную Вами и Вашими единомышленниками, между прочимъ видно, что во время пребыванія Вашего въ С. Петербургѣ въ концѣ 1872 г. въ собиравшемуся Вами кружкѣ состоящемъ между прочимъ изъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ Дмоховскаго, Чайковскаго, Рогачева, происходили разсужденія о необходимости пропаганды въ народѣ, и что на одномъ изъ происходившихъ у Васъ собраній Дмоховскій говорилъ, какъ не отвергая и самъ онъ, о необходимости пріобрѣтенія типографскаго станка. Какія имѣете Вы представленія объ изложенныхъ обстоятельствахъ?	1) Дѣйствительно упоминалось въ бесѣдѣ лицъ и др. собиравшихся у меня и всѣми разные разговаривалось о пользѣ и пріобрѣтеніи въ народѣ здраваго экономическаго воззрѣнія на трудъ, на пользованіе продуктами труда, на преслѣдованіе этихъ продуктовъ сво. ев. Говорилось о томъ, что печатное брошюрное дѣло народа, вслѣдствіе безъисключительно разныхъ сословныхъ вопросовъ, говоря вообще очень полезно. И о типографіи говорилось, всѣмъ непосредственно. Дмоховскій дѣйствительно говорилъ, что нельзя давать своей типографіи и издавать самимъ эти брошюры, а потомъ издавать свой органъ. Но это предположеніе, по недостатку средствъ, осталось безъ послѣдствій и вообще о немъ мало говорилось. Долгушинъ.
2. По показаніямъ, данными при дознаніи, между прочимъ авъ-	2) Совершенно справедливо, что я Вер- щагина ѣздилъ въ Петербургъ отказал

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА А. В. ДОЛГУШИНА, 28 ЯНВАРЯ 1874 г.

Из материалов следственного дела о долгушинцах

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Он. Ну, и достигнув богатства, будешь жить пышно и — будешь счастлив?

— * Совсем нет, я буду ходить в дерюге. (Женщина). Я никогда не прикоснусь к женщине.

NB. Психологически-вернейшее, после плакал-плакал — он стал *со зла* излагать план и был [мрачен] отрывист, // нахмурен, заносчив. Но, когда Он уходил, они обнялись и заплакали.

Главное, Он заплакал на черной лестнице.

Я заснул смутно. Но на другой уже день к вечеру моя *смутность* разрешилась досадой на то, что плакал; на то, что сказал про идею, на Васина. И если б можно было тогда же уйти куда-нибудь от всех их поскорее, убежать из Петербурга, я бы ушел куда-нибудь далеко и остался один без них, навсегда. Но уже нечто ([влекло], т. е. княгиня) влекло меня.

И потом следующую главу сейчас после этого так. Любопытно, что я стыдился, что плакал, а не стыдился, что сделал уже подлость (письмо).

В 1-й же части Его очень эффектно и загадочно.

Главнейшее: Он между сценами с ребенком и приходит к подростку с тем, что узнал про *все* от Васина, между этим временем, несколько дней, встречался с [Ним] подростком, злобный и нахмуренный, и говорил мельком: «Ищешь уединения».

Подростка поразило, что это слова Васина. И вдруг оказывается, что Васин Ему все передал. Пришел же Он к нему говорить о Лизе, о семье, подросток попросил уволить, а Тот тут-то про то, что Васин сказал. //

(Идеи). (Планы).

НЕПРЕМЕННО. NB? После того, сейчас подросток написал Ему письмо, прося не знаться с ним. [Это непременно, но не после встреч, где Он спрашивает: ищешь уединения, а] На другой *именно* день, как открыл *ему свою идею*. И весь день мучился на другой день: зачем открыл идею?

Он — развратнейший человек и имел Лизу фактически.

Он страшно религиозен, что и выказал особенно в одной главе. (NB. Подросток слышит дьяволово искушение. Его поразило. Он пошел к Нему поговорить о христианстве.

Страстная глава).

Final. Главное в том, что я всю жизнь не имел ни одного убеждения. Не то, что не имел, это еще не несчастье, а то, что я убедился, что и не мог иметь их, мало того: что и нельзя иметь их. Вот идея. Она тяжела. //

В 1-й же части княгиня обидела. «О, как я ненавидел. Я бы бросился и бил. Но так как в эти записки никто не заглянет, то и напишу, что тогда же по моему сердцу прошло ощущение странное: я бы бросился и стал бы целовать то место, где она сидела. Я бы на исповеди не сказал этого... Ну, напишу уж все: я так и сделал».

4 сентяб⟨ря⟩.

РУКОПИСЬ НАЙДЕНА В ГОШПИТАЛЕ, ПОСЛЕ УМЕРШЕГО.

---

* На полях слева «февр⟨аль⟩».

Если от Я, то сохранится *сжатость* самая оригинальная (чем оригинальнее и бесконтрольнее, тем лучше) и вся *СВОЕНРАВНОСТЬ ЗАПИСОК*.

Если от Я: Я теперь уже из всего этого вырос, а потому могу не стыдиться (но есть воспоминания, что очень стыдно).

Записки год спустя, в гошпитале.
Выздоровею и начну новую жизнь.//

Васина и Долгуш⟨ина⟩ арестовали. *Он* упал в его глазах, и когда Ламберт — прямо на идею, но в огромн⟨ом⟩ размере, то подросток: Э, куда ни шло! «Беспорядок охватил меня». А главное *торжествует* над княгиней.

В конце 1-й части. Я плакал-плакал, но Он ушел. Зачем я рассказал Ему, я всю жизнь не хотел говорить Ему и быть гордым. Я мечтал, что буду горд.

* Теперь, когда уже год спустя, я, *может быть*, совершенно изменился и теперь еще мысль, что я открыл отцу гордую тоску мою (о Брусилове), наполняет меня терзаньем и решительно ** стыдом. Стыдом, что я не мог удержаться. Не от того ли этот стыд до сих пор, что и теперь я чувствую, может быть, не удержусь не в этом, так в другом, как настоящий слабый подросток. Нет, надо еще сильно над собою работать, чтобы сделать из себя человека воли и крепости.

Теперь, когда, может быть, я и оставлю мою идею, все-таки мне жаль, что я ее тогда высказал. Я унизился чуть не до того, что искал похвальбы, хотя, конечно, искал лишь совета, искал лишь проверить себя. Но Васину, однако, я не сказал, а сказал Ему, хотя Васину тогда больше верил, [несмотря на что Он]. Правда, что и Он начинал уже производить на меня тогда сильнейшее впечатление. Но всего любопытнее для меня теперь то, что я так тосковал тогда о моей слабости, как о подлости, тогда как уже действительно сделал один подлый поступок (письмо), а между тем даже и мысль о раскаянии не приходила мне в голову.//

Когда Он слушал мою идею, в Нем не было ни насмешки, ни свысока. А все-таки Он не мой брат. Чувствовалось, что у *** Него есть тоже *своя* идея, и которую уже Он не выскажет, но до того предан ей, что все мимоидущее, исповедь ли мою, мелочи ли жизни, трагическое ли жизни, считает как постороннее, а то главным. Между тем Он ли не окунался в эту жизнь даже до того, что мелочным и сплетником нельзя было не назвать Его.

Он в разговоре с Васиным: «Есть однако же вещи необъяснимые...» И тут искушение дьяволово из евангелья. Это уже в разговоре с Васиным, при подростке, причем подросток не утерпел, чтоб не подумать про себя: «Со мной-то он этак не говорит, а говорит с Васиным, потому что он умнее меня».

**** Васин на это только молчит. Подросток же замечает еще и то, что Он, хотя и привел доказательство в пользу сверхъестественного происхождения христианства, но как бы мельком, не очень спеша и ревнуя пропагандировать, так только к разговору: «Примешь к сведению или нет, мне, пожалуй, и все равно». Т. е. Он всегда так, а тут несколько увлекся а потом обиделся: «Вот мы оба болтали-болтали, а он все-то молчал».

---

* На левом поле: «Смотр. 668».
** Исправлено из: «решительным».
*** Исправлено из «*не*».
**** На левом поле: «Во 2-ю часть».

Я. Отчего они молчат? от тупости или большого ума?

Он. Оттого, что им больше нечего говорить. У них все известно и все решено на множество тысяч лет. Что ж еще говорить.

Подросток смеется от удовольствия, что Он оплевал социализм. Но Тот пришел к нему и снова говорит: великая идея близко, при дверях.

И все-то Он так,— замечает подросток. Но так как и сам интересуется и сверх того желает окончательно исследовать, каких Он убеждений, подросток пристает к Нему с христианством. *Тот* ему лавочников. Но все так же не спеша, мельком и отрывисто, как бы говоря: «Да отвяжитесь от меня». Страсти к пропаганде, конечно, нет,— замечает подросток в записках своих,— но сам Он, конечно, перегорает и мучается этими идеями.

Впрочем: и подросток пишет у себя в записках эти замечания как бы мельком, наприм⟨ер⟩, пишет не сейчас после главы о лавочниках (которую заканчивает без всякого вывода) а где-нибудь 2—3 главы спустя.//

Он о Белинском.... «А главное, самообожание. Пуще всего то, что у нас еще и не начиналась наука».

Он приходит однажды к подростку и говорит про французов и грядущий социализм. Близко, при дверях. Вам надо быть всем готовым.

Образа́. Подросток, входя в первый раз, замечает великолепный киот. Приписывает мачехе. Узнает, что Он. Этот-то киот и был изрублен впоследствии.

Непременно бедное семейство или что-нибудь в этом роде, которому Он втайне помог и досадует, что помог.

После всей тоски в финале Он вдруг исчезает. Подросток узнает, что он пошел в монастырь. Через месяц удавился в монастыре.

25 000 принес подростку. Тот не взял. Или впоследствии отдал их? ОБ ЭТОМ ПОДУМАТЬ. Или отдал тетке (Он) под тем предлогом, что подросток, пожалуй, «возымеет» глупость отказаться.

6 сентября.

Окончательно: *от Я.*

ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ. Подросток во весь роман не покидает своей идеи о Ротшильде окончательно.— Эта idea fixa есть его *выход* изо *всего*, из всех вопросов и затруднений. Она основана на чувстве гордости, формулировавшейся в идее уединения.— *Он* говорит это подростку*.

Во всем романе вести так, чтобы придать этой идее значение в романе *главнейшее.*//— Именно тем и главнейшее, что она не покидает подростка, вцепилась в него: пропасть или не пропасть ему?** Вот почему он и страдает от сомнений в продолжении романа, то от аргументов Васина, то от Его. И потому иногда вдруг, оставляя любопытнейшие события, о которых повествует и которыми сам интересуется, подросток вдруг бросает рассказ, подчеркивает и начинает (как бы ни к селу, ни к городу) излагать сомнения свои:

Если я обманул солдата, купив у него и продав другому, как Он говорит, то ведь это парадокс, весь свет так живет и обманывает. Но разве весь свет указ? Довольно, что я сознал, что я обманул. Значит, надо бро-

---

* «*Он* ∞ подростку» — на левом поле.

** На левом поле: «Февр⟨аль⟩, 3-я и 4-я часть».

сить все, ходить в рубище, работать и даже не требовать высшей заработной платы. Конечно так, надо быть верным идее, которую сознал. А если так, зачем Он нейдет в монастырь или на подвиги, когда верит в христианство? Зачем все социалисты такие скупцы (тут примеры?).

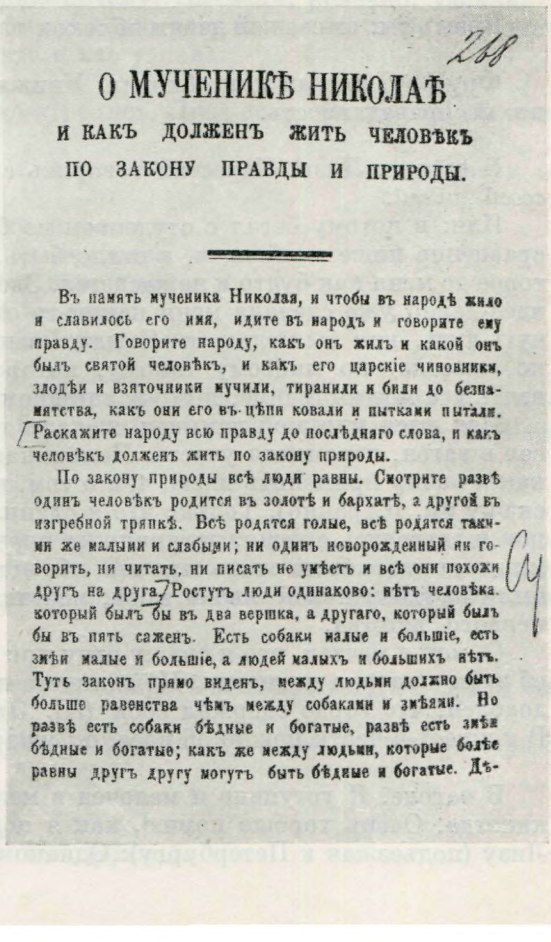
[Нет] *Он* подростку: Вероятно, по тому принципу, что теперь в этом обществе нельзя жить иначе, потому что общество виновато. А когда перестроится общество, тогда и будем все жить иначе.

Итак, я не виноват в бесчестии, а общество виновато. Вот почему Васин и идет разрушать. Васин, впрочем, жертвует всем *своей идее*; ведь и он мог бы сложить руки и сказать, что «общество виновато».// Нет, видно, это не отговорка. А, впрочем, бесчестно ли это, и есть ли впрямь бесчестие в моей идее?

И потом: спрашивал Его (уже в Final'e, во время Его тоски), получил в ответ, что на время быть и честным не стоит, ибо ледяные камни. Как ужасно мучают его ледяные камни!

[Да какое вам дело до камней] [Под]

ОЧЕНЬ НАДО. Подросток передает ст. князю идею Его о ледяных камнях. Тот ему: Mon cher, я всегда так думал, c'est une idée. Но чего он [забудет] заботится? Ну пусть их летают, пусть летают. Тогда меня не будет и всех нас не будет. Неужели заботиться о том, что будет через столько десятков тысяч лет, когда тут обедать зовут. Этак кушанье простынет. Подросток передает это Ему, Тот очень смеется и говорит: Эта старая ж⟨...⟩, конечно, все разрешила, но штука в том, что не у всякого



288

О МУЧЕНИКѢ НИКОЛАѢ

И КАКЪ ДОЛЖЕНЪ ЖИТЬ ЧЕЛОВѢКЪ

ПО ЗАКОНУ ПРАВДЫ И ПРИРОДЫ.

Въ память мученика Николая, и чтобы въ народѣ жило и славилось его имя, идите въ народъ и говорите ему правду. Говорите народу, какъ онъ жилъ и какой онъ былъ святой человѣкъ, и какъ его царскіе чиновники, злодѣи и взяточники мучили, тиранили и били до безпамятства, какъ они его въ цѣпи ковали и пытками пытали. Разкажите народу всю правду до послѣдняго слова, и какъ человѣкъ долженъ жить по закону природы.

По закону природы всѣ люди равны. Смотрите развѣ одинъ человѣкъ родится въ золотѣ и бархатѣ, а другой въ изгребной тряпкѣ. Всѣ родятся голые, всѣ родятся такими же малыми и слабыми; ни одинъ новорожденный не говоритъ, ни читать, ни писать не умѣетъ и всѣ они похожи другъ на друга. Ростутъ люди одинаково: нѣтъ человѣка, который былъ бы въ два вершка, а другаго, который былъ бы въ пять саженъ. Есть собаки малые и большіе, есть змѣи малые и большіе, а людей малыхъ и большихъ нѣтъ. Тутъ законъ прямо виденъ, между людьми должно быть больше равенства чѣмъ между собаками и змѣями. Но развѣ есть собаки бѣдные и богатые, развѣ есть змѣи бѣдные и богатые; какъ же между людьми, которые болѣе равны другъ другу могутъ быть бѣдные и богатые. Дѣ-

ПРОКЛАМАЦИЯ, СОСТАВЛЕННАЯ ДОЛГУШИНЦАМИ

Из материалов следственного дела о долгушинцах

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

аппетит сесть за такой обед. [Но смешно, что я не могу разрешать, т. е. не согласен жить на таких условиях].

Он говорит подростку в Final'е, в тоске, что идея его об уединении ниже по *гордости*, полному прощению, не мщению. К тому же в Ротшильде подленькая мысль о самообеспечении.

Подросток Ему: Да ведь стоит ли быть честным и даже гордым; а ледяные камни-то? Не лучше ли жить в свою ж...?

— А с сердцем что сделать? говорит Он.

— Вот разве это-то! Вот ведь крепостное-то состояние.

И уже оставшись один, подросток: Жить хочу, но // как? Стоит ли быть честным. Неужели моя идея запретит мне делать добро. Неужели она вредна для других. Конечно, виновато общество, но... Я еще не знаю возьму ли я эти 25 000.

Идет, и набережная, заходящее солнце, восторг.

— Если вы говорите, что не стоит любить человечество на минутку (ледяные камни), то в вас нет настоящей любви к человечеству.

— Это уж мне говорили. Я это слышал. Только — видишь, естественное влечение любви к человечеству и ко всякой великой идее, конечно, неотразимо, вроде естественных отправлений, чихать, ср<...>, есть, но, при неизбежности и фатуме ледяных камней, эта любовь к человечеству похожа на крепостное состояние и удовлетворения мне не дает. Так что, может быть, я вместо любви решил бы взбунтоваться.//

Я отрицатель всего, говорит Он, и в отчаяньи, что не за что ухватиться, а между тем ко всему прикреплен. «Жить стыдно, а на деле живуч».

Врешь ты: от свежей девки яблоком пахнет (говорит кто-то подростку).

Фру-фру, плевал или обходил. Унижался до такой мелочности. Злоба на несправедливость.

В вагоне. Лиза. Перестал говорить с Лизой. Я сел и задумался *над своей идеей.*

Или: я потому бегал с студентом по бульвару, что считал все это несравненно ниже моей идеи, а стало быть, чем-то таким посторонним, которое до меня как будто и не касается. Здесь я замечу, что эта мечта о моей идее давно уже сделала меня каким-то отвлеченным и касающимся света чуть-чуть, как бы мельком. Я даже относился ко многому как-то странно свысока, ко многому такому, которое бы должно было, напротив, взять все мое внимание, ибо уж слишком близко до меня касалось.

Моя идея или мой замысел сделали то, что я, ни мало не волнуясь, сел в вагон, переменяя участь. Подъезжая к Петербургу, я скорее думал, как я начну применять идею, чем о том, как *со всеми ими* встречусь и что скажу им. [Странно]. Только что я ступил на мостовую Петербурга, и то, как я встречусь с ними, вступило на первый план. Я к тому об этом упоминаю, что это было очень странно, ибо встреча с ними и, главное, с Ним — были началом новой жизни моей, мечтаниями всей моей жизни с самого первого детства.

О, как я мечтал, что я скажу отцу при // первой встрече. Я еще мечтал об этом с начала гимназии. Но я ничего не сказал и остался [этим] очень доволен, что гордо сдержал себя (NB. Это непременно еще в 1-ю часть). В конце 1-й части можно об идее, о Сушаре и Брусилове.

В вагоне. Я уступчив и мелочен в мелочах, но в главном не уступлю никогда. Очень хорошо помню, как я подумал тогда про себя, глядя на Лизу (подъезжая к Петербургу): Однако ж я тебе не высказал мою идею.

Этой мыслью я остался ужасно доволен, так что вдруг соскочила вся моя довольно мелочная тогдашняя досада на [Лизу] эту девушку. Впоследствии я убедился, что досада эта была и не совсем мелочная, и я был прав. Досада за что? За то, что она сидит тут? И за то, что она дама, и за то, что у нее такой неприступный вид; одним словом, я восставал против тирании и несправедливости. Ибо если широко смотреть, то сводится к этому.

Это Павел Федорович Федоров, он кончил курс в гимназии и не захотел поступить в университет (рекомендация Его мачехе).

— Друг мой, я готов содержать тебя. Но ты отверг.
— Но ведь меня тетки содержали.
— А ведь это и правда, с самого Сушара. Добрый это Сушар — а?

По мере того как я излагал Ему мою идею, мне казалось, что я изменял чему-то, изменил идее, и по мере того как развивал ее, сам терял в нее веру. Когда Он ушел, я воротился грустный, почти как разбитый.

Он говорит подростку в *невоздержных* признаниях своих: Ах, в эти минуты как желаешь себе какую-нибудь горячку или даже лихорадку: я бы лежал, а они бы ходили около, страдая угрызениями совести, трепеща и стеная от страха и раскаяния, раздавленные и наказанные. Но не посылает бог ни горячки, ни даже какой-нибудь ничтожной febris catarhalis *, здоров — как бык!//

В вагоне:
Я — и вдруг выпалил не знаю почему: Вы меня, конечно, узнали.
Лиза. Так как я с вами не говорю и смотреть на вас не хочу, вы, конечно, должны были догадаться, что я вас узнала.

Украден сак. (Дурак). Все осмотрелись. Лиза села. [Лиза сел] Маленький сак, украден.
Лизе. Позвольте я, кажется, положил его. Вот! Каким образом он здесь очутился?
Лиза. Если вы говорите, что положили.
— Да, но каким образом, он очутился за вами.
— Да если вы говорите, что положили.
— Это могло быть, но... он за вами.
— Я села не видав... Он такой маленький.
— Не видав? Это странно.
— Вы дурак. Не произвело впечатления, но он посмотрел на меня.
Дурак. Гм... Как же это... Гм. Тут были серебряные вещи, да цело. Видите: серебряная вещь.
— Да ведь говорят же вам.
Лиза. Оставьте.
— Я ведь ничего. Я только к тому, что терять вещи... согласитесь сами... тут серебро... и я мог подумать. Он замолчал. Он говорил не только как разуверенный, но как бы уверенный, что она действительно украла.

6 сент⟨ября⟩. NB
NB. Завтра обдумывать в вагоне и собирать записанное. Да и фразы были казенные, *заслышанные*.
Он. Значит chacun chez soi, chacun pour soi **, а там что из этого выйдет, то и будет.

---

* катаральная лихорадка (*лат.*).
** каждый у себя, каждый для себя (*франц.*).

*Социализм состоит в том, чтоб [разрушив хр.] выйдя из-под христианской цивилизации и для того разрушив ее, создать свою [на о] на основании отрицания небесного царства и ограничиваясь одним ** земным. Прямо антихрист.//

Подросток знает поэтов, писателей, читал книги, хотя и без связи. Товарищи, никто-то этим не занимался. Отлично знает физику. Очень хорош в математике. ***

На бульваре с Лизой похабщину. Это была свинская шалость (от автора).

В 1-й части нет еще проповеди христианства, только подросток обвиняет Его в глаза, что Он иезуит. Он же спросил подростка: Это кто тебе сказал, что я проповедую?

— Я еще в Москве слышал.

Но хорошо бы провести краткие, но веские проблески натужного христианства.

Петербург. Что мне Петербург? Презренье к Петербургу. (Это когда вышел из вокзала).

Я еще в Москве слышал, но Он расспрашивает и, сомнения нет, что это княгиня сказала. На Него это производит видимое впечатление, до того, что мачеха раскраснелась и началась было сцена. Лиза тотчас же подлила яду, сухо и сжато [заметив про кня] рассказав (весьма точные) сведения, что княгиня говорит про него, что говорила, намерена говорить и ее вероятные шаги. Страшная ссора. Мальчик. Напоминание о горничной (вчера или третьего дня выгнанной). Скандал. Лиза [им] нарочно обращается к подростку, рассказывая ему, увлекая тут же и мачеху рассказывать. Подросток мрачно и отрывисто просит его не вмешивать. Вдруг сцена с ребенком. Подросток в исступлении (раздирание рта). Страшная ссора, где подросток высказывает Ему все. Когда уходит — в темном угле рыдающий мальчик. Мгновенно его сманивает. Когда вывел на улицу — тут только вопрос: куда я его дену? К теткам нельзя, к Вите невозможно. К Васину? Идет отыскивать Васина, плохо зная адрес и ведя мальчика. Васин принял.

К Васину повел единственно по симпатии, потому что // с ним еще не сказал ни слова, а только слышал его у Долгушиных. Ночь приключений, веселят мальчика, который вдруг тихо, как бы боясь обнаружить неблагодарность, заплакал о маме. Дают ему слово, что завтра приведут маму и даже мама будет у них жить. Ночует у Васина. Возвращается к теткам лишь утром.

Те нападают на него. (Им известно похищение. Бросается целовать тетку). Нанимает свою квартиру. Дает знать матери, она у Васина. Перевозит мальчика на *свою* квартиру по истерической просьбе мальчика, но мать настаивает, чтоб к теткам. Мальчик у теток. *Он* просит прощения у мальчика. *Он тоже через этот случай услыхал о Васине.* (NB. У Васина ночью говорят о коренных идеях, но Васин молчалив — и проч.)

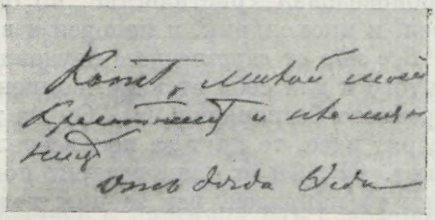
Он подростку: Тут все из-за княгини. Зачем ты разговор навел. И говорит, чего боится княгиня, расспрашивает подростка: что там княгиня

---

* На левом поле: «Февраль, 3-я часть».

** Под строкой.

*** Вверху страницы, над этим абзацем, помета: «101X»



ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография Н. Досса, 1876, Петербург

Дарственная надпись Достоевского (на обороте):
«Кате ⟨Е. Н. Голеновской⟩, милой моей крестнице и племяннице, от дяди Феди»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

о Нем говорит. Подросток свысока насмешлив. Глубокое презрение. *Тот* прощается сухо. Про содержанку. Подросток уже любит княгиню *.

На утро смятение у теток: ** Он отдал 200 000. Подросток поражен как обухом по лбу: а он только что обидел Его содержанством. Подросток бросается к Васину; тот выслушивает с большим любопытством, но кончает просьбой не ходить к нему.

Сцена примирения с подростком. Шампанское. О княгине. Жалуется на жену, двусмысленно об Лизе, конвульсивно об своем характере (но без покаяния).

Затем [сцена исповеди подростка] бешеная Лиза, поджидавшая Его. Исступленный разговор. Подросток поражен: что это за связь?

Он не приходит. // Подросток идет за Ним. Тот ему: я боялся идти. я думал ты бранить будешь. У подростка на квартире свидание. Исповедь подростка, Сушар. Идея. Но что такое мой отец?

И во 2-й части развитие, что такое отец, связь Лизы. Подросток конфидент всего. Лиза его насилует (по-своему), la haine l'amour к княгине, бриллианты, ссора, найденное письмо и т. д.

№! *** [Подро] *Важнейшее* (*психологич.*). Подросток кроме того, что раздавлен 200 000,— раздавлен тоже мыслью, что он украл письмо. Вот почему и истерика и признание: [уходя] прощаясь с Ним, он хотел было показать письмо Ему, но удержался ****. Оставшись один — смутно. Плохо высказал идею. Любил ли я Его. Но зато не выдал письмо. Удивительно: вдруг ощутил довольство, что не выдал письмо (т. е. видите ли, как я умею быть твердым и хранить тайну — значит совладаю и с идеей). Но Он?

— ***** Ничего нет неблагородного, что я храню письмо. Вот и отец у меня. Но люблю ли я Его. Давеча как он трогательно сказал, что бранить будешь.

Последняя идея: мальчик. Одна великая идея — спасает и выносит все настроение, все примиряет, задумался о мальчике. Заснул сладко.

ПОСЛЕ БРИЛЛИАНТОВ ОТЫСКАЛ ПИСЬМО. //

7 сентября.

Страстная любовь к Лизе, и подросток уже застает это.

Дело так. Женившись, после долгих странствий (легенда же гласит, что Он хотел совсем уже в монахи идти и вдруг женился). Женившись, Он действительно проповедовал христианство, но был мрачен, переменчив, капризен, и весел, и ипохондрик, и мелочен и великодушен, и великая идея, и цинизм. *Все это* от *внутреннего* неудовлетворения в убеждениях, тайного, сокрытого и для себя атеизма, сомнений в христианстве и проч, т. е. от внутреннего беспорядка. №. Он из тех благородных натур, которые, если верят идее, то идут за нею всецело, если же нет чему веровать, то погибают. (№. Он это сам говорит подростку) ******.

В домашней жизни то капризен, все за ним ходят, то (чрезвычайно редко) терпелив, как ангел. Сведенных детей то ненавидит, то страстно любит. Лиза Его возненавидела.

Я из ненависти к Нему полюбила Его, говорит она, полюбила, чтоб погубить (это ее внутреннее страстное желание). Между тем она сама хищный тип и предается страсти своей до зверства. В ней действительно

---

* «Подросток ∞ княгиню» — на левом поле.

** От начала предыдущего абзаца и до сих пор — перечеркнуто одной линией.

*** Сверху: «Смотри на 668».

**** На левом поле: «Нельзя? Рано письмо?»

***** Отсюда до конца страницы текст перечеркнут двумя чертами.

****** «№.∞ подростку»— на левом поле.

страсть к Нему, но не для того, чтоб сделать счастье Его,а чтобы погубить Его, как крокодил живьем проглотить, глядит она на Него.

Замечательно, что все это она Ему и высказывает прямо в глаза, нисколько не таясь. Это-то и действует на Него опьянительно, это выводит Его из себя, и он влюбляется как потерянный и *желает* ужасно. В этом состоянии и застает Его подросток. Любовь уже завязалась и имелись свидания. Но Лиза не отдается Ему. Я хожу, как укушенный бешеной собакой, говорит Он подростку.

Замечательно, что в последние пять лет жизни Он из сильно легкомысленного (но всегда глубоко мыслившего) человека стал было тихо и спокойно религиозен. Женился Он по тихой любви к «прекрасному божьему ангелу» — мачехе.

«Я стал беспокоен, говорит Он, потому что // почувствовал при этом ангеле (жене моей) всю мою нравственную несостоятельность и в убеждениях, а главное в внутренней выработке. Всего же *тяжелее* подействовало на меня то,что я,вместо того что⟨б⟩ действительно начать совершенствоваться, вдруг почему-то предался неудержимой наклонности смотреть на все свысока. От внутреннего недовольства и беспорядка и стал капризен: «На меня бы палку надо, а не такое совершенство, как эта женщина». Стал даже ревнив (именно к м. князю, по рассказам ее) и по временам ненавидеть приведенных детей. Тут-то и обратила на Него внимание Лиза. «*Я почувствовала в вас беса*», говорила она потом.

NB. Это все Он страстно беспокойно и трагически объясняет Лизе в свиданиях своих с нею.

Это-то беспокойство о своем несовершенствовании и об том, что Он в сущности хищный тип, и преследовало Его. И тайная идея: на что совершенствоваться (хищный тип). Это-то и почуяла Лиза, т. е. хищный тип.

Лиза начала Его ужасно и неудержимо ревновать, к княгине, например. (Замечательно, что к матери не ревнует). «Вы любите только самого себя, говорит она Ему, вас, стало быть, не к кому и ревновать». И все-таки ужасно ревнует к княгине, чем дальше, тем больше.

Отношения же Его к княгине *действительно* состоят в следующем. Он тепло и горячо ответил этой княгине, когда она, ужасно уважая Его, открыла Ему всю душу свою и весь ужас своего положения с ст. князем. Эта женщина — страстно идеальное создание, с жаждою и исканием истины и добра (впоследствии слушает даже нигилистов).

Но при этих отношениях руководителя и конфидента княгини целый год, и проповедника христианства, до того, что княгиня чуть в монастырь не пошла (NB. Ст. князь говорит: он ее в монастырь настроил, она развода просила, так что, представьте, и мне бы надо было для пандана в монахи. Вообразить только, каков бы я был там монах. А впрочем, может быть, и хороший, и, знаешь, мне костюм этот нравится). (Вообще тут надо этот год с княгиней ввести в виде *отдельного эпизода*), при этих // отношениях руководителя и святого, в Нем вдруг проснулся хищный тип, и Он стал соблазнять ее. Она догадалась и прогнала Его с позором и со всем *негодованием невинности*.

NB. [Но] Это-то негодование невинности, без примеси христианского терпения (как в мачехе, н⟨а⟩пр⟨имер⟩), эта беспредельная гордость добродетели еще тогда же уязвила Его.

Он отрекся от обвинения, но та презрительно не ответила. Тогда Он сознался, написав страстное письмо; но она презрительно воротила Ему письмо.

В Нем с тех пор и остались навеки *два* чувства.

1) Ужасное угрызение совести в том, что Он хотел развратить невинность. «Это был самый скверный и нечистый поступок мой». С тех пор

мысль о необузданности и неподчиняемости своей природы каким-либо убеждениям истерзала Его. Он женился единственно, чтоб под крылом этого ангела смирить свою природу чистотой и подчинить ее добру, и

2) Чрезвычайное уважение к княгине, к ее мнению и с тайною ненавистью к такому высочайшему благородству.

Ясно, что княгиню Он более не любит, но, под влиянием Лизы, в Нем только обнаружился скрывавшийся зародыш ненависти к княгине, к ее чистоте и добродетели.

Э, все оплевать, все разбить, так же, как разбивает и образа.

Эта ненависть была тайная, но явно Он все хотел свидания и 200 000 отдал *для княгини*, чтоб Она иначе о Нем думала. Но под влиянием укушения бешеной собаки в Нем вдруг проснулась (обнаружилась и въявь для Него) ненависть к совершенству чистоты княгини. Внутренний беспорядок от Лизы, желание, чтоб и все были так же нечисты, как Он, скептицизм и проч. (тут психология) и вводят Его невольным, безличным участником в заговор Ламберта и Лизы, ибо Он знает, что тут и Лиза (пришел было, однако, отвлекать подростка).

Между тем Лиза беспокоит Его все более и более и довела до идеи о бегстве и до яда. // *Он* отверг. Но разрубил образа, и жена догадалась. Жена сбежала к молод. князю. Смерть ее, и Лиза во всем Его же обвинила. Повесилась. (Не выдержала смерти матери и Его презрения и мерзости своего поведения). Но всего любопытнее, что во всем обвинила Его. Ты меня развратил.

В Final'ном исступлении Он говорит подростку: Знаешь, эта тупость и привлекательна в страсти. «И дура хорошо», — говорит Яичница. Это положим не то, но и порочнейшее существо нравится иногда сильнее ангела. А если Она тупа и несправедлива, тем более. Я развращен до конца ногтей.

— А христианство?

Он. Да я никогда и не верил.

— Вы притворялись?

Он. Да разве я мог притворяться. Я верил, потому что боялся, что не верю. А теперь увидел, что и впрямь ничего не верил. Теперь только я нашел, что все беспорядок, все проклято.

Ergo. Характер Его не может быть легкомысленный, игривый, женственный, весельчак и мышиный жеребенок.

Он страстен, угрюм, скептик, сдержан, и изредка стремительно прорывается сердце. Он *не может* гордиться самцовыми победами над женщинами, Лизой, в том легкомысленно и игриво открываться подростку.

№ 189. ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ. ПЯТНИЦА, 12 (24) ИЮЛЯ 1874. ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ. № 189.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

ЗАГОЛОВОК ГАЗЕТЫ «С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ», 1874, № 189, 12 ИЮЛЯ

Здесь печатались материалы следственного дела о долгушинцах

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Засѣданіе особаго присутствія Правительствующаго Сената 9го іюля 1874 года, по дѣлу о подсудимыхъ: *Долгушинѣ (25 лѣтъ), Дмоховскомъ (23 л.), Папинѣ (25 л.), Плотниковѣ (23 л.), Гамовѣ (26 л.), Чиковѣ (24 л.), Сидорацкомъ (20 л.), Авессаломовѣ (29 л.), Циммерманѣ (24 л.), Ободовской (26 л.), Сахаровой (26 л.) и Васильевѣ (18 л.), обвиняемыхъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія.*

Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій сенаторъ Я. Я. Чемадуровъ; присутствовали: сенаторы: Тизенгаузенъ, Евреиновъ, князь Голицынъ, Хвостовъ и Шульцъ и сословные представители: предводитель дворянства Тверской губерніи князь Мещерскій, предводитель дворянства Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи, Померанцевъ, одесскій городской голова Новосильцевъ, волостной старшина Парголовской волости Зоринъ, при оберъ-секретарѣ Трахтенбергѣ; обвинялъ товарищъ оберъ-прокурора Стадольскій; защищали присяжные повѣренные: Утинъ, Спасовичъ, Слонимскій, Герке, Гаевскій, Соколовскій, Брутъ, Буймистровъ, Куперникъ, Матросовъ и Полетаевъ.

Засѣданіе открыто въ 12 часовъ дня. Въ петербургскихъ газетахъ сообщаютъ что на столѣ вещественныхъ доказательствъ положены различныя книги, пакеты, желѣзныя и деревянныя доски, столы, нѣсколько русскихъ костюмовъ, глиняный кувшинъ, сапоги, ящикъ и пр. Подсудимые раздѣлены на двѣ группы: обвиняющіеся въ болѣе важныхъ преступленіяхъ сидятъ налѣво отъ судей и возлѣ каждаго помѣщается жандармъ, остальные сидятъ направо отъ судей. Мѣста назначенныя для публики заняты были всѣ и, сверхъ того, въ проходѣ стояла толпа.

Изъ числа свидѣтелей не явились трое. Стороны полагали продолжать слѣдствіе несмотря на отсутствіе этихъ свидѣтелей. Затѣмъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Осенью 1872 года, въ С.-Петербургѣ, на Петербурской сторонѣ, въ домѣ Меркъ, проживалъ дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, завѣдывавшій въ то время мастерской жестяныхъ издѣлій Верещагина.

У Долгушина нерѣдко собирались по вечерамъ знакомые, въ томъ числѣ дворяне Иванъ Ивановъ Папинъ, Николай Александровъ Плотниковъ и технологъ перваго разряда Левъ Адольфовъ Дмоховскій. По словамъ жены Долгушина, Аграфены Дмитріевой, на этихъ собраніяхъ, въ коихъ она участвовала впрочемъ не всегда, общество занималось разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ былъ вопросъ „о нормальномъ человѣкѣ."

При этомъ, какъ ей кажется, Дмоховскій высказывалъ желаніе имѣть типографскій станокъ.

Дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, не отвергая этого показанія жены своей, на предварительномъ слѣдствіи объяснилъ что Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ точно у него въ указанное время по вечерамъ бывали, и что разговоры шли о пропагандѣ въ народѣ здравыхъ экономическихъ воззрѣній и о пользѣ печатанія съ этою цѣлью брошюръ, причемъ Дмоховскій дѣйствительно говорилъ что не худо бы завести для всего этого свою типографію.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. ОТЧЕТ О ПРОЦЕССЕ ДОЛГУШИНЦЕВ

«С.-Петербургские ведомости», 1874, № 189, 12 июля

ГЛАВНОЕ. Все время укушен бешеной собакой.

Теперь, стало быть, вопрос формы! 7 сентября.

NB. В проповеди же христианства подросток застает Его, как уже решено: отрывист, скептичен и отмахивается руками, но тем страннее одна *глава* (только) страстной проповеди.//

Письмо о том, чтоб в сумасшедший дом князя, писанное княгиней из провинции, внушено было им (чтоб развратить ее). «Я начал разврат ее сознательно и постепенно». И после того Он же, когда был разрыв с княгиней, имел гнусность ей же пригрозить этим письмом. Впоследствии написал ей письмо, где во всем покаялся. В том, что хотел развратить ее. [Это письмо отчасти] Презрение с ее стороны. Но у Андреева справлялся о письме. Хитрый Андреев не дал. Но когда умер, Он опять справлялся (ибо его уже разбирало отмстить. А нашел подросток).

NB. Представляется вопрос формы:

Как подросток опишет *от Я* эти психологические объяснения с Лизой и антецеданы* связи с княгиней, хотя бы и с Его слов?

Но если от *автора*, то не будет ли подросток второстепенным лицом, а Он главным?//

* От франц. *antécédent* — предшествующее событие.

Если от автора, то роль подростка совсем исчезает.*

Лиза стала бывать у подростка сызначала (почувствовала в нем надобность и все ему объяснила вкратце).

Презрение подростка к Нему. Он после разных перипетий объясняет подростку настоящую суть, описывает ему и свидания: «Я сидел, она сидела, потупясь. Вы меня развратили». [NB. Тетка] И потом забегает к подростку объяснить ему и об яде.

Равномерно: Тетка признается подростку, что княгиня была Его любовницей. И что письмо у нее, у тетки (подросток украл). Лиза тоже утверждает, что Он жил с княгиней. Но прогнала. На это Он разуверяет его. Вот в какой это форме.

Про княгиню признается Он подростку, что чувствует к ней только величайшее уважение и благоговение, но давно уж не любит. (И вдруг подросток узнает, что Он с Ламбертом). То же, что Он так откровенен и так забегает к подростку, показывает Его простодушие, нужду в конфиденте и свидетельствует о любви Его к подростку, что и трогает подростка. Но подросток замечает, что, и забегая, Он всегда сохраняет свою самостоятельность (таинственность) и что, стало быть, он, подросток, не удовлетворяет Его.//

Впрочем, Он *начал* забегать к подростку единственно, когда началась Его выгода забегать. До тех же пор держал себя отдаленнее.

(NB. Отмстить княгине, в прямом смысле слова, *непременно* хотел. Хищный тип).

Неудержимо хотел узнать о княгине. Лиза даже уверила было вначале подростка, что Он и выписал-то его, чтоб *узнавать о княгине* (sic и главное).

И потом: забегал, когда узнал, что Лиза ходит к [не] подростку. Так что подросток сразу попадает в развитие интриги.

Сначала Он не во всем признавался ему, но потом почувствовал неудержимую надобность излияния.

Как же вы поступите, говорит Ему подросток? (О Лизе). Не знаю, говорит Он, и подросток ужасается.

Вы ко мне заходите только из надобности, говорит подросток.

NB. Главное. Подросток *никогда не признается* Ему, что он влюблен в княгиню, и на Его желчные и насмешливые намеки сердится. Даже прерывает сношения с Ним.

Окончательные же Его признания подростку в финале.

Итак, все-таки от *Я.*//

Всегда сообразоваться с этим *последним* планом от 7 сентября.

У меня нет убеждений и правил и Я чуть не погубил тебя, говорит Он подростку в финале. Идея твоя — оставайся верен *своей идее*, или покачнулся?

25 000 положил тетке, тебе для разживы.

Подросток мог иметь Его посмертные воспоминания и прямо выписывать из них.

Его воспоминания. Теперь, когда (год спустя) все кончено, я имею Его тетрадь. Это, кажется, уже *после всего* написано (т. е. в Final'е). Это не что-нибудь целое, а сцены, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, с Лизой, Его беглые заметки, и все бессвязно. Но *это* свидание (с Лизой, про которое он в [за] исповеди пишет, записано целиком, и вот как это было).

Но что же тут задушевного?//

---

* Эта фраза написана внизу следующей страницы.

ВТОРОЙ ПЕРИОД РАБОТЫ НАД СЮЖЕТОМ

8 СЕНТЯБРЯ — НОЯБРЬ 1874 г.

Макар Иванов.
ЛИЗАВЕТА СМЕРДЯЩАЯ.
Тетки — не тетки, а дальние Ему родственницы.
Адвокат — нанятая совесть.
А его уже бог простил — помер.
Изъясняют же иносказательно и возво́дно (метафорически. №) в смысле духовном. И оглушают этим людей несведущих. Об одном только заботясь, чтоб вытолковать что-нибудь, хоть глупое, только свое.
Энох есть закон естественный, Илья закон писанный, а Иоанн закон благодатный (учение беспоповцев).
Утешение в скорбех, обретших мя зело.
Святые целокупные мощи, великое благоухание.
Ими же сам весть судьбами спасет меня.
Пронзила сия стрела мое сердце.
Будучи сам весьма неискусен, как могу научить другого, когда сам ничего не знаю.
О горького заблуждения! О великого безумия!
Якоже присоединил еси иногда Павла, тако и меня приими, господи, окаянного, якоже (некоего) изверга.
И тысящи на четыре имел своих книг.
Стр. 30
* Душа во мне едина; ежели ее погублю, то сыскать другой не могу. Да и время мое, ежели без успеха душе проведу, назад уже не возвращу.
Церкви святой ревнуй и, аще ** позовет время, то и умри за нее, как за Христа ***.
«Куплю дейте, дондеже прииду» (Лука, 19, 13).
И многие богоносные старцы.
Читают и толкуют, а сами все в недоумении пребывают и разрешить не могут.
Ибо, хотя и познал по Писанию, но Писание есть глубина неиспыта́нна.
Царица небесная! ибо какое великое имеет дерзновение у своего сына Христа, бога нашего!
И паче камене ожесточен.
А другому только бы свое.
Не искушай меня, ты еще не враг (дьявол).
Была у них любовь нелицемерная и как единая душа в двух телесах. //

---

* На левом поле: «Сладостно книжно».
** Сверху: «если».
*** На левом поле: «Но однако *все же* слуги, не боги же они, и подобостраст‹ны› и любопыт‹ны›.

Лизавета смердящая. Пошли меня [в] смердящую не в рай к тебе светлый, а в кромешную тьму, дабы и там в огне и муке кричала тебе: свят, свят еси и любы иной не имею.

Матушка Лизаветушка, Лизанька, успокойся.

Протяни ручку, в год по разу, хотя бы раз в одну тысячу лет, ибо люблю тебя * и поцелую.

Молчи, дура, Лизавета, знаю, что любишь, молчи. А я ему: не буду молчать, но до тех пор кричать хочу, что и черти уверуют.

Помолчи, легкомысленная! (Перед причастием: не прошу, чтобы в вечной муке быть. Молчи, легкомысленная, и испугалась, и приняла, и стала кончатися).

И пошли мы поработать господу своему.

А говорит такую небылицу, что и слушать нечего.

А из книг выбрал одни лишь цветочки, да и то по своему мнению.

А и сами не знают, куда бредут.

Ибо открыта (ей, ему, нам) тайна, превосходящая ум человеческий.

И обязаться браком не захотел. (Жены пояти.)

В попрание всем людям предал нас.

Чуждому (скверному) не сообщаемся.

А без бога жить — одна лишь мука.

Избави нас от работы диавольския.

Зависти ради.

** И столько возлюбил господа Иисуса Христа, что и на малое время не хотел с ним разлучиться мыслию.

И получил дар прозорливства.

Все погибли и только каждый хвалит свою погибель, а обратиться к Истине и не помыслит.

И *опасно* соблюдая юность свою.

Чем освящаемся, то же и проклинаем и сами того не ведаем. А делай постепенно, не бросаясь и не кидаясь.

Не боги же они, а такие же, как мы, подобострастные нам человеки.

Да скорби мои и странствие мое (ваше) господь не оставит без воздаяния (молим его т. е.).

Он (т. е. современный человек высших классов) как блудный сын, расточивший отеческое богатство. (Двугривенный действительно получили, но сто рублей за него своих*** заплатили). Воротится (к народу)****, и заколют и для него тельца упитанного.

Люди мирские обязаны семействами и мирскими суетами. //

И без сытости собирают (тленное) богатство.

И живут в послушании и в совершенном отсечении своей воли (и наипаче тверды бывают).

И чувства свои от мирских сует успокоил.

***** См. 253 стран.

Дабы мир был самое прекрасное и веселое и всякой радости преисполненное жилище.

А оставить все сие есть не малый крест и не легкая скорбь.

За жену свою отдает жизнь свою, а за детей своих почти каждый согласится пострадать и умереть.

---

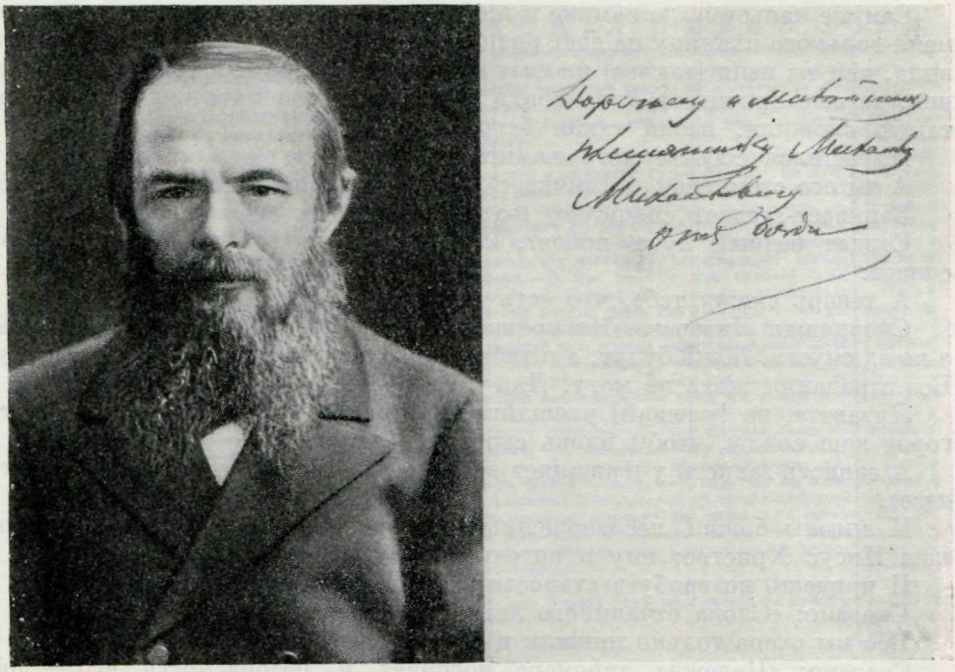
* «Хотя ∞ тебя» — над строкой.

** На левом поле: «и тоже людям они не помогут ибо».

*** Над строкой.

**** «(к народу)» — над строкой.

***** На левом поле: «Познай Христа, что не сделал ничего».



ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография К. А. Шапиро. 1879, Москва

Дарственная надпись Достоевского (на обороте):
«Дорогому и милейшему племяннику Михаилу Михайловичу от дяди»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

А жене оставаться одной как бесприютной ластовице, потерявшей своего супруга (т. е. тяжело).

Ибо остался им должен по естеству (т. е. должен любить).

В тихие и безмолвные пристанища.

Как рыба выброшенная на сушу метался и тосковал.

А мысль сия есть нечестивая.

А ты своего дела *не сдавай* (не прекращай) через всякое малодушие.

Все-то не воздержанные, всякий-то хочет всю вселенную удивить.

Как бы ему вселенну удивить.

А ты перед ним с ноги на ногу ступаешь *, на месте не стоишь, мечешься (точно и сто́ит он того).

Карга — загуменная, ворона.

А еще говорил, чтоб табаку не курить и об том много с печалью и воздыханием внушал.

А тебе ** бы только свою насмешку отсмеять.

Сила войская.

А как у нас говорится: возьми желтого песочку, рассыпь по камушкам (посыпь им камушек), когда желт песочек на камушек у тебя взойдет, тогда и твое мечтание сбудется.

---

* Сверху вариант: «переминаешься».
** Сверху вариант: «ему».

Сам же напьется, да сам же и плачет: матушка моя родимая, зачем ты меня горького пьяницу на свет родила. Лучше бы ты меня на роду придавила, чем ты меня (такого) на свет пустила. (Выходит из кабака голешенек, да еще причитает) (из кабака выходит в чем мать родила). Песню такую сложили, песня такая есть.

И решился собственного капиталу.

А ты его стомчивее (истомчивее). Душа стомчивая. Народ истомчивый.

Запивает-заедает солдатско жалование.

Солдат бедный куда пойдет, солдату слушаться надо, на то он солдат.

А теперь скажу тебе, что есть ребеночек.

Смердящая Лизавета. Не прощай Христос, меня единую не прощай, а во ад спусти. Жечь будут, а я тебя славословить буду, а я любить буду. Без страдания жить не могу. Дай пострадать; подари страдание.//

Лизавета, не [улещай] улещайте ни словами, ни [пр] пирогами, не то город ваш сожгу, чтобы вновь страдание принять.

А зависть-зависть умерщвляет всего человека, зависть с собой смерть несет.

И ангелы божии несовершенны, совершен и безгрешен один бог наш Иисус Христос; ему и ангелы служат.

И придешь ко гробу в старости, как колос к снопу в свое время.

Сказано: «Слова отчаянного летят на ветер».

Все мы вчера только пришли и ничего еще не успели узнать.

Сказано: «Надежда лицемера погибнет и безопасность его — дом паука».

От [меня] человека и право роптания отнято, потому что даже не может и уличать того, на которого ропщет, ибо тайна кругом человека. Что в том, что я буду роптать? Ибо ропща, буду знать, что говорю как бессмысленный и язык мой вертится лишь зря, а что ведь я ничего не знаю, стало быть и уличить не имею сил.

Итак, можно ли оставаться спокойным и не убить себя атеисту? Только тот может жить, который верит, что бог прав всегда (и не может иначе), хотя бы ему и казалось беспрерывно, что в мире неправда. Принимай за искушение и верь.

И погрузят тебя в такую * грязь, «так что самые одежды твои возгнушаются тобою»,— вот что сказано.

Лиза. Хоть бы вы помогли ей (маме), чего вы сидите?

— Сейчас, милая, прости, встал Макар, покачнулся и упал (ноги распухли.

— Ноги-то вон распухли, улыбнулся он, как виноватый. Э-эх!

Лиза была пристыжена. И потом подошла к Макару.

О, если бы вы совсем молчали; это вменилось бы вам в мудрость (Иов, 13, 5).

Пышные слова ваши — как бугры глиняные (там же, 12).

Возревнование в вас первым делом: что ты знаешь, чего бы вы не знали? — вот ваш первейший вопрос.

Невоздержанный и растленный человек, «пиющий беззаконие, как воду».

---

* Над строкой.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ,

извѣстно, о признаніи испанскаго правительства Англіей и Германіей. Если это предположеніе осуществится, то Франція придетъ въ затруднительное положеніе, и какъ ни мало симпатіи „французская республика" чувствуетъ къ „республикѣ испанской", она по всей вѣроятности будетъ принуждена послѣдовать примѣру двухъ монархій.

Г.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Засѣданіе особаго присутствія Правительствующаго Сената 10го іюля, по дѣлу о *Долгушинѣ и пр., обвиняемыхъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія* *.

Введенъ свидѣтель отставной рядовой Ѳедоровъ.

Свидѣтель этотъ говорилъ такъ тихо и невнятно что записать его показаніе во всей полнотѣ не было возможности. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: Свидѣтель вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, крестьяниномъ Щербаковымъ, шелъ изъ Москвы на родину. Дорогой ихъ догналъ какой-то человѣкъ и присоединился къ нимъ. Когда они сѣли отдохнуть, незнакомецъ вынулъ изъ кармана бумагу и сталъ смотрѣть по ней деревни и села. Затѣмъ они отправились далѣе; въ одномъ селѣ, по приглашенію спутника, заходили пить чай, послѣ чего свидѣтель и Щер-

они возвратили ее. Въ среду онъ отвезъ книжку мировому судьѣ, но и тутъ ея не приняли. Послѣ этого пріѣзжалъ исправникъ, который былъ на слѣдствіи; онъ и взялъ книжку.

Товарищъ оберъ-прокурора. Вы сказали что у мироваго судьи книжку не приняли, самъ мировой не принялъ? — Свид. Нѣтъ, я мировому судьѣ не показывалъ, а показывалъ письмоводителю.—*В.* Что же онъ сказалъ?—*О.* Онъ сказалъ что это не важная книжка, что нынче корреспонденціи дозволяются.—*В.* Вы книжку всю читали? — *О.* Всю. — *В.* Почему же вывели заключеніе что она должна быть изъ Польши? — *О.* Во время польскаго мятежа я возилъ Поляковъ, и дорогой они давали мнѣ такія нравоученія что дѣло производится неправильно, что не такъ поступаютъ...—*В.* Однимъ словомъ, въ книжкѣ высказывались такія же мысли какія вы слышали отъ Поляковъ?—*О.* Я видѣлъ съ ними сходство.—*О.* Что же говорилось въ книжкѣ?—*О.* Теперь не могу припомнить.

Подс. Долгушинъ. Но вы вѣроятно помните хотя что-нибудь.—Свид. Что же я могу помнить? Тамъ первое, въ заглавіи стоитъ: „Къ русскому народу", въ слогѣ есть слово изъ Евангелія. Я слыхалъ то же отъ лицъ которыхъ возилъ; они разговаривали нѣкоторыя слова.

Первоприсутствующій. Онъ сказалъ что черезъ годъ содержанія не можетъ припомнить.

ритъ, раз
найдется
везли; в
ситъ, он
раѣ, она
прикащи
Това
въ этой
Я немно
но безпо
Прис
Вы не с
книжка?-
Перв
время бы
стѣ.—В.
дорогою?
Прис
Всю про
много чи
Това
помните
„Русско
Подс
ворите ч
ка божес
такъ что
ся, подт
примѣръ
ственно
что то ч
ляется б
звалъ бо
подсуди

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. ОТЧЕТ О ПРОЦЕССЕ ДОЛГУШИНЦЕВ

«Московские ведомости», 1874, № 180, 14 июля, стр. 3

А в сердце вашем бродят мечты.

Как ветер, развеется твоя слава, и, как облако, пройдет твое счастье. (Вот он счастлив и грозен, чинов достиг, крестов, а умрет — и где он? кто его помянет?).

Пятидесяти лет нет памяти человѣку неотмеченному. //

И умирают (блаженно и тихо), насытившись днями.

Невылазный туман. Невылазное горе.

Насытившийся сладости книжной.

Макар. Христа познай и его проповедуй, а делами пример подавай, и будет незыблемо. Тем всему миру даже послужишь.

Правда, говорит Версилов, Европа ждет от нас Христа. Она нам науку, а мы им Христа (в этом все назначение России).

Макар. Был я тверд и жесток. Тягости налагал и требовал. История схимника с ребенком. Да ведь это херувимы. Не поверил я: что же схимник делал мою волю. (Пал я перед ним. Ушел во гневе. «Знал что придешь»).

Смердящая Лизавета, что ты бьешься, греховная.

— Потому что не хочу спастись, голубчик, в ад хочу, милый, к самим чертям...

— Почему ты не хочешь, безумная, спастися.

— А потому, что принять хочу муки адские...

А я все буду кричать свят-свят, всем чертям надоем. Жечь меня будут, кожу сдирать, а я все буду: свят-свят.

Во сне Христос: молчи, глупая... что ты, Лизанька? так и сказал мне: Лизанька.

Стала кончаться: больше всех виновата, в беспорядке моем виновата.

Было сие в городе Афимьевском. Прожил я тогда по болезни долго...

— Мальчик с канарейкой утопился. Да что же вы рассказываете, чего вы любуетесь? все беспорядок, а еще про порядок говорите: сами против себя говорите.

— Не любуюсь я тому, голубчик, но все принимать должно с трепетом сердечным. Увидишь хорошее — возрадуешься, злое — всплачешь в душе своей—и то, и другое [полез] хорошо и полезно душе. И в том и в другом создатель велик. И почему ты узнал так пути его?

— Тверд будь, человек, не смущайся ничем.

... Что к дурному идет. Хоть и * идет и предсказано так для последних дней, но ты ни колиждо не верь, а делай так, како бы к славе шли. Проповедуй Христа словами, пуще делом. Тверд будь, человече, и спокоен, не смущайся ничем. И будет жизнь твоя к славе божией.

Пуще всего собственным делом служи. Нет сильнее, когда собственным делом укажешь, и не смущайся, что не все али мало совершил, ан оно все ко благообразию общему послужит.

— Послужит ли?

— Как не послужить. Чем и живет человек, как не добрым примером.

Макар. Освяти себя, всем послужишь: миру светя.

** Урок житию моему приспел.

Чужой беде не радуйся. (Церковь божию не обижай).

— Невозможно и быть человеку ***, чтобы не преклониться. Не снесет себя без этого **** [такой] никакой человек и не то, что это ***** и так уж с тем создан. [А] А и бога отвергнет — поклонится идолу сребряному ****** иль златому или мысленному. Вот они все ******* какие безбожники! Идолопоклонники, а не безбожники. И все на свете ********.

— Стало быть, нет безбожников.

— Есть, голубь, должно быть есть, только я не встречал. //

— В ем гущина, а дух Его не спокоен. Всю жизнь. Так дано ему. Кому это дано. [Это]

— Это дается?

— Да; благолепие (т. е. чувство благолепия).

И вот, сколько я заметил, все и повсеместно живут люди скучно.

Как бы все, как Христос,— было ли б голода?

И все таковые люди — одна лишь нечистота.

Лизав⟨ета⟩ Смердящая: прости весь ад и всех грешников прими к себе, а меня одноё вместо всех оставь мучиться, и оставит одноё (из любви). Мало тебе блаженства! Сатана отступится.

---

* Над строкой.

** На левом поле: «Да ведь все про безбожников говорил. Какие уж это безбожники. Где им. Окромя того, что».

*** Сверху: «всякому».

**** «Без этого» — над строкой.

***** «и ∞ это» — над строкой.

****** Под строкой: «каменному».

******* Над строкой; под строкой вариант: «это все».

******** «И ∞ свете» — другим пером.

Не боюсь Сатаны.
Ну Лизанька, поди, помучайся.

Стал человек, не прошу (долга) потому, что любит, и не знает человек, по какому побуждению он стоит на своем.
* А слышал так, как сказал один [грех] древний святой: «Чем ближе подходим мы к богу любовью, тем грешней себя чувствуем». И поверь друг [м], что и обратное тому **, стало *** быть, быть должно ****: чем дальше мы от бога сердцем и умом нашим, тем праведнее себя самих почитаем.

«А кто не хочет трудиться, пусть тот и не ест»,— сказано прежде (Нил Сорский).
Лизавета: И не ем, а и не ем.

Помилуй, как сын божий, царь всех веков.
О характере Ламберта.

У Макара Ивановича умилительные воспоминания про детство Версилова, про то, как *маму* на ножках учил ходить, в лес носил.

Лизав⟨ета⟩ Смерд⟨ящая⟩. Молчи, чудна́я.

Сажали и в сумасшедший дом, прибил родствен⟨ник⟩ купец — поцеловала ногу ему.
На вострой соломке лежит.
Лизанька моя, Лизанька, поганее нет тебя.
А и много ж ее били, матушку.
Сидит, в рубаху соломинкой тыкает, а то вдруг в сердце войдет, закричит.

Тут у меня градусы-то маленько из головы повышли (отрезвился).//

8 сент⟨ября⟩
Особый план.
***** Подросток из Москвы. Видит все семейство: мать, старш⟨его⟩ брата перед ⟨нрзб⟩, Олю и маленького мальчика. Все незаконные, а отец 50 лет женился на молодой родст⟨веннице⟩ ст. князя. Сцены с ребенком у ст. князя, тетки и проч. Объяснение с отцом, бриллианты. Осведомляется о княгине Он. *Он* женился в провинции, но, когда увидел опять княгиню,— возгорелся страстью и мщением. Оля отдается м. князю. Княгиня боится Его: документ. Жена Его, узнав страсть Его к княгине, бросает Его. Подросток и Ламберт и заговор против княгини. Подросток идет к отцу и стыдит его. Мирит с женой. Молодой князь женится на Лизе. Подросток бросает свою идею. Подросток, будучи у отца на посылках и шпионом у княгини,— влюбляется в нее. //

НОВАЯ ИСТОРИЯ.
****** Макар Иванов умер. [А] Жил почтительно. Сбирал после 19 февраля на храмы божии. Зашел в Петербург умирать и умер в семье. Семья из

---

* На левом поле: «Кирилл Белозерский».
** Сверху: «несомненно».
*** Снизу вариант: «надлежит».
**** Под строкой.
***** На левом поле: «На память».
****** На левом поле: «Старинный дворовый».

жены — 37 лет (NB. Все была красавица, но 8 лет назад, с последних родов маленького болезненного мальчика, ее [быст] вдруг скрючило), из подростка, из Оли 17 лет, из восьмилетнего болезненного мальчика. Все они дети Его и Макар Иванов был муж на подставу.

Подросток воспитывался у теток, потом в гимназии, вышел; *своя идея.*

Ст. князь — весь подчинен Его влиянию и боится Его.

Он — промотавшийся барин хорошего рода (Брусилов).

Подросток знает свою историю и едет с затаенным гневом — мстить своей идеей.

У [Того] Него бедные родственницы ([тет] так называемые тетки подростка). Они лишились Андреева. [Чрезвы] Чрезвычайно уважают Его (шьют и не на Его руках). Нежные, но осторожные и как бы все с чего-то пугливые сношения с семейством Макара Иванова.

[Княг] Генеральша — вдова генерала, дочь князя 26 лет.

Молодой князь (не родственник) 28 лет (Голиц⟨ы⟩н).

Он с полгода назад имел было странное влияние на холодную идеалистку [княгиню] генеральшу. NB. Ст. князь мог бы жениться.

Проникнув Его намерение жениться на ней, выгнала Его с позором.

Он вдруг вызвал к себе семейство из Луги * (немного позже как снег на голову явился Макар Иванов и умер). Подросток застает деспотизм в семействе, раздирание рта и проч. Но семейство все трепещет. Один подросток взбунтовался и увел маленького брата. //

Он терпел, но не мог долее, а вдруг воспламенился яростию, когда услыхал, что генеральша выходит за князя.

Отдал между тем 200 000.

Узнал, что княгиня посещала семейство **.

Подросток возненавидел княгиню, обижен молод. князем. Бриллианты.

Княгиня боится документа. Подросток отыскал документ. [Он переслал ей документ].

Рубит образа ***.

Последнее свидание. *Он* с документом в руках сначала угрожает, потом разорвал документ, потом хочет насиловать. Подросток спасает и Его, и княгиню. Между тем Лиза отдалась молод. князю. Утопилась. *Он* в отчаянии, а генеральша разорвала с князем. Мальчик не перенес смерти Лизы и утопился. *Он* хочет жениться на Макаровой, та отказывается. (NB. Замечательно, что Макарова была Его другом и советником). Макарова вдруг померла. (Подросток арестован). Мальчик остался с Ним и утопился. (К Лизе). *Он* в монастыре повесился ****.

Замечание. Тут выработать эпизод насилия. Вот как это сделалось: после отдачи 200 000 и проч. княгиня холодна. Тогда угроза письмом, ибо письмо найдено. Княгиня отвечает тем, что Его выгоняет ст. князь. Свадьба с молод. князем. *Он* в бешенстве от такого презрения и (психология) предлагает руку Макаровой. Та отказала (была советчицей). В тот день рубка образов. Между тем неслышно происходит роман Лизы. М. князь не знает, кто она такая? В отчаянии от комического своего положения Он соединяется с Ламбертом. Подросток спасает.

---

* «Из Луги» — над строкой.

** «Узнал ∽ семейство» — между строк.

*** «Рубит образа» — между строк.

**** По всему абзацу линия, как бы зачеркивающая.

СТРАННИК
Картина маслом
В. Г. Перова, 1870
Третьяковская галерея,
Москва

Он подавлен своею низостью. Тут обнаруживается роман Оли. (Подростка арестуют). Мать умирает с горя. Княгиня разрывает свадьбу. *Он* подавлен горем, остается один с мальчиком. Мальчик топится. //

Он рассуждает так. Она боится, что ст. князь лишит наследства, у ней ничего. Тогда молод. князь ее бросит. К тому же она уверена, что документ истреблен. Уверена, главное, потому, что Он сказал о документе и о сумасшедшем доме ст. князю. Но ст. князь спросил документ и, когда Тот сказал, что ⟨документ⟩ затерян с Андреевым,— выгнал Его. После этой-то низости Он и предлагает руку жене. (NB. Он вдруг убеждается, что княгиня страстно, безумно любит молод. князя. Наконец, открываются Его глаза. До тех же пор у Него была теория, что это только la haine dans l'amour. Подросток, несмотря на то, что он сын своей матери, ужасно Его слушает, т. е. *до того* с ним сдружился. То отвращение, то тянет к Нему). После того рубка образов. (Неслышно роман Лизы).

Ламберт от подростка узнает о существовании документа и говорит Ему. Входят в союз. *Он* рассуждает так... (и хочет ей отмстить насилием и скандалом перед свадьбой ее). Тогда подросток видит, до чего это зашло, и спасает княгиню. Но спасает внезапно, ибо сам был в заговоре,

хотя и трепеща *. Дело в том, что он *ненавидел* княгиню, *терпел обиды* от молод. князя и, презирая Его, смотря свысока, все-таки любил, потому что простил (после сцены с Сушаром).

Кроме того, вместе *ненавидели* княгиню. Подросток еще более ее возненавидел, прозрев, что Он под видом ненависти влюблен больше прежнего. И вдруг [он] сам почувствовал, что влюблен, отплевывается. Целомудрие,— и безобразная мысль, что соперник отца **.

Когда подросток нашел письмо, то в нем впечатление // Унгерн-Штернберга. То хотел ее придавить, то ей послать, то, найдя это подлым (ибо почувствовал, что тут любовь его),— хотел было Ему отдать. Но не успел и испугался, узнав, что Он уже донес ст. князю и выгнан.

*** *Он* после того уверял подростка, что если б она только увидала документ, то ноги бы стала лизать. Сказал между прочим подростку, что Он, во всяком случае, на ней не женился бы, да и не может теперь. (NB Узнав о романе Лизы, донес ей. Получил насмешки, и брак был назначен). Тогда Он посоветовал Ламберту, узнав от того, что есть письмо, переписать его содержание и послать от тетки и вступил в заговор. (Изнасиловать накануне свадьбы).

Ламберт стал было соблазнять подростка 30 000 и е⟨..⟩ Подростка волнует и мщение и любовь. Но узнав всю махинацию и (от Ламберта), что Он просил Ламберта скрыть от подростка, что Он в заговоре участвует,— испугался, постиг подлость, но тянуло его как бы зажечь деревню. *Он* хотел увидеть собственными глазами подлость княгини, подлость знати.

Но спас княгиню, ибо она держала себя бесподобно. (NB. Тут преступление и цинизм подростка, а кстати — жажда силы. Документ же есть искушение приложить силу. 30 же тысяч он, не колеблясь, хотел уступить Ламберту. ⟨...⟩ же ни одного мгновения не было в его голове и Ламберту не дал). [Но] Княгиня заболела после того, но, узнав от подростка смерть Лизы, увидав отчаяние м. князя и убедившись, что тот женится на ней насильно,— гордо разорвала.

NB. Роман Оли непременно должен произойти *после* заговора Ламберта.

Ламберт страшно откровенен, какое-то необыкновенное *простодушие* злодея, и не подозревающего, что могут быть честные люди ****. //

Характеры.

Ст. князь. Был полтора года назад в разжижении мозга. Выздоровел, но не вполне оправился. Ему страшная обида, если кто заподозрит его в идиотстве. Вот почему он и проклял бы дочь, если б узнал, что она его в сумасшедший дом. Лишился мест. Бросился с своими капиталами в обороты (что дало повод княгине говорить, что Он крадет).

Затем Он — старый барский тип. Драгоценные черты скептицизма, благородства, неверия, ленивого ***** атеизма, лени ******, либерализма, деспотизма. Над всем страсть, хищный тип. Но страсть, прибежище к христианству (третий год проповедует евангелие, говорит ст. князь). NB (Ст. князь стал ужасно остроумен именно со времени разжижения). Тайный атеизм и деспотизм в семье. Почти то же, что и в *прежнем романе*. Так *застает и подросток*.

---

* На левом поле: «Сам влюблен, отплевывался ненавистник женщин».
** «И ∽ отца» — другим пером.
*** На левом поле чуть ниже: «Ст. кн.»
**** «NB. Роман Оли ∽ люди» — на левом поле.
***** Над строкой.
****** На левом поле.

Оля — ангельский тип. Запуганные. Испугалась, что м. князь посватался. Но страшно польстило ей, была счастлива. Отказалась, утопилась*.

Мать. Русский тип (огромный характер) и забитые и покорные и твердые, как святые.

Макар Иванов. (Русский тип.) Он дивится.

Подросток как был.

Долгушин и проч. Васина — очень мельком.

Свою квартиру надо, пожалуй.

Но *своя идея* слишком упорна.

Задача лишь: кто герой? Подросток или Он. //

Молод. князь Гол⟨ицын⟩ очаровател⟨ен⟩, тоже 24 года.

NB. Сильнее о своей идее — и сильнее о проповедуемом христианстве Им.

Оля испуганная, потому что Он испугал ее в детстве, потому и окружил попечениями. Нанимал гувернантку швейцарку. Ездили за границу. Венеция, храмы, в храмах страшно.

Легенда. В Луге] старая родственница старого князя, небогатая, но независимая. Под ее покровительством жили в уединении Макаровы. В Луге молодой князь узнал Олю. (Но не узнал чья она дочь). В Петербурге, встретив ее, прямо спросил: «А вы здесь». (NB. Молодой князь сам беден, но имеет в Петербурге успех). Познакомился. Долго *щадил*, и, наконец, беременна.

Он узнал беременность (тем что послал м. князю вызов, так, из ярости за княгиню. Вызов смешон, разница в летах. В это время князь уже знал (через теток) все тайны Макаровых. Князь от дуэли отказался и признался Ему, что виноват перед Его дочерью) **.

Тогда Он воспылал намерением заставить м. князя жениться на Оле. [По этому-то поводу первый разрыв с ст. князем. Но достигнута цель: Он уязвил на смерть генеральшу]. [Но Он не для генеральши]. *Он* для дочери. [В это-то время является Макар и умирает]. Оля видится с м. князем. Расспрашивает о княгине: любите ли вы их? Молод. князю жениться на ней невозможно, а жалко ужасно. Оля утопилась (ходила к княгине и *успокоила*). Княгиня разрывает с м. князем. Молодой князь отказывает сам княгине ***. Мать умирает с горя. Подросток арестован. Скоро освобожден. Мальчик утопился.

Возится с отцом и проч.

Макар еще вначале. После Макара предложил жене руку. В тот же день — [Макар еще вначале] р⟨убит⟩ образа. В это время состоялся заговор Ламберта. Княгиня больна. Но Он вызывает в ярости молод. князя. Молод. князь, потерянный, говорит Ему об Оле. И тут то Он узнает про Олю, но *не раньше.*

Молодой князь украл образа, был судим и помилован, потом поднялся стараниями молодого генерала.

Прокутил свои 70 душ.

---

* На левом поле: «выйти можно, любить не будет. А тут никогда-то не попрекнет и вовек пожалеет».

** По всему абзацу проведены две линии, как бы зачеркивающие.

*** «Молодой ∞ княгине» — между строк.

Bon jour, papa le grand *.

Был у Сушара только взрослым.

Подросток спрашивает м. князя при первом свидании о Сушаре. Тот его не понял и забыл. Искренно. В вагоне ехал. Говорит его историю тетке. «Ненавижу!» ** //

Так было: Оля водилась с молод. князем до тех пор, пока узнала, что он жених генеральши. Тогда разорвала, без негодования. «Вам иначе, может, и нельзя было» ***. Ходила в [мон] Казанский. Засела дома, боясь шевельнуться, увидеть князя. М. князь между тем заискивал, тосковал, был у теток, писал. Узнав, чья она дочь, не принял вызова Его, посланного в безумии (гораздо до сцены с Ламбертом). Подросток приезжает именно, когда Лиза зачала. Сцена его с м. князем. М. князь даже заискивал. Странное впечатление. С своей стороны, генеральша тоскует и ревнует, видя м. князя изменившегося, то с порывами любви, то почти пугливой холодности. Княгиня узнает о Лизе от молодого же князя. После сцены с Ламберт⟨ом⟩ разрыв с молод. князем, а *Он* узнает, что Лиза беременна. Хочет убить молод. князя. Но Лиза утопилась и т. д. В промежутке Макар. *Его* предложение жене. Рубка образов. Мать знает давно уже о беременности Лизы ****.

Форма, форма! (простой рассказ à la Пушкин).

NB. Макар.

Макар потрясает всех своим появлением: подростка, семью, но особенно Его. Расстроенный нервно, Он вдруг делает предложение жене. После того рубка образов.

NB. Дурак остановился там, где нанял квартиру подросток.

NB.NB. Сперва определить о своей идее и о характерах, а потом план всего романа событие за событием. //

9 сентября.

ОПЫТ ПЛАНА ОДНОЙ 1-й ЧАСТИ.

В вагоне. Тетка и подросток. NB. Подросток видел тетку мельком, и они сошлись брать билеты. Если Ламберт, то и дурак тут же. Тетка говорит с дураком, что она знает княгиню *****. В вагоне у подростка с теткой разговоры и споры о Христе, о фру-фру, о том, что горжусь, о том, что бегал с студентом университета. Удивил тетку познаньями о ст. князе, о генеральше, но все извращенно. Мрачен, но 20 лет сказывается ******. Очень жаль было, что высказался тетке *******.

Своя идея. Кто таков Брусилов, солдат в вагоне, 25 апреля. Сомнение, о матери. Ан мать-то тебя видела.

Приехали в квартиру теток. Не хочу к матери, а она тут же. Сцены.

Представить иль не представить его Ему.

А он ушел к Вите, на рынок, к Долгушину. Васин. У Вити непременно о Ламберте. Ламберт волнует его ********.

---

* Здравствуй, большой папа (*франц.*).

** «Макар еще вначале. ∽ Ненавижу» — на левом поле.

*** «Вам ∽ было» — на левом поле.

**** «В ∽ Лизы» — на левом поле.

***** «Тетка ∽ княгиню»— на левом поле.

****** «Удивил ∽ сказывается» — на левом поле.

******* «Очень ∽ тетке» — между строк.

******** «У ∽ его» — на левом поле.

СТАРАЯ РУССА. ДОМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО НА НАБЕРЕЖНОЙ РЕКИ ПЕРЕРЫТИЦЫ
Фотография 1929 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Пришел домой в 8 часов. *Он* не обращает на подростка должного внимания *. Сцена. Нагрубил. Разрывание рта. Погнал из дому **. Ушел сам. Мальчик, испуганный, выбежавший уже на улицу. Свел к Васину. Даже с радостию, желая отмстить. Нет, у меня было только одно сострадание! *Мы оба хотели бежать* ***.

У Васина. У Васина все, вся исповедь, но не идея. (Мальчик, спрашивая Олю, заснул.) Заснул и подросток. Васин дал знать дома. Пришла мать.

Подросток пошел нанял квартиру. Васин просил не ходить ****. Пришел к теткам. В темной комнате. Подслушивает против воли. (У тетки генеральша). Письма. Смятение у тетки, что он слышал. Просил тетку сказать Ему, чтоб избавил от себя, что не надо и места. Был у матери, чтоб *ребенка навестить*. Лиза. *Они* теперь все простят.

После просьбы не приходить он пришел и у теток стал писать отцу письмо, прося разорвать сношения. Вошла княгиня. Подслушиватель поневоле. Письма *****.

Возвращается домой (история с девкой, что-нибудь на улице). Дома застает ждущего Его в разговоре с хозяином квартиры. Объяснения. *Он* обвораживает его. К тому же подросток сильно потрясен и измучен. Об Васине (об социализме). Узнает, что Васин рассказал детство. С жаром свою идею. Ce n'est pas si bête ******.

[Ce] Обещали пойти к генеральше. Пленен ею. [Не знает еще, что отец п⟨одлец⟩]. Он уходит задумчивый и раздавленный.

---

* «он ∽ внимания» — между строк.
** «Разрывание ∽ дому» — между строк.
*** «Даже ∽ бежать» — на левом поле.
**** «Васин ∽ ходить» — над строкой.
***** «После ∽ Письма»— на левом поле.
****** Это не так глупо *(франц.)*

Подросток [утром пишет письмо, идет к] засыпает, проклиная, что сказал идею.

Он проклял и разорвал. Подлость. Проклятие. Пошел домой. Один. Своя идея. Случай в дороге с девкой. Потрясен *. //

1-я часть

Все это страшно подействовало на подростка (Он болтлив). Но до этого разговора, возвратясь домой, он нашел его с чиновником об камне и подивился финтифлюшкам. //

Смутно ему. Но проснулся и отправился в дом князя.

2-я часть

На другой день я отправился к князю, князь и генеральша. A jeune homme** под конец разговора (о том, чтобы ст. князю жениться). Молод. князь его оскорбляет (не утерпел, подошел: вы знали Ламберта?). Княгиня пошепталась об нем с ст. князем, ушла с фырканием. Подросток возвращается, чтоб бросить все и удалиться. Встречает на улице Лизу. Краткая встреча. Луч солнца. Первый раз узнает Лизу. NB. Сочинить сцену ***. Генеральша, вышедшая из кареты. Странное ощущение. Поклялся мщением.

Воротился домой, зная, что Он будет расспрашивать о генеральше. Но Он не расспрашивал. Объявил, что не пойдет к ст. князю****. Тут на квартире лгуна. Подросток удивляется, что Он такой мрачный, развлекается такими глупостями. Финтифлюшками занимается. Набрасывается на Него за это. ***** Подросток в раздражении о христианстве, тут именно проповедь христианства и о своей идее. Об Васине, о социализме. Будущее, о Васине и о своей идее. У матери не был. Жалобно. Пошел по всем по трем. В падении мерещится Лиза ******. Сцена на квартире с хозяином и хозяйкой.

На третий день хочет вызвать на дуэль. Дерзкий отказ. Бриллианты. Она обвиняет. Ушел. Погибал. На квартиру пришел поздно. У него ждет м. князь, сказал ему, что бриллианты улажены и что уже получил вызов от Него. Просил сходить к Нему. Он дома ******* («Вы не знаете!», т. е. о Лизе). Он покраснел. [ск] Отвечать не хочет, мрачен и раздражен. Говорит, что был у ст. князя и уладил о бриллиантах.

[При] Пришествие Макара. Вся история о Макаре. Смерть его. (Подросток поражен ужасно). После смерти Макара Он приходит с новой исповедью, нежностью, проклятиями, о княгине, о страсти, о письмах, (у Андреева). Идея письма Андреева********, письмо. Между тем ст. князь расстраивается. С хозяином история — смерть ребеночка. Мучение подростка, что письмо так на него действует. Познает, что влюблен, поцеловал след княгини.

Встреча с Васиным. Васин об Нем. Сошлись и поговорили.

Мать пришла: Что нейдешь к брату, зовет тебя. Мать очень грустная.

---

* «Он ∽ Потрясен» — на левом поле.
** молодой человек (*франц.*).
*** «Луч ∽ сцену» — на левом поле.
**** «Объявил ∽ князю» — на левом поле.
***** «Тут ∽ за это» — на левом поле.
****** «Пошел ∽ Лиза» — справа на свободном месте.
******* «Он дома» — ниже строкой.
******** Над строкой.

[Лиза вдруг приходит к подростку и спрашивает, правда ли, что он любит княгиню.]

Молод. князь говорит, что Лиза нейдет за него. Разорвать хочет. //

№. Роман Лизы подросток знает гораздо раньше Его. Ему не говорит. Хотел было разорвать молодого князя, но ему подчиняется. Мрачнеет, находит, что всё низость.

Сведения об отце, генеральше, ст. князе подросток узнал от Ламберта, [за] кутившего [с ст.] в одно время с молодым князем.

От *Я* непременно, наивнее и прелестнее, хотя бы безо всякой морали.

История.

10 сентября!

Про смерть матери рассказала тетка по выходе подростка из-под ареста. Непременно так сделать, что подросток при смерти матери *не* присутствует.

Или так сделать, что мать умирает при нем.

Его арестуют, а через четыре дня, в день погребения, воротясь, застает, что мальчик исчез. Сыскали мальчика. Тетка советует на 25 000 купить деревню и везти туда обоих. Подростку хочется учиться. Мальчик сдружился [год спустя] с идиотом. Ходят вместе. Уехать в деревню!

№. [об] О продолжении учения много раз поминал и Он в продолжение романа, и Васин. Решают учиться.

На душе смутно. Я никого не хочу видеть. Тетка, Он и мальчик. Я экзамен-то, однако, выдержал. Луч солнца. А батюшка, еще жизнь так длинна! (слова тетки).

Если от *Я*, то, если близко (3 месяца), то рукопись должна носить следы некоторой неосмысленности.— Если подросток уже выжил этот период, то при осмысленности — потеряется наивность.

От *Я* наивнее, несравненно оригинальнее и в уклонениях от ровности и системы рассказа даже прелестнее.

М. князь по суждениям подростка и все сцены с Лизой выйдут оригинальнее под пером подростка. От *Я*, от *Я*, от *Я*!

Если же от автора, то необычайно трудно будет выставить перед читателем причину: почему подросток герой? и оправдать это.

Начать без всякого предисловия — оригинальнее, и только где-нибудь спустя, в последующих главах: все это случилось год назад, конечно я теперь не таков и т. д.

Еще* в 1-й главе: [читатель] можно подумать, что я пишу глупости, но это очень серьезно и, главное, я не пишу ничего лишнего, а это очень необходимо — даже этот дурак, ибо он будет играть со временем роль **.

В Final'е же: подробное описание, как он спасал ребенка со всеми ужасами, и потом, как помирил без малейшего намека на цель жизни и проч.

От *Я* — решено и подписано. И что бы ни было. Но пишущий теперь — год спустя.

Это в каждой строчке иметь в виду ***.

---

* Исправлено из: «может».

** «Еще ∞ роль» — другим пером, между строк.

*** От *Я* ∞ в виду» — на левом поле.

Мы поселились *уединенно* — две тетки. К матери на могилу. Я думаю, что тетка права, советуя в университет. 25 000.

Луч. Все мельком и значительно. А теперь кончу, теперь другие занятия. Моя идея *. // Или не взять 25 000. Тогда служить.

Подросток попадает в действительную жизнь из моря идеализма (*своя идея*). Все элементы нашего общества обступили его разом.

Своя идея не выдержала и разом поколебалась. Оттого тоска. Идея. Это настроение яснее высказать читателю **. Но по мрачности и мизантропии побежденным себя не считает, смотрит свысока. Всех обвиняет и решается пойти против всех законов. (NB. Когда Макар умирает, он прослезился и целовал у него руку; а в сцене матери и Лизы упрекает их в рабстве).

Окончательно закружился. Сцена с княгиней. Мрачная сцена с ногой Ламберта. Арест. Сцены из-под ареста уже с новым настроением.

В романе все элементы. Цивилизованный и отчаянный, бездеятельный и скептический, высшей интеллигенции — Он.

Древняя святая Русь — Макаровы.

Святое, хорошее в новой Руси — тетки.

Захудалый род — м. князь (скептик и проч.).

Высшее общество — смешной и отвлеченно идеальный типы.

Молод. поколение — подросток, лишь с инстинктом, ничего не знающий.

Васин — безвыходно идеальный.

Ламберт — мясо, материя, ужас — и проч. //

Моя идея, вижу, не осуществилась, но идея осталась. Написав это, заключаю тем, что уже более писать не буду по крайней мере лет пять. Посвящу обучению. А там через пять лет перечитаю написанное и *** проверю себя. В 5 лет определится и о моей идее.

Может быть, ненужно ****.

ОКОНЧАТЕЛЬНО. Лучше *без малейших* объяснений и оговорок, а сказать только про год назад.

NB. В Final'е. Я хотел сказать, чтоб не брать от князя денег, но промолчал. Тетка только поглядела на меня.

О фру-фру. *Тогда* я был так настроен.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ.

Тут были все элементы общества, и мне казалось, что мы, как ряженые, все не понимаем друг друга, а между тем говорим на одном языке, в одном государстве и все даже одной семьи (NB. Тут и точка. И переход к другой главе. Отрывисто заключить. Все писать отрывистее).

БЕСПОРЯДОК. //

От *Я*, от *Я* — 12 сентября.

---

* «другие ∽ идея» — в стороне под круглой линией; рядом запись: «12 сентября ездили к Спасителю».

** «Идея. ∽ читателю» — на левом поле.

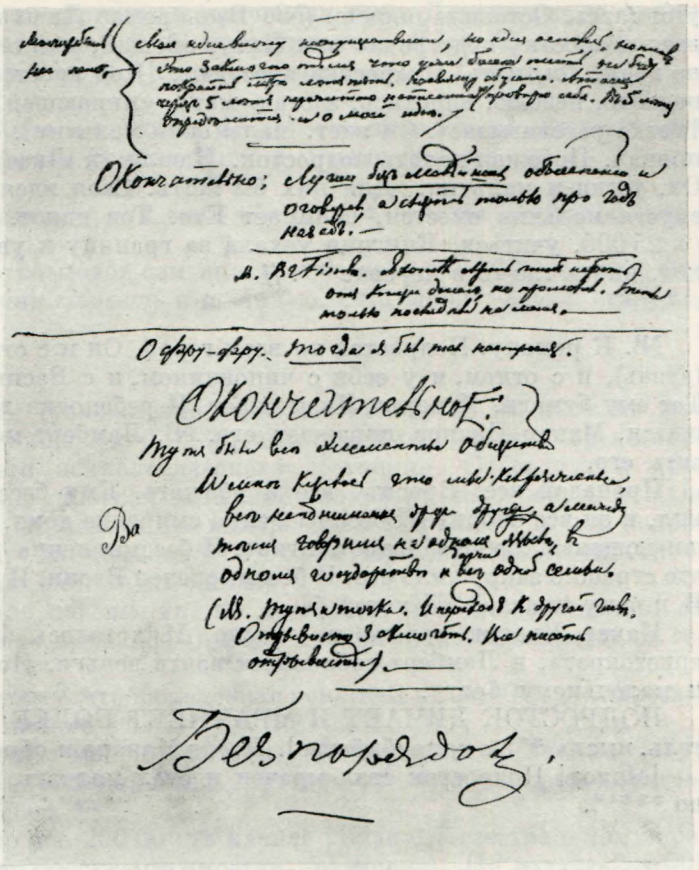
*** Над строкой.

**** «Может ∽ ненужно» — на левом поле.

ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 9, л. 172

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва



Подросток дивится подлости, проклинает весь мир. Самого мучает идея о письмах. Васин и хозяин. Подросток думает о самоубийстве. Крафт застрелился (Васин же пришел внезапно, чтоб отдать бумаги). Все арестованы. Ламберт увлекает его. Письмо. Отец доносит ст. князю о письме. Прогнан. Делает предложение жене, рубит образа. На другой день говорит подростку, что если б документ, то ноги бы лизала. Хочет отмстить ей. Я не [хоч] женился бы на ней никогда *. Сам не говорит подростку, что отмстить хочет, но тот видит. Подросток про отца: Он решительно ко мне привязался. Подросток в страшном волнении. Хозяин сжег жену. Ламберт и Andrieux. Ст. князя к Andrieux. Оба расплакались. Отвратительная сцена, потрясающая нервы. Не выходит. Ламберт говорит что из этого идиота ничего не выйдет **. [Подросто] К чему весь этот свет! восклицает подросток. Подросток открывает Ламберту о письме. Лиза. Какая-нибудь отчаянная сцена между ним, матерью и Лизой ***. Мать: Носи. Подросток: Э, пропадай все. Сила, зажечь, вдруг узнает, что Он в заговоре с Ламбертом. Сцена насилия, убивает Ламберта, княгиня. Княгиня уже узнала роман Лизы. Подросток узнает об этом. Дома Лиза

* Против слов: «Подросток ∽ никогда» — на полях слева: «История Ламберта пропущена. Смерть ст. князя пропущена».

** «Оба ∽ выйдет» — другим почерком у правого края.

*** «между ∽ Лизой» — над строкой.

утопилась. Оставила письмо. (№. Весь роман Лизы или князь рассказывает подростку подстрочно или Лиза: прощай, мой сокол). Лиза вынутая из воды. *Он*, мать. Подростка арестуют. [Под арестом подросток пробыл недолго, неделю, воротясь, застал мать умирающей] *. Из-под ареста. [Тетка рассказывает. Он идет. Маленький мальчик]. Маленький мальчик пропал. Побежал искать подросток. Нашли (к Лизе). Привел мальчика. Он, тетки и мальчик. Для них бы жить. Своя идея прочь. Три месяца спустя мальчик смеется, обнимает Его. Тот идиот. Плачет.

25 000, учиться. Княгиня уехала за границу и увезла ст. князя. Молод. князь где-то в деревне **. //

№. К роману. Подросток во всем герой. Он и с ст. князем, и с молод. (дуэль), и с отцом, и у себя с чиновником, и с Васиным про свою идею. Тот ему бумаги. И роман Лизы знает. И ребеночка любит, с матерью сошелся, Макар Иванов поражает его. №. Ламберт может особенно поразить его.

Пропадай все. Бросить все и убежать. Ему бессмыслен Он, хотя и мил, и он все спорит. И бессмысленно смирение дома. И бессмысленна начинающаяся любовь его к княгине. И бессмысленна и шатка своя идея, что страшно закружило его. И бессмысленен Васин. И ужасен роман Лизы. И к чему правда? [И хотел б]

Макар Иванов поражает ужасно. И хотелось бы видеть унижение аристократа, и Ламберт соблазняет взять деньги. Но до болезни любовь к маленькому брату.

ПОДРОСТОК ДИЧАЕТ И МРАЧНЕЕТ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ. [Мечтатель, мысль *** о самоубийстве]. После Макара и образов особенно ****.

[Молод] Подросток стал мрачен и стал молчать. Без Ламберта можно *****.

Ламберт (без дурака). Ты спроси 30 000 и е⟨..⟩ Тот на счет е⟨..⟩ думает. Думает вообще о всей сцене унижения, потребность поджечь — отмстить за все, об 30 же тысячах думает свысока, мечтая предоставить Ламберту. Желание поджечь. Но Ламберт обманул его и предался Ему. Тот проникает ⟨в⟩ заговор в самое последнее время. Может быть, Ламберт только с ним, а без Него, но Тот все знает.

Дурак, впрочем, нужен. Ламберт убил его ******.
Думать, а 1-я часть хороша *******.

[Не от *Я* ли?]

Тон таков. Рассказ, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, Его отношений к княгине... Они расстались врагами, и вот в каком положении застал дело подросток и т. д., т. е. à la Pouchkine — рассказ обо всех лицах *второстепенно*. *Первостепенно* лишь о подростке, т. е. поэма посвящена ему. Он герой.

---

* Вся зачеркнутая фраза на левом поле.
** «25 000 ∽ деревне» — на левом поле.
*** Над строкой.
**** «После ∽ особенно» — между строк.
***** «[Молод] ∽ можно» — на левом поле.
****** «Дурак ∽ его» — на левом поле.
******* «Думать ∽ хороша» — на левом поле.

Все это действовало страшно и мрачно на него. Довело его до любви к княгине (втайне от отца) и до преступления. *Идея.* Т. е. подросток презирал всех за виновность и сделался *сам виновен. Спасен* от суда.

Мальчик, может быть, не утонул. Подросток находит его. Вытаскивает из воды. Остается вдвоем с мальчиком и с помешанным отцом.

А буду пока трудиться для этих обоих; вот занятие. Буржуа буду.

Молодой князь отказывает сам княгине. У него 200 000, которые ему уступил Он. У княгини *страсть* к м. князю. Он говорит: вдова, старуха, безумие. //

13 сент⟨ября⟩.

Поправка в плане (усложнение сюжета). Семейство им вызвано как нравствен⟨ное⟩ (убежище), т. е. чёрт знает зачем. Т. е. именно из волнения и страдающего психологического состояния. Отвергнутый прошлого года гордой идеалисткой княгиней только из подозрения, что Он любит ее не для нее, отвлеченно, и намереваясь женитьбой на ней поправить обстоятельства, Он помолвил⟨ся⟩ с падчерицей князя, сироткой. (NB. По предложению самого ст. князя) *.

Генеральша боится завещания, но достигает, что князь отделяет ей в другой раз огромное приданое (первое приданое покойный муж ее генерал прокутил).

Боится письма потому, что нашелся же документ на 200 000 у Андреева, могло найтиться и письмо **.

Она помолвила⟨сь⟩ с молод. князе⟨м⟩. *Он* осуждает 26 лет старух⟨у⟩ с 27-летним, а он, т. е. молодой князь, нигде не на службе и проч. Страсть, был обвинен за образа ***.

Он отдает, однако же, 200 000 (в начале романа. Известие о том поражает приехавшего из Москвы подростка чрезмерно). Но отдача 200 000 не производит никакого впечатления на княгиню, кроме насмешек. Княгиня смеется над отдачей 200 000 и сообщает это тетке и [падчерице] князю отцу. Тот забавляется *этим*. Подросток сообщает разговор Ему ****. *Он* ожесточается.

В то же время княгиня сообщает ст. князю и падчерице известие о том, что *есть* Макаровы. Он [приписывают фискальству княгини] знает, что нафискалила княгиня. Раздражен еще больше. Вызов молод. князю, который не принял вызова (после отдачи 200 000). Вызов сближает Его и подростка за то, что тот предложил 50 000.

Макар умирает. Молод. князь любит Лизу, но не бог знает как увлечен Лизой. [См.] Княгиня узнает это. Прощает м. [подозрева] князю. Но Его подозревает и (воспаленная страстью) обвиняет, что Он хочет женить князя на Лизе и что ⟨за⟩ 200 000 он купил князя *****, тогда как Он и не знает еще про Лизу. Вот почему усилена ее ненависть к Нему ******. Требует, чтоб м. князь отдал 200 000. Тот не хочет *******.

Вдруг является Ламберт. У него документы фальшивой подделки князя. Он хочет ******** предложить купить их князю или княгине. *Он* схо-

---

* Выражение в скобках — другим пером.
** «Боится ∽ письмо» — на левом поле.
*** «Был ∽ образа» — над строкой.
**** «Княгиня ∽ Ему» — на левом поле.
***** «и ∽ князя» — на левом поле.
****** «Вот ∽ Нему» — другим пером.
******* «Требует ∽ хочет» — на левом поле.
******** Над строкой; соответственно «предложить» исправлено из: «предлагает».

дится с Ламбертом и документ покупает. Пересылает княгине. [свидание] [Та] Через княгиню разрыв Его с ст. князем и с падчерицей. *Он* предлагает жене руку и рубит образа. // Идет к с. князю и жалуется на то, что она хотела его сделать сумасшедшим (пускается во все тяжкие). Его выгоняют. Письмо найденное. У подростка. Показал Ламберту. *Он* хотел выманить. Сцена насилия и проч. *Он* косвенно в заговоре.

Княгиня оскорбляет Лизу.

Макар Иванов. Бриллианты. Подросток узнает про Лизу *. От Ламберта или от княгини. Та ему на Него говорит, что Он хотел [продать] купить князя для Лизы **. № Объяснение подростка с княгиней, где она с ним небрежно, оскорбляет его. [Мщен] Сначала очарован, потом находит мотивы оскорбления *** и вступает в заговор. Княгиня выпытала все для подростка и потом ему: «Что же вы хотели сказать?»

Между тем приехал Ламберт. За компрометирующий документ он взял с княгини 5000 р. *Он* говорит Ламберту, что он дурак, что и князь имеет теперь до 200 000 имения и что он с м. князя и с княгини мог иметь за такой документ 10 000. Ламберт же не знал, что у м. князя 200 000 (причем удивляется, что Он отдал 200 000), и говорит, что обращался к княгине, которая, купив документ, просила не говорить о документе м. князю. Сама же отнеслась, что это пустяки. Она хочет корить м. князя, пилить этим документом, а может держать в руках, говорит Он. (№. Когда подросток спросил князя: знакомы вы с Ламбертом, тот рассердился, а потом стал заискивать, но свысока, едва принял у себя. Затем кража бриллиантов и проч.)

Он объявляет Ламберту, что он дурак, зачем он не дал Ему этот документ, и тут объявляет, что если б только письмо!

Ст. князь, Andrieux. Жалкая сцена ****.

Подросток говорит Ламберту, что письмо у него. [Подросток] Ламберт передает Ему это известие. Но подросток не выпускает билет, хотя Ламберт предлагает ему деньги, но идет с тем, чтоб Ламберт ее изнасиловал, взял 50 000, а потом и ты ⟨е..⟩

Он в стороне. Ему хочется, чтобы мщение состоялось [то] (Вот тут-то перед этим княгиня и оскорбила Лизу, а м. князь от нее отрекся, хотя и плакал перед княгиней). *Он* узнает, что обесчещена Лиза. На завтра венчание. Ламберт насилует, но подросток не дает. Тогда Ламберт, видя, что порвалось, решил [было] убить дурака и поскорее бежать. //

Молод. князь [хотел бы лу] предчувствует, что с генеральшей ему будет мука. Меж тем Лиза утопилась. Свадьба княгини и молодого князя. *Он* осрамлен и поражен. Жена умирает. *Он* мучается тем, что мальчик боится Его. Подросток мучается с обоими. Ламберт с ногой. Подростка арестуют. Через 5 дней является. Мальчик бежал.

Не послал ли Он документ компрометирующий м. князю, но *не получил благодарности* и проч. Ламберт прямо говорит подростку, что Он участвует, только не велел ему сказывать. Когда Ламберт узнал, что Он передал документ, то накинулся на Него, но [Он успокоил], узнав от Ламберта, что есть письмо, объяснил все значение письма, настаивал на изнасиловании. Ламберт объявляет обо всем подростку откровенно, изумляет его, что Он просит изнасиловать, смущает его, но и воспламеняет. Гордая княгиня.

---

* «Макар ∞ Лизу» — между строк.

** «От ∞ Лизы — на левом поле, по всей записи проведена линия, возможно, зачеркивающая.

*** «Объяснение ∞ оскорбления» — на левом поле.

**** «Ст. ∞ сцена» — между строк.

После смерти Лизы подросток так подавлен, что не хочет мстить князю. Упрекает себя, что забыл о Лизе *.

С Ним еще хуже, Он разбит еще больше. Он со смерти Лизы всех обвиняет, все присутствует в семействе, потрясающая сцена смерти матери. В день похорон мальчик все просит Лизу. Он к мальчику, но тот боится Его и не отпускает от себя подростка, но подростка арестуют, и мальчик бежал утопиться (к Лизе). Найден.

Весь вопрос свадьбы состоял в том: даст ли ст. князь еще приданое (княгине). Ст. князь крепился (чтоб власть показать, и всех боялся, как и объяснил подростку Он), но в день Его доноса дал ей 300 000, а Его прогнал.

Я не люблю ее, говорил Он подростку, но пусть она меня признает честным человеком — вот и все.

— И великим. //

— Что такое?

— Честным и великим человеком, повторяет подросток.

— Mon cher, vos sarcasmes ** (поссорились и потом Он опять пришел к [нем] подростку).

Он вначале говорит о княгине. То, что она так врезалась в этого князька, я очень рад [его и ее] обоих бог наказал, его пуще, потому *** что она все-таки свое возьмет (но, однако же, не только не рад, но и против изо всех сил). Под конец.

Непременно сцена свидания с Ним и **** княгиней, которую Тот вымучил из нее. Сцена фальшивых чувств и фальшивого положения после возврата фальш. векселя выведена беспощадно княгиней наружу. Он, однакоже, документ отдал *****. Кончилось сарказмами и насмешками. (Сцена, может быть, нарочно *в присутствии подростка*). Чего вы хотите от меня? говорит княгиня, я согласна, что вы человек великий.

После этой сцены Он делает предложение жене, а затем и рубит образа и доносит князю о княгине, что та его в сумасшедший дом.

Ст. князь, хоть и не очень повел носом, что у него семейство Макаровых (я всегда подозревал, что у него нечто подобное) и хочет даже видеть семейство, но когда тот донес на княгиню,— выгнал Его и отказал Ему в падчерице. Та же отказала еще прежде.

Узнав от Ламберта, что письмо есть, [Он] он просит его себе, чтоб показать ст. князю, но Ламберт говорит, что денег не будет, и тогда решено, что [денег-то] спросить денег и изнасиловать. Ламберт хочет просить 100 000. Он советует 25 и решает, что, может быть, даст 50 000— и изнасиловать. Одним словом, Он сам *ослеплен* и теряется, но рассчитывает на Ламберта, что во всяком случае будет скандал.

Он [совер] подозревает (до Ламберта), что документ у подростка и выманивает было у него. Но тот прямо сказал Ему, что ничего не нашел. //

[И] Потом же Ламберт объявляет Ему, что письмо есть.

Падчерица князя — подушка.

---

* «Упрекает ∽ Лизе» — другим пером.

** Дорогой мой, ваши насмешки (*франц.*).

*** «его ∽ потому» — другим пером.

**** Над строкой.

***** «Сцена ∽ отдал» — на свободном месте у самого края справа.

При всех этих сценах, билетах и изнасиловании, Он не знает ничего о романе Лизы. Узнав же, падает раздавленный.

Княгиня при свидании говорит Ему странными насмешками о Лизе. [Но видя, что Он не знает еще... молчит] Тут он узнает о Лизе в первый раз.

[Вызов князю, тот отказывается], позор. Вызов раньше был *. Прибегает домой, делает сцену Лизе, делает предложение жене, чтоб порвать совсем, стать выше. (Предложение при всех, на другой день образа). №. Предложение жене безо всякого поводу **. Идет к ст. князю. Тот Его выгоняет. *Он* как бы в сумасшествии. Письмо и изнасилование. Когда после сцены изнасилования возвращается домой — Лиза утопилась.

Вопрос: когда подросток узнает о 200 000[x]. [В вагоне от тетки. И когда тетки] От матери, когда та пришла за маленьким, и от Васина. Подростка удивляет, что Васин знает.

С частными *пояснениями* в главах от подростка. Н⟨а⟩прим⟨ер⟩, в то время Он еще не знал о Лизе. Княгиня узнала о Лизе от... Почему я знал, что первое известие, что есть письмо, подействует на него так мучительно; но я нарочно подразнил его намеком... и только намеком, больше ничего. Потом подросток нарочно скрывает все про письмо, и Он мерзеет в его глазах. Сам я то же самое хотел делать, а Ему не позволял и судил его с отвращением.

Заметка важная. Так как дело четыре года назад, то все эти отступления и объяснения от подростка даже необходимы, НО ЧТОБ НЕ ТЕРЯТЬ *НАИВНОСТИ.* //

ПЛАН. *14 сентября.*

Все *** это случилось с лишком**** 4 года назад. С лишком**** 4 года. Какой ужасный срок времени. Тогда все меня звали подростком*****. Но, чтобы не писать лишнего, я нахожу [сдел] нужным сделать маленькое вступление. Описывая мои первые шаги в Петербурге на поприще ******, я не желаю Свода законов.

Я побочный сын одного барина. От Макара, и кто Макар. Отца я видел однажды. У теток. Семья. О нем скажу потом *******. Мать мельком. В Луге. Я у Сушара, потом в гимназии, немец. Я был погружен в свою идею. Но обо мне потом будет множество листов.

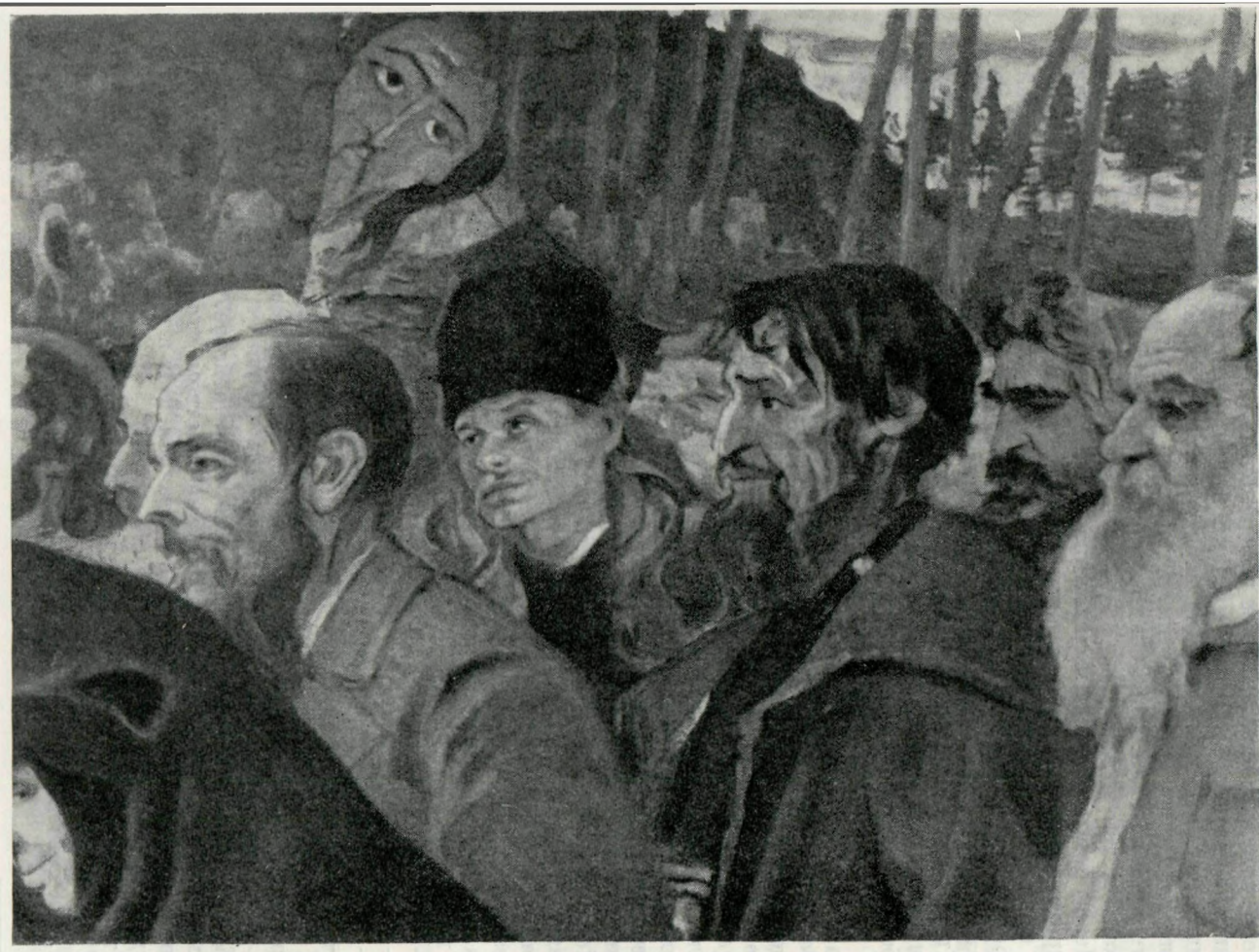
Кто такой отец? Несколько состояний, хорошей фамилии, был посредником (биография в нескольких строках). Образован. Религиозность. [В] За год до начала моих записок с княгиней. Дочь старого князя. О ст. князе бонмо. Идеально-холодная, как сошлись и разошлись. Княгиня высказала, что для имения, жестоко обидела. Не мог забыть обиду. Враги. Письмо и Андреев ********.

Его тянуло, чтоб она признала его за великого человека. Жестокие сарказмы. Довела до того бешенства, в котором застал его.

Ст. князь боялся обоих. Бесить того и другого.

---

* «Вызов ∽ был» — на левом поле.
** «№. ∽ поводу» — на левом поле.
*** Исправлено из: «Всего».
**** Над строкой.
***** «Тогда ∽ подростком» — на левом поле.
****** «на поприще» — над строкой.
******* «О ∽ потом» — над строкой.
******** «Письмо и Андреев» — на левом поле.



«НА РУСИ». ФРАГМЕНТ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ЭСКИЗА КАРТИНЫ М. В. НЕСТЕРОВА, 1914 г.
Акварель, гуашь, карандаш
Слева изображен Достоевский, справа — Толстой
Третьяковская галерея, Москва

Наследство *. Претендент (молод. князь на наследство) **.

О том, как семейство переехало из Луги. Отец. Хотел ли он удалиться от всего грома и в недра? Мать он всегда почитал, хотя трудно представить, что-нибудь разнее. [Я стал] Делами князя он продолжал заниматься. Я никак не знаю, кому пришла первая мысль о падчерице. Подушка из института. Князь *занялся* этим. Отец, чтоб показать и что уже всякую мысль о ней потерял. Увы! Он до конца думал, что это лишь la haine dans l'amour. Я так думаю.

Между тем претендент молод. князь в Петербурге. Отец узнал, что она его протежирует. О протежируемых ею несчастных, чуть не вышла за жалкого француза сначала, ⟨потом за⟩ своего генерала, который проиграл ее приданое (150 000), потом стала протежировать отца, страдавшего угрызениями, потом молодого князя и семейство. //

Кто такой м. князь. Его процесс. Оправдали. Никуда нельзя деть. Но, я думаю, тут была и страсть, очарователен. С одним мошенником *** Ламбертом мельком. Княгиня распустила, что, женясь на подушке, идет на содержание ****. Тогда отец пришел в бешенство. Что ж он сделал.

После смерти документ Андреева. Возвратил 200 000. Об этом возвращении денег я еще не знал, когда в первый раз свиделся с отцом и проч. Это возвращение и подействовало. Но княгиня испугалась за документ *****.

Что же касается до моего вызова, то я в гимназии учился последний год плохо (своя идея) после. *Засела идея.* Не выдержал экзамена. Отец меня потребовал. Не знаю, хотел ли он возвратить, все порвать, начать новую жизнь. Он был болезнен, много ощущений, чад и беспорядок.

Но так вышло: княгиня, узнав, что дело о подушке решено (князь был под пятой у обоих и одного травил другой, но в экстренных случаях и опирался от одного на другого. Он любил показать, что он самостоятелен, и потому подушку выдумал без совета, т. е. без спросу княгини). Та ему сказала про Макаровых, князю это показалось забавным: Chèr, у тебя сын, где же он.

— Не выдержал ****** экзамена. Пишет, что хочет трудом.

— Видишь, я нуждаюсь в молод⟨ом⟩ человеке, облагородить.

— Нигилист (я, однако же, вовсе не был нигилистом, я так).

— Тем лучше.

И он носился 3 дня, приставал. Потом забыл бы. Княгиня показала презрение в молчании. Отцу показалось приятным бравировать.

— У вас секретарем, но это только шпион *******.

Ждали князя из Москвы. Отец был в бешенстве. Но бравировать. Я думаю, он ждал меня с некоторым беспокойством, чтоб обсудить, какое я произведу впечатление. Но князь настаивал. Вот я и поехал. Накануне с студентом университета ********.

Итак, ровно 5 лет назад я явился в кассу Моск⟨овского⟩ вокзала и т. д.

И потом пояснения, как все происходило, как он сам втянулся, как Лиза, как христианство, Васин, идея, и 200000. Макар Иванов *********.

---

* Над строкой.
** «Претендент ∽ наследство» — на левом поле.
*** «одним мошенником» — над строкой.
**** «Княгиня ∽ содержание» — между строк.
***** «Это ∽ документ» — на левом поле.
****** Под строкой: «ни разу».
******* «У ∽ шпион» — на левом поле.
******** «Накануне ∽ университета» — другим пером.
********* «И ∽ Иванов» — на левом поле.

Конец романа: Он и младенец. Луч. Мы нашли ⟨?⟩ углы, и тогда я поступил в университет. Деньги нашлись, у отца что-то было. [Тетка говорит: я взяла 25 000] *.//

Таким образом от *Я* само собою решилось.

14 сентября.

10 000 ** оставил подростку ст. князь. А то, что молодой князь хотел было возвратить Ему 50 000, то, в начале романа, послужило предлогом к вызову на дуэль.

Вызов подростка за Лизу. Тут свидание и объяснение с молод. князем.

В 1-й части таким образом вставить: приезд подушки и мимолетом встречу Лизы, когда он входит вечером к тетке, чтоб написать Ему письмо и невольно подслушал генеральшу. Боролся — боролся выйти иль нет, и вышел как дурак (шпион!) Ушел к себе домой. (Девки не надо. Девка во 2-й части в скитании после бриллиантов). //

18 сент⟨ября⟩.

5 лет *нельзя*. Останется грубая, довольно комическая идея у читателя, что вот тот юный отрок уже вырос, пожалуй магистр, юрист и с высоким снисхождением удостоивает описывать (чёрт знает для чего) о том, как он был прежде глуп и проч. Уничтожится вся наивность. И потому лучше год. В тоне отзывается и все недавнее сотрясение, и многое еще не разъясненное, и в то же время 1-я строка:// «Год, какое огромное расстояние времени». Под конец записок — наши средства и проч. И вдруг последние строки: если когда-нибудь попадутся эти строки княгине, то пусть увидит она, как я безжалостно [и проч.] очертил ее и проч. Но, конечно, никто не прочтет: я запечатаю и прогляжу лет через пять. (№. С университетом колеблется, своя идея еще гнетет его). И одно самое важное замечание и *последнее*: «Увы, моя идея отвлекла меня от чувств к Лизе, к матери, не давала осмыслить и не дает» и проч.

№ *Для себя*. Вступление надо написать искусно. Оно удастся — все удастся.

М. князь был в Луге, потому что был туда изгнан. В Москву же приехал на две недели повидаться с семьей. И вдруг вызван по телеграфу княгиней с извещением, что нашелся документ.

Он подростку по поводу княгини: В женщине все жестокости, весь иезуитизм. Подросток в высшей степени согласен.

Внезапное письмо подушки к Нему, во 2-й части, безо всякого повода.//

19 сент⟨ября⟩.

Молод. князь узнает о существовании ее письма к Андрееву, по которому ст. князь лишит ее наследства. Не долго думая, он захватывает подушку (которой дадут денег). Тут-то княгиня и бросилась на документ.

Он хотел бы отдать ей и письмо с благородством.

М. кн. Ему после вызова: Вы бы мне уступили подушку. Я, разумеется, и без вас могу, но вы имеете влияние на ст. князя. Он прогнал молод. князя, но когда ст. князь Его выгнал, тотчас обнаружилось, что м. князь

---

* «Деньги ∽ 25000» — на левом поле.

** «1» исправлено из: «2».

женится на подушке. (Ламберт уверил м. князя, что документ существует).

Он выпрашивал документ, чтоб отдать ей, но колебался. Подросток же и Ламберт не отдали документ. Ну так, так е⟨..⟩,— думает Он.

Княгиня, получив документ, прямо приносит его ст. князю, и тот оставляет ей все наследство. Подушке же запрещает выходить за м. князя. Вследствие чего тот закутил с Ламбертом. Проиграл 200 000 Некрасову, убивает с Ламбертом дурака. М. князь Лизе: Лиза, дай мне обратно 25 000, тотчас дала. //

М. князю 26 лет. М. князь прежде украл бриллианты (года 4 назад) Он был присяжным. Теперь огордел, восстановить род. С Ним за 50 000 свысока. Лизу имел и в Петербурге, когда хотел. Как-то узнала княгиня. Потребовала разрыва. Дал 10 000. Подросток потребовал объяснения. (Дело о бриллиантах решено м. князем нарочно в пользу подростка). Тот объяснил свысока. Подросток матери и Лизе выражает *свою идею* разбогатеть. В бешенстве, закружился. Лиза всегда князя боялась и странно любила. Наконец, он лично конжедьирует * Лизу. Когда Лиза ушла, почти довольная, началась вдруг с нею грусть. (Даже княгиня не в силах была ее оскорбить). Подросток дивится этой подлости смирения. Пошла было смотреть венчание. Утопилась. Тут-то Он все узнает, а подросток знал раньше.

Молод. князь сватает Лизу с молодым человеком. *Он*, не зная дела, поддакивает. Лиза пришла к нему и все объяснила. Либ⟨еральный⟩ молод. человек несколько обиделся. Либерального молодого человека впускает Он, не зная, что от молод. князя, еще в самом начале. Тот рано знакомится. *Обделать это лицо.*

Лиза — пойду в монастырь.

Лиза сначала и слушала предложение, а потом вдруг отказывается. Это и вызвало свидание (последнее) с князем.

Молод. человек сильно преследовал подростка желанием познакомиться. Наконец, он признан за жениха, но когда у Лизы// стало сердце болеть, она отказала.

В странствиях (с женихом) зашла к м. князю. Поедем в Лугу, далеко будем жить... (трогательный разговор). Опомнилась: Господи, что это я!— и вышла. Жених обиделся: Вы бы могли пощадить меня, Лизавета Макаровна.

— Ах, я не знаю... Ну, прощайте.

Дома: Ой тяжело. Мать: Обидно, Лиза. Лиза: Обидно, мама.— Носи

20 сентября.

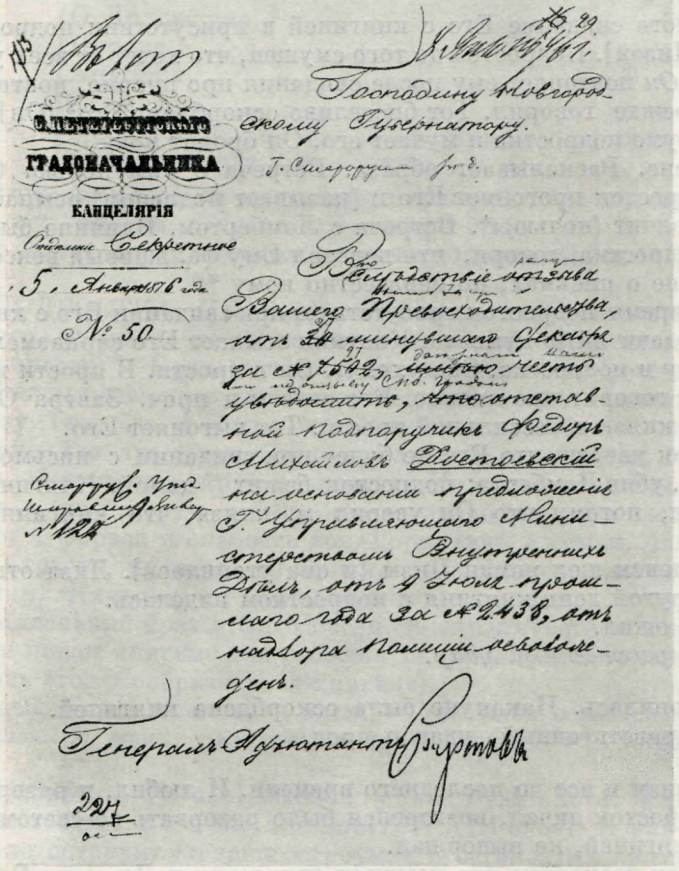
Последняя редакция.

Он знал про князя и про Лизу и, когда подросток приехал, то уже *молод. человек* с всеобщего ведома ожидался с визитом. Подросток на первый день этого не знал, но перед разрыванем рта застал м. человека. Тот ушел, и потом уже разрыв рта. 10 000 обозначено было м. человеку векселем, под которым подписался и ст. князь. Ему ужасно досадно, зачем ст. князь как бы берется Его семейству благодетельствовать **.

---

* От франц. *congédier* — отпускать, спроваживать.

** «Ему ∽ благодетельствовать» — на левом поле.



УВЕДОМЛЕНИЕ О СНЯТИИ ПОЛИЦЕЙСКОГО НАДЗОРА НАД ДОСТОЕВСКИМ, ПОСЛАННОЕ ПЕТЕРБУРГСКИМ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОМ Ф. Ф. ТРЕПОВЫМ НОВГОРОДСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ 5 ЯНВАРЯ 1876 ГОДА

Новгородский областной архив, Новгород

Он был взбешен, что княгиня принимает тут участие, но пожимал плечами, видя нравы домашних. Выдать же Лизу, кроме того, нашел удобным. Заезжала и подушка. Он потом все это объясняет подростку, но Ему не нравится, что она и м. человек, очевидно, ее креатуры.

Но [М] подросток узнает это от самого молодого князя уже гораздо позже, уже во время бриллиантов и после вызова молод. князю, сделанного Им с бух да барах. Вот почему и его вызов вызвал в князе одно смешное и хлопотливое чувство. За бриллиантами м. кн⟨язь⟩ рассказал подростку суть дела и, главное, взгляд Его и Лизы. Э, чёрт! подумал подросток и тогда в первый раз [суть дела в] цинизм проникает в его сердце. Но Он все еще тщится спасти его, откро//венен с ним и пленяет его. Тут Макар Иванов. Тут нечаянно подросток сходится с Лизой и матерью * и говорит им об идее, укоряет и осуждает их за их смирение, хотя Макар Иванов и

* «и матерью» — на левом поле.

поразил его. Про отца он отзывается им с презрением и предлагает бросить Его.

[После того свидание Его с княгиней в присутствии подростка. Сарказмы над Лизой]. Подросток до того смущен, что хочет от всех удалиться. Но письмо. *Он* повторяет ему после свидания про письмо, повторяет потому, что и прежде говорил. Тот брезгливо оскорбляет Его. [Он] Но письмо засело в уме подростка и мучает его. Он бродит ночи!

Руку жене. Раскалывает образа. Встреча с ним ночью. Опять про письмо. Подросток прогоняет Его и [называет подлецом] осыпает насмешками. Он молчит (ночью) *. Встреча с Ламбертом. Влияние быстрое. Тот удивляет подростка, говоря, что передал Ему фальшивый вексель князя.

Признание о письмах, но неизвестно кому **.

В то же время подросток присутствует при свидании Его с княгиней по поводу передачи ей документа. Княгиня осыпает Его сарказмами. Оскорбляет и Лизу и подростка. Оба уходят. Он в ярости. В ярости и Ламберт. Но Ламберт говорит про письмо. Его советы и проч. Завтра Он доносит обо всем ст. князю в бессильной ярости. Тот выгоняет Его.

Подросток уверен, что Его не будет при свидании с письмом, и вдруг Он выходит, убив Ламберта; подросток бежит // домой. Княгиня же была на свидании, потому что Он уверил м. князя, что княгиня не много получит.

Тем временем шел роман Лизы [и она утопилась]. Лиза отказала жениху. На другой день княгиня с подростком виделась.

Ламберт ожил.

С Ним нравственнюй удар.

Лиза утопилась. Накануне была оскорблена княгиней.

С Ним нравств⟨енный⟩ удар и проч.

Т. е. цинизм и все до последнего времени. И любил, и развращал подростка. Подросток дичал, возгорелся было разорвать со светом, насмеявшись над княгиней, не выдержал.

М. человек несколько раз поминал подростку и Лизе, что Он, по всему видно, входит не совсем в честное *** семейство.

Княгиня не вышла за молод. князя. Подушка.

Не надо добра, никакого добра, развращает Он подростка после образов.

Ему было очень больно от фальшивых промахов: т. е. передачи [век] 200 000 векселя, ложного положения в семье, отказа жены, образов, передачи документа. Свидания с княгиней ****. Вызова на дуэль и последней бешеной выходки к ст. князю с доносом, что есть письмо.

— Где ж письмо?

— Это письмо похитил вот он (т. е. подросток).

Но подросток отрекается. (Хотя Ламберт уже сказал). NB. Лицо надо молод. князю. Лизе есть лицо.

М. князь тоже болезненный, но очаровательный, хочет возвыситься. Подросток видит, что у него тоже *своя идея*. и, ненавидя, любит его.//

---

* «Осыпает ∞ ночью» — справа.

** «Признание ∞ кому» — на левом поле.

*** Сверху: «чистое».

**** «Свидание с княгиней» — на левом поле.

«Я трус», говорит князь ему. Вызов князя на дуэль. Кое-как на барьере. Княгиня поражена.

? Все вопросы
- О Долгушине.
- Дураке.
- Andrieux.
- Ст. князе.
- Дурак живет на одной квартире с подростком. Квартиру же содержит лгун-болтун.

Подросток, несмотря на мрачность и трагедию, все еще юноша: любит и смеется с ст. князем, и потом сочувствует Лизе.

Старый князь вдруг вздумал посетить подростка. Васин.№. *Стол.*№!

ДУХ ПОДРОСТКА. Колебание. У Васина ищет разрешения. Васин колеблет его, но мысль не совпадает с его идеей (не понимает человека без собственности)*. Предается отцу (нравственно) и терзается, что не хорош Он. Непонятные эпизоды с Макаром и семейством. Настроение мешает видеть Лизу. Гордость и обиды от княгини и м. князя. К молод. князю соревнование. Тех арестуют. Очень поражен и замыкается в себя. Хочет убить себя. Нет, лучше жить подлостью. Не стóят люди Васина. А Христа? Когда я буду могуч, я буду делать добро**. Сила письма. Унгерн-Штернб⟨ерг⟩. Образа и слабость вся. Горе Лизы и семьи. Ламберт. Увлекает его. Страсть поджечь. Очнулся. Разрушение, взят с Ламбертом оговорившим. Княгиня, не вышедшая за молод. князя, вступилась. Выпустили. Маленький брат и Он. Спасен сильным чувством и теткой.

Записки пишет княгине для отсылки за границу и которая вдруг начала поощрять его. (Сообразить. О княгине).

Своя идея. Учиться, но своя идея.— Своя идея остается. //

Ст. князь. У меня, разумеется, если женюсь***, детей больше не будет.

Дочь. Напротив, [у вас] именно у вас будут дети, если женитесь.

Ст. князь. Tiens, c'est un bon mot****. [И злое]. И так как теперь ужасно мало остроумия и даже остроумие в загоне, то я прощаю тебе твое злое ***** bon mot сердечно, несмотря на всю колкость, в нем заключавшуюся на мой счет. Я два ****** месяца недоносок, близнец, можно было положить на тарелку. Брат мой умер двух недель, а я живу вот уже пятьдесят пять лет и [даже] кажется, довольно прочен.

Жил почтительно (Макар Иванов).

Все забитые и покорные, а тверды, как святые.

[Нет] Повсеместно *ленивый атеизм.*

Оля, испуганная. И я вас люблю и положила на его локоть свою руку.

Им испуганная.

Потом гувернантка-швейцарка. Два года (№. Потому что испугал, потому и нанимал гувернантку). Макар. Жил почтительно. Узами освящен (потому и остался на квартире). Грех замаливал. Всех поименно знает. Везде за здоровие подавал.

Мать Оле: Носи!

В вагоне [тетка]. [Прикр] Я этим горжусь, выб⟨...⟩ством.

---

* Фраза в скобках на левом поле.

** «Не ∽ добро»— на левом поле.

*** «если женюсь» — над строкой.

**** Смотри, какая острота (*франц.*).

***** Над строкой.

****** Исправлено из «семь», соответственно «месяца» — из «месяцев».

Тетка. Прикрас тут не надобно. Ни гордиться, ни унижаться.

В вагоне. Ты покушай. Действует родственность, но был мрачен и даже смущен, чем ближе к Петербургу.

Приехали: к Нему идти или нет. Лучше, как придет. Сказал, чтоб к нему вести.

В вагоне. Тетка заснула. Подросток припоминает детство, мать и новая больница, у Андреева, строгую тетку, но добрую и вот теперь стал ей подкладывать подушку... От *Я* *.

— Что ты, батюшка? Спит, хорошее лицо, хорошие морщины.

— Да я вам, тетушка, подушку.

— Спасибо, Василька, спасибо.

— Я, тетушка, не то чтоб не уважал *вашего* Христа (не утерпел не сказать). Я его очень уважаю как деятеля.

— Ну и хорошо. Вот только об духе нельзя.

— Ну дай же заснуть.

— Об Ламберте, тверд (задумали). Мать приходит.

У тетки спросил на рассвете: Так ли? В Любани стало смутно.

** Конечно, если все писать эти анекдоты — то Свод законов.

Больше уже таких замечаний делать не буду. //

В вагоне после молчания тетке говорит: Видел отца в последний раз как il faut le rosser***.

«Так вы не сердитесь». Это я было хотел сказать тетке, но не сказал (когда она вдруг мирно и любезно заговорила)— Чего ж, имя хорошее,— сказала тетка.

Макар Иван. С чего он носит это громкое имя Долгорукий. Не знаю и знать не хочу. Ты, кажется, русскую историю любил.

Подействовала родственность.

Отец il faut le rosser.

У Васина. После рассказа о мечтаниях.

— Я уже три года не о том думаю.

— Понимаю, у вас какой-нибудь свой план в голове. [Готовился быть будущим гражданином.

— Знаете, вы вот и это говорите теперь в насмешку.

— Ты думаешь, ты очень мнителен 〈?〉 с людьми. Впрочем, если есть насмешка, то поверь, что нет].

Подросток, живший в последние годы гимназии у учителя, немца, мрачно и [про] оторванно от почвы. У них своя жизнь, в которой я намеренно не участвовал, да и рад был, своя идея. И чем больше оторвется, тем лучше. Это камердинеру молод. князя ****.

Final романа. Это ничего, сказала тетка (т. е. все происшедшее). Это и в науку твою тебе пригодится. Да и жизни еще много впереди.

Но дело так именно вышло. Макар Долгорукий, письма, высок и прям.

***** В вагоне. В мечтах о том, как я буду с людьми обращаться, выходило у меня всегда очень умно, а на деле очень глупо, ибо я всегда вы-

---

* «От *Я*» — на левом поле.

** На левом поле: «Апрель, голова, солдат».

*** Нужно его выпороть (*франц*).

**** «И ∞ князя» — на левом поле.

***** На левом поле: «Я родился».

ДЕТИ ДОСТОЕВСКОГО
ЛЮБОВЬ И ФЕДОР

Фотография Н. Лоренковича,
1878 г., Петербург

Музей-квартира Ф. М. Достоевского,
Москва

давал себя словами и торопился. Я, может быть, и теперь такой, и вообще эта выдержка очень дурна; а иногда так стоит всякого презрения.

Макар Иванов рассказывает о вечернях и стояниях, взять из Парфения.

Он. Подрост⟨ок⟩ лакею. Дворянства у нас нет и, может быть, никогда не бывало.

Вам иначе, может, и нельзя было, говорит Оля м. князю, когда узнала, что он жених княгини. //

Драгоценное замечание подростка в средине романа: После того как хозяин изжарил жену: я бы мог обо всем * этом не писать. Все это до того постороннее! Но все это меня так волновало!

(ОТ *Я* или НЕТ?)

Он ужасно плакал, по рассказам, над гробом жены. А подростку говорит, что мавзолей.

Подросток всем простил. Моя идея.

Он в университете. Знаешь что, говорит тетка, им медицинская помощь нужна и ты нужен. И учиться хорошо. Оставайся-ка в Петербурге. А батюшка, еще жизнь так длинна!

---

* Сверху: «многом».

Хотя я и не подросток, потому что мне тогда было уже 19 лет, но я назвал подростком потому, что меня многие тогда (прошлого года) этим [из] именем звали. Рукопись же пишу, чтоб записать для себя. Здесь в глуши пока без занятий. Само собою пишу год спустя и уже очень выжил из детей *. (Выслан административным порядком). Буду писать все сплошь, т. е. лишь подходящее к делу. Если и обмолвлюсь, то я не литератор **.

Начало романа.

Брали у кассы билеты. Тетка обидела невниманием. Я же смутно был собой недоволен. Со студентами на бульваре. Потом после [тет] разговоров тетки в вагоне, задумался о фру-фру, чтоб оправдать себя по совести.

Жизнь велика, своя идея.

Тетка. *Он* не очень богат.

20 ты⟨сяч⟩ — да 20 000

Подрост. Если я [у]еду, то, имею цель, я повиноваться не буду, мы дети Макар⟨а⟩ Иванова

Мы ничего больше, как дети Мак. Иванова ***.

Садясь же, о пропавшем саке и тетке и т. д.

Без *Я* множество тонких и наивных замечаний исчезнет. //

1-я тетка. Кончишь учиться и увидишь, что тебе делать.

2-я тетка безмолв. (Характер). Вот и увидите, что вам делать.

В вагоне тетка. Учиться-то бы лучше (т. е. в университете).

Подрост. Я нарочно не учился.

NB. Если от автора, то могут быть объяснения положения и состояния подростка вроде: «В самом деле, из мечтательного идеалиста он попал разом в круговорот *всех* элементов русского общества и запутался» (*все* элементы).

Если от автора, то обо всех лицах второстепенно, лишь о подростке первостепенно.

NB. Тетка во весь роман пристает, что «лучше бы учиться».

А то, что случилось: «Ничего, это заправа хорошая (в [финале] Final).

Всему есть предел, даже и всероссийской глупости, которая, впрочем ****, тем не менее все-таки беспредельна.

*****ВАЖНОЕ NB. Подросток у Васина, излагая об Унгерн-Штернберге, вдруг прерывает: Я не помню, как собственно я излагал Васину и как случилось, что я стал излагать, но действительно, со мной это было в продолжение всех трех лет; мало того, теперь даже есть. Мечтательность до того одолела меня, что я без мечтательности не мог и прожить, да и не понимаю, как можно прожить без нее каждому человеку. Наверно, все люди мечтают. И кто думает, что она делу вредит, тот дела не знает. Еще 11 лет я вскакивал и поражал татар. Я не мстил Сушару в мечтах, но был Унгерн-Штернберг. Потом ученый академик, отверженный профессор. Когда я кончил (я рассказал Васину даже все мечты мои, не стыдясь), он сказал мне: Я замечаю две вещи — уединение и первый человек, ни за что второго места. //

Это же самое, но насмешливо и скептично, в мрачном роде, более приличное. Его характер.

---

* «Само ∞ детей» — между строк.

** «Буду ∞ литератор» — на левом поле.

*** «Тетка ∞ Иванова» — на левом поле, окаймлено линиями.

**** Над строкой.

***** На левом поле: «Т. е. от себя».

Подросток. Что же вы не действовали хотя бы на предрассудки матери. Я, конечно, ни слова не говорю, потому что не имею претензии воскрешать мертвых. Но ведь была же она когда-то живая.

Он. Друг мой, никогда не была. Ты не поверишь... Тут — я даже не знаю, что тут. С самого начала — смирение, безответность, кротость и в то же время твердость, сила, настоящая сила, мой * друг. Ибо я видел ведь, как питала ее эта сила. Правда, она ничего не стоит **. Там, где касается — я не скажу убеждений, правильных убеждений тут и быть не могло,— но того, что считается у них *** святым, так — просто на муки готова. След⟨овательно⟩, что ж я бы мог сделать, когда и мучитель не сделает ****. Можешь судить, похож ли я был на мучителя. Я предпочел молчать и поступил наилучше *****. Я всегда был гуманен и либерален, а она всю жизнь трепетала передо мной и в то же время не поддалась ни на какую культуру. Как это она умела сделать — не знаю. Молчит. [Главное] Все время молчит, это главное ******, а потом скажет, пожалуй, если уж очень потребуешь *******— и ты [признаюсь] прямо увидишь, что незачем говорить! К тому же возражения самые неожиданные. Ты усмехаешься, что я гуманен и либерален, ты думаешь про Макара. Видит бог, что все это произошло в высшей степени гуманно и либерально. Я, еще до греха, призвал Макара и объяснил ему прямо, причем предложил вознаграждение 3000. Он молчал. Тут я предложил ему, чтоб он не боялся высказать желание, что если он не хочет такого условия, то я дам ему вольную вместе с нею и *отпущу их на все четыре стороны.* Да еще наградив. Все мы тогда были энтузиасты и так настроены, все кипели ревностью сделать добро, служить отечеству, великим идеям, «всему прекрасному и высокому», как тогда говорили. Говорю тебе, я, приехавший тогда в имение, только что прочел «Ант⟨она⟩ Гор⟨емыку⟩» и «Полиньку Сакс». Читал ты их?

— Не помню.

— Нет, напрасно. Я признаюсь даже плакал, говоря это, боясь ее лишиться, так любил ее тогда — elle était très belle ********. Макар махнул рукою и ушел. [Я ему] Вообще они, когда ничего не говорят, — всего хуже. Это мрачный характер *********. А я на него не надеялся. Теперь.

— А греха не было.

— Т. е., видишь, mon ami, греха не было, но любовь была, т. е., друг мой, это все относительно, одним словом, была **********.

— [и] Он взял деньги?— Жену оставил у меня [на третий же день] через неделю и без дальних слов, т. е. почти безо всяких слов, потребовав только, чтоб ей была дана вольная**********, только рукой махнул. А сам пошел странствовать **********. Тут и я так поступил с мамой... побрел странствовать**********. Что же до денег, то это это даже, м. б., странно. 1000 р. взял деньгами и все на монастыри отдал, а по векселю в 2000 9 лет назад с меня деньги справил чуть не судом, потому что у меня тогда не было... Эти деньги, не знаю, может, тоже на монастыри отдал, а может,

---

* Над строкой: «мой друг».
** «Правда ∽ стоит» — между строк.
*** «у них» — над строкой.
**** «След⟨овательно⟩ ∽ сделает» — между строк.
***** «Я ∽ наилучше» — между строк.
****** «это главное» — над строкой.
******* «пожалуй ∽ потребуешь» — между строк.
******** она была прекрасна (*франц.*).
********* «Вообще ∽ характер» — справа.
********** «На левом поле: «наружность садовника».
********** «потребовав ∽ вольная» — на левом поле.
********** Сверху вариант: «вояжировать».

при себе носит; сам же ходит в рубище и в лаптях, странствует и на храмы божии собирает. Какой-то странный характер *.

— А она-то любила вас?

— Mon cher, я этого всю жизнь не мог узнать. [Он] Если любила, то уж очень безмолвно. Знаю только, что она теперь меня любит — и может быть, она одна во всем свете. За что—не знаю, т. е. именно, может быть, за то, что я не стою любви, но это ** по примеру всех женщин.

Этим светским каламбуром он отделал⟨ся⟩ ***.

К Макару же Ивановичу у ней есть какое-то тайное почтение. Пишут года в два по письму и так почтительно. Поклоны посылают. Он раз или два приходил — но меня тогда не было ****. //

При [1-м] свидании вечером на квартире, когда пришел отец, [п] уже прощаясь: Милый мой, я гнусно-чувствителен, но это от болезни.

№. *Главное.* Налечь на проповедь христианства и выставить, что *Она* действительно серьезно владела *Им*.

Ст. князь. Подростку. Мой друг, ведь ты позволяешь мне говорить тебе *ты*.

— О, сколько хотите.

Припадки ли молодости, но я, хоть и не до того было, шалил с князем, рассказал ему про камни, возил к Andrieux.

***** *Он.* Если есть сознание, то есть и воля.

Под. Это не одно и то же.

Он. Напротив — буквально одно и то же...

Он не знаком с движением науки, сказал потом Васин. Подросток с жаром заступается: «Нет, он знаком».

Я удивляюсь не тому, что вы проповедуете (о том, что собст⟨венной⟩ воли нет), но той как бы радости, с которою все вы это проповедуете. Куда же, в таком случае, денутся свобода, равенство, братство. Какая свобода, если нет собственной воли, какое равенство без свободы воли ******, какое братство без того и другого?

№. Видимо, это Он насильно. Он оторвался от своего горя, чтобы хоть со злобой поговорить об этом, но тем ясно показал, что все эти вопросы его и волновали и мучают, что Он не в одном себе и что nihil humanum mi alienum puto. *******

В вагоне. Признаюсь, я ехал (в Петерб. подрост.) с затаенным гневом.

Лиза говорит: Коли б я не взяла тогда этих [денег] денег (вексель), все равно было б, что я их очень [тем] попрекаю.

А когда утопилась, 10 000 велела отослать князю. Или совсем не подумала. //

Топясь, скиталась: была у подростка.

Мол. князь хочет ее женить на приличном молод. человеке. Ей горько.

Враль рассказывает про француз⟨ов⟩ в 12 году, у бабы одна коза, «а, казак!»

---

* «Какой-то ∞ характер» — на левом поле.

** «но это» — над строкой.

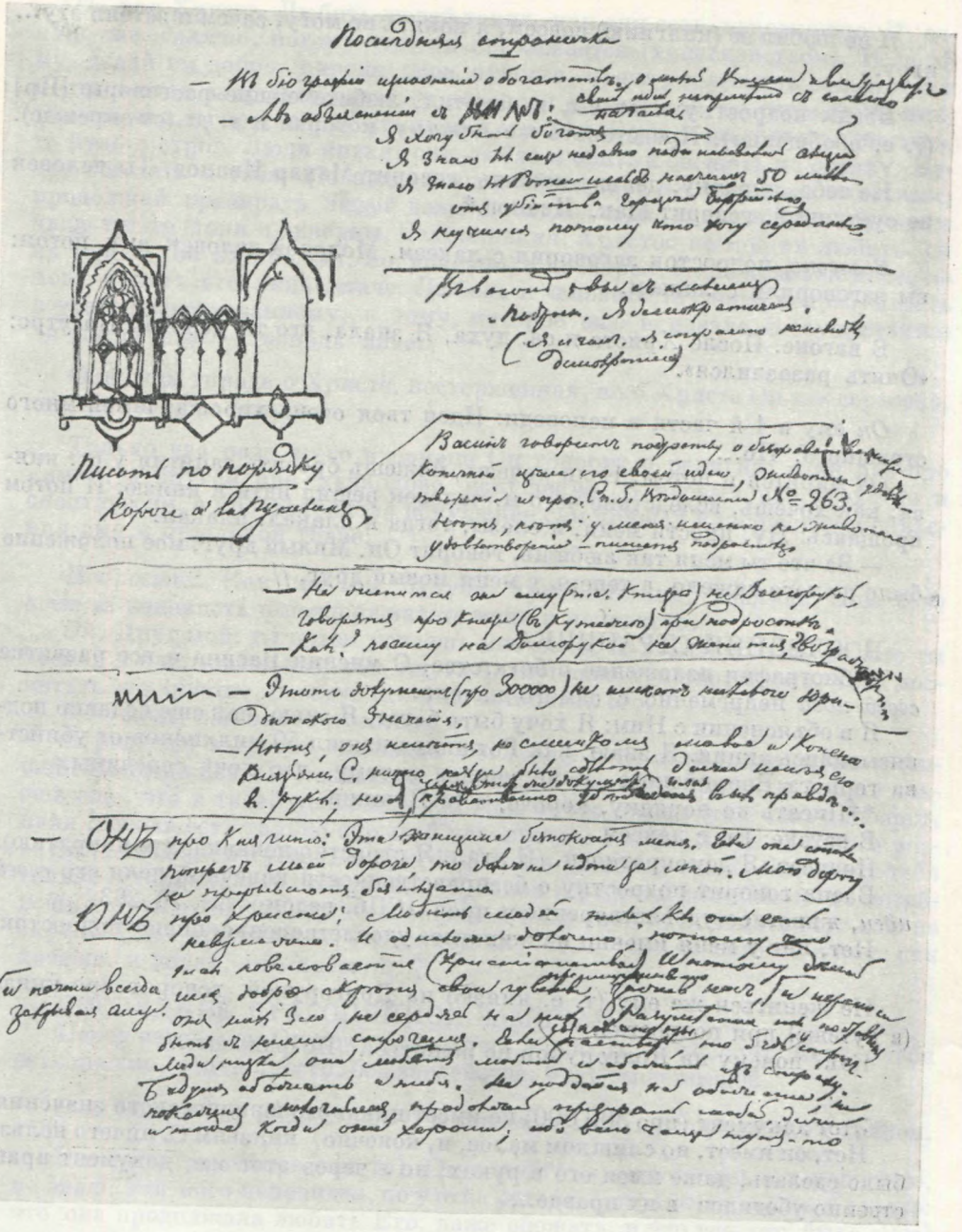
*** «Этим ∞ отделал⟨ся⟩» — между строк на левом поле и в основном тексте.

**** «А она-то ∞ не было» — на левом поле.

***** На левом поле рисунок — две мужские головы.

****** Над строкой.

******* ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*)



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 10, л. 18

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Я не любил ее (княгиню) совсем, я понять не могу, зачем я затеял эту... игру.

Васин подростку: Вот вы, я заметил, любите общие разговоры [Пр] (т. е. обобщения). Представьте же *машину*, которая и т. д. (см. прежде).

Не тебе, дурачку, деньгу нажить, говорит Макар Иванов. Ты человек не суетливый, говорит Мак. Иванов.*

В вагоне, подросток заговорил с лакеем. Молодой человек ему потом: вы заговорили с лакеем.

В вагоне. После Христа и св. духа, Я знала, что ты добрый. На утро: «Опять разозлился».

Он ему в 1-й части в исповеди: Идея твоя очень хороша, в ней много страшного. Но...

Он мирится и потом: Если хочешь, можешь бросить занятия у ст. князя, как хочешь, вследствие чего м. человек решил идти к князю. И потом прощаясь: Ну, прости меня, и слезы, тогда я плакал, плакал.

— За что ты меня так любишь, говорит Он. Милый друг, мое положение было до того тяжело, а теперь у меня новый друг. //

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА.

В биографии изложение о богатстве. О мнении Васина и все развитие *своей идеи* непременно с самого начала.

Я в объяснении с Ним: Я хочу быть богат. Я знаю, как еще недавно подписывались акции. Я знаю, как Ротшильд нажил 50 миллионов от убийства герцога Беррийского. Я не учился потому, что хочу середины.

**Писать по порядку, короче, à la Пушкин.

В вагоне: Вы с лакеем.

Подрост. Я демократичен. (Я лгал. Я страстно ненавидел демократию).

Васин говорит подростку о безнравственности конечной цели его *своей идеи*, животное удовлетворение и проч. «СПб. ведомости», № 263.

Нет, нет у меня именно не животное удовлетворение, пишет подросток.

Не жениться же ему (т. е. князю) на Долгорукой, говорят про князя (в кутеже) при подростке.

Как? почему на Долгорукой не жениться? Возражают...

Этот документ (про 300 000) не имеет никакого юридического значения.

Нет, он имеет, но слишком малое, и, конечно, князьям С. ничего нельзя было сделать, даже имея его в руках; но *я* через этот же документ нравственно убедился в их правде...

Он про княгиню. Эта женщина беспокоит меня. Если она стала поперек моей дороги, то должна идти за мной. Мою дорогу не прерывают безнаказанно.

*** Эта женщина заставила меня *ненавидеть*. Я только никого не любил, но она (т. е. княгиня) заставила меня ненавидеть ****.

---

* На левом поле «Макар».

** Сверху рисунок: готическое здание.

*** На левом поле: «Февр⟨аль⟩ 3 и 4 часть».

**** «Эта женщина ∞ ненавидеть» — среди записей на соседней странице?

Он про Христа. Любить людей таких, как они есть, невозможно. И, однако же, *должно*, потому что так повелевается (христианством). И потому, делай им добро, скрепя свои чувства, преимущественно зажав нос и почти всегда закрывая глаза, и переноси от них зло, не сердясь на них. Разумеется, ты поставлен быть с ними строгим. Если сознал, что ты пастырь, то будь и строг. Люди низки, они любят любить и обожать из страху. Будут обожать и тебя. Не поддайся на обожание, не покажись мелочным, продолжай презирать людей даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тут-то // они и скверны. Без сомнения, Христос не мог их любить, он их терпел, он их прощал, но, конечно, и презирал. Я, по крайней мере, не могу понять его лица иначе. Любовь к человечеству надо подразумевать к усовершенствованному, к тому, которое еще в идеале, и осуществится ли когда еще — господь знает.

Однажды тирада о Христе, восторженная, но о Христе Он так серьезно, что и говорить боится.

Только два раза всего в романе Он говорит о религии: один раз про камни, а другой про дьяволово искушение. В первый раз неохотно и скептически, а про дьяволово искушение сам пришел к подростку и объяснил ему в отдельной главе.

Подросток. Как же вы, будучи христианином, хвалили мою *свою идею* за ненависть и поддерживаете меня в ненависти.

Он. Друг мой, ты потом узнаешь мои цели. Я хвалю только то, что ты возмог в наш кисельный век ощутить глубокое чувство, кроме того воспитать это чувство, развить его и не оставлять его.

Я. Это вы называете чувством *.

Я рад, что встретил человека поглубже всей этой пыли, крыс и мышей. Поддерживать в ненависти, говоришь ты; но, милый, ты сам не знаешь еще, что в твоей ненависти кроется много любви (так как, наоборот, иная любовь есть только скрытая ненависть). Ты еще в одном фазисе развития, подожди, вступишь в другой и тогда увидишь яснее. Я не хочу тебя только останавливать по принципу: «Живи и работай сам». Но ты не погибнешь и путь отыщешь, ну и довольно. А пока твоя идея занятная, с нею не скучно будет прожить. А, во всяком случае, я тебе не нянька: живи, как хочешь, и делай, что хочешь. //

ПОСЛЕДНЕЕ ДРАГОЦЕННОЕ ЗАМЕЧАНИЕ.

Перед заговором Он вдруг заходит к подростку и говорит: Если у тебя есть письмо, отдай просто, без злодейства, будь выше мышей.

Своя идея сбила меня с толку; я перестал читать с порядком и с толком.

В первом разговоре они [р] (Он и княгиня) расстались с ненавистью, не знаю, кто кого ненавидел, но у отца осталась страстная мысль в голове: что она продолжала любить Его, даже обожать, и что все это была [бы] только игра, кокетство, la haine dans l'amour. Впрочем, об этом много будет потом.

Он враг женщин, презирает женщин. Женщины? С ними нужно быть как можно вежливее и по возможности ласкать их, ну вот и все.

Про страстное желание с Ним свидеться он не сознается в записках детства, а Ему, при объяснении, в слезах.

---

* «Я. ∞ чувством» — на левом поле.

Подр. Вы бы объявили свою непогрешимость?

Он. Твоя грубая шутка имеет некоторый такой смысл, которого ты и не видишь сам. Объявляю тебе, что непогрешимости я не боюсь и применения к себе не стыжусь. Я погрешил только в глазах своей совести, и это при мне и во мне. Что же до [того, что] суждения всех вас или общественного, то я во многом принимаю непогрешимость, даже во всем, хотя собственно по тому одному, что никто из вас даже обвинить не умеет. Что понимаете вы в добре и зле? Я завтра же уверю любого из вас, что стать Ротшильдом есть добродетель [а] и наоборот, что подставить щеку свою величайший порок, и вы все поверите. //

Когда с отцом объясняется в финальной сцене 1-й части, то с рыданиями почти объясняется в любви. *Проговорился* судорожно, что каждый день мечтал о встрече и в досаде, что проговорился, стал стукать его по руке.—

Ну прибей, прибей! — говорит Он.

ВАЖНЕЙШЕЕ. Подростка особенно удивляет то, что иногда Он на княгиню в бешенстве за какую-нибудь выходку, а в другой раз, почти за ту же выходку чуть не в восхищении, как от «дерзости влюбленной». Иногда начинает восхищаться, а кончает бешенством и обратно. Теория Его о подчинении женщинам.

2 октября.

САМОЕ ВАЖНОЕ.

1) Подросток замечает однако (и постепенно, через весь ход романа), что отец, несмотря на то, что произошло между ними *примирение*, и на то, что Он сам сказал подростку, что он и умнее и лучше всех других,— не ровняет его с *своими* детьми, напротив приносит его и всех Макаровых (Лизу) им в жертву. Обиженная гордость (которую с улыбкой замечает отец) и цинизм.

2) Оставляя свои обязанности человека, подросток от озлобления и от смуты становится не только циником, но и проповедует *внутри себя*, при каждом *приключении* своем, что разврат, даже подлость, даже пошлость, даже трусость — лучше, для своей же идеи лучше. Мало того: «вор — нерасчетливый человек». Это верно лишь для карманных воров, но за воров крупных стоит все общество, и он никогда не попадется. «*Золотая средина*» всего лучше. Т. е. *в своей идее*, хоть и нравится еще уединенное мщение, но мирится и со всяким падением. А [для] поэтому забывает и Макаровых, и Лизу, и ребенка. Цинизмом он // дошел до того, что в истории Лизы видит лишь одну точку зрения — т. е. презрение к понятиям, верованиям и взглядам их среды. (NB. Хотя Макар Иванов и остолбенил его и, видимо, оставил в нем впечатление *странное*, но развращающая среда заела). Когда плотоядное намерение на княгиню осуществлялось, он как бы насильно отмахивался от впечатлений истинных, несмотря на то, что были впечатления от редких (но замечательных) встреч с Лизой, как лучи солнца, и с ребенком (которому вдруг, перед самым *заговором*, принес конфет). Правда, среди самой полной вони, когда застрелиться хотел,— мечтались обязанности к Лизе, н⟨а⟩прим⟨ер⟩. Но: «Что же я тут сделаю?», — думал он и успокаивал себя этим совершенно рациональным вопросом. Но после *утра с княгиней* он вдруг *рвется* домой: Лиза, мальчик! Оттого таким громом и подействовала на него смерть Лизы...*

---

* На левом поле: «Здесь».

NB. Васин арестовывается в половине романа, в эпоху бриллиантов, и он, хотя и был поражен, но сказал: *туда и дорога*! Зато потом...

Он бродит по городу после *бриллиантов*: я унизил себя сам, и встречается с погибшей женщиной ночью.

Последнее. Княгиня непременно должна выйти за м. князя и должна быть влюблена в него страстно, ужасно.

NB. Как согласить комбинацию о сватовстве м. князя с законною дочерью? Ответ: разными фазисами любви. Она любила князя, но по гордости его отставила. Тот [легкомысленно был раб ее] хоть и любил, но и *боялся* ее. Но теперь, возвратясь, она опять привлекла его (сверх того м. князь положительно думает, что княгиня с Ним в связи). *Дочь* рассмотрела это тотчас. Комбинацию брака он не мог [сначала] отвергнуть. Княгине несколько стыдно признаться даже самой себе, что она любит князя. //

Об университетском образовании.

Он. Уж не наши ли специалисты-профессора, которые только глупеют от своих специальностей.

Должен ли быть профессор образованный человек? У нас этого вопроса даже и не ставят; был бы специалист.

ПЕТЕРБУРГ. ДОМ, В КОТОРОМ ДОСТОЕВСКИЙ ЖИЛ
С СЕРЕДИНЫ СЕНТЯБРЯ 1875 г. ДО СЕРЕДИНЫ МАЯ 1878 г.

Угол Греческого проспекта и 5-й Рождественской улицы, № 6.
Теперь Греческий проспект и 5-я Советская, № 6
В этом доме закончен роман «Подросток»

Фотография 1957 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Он. О среде. «Московские ведомости», 74, № 244, 1 октября.
Передовая статья. Мнение дурака А. К-рова, о том, что нет добрых и злых, а есть только *среда*.

Учительница подготовляет детей в учебные заведения и дает уроки арифметики.
Он пошел к ней и хотел дать *сто рублей*. Дал, она повесилась или что-нибудь в роде того. *Эпизод*. Можно пришить к нему и Перчаткина. О, я ее нисколько не виню, говорит Он *.
Он — самолюбивая русская средина, ото всего оторвавшаяся и помешавшаяся на том, что Он скрытый гений, а вовсе не средина. Христос спасал Его тем, что Он всегда воображал себе [в будущем католич.] в нем опору. Но Он оказался атеистом.
После рубки образов Он приходит к подростку: Целых последних 8 лет я воображал себя верующим, говорит Он.
— Как же вдруг разуверились?
— Друг мой, я всегда подозревал, что ничему не верю. [Но теперь по крайней мере живу в свою ж...]
— Итак, вы теперь начнете жить в свою ж.
— Нет, мой друг, сообразно с идеалом благородства, который составил себе [и ничто не остановит меня].
— Кто же заставляет вас?
— Я сам себя заставляю.

ДРАГОЦЕННОЕ ЗАМЕЧАНИЕ. Выходя от Макаровых, Он иногда [пере] крестил мальчика; если тот спит, то сонного; но после креста никогда не требует поцелуя ни прямо, ни в руку — брезгливо (и раздражительно), не желая насиловать чувство мальчика, который (Он видит это) продолжает трепетать перед Ним чем далее, тем сильнее. //

NB. *Неразрешенный вопрос*: как подросток, *подозревая*, наконец, после предложения, что Он влюблен в княгиню, решается обесчестить ее?

NB. Княгиня, когда узнала, что документ о 300 000 привез подросток (прихвастнул ст. князю), пустилась было заискивать у подростка: нет ли у него и письма ее к Андрееву? Хотела очаровать его. Он ей отказывает.

5 октяб⟨ря⟩.
? РАЗРЕШЕНИЕ ВОПРОСА. ИЗМЕНЕНИЕ ПЛАНА.
Подросток все время, постепенно, и чем дальше тем больше убеждается, что Он есть жертва гонений Мессалины. Еще до приезда ** подростка ст. князь порвал с Ним интимные отношения за клевету на б⟨...⟩ство дочери с первым встречным. Подростка Он с жаром уверяет, что Он гонимый и терпит. Так как с подушкой затеяно [то] еще до разрыва и выгона Его от ст. князя, то ст. князь, видя, что подушка хочет все-таки за Него выйти, и не мешает тому, несмотря на разрыв. Притом же разрыв довольно деликатный. К тому же и идею свою о браке м. князя с законною дочерью (князевой воспитанницей) князь не хочет оставить.
Когда же Он доставил ст. князю 100 000 как приданое дочери, то ст. князь выразил глубокое одобрение, но все-таки не сошелся. Хотел было примирить Его с княгиней, но та брезгливо отвергла. Одним словом, к приезду подростка княгиня у ст. князя одерживает верх, а отец в опале.
М. князь, сойдясь с подростком, высказывает ему (*по дружески*), что княгиня любит его и опять ударила за ним и что он этого боится, тем более,

---

* «О ∽ Он» — написано позднее.
** Первоначально: «с приездом».

что она в связи с Ним. И что она бог знает с кем в связи. На расспросы подростка: *с кем же*, м. князь не мог ответить. Подросток по многим данным выводит, что эта мысль была ему навязана Им и что м. князь находился и находится у Него под влиянием. М. же князь говорит о нем и с восторгом об уме и *правде* Его и со страхом. По его мнению, Он солгать не может.//Подросток этой откровенностью удивлен и с своей стороны передает князю, что связи нет никакой, но что та — Мессалина и хотела соблазнить отца.

Между тем возвращение 300 000. Примирение ст. князя с Ним. Княгиня вдруг оскорбляет Лизу *. Обнаруживается роман Лизы (в первый раз для всех. Никто не знал). Тем временем подросток уже передал отцу, что княгиня опять ударила за молод. князем. Вызов князю Его и мгновенно берет назад. М. князь узнает через подростка, что у княгини приданого нет. И что есть письмо.

В рассказе от *Я*, подросток, в одной главе, так говорит:

О христианстве Он говорил неохотно и вообще, как я заметил, странно уклонялся. Он хотел, может быть, чтоб я сам выжил и это. Но по настояниям моим, особенно я помню в эти дни, последовавшие за тем-то и тем-то, мне удавалось наводить иногда Его на этот разговор. [Вот] Помню, мы с Ним разговаривали об этом раза два (однажды по поводу Васина, другой раз — вследствие настоятельных вопросов моих), и вот, приблизительно, что уцелело в уме моем из этих разговоров:

Тут о камнях. О вечности и условности добродетели. О человеке на две недели, о добродетели на две недели (камни). Об отношении социализма к христианству, о том, что социализм старается скрыть, выставляя ряд женевских идей, что идеал его есть все-таки материальное довольство, о среде и проч. («Моск. вед»., № 245, из Висбадена) и проч.

Крафту Он сочувствует: «Странная только идея, неужели он предполагал в Европе что-нибудь лучше. А впрочем, он по-своему может и прав: действительно, от России застрелиться можно».

NB. НЕПРЕМЕННО. В ходе романа подросток дивится. Как этакий терпимый человек, твердый и высокого идеала великодушия человек (NB. Перенесение обид, учительница и проч.) — как мог Он раздирать рот ребенку. И узнает от него самого, что ребенок не просто раздражал Его, а ребенок этот есть один из всех, которые не преклонились перед Ним и *не преклонятся* (замечает Он). Потому и последовало временное исступление. За непреклонение перед собой Он ненавидит и княгиню. Страсть зажглась из противоречия. //

Без Ламберта. Все, что произошло с Ламбертом, произошло с отцом. Но чем заменить Ламберта? (NB. При Ламберте, но без него. И в самую последнюю минуту идет к отцу).

NB. Не сделать ли так, что подросток не выдает Ламберту письма и прогоняет его. Ламберт же связывается опять с м. князь⟨ем⟩, дает ему денег и науськивает, чтоб тот брал с нее. Передает м. князю, что у тех есть письмо и что ст. князь не даст денег. Княгиня ссорится с м. князем и прогоняет его. Тут заговор одного подростка и накануне сказал отцу.

---

* «Княгиня ∽ Лизу» — между строк.

А м. князь тем временем ограбил Перчаткина. Заговор. Лиза. М. князь застрелизается — письмо предсмертное, симпатия. М. князь перед смертью опять у Лизы. Лиза, узнав о его смерти, застрелилась.

Княгиня приударяет за подростком во время кутежа, надеясь: не у него ли письмо? Подросток грубит, отказывает, но влюбляется. Бриллианты и бешеное чувство унгерн-штернб⟨ергского⟩ упоения, что могу дескать тебя (княгиню) погубить. *Он* начинает подозревать, что подросток влюблен в княгиню, смеется, мучает его, себя. Мессалина намекает о письме. Узнает, что у подростка с княгиней были свидания. Подросток не догадывается, что Он ревнует, и все поверяет Ему, кроме письма.

— Неужели ты не имел ее? Слушай, есть одно письмо! если б кто имел его, тот мог у⟨...⟩ ее. Волнуется подросток — нарочно или ненарочно он, знает он или не знает, что есть письмо? [Княгиня вдруг оскорбляет Лизу.]

Вторичное оскорбление княгинею Лизы. Вследствие этого законная дочь делает вид, что в первый раз будто бы узнала о том, что м. князь был в связи с Лизой. Невозможно, хоть и Долгорукие, но, главное, потому, что из оскорбления, сделанного княгиней Лизе, подтверждается, что княгиня любит князя, а тот ее. Не хочу. 14 октября? * —

Но удивляет отца тем вопросом: намерен ли Он сделать предложение княгине. Тогда сватает себя за ст. князя... Не отдает 100 000. [Когд] Вдруг [отказ] письмо подушки под предлогом, что Он любит княгиню. Первое явление Ламберта. Он, взбешенный приписываемою Ему страстью, вытребовал свидание с княгиней (та под угрозами согласилась). Подарил документы м. князя с сарказмом за любовь ее к нему, но потребовал, чтоб она// ** не смела завлекать подростка и развращать его, как Мессалина (так и назвал ее Мессалиной). Та дала ему пощечину. Ст. князь призвал его: тот подтвердил, что она развращала подростка, желая выканючить от того письмо. Князь поражен письмом, призывает подростка, и тот отпирается, что есть письмо.*** Князь называет его подлецом. Подушка отказывается. Формальное предложение княгине руки. Все кричат: «С ума сошел!» Рубка образов, предложение.

Он говорит подростку: Я вынес из-за тебя *подлеца*, но ты хорошо**** сделал, что не выдал письма. Подросток в бешенстве за то, что Он жаловался князю за то, что она его (подростка) развращает. Он смиренно сознается, что Он увлекся гневом и презрением к ней и что, если есть у тебя, мой мальчик, документ, то отдай его великодушно. Это величавое сознание совершенно убеждает подростка, что Он не любит ее***** и терпит обиды и только великан над людьми. Но подросток осмеян ею и всеми и м. князем и ст. князем (попробовать без Ламберта).

Тут Ламберт. Обесчестить ее. Оба соглашаются. Подросток убежден в совершенной ненависти отца к ней. Ламберт вдруг на самом кануне, когда тот колеблется, огорошивает его признанием, что Он тоже знает о заговоре и одобряет его. Только что сделал княгине предложение ******. Ламберт на учащенные вопросы, однако, отрицает, берет свои слова об Нем назад. Соглашается, что не так понял, но оставляет сомнение в под-

---

* «Неужели ∞ ? 14 октября?» — на левом поле. Два вопросительных знака — рукою Достоевского.

** В начале страницы: «Февраль, в 4-ю часть».

*** На левом поле: «Здесь».

**** «Он ∞ хорошо» — между строк и дальше до «письма» на левом поле.

***** «терпит ∞ людьми» — на левом поле.

****** «Только что ∞ предложение» — между строк.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТИПЫ
Рисунок Ю. Г. Жуковского, карандаш, 1870-е годы
Литературный музей, Москва

ростке. Подросток убежден, что ее ненавидит. (№. Он никогда не признавался отцу в любви, напротив в бешенстве, что все дразнят его тем, что он влюблен. Он сам знает, что влюблен, но сам уверяет себя, что ненавидит ее за то, что в нее влюблен). Но Ламберт, не веря подростку, приглашает отца. Тот выскакивает в тот момент, когда подросток убивает Ламберта *.

№. *Главное.* [В первый раз признается в своей страсти к княгине тогда, когда уже послал ей письмо. Приходит к Нему и сознается. Тот говорит с сарказмом. Что ж, изнасилуй. Но тот требует его помощи. *Тот* приходит и делается бешеным].

Подросток никогда не признается даже самому себе, что любит княгиню, даже когда целовал ее след (о развратные! материальность!) Возненавидел ее за то, что целовал ее след. К отцу приходит, говоря, что он ненавидит ее. Насиловать не хочу. «Я боюсь ее изнасиловать!» **

6 октябр⟨я⟩.

Рядом с католическою ограниченностью, деспотизмом и нетерпимостью, рядом с презрением к своей земле есть упорство, почти энтузиазм в преследовании идеи, во взгляде на мир и проч. Рядом с высочайшею и дьявольскою гордостью (нет мне судьи) есть и чрезвычайные суровые требования к самому себе, с тем только, что никому не даю отчету. Наружная выработка весьма изящна: видимое простодушие, ласковость, видимая терпимость, отсутствие чисто-личной амбиции. А между тем все это из надменного взгляда на мир, из непостижимой вершины, на которую Он сам самовластно поставил себя над миром. Сущность, например, та: «Меня не могут оскорбить, потому что они мыши. Я виноват, и они это нашли, ну

* «Но ∽ Ламберта» — на левом поле.
** «Подросток ∽ изнасиловать» — позднейший вариант вместо зачеркнутого.

и пусть их, и дай бог им ума, хоть на время, потому что они так ничтожны, так ничтожны!» //*

Я ее ненавижу, но боюсь ее изнасиловать, говорит подросток, прийдя к отцу в последний раз и приглашая его в заговор.

— Сделай это, сделай, говорит отец.

— Как?

— М. человеку [нель] твоих лет нельзя не опакоститься с женщиной или почти нельзя. А тут кто бы ни было: она или уличная. Но ты увидишь, что она хуже уличной. Ты увидишь и слезы, и низость, и обольщение. Имей ее и брось ей плату, отмсти им всем, выб〈.....〉 Долгорукий.

Подросток молчит.

— Я знал, что вы ее ненавидите, говорит он.

— А ты?

— О, я больше вашего!

— Слушай: отдай просто, отдай великодушно — отдай без слов, если можешь. Это будет всего лучше и всего справедливее. И отвернись от нее, не прося награды.

— Будьте вы сами при этом.

— Неужели ты согласен отдать просто? — Согласен и я ** именно ждал от вас этого совета. Вы до того ненавидите ее ***, что наверно отдали бы просто, раздавив ее своим величием.

— Ты хочешь, чтобы я говорил с ней.

— Нет, будьте в соседней комнате, будьте.

— Для чего же: чтоб слышать, как прекрасно будешь ты ей говорить.

— Говорю вам, я боюсь пасть, я боюсь ее изнасиловать.

Пойду. Ненависть в его лице.

(И решают так).— (NB. Я уж послал письмо).

М. князь повел себя дурно, его выгнали из общества, княгиня прогнала его, он присватался было к подушке, ст. князь, узнав его бесчестный поступок (кражу)****, тоже прогнал его. Тогда князь и Ламберт ограбили и убили Перчаткина. NB. Ламберт все надеялся, что м. князь достанет много денег, и сам давал ему. Ламберт надеялся, что он достанет у княгини, у ст. князя, у подушки. Ламберт думает, что у княгини потому м. князь не достал, что у той нет и не будет денег, вследствие письма. И потому он пристает к подростку: нет ли письма, ибо за письмо она даст много (потому что ст. князь в бешенстве на Него, и из деликатности, что сам женится, обещался ее еще раз дотировать). Тогда, по его мнению, м. князь и княгиня помирятся и ему заплатят. С м. князя он взял вексель, по которому тот обещался ему заплатить, когда получит 20 000, если он добудет у подростка [век] письмо. Но у // Ламберта является другая мысль: «По векселю-то я с князька сдеру, когда они помирятся, думает он, а за письмо все-таки и с нее сдеру 20 000». И потому он бешено уговаривает подростка идти в половину, и деньги разделим, и у〈...〉 И странно: хотя подросток и не сдался Ламберту, но страстные слова его: сдерем, отмсти, у〈...〉м, все на минуту, надо пользоваться,— производят на него, несмотря на всю свою грубость, опьяняющее впечатление, спрашивает он себя? Наконец решается сам, один. (А Ламберт убивает с князем Перчаткина). Но в последнюю минуту, за два часа идет к Нему и зовет его.

---

* В начале следующей страницы: «Февр〈аль〉, в 4-ю часть».

** «Неужели ∞ и я» между строк и дальше до «величием» на левом поле.

*** В оригинале: «его».

**** Над строкой вариант: «дуэль».

Когда Он бестиально носится с полумертвой княгиней на руках, Он вдруг со всего размаха, и уже положив ее на постель, ударяет ее (после поцелуев) кулаком по лицу (заголил ногу). Тут подросток убивает его.

В расписании 1-й части.

Когда подросток входит к Брусиловым, то врывается учительша с письмом (и 100 руб.). Скажите этому подлецу и т. д. Подросток берется отдать. Отдает с язвительными грубостями. Подушка, раздирание рта. Учительша повесилась. [Мать.] На другой день подросток заходит к учительше. Тут и Он. Но подросток с Ним ни слова у мертвой учительши. Мать оправдала Его. Подросток уходит смущенный. А к нему приходит на новую квартиру отец. Между прочим говорит и об учительше, но тихо, нежно. (NB. Когда подросток приходит написать письмо (и за пожитками), то говорит про письмо Андреева, которое мог бы передать Ему, и во время примирения передает). //

NB. Важное. Тетка, крестная мать м. князя и чрезвычайно дальняя ему родственница, но более [ближайшая] близкая родственница ст. князю, живет в Луге, бедна, и вот у ней-то прогостил некоторое время опальный князь, у ней под покровительством было и семейство Макаровых.

У этой тетки и был процесс с Ним о 300 000. Выиграв 300 тысяч, Он обещал отдать 100 т⟨ысяч⟩. Но [семейств] ст. князь, чтоб было деликатнее, вдруг возымел идею сватовства, сам обещал дотировать. Тогда Он даст за дочерью 100 000 и внес.

— Вы, однако же, не очень-то часто ко мне заходите, говорит Ему подросток.

— Мне некогда, друг мой, мне некогда, извини меня, пожалуйста, не обидься.

Он о Бисмарке. Беда, коли скоро понимается человек или дело: первый признак, что оно пустое. Соединил механически мечом и железом и разъединяет нравственно, поселяя семена религиозной будущей ненависти. Не рассчитывает ли на атеизм.

Мечом и железом никогда и ничего еще не делалось прочного.

Князь Бисмарк принадлежит к быстро понимаемым средой (таковы поэты, деятели, публицисты). Эта слава эфемерна и глупа.*

Ст. князь. Представь себе, Он завидует славе Бисмарка и не признает в нем великого человека.

Он про княгиню: Она стыдлива.

— Если стыдлива, то как же Мессалина?

— Ты не понимаешь этого.

Письмо подростка из Москвы в Петербург к неизвестному милостивому государю о том, чтоб оставили его в покое, но является тетка и все перевернула. //

Когда я дал знать моему немцу, что в университет не намерен, то немец (русский) попробовал слегка меня уговорить и представить выгоды, но я быстро оборвал (своя идея). Тогда он объявил мне, что уведомил моих родных в Петербург, что, по [мое] его мнению, конечно, так и состоится, как я того желаю, ибо хоть я и несовершеннолетний, но уже имею права

---

* На левом поле: «Лакею в вагоне».

(гимназические) и принуждать меня, конечно, не будут, разве что я вынесу неприятности. Замечу, что немец за меня сносился с «родственниками». Я никогда не писал. «Родственники» это были Андреевы. Но я знал, что два месяца тому Андреев в Петербурге умер и жена его, две мои тетки и две девы дочери теперь в Петербурге. Немец мой как-то за все время совестился говорить со мною о родственниках. Но я никогда не писал и не говорил о них, знал очень о них много. Именно вот что я тогда знал: это необходимо, чтоб представить меня въезжающего в Петербург. Знал от немок, от дворовых.

Во 1-х, об отце. Отец... все сведения — с ст. кн. (№. Как романтически действовало на меня всякое сведение об отце.) И тут отец, ст. князь, княгиня... и т. д.

— Брак отца для〈?〉 немца.

— *Я*. Мне это совершенно все равно *.

Главное, тревожило известие о браке отца и о семействе Макарова, находящемся при нем в Петербурге. Затем является тетка. В Петерб〈урге〉 нашли место. Я могу еще не поехать. Я поговорил с немцем — развлекать ст. князя. Затем фру-фру. Студент университета и путь. №. За последнее время в седьмом классе. История князька, потом быстрая встреча с Ламбертом.

Замечательное. Или так: в предпоследний вечер, за день до отъезда в Москву** [я] мы все сели, я, немец и жена его, и вот что я узнал. Затем пакет писем Андреева. Немец: Я решил отдать вам. Или немец умер, а немка отдала ему. [Письмо подро]//

(С октября 9).

— Человек с умом бесспорным, но человек не умный.

— Послушайте, князь, откуда вы такие вещи берете?

— Mon cher, je sais tout, mais je ne sais rien de bon ***.

Князь обрадовался, что я [ск] удивился его уму. Но, клянусь, я сделал это искренно, а не из лести. *Напротив* даже, я скорее подсмеялся, ибо уверен, что он сказал это не думая, а так нечаянно. Затем князь сейчас вторую bon mot ****, но вторая не вышла.

Je sais tout, mais je ne sais rien de bon (Фауст).

Я знаю все, но я не знаю ничего хорошего (Я узнал все, но не узнал ничего хорошего).

*****То же беспокойство, которое увлекает и манит жаждущую веры душу к небесам, [тоже зас] заставляет и реалиста отвергать веру. Реализм и атеизм — есть только обманчивое спокойствие (ибо никогда атеизм не овладевает душой индифферентной). Душа, успокаивающая себя полным отрицанием, может быть всего более жаждет полного потверждения (положительного), полной веры.

Но есть средина, которая рада праву на бесчестье. Молодежь и не подозревает, что она есть и что она вращается в этой грязной массе.

У нас совсем не знают социализма, но социальные идеи везде носятся.

---

* «Брак ∽ равно» — на левом поле, вверху страницы; помещаем, однако, по смыслу здесь, рядом со следующей записью: «Главное ∽ Петербурге» — в середине страницы.

** Очевидная описка, должно быть: «Петербург».

*** Дорогой, я знаю все, но не знаю ничего хорошего (*франц.*).

**** остроту (*франц.*).

***** На левом поле: «Февр〈аль〉».

Мы сделались европейцами под непременным условием неуважения к самому себе. //

*Многое устареет раньше, чем созреет, но в обществе зло бесспорное. Это правда.

** Он. Твоя мать совершенная противоположность иным петербургским газетам, у которых, что ново, то и хорошо.

Раскаяться — значило у меня тотчас же на кого-нибудь накинуться с обвинением. (№. Он. Ну, известно: раскаяться — значит у нас тотчас же на кого-нибудь накинуться с обвинением.) Сравнение нигилизма с появлением поэта Бенедиктова (Он). Ст. князь о поступке Версилова. Как весело, когда радуешься за благородный поступок.

Верс. Идея о дворянстве и лучших людях.
Версилов. Освободили народ дворяне, а чиновники только у них мысль украли.

Верс. Был бы только русский дух, т. е. дух Христов, и все хронологические необходимости зла Европы немыслимы в России (заводчики, народ ‹?›), никто не захочет пользоваться во вред меньшим братьям, ибо *счастье жизни*, *забаву* жизни найдут в другом, т. е. не в золоте, а в самоотвержении.
— Так ли, возможен ли такой край?
— А если невозможен, то идеал и стремление к нему всегда будут возможны. Не умирал лишь бы Христос в русском сердце, и [все] хоть бы ночь кругом, все-таки можно будет стремиться изо всех сил к светлой точке. Стало быть, жить будет весело, только бы идея не умирала. Вот когда умрет самая идея и примется европейская, не равенства внутреннего, а равенства механического, вот тогда все пропало.

Версилов. У нас, у русских, нет честных воспоминаний, а какие были, те мы с любовью обесчестили и отвергли.
Версилов. Свободно думающих или действующих в России я не принимаю и не допускаю: все лакеи, слышишь, лакеи, а не рабы. Русская смелость, если и проявится где, то это лишь наглость лакея, при беспрерывной трусости за самого себя: как ступить, что сделать.

— Нигиляшки, состарились, обеззубели.
Версилов. Россия только что собирается жить.
— Это тысячу-то лет?
— Большому кораблю большие и сборы. Невский пароходик в 4 силы скорее построишь, чем фрегат «Минин».
Макар радуется этим словам.

Политические разговоры (о Китае).

У нас не только знающих людей, у нас честных людей совсем нет. Честного человека у нас на Руси совсем почти нет.

Духовное сословие дало нам по преимуществу атеистов и нигилистов (фантазеров, вследствие незнания света, и исключительных, вследствие обособленности в сословие). В своих академиях они продолжают быть *осословленными*; то-то бы разомкнуть и в университет.

---

* На левом поле: «Февр‹аль›».
** Выше строки: «ИСТРЕПА».

Они в общем движении не участвовали, а вот уже 20 лет презрительно ухмыляются и угрюмо фыркают на все реформы.

Друг мой, все это вопросы с болячками, и я их всеми силами избегаю.

Социалистам. Вы надеетесь прельстить человека выгодой, умственным расчетом его выгоды и думаете, что ввиду «несомненной» выгоды он бросит все и пойдет за вами (так думали Чернышевский и Добролюбов. Четверть часа поговорить в окошко с народом, и он пойдет за вами). Господи, какой плохой расчет с вашей стороны: да когда же человек делал то, что ему выгодно? Да не всегда ли, напротив, он делал то, что ему нравилось, а не то, что ему выгодно, нередко сам видя во все глаза, что это ему невыгодно. Человек же вообще имеет прирожденную наклонность при всяком почти расчете своем считать за *выгодное ему* именно то, что ему нравится, а не что другое. Вы это забыли. //

Вы не взяли привилегии на человеколюбие. Часто даже, напротив, вы только жаждущие славы маленькие эгоисты. Социалисты — ненависть.

Верс. Планета с богом соприкасаются целого и бессмертия (семейство уничтожается и предки, и личность (без бога) остается род человеческий, ограничивается, стало быть, землею, а при воскресении свидание, познание).

Подр. Вот этими-то страстными словами (отрывочными, бессвязными, но поэтическими) он воспламенял меня и неотразимо привлекал (я помещаю, чтоб показать, какие мечты бродили в сердце этого человека).

Христианство и социализм. Гнев и бой (вперед!). Выгода вместо нравственного начала. [Смеш] Примешали к своей ненависти человеколюбие. Пожар Тюильри. Ответственность личная, и нет преступления (т. е. личности). Победят несомненно. В конце победа Христа.

Господи, помилуй, подай денег.
Господи, помилуй всех, за кого некому помолиться.
Господи, шевельнись. //

Ламберт подбивает князька требовать истраченные и недоданные Им 30 000, а также и 100 000, которые дочь не хочет отдать ни за что.

Подросток решается на заговор один, но накануне узнает, что Он, *после всего*, сделал княгине предложение. Это поражает подростка: значит Он влюблен! Он идет к Нему и никогда более не выслушивал ругательств Мессалине, как в этот раз, когда Он сделал предложение. Я из презрения сделал предложение.

Его к мировому за помощь в 100 руб. гувернантке.

Процесс за недоданные деньги.

Только что приехал подросток, Он накидывается расспрашивать: как ехал молод. князь.

14 октября.

Княгиня — дочь старого князя. Подросток влюблен, хотя и не верит, что влюблен, и думает, что ненавидит. Но чувства свои к княгине *инстинктивно* от Него и от всех скрывает, боясь *сраму*. Каково же его замешательство и бешенство, когда Он позволяет себе сказать княгине, что она развращает подростка, влюбляя в себя, от чего тот потерял голову. Главное

АРСЕНАЛ. РАЗВАЛИНЫ

Фотография из: «Album photographique des ruines de Paris. Collection de tous les monuments et édifices détruits par la Commune de Paris...» Paris, 1871, Septembre

Литературный музей, Москва

еще и в том, что подросток, во весь роман, старался скрыть от Него свои чувства: невольно подозревая, что Он влюблен, хотя и верил Ему, что теперь Он давно уже ее ненавидел. *Из деликатности* не хотел быть конкурентом отцу. Наступает цинизм, злость на Него, а пуще на княгиню. Верит, наконец, что Он ее ненавидит. Тот сам советует ему изнасиловать. Но заговор ведет один и в глубокой тайне. И вдруг почти *накануне* узнает (от Ламберта), что Он сделал ей предложение руки. Подросток * идет к Нему.

— Как же вы сказали, что ее не любите?

Он отвечает: Моя жизнь никуда не годна. Я могу спасти ее.

— Но если она вас ненавидит?

— Нет, обожает, а я ее не люблю.

— Но она не сознается.

— Она, может быть, настолько будет умна, что сознается.

Результат тот, что подросток борется сам с собой и, наконец, *за час* приглашает Его. //

14 октября.

В ходе романа держать *непременно* два правила.

1-е правило. Избегнуть ту ошибку в *Идиоте* и в *Бесах*, что второстепенные происшествия (многие) изображались в виде недосказанном, намёчном, романическом, тянулись через долгое пространство, в действии и сценах, но без малейших объяснений, в угадках и намёках, вместо того чтобы *прямо объяснить истину*. Как второстепенные эпизоды, они не стоили

* На левом поле.

такого капитального внимания читателя и даже, напротив, тем самым затемнялась главная цель, а не разъяснялась, именно потому, что читатель, сбитый на проселок, терял большую дорогу, путался вниманием.

Стараться избегать, и второстепенностям отводить место незначительнее, совсем короче, а действие совокупить лишь около героя.

2-е правило в том, что герой — подросток. А остальное все второстепенность, даже Он — второстепенность. Поэма в подростке и в идее его или, лучше сказать,— подростке единственно как в носителе и изобретателе *своей идеи*.

Подросток берется из Москвы весь проникнутый *идеею* и верный *ей*. Он вооружен ею и едет на борьбу и знает это. Он уже пожертвовал ей кой-чем: именно отчуждением трехлетним, укреплением характера и коплением и отказом от высшего образования, нарочно для идеи. В Петербурге *его идея* подвергается ущербу и потрясениям от многих причин, именно://

1) От столкновения с людьми, и от того, что не утерпел и обнаружил идею: *стыд за нее*.

2) Социализм пошатнул верование: хочет и идею, и остаться благородным.

3) Свысока отношение Его к идее: Он одобряет, но подросток предчувствует, что Его идея — выше, гордее и благороднее [его], чем его. В чем же состоит Его идея? Весь роман угадывает.

4) Столкновение с жизнью, сластолюбие, честолюбие, не свое общество, м. князь. Является цинизм и другие пути ⟨к⟩ блеску. Все рушится через обиды, которые вновь возвращают его к своей идее, но уже не теоретически, а взаправду озлобленного и желающего отомстить. Цинизм и отвага, Ламберт, м. князь. Заговор, деньги. К этому времени относится *свысока смотрение* на Него, потеря к Нему уважения, любви, желание Ему отмстить за то, что Он в его жизни составлял так долго и так много. Тут же неуважение к семейству. Тем сильнее потрясает его встреча с Лизой, ребенком и проч.

5) Отношение к княгине, честолюбие, страсть и заговор. В конце концов разъяснение, что такое Он. №. Но на заговор он решился отнюдь не из идеи, а из страсти *.

6) Макар Иванов и те. Потрясающее впечатление, но не уничтожающее идею.

3-е правило: [молодой князь].

15 октября.

После Сушара быстро прекратить. Мать, встреча**. Ушел в себя, потом в гимназии, мечтательность, об отце, об встрече, своя идея, социальное положение, даже на то, что в университет не пошел, имело влияние. Но не говорить, что, потом, у Васина. Затем жизнь у немца и сведения об отце. Письма Андреева, я разобрал их, из этих писем я кое-что узнал, ехал вооруженный. Явилась тетка — в Петербург к князю. Езда и проч. Аукцион — 10 рублей.

— Немец заметил, что «вы экономны».
— Скажите, скряга ***.
— Для чего вы это делаете.
— Я хохочу: «Ротшильдом хочу быть» и проч. ****//

---

* «№. ∽ страсти» — другим пером.
** «Мать, встреча» — между строк.
*** «Немец ∽ скряга» — на левом поле; под авторской цифрой: «1».
**** «Для ∽ проч.» — на левом поле; под авторской цифрой: «2».

Это Он рассказывает Васину про *свою идею* подростка, и Васин приходит (перед арестом как раз), неожиданно говорить с ним. Колеблет подростка. Подростку вопрос: «Значит Он старается обо мне», и опять-таки из гордости, не любит он того, что известно Васину. Но Васина арестовали. Подросток поражен.

*№. Непременно. Кутежи с м. князем в хорошем кругу (гусары) с подростком, куда тот допущен (и понимает, что не как свой). Потом дуэль м. князя. Князь струсил на дуэли. Княгиня призывает подростка и расспрашивает.— Подросток отворачивается — но после женщин, Andrieux, ст. князя, мистифировал дурака и проч. Он вдруг удаляется в себя, цинизм, ярость на княгиню, всем отмстить, письмо, раздражающее его, ссоры с отцом, от которого ужасно много требует, и Ламберт. (Увы! Мое настроение мешало мне видеть Лизу. Их роман отдельно.)

Княгиня говорит на другой день после покушения: Он честен, благороден, но [все напускное, книжное, выделанное и честь (как во всем нашем обществе) я знала что] Он всегда способен был веровать, что я испугаюсь письма. Я это всегда, всегда предчувствовала. В нем нет великой идеи.

В предисловии княгине: Если б я стал вам объяснять мою идею, я бы никогда не сумел и не кончил, но вот вам история, писана не для вас, но скажу все: я думал, что когда-нибудь вы прочтете.
При каждой строке.
Почему я думал, совершенно не ожидая от вас этого письма?
Здесь я вас строго
И не перечитываю, а пошлю. //

Натравив их всех на заговор, Он в то же время еще колеблется и хотел бы** отослать письмо с благородством. В этом смысле делает последний шаг подтибрить у них письмо. *Но не дали.* Приходит к подростку и иносказательно отсоветует ему (благородное чувство отца блеснуло в последний раз). Но подросток принял за выманивание. Тогда Он махнул рукой и с хохотом решился.

Я не любил ее (княгиню) совсем. Я не знаю, во что я играл.

№. Кутежи с молод. князем. Женщины. Подросток чувствует, что [его приним⟨ают⟩] он здесь *не ровня*, но он уже замотался, уже полюбил сладость роскоши (Петербург подействовал матерьяльно). Женщины. [На улице он испробовал]. В игорном тайном доме, арестуют, деньги со стола, князек выдает подростка, на него падает, что он украл. Вышел, ночь, девка, бешеный бросается на князя. Я уладил дело, говорит [подросток] м. кн. подростку. Деньги нашлись. Но тот уже ушел в себя, у того ненависть.
К Лизе, к матери, им о своей идее, *ничего не понимают.* Долгушина арестуют. Прощание Лизы с м. князем происходит при подростке. Жених укоряет. Лиза благодарит его. Тот извиняется. В тот же вечер сцена дома Лизы с матерью: «Носи!» [На другой день отказала молод. человеку]. Тут присутствовали Он и подросток. Как вышли — подросток Ему: «Подлец!» Да, тут подлеца. И затем встречаются в заговоре. И затем, вечером, подросток у матери. Лизы нет. Вдруг мать вскинулась: «Ох! Тошно мне!» Побежала искать Лизу, наткнулась, что ее несут. Принес жених. Последовавшим*** сейчас за сим описанием: дома мать, умирает. Он, с начинающимися

---

* На левом поле: «14 октября».
** Исправлено из: «было».
*** Исправлено из: «последующее».

рыданиями, мальчик плачет об Лизе и не дает от себя уйти подростку. Ламберт с ногой. Арест.//

Короче писать. (Подражать Пушкину).

Брак м. князя и княгини вовсе не так официален. Ничего вслух не сказано, и княгиня *свободна*. Но слухи в продолжение романа об официально объявленном браке ходили много раз, и каждый раз Он начинал страшно волноваться. Приезд князя вместе с подростком — есть уже одно из Его волнений. Тут и вызов после 200 000. Ему никак неизвестно, зачем ст. князь замешался в векселе молод. князя Лизе, и проч. *на эту тему*.

*NB. Князь, приехав, ищет свидания с Лизой, вот почему Лиза просияла (хотя и ходит жених). Имел даже свидание. М. князь приглашает подростка быть на свидании, чтобы видеть, как это *чисто*. И подросток был. Это во 2-й части.

В 1-й части.

Подросток Ему говорит о том, что он, не видав Его с детства, не знает **, почему Его любил, что ему всегда мечталось, что он Ему все скажет и *докажет* при главном свидании, отвергнет или простит и что ему теперь очень даже тяжело было видеть, что Он не такой молодец, щеголь, не так идеально прекрасен, как тогда, когда приезжал к Сушару.

Непременно нужен разговор ст. князя с подростком о Лизе,— разговор, что-нибудь сильно разъясняющий подростку (т. е. читателю) и то — почему ст. князь принял участие в *дотировании* Лизы (cher enfant, enfin c'est juste***).

Это Макар Иванов сказал: «Носи!» Когда мать Лизы сказала ему.

Когда в сцене заговора подросток убил Ламберта, то сказал княгине: неужели вы думаете, что я побоялся бы вас иметь. Нет, единственно, чтоб показать вам, что я вас не боюсь и до какой степени презираю все, начиная с вас до казни, которая меня ожидает,— говорю вам: ступайте, идите, марш. Затем княгиня подошла, отворила дверь, увидела спрятавшегося отца и, улыбнувшись, сказала: Я так и знала.

Идите, мы все виноваты.//

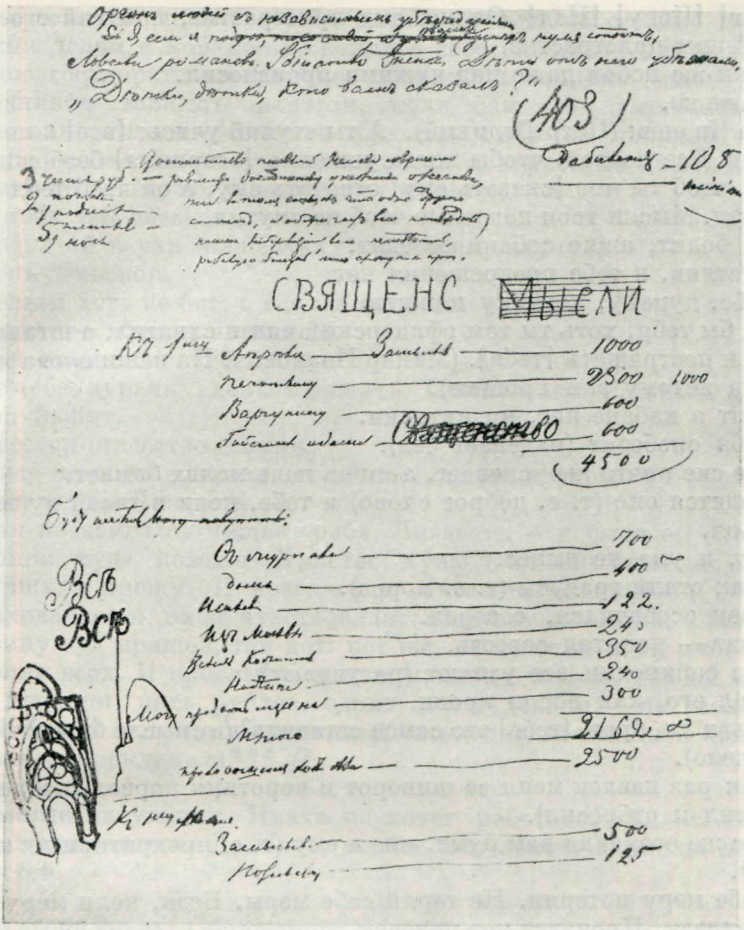
Макар Иванович о Петре Великом.

NB. Макар Иванов проповедует воздержание, пост, возведенные в науку (монашество), т. е. прямо противуположно идее подростка. Поражает его христианством. Но ему тогда некогда. Версилов толкует тоже о христианстве.

В нем**** гущина (ума, познаний, науки).
Ни́ он такой-то, ни́ он ефтакой...
Он у нас, что младенец, на что взглянет, то и тянет.
У меня за хребтом стоит.
Невзапно.
Не попал ее (его) за горло.
Рука еще не налегла, сердца не хватило (на убийство ножом).
Чтоб такую вековеченскую муку принять.
Я жил почтительно.

---

* На левом поле: «Очень важное».
** В оригинале: «знаю».
*** милое дитя, наконец, это правильно (*франц.*).
**** Сверху вариант: «ём».



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 8, л. 2

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Детки маленькие, так и ведки маленькие, а как детки в сноп, так и собьют батьку с ног.

Яичко спру́дила (мышь украла).

Наше победье (наша беда).

Ох уж как худо (больному), за что только* душа в ём зацепилась-держится; давно помереть бы надо.

Около тебя покормиться.

Не от всякого можно обидеться.

Он у нас, как месяц молодой, чуть покажется, тут и закатится.

Это один из тех многих наших писателей, которые [все] не знают, зачем они пишут.

Солдат — мужик порченый.

---

* Сверху вариант: «еще».

[Попуг] [Попу] [Над] Окажи ему пристрастие, попугай его. Произведи над* ним пристрастие.

Он такй же побои даже над чужими произносил.

Ты вьюнош.

Макар Иванов: (Петр Великий). А ты ступай учись, [все] а не брандахлысничай. Все познай, чтобы когда увидишь [озорника] безбожника али озорника, чтоб ты мог [сказать ему] отвечать ему, а он чтоб тебя словами не забросал. Мысли твои незрелые чтоб не смутил.

Спина болит, ажно собаки ее едят.

Ты суетлив, в тебе предрешения нет.

Не тебе, дураку, копейку нажить.

Лозой бы тебя, хоть ты там офицерский чин и схватил, а штанишки бы снять, да и постращать [тебя]. (Макар Иванович! На ваши слова я смотрю широко, а потому вам прощаю).

А сидит в кабаке наг, ни ниточки.

Он тебя опобедит (наделает бед).

Но все сие ничто же успевает, а лишь паче молва бывает.

Пригодится оно (т. е. доброе слово) и тебе, коли в твоей душе есть за что взяться.

Вырос, а ума не вынес.

Вот как стали градусы (т. е. мороз).

Человек особачился, озверел.

Адвокат — нанятая совесть. //

Тут до сориночки все узнают (разузнают).

А ждал его, как ворон крови.

А нельзя ли, брат, [тебе] это самое оставить? (в смысле бросить начатое, дурное, дело).

Он как раз извлек меня за шиворот и воротник порвал (извлек в смысле схватил и отбросил).

Тотчас же оторвали нам руки, мне и ему (т. е. прекратили их желаемое действие).

Ты себе меру потерял. Не теряй себе меры. Беда, коли меру себе потеряет человек. Пропадет тот человек.

А ты возомнил.

Ты его дерзнул.

Тебя твой ум заполонил, а не ты свой ум остепенил.

Думал! Что ж что ты думал, коли до конца не додумал.

Что ж ты значишь, когда ты свою присягу сломал (т. е. нарушил).

Мало вы полосовали других (т. е. били). Исполосовал его (избил его).

Слезьми плачет. Свое добришко (именьице) вывез.

Плачет [везде] маленький человек, день и ночь плачет, повсеместно плачет, хлебца нет, обуть-одеть нечего, а большой человек опивается-объедается. И повсеместно так по всему лицу земному вплоть до самого Христова пришествия будет, [множ] возрастая и умножаясь.

А избили ее в ту пору до полусмерти.

Что она говорит? Я ее люблю. Это я-то не люблю? Я ее день и ночь люблю,— вот как люблю.

Выправить замозоленную копейку.

Да ты образи́ себя прежде, да и каждое дело свое. Над тем потрудись; а то ты раскидался, собственного дела перед собой не видишь**, чего хочешь, не знаешь, самого себя не замечаешь (или перестал замечать).

Напрежь всего (о себе)*** поработай, уж тем самым и людям порабо-

---

* Сверху вариант: «ему».

** Сверху вариант: «имеешь».

*** Сверху вариант: «на себя».

таешь, великий подвиг с себя начнешь, коли не оставит тебя бог,— то великим делом и кончишь. Всякий о себе работник, никто же другой — никакое государство, и никакое правило, и никакой закон. И в Содоме праведником можешь остаться, коли сам себя умственным взором * непрестанно глядеть-обмерять будешь. Себя не покидай — это первое дело. Да что же ты: от рук отбился, да и в речь не даешься (т. е. даже слушать не хочет, когда про него говорят).

Я тебя так звездану.

Подул ей в ухо (нашептал, наговорил, научил).

День-деньской.

Деньги хоть не бог, а все же полбога.

Солдат — мужик порченый.

Как вами изволено было.

Не тебе, дурачку, деньгу нажить. Ты человек суетливый, а всякое дело спокой любит.

Престол-отечество помни.

Тоже помнить престол-отечество надо (ex abrupto)**.

Смердящая Лизавета.

Как воздвиглась нищая раба Лизавета — и было ей сновидение: на страшном суде позовет Христос, хуже тебя, смраднее не было,— коли простишь, я прощу. И возглаголет Лизавета. Жгли меня, секли меня,— не жаловалась я, ниже́ чувствовала, обиды не замечала, а как теперь про всю вину суд пришел, так вот: нет же, не прощаю я их многогрешная, и погубили всех. И прослышали купцы, ситцу давали, квасом поили, пирогами пленяли, пять рублев одних денег давали,— не взяла Лизавета. Прибили они ее тогда и выгнали. Скатилась с лестницы и кричала, долго кричала и проклинала***. //

Пьяные на улицах. Никто не хочет работать. Убил себя гимназист, что тяжело учиться. Дряблое, подлое поколение. Никаких долгов и обязанностей.

В вагоне тетка: Обиженного из себя представляешь, батюшка.

...Тут я догадался, что въехал в казенщину.

В провинции коротко-любезно-обыденно-фамильярные разговоры в тоне, считаемом за лучший и приличный:

Наврали вы, однако же, нам, доктор, по этому делу порядочно.

Доктор. Совсем нет и, во-первых, прошу вас говорить приличнее.

Я... и т. д. (NB. Но приличнее не говорят, а все продолжают в том же роде).

В вагоне: Дал себе слово никогда не говорить отцу и никому об истязаниях детства у Сушара,— *не стоят того.*

15 октября.

Или по-прежнему, не сократить о мечтательности и уж у Васина Унгерн-Штернберг и мельком о своей идее — в загадочном виде.

23 октября.

Видя себя в таком могуществе (Ротшильдом), я решительно влюблялся в самого себя.

---

* Сверху вариант: «оком».

** Сразу, без подготовки (*лат.*).

*** Весь текст о Лизавете Смердящей написан на полях слева.

26 окт⟨ября⟩.

Я не то что был трус, а я вообразил, что я лакей, ну а коль лакей, то и трус, то и вор (украл), и с наслаждением погрязал в вони. Меж тем другой мир книжный, Вальтер Скотт, мечтательный. Зажечь (мечта). (NB. Кроме того, придумать тут еще мечту). Придумать благородное дело. И вот благородное дело, сделанное им, терзает его.

Посещение матери. Тетка, переезд к немцу. Две жизни продолжаются и развиваются. Описание мечтаний и какие именно. (NB. Непременно отец в каждой мечте). Потом действительность, описание немца, жизни у него, гимназии, но сухая, дрянная жизнь. Наконец, совершенно закрылся в аккуратную жизнь, как в скорлупу (всякая вещь на своем месте. Ужасно // маленькая жизнь и чем меньше, тем лучше). Из этой жизни раз вырывает его Lambert. После Ламберта совершенно уже закрылся. Известия об отце. Собирал ужасно. Сердце начинало биться при каждом известии. Началось половое. Кузнецкий мост. Луч. Вдруг своя идея. Три года организации идеи. Конец гимназии, быстрый перелом, письмо в Петербург (даже не было сказано, кому немец пишет). Немец умер. Пакет. Сведения об родных. Тетка. Фру-фру и встреча. С теткой. Проезд.

Между тем в гимназии были скверные учителя (примеры). Удивительно, как мне было это все равно. Примеры, анекдоты. Входил, по-видимому, весь в ту жизнь (гимназическую), а между тем *совсем не входил*, а только *так*.

Немец говорил о лодке в Англию и о процессе Христа и проч.

*Мечты. Пророк. Невидимка. Стрела в глаз Наполеону. Веселый рассказ об отрезанной голове. Как он это хорошо рассказал. Я рассказываю у графини. Разбитие под Москвой и Унгерн-Штернберг. Я описываю шаг за шагом, как это все началось и с чего поехало.

NB. *Он* подростку, при первом объяснении: Если ты находишь, что я, женясь на этой, дурно делаю, то скажи — и я порву, еще время есть. Правда, она почти официально невеста моя, но — время есть. То же, что говорю тебе, я говорил твоей матери.

— А *вашим* детям?

— Нет, я им этого не говорил: я их спрашиваться не намерен.//

От Я.

Жизнь его детства разместить по частям романа в следующем виде: В вагоне — Чацкий; в вагоне же и о том, что князь судился. У Васина — посещение матери, мечты и проч. Во время кутежа с князем о Ламберте. (Можно словечко закинуть и раньше). Но князь сам говорит ему о Ламберте.

В вагоне. Я бы спросил его о Ламберте. Вы г. Ламберта знаете. Кутеж сделать так — целуется, а его за волосы.

И меня к княгине кати. Она скверная.

27 октябр⟨я⟩.

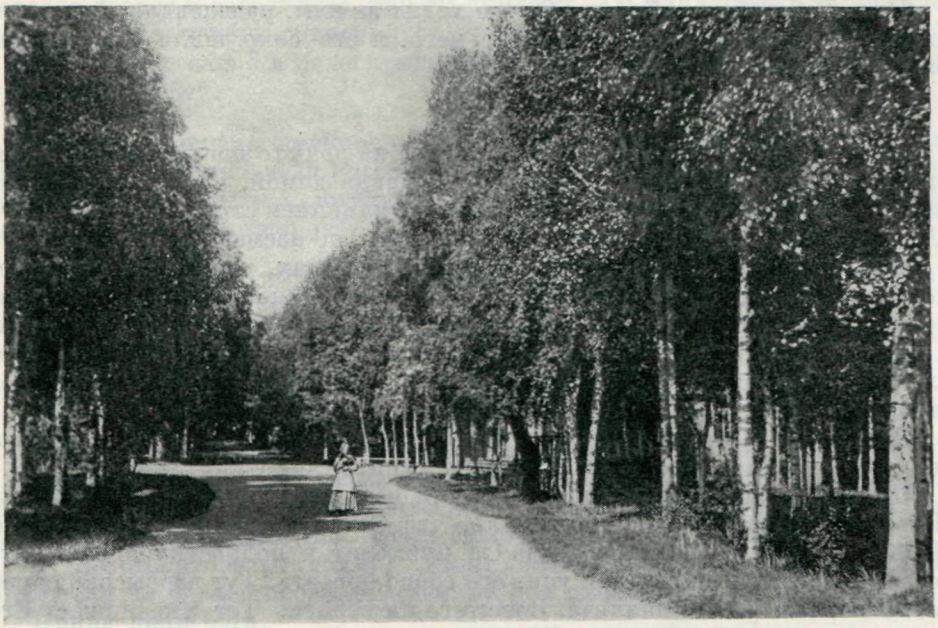
**Его выбрасывают на всем лету из саней, он сносит. Игра. Я хочу, чтоб этого вон, или меня или его вон. Украденные деньги. Когда вывели, он воротился и сказал, что князь украл.

NB. Рассказы у Васина прерываются или эпизодами с ребенком, или ночью — эпизодом с повесившейся, которую поместить в одном доме.

---

* На левом поле: «Справиться с материалом».

** На левом поле: «Февр⟨аль⟩».



СТАРАЯ РУССА. МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. ПАРК
Фотография 1880-х годов
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

На малое терпенье у меня недоставало характера, а на большое достало бы; я знал, что достало бы.

Перед отъездом, говоря с Н. А., тот говорит подростку: Вы знаете, что там свадьба князя и вашей сестры.

— Я знаю больше, там свадьба моего отца.

ОН ЕЩЕ РАЗ?

Помещик, деспот, сильный ум, настолько критический, чтоб не стать ни славянофилом, ни западником. Делается глубоким эгоистом. Эгоистом от деспотизма. Деспот же до конца ногтей, настоящий деспот так высоко должен поставить себя, что относится уже елейно без злобы, ибо — мыши, кроты. Им нужно помогать и их поощрять. Влюбленность в Него всех он должен принимать как нечто необходимое. И потому *невлюбленности* в него княгини не может понять. Не верит тому, что влюблен, и смущается, когда это ему доказывается им же самим, задумывается. Думает, что хочет только спасти княгиню. Все разрешается страстью. Эта страсть, [сокруш] признание, что Он способен *упасть* до страсти, сокрушает его совершенно. Деспот до конца ногтей. Сам признается, что атеист,— губит подростка, рискует погубить его, одумывается, приходит уговорить от заговора.

NB. Ужасно свысока смотрит на Васина (т. е. благодушно до елейности). NB. Неблагодушен только с одним болезненным мальчиком.

— Им любоваться можно,— до того чистый тип деспота, говорит Васин.// Он, эгоистично терзаясь, выдержал смерть жены и самоубийство Лизы. Мальчика же сам увел и *бросил на улице* и потом, когда пришел подросток, завопил, что бросил ребенка. Убежал от него*.

---

* «Убежал от него» — на левом поле.

Или: Ребенок сам бежал. Он же ходил за ним, развлекал, играл (тетки не было), но ребенок убежал от него, и это сокрушило его гордость окончательно.

28 окт⟨ября⟩.

Когда стар. князь Его выгнал за донос на дочь (о письме, в котор⟨ом⟩ она хлопотала о сумасшествии), то Он, придя домой, написал ст. князю письмо, что Он наклеветал на княгиню под влиянием страсти к ней и проч. (А что, если это верно, говорит Он подростку, но насмешливо).

Лекции Его подростку о развратных созданиях, о разврате света (по поводу княгини). Он пользуется фанатической ненавистью подростка против аристократов и возбуждает его (для игры). Подросток верит в Него слепо до *последнего мгновения*. Игра же Его состоит в том, чтоб влюбить подростка в себя, покорить его, захватить в свою власть, с тем чтобы бросить.

Вопрос же о *матери* Он представляет подростку в таком виде, что тот верит, что Ему и нельзя было иначе поступить.

Подростка возмущает, что он не обращает внимания на судьбу Лизы. И тоже чуть-чуть заходит ему мысль, что Он слишком эгоистичен с ним. Но в последнее мгновение, когда Он приходит к подростку просить его оставить заговор, он высок и учит его гордо бросить. Тут же высоко осуждает в первый раз Ротшильда. Зовет его на вериги. Тот упрашивает Его пойти вместе вручить письмо.//

Подросток тетке в вагоне. Сведения об истории отца, о ст. князе и проч.

Так, да не так, говорит тетка.

Подростку нравится, что тетка не сконфузилась после вчерашнего, а так во всем ловко нашлась.

Он студенту. Вы бездарность, вы кончите курс, вы будете самый почтительный человек, у вас и теперь, когда вы бросались с похабщиной, не было *никакой своей идеи*. Вы даже не понимаете, что́ я говорю.

Чёрт вас дери, вы свинья, сами вы пристали ко мне.

А ты какой —

А ты, вы — дока, я ведь знаю.

29 октяб⟨ря⟩.

Непременно. Подросток Васину же объявляет свою идею.

Когда же Версилов приходит к нему на квартиру просить прощения, то говорит подростку, что он должен быть теперь во враждебном ко всему миру настроении, потому что в первый раз в жизни объявил *свою идею чужим*, и даже должен ненавидеть Васина. Подросток поражен Его знанием человека.

— Я прошу вас никогда со мной об этом не говорить.

— Само собой, письмо же твое с просьбою оставить тебя отношу именно к тому настроению.

Версилов прибавляет: Я не прельщаю тебя какою-нибудь буржуазной добродетелью взамен идеалов, не говорю, что счастье выше богатырства, ибо, милый мой, богатырство выше всякого счастья, и уважаю тебя, что ты мог иметь идею*.

Версилов говорит ему еще. И Тушар добрее, и мало злодеев. Люди

---

* «Версилов ∞ идею» — на левом поле.

гораздо добрее и серединнее, чем ты думаешь. Ты мнил видеть во мне злодея, а вот мы теперь объяснились, и ты видишь, что я вовсе не злодей, а так, и тебе досадно и даже стыдно, что мир оказался не тот, как ты уже представил себе*.

Тебе [что] теперь именно хочется что-нибудь зажечь, что-нибудь раздробить, стать выше всей России, пронестись громовою тучей и оставить всех, заявив себя, и скрыться в пустыню или в Американские штаты, где снова начать метеором.

Непременно. После того как подростка прибили (с молодым князем), была идея бежать в Америку.//

Солдат — мужик порченый.

Республиканская курица Мишле; младоумие в старческих годах.

**Говорит муж уходившей жене: «Не знаешь ли ты, где была?»

(Нашим либералам): Вы романтики, вы фантазеры, вы мелкие поэты.

Слишком сильная *бесспорность* признанья иных писателей значительными и даже великими свидетельствует отчасти о неглубокости этих писателей, о том, что они «по плечу» золотой средине. Тургенев.

О Шерстобитове (Путилин). Вид суровый, в доме у него канарейки поют, сам на гитаре играет. Каменный дом имеет.

Приласкали бога.

NB. (Прекрасного художника. О Тургеневе).

Так что я решилась прекратить мой жизненный дебют (из письма застрелившейся нигилистки).

Коклеты.

Дон Базилио, заглатывается папиросками. Бесстыдство без меры.

Заметьте, что этот господин ведет себя чрезвычайно осанисто.

Странненько.

Слово заграница (писать сплошь одним существительным).

Он, как месяц молодой (и т. д.).

Около тебя покормиться.

Не от всякого (человека) можно обидеться.

Человек [с] из высших экземпляров и в высших проявлениях своих ничего не делает *просто*; так и застреливается он не *просто*, а религиозно (все равно, хоть и атеист). А средина и ординарность и ***застреливаются-то пошло и без полного сознания, что́ делают, просто [но] и глупо. Просто и *проще*, но ведь*** зато и глупее.//

Этой плясовицы.

Маркус — рассказывающий, как на лодке дали знать купцы в Англию в три дня.

О том, как в Англии нарочно процесс Христа делали и решили, что достоин казни.

О виденье шведского короля.

(NB. Про *лодку* рассказывали ст. князю, и он смеется, а сам рассказывает про процесс Христа в Англии).

NB. Поболтать хочется; у нас всегда занимают высокие предметы. Но хочется сообщить и для того, чтоб наградить счастьем слушателя, и для того, чтоб быть достойным всего прекрасного и высокого.

---

* На левом поле: «Или я или он? — Дурак ты, променяет она тебя на него».
** На левом поле: «Здесь».
*** Над строкой.

Яма под камнем (смотри план).

И отдаляет решенье, махая рукой.

Того, чего не понимает и не ценит, над тем нахально смеется, особенно, если [види] заметит его значение у высших людей.

Во всем этом прогрессивном движении нашем за последние 17—18 лет мы прежде всего доказали, что страшно необразованны.

Они смеялись над моими лучшими чувствами, в те редкие минуты, когда я был действительно [вполне] прямодушен. Что ж, я рад, что не могу забыть этого; по крайней мере они избавили меня от несчастья любить их.

Ты, будущий Ротшильд (говорит Он подростку). Конечно идеалист — и вот вам новое* неожиданное следствие позитивизма и нигилятины.

Изрубив образа:
— А ведь я всему этому всю жизнь** верил, вдруг сказал *Он*, указав на осколки и выходя с подростком.
— Т. е. вы всему этому всю жизнь** не верили, сказал подросток.
— Ну да, я всю жизнь этому не верил, повторил он, [заминая] обрывая разговор (с той интонацией, столь знакомой подростку, с которой *Он* имел обыкновение обрывать разговор).//

Несчастья бог посылает. Они тоже полезны, да еще как. Без несчастья и счастья бы не было. Кабы не было несчастий и жить бы не стоило.

№. Рассказ об обращении св. Павла, дорогою, после убийства Стефана. О искушении в пустыне. О том, что такое, в сущности, аскетизм монастырей. Свобода Христова и в коммунизме, равенство Христово и 93 года. Все эти рассказы приводят подростка в восхищение и недоумение.

Отряс у. Долгушина ноги и поцеловал порог.

*** Если к тебе жена слишком лезет с лаской, знай что у ней затевается любовник.
****Нас, дураков (т. е. мужей), всегда можно обманывать, да еще в каком чистом виде.

«В это царствование от реформ пропала общая идея и всякая общая связь. Прежде хоть какая-нибудь, да была, теперь никакой. Все врознь. Был хоть гаденький порядок, но был порядок. Теперь полный беспорядок во всем». Это одна из циничесих Его фраз. [Отчего же это? спрашивает подросток].
— Отчего это? спрашивает Его подросток.
— Чёрт знает, от реформ, должно быть. По мне, хоть бы все провалилось.
Подр. А знаете, вы страшный ретроград, отец.
Он. [Ну да на] А наплевать.

О том, что идея добра и зла потерялась.
Он. Помилуй, ну вот читаю сейчас, что посредник прямо сказал: деньги беру, а служить не буду, а другой так прямо драл мужиков, обращав-

---

* Над строкой.
** «Всю жизнь» — над строкой.
*** На левом поле: «Здесь».
**** На левом поле: «Лакей в вагоне».

шихся к нему за делом. («Голос», начало августа). Ну как же решить у нас в Петербурге, хорошо или дурно?

Подрост. Разумеется, подло.

Он. Вряд ли. Они и закричат и напишут, что подло, а втайне будут и должны быть рады, ибо, значит, реформы не успевают, не прививаются стало быть, ближе к тому, чтоб все провалилось и наступил новый социальный порядок вещей. На месте этих посредников они непременно бы так сами делали. Значит, мы и не знаем, что хорошо, что дурно.

— Это парадоксы, отец.

— Вряд ли парадоксы. // Потому что все это меня всю мою жизнь тревожило.

Я думаю, что это все произойдет чрезвычайно просто. Пожелают не платить с тем, чтобы обновиться во всеобщем и солидарном банкрутстве. Я только представил уголок дела, но ведь и этот уголок дела связан со всем остальным, так сказать, неразрывными узами.

— Что же делать?

— Ч⟨то⟩ дел⟨ать⟩? Будь честен. Одним словом, прочти десять заповедей.

— Но ведь это старо, и притом же, что я один сделаю?

— А вот, несмотря на все эти вопросы, исполни все-таки десять заповедей, и будешь великий человек. Если примешься так серьезно и тогда, занявшись серьезным делом, естественно перестанешь спрашивать. [Я отложил]*

— Никому неизвест⟨ен⟩.

— Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным.

— Вы смеетесь?

Имен⟨но⟩, мне казалось иногда, что он наверно смеется и мне грустно было [а] груст⟨но⟩, ибо всю жизнь.— С другой стороны, я все-таки задумывал⟨ся⟩.

10 заповедей и сверх того люби кого-нибудь или что-нибудь и будешь ⟨великий человек⟩, а всего лучше специализируйся.

Я отложил говорить ему про мою идею. Не время было. Я видел это... Да и мне-то было не время. Бог знает, какое это было время — и восторга и позора.**//

---

* «Если ∽ я отложил» — на левом поле.

** «10 заповедей ∽ позора» — на левом поле.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД РАБОТЫ НАД СЮЖЕТОМ

1. ЗАПИСИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ РОМАНА

29 октября 74.

После того как у матери *или он или я*, бросил письмо девицы и 100 руб., топнул ногой и вышел, потому что: чувствовал себя справедливым и чувство⟨вал⟩ серьезным и высоким, а выходило глупо и унижалось.

У Васина или у Долгушина*.

— В социализме я теряю собственность, в коммуне я должен быть вместе со всеми, я не хочу быть вместе со всеми.

— Оставим, Васин, оставим.

— Оставим...

Программа (от *Я*) ОСОБЫМ СЛОГОМ И КОРОЧЕ.** Тушар, Чацкий, у Друшара лакей [мать]. Ламберт и молод. князь, книги, мечты. [Смерть Друшара]. Плакал-плакал. Мать. У Н. С. гимназия, вначале, как и все, [мечты] Ламберт, ввязался в прозу Тушара. Все было так подло, меня считали предателем, и удалился, и был в товарищах. Мечты, книги, сад, луч, жизнь, мечтательность все съела. Мечты: разбойники, полководец, пророк, ученый, издающий в Париже, лук и стрелы, Унгерн-Штернберг. Я не говорю о религии. Не говорю о женщинах, фру-фру. Две дамы. Прямо высказал. [На бульваре с студентом]... Раз встретился потом с девочкой, ушел в себя еще пуще. Дразнила несколько времени дама, вышедшая из кареты. Все будут мои: атаман [ли] разбойников, и проч. Но как я отмщу? Мечты о нем, сведения о нем. Сношения с матерью, письмо. Вдруг *своя идея*, всего захватила,— даже быть подлецом. Не учился. Именинные деньги. Свидание с братом, 25 р. Прошло без слуху. Последние два года без слуху о матери, возили заграницу, в Луге. Слухи о 300 000. Потом о женитьбе [на] м. князя. История м. князя. Знает о проповеди католичества. В ⟨нрзб⟩ смерть Андреева. Послали письмо. 23. Поехал узнать о месте. Воротился, была тетка, приказ в Петербург. Решился поехать. Пакет Андреева***. В вагоне—с молод. князем. Приехали в сквернейшем расположении духа от первого столкновения с действительностью. Решился порвать со всеми и уйти от всех, даже в Америку. Встреча с матерью, кратко и сильно. Или он или я. Ушел и т. д. Тут студент университета****.//

---

* «У Васина или у Долгушина» — на левом поле.

** «Особым ∽ короче» — на левом поле.

*** «Пакет Андреева» — повторено на левом поле.

**** «Тут ∽ университета» — на левом поле.

Версилов. Я принес 100 р., для чего я это сделал? Я никогда ничего не даю.

Пруткова. Что ж ты, мать, не подойдешь.
— Ох, боюсь, не угожу как-нибудь. (№. Прости, батюшка, мою вину перед тобою).

Он Ему (в семействе): Потому что вы безобразник и негодяй!

Брак с подушкой. «Какая причина?» Подросток сначала восклицает у Н. С., потом с Прутковой в вагоне, наконец, у матери. Когда Он объясняется с подростком, то говорит: Если хочешь, я порву. А причина все же не выясняется.

Он отправляется в Москву к Н. С. узнавать, нет ли там *того письма*. Но Н. С. не сказал. А подростка уведомил.

ВАЖНОЕ. Перед отъездом из Москвы. О том, что Версилов человек необыкновенный. И еще в 16 лет, когда письма от матери и 15 р.

При изложении *своей идеи* (вообще) — тирада о *неутомимости.//*

Письмо к ней, предисловие, в высшей степени незаконный сын. Служу, получил жалование.
Меня в этот день как раз удивил мой генерал. Три рассказа Ламбер‹та› — картинка и студент, своя идея.
Мощи, католичество, насчет жалованья и службы, насчет того, что не имел женщин. Отношение к женщинам, фру-фру, ненавижу, метут пыль.
[Ты молишься на отца, ты чем-то недоволен]. Я рад, что ты со мной серьезно, рассказываешь, как своему. [Надо быть серьезнее] (Опасаюсь княгини). Entrefilet*. Он был сумасшедший. Надо быть серьезнее. Я замечаю, что ты развлекаешься и [как будто] как будто раскаявшись. Ты молишься на отца, ты чем-то недоволен. [Надо] За что вы отца прогнали. Я у вас не буду, своя идея.
Или «твой отец» (деликатно)** Он порвал со всеми, удалился ‹в› католичество — [княгиня] [Я опо] Вдруг заехали Версилова и подушка. Я встал***. Приезд князя ****. Жалование, Татьяна, о службе — получил. В этот момент княгиня, Долгорукий, лорнет. Я слышал.
Наготовить остроты генер‹алу›*****.
Прощайте, голубчик-генерал, я у вас, может быть, больше служить не буду. У меня это вырвалось потому, что увидал эту княгиню (с этого дня и начинаю мои записки). Но это было так. Конец, я должен порвать. Моя слабость к этому человеку была непозволительна. Я думал написать письмо, иначе бы не вышло, в насмешку, в иронию. Я гораздо серьезнее, чем я есть.
Аукцион. К Вите — о Крафте. Долгушин, Васин, сестра, quae medicamenta, разговоры, споры, Ламберт. Кто-то спрашивает: князь Долгорукий,— обвел глазами. Не моя идея, Васин — машина, Крафт — Россия, к Крафту. (Тот очень просил зайти сейчас). Об мнении об отце — о России. З жизни. Крафт о маленькой падчерице княгини. Сам подросток

---

* Небольшая заметка (*франц.*).
** «Или ∽ деликатно» — под строкой.
*** «Я встал» — позднее.
**** «Приезд князя» — на левом поле.
***** «Наготовить ∽ генералу» — на левом поле.

спрашивает. Крафт вежливо и предупредительно отвечает, но с натугой*. Рассказал, как был на аукционе**.

Домой, дома, до отца, я сказала, что ты дал 117 р. Прости. (Нежная и лучшая сцена с матерью, с сестрой об Васине). Грубит во всю Ивановскую. Он приходит, выиграно, деньги, Татьяна Павловна, грубит про вчерашнее объявление, сегодня княгине, католик (мечтал). Вас отовсюду выгнали, не хочу служить. Я *на аукционе* купил и продал.

Платье портному. О Тушаре. Две жизни. Я ненавижу, разжалобил. Я бы их сек.//

Мотивы 1-й части.

Витя говорит, что Васин знает сестру. *Все* подростку, что он сумрачен и закрывается. Ст. князь говорил, Витя, у Долгушина, и Он. Он говорит: «Похоже на то, что у него на уме что-то важное, две жизни и еще что-то: угадал — быть Ротшильдом». — Ну да, быть Ротшильдом. Я топнул ногою и ушел наверх. «Он находит, что все его слова и шаги очень мелки сравнительно, даже стыдится». Подросток думает: Мне досадно, что у нас все несерьезно, это blague*** и юморы. Лучше напишу Ему письмо. А то если на словах, то Он обернет так, что выйдет, что как-нибудь несерьезно.

«У тебя своя идея. Это так, она связана с купил и продал». «Я знаю, он хочет стать Ротшильдом». Я встал и вышел. Я решился уйти, я сел писать письмо Ему, вдруг Он вошел. Разговор. Бунт, не хочу, хочу уйти. Я хочу, чтоб вы серьезнее, мне перед вами нечего скрывать. «Mon enfant ****, твоя мать», разговор про Макара Иванова. «Вы все смеетесь». «Ты умнее, чем я думал» (тут что-нибудь доскажет) (о лести) — о Ротшильде вскользь, ушел. Я остался с мыслью, что последнюю ночь ночую. Я рассуждал так: я имею серьезную идею и ничем никому жертвовать не хочу. И тут к читателю: это письмо вот что (я перечитал его). Но я должен сказать, что меня уже три часа мучило письмо. Мне пришло на ум: ведь они будут владеть не зная. Э, наплевать.

Проснувшись: не то, не наплевать, явился к князю, чтоб Он не подумал, что я впрямь его бросил. Но оставил рано и пошел к адвокату. У князя — вежливость, к Васину, не застал — квартиру рядом, [Я отнесла] за перегородкой: Я отнесла. Пошел к Татьяне Павловне. У ней сцена подслушивания. Мерзавец, я не мог выйти, le petit espion *****, я вышел. «Это, верно, она про то письмо, про которое говорил Крафт». Наплевать на их интриги. Я завтра же отошлю ей, а сам в мою скорлупу, где мои три года уединения.

Кончить эффектнее******.

Входя домой, я столкнулся с той постоялицей, она принесла письмо и 50 р. Швырнула. Ей стыдно при семействе. Из-за этого ссора: Вы виноваты. Про девочек говорил недавно ст. князь*******. [Письмо] Подкинутый младенец. Спор. Ты богач. Половину возьмите, а половину 40 р. на ребенка. В Воспитательный. Вы совершенно правы: вот вам письмо. Конечно, вы богач, а я с своей совестию домой. Мне какое дело. Мне жаль, что я ухожу

---

* «Крафт ∞ натугой» — на левом поле.
** «Рассказал ∞ аукционе» — на левом поле.
*** шутка (*франц.*).
**** Дитя мое (*франц.*).
***** Маленький шпион (*франц.*).
****** «Кончить эффектнее» — на левом поле.
******* «Про ∞ князь» — на левом поле.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. Б. ЗЕГЕРА К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Акварель, 1956 г.
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

от матери. Я приду, мама, *но или вы, или я*, мы дети// Макара Иванова, зачем вы здесь? Татьяна Павловна вскинулась: Да, я свинья.

Ушел к Васину. Крафт вчера застрелился. Рассказ Васину о девице с 50 р. Рассказал ему все. Просит ночлега. Рассказы, мечты, расскочился еще, еще, вижу, что гордость, *своя идея*. Не спрашивайте, какая. [Знаете, Васин, но крик, повесилась — своя] Тирада о том, как все серьезное вышло несерьезно, о характере. Я серьезен в большом и несерьезен в малом. (Долго были мечты, оттого и такой характер). Несколько слов Васина о сестре. Пакет. Предсказание Васина, что я не захочу бежать от графов и князей. Мстить захотите.

На утро крик, повесилась, отец — изумлен, с подростком ни слова. [Встретил Татьяну] Встреча сестры. Приди просить прощение. [Пришел] Я и шел с тем. Я помирюсь, но я возьму вещи. Отдал деньги. У [князя] генерала сидел, вошел князь; представь себе c'est si noble*, молодой князь. Я пришел домой. Татьяна Павловна: Зачем, зачем? Вы праведник. Сцена, исповедь, я решился порвать, потому и говорю. Изложение своей идеи. [О княгине] Плакал-плакал. О княгине как о горе жизни [моей] Его**. Это идея! И вот я с ними связан опять. Когда-то я смогу доказать — им

* Это так благородно (*франц.*).
** «О ∽ Его» — на левом поле

не надо, волнение, Крафт, и эта смерть. Впереди, впереди, еще много времени впереди. Мне выравнения недостает.

?Рассказал сцену у Татьяны Павловны за дверью*.//

Мотивы 1-й части.

Крафт: Посидите немного, вы, может быть, последний человек, которого я вижу.

Об наготе с князем, и [потом после бульваров], о сквернословии у мальчишек и у офицеров. Это правда! (я) Ты мне один мой друг, милый мальчик, сынок.

Во время исповеди наверху: ничего так не боится князь, как то, что его почтут сумасшедшим. Крафт тоже говорил, оттого и бонмо любит.

Князь ему: Я, ты знаешь, начал в гвардии, а теперь награжден действит⟨ельным⟩ тайным советником.

— А propos**: у вас наверно дети будут (mais c'est charmant***).

Ты литературу знаешь. — Я ничего не знаю.

Я много странного заключаю о твоем детстве, ты такой был уединенный. Да, есть эти несчастные дети! Ты не сердишься, что я тебе *ты* говорю.

Я сначала думал было с ними грубить, но потом. Стыдно было попросить денег. Теперь беда! Теперь не будет у нас этих разговоров.

Порядок: сначала у князя об отце, мощи и, долго проговоря: entrefilet о том, что он сумасшедший. И потом опять долго проговоря, брать деньги. Entrefilet, поместила меня Татьяна Павловна.

Надобно, как только вышел с Васиным что ли: отчего не университет? 19 лет, у меня своя идея. И вечером у отца опять: ты вышел из университета, хотя за тебя платили, Андреев.

Вы всех объедали, и все вас обожают. Японское божество.

Ст. князь: Я задал в клубе вопрос: почему солдат — мужик порченый?

С ст. князем. О процессе — выиграют. Правда ли, что Он влюблен в вашу дочь? Да, он имел влияние на женщин и потом: Это падчерица моего брата и заметь тут феномен — она Версилова любит. NB. *Она какие-то* завязала связи с Версиловым.

У ст. князя. Про княгиню. Почему она поссорилась, тут, mon cher, тут что-то было — тут была любовь...

Я (с сверкающими глазами): А я твердо знаю, что тут ничего подобного не было и что она была причиною всех его страданий!

Почему ты знаешь.

Так, милый мой, я прошу тебя это оставить. Есть черты, не прими за науку, но не рассердись на старика****. Ты за него. Я заметил, он имеет на тебя обаяние. Да, да, он и на меня имеет, я признаю это и проч.

Я заметил черту, что князь любит про девочек*****.//

Общее.

Подросток в *1-й части* поражен и заинтересован княгиней (и это показать в *1-й части*) и не нечаянно, а уже *приготовительно*, еще в Москве

---

* «? ∞ дверью» — на левом поле.

** кстати (*франц.*).

*** Но это прелестно (*франц.*).

**** «Есть ∞ старика» — в самом низу страницы.

***** «Я ∞ девочек» — на левом поле.

был настроен. К тому же ЖЕНЩИНА. Это чувство к женщине выразить в неестественной и преувеличенной по горячности враждебности с первого шагу. Далее, в ходе романа, сделать оскорбление с его стороны ей, которое он принял за оскорбление себе, во время кутежа, еще в счастливую пору, и именно когда он разрывает с отцом, сделать столкновение с княгиней (а княгиня и по поводу письма). Она потеряла платок, взял, целование следов, выиграл 800 руб., привез золото, лег — страсть. Проснулся среди ночи в бешенстве на себя и на другой же день находит случай ёрнически оскорбить княгиню. (Письмом что ли?) За это даже столкновение с отцом. А затем, в несчастные дни кутежа оскорбляет его уже княгиня — ужасно, безмерно, придавленно. Мечты об отмщении, (Lambert) поджог, мечты в разных видах, мечты бесконечные и в продолжение многих дней (№ верен своему главному характеру мечтательности) и, наконец, даже убить затем револьвером. (№. Револьвер в заговоре *на месте* отбирает у него Он и в ее же стреляет) (№. №. О том, что застрелить женщину, если она не соглашается, фельетон Суворина, ноября 3, № 303).//

Мотивы 1-й части.

Подросток у отца: Я знаю, что он, ст. князь, не прочь сдуру жениться, этого все боятся, а потому интригуют.

Подросток. Я, признаюсь, *боялся* и сидел закрывшись. Мне не показалось страшно. У меня своя идея — я хочу, чтоб меня оставили в покое. Общество — я хочу выйти из общества, пользоваться всем и выйти. Я достаточно буду платить и довольно. Серьезную идею долго рассказывать, господа. Я не вижу ни малейшей причины делать что-нибудь для других*.

/Драгоценнейшее. Мать самоубийцы, рассказывая о посещении Версилова, говорит: *она* говорила, что оттого взяла, что Версилов ни разу не усмехнулся и был ужасно серьезен, даже сух. А *Версилов* потом подростку: Мне кажется, я смеялся и имел легкомысленный вид, и это потом на нее повлияло и раздражило.

Еще драгоценное. У ст. князя. Когда показалась княгиня, я побледнел и хотел выйти и не объяснять. Потом, с аукциона выходя, увидал даму и вспомнил о впечатлении княгини. И потом вечером у Крафта опять о княгине и уходя домой: А чёрт бы вас! в скорлупу!

У ст. князя огромный кот. Друг мой, j'aime le bon dieu** (и заплакал). Это уже или на другой день или после известия о приезде княгини.

Ст. князь любил выдавать девиц замуж; всю жизнь выдавал.

№. Сделать так, что Крафт, говоря с подростком, похож был на готового к самоубийству.

Он говорил: Это полуидея, полуобразование, полужизнь, полуздоровье, полузнанье.

Васин говорит, что читал Крафтову рукопись.

Подросток ст. князю: А для чего Он живет в семье; мы Долгорукие.
Князь спрашивает о сестре его.//

---

* «Серьезную ∞ других» — на левом поле.

** Я люблю бога (*франц.*).

ОБЩЕЕ ГЛАВНЕЙШЕЕ.

Вся эта история есть рассказ о том, почему я отдалил идею. Потому, что увлекся идеей, страстным долгом реабилитировать *Его*, имея документ. Это в конце 1-й части. (А чувство смотри в разорванном листке). И потому в 1-й части он в отчаянии и в слезах хочет все порвать. Правда, он защищает Его с сверкающими глазами, но Крафт давит его фактами, и он возвращается домой как опьянелый.

Ссоры, но в ссорах обвиняет себя. Васину: Первая мука моя — не виноват ли я, когда других обвиняю.

Цинизм и насмешка отвращают и вооружают подростка, особенно рассказ Его о Макаре Иванове.

Он разрывает, но известие о том, как Он поступил с наследством, и остальное побеждают и привлекают опять, затем исповедь.

Финальные слова 1-й части: отчего, когда Он ушел, после *плакал-плакал*, у меня рефлексия: помирились ли мы полно? не представился ли Он? и, 2-е: вероятно, это было сожаление об открытии *моей идеи*. И затем слова: реабилитировать Его через документ. Слова: вся история есть рассказ о том и т. д.//

Мотивы 1-й части.

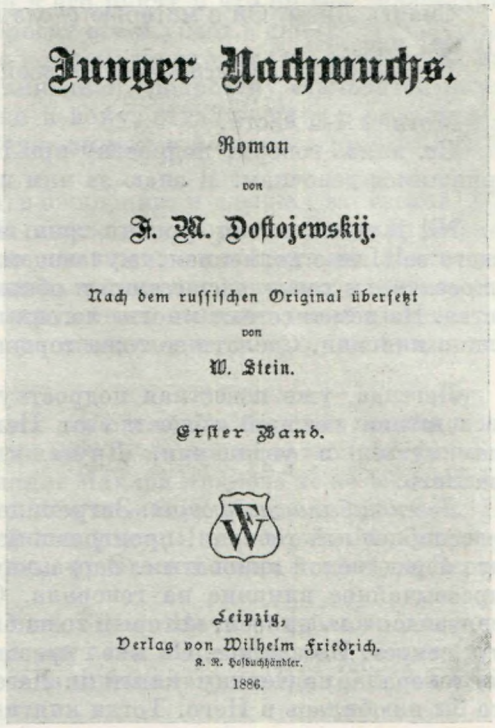
Подросток у Долгушина. А затем я достаточно плачу обществу [за] денег и податей за то, чтоб меня не обокрали, не прибили и не убили, хотя заметьте: общество за это с меня деньги-то берет, да еще огромные, а вовсе меня в этом наверно* не обеспечивает, а только лишь по возможности. Но так как другого порядка, чтоб прожить, нет и не может быть, то я и стою за [общество] государство, т. е. за общество, но вот и все, что государство от меня требовать смеет, а не то, чтоб я бегал да вешался всем на шею от любви к ближнему, да сгорал слезами умиления. Нет, уж оставьте меня в покое, довольно того, что деньги плачу. Вы упомянули о будущем человечестве, а зачем мне оно? ** Это я произнес нервно и злобно, но я*** [я] уже три года молчал, как составил себе эту мысль, и до сих пор еще ее никому не высказывал, а потому теперь так злобно и высказал, притом ожидая возражений и боясь, что они победят меня.

Провести по всему роману идею, что подросток, если и участвует во всех этих происшествиях, то не серьезно, на время, а так. Это он при всяком происшествии, в котором срежется или запутается, повторяет. Он и *в предисловии* говорит: «Замечу, что я приехал год назад в Петербург (время, с которого начинаю записки), уже имея твердо *свою идею* и, если участвовал в этой жизни, в которую внезапно**** попал [и вовсе] из своей скорлупы, в которой жил дотоле чуть не с детства, и был деятелем во всех происшествиях, которые здесь в записках описываю, то не серьезно и только так. Я глядел на себя, как на пришельца на время, который по обстоятельствам не мог сейчас совсем порвать и убежать от них*****. Идея была при мне, и я ждал срока, когда бы я мог сдать все и удалиться. Это впечатление, беспрерывно сопровождавшее каждый шаг мой весь прошлый год, и было, вероятно, причиною многих моих неосторожностей, непременно мерзостей и, вероятно, глупостей, наделанных в году. В чем впрочем, хоть и сознаюсь, но отчетом и раскаянием ни перед кем, кроме самого себя, не считаю себя обязанным.//

---

* Над строкой.
** «Вы ∞ оно» — на левом поле. Там же: «и, вероятно, глупость».
*** «Но я» — над строкой.
**** Над строкой.
***** «От них» — над строкой.

ПЕРВОЕ НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ПОДРОСТОК» (1886, ЛЕЙПЦИГ)
Титульный лист


Junger Nachwuchs.

Roman

von

F. M. Dostojewskij.

Nach dem russischen Original übersetzt

von

W. Stein.

Erster Band.

Leipzig,
Verlag von Wilhelm Friedrich.
K. K. Hofbuchhändler.
1886.

Затем после 1-й части он Его страстный раб (чувство в разорванном листке).

Он вызывает м. князя, но, узнав о вызове Его и об отказе князя, прощает за это м. князю (сходится же с м. князем, втянувшись случайно).

Затем подушка: подросток вспыхнул, но Тот говорит ему: Хочешь, я не женюсь,— и тот даже сам поощряет.

Затем во весь роман страстные волнения любви. Он следит за каждым Его шагом, свидание Его с ней и проч., требует отчета, грустит безмерно, что тот хоть и беспредельно откровенен, но лжет видимо и насмешка.

Глубокая, чистая грусть и отчаяние. Это чувство даже способствует, что он втянулся в игру. Каждый прекрасный, по-видимому, поступок отца — восхищает его, и он трубит о нем (Макар Иванов, вводный эпизод. Смущает подростка то, что отец как будто ничего в нем не понимает).

Затем после адской ночи ужасная мысль, что отец не помогал ему и даже отвернулся. В скитании ночью встреча с б.....* Лиза. Затем желание отмстить и порвать. Сатанинское отчаяние, что отец развращает его, очевидно пронюхал про документ и наталкивает на преступление.

Преступление. Поджог, но он не выносит и в последнем отчаянии идет к отцу. И вдруг тот: Прости, отдай гордо. Ты спасаешь меня, кричит подросток.

Высокие и электризирующие слова о социализме, о Христе и потом сейчас о том, что это лишь идеал и что надо не уважать людей. Я с первого себя и начинаю**. Развязка.

---

* «В ∽ б.....» — на левом поле.
** «Высокие ∽ начинаю» — на левом поле.

Смерть Лизы. Он с матерью *около него*, сумасшедшего. Думаю о своей [идее] идее.

Последняя глава *есть теория* всей идеи.//

Мотивы 1-й части.

Ст. князь говорит подростку про Него: Он все по девочкам, по неоперившимся девочкам. Я знаю за ним и еще один случай...

№! Для поднятия уровня тона, забот и убиваний подростка, следящего за Ним с волнением, мучающегося Его лицом, необходимо *поднять трагичнее* и тон происшествий и обвинений, тяготеющих на Нем от общества. На нем тяготеют многие легенды и католичество; *но надо*: поднять и лицо княгини. Сделать ее тоже гордою и фантастичною.

Легенда, уже известная подростку, та, что Он сделал подлость, [от] вследствие которой общество от Него отшатнулось, и Он должен был замкнуться в уединении. Другая часть общества (Татьяна Павловна) за Него.

Легенда была следующая: Заграницей жили княгиня, ее покойный муж, расслабленный генерал, проигравший ее состояние и считавший себя за это перед женой виноватым. Заграницей был и Он, друг дома, и имевший чрезвычайное влияние на генерала. Он генералу внушал, что княгиня связалась с м. князем, который тоже был тут, но что это не серьезно и что тут секрет. Но *главное*, Он имел чрезвычайное влияние на 16-летнюю *дочку* генерала, падчерицу княгини. Легенда гласит, что эта падчерица будто бы влюбилась в Него. Тогда княгиня этому воспротивилась и подняла историю, удерживая и отговаривая генерала и падчерицу от этого брака. Тогда Он уверил падчерицу (дошло и до генерала), что княгиня — Мессалина, влюблена в Него, что князь лишь отвод и как дурачок принимает ее кокетство за надежду. Падчерица вошла в волнение, хотела утопиться, приревновала, что, напротив, Он влюбился в княгиню и что это только спор двух гордых характеров, la haine dans l'amour, затем заболела и от воспаления в мозгу умерла.

Подросток от Марьи Ивановны слышал уже противное, т. е. что княгиня действительно в него влюблена и мстит ему за презрение*.

Несчастный и больной генерал, обожавший падчерицу, не вынес ее потери и измены жены (которой не верил) // **, бежал и тоже помер. Затем Он стал ссорить княгиню с отцом и с князем. Вся эта история разнеслась, и вдруг к тому же князь дал Ему пощечину (за границей), Он не дрался. Все Его оставили. Дела его упали и проч. и проч.

Эту легенду знал и подросток, приехав; ему разъясняют тоже ее Крафт, ст. князь, Татьяна Павловна, молодой князь*** (все в 1-й части).

И вдруг умирает. 50 р. Затем, потом подушка и проч. Все это постоянно действует на подростка, *но* и княгиня имеет на него потрясающее действие любопытства. Он, еще ехав из Москвы, об ней думал, давно думал. Она же становится его врагом в романе. На ней же осуществляет подросток и последний заговор, последнее свое мщение обществу.

Вот отчего и требуемое письмо княгини к Андрееву, т. е. обладание этим письмом, производит потрясающее впечатление на подростка.

Удаляясь, в конце 1-й части, *наверх*, перед приходом отца и перед исповедью, подросток читает письмо: А ну посмотрим! Смысл письма потря-

---

* «Подросток ∞ презрение» — на левом поле.
** В начале страницы: «Мотив 1-й части».
*** «Молодой князь» — над строкой.

сает его, ибо он видит, что княгиня в его руках и что он ее* властелин. Между тем он уже порешил, что бросит все и уйдет в скорлупу. Он даже думал дать письмо Ему, да и дело с концом; но входит Он, начинается исповедь, и когда уходит (сказав про княгиню), подростку становится смутно: отдал идею, выдал секрет любви к нему, отдалил уход в скорлупу и «все-таки не дал же Ему письма! Неужели уже и я связан с ними!» Заснул смутно.

Читал на другой день, у Васина, в ожидании и слышал за стеной**.//

***После смерти Макара Иванова подросток говорит: ...Я еще не установил моих мыслей и о многом не знаю, как произнести суждение. Я оставил многие факты до дальнейшего, теперь запишу и запомню их, и впредь только разве научусь судить. Но смерть этого человека, моего номинального отца, произвела на меня сильное впечатление, в котором признаюсь со всею искренностию.

КАПИТАЛЬНОЕ. Версилов отдал деньги — это страшно повлияло на подростка, и он решил: никогда и ни за что не пользоваться документом против княгини. ЭТО НИЗКО! Влияние Макара Иванова тоже остановило.

Это было в разгар игры. Грусть, что играет, и жажда отыграться. Не был даже на похоронах. Минутный выигрыш. Изучать этим документом Версилова. Но один соблазн — отдать просто княгине, втайне от Версилова и тем успокоить ее.

Между тем княгиня его оскорбляет, Лизу. Ночь — соблазн отмстить! Отмстить честно и удалиться в скорлупу. Но Версилов развращает его, рисуя, как не стоят эти люди благодеяний (для чего же Вы-то их *делаете*), и подвертывается Lambert.//

ВЕРСИЛОВ ПОДРОСТКУ. Я то же самое, что и ты, я твой образ. (Кроме великодушия, ибо одна только гордость и бессмысленная жажда первенства).

КНЯЗЬ, ЖЕНЯСЬ НА ВЕРСИЛОВОЙ, намерен выделить дочь. И тут-то роковая минута, чтоб предъявить документ.

2 ноября.

Подросток спрятал старого князя у себя на квартире, обезумевшего от страха и бежавшего к нему: Mon cher, *она* хочет меня объявить сумасшедшим, меня хотят свидетельствовать. Из этого скандал, *новые* отношения с княгиней подростка и ПЕРЕМЕНА В СЮЖЕТЕ РОМАНА.//

Мотивы 1-й части.

Формулярный список отца.

Версилов в исповеди, и если можно раньше, удивляется, что подросток так волнуется от княгини и с таким преувеличенным жаром говорит о ней.

Опять задача — как согласить обладание письмом княгини в 1-й части.

Не так ли согласить письмо: о письме этом во всю 1-ю часть и не говорить, а Крафт доставляет только документ по тяжбе и кое-какую дрянь, но говорит, что существует такое письмо ее, которое она ищет и ездила затем в Москву.

— Ездила? впивается подросток и т. д.

Затем отцу в исповеди говорит о письме. После исповеди подросток го-

---

* В оригинале «его».

** «Читал ∽ стеной» — на левом поле.

*** На левом поле: «Д. февраля».

ворит последние слова: Это письмо было у меня, зашито в сертук. Я привез его от Н. С.

Сестре Лизе в первый вечер: Об тебе три раза поминали сегодня ст. князь, княгиня, Васин. [и князь]

Подросток Крафту перед уходом: о гуманности, тонко.
Я бы желал одного кого-нибудь любить и довольно.— Вы и любите. [Его] Я не поднял. Крафт не досказал, вежливость. С Крафтом о дворянстве. Ст. книжку.

Как узнал у ст. князя, что *Он* отдал деньги князю и c'est si noble*. Он начинает главу, *не говоря*, что был подавлен: Я все равно решил порвать. Я вошел в квартиру и т. д.

Когда после исповеди подросток рассказал Ему сцену за дверью у Татьяны Павловны (о письме), Он, выслушав с ужасным вниманием, сказал: Друг мой, ты винишь меня за несерьезность, цинизм и откровенность, хочешь я тебе покажу всю мою открытость с тобою: Скажи, почему ты так заинтересован княгиней? (слишком т. е.). //

Провести, что подросток враг социализма. Он знал их идеи; я хоть и говорил в виде блеснуть словом у Дергачева, но знал понаслышке и из разговоров с Николаем Семеновичем.

Характер княгини должен быть изложен проще, лучше (в русском прямом духе женщина, оттого и не сошлась с Версиловым). Подросток должен узнать ее с этой, лучшей и справедливой точки зренья и задуматься. Должен тоже иметь с нею несколько столкновений в романе, из коих одно значительное. Князь С. тоже воображает, что она в него влюблена, и об этом болтает и с подростком (но и это неправда). *Он* посылает к ней подростка раз с поручением, но все столкновения подростка с княгиней — не в пользу его и только дразнят его, и раздражают мыслию, что она смотрит на него презрительно. La haine dans l'amour. Особенно придумать эти сцены столкновения подростка с княгиней. //

Мотивы 1-й части.
Подросток на исповеди спрашивает Его: верит ли Он в бога.

**Васин говорит подростку: Я слыхал о Нем. Это человек, который может задать себе огромные требования, но отчету не даст и т. д. А католичество? [Я имею] Я (т. е. Васин) имею сведения, что он действительно католик, и ревностный. Но вряд ли он в бога верит.

Васин. Это очень гордый человек. Знаете, очень гордый. Люди любят верить в бога, особенно очень презирающие человечество. Это потребность перед кем-нибудь упасть, но... Они сами себя [часто] обманывают и в сущности*** вовсе не верят.
— Какой вы умный человек, Васин!

Важное. Как только показалась княгиня: Так вот она! [Я] о которой я уже год думал еще в Москве.
Ст. князь про подушку: Она, эта девочка****, не очень... великолепных свойств ума, хотя чрезвычайно [милая] добрая девочка.

---

* это так благородно (*франц.*).
** На левом поле: «Смотри».
*** «в сущности» — над строкой.
**** «эта девочка» — над строкой.

У ст. князя привычка про всех: Ну, умом не блестит. Про Версилова: Человек с большим остроумием, но правильный ли это ум? Тут сейчас подросток о сумасшествии князя.

Иногда подросток про себя, про свою уединенную жизнь в гимназии, т. е. про подробности обстановки, так как не мог же он от всего отрешиться сразу.

С аукциона вышел и решил: этим пока закончить.

Подросток делает замечание об уме с. князя. А вечером дома, по поводу девочек, Версилов замечает: Он после болезни полюбил бонмо и говорить, что другие дураки. Подр.: Да, он говорил сегодня, что ваш ум — неправильный ум.//

Княгиня, узнав, что письмо о наследстве вышло от подростка, задумалась: Не у него ль и документ? (Марья Ивановна).//

1-я часть. В первой части точнее обозначить характер исключения Его из общества. [Что]. Где собственно были причины. Что собственно Он потерял. Его формулярный список. (Собрание акционеров). //

Дочь же у ст. князя. Дочь слышала, что есть у подростка документ. Она заискивает у подростка. Тот не отомкнулся. Макар Иванов. Между тем князь не очень хочет княгиню. Младший князек закутил.
Действительно, все наконец уверяются, что Он слепо влюблен в княгиню. Убеждает их подросток. Он же гордо и презрительно молчит*.//

Молод. князя нет совсем.

2—3 ноября, ночь.
ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ. *Fabula.*
Адвокат, действительно, правду сказал, что князь в Луге знал его семейство. Князь воротился в Петерб⟨ург⟩ незадолго до княгини. Он задал вопрос Ему в момент получения денег: был ли он $1^1/_2$ года назад любовником княгини, и тот почти ответил: да. Князь сказал Ему, что Он лжет. Тот его вызвал. Вызов был быстро взят назад. Князь поверил. Тут психология: князь почти искал предлога порвать с княгиней, ибо встретился опять с Лизой, от которой воздержался в Луге, и вновь. Вызвал Он, князь рад был отказаться от вызова, потому что Он отец Лизы**. Он находит случай сойтись с подростком, вводит его в общество. Тот поддается, кутежи и почет. Меж тем как Он переселился к детям (когда стал женихом), подросток поселился у своих. Тут приход Макара Ивановича и смерть. Но князь находит случай ее видеть: в семействе и у подростка. Наконец вымогает свидания. Несколько раз заговаривал с подростком о Лизе и из слов его понял, что он готов продать и способствовать. Но подросток хоть и понимал, но не очень. Он был в это время отуманен кутежом, гордостью, беспрерывно возбуждаемою и беспрерывно оскорбляемою, и обидами княгини, которая принимала его за брата-сводника. Меж тем княгиня обижает Лизу. Подросток в это время играет. Он страдает тем, что изменил идее, что наживает не тем способом. Он проигрывает, берет у князя, который с насмешкой даже поощряет: Берите, берите, это единственное средство отыграться. Тогда заплатите и найдете еще капитал, чтоб уединиться.

---

* «Действительно ∽ молчит» — на свободном месте между строк.
** «Вызвал ∽ Лизы» — на левом поле.

(Любимая мечта подростка — это мальчишка ваксельник и потом лорд и т. д.) Князь даже дает ему понять, что деньги его, подростковы, ибо он предъявил документ. Подросток явно видит, в чем ошибка и фальшь, но продолжает, заигрался. С князем меж тем он груб, с господами тоже. Он проигрывает всего до 80000, и князь наконец в игре ему отказал. Он выходит на воздух с горячей головой: в Америку или убить себя. Возвращается и тут вдруг пропадают на столе деньги. Его заподозревают, он бьет, его бьют. Вышвырнули. Ночь. Васина взяли. Ламберт. У ст. князя отказали. Княгиня торжествует. У Него же // полное равнодушие. Он прежде приходил к Нему и во время кутежа, и во время Макара, и во время княгини. *И князь и отец* собирали* сведения от него о княгине. Князь его вышвырнул. Дуэль, а где деньги? и проч. Ты мне сводничал сестру. Подросток в негодовании. Меж тем князь сам оставил Лизу и тем временем через подростка же (както) получил твердое удостоверение, что Он лжет и что Она не была с отцом.

** Тем временем подушка отказала, чем и показала, что она passi bête ***, а Он имел с княгиней свидание и сделал ей предложение. Затем объявил ст. князю, что [до] она его хотела в сумасшедший. Потребовал доказательств. Написал письмо, что он все лгал, и князю написал, что и про связь лгал. Подушка отказала. Он переселился в семейство, поссорился с детьми, особенно с дочерью. Сделал предложение жене, изрубил образа. Подростку говорил, что княгиня вовеки влюблена была в него. Гордость непомерная. Но подросток в ту ночь встретился с Ламбертом. Ламберт толкает вымочь денег и бежать. Подросток — пустить в ход документ. Пожар. Поджечь. Владеть (ибо княгине в это время ужасно страшно лишиться милости ст. князя). Тот, однако, подозревая, что у подростка документ, 1000 раз говорил ему, что она сейчас даст и даже накануне. Подросток в пожаре приходит и [зовет Его] исповедуется Ему. Тот умоляет возвратить документ великодушно, остаться гордым без слов. Она не хотела спасения, пусть гибнет и будет счастлива по-прежнему. И вдруг — исступление. Лиза же погибла.

Разбить фабулу на части и примерить к тому плану. NB. Ему присочинить какой-нибудь загадочный, но поразительный поступок во время кутежа подростка, а *его* — времени жениханья с подушкой. Поступок должен касаться княгини. Поступок этот должен *поразить подростка* и заставить его задуматься и 2) во все время кутежа и исступления подростка и затменья он должен страстно и в волнении следить за отцом, примиряться, отчаиваться, жить в его характере и в его пертурбациях. Ибо поразил отец раз навеки. Он же эксплуатирует подростка, но, // когда тот проигрался, вдруг проповедует ему, отчасти с кривой улыбкою, всегда поражавшею подростка, теорию гордого уединения, напоминая, что люди — мыши и проч., и опять страстно действует на подростка. Он вспоминает про повесившуюся и говорит: Это другой случай моего вмешательства. Я и княгиню хотел спасти. Теперь я хочу ее сделать счастливою.

Лиза *не дает*, отпрашиваясь у князя, потому что матери в укор будет. Простая русская девушка невыразимой высоты. Особенно эффектен момент, когда она подымает руки и падает перед ним, с улыбкою на лице отдаваясь, и когда князь (вовсе не идеал) поступает героем и уходит от нее. Князь в исступлении от мысли: Я не в силах жениться на этом совершенстве потому только, что она *ничто* по рождению. Предлагает руку. Лиза говорит: Как это можно! После смерти Лизы он порвал с княгиней. Князь любит говорить о некоторых независимостях и нигилизмах с подростком и с Васиным. Лиза, может быть, прибегает к Васину.

---

* Исправлено из: «собирают».
** На левом поле рисунок — фигура старика.
*** не так глупа (*франц.*).

ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 8, л. 90

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Важное NB и решительное. Если от *Я*, то подросток все сцены Лизы с князем может описывать как бы от третьего лица: Лиза пришла, Лиза ушла и проч. Она простерла руки, и прибавлять: Я тогда ничего не знал этого. NB. Потом он мог узнать от отчаянного князя, уже после всего.

Разбитие образов, как и дуэль, в нем не объяснять.

?Вопрос: нельзя ли третьего мальчика? Создать надо. //

В 1-й части, в начале, подросток, когда еще не сошелся с Ним, а сходился лишь, то, расшутившись с Ним, вдруг обрывал и говорил: Я не хочу шуток! Он колебался, не бросить ли и уйти, и находил Его недостойным. *Капризы* Его поражали его. Но иногда, уходя на бульвар, говорил: Я чувствовал, что я без Него жить не могу, я был злобен, я был как любовница. И весь роман подросток мучается от Его замкнутости, гордости, загадочности и *бесчеловечности*, нелюбовности и к людям, и к нему. Подросток однажды определил Его чувство к себе так, что Он может даже, в раскаянии, и желает любить [и для] его и для того из всех сил старается, но не может, ибо эгоист и гордец, который никого не любит. А между тем, *пожалуй*, воображает, что Он уже много сделал и исполнил свой долг, сделав некоторое усилие над своей природой, чтоб заставить ее быть к подростку внимательнее и нежнее. С княгиней же не страсть, а поединок гордости. Да княгиня и сама такова.

Тон! Тон!*

**Подумать и победить трудность о том, что подросток, имея документ, должен чувствовать себя властелином судьбы княгини. Он изучал и выжидал, когда отдать документ отцу и отдать ли? Имея его в руках, был доволен уже тем, что имеет в руках ее судьбу. В НОЧЬ знал, что может ее погубить, и утешением ему служило, что не губит, и это незримо никем его подвиг. Несколько ночей так скитался, потом сознается отцу. Но потом искушение, да и страсть к женщине. Поджечь. (Отчаяние на Лизу, мщение князю).//

Лист для справок.

Подрост. У Крафта документы.

— Благодарю, Крафт. Мне то нравится, что вы вежливый человек.

— Да?

— Я бы на вашем месте, когда у самого такая Россия в голове, всех бы к чёрту отсылал: убирайтесь, интригуйте, грызитесь иль лижитесь про себя, мне какое дело!

— Вы так мало встречали вежливых людей. Давно я —

— Нет, я потому, что сам иногда умею быть вежливым, оттого и вежливых люблю. До свиданья, Крафт, дай вам бог прожить до 90 лет, а не стреляться из глупостей.

— Если б у меня были три жизни, я бы с удовольствием три раза застрелился, если б только вы могли мне доказать математически, что моя печаль глупость.

— Я ничего вам не могу доказать, а знаю только то, что дайте мне три жизни, мне и тех будет мало, до того мне жить хочется.

— И так много матерьялу.

— Матерьялу ужасно.

— Своя идея.

— Именно своя идея.

— Знаете, я не жалею, что ее не знаю, потому что в нее не верю. До свиданья — до радостного.

---

* На левом поле.

** На левом поле: «завтра».

Крафт застрелился.

— Быть не может! Знаете, я наверно так и думал, что он застрелится, всю ночь мерещилось!

Отец дома вдруг: Он две жизни проживет*.

Адвокат. Князь знал ваше семейство в Луге. Это к делу не относится**.

Точки. Разбирать документы, к Васину спрятать. У князя продолжается. Сестра поражает. Вдруг странное известие, что Он женится на падчерице. Макар Иван‹ович›, объясниться о Лизе, младший князь.

Ст. князь. Она падчерица покойной жены моего покойного брата и на моих руках. Она с состоянием.

Как только Он [застал] счел, переезжает к детям, с которыми мирится, а подушка приезжает знакомиться с его семейством набожным.//

Лист для справок.

Точки. Подростка эксплуатируют. [Точки]. Получил жалование. Аукцион. К Вите, у Долгушиных и у Васина, воротился поздно домой. *Дома ссора и кончается* наверху разговором о Макаре. На другой день у Крафта. Получил документы. Получено между тем известие о процессе. 500 р. А у подростка документ. Опять дома сцены. [Под] Сестра. Приехала княгиня. Подросток к адвокату. Князь. Свидание. Ссора за княгиню. Князь свысока. Княгиня у тетки, и что-нибудь про Лизу***. Подросток приходит. Ссора дома. Не хочу более служить. Высказывает Ему все, гонит Его вон, или Он или Я. Увел мальчика, предъявляет документ Ему. У Васина. Смерть девицы через Него. [Подросток предъявляет документ Ему]. Подросток вдруг узнает, что Он отдал документ. Объяснение смерти девицы. [Исп] Примирение и исповедь с Ним подростка. Своя идея. *Он* ему о княгине. Все развратны. *Он* выступает перед ним в идеале. Зачем вы не богаты? зачем вы слабы?. Старый князь. *Он* подростку в исповеди: Ты равен всякому****.

Застрелился Крафт*****.

NB. Он уже служит у ст. князя с самого приезда. Место доставила протекция Татьяны Павловны, высокоуважаемой родни. Ст. князь не скрывает от него, что боится приезда княгини за то, что взял его. Княгиня приехала и назвала его le petit espion. Ссора с княгиней. У Татьяны Павловны узнает потом, что княгиня боится письма. Подросток, получив деньги, приходит домой (в первый раз) и говорит, что больше служить не будет и будет искать места. Когда же le petit espion, то порвал и дома сцену и гонит отца вон. При примирении же рассказывает Ему о том, что княгиня боится документа.

Документы спрятал у Васина******.

Исключение‹?›С подростком об женщинах и о том, что все развратны. Да, да! все. И подросток с азартом// в ночь, в аду, вспоминая, что ее не идет губить, он верен себе с самого детства, когда от Тушара терпел побои и ушел в себя.

---

* «Отец ∽ проживет» — на левом поле.
** «Адвокат. ∽ относится» — на левом поле.
*** «Княгиня ∽ Лизу» — на левом поле.
**** «*Он* ∽ всякому» — более поздняя запись.
***** На левом поле.
****** «Документы ∽ Васина» — на левом поле.

С 1-й же части страстное отношение подростка к этому существу. Тот же, как гордец и страшный сердцевед, молча и *без славы* до⟨во⟩льствующийся своею гордостью и что все мыши, проник с первого шага, что подросток влюблен в Него, принял как *должное* и лишь свысока играл с [Ним] ним. Он ему же и объявил на исповеди, что Он проник давно в его чувства, но молчал, изучая. В этом гордеце (и действительно гордеце) одна только была черта, страшно поражавшая подростка: что Он ужасно как умел льстить и любил льстить. Когда он это Ему высказал, тот ответил: с ними надо обходиться, не уважая их (как с мышами). Христову любовь он понять не может.

Время кутежа подростка совпадает со временем разочарования подростка в Нем (потому что женится на подушке, потому что тот заподозрел ложь к княгине). Тут же Макар и проч. Крайне эгоистичное его отношение к *адскому* положению подростка. Вообще весь роман — поэма любви подростка к Нему.//

№. Надо равносильный характер княгине. (Лиза есть).

Княгиня, может быть, не любит князя, а тоже из гордости хочет, чтоб тот не смел не любить ее. В финале она может раскрыться перед подростком.

Старый князь видел сон и быстро помирает.

Не ввести ли Lambert'a около старого князя, у Andrieux Он испугал стар. князя.//

О том, что министр Чернышев был вечно молод, как это он делал?

О том, что на свадьбе нотариус не знал Виктора Гюго и Дюма, а один из писателей назвал себя проприетером, и тот обращался к нему с почтением.

В сенате на коленях стоял.//

Мотивы 2-й части программы от 1 ноября (от *Я*). Autant de gagné*

Входит к ст. князю. Оскорблен с первого шагу и княгиней и князем. Но вдруг является князь 2-й. (Le captif de Luga) * Это ужас фамильи и в особенности брата старшего, бедного, но старающегося о восстановлении чести фамилии и безмерно гордого. Усиленное ухаживание князя 2-го за подростком. Разврат ужалил его вначале гордостью. В обществе гуляк высшего света он отличился и имел успех благодаря стараниям князя 2-го. (Князь же 2-й старается с подростком, потому что Лиза. Получив же наследство, под которое успел достать денег, так и врезался в матерьялизм и легкое петербургское житье по ресторанам). Брат его в отчаянии. Срам фамильи. Княгиня в отчаянии тоже (от отчаяния старшего), и оба ненавидят подростка. Он же нарочно усиливает кутеж, чтоб досадить обоим.

Тут можно entrefilet, что не выдержал и обнаружил, что властелин княгини. Но не совсем. *Он* тоже подхватил на лету. №. *Он* почти не останавливает подростка, у него *свои дела*: вызов [князя] ст⟨аршему⟩ и княгиня. Княгиня оскорбляет Лизу. Подросток не знает еще ничего об Лизе и вдруг выследил сам. Говорит молод. князю. Тот обещает жениться. Lambert, дурной вексель. *Он* дарит его княгине. [Между тем князь] [профершпилился и кредит](Думает через глупое письмо подростка**** о том, что у него

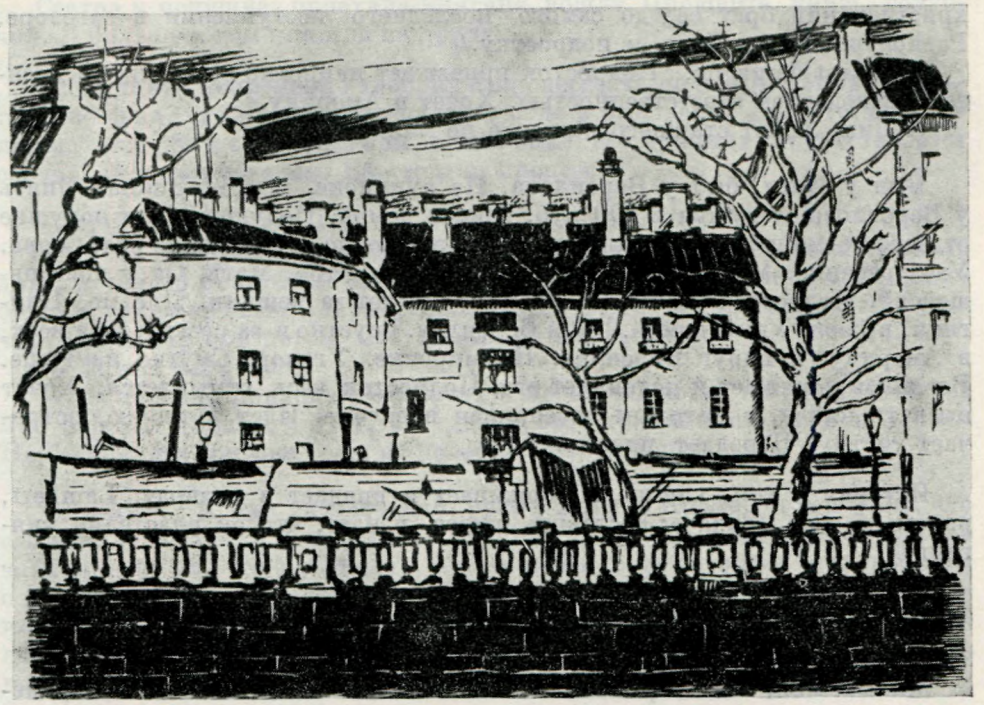
---

* За неимением лучшего и это хорошо (*франц.*)

** На левом поле: «2 ноября».

*** Пленник из Луги (*франц.*)

**** «Через ∽ подростка» — над строкой, дальше до «документ» — на левом поле.



ПЕТЕРБУРГ
Рисунок М. В. Добужинского, 1923 г.
Иллюстрация к книге Н. П. Анциферова «Петербург Достоевского». Пб., 1923

документ). Равнодушие княгини, но свиданье ее с подростком. Сдержал себя, она его осмеяла, показала, что ничего не боится, и страшно раздавила его высокомерием. Захотелось поскорей денег, выиграть *своих* денег. (О том, что далеко отошел от *своей* идеи). Тут появление Макара Иванова и смерть. Молод. князь профершпилился и с досады начинает оскорблять // подростка, как дорого ему стоящего. Подросток хочет своих денег, чтоб выиграть. Кража бриллиантов м. князем. Думают на подростка. Подростка бьют. Ругательство его с княгиней. Подросток хочет убить себя. Васина арестуют. [Он] Но как-то открывается, что вор бриллиантов м. князь (№. Между тем сношения подростка с Лизой). Тут же эпизод, что дочь Версилова хочет за старого князя. Одним словом, *в горе* все отвернулись от подростка, и Он. Встреча с Lambert'ом. Идеи Ламберта. Подросток их и отвергает и дергает его на *поджог*. [О] Между тем Лиза опять оскорблена. Подросток после охлаждения опять сходится с отцом. Предложение отцом руки, донос Его ст. князю. Подросток удивлен. Искоренить княгиню и все покончить! Свидание. Он. Смерть Лизы. М. князь и Lambert убивают. Молод. князь застреливается. Старый князь жених умирает. Княгиня выходит за жениха. Мать умирает. Подросток за *свою идею*. (№. Сцена с княгиней Его, что она развращает подростка).

Но в фабуле должна быть неуклонно главная идея: стремление к *поджогу* подростка, как совращение от своей идеи и неудачный первый шаг. Обаяние отцом, и Он в неизмеримой гордости перед людьми, действительно убежденный, что все мыши (и подросток, и все — только пешки его желаний) и убежденный, что княгиня влюблена в него три года, а он только

христианский брат ее, до самого последнего исступления в заговоре. Равнодушие его к Лизе, к подростку.//

В autant de gagne. Подросток приезжает напротив со всеми документами и подавлен ответственностью. Хочет в Америку.

И Лиза любит старшего князя, а не младшего.//

Был у Вити, был у Версилова. На аукционе, у Долгушина. Опять у Версилова, девушка и 100 руб. Пошел домой. Подушка. При подушке отдает письмо и 100 рублей и знает, что это подло, Раздирание рта. Ссора. Увел ребенка. У Васина. Ночью повесилась. Утро. Мать, Он у повесившейся*. Подросток нанимает квартиру. Идет за вещами. Письмо. Княгиня, вышел. Ушел домой. Дома Версилов. Грустно и за сестру, и за всех, в Америку, и вдруг Версилов. Примирение. Уговор. Смутно на душе. Версилов поражает и подавляет его. Подросток весь отмыкается. Хочет вызвать князя, с которым поссорился в вагоне. Идет к князю, встречает сестру. Передает письмо.**

История о том, как не выдерживает и впадает в разврат. Lambert, рядом об отце. (Задача: составить живее, узнает, что он властелин княгини).//

Мотивы 1-й части.
Главное (разрешение).

Милый мой, твое признание в твоей невинности меня всегда удивляло.

Подросток. В это утро я старался быть с ним особенно мягким, потому что я пришел с целью положительно отказаться. Я знал, что это его огорчит. Он любил про фру-фру.

Главное. Увидел княгиню. Никогда в жизни не забуду эту минуту, я вглядывался в ее черты.

Я чуть было письмо не приняла за насмешку, так как я знаю, что в этих случаях смеются.

Князь, cher, я тебя жалею.
Ненависть, фру-фру!
Совет⟨?⟩ Рассказ про бульвар.
Mais, mon cher, у тебя сестра.
Представь, падчерица моего брата находит его интересным и красивым, где он ее мог виде⟨ть⟩***.

Он мне показался беспокойным в ожидании княгини дочери, которой он боялся.
Деньги получил у ст. князя с самого начала поэтому разговор о семействе, о нем и о княгине. [почувствовал, что надо переменить тему]
Мощи. Неправильный ум. О сумасшествии старика.

В этот день я хотел отказаться и думал быть недолго, он привязался. Cher, говорил он мне, когда приедет княгиня, j'aime le bon dieu. Переменить тему — об том, что Версилов с девочками. Виноват! Я с тобой об этом не могу говорить, ибо ты не любишь о девочках. Ф⟨ру⟩.

---

* В оригинале: «повесившихся».
** На левом поле рисунок: фигура монахини.
*** «Представь ∞ виде⟨ть⟩» — другим пером справа у самого края.

Сестра и подушка, приехала княгиня, вошла. Прощайте, князь, голубчик. Я больше к вам никогда не приду.

У ст. князя непременно говорит о процессе №. подростка: И представьте, я не знал, что процесс слушался в суде в этот день. До того он болтлив на пустяки и скрытен в том, в чем, знал, все приняли бы участие. Нет сердца. И потом вечером: Вы скрыли процесс.//

МОТИВЫ 1-Й ЧАСТИ.

САМОЕ ВАЖНОЕ. В исповеди отец страшно серьезно говорит: Милый друг, я увидел с самого начала* существо, до какой-то страсти меня полюбившее, за что не знаю... А ты думал, что я смеюсь**. Ты, мой бедный мальчик, у Тушара или потом, мечтающий об Унгерн.

— Почем вы знаете?

— Я нарочно приходил говорить с Васиным, когда ты ушел, и он все мне передал [подлец]. Нет, он сделал это, чрезвычайно тебя полюбив. Не беспокойся, он мне тоже не доверяет и тебя ценит выше.

Ст. князь. Я для развлечений, ревматизмы... Кроме того, я знаю, что его многие оставили. С переменой влияний по службе и с болезнью многие знакомые не то, что удалились, но стали не те, и он видел это, любезны с двусмысленною улыбкою. Никогда б я не перенес этого: сломал бы что-нибудь, наплевал и ушел. Но замечу самое важное: боязнь за ум, мнительность, этот старик заболел бы серьезно и умер, [Он] впрочем и доказал это, но это потом.

Про Версилова ст. князь. Cette histoire infâme***, я не верю. Я никогда не верил, но меня заставляют верить, надо мной стоят: верь, верь!

Ст. князь. Он боялся княгини.

Этот Lambert, который имеет роль в своих записках своими словами.

Документ, [не] имеет ли значение? Значения нет, так как не ведет с собою прямого приложения закона, но значение косвенное — может иметь большое, повлияв на убеждение суда.//

Мотивы 1-й части.

Вечером в первый день дома, наверху, после первого разговора с отцом о Макаре Ивановиче и о проч. Оставшись один:

Для чего мне этот человек так дорог? Что я лезу к нему с моею любовью? Ну что ж, если я видел сны о нем все последние 9 лет мои. Брошу их всех и развяжусь. Однако же на счет письма, сообщенного Крафтом о наследстве, как поступить? Разрешить этот последний вопрос и прощайте! Он мне противен! Прочь все! Одна моя идея!

**** У Васина. Подросток жалуется на Петербург, на то, что лучше уединение, своя идея, дико и гадко. Васин говорит: Из того, что такие небольшие происшествия вас так взволновали, видно, что они для вас слишком велики и что тут много тайны. Второе, что вы не довольствуетесь уединением, вы хотите круговорота очень, но под условием первого места, мщения и господства. Та идея, которая, по-вашему, может все это заменить вам,

---

* Над строкой: «целый месяц».

** «А ∞ смеюсь» — на левом поле.

*** Эта гнусная история (*франц.*).

**** Ниже, у след. абзаца повторение на левом поле: «У Васина».

должна быть очень сильна, чтоб заменить все эти страстные побуждения*.

То же говорит в исповеди и Он, уже выслушав свою идею. Разница в том, что Васин прямо начал с ним говорить патетически, а Он до сих пор говорил юмористически. Я слишком понимал это, друг мой, говорит Он, я видел, что тебе надо патетического. Как, твой идеал имеет быть таким водевилистом и так дерзок, что не принимает твоей любви, ни дружеской помощи. Я все это видел, но мне хотелось подождать и... подольше посмотреть на тебя.

Подросток, выйдя после подслушивания у Татьяны Павловны, и решившись порвать, идет и нанимает себе комнату; разговор за перегородкой, трагический и страшный, имя Версилова. Мать закричала и выбежала за ней, на лестнице подросток. Мать говорит: она утопится. Но внимательно оглядев его, ушла и заперлась. Девушка же сходила к приятельнице, у которой написала письмо Версилову и записку матери. На лестнице у Версилова девушка с письмом и подросток встретились. Войдемте вместе.

ВАЖНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ. От адвоката (придумать) подросток охотно соглашается идти к князю. Главное, чтоб узнать от того лично мнение его о Версилове и давал ли он Ему пощечину. Тот сознался, и подросток вызвал было его на дуэль. (Ограблены Версиловы). Не состоялось. Затем уже сцена за дверями у Татьяны Павловны и все следующее. Подросток еще с вечера, еще получив от Крафта письмо, знает, что увидится завтра с князем (встретившись давеча утром у ст. князя на лестнице с входившим молодым князем, сказал себе: он не знал, что мы завтра встретимся).//** Но, увидавшись и вызвав, еще пуще путается в задаче: [отдать] предъявить или нет письмо? Предъявить. И если отдаст Версилов, это будет похоже на мщение князю и т. д.

Версилов отрицал сумасшествие князя, и я тоже — разве одна только идея была странная — жениться после долгого вдовства, впрочем больше в шутку.

Ибо Иван Ан-ч выразил уж мне на этот счет свои мысли, в предупреждение, предполагая общий случай***, а если б узнал про это письмо, то мне бы очень досталось, а может было бы и хуже.

Терять моего счастья я не могу. Особенно прошу вас, с этим вдовством про

Версилов в первый вечер спрашивает его о падчерице (подушке), не видал ли подушку?****

Я теперь пишу трезвый, и [отчасти] во многом как посторонний. Но как изобразить мне тогдашнюю грусть мою, засевшую***** в сердце, а главное мое волнение, доходившее иногда до такого смутного и горячего состояния, что я даже не спал по ночам от досады и от загадок******, меня тогда окружавших и которых я не мог разрешить. Замечу, что 19 сентября

---

* «Чтоб ∞ побуждения» — другим пером.

** В начале страницы: «Мотивы 1-й части».

*** Ниже вариант: «в предупреждение и предвидя известный случай».

**** Ниже: «Вначале у князя».

***** Сверху вариант: «которую припоминаю».

****** Слева вариант: «от нетерпения моего от загадок, которые я сам себе наставил».

ПЕТЕРБУРГ

Рисунок М. В. Добужинского, 1923 г.

Иллюстрация к книге Н. П. Анциферова «Петербург Достоевского». Пб., 1923

я почти решил порвать с ними. Этот первый месяц уходил меня. Не мог я перенести его гордости*. Будьте как хотите, только без меня! Разбирайтесь сами, а я не мешаю**.

Непременно после первых вводных*** слов о князе — о том, как я тешил его, еще накануне — фру-фру и тирада против женщин, а за тем уж: в это утро деньги, про Версилова и проч. №. Словечки князю.

Была (свадьба князя) опасностью для старшей дочери его княгини. Наконец написал это роковое имя!

Тут глава.

Приходилось тащить в заклад образ, потому жалованье//

О той грусти, которая была со мною, когда я пришел к ст. князю. Я решился тешить старика и многое спустить ему. Не думаю, чтоб я этим решением в чем-нибудь изменил благородству.

Католичество. Слышал еще в Москве. Идея, над которой я смеялся и считал ни во что.

У Долгушина. То есть милосердие. Удовлетворение собственного чувства. Это же спрашивается как долг и обязанность. Я ничего не должен и никому не обязан.

---

* «Этот ∞ гордости» — на левом поле.
** Слева запись: «ждал лица».
*** Над строкой.

Только он уж слишком пугает, когда о царстве небесном говорит, и любит это.

И уж поверь, что не взял бы m-lle Сапожкову в Италию. Я был в самом святом настроении сердца.

Подросток ст. князю: Знаете, мне иногда кажется, что я сброд всех самолюбий. Развить отеческие отношения. Но я не хочу просить прощения. Не у кого*.

Ст. кн. C'est moi, qui connait les femmes**. Жизнь женщины это вечное отыскивание кому бы подчиниться.

АТЕИСТ.

В вечер выигрыша послал за шампанским.

Самая мучительная моя идея это: не я ли виноват? — Когда я других обвиняю. (Это сказать от себя, в конце какой-нибудь главы).

Самый первый разговор, разумеется, был о женщинах (с ст. князем). Он религиозен и молился, но вдруг начнет: А ну как этого [духа] ничего нет. Дух разлит***.

Подросток entrefilet про себя: Всего удивительнее было мне, глядя иногда на него (ст. князя), что он где-то заседал и советовал, в одном поручении, говорят, оказал много ума, важные услуги.//

Ст. князь. Женщин нельзя в идеал (кому бы подчиниться). Подросток об Отелло: Знаете ли, за что убил Дездемону, за то, что идеал потерял. И вдруг подросток поглядел на князя: Знаете я отчасти в положении Отелло и боюсь потерять идеал.

— Друг мой, разве ты любил?

Он ничего не понял, я говорил про Него. Я однако же рассказал ему про любовь. Мне самому стало приятно увлечься смешными воспоминаниями. Тут [он] описание моей любви, я его тешил. Он очень заинтересовался.

Сначала разговор: образ заложить. Что они, княгиня, источник всех несчастий, послушай старика. Он католик, бог, мощи. Атеист. Я глядел на него, госуд. совет. [на женщин] [в] около девочек. Первое сведение о подушке, c'est moi, qui connait, ищет подчинить⟨ся⟩, в идеал нельзя. Отелло. ⟨О⟩ любви, я его тешил. Нежности, ты у меня один. Она приедет, о приедет сегодня. А я и не знал, беда, визит. Она — встал и вышел.

ЭТУ ПРОГРАММУ СВЕРИТЬ С МОТИВАМИ И ДОКОНЧИТЬ.

Когда об женщинах и наготу: князь останавливает. О Ламберте, mon enfant, у тебя была ужасная участь! Эти милые деточки, когда вырастут и т. д.

№. К м. князю, потому пошел объясняться с адвокатом, чтоб узнать кой-что о пощечине.

№$_2$ ЛАМБЕРТА НЕПРЕМЕННО. Снился Ламберт (пугал ребенка во сне).

---

* «Но ∞ кого» — под строкой.
** Я-то знаю женщин (*франц.*).
*** «Дух разлит» — другим пером.

№. ВАСИН И СЕСТРА. В ночь у Васина подросток замечает, что он знает сестру и как будто говорил уже с ней о чем-то. Васин как бы намекает, укоряет и как бы советует ему заняться сестрой.

Драгоценное. Когда подросток страстно просит Васина не спрашивать о своей идее, Васин слишком *легко* соглашается. Это обижает подростка (втайне).//

У князя наклонность к расслабленности.
Заплакать. Je sais tout, mais je ne sais rien de bon.*
Да это Фауст говорит.
Неужели, представь себе, это я сказал.
Но ты знаешь литературу.

На улице — идея — новые люди.

У Долгушина подросток застает Крафта.

Возьмите** железные дороги, каждый станционный начальник матерщина, Колумбов (columbarum timilorum). Очистить вагон, потому что, это правда, нас Европа и железные дороги застали без людей, мы не способны быть людьми. Самолюбивая ничтожность, сидящая у приема багажа в Петербург, подлец останавливает поезд на полчаса — совершенно безнаказанно. А мировой судья законов не знает, встает облачается при публике и начинает служить обедню, штрафует бедную бабу 25 р.— вот господин, деспот, решитель вашей участи. Почему заграницу бегут? Нельзя физически оставаться. Совершенно никакого права. Я не стою за крепостное право, но прежде был хоть *скверный, но порядок*, теперь никакого. Волостные судьи делают, что угодно, [в] пьяное сумасшествие,— а теперь совсем никакого. Хуже того, что есть, никогда не было. Но это бы решительно ничего, если б было поправимо хоть через 100 лет. Но это непоправимо. Русские второстепенный матерьял. Я не могу жить без грусти.

**Я бы желал быть срединой.

Наживать.

Он и Васин, мельком разговор о Крафте у трупа повесившейся. Про Крафта: он проехал недавно по России.

О дворянстве призванном. //

[Завтра: перечитать переписанное и поправить написанное 2-й главы, чтоб приготовить писать к вечеру].

На бульваре c'était ignoble***, я и рассказал, чтоб начать наказанье.

Верно, ты очень страдал потом, нет, ничего почти не страдал. Я потом страдаю. Впрочем, тогда у меня была другая идея. Знаете, сказал я вдруг, взглянув на него, когда принадлежишь всецело другой идее, то вся жизнь кажется только так — и много поступков и происшествий не производит впечатления. Даже собств⟨енные⟩ мерзости, что я потом.

Как это плохо логически сходится! Я уже целый месяц ждал, что отворится дверь и войдет одна особа. А потому я и заговорил о моей ненависти к женщинам, чрезвычайно обнаженно и с силой.

Версилов про Макара. Т. е. это был дворовый, но дворовый, пожелавший некоторой славы.

---

* Я знаю все, но не знаю ничего хорошего (*франц.*)
** На полях слева: «Крафт».
*** это было отвратительно (*франц.*).

Портфель: mercі, m-r (я был одет хорошо).
Когда открыл идею Версилову: теперь я уже без своей идеи, теперь я как бы уже сравнялся с ними со всеми. Крепости нет, в которую бы мог затвориться.

Васин, для чего мне быть честным? И потом после аргументов: А все-таки я не знаю, для чего мне быть честным.

Васин. Тут есть что-нибудь, что вы не умеете выразить, а я не умею вас понять.

Дочь Версилова, шептала князю, а тот улыбался. Я знал положительно, что он брал огромное участие и прилично и с блеском выдать.
[Я знаю, что вы бы хотели выдать]. У князя, после поступка Версилова, отдавшего деньги, и после примирения Версилова с м. князем (после вызова) вдруг является мечта — выдать старшую дочь Версилова за князя Сокольского (до такой степени он игнорирует о связи князя с княгиней).//

Васин, про Версилова: Гордый человек.
— Какой вы умный человек, Васин.
— Скажите, скверно я сделал, что сказал, что я незаконный? Я не выдержал, растаял, броситься на шею, не выдержал, свой угол.
— Как знаете.
— Не считайте меня за дурака, я врал вздор, я три года, я думал, что они меня победят, и трусил, у меня своя идея.
— Васин улыбнулся: Приходите, пожалуй, но предуведомлю вас, у меня мало времени, до свиданья.
— Зачем вы...
— На шею вешаетесь?.. доскажите ж.

Я шел с Крафтом.
Действительно, я вешаюсь. Мне надо быть мрачнее. Нет, люди, кто бы ни были, мне были тяжелы.

... и вот он выбирает бога, т. е. природа его выбирает, потому что ум его в том иногда не участвует. Это уж не так обидно. Эти люди иногда страшно верят, т. е. не верят, а хотят верить, но желание принимают за самую веру.

Мне кажется, я не могу быть с людьми, и, кажется, вы один только надо мной не смеялись,— сказал я вдруг Васину, выходя.

Стараться жить по закону природы и правды.
Крафт, помощник и секретарь по частным дел⟨ам⟩. Иском Андроникова.

Безлесят Россию, т. е. и строг, и жаль-то мне их, и хотел бы покончить взаимными объятиями.

Я и верил, увлекал⟨ся⟩, но тайный стыд; мне бы надо быть мрачнее, а я визжу, а я хотел всех перепобедить. Но они молчали, улыбались.

...вы идите из народа, не беспокойтесь, вы и в России живя, можете быть полезны общему делу. Для этого не надо непременно ехать в Германию. ||

*Князь: Теперь ходят новые люди, все с бородами и тоже с тою мыслию, чтоб заключить по физиономии: читает ли он «Пиквикский клуб».

У Долгушина. Садитесь и не беспокойтесь: сюда не пройдет никто, кому быть здесь не следует.

Все своя идея. Именно своя идея. Разъясните вашу идею. Всякое разъяснение дела полезно. Идти в народ. Зачем мне быть честным. Да я на том стою.

— В таком случае нам всем надо опасаться за наши платки в кармане.

— О, не беспокойтесь, я не ворую.

— Того-то и надо, значит, вы теоретики свою [дело] идею в дело не прилагаете, а только мечтаете. Ну-с, а мы люди дела.

Такой сытой коровы. Васин. Идея Крафта ⟨не⟩ великодушие, а одно лишь недоумение. Непременно поссорился с Васиным.

Крафт подростку про Долгушина: Нет, мне хотелось тут в последний раз.

— Более не пойдете.

— Не пойду.

Он подростку: Но если так, то князь может наградить тебя в своем завещании.

**Если я описываю в такой подробности, то это необходимо. Казалось бы сначала, что и не надо, но в своем месте оно отзовется.

Это после первой продажи: Я сделал шаг для пробы и отлагаю [осталь] до времени.

Какой я подросток. Разве растут в девятнадцать лет?

Выходит от князя и вопросы: Что, *она* меня обидела? Нет, не обидела. Я почти любил... Я даже рад. Торжествующее впечатление.//

Крафт. Ну, теперь прощайте, теперь уж я один. Нет уж, теперь людей видеть не буду.

В секунданты Витя. Чёрт тебя дери. Я, пожалуй, тебе заряжу. Но ходить говорить не пойду. Ты такой высокий. //

***Где начало и конец Версилова? Это не допускается. Версилов перед вами и довольно. Критика немыслима.

Я не понимаю, говорит Крафт, как можно, бывши под влиянием какой-нибудь господствующей мысли, которой подчиняется ваш ум и сердце вполне, жить еще чем-нибудь, что вне этой мысли. Если веруешь в бога и в церковь — ступай непременно в монахи, если ты X века человек и убежден, что надо освободить гроб господний, бросай все и непременно бери крест.

— Вы думаете, кто верует всецело, непременно надо идти в монахи. Я эту**** мысль слышал сегодня.

— Что странного находите вы в том, если я, убежденный в моих выводах, решаюсь застрелиться?

---

* На левом поле: «Февр⟨аль⟩».
** На левом поле: «очень важно».
*** На левом поле: «Февра⟨ль⟩».
**** В оригинале: «это»

— Взять крест или идти в монахи — идеи положительные, и это — это даже и не идеи.

— Правда, но полное * убеждение есть чувство. А если я имею это чувство, хотя бы чувство отчаяния **.

— Да, так: именно так! Убеждение есть чувство**. Знаете, сегодня как я был у Долгушина, я ужасно боялся, чтоб они не поколебали меня софизмами, потому что у меня есть тоже свое *** убеждение, *одна своя идея*. А я не знал и не сообразил, что чувство умом не поколеблешь, а надо вырвать сначала идею, которая засела в сердце в виде чувства, и вложить вместо него новое, другое,— и тогда только можно поколебаться. А что они мне там ⟨могли⟩ дать положительного с их глупеньким идти в народ. С чем идти?

Ну что же, купил вещь и больше ничего. Но что значил для ⟨меня⟩ этот шаг, эта мысль, эта проба! Это потом.

****№. Я отдам Версилову. Я отдам ей.

— Т. е. вы оставите при себе и будете долго решать и... *отдадите, если*

Я покраснел и смолчал.

— [Если отдам, то, поверьте, даром.]

— Ну, это мне все равно.//

Крафт. Юридически это⟨т⟩ документ, (письмо) много не стоит. А шанс есть. Я этим делом не занимался,— адвокат противной стороны, конечно, должен знать, что бы он мог сделать с таким документом, много или мало, или совсем ничего.

— Как же мне поступить?

— Это как угодно.

Однако ужасно трудно было решиться. Если дать Версилову, у него угрызенье. Дать адвокату — значит выдать на милость Версилова и мать. Не отдать, взять на себя — я и не знал, что это так тяжело.

В ПОСЛЕДНЕЙ ГЛАВЕ 1-й части в случайности разговора на вопрос подростка Версилов говорит, уже уходя: «Это письмо у меня!» После патетического потрясения на подростка это действует, как ведро воды. Но после отчаяния подросток решается *простить* эту выходку Версилову ⟨нрзб⟩ и положил только наблюдать и изучать Его.//

ВЕРСИЛОВ ПОДРОСТКУ. Да и напрасно ты поставил себя везде незаконным; ты совершенно законный и совсем напрасно марал честь своей матери. Или, может, тебе неприятно было сознаться, что ты сын мещанина и, казалось, что незаконный сын дворянина все-таки выше и красивее***** мещанина?

— (№. Я все это давно сознавал и давно мучился). Зачем вы навязываете мне такую бесчестную мысль.

— Нет, ничего, действительно, [быть] происходить от дворянина, хотя бы и незаконно, красивее, чем быть мещанином. Тут как на вкус и какие у человека наклонности.

---

* Над строкой.

** «А ∽ отчаяния» — другим пером.

*** Над строкой.

**** Слева от записи трижды «№».

***** «и красивее» — на левом поле.

Да я не страдаю нисколько, говорит ему Версилов на замечания о гонениях княгини.

Подросток говорит: Я [ему] не умею рассказать идею, у меня выходит смешно.

Я за тебя расскажу, сказал Версилов и начал излагать ему его же идею, блеск, ночные слезы.

Да-да! кричит подросток. Я ваш.

ВАЖНОЕ. За то, что назвали шпионом — она, за то, что возился весь день с письмом, за свидание с князем, казус совести, и, наконец, за гувернантку с письмом и вышел разрыв, когда он ушел к Васину. После поступка отца отдал деньги, он очищается и возвышается (№ и после Васина) и не хочет воспользоваться письмом княгини. Это была самая чистая минута моей жизни! восклицает он в последней строке, 1-й части. //

Только что вошел к матери. Сказал он вам об деле. Версилов. У него своя идея, и он нас удивит.

Простился с Крафтом грустно. То, что от вас узнал. Я еще не верую, но — чувствую, что порву. Надо начинать новую жизнь. К Васину я не пойду. [Блажен у кого]

— А вы надеетесь жить. Блажен тот, у кого есть идея.

— Если б вы знали, что вы сказали. Крафт, у меня своя идея.

Пришел домой грустный и скоро раздражался.

Подросток в конце первого объяснения с Версиловым: Нет, этот человек не должен знать, что я так страдал по нем. Он не стоит слез моих.

Расчет Версилова был поразить его холодностью и ироniею. Он не оправдывается (о княгине, о пощечине), считая ниже себя оправдываться перед подростком. Негодование подростка, порешил уйти.

Подросток с Васиным ссорится*.

Подросток Версилову: Что же я удивляюсь, разве вы можете говорить неумно.

После первого объяснения: жажда высшего, недовольство, порву, квартиру. Не пойду к Васину, об документе — грустно улыбнулся.

Драгоценность. Вдруг ложась спать: почему я меньше люблю Васина, чем давеча? Потому, что слишком перед ним давеча принизился. «Я мальчишка, я больше ничего».//

На другой день после первого разговора с Версиловым: кончить с письмом. Рассуждение: идти к адвокату *нельзя было*. К князю, чтоб вызвать его на дуэль — секунданта нет. Не пойдет. Но однако... Зашел к Васину посоветоваться. Васин в номерах. Рядом гувернантка с письмом. К Татьяне. С княгиней. Оскорбила ужасно (слезы). Документ в кармане. Я разорву его! Сталкивается с гувернанткой в доме: вон.

ПРЕЛЕСТЬ ОПИСАНИЯ. Живее и сокращеннее.

Что касается до полководцев и прочего, то я разбивал**.

---

* Первоначально: «спорит».

** Под этой строкой очень крупно: «ЗДЕСЬ».

ВОТ МОЯ ИДЕЯ, ТАК, КАК ОНА МНЕ ТОГДА ПРЕДСТАВЛЯЛАСЬ.

В детстве поразил. С тех пор закрываясь одеялом. Не незаконнорожденность меня мучила. Да, этот человек меня мучил. То, что меня оставили одного, меня мучило*. Я мечтал завести новое гнездо. Но, верно, я сам был такой человек. Я сам был Версилов. Мечты мои: Фермер. Я чищу сапоги. Потом приятель богатый. Но мне хотелось безмерно большего, гордость.

Первое место — но таинственно**. Профессор. Унгерн-Штернберг. Наконец, Ротшильд. Копить — неестественно не нажить! Наконец, торжество бесталантливости и средины. Вот с чем я приехал. Этого не рассказать. Этого никак не рассказать.

Вошел к матери. Закат. Описание вечера. Вошел с тем, что порву сегодня или завтра. Все равно виноват... Нет Версилова***.

Что этот день мне дал? Васин — не пойду к нему. Я ехал: этот документ княгини был на мне. Вошел; тихие глаза матери. Версилов вошел****.

Там банки, конторы, биржевая игра, я этого ничего не знал. Конечно, с людьми сталкиваются, потом бы выработал *****...

Мне представлялось гордое создание, высшего света, Ахмакова, и вот я становлюсь подле Версилова. Я властитель документа. Не одна помощь к Версилову: ее слезы, высший свет. Теперь все казалось таким младенчеством******.

Я помнил давешнее содрогание при встрече с нею*******.

О том, как у Дергачева сталкивался. Для меня это было важно. Я был робок, я за идею боялся: Они думают, что я человеконенавистник.
Я знаю их идеи насчет собственности********.

Идея звала меня*********.//

Первый разговор Версилова.

— Друг мой, тебя, кажется, огорчает твое рождение. Я очень сожалею, что ты меня так любишь ввиду того, что не мог для тебя ничего сделать.

— Вы так уверены, что я вас люблю.

— Ты сам сказал, что я поразил тебя, с тех пор твои мечты должны были витать около меня.

Я смолчал, стиснув зубы. (Какой угадчик!) Скажите, каков мой отец? (О Макаре). Скажите: каков отец мой! Каков М. Иванов. Рассказ Версилова. (Прогоняет его).

— Вы очень страдали от княгини. Я ее сегодня видел.

Он. Я заметил, что ты многим интересуешься и излишне тревожишь себя.

Я смотрел на его лицо. Скажите, каков был отец мой. Подите от меня прочь.

---

* Под строкой: «грезило‹сь›»; линия ведет к слову «представлялась» — очевидно, вариант.

** На правом поле цифра: «1».

*** «Вошел с тем ∞ Версилова» — на левом поле. Над записью линия, на которой цифра: «2».

**** «Что этот ∞ вошел» — на левом поле окружено линиями, сверху цифра: «3».

***** «Там ∞ выработал» — на левом поле, окаймлено линиями, сбоку цифра: «4».

****** Над записью: «Мне ∞ младенчеством» — линия, над которой цифра: «5».

******* «Я ∞ с нею» — внутри неправильного круга, над которым цифра: «6».

******** «О том ∞ собственности»—на правом поле, отделено круглыми линиями, сверху цифра: «7».

********* «Идея ∞ меня» — на левом поле.

Выйдя от Крафта. Я к Васину не хотел идти. Страшный документ был у меня. Зашит в моем платье. Меня никто не может любить.

И вдруг, войдя в дом,— тихие глаза матери.

У матери, после прихода Версилова: Если я мечтаю, мечтатель, то кто меня таким сделал. Это он меня таким сделал.

Я у Тушара, но Тушар честный.

NB. И вообще сцену у матери короче, прямо к Тушару, что соответствовало тому настроению отчаяния и порвать, с которым он пришел от Крафта.

ПОРЯДОК. Очень важное. Когда второй раз встретил княгиню у Татьяны. Я ее увидал второй раз, обстоятельства и вчерашние случаи истерли ее образ. (Сильное впечатление в этот второй раз).

И потом *слишком экзаменует Версилова*, чтоб узнать: любит Он или нет княгиню, чтоб узнать — можно ли ему любить? Отмстить за отца.//

СВОЯ ИДЕЯ так, как я ее понимал тогда.

Пусть зависть, пусть я хуже всех, но я зато над всеми. Чуть в Москве кто становился выше меня—я с тем переставал говорить. Да я вот давеча с Васиным — и вот уже я меньше стал любить его. Дурен или хорош— это меня не тревожило. Тут было только чувство. Мне надо было могущество доводами, что право и не право. Я даже и не смущался, напротив, ощущал в этом невыразимую красоту, и чувствую даже теперь, что никто бы не смог меня переспорить. Я не груб, я знал, что такое идеалы добра и света. Но мой идеал мне казался лучше всех. Разве это был просто копитель и наживатель денег? Тут сияло только одно могущество и гарантировалась мне моя воля и то, что я лучше всех. Как там я направлю мою волю и личность, отмщу ли или облагодетельствую людей,— это было все в моей власти. Я хоть и боялся книг, но я знал социальные возражения — и про собственность, и про капитал, и что собственность организованный обман, но парадокс прыгал в глаза, да и вообще, я ненавидел эти новые учения, глубоко презирал за ошибку в постановке основных и первоначальных идей, в ложном толковании их, в теоретизме и в нечистом идеале. А впрочем, чёрт со всем этим, думал я. Тут не теория, а красота, тут могущество, все дело в могуществе. Главное *Я*.

Да вот у Дергачева я только не успел высказать. Но их взгляды, смех могли ли заставить меня примкнуть к ним,— никогда. Так как я талантами все же уступлю кому, то уж я и не буду этого добиваться, у меня деньги. Мало того, в отмщение им, пусть я буду ничтожество. Я не раскаиваюсь и теперь.

Я записываю — не прощения прошу, я, может быть, и теперь таков. Только идея выросла.

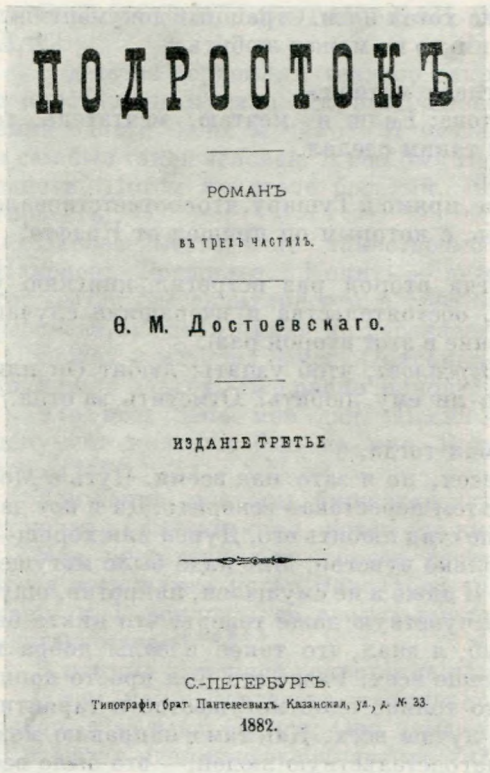
Если мне не удастся, я не пойду к ним в ассоциацию опираться на весь род человеческий. Я просто застрелюсь, и конец. Даже нищим не буду. Но напрасно стал бы я все это объяснять наглядно, словами. В этом слабая сторона моей *идеи*. Что я выскажу словами — тут чувство.

Я убежден, что я никому не мог бы рассказать ее: никто бы не [понял] понял. Я убежден, что и теперь, как я написал, никто не поймет меня. Слова только вздор. Дело остается лишь в словах невысказанных, потому что их нельзя было высказать. Слова только вздор, а дело лишь в невысказанном, и так всегда, всегда!//*

Тут верность, но со всеми шансами картежного стола, а в то же время верность.

---

* В начале страницы: «*Своя идея*, так, как я ее понимал тогда».



ПОДРОСТОКЪ

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Ѳ. М. Достоевскаго.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типография брат. Пантелеевыхъ. Казанская, ул., д. № 33.
1882.

«ПОДРОСТОК» (1882)
Издание А. Г. Достоевской.
Экземпляр с ее пометами
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Пожить. Трата их — это ничтожно. Не деньги, а наслаждение. Земные блага, отель, жена, [арист] пышный круг знакомства — это [не то что] даже подло, т. е. не то, что подло, а что-то такое мелкое, маленькое. Какая-то чрезмерная узость жизни. Не в том дело, лучше в платье зашить.

Но как бы я ни был образован, все-таки в свете найдутся образованнее.

Самолюбие? скажете вы. О боже, я ни в чем не [упре] оправдываюсь, я ровно ни у кого не прошу прощения.

Что, если впоследствии я вдруг все отдам на сирот, на воспитание, на образование, на богадельни, на воспитательные дома.

Случай с подкинутым ребенком.

Я не мог выносить кротких глаз.

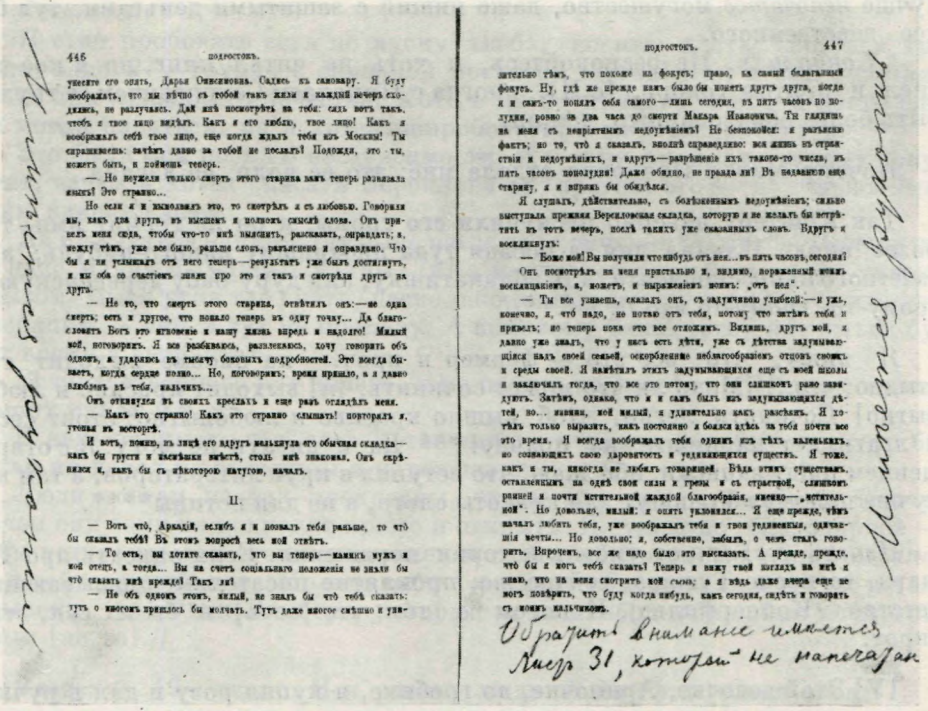
К чему я привязался к этому человеку, который меня не хочет.

Великолепная дама. Давешнее впечатление укусило меня, тот документ. Зашит. Я только улыбнулся. К чему мне идти туда? Да она протянет мне руку, если ей отдам прежде. А если Версилову, то Версилов обоймет меня и свяжет, но надолго ли? Все считают меня подростком. Оставлю всех и документ оставлю — у себя в зашитом платье.

Я к Васину не пойду. Я перестаю любить его. Что ж упрекать себя за это? За свое самолюбие? Нет, лучше ни у кого не просить прощения. Если тут есть худое, то пусть так со мною и останется. Пойду в мою свободу, в мою волю, в скорлупу, в мою идею.

Тут еще мерещились мне глаза матери. С детства. Я имел с нею встречу. Да, непроходимая среда. Но мне жалко было. Иногда я приходил и

* «Здесь» — на левом поле.



СТРАНИЦЫ РОМАНА «ПОДРОСТОК» С ПОМЕТАМИ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ
Музей-квартира Ф. М. Достоевского. Москва

капризился, грубил. Да и теперь, как вошел — затихли (Татьяна Павловна). Я сел веселее. Я дал слово, что не буду грубить. Гладить по головке да не смеет. Она мне говорила «вы», как барчонку. Ласковые слова от меня. Татьяна Павловна отвернулась, она быстро поцеловала меня в голову, как виноватая. Пришел Версилов.// *

Главное: УПОРСТВО и умеренность, но ведь это не разъяснишь, [тут не деньги] это чувство.

Захватив свою власть, все эти Кокоревы и т. д. Я перепродам — что перепродам, я не знаю, но я их надул.

В выгоде лезут за окончательной выгодой за maximum, а ты** бей на minimum. Я приобрел акций, вошел в общество. Акции могут лопнуть или дать 50, 60 на 100. Но вот стоит богач, который жалеет, что он не акционер, а дело только что началось. Он бы дал 10%. Я заплатил 100 тысяч, а продаю ему за 110. Меня обвиняют, мне кричат, что я бы мог взять то и то. Хорошо господа, и 10% у меня уж в кармане, а ваши 60% еще неизвестны. Я представлял себе это так. А если не так, то ведь непременно что-нибудь в этом роде.

Порядок. Фермер. Полководец. Ученый. Унгерн.

Скажут: Ну вот накопил. Зачем не жить, как все? Отель, семья, связи и проч. Но тут люди, сильнее меня, умнее меня, я на втором плане, нет,

* В начале страницы: «Своя идея, так, как я ее понимал тогда».
** «а ты»— на левом поле.

лучше *непочатое* могущество, даже нищий с зашитыми деньгами, тут более девственного.

* *Социализм.* Не беспокойтесь, я хоть не читал книг, но я кое-что знал и притом говорил [с Н]., иногда с Николаем Семеновичем, а трудно быть более образованным, чем он.

Почему Марья Ивановна отдала мне: это ее воля, ее взгляд.

Так Юпитеру наверно наскучили его громы, и он не гремит ими, так разве около Ильина дня, а посади туда писаришку какого-нибудь, аль газетного корреспондента, аль аблакатишку, али дуру-бабу деревенскую — грому-то, грому-то что будет.**//

Я вижу, что все это — фермер и проч.— на письме выходит так стыдно, что... [Мало ли что может сочинить, [и] выходит красиво и любопытно] Сочинить легко, чтоб вышло красиво и любопытно: стоит сесть и лгать, нет напишите-ка правду! *** Да и писать не могу. Я с отвращением пишу записки, ибо знаю, что вступил в круг литераторов, а там все лучше пишут, ибо пишут для красоты слога, а не для истины****.

Начать с «Горя от ума» и истории поражения. Если описать про Тушара, то после Тушара, сейчас же, проклятие писателям, описывающим детство. (Копперфильд). И потом о том, что [сечь] я бы их сек, этих сирот.

[У] Этой девочке, Ариночке, во гробике, я купил розу и дал в ручки.

Она и 25 р. мне не обошлась. Эти деньги я возвратил из версиловских; он тогда***** мне выслал на выезд из Москвы 30 р.

Моя идея была стать Ротшильдом. Я прошу у читателя серьезности.

Подросток поражен смертью Крафта, подслушивая у Татьяны Ивановны. Шпиона пропустил, а при Крафте вышел: Неужели Крафт застрелился? Та в недоумении. Я вам возвращу документ. Убегает. Потом, узнав, что письмо о наследстве вышло от подростка, княгиня задумалась: не у него ль и документ? (Марья Ивановна.)

*Своя идея*******. Мне собственно не деньги были нужны; мне нужно было имущество.

Я везде на первом плане, везде первым.

В 1-й главе первой половины 2-й части.

Не забыть, входя в дом, что он встретил мать, из Москвы приехав, довольно холодно. И «плакал-плакал» детских лет изгладилось.

В мечтаниях все идет прелестно и с силой, пока я один. Но чуть я разбогател, женился или возвратился к отцу, т. е. чуть я опять с людьми,— все как-то слабею и смешиваюсь, ибо я, естественно, терял первенство, входил в общую колею, встречал, стало быть, тотчас же высших себе по красоте, уму, таланту, богатству и физической силе, а я иначе как первым себя представить не мог.//

---

* «Здесь» — на левом поле.

** Ниже: «окажется» — очевидно, вариант к слову: «будет».

*** «Сочинить ∞ правду!» — на левом поле.

**** «Да ∞ истины» — на левом поле.

***** Над строкой.

****** «*Своя идея*» — на левом поле.

Своя идея.

Я стал пробовать есть по куску хлеба, носить платье по[сле] три года, сапоги — трудно с скверной мостовой, щетка! Как я был счастлив в эти дни лишений, иночества. Хоть и не начиналась «идея» и долго еще не могла начаться, но я хотел попробовать, я рвался пробовать.

Это была моя поэма о независимости. И к чему Ахмакова, к чему документ, зачем я хотел спасать Версилова от врагов его — я только [из] этим изменял идее.

...Да и* учиться банкирству было негде до окончания**⟨нрзб⟩. Притом же не надо, начну с [улицы] улицы, [и] а научиться уличному делу—только опытом. Имея угол где спать, несколько копеек на еду и 100 р. фонда для операций — нет, я тут не пропаду. А высокому банкирству научиться будет время в антрактах.

Безнравственного нет ничего, я не плут и не [вор] вор. Притом же все в моих руках и т. д.

Я ведь понимаю, что, став Ротшильдом, я вышел из общества, что бы я там ни давал на больницы и учреждения.

Люди совсем не так прекрасны, чтобы для них что-нибудь делать. Зачем они сами не подходят прямо и открыто. Я существо благодарное — я бы тотчас же сам стал откровенен и стал любить их; но если и бывало, то я сейчас ошибался. Но они тотчас же меня обманывали и тотчас же закрывали. [св] Один Ламберт, который меня наиболее бил, был всегда открыт [но за].//

Введение. 19-е число. Я и разные люди. У Крафта. «Своя идея».

Капитальное. Когда он ночью у Васина, то излагает ему часть сущности идеи (Санхо-Панса). Васин возражает с точки зрения социализма. Он с горечью отвечает. Вдруг встает:

— Васин, я не могу быть здесь, я ошибкой пришел, мы два разных тела (тут не один разлад в идеях).

Васин укладывает его ⟨в⟩ постель.

—Неужели вы с этими бестолковыми? (Дергачев).

Васин отвечает *Машиной*. Тут о Лизе и князе. Намек. И вдруг отравление.//

***Когда подросток, на второй день, вместе с девушкой с письмом, разрывает с Версиловым, то подает ему письмо и говорит, что Крафт, вчера застрелившийся, передал ему это письмо за три часа до застрела. У Версилова тут же рождается мысль: не передал ли и того, главного, документа о княгине. *Пришествие к нему на другой день Версилова* подросток относит потом к тому обстоятельству, что Крафт мог передать ему этот документ.

В трактире Тушар просто

Отделить меня от графов и князей Тушар считал даже священною обязанностию.

Не понимаю, как можно не тронуться мальчиком, который бросался целовать руки, а я бросался целовать руки.

---

* Над строкой.
** «до окончания» — над строкой.
*** Несколько ниже на левом поле: «Здесь».

У меня было чувство удивления и веселого прощения. Я еще не знал стыда. Мне хотелось сказать: «Кончено это, и будем опять весело играть по-прежнему».

Ламберт объяснил мне, что такое вы⟨.....⟩к.
Еще в эпоху невинности — бежать.
По уходе матери ущипнул меня за щеку.
Мне все мечталось, что меня вдруг возьмут.
Я не хочу Копперфильда.
Сек бы.
Но я хочу лишь рассказать мою идею.
Теперь, когда я уже вхожу в свой роман, я хочу рассказать свою идею.
Final. Оставить. Глаза матери, взялся за дверь.
*. Свою идею — так, как ее сознавал тогда.

Этот, может быть**, сам московский сплетник, всего только капельку в другой форме.

Он недостойный человек, прямо разорвать, к чему, к Ахмаковой, чёрт с ним, в свою идею***.//

Он. Я начинаю думать, что все, [при] на чем отпечаток здравого смысла, называется у нас общим именем славянофильства.

ПОТОМУ ЧТО ЖЕНЩИНА ЕСТЬ ВЕЛИКАЯ ВЛАСТЬ.

ПОДРОСТОК ПОРАЖАЕТСЯ ЛЕГЕНДОЙ АЛЕКСЕЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ, КОТОРОЙ ОН НИКОГДА НЕ СЛЫХАЛ ЕЩЕ.

****Я еще не слишком мастит, говорит ст. князь.
Он. Любить людей надо учиться. У нас никто не ломал себя насильно. Без науки и любовь не явится, коли нет. Готовым человеком никто не родится. Людей, естественно, не уважаешь. Любить их очень трудно.

Про социализм говорит Он.

С людьми надо обращаться, их не уважая.

*****Васин про своих. Да, но они движутся живой силой. Они нужны для беспрерывного доказательства, что живая жизнь (сила) вне центра. Пусть они и слабы, и ничтожны, но они для непрестанности примера нужны (необходимы). Не перестают и не иссякают. [А потом] Не смущайтесь их ничтожеством: потом, когда до настоящего дела дойдет, явятся и ум, и знание. Это всего только передовые крестоносцы, которые тоже все погибли, еще не дойдя до Азии, да и погибли-то, говорят, позорно, гадко. Закон потребности в живой силе, кажется, везде одинаков.*****
Вот успевают же штундисты, кажется, чего бы противуположнее народному русскому духу?//

25 ноября.
Грубый и нахальный тон подростка в начале записок должен [быть] измениться в последних частях. «Не напрасно я сел писать, я просветлел духом и теперь ярче и вернее чувствую...» Теплота и признание отцу.

---

* «Здесь» — на левом поле.
** «может быть» — над строкой.
*** На левом поле: «своя идея».
**** На левом поле: «Февр⟨аль⟩».
***** «Закон ∞ одинаков»— на левом поле.

Признание в любви к княгине: «Если я достигну когда-нибудь, что она услышит обо мне». Чем и как это сделать?

Это заключительные слова романа.// Простите им (такое простодушие). Оплел. Извините, что я все о моем. Не посажу дерева. Ах да, я позабыл.

Деловых людей совсем нет у нас. К делу никто не способен.

— [Я по] Лучше всего бросить всё так, и уйти к себе.
— Куда? в Америку?
— Это прямо в гости. К себе, просто к себе!
— У вас есть это место.
— Есть.

ПРО ДОКУМЕНТ.
На слова Крафта я смолчал. Это была совершенная тайна.
Подросток не верил рассказу Крафта.
— Но если существует этот документ.
— Он существует здесь, в комнате.
— [Но как же]. Неужели так? Что же мне делать?
— Как хотите, я же рад.
Видали ли документ.
Пока я покорился.

Опять дерево бы и как и все.
Как я уже написал одиннадцать лет, и это был тот толчок.

Хочется мне передать несколько черт из мо⟨ей⟩ биограф⟨ии⟩, только несколько черт.

*Я терпеть не могу биогра⟨фии⟩ Копперфиль⟨да⟩, но мне хочется записать, наконец, мою идею, а идею, без обстоятельств в которых явилась она,— не поймут. Я сам бы не понял, несмотря на то, что тут так все просто. Я думаю, когда Колумб — я вовсе не сравниваю себя с Колумбом, даже стыдно, если подумают. Сравнения потому что никакого нет. Я только говорил о простых идеях. Ничего труднее нет, как понять простую идею. Самую простую, чем проще, тем труднее. //

До тех пор не перевел его, сколько имею понятия, один из новоназначенных министров. ⟨?⟩

И у меня надрывалось сердце, проститься с Версиловым. Но слеза моей матери.

Я сильно думал.

Я все ждал, что ко мне приедут. Тут случилось обстоятельство, которое я потом разъяснил себе.

Э, да неужели думают, что я, чтоб разжалобить. Нет, я лучше, входя в мой роман, расскажу мою идею.

Уже ночью, был час восьмой. Подходя, я вспомнил, что [еще давеча] из Москвы княгиня. Я решил, не пойду к Васину. Расстаться теперь. И зачем еще ходить справляться к Ахмаковой, еще думал в Москве. Письмо зашито, но... я все брошу. Я не пойду и к Васину. Когда я взялся за скобку двери, я ужасно пожелал, чтоб Версилова не было дома. Да и чего я ждал от Крафта, каких это новых сообщений? Теперь, когда стою

* На левом поле: «Здесь, 26 число ноября».

при входе в мой петербургский роман, лучше расскажу мою идею. Да и рассказывать будет легче.//

Формулярный список.

Тушар. Пугать ребенка, у меня много извращенных фантазий.

Кто ему присылает деньги за меня — я этого ничего не смел спросить.

Стал лакеем.

Был шкап с книгами.

Но я ведь не описываю мое детство. Я увлекся тогда воспоминаниями, идя от Крафта.

Зашел в трактир. Сел и стал думать. Э, расскажу свою идею!

Нас и без того здесь хорошо кормят.
5 лет не видал. *Один.*
Не сердит ли — робко заигрывая.
Сконфузилась и посмотрела.
А тебе разве стыдно меня?
Я молчал.
Господи! голову поцеловала.
На храм креститься стала.
Полноте, увидят, сказал я.
А разве тебе меня стыдно?
Я смолчал.

Я как сейчас его вижу тогдашнего, цветущего и красивого. Il faut le rosser *.

И вот и все, все в появлении этого человека в моем детстве, только я его и видел. Но тут случилось одно обстоятельство.

Если б он появился теперь, я бы стал в угол и старался бы его не заметить до тех пор, пока бы он сам не подошел, тогда — тогда бы я не стал плакать и жаловаться, а засмеялся самым простодушным образом, точно мы вчера расстались. Правда, я бы стал холоден, по-видимому, весел, но холоден, говорил бы хоть и остроумно, но все о пустяках, сам бы ничего не заговаривал, а только бы отвечал. Впоследствии, только бы он догадался: «ах, дескать, что я сделал!» Все это я сочинял, сочинял, сочинял.

Это бы⟨л⟩ маленького росту нестерпимый хвастун и фанфарон.

Когда Тушар помер от удара, и вдруг, точно из подполья, явилась Татьяна Павловна и водворила меня у Николая Семеновича, от которого я поступил в гимназию, — то я сам в гимназии бил сначала маленьких. Там пошло по-другому.

Ну так я и лакей, [ну], т. е. я вовсе не соглашался, а это все было из злорадства: вот, дескать, я и лакей. Впрочем, вряд ли я понимал, что хотел сказать. Это было чувство, но оно все росло, росло и накоплялось.

Минута была роковая. Надо было, наконец, решаться. Что же, можешь ты решиться иль нет, чего тебе, чего тебе так жаль. Или боишься выйти в темную ночь? —

Он был оклеветан и опозорен,
все эти жалкие люди не стоили его подошвы.

Мысль о том, что я стану с ним рядом, что мы пойдем рука в руку, а в последнее время — мысль об том, что я приеду защищать его. //

Итак, вот человек, по котором так долго билось мое сердце.

---

* Нужно его выпороть.

Ел в трактире.

С Петербургской стороны в Семеновский полк длинный путь. Я все шел и думал и пути не заметил. Не заметил, что и не ел. Зашел в трактир, сидел у окна.

Он блеснул мне еще 10 лет — — —
А, кстати, вот его формулярный список.
Кончив Тушара, (сек бы сирот).
Я пробрался в кабинет и увидал перед зеркалом.
Я терпеть не могу о детстве — но расскажу лучше мою идею, [вступая в роман] вступая в мой петербургский роман.
Э, расскажу здесь лучше мою идею.
Меня не то тревожило, что я не закончил. (Смотри).
Никого не любил ⟨из⟩ тех, кто выше в классе, даже Васина, даже капельку и Крафта, за то, что давеча [про] вывел меня в двери. [Странно, я хоть и знал, что он вп]
Идея.
Ребеночек.
Краткими словами, что [в нем] мне в нем, документ [на мне] зашит в кармане.
Правда, я хотел узнать от нее об отце, так-таки прямо прийти и узнать, но в этом документе было что-то такое, напоминавшее остров в Балтийском море,— Унгерн — что-то подмывало. Я грустно улыбнулся на эту глупость. Не вечно же быть мечтающим ослом.

Нет, ни 20 ни 5, а хочет, от чего не захот⟨еть⟩, быть имущим, если уж так наверно и не в состоянии упорно копить.

СВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО
Рисунок Н. А. Степанова ⟨?⟩ (карандаш), 1860-е годы
Литературный музей, Москва

Не настолько хочет, чтобы стать нищим, если б это уж так непременно понадобилось и ни за что не устоит съесть кусок или дать другому кусок.

Мне вздумалось убежать. О, как билось на закате сердце.
Убежать не к нему.
Это простое сообр⟨ажение⟩ осенило меня еще 17 лет, в этом-то, может быть, вся повесть моя.

Как можно короче, на Тушаре показать краткость.

Прямо и просто: Он блеснул и пленил театр, il faut le rosser. Но вслух другое воспоминание, [долгий путь в трактир, закат.] Развивает свиток, Тушар весь и лакеизм.
Меня не били.
Я бы их сек.
Копперфильд.

Я зашел в трактир, закат, [мать и обеды] и сел думать. Я был встревожен... [Нет] — разбит и разлетел⟨ся⟩, как та канарейка, на 100 перышков.
Я не хочу развить мою мысль (мою идею).
Незаконнорожденный.
Сторонил⟨ся⟩.
Не люблю Васина и Крафта.
Он взял все мои мысли, но мечты мои были какие-то отмщающие. Мечты о фермере и т. д. Своя идея пришла.

При входе в мой роман, в котором я действительно познал этого человека, а может быть, и самого себя, я хочу рассказать мою идею. //
26 ноября

Во вторую часть первой части сестру ввести и встречу с молод. князем.

(За нужду даже Ламберта).

В 1-ю главу первой части подросток рассердился, что мать рассказала о деньгах. На этом вся основа главы.
Наверху он не примирился с ним, расстались врагами.

2-я глава. Я, однако же, не передал письма Крафта.

У Васина новый и последний варьянт.
Подросток сначала *выпытывает* у него как у социалиста слабые пункты идеи; но потом, разойдясь до того, что уходить, и оставшись, начал рассказывать ему то, что он любит, и рассказал свои мечты (можно жить романами, как робкий фермер, Унгерн).

После же тревоги из-за удавленной просит прощения.

Накануне же вечером, у Версилова, рассказывает Тушара матери и всем. (Осрамила я тебя.) И объявляет, что уходит. Тот приходит наверх. Разговор об отце.

Я не люблю вас. Ступайте. Я все мечтал, когда вы придете. О том, как бежал. Он: Это ужасно серьезно.— Нет, это вздор — а вот как я лакеем сделался, это серьезнее. Лакей. Затем о матери, затем наверх, Версилову, напрасно, незаконнорожденность. Ступайте, я вас не люблю и т. д. //

В сущности, это самая дешевая дрянь, какая только может быть, говорит он про Дергачевых, но только *под конец*.

О, тут есть множество людей, говорит Васин, совершенно грубых и не имеющих никаких убеждений и которые эксплуатируют горячую и чистую молодежь для денежных выгод, например в литературе, но все это приносит пользу и потому хорошо.

Молодой князь восклицает иногда: О, как я необразован.

Он прямо считает, что самостоятельность русских как народа и русских как личностей — невозможна и что это дело доказанное.

Слабость Васина — думать о себе, что он государственный человек и правитель, поддался к славе, которую, по-видимому, презирает.

Он — есть выражение надломанного чувства величайшего смирения, основанного на беспрерывном упоении собственным превосходством.

Лиза с подростком однажды вдохновенно при вечерней заре: поклянемся всегда быть добрыми и хорошими. Обнявшись. Ну, прощай, прощай. Ты что-то еще хотел сказать. Ну, оставь при себе, и Христос с тобой.

Черта. Никогда не выставлять его иначе как со словами глубокой иронии.

Нельзя жить и не составить себе никакого[долга]долга,—говорит князь.

Он. Про современную литературу отзывается — что данные ею типы довольно грубы, Чацкий, Печорин, Обломов и проч. Много тонкого ушло незамеченным. Понимания мало было. //

После того, как обвинили подростка в краже —Он улаживает дело, т. е., в сущности, приносит известие, что настоящий вор нашелся, но подросток бросается ему на шею и страстно благодарит его, точно он его избавитель.

Украл один, плюгавенький, с товарищем своим поссорился, и тот на другой день его выдал.

Когда же м. князь просит (сдержанно) прощения у подростка за то, что и он его заподозрил, то подросток отвечает: «Нет, не прощу». И говорит, что он даже *не рад*, что вор нашелся и что пусть бы подозревали его.

НЕ ПУСТИТЬ ЛИ, ЧТО У ХОЗЯИНА ПОДРОСТКОВОЙ КВАРТИРЫ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК. МАЛЬЧИК И ВЕРСИЛОВ.

В последнем объяснении с подростком, в конце 1-й части, Версилов говорит о пощечине на тему *мышей*. Я устыдился моего сегодняшнего вызова как слабости, сказал он [как].

В последнем объяснении подросток Версилову: Поверите ли, я тысячу раз принужден был сожалеть, что я не злопамятен, — до того иногда досадно быть добрым. (Равно как и вешаться на шею.)

Подросток у Т. П-ны, подслушивая.
— Ты что подслушивал?
— А вот я вам задам, подслушивал.

Татьяна Павловна к нему: Какой документ? какое письмо?
Он княгине: Бесстыдница вы!
Все вы бесстыдники и бесстыдницы!

Васин подростку про Версилова, когда тот отказался от денег: Такие вещи не делаются для показу, а соответствуют чему-то основному, внутреннему.
Нет, Васин, ошибаетесь.
Подросток у Васина о Колосове, характеристика, если плуты, и проч. Спрашивал о Дергачеве. //

7 декабря.
Он. У Него высокий идеал красоты; вериги для его достижения легко достаются, ибо идеал—смирение, а все смирение основано на гордости. Сходно с «идеей» подростка. Например, самые позорные и ужасные воспоминания для него — *ничто* и не тяготят раскаянием, потому что есть «своя идея», т. е. идеал. Идеал нечистый. Самообожание. Люди для него — мыши. (Необходим характер княгини): берет на себя страшные подвиги, имеющие характер тот, что часто вне здравого смысла практической жизни. Однажды делает полную исповедь подростку. Вообще завораживает подростка, который, одиноко, [и все] беспрестанно разрывает с ним и вновь сдружается (т. е. по мере как в нем разочаровывается или им обольщается). Позорные падения Его не останавливают: у Него беспрестанно является вновь утешение и надежда в идее, что все-таки все мыши, и с завтрашнего дня Он опять выше всех. Последнее падение потрясает Его. Эта женщина Его побивает. Если б он не сошел с ума, то застрелился бы*. //

Хозяин с своей теорией, что женщина есть существо *мясистое.*
Мечтатель.
Жена, которую изжарить.
И застреливающийся три раза гимназист.
И молодой князь — все в 1-й еще части, найти место.
Посещение ст. князя.
у Вити насчет вызова м-го князя.
Что-нибудь насчет сестры.
Характеры молодого князя и Васина наметить.

М. князь фат, разбросан, последний выродок из поколения; мот и игрок; трус втайне. Искренность по временам и подлое вздергивание носа в другие минуты. Я не умею держать себя, когда проиграл. Застрелиться. Возвышенные искренние мечты. О том, что такое дворянин и его назначение, и о том, как он хочет жениться на Лизе. Сцены с Лизой, на которой [пр], одной, присутствует подросток, позволяющий это. Сначала дает подростку деньги, но когда тот проиграл и попросил еще,— ссорится с ним. Во время пропажи денег с игорного стола, *выдает* позорно подростка. Дома прямо говорит ему, что тот *продавал* ему сестру. Мечты завести рулетку свою, одним словом все противоположности разом. Обрывки мыслей и чувств, острота ума и пониманья и бесхарактерность. Щадит, однако же, Лизу. Ст. князь помолвил было его, в идее, с Анной Версиловой, но дело приняло новый оборот (NB. Анна приезжает к Версилову спросить, любит ли он Ахмакову). М. князь то хвалится, что Ахмакова влюблена в него, то, напротив, боится ее. Был выключен из полка и жил в Луге в ужасном положении. Васин знает его. Ахмакова покровительствует его и желала бы спасти как несчастного, но не любит. Интересуется Лизой. (Носи). Князь погибает с Ламбертом. (Все сжатее).

* На левом поле: «Прирожденный сплетник».

Нужны Васин и княгиня. Княгиня *любит* Версилова. Васин тверд разумом и глупо попадается как написавший прокламацию.

Подробный план.
Но в первой части особенных задержек быть не может.

12/13 декабря.//

*Новая программа характеров 13/14 декабря.
Молодой князь — существо мрачное, почти ограниченное (?) всегда искреннее, гордое, резкое, высший свет пробудил в котором негодование и властолюбие (сродни подростку, а потому сошлись), невыносимо горд, чист намерениями и идеалами.
Из гордости проиграл, бросил с злобой, прогнал подростка (хотя потом и удостоверился в невинности). Страшно грозен, лезет на дуэль (безобразие), но ограниченно чистый и твердый. Сознается, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, в необразованности, но безмерно смотрит на свое рождение.
Одна только Лиза смягчает его**.
Лизу полюбил случайно в Луге, где жил несправедливо обиженный изгнанием из полка. Она — солнце жизни его, и только при ней он чувствует свет и мир. В Петербурге, встретясь случайно,— овладел. Сначала не имел намерения жениться, но, проигравшись и увидев, что оговнялся,— решился быть честным. Лиза еще больше пробудила в нем чувства. Генеральша в него влюблена, и он почти жених ее. Он отказывается от генеральши. В конце концов не может отказаться от Лизы, женится, переходит в армию и уезжает в Ташкент.
Он [говорит] пророчествует Лизе, что муж ее заест.
Сцена у родителей, у матери и у Макара Иванова, когда князь приехал сватать дочь. Лиза сначала отказывает, и [он] князь прощается с ней. (Носи!) Но вдруг приезжает князь и берет ее***.

NB. *Он* возбуждает сначала в князе, имея на него сильнейшее обаяние, ревность к подростку, к которому княгиня лезет, подросток знает зачем, но князь прогоняет их всех. [Княгиня же до последней степени влюблена в м. князя. Она обижена, что он ее бросил.
Она сострадательна (комическая черта характера). Из сострадания вышла за генерала, из сострадания — Его, и, наконец, из сострадания — князя]. //
NB****. Князь приезжает в Петербург, уже «тронувшись» потребностями обновления, в нем это бродит. Новая проба восстановить свое имя — становится ему противна. ФАЛЬШИВЫЙ путь! И он берет Лизу *не для восстановления вины*****, а оттого, что: «Она свет мой». [ХРИСТОС]
Мрачный и ипохондрический человек, хотел быть монахом.
?(C'est le mal qui anoblit)?******

*******Постоянно затаенный гнев на бесчинства и порядки мира и на свои.
Начинает изменять с себя. Тогда я настоящим князем буду.

---

* Сверху: «Февраль».
** «Одна ∽ его» — на левом поле.
*** «Лиза ∽ берет ее» — на левом поле.
**** Выше проба пера: «Сокольский, Севастополь...» На полях: «Письмо», «боится».
***** Исправлено из: «вину».
****** Болезнь облагораживает (*франц.*).
******* На левом поле рисунок — мужская голова.

В НАШЕМ обществе — жажда обновления, новых правых путей и воскресенья, которую не заметил *К-в*. Это восторг — говорит Он; они и бога отвергают религиозно.

Это Он говорит м. князю и подростку, а сам великолепно ставит себя (внутри) выше этого. Но в прямом смысле жажда обновления.

Это — идея романа.

Cher, говорит Он *наконец* подростку, вся твоя идея, это: «Я в пустыню удаляюсь».

Я бы очень многое желал переменить из начала моей рукописи, пишет подросток.

Дух обновления, искание правого пути...

*Княгиня грациозно-весела и с виду легкомысленна. Шутница. Может страстно приворожить. Князь ее находит несерьезной; но она необыкновенно умна и видит Его насквозь.

Грациозный образ страстно пленяет подростка. Он влюблен, но заставляет себя думать, что ненавидит.

[Подросток Он] Кончается роман, и видно читателю, что он влюблен и ранен, и со зла идет в [мечта] идею.//

Final подростка.

Мечта чем-нибудь отличиться, чтоб она узнала [и], и сердитый на себя за эту мечту, он идет в «идею», в которой страшно сомневается. А пока, чтоб кормить отца, берет службу.

Надо, чтоб княгиня все время в романе над ним смеялась, очень грациозно, но он сердится. Потом же она стала презирать его. Это его еще пуще обозлило.

Это была такая темная минута моей жизни, говорит княгиня Татьяне Павловне, я боюсь не денег лишиться, а его уважения, т. е. отца, ст. князя.

14 декабр⟨я⟩

НОВЕЙШЕЕ.

Идея.

Княгиня имеет важного жениха, так что м. князь, настроенный Им, в дураках.

М. князь безобразил, положительно женится на Лизе.

С подростком княгиня имела свидание.

Он подозревает, что документ у подростка. Ревнует его и дает ревновать (или чувствовать лишь отвращение) м. князю.

***Подросток проваливается в краже: [эта] [идея] Подозрение должно больше укрепляться (с месяц).

И княгиня, и все с ним прерывают сношения, подросток удаляется в свой угол (его квартира — подробности).

Между тем м. князь был очень поражен Макаром Ивановым. (Лизу застал у Васина).

Он предлагает [сво] замужество княгине (скандал).

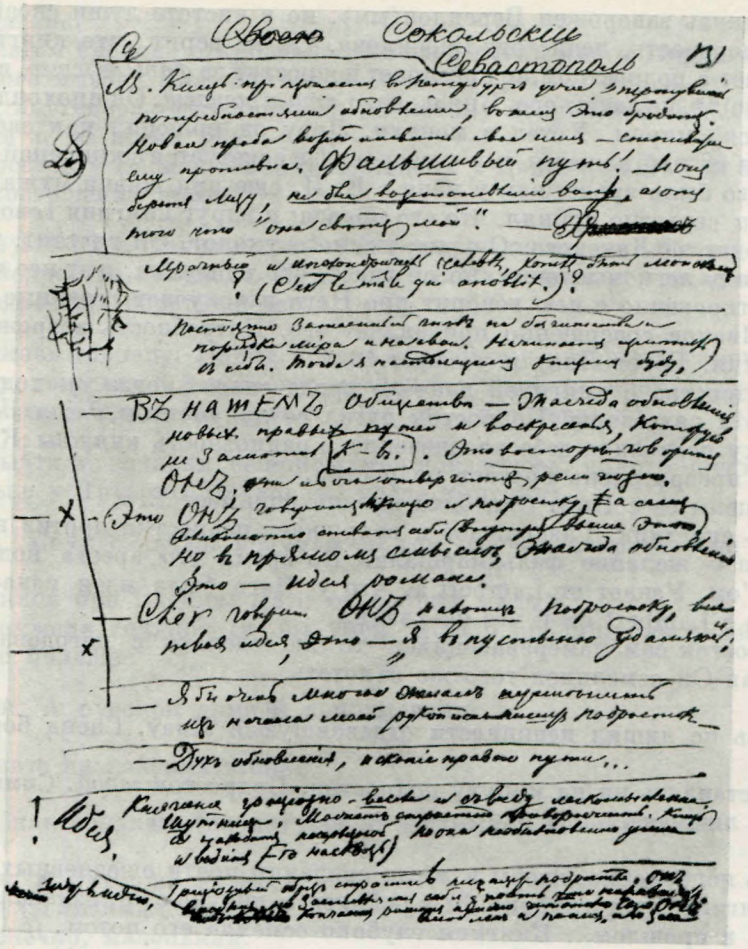
Важный жених призывает Его и пугает, чтоб он не клеветал на княгиню.

Васина арестуют и Его арестуют.

---

* На левом поле: «!Идея».

** На левом поле рисунок — мужская голова в профиль.



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 8, л. 131

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Подросток взбеленился за Него.

С Ламбертом ловить княгиню.//

Меж тем старый князь совсем почти взбунтовал. На квартире у подростка, боится [О] опеки.

Он возвращается из ареста.

Сцена поджога.

Ст. князь умирает и все оставляет ей.

Он идиотом.

Князь увозит Лизу.

Княгиня выходит за важное лицо. Видится с подростком — И т. д.

И вообще Он развращает подростка. Когда тот в милости у княгини, у Него в мыслях, что княгиня, лаская подростка, заискивает сделать с ним сношения; но Он и ревнует.

Потом, когда подросток упал, Он, проведав документ, в сношениях даже с Ламбертом.

*М. князь заворожен Версилов⟨ым⟩, но в чистоте души своей *провидит* нездоровость, нечистоту Версилова. Он не верит, что княгиня развратничает с подростком,но презирает подростка за *фат⟨ов⟩ство*, в отчетах о княгине)**, не любит его. Князь *мало что прощает*. Он ипохондрически тягот⟨ится⟩ миром. Хотел в монахи. Лизу он полюбил как свет. Идея жениться на ней кажется ему ужасною. Он советуется с княгиней (с которой у него было вроде, как у меня с Е. П. еще при жизни мужа). Но он *комически* серьезно принял, что это правда; и вдруг княгиня говорит ему, что выходит за Ланского. Он рад; немного уколот. Он грустит, что княгиня с виду легкомысленна, но он знает, что она умна, и от нее в восторге. Он откровенно с нею говорит про Него и получает странные отзывы. Макар Иванов совершенно придавляет его. Потребность возрождения и обновления. Берет Лизу и уезжает.//

У подростка с княгиней вначале вроде связи, когда он ходил к ст. князю. Их разговоры. Подросток пугал ее документом, *давая знать*. Та для смеху позволяла себе развлечение. Грациозность княжны Кити. Потом она презрительно бросает подростка.

***Сцены ее с Ним. Она одна вполне понимает Его.

Он — сплетник. Развращает и вооружает подростка против нее.

Васин — желание фельдмаршала. Во время его ареста подросток с Lambert'ом. Узнает от Lambert'а, что у Него была идея изнасиловать княгиню с Lambert'ом и что он хвалил.

Подросток сам намеревающийся то же сделать с негодованием от Него: как Он осмелился того же захотеть.

Князь не лишил невинности отдававшуюся Лизу. Сцена борьбы.

Не оставлять ни на минуту подростка. Подросток *герой*. Симпатичнее вывести личность.

Надо непременно, чтобы в *месяц* свиданий почти ежедневных подростка с княгиней, тот глубоко бы влюбился в княгиню, признавался бы ей во всем, в прошлом... Княгиня глубоко осмеяла его потом. //

ВЫРАЖЕНИЯ.

Роман: *Беспорядочные силы.*

****Состоя при своем капитале.

Состоя, так сказать, при своем капитале.

Исключения, беспрерывно повторяющиеся, обращаются, наконец, в общее правило

Я хочу научиться всему этому высшему обществу (взял танцмейстера).

М. человек в вагоне (животное) вынул деньги и считает, дурак смотрит: «Деньги?» *****Тот отвечает: «Деньги».

Эта смердящая душа.

Состарившаяся молодежь, беззубая молодежь.

Это что, у меня враги-то? Да я с тем и говорю (с тем и стал говорить), чтоб иметь врагов.

Закрываться, фыркать и мстить другому за свое ничтожество (так так, умно, очень умно).

---

* На левом поле: [«См. в старой книге».]
** «в ∽ княгине» — на левом поле.
*** На левом поле: «Это надобно».
**** На левом поле: «Февр⟨аль⟩».
***** Слева: «ПРО».

У Васина.

— В этом наскоке откровенности вашей очень много [гордого] какого-то гордого вызова (про Унгерна).

— А вы генерал-фельдмаршал. Я потому откровенен, что с завтрашнего дня я со всеми рву.

Подросток у Васина говорит про сцену у Дергачевых: «Тем более, что я был совершенно прав»*.

Belle idée! NB. Пришел к нему Версилов единственно потому, что прочуял у подростка документ. Ложь его была хитростью — не изменится ли лицо подростка, обращение его.

М. князь говорит: Народ предан страшному разврату, самому себе и разврату, зверскому, ужасному; предан без жалости, предан сознательно. Отдан. Нынче страшное время. (Это он Лизе говорит).

Но выйти из спальни женщины, мне показалось, до того монструозным (в спальне у Татьяны Павловны, когда княгиня).

Лиза. Мама сказала: подумай об том, об чем я просить не смею.

Версилов про Васина: Да... он добрый малый.

— Неужели только? (я бы умер, если б обо мне так сказали).

— Не больше.

Васин: А русской армией командовали?

В сенате на коленях стоял.

Или, как аблакат, [начне] начнет надо мной хамствовать.

Пошел к Вите, на дуэль.

— Да ты еще маленький.

— Конечно, маленький.

— Ты растешь.— Нет ты еще вырастешь.— Ты высокого роста и такой — одутловатый.

— Нет, я не пойду, еще выгонят.

— Боишься.

— Боюсь.

— Он прикажет лакею гнать, что же я сделаю.

— Как он смеет гнать секунданта.

— Да я еще мальчик, какой я равный **.

Тут произошла отвратительная по реальной правде сцена.

— Мне уж девятнадцать лет, я имею гражданские права.

— Все-таки-таки маленький.

— Я уже год как могу по закону жениться.

— Женись, а все-таки шибздик.

Угрюм и серьезен, как нахохлившаяся в клетке птица, и сверх того — насмешливый вид. Люди, не имеющие права иметь насмешливый вид и не замечающие того,— омерзительны.

Белинский — скороспелый человек и больше ничего.

---

* «Подросток ∽ прав» — на левом поле.

** «Ты ∽ равный» — на левом поле.

В последнем объяснении. Друг мой, я пришел помириться с тобой. Я знал, что ты хотел ко мне прийти сам мириться, весь день, знал тоже, что гордость твоя пересилила великодушие, и потому пришел сам.

Когда Версилов отдал капитал — подростка поражает, что Версилов так бессердечно выставляет перед ним весь месяц свои дурные фатские черты и не подумал удостоиться выставить себя с глубоких точек. Небрежность и равнодушие к моему мнению. Неужели я был до такой степени перед ним чужой и ничтожен. NB. Это подросток излагает в разговоре Версилову.

Final 1-й части. Это он потому, что подозревал пронырливым и дальновидным умом своим: не у меня ли и другой документ? Я же ничего не подозревал тогда об этом (уже после открылось).

Васин на утро, после Версилова и удавленницы, объяснив об отдаче денег князю и об князе (гусар и проч.), спрашивает: Вы близки с сестрой вашей? — В то же утро подросток, встретив Лизу, говорит (луч солнца) о Луге, и вдруг про Васина: Почему Васин сейчас же после князя о тебе заговорил? (князь тоже в Луге). И вот тут-то Лиза: Будем всегда прекрасны, будем всегда честны, запомним это утро. И т. д.

Final. Люди это [мыш] мыши...
— Может быть, вы теперь перемените убеждения, но мы теперь вместе, вместе, вы не имели друга.
Поступок Васина тяготил меня. //

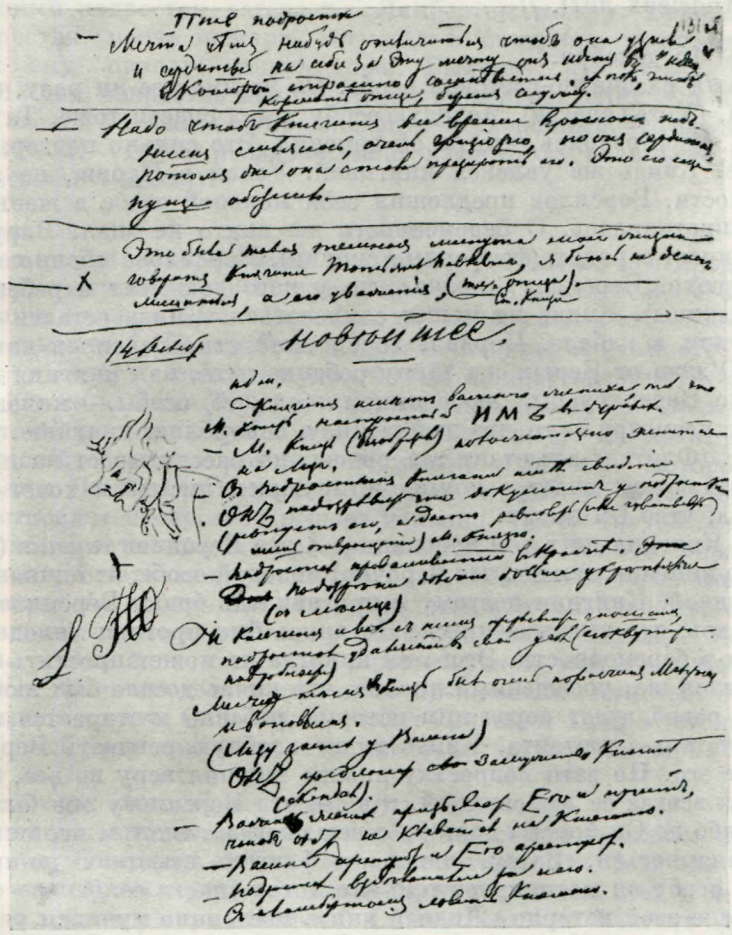
После узнания невинности Версилова подросток в восторге, нанимает квартиру и готовит комнату. (Не говоря читателю, что придет Версилов).

Final. *Версилов.* Я мириться пришел и т. д.
Подросток. Я вас ждал.
Версилов. Спасибо тебе, коли ждал.

ХАРАКТЕР ЕГО (в последней редакции).
Безжалостно, чтоб иметь документ и воспользоваться подростком, увлекает его в разврат и падение. Пользуется его любовью к княгине, пользуется его жаждою пожара, его самолюбием, которое разжигает в нем ужасно, пороками, гордостью. Почуяв в нем высшую натуру, изредка, но небрежно, бросает ему крохи высшей мысли (социализм, христианство). Но обольщение, выманивание документа не происходит иезуитски-систематически, потому что сами цели Его неопределенны.
Во 1-х, что он хочет сделать с княгиней, Он сам не знает и потому, к удивлению подростка, иногда вдруг становится с ним небрежен, отталкивает цинизм, как бы забыв о цели, и вообще принимается за *свою цель* в романе и кидает ее множество раз *судорожно*. Иль льстит «идее» подростка о Ротшильде и гордом уединении, или вдруг скептически-небрежно относится к ней и цинически к душе подростка. Несмотря на самообожание, он не спокоен, потому что часто собой недоволен. Он хочет подвига высшего человека, хочет вериг и жертв, но *мышиный взгляд* и гордость его беспрерывно Его оправдывают в Его совести. Нельзя любить людей. Идеей, что Он влюблен в княгиню, Он унижен, а впоследствии уничтожен *. Беспокойство делает Его сплетником. Васина душу он не осилил, встретив ограниченного генерал-фельдмаршала. А без сферы поклонений, начиная с бедной Софьи, он быть не может. До мелочности

---

* «а ∽ уничтожен» — под строкой.



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 8, л. 131 об.

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

любит поклонение и, отвернись от // Него хоть Татьяна Павловна, будет мелочно-несчастен, но никогда не упадет духом. К княгине страсть. Об отчиме Васина относится: негодяй, либерал 50-х годов (Колосов), Ламберт еще несложнее, наконец, подросток — и вот все типы поколения. Но любовь к горбатому ребенку хозяина подростка и сношения с [девушкой, когда деву] женой * Колосова, которую тот продал на содержание отцу флигель-адъютанта,— суть странные феномены в Его характере. За князем и Лизой следит скептически.

Васин — маленький фельдмаршал. Ламберт вместе с Колосовым делали акции, и Ламберт потребовал выдела своей части, затем Колосов донес на Дергачева **.

Макар Иванов — христианин православный, высшая противоположность Ему.

NB. Жена Колосова, которая Колосова любит, но продана отцу флигель адъютанта и ищет у Васина защиты.

---

* Слева запись: «Или с девочкой, на которой хочет жениться Колосов».

** «Васин ∞ Дергачева» — на левом поле.

(Не Andrieux ли?). //

Пробы 15 декабря.

Княгиня развратно-светская особа. *Он* не имел ее ни разу, но та Его прогнала. (Хотел спасти). Молодую особу хотел спасти тоже. Та прогнала м. князя, удостоверясь, что он ей изменил. Это сильно поддержал в ней Версилов. Князь же увлекся княгиней. Уехал в Париж, не зная о ее беременности. Версилов предложил себя молодой особе в женихи. Княгиня воспротивилась. О беременности же никто не знал. Вдруг молод. особа умирает в родах (фосфорные спички). Версилова обвиняют, что Он сделал брюхо. Версилов *смолчал*, но у него документ и ребенок (т. е. письмо девицы). Князь не может сомневаться. Князь остался любовником княгини в кабале. Порвал, хочет честности. Версилов напускается на него. Узнав от Версилова тайну ребенка и то, как княгиня обманула его, будто Версилов был любовником м⟨олодой⟩ особы,— князь выходит из себя и, несмотря на то, что любит Лизу, оскорбляет княгиню. Флигель-адъютант. (Флигель-адъютант заворожен, но рассчитывает на приданое). Флигель-адъютант знает о компрометирующем письме и хочет испугать Версилова, чтоб Он выдал.

ИЛИ. Княгиня ни в чем неповинна. А это Версилов *внушил* (по убеждению, но княгиня думает, что нарочно) молодой особе, что князь изменил ей с княгиней. Княгиня поэтому и противилась браку Версилова с девицей, надеясь, что князь женится. Но князь был прогнан молодой особой и не знал о беременности. Этого он никогда не может простить Версилову. Версилов же, убежденный вполне, что князь доселе был любовником княгини, разоблачает перед ним историю ребенка и старается нацыкать его на флигель-адъютанта. Князь видит злобную ревность Версилова и презирает его. Но зато подростку вполне внушил веру во все, в то, что князь был всегда ее любовником, и в то, что Версилову она была всегда мерзка, ибо де Он бросил дружбу с нею, когда заметил, что она стала к нему навязываться. Затем письмо и флигель-адъютант по-прежнему. Молодую особу он мотивирует тем, что хотел спасти ее. //

Но после этой истории с Лидией князь постоянно мучился угрызениями и хоть ударил за [дочерью] женою Колосова (был * в Луге) и проч., но стал, наконец, искать ребенка. Неприятности по службе. Наконец, получив наследство, стал было заглушать угрызения безобразием. Тут-то Версилов (показав ему письмо и ребенка) потряс его и делает его врагом княгини.? Князь догадывается под конец, что Версилов ревнует, полагая, что он был с княгиней в связи. Но Лиза. Порывает все и едет в Ташкент. Подчинился Версилову вполне.

** Колосов знает про ребенка [и уверен, что он версиловский], что он от князя и что Версилов слишком большой куш мог бы взять. Но что другой расчет был, на княгиню. Что по крайней мере Он, если сам не достиг у княгини, то по крайней мере развел ее с князем, обнаружив ребенка ***.

Но время в первой сцене непременно.

?Колосов один из мгновенных советников княгини в Германии на счет опекунства над стариком. Он же и письмо Андроникову доставил. //

Версилов сделал уже предложение матери подростка и вдруг, накануне свадьбы, предложил княгине руку.

№. Князь хотел бы разорвать с Версиловым, но все не смеет, ибо любит Лизу, зато выгоняет подростка.

---

* Первоначальное: «бывшей».

** На полях слева: «Здесь обдумать».

*** «Но ∞ ребенка» — на левом поле.

Выгнанный подросток затевает с Ламбертом пожар. Версилов убитый. Подросток, после пожара, вступает в сношения с княгиней. Та объясняет ему правду, князь тоже. Выходит, что Версилов хочет спасать. Но для подростка ясно, что он влюблен. Затем Он накануне свадьбы с женой — делает ей предложение — уверенный, что она влюблена в Него. NB. NB. (Тут к развязке надо катастрофу посильнее пожара). (Сумасшествие ст. князя).

Или так:

Пожар в конце. [Но] И один только подросток, во все продолжение романа, верит ему вполне и настроен на счет разврата всего этого общества княгини, князя и проч. Версилов *не отталкивает* его от себя после позора, но именно берет к себе под крыло. *Он* учит его самоотвержению, презренью к людям, спасенью других. У подростка идея — осрамить княгиню. (Ст. князя они берут к себе)*. Подросток входит во все его заговоры. Это подросток, а не Он, открывает князю, что его хотят посадить в сумасшедший. Версилов доверяет подростку и ребенка, который у слепой, Татьяны Павловны, которая только и твердит: «Какой это святой, Андрей Петрович». Подросток решает наконец, что он святой. Версилова срамит, флигель-адъютант, его арестует на три дня. Все это воспламеняет подростка к окончательному действию. *ГЛАВНОЕ* его воспламеняет то, что он считал себя преступником против отца, ибо был одно // время влюблен в княгиню, отчего та стала ему вдвое противнее. Наконец, Версилов, возвратясь, женится на матери, но в решительную минуту рубит образа и скрывается. И затем делает последнее предложение княгине. ЭТО дает мысль подростку, что Он, может, любит княгиню. Подросток решается тогда сообщить Ему документ, и тогда-то катастрофа пожара.

Прости ее!

После пожара княгиня все объясняет подростку.

Он флигель-адъютанта смущает о связях княгини с м. князем и то, что Он, Версилов, отверг ее, а она за ним гонится. Предложение княгине сделано со скандалом, тут флигель-адъютант вступился, отец, Он говорит отцу, что она хочет его в сумасшедший. Ст. князь бежит. Флигель-адъютант, смущенный скандалом и мнением света,— требует от Него объяснения. В объяснении Версилов говорит, что она вечно была в Него влюблена и что Он предложением своим только хотел спасти ее от самое себя. (Излагает и развратные связи ее с м. князем). Все оказывается вздором, флигель-адъютант был бы примирен с княгиней, если б не документ. В решительную минуту, когда ст. князь в руках и документ мог бы все сделать (NB старого князя флигель-адъютант и княгиня возвращают от подростка и от Ламберта, посредством Татьяны Павловны, домой). Флигель-адъютанту нужны не деньги, но он особенно понимает, что в таком положении показать князю документ опасно. Тут-то подросток и показывает Ему документ. Прости ей.

Идея: Подросток постоянно под Его влиянием и предан Ему фанатически. Версилов, в полном смысле слова, владеет его идеалом и направляет его; показывает уголок нового горизонта. //

Memento: Идеал. Генерал-фельдмаршал. Сплетни в квартире у хозяина подростка.

Роман,— сочинить роман подростку с княгиней и как Он ее спасает, все невидимо и неслышно. //

---

* На левом поле вопросительный знак.

24 декабря.

Отчим * Васина, вроде Колосова, пустил акции фальшивые (Ламберт), либерал 50-х годов, самомнение и самоуверенность. Медный лоб, уважаем Васиным, хотя тот сидел у него приказчиком ссудной кассы. Человек дела, без складки, чтоб огородить себя, доносит на Ламберта, на сочленов своих в подделке и о Дергачеве. Хочет жениться за деньги на любовнице флигель-адъютанта. С капиталом 50 000 р. Был когда-то замешан в какой-то истории, пострадал (месяц в крепости) и извлек из того все выгоды. Пользуется через то хорошим обществом. Подлаживается к подростку, чтоб употребить того в свою пользу и проч. //

25 декабря.

Колосов, редакция. Отчим Васина, барин, вроде Жемчужникова, капиталистом слывет, в предприятии знаком с ст. князем. Вздумал было ухаживать за Анной Андреевной (меж тем эфемерный плут и фальшивые акции). Но Анна Андреевна раскусила его и бросила (тот ждал приданого от ст. князя и учил Анну Андреевну) и сама заставила князя жениться.

Но ст. князь, услыхав о документе и об угрозе в сумасшедший дом, бежит к подростку. Тут Колосов и Ламберт требуют от Анны Андреевны 50 000 ⟨р.⟩ с обещанием устроить свадьбу ее. Между тем Колосова вдруг берут (он же и донес) и проч. (Васин предуведомляет княгиню). (Молодой князь *разрушает* все ковы).//

Фабула, 13 генваря.

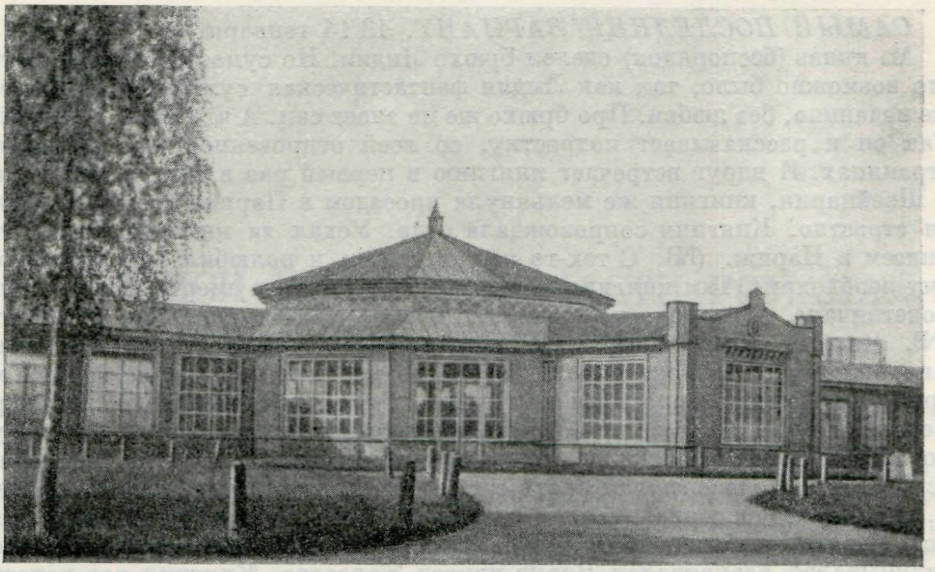
Лидия — сумасшедшая. Князь сделал брюхо, раскаялся, сподличал, обрадовался, что Лидия же его и прогнала. Сам же приударил за Ахмаковой и, так как та в Париж, то и он в Париж. NB. Он страстен, беспорядочен в то время и, порывами, искал уже честности. В Париже княгиня с ним кокетничала, но в связи не была. Между тем угрызения стали тревожить м. князя. Он открылся княгине. Та потребовала было, чтоб он женился, но как же на сумасшедшей? Княгиня быстро возвращается в Эмс, куда все переехали из [Италии] Швейцарии. Застает молодую особу влюбленною в Версилова. Княгиня противится свадьбе с Версиловым, пишет князю, тот же вдруг увлекся женой Колосова. Не отвечает. Наконец, положили было венчание, но Лидия вдруг родила недоноска двух месяцев и вдруг умерла. Потому не состоялась с Версиловым свадьба, что все вышло нечаянно. Князь воротился; Версилов сказал ему подлеца. Князь вызвал. Версилов не захотел. Князь дал публично пощечину (беспорядок). Затем князь был в Луге, во-первых, у родственницы, искал дочку, нашел Лизу. Версилов, возвратив ему наследство, вызвал на дуэль, но взял назад. Версилов твердо убедился, что м. князь был любовником княгини (молод. князь не знал о беременности). Узнал лишь из письма молод. особы, представленного Версиловым [Между тем княгиня убеждена, что это Версилов сделал сумасшедшей Лидии брюхо] уже в конце романа.

Именно роман в том, что молод. особа прогнала князя, потому что Версилов внушил ей, что князь в связи с княгиней.

Когда же княгиня, воротясь из Парижа, настаивала на браке с князем (и писала ему в Париж), Версилов, при Лидии, ст. князе и муже, сказал ей, что она сама была в связи с князем, оттого и интригует (несмотря на письма в Париж), чтоб князь не женился на Лидии. Затем Лидия умерла нечаянно, тогда как никто никаких решений взять не успел.

---

* Исправлено из: «Отец».



СТАРАЯ РУССА. МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ
Фотография 1880-х годов
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ ВАРИАНТ. 13/14 генваря.//

М. князь (беспорядок) сделал брюхо Лидии. Но сумасшедшая. Скрыл, что возможно было, так как Лидия фантастическая сумасшедшая. Имел же нечаянно, без любви. Про брюхо же не знает сам. А что имел — скрыл. Так он и рассказывает подростку, со всей откровенностью, на малых страницах. И вдруг встречает княгиню в первый раз в жизни; все тогда в Швейцарии, княгиня же мелькнула проездом в Париж. Сразу влюбился страстно. Княгиня сопровождала отца. Уехал за княгиней и за ст. князем в Париж. (NB. С тех-то пор ст. князь и полюбил его, и стал он ему необходим). Там княгиня, предчувствуя близкую смерть мужа, с ним кокетничала. Наконец, полюбила. Поняла, что ст. князь ее дотирует. (NB. Еще из Швейцарии имела неосторожность написать с Колосовым Андроникову). Но кокетничая, довела до исступления, *но не дала.* Тем временем Колосов воротился из России. Он доктор, [Версилов] акушер. Версилов с ним советовался (от него же узнал про письмо к Андроникову, которое впрочем частию по его наущению и было послано). Версилов, [с К] через Колосова, дал знать в Париж княгине о том, какой человек м. князь и что он сделал (все это ревнуя). Тем временем в Париже м. князь, хоть и влюблен был ужасно, но подумывал и о м⟨олодой⟩ особе. Мрачно задумывался, раскаивался. Вдруг приезд Колосова. Княгиня все узнает, к допросу м. князя, требует, чтоб он женился, едет в Эмс. Из Эмса пишет в Париж, ибо не хочет, чтоб Версилов женился. М. князь замедлил, нездоров (проигрался, история полковая), не отвечал. Та умерла. Князь явился. Узнал от княгини, что против него интриговал Версилов, у Лидии; но через Колосова узнает, что Версилов же присылал Колосова разорвать его связь с княгиней, обнаружив ему, кто он. *Главное*: ибо хоть м. князь и задумывался в Париже (мрачно, порывы честности), но все же, во что бы ни стало, хотел скрыть от княгини о связи с Лидией. Когда он явился в Эмс, княгиня приняла его как нельзя хуже. Тут-то он и напал на Версилова. Версилов увидал, что князь до того слепо и страстно влюблен, что даже и человеческих чувств к умершей Лидии и к своей дочери не имеет. Письма не сообщил, ребенка оставил у себя. За то пощечина. Затем // чем дальше, тем больше стал тосковать о Лидии. Луга и Лиза подействовали. Затем процесс и заграница, опять служба. Миссия видная в Берлин. Явясь в Петербург к процессу, вдруг получил наследство и вызов Версилова. Но уже изменил мнение о Версилове, сам же знает, что княгиня с флигель-адъютантом. Сходится с подростком, встречается с Лизой. Версилов сообщает ему письмо и дочку. Все бы хорошо, но вдруг опять встречает княгиню. Закутил из самолюбия и ревности, чтоб сойтись * с флигель-адъютантом, которому когда-то проигрался. Княгиня совсем сотрясла его. Тут вдруг Версилов вполне овладевает им, уверяет, что он никогда не был влюблен в княгиню, что та, напротив, в него; княгиня как раз в Париже, ужасно часто говорила про Версилова и мучила князя ревностью к Версилову. Версилов воспламеняет его против княгини и флигель-адъютанта. Та поступает с м. князем с презрением, оскорбляет Лизу. NB? Может быть, еще при жизни Лидии княгиня говорила иль писала князю, что, может быть, Лидия беременна от Версилова. И он не знал наверно: чей ребенок? и т. д. (к Андроник.) Колосов же про письмо знает оттого, что и княгиня у него потом искала его, и Версилов расспрашивал. NB. *Главное.* Колосов мог знать (как акушер) только о беременности Лизы; но от кого?— Этого он не знал. Версилов же, написав в Париж, [сказал] написал лишь: Справьтесь о Колосове, лишь о факте. //

---

* На левом поле: «и встретить».

ЗАПИСИ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ РОМАНА

20 генв⟨аря⟩.

Князь сватался к Лидии, но был отвлечен генеральшей, Лидия его прогнала. Он уехал в Париж. Тем временем Лидия от него родила.

(NB. Генеральша, завлекая его, не знала, что он в связи с Лидией, а что только сватается). Князь, возвратясь, застает смерть Лидии и узнает, что был ребенок (это долго потом). Он этим всем поражен и в начале романа уже разорвал с княгиней и с Лизой. Версилов же или сводит их опять, чтоб потом разорвать, или прямо возбуждает князя против нее. Или сводит опять. Сам по смерти Макара Иванова предлагает жене руку, рубит образа. Предлагает той руку. Та отказала. Тут подвертывается подросток с документом. (Лиза, «Носи»). //

20 генв⟨аря⟩. Второй вариант.

Князь следит за генеральшей. Он влюблен в нее до idea fixa. Теперь приехал по поводу наследства и поклялся, что не даст ей (генеральше) выйти замуж за флигель-адъютанта. Получив деньги, бросился во все общества, где флигель-адъютант. Версилов сходится с ним и побуждает его. Тогда она отдается под защиту и покровительство Версилова, чтоб он спас ее от князя. Или без ее просьбы сам спасает ее *. Версилов берется, все устраивает, но в решительную минуту все разбивает.

Лиза? //

Жена Васина. Не знает, что с ним делать, вечные разногласия. Самодовольствие Васина. Стебельков, снующий около Васина, ибо [пронюхал] пронюхал о его браке. (Но Васин ему не открывает). Стебельков скомпрометирован с акциями, но не опасается, а ждет даже торжества; но Васин совсем почти не компрометирован. Она жалуется подростку на Васина, смеется над ним. И под конец только оказывается, что она жена Васина. Васин сходит с ума, а там сцена пожара.

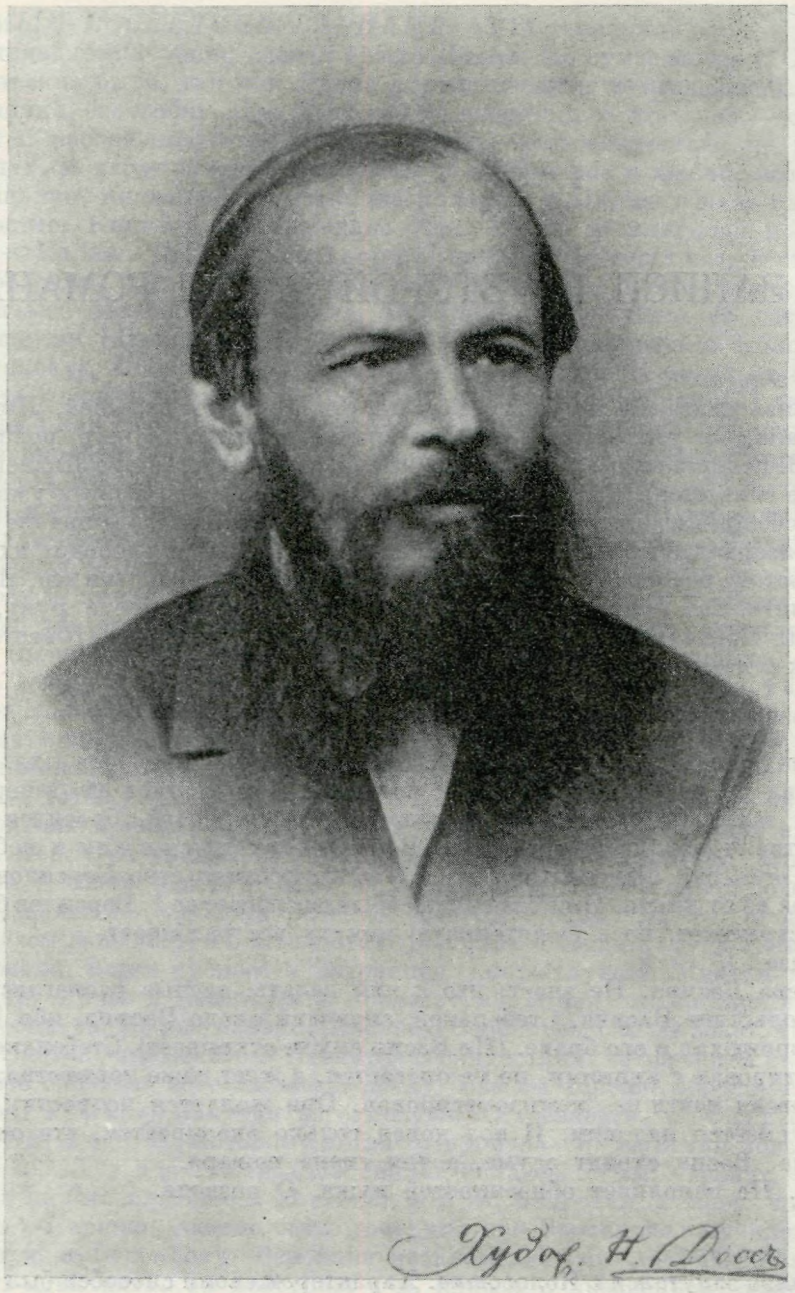
NB. Не исполняет обязанностей мужа. О разводе.

24 генв⟨аря⟩.

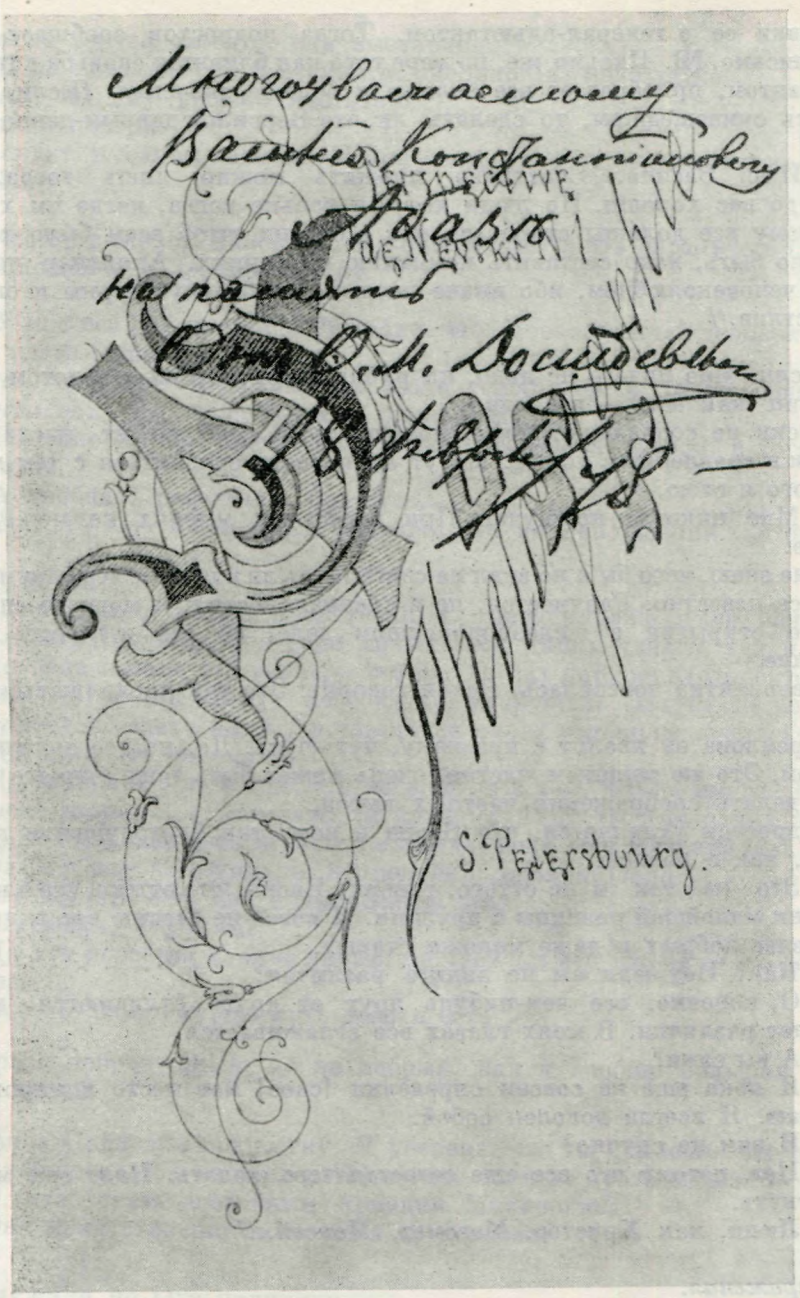
Князь запутался с Колосовым. Характером своим способен был сделать брюхо Лидии. Офицерами был выгнан из полка. Теперь хочет все попробовать. Ненависть к генеральше, любовь к Лизе. Колосов губит. Версилов восстановляет. Генеральша отдается под покровительство Версилова. Но [княгиня] генеральша любит Васина; тот *невозможен*. Подросток весь роман убежден, что любви между Им и ей нет. Узнает, наконец, про любовь ее к Васину. И под самый конец про любовь Его к ней (после внезапного с Его стороны предложения). Предложение же сделал почти накануне

---

* «Или ∞ ее» — на левом поле.



ДОСТОЕВСКИЙ
Фотография Н. Досса, 1876, Петербург
С дарственной надписью (на обороте) В. К. Абазе
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ДОСТОЕВСКОГО В. К. АБАЗЕ НА ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ ФОТОГРАФИИ:

«Многоуважаемому Василию Константиновичу Абазе на память от Ф. М. Достоевского. 18 февраля 78»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

помолвки ее с генерал-адъютантом. Тогда подросток сообщает Версилову письмо. №. Письмо же, по мере того как близится свадьба с генерал-адъютантом, приобретает все больше и больше значения. (Если Васина сделать сумасшедшим, то сделать ли, что Версилов давным-давно угадал это).//

*. Идея Васина. Счастливо прожить можно лишь тогда, когда люди до вас хороши. Но люди хороши только тогда, когда им хорошо. И потому все должны стараться изо всех сил, чтоб всем было хорошо. А стало быть, надо составить компанию на акциях. Акционер поневоле будет человеколюбцем, ибо иначе люди до него будут дурны и он будет несчастлив.//

Васин. Мне ничего не надо, ни рубля сверх. Васин в золотом платье и Васин как есть — все одно.

Куски не соблазняют меня, почести тоже. Что значит наслаждение куском в сравнении с моими. Могут ли почести сравняться с тем местом, которого я сто́ю.

** Мне никогда не скучно. При известных мыслях не может быть скучно.

Я не знаю, чего бы я не знал на свете? Есть ли идеи мне не знакомые?*** Мне все известно. Разумеется, не в специальностях: я могу не знать такого-то открытия в железнодорожном деле, но это и не есть высшее познание.

Гувернантка повесилась. Васин говорит: Это так продолжаться вечно будет.

Версилова он хвалит с краюшку, чуть-чуть. Да, но все должно быть в целом. Это же слишком частно, очень может быть тоже, что его заставляют делать соображения частных выгод.

Подросток удивляется, что Васин к нему так благодушен и говорит с ним, как с ровней.

— Это не так и не оттого, говорит Васин. Это оттого, что я не вижу в вас ни малейшей разницы с другими. Я вовсе не считаю вас глупее умных, злее добрых и даже моложе старых.

— Как? Неужели вы не видите различия?

— О, конечно, все чем-нибудь друг от друга отличаются, но для меня нет различия. В моих глазах все сглаживается.

— А вы сами?

— Я пока еще не совсем определил [свое] мое место в мировороте. Не знаю. Я всегда доволен собой.

— И вам не скучно?

— Нет, потому что все еще остается чего желать. Надо еще многого достигнуть.

— Люди, как Христос, Магомет, Моисей...//

Выражения.

Фамилии: девица Утешающая, вдова Перчаткина, семинарист Ассафетидов.

Болтун: О том, что англичане Завьялову за фирму пять миллионов давали.

О Чернышеве-министре и о Викторе Гюго и Дюма на свадебном контракте.

---

* На левом поле: —«*Здесь*»

** На левом поле: «Февр⟨аль⟩».

*** «Есть ∞ не знакомые» — над строкой.

Она не то что вымыта, она выстирана.
— В нем столько же достоинств, сколько [и] недостатков.
— Ах, вы ему ужасно льстите.
Тонкий почерк.
«И сидят в самом важном ученом месте» (т. е. в Академии, про Стр⟨ахова⟩)?

Ничто не умирает, наоборот, все продолжает жить органически, лишь перевоплощаясь в другие формы.

— У нас все расклеилось. Надобно, чтоб образованный человек опять стал в главе общества.
Россен. А разве образованные люди теперь не в главе общества?
Версил⟨ов⟩. Да, если хотите, пожалуй...
— Надобно, чтобы человечеству была обеспечена правда, и тогда оно успокоится.
— А свобода, равенство, братство...
— Все это еще прекрасные желания, но не воплощения, авторитета нет.
— А наука?
— Современные науки нравственных выводов даже и не начинали еще полагать [полагать], а если хочешь всю тайну узнать, так и не ее это дело. Она и сама это знает, а потому до сих пор лишь [относительно] отрицательно к прежнему, не создала, разрушала. Наука не создает, а разрушает. Создать же и * построить в силах только железные дороги.
— Да ведь это не мало.
— Да главное-то не в том, что не мало, а в том, что не много. В том, что ужасно немного, и доказать это можно сейчас: ты при одних железных дорогах согласишься остаться или захочешь еще чего-нибудь?
— Захочу еще чего-нибудь, непременно: окончательно.
— Ну вот этого-то она и никогда не даст.
— Неужели, неужели?
— Да тут вовсе не хаяние науки: не даст потому, что не ее это дело,— вот и все.
— Все это самая сущая суть дела и есть.

Человек добродушный, но не добрый, как и вообще большая часть пустых людей. //

Татьяна Павловна подростку: Я уверена, что ты думаешь, что он все это для тебя делает, и от наследства отказался и на дуэль вызвал — единственно, чтоб стать достойным Аркадия Макаровича.
— Она меня страшно била, но я ее целовал.

Отслужили по Оле панихиду.

22 февраля, по приезде из Петербурга, подросток говорит: Понять не могу, как я мог тогда, при матери, рассказывать про Тушара! Даже и не подумал постыдиться перед нею!

— Одним словом, в нем столько же достоинств, сколько и недостатков.
— Боже мой, как вы ему льстите! Как можно, чтобы столько достоинств.

---

* «а если ∞ создать же и» — в самом низу страницы, дальше до: «вот и все» — на левом поле.

Подросток Версилову: Я всегда знал, что мы никогда не расстанемся. Когда я тогда [пор] рассказал про Тушара, то мне только было весело, хотя я и чувствовал, что порвал: *Порвал, да не с вами, я знал, что мы сойдемся. Вот когда оскорбил вас тогда выгнав, то защемило мое сердце. Правда, злился я на вас тогда ужасно. //

Приобрети же стыд и хотя малейшую воздержанность в гневе твоем.

Враль, генерал на железной дороге, подождут, а поезд уехал. (Отец Васина, продавший жену).

(Memento. Тургенев в суждении об убийстве назвал Маркизом — тогда как тут в убийце только тупость воображения и соображения). //

25 февраля.

После Петербурга.

1) Версилов убежден в утрате и глупости всякого идеала и в проклятии косности на всем нравственном мире.

2) Некоторое время он насильно веровал в Христа.

3) Но вся вера разбилась. Осталось одно нравственное ощущение [самого] долга самосовершенствования и добра *во что бы ни стало* (т. е. несмотря ни на какую потерю веры и ни на какое нравственное отчаяние) вследствие собственной сознательной воли, хотения во что бы ни стало. Хоть идеал и потерян и хоть я и не знаю добра и зла, но по совести, ощупью, буду совершенствоваться — и приду к чему-нибудь. При безверии, вместо отчаяния, решил прямо начать с себя, и верует, что к чему-нибудь придет и что-нибудь ему наверно на дороге откроется (вериги).

4) Два года назад он влюбился в Ахмакову — и ужасно наивно сообщил ей о своих стремлениях. NB. Гордость: Так как она узнала мои мысли и я обнаружил ей мою душу, то она должна была ценить. Но она... Та была поражена, но осмеяла его греховность. Ибо в нем два типа — идеалист и беспрерывно — прежний человек, совершенно греховный и мелочный. Между тем Версилов был правее: понимая сам свою греховность и свои падения, он тем не смущался, но сознавался и подымался.

5) Он тогда ушел в Лидию, а Ахмакову, в ревности, обвинил в чувственности и ограниченности. К тому же ему страшно было стыдно, что он временно так раскрылся перед Ахмаковой (о самосовершенствовании, сняли вы вериги). Лидия же не так приняла его, а как Христа ради юродивая восторженно устремилась за ним и поклонилась Ему, как пророку**.

6) Но Лидия умерла. Она умерла потому, что увидала, что я все-таки любил ту ***. Стыдясь и продолжая свое самосовершенствование — он прожил $1^1/_2$ года (не вызвал, н<а>пример, на дуэль за пощечину, из-за силы воли, из-за подвига).

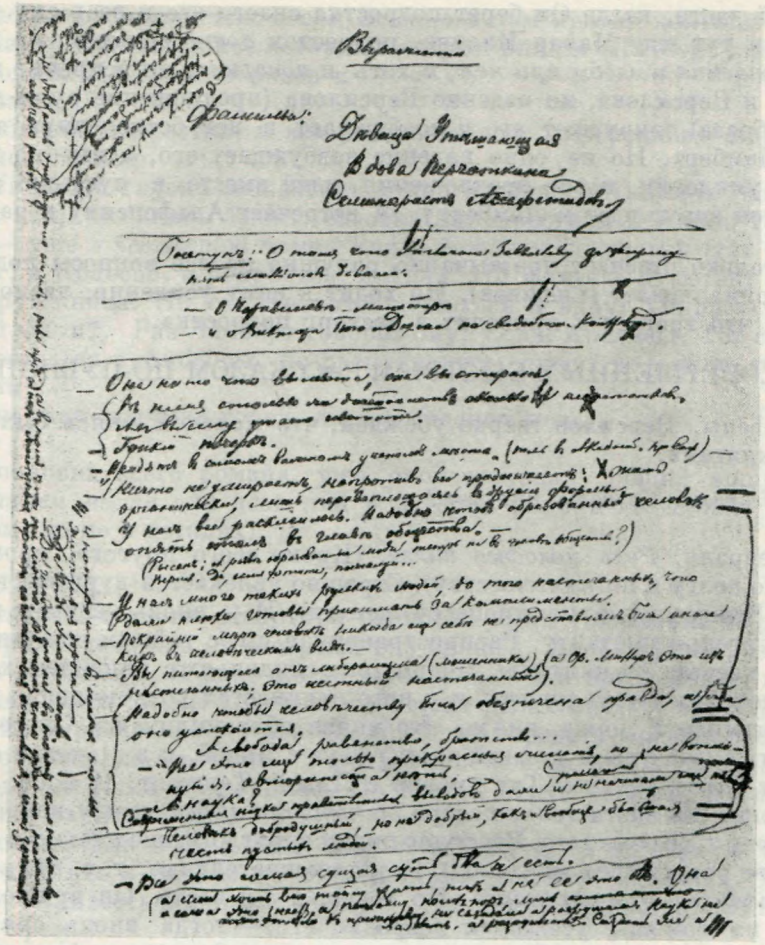
7) Тут вдруг явилась Ахмакова, и начался опять роман. (Он грезит и спасти-то ее, и наказать, и помиловать) и проч.//Он уверил себя, что не любит ее, но что питает к ней огромное сострадание и проч. В преследовании ее и в любви к *ней* Он видит немощь и падение свое; в самообладании же, в терпении обид от нее — спасение. В этих двух пунктах поставил задачу, и все слишком наивно, до детства — в том прелесть и правда.

Таким образом Nota bene:

Во 2-й части он только раскрывается совершенно неожиданно и беспорядочно, главное совсем неожиданно ****, и удивляет подростка неожиданностью и идеальностью своих сторон.

---

* На левом поле: «Непременно».
** «Лидия ∽ пророку» — между строк и на левом поле.
*** «Она ∽ ту» — между строк позднее.
**** «Главное ∽ неожиданно»— на левом поле.



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 8, л. 14 об.

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Поступок с Ахмаковой совсем неожиданный. Письмо к ней или дерзость флигель-адъютанту *. В третьей, когда подросток пал, (в ту ночь) совершенно раскрывается ему; их дружба, и ** тут вдруг его ужасное падение: подлейший поступок (донос) с Ахмаковой. [Письмо к ней и что-то с флигель-адъютантом] ***. Подросток от него отступает, и он бросает его (уж не брак ли с матерью?) Рубит образа и уходит. Предложение Ахмаковой, и, наконец, в 4-й подросток с Ламбертом и все развязки, аресты, Стебельков, князь, Лиза и проч. Тут и брак князя ****. Свадьба старого князя, и смерть его, и дело с Ахмаковой, и документом.

А подросток с княгиней, князем, Макаром и игра. Не в третьей ли Макар? *****

---

* «Поступок ∽ а дъютанту» — между строк.
** «их ∽ и» — над строкой.
*** Зачеркнутые слова — над строкой.
**** «Тут ∽ князя» — на левом поле.
***** «А подросток ∽ Макар?» — на левом поле.

В 3-й части, когда Он берет подростка спасти его и весь ему раскрывается, и тут еще Макар Иванов, подросток *хоть и спасен, но тайный гнев отмщения и злобы при нем*, и хоть и *покорился* он искренно идеалам Макара и Версилова, но падение Версилова (предложение руки Ахмаковой и образа) сокрушает его и возбуждает в нем бесконечную злобу, и тут — Ламберт. Но не одно падение возбуждает его, а именно в самом полном умилении, после предложения идти вместе в пустыню странствовать, он вдруг идет к Ламберту. (А встречает Альфонсину и радуется).

Он только отвечает чрезвычайно радушно на все вопросы подростка, а сам прималчивает (Спешнев). Но ходит к нему усиленно, ласков и *слушается*, что трогает и приводит в восторг подростка.

№. СОВЕРШЕННЫМ БЫСТРЫМ РАССКАЗОМ ПО-ПУШКИНСКИ.//

Notabene. Версилов твердо убежден, что молодой князь был любовником княгини.

25 февраля. Создать княгиню!

26 февраля. *Роль молодого князя.* (Кроме всего другого, кроме страданий по долгу и по ничтожеству). Страшно увлекается дурными инстинктами. (Выигрышные по процессу деньги). И — вновь ревность к княгине, к флигель-адъютанту. Распространенная им (с тайным влиянием Версилова) клевета на княгиню. Подросток в свиданьях с княгинею хочет это все *ей* поправить и услужить, и у него начинается хоть не явная вражда, но антагонизм к молод. князю. Но князя образумливают. Он сознается, что солгал (это уже в третьей части) [Тут с Лизой, и в д], когда он попадается с Стебельковым. Тут именно с Лизой. Ташкент. И проч.

В конце 2-й части только ссора *деспотизма любви* между подростком и Версиловым. (Кроме того, Версилов пишет вдруг княгине письмо, в котором просит не развращать младенца). Ссора окончательная, т. е. *принимаемая подростком за окончательную*. Но когда, в 3-й части, Он пришел к подростку на помощь, утешил и возродил его,— тогда вновь связь, уже полная и откровенная. Версилов раскрывается *до вериг*; а кончается все-таки предложением брака княгине, и именно после того, как Версилов был оскорблен флигель-адъютантом. //

Итак.

Во 2-й части Версилов лишь *необъяснимо* привязался к подростку, но раскрывается не весь. Еще много тайны. Подросток очень желал бы выпытать о княгине, но всех сведений не получает от Него, а получает их скорее от молод. князя, от княгини и от Анны Версиловой.

В конце 2-й части вдруг Версилов делает выходку, *нехорошую* и поражающую подростка. Версилов, кроме того, уходит от *жены* и *не обращает внимания* на жизнь и игру подростка, что очень поражает того, и подросток ссорится с ним из деспотизма любви. (Версилов исчезает даже на время).

История за картами, ночь (встреча с Ламбертом непременно).

2-я часть.

Письмо Версилова к Ахмаковой о том, чтоб не развращала подростка. Угроза рассказать флигель-адъютанту. *Та* жалуется сама флигель-адъютанту. Схватка того с Версиловым. Версилов опозорен и исчезает из дому. Подросток возмущен. Цинизм, укрепившийся в душе его, разврат, карты.

В 3-й же ЧАСТИ. В 3-й же части покаяние и отчаяние князя и в конце попадает в историю с Колосовым и Ламбертом. Его спасает Версилов,

и тут вполне раскрывается, и они за одно с ним против княгини и проч. Тут и Макар Иваныч, и все истории с старым князем (Ламберт и Колосов) и с молодым. Но рубка образов и

4-я часть.

Озлобление подростка, и все развязки, идет к Версилову лишь в самом конце. Пожар.

NB. Ламберт гнусно соблазняет старого князя к Andrieux (хочет женить на ней). Ст. князь бежит, спасенный подростком и Анной Версиловой, и — уже *в четвертой части* князь бежал к подростку (тут опять и Ламберт, и Колосов, и подросток, и Анна. Но флигель-адъютант и Ахмакова берут князя. Но тот все хочет жениться и вдруг умирает).//

В 4-й части*. Раз Ламберт говорит ему: у...би Andrieux. Тот соглашается и остается с Andrieux, но расплакались, ничего не вышло, это уже в 4-й части.

О том, как поджечь город, в воры (адская ночь).

Компоновка всего романа, уже окончательная, общий summarium, *с показанием места* для всех лиц и историй романа *по частям* романа. (В общем, но не в деталях). //

ЭМБРИОН.

1-я глава 2-й части. Квартира (месяц спустя). Посещение Версилова. История о том, как он в первый раз пришел. Характерные разговоры, споры и поучения. Я нарочно не заговорил о княгине и князе, и Он ни слова; чем жить будем? Обо мне и об моих делах ничего: это и успокоивало меня и раздражало (тревожило). Я из гордости молчал. История с подушкой. Разыскал ребенка. Версилов и семейство его. Маленькая ссора по поводу подушки и семейства. Подросток вдруг увидал, что он очень еще далек от Версилова.

2-я глава (или 3-я). Между тем сношения с м. князем и сестрой. Я выследил, что у Версилова с [м] князем — новое. Сношения. Князь в восторге. Близость с князем. Вечер — где вдруг подросток выиграл. По всем по трем.

3-я (или 4-я). Между тем про княгиню, [сношение] анекдот, каким образом завел сношения с княгиней. Это была тайна — и от Версилова, и от князя. Княгиня вдруг ему доверилась, обольщение. Вы меня обольщаете. Ссоры, молодая любовь. (Вдвинуть Васина, Стебелькова, ребенка и прочих). О Лизе **.

5-я. Картеж с князем,— жизнь кипит кипятком. Большая ссора с княгиней. Флигель-адъютант. Какая-то выходка Версилова насчет документа или чего-нибудь. Подросток с ним свысока. Анна Андреевна, князь — женюсь. (Стебельков) [(может быть, встреча с Ламбертом)].

6-я. Примирение с княгиней и измена ее. [Версил] В ненависти сильно намекает Версилову на документ. Тут вдруг встреча с Ламбертом. Деньги. Подросток между тем проигрался, а князь начал фыркать. Ссора с князем, последнее слово перед страшной ночью о Лизе. У Ламберта деньги. Сцена за проигрышем. Страшная ночь. [Вст.] Ламберт. Встреча с Версиловым,— т. е. интрига все так идет.

3-я часть.*** Уединение. «Моя идея». Версилов, вновь дружба, но уже высшая. Макар Иванов, смерть его. Всеобщие аресты (и князя). Лиза. Брак. Версилов. Предложение княгине. Версилов и флигель-адъютант. Версилов вдруг пал после идеального величия.

---

* «В 4-й части» — на левом поле.
** «О Лизе» — на левом поле.
*** На полях слева повторено: «3-я часть».

4-я часть. Прямо идет к Ламберту. Нет, зло лучше! Цинизм *. А у тех уже все обделано с князем. (Ст. князь именно испуган открытием Версилова на счет документа). О старом князе еще в 3-й части, спасать его **.// Ламберт и проч. наводят панический страх на князя. Он бежит к подростку. Флигель-адъютант и княгиня спасают его. (Тем временем кончается история молодого князя и Лизы. Ташкент). (№. Молодой князь (по глупости) срамит княгиню). Вдруг подросток, после всего, решается на пожар. Разрывает с Ламбертом, один все устраивает. В последнюю минуту идет к Версилову. Оба вместе. Пожар. Разъяснение и всеобщая развязка.//

27 февраля.

Компоновка 2-й части подробная. (Большая задача).

(Сначала общая, но подробная идея 2-й части, а потом по главам. Затем компоновка уже отдельных глав и всего более *первой*. Особое и подробное чтение *материала*, с резкими отметками [треб] выбранных мест).

№. №. [М. Ст.] Сношения подростка с княгиней во 2-й части *ото всех* тайна. Выдумать историю о том, как подросток достиг этих сношений и первого свидания. Равно как и с Анной Версиловой.

***№. Итак, вся *задача* распадается на три главные и крупнейшие отдела (кроме мелких, которые *все* припомнить).

№. 1) на сношения подростка с Ним.

2) — подростка с князем (Лиза).

3) — подростка с Ахмаковой.

Лизу, например, он уже подозревает с князем, но в разврате своем молчит, спускает, закрывает глаза — однажды лишь вдруг делает озлобленную, несправедливую сцену Лизе (уже пред самым *позором*) и в самый последний день позора застает и почти присутствует при сцене князя с Лизой. Или даже делает вид, что позорно цивилизовался и допускает, намеками, [в] шутовскими и цинично-подленькими, возможность *самых легких* отношений ее с князем ****.

(№. Он между прочим злится на князя за то, что тот говорит ему про Ахмакову, добивается Ахмаковой и хочет нагадить ей с флигель-адъютантом). Ахмакова его вдруг выгнала и опозорила (после выходки Версилова, написавшего ей письмо, чтоб не развращать подростка). Воспламененный подросток и идет после того играть (позор). (№. Позор и князя с флигель-адъютантом. Князь зол (в последний день позора) и разрывает и с подростком, и с Версиловым). Тут краткий, но подлый разговор о Лизе.

(№. В последней сцене, *ночью*, Ламберт *дает ему знать*, что он уже давно с молодым князем).

Роль матери Оли. (Васина, Дергачевых и проч.). (№. Это начать во 2-й, но главная развязка в 3-й части, т. е. Васина и Дергачевых).

Стебельков у Анны Андреевны и касается князя как ростовщик.//

В 3-й части: полное детское признание и христианство Версилова, до рубки. А во 2-й уже намеки. Ибо хотя он игрив или циничен, или очень глубоко грустен в глазах подростка, но желание тех детски-нежных раскрытий, которые в 3-й части, *пробивается* мельком и во 2-й.

---

* «Нет ∽ Цинизм» — на левом поле.

** «О старом ∽ его» — на левом поле.

*** На левом поле запись: «Узнать о Рудине».

**** «Или ∽ князем» — на левом поле.

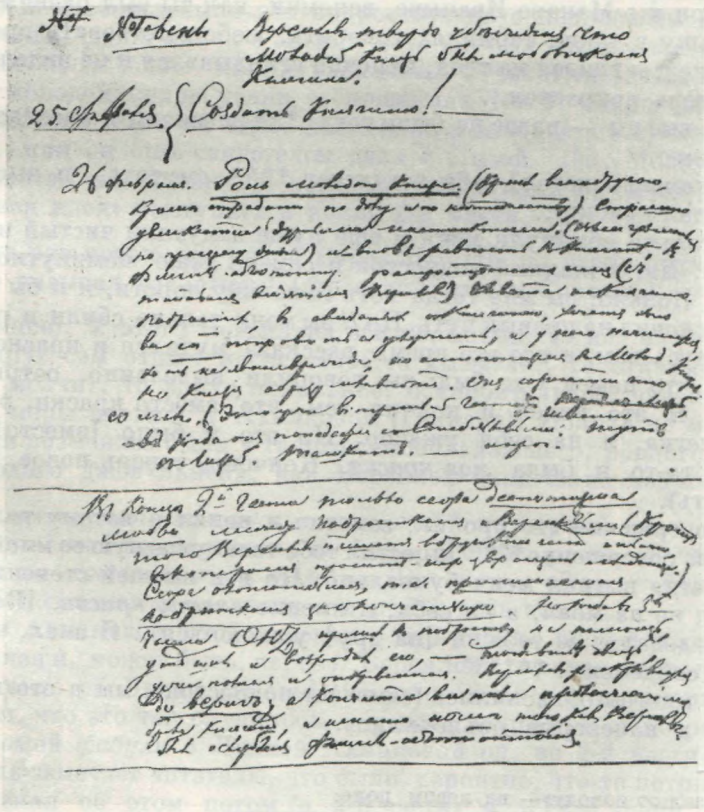
NB. Насущно необходимое:

Необходимо скомпоновать лишь *один* ученый разговор Версилова с князем и с подростком, да еще тысячи вопросов и ответов Версилова ⟨и⟩ подростка с Ним: *весьма трудное.*

NB. *Очень важное.* Во всю вторую часть.

Целый ряд сношений с матерью, с Лизой и с Татьяной Павловной, совершенно отвлеченных. Тоже, как и с Версиловым, ни слова о действительности, а лишь о воспоминаниях, о шутках — одним словом, [об] отношения совершенно *счастливые*, и это тоже *разъяснить читателю* (т. е. странный отрыв от действительности и бегство в отвлеченное). И так продолжать вплоть до последней сцены с Лизой (действительной, едкой, ужасной).

Но Лиза, мать и Татьяна Павловна забеспокоились наконец о кутеже и игре его, несмотря на то, что дошло до Спинозы, и когда, раз, уже под конец 2-й части ([ког] в тяжелую минуту, когда у него нагорела в сердце жалость), Лиза на упрек его, [за] наедине: зачем она тревожит мать рассказами о его кутеже? — Начала ему вдруг и серьезно говорить о его поведении, то он с циническим и горьким смехом ответил ей, что он ведь не мешает свободе ее с князем и оставляет ее сконфуженную, а в еще более последующей сцене, в последний день, вдруг нападает на нее,



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 8, л. 25

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

говоря о бесстыдстве и разврате ее, обижается и уходит, потом мирится, и Лиза все говорит ему, но бегло.//

NB. Важная задача. Необходимо создать состав кутежа и офицеров. Еще задача: о квартире, состав квартиры, рассказами Он смешит сестру и мать.

NB? (Мать Оли присунуть куда-нибудь).

NB. *Важное.* Молод. князь бросает его и едет к Васину совещаться или при нем воздает ужасную честь Васину, чем ужасно обижает подростка.

NB. И Ахмакова тоже с Васиным — ревность.

NB. *28 февраля.*

Когда подросток, во 2-й части, приступает к описанию своих сношений с Ахмаковой, то говорит: «Теперь приступаю к самому тайному и секретному, до сих пор секретному: *у меня в это утро было назначено свидание*»... и т. д.

NB. *Самое главное и главнейшее, непременно.*

Во 2-й части Версилов говорит подростку:

Сказал он мне однажды, совсем не помню по какому поводу *.

Друг мой, а помнишь, как ты расспрашивал меня, в этом *гробе*, о своей матери и о Макаре Иваныче, вспомни, как ты был развязен; можно ли было сыну в таких терминах говорить, любопытствовать про мать. И ты не краснел: я глядел на тебя, нарочно вглядывался и не видел краски... Вот ты теперь покраснел...

— **А вы, вы — разве не были тогда *** развязны в рассказе о Макаре Ивановиче.

— Я [нарочно хотел] тебя же хотел **** смутить, я высматривал тебя, я ждал краски...

— И только обманули меня и еще пуще замутили чистый источник в душе моей. Да, я жалкий подросток и сам не знаю поминутно, что зло, что добро. Покажи вы мне тогда хоть капельку дороги, и я бы догадался и тотчас вскочил на правый путь. Но // вы меня только сбили и разозлили. [Но] Клянусь вам, я все это время рассказа мучился и краснел в душе; тем более, что намек уже был: вы говорили выделанно, острили неестественно. Я это видел и кончил тем, что, вместо краски, разозлился на вас слегка, а на себя ужасно. Но это и было [вместо] за место краски. Это-то и была *моя краска.* Кончено, теперь новое, все новое! (в 3-ю часть).

— Я совершенно это проник, заметил и понял и потому только тогда же, внутри совершенно***** простил тебе твою ужасную со мной выходку: ты ведь тогда выгнал меня буквально. Но я в высшей степени понимал, что ты зол не на меня, а на себя, и именно *вместо краски.* [Вот почему] Даже порадовался за тебя, и [на дру] успокоился... Я знал, что мы так или этак сойдемся... ******

Мы во многом объяснились (замечает подросток), мы в это время беспрерывно и наперерыв объяснялись.

---

* «Сказал ∽ поводу»— на левом поле.

** На полях слева: «В 3-ю часть в обновление».

*** Над строкой.

**** Сверху, очевидно, начало варианта: «Вам бы следовало меня прямо сейчас же и прогнать».

***** Над строкой.

****** До конца абзаца, слева, идет линия, как бы зачеркивающая.

28 февраля.
Последняя задача: разместить все содержание 2-й части в 10 главах.

О Спинозе, он Версилову, в отчаянии и деспотично *:
— Зачем же вы тут сидели и не сказали мне дурака?
— Тогда бы ты и меня проклял. А тут ты высказался, выпроклялся и тотчас вернулся. И вышло прелестно и грациозно. А что ты вернешься, я видел несомненно... Ты деспот со мной.

1/2 марта.
Разрешение задачи.
2-ю часть начать с одного события, а не дробить по четырем действиям. Высказать все главное в художественном действии, разговорами и поступками лиц. Историческую же часть дела (т. е. как весь ход дела очутился в таком виде) вставить тоже, где надо, по частям и отрывкам. Должна быть общая интрига (Отыскание ребенка, н⟨а⟩прим⟨ер⟩, для Ахмаковой) [или] (Ахмакова выведывает у него о том, что хочет у ребенка Анна Версилова, тот и хитрит и поддается ей). // При начале действия 2-й части, чтоб было видно, что он, сверх успехов и радостей, уже сомневается и начинает сильно тосковать (задолжал, грубость и двусмысленность князя, Версилов). Все и сценами и рассказом *потом*, как привелось к такой сцене. Крупная ссора с примесью флигель-адъютанта из-за письма Версилова, чтоб не развращали подростка. Флигель-адъютант еще прежде грозил князю. Князь сообщил было это подростку, но с подростком же и рассорился. Беглая сцена князя с Лизой, которой был свидетелем подросток и — смолчал из-за денег (крики раскаяния к читателю). После письма Версилова молодой князь, узнав о сношениях [того] подростка с Ахмаковой, накинулся было на него, насмешки, и злоба, и презрение к нему после того, как он был свидетелем дела с Лизой. (№. Молодой князь страшно хохотал еще накануне, когда его выпихнули из саней). Ламберт и проч. «Своя идея» выступает в конце 2-й части.

Он вдруг раз ночью, на улице Версилову: Па́па, отец. Ведь вы отец, а я еще не называл вас отцом! (это сейчас после Спинозы).

№. (Важное). У этого Версилова все порывами: то нет надежды князьям, то вдруг сам отдает наследство; то вызывает, то отказывается от вызова. То молчит, то вдруг нахальное, оскорбительное, вне приличий, вне всякой меры письмо к Ахмаковой (Геккерн). Понять не могу, как такие скачки возможны были у такого самообладающего, ровного, спокойного и твердого джентльмена, как Версилов (замечание подростка).

«Своя идея» *выступает в адскую ночь вся*** на первый план, а в течение 2-й части об ней почти помину не было. (Только разве кое-что во время игры, а то *совсем некогда было*).— Для того *с одного события*, что⟨бы⟩ успеть подготовить развязку с игрой и весь эпизод.
О *Лидии* Ахмаковой, чтоб *мелькнуло* что-нибудь во 2-й части, через молодого князя и, может быть, через // Версилова, *причем подразумевать*, что рассказом-то об Лидии [князь] Версилов и потряс и покорил *сразу* князя. О том, что это так случилось,— узнает подросток от потрясенного князя, но самой *фабулы* с Лидией Ахмаковой он, во 2-й части, еще не знает (а лишь замечает читателю, что было, вероятно, что-то потрясающее, но что он узнал об этом потом (в 3-й части) и в свое время сообщит

---

* «и деспотично» — над строкой.
** *вся* — подчеркнуто дважды.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. 17 (29) ФЕВРАЛЯ 1874 — № 48 — ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ — № 48 — ВОСКРЕСЕНЬЕ. 17 (29) ФЕВРАЛЯ 1874

ГОЛОСЪ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

ЗАГОЛОВОК ГАЗЕТЫ «ГОЛОС», 1874, № 48, 17 ФЕВРАЛЯ
Здесь печатались материалы судебного процесса
о подделке акций Тамбовско-Козловской железной дороги

читателю). Узнает же лишь в 3-й части, уже от Версилова, всю грациозную и фантастическую повесть о Лидии (от восторженного Версилова) и восторг Версилова потрясает сердце подростка. Тут же, в 3-й части, и исповедь Версилова подростку об Ахмаковой, но не истинная, а как сам хотел понимать Версилов, с раскаянием и проч. Причем подросток заключает *окончательно*, что Он не любит Ахмакову (и вдруг в конце 3-й части предложение Ахмаковой) и проч.

После адской ночи, на рассвете, подросток панихиду по Оле (последний рубль). Без объяснений читателю, для чего и почему. После панихиды встретил Версилова: «Он привел меня к себе» (последняя строка 2-й части).

Столбеева уехала в именье: квартира за князем.

Подросток вначале выиграл в банк. У них было начались общие счеты с князем.

Одна сцена сближения подростка с князем — это о *духе* дворянства. Говорил подросток. Князь вдруг к нему с чрезмерным уважением (а потом счеты).

Анна Андреевна спрашивает Версилова, любит ли он Ахмакову, еще во 2-й части. Особенно в конце, после катавасии с флигель-адъютантом при подростке*.

Старый князь, во 2-й части, заболел. Анна Версилова при нем, а подросток неглижирует. Думал было занять у него денег, но устыдился. Советовался предварительно с Анной Андреевной, та было одобрила. Вроде какой-то дружбы у подростка с Анной Андреевной (Варя). //

Во 2-й части, Версилов иногда даже как бы не замечает *обид* от подростка и *тирании* его и приходит к нему смиренно, детски, что удивляет и восхищает подростка.

??? Насущная задача: квартира подростка.

!ДРАГОЦЕННАЯ сцена. Почти в последний день (2-й части) мать вдруг посещает подростка на квартире, чего прежде никогда не делала.

---

* «Особенно ∽ подростке» — написано позднее.

!В течение 2-й части подросток рассказывает матери о том, как встретил ее у Тушара.

Лиза в последней сцене исповедует ему, но бегло.

Лиза, во 2-й части, ревнует князя к Ахмаковой. Оскорбления от него, но и нежность.

1/2 марта. Скомпоновать подробно 1-ю главу, остальные, уже при имеющемся материале, *сами придут*.
Точку, стержень с чего начать, точку отправления, сущность интриги!
!Чтение матерьяла!
2 марта — чтение матерьяла,
3 марта — компоновка стержня,
а 4 марта — начин.!//

NB. Выпихнули из саней, снег... Если это все развивать, то кутеж подростка надо начать *с самого начала 2-й части*.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

Дѣло Колосова и Ярошевича о поддѣлкѣ акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги.

ЗАСѢДАНІЕ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ОКРУЖНОГО СУДА, ПО 1-МУ ОТДѢЛЕНІЮ, СЪ УЧАСТІЕМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ, 15-го ФЕВРАЛЯ.

(*Продолженіе* *).

Свидѣтель полковникъ Жевановъ показалъ, что въ правленіе общества тамбовско-козловской желѣзной дороги прибылъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, привезъ съ собою двѣ акціи этого общества, о которыхъ просилъ сказать, настоящія онѣ или нѣтъ. По первому впечатлѣнію нельзя было придти къ окончательному выводу и находившіеся въ правленіи члены приняли ихъ за настоящія, тѣмъ болѣе, что подпись бухгалтера сдѣлана на акціяхъ до того хорошо, что самъ онъ не могъ дать утвердительнаго отвѣта—его ли подпись или нѣтъ. Потомъ предложено было судебному слѣдователю доставить всѣ находящіяся у него акціи, въ количествѣ 259 штукъ, при сличеніи которыхъ съ настоящими оказалось, что онѣ поддѣльныя; для болѣе точнаго разрѣшенія вопроса были приглашены эксперты, которые, при тщательномъ разсмотрѣніи, открыли въ представленныхъ акціяхъ большую массу подробностей подлога.

На вопросъ прокурора, Жевановъ объяснилъ, что акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги было выпущено 35,960 штукъ; когда обнаружилось, что есть подложныя акціи, правленіе общества обратилось съ ходатайствомъ въ министерство финансовъ и выхлопотало разрѣшеніе о замѣнѣ акцій стараго образца акціями новаго образца и въ настоящее время акціи общества почти всѣ обмѣнены.

Прокуроръ. Акціи, представленныя вамъ, въ продажѣ не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ настоящія?

Жевановъ. Навѣрно не было никакого сомнѣнія потому что я весьма близко стоящій ко

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. «ДЕЛО КОЛОСОВА И ЯРОШЕВИЧА О ПОДДЕЛКЕ АКЦИЙ ТАМБОВСКО-КОЗЛОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ»

«Голос», 1874, № 48, 17 февраля

2-я часть в 4-х рассказах.

1) Рассказ о подростке с Версиловым (квартира, Лиза, мать).

2) О подростке с князем (отношения князя с Ахмаковой и начало кутежа, флигель-адъютант) и проч.

3) О подростке с Ахмаковой.

4) О кутеже и ссоре с отцом.

?? Тут вопрос: насколько же рассказом и насколько действием? С действия ли начать прямо (в течение действия вводя предыдущее в рассказах) или предпочесть рассказы?

Во 2-й части [о] подросток вдруг говорит: Я пишу теперь книгу позора моего.

NB. Может быть, *не очень* выставлять суждения и теории Версилова в этой второй части.

1/2 марта.

*[Он] или подросток устраивает соединение князя с Версиловым, или сами они, князь и Версилов, сходятся до подростка, через ребенка (грудного). Встреча с Анной Андреевной и начало интриг ее у грудного ребенка. При той встрече Анна Андреевна вдруг зовет подростка к себе. У ней Олимпиада. Разговор насчет возможности Олимпиады. Подросток тонирует. Живые сцены. Камер-юнкер Версилов.

(NB. Камер-юнкер Версилов молчаливый и презрительный свидетель *позора* подростка). А до сего подросток жалуется Версилову на брата.

NB. Может быть введена такая сцена. Подросток раз, после того как м. князь поразился Версиловым и вскричал с раскаянием, что он, князь, неуч и недостойный потомок рода,— подросток начал князю проповедовать, и они очень ужасно сдружились. Затем очень скоро пришла сцена счетов и омерзения. Да за княгиню...

А за княгиню потому, что я...— и тут начинается рассказ о романе его с княгиней.

NB. Разговоры с княгиней часто ходят около *документа*, но подросток отклоняет, да и читателю во 2-й части не объясняет. Равно и про Версилова, старающегося // тоже ходить около документа, не объясняет (кроме вдруг слова читателю: «Так как я видел с омерзением, что он искал документа»). Смущает его и то, что Версилов как бы подбивает князя на Ахмакову.

NB. Раз, в кутеже, подростку говорят: послушайте, князь, но наивно и дружественно, и он не поднял.

?Фантазия: учил Лизу и мать философии (и Татьяну Павловну), поссорился из-за философии (абсолют, Спиноза). Лизе закричал: Ты мне не сестра! [и пото] а матери: Проклинаю день своего рождения, и потом признался, что ничего не знает, но хотел их просветить (NB. Может выйти очень грациозно).

И после к читателю: Эту низкую, унижающую меня сцену я вставляю и т. д. Это для меня драгоценно, но если читатель не хочет, то пусть не читает, пусть бросит, и кончено.

NB. *Важное.* Характеризует подростка.

---

* На левом поле: «ТАК».

Во всю 2-ю часть подросток *почему-то* избегает заговаривать и расспрашивать Версилова о сущности (тайнах), т. е. об Ахмаковой, груд⟨ном⟩ ребенке, даже о намерениях насчет матери, а старается сам угадывать или разыскивать окольными путями (н⟨а⟩прим⟨ер⟩, ребенка). — От стыда ли это? Или от какой юношеской глупости... Я полагаю последнее, потому что стыд был лишь глупостию. Можно было перескочить. Говорит же с Версиловым лишь об отвлеченном... Во всем этом и признается читателю с подробным объяснением этой глупости и последствий ее. (Н⟨а⟩прим⟨ер⟩, что Версилову оттого было тяжело и досадно. При этом о смирении Версилова)*.

?№. Стебелькова видит у Анны Андреевны, узнает, что Стебельков в сношениях с молод. князем. Верит, что как ростовщик. Однажды сам идет занимать деньги у Стебелькова. *Арсеньев* **. Стебельков ему сообщает намеками проект продать Дергачева, но видя, что подросток рассвирепел,— ловко перебивает речь (разуверяет подростка невинным видом и тем, что *будто* не понимает гнева подростка) и сообщает ему, что можно бы воспользоваться ст. князем (вроде Andrieux).

Lambert же, встречаясь в последней сцене, после позора, дает сильные намеки на Andrieux, ст. князя, молод. князя и проч. Но ничего не разъясняет, а вселяет лишь ужас в подростка. 2000, взял их и проиграл. // №. Князь только что грубо отказал подростку в деньгах и грубо плюнул в него 100 рублями, (тот принял) как является Ламберт, 2000. Он [проиграл] едет *в игру*, отдает князю 100 рублей, проигрывает 2000 и — ночь, бежать в Америку. «СВОЯ ИДЕЯ». (Или наоборот, Ламберт после позора, в ту ночь, 2000, но подросток отказывается от них и убегает). Панихида, Версилов. (№. Но прежняя программа лучше. Проиграл 2000, а Версилов как-то спасает его)***.

План Анны Андреевны с ст. князем, т. е. сватовство, в 3-й части, а во 2-й лишь таинственные приготовления и одна сцена с Версиловым.

№. *ВАЖНОЕ*. В 3-й части Анна Андреевна делает *весь* свой шаг. Подросток хоть и *уединен* у Версилова (и смерть Макара), но в рабстве отдаленном у Ламберта и невольно участвует сначала в проекте (отрицательно, освобождает князя), а потом Ламберт, узнав от Стебелькова о проекте с Анной Андреевной (который Стебельков хранил про себя), затевает всю катавасию с бегством ст. князя к подростку же, испугав ст. князя (чему способствовал и Версилов доносом**** с Ахмаковой), чем сконфузил и Анну Андреевну,— и требует у подростка помощи. Но флигель-адъютант и княгиня выручают князя, причем сцена флигель-адъютанта с Версиловым и подростком, который, напротив, невинен, а после этого — *предложение* Версилова Ахмаковой и рубка образов. Но рубка образов колеблет подростка. Подросток передается Ламберту, и тут Ламберт ему все объясняет.

Главная характеристика 3-й части, что Версилов окончательно убеждает подростка, что никогда не любил Ахмакову, а лишь желал спасти ее.

---

* На левом поле: «Так. 1—2 март⟨а⟩».
** «*Арсеньев*» — на левом поле.
*** На левом поле: «Здесь».
**** Над строкой.

4-я часть, все развязки, заговор пожара, последняя сцена, м. князь с Лизой и судом, ст. князь умирает и проч. //

2/3 марта.

Я в платье. 1 $^1/_2$ месяца спустя. Пусть только представит читатель. Я был в радости, но никогда более не было позора. Правда так правда.

Добросовестного и с талантом француза забраковал, Шармер, тысячи, какие тысячи? Даже Версилов не говорил мне ничего.

Зачем безмолвен, зачем не говорил — не руководствовал, отвлеченные предметы.

Я жил на квартирке — мелкой — почти не жил.

*Тут сиживал Версилов.

Это было раз вечером. Он вошел. [Я вас]

— **Я вас ждал. Он остановился посреди комнаты.

— Ждал? в правду? Ну, спасибо за это, спасибо.

Разговор обо всем (как у Шатова) о боге... Перешел на хозяина. Хозяин.

Я вышел его провожать. Вышел договорить. Стыдился спрашивать, о том и о другом.

(В той же главе). Но я остановился на том, что было $1^1/_2$ месяца спустя. Я ехал к князю — и т. д. (продолжение впредь).

У князя застал Версилова, о том, как они через ребенка сошлись. (Патетическая сцена. Версилов победил), про дворянство. Подросток говорит с князем, оба в восторге. Тотчас же расчет игры. Ушат воды.

№. Важное: Во 2-й части инквизиторский взгляд подростка: есть ли что у Версилова с Ахмаковой? Сам увлекается. Передает Версилову. Высказывает читателю, что убедился наконец тогда, что ничего не было... и вдруг — выходка Версилова!

Отчет о том, как произошло все это (игра) и что в душе — широкость иль нет и т. д. Намек на Лизу. Ездил к Татьяне Павловне. Два свидания, у ребенка с Анной Версиловой.

Сначала сцена с Ахмаковой, и потом описание, как они сошлись. (Старый князь и т. д., болен).

И одно таинственное с Ахмаковой.

Вечером у матери. [С ней ссора]. Спиноза. Руку целовал. Версилов, папа. Нечаянный выигрыш и т. д. //

№. С Ахмаковой сношения таинственные, но подросток находит *необходимым* сообщать о них Версилову. *И это с самого начала 2-й части.* Версилов это предчувствовал и предугадал. Взаимные их отношения и *взгляды друг на друга* после этого сообщения.

№. Во 2-й части, *вообще*, подросток всех *деспотирует*. (Все ему удается, и удержу нет). Даже *неугомонно острит* в обществе за картами, рассказывает анекдоты, говорит остроты и срезывается (дурного тона) — о Чернышеве и о другом. Даже лжет, и его поймали.*** Деспотирует и Ахмакову, точно она должна ему давать свой отчет. Она его расспрашивает про молодого князя, а он ей про Версилова. Дуется на нее за флигель-адъютанта. Не приходит на свидание. Подслушивает. За ней в маскарад.

Версилов раз не вытерпел и ****читает ему лекцию насчет Чернышева, камня и проч. Очень остро и едко.

---

* На левом поле: «Здесь».

** На левом поле: «Из материала взять».

***. «— о ∞ поймали» — между строк.

**** «раз ∞ и» — над строкой.

— Для чего вы мне раньше этого не говорили? спрашивает подросток. Вы все молчали (не руководили меня). То был период, когда я заигрался и заврался, говорит подросток, и вообще — период позора.

(NB. Но эти мелочи о Чернышеве и проч. Он решительно ставит рядом с самыми серьезными и трагическими происшествиями).

Я еще застал в живых рассказы о казаках двенадцатого года, *Коза*, и проч.

Это все из мелкого чиновничьего быта, но такие рассказы верх непорядочности.

Молодой князь взвел какую-то клевету на Ахмакову. Клевета имела ход. (Флигель-адъютант). Подросток рассорился за это с князем и назвал его клеветником. Подростку грустно, что Версилов как будто поджигает князя клеветать... Это с самого начала 2-й части. Это и есть интрига.//

[Версилов] Подростку хочется похвастаться прелестной дамой (Ахмаковой). Хоть Татьяне Павловне. Лизе.

У Версилова с князем точка соединения: отказ от имения, Лидия, ребенок, у обоих ненависть к Ахмаковой и дворянство.

*Подросток заговорил было с Версиловым о Лизе и увидал, что тот не хочет слушать.

Это второе разочарование и сомнение Версилова в подростке**:

1-е. Его молчаливость.

2-е. Подозревается ненависть к Ахмаковой (но не любовь). Подросток уверен, что он любил Лидию, и слышал про это от князя. «Так горячо говорить о Лидии и не любить ее нельзя», думает подросток.

3-е. То, что Версилов подбивает князя на неистовую выходку против Ахмаковой (втайне Версилов ревнует князя).

4-е. То, что когда подросток признался Версилову в сношениях с Ахмаковой, началось что-то такое необъяснимое, против шерсти.

5-е. То, что Версилов не хочет слышать о Лизе.

6-е. То, что он *несомненно* заговаривает о документе.

Тем не менее подросток стоит за него и ломает копья, как преданнейший раб. И так вплоть до выходки Версилова, до письма к Ахмаковой не развращать.

Ахмакова все выпытывает от подростка (об Анне Версиловой, например). Тот хоть и поддается и сообщает, по слабости, но все приметил и только сердится на свою слабость: *зачем поддается*.

Версилов наговорил князю о дворянстве, но подросток ясно видит в тот же день при свидании с Версиловым наедине, что тот не верит тому, и с полунасмешкой, чтоб подразнить князя, сообщает ему о том.

Стебельков ухаживает за Анной Андреевной, надеется, ждет приданого от ст. князя и учит Анну Андреевну, как его выманить. Но Анна Андреевна держала его при себе для того лишь, чтоб выпытать все об Ахмаковой и об Версилове, казалась хорошей ученицей (со складкой) // и вдруг наклеила нос всем ожиданиям Стебелькова, выбрав себе в женихи ст. кня-

---

* На левом поле запись, вероятно, имеющая отношение к данной фразе: «Это последняя страница первой половины 2-й части».

** Очевидно, описка; должно быть: «подростка в Версилове».

зя. Версилов во все время интимности Стебелькова с Анной Андреевной беспокоится. Это во 2-й части.

№. Ст. князь, задолго еще, испускает иногда похвалы Анне Андреевне.

У князя мечты завести свою рулетку.

Старому князю известно искание Стебелькова у Анны Андреевны. Он очень интересуется, но не допускает, а проектирует в женихи князя Сережу. Разговор ст. князя с подростком о Стебелькове.

О подушке непременно.

?!Важное №. Замечание о том, что м. князь в самом высшем обществе не принят. В клубе охотников — то ли игра! Его забраковали. У князя посетители. Отставной офицер из высшего круга, держит рулетку. Князь ужасно льстит и припадает к лицам из высшего круга. Это терзает подростка.

Ст. князь. Теперь ходят новые люди, все с бородами; а пойди по улице с той мыслию, чтоб заключить по физиономии: читал ли он Пиквикский клуб?

Я еще не слишком... мастит, говорит ст. князь.

Молод. князь восклицает иногда: О, как я необразован!

Татьяна Павловна говорит: Я уверена что ты думаешь, что Он все нарочно для тебя делал — и на дуэль вызвал и от наследства отказался — единственно, чтоб стать достойным Аркадия Макаровича.

Преславная идея! восклицает подросток, но... ей-богу, не верил! Как ни нелепо это, а, ей-богу, может быть, верная! //

Подросток Версилову про князя: Одним словом, в нем столько же достоинств, сколько и недостатков.

Версилов: Но, милый мой, ты ему безмерно льстишь, если столько достоинств [как и недостатков], то это праведник или Аполлон Бельведерский.

Или генерал на железной дороге: подождут, а поезд уехал.

М. князь сначала думал княгиню, но увидал флигель-адъютанта и через Стебелькова Анну Андреевну (надеясь на жалование) (это рассказом от подростка); тем изменяет Лизе.

Смотри февр⟨аль⟩. 13/14 декабря, характеристику князя.

Подросток всегда удивлялся, что Стебельков в хорошем обществе, принят у порядочных людей. А он когда-то пострадал, сидел месяц под арестом, оттого и принят у порядоч⟨ных⟩ людей и сумел извлечь всю пользу.

*Молодой князь — *честен*, но беспорядочно судит и впечатляется. У него с княгиней вроде, как у меня с Е⟨леной⟩ П⟨авловной⟩.

Про молод. князя см. *февр⟨аль⟩* в конце книги!

Разные словечки в начале книги. См. февр⟨аль⟩.

---

* На левом поле: «Здесь».

ЭМС. УЛИЦА

Фотография 1870-х годов

«Фотография, приобретенная Ф. М. Достоевским на память лечения его в Эмсе в 1879 г.» (А. Г. Достоевская)

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

— Я мириться пришел.
— Я вас ждал.
— Ну, и спасибо тебе за это.

Сначала м. князь рассчитывал на Ахмакову (Ел⟨ену⟩ Пав⟨ловну⟩). Потом на Анну Андреевну, чем и вселяет подозрение в подростка, что он извинился за пощечину из выгод, но это не так. Флигель-адъютант возбуждает в князе зависть. Известие же, что тут и подросток, бесит м. князя, мечтающего об Анне Андреевне. А Лиза?

ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ. В 1-й половине 2-й части об игре не так твердо и радикально, к сценам и к сценам с игроками (и в игре) в подробности еще не выходило. Все что про игру входит в свою форму лишь во 2-й половине 2-й части*. //

М. князь. Начал вдруг читать Белинского.

Ламберт рассказывает, как он жил в провинции и имел Викторию (киргиз). //

3/4 марта.

Версилов во 2-й части. (*Слова и словечки*).

Версилов беспокоится об Анне Андреевне. Узнав о ней от подростка, его расспрашивает. Беспокоится об интимности Стебелькова с Анной Андреевной. Ст. князь тоже хвалит ему Анну Андреевну.

---

* На левом поле: «про игру».

Князю говорит о дворянстве. Лишено всего дворянство, даже менее имеет, чем другие сословия. И казалось бы, *непонятно*, почему еще оно сословие? Но вдруг обращаются к нему и вручают ему в опеку дух русского народа, ставят его во главе просвещения. И так знамя за ним остается духовное. Теперь, после крепостного права, это еще яснее обозначилось. Я за отмену крепостничества, которым народ мог корить дворян. Теперь остается одно чистое знамя духа. Дворянству вверено содержать русскую честь, долг. Знамя теперь виднее. Пусть идеал, пусть один из миллионов, но достаточно, чтоб он не умирал. Чтоб дворянству возрождаться, в него широко растворены ворота. Дворянство — интеллигенция. Смеются над идеей лишь радующиеся праву на бесчестье. Купец и подьячий.

Князь замечает, что это идеально и не удержится без материальных корней. Версилов отвечает, что в том-то, может, и особенность русского племени, что идеал может удержаться без материальных корней.

Вы от Рюрика. Покажите на себе. Самосовершенствование. Хотя бы малая среда действия. Ничто малое не скроется. Важ⟨но⟩ знамя и проч. Это, может быть, только широкость нашей русской натуры, насмешничает Версилов. Теперь, впрочем, эта широкость (т. е. пламенная вера и в то же время цинизм) несколько суживается: Крафты застреливаются от идеи о второстепенности России. А мы от таких идей только *хорошели*,— прибавляет Версилов. После Версилова подросток, дружба, счеты.

Вечером Версилов говорит это подростку уже с цинизмом. Тот удивляется и огорчается.

Надо не уважать людей. Я с первого себя и начинаю.

Разговоры о том, что при рассказе Макара ждал краски.

№. Цинизм Версилова был отчасти причиною страсти к игре (возьми он меня в руки, тогда и т. д.). Но нежное отношение Версилова к нему, с другой стороны, его посещение и проч.

Разговор при первом объяснении.

Разговор о Чернышеве.

Версилов непременно заговаривает о документе. Неприятное впечатление на подростка.//

Человек с умом бесспорным, но... все-таки неумный.
Человек остроумный, но не умный.

Версилов. Любить людей надо учиться.
У нас еще никто не ломал себя насильно.
Готовым человеком никто не родится.
У нас именно любят на готовом.
У нас очень многое из самого важного держится именно на этом только свойстве русских людей.
Людей естественно не уважаешь. Любить их очень трудно.

Про современную литературу Версилов говорит, что данные ею типы довольно грубы (Чацкий, Печорин, Обломов) и что много тонкого и несомненно действительного ускользнуло; бесчисленно больше ускользнуло, чем дано литературой. Ибо мы себя все время не понимали и только что капельку выяснили — вдруг оказалось, что еще больше мраку (в последнее двадцатилетие).

МЫШИ.

Столько же достоинств, сколько и недостатков (смотри).

Версилов говорит: В нашем обществе, с одной стороны, отчаяние и гной разложения, а с другой — жажда обновления и восторг. Они и бога отвергают религиозно.
*Другие выражения Версилова смотри *февраль* в конце книги.

Дерись словами**. Дети дерутся именно тогда, когда *** еще не научились выражать свои мысли.

Или непременно расскажут шёпотом, как одно до крайности важное лицо, когда, будто бы, в сенате перед сенаторами на коленях стоял...

Процесс Христа в Англии.

— Я мириться пришел.
— Я вас ждал.
— Ну, и спасибо тебе.

[М. князь]. Во мне все низости падения. Но зато и все ощущения «высокой мысли».

Подросток ⟨у⟩ старого князя, ученый разговор о том, что камни будут летать.
Ст. князь. Ах друг мой, тебе-то что же, ну пусть их летают.

[м. князь начал читать]//

Он подростку: Друг мой, я вообще боюсь формулировать. Видишь: вдруг я не верую ни во что и в то же время твердо и всегда знаю, что «верую в великую мысль». Положение это, конечно, несносное, потому что вся беда именно в вопросе: «в чем же моя великая мысль?» То и смешно и нелепо, что никогда не формулирована: чуть оформулирую, то сейчас же и сам осмею. И так всегда.
Подросток. Мне кажется, тут нечего заботиться: великое чувство является в впечатлении — ну и довольно. Идешь, встречаешь факт и говоришь — «это хорошо!»...
Он. Ну вот это-то и не хорошо.
Подросток. То есть мало, не довольно одного впечатления... Послушайте (тут о другом, о князе, например).

Он. В тебе кипит избыток счастья, и мне жаль охлаждать тебя. Так что я и не дотрогиваюсь.

Он подростку: Друг мой, я часто говорил жене, твоей матери [я вот тебе за] в начале соединения нашего, впрочем и в начале, и в середине, и в конце: «Милая, я тебя мучаю и замучаю, и мне не жалко, пока ты предо мною. Но умри ты, и я ведь знаю, что уморю себя сам**** казнию за то, что замучил тебя.»

---

* На левом поле: «Здесь».
** Сверху вариант: «мыслями».
*** Сверху вариант: «потому что».
**** Над строкой.

Он. Хоть бы я был слабохарактерною ничтожностью и страдал этим сознанием! Но нет, я ведь знаю, что я бесконечно силен, и чем, как ты думаешь? А вот именно этою непосредственною силою живучести и уживчивости, столь свойственною всем умным русским людям нашего прежнего поколения. Меня ничем не разрушишь, ничем не истребишь и ничем не удавишь. Я живуч, как дворовая собака. Я могу чувствовать преудобнейшим образом два противоположные чувства в одно и то же время — и уж, конечно, не по моей воле. Это бесчестно — и именно тем, что намекает на чрезвычайное в иных случаях благоразумие. Но, представь себе, я дожил до 50 лет и до сих пор* даже сам не знаю, хорошо оно или дурно. Конечно, я люблю жизнь, и это прямо выходит из дела. Но любить жизнь такому, как я, подло. В последнее время началось что-то новое, и Крафты не уживаются, // а застреливаются. Но ведь ясно, что** Крафты глупы [ну], а мы умны***, а стало быть, и опять-таки тут нельзя решить [хорошо оно или дурно] ничего. [Но если] И неужели земля только для таких, как мы [умников], и стоит? Всего вернее, что так, но идея эта уже слишком безотрадная, ибо, если Крафты глупы, то зато**** мы, умники, бесчестны до конца ногтей и, что всего гаже, сами рады тому. [Мы сранники, и ничего больше].

Про образование Версилов: Я было порадовался тому, что у нас лет уже 15, как все интеллигентное вследствие потребностей России бросилось специализироваться по всем отраслям, и, божусь тебе, я даже порадовался и в этом смысле даже враг всякой другой учебной реформы и всякому внешнему «поднятию»...: потому что подымать уровень образования в нашем любезном отечестве всегда значит подымать и уровень страдания...— по крайней мере, доселе всегда так было... [а]

— Слушайте, прервал я его, я всегда подозревал, что вы говорите все это только так, со злобы или от страдания, но втайне про себя вы-то и есть, может быть, фанатик какой-нибудь высшей идеи, да только так, скрываетесь или стыдитесь признаться...

— Ты думаешь?

Я тогда его засыпал разными***** вопросами и помню, он всегда отвечал мне с готовностью и прямодушно, но как-то слишком уж ****** коротко и отвлеченно, в конце речи впадая в самые общие афоризмы. Не знаю, просто ли Он болтал со мной, потому что не с кем ему поболтать. Но, казалось, что как будто не то. А между тем [вед] все эти вопросы меня тревожили всю мою жизнь, и, признаюсь откровенно, я еще в Москве отдалял их решение именно до свидания нашего в Петербурге. Я прямо это заявил ему, и он не рассмеялся надо мною, а напротив, помню, пожал мне даже руку. Из всеобщей политики и из социальных идей я почти ничего из него не мог [вымучить] вытянуть, а между // тем эти-то вопросы, ввиду моей «идеи», почти всего более и тревожили меня. О таких, как Дергачев, я вырвал у него раз заметку, что они «ниже всякой критики», но в то же время странно прибавил, что он «оставляет за собою право не придавать своему мнению никакого значения». О том же, как кончится современные государство и мир******* и чем обновится [Европа] мир, он долго отвиливал,

---

* «до сих пор» — над строкой.
** «ясно что» — над строкой.
*** «зато» — над строкой.
**** Над строкой.
***** «слишком уж» — над строкой.
****** «и мир»— над строкой.
******* «[ну] а мы умны» — над строкой.

но, наконец, я-таки вымучил из него однажды несколько слов. «Я думаю, что все это произойдет как-нибудь чрезвычайно просто и ординарно,— проговорил он раз,— просто-запросто все [зап] госуда‹рства›, несмотря на все балансы в бюджетах, на [ве] отсутствие дефицитов и на совершенство контроля, запутаются un beau matin* в своих финансах, т. е. все до единого, и все до единого пожелают не платить, с тем, чтоб всем вместе обновиться во всеобщем и солидарном ** банкрутстве и... зажить новою, обновленною жизнию — т. е. *** новыми займами, бюджетами и новым банкрутством. А меж тем весь консервативный элемент всего мира сему воспротивится, ибо он-то и будет акционером и кредитором и банкрутства допустить не захочет — хотя бы оно и обещало обновить весь мир. Тогда, разумеется, начнется, так сказать, всеобщее окисление, будет насильственное окисление с совершенно полнейшим сознанием собственного прокисания, а за сим все те, которые никогда не имели акций, да и вообще ничего не имели, т. е. нищие, естественно не захотят участвовать в окислении, потому что им терять нечего. Начнется борьба, и после тридцати или 70 поражений нищие уничтожат акционеров, сядут на их место и... может быть, скажут что-нибудь новое, а может, и нет... Вернее же всего, тоже обанкрутятся. Далее****, друг мой, ничего не умею предугадать в судьбах [Европы и мира], которые ожидают лик мира сего. Посмотри, впрочем*****, в Апокалипсисе.

— Да неужели все это так матерьяльно, неужели от одних лишь финансов кончится теперешний мир.

— О, разумеется, нет, я только лишь взял какую-нибудь сотую долю картины, один уголок дела.// Но ведь и этот уголок дела связан со всем остальным, так сказать, неразрывными узами.

— Что же делать?

— Что тебе делать, мой милый? Будь честен, никогда не лги, не пожелай дому ближнего своего; одним словом, прочти десять заповедей, там это все навеки написано. [А если уж очень одолеет скука, то, сверх того, постарайся полюбить кого-нибудь или что-нибудь].

— Э, полноте, все это так старо, и притом все это одни слова.

— Ну если уж очень одолеет скука, то, сверх того, постарайся полюбить кого-нибудь или что-нибудь...

— Эх, конечно, так, но ведь и это не дело! Тут именно дело, дело [не] нужно, что делать?

Верс. Ах друг мой, ничего не делать — лучше; по крайней мере, спокоен совестью, что ни в чем не участвуешь.

— И притом, что я один-то сделаю с вашими десятью заповедями? Это все насмешки.

— А ты их исполни, несмотря на все твои вопросы и сомнения, и будешь человеком великим.

— И никому не известным.

— Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным.

— Да вы смеетесь!

— Ну если уж ты так принимаешь к сердцу, то, всего лучше, постарайся поскорей специализироваться, займись постройками, али адвокатством, али наживанием денег ******... и тогда, занявшись уже [серьезным] настоящим и серьезным делом, естественно [успоко] успокоишься и забудешь [о пустяках и перестанешь] спрашивать об отвлеченных вопросах.

---

* в одно прекрасное утро (*франц.*).
** «и солидарном» — над строкой.
*** «т. е.» — над строкой.
**** Под строкой вариант: «Пока».
***** Над строкой.
****** «али ∞ денег» — над строкой.

Я промолчал. Именно мне казалось тогда, что он иногда смеется, и мне это * грустно было. А между тем, как будто и нет, потому что я ** И все-таки я после каждых подобных разговоров задумывался и волновался. Я видел, что все-таки оставалась в нем какая-то тайна: она-то и привлекала меня к нему. Я все более и более к нему привязывался. И даже несмотря на то, что меня начинали мучить серьезные сомнения на его счет; об них после и особо. Я отложил говорить ему про «мою идею», не время было, я видел это, и к тому же вряд ли я в состоянии был решиться: высказать значило оставить себя ни с чем, даже во всяком случае. // Но главное, было не время. Бог знает какое это было время, восторга и позора — всё вместе.

— После его пощечины, клянусь тебе, что не почувствовал злобы. Помню, я еще сказал тогда про себя: потому, вероятно, не чувствую злобы, что действительно стою пощечины. Но это был только каламбур: пощечина была несправедлива, и я не заслужи[ва]л ее.

М. князь говорит в досаде [про Версилова] подростку: [Он] Вы просто ничем не ознаменовали себя, а потому всем завидуете, вот и все.

Подросток спрашивает: Вы раз говорили про женевские идеи, я не понял.

— Женевские идеи — это добродетель без Христа, теперешние французские идеи или, лучше сказать, идеи всей теперешней цивилизации... Одним словом, это одна из тех длинных историй, которые очень скучно начинать, мой друг [да и сто́ит ли], и лучше мы поговорим о другом.

Верс. Друг мой, ты как юноша мечтаешь [см] об звонкой жизни, желаешь захватить слишком видный жребий, Наполеона Первого, например. Но, знаешь, эти мечты слишком уж первобытно; да и жребий-то сам [хлопотлив] не очень прельстителен: слишком много на тебя смотрят, слишком много надо кривляться и сочинять себя. Вкусы разные; то ли дело просто свобода.

— И тайна.

— Что?

— Тайна. Кроме свободы, я люблю еще тайну.

— Гм. Ты, может быть, сказал очень глубокую вещь... Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Да у тебя действительно есть какая-то «идея», а?

— Есть, но об ней потом.

— Потом, именно потом, подхватил он с видимою *** [с] радостию, и, знаешь, прощай, мне теперь решительно некогда.

Подрост⟨ок⟩ спрашивает: Чем же вы жить будете, когда отдали наследство?

Даже и это не спросил. //

Верс. Я один из старых людей, а новых не вижу; а что вижу, то не серьезно.

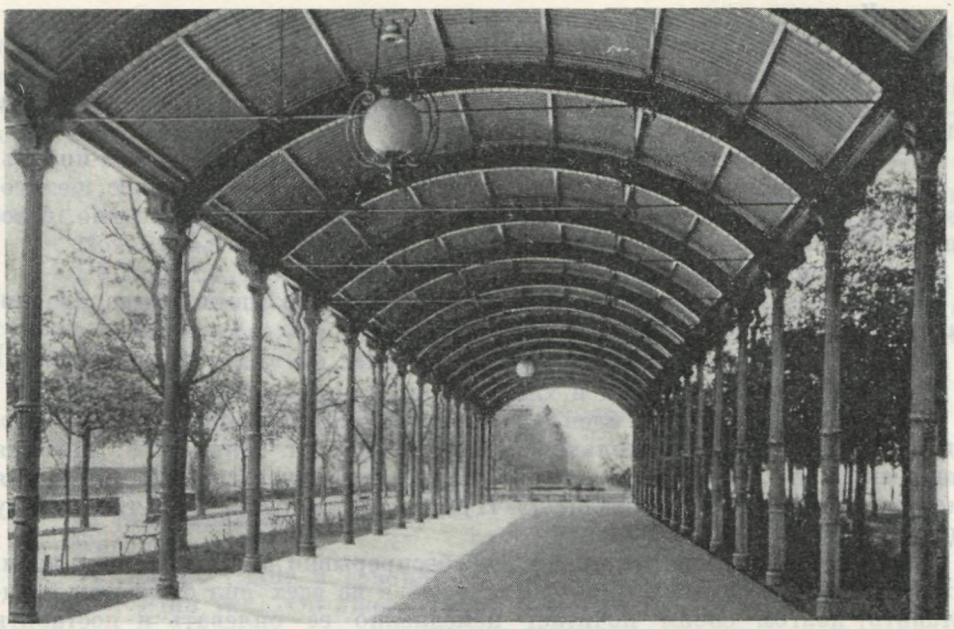
О Дергачеве. Все это плоды банкрутства старого поколения. Мы ничего не передали новому в назидание, ни одной твердой мысли. А сами всю жизнь болели жаждою великих идей. Ну что бы я, наприм⟨ер⟩, передал.

---

* Над строкой.

** «А ∞ я — между строк. Фраза не кончена.

*** «подхватил — видимою» — над строкой.



ЭМС. ГАЛЕРЕЯ

Фотография 1870-х годов

«Фотография, приобретенная Ф. М. Достоевским на память лечения его в Эмсе в 1879 г.». (А. Г. Достоевская)

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Мне и тебе передать нечего. Я сам нищий. Всю жизнь верил, что богат и не увижу горести, и вот под старость — с [сумой, сумой] сумой.

Дураков много, а умных мало. Умные всегда* уходят, а дураки всегда* остаются.

Версилов. Он не то что безнравствен, а он вообще подлец, да это, впрочем, и хорошо.

— Почему же хорошо?

— Идет к нему больше. ...[Не нарушает] Для гармонии.

Ах, друг мой, дворянства у нас нет, а может быть, и никогда не бывало.

Да, он ведет себя чрезвычайно осанисто.

В нашем обществе совсем не ясно.

— Я знаю только, что я вдруг оглянулся, и ничего не нашел.

— Уже сорока лет оглянулись?

— Le temps n'y fait rien**. А, впрочем, 40 лет.

И к тому же неутолимый аппетит к жизни, ко всему в жизни.

— И говорит молчаливо.

— Как это — молчаливо говорит?

---

* Над строкой.

** Время ничего не меняет (*франц.*).

— Да ведь есть такие, что и говорят все равно, что молчат.

— Это выражение удачное.

— Да, так говорить, как мы говорили, все равно, что молчать.

— С той минуты, как я постиг, что из меня серьезного человека не выйдет, я решил... и т. д.

— Все эти нервности... Мы лучше помолчим с тобой об чем-нибудь.

— Друг мой, [вс]помни, что молчать несравненно выгоднее, чем говорить. И это во всех случаях, без исключений. Молчать хорошо, безопасно и красиво — чего же более.

— Красиво?

— Конечно. Молчание всегда красиво, и молчаливый всегда красив; а пуще всего — выгодно. ||

— Ну*, обратить камни в хлебы — [это] вот великая идея.

— Нет, друг мой, это идея с «крючком». Великая она — бесспор⟨но⟩, но второстепенная и только в данный момент великая**. Наестся человек и не вспомнит, [то что] напротив, тотчас скажет: «Ну вот я наелся, а теперь, что же делать?» Ну и опять разрешай задачу: что ему делать?

Человечество всегда так делает. Оно беспрерывно жаждет великой идеи. Но чуть она зародилась, [смеется над ней и из всех сил старается представить] долгом своим почитает немедленно ее оплевать и поставить ниже себя.

Под. Что вы называете вообще великой идеей?

Верс. Не знаю что, друг мой. Знаю только, что это всегда было то, из чего истекает живая жизнь, т. е. [непосредств] жизнь не умственная [а непосредственная] [не сделанная] и не сочиненная [другими словами] и [не], но пре⟨красная⟩, веселая, а не скучная; так что великая идея [великая то есть], из которой это все [это] истекает — великая мысль во всяком обществе*** решительно необходима, ко всеобщей досаде, разумеется.

— Почему к досаде?

— Потому что жить с идеями скучно, а без идей [ну] [всегда] веселее [и несравненно комфортнее]

Князь съел пилюлю****.

— А что такое живая жизнь, по-вашему (он озлился, видимо).

Верс. Тоже [Верс. Живая жизнь] не знаю, мой [друг] милый князь*****, знаю только, что это должно быть нечто ужасно простое и даже ****** самое обыденное и в глаза бросающееся ежедневно и ежеминутно и ******* до того простое, что мы никак не хотим поверить, чтоб все это было так [немудрено] просто, и естественно проходим мимо, вот уж многие тысячи лет, [даже] не замечая [не то что] и не узнавая.

Он имел удивительные идеи про нигилизм, наприм⟨ер⟩ [говорит подросток]. Раз, помню, я сказал ему:

— Следствие нигилизма будет идеализм.

---

* Над строкой.

** Справа у самого края более распространенно: «Нет, друг мой, это идея с крючком. Великая она бесспор⟨но⟩». Сверху над строкой: «Ну еще бы, это все отвлеченно».

*** «великая ∞ обществе» — над строкой.

**** «Князь ∞ пилюлю» — другим пером.

***** «милый [друг] князь» — на левом поле.

****** «и ∞ даже» — над строкой.

******* Над строкой.

Верс. Напротив, мой друг, напротив, следствием нашего нигилизма будет самый спасительный и отрезвляющий позитивизм, потому что сам-то нигилизм есть * не что иное, как идеализм, но только в самой высшей и до сих пор еще не слыханной степени. Нигилизм есть последняя степень идеализма. //

— Я, друг мой, потому не делаю окончательных выводов, что судить никого не хочу.

— Почему не хотите.

— Не знаю почему, но мне претит. Одна умная женщина мне сказала, что я не имею права судить, потому что страдать не умею, и чтоб стать судьей, «надо выстрадать себе право на суд». Немного высокопарно, но [от то] в применении ко мне, может, и правда.

— Ужасно как вы всегда отвлеченно говорите.

— А ты не приставай.

Верс. А честного человека и из ста тысяч одного не найдется.

— Я знаю одного.

— Кого же это?

— Он теперь сидит и говорит со мной.

Версилов (на ухо). Он лжет. (Встал и ушел).

Одноидейность. Люди об одной идее.

— Наши нигилисты? Да разве это чистый тип, что-нибудь выравнявшееся и установившееся? Ничуть! Я их предчувствовал еще раньше их появления, и, признаюсь, они обманули мои ожидания. Настоящий нигилист не может, не должен, не смеет ни с чем из существующего примириться. На сделки он не смеет идти ни под каким видом, да и знать должен, что никакая сделка решительно невозможна. Ну а наши: какие они отрицатели? У них даже отрицание религии возведено в религию. Весь их нигилизм есть только страстная вера; [нечто средневековое]. Это вечно молящиеся, это монахи и схимники. Это нечто средневековое и с таким же слепым и страстным авторитетом. Разумеется, я только про нигилистов говорю, а не про подлецов, [или] промышляющих этой идеей. В сем полку страшно много промышленников, впрочем, дураков еще больше, хотя сии последние не считаются, ибо ничего не значат **.

— ***Наш атеист, если только он настоящий атеист и чуть-чуть с умом, всегда наклонен приласкать бога, ибо непременно тоже **** добр, а добр он *** потому, что безмерно доволен тем, что он атеист. Для нашего атеиста атеизм есть источник чести и наслаждения, а отнюдь не страдания. Люди они прекрасные, почтенные и в высшей степени благонадежные, так сказать, опора отечества.//

— Опора отечества? Ну, полноте, вы [уже] зарапортовались.

— Что ты, помилуй? Да наш либерал в высочайшей степени консервативен — и всегда так было, и это давно уже знают там, где этим... особенно **** интересуются.

— Мы пережили татарское нашествие, потом двухвековое [нашествие] рабство, единственно потому, что [это] и то и другое нам по вкусу

---

* Над строкой.

** На левом поле: «Надобно верить ⟨в⟩ бога. Э, чёрт. А если не верю в бога. Превосходн⟨ый⟩ знак той мысли. Как превосход⟨ный⟩».

*** На левом поле: «Атеист тот».

**** Над строкой.

пришлось. Теперь надо свободу перенести. Но сумеем ли, по вкусу ли нам свобода-то?

— Да что же философия, по-вашему.

— Философия, друг мой, это нечто о законах бытия вещей, причем бытие должно быть непременно и [Эх, это известно] во всяком случае выше ума человеческого *, единственно для того, чтобы всю жизнь человек искал определить его и не мог. [Это так сказать высшая игра в жмурки]. Мало того, надо непременно, чтоб человек никогда ничего не сыскал в бытии: это приличнее и в том задача. Это, так сказать, высшая игра в жмурки — ну вот и все.

— Что вы думаете о прогрессе?

— Во всем этом прогрессивном движении нашем за последние 15—20 лет мы прежде всего доказали, что страшно необразованы.

— Кабы не было несчастий, и жить бы не стоило.

— А знаете, вы страшный иногда ретроград, говорит подросток.

— Друг мой, наплевать.

— Почему же вы не приходили вчера?

— Да я боялся, что ты меня забранишь.

№. Подросток говорит ему о своей девственности. (Тот ему об опасности б〈....〉 Воздержись. Это раздосадовало подростка).

№. Подросток помнит, что Он при первом свидании с ним почти заплакал.

Верс. Но, друг мой, эта тупость и привлекательна иногда в женщине. «И дура хорошо», говорит Яичница. Это положим не то, но и порочнейшее существо нравится иногда сильнее ангела. А если она тупа и несправедлива, то тем более, если уже поразила чувство.

— Вы развращены до конца ногтей, вот что.

— Может быть; как и все русские, впрочем. //

Версилов подростку: Друг мой, я и не прельщаю тебя какою-нибудь буржуазною добродетелью взамен твоих идеалов, не твержу тебе, что счастье выше богатырства. Напротив, мой милый, богатырство выше всякого счастья, и одна уже способность к нему составляет счастье. Я именно и уважаю тебя за это и за то, что у тебя есть какая-то там «своя идея». (Не беспокойся, я очень запомнил). Но все-таки нельзя же не подумать и о мере, потому что тебе теперь именно хочется что-нибудь зажечь, что-нибудь раздробить, стать выше всей России, пронестись громовою тучей и оставить всех в страхе и в восхищении, а самому скрыться в пустыню или в Американские штаты. Ведь, наверно, что-нибудь подобное есть в душе твоей, а потому я и считаю нужным предостеречь, потому что искренно полюбил тебя, мой милый.

— А вашим детям говорили?

— Нет, я их спрашиваться не намерен.

— А пуще всего не влюбляйся слишком в самого себя.

№.— Но если она вас ненавидит?

— Нет, обожает, а это я ее не люблю.

---

* В начале страницы: «[Бытие должно]».

Fürst Blücher № 17.

No. 1904 Fol. 2331

Kurtax-Karte.

Monsieur Th. Dostoewsky

St. Pétersbourg

zahlte Kurtaxe für 1 Personen mit 4 Thalern.

Hierzu Beikarten No. —

Ems, den 27 Juni 1874.

Aug. Vogelsberger.

КУРОРТНАЯ КАРТА ДОСТОЕВСКОГО
Эмс, 1874 г.
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

— Но она не сознается.
— Дай срок, может быть настолько станет умна, чтоб сознаться.

NB. Она стыдлива.
— Если стыдлива, то какая же она Мессалина?
— Ты не поймешь этого.

Подр. Как же вы, *будучи христианином*, хвалите меня за ненависть и поддерживаете меня в ненависти?

Верс. Друг мой, я хвалю только то, что ты возмог в наше кисельное время ощутить глубокое чувство, воспитать его в себе и не оставлять его. Поддерживать тебя в ненависти, говоришь ты? Но ты сам не знаешь еще, может быть, что в твоей ненависти кроется еще больше любви (так как, наоборот, иная любовь есть только скрытая ненависть); ты еще в одном фазисе развития; подожди, вступишь в другой и увидишь // яснее. Я не хочу тебя останавливать ни в чем, по принципу* «живи и работай сам». Во всяком случае, я тебе не нянька: живи, как умеешь лучше, и делай, как сам знаешь лучше.

Подросток про княгиню: Эта женщина меня беспокоила. Если она стала поперек моей дороги, то должна идти за мной; мою дорогу не прерывают безнаказанно.

Версилов. Любить людей так, как они есть,— невозможно. И, однако же, должно. И потому делай им добро, скрепя свои чувства, зажимая нос

* Сверху вариант: «держась принципа».

и закрывая глаза (последнее почти необходимо). Переноси от них зло, не сердясь на них, по возможности, помня *, что ведь и ты человек. Разумеется, ты поставлен быть с ним⟨и⟩ строгим. Люди низки, они любят любить [и обожать] из страху; будут обожать и тебя: не поддайся на обожание, не покажись мелочным и продолжай презирать. Презирай их даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тут-то они и скверны. Без сомнения, Христос не мог их любить: он их терпел, он их прощал, но, конечно, [и] презирал. Я, по крайней мере, не могу понять его лица иначе. Любовь к человечеству надо подозревать [в идеале] к усовершенствованному, к тому, которое [еще] в идеале, то есть в твоей душе, и, может быть **, никогда не будет в действительности,— хотя, впрочем, это ничему не должно мешать.

— Никогда [?] не будет.

— Друг мой, я согласен, что это *** глуповато, но это не моя вина; со мной не справлялись при мироздании, и потому я оставляю за собой право иметь особое мнение.

— Как же вас называют после того христианином, монахом с веригами, проповедником? — Не понимаю.

— А кто меня так называл?

Я рассказал ему, он выслушал очень внимательно. Но разговор наш прекратился.

— Знаете что — вы-то **** и фанатик.

О презрении к людям он говорил странно, и даже глаза его сверкали, но в то же время я и не верил ему, не мог же он со мной говорить об таких вещах так серьезно.

За что ты меня так любишь, говорит Он вдруг подростку.

Здесь. Если хочешь, то брось свои занятия у ст. князя.

Версилов в конце 4-й части после рассказов подростка об Ахмаковой: Дай мне тебя поцеловать-то хоть раз,— ведь я ни разу еще не поцеловал тебя.//

— Адвокат — нанятая совесть.

— Всему есть предел, даже и всероссийской глупости, которая тем не менее все-таки беспредельна.

Он. У нас повсеместно *ленивый атеизм.*

Он. Значит: Chacun chez soi и chacun pour soi *****; а [то] что из этого выйдет, то и будет.

Подросток. Я бросился и стал целовать то место, где она сидела. Я бы на исповеди не признался в этом.

Подросток. Беспорядок охватывал меня все больше и больше.

Подрост. Я почувствовал, что у Него тоже «своя идея».

Он. Я отрицатель всего и в отчаянии, что не за что ухватиться, а между тем ко всему прикреплен. Всякий неглупый нигилист должен так ду-

---

* Сверху вариант: «⟨пам⟩ятуя».
** Сверху вариант: «вероятно», снизу: «наверно».
*** Сверху: «как будто бы».
**** Сверху: «И однако же».
***** Каждый у себя и каждый для себя (*франц.*).

мать и ощущать, что он ко всему прикреплен. А если легко убивают себя, то [решительно] действительно потому, что это всего легче и, главное*, не требует много ума.

Он. Друг мой, я не люблю излагать что-нибудь очень длинно; я люблю верить про себя и молчать, я в тебя. И вот еще странность: Случись, что я начну излагать мою идею, в которую верую, и, клянусь, почти всегда выходило, что в конце изложения я переставал сам верить в излагаемое, хотя бы верил до того три года. И если продолжал потом поддерживать, то, так сказать, из обязанности. Ну вот потому-то я больше люблю ощущать, чем формулировать **.

Подр. Господи, сколько вы мне вещей говорите, о которых нельзя не задуматься и которые я уже все прежде подозревал.

Ни полкапли правды.

— Это какое же дворянство? Это уж не дворянство, а какая-то масонская ложа, которую вы давеча этому олуху проповедовали.

— То есть [целое] все масонство, вся идея***, а не одна только **** ложа, т. е. вся мысль *****, и не олуху, а способному чувствовать честь человеку.

— Виноват, не олуху, потому что я не лучше его; но ведь, в таком случае, [это только] дворянства у нас совсем нет и вряд ли когда и было, если приходится его так вновь формулировать? Да и может ли оно существовать в таком виде. Разве с постоянными бесчисленными исключениями? //

— [До Петра оно было, и именно в том смысле, в каком я сегодня его проповедовал.

— Разве с бесчисленными исключениями. Фу, какие невозможности вы говорите].

— Что такое исключения? Исключения проходят и перестают и ничего не значат, был бы стержень, был бы хоть крошечный огонек в самой глубочайшей тьме. Самый крошечный огонек может породить [хо] всемирный пожар. Точно так и [тут] мысль — одна огненная точка в глубочайшей тьме, только бы она не была потушена ******. Впрочем, ты меня утомляешь... Оставим все это, пожалуйста, и, знаешь, раз навсегда.

[На западе короли и цари их были всегда только предводителями торжествующих партий, сначала рыцарей против народа, а потом городов против рыцарей и т. д. У нас царь был нечто совсем другое].

«И свет во тьме светит и тьма не объяла его». Так и всегда бывало со всеми великими мыслями. Но, друг мой, ты меня утомляешь... и т. д. (NB. И тут же: *О том, что излагаю и перестаю верить*). Т. е.: А ты из сострадания должен бы меня, старика, пощадить...

И вот так-то он всегда отделывался, так что трудно было представить, серьезно он говорил давеча князю или из политики. Я наклонен был решить, что из какой-то политики.

— Тот весь восторг, весьма воображение и увлечение и только что не говорит: «Да ты дай соврать и посмотри, как хорошо выйдет, какое я тебе

---

* Над строкой.
** «Ну ∞ формулировать» — написано позднее.
*** «вся идея» — над строкой.
**** «одна только» — над строкой.
***** «т. е. вся мысль» — над строкой.
****** «только ∞ потушена» — над строкой.

доставлю наслаждение». А тот весь проза, весь хандра и неприличие: «Нет, не дам соврать!» Помилуй, мой друг, он заговорил об камне, да этот камень и теперь стоит, в Малой Миллионной кажется, и вовсе не зарыт в яму. Но я не поднял, я смолчал, из приличия, из джентльменства, из стыда, [и из-за того, что ж бы я был] из эстетики, так сказать, не то, какой уж бы я был джентльмен после этого?

— Ах боже мой, именно, ведь он и теперь стоит.

— Ну да, стоит, потому что действительно анекдот прелестный: «дошло до государя».

Да ведь у него душа пела в ту минуту, когда он представлял [идеал] своего героя государю.

Дай всегда немного соврать человеку, это невинно. Даже много дай соврать. Во-первых, это покажет лишь твою деликатность, а во-вторых, за это тебе тоже дадут соврать — две огромные выгоды разом. Que diable *, надобно любить своего ближнего.

Точно так же повторяешь остроты князя Меньшикова и про voilà M-r, qui se léva** (Киселев, т. е.). Но это уже несколько тоном повыше. Я еще застал все это, но это и до сих пор существует.

Или что англичане давали миллион Завьялову, чтоб он не клал своего клейма. //

— Друг мой, личность всегда будет, а социалисты это пропустили.

— Только ты бойся сам рассказывать эти анекдоты, это верх непорядочности, и ты утопишь себя с второго шагу в луже.

В этой же 2-й части у князя с Стебельковым сношения, непременно нечто *намекающее* на дальнейшее, нечто такое, что князя мучит и делает злым; вот в эту минуту и подвертывается подросток. Одним словом, чтоб читатель предчувствовал дальнейшее (т. е. тамбовские акции). Подросток во 2-й половине 2-й части тоже идет к нему занимать деньги и — NB: тоже не объявляя заране читателю о сношениях своих с Стебельковым.

Версилов говорит про коммунизм: с Москвы же и начнется, дров не будет топить, общие квартиры и отучатся от семейной жизни. Стало быть, и другие нравы пойдут — и проч. в насмешливо-карикатурном виде.

Подросток идет в адскую ночь и думает о Lacenaire.

Пропустить в разговорах с Версиловым несколько [вещей] слов подростка, намекающих в душе его на идеалы Lacenair'а и проч.

Унгерн-Штернберг, *может быть*, в 3-й части.

У подростка во второй половине 2-й части вдруг открываются глаза на Лизу: он вступается, и князь его огорашивает.

Ряд сильных острот на выигрыше у рулетки.

У Анны Андреевны. О Ел⟨ене⟩ П⟨авлов⟩не***.

Князь идеалист. Версиловым еще увлекается, но из-под влияния Его вышел. Это человек односложный: или полная правда, или ты подлец. Угрюм, саркастичен и пламенный искатель правды и прекрасного. Я сам

---

* Чёрт возьми (*франц.*).

** вот господин, который поднялся (*франц.*)

*** «У Анны Андреевны. ∽ П⟨авлов⟩не» — на левом поле.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА ИВАНОВА, УПОМИНАЕМАЯ В ЗАПИСЯХ ДОСТОЕВСКОГО К «ПОДРОСТКУ

Фотография 1860-х годов, Частное собрание, Москва

свой судья. Подросток ему не нравится тем, что берет с него деньги (продает Лизу). Версилов — зачем Он сам не такой, как то, что Он проповедует. Идея Версилова о дворянстве не поражает его как невозможность: он верит ей как всему обыденному; но «зачем Он сам не таков?» говорит он подростку. Подросток именно эту идею прописывает еще в 1-й половине 2-й части. Подросток задается мыслию: чем же Версилов не таков, и *передает это* Версилову (в исповеди). Князь не говорит: *чем не таков*? Но во второй половине 2-й части говорит подростку: «Он меня подбивал на Ахмакову, и я видел, что это ему нужно было». Про Ахмакову он говорит: «Мне ее теперь и даром не надо [но] после того, что я узнал, как⟨ая⟩ она фальшивая, но зачем она обманула меня?» *Обман в том, как Ел⟨ена⟩ Пав⟨лов⟩на.* То, что он затянулся в акции, мучает и раздражает его, но он даже и не подозревает, что Стебельков, которого он ненавидит, осмелится притянуть его как сообщника. Но Стебельков объявляет ему это во второй половине 2-й части. Князь выгоняет его, но сам входит в исступление и желал бы даже застрелиться. С Лизой он в связи, но жениться ему даже немыслимо (князь, дескать). Но Лиза во 2-й половине 2-й части объявляет ему, что беременна. [Потом] А он объявляет об этом // подростку, и сцена с Лизой происходит во 2-й половине 2-й части при нем и при подростке. Потом объявляет подростку: «Ты продавал мне сестру, ты брал с меня деньги», и гонит его. «Я сам себе судья и более никто». Подросток горько и обидно укоряет Лизу. Главное его поражает то, что для Лизы *даже немыслимо* стать женой князя. Тут-то он бежит к Стебелькову, чтоб достать денег. Тот не дает взаймы, но дарит ему 300, намекая эксплуатировать ст. князя. Подросток доведен до того, что как

будто и соглашается (это идея об Анне Андреевне) [тут же ск.] (выдать за молодого князя). Стебельков именно предлагает князю Анну Андреевну с барышом за комиссию и с приданым от князя. Стебельков ласков, во 2-й части, с подростком, но когда тот приходит за деньгами, дает сначала 100, потом 300, а потом даже 1000, но подросток кричит: *безо всяких условий*! Чтоб угомонить свою совесть, хотя в сущности соглашается. (Но князь отвергает Анну Андреевну?) Когда же Анна Андреевна делает свой tour de force*, Стебельков начинает грозить. Тогда князь сам доносит обо всем: «Казни, казни себе требую!» Но его оправдывают. Он бы застрелился, но Лизу жалко. Та его спасает. Женится. Стану пахать. И т. д.

Князь говорит с подростком о пороках благородных и неблагородных.

Князь Лизе: Если ты утопишься, я застрелюсь.

И потом, когда его осудили: Как же ты [вы] за подлого каторжного выйдешь?

— Но ведь ты оправдан?

— Все равно, я каторжный. Выйти тебе за меня нельзя.

Но его спасает Лиза. Флигель-адъютант, старый князь и все берут в нем участие. Он говорит, не надо денег, несколько десятин, буду пахать и, после принятого решения, вдруг застрелился.

— В свете беспорядок, говорит князь поминутно.

— Когда он застрелился, мать говорит Лизе: *Носи*!

— Версилов, словечки **.

— Идеал так же реален, как и все реальное,— говорит Версилов.

— Самая [настеган] настеганная толпа, и та... и т. д.//

5 марта.

1-я половина 2-й части ***.

Ряд точек.

Общие сведения о платье, о князе, о Версилове, о квартире и о примирении. Счеты. Дворянство. [Ахмакова]. Разговоры. Недоумение и Лиза. [Карт]. Ахмакова. Вечером у матери. Спиноза. С Версиловым, рассказал про Ахмакову. Выпихнули из саней. Картеж. Общие сведения рассказом. Остальное сценами.

Первая половина 2-й части****.

*****15 ноября. Сначала расскажу вкратце, как это все произошло. Потом сцены 15 ноября. О дворянстве и проч. (и при сценах пояснения). Перед началом свидания, когда Он ждал, и эту историю 〈?〉 (т. е. как началось с Ахмаковой) рассказом, потом до конца, до выигрыша. Об Ахмаковой ни слова до самого свидания ******. Разговор о флигель-адъютанте (в эту сцену). Первая сходка с Ахмаковой у ст. князя. Предварительно перед сценой целую главу. 1-я глава о том, как все это произошло. 2-я глава — дворянство. Князь. Посетители. Лиза. Расчет, недоумение. Клевета об Ахмаковой. Версилов при нем не говорит с князем об Ахмаковой. 3-я глава о том, как все произошло с Ахмаковой, и сцена с ней

---

* ловкий поворот (*франц.*).

** «Версилов, словечки»— на левом поле.

*** «1-я ∞ части» — на левом поле.

**** «Первая ∞ части» — на левом поле.

***** Ниже, против слов: «1-я глава ∞ 2-я глава — дворянство», на левом поле: «Клевета на Ахмакову».

****** «Об Ахмаковой ∞ свидании» — на левом поле.

(о флигель-адъютанте), целовать. 4-я. Вечером у матери. Спиноза. С Версиловым, признание об Ахмаковой. [Выпихнули из]. 5-я. Картеж. Как произошло и что *вышло*. Дали золото, ссора с князем. Об идее, мечты, засыпая.

NB. После первых двух разговоров Ахмакова его забыла. Он сам вертелся, доставляя сведения и проч.

О том, почему я вспылил за Ахмакову, и тут история. Как он сошелся с Ахмаковой, с Анной Андреевной * (я буду завтра у Татьяны Павловны). Но с тем, что ни слова читателю о свидании, и о свидании читатель вдруг узнает в конце этой 3-й главы ⟨без⟩ предварительных сведений. 4-я глава, свидание и мать (Спиноза), с Версиловым признание об Ахмаковой и проч. И 5-я глава. Я опоздал: и прямо к кутежу, сценами, не *предуведомляя* читателя, и только после выигрыша несколько слов о том, как он затянулся. Тут: дома, ссора с князем, отдал деньги, восторг, мечты и тяжелая идея, что затянулся. Анны Андреев⟨ны⟩ квартиры не забыть.

Итак: о платье и о 1000-х, но *без объяснений*, потом после ссоры с князем за клевету на Ахмакову — история, как сошлись с Ахмаковой, но *без известия* о свидании, потом обед у матери, а до того *ни слова* о сношениях с семьей, и, наконец, опоздал на картеж и картеж без *объяснений*.

В 1-й части во 2-й главе о князе подробно, и после Версилова у них сцена трогательная, они объясняются и мирятся. Потом намек на Ахмакову. Князь задумывается (об Ахмаковой).

И уже после выигрыша между ним и князем настоящая ссора за Ахмакову. Уходит ночевать домой, вспоминает о двусмысленностях на игре (словечки обидные и лиц), об Ахмаковой и князе, о «своей идее»,— о документе. Пьян, голова кружится.

О том, что с Версиловым почти не говорил об Ахмаковой.

К 15 ноябрю все подозрения мои усилились.

В рассказе, как сошелся с Ахмаковой, он сообщает подробности, что он ей говорил про Версилова, и в 4-й главе сведения тоже про Версилова, сообщение и именно о текущем положении дела (об документе, ссора из-за документа и флигель-адъютанта и князя). (NB. Так, чтоб не очень явно Ахмакова выспрашивала).

У матери. С Версиловым и потом игра. В игре про предательство князя *на примере*. Поссорился за Ахмакову.

Интрига 2-й части, *стало быть*: кроме описания, как подросток втянулся в картеж и то, как он влюбился в Ахмакову.

NB. Выдвинуть [как-нибудь сцену, что мать Оли пришла к нему: не к кому мне, и вдруг заплакала и припала к нему.

Лизу встретил где-нибудь на улице (Столбеева уехала).
Зачем ты у него берешь деньги.
Дома забрела ** к нему мать Оли, заплакала.

Пошел на рулетку.

Все [рассказом] сценами 15 ноября.
Только вначале полглавы Версилов. //

---

* «с Анной Андреевной» — на левом поле.
** Исправлено из: «забежала».

Сцена с Ахмаковой *без предварительных объяснений*. В квартире Татьяны Павловны.

Она — я жду ее. Я весь месяц. Я ношу вам сведения. За что вы меня принимаете, за petit espion? [Вы знаете, что письма нет]. Что я для вас? Милый мальчик — о флигель-адъютанте. Очаровала. Целовал пол.

№. Одной сценой, без предварительного объяснения. Вышел пьяный. //

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА. Последняя верная компоновка. 7/8 марта, сценами.

15 ноября. Квартира. Версилов. Рассказом. Свел с князем. Точка соединения [с] ребенок и Лидия,— и проч. * [Этот рассказ потом. Я знал его в *эту пору* лишь по рассказу князя. Я уверен был только, что это-то и тяготило сердце Версилова и служило пунктом соединения его с Ахмаковой.] Как же это все случилось? История моего позора. Сценами у князя. Версилов, дворянство.— Ушел Версилов. Я невежда, я ничего не знаю. Наша тирада и объяснение. Теплое. 500 руб. Лучше не брать, полноте. Стебельков и после него барон Дитрин. Князь боится Стебелькова **. Разговоры о банке, завести бы рулетку. Известие о флигель-адъютанте. Князь об Ахмаковой резкое слово. Уехал. Стебельков ушел тоже. Разговор об Ахмаковой. Подросток вцепился, язвительное слово Его подростку. Деньги хочет отдавать. Берите. (Ушли, поцеловавшись).

[Лиза встретилась] У Анны Андреевны Лиза: Зачем ты берешь у него деньги.

— На, отдай их ему. Лизочка! Я тебя обидел. (И тут несколько слов от себя: да! Я пренебрегал). Может быть, многое мне простится: я был не в себе: Ахмакова!

Для чего я завтра буду у Татьяны Павловны, почему не у себя ***.

Сцена свидания с Ахмаковой. Полное объяснение. (Все искусство). Подросток и хочет признаться, и не смеет. О князе, о Лидии. Уверенность, что сердце Версилова тяготит одна Лидия. Флигель-адъютант. (Татьяна Павловна входит). Она уходит. Целует следы. Татьяна Павловна.

Домой в восторге. (Обедать у матери). Там Татьяна Павловна. Спиноза. С Версиловым, рассказал ему о флигель-адъютанте. Признался об Ахмаковой. Версилов несколько слов об Ахмаковой (но вовсе не таких, которые бы предвещали выходку). Дома. Пришла мать Оли. Она у Ахмаковой [за] поплакала ****. Кутеж, рулетка, выиграл. У князя рассчитался. Разбранились. Дома — сердце бьется. Пьян. К Анне Андреевне поручение. Зачем вы играете?

Заехал к Анне Андреевне, чтоб узнать о князе, так как сегодня не был. Целая сцена, №. попридумать.

И потом домой. Мать Оли.

Почему ты любишь меня. Прижал к сердцу

«Нет, не зайду к тебе». И это в такую минуту.

Никогда не забуду этого. //

Последняя страница.

№. Я завтра буду у Татьяны Павловны.

— В котором часу?

— В три.

---

* «и проч.»— над строкой.

** «Князь ∽ Стебелькова» — на левом поле.

*** «Для чего ∽ у себя» — на левом поле.

**** Исправлено из: «заплакала».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
АКСЕЛЯ ЛЕСКОШЕКА

Из собрания сочинений Достоевского, изданного в Рио де Жанейро, 1960

Он все время разговора ждал, что она заговорит про письмо. (Не заговорила!) Почему не у себя, а тут?

— Для обаяния (говорит ему Версилов).

Вечером, когда он признался Версилову, тот начал расспрашивать: как вышло? Рассказом. «Нет, я не скажу про нее дурного». И тут в рассказе подробно, как сошелся с Ахмаковой. Вполне веря, что Версилов не любит ее *. Потом про себя: что я делал! Что я наделал! (то есть рассказав Ему).

А к Анне Андреевне отправился до Ахмаковой, в $^1/_2$ второго, и у ней встретил Лизу. (NB. У Анны Андреевны про возможность сватовства князя. Его характеристика). [Еще слово] У Анны Андреевны он развязен, но грустен. «С тех пор, как я узнал вас» и т. д. NB. Об Анне Андреевне подробнее **. Почему тут Лиза? Но еще свидание. И тут сцена с Ахмаковой. Вечером, когда признается Версилову, то говорит *наскоро*, а выходит подробно.

Главное. NB. Лиза у Анны Андреевны для того, чтобы знать (шпионить) все о Версилове, т. е., *главное*, способен ли Он сделать предложение Ахмаковой? Анна Андреевна подтверждает подростку про флигель-адъютанта. Подросток прямо ей говорит, что Версилов не думает любить Ахмакову.

— А она? спрашивает подросток.

— Она? отвечает Ан. Андреевна, я не знаю.

— Неужели тут может быть сомнение, кричит подросток.

Зачем Лиза у ней. Клянусь, я с самого начала знал, что она *держит* нас, чтоб выпытывать ***.

А мать Оли об ребеночке пришла говорить ****.

И потом сцена свидания. //

---

* «Вполне ∽ ее» — справа.
** «NB ∽ подробнее» — на левом поле.
*** «Зачем ∽ выпытывать» — на левом поле.
**** «А мать ∽ говорить» — на левом поле.

Последняя страничка.

После исповеди Версилов: *За что ты меня так любишь*? Потом: не сам ли заехал к ребеночку, и там мать Оли, *сцена*. А там на рулетку.

Итак, надежда: если кратким рассказом, и все об самом главном, то выгорит.

Подросток [Ахмаковой] Анне Андреевне об Лидии: Если бы знали, если б вы знали, что такое Лидия. *Его* сердце пронзено.

Ахмак. * От кого вы знаете?

Подр. От Татьяны Павловны.

Анна Андреевна смущает подростка, что Версилов влюблен в Ахмакову. Тот объясняется с Ахмаковой и убеждается о флигель-адъютанте.

Версилов ему о краске в лице. (Это в начале).

Подросток говорит: У нас было только несколько объяснений: о краске в лице да еще об ... Смотр.

** Подросток, когда исповедь Версилову об Ахмаковой: Я сидел и не знал, как я язвлю ему сердце. За что ты меня любишь? Никогда не забуду. *Тирада.*

Или: Он был ужасно спокоен. Я помню все в подробности.

[Во 2-й половине 2-й части у подростка вдруг открываются глаза о Лизе].

*** Подросток признается: И что ж, у меня билась отдаленная идея, что Он ее любит. Я хотел было крикнуть Ему (грациознее): так любите, я уйду и...

Версилов **** спрашивает: почему свидание у Татьяны Павловны.

Версилов говорит: Знаешь ли что, мой друг, она была там! Я зашел с заднего хода, и она была в кухне.

Подросток Ахмаковой про князя: Это одноидейный человек. Ахмакова собственно боится скандала от него, трепеща потерять флигель-адъютанта, который действительно блестящая партия. //

Свидание подростка с Ахмаковой происходит, *может быть*, у ст. князя.

Или лучше ***** — у Татьяны Павловны, главное потому, что флигель-адъютант приезжает, а подросток с ним поссорился и объявил, что приходить не будет.

[А] Ахмакова и сама боится, чтоб не помешали. Но главное, чтоб прельстить подростка идеей rendez-vous. Подросток подразумевал ее уговор с Татьяной Павловной. (Та сидела в кухне!) И потом подросток узнает, что присутствовала Татьяна Павловна.

Обе убеждаются после этого свидания, что документа у подростка нет. Об этом предуведомляет подросток вперед читателя.

[Под.] Князь говорит подростку: Я, чтоб поддержать мое княжество, играл и затянулся.

Подр. Поддерживать княжество не есть такая низость, а тысячелетний долг.

---

* Очевидно, ошибка, следует: «Анна Андреевна».

** На левом поле: «Главное».

*** На левом поле: «Не надо. Напротив».

**** Вероятно, описка, следует: «Подросток».

***** *«Или лучше»* — на левом поле.

Это вам так кажется, говорит князь, потому что вы... (т. е. не княжеского происхождения). Признайтесь, что вам хотелось бы быть князем.

NB. Это или в конце 1-й половины 2-й части, или в конце 2-й части.

В обществе беспорядок, беспрерывно повторяет князь. Вы сами произведение одного лишь беспорядка, говорит он подростку.

Вы этого и изложить не сумели.

— У вас не логика, у вас какое-то чувство, говорит подросток князю. Вы не можете опровергнуть идею Версилова и говорите лишь: Зачем Он сам не таков? Вот ваша логика, но это дичь, а не логика. Он, может быть, даже сам и дурен, но говорить Он может высшую правду.

— Нет, это не так, отвечает князь, коли говоришь сам высшую правду, то сам будь справедлив.

— Оставим это. Вы несчастный какой-то. Скажите, в чем вы обвиняете Версилова?

Князь не отвечает, но говорит: «Я дал Ему пощечину, и это меня только связывает. Но не знаю, в праве ли я еще дальше переносить эту связь (веревку)».

— Вот как, вы бы лучше сказали, я б ему и передал.

— Переношу же я вас, говорит князь.

Князь говорит: Я получил письмо — младший мой брат умер в Москве, отец мой дряхл и уже не может иметь детей, остались две только сестры. Со мной, стало быть, род князей Сокольских, Рюриковский род, прекращается.

Старый князь Сокольский, хоть и младшая ветвь, не имеет детей.//

Главное *. Стебельков говорит: Младший брат его умер. У с. князя нет детей. Единственный представитель князь Сергей. Если б он женился на [Ахмаковой] Анне Андреевне, то ст. князь все имение ему на поддержку рода — вот идея!

Подросток про себя непременно и даже несколько раз: Я дурно вел себя, дурно острил, распущенность. Входил к князю, *как к себе*. Говорил с товарищами его, как с знакомыми.

С Стебельковым несколько слов подростка и в этой первой половине части, но [под] высокомерных.

Когда Дитрин уезжает, то Стебельков рассказывает, как им не выдали подложного векселя.

Стебельков берет князя à part и что-то говорит ему (пугает).

Анна Андреевна подростка призвала решительно, чтоб проэкзаменовать его о князе.

Свидание подростка у Стебелькова. Я всегда могу дать. Деньги. Вам половина. Обеспечить сестру вашу. Подросток выслушал, но высокомерно.

А вы у меня займите **.

Стебельков про князя: Он может и *многих других* (т. е. Лизу) обеспечить. Когда он про Лизу сказал, то подросток вскочил и с негодованием сказал: Вы негодяй.— Ну простите, простите, я ничего не знаю.

---

* «*Главное*» — на левом поле.

** «А ∞ займите» — написано позднее.

Свидание с Анной Андреевной, сама пригласила, но когда сидел подросток, то совершенно *делала вид*, что он заехал случайно, и так выдержала до конца. И наконец, тут была Лиза.

С Лизой легкая сцена перед обедом.
Мнительный человек!

Или так: Я Лизу уже спрашивал прежде. Это вот как было. Тут маленькая история. Лиза сказала ему: Я скажу тебе все про меня, когда время будет. Когда время будет, тогда и скажу

Стебельков, сидя у князя, делает вид, что совершенно не приглашал подростка. //

Подросток у Анны Андреевны, и вдруг в середине сцены говорит от себя читателю: Я прямо вперед и скажу,— ей хотелось от меня выведать... Но в ней было что-то необъяснимо-прелестное.
В этой сцене с Анной Андреевной художнически выразить о распущенном ухарстве подростка в это время успеха и удачи.
№. Сошлись мы с Анной Андреевной у князя *. Версилов очень интересовался, что делает Анна Андреевна у князя.

Мать Оли три часа по улицам скиталась: Думаю, зайду к нему, он добрый, вы уж меня простите. №. Она и прежде заходила, но ужасно редко.

В конце 1-й половины 2-й части князь говорит подростку: Ну не сердитесь, не сер-ди-тесь!

[В конце 2-й половины] Главный характер 2-й части тот, что подросток везде ставит *себя на первый план*. Он не то что описывает приключения [чуж] других лиц, а именно *свои приключения*, *одни свои*, а чужих, лишь поскольку они соприкоснулись с его приключениями.

Во 2-й главе 1-й части подросток, приступая ко свиданию с князем, говорит, что он уже не доверял Версилову, и вдруг *отрывочно* восклицает: Я понять не могу, как я мог тогда ездить к нему, когда уже так много знал и, увы! тогда уже столь много подозревал. Нет, никогда не стану себя оправдывать! И тут: моя распущенность, я входил к нему, как к себе и проч.

Очень важное. Князя связывали с Версиловым и счеты. Он мучился этим. Он настоятельно предложил было Версилову половину: «Мой отец расстроен умственными способностями и неправоспособен уже 10 лет, младший мой брат умер, теперь я один, но, вообразите, даже вводу во владение еще не в состоянии сделать. Но половину не мог, ибо — все же мать не согласится». Версилов принял это молчаливо и ни слова не упоминал, так что князь не мог не признать его бескорыстия. (А подросток уже воспользовался и перебрал уже тысяч до трех). Князь говорит подростку: хоть бы 20 000 выдать Ему. Я хотел было хоть 10 000 достать и призывал этого плута (Стебелькова), но он отвиливает.

Когда подросток входит обедать у матери, тут он в первый раз говорит, что Версилову открылись *дома* общества. Он хоть и появился кое-где (я это знаю); но продолжал жить дома.//

8 марта.
Стебельков: Вот самый главный человек. На свете везде второй человек. Есть первый человек, и есть второй человек, второй человек есть

---

* Сверху: «№»

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
АКСЕЛЯ ЛЕСКОШЕКА

Из собрания сочинений Достоевского, изданного в Рио де Жанейро, 1960

главный человек. Первый человек сделает, а второй берет. Значит второй есть первый, а первый есть второй — вы следите. Так или не так.

Князь рылся в книге*.

Была революция, и всех казнили. Пришел Наполеон и все взял. Революция — первый человек, а Наполеон — второй человек. Но Наполеон стал первый человек, а революция второй человек, так или не так?

Пойдем, сказал князь [встав, книжку].

Мое положение.

** Стебельков уже в конце 2-й части и в [сви] другом свидании с подростком говорит уже о невозможности посватать Анну Андреевну, ибо Лиза с брюхом — две сестры. В этот, второй раз он уже тверже и откровеннее. Он проник однако же, что можно женить старого князя на Анне Андреевне. (А та только что спросила Версилова, любит ли Он Ахмакову?). И проч.

[Мать Оли: ходить] Вы видели, *я не подавал* вам вида.

NB. Когда Стебельков начинает (в первом свидании) говорить подростку о браке князя с Анной Андреевной, то подросток прерывает его: *Я знаю эту идею.*

NB. Таким образом и выйдет все сценами, а не словами. И потом, идя к Анне Андреевне, подросток говорит об этой *** идее ст. князя, о ст. князе и об Анне Андреевне, как она познакомилась с ним у князя. Болтая у ней о князе и хуля его, подросток терзал сердце Лизы, не зная о том.

NB. У Стебелькова мысль, что можно все состояние ст. князя, *мимо Ахмаковой*, перевесть на молодого князя через брак с Анной Андреевной.

Стебельков предлагает подростку выдать Анну Андреевну. Гонорар: если бы можно влиять на ст. князя. Погубить Ахмакову.

Идея широкости.

---

* «Так ∞ книге» — написано позднее.
** На левом поле: «Тут отдать 300».
*** Исправлено из: «этом».

Подросток Стебелькову: И вы смеете думать, что я за деньги буду работать для князя!
— Ведь вы берете же деньги?
— Откуда вы знаете, но это не те деньги, должен Версилову.
— Но... ведь вы не Версилов, вы Долгорукий.
Рассердился: Это все одно! //

10 марта.
Главное о Лизе.
Подросток совершенно ничего не знает и не подозревает о сношениях князя с Лизой. Стебельков сказал что-то, но он не понял. «Я был, как дурак», восклицал я. У Анны Андреевны, увидев Лизу, оскорбил ее. Дома [говор] перед обедом говорил с ней наверху в восторге, и сделать так, что Лиза понимала уже, что он ее оскорбил, а он не понимал. И уже после выигрыша намек князя — неясный. Сомнение; но восторг о выигрыше и прочие идеи все затуманил.
№. *От себя*, впрочем, рассказать и намекнуть вперед (без *обстоятельств*), что тут была Лиза и что с князем *уже было у ней* в то время.

Главное о Версилове.
В 1-й главе пришествие Его к подростку вышло как-то совсем без объяснений. Бросился было провожать, но ничего не сказали. Вот почему и вышло так почему-то, с первого шага, что стал стыдиться расспрашивать; но зато деспотировал. И уже в самом конце после исповеди об *женщине*: «За что ты меня так любишь?» — «Я ведь тогда ждал вас три дня и знал, что вы придете». Он отвечает: «Ну спасибо, спасибо», и проч. *трогательнее*. Выиграв же, он обвиняет Версилова, что «тот отстранился от него и от Лизы, что Он не отец», и все это потому, прибавляет подросток, «что я видел что-то неладное и нескладное (ревность) в впечатлении Версилова при рассказе о сношениях с Ахмаковой. Я это только чувствовал, но признать все это сознательно в ту минуту я бы ни за что не согласился!»

Последнее и главнейшее: подросток в исповеди почти проговаривается про документ и после выигрыша (во 2-й половине 2-й части) ужасно боится, что проговорился. Во 2-й же половине в оскорбительном тоне Версилова к Ахмаковой *есть фраза*, темная для постороннего, но доказывающая, что Версилов уже догадался, что у подростка есть документ (узнал от Татьяны Павловны).

№. Когда подростка выгнали с рулетки, он крикнул: А вот я [вас] донесу, что [вы] здесь рулетка, полицию приведу!

Версилов не видался с ст. князем.

Подросток князю, после выигрыша, когда тот в раздражении и злобе *чуть-чуть* намекнул о Лизе, говорит, *не понимая*: вы на что это намекаете? Что тут может значить моя сестра? Тот злобно расхохотался: Разумеется, ничего, я так, on ne parle pas d'une corde... * //

Стеб⟨ельков⟩. Ну хорошо, хорошо. Он мог бы многих других обеспечить.
— Не хочу.
— Ну не берите, ну хорошо, хорошо, вы-то не берите ** (хоть вы и берете), но вы не один: он может *дрррругих* обеспечить.

---

* не говорят о веревке (*франц.*).
** «Вы ∽ берите» — над строкой.

[Версилов] — Да вы с ума сошли. Станет Версилов.

Стебельков прямо и долго глядит в глаза: Вы не понимаете. А давеча говорил про эту даму Он⟨исим⟩овну?*. Ну хорошо, хорошо. И хорошо, коль не понимаете. Если действительно не понимаете, то и хорошо, я очень рад, что узнал **.

— Да что вы говорите ***. Ну убирайтесь вы, и за такими-то пустяками вы меня звали!

— Это не пустяки. Идете? А знаете, вы опять придете.

— Нет.

— Придете... и тогда... Тогда другой разговор. Слышите, [од.] может быть другой разговор. Один разговор был, но будет другой, главный разговор.

Стебельков. А Стебельков непременно подтверждает с своей стороны *намеком* о неразрывности своей связи с князем и даже, что князь у него в руках. Тоже намек о Дергачеве.

12 марта.

Стебельков же собственно для того призывает подростка, чтоб уговорить его действовать за брак князя с Анной Андреевной (на ст. князя, на Анну Андреевну). Главное, думая, что подросток за Лизу и будет противиться, имея своего рода **** влияние на всех князей.Князь говорит вечером: «Стебельков обещался уговорить вас, дав вам денег; взяли вы у него?»

NB. Стебельков в эту первую половину 2-й части с Анной Андреевной еще не очень знаком.

13 марта *****.

****** Стебельков с нахальной наивностью внушает подростку, что ведь ему *стыдно* жить на деньги князя, что ведь эти деньги Версилова.

— Да ведь я тоже Версилов.

— Нет, вы Долгорукий, и кроме того, когда бывало, чтоб дети распоряжались суммами отца.

— Довольно! довольно! (Свысока).

Такой урок, и от кого же, от Стебелькова! Я знал и то, что это подло, но выиграть, только бы выиграть!//

Князь. Вечером ******* Стебельков обещал уговорить вас, дав вам денег, взяли вы у него ********.

Князь говорит в конце романа: Несколько десятин земли, не больше, и сам работать. И решившись на это, застреливается. В записке, оставленной им, он говорит: «Суд оправдал меня, но я не хочу этой милости. Кончаю с жизнию потому, что она мне отвратительна. После первой боли рана Лизы залечится, и она [помнит] [меня. ме] будет помнить обо мне с добрым чувством. Но если б я остался жив, я бы [истощил] и измучил и истощил ее сердце, и она, наверно, разлюбила ⟨бы⟩ меня и стала презирать. Я знаю, что она не вынесет моего характера. Даже все время не мог понять [как м], за что могла она полюбить меня. Последняя минута. Образ Лизы со мной.

---

* «А ∽ Он⟨исим⟩овну» — на левом поле.

** «то ∽ узнал» — между строк и справа у края.

*** «Да ∽ говорите» — между строк.

**** «своего рода» — над строкой.

***** В оригинале: «13 мая». Дата ошибочная: «март», а не «май», т. к. этот разговор с Стебельковым напечатан в апрельской книжке журнала.

****** На левом поле: «*Здесь*».

******* Над строкой.

******** «взяли ∽ него» — позднее.

Лиза, прощай и прости. Помнишь стих Лермонтова: «Но в мире лучшем друг друга они не узнали».

В конце 2-й половины 2-й части, князь узнает про компрометирующее письмо Версилова к * [в а] Ахмаковой и в адской досаде на подростка говорит ему, что тот продавал ему сестру.

Подрост. Это вы Его назвали бабьим пророком?

Кн. Нет, не я. Я помню это название, но это не я. Я не мастер раздавать наименования **.

Под. Стебельков говорит, что вы.

Князь. Он лжет. Это он сам назвал Его, я припоминаю. Он вам побоялся сказать, что это он.

Князь был *беспокоен*. О, тогда я еще не понимал всей причины его беспокойства, не зная фактов, а потому, естественно, был ему несносен — или равнодушным легким тоном моим, или нахальством, с которым предлагал ему иные вопросы.

Надо выразить крепкий *намек*, что князь *чем-то* неразрывно связан с Стебельков⟨ым⟩. Подросток может прямо сказать: Мне казалось тогда, что князь связан с ним чем-то неразрывно и с мучением, и что невероятно, что князь, иногда бывавший болен после Стебелькова, все еще сносит и неуклонно принимает его. Впрочем, я приписывал все счетам и деньгам, так как мне слишком было известно, что Стебельков дает ему деньги. Остальные же недоумения и нервности приписывал дурному характеру князя. //

Некоторая перемена. 12 марта. О князе.

Князь по настоянию Стебелькова должен жениться на Анне Андреевне, иначе тот грозит. Но в князе, во 1-х) возмущается гордость, во 2-х) все-таки честное понимание его о Лизе, уже беременной, и, в 3-х) отчасти и отдаленной, но безумной надеждой на Ахмакову. Узнав от важного гостя о возможности брака флигель-адъютанта и Ахмаковой, князь разъярился. Подросток это провидел и рассердился за несколько слов князя об Ахмаковой.

№. Подросток почему-то за брак [его] князя с Анной Андреевной. Утром сцена между ними прошла еще хоть и двусмысленно, но благополучно. «Почему вы защитник этой дамы?», спрашивает его князь. Вечером же князь сердится и говорит подростку (после выигрыша) о беременности Лизы и что он брал за это деньги. Подросток раздавлен. Сарказмы князя [Главное]. Может быть, князь ездил к Анне Андреевне с предложением и получил отказ. Вот почему он и взбесился. Вот почему вечером и говорит подростку, что обязан был сделать это, иначе он погиб, и вот за подлость свою получил отказ. Почему же подлость, вскрикивает подросток. Потому что Лиза беременна, отвечает князь. Затем князь, во 2-м продолжении 2-й части, хочет тягаться с флигель-адъютантом. Во 2-й половине 2-й части князь советуется с Васиным***. Кроме того, князь в высшей степени был уверен, что Анна Андреевна тотчас же согласится!

Или не лучше ли так, что князь *не делал* предложения Анне Андреевне и *Лиза* в *восторге*. На Ахмакову лишь сердится. Подростка же упрекает в том, что тот у Стебелькова на приплате. Подросток бесится, а князь упрекает его беременностию Лизы. Во 2-й же половине 2-й части князь поло-

---

* Исправлено из: «И».

** «Я ∽ наименования» — на левом поле.

*** «Во 2-й половине ∽ Васиным» — на левом поле.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
АКСЕЛЯ ЛЕСКОШЕКА

Из собрания сочинений
Достоевского, изданного
в Рио де Жанейро, 1960

жительно хочет жениться на Лизе, но взбешен тайно угрозами Стебелькова, и сам угрожает ему донести об акциях. И доносит первый (в 3-й части). Стебельков же, в 3-й части, доносит на заговор.

Во 2-й половине 2-й части князь к требованиям подростка относится свысока. Но в сцене с Лизой хочет жениться, «только эти дела, дела!» Подросток думает, что он про проигрыш, но того скребет мысль, что Стебельков угрожает ему. Между тем *говорят* [про об] в обществе про обнаруженный подлог, и в 3-й части князь сам доносит на себя.//

Подр. ей про князя: Я люблю его, я люблю его. Он меня пленил потом*.

Анна Андреевна позвала, главное, чтоб [Лиза] узнать: любит ли Он Ахмакову? И там подросток про себя: Я теперь знаю, она, конечно, позвала меня к себе, чтоб разузнать, что ей нужно. Не проговорясь ни словом, она выведала от меня многое. *О, из меня многие выведывали тогда многое.* Кроме лишь Версилова **. Я служил espion'ом и всегда проговаривался (по доброте сердца). Но прибавлю одно: подозрение ее, что Версилов мог любить Ахмакову ***, я в высшей степени презирал; оно показалось мне смешным и нелепым, и — клянусь — говорю это искренно.

Анна Андреевна. Когда я с жаром опровергнул любовь **** Версилова к Ахмаковой (и об Лидии), Анна Андреевна слушала с видимым удовольствием. (Она удивительно слушала). При истории Лидии потупила глаза.

— Вы, кажется, сошлись с Ахмаковой.

— О, я бывал.

— Я знаю, вы бываете. Не влюбитесь.

Я покраснел.

— Вы прежде говорили об Ахмаковой с таким негодованием, а теперь.

— Молодая и прекрасная женщина на молодого человека в вашем возрасте всегда возбуждает негодование.

---

* «Подр.∽ потом» — написано позднее.
** «Кроме ∽ Версилова» — на левом поле.
*** «Но ∽ Ахмакову» — написано позднее.
**** В оригинале: «любви».

— Почему? и т. д.

— Какая вы умная, и какая вы... опытная. (Покраснела). Простите меня (с жаром). Но вы ошиблись. Я негодовал на эту женщину лишь потому, что почитал ее врагом Версилова. Версилов. Распускал слух, что она будто бы в него влюблена. Вы наверно это знаете? Т. е. что Версилов не влюблен в Ахмакову.

— Помилуйте, какая нелепая идея.

— Это... Этот человек. Но если бы вы знали историю с Лидией. (Покраснела) *.

Подросток разъясняет Анне Андреевне историю Е⟨лены⟩ П⟨авлов⟩ны**.

— Это была шалость, я знаю из первых рук.

А. А-на тонко улыбнулась. (Слегка покраснела. Тонкий румянец).

NB. Версилова она несколько стыдилась. Странные сношения. Несколько слов об этих сношениях.

Под. Анне Андреевне: Версилов о дворянстве. Начал он ретроградно, но потом поправился. Может быть ***, Он проповедовал утопию, Он к этому склонен, но не князю все же судить его.

Подр. Мне нравился ее строгий почти монашеский характер... Под обаянием ее, выходя от нее, я чувствовал иногда милое утешение, что, может быть, я не совсем так худ, как об себе иногда думаю, потому что могу же и я иметь мысли благородства, красоты и проч.

Анна Андреевна умела ладить и с Фанариотовой, которая уже принадлежала к самому придворному обществу, и не как воспитанница у Пушкина в «Пиковой даме».

Она была очень образована, гораздо больше, чем я, она математику знала. //

Бы ничем не отличились, а потому беситесь ****.

Вы хотели бы быть князем.

Князь. Еще утром разгорячился: Я вам не обязан, я сам себе суд. Я не связан ни малейшими обязательствами.

Подр. Если вы говорите про деньги, которые должны отцу, то ведь он вас и не беспокоит.

— ***** Я и этими деньгами не обязан, это моя воля была, мое желание, но я не про эти деньги говорил, потому что не про отца вашего говорил, а про вас, про одного вас...

— Но ведь я же у вас из этих же денег беру — стало быть, все равно, что про меня, что про отца.

— Не про отца, а про вас, про вас одного, и если вы ****** все про те деньги, то не мог же я вам давать чужие, отцовские, без его позволения. Я вам свои давал и давал, разумеется, без отдачи *******.

— Как свои. Но, в таком случае, за что же?

— Верно, из дружбы? Оскалился князь pour vos beaux yeux ********.

---

* «Вы прежде ∞(Покраснела)» — начинаясь на левом поле, дальше часть между строк и снова на левом поле.

** «Е⟨лены⟩ П⟨авлов⟩ны»— разумеется, «Ахмаковой.

*** «Может быть»— над строкой.

**** «Вы ∞ беситесь»— на самом верху страницы, другим пером.

***** На левом поле: «Во 2-ю половину, в финал».

****** «если вы»— на левом поле.

******* «и ∞ отдачи» — справа у самого края, написано позднее.

******** за ваши прекрасные глаза (*франц.*).

— К чёрту ваша дружба — возьмите все. Стану я у вас брать, как нищий.

— И точно вы не знали за ... за сестру и т. д.

Князь. О, сначала я вас считал благородным.

Непременно подростка взбесили несколько слов об Ахмаковой. [Он сказал так Дитрин] Дитрин легкомыслен⟨но⟩ сказал, а ведь, кажется, легкая была дамочка. [Мож] Я слышал, что и вы, князь, могли бы тут что-нибудь сказать. [Тут] Резкое словцо подростка. Тут о Лизе и проч.

Когда же князь и подросток остались одни, то подросток заговорил об Ахмаковой, а князь вскочил: Никто не имеет права (намеки о Лизе).

Не берите ножик.

Подросток говорит: У вас всегда было нечто против Ахмаковой потому, что вы рассчитывали на нее. (NB. Это, может быть, у Стебелькова или у Анны Андреевны).

Как мог я тогда воротиться и взять опять эти 300 руб. Но, повторяю, у меня *пело в душе.*

Письмо князя Сережи из-под ареста, подростку: Простите меня, я поступил с вами недостойно... Милый друг...

— Будто вы не знали, что ваша сестра ко мне ходит.

Заплакал.

— Я не про себя, я про нее. //

Лиза говорит, во *2-й половине 2-й части*, утром же брату: «*Не говори им*» (т. е. Версилову и маме).

[Во 2-й половине 2-й части подросток устраивает счастье Лизы. Князь хочет жениться. Надо достать денег. Сговариваются играть. И адская ночь.

NB. Князь надеялся было откупиться от Стебелькова деньгами. Надо только, чтоб Стебельков согласился возвратить роковые документы, письма князя. Само собою, что он уверен, что Стебельков не донесет на себя. Но про акции уж говорят, что фальшивые, и обнаружились. Стебельков же документов не дает. Князю понятно, что [по] дело это *непременно* откроется, и он доносит на себя. (Но уже в 3-й части) *. *Одна Лиза все это знала.* [Все это обнаруживается в конце 2-й части, когда подростка сыскал Версилов]. Но в конце 2-й части все это еще не обнаруживается.]

?NB. Но в 3-й части положение Лизы? (Надо определить):
И ПОТОМУ, ПО-СТАРОМУ, НЕ НАДО, ЧТОБ В 1-й ПОЛОВИНЕ 2-й ЧАСТИ КНЯЗЬ УПРЕКАЛ ПОДРОСТКА В ТОМ, ЧТО ЛИЗА БЕРЕМЕННА. А ЭТО ТОЛЬКО В КОНЦЕ 2-й ЧАСТИ. (А ВПРОЧЕМ, НЕИЗВЕСТНО). КАЖЕТСЯ, ЧТО *НАДО.*

** Главное. 13 марта [Он] Князь может упрекнуть, может и волноваться. Но донос на себя по начальству происходит уже в конце 3-й части, когда Стебельков его измучил и когда уже произошла вся штука с ст. князем в квартире подростка, предложение Версилова, рубка образов, и вот тогда же и арест князя. А в 3-й части Лиза просто дома и одна лишь знает тайну князя. А князь в волнении и *хлопочет.* Но, может быть, в 3-й части знает тайну князя и подросток. //

---

* Фраза в скобках — над строкой.

** На левом поле: «*ЗДЕСЬ*»

13 марта.

Лиза.

Не сделать ли, что Васин делает предложение Лизе и вдруг обижен отказом.

NB. Не сделать ли, что Васин дает документы *дела* на сохранение Стебелькову, а тот и доносит по этим документам.

Главное. Так что в 3-й части Лиза ждет решения судьбы князя, тут и Макар Иванов.

NB. Одна только роль Стебелькова невелика; но он ясно необходим для *судьбы* князя и далее — Васина. NB. Стебельков без Ламберта. Они незнакомы *.

NB. Справиться: содержащийся князь может ли видеться под арестом со всеми ними.

Во 2-й половине 2-й части.

«Пробуждение было ужасное»... Пришла Лиза. [Лиза, что] Зверские упреки.

— Что ты могла в нем найти? (О, я жесток, жесток!)

Подр. Если мать жила так, почему мы все должны жить в бесчестии**.

Лиза пошла. Догнал, просил прощения.

— Лиза! Знает мама?

— Я сказала.

— Что же она говорит?

— Она сказала: «Носи».

— О, носи, носи, Лиза (т. е. не утопись!)

— Я пришла просить, чтоб ты не говорил отцу.

Лиза говорит брату о [то] сцене с ножичком.

— Да откуда ты знаешь?

— Мама просила тебя подумать об том, об чем она просить тебя не смеет.

— Не играть то есть! //

ПОСЛЕДНЕЕ РЕШЕНИЕ. 13 марта.

И арест князя*** и *все*, может быть, в конце 2-й части. Затем в 3-й части Васин мог сделать предложение оставленной Лизе. Признается, что бумаги у Стебелькова, и Стебельков доносит с тем, чтоб смягчить приговор. Ст. князь не бежит к подростку *сам по себе*, без Стебелькова. Тут могут быть Версилов и Ламберт ****. Но Ламберт имеет влияние в продолжение всей 3-й части. И когда тоска наросла в подростке ужасно, особенно под влиянием Ламберта и насмешек над ним, то у него идея бросить все, порвать со всеми и в Америку. Тут пожар. Затем оправдание князя. //

Васин. 13 марта *****.

Не сделать ли, что Васин, всегдашний советник подростка, и сам попался, как дурак, с документами и Стебельковым. Лизе же предложил руку. Не предупреждает ли во 2-й половине 2-й части Васин подростка о делах с князем и об отношениях его с Стебельковым. А потом и о том, что [у него] хранились у Стебелькова важные документы Васина.

---

* «NB. Стебельков ∽ незнакомы» — на левом поле.

** «Что ∽ бесчестии» — на левом поле.

*** Над строкой.

**** «Тут ∽ Ламберт» — другим пером.

***** На левом поле несколько ниже повторено: «13 марта».

После смерти князя оправданный Васин сделал Лизе предложение и проч. //

Ламберт. [Появление Ламберта отнести в самый конец 3-й части, после рубки образов]. Может быть, совсем не надо Ламберта, а сделать так, что злоба нарастает в сердце подростка в конце 2-й части, злоба и зависть, и он сам решается пустить в ход документ. Документ его мучает. Могущество.

Или, пожалуй, Ламберта можно.

Ламберт со мною был совершенно простодушен и прям, и, главное, меня поражало, что он даже и не сомневается в том, что я ему товарищ. Но не русский вполне. Не наш человек, злодей, но не наш. Не угрюмая тупица. (Совершающееся злодейством священнодействие, беспрерывный вид мщения обществу, злой оттого, что глуп и неразвит, и боготворящий свою злобу, бесчувственность и отрицание). //

Мать Оли.

Скитаюсь, скитаюсь, толкаюсь об народ, тошно. Печаль моя. //

Князь.

В начале 2-й главы упомянуть, что [Фанариотова] Столбеева уехала и что вся квартира оставалась за князем.

По мнению подростка, Лиза ходила к старой нянюшке.

— Ну могли ли вы предположить такой вздор, чтоб она ходила только для Варвары Ивановны?

(Подрост. про себя. Клянусь, что я верил этому и мысль не заходила).

Дитрин спрашивает. Какую это милую девочку я там встретил?

Стебельков. Лизавету Макаровну.

— Ах, если это нескромность.

Князь. Она к няне ходит. К матери Оли *.

Все это было неловко.

В конце 1-ой половины.

Ваша сестра беременна. Вот ваши деньги! Я хотел броситься — *и вдруг заплакал*!

Главное. 14 марта.

Признание подростка во 2-й главе, что он входил⟨к⟩ князю, как к себе, сделать [после в] при визите важного гостя или в этом роде.

Князь. Не берите ножик. Не смейте брать ножик. Топнул. Я бросил 300 руб. Извинился. Объяснения. 300 руб. берите, берите.

Но у меня совсем другое было в душе, пело в душе моей.

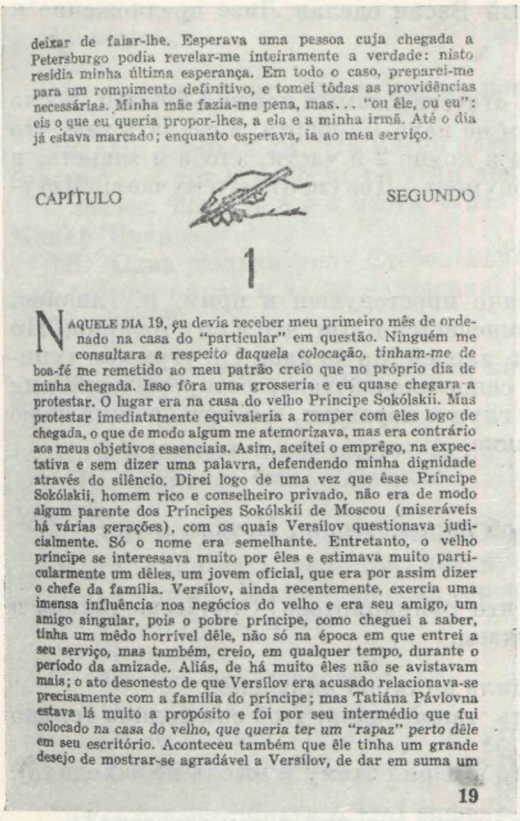
Знаете, я хочу играть, я хочу выиграть, игра скверность, но (и я все забыл, расхаживая в упоении по комнате. Повторяю, у меня другое пело в душе).

Завести рулетку. Нельзя на службе. Я оглянулся и увидел оскаленное выражение. Я никак не ожидал этого.

— Конечно, я не доведу до [изв] чрезмерной цифры. Версилов вам заплатит (как мог я говорить тогда такие вещи).

---

* «К матери Оли» — написано позднее.



deixar de falar-lhe. Esperava uma pessoa cuja chegada a Petersburgo podia revelar-me inteiramente a verdade: nisto residia minha última esperança. Em todo o caso, preparei-me para um rompimento definitivo, e tomei tôdas as providências necessárias. Minha mãe fazia-me pena, mas... "ou êle, ou eu": eis o que eu queria propor-lhes, a ela e a minha irmã. Até o dia já estava marcado; enquanto esperava, ia ao meu serviço.

CAPÍTULO SEGUNDO

1

NAQUELE DIA 19, eu devia receber meu primeiro mês de ordenado na casa do "particular" em questão. Ninguém me consultara a respeito daquela colocação, tinham-me de boa-fé me remetido ao meu patrão creio que no próprio dia de minha chegada. Isso fôra uma grosseria e eu quase chegara a protestar. O lugar era na casa do velho Príncipe Sokólskii. Mas protestar imediatamente equivaleria a romper com êles logo de chegada, o que de modo algum me atemorizava, mas era contrário aos meus objetivos essenciais. Asim, aceitei o emprêgo, na expectativa e sem dizer uma palavra, defendendo minha dignidade através do silêncio. Direi logo de uma vez que êsse Príncipe Sokólskii, homem rico e conselheiro privado, não era de modo algum parente dos Príncipes Sokólskii de Moscou (miseráveis há várias gerações), com os quais Versílov questionava judicialmente. Só o nome era semelhante. Entretanto, o velho príncipe se interessava muito por êles e estimava muito particularmente um dêles, um jovem oficial, que era por assim dizer o chefe da família. Versílov, ainda recentemente, exercia uma imensa influência nos negócios do velho e era seu amigo, um amigo singular, pois o pobre príncipe, como cheguei a saber, tinha um mêdo horrível dêle, não só na época em que entrei a seu serviço, mas também, creio, em qualquer tempo, durante o período da amizade. Aliás, de há muito êles não se avistavam mais; o ato desonesto de que Versílov era acusado relacionava-se precisamente com a família do príncipe; mas Tatiána Pávlovna estava lá muito a propósito e foi por seu intermédio que fui colocado na casa do velho, que queria ter um "rapaz" perto dêle em seu escritório. Aconteceu também que êle tinha um grande desejo de mostrar-se agradável a Versílov, de dar em suma um

19

СТРАНИЦА ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО АКСЕЛЕМ ЛЕСКОШЕКОМ ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК»

Из собрания сочинений Достоевского, изданного в Рио де Жанейро, 1960

— Я никогда вас не торопил отдачей, сказал князь. Прежде он так не говорил. Прежде он вставал, жал мне руку и не давал договорить. Правда, и тогда как-то иной раз улыбался странно... Но я относил это просто к механизму его улыбки, т. е. что она и всегда такая и что в ней от природы мало добродушия.//

Стебельков.

Стебельков подростку, у князя еще, кивая на платье с большой Миллионной (т. е. платье).

Подросток входит к Стебелькову (искал Васина): Зачем вы там (у князя) не сказали мне, что вам надо.

— А вы-то зачем тоже там молчали, а пришли ко мне *.

Ст⟨ебельков⟩. Вы мне писали, что хотите денег, у меня есть деньги.

— Не беспокойтесь, я взял у князя.

— Стойте, не свои.

— И всегда так улыбается, как дает вам деньги.

— Как улыбается? Ничего не улыбается.

— Сегодня, например.

— Я просто отношу к механизму его улыбки. Ему так бог дал.

— Тут не один механизм, подмигнул Стебельков.

— Что же, что же вам надо? крикнул я.

---

* «ко мне» — написано позднее.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО АКСЕЛЕМ ЛЕСКОШЕКОМ ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК»

Из собрания сочинений Достоевского, изданного в Рио де Жанейро, 1960

esquecimentos. De qualquer modo, a gente seria obrigado a adivinhar muitas coisas. Que deve fazer, apesar de tudo, o escritor que não quer limitar-se ao gênero histórico, que está possuído pelo desejo da atualidade? Adivinhar e... enganar-se.

Entretanto, Memórias como as suas poderiam, creio, servir de material para uma futura obra de arte, ao futuro panorama, desordenado, de uma época já passada. Decerto, quando a atualidade tiver passado e vier o porvir, o artista futuro descobrirá formas belas até para representar a desordem e o caos *extintos. Será então que se tornará necessário recorrer* a Memórias como as suas: elas fornecerão materiais, no caso de serem sinceras, a despeito de seu caráter caótico e fortuito... Pelo menos subsistirão alguns traços verídicos que permitirão adivinhar o que pôde esconder-se na alma dêste ou daquele adolescente naqueles tempos convulsionados, pesquisa que não será de modo nenhum desprezível, pois são os adolescentes que formam uma geração..."

537

Стеб⟨ельков⟩ про Дитрина: Они под поручителя-то сами и подписались, а ростовщик векселек-то взял, денег-то им не выдал, а векселек удержал — потеха и вышла.

— Уж не вы ли ростовщик-то? спросил я

— У меня банк, у меня Mont de piété *. Слыхали, что такое в Париже Mont de piété.

Деньги Версилова, это все равно: как я мог тогда рассуждать таким образом. Но мне казалось, что это так и должно быть. На две трети по крайней мере казалось, остальная треть идет ** на угрызение совести.

Я сегодня снес ему кругленькую сумму (про князя). Он сначала к Ахмаковой, теперь надо Анну Андреевну. Можно упустить.

Подрост. Я ни слова не говорил с ним никогда об Анне Андреевне.

— Я понимаю, понимаю, что вам и нельзя было говорить об Анне Андреевне (Лиза).

Стебельков про князя: Он задает турусы... но...

Стеб⟨ельков⟩ про князя: Он бесится (про Ахмакову).

— Вздор, какие у него надежды.

— Надежд нет, но бесится.

— Я литератору дам. Он генералу жену продал. Я ему дам.

— Какая грязь!

* ломбард (*франц.*).

** Над строкой.

— Нет, он *чистенький*, очень чистенький, в духах. Очень сердится, коль не чисто. Плюнуть захочет, и то самое чистое место ищет, в которое плюнуть.//

Ахмакова (свидание).

Она. Так неужели вы думаете, что я пришла сюда для вас.

Подр. (Я обмер, я это и думал). Да, я думал, что вы именно для меня пришли, хватил я вдруг, бросаясь в пропасть, с похолодевшей спиной, но глаза мои засверкали *.

Она. Нет, я вам слишком много позволила.

Я. (Останьтесь, останьтесь) — чтоб... украсть у Версилова документ.

Подростку любопытно и волнует его то, что Ахмакова решилась на такой шаг и дала ему свидание: он хочет проникнуть, что именно ее ** побудило. Сам он почти знает, что́: т. е. выведать окончательно, есть ли у Версилова документ? Ему думается, не хочет ли она заставить его украсть документ? Он от этой мысли страдает ужасно: стало быть, она видит в нем шпиона, а не... друга. Он решается даже отдать документ, если *она поведет себя благонадежно.* Но известие о *** [Но] флигель-адъютанте сбивает его с толку. Он ревнует. №.? Но она ведет себя благородно и очаровательно. Он намекает, что мог бы достать документ. Она вдруг обнадеживает его, и он остается в восторге.

Подросток ей: Не бойтесь ничего, хранитель ваш я, я вас считаю верхом всех совершенств, хотя прежде считал вас верхом гордости и... страстей.

Ахм⟨акова⟩. Откуда вы все это знаете (про документ).

— От покойного Крафта. В нем первые строки вот (говорит их).

— Ну что ж. Я так уверена в моем отце. И вы думали, что я вас хочу шпионом. О как вы развращены (простите меня).

У меня в мысли вынуть и отдать. А что если она лжет? По глазам (лжет иль не лжет). Если отдам, мне стыдно будет. (Я не отдам).

— Я вам даю честное слово, что этого документа нет и что Крафт при мне разорвал его.

— Вы видели?

— Видел.

— Сами?

— Сам. //

Крафт разорвал. Слава богу, это был мой дурной поступок, но я ...

Она про Версилова (я, может быть, его не стоила).

Нет, вы мне доставили большое удовольствие.
Я могу быть всегда вашим другом.

Ахмакова. Вы маленький, а уже так развратны.

Под. (в неистовстве). Если вы докажете мне сейчас, что сами не развратны и теперь не **** лжете и говорите правду, то вы не знаете, что я для вас сделаю!

Ах. Это выходит уже из всех границ.

Под. Нет, посидите, пожалуйста, докажите, что вы высшая женщина.

Ах. Если я вам докажу?

---

* «хватил ∽ засверкали» — позднее, у самого края справа.
** Исправлено из: «его».
*** «Но ∽ о» — на левом поле.
**** «развратны ∽ не» — над строкой.

Под. 1) Первое: дали вы мне здесь свидание или нет?

Ах. Да, я дала вам свидание (покраснела и с просящей улыбкой).

Под. Это для того, чтоб про то письмо?

Ах. Да, этого письма я боялась, но, клянусь вам, не столько, сколько вы думаете. Тогда, у Татьяны П⟨авловн⟩ы...

Под. Итак, я только был шпионом?

Ах. Нет, ей-богу, я кроме того любила.

Под. Я вам скажу об этом письме. Но знайте, что я ценю вас выше себя безмерно, потому что я вам теперь лгу, а вы мне, видимо, нет. Но... но я вам друг вовеки. Я вам скоро скажу, очень, очень скажу.

Ах. Успокойте меня в одном, оно у Версилова.

Под. Н-нет! не у него.

Ах. У кого же?

Под. У Крафта... Истребил... своими глазами...

Ах. Слава богу...

Под. Один... Я ей солгал! О, как я безмерно был ниже ее и как презираю себя в эту минуту! Но я, может быть, так думал в ту минуту: в моей еще власти отдать тебе все, и я тебя вознагражу! Недоверчивость была? Была. Было и желание приберечь документ. О гнусный, о мрачный характер. Я бросился целовать ее следы. Но я был счастлив и весел. // Я пел и думал: если в свете гадко, то ведь гадок только я, а есть в свете прелесть.

Легкомыслие ли это было? Или кокетство до крайности?

И потом, в сцене с Версиловым, он тоже говорит с тем про документ и тоже лжет.

После открытия о Лизе он думает об Ахмаковой.

Ахм. Вы ко мне ходили, я несколько раз хотела непременно выпытать... Только я не умею этого.

Под. Татьяна Па⟨вловна⟩ говорила тогда: обольстить.

Ахм. Не знаю обольстить... Только что ж, когда из этого ничего не выходит?

Надувать губки от смеху, ее жест. Про флигель-адъютанта под конец она надула губки: Только это уж было бы так смешно, сказала она, точно прося прощения, и вдруг прыснула.

Подр. Я не ревную, я не ревную. Пусть так.

Подр. Я обманул и ее, и Версилова, (о письме) а был весел. Но я был силен... Если же эта женщина обманывает * меня, то я сумею оградить себя. (Смотри где-то прежнее NB.)

Подросток говорит ей о том, как он любит порядочность в женщине, и при сем описание Анны Андреевны.

Потом подросток говорит, *после свидания*, о том, что он мог при самом ярком увлечении и чувстве оставаться трезвым, т. е. верить, что она, может быть, его обманывает, а потому он и сам обманул ее. «Так же точно поступил я вечером и с Версиловым, говорит он. Что ж это было мужество? Крепость нервов или то *двойное чудовище*, которое сидит во мне и которое Версилов так ценит выше одноидейности» и проч.

NB. Ахмакова все еще не принадлежала к самому ** великосветскому обществу, но предложение барона Бьоринга возводило ее уже в самый высший круг.

---

* Исправлено из: «обманывала».

** Над строкой.

— Да, я виновата была.

— Как могли вы так унизиться... Нет, нет, так благородно унизиться. Как могли вы признаться такому, как я,— и только для того, чтобы выведать.

— Нет, вы меня очень интересовали.

— Я вас просила никогда не говорить со мною о Версилове.

Под. Вы все это повторяете. А между тем я вам все высказал.//

Письмо уничтожено. Мне Крафт сказал. ([Я и ее] И я ее не надувал. Мне только стыдно было признаться в моей комедии. Все эти высшие женщины меня очищали. В тот миг я решился вечером же разорвать письмо и всю эту «подлую и смешную интригу» уничтожить). Когда она услышала про Крафта, она сказала мне, славу богу. Я не лгал ей. Я был чист. Эти женщины меня очищали *.

И уже выходя:

— Послушайте, выходите вы за флигель-адъютанта Бьоринга?

— Я ничего, я ничего (задрожали губки от смеха).

№ Тирада: что вы для меня были!

У ней чувство.

Милый мальчик: не сердись на меня.

Я только этого и хочу, я [толь] ни одной женщины знать не буду.

Она отвернулась, надув губки: Дайте мне посмеяться. Повернулась: слезинка. Я скверная, я гадкая. Если когда вспомните обо мне: помяните меня хорошо. //

В исповеди с Версиловым подросток говорит Версилову: Она беспокоилась про документ.—

Верс. А у тебя нет этого документа.

Я ждал, что Он спросит **. И мне надо было, чтоб Он спросил. Все это время, все эти два месяца я спрашивал себя: зачем Он не спрашивает, зачем Он молчит. Ведь знаю же я, что Он подозревает. Но Он и в этот раз промолчал. Я застыдился в душе.

№. В 3-й части тоже ни слова про документ (да не к тому и было, не к настроению нашему взаимному, не те слова тогда говорились. И вдруг я узнаю *фактом*, что Он [ищет] искал в одном месте *** документ).

?№. *Может быть.*

Версилов между прочим объявляет подростку, что князь сделал Анне Андреевне формальное предложение, но [та] что та отказала ему. «И один престранный мне сделала вопрос: люблю ли я Ахмакову».

— Дамское любопытство.

— О нет, категорический вопрос. Не знаешь ли ты чего?

Исповедь. Драгоценно ****. Вдруг после всех рассказов об Ахмаковой подросток спрашивает: Послушайте, что такое философия? И потом уж: «поцелуй же меня!»

Версилов в исповеди: Крафт разорвал, да? Ты не лжешь мне? //

И вдру⟨г⟩ вечером, после князя, засыпая, я вдруг вспомнил мой давешний разговор с Стебельковым. Стебельков подкупал меня, чтоб я не мешал

---

* «Я ∞ очищали» — на левом поле.
** «Я ∞ спросит» — на левом поле.
*** «в одном месте» — под строкой
**** «Драгоценно» — на левом поле.

ОБЛОЖКА РОМАНА
«ПОДРОСТОК»
(М., 1955)
Рисунок П. П. Зубченкова

сватовству его к Анне Андреевне и не вступился за Лизу, да еще говорил: «Мои деньги лучше!»

Засыпая. И ведь сколько было намеков (про сестру). Ведь после этого я просто глуп, что не догадался. Нет, это не то: [Это] тут эгоизм, а не глупость, эгоизм сердца и — и, пожалуй, уверенность в святость других, что все другие лучше меня нравственно. О, в этом я всегда был уверен. А пуще всего то, что все намеки сошлись [как нарочно] только сегодня и я не успел сообразить и, как нарочно, — не тем совсем был занят, был развлечен Ахмаковой. В самом деле, Стебельков в тот же день *... Заставляют ли в этаких случаях жениться... с пистолетом в руке... Я не знаю. Поступлю, как надо честному человеку. Версилов — но что же тут Версилов, знал он иль не знал?

Вошла Лиза. //
Об Е〈лене〉 П〈авлов〉не.
— Именно вы знаете, именно таких подростков, как я.
— Это все от того, сказала Лиза, что ты *маленький.* Увидишь красавицу и влюбишься, дух захватит... а потом ее ненавидишь.
— Ну а если она предпочтет меня большому.
— Тут ты и пропадешь у ее ног.
— Нет, я не пропаду... Нет, я бы не пропал, и если женщина станет [мне поперек] поперек моей дороги, она должна идти за мной. Мою дорогу не прерывают безнаказанно.
Захохотала.
— Как я люблю, что вы смеетесь надо мной. Как мне у вас приятно. Я выхожу очищенный.

---

* «в ∞ день» — другим пером.

Выходит. Лиза догнала, не играй, 300 руб.
— Откуда ты знаешь?
— От Онисимовны.

О флигель-адъютант⟨е⟩.

Князь несчастный какой-то. Это великодушный, добрый.

Признаюсь, я был приглашен, но она совершенно сделала вид, что я заехал случайно.
Широкость ли это?

У меня распущенное ухарство. Я играю (выходя).

— Приезжайте чаще.

Версилов, кажется, интересовался, что делает Анна Андреевна у князя. Он меня расспрашивает про вас, говорит он Анне Андреевне.

Как приятно сказать человеку приятное *.

С тех пор, как я узнал вас.

Он не любит,
А Она Его?

И когда мы с ним (с князем) ссоримся — мне больно.

Выйдя от Анны Андреевны, полетел. Опоздал.
— Неужели, неужели, она дала мне свидание?

Лизе (выходя): Ты давеча была у Дарьи Онисимовны.

Я гляжу на Россию.
Послушайте: мы перенесли татарское нашествие, потом двухвековое рабство, [единств] т. е. крестьяне и их помещики единствен⟨но⟩ потому, что то и другое нам пришлось по вкусу. Теперь надо свободу перенести: сумеем ли, по вкусу ли нам свобода-то?
Анна Андреевна встала и ушла.
Лиза. Совершенный папаша, да ты у него взял.
— Ты отрицаешь во мне всякий ум?
— Полно, не говори так.
Поцеловал руку у Лизы.
Л. Вы добрый и премилый.

Во всем этом прогрессивном движении нашем за последние 15—20 лет мы прежде всего доказали, что страшно необразованы.
Лиза. Ужасно, как ты отвлеченно говоришь.
Под. Лиза, не приставай ко мне.
Под. Во мне все низости падения!
— Ну вот опять. Вы нашли бесчестным Версилова, такого благороднейшего человека. Вы даже не сумели этого выразить.
Под. Надо не уважать людей, я с первого себя и начинаю. //
О подлоге акций.
Князь.
Знает⟨е⟩, я хочу играть, я хочу выиграть, игра — скверность, но это все временно, только бы выиграть известную цифру... и... тогда...
Я глянул и увидел оскаленное выражение. Конечно, я не доведу до чрезмерной цифры.

---

* Справа от этой фразы: «Олимпиада».

Вы хотите и невинность соблюсти и капитал приобрести. [Я хочу] Я хочу, чтоб вы взяли! Вы не знаете, что у меня!

Если мы поцелуемся с вами...

Если вы поцелуете! Что за нежности.

С отвращением поцеловал.

— Мы были друзьями.

— Ну-ну-ну... хорошо, хорошо...

Право я не знаю, эти 300.

— Берите, берите. И я взял.

Если б вы знали, что в душе моей, о, если б он знал, что в душе моей.

И я взял.— Я мог достать. Я мог достать у Стебелькова и я шел к нему только не за деньгами. Вчера я получил записку.

При Стебелькове у вас 2-ой-то Бьоринг, вы просвещаетесь, князь. Я вас прошу оставить эту книгу.

Про Стебель‹кова› (Деньги-то принес).

— Это все равно.

— Да я для вас же.

— Принес, принес.

Приехал гость. Такой индивидуум, как Стебельков, конечно, обратил его внимание. Разумеется, я иногда умел себя держать, и князь, кажется, [значит] и меня стыдился. Эта идея приводила меня в бешенство.

При Дитрине выход застрелиться.

Я имею лично удовольствие знать Катерину Николаевну.

После свид‹ания›//

Что-нибудь очень интимное от подростка из воспоминаний.

Что-то было не так, как бы унизительное для Лизы.

Ст‹ебельков› про Дитрина. Это не принято (вексель).

Чего вам? Зачем вы сидели?

А... про то-то... Как же князь.

Нет, нет и нет.

В двери я вас не боюсь, и вдруг догнал его и начал быстро говорить. Стебельков прищуренно слушал, махнул головой: знаем, дескать, и вышел. Князь воротился дрожа. Он хотел было сесть, но взглянул на меня и не сел.

Глаза его точно выговорили: ты зачем здесь сидел?

— Я князь,— начал я.

[— Эх, еще с вами]

— Мне, право, некогда, я сейчас еду.

— Ну и возьмите прежде ваши 300 руб.

Когда я сказал про свидание с князем

Признаюсь, я унижался, но непобедимо. Чтоб не препятствовать сослать‹?›//

О Дворянстве, вере — у князя.

— Это уж что-то идеальное, масонская ложа какая-то (князь был ужасно необразован). Версилов понял, что он хочет возражать из досады.

— Это равняется уничтожению дворянства.

— Если хотите, оно никогда, может быть, и не существовало и т. д.

— Слова его показались мне только вначале ретроградными, но потом он понравился (3 раза повторить!)

— В обществе беспорядок. Вы сами произведение одного лишь беспорядка.

Из придворных и рабовладельческих.

— Боже, как ты ему льстишь.

— В нем столько же достоинств, сколько и недостатков.

— Боже, как ты ему льстишь.

— Чем льщу?— не понимая с первого разу.

— Вы что-то хотели сказать, но изложить не сумели, вон у вас Бьоринг.

Оставьте, пожалуйста, ваши законы.

— Ну у вас не логика, у вас какое-то чувство. О, как я был не искусен, правда, но у меня совершенно другое было [тогда в душе], пело в душе моей.

Да ведь его мощи явятся, если ⟨с⟩только достоинств.

В этом смысле князь был умнее меня: он сейчас заметил, что тот отделывается насмешкой. Что-то оскаливающееся.

Вы говорите про Версилова, зачем он сам не таков — вот ваша логика. Но это дичь, а не логика, потому что если бы он был и не таков, то все-таки мог бы проповедовать правду. А во-вторых: чем он не таков.

— Нет уж, коль начал сам проповедовать высшую правду, то и сам будь справедлив.

— Это вы его назвали бабьим пророком.

В Коране сказано, в одном месте, что на таких людей смотреть, как на мышей, и делать свое дело.//

1. Такая же монструозная мысль, как и другая клевета на нее, что она обещала князю Сергею Петровичу выйти за него замуж еще при жизни мужа.

2. Тут была одна глупость, я знаю, ведь из первых рук, высказывался я. Это был один весел⟨ый⟩, легкий, смешливый разговор в одну ясную веселую минуту, в которую князь как-то намекнул ей ввиду ее скорого вдовства, и она, улыбнувшись, ответила ему: «может быть». Это было ужасно легкомысленно, согласен, но что же могло означать это «может быть». Я слишком знаю, что князь никакой цены не может придавать подобному обещанию. Да и совсем не намерен, прибавил я, спохватившись, что немного слишком проговорился о князе и желая поправить... Я его ужасно люблю, начал я вдруг, несмотря на все свои недостатки, это симпатичное существо. В нем какая-то одноидейность, короткость мысли, правда, но всему благородное основание: именно если [сам] говоришь о благородстве, то будь же сам благороден, иначе не ценю твоих слов. Это нелогично, потому что и неблагородный может сказать истину, но это показывает [ну] в князе благородные требования и желания [несмотря на то, что довели... Но... Покажите...я]. Ах боже мой, неужто три часа, [заго] вскричал я вдруг, взглянув на циферблат.

— Без десяти минут, сказала Анна Андреевна.

— Я стал прощаться, *дифирамб*.

— Действительно, подозревать можно, что вы под влиянием женщины.

3. Мама просит, об чем боится.

Я иногда очень дурная. Ну, оставляю вас с вашими маленькими тайнами. Тем более, что некогда.

Лиза, почему ты с ней была не так нежна? Что ты меня дернула? Это прелестная девушка, да-да!.

— Я, я иногда очень дурная.

— Она скверная.

— Полно, Лиза.

— Ну, так я скверная.

После Анны Андреевны Лиза вышла за ним в другую комнату: «Не играй». Ты у князя брал деньги. И вдруг двинула его всею силой: Пойдем сюда. За портьеру. Прошел князь. Шпоры.

— Это князь. Чего ты испугалась?
— Так. Я ни за что не хочу, чтоб он меня видел.
— Ты точно испугалась. Уж не волочится ли он за тобой.
— Полно.
— Я б ему задал тогда...
— Ты против него, его очень не любишь.
— Нет, Лиза, я его люблю. Зачем он меня обидел. О 300 р.
— Почему ты знаешь? Князь.
— То-то бы успел много. Уж в этакого мой Лизочек не влюбится. А знаешь, право, я готов простить его. Он меня обидел, но я готов простить его. Когда мы счастливы, мы так добры.
— А ты счастлив?
— Ужасно, ужасно— [совсем] все, все потом расскажу тебе, Лиза.

— Ну, разумеется, вздор, извини. [Я отыграюсь и отдам ему]. Знаешь, что я тебе сообщу...
— Нет, выйдем. Я не хочу, чтоб он знал, что я сюда хожу.
— Разве ты не туда?
— Нет, я с тобой пойду.
— Ты простилась.
— Прости⟨лась⟩, прощалась.
Вышли.
— Я тебе сообщу, что он приехал сделать предложение.
— Этого быть не может.
— Почему не может?
— Знаешь, что ты на своем извозчике, а я [я сейчас] пойду.
— Обедать будешь? буду.
— Мама просила тебе сказать, чего она не смеет.
— Лиза! Я знаю, что все это мелкое малодушие, но... это только пустяки. Но видишь, я задолжал и хочу выиграть, чтоб отдать. Выиграть можно. Это легко, только б не увлекаться. Я каждый рубль считать буду, но, отдам и забастую, и тогда я ваш, ваш нераздельно, и маме скажи, что и не выйду от вас. А сегодня...
[Да] Сегодня-то уж будешь обедать?
— Буду, буду к обеду, как обещал. В половине пятого.
— А ты очень счастлив? Ты сейчас сказал, что счастлив?
— Дай свою руку на счастье.
— На счастье, мою руку — ни за что, сказала она!
— Я поехал. Лизочка, милая [Что сделал с тобой, как растерзал тебя]. Помню ее взгляд, когда она сказала мне: А ты счастлив? Что-то было в твоем сердце. Жалкий, жалкий крот: я ничего не видел, я ничего не понимал.
И вот это-то счастье, может быть, и было главной причиной, что я ничего не понимал *.

Я в вашей комнате не только не

Ведь он предложение сделать приехал.
Н-нет, сказала она, улыбаясь какою-то бледною улыбкой.//
Я ехал, так же солнечно. Три часа, три часа,— думал я. У меня ужасно стучало сердце. В 3 часа *она* должна быть у Татьяны Павловны. Да будет ли?

---

* «И ∞ понимал»— ниже, среди следующих записей.

Что нужно, смелость или робость? Э, не пропаду!

Я вошел. Нет дома. Я подожду. Я вошел: *она* сидела и *ждала* Татьяну Павловну.

— Да, не застал. Вы, верно, забыли сказать ей.

— Я... я и не видел ее.

— Да ведь я же просила вас передать ей вчера, что я буду у ней в три часа.

— Я не дослушал или вы забыли сказать.

— Трудно представить, чтоб я забыла.

Так вот как это было! А я, я-то подумал, что мне свидание.

— Ах, боже мой, вы-то зачем здесь. Ах, боже мой. Так вы-то зачем приехали.

Я нахохлился. Она рассмеялась.

— Да, вы не можете не рассмеяться! [Вы] (с гневом) Вы не такая, как Анна Андреевна.

— А вы были у Анны Андреев⟨ны⟩?

— Был и слышал про вас, что вы выходите замуж.

— За кого?

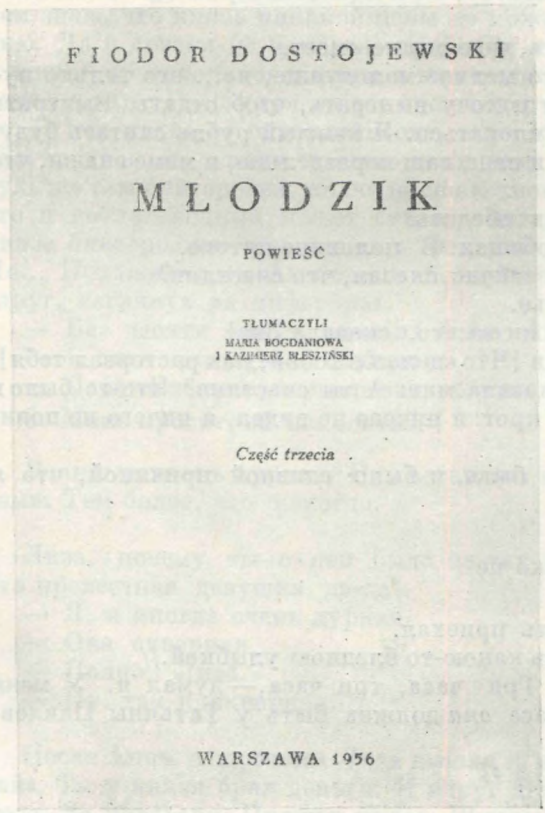
— За барона Бьоринга.

— У ней слышал.

— Нет не у ней. Это у князя (добродушно)

— Я люблю ваше добродуш⟨ие⟩.

— Меня все хвалят за добродуш⟨ие⟩, а я злой; я на вас зол. Кстати, Николай Алексеевич сострил по поводу нашего знакомства, что молодые люди... из угла...



ОБЛОЖКА ПОЛЬСКОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК» (ВАРШАВА, 1956)

— Мне передали, а я сказал, что если перейдет дорогу. Они смеялись. Я ужасно унижаюсь с вами.

— Я не хочу этого... потому что я вам ⟨нрзб⟩ №. Или так, это все подросток говорит; хотите я вам скажу, кто вы такая? И развивает это.

— Я вам все скажу. Документ. Правда это?

— Скажите, правда, и я вас прощу.

— Я рада, что вы заговорили.

— А почему вы сами не говорили.

— Да я не умею.

— Знаете, я вас все боялась, я и теперь боюсь.

— Чего?

— Да что вы бросите́сь и начнете что-нибудь делать, стену ломать.

— Я стену ломать не буду.

— Неужели? безо всякой насмешки и безо всякой второй мысли. (Просто потому, что вам не верится, что я не буду ломать).

Я. Откуда вы эти словечки берете.

Ну возможность только верить, что я сломаю стену.

— Что мне с вами делать? Почему я всегда смеюсь, смотря на вас. Вы радость (дифирамб).

— Простите, не гордитесь всего минутку.

— И под конец, он вдруг, уходя, тоже дифирамб.

Мне вспоминался бедный мальчик, один заброшенный, несчастный. Я полюбила вас как несчастного. Милый мой мальчик, как называет вас мой милый отец.

Мне нравится иметь такого конфидента. Вы душа чистая.

Как кошка с мышкой...

— Какая я кошка?

Один другому мысль забросим хорошую.

— А вы не ревнуете, что я выхожу?

— Нет, дай бог вам счастья. Любите. Это выше мысли, не правда ли?

— И я обманул. Я мог ее обмануть (об документе). Что это широкость? Нет я не обманывал. Я хотел вечером же разорвать документ.

Но вот еще черта, тогдашняя, и сделаешь подлость, а говоришь: потом.

Слуша⟨й⟩те, когда меня в первый раз вывезли.

Ни одного дурного приключения.

Потому что этого никто не видит.

Про Версилова двусмысленно. Что Он, как Он?

I. Я, может, очень виновата перед ним.

— Чем?

II. Не знаю. Тем, что ему прямо, как и вам, вся открыто показалась, всю душу с моими скверными пороками.

III. Какими это?

— Открытостью. Желанием тотчас победить, привлечь, осчастливить.

№. IV. Как можно? Так женщина не бывает откровенна, как я. Она не должна привлекать без любви. А я — я ведь никого не люблю... Я всех люблю. Я назначена *всех* любить и стало быть никого.

V. Почему я позволила себе это. Потому только, что об этом никто не узнает. — Да хоть бы и узнали.

— Но вы рыцарь. Вы скажете: она была сумасшедшая. Но улыбнетесь и — простите мне.

Какие-нибудь мелочи, от *поступка* Лизы.

* Первая глава. После свидания, идучи домой: то, что Лиза была так давеча неблагодарна даже перед Анной Андреевной, меня особенно мучило. И зачем они так злы, так раздражительны.* Они жизни не знают. Жизнь совсем иначе устроена, чем они принимают, все так хорошо и ясно.//

В монолог.

Ваших страстей... Она вздрогнула. Вы в страхе, но и в страхе вы улыбнулись.— (Она улыбнулась).

Я к вам привязался именно потому, что вы простоваты.

Я бы не заговорил, если б я не принял решения.
Хотите и счастливы.
Я боюсь вас оставить?

— Стало быть, вы не всякую минуту имели [наме‹рение›] целью выпытать документ.
— О нет, я часто совсем забывала.

Иезуитство, хитрость, выведывающую змею... а между тем увидел честь, славу, студента.
— Чему вы рассмеялись сейчас, скажите?
— [Что так] У вас есть такие слова... Что такое «выведывающая змея»?

— Нет, я вам благодарен, что вы разбили лед. Вы сделали это ужасно [благодарно] оригинально.
О благословении, он знает.

— Мне Версилов говорил, что Отелло не для того убил, а потом убил себя, что ревновал, а потому что у него отняли его идеал.
— Я это понял.
— Это он прекрасно сказал.
Она собиралась.
Я встал, не зная, что говорить. Была минута вначале, и я вдруг принял огромное решение и знал, что его выполню. Приняв, я сейчас сошел с ума и стал говорить — как никогда не говорил.
Мне пришла в санях великолепная идея. Это та самая живая жизнь, думал я, про которую говорил Версилов. Он не понял, что она так проста, и обвинял ее во всех пороках. Но он не любил ее, а только хотел «спасти», — вот разгадка,— и об Лизиной неблагодарности. Она такая и была, вся такая.
Вот именно то, чего не понимают (в живой жизни) и чего не понял Версилов.
— Тут было одно драгоценное слово: как могла она сказать, что рассчитывала на вашу пылкость... Ну пусть она святая и призналась даже в этом, но это было какое-то уже уродливое чистосердечие для светской женщины (но не в таких словах: она как светская женщина могла бы избежать для своего достоинства), но святое, потому что этим она казнила себя в целомудренности из уважения ко мне, к моему сану юности незащищенного подростка.
Вспоминал я словечки по примеру прежних свиданий.
Так обнажаясь перед мной в своей вине, она тем самым, ясно для меня, прерывала уже навсегда эту игру — завлечения мальчика — и его вразумляла и себя ставила на высшую точку.

* На левом поле: «Здесь».

Хотя *это* ничего, потому что она вся свята.

NB. Перескакивая через все мои падения, скажу: она в самом деле была такая — святая и правдивая! //

Теперь уже нельзя, теперь и грешно! Ах, сколько тут было моего легкомыслия.

Я любила слушать моего мужа. Я любила стремление к чести князя Сокольского.

Версилов.

— Я тогда сидел за портьерой. Вы говорили про письмо. Я выскочил и проговорился. Вы должны были понять, что я что-нибудь знаю. Подождите, не отвечайте пока. Ваши подозрения были основательны. Крафт. У Крафта, он застрелил⟨ся⟩.

Она. В самом деле, вы сами видели. Слава богу!

(NB. Я не солгал ей, я был чист).

— Скажите же, для того ли вы привлекали меня, ласкали меня, принимали меня. Подождите говорить, я не рассержусь, тут ничего нет, если документ вас беспокоил.

— Скажите для того?

— Для того.

— Я виновата.

— Стойте, вы меня поражаете, и я ничего не понимаю. Ведь если для того, то встать и уйти. А вы еще говорите: виновата. Как могли вы унизиться? Слушайте, девять десятых дам вышли бы...

— Зачем же это?

— Вы ведь не боитесь меня, вы ведь верите, что я сам отворю дверь.

— Я вижу, что я была очень виновата.

— Скажите, для чего вы не говорили прежде?

— Я не умела. Мне стыдно было. Потом я вами завлеклась, мне думалось, что вы догадаетесь, и мне стыдно было. Я забывала.

— А здесь для чего назначили?

— Теперь время пришло. Я думала, что здесь лучше *пойдет*, вы здесь разговоритесь. (Улыбнулась, как бы прося снисхождения). Ах, тут много было легкомыслия! Так же, как и во всей истории этого письма. Этот документ был одно из самых грустных и легкомысленных дел (поступков). [Потом] Я думала действительно, что у вас есть. Потом вы стали ходить ко мне, и я завлеклась.

— Чем, чем мог я, бедный подросток.

— Я мало люблю общество, мой муж, как студенты — у вас такие слова... Версилов — все пороки.

— [Довольно, вы насадили рай]. Какие, у вас их нет.

— Есть.

— Какой? Скажите! Пожалуй, не говорите, если нельзя, но скажите лучше.

— Я желала всем нравиться.

— Неужели и мне тоже желали?

Взглянула и улыбнулась.

— Довольно, вы насадили рай. Благодарю выведывающую змею...

— Какие слова! Усмехнулась.

— Но теперь, теперь не ходите ко мне.

— Нельзя, я виновата. Грешно. Бедного мальчика мечтающего.

— Не так часто.

[Он] Отелло, ревность.

— Правда о Бьоринге?

— Я не знаю. Он очень умный человек. Умный и твердый человек. Добрый и великодушный.

— Но он не поверил и стал мне врагом, довольно об нем. Я вас попрошу никогда не говорить об нем.

— Дай вам бог.
— Нет, я унесу только идеал в душе, и того довольно.
Она. Мы больше никогда не будем так говорить?
— Никогда, никогда.
— Нет, уйдите вы *прежде.*

— Да, я не умела. Я и умею, да не люблю, а потому, как студенты.
— Ведь это ничего, ведь вам надо было.
— Нет, так не надо было, вы меня привели в стыд. Я сделала дурно: [Мне очень] потому что я действительно на вашу пылкость рассчитывала. А для чего Крафт разорвал? И вы знаете твердо, что разорвал?
*— Да! Да! (Сегодня же сожгу, думал я).
— Вы мне, как мать теперь. //

22 марта.
Для предисловия.
Факты. Проходят мимо. Не замечают. Нет *граждан*, и никто не хочет понатужиться и заставить себя думать и замечать. Я не мог оторваться, и все крики критиков [не разубедили], что я изображаю не настоящую жизнь, не разубедили меня. Нет *оснований* нашему обществу, не выжито правил, потому что и жизни не было. Колоссальное потрясение,— и все прерывается, падает, отрицается как бы и не существовало. И не внешне лишь, как на Западе, а внутренно, нравственно. Талантливые писатели наши высокохудожественно изображавшие жизнь средне-высшего круга (семейного). Толстой, Гончаров думали, что изображали жизнь большинства,— по-моему, они-то и изображали жизнь исключений. Напротив, их жизнь есть жизнь исключений, а моя есть жизнь общего правила. В этом убедятся будущие поколения, которые будут беспристрастнее, правда будет за мною. Я верю в это**.

Говорили, что я изображал гром настоящий, дождь настоящий, как на сцене. Где же? Неужели Раскольников, Ст〈епан〉 Трофимович (главные герои моих романов) подают к этому толки? Или в «Записках из Мертвого дома» Акулькин муж, например. Из этого-то (гражданского) чувства я передался было к славянофилам, думая воскресить мечты детства (читал Карамзина, образы Сергия, Тихона) ***. А подполье и «Записки из подполья». Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости. Как герои, начиная с Сильвио и Героя нашего времени до князя Болконского и Левина, суть только представители мелкого самолюбия, которое «нехорошо», «дурно воспитаны», могут исправиться потому, что есть прекрасные примеры (Сакс в «Полиньке Сакс», тоже немец в «Обломове», Пьер Безухов, откупщик в «Мертвых душах» [и что они тольк]). Но это потому, что они выражали не более как герои **** мелкого самолюбия. Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться! [Что] Что может поддержать

---

* На левом поле: «Здесь».
** «Напротив ∽ это» — на левом поле.
*** «Или ∽ Тихона» — на левом поле.
**** Первоначально: «поэты».

исправляющихся? Награда, вера? Награды — не от кого, веры — не в кого? Еще шаг отсюда, и вот крайний разврат, преступление (убийство). Тайна.

Говорят, что Оля недостаточно объяснила, для чего она повесилась. Но я для глупцов не пишу. //

Болконский исправился при виде того, как отрезали ногу у Анатоля, и мы все плакали над этим исправлением, но настоящий подпольный не исправился бы.

Подполье, подполье, *поэт подполья*, фельетонисты повторяли это как нечто унизительное для меня. Дурачки, это моя слава, ибо тут правда. Это то самое подполье, которое заставило Гоголя в торжественном завещании говорить о последней * повести, которая *выпелась* из души его и которой совсем и не [бы] оказалось в действительности. Ведь, может быть, начиная свое завещание, он и не знал, что напишет про последнюю повесть. Что ж это за сила, которая заставляет даже честного и серьезного человека так врать и паясничать, да еще в своем завещании. (Сила эта русская, в Европе люди более цельные, у нас мечтатели и подлецы).

Причина подполья — уничтожение веры в общие правила. «*Нет ничего святого*».

Недоконченные люди (вследствие Петровск〈ой〉 реформы *вообще*) вроде *инженера* в «*Бесах*».//

Продолжение и окончание 2-й части. 4/5 апрел〈я〉.

** Обед у матери. Версилов брюзжит. Подошла Татьяна Павловна, с ним очень дурна. Подросток и радостен и неловок. Наверху застал обнявшуюся мать и Лизу. Лизе сказал какую-то глупость, но по случайности явный намек. Вышел с Версиловым. Разговор. Короче. Дома. Мать Оли. Игра. Сцена с князем. Узнал все. На завтра Лиза. Князь к подростку при Лизе. Сцена между ними, непременно. Пошел к Стебелькову. Тот (Арсеньев). Он к Васину. Васин предупреждает. У хозяина *** (сцена между князем и Лизой) ****. Отношения к князю. Мучение и цинизм подростка. От Версилова холодность. Вдруг Татьяна Павловна спрашивает подростка: что он это сделал? Версилов-де письмо написал. История и сцены с письмом. Татьяна Павловна говорит, что была тогда за дверью *****. Старый князь. Анна Андреевна. Подросток в бешенстве на Версилова. Ст. князь выгоняет подростка через Анну Андреевну ******. Тот в отчаянии. К Ахмаковой, встреча с Бьорингом *******. Обижен Бьорингом ********. Фейерверк мыслей: в Америку. (У хозяина похороны). Ссора с молод. князем за Лизу и с Лизой. Достал денег. Отыграться и бросить все! Проигрыш и сцена с рулеткой. Донесу. Ужасная ночь, встреча с Ламбертом. Andrieux. Фантастически *********.

NB. Больше обратить внимание на Лизу, *теплее*. Версилов после письма пропадает из дому. (Посещение ребенка и молебен за Олю).

---

* Над строкой.
** На левом поле: «КРАТЧЕ».
*** «У хозяина» — на левом поле.
**** Фраза в скобках над строкой.
***** «Татьяна ∞ дверью» — на левом поле.
****** «через ∞ Андреевну» — позже.
******* «к ∞ с Бьорингом» — над строкой.
******** «обижен Бьорингом» — под строкой.
********* Внутри этого абзаца и на левом поле цифры: «1,2,3,5,6,7,8,9,10».

ИЛЛЮСТРАЦИЯ М. Г. РОЙТЕРА К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Тушь
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

БЫСТРЕЙ.

Озябла. Девочка. // Девочка (озябла). Необходима ему во всем романе как убежище от Версилова, Ламберта, недоверия Лизы, *безучастия* матери. Он к ней удаляется. Девочка умирает перед самым замыслом — решением на Ахмакову, забитая. Эта смерть приводит подростка в отчаяние.

Замысел же на Ахмакову начался еще при Макаре. Тут можно, еще при Макаре, вдруг выходку его к флигель-адъютанту Бьорингу. Подросток оскорблен.

При⟨е⟩зд Марьи Ивановны.

У хозяина не умирает жена, а он только мирит хозяйку с хозяином. Хозяин же пригодится, когда ст. князь бежит к подростку.

Хотел зажечь и *. Озябла. В квартире прибили [топиться] *. Топиться. Ламберт.

БЫСТРЕЕ 2-ю часть. //

Текущее. 4/5 апреля.

Подросток сознается Версилову (после обеда) (вход в трактир) о свидании с Ахмаковой, но свысока к Ахмаковой, не признаваясь в любви своей, а лишь в том, что та про документ спрашивала. Сделал все, чтоб только сказать, сначала третировал Ахмакову свысока, а потом вдруг выдал, что

---

* Над строкой.

любит. Версилов все расспросил. Все из восторга. Тут и о счастье человечеству, и о философии. Поцелуй. [Дам]. Версилов в трактире. Живее. [Дома — мать Оли]. [Игра]. Дома мать Оли. (Все восторг). Игра и князь. Пробуждение. Лиза у него. Вошел и князь.

В конце 2-й части, уже после *измены* к Ахмаковой, о том что бросить игру теперь уже почти невозможно. «Идея». Когда-то еще она узнает об идее, а неужели теперь обратиться в мышь? Я в свете должен встретиться с Бьорингом... Я [дока] обязан теперь встретиться с Бьорингом.

До измены генеральши: В [его] мое сердце минутами вдруг нисходит реальная правда: а что ж, ну и любовница сестра, и на содержании, разве не у всех так. Версилов же не [ужас] смущается. Э Версилов! Версилов — фраза...

«Готов был целовать».— Я целовал. Я раза два бросился на пол и целовал ковер, где она стояла.

Версилов за обедом скучен. Яснее показать, что *из-за того* (Бьоринга).

Версилов пламенно сообщает ему об légion d'honneur *. Это могло бы в двух видах [сохранить] совершиться, или от правительства, или от себя.

Версилов урвал его опять от семейства и от Лизы. С Лизой у подростка назначенные свидания для примирения и проч. //

Из письма Версилова к Ахмаковой: ... Документ этот существует: я видел это по глазам дурачка, который хотел меня уверить, что он сожжен. Но он не сожжен, а потому бойтесь. //

КНЯЗЬ. Князь. Я, может быть, женюсь на вашей сестре.

— Э, все это были мысли, а теперь дело.

— Ваша сестра говорила мне тоже, что вы ничего не знаете, но я все не мог поверить. //

Слова Версилова. Что же касается до Петербурга, то это все бумажные люди и уже почти что люди из бумажки.

Версилов о связи князя с Лизой: Да и что я могу тут, в свободе сердец?

После того как объяснилась беременность Лизы, подросток спрашивает Версилова: Как могли вы, подозревая, что я знаю о связи Лизы с князем, и видя, что я в то же время беру у князя деньги,— как могли вы говорить со мной, протягивать мне руку, не презирать меня хуже собаки?

Версил. Друг мой, дело совести. Я достаточно вскакивал в совесть других и вынес одни щелчки и смех; щелчки наплевать, но главное в том, что этим маневром ничего не успеешь: никто не послушается. И тут о краске лица.

Как могли вы, подозревая, что я знаю о связи Лизы,— протягивать мне руку?

Верс. Как мог? ... Я тоже, может, боялся мой идеал потерять и вместо моего пылкого и честного мальчика негодяя встретить. Почему не предположить во мне вместо коварства чего-либо более наивного?

---

* почетном легионе (*франц.*).

— Так вы были не уверены, не уверены *.
— Я человек старый, я молодых не знаю **.

В 3-й части.
Верю, верю, мой друг, и в Лизавету смердящую верю, из всех сил верю, (Лизавета смердящая, по легенде, кричит Христу: Ну теперь, Христос, ты не посмеешь мне отказать в царствии... А если откажешь. то и тут свят. Вознесешь других, и тут свят, а меня во ад, и тут свят! В пламени, с чертями буду, и все буду кричать: свят, свят, свят! (NB. Исступление, факирство).

... И с беспрерывной соплей на носу. //

Мать под⟨ростка⟩***. //

САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ РЕШЕНИЕ. 4/5 АПРЕЛЯ.

Во 2-ю часть ввести лишь предложение Стебелькова продать ему *тех*. Подросток в негодовании и идет к Васину, а Васин предупреждает его о князе (об акциях). Затем, в 3-й части, Васин хоть и компрометирован Стебельковым, но поверяет рукопись подростку. *Тот* хоть и под влиянием Версилова и Макара Иванова, но под впечатлением, что хранит рукопись, хочет сам в заговорщики. Когда Ламберт**** донес о рукописи, то Васина арестуют, подросток в это время ночевал у него. У Васина подозрение, что он донес, а так как на подростке подозрение, что он донес о рулетке, то этим подозрением он уже раздавлен и хочет *жечь*.

7 апреля.
ДЕВОЧКА. Лиза отвергла подростка, как ему кажется. Все перед ним виноваты, кажется ему, и у него одна эта девочка.

15 апреля.
Девочка озябла. Умирает, говорит: «*Ничего!*» (Кольцо Бисмарка). Подростку говорит вместо ласки: «*На*», и отдает какую-то свою драгоценность, игрушку или что-нибудь. //

(Уходящей Лизе): Я, Лиза, думаю, что ты крепкий характер; я все говорил, а ты мне ничего не сказала, а уходишь победительницей. Да, я верю, что ты его подчинишь и меня подчинишь.

Я смотрю на каждое дело мрачно. Я заслужу перед нею, не говорите ей. Послушайте, я вам сказал (предло⟨жение⟩ Ан⟨не⟩ Андр⟨еевне⟩), потому что я слишком мучаюсь.
— Не я отказался, а она мне отказала. Я болен от этого.
— Вы сделали предложение.
— Да, я ездил сделать предложение.
— И потом, я не сделал, я ничего не сказал, но потому, что не успел, она предупредила меня и сказала, что это мысль.
— Значит, все равно, что не делали, и гордость ваша должна быть...
— А перед Лизой все-таки подлец,— не говорите ей.

Мы *прежде* о рулетке.

---

* Против этого и предыдущего абзацев на левом поле цифры: «1)», «2)».
** «Так ∞ не знаю» — на левом поле.
*** «Мать под⟨ростка⟩» — на пустой странице в правом углу.
**** Над строкой.

Вечером нашел записку Стебель⟨кова⟩. Видел Версилова в трактире. Анна Андреевна. После князя, утром, Татьяна Павловна. У Стебелькова (про Анну Андреевну). У Васина (секундант). К ст. князю — об Анне Андреевне и письмо. У крыльца поджопник от Бьоринга. Прибежал к Татьяне, рыдая: письмо Версилова. К Версилову: барон Роден (мать и сестра наверху). Вы маньяк. Вас позовут в высшее отделение. В таком случае он себя оградит, и вас позовут совсем в другое место. Бьоринг еще не при чем. Молодой человек пусть будет здесь. Ушел Роден, смех Версилова; я ведь их туда засадил. Э, оставь меня в покое, пойдем. Тут письмо князя.

— Прекрасно, что имеешь дело с человеком, который умеет говорить так ясно и так коротко.
— О, вы остроумны, я это слышал, но остроумие не всегда ум.
— Глубокомысленное замечание, господин барон Россен.

— О, я слышал, что вы остроумны, но остроумие не всегда ведь ум.
— Чёрт возьми, вы меня в самом деле соблазняете.
— Такое отречение от своих слов есть почти подтверждение их.
— Неужели? — усмехнулся Версилов.
На другой день князь сдался. Письмо его ко мне. Мама, Лиза. (*Она* в уме). В Америку, выиграть. Сцена на рулетке.

Васин. Там нет ничего, послушайте, там в сущности нет ничего. Одни разговоры. Я вам это глаз на глаз говорю и как человеку, которому верю. Но я все-таки вам благодарен... Он слишком знает, что меня там нет.

Версилов. Этот брак (Ан⟨ны⟩ Андр⟨еевны⟩) совершенно светская вещь.
Что она захотела денег и положения в свете? Но ведь это стоит же того.

Эта закуска Бьорингу не понравится.
— И это гласно?
— Нет, тут ничего нет гласного. Мне передал сын, Андрей Андреич. Не знаю, как это сделано; секрет ли еще это пока большой или нет; но все, что я сказал тебе, верно.
— Что же ст. князь?
—То-то и есть, что он в восторге. И там, конечно, страшный переполох. Ты понимаешь это.// Так тебя там осмеяли! Ах бедный мальчик! (и захохотал в глаза).

Все смутно, рулетка.
Князь в письме: Я ей сказал о том, что делал предложение Анне Андреевне. Она все простила. И еще: Я вам должен сказать, что я более виноват в этом деле (акций), чем вам вчера выразил.
Я нахожу ужасно подлым любить благородство в идеале и позволять себе беспрерывно падать.

Князь перед рулеткой: Не находите ли вы этого грязным. (Мы тысячу раз это делали).
Подр. Деньги всегда грязь.
— Трудовая копейка — не грязь.
— Сделаем последний раз и закаемся.
— Вот я это тысячу раз себе говорил и тем погубил себя.
— Это верно, но если нет выхода.
— Нет, есть один, *княжеский*.

— Какой?
— Потом. Едем.
Сделаем одну пробу.

У меня весь вечер нервно дрожала челюсть. Ведь он разве благороден (Бьоринг), он сам себя продает, и Анна Андреевна себя, продает все. А Версилов маньяк. Злобно засмеялся. Да маньяк, маньяк (ревность за Катерину Николаевну). Вы в похоть, а я , а я в свою идею. А эта женщина, эта женщина. О, это ниже всего низкого.

P. S. и в письме. Я вам сказал, что есть выход княжеский. *Я* его сделал. Но я и тут опоздал, не следовало ездить играть.

Верс⟨илов⟩. Всего хуже, что ты тут якшался, играл, впрочем, я тебя не сужу.

После объяснений Версилова с Бьорингом: Сделаем одну пробу (рулетку). Князь улыбнулся: Я подумаю. Я болен теперь.
За рулеткой князю: Вы отказались от меня!
— Что же я мог сделать больше. Я уже без того подавлен тем, что [сюд] последовал вашему совету и сюда приехал.
— Вы гнусный аристократишка.
— Я вам докажу, что нет.

За рулеткой. Да я могу свидетельствовать, что господин Долгорукий не может украсть, насколько я, по крайней мере, знаю его. (Перед обыском).
— Стало быть, вы не совсем его знаете?
— Я желал бы быть избавлен от некоторых вопросов.

В письме: Я от вас не отказался, но я, конечно, мог действовать в вашу пользу решительнее.

Вечером у князя. История прапорщика. Я хотел из Луги написать обществу офицеров и прапорщику и колебался и мучился. Вот тогда я все открыл Лизавете Макаровне.
— Что сказала Лиза.
— Не писать.
— Поправьте ⟨?⟩ Не в прямых, конечно, но в слишком прозрачных словах дала мне ясно и деликатно понять, что идея эта невозможна.
— Она решила как женщина.
— Она сказала, что я бы себя равносильно полюбил. Так ли? Так ли?
— Да я думаю они не имеют доказательств полных.
Но каково же лгать-то?

— Лиза знает?
— Нет, всего не знает. Потому что я сам узнал всю эту историю только теперь от Стебелькова и от Жирондского. Я уже забыл о ней.
— Но, послушайте, ведь если они донесут, то ведь они себя же предадут.
—Но быть солидарным с этими мошенниками! Быть их товарищами вечно вечно! Они что теперь говорят, чем угрожают, за что хотят денег? Они говорят: [ведь ее] мы, конечно, не выдадим, но в случае чего, тогда... Это Жирондский так грозит, а Стебельков мне так передает. Этот Жирондский, кажется, намерен что-то украсть, какие-то доверенные деньги и укатить в Америку. Мне что-то в этом роде Стебельков пояснил. Ну так вот, ему деньги на Америку-то и нужны.

Когда после сцены с секундантом Бьоринга прибежал к князю, тот говорит: Я хотел было на рулетку! Вы презирать меня...

— Нет и я, и я...

— А не находите ли вы это грязным.

Деньги грязны, но... у меня все кончились, и мне во что бы ни стало надо выйти.

Какая ненависть! — вскричал я.

«Ненависть!» — прошипела Татьяна, злобно смеясь мне в глаза.

— Я пришел к заключению: нет, нельзя драться.

— Может быть, тем лучше для барона Бьоринга.

— О, я знаю, что вы остроумный человек, но остроумие не ум и вдобавок, признаюсь, я вам очень благодарен, что вы меня избавляете. Так я не люблю всех этих нелепостей.

— Да, но себе позволяете...

— Мы живем не в лесу, а в благоустроенном государстве.

— Вы так полагаете, добрый барон Россен.

— Вы меня, признаюсь, очень испытываете доказать вам, что я не очень то добрый барон Россен.

Одно странное ощущение оставалось у меня в уме, что будто бы я говорил. Ламберту, что у меня есть документ, которым я могу всех и все уничтожить.

Когда я очнулся — радость, что Ламберт не знает моего адреса, но каково же было мое удивление, что, подумав несколько, я вдруг сообразил, что и я не знаю его адреса. Я совершенно забыл, где я был, комнату, Адольфину помню, но где, в какой улице — забыл.

Суздальские бояре.

— Прежде всего вопрос о Катерине Николаевне Ахмаковой *должен* быть совершенно устранен.

— Вас бы и так образумили, но для вас сделали снисхождение. Вы недостойны этого снисхождения.

Ревность к Версилову за Кат. Николаевну. Была ли это монструозная идея? Все могло быть, я был сброд ощущений, потрясавших меня, и в которых я не мог дать себе отчета. Одна [была] оставалась точка опоры: *моя идея*, и за нее-то я и цеплялся. //

Выходило, что она тесно связана с maison * Andrieux и даже произошла из maison de m-r Andrieux, но была отторгнута от maison Andrieux. Трудно представить, чтоб она была его любовницей, но могло быть и это**.

Où allez-vous, m-r?***, разодранным, раздавленным криком, прокричала она.

Это строгое лицо, строгое и прекрасное лицо,— это лицо из лучшей, великолепнейшей английской гравюры.

David — Salomon, у меня все это кружится.

---

* домом (*франц.*).

** Далее следует несколько французских фраз, представляющих собой заготовки к монологу Альфонсины (т. 8, стр. 377). Имеется лишь одно разночтение. В рукописи: *Tue-la* voilà—le dernier mot de la civilisation et de l'Académie Française (*Убей ее,*— вот последнее слово цивилизации и Французской академии).

*** Куда вы идете, сударь? (*франц.*).

Анна Андреевна сама сказала мне. Это было совершенно целомудренно, чисто и великолепно, вроде стихотворения.... Я поцеловал у нее ручку и заплакал от восторга...

(И он заплакал). Пусть это мечта... Но пусть не отымают от меня эту мечту. Пусть дадут мне умереть с этой мечтой. И Катерина Николаевна обещала мне это. Мы начали наш роман, и пусть нам дадут его докончить. Пусть это мечта... Но пусть не отымают от меня эту мечту. Пусть дадут мне умереть с этой мечтой.

Жизнь с друзьями, с родными, с милыми. Это рай. Я бы всех простил. Мне хочется всех простить, и я давно уже ни на кого не сержусь. Катерина Николаевна улыбается в глаза: но ведь я же не говорю, ma chérie, что я совсем уже царь Давид. Это так, это только сравнение, la poésie dans la vie *. Чему же ты, говорю, улыбаешься? Chère, chère, я никому не хочу повредить. Но я силен, я опираюсь. Quelle charmante personne**, а?

Но как ты давно не был, мой друг, и как много-много-много прошло с тех пор.

Я не знаю, для чего жизнь так коротка, чтоб не соскучиться, конечно, ибо жизнь есть художественное произведение творца в роде пушкинского стихотворения. По крайней мере тем, которым не скучно, тем бы и дать жить дольше. Мне, например, не скучно. Les chants de Salomon, mais non, c'est David, qui mettait les jeunes belles dans son lit pour se chauffer dans sa vieillesse ***. Милый друг.

Ст. князь. Об этом история умалчивает, не то, ничего! Мы так и решили. Это семейно-семейно и семейно. Я только открыл Катерине Николаевне, потому что считаю себя виноватым. Всякая вещь может быть и величественна и смешна. У Поль де Кока вышла бы [une] из всего этого une scène de bassinoire ****.

В Поль де Коке нет изящества, а то бы он был великолепен, вкуса нет у них, клянусь, le goût est chez nous *****, у русских, в наших старых домах... уцелевших еще. В этом я патриот. //

---

* поэзия в жизни (*франц.*).

** Какая очаровательная особа, а? (*франц.*).

*** Песни Соломона, но нет, это Давид, который брал в свою постель молодых красоток, чтобы согреть свою старость (*франц.*).

**** сцена с грелкой (*франц.*).

***** вкус у нас (*франц.*).

ЗАПИСИ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ РОМАНА

9 мая.

Макар производит на Лизу потрясающее впечатление, возбуждает страстное религиозное чувство. Она говорит: Я этого ничего не знала. Затем вдруг сердится на Макара, будирует. Потом она и Версилова слушает (его идеалы) и сильно приобретает. Но деловая. Свадьба с князем. Князь оправданный в восторге и — застреливается. (№. Он должен возбудить чрезвычайную симпатию).

В подростке, после болезни, несмотря на Макара и Версилова, возбуждается мрачное чувство. Происходит чувство мести и ревности. Тоска по идеалу.

1) Идея самосовершенствования и 2) поскорей прославиться, чтоб отомстить * — борьба между этими идеями.

А «идея» — он понял это только теперь — была лишь развитие мести за все, за все, хоть на 50 лет.

№. Страшное простодушие Версилова потрясает его.

См. в желтой книге, 25 февр.

Молчи и никому не говори ничего! Вот мое новое правило.

Версилов восторжен, оттого и говорил про социализм. (*Простодушие*).

По выздоровлении Версилов и подросток — оба сродни, страстное сострадание к Версилову, безмолвное.

Ст. князя увезли.

У подростка по выздоровлении идея о *ней*, тоска по идеалу. И во все остальные две части у него или опять страстная возрожденная вера в ее чистоту (вера насильно, говорит Версилов)**, или горше прежнего ⟨в⟩ падение. Наконец он убеждается в ее виновности (через Версилова). Тогда разочарование, цинизм и Ламберт. Мрачная идея поймать ее на документ (пожар). Но перед самым исполнением более благородная мысль: вручить ей документ, т. е. *исполнить долг чести и пройти мимо*, в «идею». (?№. *Может быть*: Альфонсина прячет его. Ламберт и Версилов нападают на нее, подросток освобождает). Украли документ, зашили карман, Альфонсина и зашивала.

После выздоровления: тоска по идеалу, идея мести и ревности и *борьба с идеями* Макара и Версилова. Версилов наконец объясняет ему свои отношения к Ахмаковой. Тут вдруг быстрая встреча подростка с Ахмаковой и новое оскорбление от Бьоринга (по поводу бегства ст. князя к нему). Он опять разочаровывается в Ахмаковой. //

---

* «чтоб отомстить» — другим пером.

** Записи в скобках — между строк, другим пером.

Лиза. В ней вдруг открывается религиозность. И пока подросток и Версилов (после Макара) еще собираются, она, по смерти князя, решает в монастырь. Но ребенок.

* Кроме религиозности в ней высокомерие. Она именно могла полюбить князя отчасти за то, что он ниже ее характера (слабее) и нуждался в ее помощи. (Похожа характером на Версилова. Надо сцену с ней Версилова. Тоже сцены с ней и Макара).

О монастыре она противоречит и спорит**.

*** Бешеное и болезненное письмо Версилова к Ахмаковой было пущено не в бреду и с одним только желанием оскорбить во что бы ни стало, а и с большим расчетом: так как *она* выходила за Бьоринга, то зная [как их] таких людей, как Бьоринг, он думал остановить его страхом скандала и таким образом разрушить (разорвать) начинавшийся брачный союз. И действительно, он был очень доволен, что Бьоринг, посылая Розена, [был] настаивал особенно на том, чтоб все, что касалось *этой дамы*, было устранено из объяснений.

30 июля. №. Ложась спать: почему она одна бьется в моей голове. Даже Ламберт не так сильно. Дело в том, что я ее люблю ****.

Версилов. Спасет Россию Христос, ибо это все, что осталось ей народного; в сущности все, что было в ней ***** народного, есть Христос. Кончится вера во Христа, кончится и русский народ.

Практически — проповедовать, подвиги.

— Давай делать подвиги (наивное соглашение).
— Да, мой друг, изволь. (И тут Он свою исповедь об *ней*) ******.
— Женитесь на маме.
— Да, мой друг, изволь, мой друг.
(Это же завещал и Макар). (Разбил образа).

Давай делать подвиги. (И тут исповедь об Ахмаковой).

Что значит предок и память о предке (Макар).
За душу свою благодарить.
Каждая травка поет.
Новый народ идет (патриот).
Глупенький отрицатель бога, нигилист и нигилистка. //

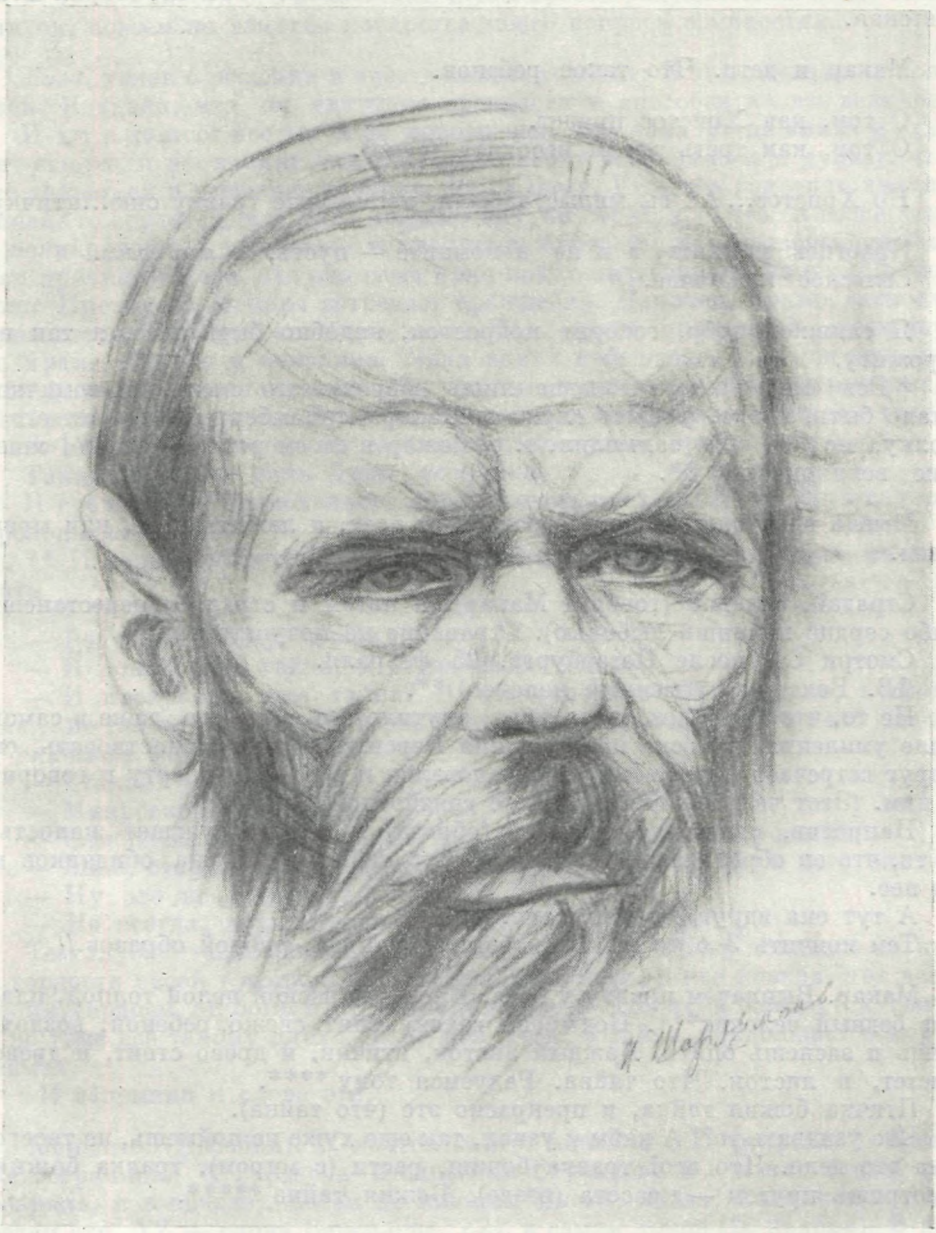
Подросток. Я об вас думал, да ваш пустынник закона ******* тяготения не знает.
— Почему ты думаешь? всякое есть знание.
— Какие люди идут туда ********.

Леса — луга, природа.

Сначала среди природы, *жалко* было, что *один*, а потом я увидал, что я *со всеми*. Так и пустынник, сорок лет в пустыне, а *со всеми*.

---

* На левом поле: «2-я глава».
** «О ∞ спорит» — другим пером.
*** На левом поле: «*Здесь*. № !! Это в начале 2-й главы».
**** «№ ∞ люблю» — другим пером.
***** «в ней» — над строкой.
****** «Да ∞ об ней» — между строк, другим пером.
******* Исправлено из: «законов».
******** «Я ∞ туда» — на самом верху страницы, ближе к правому краю, другим пером.



ДОСТОЕВСКИЙ

Рисунок (карандаш) И. А. Шарлеманя, 1924 г.

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

А где же польза? Бог не попустит без пользы, обличит, Мария Египетская.

Макар и дети. Что такое ребенок.

О том, как Христос придет.
О том, как треть травы иссохнет (сила).

Но Христос... Ах вы милые, забыли, посмотрите травку сию...птичку

Праотцев помнить, а и не попомните — пусть, *а я с вами.*
Сельское кладбище. //

Я слишком добр, говорит подросток, надобно быть злее, я так не проживу.

* Вся «моя идея» есть одна лишь доброта, это смешно и комично, стало быть, низко. (Садясь слушать Макара). (Ламберт не сбивает его с толку, но он свое замыслил, т. е. пожар в своем роде, [великое] мщение великодушия) **.

Мысль идти паломником, страдать от всех, и любить всех, или мрак идеи.

Страдай, страдай (говорит Макар), а потом и страдать перестанешь (ибо сердце напоишь любовью). Страдание не почувствуешь.

Смотри Ст. после Петербурга. 25 февраля.

(NB. Век и современный человек) **.

Не то, что Версилов опять упал, смутило его, а просто, даже в самой силе умиления, и после предложения Версилову идти странствовать, он вдруг встречает Альфонсину и обрадовался и идет к Ламберту и говорит с ним. (Этот человек мне роднее, с грязнотцой.)

Напротив, падение Версилова (образа) в нем возбуждает жалость. А то, что он обрадовался Ламберту, был тайный гнев на обидчиков и на нее.

А тут она вдруг ему свидание.

Тем кончить 3-ю часть, т. е. бегством князя, рубкой образов.//

Макар. Выплачем правду у бога. Иной раз весной целой толпой, плачет бедный человек***. Подымешь голову, спят, свежо, ребенок, воздохнешь и заснешь опять. Каждый листок, птички, и древо стоит, и древо растет, и листок. Что тайна. Радуемся тому ****.

Птичка божия тайна, и прекрасно это (что тайна).

Что узнавать-то?! А кабы и узнал, так еще хуже не поймешь, не твоего ума это дело. Что это? травка божия, расти (с миром), травка божия Смотришь кругом — красота (везде). Божия тайна *****.

— Вы странник.
— Странник, голубчик. В мире был грешен и суетлив.
— Чему же радуешься-то?
— На бога радуешься.
— То и есть за милости его?

---

* На левом поле: «Во 2-ю главу (2-ю часть)».
** Запись в скобках позднее.
*** «Иной ∽ человек» — между строк.
**** «Каждый ∽ тому» — между строк.
***** На левом поле: «Во 2-ю главу».

— И за милости его неисчетные и так просто радуешься на него, отвечал он, совсем не заметив коварства моего вопроса о милостях.

Лиза, узнав о решении и аресте князя, говорит: Я этого только и боялась. Я знала, что он слишком прекрасен и способен на все великое.

И тут в доме от нее ад: всех подозревает, что нападут на князя и охулят его, если же хвалят князя — то не верит искренности и думает, что это только ей в утешение говорят. Даже маму. Если же искренно хвалят князя, то сердится, что мало воздают ему, он страдал *, что он выше всех и великодушнее, чего даже и хвалящие будто бы не способны понять. Вся причина оттого, что она сама ярко видит ничтожность князя. Но любовь. Проповедь Макара встречает враждебно. Наконец, прямо, *вызывая*, признается Макару, что беременна. Тот вроде прощенной женщины во храме, кротко и боязливо. Лиза вдруг побеждена. Тут уж признается даже (отрывочно, невзначай), что князь ничтожен. (Но он мне мил). Ревность князя ее приводит в бешенство. Она беспрерывно бегает к нему, к его адвокату, мечется по начальству, по судам; брак...

Таким образом роль Лизы *устроена*.

И среди всего безысходного горя, иногда смех и шутка. (Луч солнца продолжает⟨ся⟩!).

** И только после смерти князя Лиза страшно потрясенная, вечная мать.

— Радуешься тому, что тайна.

— И покой твой тайна, и вздох твой тайна.

— И прекрасно, что тайна? Я это запомню. Но, однако, в свете ума... не так я сам понимаю и сам роптал. Мне кажется, очень мало знают и слишком много гордятся.

— Этакой ум у тебя...

— Микроскоп — еще пуще тайна.

— Сам ты не ведаешь, может, что сказал, а правильно сказал.

— Знай, старче: что чем больше человек узнал, тем он к богу ближе.

— Ну это не всегда так.

— Не всегда, друг. Видал я много ученых людей.

Тем глубже тайна становится и тем ближе она к богу подходит. А кто в гордости своей говорит: нет уж больше тайны, я все познал, тот всем своим сердцем от бога и от истинного света уходит и впадает в тьму, и во тьме все такому плохо. Так, мой друг, а тайна продолжается нерушимая.

И запомнил я слова эти.

Memento. (Пособия). В желтой книге: начиная с 25 февр⟨аля⟩. В ней же: страница? X°. (Слова и словечки Версилова и в конце книги, см. февраль, и в начале). Затем по именам: Васин, князь, Ахмакова и т. д. Затем стр. YZ — слова Версилова. ZZZ в самом конце (26 ноября). В начале про Васина, 570. //

Эмс.

*** NB. Я делал вид, что не вступаю в дела; но меня потрясли отдаленные известия о Катерине Николаевне.

Здесь Н⟨астасью⟩ Егор⟨овну⟩ просит побывать Анна Андреевна.

Nota bene важное. Слухи, что Катерина Николаевна, чуждавшаяся большого света, появилась опять в нем и имеет чрезвычайный успех.

---

* «он страдал» — под строкой.

** На левом поле: «2-я глава».

*** На левом поле: «2-ю главу».

Рядом с тем известие, что с Бьорингом дело расторгнулось, хотя это не совсем верно, а последовало лишь охлаждение между ними вследствие того, что Бьоринг, вследствие *письма Версилова*, испугался и дрогнул, обнаружил желание отдалиться. Но не совсем. Осторожность, с которой Бьоринг разделил в письме Версилова *свое* от *ее*, обидела Катерину Николаевну. Успех в свете опять вскружил Бьоринга.

Известие о светских успехах Катерины Николаевны потрясает подростка *ненавистью* от ревности. (Картина юноши, стоящего на бале в углу, когда около *его* красавицы увиваются франты). Ревность и ненависть, а когда она бросила ему *милостыню* летучего свидания (и он восхищен), тут-то он и возненавидел ее, сейчас после того и пошел к Ламберту...

? (NB. Версилов доказал Бьорингу, что князь лишит ее наследства; или он запутал в свои сообщники Бьоринга и проч.) Это подозрение подростка *.

Лиза связалась с Васиным и пользуется его советами (мимо подростка), а дома на всех раздражена. Это потому, думает подросток, что ей кажется, что я мало ценю и люблю князя. На это мать говорит ему: Оставь ее, это она из гордости; ей тяжелы наши сострадания и к ней, и к нему (т. е. к князю).

— * Я счастливейшая, говорит Лиза, он велик, он сделал то, чего вы не сделаете.

Васин же вдруг ей сделал предложение и рассердился, когда она ему отказала. Лиза страшно была обижена и раздражена предложением.

** Подросток узнает, что Лиза втайне [была] имела сношения с Версиловым. Как ученица к учителю, и он имел сильное на нее влияние.

Подросток Макару об обваренной ручке: «Не говори ты мне, не смущай меня».

Смирение — сила. Смирением все победишь.

Верс. А я воротился в прежнюю грязь *.

[Новость] Разве не томит грех душу твоей матери?

— А я думал вы таких новых идей?

— Новых идей нет: идеи все те же одни, начиная с Иова. Прудон и Иов — искушение Христа.

*** Про Макара: Два воззрения. Самообладание или независимость от всего на свете. Это тоже с начала веков одно и то же. (Свобода воли).//

Я не стану передавать, что мы тогда переговорили. О, те дни, да будут святы доселе.

Его наивность и простодушие, *детскость*. Вот такие-то, недоступные с виду и насмешники, всего чаще и дети, если прекрасны.

Ламберт: Помнишь нашу шайку разбойников. А ты бери, когда-то еще царствие божие.

Ламберт даже добр, Ламберт в бога верит. Это оттого, что он здоров, потому злодей. Постареет или заболеет — начнет свечки ставить. И вся *средина* такова.

---

* Фраза написана позднее.

** На левом поле: «2-я глава».

*** На левом поле: «Здесь 3-я, 4-я глава».

Макар Иванов. О помещике, выстроившем погорелую деревню. О том, как дети просили купца, не простил. О том, как мальчик утопился, чижик. О том, как у лошади овес выгребал. Лизавета смердящая. О том, как святые иноки убили еще инока. И проч.

Именины матери. Версилов принес букет, а кончил тем, что разрубил образа.

Макар. Чижик. Что эта маленькая душка (мальчика) богу сказала.
— * Да ведь вы против себя же рассказываете! кричит подросток.
— А ты не смущайся. (Мир и всегда такой, только надо, чтоб в нем правда не помирала).

Верс. О путях божиих, Philidor и Lagrange.

** Подросток (про себя). Я ни слова не сказал Ему о его выражении в письме к *ней*, что документ цел (как будто ничего и не было). Позднее же Он говорит Ламберту: Документ цел и у него.
Ламб. Почему вы это знаете так наверно?
Верс. Потому, что он мне ни слова не сказал про эти слова в моей записке, хотя и знал про них, читал записку ***.

Здесь Finis. *Самое важное* ****. Версилов говорит: Я ненавижу эту женщину, ибо она унесла мое спокойствие. Если б я полюбил ее — я бы [себя] убил себя или ее *****. Напротив, ненавижу и радуюсь.
И он действительно *ненавидит.*//
В письме к ней: Возьмите меня, я буду ничто перед вами.

(NB. Пусть Ламберт, или кто-нибудь, дает подростку случай подсмотреть объяснение с ней Версилова.)

— ****** Она говорит Версилову: Коли б вы меня меньше любили, я бы вышла за вас.
Ступайте в пустыню, служите [в вер] богу в веригах, которые вы мне показывали, и утолите тем всю гордость свою.
— Я вас ненавижу, а не люблю, говорит *он.*
Она Ему. Я боюсь такой страсти, я обыкновенная женщина.
Она Ему. За что же вы обижаете прекрасную женщину, мать детей ваших, я про нее все знаю; я следила за ней.
Она. Вы *герой*, а не обыкновенный человек, и этим все сказано.
— ******* Разве вы не смеялись надо мною, вы, легкая, за что и бросил вас, как тряпку, перед кем.
Он ее вдруг начинает упрекать в ее низостях, в ее скотском сладострастии в глаза (тогда как она чистая, и когда и сам он знает, что она чистая).
[Она Ему. Я б]
Он ей на ее насмешки о веригах: Если б я знал, что это вас может прельстить, то я бы простоял столпником 30 лет на одной ноге ********.
Она Ему. На одной-то ноге уж слишком. Нет, я *обыкновенный характер*, и это меня не прельщает *********.

---

* На левом поле: «3, 4 глава».
** На левом поле: «2-я глава».
*** «читал записку» — над строкой.
**** «*Самое важное*» — на левом поле.
***** «или ее» — позднее.
****** На левом поле цифра: «3».
******* На левом поле цифра: «4».
******** На левом поле цифра: «7».
********* Над строкой вариант: «прельстить».

— Не говорите так, нет. Я думаю об вас ночью. Что-нибудь неистовое, бредное.

Она Ему. Слушайте, мне вас жаль, и, клянусь, я бы вас полюбила, если б могла, но я не могу. Я люблю вас и теперь; любила и прежде именно за то, что вы так страдаете и себя мучаете.

Какое там страдание ваше и в чем оно — это не мне судить, но вы страдали, и я вас любила. Но помните это только сострадание, а не любовь. Я не знаю, почему я вас не могу любить. Может быть, потому, что вы мне не внушаете уважения. Вы хоть и искренно страдаете, но в вас есть что-то очень ложное.

Простите меня, мне иногда смеяться на вас хотелось. [Видите какая я] Может быть, я во всем виновата сама, что не понимаю. Видите, какая я гадкая, за что же вам любить меня. Чего же вы добиваетесь больше? любви из сострадания — только? Неужели этого? * О простите мне за это, за то, что жаль.

Он. У меня нет гордости, даже этого. Нищий не может не презирать себя. Я нищий *перед вами.* [Полюбите меня хоть из сострадания] Я уже просил о милостыне. Я приму.

Она Ему. Может, и полюбила бы. Чувствую по сердцу моему теперь, что полюбила бы, но только вы [говор] горько отмстите мне потом за то, что вы были нищий. Страшно. Не могу.

Тут о *маме.*

— ** Не смейте о ней. Я не прощу и того, что я смешон ***.

— Ведь вы католический монах, ведь вы [иезуит] [и] странник, отшельник. Ведь я знаю, что вы там были год и вышли лишь для пропаганды, и меня встретили ****.

№. *Самое главное.* До сего Он внушал о ней подростку, что она самая развратная женщина в мире. *Подглядев это свидание*, подросток, уже совсем было согласившийся с Ламбертом на пожар (или мимо Ламберта), уничтожает свое намерение и идет к Татьяне. А тут у него и воруют документ. Тут и последняя сцена пожара, где подросток спасает ее. //

Татьяна судилась у мирового с кухаркой.

Все пороки.

Верс. Она обязана иметь все совершенства, а она меж тем суетна, завистлива, труслива, насмешлива, глупа — как и все обыкновенные женщины!

Подр. Почему она обязана иметь все совершенства?

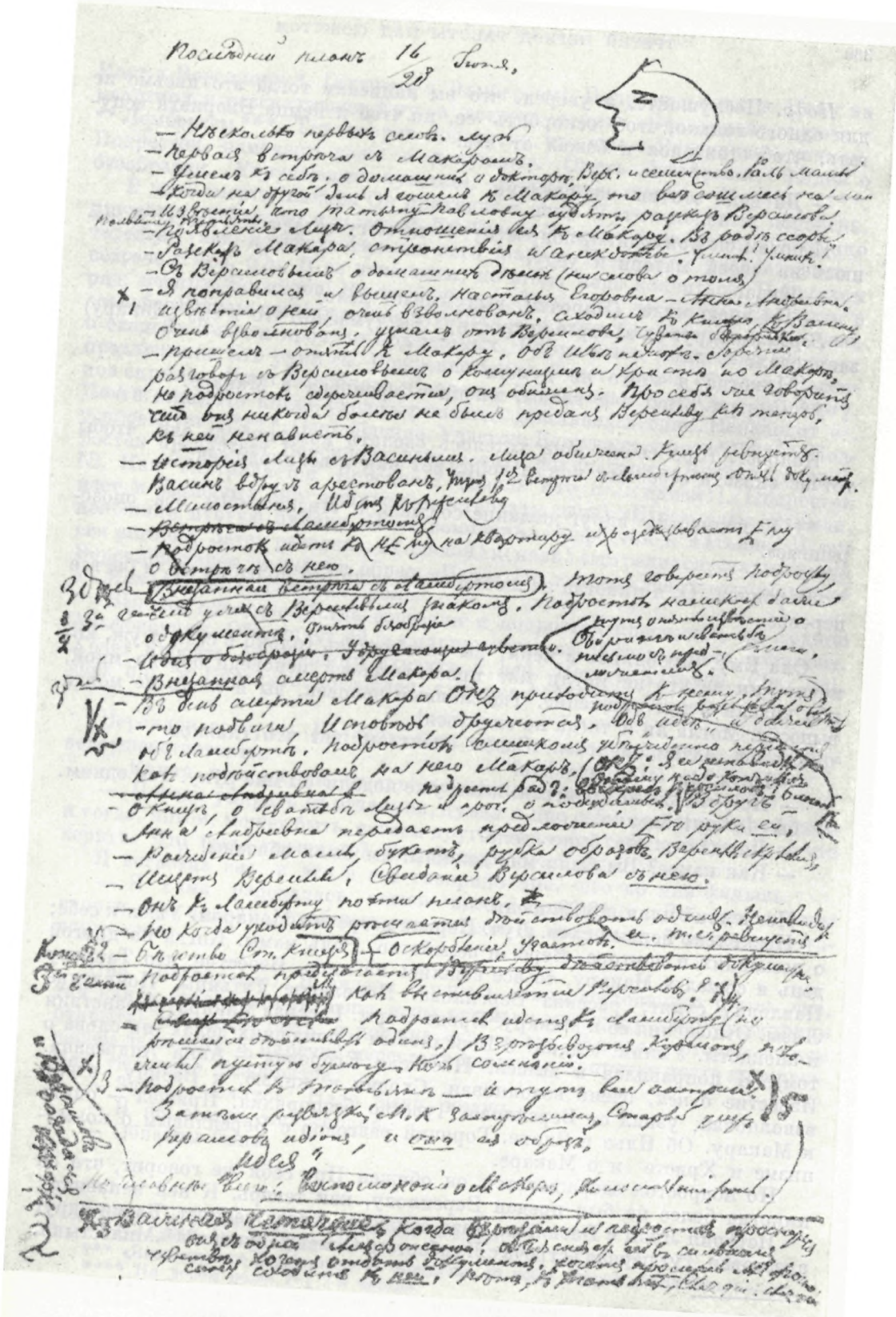
Верс. Потому что она прекрасна, потому что она добра, умна, великодушна...

Под. Но вы противоречите себе? Вы сейчас говорили, что она глупа, завистлива.

Верс. Нет, не противоречу; она развратна, как никто, развратна, как все женщины. Она — низость, олицетворение низости. Она обязана иметь все совершенства. А она не может быть, как все женщины, она одна в целом мире. Одно сострадание влекло меня к ней. Я хотел спасти ее от самой себя. Я хотел восстановить идеал... Я не любил ее или любил как будущее мое создание: доказательство — мне все равно, за кого бы она ни вышла. Знаешь ты, что Бьоринг бросил ее.

---

* Между фразами цифра: «8».
** Перед этой фразой цифра: «9».
*** «Тут ∞ смешон» — между строк, другим пером.
**** «Ведь ∞ встретили» — на левом поле, внизу.



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Подр. Послушайте, я уверен, что вы написали тогда это письмо не для одного только, чтоб оскорбить ее, но чтоб и немца Бьоринга испугать, чтоб отвязался и бежал от нее.

— Да ведь это вы же сделали.

И потом он приходит к подростку: Я не могу оставаться здесь. Я женюсь на твоей матери и уеду.

— Куда?

— Не знаю куда. (Впрочем, выдумывает дело) *.

Версилов вдруг ex abrupto подростку: Ты думаешь, что я ему (Макару) завидовал?

— Никогда я этого не думал.

** Смотри Final 1-й главы, мнение Версилова о Макаре.

Подрост. (про себя). Мне хотелось сделать кому-нибудь зло, чтобы тотчас сказать себе: вот как я добр, вот как я великодушен.

** У подростка вдруг желание сойтись с Лизой: «Мы оба опозоренные».

Версилов. О, я никогда не любил ее, о, если б я полюбил ее, я бы все перенес.

Она Ему. Влюбляясь в меня, вы влюблялись только в себя и уж, конечно, ни за что не могли мне простить своей исповеди передо мной, ибо видели в том унижение. Тщеславный человек, вы и *этого* не могли вынести. Могла ли я тогда не смеяться!

Он ей. Зачем смеяться? Зачем смеяться? вот что главное.

— Неужели было плакать?

— Нет, только не смеяться, и тем уже подали бы мне руку. Тем одним. Я бы [о ду] оценил.

— Да какое мне было дело?

— Как какое? Вы были мне должны, вы были обязаны! //

Последний план. 16/28 июня.

Несколько первых слов. Луч. Первая встреча с Макаром. Ушел к себе; о домашних и докторе. Верс. и семейство. Роль мамы. Когда на другой день я сошел к Макару, то все сошлись на лицо. Известие, что Татьяну Павловну судят; рассказ Версилова. Появление Татьяны. Появление Лизы. Отношения ее к Макару. Вроде ссоры. Рассказ Макара; странствия и анекдоты. Умник! Умник! С Версиловым о домашних делах (ни слова о том). Я поправился и вышел. Настасья Егоровна — Анна Андреевна. Известие о *ней*, очень взволнован. Сходил к князю, к Васину, очень взволнован, узнал от Версилова. Чувство беспорядка. Пришел — опять к Макару. Об Илье и Энохе. Горячий разговор с Версиловым о коммунизме и Христе и о Макаре.

Но подросток сдерживается, он обижен. Про себя же говорит, что он никогда более не был предан Версилову, как теперь. К ней ненависть.

История Лизы с Васиным. Лиза обижена. Князь ревнует. Васин вдруг арестован. Тут первая встреча с Ламбертом. Опять документ***. Милостыня.

---

* Запись в скобках — позднее.

** На левом поле: «2-я глава».

*** «Тут ∞ документ» — позднее.

Идет к Версилову *. [Встреча с Ламбертом]. Подросток идет к Нему на квартиру и рассказывает Ему о встрече с *нею*. Внезапная встреча с ** Ламбертом ***. Тот говорит подростку, что уже с Версиловым знаком. Подросток намекает даже о документе. Опять безобразие. [Идея о безобразии. Удручающее чувство]. Внезапная смерть Макара ****.

В день смерти Макара Он приходит к нему. Тут-то подвиги, исповедь, дружатся. Об «идее» и даже об Ламберте. Подросток слишком убежденно чередает, как подействовал на него Макар. Подросток рассказывает о встрече с *нею*. (*Он*. Я ее ненавидел, но этому надо кончиться. Подросток рад: воскрес Версилов! Благообра⟨зие⟩. Тут опять известие о Бьоринге и свадьбе. Письмо с предложением) ***** — [Анна Андреевна, в] О князе, о свадьбе Лизы и проч., о подсудимых. Вдруг Анна Андреевна передает предложение Его руки *ей*. Рождение мамы, букет, рубка образов, Версилов скрылся. Ищет Версилова. Свидание Версилова *с нею*. Он к Ламберту. Почти план. Но когда уходит, решается действовать один. Ненавидит ее, т. е. ревнует******. Оскорбление. Участок. Бегство ст. князя*******. Подросток предлагает Версилову действовать документом. [Высокие слова]. NB. Как выставляется Версилов? [Связь Его с Л⟨идией⟩]. Подросток идет к Ламберту (но решился действовать один). Взрезывают карман, положили пустую бумагу. Ночь сомнений. Подросток к Татьяне. И тут вся история. Затем развязка: м⟨олодой⟩ к⟨нязь⟩ застрелился, старый умер. Версилов идиот, и *она*, ее образ. «Идея». Но главнее всего: *воспоминание о Макаре*, колоссальная роль.

Важная *remarque*. Когда взрезали и подросток проснулся, он с одной Альфонсиной. Объясняет ей в сильном чувстве. Хочет отдать документ. Хочет просить Альфонсину сходить к *ней*. Нет, к Татьяне. Chez qui, chez qui, и Версилов догадался, кухарка ********. //

Версилов говорит. Потеряв всю веру, я остановился на идее самосовершенствования.

— Какая прекрасная мысль! восклицает *она*.

— Погоди умирать от отчаяния, думал я про себя, совершенствуй себя и тогда, потом, может быть, совсем другое скажешь себе и найдешь, во что верить. Что было смешного? Где фальшь моей идеи.

Я встретил вас, и все в вас говорило мне, что во мне фальшь.

— Я сама радовалась вашей идее, напротив. ...Да вам нужны вериги еще надолго, чтоб выдержать себя, в вас никакой выдержки, говорит *она*.

Она. (Безобразие). Я видела гордость вашу, состоявшую в том, что, так как я узнала мысли ваши и вы открыли мне душу вашу (удостоили открыть), то, стало быть, я должна ценить это. Я видела это во всяком вашем движении и нарочно перестала ценить, а напротив часто смеялась. Вон уже одно безобразие.

— Зачем смеялись? Надо было помочь.

— Я не сестра милосердия.

— Обязаны были.

---

* «Идет к Версилову» — приписано позднее.
** На левом поле: «Здесь».
*** «Внезапная ∽ Ламбертом» — обведено со всех сторон линиями.
**** На левом поле: «1/2 3-й части».
***** «Подросток рассказывает ∽ с предложением» — между строк.
****** «Ненавидит ∽ ревнует» — между строк.
******* На левом поле: «Конец 3-й части».
******** «Версилов ∽ кухарка» — на левом поле, внизу.

— Одним словом, тогда я не знала всей вашей искренности, не понимала ее, а стало быть, и не обязана была сострадать и помогать вам и быть сестрой милосердия.

— А теперь видите искренность.

— Вижу и удивляюсь... но все-таки не ценю.

— Не стоит?

— Не стоит. Рядом с подвигом вы готовы на злодейство, выдержки нет. Повторяю, в вас беспорядок. Нет, вам слишком долго надо носить вериги.

А помните Лидию. Из досады, что я отвергла вашу любовь, вы уверили себя, что любите ту... и погубили ее. О, я не виню вас ни в чем, вы были искренни, но сердце этой бедной юродивой я ценила, и вы взяли его от меня.

Я говорю: юродивая *.

Такой высокой девушкой мог воспользоваться этот безнравственный князь, вот еще тип нравственного безобразия! Оно во всем современном обществе. Где искать лучшего.

** [Или в таких Макар Иванов]

— Лучше или в таких дураках, как Макар Иванов, или в револьвере.

Она. Я выхожу за Бьоринга потому, что мне всего более будет за ним покойнее: душа моя останется при мне.

И признаюсь, я люблю этот плен и даже наше светское общество. В нем во всем ложь, фальшь, обман и высший беспорядок. Ни один из этих людей не выдержит пробы: полная безнравственность, полный цинизм у всякого. Это разбойники и мелкие плуты каждый, вы думаете я не вижу?

— Как же вы туда идете? //

— Но там наружность, наружный вид чего-то строгого, нравственного, незыблемого, что сковывает этих негодяев. Они подчиняются, а иные так даже и веруют (через это) в правду, оставаясь разбойниками. Что же делать: лучшего нет, куда уйти, вы бы меня должны пожалеть. Я бы сама пошла в заговор и стала все разрушать, если б это могло к чему-нибудь повести.

— Идите на подвиги.

— Подвиги везде возможны, они не уйдут, если я захочу, но укажите мне праведника, и я пойду за ним. А вы не праведник, в вас я не верю; вы можете быть только страдалец.

— Довольно бы с вас.

— *** Какая странная мысль: пожертвовать всем для такого страдальца, из сострадания только. (И тут об сострадании).

Первое чувство безобразия. Я решил всех оставить и посетил всех, чтоб *развязаться*. Чувство обиды. Признается, что хотел действовать документом. Идея пришла в постели. И в первый раз, может быть, решается *критиковать* Версилова. Смотрит цинически. Смотрит и видит, в чем и как они с Версиловым налгали сами себе.

Важная перемена в плане.

После того как свидание *Версилова с нею* и *Он* скрылся, подросток идет к Ламберту (это раньше), *почти план.* Затем к Версилову и предлагает ему действовать документом. Затем бегство князя. Суматоха, участок. Выйдя из участка — мрачная ночь в душе. У Ламберта, пьян, взрезали.

---

* «Я ∞ юродивая» — на левом поле.

** На левом поле: «В вас смешное».

*** На левом поле цифры: «10» и «11».

И тут раскаяние и *весь пожар. То есть* * бегство князя и участок повлияли не к отмщению, а к отрезвлению **.

*** Версилов узнает про ламбертову штуку и говорит: молодец. Смеется и про участок.

В день смерти Макара *Он* приходит к нему. *Он* нежно вспоминает про Макара, про мать, говорит, что Макар прав в своей идее.

**** Версилов пропадает. Старый князь бежит *без Версилова* *****. Тут Ламберт.

Ламберт ему понес фотографию и гравюры. (От подростка. Тот не дал рекомендательного письма.)

После этого свидания подросток выносит мысль, чть *она* не святая и Версилов напрасно страдает по ней: *она* не стоит того.

Версилов говорит или думает: Друг мой, тогда я еще в 10 раз больше полюблю ее.

Она говорит: Разумеется, об таких идеях (как самосовершенствование) *не говорят*; но вы, открыв мне эту идею, тотчас *потребовали уважения* и проч.

— Не выходите за Бьоринга, не выходите за него! Если не хотите меня, то не выходите за него... или... или я сделаю что-нибудь.

Она. Будьте мне другом, перестаньте, я оценю.

[Про] Помогите мне, протяните мне руку...

— *Не могу*.

Подросток решает не оставлять Его и спасти. //

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ХАРАКТЕРА ВЕРСИЛОВА.

Он, подростку, в исповеди и всегда (до самого свидания с *нею*, которое подслушал Версилов ******) говорит, что *она* верх грязи, пороков, нравственный урод, при видимой красоте и гармонии. «Я ненавижу ее», — говорит Он, и подросток верно замечает от себя, что Он не лгал, истину говорил.

Но в свидании Его с *нею* видна страстная любовь: За что гармония далась вам даром? — говорит Он ей. — Потому что вы — совершенство.

Я страдал, я дошел до идеи самосовершенствования и не снял бы вериг с себя, будьте уверены; но вы их с меня сняли. Тем что ввергли меня опять в малодушие. То, что достается страданием и подвигом, досталось вам даром, говорит Он.

Версилов *ей*: Я один из тех, которые не могут оставаться равнодушными, когда не во что веровать.

— Вы преувеличиваете, как всегда, говорит *она*.

— Нет, вы одним взглядом, одной усмешкой, разбивали весь путь моего спасения.

— Потому что видела фальшь.

— Не было фальши.

— Я не про плутовство какое-нибудь говорю. Я просто видела фальшь идеалиста, ходули, натянутость. NB. *Лидия* *******.

---

* «То есть» — позднейшая приписка.

** «Важная ∞ к отрезвлению» — обведено со всех сторон как бы рамкой.

*** Здесь цифра: «3».

**** Здесь цифра: «4».

***** Сверху: «Здесь».

****** Очевидно, описка; должно быть: «подросток».

******* «NB. Лидия» — на левом поле.

— Не было ходулей. Если вы прекрасны, вы обязаны миру. Для чего вы не хотели идти за мной.

— Куда? т. е. обещать выйти за вас замуж, как вы приставали ко мне *.

— Не то, но [мож] положим, что так?

— Я вас не могла любить.

— Но вы обязаны для идеи, для целого.

— Неужто вы такой идеалист.

— Идеалист значит ложный, фальшивый. По мне, выходите за Бьоринга. Но что у вас в Бьоринге? Хотите скажу? Вы ищете *положения в свете*, как грубейшая из женщин.

— Я никогда не давала обетов подвигов.

— Но вы обязаны были.

— Я видела в вас безобразие **...

И подконец *она* говорит Ему: Будьте другом и оставьте меня. Исполните тем ваш подвиг.

— Я снял вериги и плюнул на свои подвиги из-за вас, но я еще не был злодеем. Вы же сделаете меня злодеем. Да, я буду хорошим мужем...

Затем подросток идет к Ламберту, излагает почти план. Но тотчас же решается действовать один (т. е. изобличить *ее*). У подростка явилась ненависть *** к ней за то, что *она* вовсе не совершенство и падает при первой возможности. Затем бегство князя [через Версилова]. Оскорбление подростка. Но там улаживает дело все-таки благородно. Но уладив дело благородно, идет к Версилову и сообщает ему адский план насилия (свой план). Она не выдержит, она падет, и вы увидите, что она вовсе не такое совершенство, вы вылечитесь... Версилов согласен с ним вполне. Версилов в исступлении хохочет. Когда подросток вышел от него, темная ночь охватила его душу. Напился пьян, взрезали. Затем весь день как чадный: никогда не может простить Версилову, что тот согласился. Странствовать решает один. Макар. Бросить всех, а сам идет к Татьяне; со слезами рассказывает все и хочет только отдать. Она обыкновенная женщина, но я такой же. Я отдам, и мы простим друг другу. Меж тем адская интрига. //

Окончательный план.

18/30 июня.

Несколько первых слов. Обиженный, злоба. Заплакал от злости. Молчать. Я за ними наблюдал. Не расспрашивали, и хорошо и обидно. Лиза и Версилов — обидно. Ламберт. Новая идея, но — молчать. (*Луч?*) Господи помилуй. Кто это? Давно хотел спросить, но не спрашивал из злости. Встал и пошел. И признаюсь, мне ужасно досадно, что я все от себя. Конечно, я теперь совсем другой. (См. большой лист). Первая встреча с Макаром, о жизни и [ст] старце. Воротился. Тут-то в первый раз луч. (Прилив энергии. Эдгар). Макару сказал: Мне нравится, что вы благообразны. Крепился, чтоб не плакать (луч) (радость). Великое любопытство.

О домашних и докторе. Верс⟨илов⟩ и семейство. Ни слова с Версиловым о главном. Роль мамы.

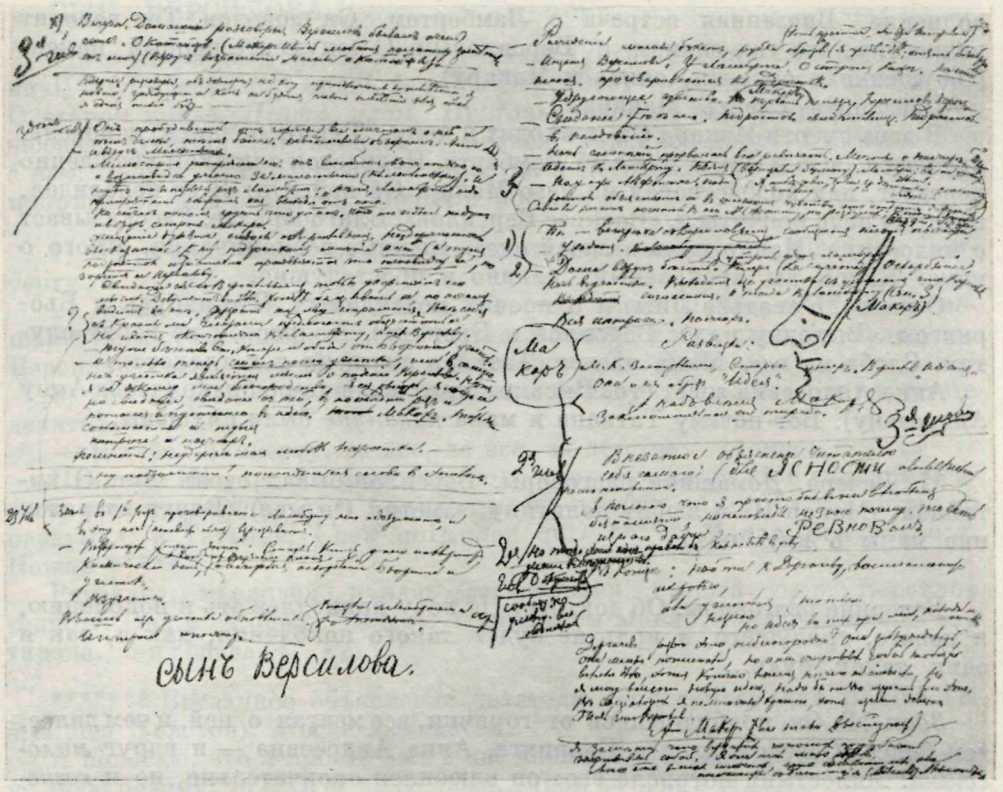
Когда на другой день я сошел к Макару, то все сошлись налицо. После меня. Я думал их нет. Я досадовал, но не подавал виду. Рассказ

---

* «как ∽ мне» — позднейшая приписка.

** Эта фраза написана между строк.

*** Сверху, очевидно, вариант: «просто ревность».



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Версилова, как судили Татьяну Павловну. Появление Татьяны Макара ввязывают в разговор. Эпизод с Лизой вроде ссоры. Рассказ Макара, странствия и анекдоты: «Вы себе противоречите». Умник, умник!

С Версиловым о всех домашних делах, ни слова о *том*. Кое-что об Макаре продолжал рассказывать. Я поправился и вышел. Настасья Егоровна, Анна Андреевна (известие о ней взволновало).

Я решил всех оставить и посетил всех, чтоб развязаться, Васина, князя. (Васин и Лиза). У меня идея. *Я свободен*. Грустное признание, что желал действовать документом. Отдать документ. Решается критиковать Версилова (чтоб другого сделать виноватым), смотрит цинически. Смотрит и видит, в чем и как они с Версиловым налгали сами себе.

Внезапная встреча с Татьяной. Татьяна, узнав, что он выходит, шепнула таинственно: будь у меня. Сердце дрогнуло. Милостыня. Разговор с Татьяной о Версилове и о всем (короче лишь несколько слов).

Воротился домой с духом радости. Илья и Энох. Версилов о коммунизме и социализме. В ём гущина. Подросток сдерживается, но сердце двинулось. Предан Версилову, к *ней* ощущение ненависти (потом разъяснить, что ревность).

NB. Здесь. История Лизы с Васиным. Лиза обижена. *Лиза и Макар.** *Князь* ревнует. Васин вдруг арестован. (Донос NB). Известие о Бьоринге.

---

* Сверху: «Главное».

волнение. Внезапная встреча с Ламбертом. Он доволен. Тот говорит подростку, что уже знаком с Версиловым. О документе первый намек. (Ощущение безобразия, опять к Макару).

Внезапная смерть Макара.

В день смерти Макара Он приходит к нему. Тут-то подвиги, исповедь, дружатся. «Об идее» и даже об Ламберте. Подросток слишком убежденно передает, как подействовал на него Макар. Об ней. Он: Я ее ненавидел, но этому надо кончиться. «Воскрес Версилов»! Благообразие. Рассказывает о милостыне. Макар прав в своей идее. Нежные воспоминания. Много о маме. Какой вы прекрасный, наивно и простодушно.

О князе, о свадьбе Лизы и о прочих подсудимых. Что-нибудь с Бьорингом. (Выходку надо: Версилов и Бьоринг). Подросток не верит слухам. Злоба на *нее*. Мама плачет. Татьяна смущена и в хлопотах.

Анна Андреевна зовет его. Письмо с предложением о браке (через Анну Андреевну). Вот почему Татьяна и мама *накануне* были смущены. //

*I. Вечера. Домашние разговоры. Версилов бывал очень мил. О китайцах. (Макар Ив-ч любит политику, заметил Он мне). (Вдруг возражение мамы о китайцах).

Вечерние разговоры. Об докторе. Не хочу принадлежать к поколению, я нового, грядущего, а коль не будет такого поколения, как я, так я один такой буду...

Здесь №. *Он*, пробудившись от горячки, все мечтал о ней, и чем далее, тем более. Осведомлялся о Бьоринге, Анна Андреевна — и вдруг *милостыня*. Милостыня потрясла его: он влюбился окончательно, но и *возненавидел ужасно* за милостыню (как маленькому). И тут-то в первый раз Ламберт. «Нет, Ламберта надо припрятать», говорит он, выходя от него. Но сейчас потом грусть, что упал. Что-то гадкое на душе, и вдруг смерть Макара. Очищение духовное, сговоры с Версиловым. Неудержимо высказанное Ему подростком мнение о *ней*. (И тут подросток сознательно проявляется, что *ненавидит* ее, позорит ее Версилову). Свидание ее с Версиловым только укореняет его мысли. Документ в дело. Хотел бы целовать ее, по ночам видит во сне. Дерзость наяву страшная. Вне себя с красными глазами предлагает обесчестить ее. Но идет окончательно к Ламберту, а не к Версилову. Тут бегство ст. князя и обида от Бьоринга, участок. И только теперь, *сейчас после участка*, или в самую ночь участка, является мысль о падении Версилова. Нет, я ей докажу мое благородство. Я ее рыцарь, я люблю ее, но свидание, свидание с ней, в последний раз, и потом в пустыню, в идею! [Тать]. *Макар*. Татьяна соглашается, и тут интрига и пожар. Помнить: неудержимая любовь подростка.

Ну простите! Последние ее слова в эпилоге.

23 июля.

Здесь в первый раз проговаривается Ламберту ясно о документе и в эту ночь (напивается пьян) взрезывают. Возвращается утром домой. Старый князь у него на квартире. Комический день. Сообщает Версилову план, а вечером оскорбление Бьоринга и участок. В участке. Вышел из участка обновленный. Встреча с Ламбертом и ссора **. К Татьяне. Интрига и пожар.

---

* На левом поле: «3-я глава».

** «Встреча ∞ ссора» — над строкой.

СЫН ВЕРСИЛОВА.//

Рождение мамы, букет, рубка образов (хоть простись, Андрей Петрович!)* (Я предвидел: опять безобразие). Ищет Версилова. У Ламберта. О старом князе. *Почти план.* Проговаривается, как подросток. Удручающее чувство. Но порвать ** нельзя. Версилов дорог. *Свидание Его с нею.* Подросток свидетелем. Подросток в негодовании. Ночь сомнений, прорвалась вся ревность. Мечты о пожаре.

1) Встреча с Версиловым, сообщает план пожара. Уходит [к Ламберту и т. д.].

2) Дома вдруг бегство князя. Устроил один Ламберт ***. (Le carême)****. Оскорбление. Ночь в участке. Выходит из участка с ужасом, что Версилов согласился. И тогда к Ламберту. (См. 3) Макар.

3) Идет к Ламберту. Пьян (взрезали бумагу). Ламберт: Вы не умеете делать.

— Я тебе, Ламберту, за все, за все, за детство... отомщу.

Пьяный. На утро Альфонсина, подросток объясняет ей в сильном чувстве, что отдает документ. Сначала хочет послать к *ней* Альфонсину, но раздумал: к Татьяне. Chez qui, chez qui? ***** Макар. Вся *интрига.* Пожар ******.

Развязка: м⟨олодой⟩ к⟨нязь⟩ застрелился, старый умер. Версилов «идиот». Она и ее образ. «Идея». А надо всем Макар. Заключительная его тирада. 3-я глава.

******* Внезапное объяснение читателю себя самого (для ЯСНОСТИ à la Лев Толстой). После ненависти.

Я полагаю, что я просто был в нее влюблен без памяти, но ненавидел, не знаю почему, то есть и знаю даже... (как на бале в углу). *РЕВНОВАЛ.* Но тогда эта идея привела бы меня в бешенство. *Документ.* Сообщу, но умолчу, все поднялось

******* В конце: пойти к Дергачеву, воспламениться их ролью. Или учиться (Татьяна). Не знаю. Но идея все-таки при мне, никогда не оставлю.

Дергачев... разве это неблагородно? Они заблуждались, они мелко понимали, но они жертвовали собой на общее великое дело, хотя, конечно, в нем ничего не смыс⟨ли⟩ли. Но я могу внести новую идею. Надо бы только изучить все это. В социализме я немножко хромаю, хоть и знаю довольно.

Жаль, что Версилов

(А Макар все-таки выступает)

Я заметил, что в русских юношах потребность жертвовать собой. Я же так мало сделал.

А то, что в тех юношах, что аблакатишки или инженеры с дистанции (Александр Александрович) //

Версилов о неминуемости коммунизма. Жизнь людей разделяется на две стороны: историческую и ту, какая бы должна быть (оправданную Христом, явившимся во плоти человеческой). Та и другая сторона имеют

---

* Запись в скобках над строкой.

** Сверху слово: «Макар»— очевидно, пояснение, почему нельзя порвать.

*** «Устроил ∞ Ламберт» — над строкой.

**** пост (*франц.*).

***** К кому, к кому (*франц.*).

****** Здесь, на правом поле, рисунок: мужское лицо.

******* На левом поле: «2-я глава».

неизменные законы. По этим законам коммунизм восторжествует (правы ли, виноваты ли коммунисты). Но их торжество будет самою крайнею точкою удаления от царства небесного. Но торжества надо ждать Его, однако же, *никто не ждет* из правящих судьбами мира сего. И однако же высшим благом было бы, если б *Россия* поняла коммунизм Европы, тогда бы поняла в то же время, как далека от него. //

Версилов оттого пустил вперед Ламберта, а сам спрятался, что решил про себя: Она при мне не осмелится; она горда и лучше имение потеряет, чем передо мной унизится. Lambert же incognito, был да сплыл. Я же выйду, когда все будет кончено с Ламбертом и [уличу] уличу.

* Когда на сообщение подростком своего плана пожара Версилов согласился, тогда подросток говорит себе: О, этого я никогда не забуду и не прощу ему; он наполнил скорбью мое сердце. Пусть я бы, а не он. И в ночь борется — результат: *за беспорядок* пропадай все с треском, шумом, а потом моя идея.

Результат: Версилову придать черты симпатичнее, *детские*, простодушные.

Проект Его с Ламбертом: «Это была сложная и хитрая штука, рискованная», — говорит подросток.

Свидание Его с Кат⟨ериной⟩ Николаевной: когда *она* обнаружила столько доброты, Версилов восклицает: Как вы добры, как вы добры! Вы подавляете меня.

И потом Он подростку: *ОНА*? Да *она* для своего *порядка* и спокойствия *вот что* готова сделать, т. е. всякую подлость. Подросток верит и сообщает план свой. Версилов апробует с азартом. Подросток, как ушел, сейчас впал в горесть о нем. Ночь борьбы и проч., почти ненависть из-за этого к *ней* и проч., а на утро Альфонсина.

* Лиза все противоречила Макару, пока он жив был, а когда он умер, стала страшно грустна.

Версилов подростку в исповеди: Я боюсь одного, сказал он вдруг, что мы оба гадки и потому желаем, чтоб она была гадка, а не потому, что она в самом деле гадка (наивность). //

Важная страница.

Илья и Энох.

В *милостыне Она* сообщает подростку о Нем, делает Его характеристику (прелесть всепрощения, забвения обиды).

** «Он обижался всякими мелочами», говорит *она* и вспоминает *примеры* (но тут не скрывает, что *Он* прелестен был своим простодушием; и вообще подросток видит, что *она* поневоле уважает Его, что ей хотелось бы даже стать Его другом).

Эта милостыня и все свидание, хотя пленяют и потрясают подростка, но тотчас же он чувствует *гнев*: Ему гармония и после стольких страданий не досталась, а ей досталась даром: *она* так родилась! И за это усиленно-выделанное в тайниках души его недоверие и ненависть к ней. Он ненавидит ее так же, как и *Он*, за то, что она совершенна. Он бы рад был ее падению, пороку. Он становится за Него.

И еще во время милостыни он противоречит ей, говорит, что Он не любил ее, уверяет *ее*, представляет доказательства, пересказывает разговоры с *Ним*.

---

* На левом поле: «Финал».

** На левом поле: «Короче».

NB. Она ему объясняет Его благородные поступки, отказ от наследства, но называет Его ребенком века. Подросток глубоко оскорблен сравнением его с ребенком.

— Если вам непонятно и даром досталось, то надо уважать страдания других.

Потом, когда *она* уехала, беседа о Нем с Татьяной. Старая дева; плачет; сообщает часть прежнего; говорит о маме его.

Подросток сообщает о свидании Ему в подробности (т. е. и то, что она любит Его и хочет быть другом Его); воспламеняет тем Его. Но оба решают, что *она* лишь светская женщина и не устоит. Но подросток не решается сообщить о документе, Он же несколько проговаривается о документе намеками.

Подросток уходит с началом идеи *отмщения* и *уличения* * ее. Встреча с Ламбертом. (Узнает между прочим, что Он уже знаком с Ламбертом).

** Тут смерть Макара. Слух о предложении брака с Его стороны. Рождение матери, букет, образа. Подросток уходит с идеей о беспорядке. Свидание Его с нею. После свидания опять к Ламберту. Почти открывает. Но потом решает без Ламберта. Тут (через Версилова) бегство ст. князя (и Ламберт и все). Подросток поправляет все. Он же выносит за все свое доброе и оскорбление, участок. NB. (Провидев Его гадость, подрост⟨ок⟩ все-таки не отходит от него!). Идет к Нему и сообщает идею уличения. Уходя от Него, Его же и проклинает. NB. (Не так ли сделать: Он отсоветует подростку насилие, но советует подавить великодушием: пощади ее). Подросток идет и ночь. Колеблется: (окончательно и цинически критикует Версилова) решает за // беспорядок. На утро Ламберт и Версилов. Эта идея, что Он в таком злодействе с Ламбертом участвует,— давит подростка. И т. д.

Во время Макаровых прений об Илье и Энохе. О том, что будущий антихрист будет пленять красотой. Помутятся источники нравственности в сердцах людей, зеленая трава иссохнет.

«*Он* говорил (в ём гущина), а я на Него дивился», [думай] [говорил] пишет подросток. И потом Ему:

— Да неужто вы верите?

Он ему. Может быть, нет. Но мы еще могли увлекаться и обманывать себя, что (*верим прекрасному*) верим во что-нибудь, а вы и того не можете.

— Что ж, это может и хорошо, говорит подросток.

— Совсем нехорошо, отвечает Он, а хуже всего то, что вы [намест] на место этих грез ничего своего не поставили. И тут-то говорит о коммунизме и христианстве.

А потом после Макара и смерти его — они решают подвиги, и Он сообщает ему свою исповедь.

ГЛАВНЕЙШАЯ ИЗ ГЛАВНЕЙШИХ ПОПРАВКА В ПЛАНЕ.

До милостыни подросток ни слова не говорил с Ним о *ней*, и не было никакой *исповеди Его*. Говорили же они только об *Илье* и *Энохе*, коммунизме, христианстве и о Макаре, а это черта. (О подвигах тоже).

Но после милостыни подросток первым делом идет к Нему и все Ему пересказывает. Тут-то его впечатление, смерть Макара и уже после (сейчас после смерти Макара) Он приходит к // подростку и говорит:

«Мы хотели подвига; вот тебе подвиг: исповедь», и говорит ему все, передает с энергией, с жаром, с увлечением, с горем, с горечью и обви-

---

* «*уличения*» — подчеркнуто дважды.

** На полях слева: «ЯСНЕЕ».

неньем. Подросток, пока слушает, противуречит Ему. Тот обороняется, опровергает, сердится, но наконец говорит:

Когда *Она* на меня восставала, ты верно ей противуречил, как мне теперь, и за меня стоял, а теперь мне не веришь и за меня * стоишь.

Тут происходит между Ним и подростком самое горячее и неудержимое объяснение в любви: «Я понимаю все, вы меня любите, и я вас люблю; вы мне дороги; теперь я ваш навеки. Я понимаю все, все ваши поступки. Ваше простодушие прельстило меня. Я думал в вас больше загадки. Об маме, об Лизе, давайте жить в порядке, в самосовершенствовании. Об *идее* и *даже* об Ламберте.

Об маме: несколько об ней анекдотов. Встреча с Ламбертом. Впечатление приятное. Вдруг предложение о браке (от Анны Андреевны). Рождение мамы: букет и рубка образов. [Пошел к Ламберту. Почти]. Ищет Версилова. Свидание с нею Его. Затем к Ламберту (я был оскорблен). Почти план. Бегство ст. князя,— оскорбление, участок. Подросток идет к Версилову с предложением документа. (Великодушие). И вдруг Он с Ламбертом (traître **; в ночь не выдержал). Пожар. Затем князь. Застрелился. Смерть ст. князя. Версилов. И *она*, ее образ. А затем *ИДЕЯ*.

*** Надо подумать об новом *окончательном* и *подробнейшем* плане. //

Minute.

Я слишком понимал, что может быть...〈?〉 Я думаю, мы взаимно чувствовали, что обязаны друг другу многими объяснениями... а может быть, и никакими. Я хоть и заглядывал ему в глаза, но из глаз его ничего не мог узнать на этот счет. Да, у нас были счеты... Но я люблю таких людей: «Счеты так счеты, а теперь новое дело». Он объяснил мне то и то... Не расспрашивали меня обо всем. Очень хорошо. Я молчал. Ламберт. Увы, они уже знали, а я-то боялся заговорить про Ламберта. Квартиру его забыл. Меня тревожила мысль****.

Он Макару: Мне нравится, что вы благообразны.

Наклоняясь шёпотом: Они безобразны, я их не люблю.

— Что ты, что ты.

— Молчите, я приду к вам.

Воротился, и возрождение в новую жизнь. А сначала просто луч. Я воротился с великим любопытством.

После рассказа странствий Макара Татьяна Павловна, боявшаяся, что подросток будет хамить и фыркать, вдруг говорит ему: «Умник, умник».

Первое чувство безобразия.

...Возрожденный, но неисправленный. Чувства мои были не так хороши, я сознаюсь в этом.

Чувство мести. Кому? за что? О, я уже и тогда знал кому, т. е. выбрал на кого излить, но не скажу теперь. Много было ошибочного, но кое-что было и верно. Кое-что.

А она-то, бедненькая, подумала.

А впрочем, вот что: маму я всегда любил.

---

* Очевидно, описка; должно быть: «за нее».

** предатель *(франц.)*.

*** Сбоку каллиграфически: «Достоевский» и несколько раз: «Je vous».

**** «Меня ∞ мысль» — на левом поле.

ПУТНИК
Рисунок (карандаш) В. Г. Перова, 1873 г.
Третьяковская галерея, Москва

Ты мне враг, но ты деловой.
Я положил еще обдумать Ламберта.

Старец угасать должен. Благолепнее. Спасибо тебе, наставил. Оба учат. Старец прежнему, вьюнош новому. Вы странник, чему пустынник научит? Он жизни не знает.

После первого раза у Макара бегло мама: Дорогой гость. Милочка, милочка мама, и я гладил ее щеки... Что живи в каком хочешь безобразии, но что, если существует еще материнская любовь, т. е. еще и благообразие. «Не говори им, мама. Хорошо, голубчик, а на Лизу за что сердишься»... и ушла. Я на нее не сердился.

* Макар про пустынника, что он не один... Травка растет.//

---

* На левом поле: «Здесь».

* Лиза. Мало почестей князю. К Васину. (Злоба моя). Я решил пойти к князю немедленно по восстании. (Стебельков арестован). Версилов, мама благоговела перед Версиловым за поведение. Доктор. (Рассказом).

** Рассказы Макара. Он себе противуречит. Суждение Версилова (о Макаре).

Minute. 1). Тон рассказа (после Макара вдруг ex abrupto).

Я поправился и вышел, вот что я решил: я свободен. Документ отдать, князь и проч. Устроить их. Версилова же или спасти, или оставить, но действовать энергически. Настасья Егоровна и Анна Андреевна.

Minute. 2).

*** Я поправился и вышел. Вот мой план действий: вручить документ, исполнить долг и оставить Версилова молча, не расспрашивая, этим он будет удивлен и наказан. (NB. Перед тем влюблен был в Версилова за обхождение с Макаром. NB. Мнение Версилова о Макаре, и подросток высказывает ему тираду о «безобразии». [идеи] Версилов молчит и еще не вызывается странствовать. Подросток же, отрубив, ушел).

А затем у меня: 300 руб. — довольно. Вышел. Князь, Лиза, Васин, Настасья Егоровна, Анна Андреевна. Нет, оставить все, всех, всех. Осталось лишь последнее ****. Спешил. Я не сказал еще: Татьяна накануне шепнула, чтоб я был у нее. Милостыня: я не ожидал. Сперва говорил с Татьяной, и потом та вдруг отворила дверь. Но документ не отдал. Как многосторонен человек: я документ не отдал! Возвращение. Настроение. В ём гущина. Предан Версилову, сцена, ночь и ненависть к ней. //

А на завтра происшествие: история Лизы с Васиным. Князь ревнует (еще до этого был назначен день свадьбы, рассказом). Донос. Известие о Бьоринге, волнение. Позыв к делу, а не к уединению.— Ламберт (внезапная встреча), лихорадочный разговор, первое слово о документе. Вышел от Ламберта, психология: почему я упомянул о документе (разъяснение читателю своей души). Грусть страшного безобразия *****. К Макару. Внезапная смерть Макара.

***** Идея Версилова. Управлять человечеством. Лучший человек не может не быть в уединении. Прорывается спиритизм. Картина России. Исправлять себя. Вы в заговоре?******. Это не заговор. Масонство. Потом объясню, пойдем вместе. Она меня смутила (с насмешкою беспредельною о себе и о ней). Пойдем вместе. Подросток ему о ней и о свидании с ней объясняет. *Наивно* признается в ненависти к ней.

Так что идея Версилова так и осталась невысказанной. Брак с матерью. И на другой же день известие о выходке Его у Бьоринга и о предложении *ей*. Мать плачет. Анна Андреевна. Я бегал искал его. У матери на празднике. Рубка образов.

У нас лучшие люди потерялись, сколько голов — столько умов. Самарин, Фадеев, коммунизм.

Лучшие люди России должны соединиться.

Но все лихорадочно, пламенно и искренно.

---

* На левом поле: «2-я глава».
** На левом поле: «3-я глава».
*** На левом поле: «4-я глава».
**** Фраза написана между строк.
***** На левом поле: «6-я глава».
****** Фраза написана между строк.

Лиза сгрубила.
Ноги-то.
Засмеялся, я удивился.
Лиза вспыхнула.
* Версилов с лучистою улыбкой. (Лучами свет с лица). Я бы обнял их всех тогда. Экий я шельма, а «молчать» хочу. *НЕТ, ОН БЫЛ НЕ ТАКОЙ, ГОВОРИТ ВЕРСИЛОВ ПРО МАКАРА: ОН КОНЧАЕТСЯ.*
Из могилы, а я вас, милые, люблю.
Я отшатнулся, совсем в бреду, вдруг вошла мама.
Мать. Он совсем в бреду.
Гость дорогой.
Я. Свети, луч прекрасный, пой, травка божия.

23 июля.
Объявил Версилову, что подлее жизни их, мамы с ним, Лизы с князем — ничего не знает, а себя пуще всех... Безобразие.
Версилов прямо говорит, что готов идти странствовать. *О Христе.* //
О Христе. О том, как Он, будучи посредником, нашел Христа.
Лучше других быть не желай, а будь сперва-наперво самим собою.
— «Так и не высказал идею».
— Да не все ли равно, какая бы ни была идея.
Не мечутся ли все русские с идеями? Ум, способность жертвовать собою и в юношах, и старцах, жажда общего блага, гражданская тоска — все есть в русском человеке, одного нет: *общего*, согласия, нет трех человек, способных в чем-нибудь согласиться.
Не лучше ли непосредственное и ужасное по силе чувство к *ней?* С ней счастье. Это раз дается.
— ** Когда благообразен человек? спросил я вдруг безо всяких предисловий дня три-четыре спустя, в середине какого-то мелкого и постороннего разговора, Версилова.
— Когда твердо знает, что ему делать [и что всегда будет делать], ответил он также вдруг и [и без] безо всякой задумчивости, [и] как будто ответ был давно готов, а он только и делал до сих пор, что беспрерывно думал об этом вопросе. Но об этом потом.

(Пятно света. Мама).

Программа духовная.
Тоска по благообразию. Благообразие в апогее после *Исповеди* Версилова. Безобразие (ревность) в апогее после подслушанного разговора Его с нею.
Напивается у Ламберта. Мщение. (Мальчик, мальчик. Колыбельн⟨ая⟩ песенка Альфонсины.)
Бегство ст. князя. Работа, оскорбление. Ночь в участке.
Жажда порвать и уйти в благообразие. Тоска по Нем, потому что Он совсем упал, приняв его проект мщения документом.
Пожар.
Эпилог: Объяснение, [тихая] жажда благообразия, но *житейство* и все инстинкты, *она!* //
Все это было хорошо, но наступило время, что надо было доказать.

---

* На левом поле: «3-я глава».
** На левом поле: «Вставить в 1-ю главу». Ниже под этим: «Здесь 2-я глава».

ГЛАВА IX. Глава 9-я.

Я проснулся свежее. Идеи тверже. Я его понимал. Поразило,что просто, несколько жаль, что просто. Правда в любви было сложнее, но я это понимал лучше вчерашнего, Он не хотел fatum'а. Она. Я за него. Мама не восполнит. Так и следует. Их назначение. Мститель, но пуще всего — золотой век. Но, однако же, Ламберт? документ. Разлюбил. О, я верил, именно по бессмыслице последнего взрыва. Впрочем, беспокойство. Настасья Егоровна. Шпионка *. Звать. Скажите [не приду] очень важное;— хорошо, хорошо. ** Не пойду я туда. Расскажу Ему! Теперь вкратце. *** Пошел к нему, нет дома. Зашел к маме, грусть, слезы, Лиза, допросы Татьяны Павловны (нежность). Дай мне знать, коль увидишь. Опять в беспокойстве к Нему: нет дома. Сходи к Анне Андреевне. К себе. Ламберт: Врешь слишком просто. Говорил ты Ему про документ? Нет. Анна Андреевна говорила. Там [опять] штуки, приди ко мне (это Ламберт). Ламберт спрашивал: как ты об Анне Андреевне? [Хозяин дома] Хозяин дома меблирует комнату (для ст. князя). Странные расспросы. Лежал, вскочил, по лбу, неужто в Царское? Альфонсина — просит к Ламберту, сейчас. *Она*, обещает о *ней* сообщение. *Я* (убирайтесь к чёрту, à la porte ****). Тришатов. Я к вам не прийду никогда! До Альфонсины: не ходить к Ламберту никогда (перед Ламбертом). Заснул. Завтра к нему: нет и не был. На похороны. К Анне Андреевне,— нет дома, в Царское. Мама, дома. Именины. Мечты. Он пришел с цветами — вечером к чаю. Икону завещал Макар передать Ему. Раздражение. Схватил икону и разбил,— вышел. Простись!

X. Побежал к Анне Андреевне. «Я вам говорила». К нему. На пороге Татьяна Павловна. Настасья не пускает. Но подростка воротили. Тот кричит. Татьяна Павловна: Даете слово не входить? Даю, даю. Вошли. *Она* и *Он*. Объяснение. Я к Ламберту. Ламберта дома нет. Je vous cherche *****. Альфонсина с гитарой. Спросил вина. Заложить. Шампанское. Про vieux prince ******. Пьян. Ламберт. Напился — на утро: вырезали.

Они и *ее* опутают.
— Как опутают, чем?
— Да уж опутают.

Une rose.
Гордости больше значит.
Двойник захохотал на похоронах.
Страсть и слава.
Заснул: все это высшее общество легкомысленно.
В трактире на канаве был. Я ел.
Ламберт несколько раз заходил.

1-я глава: был у Анны Андреевны — уехал. Был вечером камер-юнкер. Не связываться с Ламбертом. Тришатов. Заснул. Интрига страшная. //

XI. Пришел домой. Старый князь. Carême, хозяин. Анна Андреевна. Камер-юнкер. Я ушел к Татьяне, уговорился с ней, воротился. Юнкер

---

* Над строкой.
** Здесь цифра: «1».
*** Здесь цифра: «2».
**** за дверь (*франц.*).
***** Я вас ищу (*франц.*).
****** старого князя (*франц.*).

отступил, хозяин тоже. Бьоринг: оскорбление. Князь бросается рыдая в объятия. В участок. (Я люблю ее). Головка, и я с ума сойду *.

XII. В участке ночь. На утро вышел к Татьяне. Теперь все двумя словами. Адская махинация. И как все дело произошло. Пожар.

XIII. Заключение.

9-я глава. Ламберт: ну пойдем, пойдем обедать, пить, я тебе ее приведу, дуррак — дуррак. Но я все еще так верил в искре⟨нность⟩. Баба оплела. //

Тут программа.
Листок словечек.

После рубки образов: Мама кричит Ему вслед: Андрей Петрович хоть простись со мной, перед разлукой навеки-то.
Боюсь я Его; знала, что Он рассмеется.

В ИСПОВЕДИ перед тем говорит подростку о маме неудержимо.
Подросток после «не простил»: Да ведь вы против себя говорите.

Рассказал, как мать всех детей истеряла, и последний, чахоточный на фабрике, и как возлюбил купец: всего капиталу решусь, вылечу! Помер. Маленький остался (женился на ней).

Макар: Как слово западает в человека и какими путями [и] идет,— сказать нельзя. И никто не знает того, как взыщет бог. Зерно ржи в земле.

Макар. Если бы все-то помогали друг дружке, ну был ли бы глад и мор, был бы рай. Теперь нагребешь злата один — скука. А тогда такое веселье. (Описание веселья). Не надо нам своих имений. Бери мое.

И вдруг (у Лизаветы). Что ж бы вы думали, помер купец, в завещании Лизавете блаженной *семьдесят тысяч*. Все раздала. Угодно получить, подписывать, все подписала (в опеку возьмут, а то кричала — не хочу) — приняла деньги, все подписала, принесла. Стала раздавать, а смотрите лучше **. приставили полицию, испугалась. Все на детей, на сирот.

Я так думаю, что когда смеется человек, то часто бывает [на него] гадко. В смехе есть что-то вообще пошлое, низкое. [Правда] Чрезвыча⟨йное⟩ множество людей не умеют [совсем] смеяться. [Даже] Так что тысячи [же], которые не только не умеют, а и вовсе не смеются,— больше выигрыв⟨ают⟩. Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете его подноготную. Смех требует прежде всего искренности, а где в людях искренность. Смех бы, казалось, требует беззлобия,— а люди смеются почти все злобно. Искренний и беззлобный смех — веселость, а [разве] где в людях веселость, да еще умеют ли [они] люди веселиться? Я одно говорю: если нужно рассмотреть человека и узнать его душу — то [— вникни] вникайте не в то, как он молчит, или как говорит, или как он плачет, или даже как он негодует самы⟨м⟩ благородны⟨м⟩ негодова⟨нием⟩ от самых высших идей, а *** в то, как он смеется: хорошо смеется, простодушно и весело,— хороший человек.

Замечай, однако, притом, чтобы смех человека не казался и глупым, пусть тебе станет смешно от этого смеха и весело и сообщи⟨тельно⟩,

---

* «Головка ∽ сойду» — на левом поле.
** «А∽ лучше» — на левом поле.
*** «вникайте ∽ идей, а» — над и под строкой — написано позднее.

но надо, чтоб и сам человек не показался [тебе] вам смешным. Одним словом, смех есть самая верная проба души.

Старик смеялся.— Это я собственно рекомендую женщи⟨нам⟩ и особенно невестам в то время, когда они приглядываются [к жениху или к будущему мужу]. Иной характер долго не раскусите — не понимаете человека, а вдруг он развеселится или вздумает начать веселиться, и он весь у вас окажется на ладони. Только с самым высшим и с самым счастливым развитием человек умеет веселиться сообщительно, т. е. вполне добродушно.

Ноги-то, небось, еще подламываются.

Макар любуется им: Смышлен, смышлен. Вот тоже выдающая человека черта с ногами и руками. //

25 июля.

ОСНОВНЫЕ МЫСЛИ

В *Final'e*. Я хоть и предупреждал много раз, в течение «Записок», что я теперь, когда пишу, совсем не тот, каким был в то время, но, кажется, если все обсудить,— я совершенно тот же самый. И был, и есть, и [когда был, жил] тогда, когда все это происходило, и тогда, когда потом писал, и теперь, когда перестал писать. Я только себя утешал.

Разбивая образа, он, может быть, тем отрекался от всех идей своих.

26/27 июля.

Князь предал Дергачева, но и Стебельков почти одновременно предал их. Князь мог бы скрыть, но открыл *.

Свидание Его с *нею* должно быть в высшей степени искреннее с Его стороны и *РАЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ*.

«Вы имели вашу идею, вы преследовали какую-то идею?» говорит *она* Ему (NB. Она тоже должна говорить в высшей степени искренно и [как бы] *робея*, чем и объясняется *вполне* возможность этого последнего свидания и объяснения между ними глаз на глаз. Ибо она надеется уговорить Его ее оставить: что основано тоже и в продолжавшемся всегда и беспрерывно в ней уважении к его высокому значению).

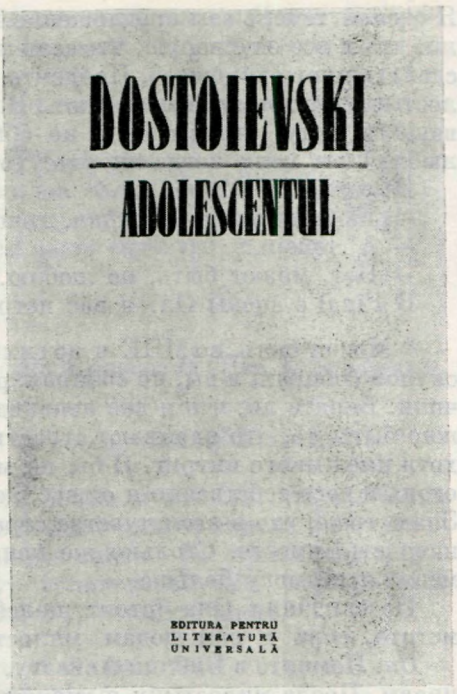
Да, у меня есть «идея», отвечает Он, о том, что надо нам всем теперь делать и которая может нас всех спасти, но какая она, эта идея — не все ли вам равно, и не все ли это равно для кого бы то ни было. Не тысячи ли нас человек, имеющих каждый свою какую-то идею и при этом веру, что именно эта-то своя идейка всех и спасет? Я принадлежу к этой тысяче неравнодушных, которые не могут видеть смуты и белиберды и скорее готовы умереть, чем безучастно пройти мимо. Чем не найти основ и примириться *как-нибудь*. Мы, т. е. тысяча, каждый страдаем искренно, и вот это все, что есть в нас к чему-нибудь годного, но, разумеется, что из всей тысячи не найдется двух человек согласных между собою (ирония). [Когда]

Видишь ли, у нас много думали, но ничего не жили. И потому, в том ли моя идея или в другом — это все равно. Когда я выскочил из колеи (может быть, потому, что и колеи-то никакой не оказалось и колея прекратилась), тогда я обезумел и хотел лишить себя жизни. Тогда я убежал за границу. Но я не истребил себя: у меня явилась // тогда моя первоначальная мысль: совершенствуй себя, сломи себя по совести и по вере

---

* На левом поле: «Здесь».

ОБЛОЖКА РУМЫНСКОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК»
(Бухарест, 1961)



твоей, по возможности, и, одолев себя, может быть, найдешь и окончательную идею, свой выход, что делать и что проповедовать. Я ухватился страстно за эту мысль. Вы все смеялись над веригами. Зачем? Я действительно носил их, но ведь вы не знали моей *души*. Да я, может быть, и уверил себя, наконец, в своей дороге, но явились вы, и я вдруг увидал, что без вас я ничто и что идея моя неосуществима. Что за «идея», которая обратилась вдруг в ничто потому только, что явились вы. Я не знаю, люблю ⟨ли⟩ я вас, я только знаю, что вы мне необходимы. В гордости моей я вас возненавидел. Я уверил себя, что в вас все пороки... Клянусь, я способен был преследовать вас клеветою. Может быть, отравить вас. Она. То есть способны и теперь *.

Знаете ли, что я мог отравить вас. Знаете ли, что уже был такой день и час, когда жизнь ваша висела на волоске **.

Вы оттолкнули меня, я спасся в Лидию, наконец, думал, что вас забыл. О, как я смеялся над своим самосовершенствованием. Здесь я думал погрузиться в еду и в семейство, потом примкнуть к какому-нибудь заговорчику, какой-нибудь пропаганде социализма, выбрав самую глупенькую, с тем, чтоб меня судили и сослали. О, поверьте, что я умею гнушаться собой и себя ненавидеть. Что всего глупее, я думал, что я вас, наконец, совсем забыл и над глупенькой страстью своей совсем смеюсь. И вот верх унижения: пока я слышал и знал про вас, что вы одна,— я был равнодушен, но первое известие о том, что вы выходите замуж ⟨за⟩ кого-то, привело меня в исступление. О, что мне за дело до того человека ***

---

* «Она ∽ теперь» — написано позднее.
** «Знаете ли, что уже ∽ волоске» — написано позднее.
*** «О, что ∽ человека» — между строк, позднее. На левом поле здесь запись, по ней извилистая линия, очевидно, зачеркивающая: «Простите за то, что я сделал вам предложение, это нелепость, но как могли вы прийти на свидание».

Я сделал теперь вам предложение. Вы мне нужны. Пойдемте вместе. Знаете ли, что я все еще верую, что если и не спасу человечество, то *все еще* могу сделать много хорошего. Пойдемте же вместе. Я уступлю. Ну, подайте милостыню. Я приму милостыню... И потом: скажите прямо (ведь я вижу по вашему лицу, что вы меня не обманываете и готовы сказать мне все): любили вы меня когда-нибудь, хоть немного.

Вспыхнула.

— Любила (я так и ждал, говорит подросток).

— А теперь?

— Нет, может быть, не люблю. Я вас не люблю. Я не хочу вас...

В Final'е сцены Он: я вас истреблю. //

* Может быть, во МНЕ и до сих пор много веры, пойдемте вместе. Я как скупой собирал, а вы, не собирая, расточаете. Я страдал, а вы даром получили. Верите ли, что я вас ненавидел. Я, конечно, вас обижаю. Это, должно быть, то, что называют страстью. Я никогда не знал до этого страсти, хотя имел много интриг. Я бы не мог определить и теперь, что такое этот огонь и чего собственно я от вас желаю. Но я знаю, что без вас я кончен. Знаю тоже, что в этом чувстве страсти можно ненавидеть [любить и ненавидеть] вместе. Столько же ненавидеть, столько и любить. Пощадите меня, я не могу больше.

На свидании Она (стоит, колеблется): Не знаю, не могу. Вы мне отмстите, если я вам подам милостыню,

Он. Помните в Библии Ависагу, помните, я вам читал. Вы, может быть, правы. После милостыни я, может быть, возненавижу вас и вспомню: за что я обидел эту (на портрет мамы).

Она. Что же мне делать, коли так.

Он. Да, конечно, бросите меня (в задумчивости).

** И выходя: Не любите меня, не живите со мной, будем никогда не видаться. Я буду вам раб, если позовете, вредить вам не буду *** и [буду тем] исчезну, если захотите, ни видеть, ни слышать обо мне. Я не буду беспокоить, не буду вредить. Я исчезну, только, только... только не выходите ни за кого замуж! (Это самое последнее слово Его, уже выходя из двери и после слов: я вас истреблю). **** Я ИСТРЕБЛЮ».

Она Ему (между прочим о маме) и потом: Вы веруете в бога, вы так страстно, так искренно его проповедовали. Вы любили бога.

— Вы думаете? Да, я верую, но я перестал о нем думать, когда вы явились, все мои думы пресеклись. Я не могу о нем [теперь] думать, я ни о чем давно не думаю. Я кончен... я... мне все равно. «Я — я — я вас истреблю, вот что» (он встал с места бледный).

Belle-vu

Я вам даю срок, подумай⟨те⟩. Видите, я постараюсь убить себя прежде, чтоб не убивать вас.

Но если не совладаю с собой, то сначала убью вас, а потом уже себя.

В самом Final'е романа: итак, «идея» Его осталась не высказанной. Да ведь не все ли равно, как сказал Он сам.

NB. В Исповеди Версилова: самые симпатические, самые искренние и наивные слова об молодежи. //

---

* На левом поле: «ПОДЛЕ МАМЫ». И несколько ниже цифра: «9».
** На левом поле: «Здесь».
*** «Вредить ∽ не буду» — между строк.
**** Здесь цифра: «IV».

Она. И это Версилов? И это человек чести, духа силы... Я всегда веровала в вас!

Она. Что же мне делать?

И потом сейчас: Нет ни за что. Вы грозите смертию — ни за что.

Он. Я не грожу, поймите...

— Нет — я вас не люблю. Не могу. Лучше убейте.

? (— Убью) (и вдруг какое-нибудь милое слово, милый вопрос: скажите, ведь вы тогда... куда вы дели мой портрет). (А помните вы... И т. д. про Ависагу, про Библию. Скажите, в чем ваша «идея»).

— Я не хочу *такого* Версилова.

Он. А другого бы взяли?

Где вы были потом? В Париже? (Частный разговор. Это перед самым финалом)

Она Ему. Я не могу вам зла желать. Я всегда вам желала добра.

Он ей. Вы смеялись надо мной.

Она. Никогда я не смеялась. В вас-то я всегда ценила, что вы были искренни. Бедный отец мой, вы тогда его свели с ума. Я видела в вас человека... и т. д. (Милые, симпатичные, теплые слова.) Вы принадлежали к немногим *искренним*, которые не могут успокоиться. Вы благородный носитель идеи. Поверите, я вас буду любить, оставьте меня.

Он мимолетом. Свет надо переделать, начнем с себя.

Она. Послушайте, вы не были спиритом?

— Нет.

— Вы масон?

— Нет.

Он мимолетом. Моя мысль, что мир надо переделать, но что первый шаг в том, чтоб начать непременно с себя.

— Чем же, как начать?

— Стать честным.

— Разве нет честных людей?

— Ни одного (молчание). Впрочем, что вам до моей идеи! (Ирония).

Она. Нет, нет, слушайте, вы сказали — честным, а эта, мама?

(Он: ирония).

? (А с Лидией было честно?)

(Он. Было честно).

27 июля.

Расписание.

3-я часть, *1-я половина.* Смерть Макара. Пойдем ко мне. Я тебе покажу моего ребенка. Приходи непременно. Иди! иди!

2-я половина. У Версилова исповедь и до свидания с нею.

4-я часть, 1-я половина. Со свидания (у Ламбер⟨та⟩ сейчас после свидания) и до пожара включительно.

⟨4-я часть⟩. 2-я половина. Эпилог.

В Исповеди об ней ни слова: Оставь об ней.

И в Исповеди сначала жизнь с матерью. Память. Макар — о благообразии.

Все на тему о благообразии. Женитьба на маме и проч.

Во время похорон самое полное известие о Бьоринге. Так что Версилов послал письмо в день букета, после рубки. Письмо сообщает Анна Андреевна.

О зоологии. Однако ж про арест Стебелькова, про нее, про существование документа в Его письме к ней.

27/28 ⟨июля⟩.

[О Лизе. Ни слова о документе] Minute. *Filigrane.*

2⟨-я глава⟩. Все о Лизе. Нельзя от них отказаться, но они свои, их я не отделял. Откуда узнал о Лизе и Васине. Но убежать я не мог. Настасья. Известие Настасьи о ст. князе, Анне Андреевне (рассказом и сценами) о грудн⟨ом⟩ ребенке (сказала бы еще вам: это о Ламберте, *после нее*). О ней, о Бьоринге, отстал. Эффект версиловского письма, о словах в письме, что документ не сожжен. Мое волнение [Неб] (о молод. князе Лизе). Неблагообразие *. Встал к Макару. Как нарочно, у Макара — Лиза, Версилов. (Как относился Версилов к Макару). Рассказ, как судила⟨сь⟩ Татьяна. Повесть Макара [о]. Встал: что такое благообразие? Ночь волнения, влюблен. Объяснение *моей* любви. Не тут ли пожар?

3-я глава. [Макар] Recidive болезни. Несколько дней. Не буду описывать мои мучения. Рассказы Макара, его влияние. Мнение Версилова о Макаре, Версилов забыл прибавить. Я вдруг высказал тираду о благообразии. Версилов вдруг ** согласился. Вдруг история Лизы с Васиным.

4-я глава. Мой внезапный выход. Все... Анна Андреевна что-нибудь новое (не о Ламберте ли?). М. князь. (В волнении он только что донес, ревнует, брак). В волнении от известия о Ламберте. К Татьяне. Милостыня.

5⟨-я глава⟩. Пришел домой. Лиза оскорбленная. Макар о клетушке. Странствовать. Версилов. Не вытерпел. К Ламберту, шантаж, о документе. Сбит с толку. [Странное чувство] От Ламберта узнает о свадьбе с Бьорингом. (Дела Бьоринга поправились). Домой. Страшная ночь борьбы. Картина пожара.

На другое утро известие об аресте всех. (Странная записка князя). Хотел вдруг бежать. Бежать, но есть Макар. У меня 300 руб. Нанять квартиру. К Макару, или Ламберту, и все. Внезапная смерть Макара. Версилов обнимает маму. Пойдем ко мне, я тебе покажу ребенка. Дома, исповедь. Подросток умилен и примирен: я отдам ей документ. Ужасные угрызения за пожар. Ужас к Ламберту. Не забуду мгновений благодарности к Версилову за очищение ***.

Исповедь Версилова. В день похорон рубка образов. И уже после рубки письмо ****.

Тут: Анна Андреевна и подсылала для Ламберта. И сама выпытывала о Ламберте (о знакомстве Ламберта с Версиловым не надо). Затем, когда подросток у Ламберта, то тот главное о документе и говорит таинственно. Везде тайна. Подросток дает знать, что хоть и он сам проболтался Ламберту о документе, но ясно увидел, что Ламберту того только и надо было. Ламберт условился, чтоб подросток приходил, потом сам ищет его. Подросток хочет квартиру. Мечты о пожаре. Опять встречает Ламберта. Разругался на улице. Идет домой. Смерть Макара. Версилов обнимает мать, а ему: Ко мне, ко мне. ***** //

---

* Под строкой: «но слегка», очевидно, пометка для себя: мотив «неблагообразия» только наметить.

** Над строкой.

*** «Версилов ∽ очищение» — на следующей странице, внизу, в левом углу, линии ведут сюда.

**** «И ∽ письмо» — внизу, на следующей странице.

***** «Тут ∽ ко мне» — на левом поле, снизу вверх.

10) у Ламберта, пьян, вырезают. Старый князь, участок, борьба. Пожар и т. д.

27〈/28?〉 июля.

Последняя minute.

2-я глава. О Лизе. Кратко и полно, но с деловым видом и отрывисто. Положил заняться, когда встану. Положил не думать. Представлялся. С Версиловым не говорить о ней. (Мелькало: как Версилов относится к Макару Ивановичу?) Кстати: о письме Его к Бьорингу. Посещение Настасьи. Известия в волнении большом. Пошел к Макару. История Татьяны, о Лизе, с ней соединиться. Мы оба обиженные. Один рассказ Макара Иванови〈ча〉, Макар Иванович, видели вы что-нибудь подобное (вопрос Татьяны), и тут рассказ Макара.

Я встал и пошел. Мне этот старик на этот раз понравился. Мнение Версилова о Макаре. О благообразии спросил Версилова вдруг.

Волнение ночью. О документе (ревновал ли я?) [в виде бреда]. Бред. Завлек насиловать, и Ламберт.

3〈-я глава〉. От мучений рецидив болезни. (Отдам документ!) Вечера. Рассказы. Версилов о коммунизме. Мама. В ём гущина *. Татьяна приходит на вечера. Тут вдруг история Лизы с Васиным, ревность князя **. Я завтра выйду.***Я вдруг высказал Версилову мое мнение о благообразии.

И 4-я 〈глава〉. Я завтра хотел удивить — выходом. Вышел, посетил всех. Князя. Князь хочет жениться. К Татьяне.

5-я 〈глава〉. Пришел — Макар. Не история ли Лизы [с Васиным] прежде, и теперь князь ревнует, и потом Макар о клетушке и Лизе. Гущина. Пойдемте странствовать. Я в восторге. Версилов. Ночью мучения. [Но я был развлечен]. На другой день арест Васина [история Лизы и Васина. Арест Васина. Женитьба князя]. Сбит с толку. [Пошел]. Встреча с Ламбертом. Разговор. Знаком с Версиловым. Шантаж. О документе.

Затем: чувство безобразия — к Макару. Внезапная смерть Макара. Пока лежит Макар — пришел Версилов — Исповедь.

На другой день у Анны Андреевны. Письмо с предложением брака. Похороны Макара. Именины мамы. Рубка образов. //

Minute (2-я глава) ****. Князь ничтожен... А впрочем, она частию была права (частию), потому что, в сущности, и если уже все говорить, то князь никогда не был совсем-то ничтожным и надолго еще мне задал собою***** задачу в будущем. ...Но я хотел отстраниться от дела князя, как будто это все не мое дело, и даже представлял, что не забочусь ни о чем о текущем, и если б только я стал говорить, то нарочно ***** стал бы говорить о зоологии или о римской истории, чтоб показать, что не желаю иметь никакого участия в текущих делах и особенно в *их* делах.

Я говорю лишь о том, как я представлялся, но посещение Настасьи Егоровны подняло боль... О документе. Мщение ей ******. У меня все было готово,— и я хотел встать поскорее. Сердце стало стучать, я пошел к Макару. Лиза. Мы оба опозоренные. Я слишком добра. Тут вдруг Версилов. Отношение Его к Макару. Рассказывает, как судили Татьяну. Ссора Лизы с Макаром. Значит, у него собирались и прежде. Суждение о нем Версилова. Доскажите о купце, сказала Татьяна. О том, что арестован Стебельков *******.

---

* «В ём гущина» — между строк, другим пером.

** «Тут ∽ князя» — на левом поле, место указывают знаки.

*** «Я ∽ выйду» — между строк.

**** На левом поле ниже дважды повторено: «2-я глава».

***** Над строкой.

****** «О ∽ ей» — над строкой.

******* «О том ∽ Стебельков» — на левом поле.

3-я глава. Recidive болезни. Вечера. Документ. О том, какие были рассказы у Макара Ивановича. Лизавета и проч. Как Версилов ввязывался в разговор. Тут мнение о нем Версилова. Мое высказанное Версилову мнение об их безобразии.

4-я глава. (А Версилов достиг цели. Письмом остановил свадьбу Бьоринга). Выход мой обошел всех. Спешил. Князя (там Лиза), Васина.—Князь ревнует к Васину. К Анне Андреевне. Об ней. У Татьяны — милостыня.

5-я глава. Воротился, у Макара — Версилов и все. О коммунизме, в ём гущина. Васин Лизе предложение. Пошел к Ламберту, пришел домой. Волнение и ненависть к *ней*.

6-я ⟨глава⟩. Быстрый рассказ о том, как арестовали Дергачева, Васина. Князь женился. Известие об успехах Бьоринга и о встрече его с Версиловым, или *вроде того*. Ощущение безобразия, беспокойство. Опять к Макару. Быстрая смерть Макара.

* 7-я ⟨глава⟩. В день [смерти] похорон Макара [он] я приходил к нему. Исповедь. Все высказано и ничего не досказано. Возрождение. О Ламберте с Версиловым.

8-я ⟨глава⟩. [На другой день Анна Андреевна]. Через три дня в доме, хлопоты, волнение, Версилов исчез. Анна Андреевна, письмо Его к ней. Ламберт с Анной Андреевной. Именины мамы, рубка образов.

9⟨-я глава⟩. Удручающее чувство. Свидание Его с нею. (По случаю помолвки с Бьорингом). //

Васин Лизе: Любить князя неразумно. Вы в своих чувствах заблуждаетесь.

Князь подростку: Я вас в свидетели. Он князю про Макара.

Как entrefilet в газетах.
Что же я знал? А я знал *сон*.

— Так вы донесли *единственно*, чтоб избавиться от вашего врага Васина?

Стебельков. Донес, чтоб облегчить свое положение **.

Палец. Успокоил, начал говорить о Зерщикове, забыл, припомнил. А да, ну как вы теперь, милый Арк⟨адий⟩ Макарович, перейдем к главному. Уксус. О главном бог знает что — жить в север⟨ном⟩ краю, с Лизой. И Лиза, Лиза — вы увезете ее на такую гибель. Встал молча, перевернулся, схватился за голову, сел. [Вы не так]. Мне все пауки снятся. Вы не поверите, что она для меня значит.

Вы в волнении. Нет, позвольте, надо же решить. Опять о Зерщикове. Стебельков свинья, но о Макаре. Ах да, ну пусть, это какой, знаете, я.

---

* На левом поле: «*психология*».

** Далее записи в крайне хаотическом беспорядке:

... тир хотят устроить — это ясно как день./вся ценность документа/—Грязь [Стебельков] мошенников и, может быть, целую шайку мошенников лучше со мной. Вот почему так и звала меня/Но в день моего выхода с *ней* он не заводил сношений. На этот счет у него [не было] был свой *план*./ Но, во-пер⟨вых⟩ ⟨?⟩ повтор⟨яю⟩, это entrefilet./Я ничего не знал — Но через *сон* предчувствовал/Теперь начну с того самого как началось. Началось издалека. Я еще не выходил. [Лиза, Васин] Мама именинница./Когда уже видел, что со мной можно говорить ясно, так и Анна Андреевна. Что я выслушаю—раз это мерзавец./ Это прямо несносно обижать человека./ О, я говорил тогда в бреду, что, чувствую обиду от Бьоринга, и к тому же у Ламберта я был в восторге./ Тогда я бы никак не мог вообразить, но теперь знаю наверно, что он во время болезни моей уже знал след./ Но и в хорошей манере французов фамилию./ — важность, что не сказали

Я встал. Пощадите Лизу и прощайте, мне больно смотреть на *вас*. Васин.

Уяснил ли ты главное — мой сын. Бьоринг и Ахмакова. Наста⟨сья⟩ Егор⟨овна⟩. Помните Наст⟨асью⟩ Е⟨горовну⟩? Ах да. Я уверен. Я тоже знал одного старичка. Ах да, здесь, один сторож. //

Васин. Оскорбление. Я готовился выходить. Лиза лежала. [На другой день Лиза]. Макар Иванович о маме. Мама именинница. (Версилов и мама). Урок житию моему близко. [На другой день] Лиза. На Лизу впечатление. Заплакала, ушла наверх. На другой день оскорбление от *князя*. Лежит у Макара на коленях. Жизни не знает. Слышал, что Васин арестован.

Лиза. Будь у него завтра.

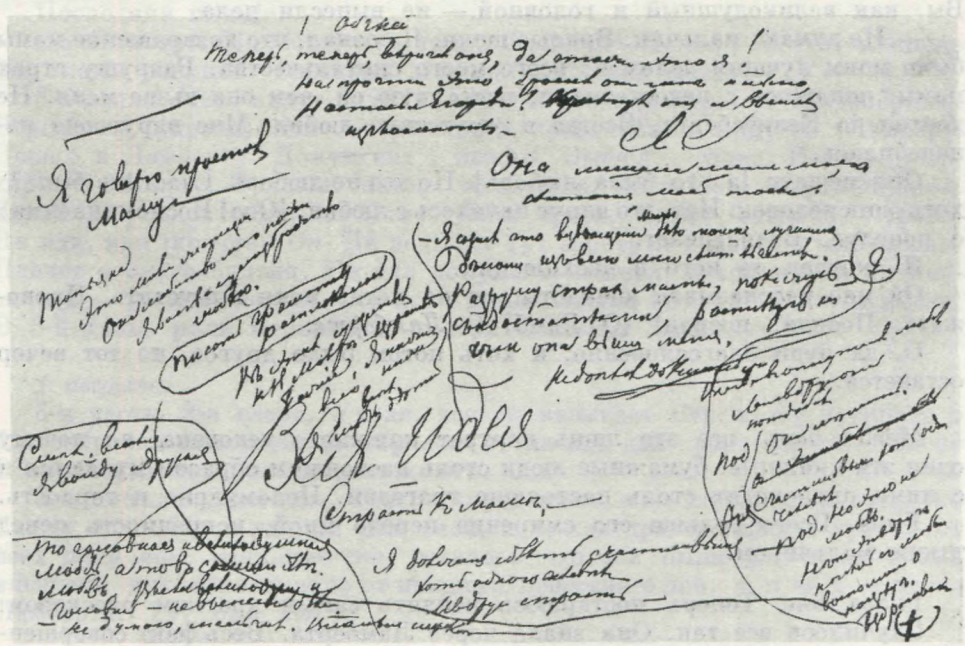
Ночь, *Она*, влюблен ли я? Злые духи. Интрига, борьба. День выхода [интрига]. Молод. князь. Предал. [Анна Андреевна] [влияние женщины] [сцены] Подростку говорят об их интригах, т. е. Версилов. Об деле, с презрением об Анне Андреевне. О Бьоринге сообщил Стебельков. У [Перед] Анны Андреев. женщина. Объяснение их интриги (ОТ СЕБЯ). (О Бьоринге)? О Ламберте. [Ла]

Глава 5-я. Ламберт. Шантаж. История.

Что *она* обо мне думает? Студент.

Теперь приступлю к катастрофе. Началось издалека. Васин и т. д. ... (узнал от мамы). Затем у Макара. Мама. Лиза на коленях у Макара. Лиза потрясенная ушла.

NB. *И тут-то*! Ночь. Злой дух. Она выходи⟨т⟩ и проч.



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

На другой день (быстрее). Известие об аресте. На коленях у Макара. Их арестовали. (Он людей не знает). Макар велел выходить замуж. Благословите меня на многие муки. Речь, наставления мне, ей, о Лизе. Сударь и проч. Урок житию моему приспел. Ты знаешь, их арестовали.

Через сон я понял роль Ламберта. Через сон о документе, я и знал и не знал.

Мысль: не начать ли с объяснения интриги Ламберта, когда я был у Ламберта. (Я предчувствовал. Через сон). И кончено. Теперь приступлю. Началось издалека, Васин и т. д. А сон перед выходом и злые духи. Что она особо обо мне думает. Катастрофа, но я должен разъяснить вперед, иначе не сумею рассказать, тогда же ничего не знал, разъясню же, что знаю теперь. (Короче). Ламберт. Шантаж. (Короче). Замерзший-то проговорился. //

Об *ней*. Теперь, теперь, вскричал он, да что же это я! На, прочти это, бросил он мне письмо. Настасья Егоровна! крикнул он и вышел из комнаты.

Я говорю, простил маму. *Она* лишила меня моего скитания, моей тоски. Татьяна. Это — милая женщина. *Она* любит во мне поэта. Я вас за сумасбродство люблю. Писать, грамматику, расплакалась. В этих существах, как в Макаре,— царство божие. Я ниже всего, ниже всех. Я люблю детей. Смех, веселая. Я войду и другая.

ВСЯ ИДЕЯ.

Страсть к маме.

— Я должен сделать счастливым хоть одного человека. И вдруг — страсть.

— То головная и великодушная любовь, а то в самом деле любовь. Вы, как великодушный и головной,— не вынесли дела.

— Не думаю, мальчик. Впалые щеки. Я сознал, что возвращение мамы было моим лучшим делом из всего моего скитальчества. Разрушу страх мамы, покажусь с недостатками, растолкую ей, чем она выше меня. Не доехал до Кенигсберга. Всегда в отсутствие любил. Мне вдруг она понадобилась.

Она мешает [а это была любовь]. Но это не любовь. Счастлив был〈?〉 хоть один человек. Нет, это вдруг началось с любви. [Ого] Воспомина〈ния〉 о поцелуе. Вздрагивает.//

Я смотрел на него в восхищении.

Он мне рассказывал анекдоты, он не хотел меня выпустить. Провожать. Посиди, посиди! [О Ламб] О *Ламберте*.

О, да буди благословенно, и хоть потом было другое, но тот вечер останется.

Может быть, все это лишь портрет книжного человека, но почему одни эти книжные, бумажные люди столь настоящим образом мучаются и с ними происходят столь настоящие трагедии. Целомудрие и гордость. Finis. Всего больше его смирение передо мной, искренность перед таким мальчиком.

Глава 8-я. Теперь постараюсь кончить самым кратким рассказом. Случилось все так. Она знала через Ламберта. Весь факт совершенства колоссальный. Он омрачился. Но как же. Однако он открыл мне. [Он] встретился с ней. Рассказал о Лидии и проч., вериги, пощечи〈на〉. Теперь Бьоринг. Ты думаешь (bis). Вскочил со стула: На, читай, читай!

(ее письмо). И что же, ⟨рассказ, ничего не почувств⟨овал⟩. Пошел к маме. Смерть. О, я послал ей благословение. (О жизни). Вы послали? Нет еще, впрочем.

Историческое.
Левин.
Посмотрите на Версилова и его семейство. А потому, если романист юноша, то *случайное* семейство. Вы там случайное семейство //.

1-й эмбрион плана.
10 дней болезни.

* 1-я половина 3-й части. (Перечень событий). Макар и Версилов. Лиза и ее выходки. Васин и известие о Колосове и всех арестованных. Татьяна и ее служанка. Анна Андреевна (Бьоринг, известие о *ней*). Разрыв сердца. Ламберт. (Сцена с *ней* у Татьяны. Мимолетная милостыня). ** (Рубка образов. Версилов исчез). Письмо ей с предложением. Ненависть. К Ламберту. Сообщение плана. Ламберт об Анне Андреевне. Почти уговор. [Выход] Выходки Версилова у ст. князя (засадить хотят). [У Бьоринга]. ** Ст. князь бежит к подростку сам, так что Анне Андреевне нечего делать. Бьоринг и *она* вырывают князя от подростка с обещанием, что ст. князь женится. Версилов к Бьорингу и его расстраивает. [Версилов, письмо с предложением. Свидание. Суд над молодым князем]. ** Условие подростка с письмом. С Ламбертом, но решается, наконец, один. (Лиза и проч. Мать). Версилов, свидание с нею. Подросток свидетелем. *** Удаляется в себя, оставляет свое намерение. Идет к Татьяне. [Суд над молодым князем]. (Измена Альфонсины. Все сцены пожара). Суд над молодым князем, и застрелился. //

27/28 ⟨июля⟩.
Последняя minute.
Но Ламберт! Ламберт! что такое Ламберт! Пожар, мечта, в конце 2-й главы рецидив. Рассказы Макара. Отложил мечту.
3-я глава. Лиза вдруг ему: [он] Князь зовет (завтра). О благообразии Версилову (тирада). На завтра князь донес. Анна Андреев. Ламберт. Пошел к Ламберту. Докум⟨ент⟩, пожар. Вышел — ужас. Искать квартиру. К Макару. Пришел. Макар. Клетушка. Внезапная смерть Макара. Закат. Версилов обнимает маму. Лиза брата. Вдруг Татьяна. Сурово. Да иди, иди (ко мне). *Он*. Да ведь все тут заботу... Пошел, и милостыня. Плачет о благообразии. Не дал документ. Вышел, натолкнулся на Версилова — ко мне, ко мне. Это все в день выхода. Смотри *Основные мысли*. В 3-й главе роль Версилова, смотри *Основные мысли*. //

1 августа.
3-я часть, 2-я глава. Уходя, все высказывает Версилову в тираде о благообразии наияснейшим образом, тогда как дал слово *молчать*. Слово В⟨ерсило⟩ва *ты прав* поразило его. Сон.
3-я часть. В 3-й главе. Теперь внутреннюю мою психологию оставлю. Скажу одно: Меня укусил уже змей, и я, как драгоценность, хранил от всех *рану мою*. Влияние *сна* осталось, что она была для меня: я был влюблен, дух захватывало от каждого известия о ней, а я — я *жаждал* Ламберта. Тут был *сон*.

---

* На левом поле: «3 недели».
** На левом поле: «неделя».
*** На левом поле: «2 недели».

* Но пока, до времени, это оставлю. Приступлю к описанию двух людей, наиболее поразивших меня в жизни: Макара и Версилова. Что до Версилова, изучения, наблюдения до того неожиданные, что до Макара, то вот что было: вначале и во все время, пока он торчал передо мной, я как бы не умел отличить его, относился к нему если не свысока, то равнодушно, хотя сердце мое неприметно для меня раскрывалось в ту эпоху многому и необъятному: на всю жизнь через Макара. Но почувствовал и сознал я это уже далеко после, тогда же, говорю, был свысока и неприметлив, и если б не пример Версилова, который удивлял меня почтительностью своих отношений к Макару, то многое я бы и вовсе, навеки, пропустил без внимания. Вот тут, в этом месте мнение Версилова о Макаре Ивановиче. Между тем, что же было? Ничего, казалось бы, особенного. Установились вечера. Кстати: если спросят, как же я после таких, объявленных уже *ему*, отношений моих к Версилову и после выходок в семье мог быть членом их вечеров? Отвечу: с Версиловым все могло быть, он не спрашивал и не сердился, он третировал меня совершенно по-прежнему. Это была его манера высокости и всегдашняя мысль. Но я прозревал и другие отношения ко мне. (NB. Величавости к миру, не сердился на людей, одна из его обаятельнейших черт). Что до мамы и всех, то у них, конечно, было сострадание как больному и что-то условное относительно меня. Но мне было [ко] до времени все равно. У меня было свое новое влечение, которое было твердо, но которое я отдалял, чтоб даже не думать о нем до времени выздоровления, и пока я, всецело и не подавая вида, напротив совершенно любезно и дружественно, начал участвовать на их вечерах. Мы собирались. Даже доктор. Началось историями... Версилов. Лиза и Васин. О том, как учил ходить маму. Батюшка Андрей Петр⟨ович⟩, сударь.

Лиза. Приходи к нему завтра.// ? (От Татьяны: Завтра в 7 часов вечера будь у меня [буду *ли я*]. Лиза, я приду, только ты не говори, что я выйду). Вышел князь. Анна Андреевна (поражающие известия и загадки, о Ламберте ни слова). К Ламберту: у Ламберта страшно прорвались чувства, с сверкающими глазами, мать. Как вышел, раскаяние в падении, перекрестил, на бульваре. (О, в жизни моей много было таких минут раскаяния. Жучок). О, это не легкомыслие, что так скоро преступление и раскаяние: казнь была уже в груди моей, еще наполненной преступлением, когда я еще только входил к Ламберту. Но меня тогда только жгуче изловило чувство; когда же я *развил* это чувство Ламберту, казнь вышла сама собою как противовес.**

Ст. князь помер не женившись. Версилов идиот. Финал.

Когда Бьоринг отымает у подростка (в квартире) ст. князя, то ужасно оскорбляет подростка.

C'est le carême, говорит ст. князь.

Их сострадание меня очень раздражало, и когда мама подала пить, я раз заплакал. Вечер, свет. Идея о воскресении в новую жизнь.

Молча; теперь надо молчать, никогда не говорить, никогда.

Мак⟨ар⟩. Старец должен быть доволен тем, что жив. Довольно!—Все хорошо. Старец должен умирать в полном цвете ума, как пышный готовый плод, восполнивший тайну свою.

---

* На левом поле: «3-я глава». Ниже на левом поле: «Вечера и отношения».
** На левом поле: «ГЛАВНОЕ».

— Что такое тайна?
— Что тайна — все тайна.

И Макар: Ты юноша, прекрасно тебе. Вот и прекрасно, что встал вот я, старец. Я хотел бы опять пожить. Перед тобой жизнь. Благословляет закат старец, но хорошо и опять. Грешная, может быть, мысль эта.

Подрост. Почему грешная?

— Не знаю, друг, по-моему, не грешна. Вот если возроптать, зачем дескать мало, то оно и греховно вышло; а если без ропоту, благословляя луч, щедроты божии.

Теперь совсем о другом. Впрочем, скажу два слова обо мне (т. е. о душевном состоянии). Теперь совсем о другом: шепот, сошел — и потом уже после сцены с Макаром — о моем состоянии.

2 августа.
Последнее разделение.
1-я половина 3-й части. Смерть Макара и *она* выходит из двери.
2-я половина 3-й части: до ночи у Ламберта и о том, как взрезали документ. Т. е. *она*. Его исповедь — похороны, рубка образов, у Татьяны, Ламберт, Анна Андреевна дает подслушать [исповедь] свидание. У Ламберта ночь.
4-я часть. 1-я половина. Князь у него. Сцена с Бьорингом. Участок и утром у Татьяны. Пожар.
2-я половина: все, что в эпилоге. //

См. лист 4. Молчание и недоверчивость. Макар и аксессуары. [(Свидание)]. Версилов, исповедь. Приплесть складнее Татьяну и кухарку.

ОБЛОЖКА ВЕНГЕРСКОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК»
(Будапешт, 1900)

Мировой. Я ничего не говорю о Лизе. Рассказ — Лиза, выходки, Васин, я ходил к князю, к Васину. Встреча с Анной Андреевной (сама позвала к себе). Повезла письмо с предложением брака. В этой встрече Анна Андреевна говорит неясно. Подросток же уверяет ее, что Он ненавидит Катерину Николаевну, и излагает Анне Андреевне свою о нем теорию. Я взволнован. Внезапная смерть Макара. Первая встреча с Ламбертом. Рождение матери, букет, рубка образов.

Выйдя оттуда вдруг внезапная сцена с Татьяной. Rendez-vous и *милостыня*, исповедь Татьяны. Старая дева. Плачет. Разговор о том: влюблен Он или не влюблен. (Вследствие разговора с Анной Андреевной, под влиянием. Высказывается характер Татьяны). Внезапная смерть Макара. Разговор с ним решительный,— 1-я полов⟨ина⟩ 3-й час⟨ти⟩,— побыстрее и только об деле. Анна Андреевна быстро зовет, сообщение письма с предложением о браке. Идет к Ламберту. Рождение мамы, букет, рубка образов. Версилов исчез. Анна Андреевна, *свидание* у Настасьи Егоровны (квартира на имя Настасьи Егоровны, но от Версилова). Опять встреча с Ламбертом. *Почти уговор*. Вдруг бегство ст. князя. (Напугал Версилов). Анна Андреевна говорит: *Так не хочу*. Ламберт. Подросток поклялся ее спасти. Бьоринг оскорбляет подростка. Участок. (Живая сцена). Свадьба Лизы. Конец 3-й части.

Макар, после первой сцены прямо анекдоты, потом об Лизе и ее отношениях. Татьяна и кухарка — с Версиловым об маминых делах. Потом в этот день я вышел. Макар об Илье, Энохе — с Версиловым о коммунизме, с Ламбертом. О беспорядке и порядке. Объяснение Ему в любви к Нему. *Смерть Макара*, о подвигах исповедь.

Подросток в глубокой и окончательной борьбе: отмстить ли, или устоять в достоинстве. Сознание *беспорядка*. *Решение на уединение*. (Макар и Версилов). Порядок и Беспорядок. Подросток догадывается, что беспорядок и каша в поколении. *Обобщает*, возводит к целому, к нашему обществу и его законам, это главная страница романа.

Он борется, конечно, с мыслию, что Версилов исключение, идеал. Однако догадывается и *своим умом доходит*, что эти идеалы у нас целиком есть в действительности, что они-то и влияют, что в них-то и *главное* дело, ибо они термометр и барометр, а не железнодорожники и аблакаты и не старое общество Левиных (гр. Толстой), и что теми идеалами ничего не возьмешь.

Доброе одерживает верх. Идет к Татьяне. Открывает Татьяне о документе. Свидание с нею. Ламберт напоил. Спор об идее. Предался Ламберту в пьяном виде. Очнулся без письма и не заметил. Быстрый рассказ о том, как им удалось заманить ее и выманить Татьяну. Кухарка играет роль. Сцена пожара. 1-я половина 4-й части.

Развязка. Освобождение молодого князя. Смерть старого князя. Ее болезнь и свидание с ним. Картина Версилова-идиота. Идея — будущее. Роль Татьяны. Роль Лизы. 2-я половина 4-й части (см. 3-й лист). //

Зачем же ангелы посылаются на свет, коли так? Вы ангел, следственно не властны в себе, следственно уже тем самым обязаны. Вы были обязаны. *Она Ему*. Я обыкновенная женщина. Это вы меня вознесли до ангела. — Да ангелов и нет совсем.

— Сколько гордости в этих словах.

Она. Оставьте меня, оставьте! мне тяжело с вами.

Он. Берегитесь.

Она. Я знаю, что вы способны на все; но я не боюсь. Я не могу бояться. Я права.

Самое главное. Подросток замечает от себя: Все эти его признания, все это нетерпение в его признаниях — все это было до того наивно и простодушно, что действовало на меня обаятельно состраданием к нему. И потом. Странный развертывался передо мной человек: наивный, как дитя, простодушно-нетерпеливый, с содержанием внутри и самою детскою внешнею формой, так что даже я мог понимать его.

Чрезвычайно важное:
Я его хотел испытать: пойдемте на подвиги.
— Идем.
— Неужели вы серьезно.

Подросток убеждается под самый конец (вопреки пошлому взгляду Ламберта), что документ вовсе не так пугает ее. Но он умоляет Татьяну, чтоб в ее квартире свидание назначить с *нею*, единственно лишь, чтоб объясниться, сказать ей всю правду и возвратить ей документ, *обвиняя* себя. А вовсе не для того, чтоб устрашить ее.

6-я глава. А вы детки добрые... *Макар Иванов* (*про жену*). А виноват я, потому что попустил сие. (Жену с Версиловым). Надо было жезлом. Жалко стало. Простите, дети, простите, батюшки. Простите и вы меня, сударь, ибо и на вас жезл нужен был, ибо хотя телесным не мог, но духовным жезлом возмог бы. Да почему и не телесным? И то возможно было, ибо, хотя и милостив, по новым понятиям, а все бы в Сибирь сослал.

Как упала передо мною [во кл] во клети, ноги целовала... Бог простит! (нежно глядя на нее). Слушай, Софья, себя не упрекай. Грех был мой. Муж глава: вразуми.

И был ей (Лизавете смердящей) глас: Молчи, дикая.

При исповеди в Версилове вдруг обнаружилось что-то ужасно маленькое, чего он не примечал, тогда как я все думал, что будет что-то великое.

Анна Андреевна.— Меня влекут самые святые чувства.
— Он нас слишком компрометирует.
— Вы на него имеете чрезвычайное влияние.
[Он нас слишком компрометирует]
— Вы любимое его дитя.
Настасья Егоровна поступила к Анн⟨е⟩ Андре⟨евне⟩, т. е. к грудному ребенку.

Maximum! я поклялся охранять ее!
NB Версилов объяснил Ламберту что [значение] значит документ, а Ламберт знал, где докум⟨ент⟩.

В исповеди. Подросток историю Версилова и *ее* рассказывает от себя, в перемежку с Его словами.

Порядок: Сперва письмо с предложением о браке.
Потом Анна Андреевна призывает подростка и показывает ему письмо. (Конец разговора ex abrupto).
— Потом А. А-на дала ему подслушать свидание.
— Потом, когда бежал старый князь, Анна Андреевна испугалась: *Я* не хочу так.

К Макару. Только в эту минуту старик этот (дорог нам). Смерть его. Татьяны нет. Пошел к Татьяне. Слушай ты, останься: и *она* вышла. Я плакал.

У Версилова же ночью (в Исповеди) узнал, что такое Макар в первый раз как бы вполне, от Версилова же.

ВАЖНОЕ.

2-ю половину 3-й части начать: Теперь только факты, и с чего лучше начать мне, как не с разъяснения капитального события, которое сделано без участия сердца моего, как бы и не объявляю, а entre-filet в газетах. И тут известие о Бьоринге и о положительном объявлении брака. Больше не прибавлю. Я не знал этого ничего еще несколько дней, но мама грустна. Версилова нет. Встретил странно. Ламберт. Ссора с Ламбертом. Похороны и букет: описание фактами à la Шекспир. На другой день от Анны Андрее⟨вны⟩ тайну о Бьоринге. Благообразие в Макаре, беспорядок в Версилове. Подросток хочет уйти от беспорядка.

Порядок психологии. Сначала подросток под влиянием дурного чувства (мщение) сходится с Ламбертом и даже дает ему понять свой проект. Но после свидания с нею (милостыня), после сцены с Версилов⟨ым⟩, после смерти Макара и, наконец, разбития образов и бегства ст. князя— ПОДРОСТКА ВДРУГ ПОРАЖАЕТ БЕЗОБРАЗИЕ ЭТОЙ СРЕДЫ, и он передается ей и клянется охранять ее честь, несмотря на то, что оскорблен Бьорингом и в участке. Но *он* видит в этом *порядок*, т. е. в том, чтоб платить добром за зло. Но после участка, взволнованный, ночует у Ламберта, и там тот взрезывает карман. (№. От Ламберта же и узнает в тот вечер, что с Версиловым познакомился. Ламберт ПОЗНАКОМИЛСЯ С ВЕРСИЛОВЫМ гораздо раньше, когда лежал больной: Ламберт приходил навещать). Подросток рассказывает от себя, как они устроили это все с Ламбертом.

В конце концов подросток обижен, но удаляется в себя. Идея более чем когда-либо.— *УЕДИНЕНИЕ.* Ребенок. Привязался к ребенку.

Версилов *идиотом* целует руки у мамы и молится.

Maxitmt. Связь с Татьяной и объяснение от Татьяны. Старая дева (плачет). Татьяна была влюблена в Версилова.

2-я глава. №. У Версилова есть главный пункт, это: Ее свадьба с Бьорингом. Этого он не может вынести. *Он* оставил бы ее в покое, если б она осталась незамужнею.

— Что вы за бессменный страж моей совести и нравственности, говорит *она* Ему, кто вас приставил ко мне? И для чего непременно спасать меня?//

[Да] Подросток Макару: Да вы не так, вы в тексте ошибаетесь.

Макар. А ну и вправду, пожалуй. Я ведь не ученый. Ишь ведь поправил. То-то головка.

К чему служат Васин и Дергачев в романе?

Ответ: как аксессуар, выдающий фигуру подростка и как повод к *окончательному разговору* подростка с *НИМ.*

* Теперь время признаться: для чего я писал записки? *Беспорядок* поразил меня. О, я в школе был раздражен, но до Петербурга не знал ничего. Я воображал и хуже, воображал злодеев, но думал, что у всех людей, у злодеев и добрых, есть общее, что они уважают, считают святым и в чем не спорят. *Беспорядок* нравственный Версилова, отсутствие начал. Один Макар в порядке, но разве он возможен? Одна мать моя святая, но как живет? Я уверовал в *нее*, но как живет она, к чему стремится? Документом я могу ее под пяту. *Главное.* №. Вот почему он рад идее, что *она* не боится документа. Бьоринг для *нее* строгий порядок, а «свет

* На левом поле чуть ниже: «4-я глава».

беспорядочен и развратен» (говорит *она* сама) «и все в нем бродит и ничего в нем нет». «Я жажду порядка», говорит она (Версилову), «И я жажду порядка». Выходит, что подросток ухватил слово *беспорядок* у *ней*. *Она* же говорила об этом Версилову на свидании, которое подслушал подросток. Про Бьоринга она говорит Версилову: он честен, строгих старых правил, образован даже, очень не глуп, а главное немец, а не русский. «А у русских беспорядок, и русские без порядка». Она хоть и говорит в полунасмешку, думает потом про себя подросток, но очень похоже, что она тех же мыслей и в самом деле.

* Версилов сам, неприметно приведя подростка к заключению о Макаре, что он «невозможен», вдруг заключает сам про Макара: «ДА ОН И ЖИЗНИ СОВСЕМ НЕ ЗНАЕТ». Но он умолчал о том, что хоть Макар и не знает жизни, но уже одною возможностью своего появления между людьми приносит необычайно более пользы, чем Он, Версилов, с своим «знанием жизни» и с своим отчаянием, прямо выходящим из этого знания.//

[*Верс.*] *Подросток* Анне Андреевне (когда сбежал ст. князь): Я не знаю, Анна Андреевна, но меня беспрерывно поражает беспорядок нашего общества. Пока все в казенной указанной рамке, то в русском человеке и в русском семействе еще есть какой-нибудь вид. Но стрясись что-нибудь, и тотчас все обнаружится, весь недостаток нравственного основания и начнется беспорядок... Это он говорит Версилову, и *БЕСПРЕРЫВНО* после Макара.

Версилов в исповеди: *Она* смотрела с насмешкой, и чем больше я приглядывался к ней, тем больше видел смеху в лице ее.

В свидании с *ней* Версилов говорит ей, что в ней все совершенства (а подростку говорил, что в ней все пороки). *Она* Ему говорит, что *она* очень грешна, но что ему очень бы хотелось подглядеть в ней какой-нибудь порок, чтобы сокрушить тем *ее* славу.

Будемте лучше друзьями, говорит *она* Ему (Иркутск), я буду уважать вас. Так-то лучше, чем беспорядок. Я же выхожу, чтобы пристроиться, ищу порядка, а вовсе не люблю Бьоринга.

Выйдя от ней, Версилов обвиняет ее, что она, для положения в свете, готова сделать мерзость и пожертвовать совестью (т. е. дать себя изнасиловать Ламберту за документ, все пороки), и для *того-то* подстрекает Ламберта сделать опыт.

Подросток до самого конца с мрачной идеей в себе отмстить кому-то (выбрал ее, ей). [но] Сообщает Версилову [но Версилов предпочел Ламберта] весь свой план, в горячем виде (для этого идет к Нему и находит Его в трущобе, особенно после оскорбления Бьоринга). Тот, видимо, соглашается, но предпочел Ламберта. Это *сотрясает* подростка. Он еще до Альфонсины, всю ночь накануне боролся с собою (т. е. сделать *пожар* или нет?) и вдруг Альфонсина. Бежит к Татьяне и проч. Вся интрига. Сообщив план Версилову в первый раз, подросток уходит грустный; зачем Он согласился? Пусть я мерзок, но не Он, и тут ночь колебаний, решается один без Него. Насмешкой над светом. А тут вдруг Альфонсина.//

В ИСПОВЕДИ важное признание Версилова: «Макар всю жизнь на меня действовал. Пойдем вместе. Отрекаюсь от демона (*она*)»!

---

* На левом поле: «2-я глава».

* Демон, демон! Минуты счастья, да будет благословенна жизнь, выпьем. Макар. За маму.

В конце 2-й главы 3-й части и во всю 3-ю главу: Но Ламберт, Ламберт, что такое Ламберт! (№. Чего я боюсь Ламберта,— я сильнее его!) Предположения, мечты и судороги вместе с умилением от Макара.

В 3-й главе. Каждый раз я возвращался в умилении от рассказов Макара, но ночью сны, сны — сладостные, наконец (отдать документ!) решение, злые духи и добрые. О коммунизме с Версиловым. Но о Макаре не говорить с Ним до исповеди. В день выхода. Не ходить к Ламберту. Но пошел и *опачкался*. К Макару! Закат.

Подросток, когда ссорится с Ламбертом: Я, брат, теперь сильнее тебя

У Ламберта в первый визит. Его знакомые, завтрак за шампанским, потом обольщение: Тебе месть, а мне деньги. Тебе высшее, а мне низшее.

№. Здесь. Нет, ты подросток, ты мал. Одна у нас была такая добродетель и тоже в этом роде, а затрепетала, когда мы пригрозили, что все огласим. Послушна была. Мы взяли и то, и другое, и деньги. Теперь она в свете, недоступна, добродетель, фу ты чёрт, а если б ты видел, в каком это было чулане. Каких чуланов они не чуждаются. Альфонсина ездит в Царское, везет игрушки**.

(У нас есть атаман — история). Я уеду в Америк⟨у⟩. Они развращены до конца ногтей. Я об этом думал! беспрерывно восклицает подросток.

№. *Ламберт*. Хороша она?

Подр. Хороша.

Ламберт. Я ее видел.

Подр. Я знаю, что ты видел.

И беспрерывно: Я об этом думал, я об этом думал! И потом, идя в отчаянии, что опачкался, восклицает беспрерывно: Да, я уже развратил себя, я об этом думал, и когда же, когда Макар рассказывал умиление. Я всякую ночь думал (добрые и злые духи). Раскаяние: к Макару! к Макару!

Закат.

С Ламбертом. Ламберт его прямо берет под руку — и оказывается, что *он все уже* знает. Я тебя ждал. *Ощущение:* я [хоть] шел с ним под руку с наслаждением. Наслаждение увеличивалось именно от мысли, что я еще независим и вся моя воля. //

У Ламберта подробности о *ней*, блестит, Ламберт все устроил, везде раскинул сеть — и даже Бьоринга знает.

Лам⟨берт⟩. (Ты даже и жениться мог бы). Ведь она же тебя любит, любит? Ведь ты же говорил.

— Это тогда, в бреду-то?

— Ты мог бы жениться, но только тогда в руки взять, чтоб сок потек. Деспотизмом этих барынь надо. Идея женитьбы так и пронзила наслаждением мое сердце. О, я был глуп. Замечу здесь страшную глупость. Я еще 16 лет мечтал о женитьбе. Это известие надо бы вычеркнуть. Но уж так и быть, оставляю***. Я посмотрел на Ламберта, был серьезен. Версилов ненавидит ее. Ненавидит.

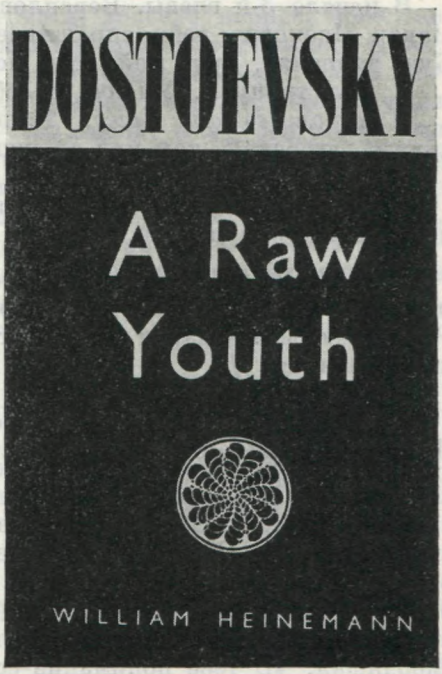
---

* На левом поле: «3-я часть».

** «Альфонсина ∽ игрушки»— на левом поле.

*** На левом поле: «Важное очень»

ОБЛОЖКА АВСТРАЛИЙСКОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК» (Мельбурн, 1950)



Подросток Ламберту о Нем и о *ней*: У них там вражда, вражда, такая вражда, что я и след потерял. Следил за ними да и бросил [Из] Только вражда страшная, в старом роде, из-за возвышенного. вздору какого-то, в романтическом вкусе сороковых годов.

— Мы ее спасем от его мщения.

— А если у меня есть такой документ! вскричал я, сверкая глазами.

Ламб. Да я разве не знаю, что есть. Ведь ты сказал.

— Когда, в бреду?

— Да.

Ламб. Ты очень добр, [ты великодушен]

Под. Да, я добр.

Ламб. Ты великодушен.

Под. О, я великодушен.

Ламберт. Я ее видел, но она меня не видала. Так надо, чтоб она меня не видала.

Только ты глуп, Ламберт, вот что, ведь ты ничего не понимаешь,что я говорю.

Ламберт не противуречит.

В 3-й главе роль Версилова, коммунизм, неминуемость, экономическая теснота на земле. Задыханье (фантастическая картина с блеском). Спасет господь, пошлет что-нибудь.

Политические идеи. Разговорились о будущем России, о богатстве. Версилов о китайцах.

№. Все это две главы. Ламберт тоже отдельная глава.

ПОСЛЕ СЦЕНЫ *СВИДАНИЯ* и до самого конца подростка мучит мысль, что он любит ту, которую любит его отец. Возненавидел за это в пьяный вечер у Ламберта. Но одумался в омерзении на другой день.

В начале 3-й главы. Версилов пришел ко мне и робко проговорил: Макар Иванович тебя спрашивает. Мы решились скрывать от мамы. Будь терпелив, друг мой, если можешь. И если можешь, сойди туда.

Я был тронут... Умолчу о себе,

И потом во всю главу: И потом: возвращается, и мечта, мечта, другая, зверская, как мог ад уживаться с раем?

* Первый раз я в недоумении наблюдал за собой.

Я должен бы был оценить Версилова за его чувства к маме, но и тогда не знал всего и другое было во мне.

ПОСЛЕ ИСПОВЕДИ. О, благословляю эту минуту, Версилов. [Память] Память о тех великих мгновениях. Что бы ни случилось потом... Раскаиваюсь, что начал записки таким тоном подростка. Есть и у меня, что помянуть! //

[ОБЩИЕ МЫСЛИ]

В ИСПОВЕДИ Версилов с восторгом об искренности юношей (об Дьякове и проч.), об маме, об чистоте ее. Да здравствует все великое! Что есть великое? Искренность.

3-я ГЛАВА**. Обо мне ни слова. Через три дня выздоровел. Чувство выздоровления. Пришел Версилов: Макар Иванович спрашивает. Остерегись. Не описываю по порядку. Старик привлек меня. Мнение Версилова. Я бы спросил его: не завидуете ли вы? Но нельзя было: видимая искренность. Удивлялся почтительности. Рассказы. Татьяна. Лизавета смердящая. «В тебе понимание есть». NB. Эти несколько дней, о будь благословенно... Другой Версилов, вечера, мама. Этот старик. Суждения Версилова. Мы очень говорили. Но я уже не боялся говорить. Все это было лишь о римских императорах вроде. Об ней ни слова, и я был покоен. Споры. Политика. Мама. Версилов о социализме. Именины мамы в скором времени; Макар про детство мамы. История с Васиным. Вслед за тем арест тех. Оскорбления Лизе, женитьба. Версилов: «Он ничего не может сказать ей, он жизни не знает». Лиза у Макара, слезы, Лиза. Всякая горесть проходит, у Иова дети, Версилов (женюсь). Я Лизе: Завтра я выйду, только не говори никому. Духи добрые и злые. Ламберт, преступление, и это все сейчас после сцены у Макара.

ДЕТИ ИОВА. 4-⟨я глава⟩. Выход.

После свидания с Ламбертом в 4-й главе. Опоганился. Но что-то тянуло меня в эту яму с чудовищами неистово, со сладостию и замиранием сердца. Хотел бежать от безобразия и всех перещеголял. Страшно стало. Испугался. К Макару. //

ОСНОВНЫЕ МЫСЛИ.

В 3-й главе: Что *она* могла обо мне подумать? (Еще с того первого письма Бьорингу).

В 4-й главе, после Ламберта, возвращаясь к Макару. У них интрига, интрига! Бежать.

*** В ФИНАЛЕ. Когда бежал старый князь: бегство утром. Ламберт с Анной Андреевной, но тут же надул ее: он обещал ей, что когда бежит ст. князь, то укрепить его в его идеях, показав ему документ. Но только что, накануне, в ночь, овладев документом, он рассудил подождать и не показывать его князю, [ибо] рассчитывая, что Анна Андреевна, может быть, и не выйдет еще как-нибудь замуж; стало быть, ее вексель не оплатится. Имея же документ в руках, он решил повременить *денек* и попро-

* На левом поле: «3-я часть» «короче».

** Повторено ниже на левом поле: «3-я глава».

*** Чуть ниже, на левом поле: «*ЗДЕСЬ*».

бовать продать документ *ей*: с нее, дескать, вексель вернее. Меж тем Анна Андреевна уже напугала ст. князя и передала ему [что] на словах, что документ существует и что она ему его покажет, только что он убежит. Но документ так и не явился. А тут пришел Бьоринг, и князь ушел раздраженный, что его обманула Анна Андреевна. Испуг же князя был сильнее, чем можно было угадать заранее. Когда явился Бьоринг, он с плачем раскаяния бросился ему на шею, говоря о документе и что его обманули. Весь же этот день Анна Андреевна приставала к Ламберту, чтоб он представил документ, как обещал. Но Ламберт не явился, оговорился, что документ у подростка, а подросток гордо объявляет Анне Андреевне, что документ у него в кармане и что он его не выдаст. А Бьоринг его же и оскорбляет после такого поступка. //

3-я глава. *Еще программа.*

Встал и не слягу. Записываю потому, что все тогдашнее — воспит⟨ание⟩ нового, воспит⟨ание⟩ жизни*.

Выздоровление. Силы. Пришел Версилов: Макар Иванович спрашивает. Макар. Ив. *Здоровье его.* Меня тронуло их всеобщее участие. То время, вечера.

Рассказы о святых. Мало образов. ⟨Нрзб.⟩ мечтатель**.

Этот старик, вспоминается мне, странно третировал свысока. Боюсь сказать, чуть ли не самое светлое.

Споры — о пустыннике, о царстве христовом. Это коммунизм. Не совсем. Вы большой мечтатель. Восторг. Рассказы о святых. Мария Египетская.

Несколько дней выздоровления. Даже доктор***.

Простил доктору многое. Конечно, это был один из [довольно] самых ординарных людей. Но мне нравилась его привязанность к семейству. Медицинское высокомерие****.

Почтение Версилова к Макару, Версилов. Мама благодарна. Но я заметил, что и сам Версилов приходил к Макару. Я очень хотел послушать, что они говорят. Разбирают Иова. Гущина*****. Я удивлялся почтению к Макару Версилова.

Только долго спустя постиг, что такое Макар. Вечера. Рассказывал повести, сбивчивость. Например, как избили инока. Вы себе противуречите. О купце. О Смердящей Лизавете. Об Иове. Сатане и проч. О будущем мира. (Все возвышенные идеи). В ём гущина. Раз о политике. Мама за Россию. Кстати, о маме, ее детство. (Тут Татьяна). NB. Обделать.

Возвращался спать. Злой укусил. Рана. Что-то *она* думает обо мне (Бьоринг). Блестит. *Сон* (кратко, сильно и намеком, документ). Злые духи. Лиза. Васин. Обижена, вкратце история. Лиза. Они арестованы. Он зовет тебя.

Дрожало сердце (идти, идти. Заходить ли к Ламберту?) Непременно, непременно! Я сильнее Ламберта.

NB. Вот что значит со грехом жить: рассказ про солдата, солдат мужик порченый. Адвокат нанятая совесть.//

---

* «Встал ∽ жизни»— на левом поле.
** «Рассказы ∽ мечтатель»— на левом поле.
*** «Несколько ∽ доктор»— на левом поле.
**** «Простил ∽ высокомерие»— на левом поле.
***** «Почтение ∽ Гущина»— на левом поле.

В Исповеди — Версилов о благообразии.

Когда ты произнес «благообразие», но ведь это моя идея,— думаю,— ты мой, это сын мой.

Сначала задыхание.

Потом коммунизм, идея в атеизме.

Макар: Да ведь это я, детушки, не мертвую природу и увидят знамение Сына человеческого и припадут.

Вероятнее всего, что так, Макар Иванович.

№. №. №.

О политике после рассказов.

Расск⟨аз⟩ал-то он — мама патриотка. Потом об Иове, об маме. Никогда не забуду [рассказ] вечером об атеизме и задыхание.

На утро Лиза. Арест. У Макара Лиза. Лиза. Что он скажет ей; он не знает [ничего в людях] людей. Об аресте. Он не таков, как прежде, он умирает, он скоро умрет, он гораздо скорее умрет, чем мы думаем, надо быть готовым.

Не буду формулировать душевного состояния. Если читатель узнает, то не поверит. Лучше расскажу потом фактами, тогда лучше сумею выразиться. Пусть только помнят душу паука, и это у того, который хотел от них уйти и от света во имя благообразия. Жажда благообразия с другими бог знает какими жаждами, и это со всем сознанием.

Широкость в русском человеке или просто подлость. Сказал А⟨ндрей⟩ П⟨етрович⟩, вот моя речь: Я сам не знал в эту минуту, гордиться ли мне или презирать себя.

— Что до них, то они все простили свысока. Версилов ⟨?⟩

Итак завтра я выхожу: что-то *она* думает обо мне! Вот, вот самая главная строчка... Выход.

Наступило несколько дней. Как одно с другим могло ужиться. Затишье с бурными намерениями. Богач.

Но до бурных намерений я положил вылечиться окончательно, а до тех пор воспользоваться и затишьем.

Смотри ОСНОВНЫЕ МЫСЛИ.

А баловать их чего: на меня же [говор] вопить еще пуще будут. Чего жалеть. Все сие ничто же успевает, а лишь паче молва бывает.

И можно ли, чтоб от такого счастья отказываться. Наконец, говорит ей: вот что, честная вдова...

— Опять кражи много.

— Это народ, что младенец, на что взглянет, то и тянет.

— Чтобы такую вековечную муку принять.

— Я такие же побои и над прежним [производил] произносил.

— Учись, а не брандахлысничай.

— Все сие ничто же успевает, а лишь паче молва бывает.

— Озверел человек.

— Архимандрит. Подул ей в ухо. Согласилась.

— День денской. Как вами изволено было.

— Всякое дело спокой любит. Стой, не суетись.

— Тетки не тетки, а дальние родственницы.

— Утешение в скорбех, обретших мя зело.

— Пронзила сия стрела мое сердце.

— Яко же присоединил иногда Павла, так и меня приими, господи, окаянного, яко же некоего изверга.

— Ежели время мое без успеха душе проведу, то назад уж не возвращу.

— Была у них любовь нелицемерная и как единая душа в двух телах.

— В попрание всем людям предал меня.

— Чуждому не сообщается (не сообщаясь).

— Да и скорби мои и странствия господь не оставит без воздаяния.

— А оставить все сие есть немалый крест и нелегкая скорбь.
— А жене оставаться одной, как бесприютной ластовице.
— Как рыба, выброшенная на сушу, метался и тосковал.
— И решился собственного капиталу.
— Народ истомчивый. А ты его стомчивее.
— И ангелы божии несовершенны, совершен и безгрешен один бог наш Иисус Христос, ему и ангелы служат.
— Слова отчаянного летят на ветер.
— И погрузил меня в грязь, так что самые одежды возгнушались мною.
— Как ветер, развеялась моя слава и, как облако, прошло мое счастье.
— Невылазное горе.
— Был я тверд и жесток, тягости налагал и требовал.
— Чем и живет человек, как не добрым примером.
— Урок житию моему приспел.
— Кто не хочет трудиться, пусть тот и не ест.
— Стоит человек на том: не прощу, потому что может и не знает человек, по какому побуждению стоит на своем.
— Народ здешний стомчивый, народ здешний не выдерживает.
— Детки маленькие, так и ведки маленькие.
— Около тебя покормиться.
— Окажи ему пристрастие, произведи над ним пристрастие.
— А ты возомнил.
— Я такие побои и над прочими произносил, чего же он ⟨нрзб.⟩
Жениться.

Я глубоко согласился с ним. Доктор: прописал капель, уехал, 800 руб. увез.

Много делал грехов, и не помыслил бы, а одна только эта безгрешная душка уловила его. Не вынес. Вот как это чудно случается.

— Ты, честная вдова, еще молода, красива, знаю, чего тебе надо, тебе мужа надо. Тебе мужа надо,— неистово говорил.

Кашель есть такой, коклюш.

Вот напал на них кашель.

Девочки.

Деточки, на солнышке, босенькие... зла не видят, погибели не чувствуют, солнышко — так и радуются, ночью спят, как ангельчики.

На вдов и на бесприютных сирот она все в монастырь свой пожертвовала. А в Афимьевском, как фабрику сдал, пошло не в пример хуже прежнего.

— А сидит в кабаке наг — ни ниточки. Из кабака выйдет — народ стомчивый, сам напьется, да сам же и причитает...

— С этим народом иначе нельзя,— говорит купец, [что они жалуются, что] рассчитывался произвольно, я, говорит, знаю, когда ему дать.

Про мальчика: ни он такой, ни он этакой, дивится на него. Запугал он его, вот что. Только это ему не в догадок. Что он меня не любит.

Не простит нас мальчик, она так и дрожит, поклонилась ему, и с тем разошлись. Оплакав и детей и супруга, потому что за три-то года с ним милость в сердце своем нажила.

Но имеет не то основание, то прежнее в нем не передвинет.

Живописца призвал.

2 кулачка, бог, река, истерзал себя.

Не простил нас младенец.

Я за него церковь выстрою.

Пошли.

Докторов призывал из столицы.

В рассказах много бессвязности, т. е. совершенно неизвестна иногда цель, с которой рассказывал. Повторяю,— из умиления.

Не очень мистичен.

Не очень интересуется текущими и светскими событиями.

Удовольствие от политических известий доходило в нем иногда до блаженства.

Так веруют коммунисты, прибавлял он поминутно. Но веруют ли так коммунисты, я не знаю, ибо не настолько знаком с делом. Ужасное подозрение осталось в сердце моем: «Не сам ли ты полно так веруешь», я с жадностью слушал.

Верс.— Нет, так веруют коммунисты, так должны, по крайне мере, веровать, потому что ничего у них иначе не выйдет.

Я: все же мертвая природа (О, я не понимал тогда).

Мертв⟨ая⟩, друг,— воскликнул Макар, а Христос вдруг: а я здесь.

Мама—патриотка, мамино детство, по поводу именин мамы.

После смердящий: приближались именины мамы, *только б дожить.*

Кстати, мама-патриотка.

Воспоминание о маме.

Позвольте мне вам пожать руку и заявить, что вы все еще иногда честный человек.

Я и Верс. Мне неловко.

Ибо есть случаи, в которых и победитель стыдится иногда своего побежденного за то, что одержал над ним верх.

Мы как будто конфузились. Неудержимость часто впрочем выскакивала, но мы все-таки сдерживались, как бы стыдясь друг друга [ибо] и, право, было от того как бы больше наслаждения. [Ибо есть случаи]

Коммунизм. Так, так, это так,— но он был очень заинтересован, ужасно стал расспрашивать, но Версилов *прервал.*

Развлечений много, забудешь о человечестве-то. Деньги не бог, а полбога. Из рассказов его я узнал. Они не имели никакого нравоучительного оттенка, главное, была бы умилительность. Дворовый человек, страсть к идеям, новостям, уважение к образованию, потому что не чуждается господ. [Пол] Знаешь ли, что любит даже политику. Мужику это все почти все равно, не исключая, может, и начетчика — раскольника.

Коммунизм: Экономическая сила никогда не свяжет, свяжет лишь нравственная. Где же взять эту нравственную связующую силу. Версилов уверял, что коммунисты высшие ищут ее в атеизме. Любовь к богу и бог отвлекают от любви к человечеству. Тогда же все как сироты ⟨начнут⟩ сближаться, полюбят свое уединенное величие. Сначала пожертвует человек человеку всем. Потом все человечество природе.

Когда бог, исчезнет то уважение к уму, от уважения ума — уважение к человеческому образу, породившему ум, а стало быть — к достоинству, а стало быть — друг к другу.

Но все это повторя⟨л⟩ лишь вскользь: а пуще всего любил умиление и для того часто рассказывал рассказы.

Иов — новые дети.

Старое зло исчезает, переходит в умиление. Тут переход Макара от буйной ⟨?⟩ жизни своей к воспоминаниям о маме, о том, как она освящала его душу еще в детстве.

Не стоят дети. Вот как бог иногда душу человека находит. Я из него человека сделаю, не любит он меня. Почто он меня не любит. Не привержен ко мне.

Взял с фабрики.— Я его, может, всего состояния наследником утвержу. Прижал два кулачка к сердцу.

Final. 1-й с новой главы.

Я подтверд⟨ил⟩ слова от себя: помню в то же утро меня поразило

участие. Без Версилова я много бы пропустил в этом старике, который оставил капитальное воспоминание в моем сердце. Мало образован не знал ⟨?⟩ идей широких.
Верс. Он был не так ⟨плох⟩. Кончается. Полноте, он проживет, да неужто он так плох.
NB. Помирился с доктором, приписываю тоже выздоровлению.//

В Final'е. Но Ламберт узнал драгоценную для него вещь. Он узнал, чего стоит документ, увидав и сообразив по испугу князя — испугу, которого он и не предполагал в такой силе. Стало быть, догадался, что за документ, в самом деле, много дадут заинтересованные люди.

Лиза. Так знаешь? Знаешь? Мы обнялись на лестнице.

Ламберт в первом свидании заговорил о том, что можно содрать денег. Я решился быть *широким*, я слушал. Ламберт, это они называют шантажом! Свиньи сами.

У АННЫ АНДРЕЕВНЫ. Я чувствовал, что она лжет и что она дурная, но удивительно как бывает с женщинами: этот вид порядочности, эти формы, эта недоступность светской высоты и гордого целомудрия, этот вид добродетели — все это сбило меня с толку, и я стал соглашаться с ней, т. е. пока у нее сидел. По крайней мере, ни за что бы не решился противоречить. Мужчина в решительном нравственном рабстве у женщины. Такая женщина может убедить в чем угодно неопытного и великодушного. Мне было ее даже жалко, впрочем, я еще так недавно любил ее, насчет же проделки ее с ст. князем, все еще для меня оставалось не совсем объясненным.
NB. Анна Андреевна хотела бы иметь дело не с Ламбертом, а со мной (NB. Непременно объяснение от подростка). Я сидел и думал: как же она с Ламбертом.
Анна Андреевна. Я слишком горда, чтобы входить с неизвестными лицами. И во второе свидание: Но у вас есть документ*. Настасья Егоровна: А вы не выбежите-с?
Анна Андреевна надеется, что с. князь пошлет за князем Платоном и еще за кем-нибудь и покажет им [пись] документ, чтоб доказать, что он не сумасшедший **.//

Не обратил внимания на широкость. Широкость ли это или просто подлость? (После признания князя) — Я всегда задавал себе вопрос — широкость это в русском человеке или просто подлость? //
Подрост. Ламберту: У меня есть *идея*.
В участке. Пристав. На другой день.
— Вы говорят что-то произвели?
— Я ничего не произвел, я был у себя дома.

Он ее (маму) целовал, он ее называл *женой*. Никогда бы я не [был] мог предположить в нем такой силы чувства. Передо мной был другой человек.

Подросток Ламберту по поводу любви Его к *ней*: Я верил в это *одно мгновение*, но теперь нет, я знаю в чем дело. (Это гордость).

---

* Этот абзац написан через несколько страниц, но, видимо, непосредственно связан с предыдущим текстом.
** «Анна ∞ сумасшедший»— на левом поле.

* Я должен объяснить прямо, чего еще я не знал, тогда, но, конечно, что-то подозревал или, лучше сказать, подозревал все *дурное, но не убоялся его*: Ламберт был предводитель так называемого шантажа. Он слышал от меня про документ. Но он был очень ловок по-своему. Дальнейшие *планы его изложатся потом*. О, он мне изменил бы. Он хотел с Анной Андреевной, но документ-то еще был у меня.

Я и Ламберт, в первый раз.

Все это, о чем [что] мы говорили, мне казалось совершенно невозможным, неосуществимым и фантастичным, но я откинул (как бы читая невозможный, но завлекательный роман) все невозможности и говорил единственно для наслаждения фантазией и чего-то еще другого, что плотоядно, как скверный гад, копошилось в моем сердце. Перед выходом из дому: теперь мне надо самому разобрать всю интригу. Неужели я любил ее?

В УЧАСТКЕ: КНЯЗЬ ДОЛГОРУКИЙ?

Подросток дает знать Анне Андреевне, что *она* с ним так дурно поступила (поддается). Анна Андреевна восторженно сочувствует.

С Анной Андреевной: что Катер⟨ина⟩ Николаевна опять появилась в свете, о Бьоринге (я, может, и получила Бьоринга). Анна Андреевна почувствовала, что с Бьорингом вновь ладно, беспокоится, не было бы вновь выходки от Версилова, и прибегает к подростку. Это подросток объясняет, выходя от Анны Андреевны, уже *от себя* (т. е. о Бьоринге). //

У Ламберта два плана: коли есть документ (о котором он и сообщил Анне Андреевне), то, или продать его Анне Андреевне за *деньги*, после того как она выйдет, или *ей*? или Бьорингу?** Что выгоднее? Потому у подростка осведомляется: где шансов больше? А главное, ему хотелось бы завладеть документом одному, надув подростка, и потому он поджигал подростка расспросами: больно ли его бил Бьоринг.

Или Бьорингу или Версилову? Но с Версиловым он не говорит.

Подросток *от себя* читателю о том, что Ламберт профильтровался к Анне Андреевне. Как это они сделали? и что говорили? Я бы не сумел.

Проект похитить князя в мою квартиру и тут показать документ.

Простота Ламберта***.

Анна Андреевна и задает подростку окончательный вопрос****: т. е. могу ли я рассчитывать на вас, если князь скроется на вашей квартире? т. е. что вы покажете ему документ.

***** ГЛАВНОЕ, это все *от себя*, но в первое свидание с Анной Андреевной та еще ничего почти не говорит прямо, а темнее, ни о Бьоринге, ни о квартире, ни о документе, а шлет его к Ламберту. Она говорит, что Ламберт пришел к ней узнать о больном подростке, расспрашивает про ту ночь и про то, как оскорбил его Бьоринг; одним словом, высказывает *преувеличенное* участие.

Слухи о Бьоринге его мучают******

---

* На левом поле: «Глава, начало».
** «Или Бьорингу»— под строкой.
*** «Простота Ламберта»— на левом поле.
**** В оригинале описка: «ответ».
***** На левом поле: «Здесь».
****** «Слухи ∞ мучают»— на левом поле.

В теории не смущало меня.

Демон, демон, и да будет благословенна жизнь; этот срам — клянусь, все это было так безгрешно. Лишь влечение жить, жить. Нет, я думаю, что я много наделаю, в жизни, я еще никогда не потеряю надежду.

Альфонсина в Царское. Но об этом после. Картинки в стетоскоп. Alphonsine, là voila. Но-но-но, тубо. //

Дальнейшая мысль 3-й и 4-й части.

Версилов вполне раскрывается. Он говорит о смирении как о высшей силе, победившей мир, и о [воз] самоправии посредством воздержания; вериги (к Макару он несколько холоден), и иногда только, странными порывами, намекает на письмо. (Подросток вдруг узнает, что он [иска] ищет это письмо). Наконец решается жениться на Софье Андреевне. Подросток умоляет его сделать это. (Патетическая сцена). Вдруг рубка образов и, накануне, предложение Ахмаковой, уже помолвленной. Затем Он исчезает до тех пор, пока не отыскивает его подросток. (Это гордость и страсть в высшей степени, до сумасшествия).

А затем пожар.

* Когда подросток объявил о своем документе, то он сказал: Я всегда подозревал это и был в том уверен.

В 3-й части, подростку чудно, что Версилов как бы забыл о документе. Но изрубив образа, Версилов, скрывшись, вступил было в переговоры с Ламбертом и Стебельковым. Потом бежал от них. Когда подросток Его отыскал, то отдает ему документ. Он не берет. Пошли вместе. //

Идеал, присутствие его в душе, жажда, потребность во что верить... что обожать** и отсутствие всякой веры. Из это⟨го⟩ рождаются два чувства в высшем современном человеке: безмерная гордость и безмерное самопрезиранье. Смотрите его адские муки, наблюдайте их в желаниях его уверить себя, что и он верующий... А столкновение с действительностью, где он оказывается таким смешным, таким смешным и мелочным... и ничтожным. *Он* догадывается, что надо работать над собой, смирять себя и что это стоит безмерного труда. И вот он возлагает на себя долг — самосовершенствование и рад ему, и в восторге... выбирает сплошные вериги***. Чувства мучительного неверия и скептицизма посещают Его иногда, но Он стоит твердо и, наконец, как будто достигает цели... И вот при столкновении с действительностью падает ужасно, страшно, немощно. Почему? Оторван от почвы, дитя века...

Эту мысль мне дал Макар странник, вот что теперь умер****.

Вы сердитесь, что есть такие люди. Чтоб вглядеться в них, открыть их — надо иметь любовь к людям. Тогда будете иметь и глаза и увидите, что их множество.

№. *11 августа*****.

Это Версилов объявляет *ей*, и *та* говорит вдруг Ему: Вы мне страшно отмстите за унижение этой исповеди.

---

* На левом поле: «В 4-й части».

** «Во ∞ обожать» — над строкой.

*** «выбирает ∞ вериги»— под строкой.

**** «Эту ∞ умер» — на левом поле.

***** Над этой записью снизу вверх: «это в свидание».

Мы из тех, что не можем оставаться спокойными в пустоте. И вот, наконец, я уверовал в самосовершенствование, в вериги. Пусть ничему не верю, но это потому, что я исковеркан, дитя века*, и ношу на себе проклятие века, развратен и развратным родился, ибо русские вот уже два столетия рождаются развратными. Но я переломаю себя, и тогда взор мой очистится. Тогда уверую, а тут *Вы*!

Подпольный человек есть главный человек в русском мире. Всех больше писателей говорил о нем я, хотя говорили и другие, ибо не могли не заметить. //

Мой рассказ о кущe. Вы таких сложностей, в таком непосредственном виде, ни у кого теперь не сыщете.//

Версилов (накануне выхода) о князе (их арестовали) и еще: я бы желал, мой друг, тебя *предостеречь* от мерзавцев и... (тут мы взглянули друг на друга и оба покраснели) А, впрочем, что ж я... Ну какая глупость! Оскалил зубы и вышел. //

Ohé, Lambert, où est Lambert, as-tu vu Lambert? **

Lamb⟨ert⟩.

— У меня *идея*.

— Да ты всегда был с идеями, ты был умнее нас всех в школе. (Грубая*** лесть подействовала).

— Версилов хитер, он тебя обманывает.

— Ты ничего не знаешь, ты... собака (для чего я его звал собакой). Я теперь сильнее тебя, я тебя могу избить.

— Заслужу.

— А помнишь, Ланц католик (он добрый, подумал я).

Я вышел пьяный. Выйдя пьяный, на бульваре вспомнил: *Она*, студент, о что бы она обо мне подумала!

Князь донес. Он, конечно, и сам не знал ничего порядочного и донес наобум, но оказалось, что он кое-что знал. С Лизой. О, как мы обнялись. А все-таки я поехал к Анне Андреевне.

Обед: толстожопый князек плакал. Пристал к офицеру. Рябой сердился и молчал. А молчаливый длинный вдруг начал кричать Ohé, Lambert! //

В НОЧЬ ВЫРЕЗАНИЯ ДОКУМЕНТА, подросток у Ламберта в исступлении: Это чистейший человек, и Он не должен знать, но я Ему докажу, кто она такая. Она стала поперек пути Его. Она испортила Его жизнь. Ей даром досталось, а Он брал мучением, и *она* торжествует, а Он погиб. Я спасти Его хочу. Я разбить Его идол хочу. Отдайте мне Его. я хочу его воротить такого, какой Он был три дня**** назад. Я покажу Ему. на что она способна.— Ты деньги, а я... и когда она будет давать выкуп, то я брошу ей в лицо документ! Пусть Он увидит всю эту грязь и опомнится. Ты, Ламберт,— мерзавец и т. д.

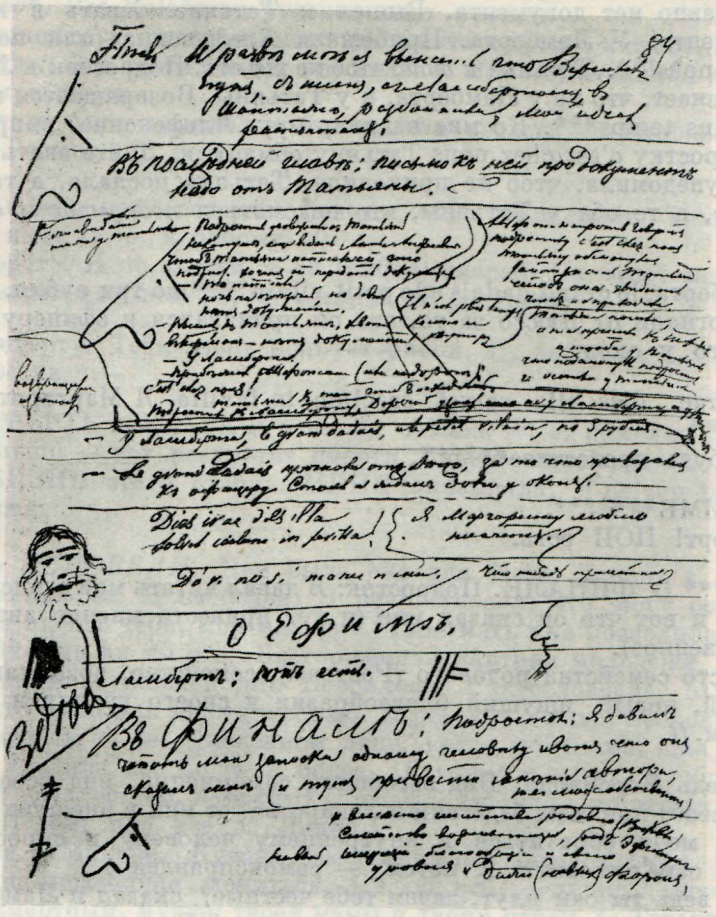
---

* Слева: «русск⟨ий⟩».

** О Ламберт, где Ламберт, видел ли ты Ламберта? (*франц.*).

*** В оригинале описка: «глубая».

**** Под этим словом вариант: «ночи»; ниже рисунок: нос и глаз.



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Тетрадь № 8, л. 84
Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

На другой день [у Ах⟨маковой⟩] у ст. князя (т. е. у себя). Не выпускает документа. Чего же я ждал? Но разве можно было разбить Его идеал? Что лучше: не разбивать или разбивать? Не зная, что лучше: отказался обнаружить документ. Затем арест и ночь в участке. Полное решение очиститься и затем идея, идея!

Накануне Ламберт во время бегства ст. князя узнал от Подростка, что тот сговорился отдать документ *ей*, *завтра* через Татьяну, в квартире Татьяны. Приехали. Макар Иванович: брось, оставь. Сын Версилова роль. //

Final. И разве мог я вынесть, что Версилов тут, с ним, с Ламбертом, в шантаже, разбойники, мой идеал растоптан.

В последней главе: письмо к *ней* про документ. Надо от Татьяны.

Подросток уговорился с Татьяной накануне, еще в день Анны Андреевны, чтоб Татьяна написала ей, что подрост. хочет ей передать доку-

мент. Та написала. Первое же свидание тоже у Татьяны*. Ночь на съезжей, но давно нет документа. Вышел к Татьяне. Хвать в карман — нет документа! У Ламберта. Прибежала Альфонсина (или подросток): C'est chez nous!**. Татьяна к *той*, чтоб не ходить. Подросток к Ламберту, дорогой узнает, что не у Ламберта, а у Татьяны. Возвращается и застает. Il n'est plus temps***. Ко мне на квартиру. Альфонсина, напротив, говорит подростку c'est chez nous Татьяну обманули. Дайте знать Татьяне, чтоб она уведомила, чтоб не приходила. Татьяна послала, а та пришла к Татьяне, а те оба у Татьяны, что подсмотрел *подросток* и остался у Татьяны.

У Ламберта, le grand dadais и le petit vilain**** по три рубля. Le grand dadais прогнали от Дюссо за то, что он привязался к офицеру. Стоял и ждал долго у окон.

Dies irae, dies illa solvet saeclum in favilla. Я Маргариту люблю, плачет*****.
что-нибудь прелестнее******.

О ЕФИМЕ*******.
!Ламберт! ПОП есть.

******** В ФИНАЛЕ. Подросток: Я давал читать мои записки одному человеку, и вот что он сказал мне (и тут привести мнение автора, т. е. мое собственное).
И вместо семейства родового (Ростовы), семейство, возникающее, род эфемерный, новый, ищущий благообразия и своего уровня и даже (новых) форм. //

Исповедь Версилова. Вид всеобщего самомнения, вид всеобщего искания [всеоб] причины бедствий и лекарства от них в внешних причинах побудили меня обратиться к внутреннему человеку и спросить себя: «не я ли сам виноват?» А потому — самоисправление.
— Да ведь ты сам плут, зачем тебе честные? сказал я Ламберту.
— А в плутовстве разве не нужны честные? Еще пуще чем везде, ха-ха-ха!

Подросток, идя сейчас после смерти Макара известить Татьяну Павловну, думает про себя: Как же это так, только что предсказывал вчера о своей смерти Макар Иванович, как она и случилась.

********* Подросток с Ламберт⟨ом⟩ в втором свидании перед рубкой.
— Потому что это так просто и по́шло.
— Это не может быть так просто**********.
— Потому что ты ограничен. Ты короток. Я тебя поймал**********.

---

* «Первое ∽ Татьяны»— на правом поле; очевидно, развитие мотива: обман Альфонсины.
** Это у нас! (*франц.*).
*** Нет больше времени (*франц.*).
**** большой простак и маленький негодник (*франц.*).
***** День гнева, день грядущий, который обратит мир в прах (*лат.*).
****** На уровне строки, на левом поле рисунок: мужское лицо.
******* Справа рисунок: мужское лицо.
******** На левом поле: «*Здесь*»,
********* На левом поле рисунок: нос и глаз.
********** «Это ∽ просто»— между строк, другим почерком.
********** «Я ∽ поймал»— другим почерком.

В Final'е (юноша ищет уровень, потерянный уровень Ростовых). *Пошли в народ**. Все семейство русское ищет уровня.

Но в юношестве русском много инстинкта к добру, к свету... Версилов в исповеди... Это трогательно, это наивно. Вся неудержимая любовь его к вам выразилась.

Его идея была великая — без всяких средств ее выполнить. Злых людей в России нет, совсем нет.

** Lambert при встрече: Знаешь, *они* (Михайлов, Тришатов) перешли к нему (т. е. к рябому). //

Ламбер⟨т⟩. Я не злодей, а он (рябой) злодей. Он будет заколачивать ящик с мертвецом под фортепьяно, и их развратит.

Я Ламберту: Тебя очень волнует рябой. И, кажется, я только один тебе и остался.—

№. СМЕРТЬ МАКАРА и решение о маме (т. е. решение оставить *ее* окончательно) — вот результат смерти Макара на Версилова.

№. ЖИЗНЬ этого старика МЕНЯ связывала, я не мог решиться в судьбе моей.

СУТЬ ИСПОВЕДИ. Чем была *она* для Него. Теперь с благоговением оставляю ее. Я свободен. Я почувствовал, что могу оставить ее. Пойдем, я люблю тебя, мой мальчик. Твоя мать мне позволила жениться на ней. Знаешь ли ты это? Восторженная картина молодежи, всего, новой жизни, наступившей для Версилова. Благословение, пью за нее. *Она* вот что была для меня (рассказ). И рассказ о маме, несколько строк. Замечал мысль на ее удивленном лице, когда она (мама) шла со мной в жизнь и входила все более и более. (Разница в путях, в образовании, все это ей казалось ей, *невежде*!) О если б ты знал, что это за существо. (Жучок. Подвиг для нее. О Лидии.)

О маме и Макаре. Жучок. Самосовершенствование. *ОНА*. Даром далось. Мама позволила жениться. Он об *ней* — дурно. Теперь вновь, простым смертным, мужем твоей мамы и твоим отцом. О Татьяне Павловне. Мальчик о благообразии.

Ты искал его. Семейство Ростовых, хождение в народ. Выпьем! //

В исповеди ГЛАВНЕЙШЕЕ.

Верс⟨илов⟩. *Она* дала мне только муки, но выпьем и за муки!— Теперь прочь, я отказываюсь, я люблю теперь одного тебя! Что, неужели ты думал, что от меня уйдешь. Ты победил меня, мальчик!

Сидел в углу... (Нежное и восторженное признание в любви. Княжна Катя).

Я вдруг теперь почувствовал, что все это был мираж. Благообразие. Ты искал его. Нажитые Ростовы. И ты ушел в *идею*. Ты мне мил. Ты победил меня, мальчик.

Все хорошо, вся жизнь хороша, слиться со вселенной. Атеисты. Христос на Белом море.

— (Вы масон? Вы в заговоре).

— Нет, мой милый.

---

* «Пошли в народ»— на левом поле.

** На левом поле, на уровне строки, рисунок: нос и глаз.

Был, мой милый. Есть ли русский, который бы не был свое время в заговоре?

* Final.. Не Татьяна ли пишет письмо о документе, и свидание у Татьяны на квартире. //

Критика Версилова.

Макар. В сердце милость нажила. Этакие колоссальные слова он говорит как бы ни по чем, и в то же время про жезл.

Макар. Поражало его гуманное отношение. Он думал жезлом, но она в сердце милость нажила.

Из исповеди Версилова выступает, что значит для него мама (что Он в 1000 раз ее любил более и *принимал эту связь серьезнее* — чем думал подросток. Жучок, и вдруг встреча с *нею*. Кенигсберг и мама).

Вспомнил об Макаре**.

После жучка — об маме, ее удивление. Выписал маму и вдруг встреча с нею.

*** Жажда благообразия. Ты пленил меня, милый, со мной было то же, что и с тобой. После взрыва с Бьорингом, произошел реактив: я почувствовал, что это последний акт безумия и что я, как и ты, жажду благообразия. И кто ж укоренил во мне это чувство. Он же, Макар, невинный младенец, расти травка божия.

Сегодняшний же день есть день величайшего торжества. Я почувствовал, что безумие кончено. Выпьем за *нее*. Это был плен красоты. Могучее чувство, на земле сущее. Ей даром досталось. Она даже и дурна. Она самая обыкновенная женщина. Она добродетельна настолько, чтоб пожалеть маму. Если б я *ее* бросил легко, она б подала яд в вашем роде. О если б *она* слышала, она бы [прост] поняла меня. Но пусть никто не знает. *Она* узнает, кричит подросток. И ты любишь ее: страстные слова.

**** В начале же исповеди—критика общества, измельчавшей русской мысли.

№. *Из жучка* взять: об самоответственности, если сознал, и об золотом веке.

Он ей [при вс] *в свидании*: Мне бы хотелось, чтоб вы поняли, *невинная*, в каком положении меня оставляете. //

Он. Я бы желал знать, чтоб вы поняли, в каком положении меня оставляете.

— Я вас истреблю.

Она. И не пожалеете моей молодости, не пожалеете бывшее? (Она боится).

— Согласитесь, покоритесь.

Она (гордо). Нет... Пусть так и останется. Я сама немножко в вашем роде.

Он. Это лучше. Еще немножко бы и я бы вам простил и ушел—так вы хороши теперь.

Она. Простим все друг другу и—разойдемся.

Он. [Коль не могу?] *Не* могу... ведь все кончено. Да и все равно.

Он. Нет, про месть, кровь — это тоже своего рода обладание.

---

* На левом поле: «Здесь». Рядом рисунок: нос и глаз.
** «Вспомнил об Макаре»— над строкой.
*** На левом поле рисунок: нос и глаз.
**** На левом поле: «Здесь».

Кровь запеклась печонками.
Она. Ведь это по книге.
* *Она.* Зачем же вы не убиваете меня сейчас.
Он. Сейчас не могу.
Она. А да, честное слово.
— Нет, не это, а я еще буду думать сегодня ночью об вас.
Она. Мучить себя, как тогда?
Разойдемся: и я буду думать об вас как о драгоценнейшем человеке, как об величайшем сердце, как об чем-то величайшем, что есть мне уважать и любить. Вы будете великою и серьезнейшею мыслию моей в жизни.
(Смеялась над развратом детей. NB. Какое-нибудь грациозное ему признание, à la княжна Катя).
Она Ему: Да я вас любила; но недостаточно. Я вас очень скоро [остав] разлюбила, увидав, что тут... *не то, что мне надо.*
— Что вам надо? Снизойдите до моего ничтожества. Скажите, что вам надо.
(Она выставляет идеал простого и ясного человека). (*Я люблю веселых людей*).
Она Ему: Я вас не стою. Я деревяшка.
Ну, я вам скажу всю правду: в вас есть что-то смешное.
Она Ему. Будьте добродетельны, женитесь на маме.
— О *маме* — не смейте о ней.
— Вы бесчелове‹чны›, Бьоринг.
— Я верю теперь, что вы говорите правду. Тут *Finai.*
— Вот за то, что вы много осмелились, за то, может, вам и прощу. Оставьте меня, избавьте меня от этого.
После рубки образов: Нет, это не так просто. Вечно помнить**.

С Ламбертом Он договорился, чтоб Ламберт ее изнасиловал. //
Она Ему. Извольте, я за вас выйду, не убивайте меня.
ПОСЛЕ ГЛАВЫ ИСПОВЕДЬ: Теперь я по возможности простым рассказом. У мамы. Тело. Слезы и т. д.—

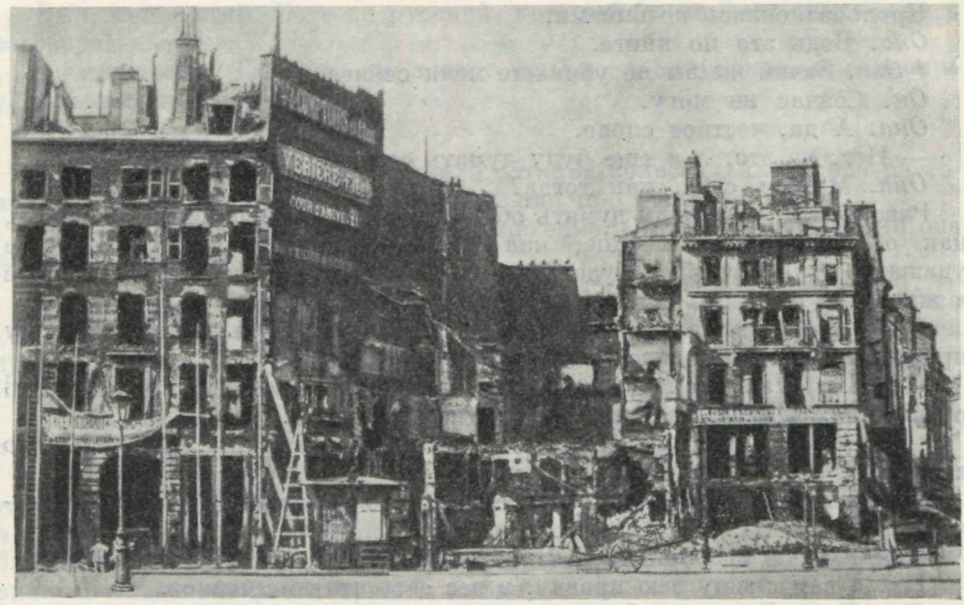
Разъяснение подростком *ОТ СЕБЯ* Его характера перед окончательной сценой *пожара,* т. е. фатума любви. Т. е. как он надеялся, убедившись в *ее* великосветской мерзости (с Ламбертом) разлюбить *ее* и вылечиться. NB. «*Не разлюбив же, разумеется, с ума сошел*», замечает *ОТ СЕБЯ* подросток.

*** *Она.* Я, пожалуй, выйду, я очень боюсь.
Он. Я воображаю вас и только и делаю, что с вами разговариваю. Вы все смеетесь (в этих ночных разговорах). Двойник. Сумасшествие.
Один захохотал над гробом.
Я разбил образ. //

Накануне Альфонсина chez qui, chez qui?**** Потом Альфонсина подглядела, как подросток прошел к Татьяне. Потом подросток Ламберту, и накануне и по выходе из части, что он к Татьяне. Затем, когда он является к Татьяне: Альфонсина: c'est chez nous*****—разрезает карман и находит... бумагу. В Альфонсине раскаяние. А Альфонсина побежала к

---

* На левом поле рисунок: нос и глаз.
** «Вечно помнить»— над строкой.
*** На левом поле рисунок: нос и глаз.
**** у кого, у кого? (*франц.*).
***** это у нас (*франц.*).



ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ. РАЗВАЛИНЫ

Фотография из «Album photographique des ruines de Paris. Collection de tous les monuments et édifices incendiés et détruits par la Commune de Paris», 1871

Литературный музей, Москва

Татьяне. Татьяна бежит по словам Альфонсины к *ней*, а подросток только что вышел, заметил Версилова и Ламберта. Толкнул Альфонсину и прошел через *Марью*.

БОЛЬШОЙ ВОПРОС: зачем Ламберту Версилов?

Версилов мог уговориться с *Марьей* и все выдумал.

№. Идеалист прежде всех наклонен предположить всякую мерзость.

От подростка рассказ: Он был уверен, что *она* падет с Ламбертом.

Ламберт начинает с *ней*: Я друг подростка, мне он поручил, вот письмо.//

Можно было предположить, что Катерина Николаевна заедет сначала к нам, чтоб разъяснить дело, но ведь этого могло и не случиться, она могла прямо отпр⟨авиться⟩ туда, и тогда она пропала. —Версилов и⟨нрзб.⟩двойник,⟨нрзб.⟩ — То-то двойник, то-то, — протянула Татьяна Павловна.

Ламберт преувеличил важность, не догадал⟨ся⟩, с кем име⟨л⟩⟨дело⟩.//

7) Друг мой, если б я был русским писателем и имел талант, я бы непременно брал героев из русского [дво] родового дворянства, потому что лишь в этом типе русских людей возможен если не порядок, ⟨то⟩ хоть вид красивого порядка и того самого «благообразия», которого мы с тобой оба ищем. Ты смеешься. Но я почти не лгу*, право, я почти не шучу. Еще Пушкин, милый Пушкин** наметил сюжеты будущих своих романов в «Онегине», хоть условле⟨нные⟩ встречи, и поверь, что это все,

---

* «почти не лгу»— между строк.

** «милый Пушкин»— под строкой.

что у нас есть [прекрасного] красивого [не прекрасного] [Так красивого], по крайней мере в целом, это [сословие есть] все, что есть у нас хоть [то] сколько-нибудь законченного. Я не потому говорю, что я Версилов и сам дворянин * [выхожу], сам происхожу от суздальских князей двенадцатого столетия и люблю то, что я дворянин, но потому, что в основах этого высшего слоя людей, бесспорно, укрепилось нечто незыблемое и неоспоримое. Я потому, что тут [уже создавшиеся, создались] есть уже законченные формы чести и долга, [а стало быть, романисту открыто и трогательное и патетическое. Нет на Руси] [чего никто, кроме дворянства, нет на Руси]**, что на Руси всего реже. [Там] хороша ли честь и верен ли долг, это второй вопрос. Но важна законченность [нажитые] форм и [накопившийся столетиями, накопившийся] хоть какой-нибудь, да [уже нажитой] порядок не приказанный, а самими русскими людьми нажитый порядок [самими людьми]. Боже мой, да у нас в России всего важнее хоть [какая-нибудь незыблемость и хоть малейший] что-нибудь незыблемое и неприказанный порядок. [И какая] [благородная тема писателя] [О, оплакав]. Ну так будь я романистом, я могу быть [в высочайшей] в высочайшей степени реалистом***. Я могу совершенно**** не скрывать, что герои мои зачастую самые обыкновенные люди, что из них есть смешнейшие люди [не бояться самого родовитого]*****. Я покажу даже****** уродливейших калек, как Сильвио и Герой нашего времени. Я могу проследить целое перевоплощение европейских идей в лицах русского дворянства [у меня явятся] [а между] [и масоны и декабристы], и каждый индивидуум под пером моим [моей стороны] может явиться [даже очень смешным] презабавным лицом и с удивительным юмором и тем не менее [он крепок целым, он красив] в целом—все это будет 〈портрет?〉 поэтично〈?〉 почтенного〈?〉******* [целым, а нам так даже и мил как надежда] [и более в картине крепкий целым], красивый и даже милый [невольно как в картине] [и даже надежда].

Тут надежда, как отдых глазу: хоть что-нибудь да [законченное]. Тут семья, тут связь и предания, и в самом деле вера, [а] не ломка, не щепки, не мусор и сор, из которого вот уж два столетия ничего не выходит. Хоть где-нибудь, да в самом деле, вера.

Милый мой, [Но есть у нас и другой тип культурного человека, который я всегда замечал и выследил его [даже] еще с школы] я знаю, что есть у нас дети, уже с детства задумывающиеся над своей семьей, с детства [уже] оскорбленные неблагообразием отцов своих и среды своей. [Друг мой, я давно знал, что еще с самого первого моего детства, что у нас есть еще с школы, что у нас давно уже [народился] завелись странные]******** У нас много подпольных людей*********. А народ, а Макары Ив.**********.

Теперь. Теперь их больше. Тут нет устоя〈вшихся〉 фор〈м〉. Я об тебе думал и между прочим ужасно боялся, что в народ.

— Я за вами пойду.

---

* «сам дворянин»— под строкой.

** К этим же словам на левом поле вариант: «что нигде [кроме] у нас на Руси не только не закончено, но даже не начато». И снова: «что нигде на Руси не только не законч.»

*** На левом поле запись: «и заявил себе мой романист может бы〈ть〉 совершенно ничего не опасаясь». Ниже запись: «Клубные старички. Московские сплетнички».

**** Исправлено из: «реализма».

***** Зачеркнутое между строк.

****** Между строк.

******* Несколько в стороне: «крайне»; очевидно: «крайне поэтично» или: «крайне почтенного».

******** Зачеркнутое на левом поле, очевидно, вариант.

********* Несколько ниже.

********** На правом поле.

Странств⟨ие⟩ кончил. Я очень боялся за тебя, мой милый. Я тысячу раз воображал тебя под твоим одеялом ночью. Эти аттестованные ⟨?⟩ Когда я уехал за границу и тогда — ты должен узнать — я разженился. Я уезжал навек. Я *эмигрировал.*

— К Герцену.

— Нет, мой друг.

Крепост⟨ное⟩ состояние. Разве не мы освободили кре⟨стьян⟩. Разве не я был посредник. Но вдруг нашло (скольжение), разве я пугался фельетонистов и беспорядка, в котором гибнет русская молодежь. Петр Великий нас сделал гражданами Европы, и мы понесли общечеловеческое соединение идей. Европа нам в 200 лет дорога. Русский дворянин не может без миров⟨ого⟩ горя, и я страдал миров⟨ой⟩ горестию. Беппо.

— Ведь вы пред этим мужами.

Клод Лоррен. Закатывающееся солнце

А вериги?

Я прощался с Европой. Я знал, что все обречено на погибель. Клод Лоррен. О если б я мог ⟨в⟩ баррикады верить. Но тут уж. Этого не было. Я не верил ни там, ни тут. (Сапожник). Оттого что мне было очень грустно. Русский дворянин. Блажь русского дворянина.

Пусть ⟨у⟩ нас дур⟨ное⟩ изнеможе⟨ние⟩ в кости. Я как русский дворянин был атеист. Закатывающее⟨ся⟩ солнце Тюильри. Обнять тебя хочу*.

Я как русский дворянин был атеист. Но в Европе я бы и атеистом был один. Мне казалось, что закатывает⟨ся⟩ солнце, но уже в последний раз.

— Но что же спасло вас?

Мама, Мама. Да будет благословенно появление ее.

Скользина (атеизм). Я говорю тебе потому, что обнять тебя хочу.

— Но что же спасло вас.

Мама, впалые щеки. Любовь.

** Ведь я знаю же, что так и будет, все в пожаре (Тюильри) погибнет. Но я не хочу. Я люблю мое прежнее. И если есть консерваторы в Европе, то это мы, русские. Клод Лоррен и описание грусти. Я знал, что это должно погибнуть. Европа стала нашим отечеством. Я заменил Беппо Венецией — князя Вронского. А все-таки Венец⟨ия⟩. А все-таки я Прудоном горжусь. Французы нас не любили, а ведь мы были им родня.

ТУТ.

№. Как это так случилось, что у нас образовался такой любопытный тип всемирно болеющего человека из дворянства Петра Великого? И зачем говорить, что он ни к чему не способен кроме странство⟨вания⟩? да разве всемирное боленье тоже великое дело. Да неужели все бол⟨е-ли⟩, эти и вели-то и ведут за собой.

Да неужели крепостники***.

Ну вот, именно крепостники. Начиная с Чацк⟨ого⟩ крепостника, но ведь довольно из 1000 одного — тысячи и десятки прошли бесследно, а

---

* «Я как ∞ хочу»— на левом поле. Далее записи в большом беспорядке: «Я бродил грустно/ Беппо русский дворянин не может/ Покушение/ Тюильри ⟨дважды⟩ /Ты не поймешь/ вериги/ Тогда сожгли/ Атеизм/ После атеизма Верро/ Клод Лоррен/ Перед этими мужами/ Клод Лоррен/ Атеизм/ Мама и страсть к ней».

** Отсюда до конца страницы — записи на левом поле, в обратном порядке, на верху страницы.

*** «И ∞ крепостники»— слева; все дальнейшие записи до конца страницы на левом поле рядом с записью «Беппо» и т. д.

Чацкий-то вот остался в памяти. О, тут много было фанфаронов, комичных людей, да я ведь не все хвалю.//

Подросток. Я ее видел. Она говорила... Вам привет.
Любишь ли ты ее?
О, да будь благословен (*тон записок*).

Музыка.

Мальчик про Dadais. Он проел и пропил приданое своей сестры, пустил все равно что по миру, и я вижу, что он мучается, не моется. Ах, как он иногда поет. Мне так его жаль. Мы оба, все хотим быть честными. Я его хочу спасти..., а сам я такой скверный, потерянный мальчишка. Примете вы меня к себе?

КОНЧИТЬ В МИЛЮТИНСКОЙ ЛАВКЕ ССОРОЙ С ЛАМБЕРТОМ.

Только ты глуп, Ламберт, вот что, ты ведь ничего не понимаешь, что я говорю.

Подр. Ламберту: Я сильнее тебя*.

Подр. Ламберту: Я потому тебя слушаю, что я широк.

Подр. Ламберту: У меня есть идея. Знаешь: если все это лопнет, то у меня все-таки есть «идея», в которую я укроюсь.

— Вы чудачили потому только, что были несчастны, что вас заела среда.
— О друг мой, какая разн⟨иц⟩а! выпьем.
Я как Герцен.

** Выходит на улицу: чем это *она* взволнована. *Мимо всего другого*, я поражен этим вопросом. Какие их отношения? Почему *она* думает, что теперь *что-то* настало и он даст *ей* покой? Конечно то, что он женится на маме. О да, он женится. Это неверно. Да! Так что ж *она*? [Отчего]. Радуется *она*, что Он женится и, женясь, стало быть, даст ей покой***, или мучается? Отчего она была в волнении?
Да, у меня мелькнула эта мысль. Я помню. Отмечаю для памяти**** ⟨так⟩ как ⟨для⟩ меня она важная. Не воз⟨ь⟩мусь описывать *****моего возбуждения, [но] мучительно что-то теснило мне сердце. Был хаос — не одно мучитель⟨ное⟩ чув⟨ство⟩. Но я был в востор⟨ге⟩.
Столкновение на тротуаре. Это ты? Это провидение. Знаешь ли, что я был у тебя и тебя не нашел******. Где его искать, думаю. Пошел и, клянусь тебе, твердо был уверен, что увижу тебя, милый мальчик, буду с тобой сидеть и говорить весь вечер. Идем ко мне.

---

* Ниже: «скромный он чел⟨овек⟩, встретит».
** Отсюда страница разделена на два столбца; воспроизводим сначала записи левого столбца.
*** «и ∽ покой»— под строкой.
**** Здесь вариант: «Эту мелькнувшую тогда мысль для памяти».
***** Над строкой: «Собственно же».
****** Под строкой запись не законченная: «чиновник твой, этакая мне нужда, сказал».

Возбуждение. Квартира. Легкое описание. Ребенок князев. Вон портрет. Сумасшедшая. Я венчался. Твоя мать была согласна. (Положительно сумасшедшая).

Сюда в этот угол никто не ходит, кроме Лизы. Даже Татьяна Павловна.

— Я еще до приезда твоего из Москвы думал с тобой здесь жить.

— Так вы меня любили (à la княжна Кити).

— Что бы я тебе сказал, милый мальчик? Ты ищешь благообразия, я тоже. Значит все равно оставаться в безобразии. Это замечательно. Ты в моем роде. Я видел, что тебе надо благообразие. Кто ты? Мы *тысяча человек прежних людей*, мы довольны, если сделали вывод,— это нам вместо жизни. (Чем* больше ты любишь мать, тем больше ты мне судья). У тебя *идея*? Независимым королем острова. Я знал, тебя ждет масонство. *Ростовы* и вы новые — всегда бывшие — *вы* ищете благообразия. (Осудили крепостное состояние). (Еврей офицер — к этому надо привыкнуть). В вас чистота. (Нигилятина. Жажда славы, благобразных новых форм). Вы добры. Разумеется, бездна мясистых — но вы главные. Ведь что, один из тысячи командует. О, тоска еще 10 лет тому со мной. Из посредников бросился за границу. Макар причиной. Не мог выносить мать. Удивление. Приглядка. За границей Венеция. Тогда взяли Тюильри. Я хочу тоже стоять твердо, верить, ничему не верю. Прощался с Европой. Картина. Золотой век. Мама. Быть честным. Пусть виновата среда, но виноват и я. (Это я выжил). Исполнил же я все по крайней мере. Что-то в этом роде. Дошло до веригов (юмористично). За мамой послал. Осталась в Кенигсберге. Встреча с *нею*.

** Она обыденная. *Она* средина. *Она* все взяла. Она гнала меня прочь; но подосадовала бы, если б я ушел. Но ведь все равно, что ни говори: вышла *страсть*. Бросил ее: чахото‹ч›ная Лиза — уверил себя, что вправду люблю чахоточную, и спасался. Бросил все, вернулся. Эта пощечина обрадовала, что мог перенесть. Жил, себя не уважая. Ты приехал — последний*** взрыв, да здравствует жизнь--шампанское! Сегодня узнал, что жизнь началась, что Ньоврa ‹?› задушена. Вот письмо: она выходит замуж за Бьоринга, и я пришел с идеей воскресения. И обнял маму. Теперь я мамин муж и твой отец. Но да здравствует жизнь. Выпьем за нее! Я как каторжный, с которого сбили оковы! Я тебя ждал, мальчик. Похвала мальчику и маме. Уйди, я прохожу всю ночь. Спаси себя от Ламберта. Там есть какое-то письмо — разорви его. Мы счастливы. Давай будем *странниками*, прощай!

(NB. Где пакет. *ТУТ*).

Он отказался от наследства. Это было искренно. Стало быть, способен был бы на все, если б (но Он)

Выпьем и за безумие. Это, может быть, и есть жизнь.
Неужто?
В чем же благообразие? Разве я знаю.

Ты ведь любишь же ее! (Милый). (Какие-нибудь смешные, радостные рассказы). О 1000 неравнодушных. NB (основные мысли) NB и (ТУТ)

---

* Исправлено из: «Тем».
** Отсюда начинаются записи правого столбца.
*** Отсюда линия по всему абзацу к словам: «это отказался».

— Вы в тайном обществе?

— Я люблю детей. Я полюбил этого ребенка.

Я увидел, что я не *тот*, не то, чтоб отстал, а просто не такой человек. В другие разы мне казалось, что я не только не в стороне, но могу стоять во главе движения и всех повести. Ну вот, я признаюсь тебе, что я даже до сих пор этого не решил.

Масон? Тебя может утешить быть масоном или предводителем. Меня нет,— мне не того надо. И *жизни* мне не надо. Мне надо благообразия, правды, мира с собой надо, и что, если уж быть дурному, то единственно по моей вине, так чтоб я всегда мог поправить и вне меня было бы нечто совершенное. О, тогда б я никаких вериг не испугался.

Я. Я вас не понимаю.

Милый мой, это очень долго толковать — например, чем быть: общечеловеком или русским? Я не знаю до сих пор. Я не могу быть ни тем, ни другим, потому что первого совсем нет, а вторым и сам быть не хочу. У моих приятелей это кончается шуткой или острым словом, а мы 1000 страдаем от всякого этакого пустяка*.

Как грустно полусонной тенью —

Но для меня не так. Покажите мне солнце, и я умру с радостью, буду рад, хотя даже и отстану.

Теперь я просто буду отцом, мужем и гуманным человеком. Это очень довольно и, главное, рад возможности. Пали оковы!

Подпольный человек самый главный человек.

Человек культ<у>ры?

Грустный Левин.

Я убежден, милый, что ты и половины не поймешь, но мне ты был нужен сегодня

Золотой век. Макар Иванович и Мария Египетская.

Ступай в народ, все же лучше, чем мясничество. Пусть и про меня министр просвещения скажет, что с позволения родителей, хотя, впрочем, если б все-то отцы были такие, то было бы еще не так пакостно. Искренние мы, милый, вот что. О мы лгунишки, но мы любили правду.

Изнеможение в кости пусть, но покажите мне только солнце и движение, и я буду рад всему, даже тому, что отстал, расти травка божия, даже и из могилки любовь. //

Мы имеем право быть непримиримыми, потому что и сами себе ничего не прощаем.

** Рождающиеся с соплей на носу (говорит Версилов).

Депутаты На̀ке и Ма̀дье де Мо̀нжо.

Чудный край через Алтай.
Бро-осил Ло-окоть на Китай.

Тра-та-та, та-та-та,
Вышла кошка за кота.

Он гораздо образованнее меня, только он уже ничем положил не заниматься. Он циник.

---

* «Милый мой ∽ пустяка»— на левом поле.
** На левом поле: «Здесь».

Прощай! (отрывисто и мрачно)

Знает, что такое Butte aux Cailles.

Я гражданин местечка Butte aux Cailles.

Слоньце пане? Butte aux Cailles, там замечаете вы, что там носят панталоны 15 лет, не снимая, а рубашек совсем не носят. M-lle Alphonsine повяжите галстучек (le vilain, купил на свои деньги).

Allons prendre un verre de l'absenthe vert et* ⟨нрзб.⟩ Ты щегольски одет. Сертук, есть у тебя другой сертук. Я тебе могу дать денег, приходи ко мне.

Nous avons un rouble d'argent de parier jaune que nous avons prêté chez notre ami**.

Говорил раздельно между двух запятых, и было бы смешно, если б не было так длинно.

Он понимает дело. Vous vous répétez. (Он понимает дело). Je voudrais vous pleurer, quand vous mourrez...—Oú est donc votre montre?—Проели — Le petit vilain, n'a pas sa montre, позолоченные, 8 рубл.***

Si vous ne rendez pas 10 roubles je parlerai de mon nouvel ami Dolgorouky de grosse voix****.

Взбесило Ламберта.

Они дороже стоят, чем приносят пользы.—

ИДЯ ДОМОЙ, ПЬЯНЫЙ ПРО VILAIN: «Милый мальчик, несчастный мальчик!» да я такой же буду, такой же, я тоже vilain, «File petit vilain!» Отчего она им гнушается.

Ламберт с ним едет, про них говорит и, видимо, не может сдержать злобу, изредка только подростку: Ну как я рад, как я рад! И потом опять: Эти гады — и т. д. И как мне досадно теперь, я не ждал тебя — сам будет тоже один, прескучный, уж потерпи после обеда мы с тобой.

— О, я с ними порву!

И из устриц, почти насильно хотел поить и увезти к себе, но тот не хотел пить.

? Про Анну Андреевну? вопрос. Не сделать ли, что Ламберт и подросток об ней намеренно умолчали, и подросток потом пьяный: А ведь мы намеренно не говорили об Анне Андреевне.

Длинный сбил с Ламберта шляпу. Ламберт: «Тут копейка, а ты бы мог меня избавить (товарища). Хватили бы 3000, и я бы прогнал их всех в трущобу. //

***** Удивленные глаза. А мы чужие, всегда друг другу чужие.

Ваше прямодушие прельстило меня: [давай] Я думал, в вас больше загадки. Я рад, что это *так, просто* было. Давайте жить вместе, в порядке и в самосовершенствовании. А я ваш, ваш навеки. Пойдемте.

Или. Итак, у вас все только в том, что она вам встречей с вами помешала, что вы уже хотели быть благообразным, но она все разрушила?

— Почти так, мой милый, улыбнулся он.

---

* Выпьем стакан зеленого абсента и (*франц.*).

** У нас есть рубль серебром, желтой бумажкой, который мы взяли в долг у нашего друга (*франц.*).

*** Вы повторяетесь... Я хотел бы оплакивать вас, когда вы умрете. Где же ваши часы... У маленького негодяя нет, часов (*франц.*).

**** Если вы не вернете 10 рублей, я буду громко говорить о моем новом друге Долгоруком (*франц.*).

***** Здесь цифра: «3».

Его идея, бывшая, можно ли, чтоб самосовершенствование, *подвиг* не *навело* и на все остальное? Будь человек — это прежде всего. Ну, случится нам потом недоумение — нечего делать, пострадай немного, на то жизнь, зато сделал все, что мог сделать.

— Вы и после таких страданий не достигли, а Ей даром досталось! Кричит подросток.

NB. Зависть к Макару (благообразен и спокоен), уехал за границу. Вникнул в идею веригам. Выписал ее, маму (снизойти до нее. Я был высокомерен, как к Макару, у ней поучиться)*. (Дать ей все добро). И вот встреча с *нею* — все рушилось.

Да, пост, поклоны. Начал видеть в себе чем дальше, тем больше рабства.

NB. Моя история комическая, начинает он рассказ. В свободном и задорном человеке я разглядел раба. Только эти (самосовершенствователи) имеют право судить общество и требовать с него. Но они не станут и судить, а станут лишь помогать.

Подр. Понимаю. Крепостное состояние дворянства.

Он. Совсем нет.

Переезд за границей; разлад всей жизни с убеждением. На каждом шаге. У людей есть бальзам — самолюбие (последняя страсть, не покидающая мудрого, по Тациту).

— Чем мне быть, что мне делать? Удовольствоваться ролью скромного сапожника (как предписывали новые люди) — нельзя человеку в размерах умирающих на кресте.

— Вы пошли в тайное общество?

— Нет, мой друг.

Я дворянин — служить дворянству мало**.

*** Эта животная идея любви замучила меня своею унизительностью. Я пожелал совершенства... Это было очень смешно. Но таков я. Факт тот всех главнее — что я мог в совершенство веровать. Я верую и теперь... Нас 1000 человек. Нас должно быть много таких, кто в лес, кто по дрова в это переходное время.

NB. Да она вовсе не совершенство, говорит *Он*, странно смотря на подростка. Но она должна быть совершенством

— Почему? С удивлением смотрит подросток.

— Но если она имеет *такую власть* над человек⟨ом⟩, то и должна быть совершенством.

С ЛАМБЕРТОМ ОН УГОВОРИЛСЯ, ЧТОБ ЛАМБЕРТ *ее* изнасиловал. *Он верил* в то, что *она* согласится. (Психологическая черта Его характера). Кроме того, он надеялся, когда *она* согласится, излечиться от любви *к ней*. Но увидав, что излечиться не может,— сошел с ума.

Она Ему: Извольте, я за вас выйду, не убивайте меня.

ИДЕЯ Его: *Она* не стоит любви, такой муки и такой ломки за нее жизни, а мама несравненно больше стоит.//

---

* «маму ∽ поучиться]»— под строкой.

** «Я ∽ мало»— справа, отделено чертой.

*** Чуть выше, слева: «Здесь».

РАЗЪЯСНЕНИЕ ПОДРОСТКОМ *ОТ СЕБЯ* ЕГО ХАРАКТЕРА *ПЕРЕД* ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ СЦЕНОЙ ПОЖАРА, *Т. Е. ФАТУМА ЛЮБВИ*.//*

И вот ОН САМ, в *исповеди*, объясняет подростку, что именно Его мучило, что именно тут Ему было *обидно*? Затем этот fatum, все в его жизни переломивший**, слепая любовь к нестоящему существу, которое Он отвергает, ибо стал любить маму. Стал же любить маму за границей, после жучка. (№. Но любопытно, что, когда сходился с мамой, всегда становился равнодушным и презирал Ее.— Неужто я в *Ней* не узнал моего идеала? Я не мог не презирать ее как скверную светскую женщину).

И вот теперь я *вылечен*.

В ВОСТОРГЕ ОТ МАМЫ. ЕЙ похвальные вдохновенные речи, в этот вечер.

О, не пугайся, мы все те же прежние лгунишки, но мы любим правду.

Я любил страдание, впалые щеки, в меня ушедшая красота, русская женщина скоро дурнеет. И вот ж... Красота — других форм — и все кончено.

Уехал от движения и скитался в гордости, а не в раскаянии, без злобы.

Вас обновила Европа?

Европа были те⟨ми⟩ же дворянами, убежавшими от своего дворянства.

Крепостничество. Да мы-то и были освободители, мы-то и уничтожили крепостничество, Антона Горемыку: я в гордости уехал, и даже не потому, что мало получил за свой либерализм. С другой стороны, противно 1) самодовольствие дураков, наглецов, убежденных фельетонистов, 2) мошенников, греющих руки около новых идей, 3) и бедных, которые теперь идут в народ,— что я разглядел повсюду*** в нахале раба. Я просто спросил, что я и что мне делать, быть скромным сапожником и т. д.

**** Самоломка (Макар, зависть к Макару. Расти, травка божия).

Для нас заграница — это камни, ведь вы перед этими мужами — Тюильри — Золотой век.

Быть просто любящим, она, она.

Между тем росла *идея*.

Мы не могли не вырастать тотчас же в пропагаторов и в подвижников. Никто не знает себе меры. Ни себе, ни эпохе.

Я начал вериги. И вот тут *Она*.

Подросток выбегает к себе. Его характер. В Нем страсть. (Это познал). И в страсти — обида. *Воскресение*.

***** Байрон, Беппо, Венеция, Тюильри, Верная точка. Я бродил

---

* «Разъяснение ∞ любви»— на левом поле предыдущей страницы.

** «Все ∞ переломившей»— вписано позднее.

*** Над строкой.

**** На левом поле: «Благообразия ищу».

***** Отсюда до конца страницы — на левом поле — очевидно, дальнейшее развитие мотива скитания по Европе.

грустно. Прощался с Европой. Я не верю ни во что новое. Ни во что. О, я верю в экономическую ломку в очаг но ни во что другое*.

Я последний могикан. Тюильри. Ведь вы перед этими мужами. Мы, прежние русские, скитались, молились, как Макар Иванович, странствовали.

Клод Лоррен. Начало европейского человечества.

Мама. Ты. *Она.* //

Специалисты и т. д.

Подр. Вы враг специалистам. Я замечаю в вас несколько ненависти.

Он. Может быть, мой милый, и вообще благодарю тебя за твои замечания. Я люблю твои замечания.

Наш человек мирился, что он скверен, только бы было вне его недосягаемо свято. Но когда все, *что вне*, уничтожено и он остался один, то наш человек не пойдет. Но для того-то и создан тип дворянина, чтоб в то ⟨время⟩ найтись **.

С презрением — самодовольство. (Атеизм — любовь к человечеству). Я чувствовал ненависть. Мне надо было прежнего. Обожать прежнее. Я не видел в новых ничего, кроме заслуживающего презрения. Стал человеконенавистником. Прощался с Европой. Клод Лоррен. Мама.

NB. До этого о маме ни слова.

Впалые щеки.

Самоломка.

— Вы веровали.

— Нет, мой друг, я ничему не веровал.

Картина атеизма. Принадлежать к ним, всю непосредственность жизни через любовь к *ней*. Я не хотел этого участия ⟨в⟩ жизни. Я проповедовал другое, я хотел боя, а тут fatum. Она должна была быть совершенством.

Выпьем за маму и за нее (NB. То, что я пью *за нее*, свидетельствует о моем излечении).

Атеизм — любовь к человечеству.

Подр. Если вы так поняли, как же вы были несчастливы. Почему не пошли с ними.

Он. Я ощущал [през] к ним презрение. НАШ же т. е. Я же и мог сказать им их философию. А они ничего бы не могли. Кроме того, я остался верен прежнему.

— Вы так верите во Христа?

— Да, так верую во Христа, сказал он (увы, он не веровал).

—*** Э нет, мой милый, я ничему не веровал!

— Что вы говорите? а вериги?

— Друг мой, суди меня. Я ждал тебя. Что же бы я сказал тебе теперь же, когда ты мой сын, а она моя жена...

— Я идеалист. Да! Я не мог видеть их грубого сапожного атеизма.

Об еде, обожание крови, ради крови, еще прежде злобы.

Сожжение Тюильри. Чтоб доказать, что мы смеем.

О фразеры.

О, мы понимали иное. Атеизм.

---

* «Ни во что ∞ другое»— написано позднее; линии ведут к слову: «новое» в предыдущей записи.

** «Но ∞ найтись»— более поздняя запись. На левом поле: «ТУТ», ниже рисунок: мужской профиль.

*** На левом поле вариант: «Друг мой, я никогда не веровал во Христа».

Да, действительно, жутко без бога, но *прижимаемся* к человечеству и до всех миров —
— Это тоже божество.
— Нет, друг мой. Это антитеизм.
Но что вы делаете со мной! (восклицает подросток). //

Изображает картину Ростову.
— Зачем же не позвали меня (я положил ему мою руку).
— А чтобы я сказал тебе?
— Вот это самое.
— Я это думал. Я думал и теперь, когда я тебя ждал, я всегда думал Но кто я был сам?
— О, ты мне нужен на этот вечер, узнай исповедь. Люди не так жестоки, ты удивляешься, что я такое люблю. И, однако же, я бросил. После посредника в Европу.

СКОЛЬЗИТ. О русских тогдашних в Европе, разбивших крепостное право (все *скользит*).
Сильная Россия, и нет отечества.
Но пусть не я, так новые.
Я бы народ во всем (изнеможение власти) и разгулявших⟨ся⟩ на место дворянства семинаристов

Подр. Мне кажется, вы до того идеальны, что вы не могли настоящей непосредственной жизни вынесть.
— (Твои замечания удивительно оригинальны).

Он. Я знаю, что сорвется коммунизм, и будет.

Жучок. Тут-то я и выписал маму. Заметь, что тут-то и не доехала, и засела в Кенигсберге. Я ее видел, она позволила мне жениться.
—* Зачем не позвали меня?
— А что бы я сказал тебе? Ты думаешь, я часто был в таком цельном и оконченном завершении дела, как сегодня. *Что я бы* сказал тебе.
— Вот это самое и т. д.

У Клод Лоррена закат — загадка и тайна.
Мне же приснилось, что уже тайна выполнена, ведь вы перед этими мужами
Мама, ты.

Атеизм — великое сиротство, *нет* бога, прижиматься...
Если б отняли бога и всех богов
Обожание человечества вместо бога.
Великая тайна совершилась, явление Христа.
[Все прекло] Чему же я учил вас — Все преклонились.
Вечная жизнь.
Макар (нельзя не преклониться)**.
Подр. Это атеизм — это чистый атеизм! Который с [уст] богом на устах приходит.
Сначала Клод Лоррен — все прейдет, но вместо картин крови или замерзания***, создавались мечты, идеалы. Потом атеизм.
— Идеалист! Идеалист!

---

* На левом поле: «Здесь».
** «Макар ∽ преклониться»— справа.
*** «крови или замерзания»— под строкой справа.

Но тут идея вериг. Потом идея о маме, впалые щеки, *удивительные взгляды*.

Долго не приезжал, вериги. Тут встреча с *Нею*.

Воскресение, *Она* написала мне письмо.

Я прочел, встал и вместо ненависти послал ей благословение*.

— Я понимаю, что вы уважаете это. А между тем говорите такому подростку, как я.

— Да ведь меня не нудит никто говорить. Я чтоб обняться. Сегодня у меня сын, и новая жизнь — стало быть. //

«У нас, с нами»,— выражает〈ся〉 подросток.

Прирастают к культурному типу, но некоторые с ненавистью; я всегда воображал тебя оставлять таким.

Подр. Но мама и спокойствие не дадут вам спокойствия. Вас начнут опять мучить картины и судьбы человечества.

И пусть, это наша жизнь! У нас создался какой-то странный культурный тип всемирного боления за всех... Страдание пусть, мы не взяли бы счастья. Тип смешной, но пусть. Я не хочу нового хорошего, я люблю старое, свое.

Солнце и движение.

Но белоручничанье хорошо, мой милый.

Венеция, Беппо, Лаура. Венецию я пуще России любил.

Ты опять с своим крепостным состоянием.

Зачем мне эту жизнь, когда я видел, что могу быть злодеем (отравить ее).

** Достаточно, если их один на 1000, но их больше.

После в народ***

Подр. Но мне довольно и вас. Я пойду за вами!

— За мной? О друг мой, что ты сказал! Мои странствия кончились. Последний акт был несколько лет назад, когда я уехал за границу. А призвать тебя тогда, взять тебя тогда я не мог, не мог. Я все проклял, все бросил и уехал в страшной тоске. А в тебя и твою маму я не веровал больше, чем во все**** мои странствия. Милый мой, я говорю тебе все это в какой-то странной надежде, что ты поймешь всю эту белиберду. Я призвал тебя (в конце) потому, что мне надо было обнять тебя и назвать тебя *сыном*. (NB. Тут картина Европы). [Я]

(Атеизм). Тут я никогда не умел кончить. Тут у меня всегда являлась какая-то тайна. Я не успел просто кончить.

— Да может быть, и в самом деле не так просто кончается.

Он. Очень может быть, мой милый. Я люблю твои замечания, мой милый.

Комично было, что я не догадался (что надо любить маму). Но я слишком, был рад, что догадался. Тут побольше крепостного права, что любить, во что веровать и чем надо быть*****.

Юнкер — жид — зачем я обиделся.

Венеция — зачем я люблю ее больше России.

---

* «Я ∽ благословение»— среди записей следующей страницы.

** Сверху: «задача на 1000 человек».

*** Справа запись: «искалечить».

**** «А ∽ все»— другим почерком.

***** «Тут ∽ быть»— запись выше на странице; видимо, в развитие мысли данного абзаца.

Ростовы обращаются в новых. О, я не про то, что отцы обрадовались бесчестью, не про то, что ушли в закладчики или в радующихся тому фельетонистов. А тому, что все это и впрямь, как не бывало, мираж.

Определять красоту должен он сам.
Беспокойных и скептических еще с детства.

Но их невозможно миловать, потому что к ним уже в страшной массе, примкнули и из дворянства.
Заграницей дворяне, бежавшие от дворянства.

Я не сожалею об этом и, скорее, за новые идеалы, но я только хочу констатировать факт, что теперь брожение и что не записать его в летопись невозможно.

Я это про тебя только теперь говорил, мальчик. Вот как я понимал тебя тогда, когда мечтал об тебе.

Любовь к маме и к ее впалым щекам не возмещала ничего, но...

Для меня атеизм не к крови бы привел, а то что обнимали бы друг друга и приветствовали.
Русский дворянин не может не страдать от общечеловеческой тоски, и Петр привил идею.

Неужели та тоска моя (заграничная) была блажь.
Я говорю, нас 5000 человек —
Ведь вы перед этими *мужами*

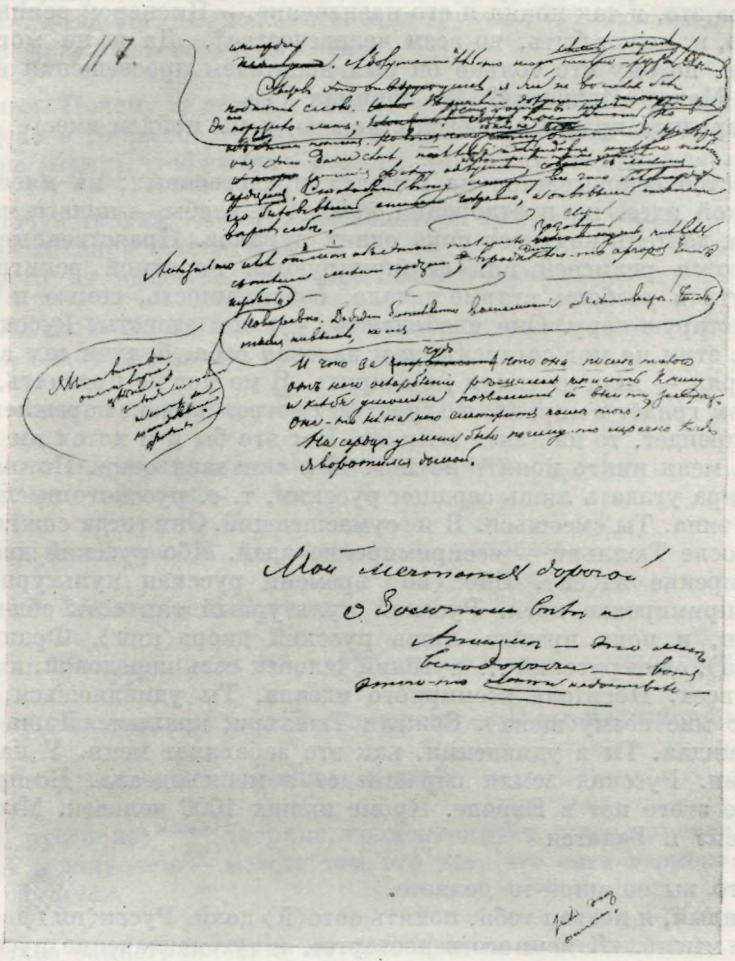
Сапожность сбивала меня. Тут есть, впрочем, секрет [идеал].
* Действительность всегда отзывается сапогом, даже при самом ярком и очевидном стремлении к идеалу. Тюильри не должно было смущать меня. Но я не хотел покориться. Мне было это мерзко, и я отвернулся. Не хочу нового, хочу мое дурное.
Атеизм.
Изнеможение в кости.
А кто знает: может быть, я действительно тосковал об разбитом дворянстве.
Но что дворянин и культурный человек.
Я барчонок. Я мировой посредник. Я разочарованный. Я во всемирн⟨ой⟩ тоске. Друг мой, все это, может быть, и смешно кому-нибудь, но то, что я для тебя сберег, чтоб тебе сообщить эту исповедь,— это пощади. Потому что это самое главное в жизни русского культурного человека.
Может быть, самое смешное в моей исповеди — это то, что я хочу быть так ясным. [и стремлюсь]
Честнейшая девушка.
Зарабатывать деньги, потому что тяготится отцовским хлебом.
Это справедливо в 1000 исключениях, но [в общем] как [пр] общее правило есть ужасное извращение чувства.//

— Да что же вы со мной делаете,— восклицал (подросток). Я слушал его из всех сил. В исступлении.

—**То была напускная общечеловеческая любовь, а это уже непосредственная, настоящая любовь. Непосредственного, настоящего вы как идеалист тотчас же испугались.

---

* Справа: «Задача нас 1000 человек».
** На левом поле: «Здесь».



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

— Мне нравятся твои замеча⟨ния⟩, мой милый.
Атеизм — всеобщую любовь почувствовал, а маму не люблю.
Mon cher, je suis gentilhomme avant tout et je mourrais gentilhomme*.

Милый мой, я несколько в смешном восторге и все бросаюсь в боковые подробности.

Не поймешь, но хоть что-нибудь да заброшу**.

Они тогда сожгли Тюильри, русский дворянин этого не мог одобрить.

Русск⟨ий⟩ дворянин — как провозвестник всемирного (и общечеловеческого союза) гражданства и общечеловеческ⟨ой⟩ любви. Это завещано ему [его] ходом истор⟨ии⟩. Горизонт отверзт перед ним Петром и формулирован Велик⟨ой⟩ Екатериной. Пусть это назначение всех русских людей вообще. Но русск⟨ий⟩ дворянин был тому пионером, передовым.

---

* Друг мой, я прежде всего дворянин... и умер бы дворянином (*франц.*).
** «Милый ∽ заброшу»— ниже, среди записей о русском дворянине.

Я стою за это, и так понял я его назначение.— Пионером великой мысли в Европе, и, может быть, во всем человечестве*. Да и не мог не быть пионером, потому что только он был носителем просвещения и чести.

— А Макар Иванович? Я обнимал его.

— Народная правда сольется с нашею, и мы пойдем вместе. Близится время.

Общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается, и деятель надувает пока одних дураков. Нравственные идеи народа даются религией или формулируются народной религией. Чтоб отвергнуть и *разбить* старые начала, собственность, семью и пр., надо разбить старую веру. Они и объявили, что они атеисты. Русский gentilhomme с этим не мог согласиться и излечат себя, будучи сам атеистом— я примирял — многое тянул примирять. Я не мог не признать, конечно, что атеизм грядет в мир. Но я с грустью смотрел на закат прежнего солнца. Если и прейдет, то настанет великое. Вот это бы я и хотел им выразить. Но пока меня никто понять не мог. И я скитался один. Потому что будущее мира угадать лишь сердцем русским, т. е. русского высшего культурного типа. Ты смеешься. Я не сумасшедший. Они тогда сожгли Тюильри. И после Тюильри — всепримирение идей. Ибо русский дворянин — всепримирение ид⟨ей⟩. Ибо ⟨во⟩ времени русская культурная мысль есть всепримирение идей. Русский культурный тип есть общечеловеческий тип, и пока прежде лишь русский дворя⟨нин⟩. Француз лишь фран⟨цуз⟩, один русский ... русский человек есть передовой, и мысль его дальше всех. Носитель всемирного идеала. Ты удивляешься, мальчик. Душа во мне возму⟨щена⟩. Сожгли Тюильри, дрались. Лишь дворянин ждет, ожидая. Ты в удивлении, как это забавляет меня. У нас выработался тип. Русская земля спрашивает с меня идеала. Всепримирение идей. Но этого нет в Европе. Кроме наших 1000 человек. Мы носители идеи. Асиз и Галатея

— Что вы со мной-то делаете.

— Милый, я позвал тебя, понять сото⟨й⟩ доли. Русск⟨ий⟩ дворян⟨ин⟩, мировая мысль. «Я немного в восторге», и тут назначение русского дворянина. «Пионер». Я не считал себя нерусским, что больше люблю Венецию.

Ведь вы перед этим служили.

Это завещали Петр и Екатерина. Пионер, да многое могло не быть. Но мне было грустно, Тюильри.

Соломон — все прейдет.

— ВСЕ ПРЕЙДЕТ?— Все, друг мой, и, может быть, ничего, что ты любил, не останется, пойдет новое.

Я как дворянин не мог допустить — как дворянин.

Солнце и движение.

Какое изнеможение, когда во мне-то и вера, и идея. Не хочу нового. У меня оставалась лишь мечта, что, может быть, выйдет на мое.

Атеизм. Макар и из могилы люблю.

Всякий француз и немец. Только русский может быть больше француз, чем француз.

---

* «Пионером ∞ человечестве»— несколько ниже, видимо, в развитие мысли этого абзаца. Выше, среди этих записей: «Настасья Егоровна, принесите вина. За два часа Макара⟨?⟩. Мне надо было тебя». И ниже: «Похоже на сапог».

Всепримирение идей. Беппо, камни. Ведь вы перед этими мужами. Атеизм. Гнали бога. Сапожность. Мне грустно. Ибо моя же идея и верна. О, мне казалось, золот⟨ой век⟩.

Fatum. Почему я должен был ее оскорбить. Но я ее оскорбил. Она просидела в Кенигсберге, и даже я денег не выслал ей. Кстати, заметь, я взял ее (маму), чтоб лишить родины, потому что не думал возвращаться*.

Я почувствовал, что я несвободен, я хотел ее убить.
Идея Макара. Аскетизм.
Просто не вынесли непосредственной любви.

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА. Да ведь это же и есть. Это то самое.
(Вот она дворянская русская мечта).

Об маме, об Татьяне. Любовь ее. Радовал поцелуем **.

Ну, где ей понимать дворянскую тоску.
Татьяна понимает.

Честным человеком. Кормить ее и радвоать.

Je suis barinet gentilhomme.

Макар Иванович как народ*** принадлежит к дворянству.

Я так понимаю, мой милый, наша роль — И это последний мой вывод—

Она нарушила мое течение мыслей.

Мы, рус⟨ские⟩**** дворяне, концентрируем новое мировое соединение идей. А между тем — между тем это все, что есть верного в будущем и что сбудется.

Русское самоограничение не есть цинизм и бесстыдство, как у жаждущих права на бесчестье людей, а лишь***** искренность с намерение⟨м⟩ лучшего. Идеал. Преклониться вне себя (смотри стр. 5).//

— Но вы были счастливы.
— Кто же тебе сказал, что я был несчастлив, я всю жизнь был счастлив, но мне было грустно, и... и... [было] настало мгновение, когда я был вполне счастлив. Мама.
— О милый мой, как часто любовь сходится с ненавистью и даже совершенно похожа на ненависть.

? Чтоб выработать столь красивый тип — дорого стало. Мое дворянское счастье и мою дворянскую мысль.
Мужик и мама, впалые щеки. У меня началось с ее впалых щек. Ее фотография. Выписал, но в антракте влюбился. О маме. Она не доехала даже до Кенигсберга.

---

* «Кстати ∞ возвращаться»— ниже, среди других записей.
** Эта фраза на левом поле.
*** «Как народ»— над строкой.
**** Над строкой.
***** Под строкой.

Письмо от нее.

О, это не вдруг случилось, что я разлюбил. Еще до последнего взрыва... Я упрекал себя, что я так с мамой.

Я чувствовал, и давно уже, что я *свободен*. Этот взрыв был... вероятно, какое-нибудь воспоминание, подонки, что-то внешнее и нелепое,— но я сам уже был свободен.

Что же было недавнее, последний взрыв, а главное Ламберт! Он и Ламберт. Не предлагал ли и ему чего-нибудь Ламберт?

И потом Ламберт, встретясь, соврал: «Нет, ничего не говорил ему».//

Misérables, и мама в Кенигсберге. Все одна жизнь — прочитанная книга.

— Мама, позвольте я вам прочту евангелие.

— Ах, как ты хорошо читаешь, милый. Прочти послание, вот он особенно это любил.

Я у Ламберта. В трущобе ее. Пригласить Его. Пусть он* видит, пусть! Это можно, говорит Ламберт.

Когда старый князь у него, он пришел к Татьяне и объявил ей о письме. Завт⟨ра⟩ утром, условились, что Татьяна ей напишет. Но выйдя от Татьяны, встретил Ламберта и объявил ему о том, что завтра он у Татьяны отдаст ей письмо и тем все покончит и пресечет. К Татьяне же он пришел сказать о ст. князе, и та дала знать Бьорингу.

Вопрос о написанном письме: почему Ламберт и Он узнали, что Татьяна написала письмо? (Не Марья ли?)— Подумать и справиться.

№. Решение задачи: Накануне от ст. князя подросток пришел к Татьяне и заявил, чтоб она написала ей. Та выбранила, но написала, послала Марью**.

? Они стали просить Марью, чтоб она сходила без письма. Но Марья, получив письмо, принесла, и он и она протурили ее поскорей к ней, а Альфонсину к нам. В письме Татьяны ни слова не было точно указано о квартире.

ВЫ ТИП СЛУЧАЙНОГО СЕМЕЙСТВА, В ПРОТИВУПОЛОЖНОСТЬ РОДОВОГО СЕМЕЙСТВА. ПРЕДАНИЯ РУССКОГО СЕМЕЙСТВА — ЭТО ПУШКИНА .

Лучше вы не могли употребить вашего досуга или, так сказать, отдыха.

НО ВОПРОС: МНОГО ЛИ РОДОВЫХ И НЕ ОБРАЩАЮТСЯ ЛИ ДАЖЕ РОДОВЫЕ В СЛУЧАЙНЫЕ (через хаос понятий). У Версилова есть законное семейство. Посмотрите, цел ли тут род. Камер-юнкер и Митрофания. Лицо в размерах матушки игуменьи Митрофании, разумеется, не предрекая ничего уголовного.

Профессор. Вы таили ваш документ — это характерно.

Посмотрите на убеждения вашего отца: это дворянин, древнейшего рода, и в то же время коммунар, и в то же время истинный поэт безо всякой веры и готовый умереть за что-то неопределенное, во что он верует по примеру бесконечного числа русских европейской цивилизации петербургского периода русской истории. Не пощадил Лев Толстой даже

---

* Исправлено из «она».

** На левом поле: «Здесь №».

своего Пьера, которого так твердо вел весь роман, несмотря на масонство. Любит Россию и отрицает ее вполне, мучит близких к нему и считает это за свое право, за исполнение долга (Макар Ив., мать, вина, незаконность, Лиза с брюхом). Что может быть извращеннее, беспорядочнее.

Вы подросток семейства случайного. Помоги вам бог*.

Н. Ник. Про Версилова. Никакого признака [образования] строгой науки. Все это жило вдохновением и пророчеством. Даже деятели даже ученые — все это, как у хлыстов: верчение и пророчество. Как дворянину крепостное право наложило обязанность образования (с Петра), так купца его наследственные миллионы совершенно мешают образованию. Какая тут наука, когда с 20 лет миллионы в руках. А что с семинаристом, то эти хоть и всех образованнее, но имеют свойство принимать других, т. е. всю Россию, всех, за таких же семинаристов, как сами, и от этого смелее других в своих заключениях и взглядах.//

История русского дворянского** семейства.

...В виде великолепной исторической картины (Война и Мир), которая перейдет в потомство и без которой не обойдется потомство.

Случайное семейство — попытка гораздо труднейшая.

Н. П. Если б вы эту рукопись предназначали для печати (то вам бы повредила искренность), то [но] сильная ваша искренность повредила бы беллетристическому успеху...

Н. М. Все старое разрушено довольно тщательно и аккуратно; впереди же — одно гадательное: почти ужасно.

*** Молодежь идет в народ, но полна жертвы, добрые чувства остались еще от прошлого истории, но будущее все гадательно**** Вы член случайного семейства... Дай вам бог*****. Это последние строки письма, и вдруг post scriptum. Об подкинутом ребенке и роли Николая Петровича (три-четыре строки с оттенком обидчивости).

Карьера юриста, я сам помышлял о ней, удовлетвор⟨ение⟩ деньгами, славой благородства и даже той *широкости*, которой в записках и в мечтах ваших вы даете довольно широкое место.

(Ст. князь беспрерывно затыкает уши, отмахивается). Не говори! Не говори! Войдешь, он смотрит болезненно. Уложили спать, обедать. Фотографию Катерины Николавны я сунул в сак.

Про молод. Версилова. Ce jeune homme, il est charmant, mais je ne l'aime******, не пускай ко мне, не пускай. Гаденькие фотографии, смотрит, насильно смеется и потому вдруг плачет о том *******, что его заставляют смеяться.—

О, люди очень милы. Да, но это не войдет в мой план.

******** Друг мой, я ближайшим образом убежден в моей смерти, старик с образом, с расколотым образом.

---

* «Вы ∞ бог»— обведено со всех сторон как бы рамкой.

** Над строкой.

*** Несколько ниже: «Письмо Ник. Семен.» (Видимо, Н. Ник., Н. П. и Н. М.— см. выше — одно и то же лицо).

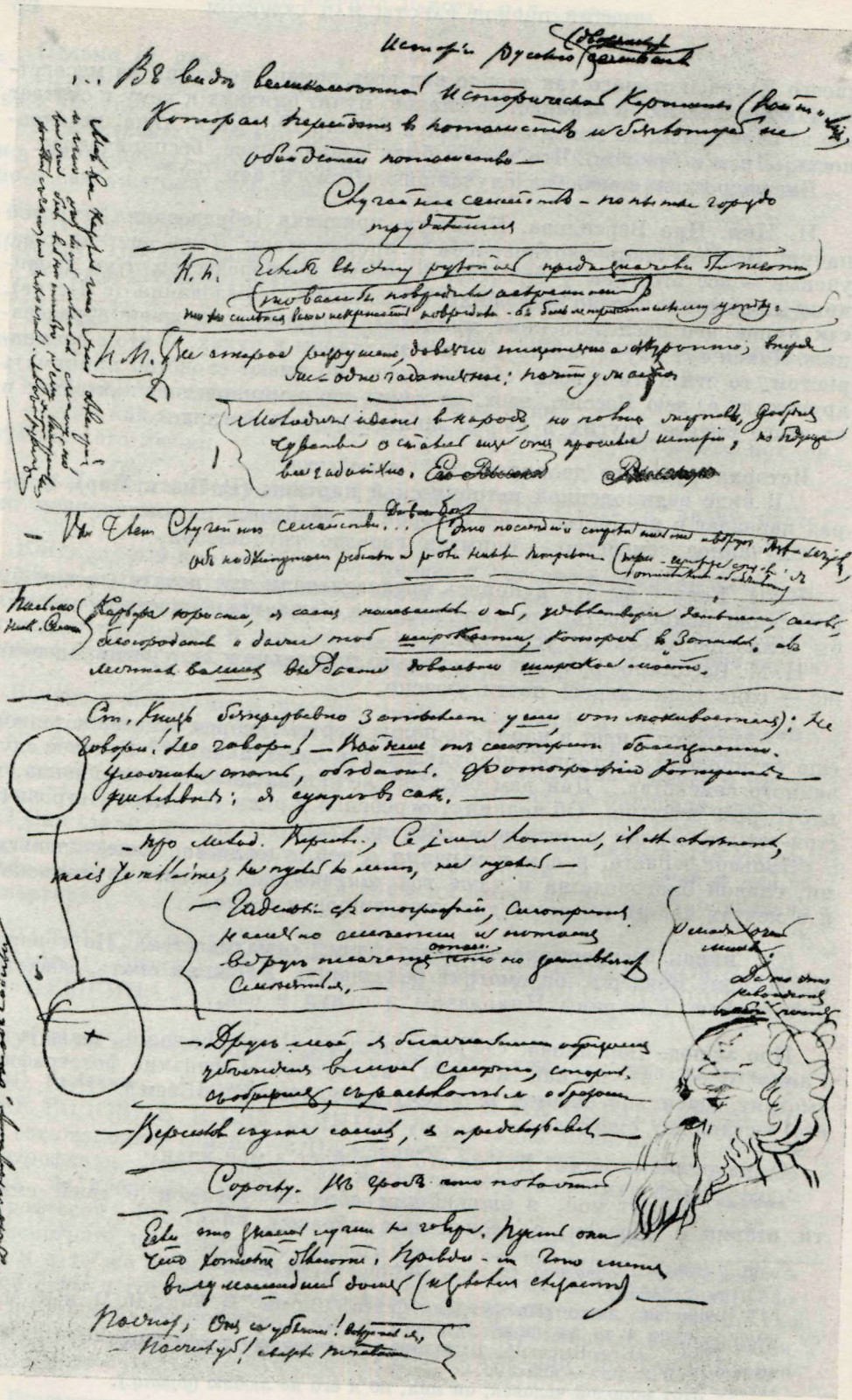
**** Ниже: «Его Высокоб, Высокород.»— очевидно, проба пера.

***** «Дай ∞ бог»— вписано.

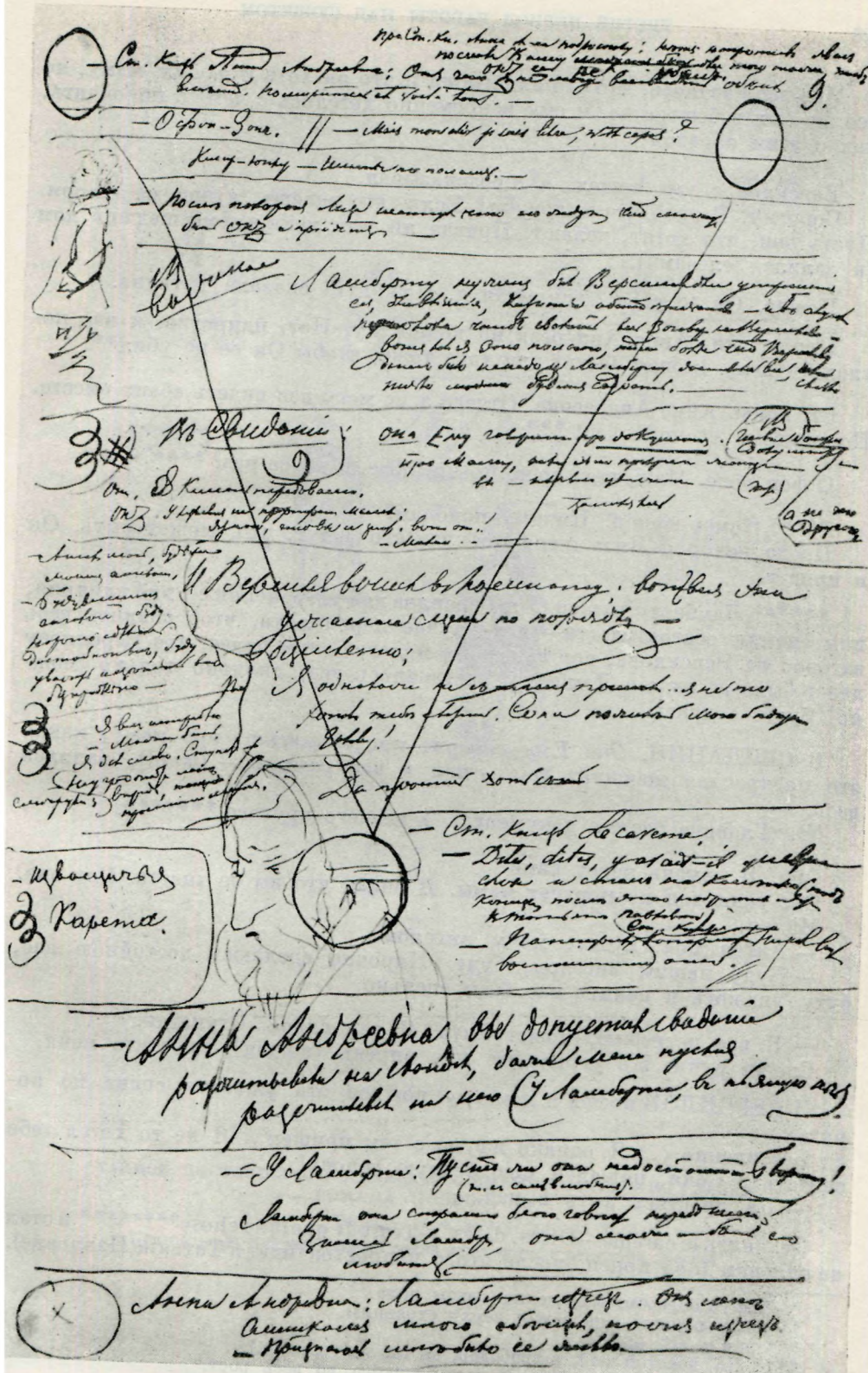
****** Этот молодой человек, он мил, но я его не люблю (*франц.*).

******* «О том»— над строкой.

******** Справа рисунок: лицо старика; слева запись: «Дело в квартире, она об собачке».



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Мне все казалось, что это аллегория и что он хоть и любил маму, но все же был в бешенстве, и ему непременно хотелось с чем-то покончить, как с этим образом*.

Версилов с ума сошел, я предсказывал.
Сорочку. В гроб что положить? Если что знаешь, лучше не говори. Пусть они, что хотят, делают. Правда ли, что меня в сумасшедший дом (и залился слезами).

Пожар. Он ее убьет! вскричал я. Пожалуй! сказала Татьяна. //

Про ст. кн. Анна Анд⟨реев⟩на подростку. Нет, напротив, я вас послала к нему [может быть] для того тоже, чтобы Он ее не убил**.

Ст. князь Анне Андреевне. Отчего я не могу вас видеть обеих вместе. Помиритесь, et voilà tout ***.

О фон Зоне. Mais, mon cher, je suis libre, n'est-ce pas? ****

***** Камер-юнкер. Именье пополам.
После похорон Лиза шепнула, что его ждут, что, может быть, Он и придет.

****** Ламберту нужен был Версилов для устранения ее, для влияния, для знания обстоятельств— и в случае переполоха, чтоб свалить весь заговор на Версилова, вот как я это полагаю, тем более, что Версилову денег было не надо и Ламберту доставалось все, сколько только [можно] будет содрать.

В СВИДАНИИ. *Она* Ему говорит про *документ*, про маму, какая это прекрасная женщина, вы — как я вас *уважаю* — (жар!). Залился весь.
№. (Главное *боится* документа), а не чего другого *******.

Она. Я камень перед вами.
Он, указывая на портрет мамы. Я знаю, что вы ее знаете. Вот она. Милая.
— Ангел мой, будьте моим ангелом.
— Буду вашим ангелом, буду. Нарочно сделаюсь достойною вас, буду уважать и ценить вас беспредельно.

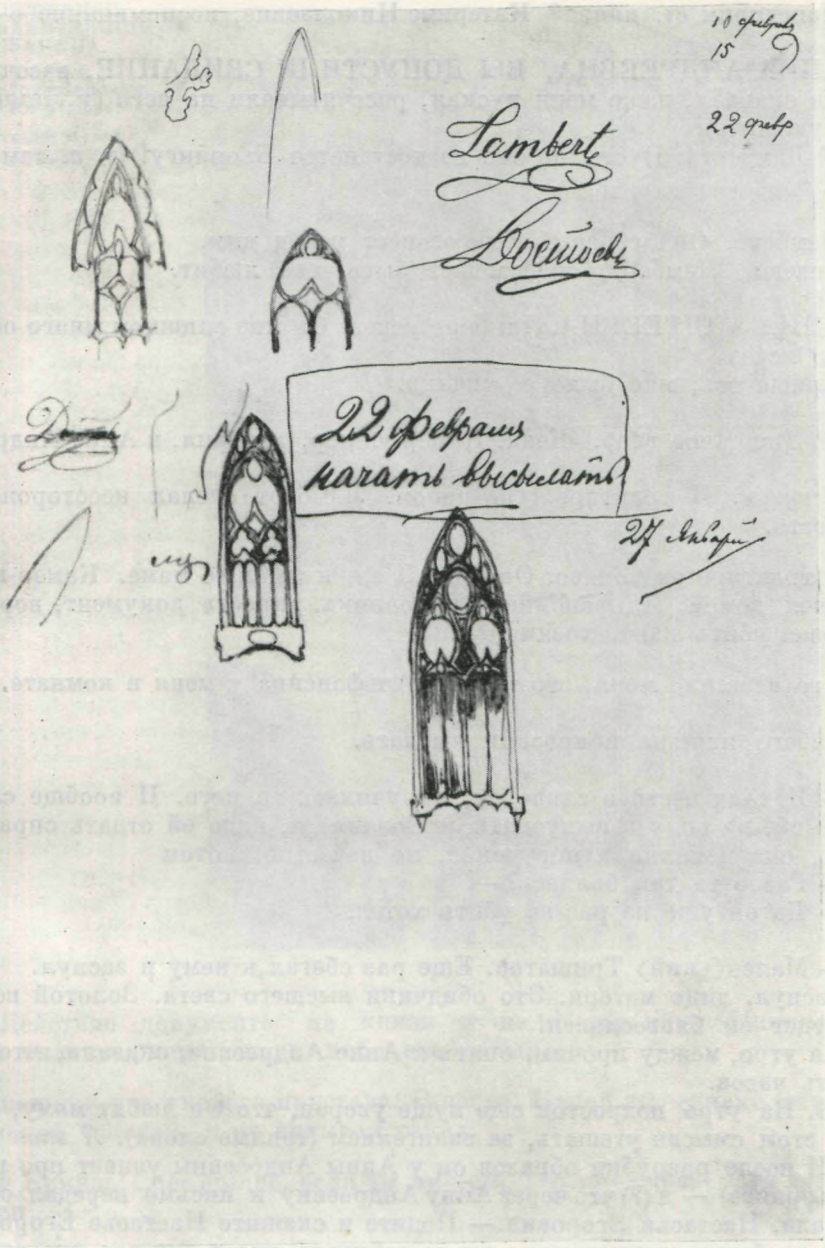
— Я вас истреблю, может быть. Я дал слово. Ступайте.
Сложа руки: Не угрожайте мне впредь [пощад], простите меня.

И ВЕРСИЛОВ вошел в комнату: вот вся эта ужасная сцена по порядку.
Бессиленно ⟨?⟩ Я, однако же, не с тем пришел... Я не то хотел тебе сказать... Соня, пожалей мою бедную голову!
— Да простись хоть с ней.

Ст. князь le carême—Dites, dites, y-avait-il quelque chose******** и стал на коленки (под конец, после этого подросток идет к Татьяне Павловне).

---

* «Мне ∞ образом»— выше на левом поле.
** «Про ∞ убил»— на самом верху страницы.
*** вот и всё (*франц.*).
**** Но, дорогой мой, я свободен, не так ли? (*франц.*).
***** Слева рисунок: фигура камер-юнкера во весь рост.
****** На левом поле ниже: «№ важное».
******* «а ∞ другого» — приписано позднее.
******** Скажите, скажите, было ли там что-нибудь? (*франц.*).



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К «БЕСАМ» С ИМЕНЕМ ОДНОГО ИЗ ГЕРОЕВ РОМАНА «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 9, л. 149

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

Панегирик ст. князя* Катерине Николаевне, воспоминание о ней.

АННА АНДРЕЕВНА, ВЫ ДОПУСТИЛИ СВИДАНИЕ, рассчитывали на скандал, даже меня пуская, рассчитывали на него (у Ламберта в пьяную ночь).

У Ламберта: Пусть же она не достанется Бьорингу! (т. е. сам влюблен).

Ламберт. Она страшно благоговеет перед ним.
Знаешь, Ламберт, она, может быть, его любит.

АННА АНДРЕЕВНА. Ламберт исчез. Он мне слишком много обещал, но он исчез
Признаюсь, мне было ее жалко. //

** Дом Чистов⟨а⟩. Жена. Камер-юнкер, история, к Анне Андреевне.

Текущее. В трактире. Об рябом. Ламберт сделал неосторожность, глупость.

В трактире на канаве. Он *был*. Я ел, я ждал, о маме. Камер-юнкер. Пришел домой. Альфонсина, у чиновника, украсть документ, воровать, и может убить даже хозяин***.

Что взбесило меня, это то, что Альфонсина у меня в комнате.

Рябого жильца попросили выслать.

— Я дала честное слово ей, поручилась за него. И вообще следить за самой, из виду не выпускать, (и хозяин), и, надо ей отдать справедливость, она исполнила поручение, но нечестно, потом
— Разве та так боялась?—
— Да он уже не раз ее убить хотел.

— Мален⟨ький⟩ Тришатов. Еще раз сбегал к нему и заснул.
Заснул, лицо матери. Это обидчики высшего света. Золотой век. Но да будет он благословен!
На утро, между прочим, опять к Анне Андреевне, сказали, что будет в пять часов.
NB. На утро подросток еще пуще уверен, что Он любит маму, и стал же в этом смысле утешать, за евангелием (теплые слова). *Я знаю наверное.* И после разрубки образов он у Анны Андреевны узнает про письмо (о Бьоринге) — и (?) что через Анну Андреевну и письмо передал ей. Та, обещала. Настасья Егоровна.— Подите и скажите Настасье Егоровне от меня, чтоб вас пропустила, а вы не забудьте, что я для вас это сделала. Только.

— Когда подр⟨осток⟩ приходит к Татьяне, чтоб передать документ: Я сам передам.
— Покрасоваться хочет.
— Нет уж, я сам.

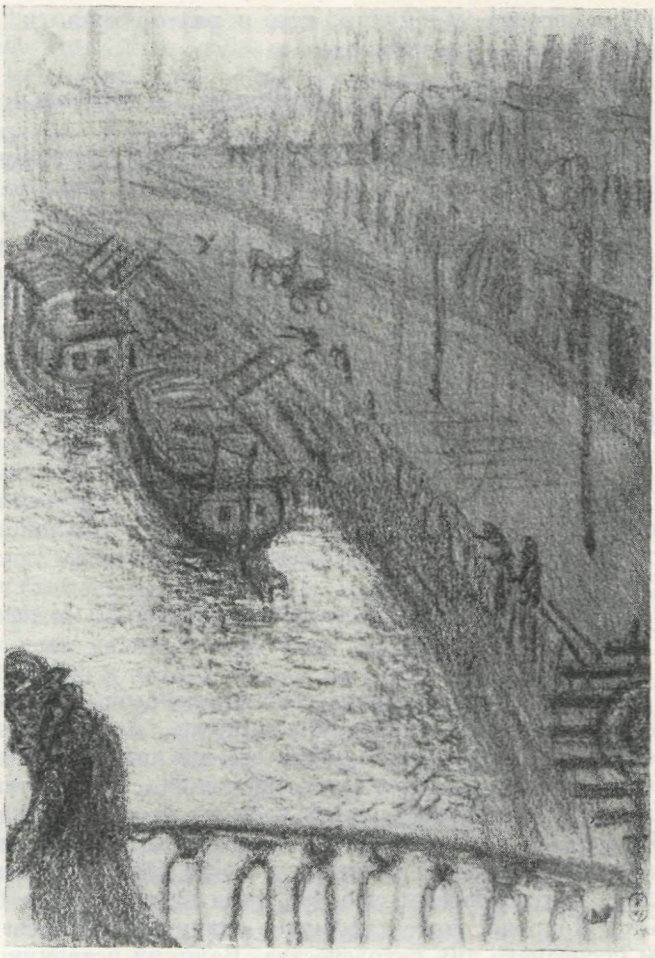
---

* «ст. князя»— над строкой; несколько выше — рисунок: мужская фигура, ближе к левому полю написано: «извозчичья карета».
** Записи на этой странице сделаны в большом беспорядке. Здесь не оговариваем место каждой записи.
*** «и ∞ хозяин»— между строк.

ПЕТЕРБУРГ. НА НАБЕРЕЖНОЙ КАНАЛА

Рисунок М. В. Добужинского, 1920-е годы

Русский музей, Ленинград



№. Действие документа на князя и на Катер‹ину› Николаевну было сильнее, чем я когда-либо воображал.

*Помощник участкового пристава. В части. Какой вы, однако, странный молодой человек, я не видывал таких.

Старый князь: Chèr enfant, если ты имеешь, что мне сказать, то лучше не говори.

Анна Андреевна, сообщив подростку о вымоленном свидании с нею (под ее гарантией), задумалась и разрешила мне подслушать. ‹№ О нет, о нет, я ни за что не подслушаю!) Сделаю предварительное замечание для ясности. Позволяя мне подслушать, она имела свой сильный расчет. Зная Катерину Николаевну и *их* отношения, она твердо была уверена, что свидание ни к чему не приведет (т. е. к соглашению на брак), но зато я могу ворваться и наделать благодетельного скандала, во-вторых, все-таки я гарантия к тому, чтоб он ее не убил (что, может быть, было в уме у Анны Андреевны) и, наконец, последнее, она надеялась, что после того я выпущу документ. И, наконец, что я ей все перескажу. Анна Анд-

* Сверху над строкой два раза посередине: «Здесь».

реевна всегда надеялась, что я разгорячусь и предъявлю документ, разумеется, — ст. князю.

Не Анна Андреевна позволила, а Настасья Егоровна.

* Новая редакция *ПОЖАРА*. Вчера, ввечеру, перед Бьоринговым налетом, Татьяна ходила к *ней* и заявила, что я завтра приду в 11 часов, чтоб отдать ей документ. Так бы и прошло, и они бы не узнали, но Катерина Николаевна поздно вечером узнала о моем аресте и утром (прежде чем могла увидеть Бьоринга, в 8 часов, когда еще было темно) явилась к Татьяне Павловне, чтоб узнать, что со мной? [что ж] и правда ли что я арестован? Наскоро условились, что *она* придет в назначенные 11 часов, а Татьяна сбегает ко мне в часть. Но Татьяну я встретил на дороге, а войдя, мы не застали Марью (подкупленную). Марья же побежала и дала знать тем, через час, пока мы грелись — вдруг Альфонсинка...Mais s'est chez nous...** Тогда и т. д. FINAL.

Роза. Я плакал *об чем-то*, обливаясь слезами и целуя розу (о них о всех забыл) — сообщаю это как странный психологический факт. Потому что я их всех забыл, я только целовал.

Давеча я послала и на письмо будто бы *ее* не обратил внимания. Доставка рябого, //

Право, я представляю себе временами: как будет жить человек без бога и возможно ли это когда-нибудь, и, признаюсь тебе, милый, всегда решаю, что невозможно, и что все же кончат тем, что придут к Нему! Но некоторый период, пожалуй, возможен... вследствие начала. Я представляю себе, мой милый, улыбнулся он, что бой кончился и борьба улеглась. [И вот я] Я представляю себе, что после боя, после слов проклятий, [крови] комьев грязи и свистков и когда [бы все] улеглась борьба, люди бы вдруг почувствовали, что они одни на земле. Это было бы как в картине Клод Лоррена, тоже заходящее солнце, величавое и зовущее, но уже как бы последнего дня человечества. Великий источник сил, до сих пор питавший и гревший людей отходил, как это же солнце и люди бы вдруг почувствовали великое свое сиротство. [О] Милый мой мальчик, я никогда не мог вообразить людей неблагодарными и оглупевшими. Одинокие и сироты, они тотчас же прижались бы друг к другу теснее и любовнее, они схватились бы за руки и поняли бы, что теперь [только] лишь они [лишь] одни составляют все друг для друга. Исчезла бы великая идея бессмертия и приходилось бы заменять ее, и весь избыток великий избыток прежней любви к тому, которого оставили, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь особою, уже не прежнею любовью; они заметили бы и открыли в природе такие явления и тайны, каких и не предполагали прежде, ибо смотрели бы на [нее] природу, как любовники на возлюбленную, а не с одним только ножом [раньше прежнего утили] как прежде ради барышей, утилитаризма и [жадности] только любопытства. Они просыпались бы и [лобызали] целовали друг друга, торопясь любить, каждый сознавая, что дни его коротки и что это все, что есть у него. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем все свое и тем был бы счастлив. Каждый ребенок знал бы и чувствовал, что всякий [кругом встречав]встречный человек кругом него ему и мать и отец. Пусть завтра последний день мой, думал

---

* На левом поле ниже: «ЗДЕСЬ».

** Но это у нас... (*франц.*).

бы каждый, смотря на заходящее солнце, но все равно, я умру, но останутся все они, а после них дети их — и одна мысль, что они останутся все так же любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече.— Пусть я умру без следа, но останется в них память о том, что я жил и любил их, а когда прейдут и они, а настанут совсем другие, то и тысячелетия спустя // будут помнить новые люди об нас всех, прежде живших, что мы жили и любили их раньше, чем они пришли на свет, и желали бы видеть их счастье. И пусть под конец кончится вся земля и потухнет солнце, но все же где-нибудь [в мировой гар⟨монии⟩] останется мысль, что все это было *и послужило чем-то* [мировой гармонии] всему — и люди полюбили бы эту мечту. О, они торопились бы любить, но чем далее, тем, думаю, становились бы [они] все грустней. Они были бы горды и сильны за себя, но [стали] сделались бы робкими друг за друга. Они стали бы нежны друг к другу и уже не стыдились того, как теперь, и ласкали бы друг друга, как дети. [Они] Встречаясь, смотрели бы друг на друга глубоким и осмысленным взглядом, и в взглядах их была бы любовь и грусть. И каждый трепетал бы за жизнь и за счастье каждого. [И вот, тогда бы восстало вдруг воочию всех великое видение] — о, я не могу [не пр⟨едставить⟩ больше] вообразить людей *без Него*, мой милый! Раз Он был, и Он не может уйти. А если б ушел, они бы сами нашли Его. Я вообр⟨ажаю⟩, Он стал бы посреди всех людей, простирая руки, и сказал бы им: [Дети, ангелы,] но как же [вы] могли вы позабыть Его? И повел бы их к Нему. И как бы пелена упала со всех глаз, и раздался бы крик восторга и счастья по всей земле и все бы воскресли в новую и бесконечную уже любовь. Прости, мой милый, я не мог не кончить так мою картинку будущего людей. Я философ-деист, а как русский— я мечтатель и не могу не мечтать. Я, конечно, всегда кончал тем, что приводил их к Нему, и вот моя profession de foi: Милый мой, эта фантазия и даже невероят⟨ная⟩, но [клянусь] признаюсь тебе в одном секрете: я слишком часто представлял ее себе [задумываясь о будущем мира...] — какую? Я часто и теперь представляю ее себе, ибо не могу не думать об этом. О, я не могу, не могу не задумываться о том, что в этом роде. Но я всегда кончал мою картину видением, как у Гейне, на Балтийском море: Он приходил. Он приходил, а они в нем узнавали Его. Что такое мои вериги — это все вздор! Но сделаю тебе лишь одно признание: я никогда не мог вообразить люд⟨ей⟩ без Него. Я всегда кончал тем, что приводил их к Нему.

— Что такое прежде лени и как третировал.
— Подкрался и поцеловал.
— Вдруг это припомнил и полюбил.
Она не доехала и до Кенигсберга.

Чувствовалось впрочем как бы нечто приготовленное, как бы давнишнее невольное мечтание поведать мне этот сон. Но в этом не было ничего неестественного, а было лишь чувство. Я подумал и сказал ему.

Об ней. Это было настроение, я не знаю, как полюбил ее. NB. и по временам хмурясь и даже злобно. //

Мама. Фотограф⟨ия⟩. Святая русск⟨ая⟩ женщина. Лидия — не ревновать. Замечан⟨ие⟩ идеалиста. Ждал тебя здесь (ребенок, чай).— Зачем вы не звали меня? А что бы я мог сказать.

Ростов. В народ. Вы масон. Зачем, зачем вы не звали меня. Вы скупой. Исповедь. Скитался. Все прейдет. Не веровал и не хотел лучшего.— Я не хотел нового, хотя бы и лучшего. Крепостничество,— скажет фельетонист. Ведь, ей богу, может быть, прав.— Старый тип. Еврей в офицеры. Атеизм. Ведь вы пред этими мужами. Венеция. Заснул. Клод Лоррен. Мама. О люб-

ви к маме (расти травка божия), умножившейся бесконечно любовью. Моя идея (после, в виде сумасшествия от любви к *ней*). Макар: расти траве божьей. Вериги. Встреча с ней. *Она*, fatum. Излечение. О Макаре. Сегодня воскресенье. Выпьем. Пойдем странствовать, восторг (княжна Катя). Порядок: — Венеция. Мужи.— Клод Лоррен.— Восполненная тайна или атеизм. Явление Христа. Идея вериг. Внезапная идея Мамы. *Она.*//

* Порядок. Боже мой, да у нас в России всего важнее незыблемость и порядок... Отцов и матерей, вовсе не идеальных, но изображающих собою нечто законченное, тут трогательное и патетическое, в основах есть нечто незыблемое.

— Разрушение крепостного порядка.

— Взгляни на семинариста.

— Тут нет предания, тут нет веры в формы. Но все же прирастали.

— Шевченки.

— У них нет преданий. До сих пор они прирастали. Но вот теперь, пожалуй, обратно вследствие крепостного состо⟨яния⟩ они расшатались. Но и они в народ.

— А тебя обретя, прирастаю.— Не [откуда] с неба же свалились отцы.— И душа из детской уже искала себе места и порядка. Это искание бывает с страшной тоск⟨ой⟩ О, конечно, иные прирастали рабски, но другие с завистью и с озлоблением. Еще недавно они были почти незаметны, хотя их было довольно.

— Это была тоска русск⟨ого⟩ дворянина.

Je suis gentilhomme avant tout. Об Его дворянск⟨ой⟩ тоске.

— Крепос⟨тных⟩ мы освобождали просто так, нас 1000. Часть остала⟨сь⟩. Челов⟨ек⟩ из 1000 один столбник.

— Я был дорог тебе.

— О, я пойду за вами.

— NB. Справки в «От⟨ечественных⟩ Записках».

— NB. Справки в *книгах* о Ростовых и проч.

---

* По всей странице хаотически разбросаны отдельные записи.

КОММЕНТАРИИ

Основная часть рукописных материалов к «Подростку» содержится в трех тетрадях, которые хранятся в ЦГАЛИ. Две из них (первая и третья) переплетены. В них — около 450 страниц. Во второй, непереплетенной, тетради, сшитой, очевидно, уже после заполнения,— 68 страниц. В Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина находятся 59 страниц (на разрозненных листах почтовой бумаги); там же — 12 страниц на больших листах обыкновенной писчей бумаги; строки прижаты друг к другу очень тесно, исписаны мельчайшим почерком. Если прибавить сюда одинокий, исписанный со всех сторон, листок почтовой бумаги, хранящийся в Пушкинском Доме, то всего черновиков этой, еще не связной редакции, немногим меньше 600 авторских страниц.

Как только мы приступили к детальному изучению этого огромного чернового материала, перед нами сразу возникли те исключительные трудности, которые в большей или меньшей степени известны каждому, кто имел дело с рукописями Достоевского. Только в одной (первой) из двух переплетенных тетрадей, и то лишь в первой ее половине, записи идут в последовательном порядке, более или менее точно датированные. Они относятся к самой первой стадии работы: зарождения замысла и составления первых планов, когда сюжетный стержень еще крайне гибок, окончательный сюжет он напоминает еще весьма отдаленно, взаимоотношения между героями, едва-едва намеченные, резко колеблются, присутствует целый ряд лиц, которые потом исчезают.

Первые наброски к роману появляются приблизительно в феврале 1874 г., еще до ухода автора из «Гражданина», и вначале их очень мало.

Настоящая работа над планом начинается только с июня 1874 г. Достоевский находился тогда в Эмсе. С ним была, по всей вероятности, тетрадь, условно называемая нами первой. Работалось вяло, и Достоевский пока еще более или менее аккуратно, хронологически последовательно размещает свои записи. Так продолжалось до возвращения в Старую Руссу, в августе, когда работа пошла уже весьма интенсивно, со всеми присущими Достоевскому особенностями, которые так затрудняют исследователя, останавливающегося перед целым рядом, казалось бы, неразрешимых вопросов: когда была сделана та или другая недатированная запись? Что к чему относится? Над чем шла главная работа: над сюжетом? над характерами героев? над их взглядами, убеждениями? Создается иногда впечатление, точно писатель беспорядочно заносит свои заметки то в одну, то в другую тетрадь, то на какой-нибудь отдельный листок.

Затруднения увеличиваются еще оттого, что пагинация, даже в тетрадях, принадлежит не автору и делает он сплошь и рядом свои записи не в обычном порядке, от первой страницы к последней, а наоборот. Записи, казалось бы, логически между собою тесно связанные, разделяют промежуточные чистые листы иногда в несколько десятков страниц — точно писатель делал записи в тетради на любом случайном месте. Место это могло быть частью заполнено счетами по изданиям, адресами разных лиц, старыми заметками о темах для «Гражданина» и т. п.; подводится под всем этим посторонним материалом черта, и начинается разработка какого-нибудь сюжетного мотива, характера того или другого персонажа или идеи, в нем воплощаемой.

Еще более затрудняют работу текстолога записи по так называемым «гнездам», когда вдруг обрываются связующие событийно-сюжетные линии и идут сплошь характеристики, крайне сложные, действующих лиц, их философские рассуждения, а за ними словечки, анекдоты, остроты, выражения, диалектизмы, из которых многие потом используются как специфические речевые особенности героев. Порою казалось, что положительно невозможно разобраться в этом чудовищном хаосе, и мы чуть не склонились к тому, чтобы печатать наши материалы по способу опубликованных ранее «Записных тетрадей» к «Бесам» — преподнести читателю тот же «беспорядок», какой существует в черновиках; иными словами: вместо роли редактора ограничиться ролью честного переписчика. На этот легкий выход из положения мы все-таки не решились. Мы пришли к выводу, что материалы—при всей их хаотичности — по содержанию, по подавляющему большинству записей в той или иной тетради, все же поддаются распределению прежде всего по следующим двум большим категориям: 1) черновые записи *до начала печатания* романа (они находятся, в основном, в первых двух тетрадях) и 2) записи *в период печатания* (в третьей тетради и на разрозненных листках).

К *первой категории* относятся записи двух первых стадий работы: *первой* стадии — ее можно бы назвать синкретической,— когда в воображении художника возникают самые разнообразные планы, из которых после долгих и упорных трудов начинают

лишь медленно выделяться первые основные узлы сюжета; *второй* стадии,— когда намечается уже более или менее ясно некое приближение к окончательному сюжету, улавливаются кое-где и некоторые композиционные принципы.

В записях *второй категории* идет уже разработка тех или других глав непосредственно или незадолго перед тем, как приступить к окончательной редакции, которую автор обязан отправлять в журнал к точно определенному сроку. Но это в самых общих чертах.

Более детально черновые материалы мы размещаем по следующим шести разделам, из которых первые три озаглавлены нами в какой-то мере условно: 1) первоначальные наброски к роману; 2) первый период работы над сюжетом; 3) второй период работы над сюжетом. В следующих трех разделах, объединяемых под общим заглавием «Третий период работы над сюжетом», записи сделаны уже непосредственно к каждой из трех частей романа. Они-то и поддаются датировке прежде всего в связи с тем, что сроки представления рукописи для печатания в том или другом номере журнала были «сакраментально» определены. Записи к первым пяти главам, напечатанным в январской книжке «Отечественных записок» за 1875 год, составлялись, безусловно, не позднее первой половины декабря 1874 г. Записи к последним пяти главам первой части, помещенным в февральском номере журнала за тот же год, должны быть отнесены к январю 1875 г. В феврале и марте 1875 г. делались записи к первым четырем главам второй части; в апреле — к главам V—IX. Летом 1875 г. работа происходила во второй половине июля и первой половине августа—тогда делались записи к первым четырем главам третьей части; во второй половине сентября и первой половине октября — к главам V—VIII той же части; в конце октября и первой половине ноября — к последним главам — к окончанию романа. Деление это отнюдь не претендует на абсолютную точность: не подлежит сомнению, что были случаи, когда та или другая глава какой-нибудь части романа, не получив к моменту отправления рукописи в редакцию окончательного завершения, откладывалась до следующего номера, в то время как черновые записи к ней были уже сделаны, но в основном деление это все же правильно и при распределении материала, если отсутствуют более точные датировки, является достаточно надежным ориентировочным принципом.

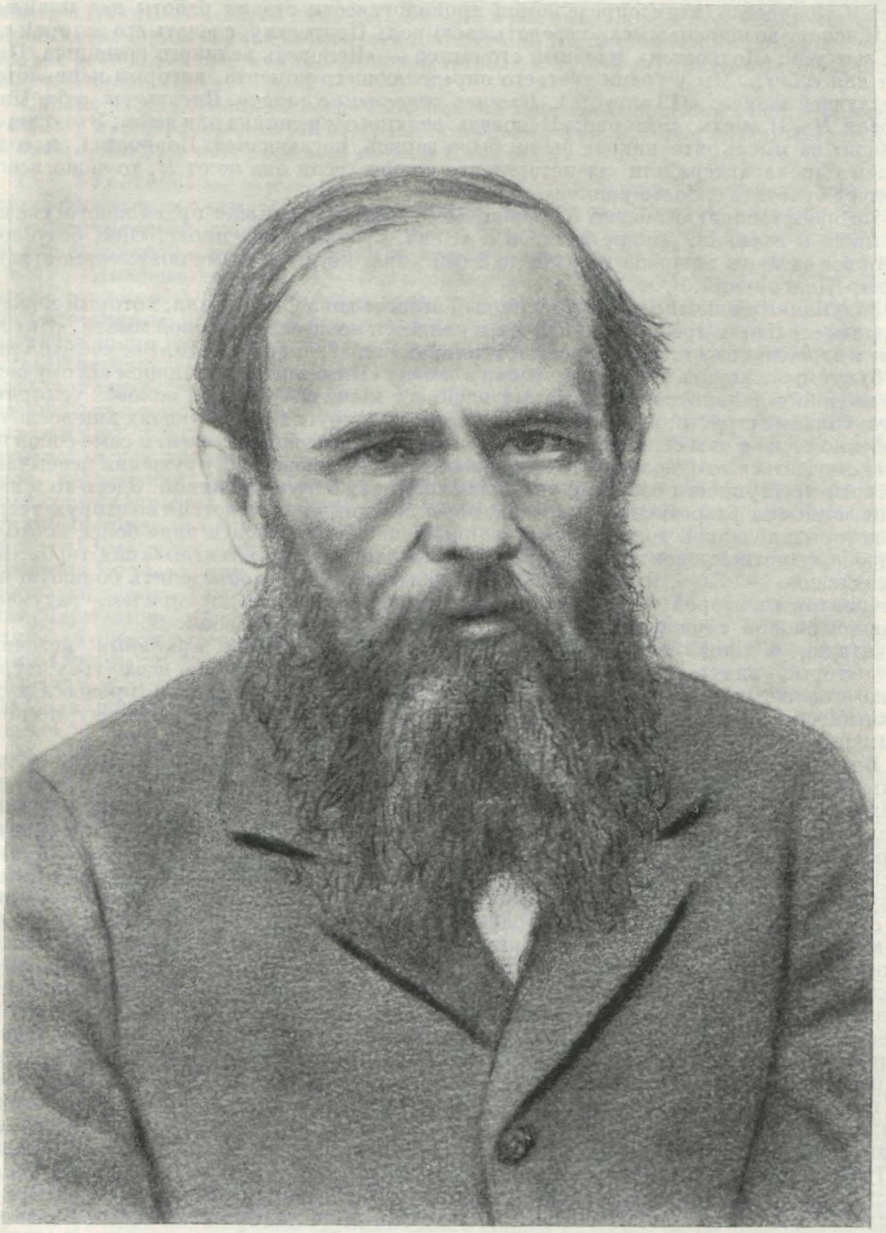
Гораздо сложнее с черновыми записями первой категории (в первых двух тетрадях), составляющими больше одной трети всех наших материалов. Поскольку перед нами — первая стадия работы Достоевского, мы, по-видимому, полностью во власти авторской фантазии, не поддающейся никаким сдерживающим нормам, и в случае отсутствия точных датировок мы, казалось бы, лишены каких бы то ни было опорных пунктов. Детальное изучение записей указывает, однако, выход и из этого крайне затруднительного положения.

Несколько основных моментов намечаются нами в начальном строении сюжета, все более и более осложняющегося по мере приближения его к сюжету окончательной печатной редакции. Они устанавливаются, в основном, в зависимости от характера и роли каждого из будущих действующих лиц, как бы слабо они ни были еще очерчены, а также от момента первого появления лица, и если оно по дороге к окончательному сюжету исчезает, то и от момента его исчезновения.

В самом начале предполагалось, что в романе будут в роли центральных героев три брата: один — атеист, «хищный тип», образ, идущий от Ставрогина, «Он», будущий Версилов; другой — «фанатик», учитель или воспитатель детей, Федор Федорович, «весь — вера»; третий—новая сила, «будущее поколение» — будущий Подросток, вначале еще мальчик. Почти одновременно с ними тремя появляются, тоже для центральной роли, страдалица мать или мачеха и ее не то дочь, не то падчерица — девочка 13 лет, Лиза. Это, как видно по некоторым датам на черновых записях,— самый первый план романа, составлявшийся в течение мая и июня 1874 г.

Около 10 июля (ориентируемся на запись от 11 июля) первоначальный план начинает резко меняться: «ГЕРОЙ не ОН, а *МАЛЬЧИК*» — читаем мы запись, сделанную крупным почерком. *Он*, разумеется,—будущий Версилов —«только аксессуар, но какой зато аксессуар!!», т. е. роль у него будет по-прежнему большая и весьма ответственная, но уже не главная. И тут же «мальчик» превращается уже в *Подростка*: рядом запись очень крупно — ПОДРОСТОК. Средний же брат, «социалист, фанатик», перестает вовсе играть какую-нибудь роль; о нем через много страниц встретится лишь одно совершенно случайное упоминание, уже вне всякой связи с той ролью «просветителя» и «деятеля», в которой он мыслился раньше, точно герой давно уже «выпал из строя» и всплыл в памяти художника как бы нечаянно, по какой-то неуловимой ассоциации. Это и обязывает нас датировать не позднее чем 10—11 июля все страницы в первой и, отчасти, во второй тетради, там, где имеются более или менее подробные записи о Федоре Федоровиче, в которых он занимает место, предназначенное ему по начальному замыслу.

Вторым основным моментом в строении сюжета, привлекшим на довольно продолжительное время исключительное внимание писателя к роли Подростка, является следующая запись от 1 августа 1874 г.: «*Идея*. Не отец ли Он современный, а подросток сын Его?» С этого момента Подросток действительно становится на время главным героем. О нем обилие записей: о поведении его по приезде в Петербург, о встречах



ДОСТОЕВСКИЙ

Рисунок (карандаш) И. Н. Крамского, 1882 г.
(по фотографии М. Панова, 1880 г.)
Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

с долгушинцами, об идее могущества («стать Ротшильдом») и т. д. Разумеется, будут на тех же страницах записи и о других героях, но поскольку преимущественно речь идет о Подростке, этим определяется хронологически стадия работы над планами.

И вскоре возникает мысль передать свою роль Подростку, сделать его автором романа: заглавие «Подросток», идейный его смысл — «Исповедь великого грешника. Писанная для себя»... Мы у грани третьего определяющего момента, который начинается со следующей записи: «(12 августа). *Важное разрешение задачи.* Писать *от себя*. Начать словом *Я*». И опять, повторно: «Исповедь великого грешника для себя». Это одно уже наводит на мысль, что какова бы ни была запись, касающаяся Подростка, идеологического ли характера или из истории его жизни, если она не от *Я*, то чаще всего ее следует относить к более раннему периоду.

Не представляет особенно больших затруднений, в смысле правильного указания их места и времени, обилие записей о «Нем», будущем Версилове. Они, безусловно, были все сделаны в первой тетради до 8 сентября, когда впервые появляется странник Макар Долгорукий.

Задуманный вначале как «чудовищный эгоист» типа Ставрогина, который может совершать страшные преступления, хотя и является искателем высокой мысли, «Он» занимает в строении сюжета, в набросках и планах самое главное место. Все события должны будут происходить преимущественно в связи с «Ним» или при активном «Его» участии. Но именно с появлением Макара все начинает меняться в самой основе: усмиряются «Его» больные страсти; каждый его поступок, как и других действующих лиц возле него, особенно тесно с ним связанных, принимает высокий идейный смысл, и само собой перестает ощущаться то одиозное, что на первых порах — в сюжете, в кружении необычайных по своей преступности событий, казалось, граничит с бульварщиной. Здесь-то и выступают записи на разрозненных листках, переплетенных впоследствии во вторую тетрадь, на которых делались дополнения к записям первой тетради в виде более или менее подробных мотивировок или углублялись идеологические высказывания героя, преимущественно — «Его», Версилова. Это и позволило нам распределить большую часть материалов из второй тетради среди записей первой тетради, причем, разумеется, главной опорой служили нам точные авторские датировки записей.

Ниже, в конце комментария, приводятся ссылки на архивные источники, из которых видно, как мы распределили весь материал из всех трех тетрадей и на отдельных листах, согласно последовательности творческого процесса художника. Чтобы ясно было, с какой осторожностью это делалось, приведу несколько примеров

Во второй непереплетенной тетради записи на стр. 60—63 связаны между собою не только единством тем, но и расположением. На стр. 60 имеются наброски следующих трех тем: 1) темы идеального учителя-коммуниста Федора Федоровича, о чистоте и прелести детской души, 2) темы о преступном типе Ламберте, 3) рассуждение будущего Версилова о сатане и боге; вскользь еще — упоминание о m-lle Andrieux. Вторая и третья темы получают на следующих трех страницах (61—63) дальнейшее развитие и углубление. Но этого мало. Последняя фраза на стр. 61, незаконченная, продолжается на стр. 62, на которой последняя фраза тоже незакончена и переходит на следующую, 63-ю страницу. Все эти четыре страницы (60—63) мы помещаем в нашем расположении между страницами 45 и 50 первой тетради. Основание следующее: в первой тетради Подросток превращается из брата Версилова в сына впервые на стр. 50 (приведенная выше запись: «1 августа. *Идея*. Не отец ли Он современный, а подросток сын Его?»). Здесь же, во второй тетради, стр. 60, Подросток — еще брат. Это — с одной стороны. С другой — в самом конце стр. 63 есть такая запись: «*Студент университета*», бросающийся ночью на всех женщин с похабщиной (корреспонденция „Русского мира", около 10 июля)». Корреспонденция эта была напечатана в номере от 12 июля, по новому стилю — 24 июля. Ставится вопрос: где Достоевский мог прочитать эту корреспонденцию? Либо в Эмсе, откуда он выехал в Россию 23 или 24 июля н. с. (см. письмо к Пуцыковичу от 11 августа.— «Письма», т. III, стр. 137—138), либо в Петербурге. Допустим первое. Так как газета могла дойти до Эмса не раньше чем на четвертый день после выхода, т. е. приблизительно 16/28 июля, то он мог ее читать либо 28—29 июля по новому стилю, т. е. либо перед записями на стр. 45 первой тетради, где имеется точная авторская дата: 18/30 июля (поскольку предыдущие записи, тесно связанные между собою тематически, помечены 12/24 июля), либо перед записями на стр. 50 с датой 1 августа (по старому стилю). Предпочитаем, однако, последнее ввиду того, что вряд ли вообще получалась в Эмсе такая мало распространенная газета, как «Русский мир». Достоевский, во всяком случае, в письмах из-за границы ни разу о ней не упоминал, в то время как о газете «Голос» говорится неоднократно.

Или следующий пример. В непереплетенной тетради имеется ряд страниц (от 30 до 38), тесно связанных между собою тематически. На первой из них, точно датированной 4 сентября, находится такая запись: «Записки год спустя...». На следующей странице, 31-й, не датированной, одна из записей тоже так начинается: «Теперь, когда уже год спустя...», и тут же: идея стать Ротшильдом, о которой Подросток рассказывает, «Ему» (Версилову) на стр. 32, где затрагивается еще одна тема: о христианстве и социализме, продолжающаяся на стр. 33, на которой дата — 6 сентября.

Но эта же дата на стр. 26, откуда начинается новый цикл органически связанных между собою тем, развивающихся в записях на стр. 27—29. Так мы их и размещаем: сначала идут стр. 30—38, за ними стр. 26—29, и все они впереди стр. 128, точно датированной 7 сентября в первой переплетенной тетради. По таким же и им подобным основаниям мы размещаем среди записей первой тетради и другие страницы из второй тетради непереплетенной.

Однако часть страниц из второй тетради, за неимением надежных опорных данных, осталась у нас нераспределенной; их мы помещаем в самом конце названной нами первой категории, уже после записей первой тетради.

Стр. 59. *Школьный учитель, роман...*— Эта первая запись об учителе, как и все дальнейшие записи о нем, о детях и об его деятельности среди них, в основном, восходит к неосуществленной поэме «Житие великого грешника», замысел которой связан с целым рядом записей к роману «Идиот» и относится еще к 1869 г. (См. Ф. М. Достоевский. Записные тетради. М.— Л., «Academia», 1935, стр. 96: «20/8 декабря. *Житие великого грешника*»). На эту связь указывает и сам Достоевский в первом номере «Дневника писателя» за 1876 г.: «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении». И вслед за тем: «Поэма готова и создалась прежде всего, как и всегда должно быть у романиста» (т. XI, стр. 147). «Бесами» тема «Жития» была оттеснена лишь на время, и теперь, в самом начале 1874 г., она появилась вновь. Это видно из следующих параллелей: в поэме, кроме «великого грешника», пока еще ребенка одиннадцати лет, должны были действовать и другие дети — «честные» и «преступные»: Умнов, хроменькая Катя, Альберт или Lambert, Аркашка. Дети покидают семью, становятся уличными. Кроме детей, там «святая мать, идеальное и странное создание». Великий грешник, в будущем «боец за правду»,— незаконнорожденный: «у отца его — не братья. Ему дают знать». Появляется какой-то учитель; часть действия происходит в пансионе Чермака: там матушкины дети, их «гадливость» — очевидно, к нему, незаконнорожденному. Там читаются произведения Вальтера Скотта, «Герой нашего времени» Лермонтова, Гоголь,— особенно часто упоминается Гоголь,— и эффект этих чтений... То же и здесь сразу после записи о школьном учителе «описание эффекта чтений Гоголя». И дальше о детях и замученной матери, а главный герой — «боец за правду» и т. д. и т. д. Этот образ идеального учителя,«положительно прекрасного человека», как показывают дальнейшие записи, связан также с князем Мышкиным в «Идиоте».

Стр. 59. *Гамлет-христианин.*— Есть основание увидеть в этой записи первый момент зарождения образа Версилова; в черновиках он еще более, чем в окончательном тексте, внутренне противоречив, способен в одно и то же время на «противоположные деятельности», — скептик, жаждущий, как и Гамлет, веры, покоряющей его волю, «высокой идеи» и страдающий в своем безверии. «Анализ прежде всего и эгоизм», «вечно возится и носится с самим собою», «постоянно занят не своей обязанностью, а своим положением». Версилов должен был быть резко контрастен «школьному учителю» из предыдущей записи, который будет показан как «положительно прекрасный человек.— «весь вера», не знающий колебаний на пути добра, своего рода Дон-Кихот... Как «воплощение двух коренных противоположных особенностей человеческой природы — оба конца той оси, на которой она вертится»,— как вечные типы были представлены Тургеневым Гамлет и Дон-Кихот в знаменитой речи, произнесенной 10 января 1860 г. Это было, когда Достоевский только что вернулся из Сибири и вновь окунулся в сферу взволнованной общественной жизни накануне крестьянской реформы. «Веру прежде всего» выражает собою Дон-Кихот,— утверждает Тургенев,— «веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся *вне* отдельного человека». «Дон-Кихот проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнию». И дальше: «В нем нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование». Особенно же для него характерно то, что «чувственности и следа нет у Дон-Кихота; все мечты его стыдливы и безгрешны, и едва ли в тайной глубине своего сердца надеется он на конечное соединение с Дульцинеей, едва ли не страшится он даже этого соединения!» (И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 11. М., 1956, стр. 169—172, 177). Таким и будет представлен дальше учитель в его «любви к невесте», как и его «эквивалент» в окончательном тексте — странник Макар Долгорукий. Близость образа Версилова к Гамлету в понимании Тургенева кажется тем более разительной, когда читаем, что «Гамлет с наслаждением, преувеличенно бранит себя, постоянно наблюдая за собою, вечно глядя внутрь себя, он знает до тонкости все свои недостатки, презирает их, презирает самого себя — и в то же время, можно сказать, живет, питается этим презрением. Он не верит в себя — и тщеславен; он не знает, чего хочет и зачем живет,— и привязан к жизни». Именно таким будет представлен Версилов. Характерна очень и наружность Гамлета, как ее описывает Тургенев: «Его меланхолия, бледный (...) вид, (...) черная, бархатная одежда, (...) изящные манеры (...) постоянное чувство полного превосходства над другими, рядом с язвительной потехой самоунижения, все в нем нравится, все пленяет» (там же, стр. 172—173). Это почти портрет Версилова, каким его рисует Подросток. На

мысль о некотором сходстве сюжета «Подростка» с тургеневской трактовкой трагедии Шекспира наводят следующие слова из статьи «Гамлет и Дон-Кихот»: «Гамлет много выигрывает в наших глазах от привязанности к нему Горация. Это лицо прелестно и попадается довольно часто в наше время <...> Он жаждет поучения, наставления и потому благоговеет перед умным Гамлетом и предается ему всей силой своей честной души...» Это почти полностью совпадает с отношением к Версилову Подростка. Вспоминается, правда, отдаленно и финал «Гамлета», когда читаем у Тургенева: «Прекрасны последние слова Гамлета. Он смиряется, утихает, приказывает Горацию жить <...> но взор Гамлета не обращается вперед... „Остальное... молчание“,— говорит умирающий скептик — и действительно умолкает навеки» (там же, стр. 185—187). Умолкает так и Версилов. Достоевский не дает ему физической смерти. В этом пункте он отступает от тургеневской схемы: обращая Версилова в веру (по комментируемой здесь записи «Гамлет-христианин»), делает его христианином. Но духовно, после попытки самоубийства, он фактически выбывает из жизни.

Стр. 59. *Апокрифическое евангелие.*— Сказания о Христе, церковью не освященные, с первых же веков христианства получившие очень широкое распространение. Это была своего рода христианская мифология, соответствовавшая уровню мышления более или менее широких масс новообращенных христиан. В России апокрифы назывались «отреченными» книгами. Христианское учение разрушало народную мифологию. Народ привык к мифам, богатым образами, происшествиями, фантастическим элементом, а всем этим «Новый завет», церковью признанное Евангелие не богато. Апокрифы подробно, с чисто сказочными чертами, говорили о сотворении мира, связывали воедино судьбу Адама, царя Соломона и Христа, подробно рассказывали о загробном мире и т. п.

В эпоху 1860—1870 гг. интерес к апокрифической литературе выразился у нас в целом ряде работ: «Памятники старинной русской литературы». Под ред. Н. И. Костомарова и А. Н. Пыпина (1860—1862); Н. С. Тихонравов. Памятники русской отреченной литературы (1864), А. Н. Веселовский. Опыты по истории развития христианской легенды (1875—1877).

Стр. 59. *Искушение дьяволово...*— Имеется в виду евангельская легенда (в 4-й главе Евангелия от Матфея) о трех искушениях Христа: первое — «если ты сын божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами»; второе искушение — совершить в глазах народа чудо: броситься вниз с крыла храма, ибо написано: «Ангелам своим заповедает о тебе, и на руках понесут тебя». И третье искушение — могуществом и властью над всеми царствами мира. Достоевский останавливается преимущественно на первом искушении — о камнях, обращенных в хлебы, и ответе Христа: «не хлебом единым жив будет человек»,— придавая этим словам «смысл великого исторического предвидения на множество веков», вплоть до господствующих идей современности — атеистического социализма передовой интеллигенции. Об обращении «камней в хлебы», т. е. о разрешении социального вопроса о «голодных и раздетых», впервые речь идет в «Дневнике писателя» за 1876 г., в первом январском номере, составлявшемся, очевидно, еще до окончания «Подростка» или сразу же после него. Здесь, в главке под названием «Спиритизм. Нечто о чертях...» Достоевский, как и Толстой в комедии «Плоды просвещения», осмеивает увлечение спиритизмом в высшем кругу столичного общества. Но уже в тоне, совершенно серьезном, переносит внимание в область проблем нравственно-философского характера: о смысле жизни вообще, о смысле всей истории человечества, о том, что такое счастье и его возможности. Читаем: «О, конечно, сперва все бы пришли в восторг. Люди обнимали бы друг друга в упоении, они бросились бы изучать открытия (а это взяло бы время); они вдруг почувствовали бы, так сказать, себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах; они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в десять раз скорей, чем теперь по железной дороге; извлекали бы из земли баснословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человека, как мечтают наши русские социалисты,— словом, ешь, пей и наслаждайся. „Вот,— закричали бы все филантропы,—теперь, когда человек обеспечен, вот теперь только он проявит себя! Нет уж более материальных лишений, нет более заедающей „среды“, бывшей причиною всех пороков, и теперь человек станет прекрасным и праведным! Нет уже более беспрерывного труда, чтобы как-нибудь прокормиться, и теперь все займутся высшим, глубокими мыслями, всеобщими явлениями. Теперь, теперь только настала высшая жизнь!“» Но,— читаем дальше,— «вряд ли и на одно поколение людей хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них всё украл разом» (т. XI, стр. 175).

Во второй главке второй главы майского номера «Дневника писателя» за 1876 г., в связи с самоубийством акушерки Писаревой, Достоевский опять пишет «о камнях, обращенных в хлебы» (т. XI, стр. 303). Солист оркестра б. Мариинского театра В. А. Алексеев в письме от 3 июня 1876 г. задает Достоевскому по этому поводу вопрос: «Что вы хотите сказать этим?<...> Камни не сделались хлебами и не обратились в пищу, и затем нигде не говорится в Евангелии о камнях, обращенных в хлебы» («Письма», т. III, стр. 362). И Достоевский сейчас же отвечает ему письмом, в котором полностью разъясняет, как он понимает связь этого «дьяволова искушения» с самым «жгучим вопросом

Картину эту очень
высоко ценил Федоръ
Михайловичъ и назы-
валъ ее „Золотой вѣкъ".

МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ С АЦИСОМ И ГАЛАТЕЕЙ.
КАРТИНА КЛОДА ЛОРРЕНА, 1657 г.

Фотографическая открытка (1870 г., Дрезден)
с надписью А. Г. Достоевской на обороте:
«Картину эту очень высоко ценил Федор Михайлович и называл ее „Золотой век"»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

современности»: «В искушении диавола слились три колоссальные мировые идеи, и вот прошло 18 веков, а труднее [выше], т. е. мудренее, этих идей нет, и их все еще не могут решить. „Камни и хлебы" значит теперешний социальный вопрос, *среда*. Это не пророчество, это всегда было. Чем идти-то к разоренным нищим, похожим от голодухи и притеснений скорее на зверей, чем на людей,— идти и начать проповедовать голодным воздержание от грехов, смирение, целомудрие, — не лучше ли *накормить* их сначала? Это будет гуманней. И до тебя приходили проповедовать, но ведь ты сын божий, тебя ожидал весь мир с нетерпением; поступи же как высший над всеми умом и справедливостью, дай им всем пищу, *обеспечь* их, дай им такое устройство социальное, чтоб хлеб и порядок у них был всегда,— и тогда уже спрашивай с них греха. Тогда если согрешат, то будут неблагодарными, а теперь — с голодухи грешат. Грешно с них и спрашивать.

Ты сын божий — стало быть, ты все можешь. Вот камни, видишь, как много. Тебе стоит только повелеть — и камни обратятся в хлебы.

Повели же и впредь, чтоб земля рождала без труда, научи людей такой науке или научи их такому порядку, чтоб жизнь их была впредь обеспечена. Неужто не веришь, что главнейшие пороки и беды человека произошли от голоду, холоду, нищеты и из невозможной борьбы за существование.

Вот 1-я идея, которую задал злой дух Христу. Согласитесь, что с ней трудно справиться. Нынешний *социализм* в Европе, да у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о *хлебе*, призывает науку и утверждает, что причиною всех бедствий человеческих одно — *нищета*, борьба за существование, „среда заела"» («Письма», т. III, стр. 211—212).

Как видим, роли распределены между «дьяволом», «умным духом», и Христом так, что вся сила логики и убеждения отдана «умному духу»; в плоскости реальной убедителен «дьявол»—умный дух, Мефистофель, демон, «дух сомненья и познанья», но не Христос. В задуманном романе «Подросток» должна была впервые зазвучать эта тема в связи с идеями коммунизма, которые исповедует «школьный учитель» (в окончательном тексте с этой темой связано изображение кружка Дергачева). В «Братьях Карамазовых» тема эта станет центральной в «Легенде о Великом инквизиторе», которую сам Достоевский назовет кульминационным пунктом романа, его главным, стержневым, опорным символом, стягивающим к себе все нити как идеологические, так и сюжетные.

Стр. 59. *...глиняная птица пред нищими духом.* — По всей вероятности, имеется в виду подробный рассказ, заимствованный из Евангелия от Фомы, о детстве Христа, где он рисуется буйным, суровым мальчиком, творящим чудеса, оживляющим птиц, слепленных из глины, двигающим своим словом здания и т. д.

Стр. 59. *...Дети ∞ Странствия* и т. д. — как было уже выше указано, все это, в главном, восходит к образам и мотивам из неосуществленной поэмы «Житие великого грешника». *Мать, вышедшая вторично замуж,*— в дальнейшей работе над романом, как и в окончательном тексте, этому мотиву отдаленно соответствует история матери Подростка, Софьи Андреевны, ставшей женою Версилова после того, как была уже повенчана с Макаром Долгоруким. Тоже и дальнейшие слова: *сведенные дети* — в окончательном тексте дети Версилова от первой жены Фанариотовой, Анна Андреевна и ее брат; Подросток и его сестра Лиза — от Софьи Андреевны.

Стр. 59. *Застрелившийся и бес вроде Фауста.*— Тематически это, может быть, восходит к предыдущей записи: кто-то из тех, кто обладает чуткой совестью, не выдерживает краха всей европейской цивилизации, разочаровывается во всем и погибает. Есть основание усмотреть в печатном тексте далекое соответствие этому наброску в идейном самоубийстве Крафта. Это про таких, как Крафт, сказано дальше в черновиках (см. настоящий том, стр. 59): «Человек в высших экземплярах своих и в высших проявлениях своих ничего не делает *просто*: он и застреливается не просто, а религиозно». Может быть, в том, что рядом с застрелившимся — «бес вроде Фауста»,— нужно усмотреть отражение первоначального образа Версилова: в черновиках Версилов, скептик и циник, долго сопоставляет себя, свою «подлую живучесть», с идейным фанатизмом Крафта, который не может мириться с второстепенной ролью России в истории всего человечества, и застреливается.

Стр. 59. *Нашли подкинутого младенца.* И следующая запись: *Федор Петрович (любитель детей и кормилица).*— Это, очевидно, первый набросок эпизода с подкинутой девочкой Риночкой и женой столяра, согласившейся кормить ее своим молоком, так как только что умер ее собственный грудной ребенок, по имени тоже Ариночка (т. 8, стр. 105—107).

Стр. 59.... *и вдруг рассказывает им о Шиллере...*— Шиллера Достоевский воспринимал всю жизнь, и с самой ранней молодости, как величайшего гуманиста, как неиссякаемый источник всеобъемлющей любви к человечеству, к миру в целом. Помимо ряда отзывов о нем, всегда восторженных, в письмах и в «Дневнике писателя», показательна особенно кульминационная глава 3-й книги «Братьев Карамазовых», в которой Митя вдохновенно читает «Песнь радости» Шиллера. Шиллеровский пафос всечеловеческой любви

прямо и указан здесь как один из основных элементов во всей идеологической концепции романа. В анонимной редакционной заметке во 2-й книжке журнала «Время» 1861 г. «Нечто о Шиллере» сказано: «Мы должны особенно ценить Шиллера, потому что ему было дано не только быть великим всемирным поэтом, но, сверх того, быть нашим поэтом. Поэзия Шиллера доступнее сердцу, чем поэзия Гете и Байрона». В письме от 1 января 1840 г. к брату, страстному поклоннику и переводчику Шиллера, Достоевский писал о нем в таком юношески повышенном эмоциональном тоне: «Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им; и я думаю, что ничего более кстати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни; никогда бы я не мог узнать его так, как тогда. Имя же Шиллера стало мне родным, каким-то волшебным звуком, вызывающим столько мечтаний» («Письма», I, стр. 57).

Стр. 59. *«Московские ведомости», 26 февраля, 74, из Бахмута о жене-пристяжной.*— По этой записи мы и датируем все предшествующие наброски февралем 1874 г. Художник начинает искать факты из окружающей действительности, которые могли бы лечь в основу конкретно-жизненной фабулы вокруг одной из названных тем: о детях, о фантастической поэме-романе, об измученной матери... Ему, по обыкновению, нужны факты, наиболее разительные. Его постоянным убеждением было, что именно в резких отклонениях от обычных человеческих норм, в исключениях улавливается скорее всего смысл, идея нарастающих в общественной жизни изменений. В газете рассказывается о том, как крестьянка села Андреевки, сильно терпевшая от побоев мужа и свекрови, убежала домой к матери. Мать не приняла ее, и она ушла к подруге верст за 15. В новом месте сельское начальство потребовало от нее вида на жительство, и так как вида не оказалось, начальство запросило старосту села Андреевки, отпущена ли она начальством действительно. Вместо ответа от старосты приехал за ней муж с двумя товарищами. Они забрали ее от подруги насильно и сейчас же поехали обратно. И началось дикое истязание. Женщину привязали веревками к оглобле и стали шибко погонять лошадь. Женщина падала, изнемогая, поднималась и снова бежала, подстегиваемая кнутом. Доехали так до кабака, выпили и снова отправились в путь. Отъехав от кабака с версту, женщину опять привязали к оглобле, и опять началось дикое избиение; когда она падала, истерзанная, задыхаясь, ее поднимали, били, погоняя кнутом. И так всю дорогу до самого села (см. стр. 61). В дальнейших записях это «бахмутское истязание» нигде не использовано, если не предположить, что к нему восходят, по изощренной жестокости самого характера мучительства, несколько случайных набросков о некоем швейцаре или Швейцарове, сжегшем на плите свою «гулящую» жену (см. стр. 142).

Стр. 60. *Заговор детей...* и т. д.— вплоть до *Дети убийцы отца* — все это восходит к указанной выше «поэме» 1869 г. «Житие великого грешника», представляя собою некую попытку по-новому конкретизировать наметившуюся там главную тему о детях. В частности, туда относится запись: *Дети развратники и атеисты.* Ламберт упомянут, очевидно, в той же роли кощунствующего и развратного мальчика. И рядом с ним Andrieux. В окончательном тексте она упоминается лишь вскользь в воплях Альфонсины, сожительницы Ламберта; в черновиках же она будет в дальнейшем встречаться несколько раз в связи не то с Подростком, не то со старым князем Сокольским, с которым ее сводит тот же Ламберт.

Стр. 60. *Дети убийцы отца* (*«Москов‹ские› ведомости», № 89, 12 апреля*).—Эта вторая дата, по которой мы устанавливаем ход работы над романом; работа идет еще крайне медленно. Прошло с той записи о «жене-пристяжной» около полутора месяцев; и, очевидно, пока еще нет никакого более или менее твердого сюжетного замысла. Убийцами отца оказались мальчики в возрасте от 8 до 10 лет. Действие происходит в местечке Зехсгауз, возле Вены. У столяра Антона Флейснера сбежала жена вместе со старшим сыном 13 лет, оставив четырех детей, из которых самому младшему не было еще года. Покинутые дети любили мать и очень по ней скучали. Они обвиняли во всем отца и решили его убить и опять соединиться с матерью. План убийства был задуман восьмилетним мальчиком; он сообщил его братьям, и те одобрили. Орудием убийства должны были служить две стамески: одна, чтобы перерезать отцу горло, другая, чтоб проткнуть ему насквозь живот. Убийство дети решили совершить над спящим в ночь с 5 на 6 марта. И были уже распределены роли. Один будет стоять на страже, дожидаться, пока отец крепко заснет; двое других нападут, одновременно начнут резать и колоть. Но годовалое дитя плакало всю ночь, отец вставал к нему и не засыпал. Часов в 7 утра он, наконец, заснул. Тогда дети стали тихо-тихо прокрадываться; вот они уже подошли к его кровати, уже занесли над отцом свое орудие, острая стамеска приставлена к горлу, еще одно мгновение и — страшное было бы совершено. Но вдруг опять заплакало дитя, отец снова проснулся. Потому ли, что факт этот уж слишком исключительный, или потому, что произошел-то он не в России,— основой сюжета он не стал даже и на время. Только в одном месте, вскользь, сделана запись: «после убийства отца» (стр. 81).

Есть, может быть, некоторое основание думать, что в этом газетном факте не совершившегося отцеубийства мы имеем нечто в роде зародыша сюжета «Братьев Карамазовых». На эту мысль наводит одна пространная запись на полях, точно датированная 13 сентября 1874 г., к сюжету «Подростка» не имеющая никакого отношения,

восходящая к воспоминаниям писателя о времени пребывания в Сибири сейчас же по выходе из каторжной тюрьмы.

«Драма. В Тобольске, лет двадцать назад, в роде истории Иль‹ин›ского. Два брата...»

Слились здесь воедино основная фабула «Карамазовых» с фабулой вставного в них эпизода: «Таинственный посетитель». (См. А. С. Долинин. Последние романы Достоевского, стр. 55—57).

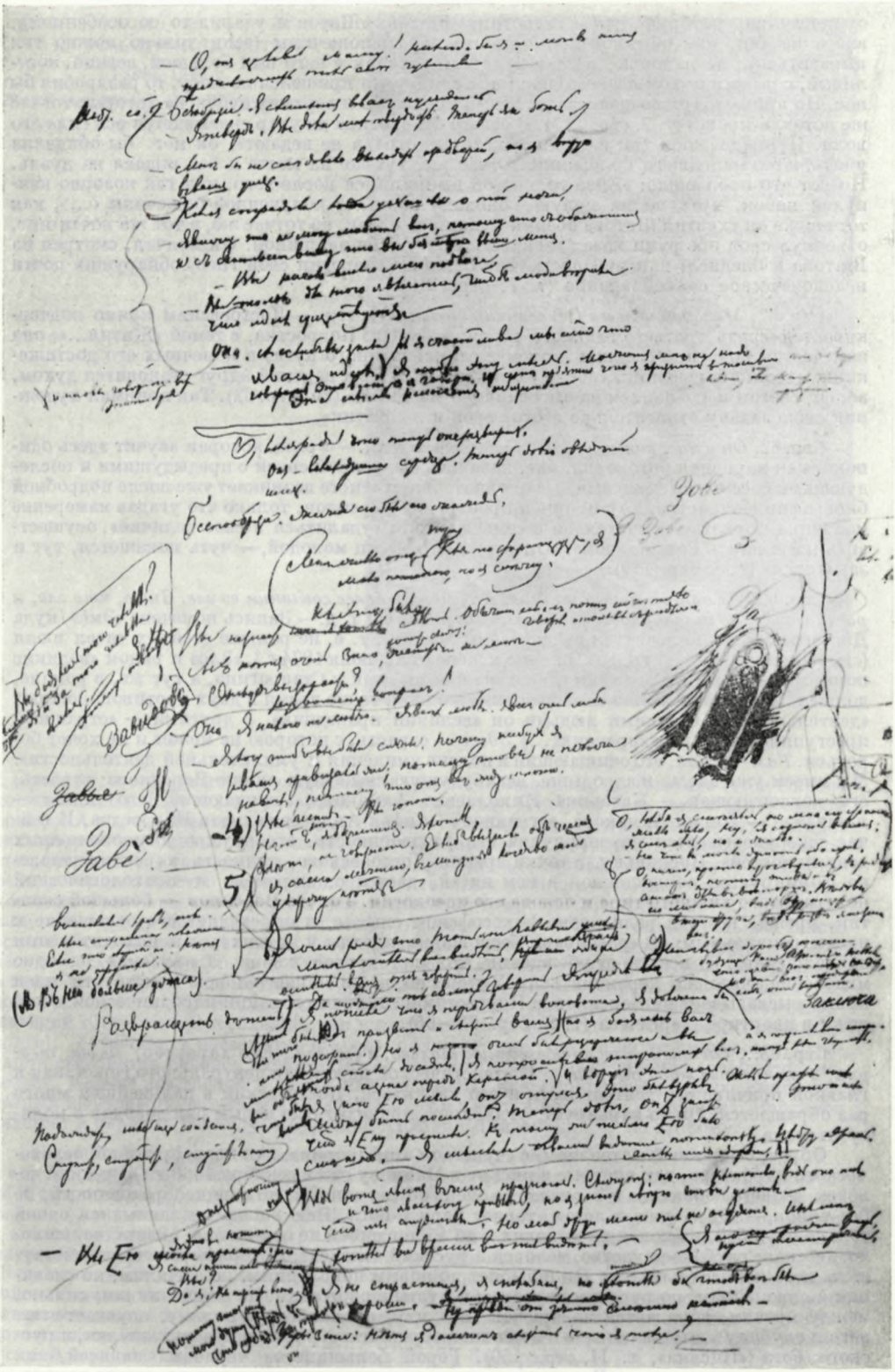
Стр. 60. *Момент. Быстрая встреча молод‹ого› человека (идеал борьбы) с прежним товарищем, решившимся застрелиться. День с ним. Тот застреливается.* — В окончательном тексте (2-я главка 4-й главы первой части) Подросток, восходящий к центральной фигуре из «Жития...», к «идеалу борьбы», проведет с Крафтом всего несколько часов,— самоубийство совершится в отсутствии Подростка, но впечатление будет колоссальное.

Стр. 60. *Маг. У Дюссо или в Мал‹ом› Ярославце.* — очевидно, среди разных детей, которые должны были играть главную роль в романе, предполагается еще «мальчик-лгун», фантазер.

Стр. 60. *Хищный тип (разбор кн. Данилы Авсеенком). Почему дурак князь Данило имеет право на мое внимание.*— Речь идет здесь о рецензии реакционного романиста и критика В. Г. Авсеенко на исторический роман Евгения Салиаса «Пугачевцы», напечатанной в апрельской книжке «Русского вестника» 1874 г. Авсеенко ставит роман Е. Салиаса на один уровень с «Войной и миром» Толстого, восхищается особенно фигурой князя Данилы. 18-ти лет этот Данило был отвезен отцом в Петербург и поручен покровительству графа Румянцева. Данило делает быструю карьеру; Екатерина II обратила на него милостивое внимание, и он часто бывает во дворце. Но вскоре Данило проявляет «самовольство», за какое-то оскорбление застрелил офицера и обидел какого-то вельможу; его арестуют и ссылают в деревню к отцу с приказанием, однако, к тезоименитству государыни быть безотлагательно в Петербурге. В деревне князь Данило еще больше дает волю своему бешеному нраву. «Умный, непреклонный и отважный», он самоуверенно глядит вперед. Начинается мятеж (имеется в виду Пугачевское восстание). Данило вспоминает свой долг дворянина. Соблазны петербургской карьеры на время забываются. И тут происходит его встреча с Милушей. Милушу Авсеенко характеризует так: «Она — дичок, натура простая, но глубокая, полюбит навеки». «Неотразимая прелесть ее наивности и женственности привораживает князя Данилу». Правда,— продолжает дальше рецензент,— Данило вспоминает, будто его подвинуло жениться то обстоятельство, что Милуша была невестой другого — князя Андрея Уздальского. «Этому можно поверить: некоторый хищнический инстинкт сказывается в Даниле даже в минуты полного опьянения страстей»... Но опьяненного счастьем и еще влюбленного в свою добычу Данилу гложет и сушит мысль, что отныне жизнь его очертилась узким кругом, что память о нем сохранится только для детей и внуков. «Да что проку в их памяти!—Что ветер пролетный. Я бы хотел, чтобы меня вся русская земля чрез сто лет поминала! Вот как Румянцева помянет, Орлова. Один — Задунайский, другой — Чесменский! А я какой? Я—Милушин. А я мог бы... И огонь в себе чую... И случай в руки лез. Да и теперь еще, вернись я в Питер... Многое на перемену пойдет! Да видно не судьба». Далее Достоевский делает запись по поводу «разбора» этой книги: «Не понимают они *хищного типа!*» (ни Салиас, ни Авсеенко).

Стр. 60-61. *Иметь в виду настоящий хищный тип в моем романе.∞ Хищный тип (1875 года). Страстность и огромная широкость ∞ И обаятелен и отвратителен. ∞ Думать об этом типе. 4 мая 74 .* — Так возник впервые, уже конкретно, по контрасту с князем Данилой, образ центрального героя романа, Версилова, и с этого момента начинается настоящая работа над планами. Из общей сюжетной схемы салиасовского романа останется, пожалуй, лишь внешнее сходство между женой князя, Милушей, и женой будущего Версилова, матерью Подростка, которая уже в самом начале романа тоже предстает как «дичок», натура простая, но глубокая, привораживает неотразимой прелестью наивности и женственности. *Хищный тип (1875 года)* — так, как он мыслится здесь, в отличие от центрального героя романа Салиаса, восходит всеми чертами своими к «принцу Гарри» в предыдущем романе «Бесы», красавцу Ставрогину, с лицом, «похожим на маску». Связь его с Ставрогиным тут же подчеркивается в записи: «красный жучок, Ставрогин»; «жучок» — символ всего им пережитого и передуманного в ту минуту, когда впервые зародилась у него мысль о возможности спасения от нравственной гибели в акте публичного покаяния, в «исповеди» (см. об этом подробно: «Документы по истории литературы и общественности. Ф. М. Достоевский». М., 1922, а также А. С. Долинин «Исповедь Ставрогина».— «Лит. мысль». Пг., 1922.

Стр. 61. *Снес пощечину...*— О пощечине рассказывает, со слов Крафта, Подросток: «Молодой князь Сокольский‹...› дал Версилову пощечину публично в саду и тот не ответил вызовом; напротив, на другой же день явился на Променаде как ни в чем не бывало» (т. 8, стр. 76). В 8-й главке 5-й главы первой части романа «Бесы» рассказывается



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

о пощечине, которую дал Ставрогину Шатов: «Шатов и ударил-то по особенному, вовсе не так, как обыкновенно принято давать пощечины (если только можно так выразиться), не ладонью, а всем кулаком, а кулак у него был большой, веский, костлявый, с рыжим пухом и с веснушками. Если б удар пришелся по носу, то раздробил бы нос. Но пришелся он по щеке, задев левый край губы и верхних зубов, из которых тотчас же потекла кровь» (т. 7, стр. 217). В ответе Ставрогина на удар сказывается вся сила его воли. Принадлежа к тем натурам, «которые страха не ведают», он мог бы обидчика убить, и без малейшего колебания, тотчас же, тут же на месте и без вызова на дуэль. Но вот что произошло: «Едва только он выпрямился после того, как так позорно качнулся набок, чуть не на целую половину роста, от полученной пощечины ‹...›, как тотчас же он схватил Шатова обеими руками за плечи; но тотчас же, в тот же почти миг, отдернул свои обе руки назад и скрестил их у себя за спиной. Он молчал, смотрел на Шатова и бледнел, как рубашка». Так осилил Ставрогин свой гнев, обнаружив почти нечеловеческое самообладание (т. 7, стр. 219).

Стр. 62. *Молодой человек* (№ *великий грешник*) и т. д.— Достоевским прямо подчеркивается связь третьего главного героя, будущего Подростка, с темой «Жития...»; она намечается пока в последнем моменте его жизненного пути, в конечных его достижениях: «великий грешник» «после ряда прогрессивных падений вдруг становится духом, волей, светом и сознанием на высочайшую из высот» (см. стр. 62). Так понимал художник свою задачу относительно этого героя и в «Житии».

Стр. 62. *Он у нас, как месяц молодой, появлялся...* —Фраза, которая звучит здесь одиноко, как народная поговорка, вне, казалось бы, всякой связи с предыдущими и последующими соседними записями,—в окончательном тексте возникает уже после подробной биографии Подростка. Ее с иронией произносит Версилов, только что угадав намерение мальчика порвать окончательно с семьей, чтобы «удалиться в свое величие», осуществить идею «стать Ротшильдом»: «Он у нас, как месяц молодой,— чуть покажется, тут и закатится» (т. 8, стр. 119).

Стр. 62. *Думать о хищном типе. Как можно более сознания во зле. Знаю, что зло, и раскаиваюсь, но делаю рядом с великими порывами* и т. д.— Запись помечена «Эмс» (куда Достоевский ездил лечиться от эмфиземы легких), т. е. не раньше десятых чисел июня (см. «Письма», т. III, стр. 101, письмо к жене от 12 июня 1874 г.). «Зло» и рядом «великие порывы» — не в акте покаяния, не в «исповеди», как у Ставрогина, а тут же, в романе, должен проявляться этот «хищный тип» в одно и то же время в двух противоположных «деятельностях». С одними людьми он «великий праведник», с другими — «страшный преступник, лгун и развратник‹...› *Здесь* — страсть, с которою не может и не хочет бороться. *Там*—идеал, его очищающий и подвиг умиления и умилительной деятельности». Мы имеем уже здесь, в зародыше, всю будущую сюжетную линию Версилова: страсть, его поглощающая,— Катерина Николаевна Ахмакова; очищающий его идеал — в эпизоде — Лидия Ахмакова, а главное — Софья Андреевна, мать Подростка. И сейчас уже указывается первопричина его раздвоенности, его двух «противоположных деятельностей». Поскольку, с точки зрения Достоевского, личность, характер человека формируется воплощенной в нем идеей, дается одновремено и психологический портрет этого хищного типа и основа его идеологии. То, что Версилов — большой скептик, прежде всего в религиозно-философском смысле, и определяет его отношение к идеям социальным: он «разбивает беспощадно идеалы у других‹...› и находит в этом наслаждение». И все это от убеждения, что «нет другой жизни, я на земле на одно мгновение, чего же церемониться». Интересно, что в окончательном тексте эти идеи прямо высказывает не Версилов, а Подросток на тайном собрании народнической молодежи в квартире Дергачева (т. 8, стр. 62—65).

Стр. 63... *Он атеист не по убеждению только, а всецела.* ‹Его характер› *не от теории, а от чувства этой теории.*— К атеистической идеологии центрального героя, как к главной причине его деятельности и его характера, Достоевский в дальнейшем много раз обращается. Он ее варьирует, углубляет, приводит еще целый ряд доводов в пользу атеизма.

Образ, связанный с атеизмом, с «чувством этой теории», как первопричиной человеческого характера, дан впервые в письме к Майкову от 11 декабря 1868 г.: «Русский человек нашего общества и *в летах*, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов,— *вдруг*, уже в летах, теряет веру в бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличился. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человек и русский человек). Потеря веры в бога действует на него колоссально ‹...› Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадается на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины — и под конец обретает и Христа, и русскую землю», и русского бога («Письма», т. II, стр. 150). Герой большинства черновых записей, как и в окончательном тексте Версилов,— «уже в летах»; он «шныряет по новым поколениям, по атеистам»: в записях есть следы его встреч, не только случайных, как и в окончательном тексте: с Васиным, главным и наиболее идейным среди революционеров, и

ИЛЛЮСТРАЦИЯ М. Г. РОЙТЕРА К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тушь, 1947 г.

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

с Крафтом, и с другими долгушинцами. Судя по черновикам, пребывание его в Европе должно было играть в ходе развития сюжета гораздо большую роль, чем в законченном романе. А то, что атеист (в письме к Майкову) «попадается на крючок иезуиту», найдет дальше свое отражение в католичестве Версилова, в тех «веригах», которые Версилов стал носить после того, как он, по слухам, принял за границей католичество (мотив перехода в католичество звучит в подготовительных записях особенно сильно). Ниже, в комментарии к записи о Герцене (см. настоящий том, стр. 473), подробно указан источник, к которому восходит этот эпизод о встрече с иезуитом, в окончательном тексте оставшийся неиспользованным. Так намечается еще момент в генезисе образа Версилова: он восходит не только к Ставрогину, но к старому замыслу «Атеизма». Дальше в записях это будет сказываться все сильнее и сильнее. Так, Версилов, пока еще молодой, временами такой же, как Ставрогин, жестокий, способный больше на зло, совершающий такое же преступление, как и он (мотив этот держится в черновиках довольно долго), — начинает постепенно стареть, облик его все более и более смягчается, страдания становятся глубже, идейнее, мотив ставрогинского преступления совершенно исчезает. Как видим, почти в самом начале работы над «Подростком» возродились оба старых неосуществленных замысла: «Атеизм» и «Житие великого грешника»; Версилов тяготеет к первому замыслу, а будущий Аркадий Долгорукий — ко второму.

Стр. 63. *В него влюбляется страстно женщина.* (*В ту молодой юноша 20 лет*)... и т. д. до конца страницы — попытка строить сюжет близко к ненапечатанной «Исповеди Ставрогина»: обольщение девочки 13 лет, самоубийство девочки (ставрогинский «жучок»), ревность матери к ребенку, смерть. В то же время все это отдаленно ведет к эпизоду с Лидией Ахмаковой, влюбленной в Версилова, и отношениям между нею и мачехой Катериной Николаевной, тоже его любящей. Молодой юноша — это либо Подросток, Аркадий, либо князь Сережа Сокольский; об его любви к К. Н. Ахмаковой — больше, пожалуй, об его материальной заинтересованности в женитьбе — в окончательном тексте говорится лишь вскользь. Так намечается первая попытка конкретного сюжета («эмбрион плана»), в котором должен будет играть роль и появившийся в самой первой записи идеальный учитель Федор Федорович.

Стр. 64. *Светлая же* ‹его, хищного типа, деятельность.—*А. Д.*› *в любви к одной девице или чужой жене.*—«Одна девица», как уже было указано выше,— Лидия Ахмакова.

В печатном тексте о ней упоминается дважды: во 2-й главке 4-й главы первой части романа (рассказ Крафта) и в 1-й главке 7-й главы третьей части романа (отзыв Версилова об Ахмаковой). «Чужая жена» — в печатном тексте — мать Подростка, законная жена странника Макара Долгорукого.

Стр. 64. *Он втайне делает добро и посещает нуждающихся.*— В печатном тексте трагический эпизод с Олей, очутившейся в крайней нужде, обиженной и оскорбленной всеми (4-я и 5-я главки 9-й главы первой части романа).

Стр. 64. *Но вставить непременно несколько действительных, насущных лиц (как губернатора в «Бесах»)...*— Слова эти следует поставить в связь со статьей о «Бесах» Н. К. Михайловского в февральской книжке «Отечественных записок» за 1873 г.: «Пурриры „Гражданина"...» Михайловский делит всех действующих лиц романа на три категории: к первой относятся несколько фигур, «сделанных очень топорно», «автором не продуманных и не прочувствованных и взятых на прокат у гг. Стебницких и Клюшниковых» («Отечественные записки», 1873, № 2, стр. 317, 2-я пагинация). «Большая часть лиц этой второй категории в „Бесах" удачны, а некоторые даже превосходны. Если прекрасные фигуры упомянутого идеалиста 40-х годов, Степана Трофимовича Верховенского, и знаменитого русского писателя Кармазинова, читающего свой прощальный рассказ „Mercі",— впадают местами в шаржу, то фигуры супругов Лембке положительно безупречны». Как нам уже приходилось писать, статья эта произвела огромное впечатление на Достоевского: он «нашел в ней как бы новое откровение». Михайловский в одном месте утверждает, что Достоевский «вслед за тем предложил нам своего „Подростка"», т. е. после статьи, в связи с впечатлениями от нее. Именно таких «положительно безупречных» фигур, как губернатор в «Бесах», хотел бы он ввести в тот роман, который будет печататься в том самом журнале, где он нашел «новое откровение».

Стр. 64. *Социальное его положение—бывший помещик, проживающий выкупные...*— Это первая попытка определить социальную основу образа атеиста Версилова, чтобы объяснить его раздвоение, проявляющееся в способности к двум противоположным «деятельностям». Об этой социальной основе образа жизни дворян после крестьянской реформы 1861 г. сказано Достоевским подробно в связи с вопросом, *что* остается после этой реформы, в «смысле дворянском», от людей такого типа, как Стива Облонский (в романе Л. Толстого «Анна Каренина»): «Стива Облонский, эгоист, тонкий эпикуреец, житель Москвы и член Английского клуба. На этих людей обыкновенно смотрят как на невинных и милых жуиров, приятных эгоистов〈...〉 остроумных, живущих в свое удовольствие. У этих людей бывает часто и многочисленное семейство; с женой и детьми они ласковы, но мало об них думают. Очень любят легких женщин, разряда, конечно, приличного. Образованы они мало, но любят изящное, искусства, и любят вести разговор обо всем. С крестьянской реформы этот дворянин тотчас же понял, в чем дело: он сосчитал и сообразил, что у него все-таки еще что-нибудь да остается, а стало быть, меняться незачем и — après moi le déluge*. Об судьбе жены и детей он не заботится думать. Остатками состояния и связями он избавлен от судьбы червонного валета; но если б состояние его рушилось и нельзя бы было получать даром жалования, то, может быть, он и стал бы валетом, разумеется употребив все усилия ума, нередко очень острого, чтоб стать валетом как можно приличнейшим и великосветским» (т. XII, стр. 54). Версилов, его образ жизни, «изящно-эгоистическое» отношение к людям, дальше, вплоть до окончательного текста,— рисуется так, что на Стиву Облонского он похож лишь отдаленно. Он высоко поднят над «повседневностью» в сферу преимущественно духовных интересов нравственно-философского характера. Молодой князь Сережа Сокольский, лишенный острого ума, будет изредка поступать, как истый «червонный валет». В «Братьях Карамазовых» отец Федор Павлович Карамазов — уже законченный «червонный валет».

Стр. 64—69. Почти все записи на этих страницах касаются идеального учителя «Федора Федоровича», который должен во всех отношениях контрастировать «хищному типу». Чтобы теснее связать их сюжетно, выдвигается такая версия (см. ниже, стр. 65): «Может быть, эта жена Федора Федоровича и есть та чужая жена, где совершается праведный подвиг Его» 〈«хищного типа»?〉. И несколько дальше на стр. 65: «Федор Федорович женится не по страсти и не по любви, а по какому-то семейному условию». Это первый вариант сюжетной ситуации странника Макара Долгорукого, которому, как уже было указано, переданы в окончательном тексте и основные черты характера идеального учителя и его отношение к миру и к людям. В печатном тексте Макар женится на матери Подростка, Софье Андреевне, тоже не по страсти и не по любви, а по семейному условию, по предсмертному завещанию ее отца.

Стр. 65. *Федор Федорович отдал свое имение другому брату...*— В окончательном тексте этому соответствует эпизод, поставивший Версилова на «пьедестал»,— его отказ от выигранного им богатого наследства (имение в 70 тысяч рублей) в пользу молодого

* после меня хоть потоп *(франц.)*.

князя Сокольского. Он поступил так в силу того, что завещатель наследства оставил письмо, в котором «разъясняет волю свою в смысле, обратном вчерашнему решению суда» (т. 8, стр. 204). Письмо это, будучи предъявлено на суде,— по словам Крафта,— «не имело бы большого юридического значения, так что дело Версилова могло бы быть все-таки выиграно», кроме того, оно находилось в его руках, и оно могло бы быть уничтожено им.

Стр. 65. *Дети проклинают классицизм. Заговор против Каткова.*— «Заговор», разумеется, не столько в связи с его реакционными общественно-политическими взглядами, которые проводились в издававшейся им газете «Московские ведомости» и, частично, в журнале «Русский вестник», сколько в связи с активной его поддержкой гимназической реформы, проведенной (в 1871 г.) министром народного просвещения, крайним реакционером гр. Толстым, страстным сторонником классической системы образования. По новому уставу, утвержденному 30 июля 1871 г., только окончившие курс классической гимназии (с двумя древними языками: латинским и греческим) имели право поступать в университеты. Будучи наиболее прямолинейным и активным защитником этой реформы, Катков действовал не только как публицист; еще в 1868 г. им был основан в Москве Лицей в память цесаревича Николая (так называемый Катковский) с целью «содействовать утверждению основательного образования русского юношества», где программы по древним языкам были еще более обширны, чем в классических гимназиях. (Подробнее см. Г. Шмид. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878, а также С. В. Рождественский. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII и XIX вв. СПб., 1912).

Стр. 66. *Он—дурного рода ∞ может быть, стыдится того, что дурного рода, и страдает.*— В окончательной редакции мотив страдания от того, что «дурного рода», появляется на первых же страницах романа не в биографии представителя старшего поколения, Версилова, а в первом рассказе Подростка о годах своей юности (см. т. 8, стр. 8). «Страдание» это определило характер героя, породило в его душе стремление к уединению, «идею» — стать таким же «богатым, как Ротшильд», чтобы иметь право смотреть на всех «сверху вниз», и, что особенно подчеркнуто, породило крайнюю его обидчивость в кругу «гремящей молодежи» из аристократической среды. Вполне вероятно, что здесь в основе — лично пережитое писателем, главным образом, в годы юности, во время пребывания в Военно-инженерном училище (см. его «Письма», т. I, стр. 52—54, а также «Мемуары» П. П. Семенова Тянь-Шанского», т. 1, Пг., 1917, стр. 203). Об этом свидетельствуют воспоминания Подростка об отношении товарищей-школьников к новичку в первый день его поступления в школу. Многое почти дословно совпадает с тем, что рассказывает Григорович о порядках в Военно-инженерном училище, в котором он учился в одно время с Достоевским (см. Д. В. Григорович. «Литературные воспоминания». М., 1961, стр. 37—46).

Стр. 66. *Изрубил образа.*— В окончательном тексте Версилов разбивает образ, древнюю икону, почти уже в самом конце романа: «свирепо размахнувшись», он «изо всех сил ударил его об угол изразцовой печки. Образ раскололся ровно на два куска...» (т. 8, стр. 561). Символический смысл этого акта не столько в религиозном отречении Версилова, сколько в его раздвоении и, в частности, в аллегории принятого им решения порвать навсегда со своим «последним ангелом», с Соней.

Стр. 69. *Белинский был один, когда задумал свой поворот после статьи своей «Бородинской годовщины»...* — После «Бесов» и «Дневника писателя» в «Гражданине» 1873 г. это первый сочувственный отзыв Достоевского о Белинском.

Стр. 70. *Он о святом Феодосии.*— Речь идет об игумене Киево-Печерского монастыря (ни мирское его имя, ни год рождения неизвестны; скончался 3 мая 1074 г.). О его высоких духовных подвигах создавались легенды. В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский говорит о нем как об источнике исторических идеалов народа: сильные и святые, «они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностию и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении» (т. XI, стр. 184).

Стр. 70. *Они говорят о процессе ∞ деньги детей.*—Это, очевидно, еще один вариант эпизода (см. комментарий выше) с процессом о наследстве, о чем в окончательном тексте рассказывается дважды (см. т. 8, стр. 71—73 и на стр. 203—207). В настоящей начальной стадии работы над романом Он, будущий Версилов, как будто боится проиграть наследство.

Стр. 70. *Приготовляется дело с пощечиной.*— В окончательном тексте «дело с пощечиной» и «дело о наследстве» связаны так, что Версилов посылает вызов молодому Сокольскому из-за полученной от него пощечины, после того, как отказался от выигранного им наследства (т. 8, стр. 210).

Стр. 70. *Я не могу с этим не согласиться...*—и дальше до записи, датированной *«6 июля»*.— Мысли, сформулированные здесь, представляют собою основу этико-философских воззрений Достоевского, нашедших наиболее полное свое выражение в высказываниях Ивана Карамазова (пятая книга «Братьев Карамазовых» — «Pro и contra»). В данном случае эти мысли должны были принадлежать старшему из братьев, будущему Версилову; в окончательном же тексте они являются главным аргументом Подростка в споре с дергачевцами (см. т. 8, стр. 62—63).

Стр. 71. *Разговор ее с братом генералом...*— В окончательном тексте это, очевидно, старый князь Сокольский, к нему и относится следующая запись: «Прежде он был человек умный и даже полезный». В печатном тексте об этом сказано так: «Говорили, что прежде он давал какие-то где-то советы и однажды как-то слишком уж отличился в одном возложенном на него поручении» (т. 8, стр. 27). К нему же, к старому князю, нужно отнести и следующие записи, шутки о мощах, в связи с религиозными исканиями Версилова: «Он хочет сделать себя святым, чтобы его мощи явились; ‹...›Светский человек, ходил в нашем платье, ну и все, и вдруг его мощи...» «Он держал себя так, как будто святой и его мощи явятся» (см. т. 8, стр. 42).

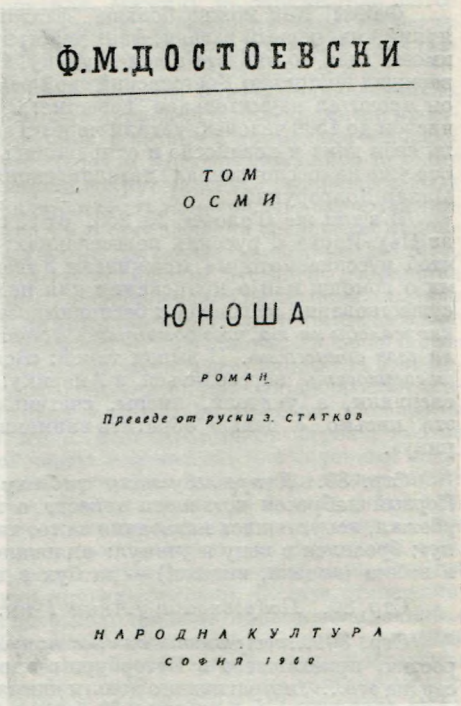
Стр. 72. *Он говорит жене: Я тебя замучаю...*— В окончательном тексте весь этот абзац почти дословно воспроизводится (см. т. 8, стр. 232). Как здесь, в черновиках, этот абзац и в печати сюжетно совершенно не связан с своим контекстом: «Друг мой,— сказал он вдруг грустно,— я часто говорил Софье Андреевне...» и т. д. Деталь, которая, очевидно, нужна автору лишь для характеристики внутренней противоречивости героя, но не для показа ее в действии.

Стр. 72—73. *Хоть бы я был слабохарактерная ничтожность ∞ Мое имя срамник, и больше ничего.*— Вся эта длинная тирада тоже почти целиком и дословно повторяется в печатном тексте, с пропуском, однако, некоторых фраз, немыслимых в устах такого человека, сложного и гордого, как Версилов, как бы он ни был откровенен в исповеди своей перед сыном.

Стр. 73. *Я было порадовался тому, что у нас лет уже 15, как все интеллигентное... бросилось в реализм...* — Имеется в виду появление знаменитой статьи Чернышевского: «Антропологический принцип в философии» («Современник», 1860, № 4 и 5).

В статье «Идеализм, реализм и идолопоклонство» Н. К. Михайловский подробно рассказывает о том, как поколение начала 60-х годов, «реалисты», стало бороться с «возвышающим обманом» во всех областях общественной и личной жизни, как оно стало проповедовать «низкие истины» и дошло до того, что «человек есть эгоист, каждый его шаг, даже, по-видимому, самый великодушный и самоотверженный, направлен целиком к пользам и наслаждениям его самого; жертва есть фикция, нечто в действительности не существующее — сапоги в смятку». Так сложился у поколения 60-х годов,—говорит Михайловский,— целый кодекс реализма: «Нравственно все то, что естественно; человек есть раб обстоятельств; наука должна служить исключительно практическим целям; ‹...› человек есть животное...» «Кодекс слагался трудно, потому что отдельны е его параграфы противоречили нашим собственным чувствам и стремлениям. ‹...› Мы вынесли много ломки, страданий и внутренней борьбы из-за этого разлада наших скрытых идеалов с нашим открытым реализмом». В пример-то и приводится главный искатель «низких истин», Писарев, который, «сидя в крепости за политическую неблагонадежность, весьма пространно и азартно доказывал, что „мыслящий реалист" должен сидеть за естественными науками, делать свое дело и не мешаться в чужие, что ему должно быть все равно, как живут другие, и т. д. Конечно, не идеал свой рисовал Писарев, а идола, который казался ему превосходным, как якобы логический вывод из основных положений реализма, но которого он на деле отнюдь не брал себе в образец» (Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. 4. СПб., 1909, стр. 39—40, 65). Но,— говорит Михайловский,— в практике, реальной действительности очень характерны для эпохи 60-х годов люди действительно «трезвые», которые пришли «и подобрали наши краткие и ясные формулы и пустили их в оборот... ‹...› Плюем на всякий идеализм,— сказали они,— держимся строгих предписаний науки и реальной философии. Мы — реалисты. а так как с точки зрения реализма нравственно то, что естественно, то мы, повинуясь естественной борьбе за существование, признаем нравственным давить слабых инеприспособленных. Мы — реалисты, а так как с точки зрения реализма жертва есть сапоги в смятку, то мы живем единственно ради своей собственной утробы ‹...› Мы — реалисты, а так как с точки зрения реализма наука должна служить практике и сама по себе цены не имеет, то мы пускаем ее в ход для обделывания своих практических делишек» и т. д. и т. д. «Словом, пришлые люди, подобрав наши краткие и ясные формулы ‹...› навесили на них всевозможные грязные поползновения, всяческую низость, всякое совсем не подходящее нравственное тряпье, подобранное ими на заднем дворе практической жизни» (т. 4, стр. 40—41). Так пишет Михайловский, один из наиболее авторитетных представителей молодого поколения 70-х годов, о том, как были использованы «людьми практики» «реалистические» лозунги эпохи. Для тех, кто изучает Достоевского, это свидетельство Михайловского представляет особый интерес. Лужин в «Преступлении и наказании» — не исключение и отнюдь не пасквиль на теоретические воззрения Чернышевского или Писарева. Лужин — именно тип, обобще-

ОБЛОЖКА БОЛГАРСКОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК»
(София, 1960)



ние этих пришлых людей, которые из «кратких и ясных формул» делали удобные им выводы в оправдание своих подлостей.

Стр. 73. ... *я даже враг всякой... учебной реформе...*— Имеется в виду, очевидно, новый устав, проведенный 30 июля 1871 г. министром Д. А. Толстым (см. выше комментарий к стр. 65).

Стр. 73. *Обоих замешать в одну и ту же интригу* (*с княгиней*). *М*‹*олодой*› *челов*‹*ек*› *парализирует его злодеяния. Он некоторое время сходится с Ламбертом.*—В окончательном тексте оба, Версилов и Подросток, страстно влюблены в Катерину Николаевну Ахмакову, и мотив этот звучит почти с первых же глав романа.

Стр. 77. ...*бежать в Америку*...; и в другом месте (стр. 91): *на проекты их* (*Америка, подметные грамоты*) *смотрит свысока*...— В романе, в окончательном тексте, эта тема «бежать в Америку» осталась неиспользованной: у Подростка мелькнула только на одно мгновение мысль об Америке после того, как в игорном доме его обвинили в воровстве. В предыдущем романе, в «Бесах» (т. 7, стр. 147—149), где тема эта понадобилась как одна из причин разочарования Кириллова и Шатова в наиболее передовой форме буржуазной цивилизации, была использована книга П. И. Огородникова, под заглавием «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию», вначале печатавшаяся отдельными статьями в № 4, 5, 6, 9, 11 и 12 «Зари» за 1870 г.

В «Подростке» у молодежи, стремящейся в Америку, этих «идейных» соображений уже нет.

Идеологическая концепция Достоевского ясна: есть только две формы общечеловеческой культуры — европейская и русская, по его убеждению — самая свободная, еще собирающаяся сказать свое слово, в котором должны объединиться все частные идеи, которые развивались западными народами. Макар Долгорукий, странник из народа, и есть символическая фигура для этого будущего «слова»; он один из лучших, избранных людей, истинный «князь», в романе он гордится своей фамилией, в то время как Аркадий, еще неустановившийся, вращающийся среди аристократов, «главенствующих» не по идее, а по «привилегии», ненавидит свою «княжескую» фамилию. К нему, к Макару, должны восходить и русские «частные» идеи, идеи долгушинцев, «коммунизм» в русском понимании. В «Бесах» основная группа революционеров, «коноводы», привезли свои идеи из Европы или из Америки, и все они, за исключением неуловимого Петра Верховенского, гибнут. Здесь же гибнет только Крафт, который (что опять характерно) в Россию не верит.

Факты! Как можно больше фактов! «Проследите иной, даже вовсе и не такой яркий, на первый взгляд, факт действительной жизни,— и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира» (т. XI, стр. 423). Так утверждал постоянно Достоевский свой реализм. В «Голосе», № 211, от 1 августа 1874 г., он прочитал изумительное известие: 315 семей, которые составляли целую общину, числом до 1500 человек, уехали через Гамбург в Америку. «Все эти переселенцы продали свои дома и хозяйство и отправились в другую часть света искать лучшей жизни». Это уже не «беспочвенная интеллигенция», а крестьянство, такие же странники, как Макар Долгорукий.

И в том же «Голосе», № 253, от 13 сентября 1874 г., письмо русского священника из Нью-Йорка о русских переселенцах: «Не проходит почти одной недели без того, чтоб русские, которые проживают в здешней стране, не обращались ко мне с просьбами о помощи или о приискании для них какого-нибудь занятия, чтоб обеспечить их существование от голода и бесприютности; при этом они постоянно высказывают *горькие жалобы на то, что обманулись в своих надеждах, и сердечное сожаление, что оставили свое отечество*». И вывод такой: «Всякому вообще русскому я могу *лишь только отсоветовать* переселяться в Америку!» Еще могут найти в Америке работу ремесленники, а учителя, писцы, счетчики и т. п. ничего не найдут. «Голос» печатает это письмо с целью обратить внимание «всех намеревающихся переселиться в Америку».

Стр. 80. *К преследуемому ребенку нежность. Убежал. Мальчик с птичкой.*— Первый набросок вставного эпизода о купце Скотобойникове, от которого мальчик убежал, испугавшись наказания за то, что случайно «разбил дорогую фарфоровую лампу»; бросился в воду и утонул: «прижал себе к обеим грудкам по кулачку, посмотрел в небеса (видели, видели!) — да бух в воду!» (т. 8, стр. 434—435).

Стр. 80. *Подробности у Анны Г-ны.*— У жены Достоевского Анны Григорьевны.

Стр. 80. *...истратить для нее несколько денег.*— Случайный эпизод в жизни Подростка, приехавшего в Петербург с идеей «стать Ротшильдом» и по «великодушию сердца его...», истратившего деньги для «злобной, сухой, брезгливой и требовательной» тетки.

Стр. 84. *Разговор о баронe-горбуне...*—Имеется в виду, очевидно, анекдот о том, как незадолго до французской революции явился в Париж некто Лоу с «гениальным» финансовым проектом, и акции его покупались нарасхват, до давки. Публика — «всех званий, состояний, возрастов; буржуа, дворяне, дети их, графини, маркизы, публичные женщины ⟨...⟩ всем жертвовали, ⟨...⟩ чтобы добыть несколько акций. ⟨...⟩ Негде было писать. Тут одному горбуну предложили уступить на время свой горб в виде стола для подписки на нем акций. Горбун согласился — можно представить за какую цену! Некоторое время спустя ⟨...⟩ все обанкрутились, все лопнуло, ⟨...⟩ акции потеряли всякую цену. Кто ж выиграл? Один горбун, именно потому, что брал не акции, а наличные луидоры» (т. 8, стр. 93—94 и стр. 648).

Стр. 84. *Разговор о ... острове на Балтийском море.*— Запись связана, по всей вероятности, с какой-то мечтой Подростка, еще в очень юные его годы, когда фантазия рисовала ему необыкновенное будущее, быть может, отдаленно восходящее к эпизоду в «Дон-Кихоте» с островом, который мечтал получить в управление Санчо Панса. См. ниже и другие записи.

Стр. 87. *Теперь безлесят Россию ∞ старинное дворянство — помещики...*— Тема дворянства, его исторической роли и дальнейшей судьбы после того, как «в России все переворотилось», была в середине 70-х годов поставлена одновременно Толстым и Достоевским, по всем данным, как отклик на царский рескрипт от 25 декабря 1873 г., обращенный к дворянству с призывом «стать на страже народной школы». Рескрипт был опубликован во всех газетах, и сразу же началось его толкование в передовых статьях и фельетонах. В «Анне Карениной» вопрос о дворянстве волнует Константина Левина, который высказывает об идее аристократизма весьма ретроградные мысли. Стива Облонский продает купцу Рябинину лес на сруб и легкомысленно уступает ему 30 000 руб. Левин возмущен, с мошенником Рябининым обращается очень грубо. И дальше такой разговор: Облонский спрашивает Левина, отчего он не подал руки купцу Рябинину, и получает в ответ: «Оттого, что я лакею не подам руки, а лакей во сто раз лучше».— «Какой ты, однако, ретроград! А слияние сословий?» — сказал Облонский. «Кому приятно сливаться — на здоровье, а мне противно». И дальше выясняется, что у Левина «зуб против этого Рябинина». «Мне досадно и обидно видеть это, со всех сторон совершающееся, обеднение дворянства». «Теперь мужики около нас скупают земли,— мне не обидно. Барин ничего не делает, мужик работает и вытесняет праздного человека. Так должно быть. И я очень рад мужику». Но обеднение происходит потому, что скупают землю и разоряют дворян купцы и кулаки,— вот это-то и обидно Левину.

Барин, землевладелец, рад мужику, который работает и вытесняет праздного человека, однако он и с ним не сливается. Левин считает аристократами только себя и людей, ему подобных, которые в прошедшем могут указать на три-четыре честных поколения

семей, находившихся на высшей ступени образования. Мужику же образование вовсе не нужно, а с точки зрения барина — даже и вредно: «грамотный как работник гораздо хуже. И дорог починить нельзя, а мосты как поставят, так и украдут» (Л. Н. Толстой, т. 18, стр. 179—180, 259).

В «Подростке» вопрос о дворянстве и его роли ставится иначе: принадлежность к дворянству определяется не «прошедшим», не «тремя-четырьмя поколениями», в прошлом «находившимися на высшей ступени образования», а делами и помыслами человека в настоящем, независимо от его происхождения. Причем Достоевский прямо исходит из этого злободневного факта оживленной полемики вокруг царского рескрипта о роли дворянства в народной школе. Наиболее реакционная часть помещичьего класса усмотрела в этом «новом призвании дворянства к заботам о просвещении сословную привилегию». Московским дворянством составлен был адрес («Московские ведомости», 1874, январь, № 9), в котором было указано, что этим «призывом русского дворянства к участию в великом деле народного образования(...) одновременно полагается и начало обновлению самого учреждения о дворянстве», иными словами, это только первый шаг к восстановлению прежних дворянских прав. Рескрипт прямо ставился в связь с грамотой Екатерины II о вольности дворян. «Московские ведомости», напечатав этот адрес, так именно и истолковывали смысл царского рескрипта. Либеральничающий «Голос» возражал трусливо и туманно, пока не появился на помощь «Вестник Европы» со статьей в февральской книжке за 1874 г. «Вестник Европы» резко выступает против адреса московского дворянства и против «Московских ведомостей» — с основным положением, что дело здесь не в сословной привилегии: рескрипт обращается к дворянству лишь как к более культурной части общества. Доказывается это прежде всего тем, что самый-то класс дворянский у нас очень нестоек, поскольку уже издавна двери в него раскрыты для всех сословий. А с падением крепостного права уничтожен и последний политический оплот его. Кроме того, роль старых родов в землевладении все более и более слабеет, земля переходит в руки других сословий. В этом отношении, если и можно говорить о какой-то дворянской идее, то только как о силе нравственной, о силе духовной, но отнюдь не политической. Дворянские вожделения в связи с царским рескриптом, высказанные столь обнаженно в дворянском адресе и в «Московских ведомостях», показались настолько нетактичными, что даже такие консервативные органы печати, как «Русский мир» (1874, № 112 от 27 апреля) и «Гражданин» (1874, № XII), склонялись, скорее, к точке зрения «Вестника Европы» — внешне, во всяком случае.

Здесь разговор на эту тему ведется прежде всего, по всей вероятности, у Версилова с Крафтом, с явной ссылкой на газетную и журнальную полемику по поводу рескрипта. И здесь тот же голос возмущения, как и у Константина Левина по поводу продажи леса Рябинину.

В окончательном тексте эта же тема поставлена несколько абстрактно, факты злободневной действительности, очевидно, намеренно затушеваны. «Эта идея,— замечает Подросток,— очень волновала иногда князя». Устами Версилова утверждается, что «слово честь значит долг», что «исповедание чести» всегда имеется у главенствующего сословия и это «всегда почти служит связью и крепит землю». Но когда господствует одно сословие, то теряют все другие, не принадлежащие к этому сословию. «Чтоб не терпели — сравниваются в правах. (...) Наше дворянство и теперь, потеряв права, могло бы оставаться высшим сословием, в виде хранителя чести, света, науки и высшей идеи и, что главное, не замыкаясь уже в отдельную касту, что было бы смертью идеи. Напротив, ворота в сословие отворены у нас уже слишком издавна; теперь же пришло время их отворить окончательно. Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты».

Молодой князь Сокольский в высшей степени недоволен этой идеей: ему она кажется чем-то в виде масонской ложи, полным отрицанием дворянства как класса. На что Версилов отвечает: «Ну, если уж очень того хотите, то дворянство у нас, может быть, никогда и не существовало» (т. 8, стр. 241—243), очевидно, в том смысле, что никогда оно не было собранием действительно «лучших людей». Мысль «Вестника Европы» выражена здесь гораздо резче, радикальнее. Версиловское дворянство напоминает скорее власть интеллигенции в системе Сен-Симона. Никаких привилегий, никакого «обновления самого учреждения о дворянстве». Речь идет только о силе нравственной, о силе духовной, об аристократизме ума и высших душевных качеств.

Стр. 87. *«Ну, а ваша идея об России и отчаяние за ее второстепенность»*. — Это первая запись, восходящая к историко-философским взглядам Чаадаева, которым Достоевский в период «Подростка» особенно интересовался не только как автором «Философических писем», но и как личностью. Еще в 60-х годах печатались в «Русском вестнике» воспоминания о Чаадаеве М. Н. Лонгинова («Русский вестник», 1862, ноябрь). В 1871 г., в 7-й и 9-й книжках «Вестника Европы» была опубликована М. И. Жихаревым его биография и там же (в 1871 и 1872 гг.) несколько чаадаевских рукописей. В это время уделяется большое внимание Чаадаеву и А. Н. Пыпиным в книге «Характеристики

литературных мнений» (статьи в «Вестнике Европы» 1871—1873 гг.). В эти же годы появляется много сведений о Чаадаеве и в «Русском архиве» («Русский архив», 1868, № VI, VIII; 1872, № VI.— Письма Н. И. Тургенева к П. А. Вяземскому и П. Я. Чаадаеву). Все это Достоевский читал; то, что печаталось в «Вестнике Европы» в 70-е годы, ему, безусловно, было известно. Его всю жизнь интересовал Чаадаев как замечательная личность, как тип, но прежде всего как мыслитель; это та же сфера вопросов, в которой пребывал и Герцен, и Белинский, и славянофилы, и он сам, Достоевский. Славянофилами взят у Чаадаева самый принцип философии истории: объяснять весь ход развития человечества с точки зрения воплощаемых в нем идей христианства, хотя, с точки зрения славянофилов, только православная церковь сохраняла в чистоте и неприкосновенности идею христианства и только русский народ осуществлял в своей истории эту идею в прошлом и осуществит ее в будущем в общечеловеческих размерах. Но к Чаадаеву более позднему, эпохи 40-х годов, восходит и основа мировоззрения Герцена, эта главная мысль его о том, что у русского народа есть два великих преимущества перед западными: незасоренность психики («русский человек — самый свободный человек в мире») и возможность сразу использовать все культурное богатство, накопленное Западом. Чаадаев первый увидел в этом залог исключительного призвания русского народа, залог того, что этот народ служит хранителем особенного всемирно-исторического начала. Герцен снял с этих мыслей их религиозный покров, перевел на язык социологии и психологии: чаадаевскую «чистоту христианской идеи» («православие») заменил бессознательным социализмом (общиной) и широкостью размаха русской души. И Достоевский, конечно, знал об этой преемственности. Он был в Париже в 1862 г., когда там вышло собрание сочинений Чаадаева вместе с его «Апологией сумасшедшего», в которой эта историческая концепция о всемирном значении русского народа была высказана вполне ясно. И тогда же виделся с Герценом (см. статью Долинина «Достоевский и Герцен» в кн. «Последние романы Достоевского». Л., «Сов. писатель», 1964). Был Достоевский за границей и в 1863 г., а в 1867—1871 годы жил там безвыездно. Не подлежит поэтому никакому сомнению, что он, безусловно, знал «Былое и думы» и «Развитие революционных идей в России» Герцена, где дан такой прекрасный образ Чаадаева. Об этой преемственности между идеями Чаадаева и Герцена напомнил, наконец, Достоевскому и Страхов в своей книге «Борьба с Западом в нашей литературе», с мыслями которой Достоевский был совершенно согласен. Страхов утверждает, что Герцен в статье «Еще из записок молодого человека» в лице Трензинского изобразил Чаадаева, «к которому автор относится с величайшим сочувствием», и что Чаадаев вообще имел большое влияние на образ мыслей Герцена (Н. Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе, кн. 1. СПб., 1887, стр. 4).

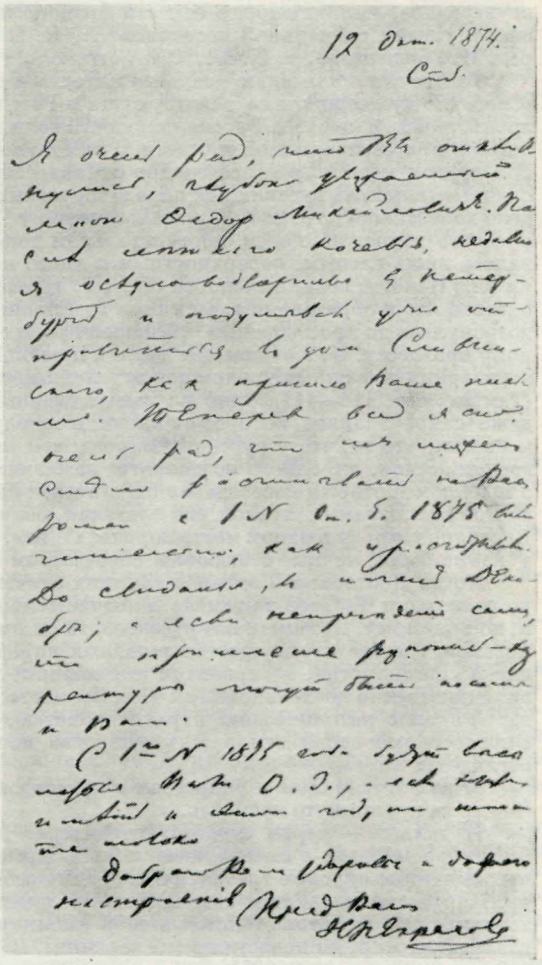
Герцен, Белинский, Грановский и рядом с ними почти всегда Чаадаев — так сочетаются они все вместе у Достоевского как люди одной эпохи и, в основе, в целом ряде пунктов одних и тех же воззрений. О Чаадаеве, как и о Белинском, еще в 1863 г. в «Зимних заметках о летних впечатлениях», написанных под особенным влиянием Герцена: «В жизнь мою я не встречал более страстно-русского человека, каким был Белинский, хотя до него только разве один Чаадаев так смело, а подчас и слепо, как он, негодовал на многое наше родное и, по-видимому, презирал все русское» (т. 4, стр. 67). В том же сочетании упоминается Чаадаев и в «Бесах»: «Его имя ‹Степана Трофимовича Верховенского.—*А. Д.*› многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» (т. 7, стр. 8). В 1870 г. образ Чаадаева замелькал перед Достоевским и в художественном плане, как личность, как определенный тип, в связи с замыслом поэмы о «Житии великого грешника». Так, пишет он Майкову 25 марта 1870 г. («Письма», т. II, стр. 264): «13-летний мальчик ‹...› будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями и для обучения ‹...› Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? Предположите, что Чаадаев, после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю, не утерпел и напечатал, например, за границей, на французском языке, брошюру,— очень и могло бы быть что за это его на год отправили бы посидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать в гости и другие, Белинский, наприм‹ер› Грановский, Пушкин даже». Подробность, что Чаадаева «свидетельствовали доктора каждую неделю», Достоевский мог, по всей вероятности, узнать еще в 40-х годах в кружке Белинского или у Герцена, из его «Развития революционных идей в России», из «Былого и дум» (биография Чаадаева, написанная Жихаревым, была опубликована позже — в 1871 г.). Но, как было уже указано, «Житие» генетически связано с замыслом романа об атеисте, идеи которого частью переданы Версилову. И к «Житию», к главному его герою, как мы знаем, восходит и образ Подростка. Так тяготеют они все к какой-то общей сфере мыслей и чувств, составляют единую систему образов.

В письме к Майкову, где говорится о начальном замысле «Жития» в самом его зародыше, Чаадаев и главный герой будущего романа, мальчик, который вскоре станет подростком, соединены лишь во времени и пространстве. Однако роль, очевидно, предназначалась Чаадаеву довольно сложная... Так, Белинский, Грановский и «Пушкин даже» могут встретиться с 13-летним мальчиком в монастыре лишь случайно, как

ПИСЬМО Н. А. НЕКРАСОВА К ДОСТОЕВСКОМУ ОТ 12 ОКТЯБРЯ 1874 г.

Ответ на согласие Достоевского печатать роман в «Отечественных записках»

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва



12 Окт. 1874.
Спб.

Я очень рад, что Вы отказались
печатать, вследствие
меня Федор Михайлович. На
сих сторонах Кавказа, недавно
я остановившись в Петер-
бурге и подумывал уже от-
правиться в дом Салтыко-
ва, как пришло Ваше пись-
мо. Поверьте всей душой
очень рад, что не нужно
будет высылать Вам
роман с 1-го Окт. б. 1875 бы
тяжелого, как угрызенье
До свиданья, в начале Ок-
бря, и если непременно
то присылайте рукопись-ку
рантуру могут быть высла
к Вам.
С 1-го N 1875 год будет выхо
ить Вест. О. З., - ск
и этой в Вашем год, не нача
тие новое
Добрый Вам здоровья и дорого
неустрашимой
Ваш
Н. Некрасов

гости Чаадаева; он же, Чаадаев, должен пребывать там долго, в течение целого года, и автор уже заранее предвидит, что в ходе романа придется резко его деформировать, отступить от исторического его лица. «Ведь у меня же,— читаем мы в письме к Майкову,— не Чаадаев, я только в роман беру этот тип»

«Житие» осталось замыслом неосуществленным. В «Бесах» Чаадаев упомянут лишь мимоходом. Черты его ожили именно в «Подростке» после того, как Жихарев опубликовал его биографию, где Чаадаев впервые был снят с того высокого пьедестала, на который Герцен везде его ставит. У Герцена Чаадаев-мыслитель почти всегда подавляет Чаадаева-человека. Если Герцен и говорит о некоторых личных чертах его характера, не совсем приятных, то они, черты эти, сейчас же прикрываются блеском его остроумия. Жихарев же как бы намеренно, точно в противовес Герцену, его снижает. Тяжеловесный рассказ Жихарева — в своей бесталанности — очень искренен и правдив. Он благоговеет перед Чаадаевым, но не хочет его щадить, говорит о нем подчас вещи очень суровые.

Идеи Чаадаева нашли своеобразное отражение в черновых записях к «Подростку», начиная с сочувствия Крафту, решающемуся на самоубийство из-за того, что у него «такая Россия в голове»: «Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный 〈...〉, которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества» (т. 8, стр. 57). Так говорит о России Чаадаев в своем первом «Философическом письме»: «Мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого 〈...〉 Мы растем, но не созреваем; движемся вперед, но по кривой линии, т. е. по такой, которая не ведет к цели. 〈...〉 Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества 〈...〉 В нашем взгляде есть какая-то странная неопределенность, что-то холодное и

неуверенное, напоминающее отчасти физиономию тех народов, которые стоят на низших ступенях социальной лестницы» (П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма. Под ред. М. Гершензона, т. II. М., 1914, стр. 109, 113, 115).

Тот же отклик мыслям Чаадаева находим в словах Версилова (тоже в черновиках): «Свободно думающих или действующих в России я ⟨...⟩ не допускаю: все лакеи, слышишь, лакеи, а не рабы. Русская смелость если и проявится где, то это лишь наглость легкая, при беспрерывной трусости за самого себя: как ступить, что сделать» (стр. 209). И в другом месте еще яснее заодно с Чаадаевым: «*Он* ⟨Версилов⟩ прямо считает, что самостоятельность русских как народа и русских как личностей—невозможна и что это дело доказанное» (стр. 263). Доказано именно у Чаадаева, когда он говорит, что участие русского народа «в общем поступательном движении человеческого разума ограничивалось лишь слепым, поверхностным и часто неискусным подражанием другим нациям ⟨...⟩ Некогда великий человек ⟨Петр I⟩ захотел просветить нас, и для того, чтобы приохотить нас к образованию, он кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но не дотронулись до просвещения». «В нашей крови есть нечто враждебное всякому истинному прогрессу. И, в общем, мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять». (Там же, стр. 114—117). Одно из самых главных положений Чаадаева, может быть, даже самое главное, которое он кладет в основу своего пессимистического отношения к России, это то, что у русского народа «вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его пред вами живо и картинно. Мы живем одним настоящим, в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего...» Об этом же Версилов говорит в одном месте короче: «У нас, у русских, нет честных воспоминаний, а какие были, те мы с любовью обесчестили и отвергли» (стр. 209).

Когда Достоевский писал в «Зимних заметках о летних впечатлениях», что «только разве один Чаадаев так смело, а подчас и слепо ⟨...⟩ негодовал на многое наше родное и, по-видимому, презирал все русское», то он имел в виду его первое «Философическое письмо», где все преимущества западных народов перед русским объясняются только идеей христианства, воспринятой ими в форме именно католической деятельной церкви, единственно деятельной. Так в одном месте Достоевский и характеризует Версилова: «Рядом с католическою ограниченностью, деспотизмом и нетерпимостью, рядом с презрением к своей земле есть упорство, почти энтузиазм в преследовании идеи, во взгляде на мир».

Этим энтузиазмом и упорством в преследовании идеи, во взгляде на мир письмо Чаадаева проникнуто насквозь.

И дальше — черты личного характера. Про Версилова сказано в черновиках 6 октября: «Рядом с высочайшею и дьявольскою гордостью (нет мне судьи) есть и чрезвычайные суровые требования к самому себе, с тем только, что никому не даю отчету. Наружная выработка весьма изящна: видимое простодушие, ласковость, видимая терпимость, отсутствие чисто личной амбиции. А между тем все это из надменного взгляда на мир, из непостижимой вершины, на которую Он сам самовластно поставил себя над миром» (стр. 205).

Это почти точно совпадает с портретом Чаадаева по Жихареву. Чаадаев на людях и с людьми, как и у себя в кабинете, горд, тонко умен и глубоко проницателен. Презирая людей, он в то же время, если захочет, умеет быть ласковым; любовь и обожание он принимает как должное, особенно со стороны женщин, но взаимностью никому не отвечает. Чаадаев «чудовищно эгоистичен», иногда позволяет себе поступки, настолько сомнительные, что заставляет подозревать его даже в неискренности проповедуемых им идей. И все же, несмотря на все эти недостатки, Чаадаев обаятелен; от него исходит какая-то покоряющая сила как от носителя высокой мысли; его принимают таким, как он есть, ему ничего не ставится в укор.

Про Версилова в одной из черновых записей сказано: «Подросток мучается от Его замкнутости, гордости, загадочности и *бесчеловечности*, нелюбовности к людям»... «эгоист и гордец, который никого не любит» (стр. 238). С этой чертой крайнего эгоизма проходит Версилов по всему роману.

Подчеркивается в романе несколько раз, что Версилов прожил в свою жизнь три состояния, и весьма даже крупных. Но он продолжает жить со множеством прежних довольно дорогих привычек; брюзжит ужасно, и все приемы его совершенно деспотические. Мать, сестра, тетка и все семейство Андроникова, состоявшее из бесчисленных женщин, «благоговели перед ним, как перед фетишем». Тетка здесь особенно выделяется. О ней говорится, что она всегда откуда-то появлялась, когда ему только нужно было. Смотрела за его имением. Когда он, прожив три наследства, оказался без копейки, она потратила на него половину из последних своих пяти тысяч. Словом, она служила ему, как раба, преклонялась перед ним, как перед папой. И дальше — его внешний портрет. Обаяние его вообще неотразимое. Он чрезвычайно красив. Подросток особенно подчеркивает изящные его манеры, его исключительное умение одеваться. Его оригинальный проницательный ум, хотя и едкий, делал его украшением известного круга московского высшего общества, в котором он с влиятельными людьми «особенно умел во всю жизнь поддерживать связи».

Все это почти детально совпадает с тем, что говорится о Чаадаеве в его биографии. Жихарев с эгоизма и начинает: «Украшая собою известный круг знакомства, он, в то же время, делался в нем довольно тяжелым, давая волю своему эгоизму до несносности». Через страницу: «Этот эгоизм ⟨...⟩ к концу его жизни получил беспощадный хищный характер, сделал все без исключения близкие, короткие с ним отношения тяжелыми до нестерпимости и был для него самого источником многих зол и тайных, но несказанных нравственных мучений». Биографу это «жестокое немилосердное себялюбие» кажется врожденным, но оно «особенно тщательно было в нем возделано, взлелеяно и вскормлено сначала угодливым баловством тетки, а потом и баловством всеобщим». Дальше, в другом месте сказано, что перед ним благоговели: тетка заботилась во всю жизнь о его благосостоянии, поддерживала его, когда он растрачивал свои богатые наследства и впадал почти в нужду.

Чаадаев начал свою молодость как один «из наиболее светских, а может быть, и самых блистательных из молодых людей в Москве»; он был очень красив, своенравен и горд. Когда он кончил университет и поступил в гвардейский полк (кстати, Версилов тоже по окончании университета поступил в тот же полк), сослуживцы по гвардейскому корпусу его прозвали le beau Tchaadaef. Его охотно принимали в самом высшем свете, где он пользовался глубоким и безусловным уважением, как человек замечательно образованный, чрезвычайно находчивый в разговоре и гениально-умный. Рассказывается у Жихарева подробно и об его изящных манерах и об его одежде.

И еще несколько совпадений. Крафт рассказывает Подростку историю Версилова с Лидией Ахмаковой. Это была «болезненная девушка, лет семнадцати, страдавшая расстройством груди и, говорят, чрезвычайной красоты, а вместе с тем и фантастичности». Версилов проповедовал тогда «какую-то новую жизнь, был в религиозном настроении высшего смысла». Болезненная девушка «влюбилась в Версилова, или чем-то в нем поразилась, или воспламенилась его речью». Версилов говорит о ней, что это была не женщина, с глубоким страданием и нежностью называет ее несчастной.

Этот эпизод с Лидией Ахмаковой, в романе, в сущности, совершенно лишний, находит себе полную аналогию в биографии Чаадаева. Жихарев так об этом рассказывает: когда Чаадаев вернулся из-за границы, одержимый уже своей религиозной идеей, в него влюбилась молодая девушка из одного соседнего семейства. «Болезненная и слабая, она ⟨...⟩ нисколько не думала скрывать своего чувства, откровенно и безотчетно отдалась этому чувству вполне, и им была сведена в могилу ⟨...⟩ Не знаю, как он отвечал на эту привязанность ⟨...⟩ но перед концом он вспомнил про нее, как про самое драгоценное свое достояние, и пожелал быть похороненным возле того нежного существа, для которого был всем».

Жихарев говорит: о том, как Чаадаев был избалован женщинами, можно было бы исписать несколько страниц. На женщин особенно действовала его речь, внешне холодная, за которой, по выражению Герцена, ощущалась «страсть под ледяной корой». И к ним, к женщинам, он, очевидно, охотнее всего обращался. Из его писем, опубликованных в том же «Вестнике Европы», Достоевский мог узнать, что первое его «Философическое письмо» с проповедью религиозных воззрений действительно было адресовано женщине, по фамилии Панова, отношения с ней Чаадаева Лонгинов называет «близкой приязнью»: «Они встретились нечаянно. Чаадаев увидел существо, томившееся пустотой окружавшей среды, бессознательно понимавшее, что жизнь его чем-то извращена, инстинктивно искавшее выхода из заколдованного круга душившей его среды». Злые языки могли бы и Чаадаева назвать «бабьим пророком», как называют в «Подростке» Версилова.

В окончательном тексте Версилов, его роль проповедника рисуется намеренно пародийно в легкомысленных словах старого князя Сокольского: «Веришь ли, он тогда пристал ко всем нам, как лист: что, дескать, едим, об чем мыслим? ⟨...⟩ Пугал и очищал: „Если ты религиозен, то как же ты не идешь в монахи?“ Почти это и требовал ⟨...⟩ Это все после трех лет его за границей с ним произошло. И, признаюсь, меня очень потряс... и всех потрясал... ⟨...⟩ Он там в католичество перешел ⟨...⟩ Он вериги носил» (т. 8, стр. 41—43).

В черновиках эта роль проповедника представлена в плане очень серьезном. Катерина Николаевна Ахмакова рисуется там, вначале, как и Панова, женщиной, тоже «томившейся пустотой окружавшей среды, бессознательно понимавшей, что жизнь ее извращена, инстинктивно искавшей выхода». И Версилов, только что обретший «новую истину» (перешел в католичество, стал носить вериги), тоже, как и Чаадаев, был увлечен «непреодолимым желанием подать ей руку помощи, объяснить ей, чего именно ей недоставало, к чему она стремилась невольно, не определяя себе точно цели». По одной черновой записи, проповедь его настолько на ее подействовала, что она решила уйти в монастырь (см. стр. 159).

К факту же из биографии Чаадаева восходит, быть может, отказ Версилова от дуэли с молодым Сокольским, как говорит Подросток, «по каким-то там своим убеждениям» — разумеется, конечно, по этим новым, религиозным, к которым он только что пришел за границей. Жихарев рассказывает, как одно довольно знатное лицо предложило Чаадаеву дуэль, и он отказался от нее, приводя причиною отказа правила религии и человеколюбия и простое нежелание.

Итак, по мысли Достоевского, Версилова и Чаадаева объединяет многое: гордость, пренебрежение к людям, чудовищный эгоизм при огромном уме и замечательном остроумии; та же роль в обществе, те же манеры, обилие одинаковых фактов биографических и, главное, повторяем, та же основная идея, та же эволюция ее и те же доказательства идеи. Все это свидетельствует о несомненном интересе Достоевского к Чаадаеву как к мыслителю в продолжении всей жизни, а в плане художественном, как к типу,— в «Житии великого грешника», а затем — в «Подростке».

Стр. 87. *Вам непременно наскучит: вы — не Мак-Магон.*— Маршал Мак-Магон — президент Французской республики, о продлении власти которого на 7 лет было только что (в ноябре 1873 г.) постановлено. В статье, посвященной обзору иностранных событий, напечатанной в «Гражданине», № 38, от 17 сентября 1873 г., Достоевский пишет о Мак-Магоне в таком комическом тоне: «Маршал Мак-Магон, „старый маршал", „честный маршал", „храбрый маршал", „честный старый солдат" и т. д. и т. д., до самого 24 мая сего года был, конечно, всем известным в Европе лицом, но только с одной, весьма ограниченной стороны. Он служил, он дрался, он отличился, и когда надо было, об нем всегда объявляли в газетах, но равно столько же, сколько и о других служивших и отличившихся маршалах. ⟨...⟩ И вот вдруг, столь много и столь обыкновенно известный маршал Мак-Магон, с 24 мая, т. е. с выбором его в президенты Французской республики, ⟨...⟩ становится *необыкновенно* известным, громадно, колоссально известным». Ему льстят, без конца повторяют все эти лестные эпитеты, но ни разу не называют его „умным маршалом". И он действительно не умен, довольствуется настоящим, дутой славой, не понимая того, что, когда придет время, у него сбереженное им, как „храбрым солдатом", отберут, ему откланяются, и он будет этому рад, потому что „храбрый маршал", „честный маршал", „честный, храбрый старый солдат"» (т. XIII, стр. 370—371).

Стр. 87. *«Русский Мир», около 10 июля ⟨18⟩74.*— 12 июля в «Русском мире» (№ 188) было напечатано письмо, в котором сообщалось: «10 июля, часов около 9 вечера, мне пришлось сопровождать знакомую даму по Фонтанке, от так называемого Египетского моста к Измайловскому, где находилась ее квартира. Не доходя до дому, мы увидели далеко впереди себя сильно пьяного человека, еле державшегося на ногах, который, идя около решетки по Набережной, кидался на всех проходивших женщин и ругал их самыми площадными словами. Желая оградить себя от всякой неприятности, ⟨...⟩ я поспешил перейти на противоположную сторону, но пьяный молодой человек ⟨...⟩ перешел вслед за нами и начал толкать и браниться ⟨...⟩ Дама моя страшно перепугалась; но помочь беде было трудно ⟨...⟩ Когда же мы стали подыматься на ступеньки подъезда, то пьяный герой начал страшно бранить меня и даже схватил за пальто; тогда я ⟨...⟩ закричал городовому ⟨...⟩ Услышав мой зов, пьяный как-то сразу несколько отрезвился и просил пустить его и „не делать скандала", потому что он —*студент университета*. Сдав этого студента, я просил городового свести буяна в участок ⟨...⟩ Но каково же было мое удивление, когда я увидел из окна, что городовой тотчас пустил пьяного, пожав ему руку!.. Тот пошел по направлению к Вознесенскому проспекту и продолжал накидываться на проходивших, чему так усердно смеялся блюститель порядка, которому вторила ватага извозчиков...».

Стр. 89. ... *женевские идеи* — идеи, восходящие к общественно-политическим и моральным взглядам Жан Жака Руссо. Его сочинения: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» (1750), «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми» (1754), «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1764), «Новая Элоиза», «Эмиль» и другие — оказывали огромное влияние на всю человеческую мысль в течение не только второй половины XVIII, но и XIX в.; в известном смысле его идеалы, его идеи живы и по сию пору. Французская революция конца XVIII в. идеологически была обязана ему, его «Общественному договору» больше, чем кому-либо из энциклопедистов: Вольтер, Монтескье, Дидро, Даламбер, Гельвеций и другие, восстав против феодального господства и клерикальной опеки, подготовляли ниспровержение этого строя, но, вместе с тем, ничуть не мешали, в известной мере и способствовали, подготовке для народа новых господ и новых опекунов. А Руссо не только не положил ни одного камня для возведения буржуазного господства, но даже подготовил борьбу и с этой новой формой общественного неравенства и народного порабощения. В этом отношении Руссо, может быть, единственный, кто из мыслителей той эпохи идеями своими принимал такое непосредственное прямое участие в общественной борьбе и великих исторических событиях, наполняющих собою весь XIX в. Фихте, Песталоцци, Фурье и Луи Блан, Гарибальди и Линкольн, Герцен, Лев Толстой, революционные народники, все деятели демократического движения, защитники «естественного права против права исторического»,— все исходили из принципа личности и ее свободы, идеи народа как добровольного, сознательного единения личностей — именно из цикла тех идей, которые являются главным, основным в проповеди Руссо. Энгельс в «Развитии социализма от утопии к науке» говорит о связи идей утопического социализма с идеями Руссо.

Из всей системы «женевских идей» Достоевский в данном случае имеет в виду лишь то, что входит в состав учения Руссо о морали, о «человеколюбии», т. е. «добродетели

без Христа». И «Он», будущий Версилов, «не признает в добродетели ничего натурального». Руссо выводит нравственное начало из совести, из внутреннего чувства любви ко всем, имеющегося в природе человека. Что инстинкт для тела, то, в его глазах, совесть для души. Этим нравственным началом и определилось его отношение к христианству. На вопрос (в романе «Новая Элоиза») к Сен-Пре, выразителю идеалов Руссо: «Вы христианин?» — он отвечает: «Я стараюсь быть им». Характерно, что положительный герой в «Бесах» Шатов почти так же отвечает на вопрос Ставрогина, верит ли он в бога. Руссо относится к Христу благоговейно, поскольку христианство ставит на первом месте начало любви. Любовь для Руссо выше церкви, к догме он относится скептически. Признавая совершенным все, что выходит из рук природы, Руссо ищет происхождения зла в человеке, точнее — в его истории. Зло человек получил не от природы, а сам его себе создал: отбросьте пагубный прогресс, отбросьте ваши страсти и пороки, отбросьте дело человека — и все будет хорошо. Любовь к людям — не долг, не веление свыше; она вытекает из любви к себе, из потребности удовлетворять свое чувство совести. Любовь к ближнему есть, таким образом, «нравственный, истинный эгоизм, переступающий за черту индивидуальных интересов. Действует, конечно, каждый только ради своего блага. Но в природе его существует нравственное благо (совесть), и им же человек и руководится в своей общественной жизни» (о Руссо, кроме указанной выше книги Энгельса, см. Г. В. Плеханов. Ж.-Жак Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми.— Г. В. Плеханов. Соч., т. 18. М.—Л., 1925; Р. Роллан. Ж.-Жак Руссо.— Р. Роллан. Собр. соч. в 14 томах, т. 14. М., 1958).

Стр. 89. *Унгерн-Штернберг.*— В некрологе, напечатанном в № 207 «С.-Петербургских ведомостей» 31 июля 1872 г., сказано следующее: «Покойный барон, принадлежавший к одной из лучших фамилий Прибалтийского края и занимавший когда-то должность эстляндского губернского предводителя дворянства, отличался большою оригинальностью и горячностью характера. Посетив Америку, он увлекся быстротою сооружения там железных дорог и желал попробовать в России что-либо подобное. Более двадцати лет существовал проект железной дороги из Одессы в Парканы на

ШАРМАНЩИК

Этюд В. Е. Маковского к картине «Толкучий рынок в Москве» (масло), 1879 г. Третьяковская галерея, Москва

Днестре ‹...› Барон Унгерн-Штернберг вызвался построить эту дорогу по американской системе, т. е. дешево. Система была не совсем американская, потому что основывалась на обязательном труде; предложение, однако, было принято. Барон работал с усердием, дело подвигалось сначала плохо, изыскания были сделаны очень дурно, штрафные солдаты работали небрежно и служили только для наживы командиров рабочих бригад, но кое-как дорогу достроили. Когда оказалось, что на некоторых станциях нет вовсе воды, барон придумал возить воду с обратными вагонами, идущими из Одессы наполовину пустыми, и обошел, таким образом, затруднение. За этою дорогою, превратившеюся в Одесско-Балтскую, он построил дороги Кишиневскую, Балто-Елисаветградскую, Елисаветград-Кременчугскую, Кременчуг-Харьковскую и начал Николаевскую (от Знаменки в Николаев). Все эти дороги строились уже не по американской системе и потому обошлись вдвое дешевле. Во всяком случае, за бароном Унгерн-Штернбергом всегда останется неотъемлемая заслуга, что он первый возбудил на юге вопрос о железных дорогах, энергично провел его сквозь все препятствия, между которыми сильнейшие возбуждало путейское ведомство». Его деятельность одно время наполняла периодическую печать ожесточенной полемикой. В первую половину 60-х годов появилось особенно много статей об его проектах и способах их осуществления. Несколько статей, посвященных строительству дорог под руководством Унгерн-Штернберга, имеется и в журналах Достоевского (см. «Время», апрель 1863 г.— об Одесско-Балтской железной дороге; «Эпоха», 1864, № 8 и 12 — «Наши домашние дела»; см. также А. А. Скальковский. Биография Одесской железной дороги. Одесса, 1865; «История железнодорожного дела в России». — В «Сборнике государственных знаний». СПб., 1875—1876 гг.).

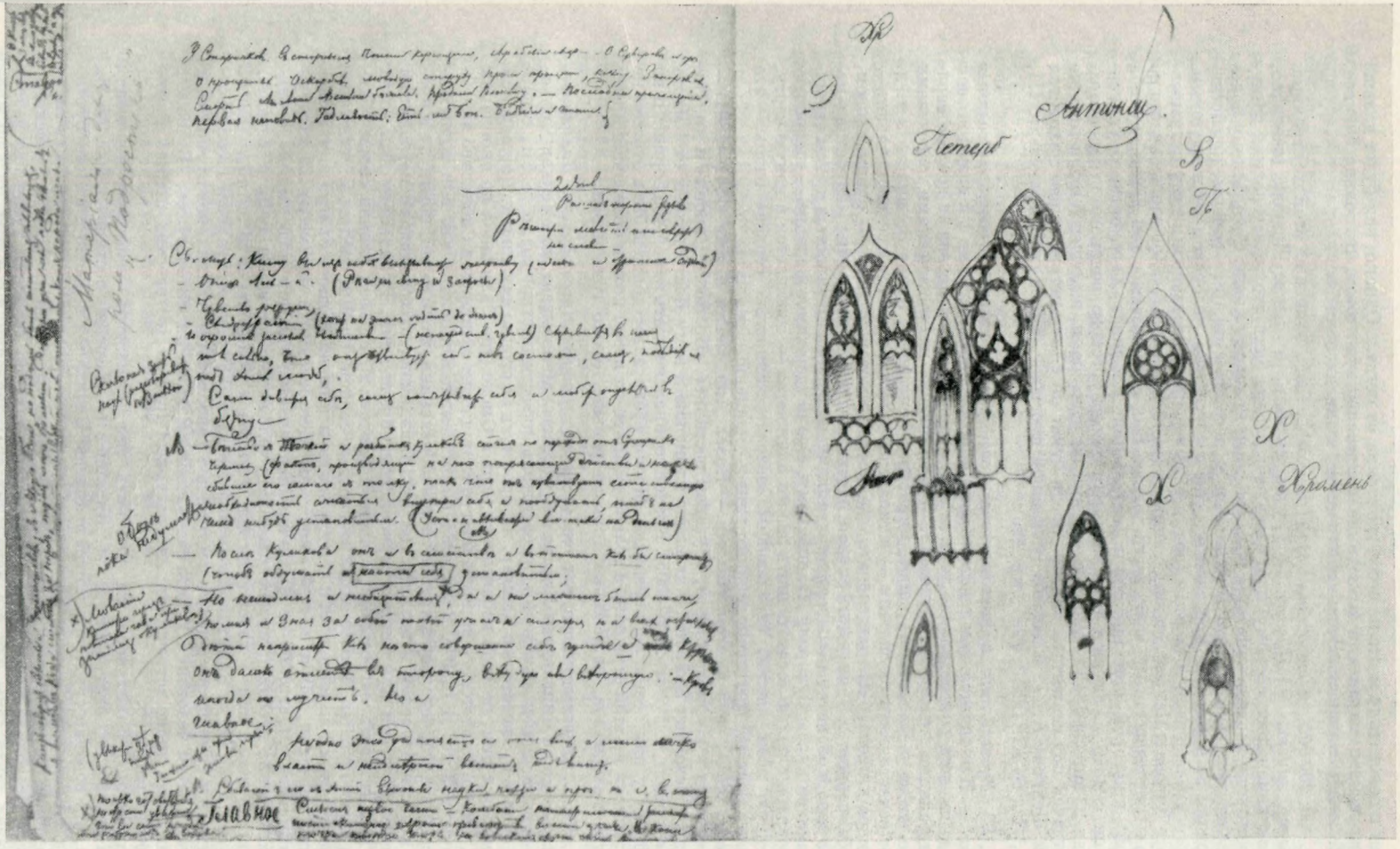
Стр. 90. *Как Руссо, находил наслаждение загаливаясь...* — В окончательном тексте это относится к рассказу Версилова об его отношениях с матерью Подростка, и Подросток возмущен циничностью его тона. «Исповедь» Руссо неизменно была в памяти Достоевского во время его работы над романом и, главным образом, в процессе создания центральной его фигуры — Аркадия Долгорукого, который, подобно Руссо, тоже рассказывает от себя и о себе и тоже о жизни своей с самого раннего детства, чтобы ясен был путь его восхождения к «благообразию». Именно по отношению к Подростку имеются совпадения, в ситуациях, с «Исповедью» Руссо.

Гравер, учитель Дюкоммен, обращается с Руссо так же жестоко, как Тушар с Подростком. Беспрерывное дурное обращение,— рассказывает Руссо,— скоро сделало его менее чувствительным... Он считал, что бить его, как мошенника, значило давать ему полное право быть им... Он говорил себе: «Меня побьют. Пускай: я для этого и создан». Тушар тоже бьет Подростка по щекам, пинает его коленом, превращает его в лакея, приказывая подавать себе платье. И Подросток не только подавал ему одеваться, а сам схватывал щетку и начинал счищать с него последние пылинки, сам гнался за ним со щеткой в пылу лакейского усердия. «Тушар,— поясняет Подросток дальше,— бил меня и хотел показать, что я — лакей ‹...› и вот я тотчас же сам вошел тогда в роль лакея: „Коли захотели, чтоб я был лакей, ну так вот я и лакей, хам — так хам и есть“» (т. 8, стр. 364—365).

Руссо подробно говорит об одном из «кажущихся» своих противоречий, состоящем в том, что «чувство почти отвратительной скупости соединено в нем с полнейшим презрением к деньгам». Он скуп потому, что «обожает свободу, ненавидит стеснение, нужду, подчинение». Деньги сохраняют ему независимость. Так же мотивирует свою главную идею о богатстве и Подросток. Подросток, несмотря на свою «идею», не может не останавливаться перед каким-нибудь подавляющим фактом и не пожертвовать ему разом всем тем, что уже годами труда сделал для «идеи». Руссо рассказывает в одном месте про себя то же самое: при всей скупости, не позволяющей тратить свои деньги, как только представляется случай, он так хорошо пользуется им, что кошелек его опустошается прежде, чем он это заметит.

Руссо влюблен во вдову Луизу-Элеонору де Варанс; она старше его годами и гораздо выше его по своему общественному положению. Дается ее портрет: у нее лицо, исполненное грации, прелестные голубые глаза, проникнутые кротостью, ослепительный цвет лица, восхитительные очертания груди. Волосы пепельного цвета, которые она причесывает как-то небрежно. Она не велика ростом: зато ничто не могло сравниться с красотою ее головы, груди и руки. Особенно подчеркивается ее улыбка, «ангельская улыбка». И дальше рассказывает Руссо о своих любовных «сумасбродствах»: сколько раз целовал он кровать при мысли, что она прежде спала в ней, занавески, мебель в его комнате при мысли, что к ним прикасалась ее прелестная рука, наконец, даже пол, на который он падал с мыслью, что она по нему ходила!

А Подросток в страстной речи к Ахмаковой: «Я не могу больше выносить вашу улыбку! ‹...› Выражение вашего лица есть детская шаловливость и бесконечное простодушие‹...› У вас глаза не темные, а светлые ‹...› Вы полны, вы среднего роста, но у вас плотная полнота, легкая, полнота здоровой деревенской молодки. Да и лицо у вас совсем деревенское ‹...› ясное, смелое, смеющееся и... застенчивое лицо! ‹...› Еще я люблю, что с вас не сходит улыбка: это — мой рай!‹...› У вас грудь высокая, походка легкая, красоты вы необычайной, а гордости нет никакой» (т. 8, стр. 275, 276). И он «готов был



НАБРОСКИ ДОСТОЕВСКОГО К «ЖИТИЮ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА»,
С ЗАМЫСЛОМ КОТОРОГО СВЯЗАН РОМАН «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 2, л. 9—10 («Бесы»)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

броситься и целовать то место на полу, где стояла ее нога»... Однако, как будет дальше показано, все эти параллели отнюдь не свидетельствуют о том, что только с Руссо, с его «Исповедью» связана форма «Подростка», «записки от себя».

Стр. 90. *200 000, и он отдал назад (Щелков)*... Сюда запись на этой же странице: *как Щелков, выиграл наследство...*— Трудно сказать, о каком Щелкове (очевидно, хорошо знакомом Достоевскому) идет здесь речь. Может быть, этот «благородный поступок», к которому восходит эпизод с возвращением молодому князю Сокольскому большого наследства, выигранного Версиловым у него на суде, был совершен действительно одним из приятелей Достоевского еще с 40-х годов, человеком великодушным, Алексеем Дмитриевичем *Щелковым* (род. в 1825 г.), прикосновенным к делу петрашевцев. Друг Дурова и Пальма, он жил с ними на одной квартире, бывал довольно часто на пятницах Петрашевского и чаще всего должен был встречаться с той левой группой (семеркой), к которой принадлежал и Достоевский. Кандидат Харьковского университета, он с 1846 г. служил в канцелярии петербургского военного губернатора. Арестован 23 апреля 1849 г. вместе с другими петрашевцами, выпущен 6 июля того же года с отдачей под секретный надзор. Среди бумаг по «Делу петрашевцев» находится письмо к Щелкову А. Н. Плещеева с денежной просьбой («Дело петрашевцев», т. III, М.— Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 296).

Стр. 90. *Русский тип, художественность сообщительности ∞ директором соляных дел и проч.*— В окончательном тексте об этом идет речь во 2-й главке 1-й главы второй части, где имеется сопоставление двух типов рассказчиков: человека «с добрым сердцем», «идеалиста», натуры поэтической— возвышенно патриотическими рассказами своими о камне у Павловских ворот, министре Чернышеве, купце Завьялове и т. д. он хочет осчастливить слушателя — и типа прозаического, всегда противоречащего— «весь хандра и проза»: «Не дам соврать, где, когда, в котором году? — одним словом, человек без сердца»... Конкретный случай: рассказ квартирного хозяина Подростка о мещанине с бородкой, который «переплюнул» англичан своей находчивостью и этим страшно понравился князю Суворову Италийскому. Его неудержимое желание — «патриотически» соврать с целью «осчастливить своего ближнего» — обобщается в некую черту, свойственную всем людям, страдающим «невоздержанностью сердец» своих,— это романтики, люди же противоположного типа — низменные реалисты.

Может быть, для повести Козлову.— Павел Алексеевич *Козлов* (1841—1891) — поэт, печатался в журнале «Заря», «Русском вестнике», «Вестнике Европы» и др. Известен как переводчик Байрона. Как видно из письма к нему Достоевского от 1 марта 1875 г. («Письма», т. IV, стр. 304—305), Козлов собирался издать какой-то сборник, и по этому поводу у них возникла переписка. Месяц «февр⟨аль⟩» должен быть отнесен не ко всем записям на этой странице, а только к записи на левом поле и обозначает время пересмотра материалов, написанных гораздо раньше, около года назад.

Стр. 92. ... *все рассказывает, как загаливался (страшное простодушие, Валиханов, обаяние)*...— Чокан Чингисович *Валиханов* (Достоевский называет его «Чеккан Чолканович») — выдающийся казахский просветитель, известный этнограф, в 1858 г. совершивший смелое путешествие в Кашгар, которое чуть не стоило ему жизни. Достоевский познакомился с ним, по всей вероятности, еще в Омске, где Валиханов по окончании в 1853 г. Омского кадетского корпуса поступил младшим офицером в Сибирское линейное казачье войско. В 1856 г. Валиханов был в Семипалатинске, и там они подружились. Достоевского, человека с крайне сложной, изломанной психикой, потянуло к простоте и ясности здоровой и цельной натуры Валиханова, сохранившего нетронутым свой душевный строй при вполне европейском образовании. Валиханову был тогда 21 год. Талантливый, остроумный, с пылкой фантазией, он всех пленял своим обаятельным простодушием, необычайной мягкостью сердца, крайне смелым и решительным характером. «Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам»,— пишет ему Достоевский в письме от 14 декабря 1856 г. («Письма», т. I, стр. 200—202). Он называет его «дорогой мой друг, милый», «судьба же вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав вам и душу и сердце». И в таком же тоне о нем — через три года, в письме к Врангелю от 31 октября 1859 г. (там же, стр. 279), когда Валиханов по возвращении в 1859 г. из кашгарского путешествия очутился в Петербурге с целью поступить в университет: «Валиханов премилый и презамечательный человек⟨...⟩ Я его очень люблю и очень им интересуюсь». В 1860 г. они стали опять лично встречаться; литературный кружок Достоевских принял Валиханова очень радушно.

В характере Валиханова за эти пять лет произошла некоторая перемена. Один из первых его биографов, Н. М. Ядринцев («Сибирский вестник», 1866, № 3), сообщал, что военная среда, в которой вращался Валиханов в Омске и в Петербурге, увлекала его светским лоском и праздною гусарскою жизнью. Н. М. Ядринцев говорит о подобном же влиянии на Валиханова некоторых членов из кружка Достоевского, в частности Всеволода Крестовского, которому Валиханов во время гусарских разговоров давал шутя темы для его испанских стихотворений, а сей поэт, питаясь крохами остроумия талантливого Валиханова, немедленно строчил свои романсы. В этих

«гусарских разговорах» всегда ощущалась разница между человеком такой душевной чистоты, как Валиханов, и человеком, в основе своей нравственно нечистоплотным, каким был Всеволод Крестовский.

Стр. 94. *Идея: «Отцы и дети» — дети и отцы. Ибо сын, намеревающийся быть Ротшильдом,— в сущности идеалист, т. е. новое явление как неожиданное следствие нигилизма.*— Смысл этой записи, с точки зрения исторической последовательности идейно-общественных течений второй половины XIX в., полностью совпадает с основной мыслью статьи Н. К. Михайловского, на которую мы выше сослались (см. комментарий к стр. 73). Подросток со своей идеей «стать Ротшильдом» находится как бы в промежутке между теми, которые мучились над выработкой «низких истин» нигилизма и страдали от несоответствия их внутреннему идеалу, и «трезвыми», которые пришли и подобрали «краткие и ясные формулы и пустили их в оборот, навесили на них всевозможные грязные поползновения, всяческую низость, всякое совсем не подходящее нравственное тряпье, подобранное ими на заднем дворе практической жизни».

Стр. 95. *...отмстить всем обидчикам ∞ того офицера, который толкнул его на улице.* — В окончательном тексте к этой записи, отдаленно, восходят два эпизода с полковником, бароном Бьорингом; в первом эпизоде обидчик Бьоринг сильною рукою схватил Подростка за плечо, злобно оттолкнул его, так что он отлетел шага на три (т. 8, стр. 350). Обида осталась неотомщенной. Второй раз в драке, которую начал Подросток (он первый ударил Бьоринга), причиной была не месть, а обида за сестру (см. т. 8, стр. 599). В обоих случаях психология мести отсутствует, поскольку Подросток весь в вихре других поглощающих его переживаний с Ахмаковой.

Психология мести обидчику-офицеру разработана весьма подробно в повести «Записки из подполья», которая безусловно была в памяти Достоевского во время работы над этим романом, поскольку Подросток в споре с дергачевцами (см. т. 8, стр. 62—66) полностью повторяет мысли героя из подполья.

Стр. 95. *Знает анекдоты вроде о Ротшильде, нажившем миллионы именно потому, что за несколько часов раньше других узнал о смерти герцога Беррийского и проч.* Герцог Беррийский — второй сын Карла X, кандидат на французский престол, вместе с отцом эмигрировавший из Франции в 1789 г. После реставрации в 1814 г. герцог возвратился в Париж. 13 февраля 1820 г. он был убит в подъезде театра рабочим Лувелем, с целью искоренения рода Бурбонов. Но здесь у Достоевского несомненная ошибка. Убийство герцога Беррийского, в сущности, не оказало сколько-нибудь заметного влияния на положение страны, Ротшильд же использовал известие о поражении Наполеона при Ватерлоо (в 1815 г.), что окончательно укрепило реставрацию Бурбонов. При них, в тесной связи с государственными займами, и расцвел банкирский дом, основанный Ротшильдом в Париже. Джеймс Ротшильд был одним из тех лиц, без совета с которыми не предпринималось ни одной крупной государственной меры (см. о Ротшильдах: Е. С о л о в ь е в. Ротшильды, их жизнь и капиталистическая деятельность, СПб., 1894).

Стр. 95. *Витя... сводит с кем-то вроде Долгушина...*— Долгушинцы обвинялись в составлении «преступных воззваний», в напечатании и распространении их с целью возбуждения населения к бунту. Всего было три воззвания: 1) «Как должно жить по закону природы и правды»; 2) «Русскому народу», с эпиграфом из Евангелия от Матфея: «Ищите и обрящете, стучите и отверзется вам, ибо всякий, кто ищет,— находит и стучащемуся отворяют»; 3) «К интеллигентным людям». Идея центральная во всех трех прокламациях — идея равенства и братства. Во второй она конкретизируется в виде следующей программы: крестьянству необходимо объединиться против помещиков и царя, чтобы уничтожить оброки, поделить землю между всеми трудящимися, заменить постоянное войско народной милицией, устроить для всех хорошие школы, уничтожить паспорта и, «самое важное требование»,— чтобы правительство выбиралось самим народом, которому оно должно будет во всем давать отчет.

В судебном отчете и в судебных прениях возбуждение населения к бунту против царя было выдвинуто как самое главное обвинение, так что у Достоевского должно было получиться представление о гораздо большей революционности кружка, чем это было на самом деле.

К ответственности было привлечено 13 человек. Из них пятеро: Долгушин, автор прокламаций, он же главный организатор кружка, технолог Дмоховский, о котором прокурор говорил как о главном идейном вдохновителе (он-то и есть, по-видимому, тот богатый помещик, о котором мы читаем в черновиках дальше, см. стр. 115, что он работал у немца на техническом заводе, «отчасти Спешнев»), бывшие студенты Папин и Плотников участвовавшие в печатании и распространении прокламаций, и учитель Гамов, передавший несколько экземпляров прокламаций рабочим одной из подмосковных фабрик. Все они были присуждены к каторжным работам (от 5 до 10 лет) с лишением всех прав состояния. Ананий Васильев, раздававший прокламации по деревням, дал «откровенные показания» и отделался сравнительно легко. Еще более откровенные показания дала жена Долгушина, окончившая акушерские курсы, и дело о ней было

Списокъ лицъ

привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ къ дѣлу о составленіи, печатаніи и распространеніи прокламацій „русскому народу", „какъ должно жить по закону правды и природы" и „къ интеллигентнымъ людямъ"

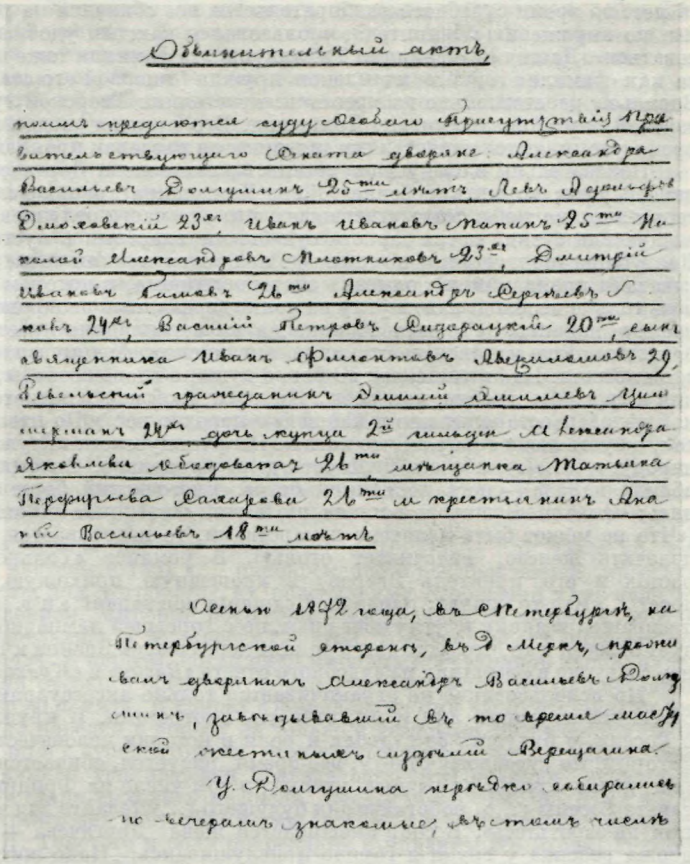
№№ по порядку	Чинъ или званіе, имя, отчество и фамилія привлеченныхъ.	По постановленію Члена Палаты, производящаго слѣдствіе	
		Когда состоялось постановленіе	Мѣрою пресѣченія способа уклоненія отъ слѣдствія принята
1	Жена дворянина Агрифена Дмитріева Долгушина	26 Декабря 1873 г. л. 11	Состоитъ подъ надзоромъ полиціи въ С. Петербургѣ
2	Мѣщанка Татьяна Порфирьева Сахарова	26 Декабря 1873 г. л. 17	Состоитъ подъ надзоромъ полиціи въ г. Ярославлѣ
3	Крестьянинъ Тверской губерніи и уѣзда Коблуковской волости, деревни Голдово Ананій Васильевъ	29 Января 1874 г. л. 216	Содержится подъ стражей при Городской части въ отдѣльномъ помѣщеніи
4.	Дворянинъ Левъ Адольфовъ Дмоховскій	28 Декабря 1873 г. л. 34.	Содержится подъ стражей при Сущевскомъ частномъ домѣ
5.	Ревельскій гражданинъ Эмилій Эмиліевъ Циммерманъ	29 Декабря 1873 г. л. 37	Отданъ на перуоцу Ревельскому гражданину Эмилію Романову Циммерману съ дальнѣйшею отвѣтственностью въ 5000 руб.
6.	Бывшій студентъ Московскаго Университета Иванъ Ивановъ Папинъ	21 Января 1874 г. л. 163	Содержится подъ стражей при Сущевскомъ частномъ домѣ

МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О ДОЛГУШИНЦАХ

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА О ДОЛГУШИНЦАХ

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва



Обвинительный актъ,

поимъ предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената дворяне: Александра Васильевъ Долгушинъ 25ти лѣтъ, Левъ Адольфовъ Дмоховскій 23хъ, Иванъ Ивановъ Папинъ 25ти, Николай Александровъ Плотниковъ 23хъ, Дмитрій Ивановъ Гамовъ 26ти, Александръ Сергѣевъ Ковъ 24хъ, Василій Петровъ Сидорацкій 20ти, сынъ священника Иванъ Флегонтовъ Авессаломовъ 29, Ревельскій гражданинъ Эмилій Эмилевъ Циммерманъ 24хъ, дочь купца 2й гильдіи Александра Яковлева Ободовская 26ти, мѣщанка Татьяна Порфирьева Сахарова 26ти и крестьянинъ Ананій Васильевъ 18ти лѣтъ

Осенью 1872 года, въ С.Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, въ д. Меркъ, проживалъ дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, завѣдывавшій въ то время мастерской жестяныхъ издѣлій Верещагина.

У Долгушина нерѣдко собирались по вечерамъ знакомые, въ томъ числѣ

прекращено. Остальные: Сахарова, бывшая прислуга, сожительница Дмоховского, учительница Александра Ободовская, сын священника Авессаломов, у которого были найдены прокламации долгушинцев в единичных экземплярах, сын купца Эмилий Циммерман, к которому Ананий Васильев обратился за помощью незадолго до своего ареста, и Василий Сидорацкий отделались арестом (от трех дней до месяца). Студент Чиков, передавший прокламацию Ободовской, получил два месяца ареста с отдачей на два года под надзор полиции.

В судебном отчете рассказано подробно о начале деятельности кружка. Собирались на квартире у Долгушина, на Петербургской стороне в доме Мерк. В черновых записях к роману и в окончательном тексте кружок тоже собирается на Петербургской стороне в квартире главного организатора. Может быть, потому и дается ему вскоре фамилия «Дергачев», что он — главный, дергает все нити? Дергачеву, как и Долгушину, 25 лет. О Дергачеве говорится, что он был техник и имел в Петербурге занятие. Техником был и Долгушин, заведовал жестяной мастерской купца Верещагина. В окончательном тексте «Дергачев был среднего роста, широкоплеч, сильный брюнет с большой бородой; во взгляде его видна была сметливость и во всем сдержанность, некоторая беспрерывная осторожность» (т. 8, стр. 56). Это почти точный портрет Долгушина: в судебном отчете он — молодой мужчина, невысокого роста, с черной бородой. Сдержанность и осторожность он проявлял на суде больше всех.

В печатном тексте романа: в комнате, куда пришел Подросток, «было человек семь, а с дамами человек десять» (т. 8, стр. 55). Если исключить из тринадцати, привлеченных к суду, Циммермана, Сидорацкого и Авессаломова как почти совершенно непричастных к делу, то, действительно, столько и остается.

В романе участвует в спорах одна лишь жена Дергачева (Долгушина), другие две дамы «очень слушали, но в разговор не вступали». Сахарова, бывшая прислуга у родителей Дмоховского,— человек малокультурный, идейно не была связана с долгушинцами, а Ободовская тоже стояла далеко от кружка.

Среди мужчин в романе выделены, кроме Дергачева, двое: «высокий, смуглый человек, ⟨...⟩, много говоривший, лет 27» и «молодой парень моих лет» (Подростка, которому было 19 лет), в русской поддевке: он оказался потом из крестьян. Первый — это Папин,

26 лет, во время судебного разбирательства все сбивался на разные теоретические темы, по выражению обвинителя, «пользовался каждым удобным случаем, чтобы порисоваться». Дается ему фамилия Тихомиров; эта фамилия тоже названа во время процесса как фамилия одного из членов кружка (в первой его стадии). Второй — Ананий Васильев действительно из крестьян: крестьянин Тверской губернии, работал в мастерской, которой заведовал Долгушин. Его русская поддевка и смазные сапоги все время упоминаются свидетелями, которым он раздавал прокламации.

Показательны и следующие детали: в романе жена Дергачева «оставила спор посредине и ушла кормить ребенка». Жена Долгушина, говоря о своем участии в спорах на теоретические темы, тоже утверждает, что она часто отлучалась кормить ребенка. На следующие сутки после ареста судебными властями в пустоши Петрушкине, даче Долгушина (долгушинцы по переезде в Москву купили ее на деньги Тихоцкого и там печатали прокламации), описана обстановка дома, в котором жили долгушинцы. Мебель только необходимая; в углу на полке деревянный неокрашенный крест, на котором вверху надпись: «Во имя Христа», а на перекладине креста: «Свобода, равенство, братство». Еще надписи на стенах на английском, французском, итальянском и латинском языках. На английском: «О бог, о душа, о слава свободы, и днем и ночью их молния и свет. Мы гребем, как рабы. Но если твой перст коснется нас, то они бегут. Какой человек остановит нас и какой бог поразит нас?» По-итальянски: «Иди твоим путем, и пусть люди говорят, что хотят». На французском: «Служи только ему ⟨очевидно, народу.— *А. Д.*⟩, ибо его дело есть дело священное. Он страдает, и всякий человек вблизи народа — есть посланник бога». Достоевский берет только латинскую надпись: «Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, ignis sanat». («Что не может быть излечено лекарствами, то излечивается железом, чего не может излечить железо, излечивает огонь»). В романе: «Только что мы вошли ⟨Подросток и его приятель Зверев⟩ в крошечную прихожую, как послышались голоса⟨...⟩ Кто-то кричал: „Quae medicamenta non sanant“» и т. д. А неокрашенный крест превращен в икону в углу «без ризы, но с горевшей лампадкой». Сюда, пожалуй, следует отнести и то, что фамилии в романе дергачевцев Васина и Крафта находят себе полное созвучие в фамилиях из судебного отчета «*Васин*» и «*Крахт*».

Но использование не ограничивается только аксессуарами, обстановкой, количеством действующих лиц и их, отчасти, портретами. В кружке Дергачева идет спор о России, о будущих ее судьбах и роли в истории человечества. Тихомиров (Папин), который, по судебному отчету, все время рисуется, сбивается на разные научные теории, делая ссылки на разных ученых, в том числе на Фридриха Поля, говорит: «Оставьте Россию ⟨...⟩, работайте для будущего ⟨...⟩Делайте для человечества и об остальном не заботьтесь». В спор вмешивается жена Дергачева — она «стояла за дверью, держа ребенка у груди и горячо прислушиваясь: „Надо жить по закону природы и правды“» (т. 8, стр. 58), т. е. так, как указано в одной из трех прокламаций под названием: «Как должно жить по закону природы и правды».

Но «закон природы и правды» предполагает уже решенным более общий вопрос: «о нормальном человеке». Из судебного процесса видно, что именно этот вопрос занимал долгушинцев прежде всего. С этого и началось. В отчете о процессе жена Дергачева так рассказывает о начальном периоде существования кружка: «Иногда мы собирались все вместе по вечерам и занимались решением разных вопросов, из которых главнейший был — вопрос о „нормальном человеке“. При этом разбирались потребности человека с его физиологической стороны, и мы пришли к тому убеждению, что бедность и невежество суть главнейшие причины, почему большинство не удовлетворяет своим физиологическим потребностям». Отыскание способов к удовлетворению физиологических потребностей так называемого «нормального человека» — такова, в передаче Дергачевой (что подтверждает также и Папин), исходная точка кружка, его, так сказать, философская основа. На этом защитник Папина и строил свою защитительную речь. Они все, в том числе и Папин-Тихомиров, стремятся к разрушению основ общественной жизни, они отрицают собственность: их учение — коммунистическое и в корне противоречит учению чистых политиков, «взывающих к бунту против государя и государства». Первые — коммунисты «стремятся к подавлению индивидуальной воли», если это нужно для осуществления их целей. Система государственного строя в сущности их мало интересует. Другое дело чистые политики, которые «выше всего ставят личную свободу каждого члена государства».

Долгушинцы, как и почти вся революционная молодежь того времени, были противниками христианства; в этом смысле они атеисты: «жить по закону природы и правды», «устроить рай на земле, но без бога», без церковного бога. Один из них, Плотников, прямо заявил на предварительном следствии, что он «человек без религии». Очень возможно, что для кружка в целом это вовсе не характерно. Но Достоевский и здесь идет по судебному отчету (см. т. 8, стр. 64).

Стр. 95. *Справиться у отца Ивана.*— Речь идет о священнике Иоанне Румянцеве, настоятеле Георгиевской (Благовещенской) церкви в Старой Руссе; в его доме Достоевские снимали дачу и подружились с его семьей. Об отношениях с ним Достоевских рассказано в «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской (М.—Л., 1923, стр. 157—166).

Стр. 95. *С меня довольно сего сознанья* — цитата из «Скупого рыцаря» Пушкина. На следующей странице: *Исповедь необычайно сжата* (*учиться у Пушкина*) и дальше на стр. 96 ссылка на «Повести Белкина». *Исповедь* — разумеется, весь роман, который пишет Подросток от себя, «от *Я*». В окончательном тексте (в 5-й главе первой части романа), где подробно говорится об идее «стать так же богатым, как Ротшильд», герой прямо указывает на пушкинскую трагедию как на первоисточник своей мечты: «Я еще в детстве выучил наизусть монолог Скупого рыцаря у Пушкина; выше этого, по идее, Пушкин ничего не производил! Тех же мыслей я и теперь» (т. 8, стр. 100). И в черновом наброске на стр. 95 Подростку даются черты рыцаря: «*Система же Его: копление, сила воли, характер, уединение и тайна*». Вначале Достоевский придавал этой теме первостепенное значение. Так, на стр. 212, запись от 14 октября: «Поэма в подростке и в идее его или, лучше сказать,— в подростке единственно как в носителе и изобретателе *своей идеи*». Но потом идея богатства отодвигается далеко на задний план идеей «благообразия», и возникает множество тем и планов, развивающихся из переживаемых сердцем впечатлений. «Благообразию» должно быть противопоставлено «безобразие» в разных формах и видах, так, чтобы Подросток вступил на правильный путь после долгих борений и нравственных исканий. Тем острее становится для Достоевского вопрос: как создать «стройное целое», избавиться на этот раз от того «недостатка», на который указал ему однажды Страхов, упрекнув его в том, что он «до сих пор не управляет своим талантом», чересчур загромождает свои произведения, чересчур их усложняет («Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 271). И снова обращение к Пушкину: «Писать от себя. Начать словом: *Я*». «Начать прямо и *сжато*: как и почему захотел быть богатым; когда явилась идея‹...› И уже *после* о том, что у него отец в Петербурге, и кто его отец и как он туда поехал» и т. д.

Стр. 99. *Мировой посредник первого призыва, в отставку.*— Как известно, мировые посредники были введены в 1861 г., одновременно с освобождением крестьян от крепостной зависимости, для устройства их поземельных отношений и для надзора за их сословным управлением. Мировые посредники избирались из местных потомственных дворян и утверждались в должности Сенатом. В деятельности мировых посредников было два периода. В первом, когда ряды мировых посредников пополнялись лучшими представителями русского общества, в большинстве местностей они оставили по себе у крестьян хорошую память. В спорах с помещиками они часто отстаивали интересы крестьян, вступали нередко в борьбу не только с уездными, губернскими предводителями дворянства, но и с губернаторами. Этот первый период продолжался менее трех лет, когда под влиянием усилившейся правительственной реакции лучшие из первоначальных деятелей стали выходить из числа посредников (М. М. К а т а е в. Местные крестьянские учреждения 1861, 1874 и 1889 гг. СПб.,1911). Типична в этом отношении деятельность Л. Н. Толстого в роли посредника и причины его ухода. Толстой был назначен мировым посредником 4-го участка Крапивенского уезда Тульской губ. 16 мая 1861 г. взамен избранного дворянами на ту же должность какого-то Михаловского, несмотря на опасения уездного и губернского предводителей дворянства. О том, что Толстой отстаивал интересы крестьян и местные крестьяне от него в восхищении, пишет славянофил Иван Аксаков (см. Н. Н. Г у с е в. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. М., 1958, стр. 240, 244—245).

В дневнике от 25 июня Толстой записывает: посредничество «поссорило меня *со всеми* помещиками окончательно и расстроило здоровье». Об этом же он пишет А. А. Толстой: «Посредничество интересно и увлекательно, но нехорошо то, что все дворянство возненавидело меня всеми силами души и суют мне des bâtons dans les roues*» (Л. Н. Т о л с т о й, т. 48, стр. 38). 18 августа того же года 18 дворян-землевладельцев Крапивенского уезда подают заявление о «стеснительном положении», в которое они поставлены действиями мирового посредника. Все действия и распоряжения Толстого для дворян «невыносимы и оскорбительны», возбуждают в крестьянах враждебное расположение к помещикам и принесут дворянам «огромные потери» их достояния. 12 декабря подается просьба от лица всего дворянства уезда «ходатайствовать об увольнении гр. Толстого от должности мирового посредника». Причем приложен список «грехов» Толстого: он взыскивал с помещиков в пользу крестьян, отдавал помещичью рожь крестьянам и т.п. 18 декабря на имя губернатора подано заявление со стороны предводителя дворянства об «односторонних, несправедливых и произвольных действиях гр. Толстого».

Положение становится таким, что Толстой вынужден 12 февраля 1862 г. подать заявление о «невозможности» для него деятельности мирового посредника, так как почти каждое постановление его отменяется. А 30 апреля Толстой передает «по болезни» исправление должности мирового посредника своему старшему кандидату. 26 мая состоялось официальное увольнение Толстого.

То, что происходило с Толстым, было достаточно типично для всех прогрессивных мировых посредников первого призыва. Достоевский мог знать, по всей вероятности,—

---

* палки в колеса (*франц.*).

слышать, обо всех этих перипетиях с Толстым, тем более — с петрашевцем Спешневым, с которым был так близок в конце 40-х годов: Спешнев тоже был посредником первого призыва (в Островском уезде Псковской губ.), и местные власти на него доносили, что он твердо стоит за интересы крестьян.

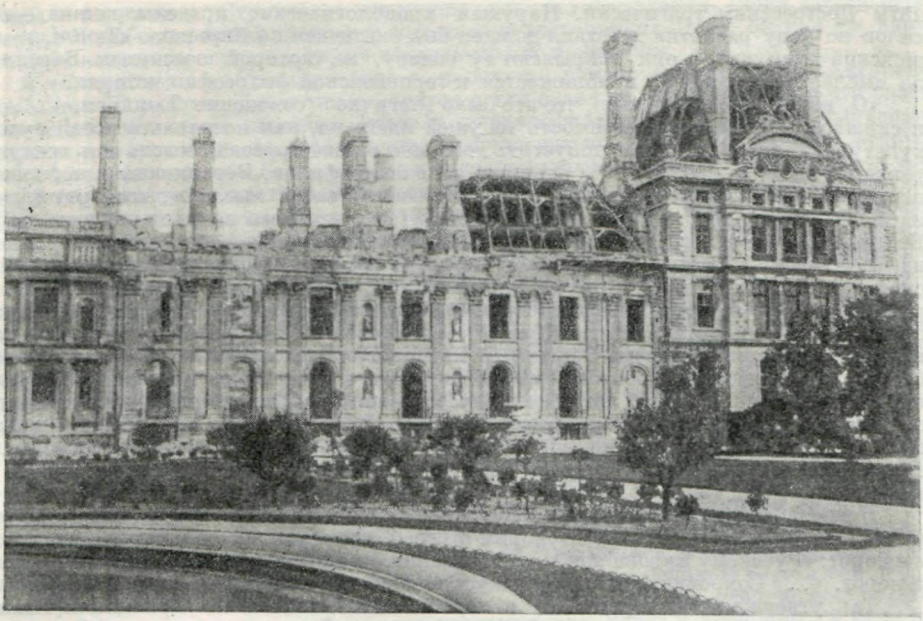
Стр. 99. *Поминает Герцена...* — Дальше в другой, более поздней записи есть фраза, которую можно понять только в связи с Герценом: *я Прудоном горжусь* (стр. 410). Прудона, как известно, Герцен считал самым свободным человеком в Европе и действительно гордился своей с ним дружбой.

Имя Герцена упоминается и в окончательном тексте романа, в «Исповеди», там, где раскрывается главная мысль Версилова, после его слов: «Я уехал с тем, чтоб остаться в Европе, ‹...› и не возвращаться домой никогда. Я эмигрировал».— «К Герцену? — восклицает Подросток.— Участвовать в заграничной пропаганде? Вы, наверно, всю жизнь участвовали в каком-нибудь заговоре?» (т. 8, стр. 512). В черновиках выше на эту тему есть такая фраза: «*Есть ли русский, который бы не был в свое время в заговоре?*» (стр. 406). Но в окончательном тексте Версилов иначе на это отвечает: «Нет, мой друг, я ни в каком заговоре не участвовал. ‹...› Нет, я просто уехал тогда от тоски; от внезапной тоски». Это восходит к центральному моменту в мировоззрении Герцена, но так, как его интерпретировал Н. Страхов в своей книге «Борьба с Западом в нашей литературе» (стр. 1—168). Книга печаталась вначале отдельными главами в журнале «Заря» за 1870 г., и тогда же они произвели на Достоевского особенно сильное впечатление. «С нетерпением жду продолжения вашей статьи,— писал он Страхову в письме от 24 марта 1870 г. ‹...› Вы чрезвычайно удачно поставили главную точку Г‹ерцена› — пессимизм ‹...› С страшным нетерпением жду продолжения статьи; тема слишком задирающая и современная» («Письма», т. II, стр. 259). И в письме к нему же от 5 мая 1871 г. Достоевский снова возвращается к этой теме : «Посмотрите опять на Герцена: сколько тоски и потребности поворотить на этот же путь» («Письма», т. II, стр. 357) — т. е. на путь противопоставления России Европе, признания за русским народом особого всемирно-исторического значения для будущих судеб человечества. Страхов упрекал Герцена в том, что он не хотел оставаться верным самому себе. Отчаявшись в Европе, потеряв прежнюю веру свою в европейские идеалы и, как пишет Страхов, в самую идею прогресса, он должен был бы навсегда оставаться в положении постороннего «*зрителя*», подобно «римским философам в первые века христианства», тоже «скорбно смотреть на разрушающийся мир», свободно мыслить, тосковать, мучиться в своем отчаянии, но не действовать, не участвовать ни в каких революциях, ни в каких заговорах (Н. С т р а х о в. Борьба с Западом..., стр. 84—105). Герцен не послушался своего внутреннего голоса, и в этом, по Страхову, его величайшая ошибка, причина вечных сомнений, неполного возврата его на родину, его «нигилистического славянофильства». В окончательном тексте Версилов, тоскующий, разочарованный в европейских идеалах, уходит с «тонувшего европейского корабля» и как бы исправляет ошибку Герцена.

«К Герцену» Версилов не пошел, в заговорах, ни русских, ни европейских, не участвовал, но путь «внутренне» он проделал тот же. Только там, на Западе, в величайшей тоске от того, что «лик мира сего проходит», он понял, что любит только ее, «маму», мать Подростка, крестьянку, символизирующую собою, как сказано в черновиках, Россию, «святую Русь». «Началось,— говорит Версилов Подростку в исповеди своей,— с ее впалых щек, которых я никогда не мог припоминать, а иногда так даже и видеть без боли в сердце — буквально боли, настоящей, физической» (т. 8, стр. 522). «Цивилизованный и отчаянный, бездеятельный и скептический, высшей интеллигенции» (см. стр. 178),— так интерпретирует в одной из черновых записей сам автор идейный смысл образа Версилова — увидел в этих «впалых щеках» матери отпечаток горя народного, и возникла в сердце не столько любовь, сколько великое сострадание. И дальше так представлены взаимоотношения между этой «высшей интеллигенцией» и народом. Она, мать, Россия, «вечно считала себя безмерно ниже меня ‹цивилизованного› во всех отношениях». А между тем, «в жизни моей я не встречал с таким тонким и догадливым сердцем женщины». «Клянусь, она более, чем кто-нибудь, способна понимать мои недостатки». Народ, мать, Россия — только простой народ обладает истинным пониманием вещей, тонким и догадливым своим сердцем чувствует правду.

И вот как рассказывает этот «отчаянный, скептический» интеллигент о своей «странической Одиссее», о своей «эмиграции», как она началась и чем она кончилась. Исповедь — грустная эпитафия всему прошлому, пережитому: «Мои странствия как раз кончились и как раз сегодня. ‹...› Сегодня — финал последнего акта, и занавес опускается. Этот последний акт долго длился». Он начался разрывом с Россией; «начался он очень давно — тогда, когда я побежал в последний раз за границу. Я тогда бросил все, и знай, мой милый, что я тогда разженился с твоей мамой и ей сам заявил про это. ‹...› Я объяснил ей тогда, что уезжаю навек, что она меня больше никогда не увидит» (т. 8, стр. 523, 511).

Так началось и «бегство» Герцена в Европу: он тоже «бросил все», вскоре «разженился» с «мамой», с Россией и тоже сам заявил ей про это, объяснил ей тогда в статье «Россия», что останется в Европе навсегда: «Было время, когда



ДВОРЕЦ ТЮИЛЬРИ. РАЗВАЛИНЫ

Фотография из «Album photographique des ruines de Paris, Collection de tous les monuments et edifices incendiés et détruits par la Commune de Paris», 1871

Литературный музей, Москва

близ Уральских гор я создавал себе о Европе фантастическое представление; я верил в Европу и особенно во Францию. Я воспользовался первой же минутой свободы, чтобы приехать в Париж». Здесь тон бодрый, радостной надежды. Герцен ставит рубеж: «это было еще до Февральской революции», и тогда в Европу можно было еще верить (Герцен, т. VI, стр. 222). Но Достоевский и тут следует Страхову, когда заставляет Версилова эмигрировать не потому, что тот верил в Европу, а «от тоски, от внезапной тоски». В толковании Страхова Герцен всегда был пессимистом, ставил неразрешимые вопросы и в ранних своих произведениях, до эмиграции. Оттого, утверждает Страхов, он так сразу, еще до Февральской революции, стал замечать на лице европейского мира эту «матовую землистость» — Facies hypocratica, по которой доктора узнают, что «смерть уже занесла косу» (там же, стр. 27—28).

Но особенно усилилась тоска Герцена после июньских расстрелов 1848 года. Рассеялись последние иллюзии, и он уже окончательно убедился, что старый мир—Европа безнадежно больна. Европа умирает. Уже видишь эти предсмертные конвульсии. Вот она иногда бессильно усиливается «еще раз схватить жизнь, еще раз овладеть ею, отделаться от болезни, насладиться,— не может, и впадает в тяжкий, горячечный полусон». Таков лейтмотив всех произведений Герцена конца 40-х и 50-х годов. Мотив этот уже слышится в последних его «Письмах из Франции и Италии» и особенно явственно в книге «С того берега».

«Нам больно сознаться, что мы живем в мире, выжившем из ума, дряхлом, истощенном, у которого явным образом недостает силы и поведения, чтоб подняться на высоту собственной мысли». «Мир, в котором мы живем, умирает 〈...〉 никакие лекарства не действуют более на обветшалое тело его». И отсюда тот героический пессимизм, та великая тоска, которая охватила всех, кто обладал «искренностью и независимостью», отвагой бесстрашно смотреть истине в лицо, каким бы ни веяло от нее отчаянием. «Мы живем во время большой и трудной агонии»... И «повсюдная скорбь — самая резкая характеристика нашего времени...» То же в окончательном тексте романа, когда Версилов говорит Подростку, что он эмигрировал «от тоски, от внезапной тоски». Подросток спрашивает его: «Что же, Европа воскресила ли вас тогда?» И Версилов отвечает: «Воскресила ли меня Европа? Но я сам тогда ехал ее хоронить!» (т. 8, стр. 512). Это «*тогда*» определяется довольно точно: «Я не про войну лишь одну говорю и не про *Тюильри*; я и без того знал, что все прейдет, весь лик европейского старого мира — рано ли, поздно ли...». Война — франко-прусская, закончившаяся поражением Франции, и «Тюильри»—Парижская коммуна. Эти европейские события последних лет были воспри-

няты Достоевским трагически. Нарушая хронологические пределы романа,— Версилов по ходу развития действия должен был скитаться по Европе до «Тюильри» (Парижской коммуны),— они вскрывают ту основу, на которой пессимизм Версилова, по мысли Достоевского, приближается к герценовской философии истории.

«О, не беспокойся, я знаю, что это было „логично" ⟨сожжение Тюильри.— *А. Д.*⟩, и слишком понимаю неотразимость текущей идеи, но, как носитель высшей русской культурной мысли, я не мог допустить того, ибо высшая русская мысль есть всепримирение идей» (т. 8, стр. 514). В отличие от славянофилов, Версиловым в черновиках несколько раз подчеркивается, что этой «высшей своей мыслью», «всепримирением идей» русский народ обязан именно Петру I и в этом его великое значение: «Петр Великий нас сделал гражданами Европы, и мы понесли общечеловеческое соединение идей». «Горизонт отверзт перед нами Петром». «Всепримирение идей», или еще иначе: синтез всех частных идей, которые вырабатывает у себя каждая отдельная страна Европы,— вот что является уделом истинного европейца, т. е. русского. Не противопоставление России Европе, а вмещение Россией в себя всей Европы, «всей ее культуры, накопленной всеми народами Запада». И Версилов говорит дальше: «Я скитался один». Один из той тысячи, которая сумела выработать «еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире,— тип всемирного боления за всех» (т. 8, стр. 515). В Европе людей такого типа еще нет. Европа сумела выработать тип француза, англичанина, немца, но еще ничего не знает о будущем своем человеке, о действительном европейце... «Тогда во всей Европе не было ни одного европейца!⟨...⟩ Я, как русский, был тогда в Европе *единственным европейцем*» (т. 8, стр. 515).

И еще и еще раз утверждается Версиловым в окончательном тексте, что мы не только не отвергаем Европы, когда говорим о своем всемирно-историческом назначении; наоборот: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия; каждый камень в ней мил и дорог. ⟨...⟩ Сокровища их наук и искусств, вся история их — мне милей, чем Россия».

Так утверждает и Герцен еще в первом своем «письме из Франции и Италии» (т. V, стр. 21): «Разве родина нашей мысли, нашего образования не здесь? Разве, привенчивая нас к Европе, Петр I не упрочил нам права наследия? Разве мы не взяли их сами, усвоивая ее вопросы, ее скорби, ее страдания вместе с ее нажитым опытом и с ее нажитой мудростью? ⟨...⟩ Воспоминания Европы, ее былое сделались нашим былым и нашим прошедшим». И дальше Герценом противопоставляется Россия Европе на том основании, что там, на Западе, выработались законченные типы, там каждая страна, «чем ближе она к своему окончательному состоянию, тем больше она считает себя средоточием просвещения и всех совершенств», как Англия и Франция, «не сомневающиеся,— в своем антагонизме, в своем соревновании, в своей взаимной ненависти,— что они передовые страны мира». Мы же, в отличие от западных стран, свободны от этой узости. «Многосторонность наша — великое дело». Мы умеем «видеть дальше соседей, видеть мрачнее и смело высказывать свое мнение». Мыслящий русский — «самый независимый человек в свете», самый свободный.

Герцен, этот «еще нигде не виданный высший культурный тип», тип «всемирного боления за всех», Герцен остался в Европе «страдать вдвойне», страдать от своего горя и от горя Европы, «погибнуть, может быть, при разгроме и разрушении, к которому она несется на всех парах». И Герцену действительно грозила гибель — полного отчаяния, «разъедающего душу, парализующего всякую волю к действию». Спасла его вера в Россию, он «вдруг полюбил ее как никогда прежде». «Вера в Россию — спасла меня на краю нравственной гибели». «В самый темный час холодной и неприветной ночи, стоя середь падшего и разваливающегося мира и вслушиваясь в ужасы, которые делались у нас, внутренний голос говорил все громче и громче, что не все еще для нас погибло,— и я снова повторял гетевский стих, который мы так часто повторяли юношами: „Nein, es sind keine leere Träume"*.

За эту веру в нее, за это исцеление ею — благодарю я мою родину» (Герцен, т. V, стр. 10).

Чем же кончаются странствия Версилова? Скитаясь по тому же падшему, разваливщемуся миру, в тоске и в отчаянии, он вдруг полюбил маму, как никогда, с этой минуты началось его выздоровление.

Исповедь Версилова, в которой высказана высшая мысль «общечеловеческого» боления, должна быть поднята и на вершину нравственной высоты. Подросток говорит: «Клянусь, что европейскую тоску его я ставлю вне сомнения и не только наряду, но и несравненно выше какой-нибудь современной практической деятельности ⟨...⟩ Любовь его к человечеству я признаю за самое искреннее и глубокое чувство, без всяких фокусов; а любовь его к маме за нечто совершенно неоспоримое, хотя, может быть, немного и фантастическое» (т. 8, стр. 521). Так именно интерпретирует Страхов и деятельность Герцена. Герцен для него самый искренний писатель, всю жизнь одержимый европейской тоской, «болением за всех», за все человечество. Глубоко искренна была и любовь его к России, внутреннее возвращение его на родину; но видел он

---

* «Нет, это не пустые мечты!» (нем.).

в ней,— по словам Страхова,— «поприще для осуществления своих заветнейших дум ⟨...⟩ Идей, совершенно ей чужих, совершенно посторонних. И тут он как бы вдруг покидает ясную дорогу и вдается в область мрака *фантазии*».

В «Колоколе» от 15 января 1861 г. напечатан некролог Константина Аксакова, написанный Герценом. В нем так говорится о том главном, что соединяло и что разделяло родоначальников «западничества» и «славянофильства»: «У них и у нас запало с ранних лет одно сильное безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они ⟨славянофилы.— *А. Д.*⟩ принимали за воспоминание, а мы за пророчество,— чувство безграничной, обхватывающей все существование, любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума ⟨...⟩ Они всю любовь, всю нежность, перенесли на угнетенную мать. У нас, воспитанных вне дома, эта связь ослабла. Мы были на руках французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка ⟨...⟩ мы сильно полюбили ее, но жизнь ее была слишком тесна. В ее комнатке было нам душно: все почернелые лица из-за серебряных окладов, все попы с причетом, пугавшие несчастную, забитую солдатами и псарями женщину; даже ее вечный плач об утраченном счастье, раздирал наше сердце; мы знали, что у ней нет светлых воспоминаний; мы знали и другое — что ее счастье впереди, что под ее сердцем бьется зародыш, это — наш меньший брат, которому мы без чечевицы уступим старшинство».

Достоевский мог прочитать эту цитату в «Колоколе», когда в 1862 г. был в Лондоне и часто встречался с Герценом, повторно — у Страхова, как и следующие слова Герцена: «И если они ⟨славянофилы.— *А. Д.*⟩ не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб тот скакал по нивам и давил людей,— то они остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей». Этот символ с фельдъегерской тройкой используется потом Достоевским почти дословно, как используются здесь параллели: угнетенная мать, крестьянка, народ, Россия. Сильное безотчетное чувство любви к народу,— у *славянофилов* оно воспоминание, тянет к прошлому, к этим попам с причетом и почернелым лицам из-за серебряных окладов; у *западников* же — революционных демократов, вернее у Герцена, оно пророчество: о том, что счастье этой загнанной, угнетенной матери впереди. У Достоевского здесь, во всяком случае, это «чувство любви к народу» не разъединено: оно у него и «воспоминание» и «пророчество».

Не подлежит сомнению, с Герценом же, с одним из замечательнейших эпизодов, рассказанных им в главе VI седьмой части «Былого и дум», следует поставить в связь некоторые факты и черты из биографии Версилова, сохранившиеся и в окончательном тексте. Однако, с точки зрения вопросов и идей, которые этот центральный образ призван выражать собою в романе, они совершенно лишние, становятся только материалом для комических анекдотов в устах старого князя Сокольского. Разумеем эмиграцию Версилова в Европу, где он попадает на крючок иезуиту, принимает католичество («Ведь вы католический монах»), носит вериги, «проповедует монастырь». Все это производит тем более странное впечатление, что исторически, с самого начала, звучит анахронизмом, поскольку переход в католичество лишен и тени типичности для молодого поколения 40-х годов, увлекавшегося материалистическими взглядами Герцена и Белинского, «Полинькой Сакс» Дружинина и «Антоном Горемыкой» Григоровича, но отнюдь не религией.

И дальше,— в черновиках особенно подчеркнуто,— этот католик, иезуит убежден в неизбежности революции, сочувствует ей; и в то же время революция его не удовлетворяет, поскольку в ней нет ответа на главный вопрос — не столько отдельной личности, сколько всего человечества в целом: «Для чего жить?» Точные науки, все открытия дадут возможность приобрести бездну комфортных вещей, разрешат вопросы о благоустройстве народов. Но человечество отвергнет такое «счастье»: «Теперь сижу на драпе, а тогда *все* будем сидеть на бархате, ну и что же из этого ? Все-таки остается вопрос: что же тогда делать? При всем этом комфорте и бархате,—для чего собственно жить, какая цель? Человечество возжаждет великой идеи» (стр. 94).

Мы несомненно в сфере идей и фактов из жизни В. С. Печерина, рассказанной Герценом под заглавием «Pater V. Petcherine» в шестой книге «Полярной звезды», вышедшей в 1861 г. О Печерине, об этом человеке большого ума и встревоженной совести, ученом и поэте, Герцен говорит с большим сочувствием: как, в начале 30-х годов, он бежал в Европу от «невыносимой духоты» николаевского режима, под влиянием идей утопического социализма Сен-Симона и Фурье мечтал о том, чтобы примкнуть к западноевропейскому революционному движению, но вскоре в нем разочаровался, вернуться обратно в Россию казалось невозможным, впал человек в отчаяние и в 1840 г., приняв католичество, вступил в монастырь, а через три года стал священником ордена редемптористов, близкого к иезуитам.

Достоевский был первый раз за границей в 1862 г.; в Лондоне, в атмосфере Герцена, часто с ним встречаясь, провел целую неделю и, разумеется, прочитал все, что вышло из-под его пера, в первую очередь, конечно, «Былое и думы». До этого про судьбу Печерина Достоевский вряд ли знал что-нибудь: в 30-х годах он был слишком молод, да и вращался не в той среде. Но если знал, то тем более должно было его заинтересо-

вать то, что пишет о нем Герцен, этот «высокий ум» и чуткое сердце, перед авторитетом которого склонялись не только западники, но и люди, близкие к славянофилам, в частности, единомышленник Достоевского по «почве» Аполлон Григорьев.

Печерин — католик, иезуит, «носит вериги» и в то же время во многом разделяет революционные убеждения Герцена: через два года, в ответ на воззвание «Земли и воли», первый пожертвует из своих весьма скудных средств в общий революционный фонд, о чем было опубликовано, с его же ведома (в л. 159 «Колокола» от 16 марта 1863 г.). Это причудливое сочетание черт в биографии Печерина: то, что иезуитом, католиком мог стать человек, как говорит о нем Герцен, столь многим пожертвовавший ради свободы, объясняется в «Былом и думах» бедностью, безучастием, одиночеством. «Разобщенным показался себе, сирым русский человек в сортированном и по горло занятом Западе, ему было слишком безродно» (Герцен, т. XI, стр. 392). Но ушел Печерин в иезуитский монастырь вряд ли только от того, что, как говорит Герцен «судьба его, вдруг отрешенная от всякого внешнего направления, попала в его собственные руки, он не знал, что делать, не умел с ней управляться». Владело им в течение многих лет искреннее и глубокое религиозное чувство, породившее коренное несогласие на всю жизнь с философией материализма. Это сказалось и при первой встрече с Герценом в 1853 г., и в той полемике (в письмах), которая вскоре возникла между ними, как только Печерин познакомился с двумя центральными работами Герцена того времени: «Русский народ и социализм» и «Развитие революционных идей в России».

В письме от 15 апреля 1853 г. Печерин выступает против того, что Герцен придает во второй работе слишком большое значение философии и литературе, которые будто бы «призваны обновить настоящее общество». Его же, Печерина, убеждение, что «когда философы, ораторы и поэты господствуют и разрешают все общественные вопросы, тогда конец, падение, тогда смерть общества». Только одна религия служила всегда основой государства. И дальше о фаланстере и коммунизме: «У вас вырвалась фраза, счастливая или несчастная, как хотите: вы говорите, что „фаланстер — не что иное, как преобразованная казарма, и коммунизм может быть только видоизменение николаевского самовластья". Я вообще вижу какой-то меланхолический отблеск на вас и на ваших московских друзьях. Вы даже сами сознаетесь, что вы все Онегины, т. е., что вы и ваши — в отрицании, в сомнении, в отчаянии. Можно ли перерождать общество на таких основаниях?» (Герцен, т. XI, стр. 397).

Но еще показательнее, в смысле сближения идей Версилова с идеями Печерина, следующее письмо Печерина от 3 мая 1853 г. в ответ на письмо Герцена от 21 апреля 1853 г. Герцен настаивает на огромном преобразовательном значении не столько философии и литературы, сколько науки — науке принадлежит будущее. «Она — средство, память рода человеческого, она — победа над природой, освобождение. Невежество, *одно невежество* — причина пауперизма и рабства. Массы были оставлены *своими воспитателями* в животном состоянии. Наука, одна наука может теперь поправить это и дать им кусок хлеба и кров. Не пропагандой, а химией, а механикой, технологией, железными дорогами она может поправить мозг, который веками сжимали физически и нравственно» (Герцен, т. XI, стр. 399). «Признаюсь вам откровенно,— пишет ему Печерин,— ваше последнее письмо навело на меня ужас, и ужас очень эгоистический, признаюсь и в этом.

Что будет с нами, когда *ваше* образование (votre civilisation à vous) одержит победу? Для вас *наука* — все, альфа и омега. ‹...› Наука ограниченная, узкая, наука материальная, которая разбирает и рассекает вещество и ничего не знает, кроме его. Химия, механика, технология, пар, электричество, великая наука пить и есть ‹...› Если *эта* наука восторжествует, горе нам! ‹...› Куда бежать от тиранства вашей материальной цивилизации? Она сглаживает горы, вырывает каналы, прокладывает железные дороги, посылает пароходы, журналы ее проникают до каленых пустынь Африки, до непроходимых лесов Америки. Как некогда христиан влекли на амфитеатры, чтоб их отдать на посмеяние толпы, жадной до зрелищ, так повлекут теперь нас ‹...› на публичные торжища и там спросят: „Зачем вы бежите от нашего общества? Вы должны участвовать в нашей материальной жизни, в нашей торговле, в нашей удивительной индустрии. Идите витийствовать на площади, идите проповедовать политическую экономию, обсуживать падение и возвышение курса, идите работать на наши фабрики, направлять пар и электричество. Идите председательствовать на наших пирах: рай здесь на земле — будем есть и пить, ведь мы завтра умрем!" Вот что меня приводит в ужас, ибо где же найти убежище от тиранства материи, которая больше и больше овладевает всем?» (см. Герцен, т. XI, стр. 400). Это тот же тон, который слышится в возражениях Версилова на социальные идеи долгушинцев. Сказывается близость в существе их мировоззрений, как и должно быть у людей сходного романтического строя. Достоевскому думалось о Печерине, наверно, не только в связи с тем, что узнано о нем у Герцена в 1862 или 1863 гг. В 1865 г. в самом конце августа И. С. Аксаков (тогда редактор славянофильской газеты «День»), в основном единомышленник Достоевского, неожиданно получил от Печерина письмо с приложением нескольких стихотворений. На Достоевского эти стихи должны были произвести огромное впечатление.

Не погиб я средь крушенья!
Не пришел еще мой час!
И средь бурного волненья
Мой светильник не погас!

И подчас, как молньи, блещут
Мысли юности моей,
И в груди моей трепещут
Вдохновенья прежних дней.

Чудится — плывут в эфире
Звуки песней удалых
И волшебница на лире
Мне поет о снах златых

Рано, рано с утренней зарею
Вышел я из хижины родной,
И зеленый лес передо мною
Расцветал весеннею красой.

На ветвях алмазами сверкали
Капли крупные росы ночной,
Дикие цветы благоухали
В пышном лоне зелени густой...

На сосне, сосне высокой
Птичка дивная сидит,
И ее живое око
Прямо в небеса глядит.

Встрепенулась и запела,
И — весь лес безмолвен стал;
Птичка пела, пела, пела,
А я слушал и молчал.

Заливалась, разливалась,
Будто соловей, она,
И мне песнь ее казалась
Тайной грустию полна.

Райская была та птица
И о рае песнь вела,
И *туда* меня певица
И манила и звала:

«Вечным солнцем там сияет
Правды незакатный свет!
Там любовь не умирает,
И разлуки вовсе нет!

О, дух, жаждою томимый!
Там тебя блаженство ждет!
Там струей неутомимой
Истины поток течет.

Там под небом вечно чистым
Будешь птичкою парить,
Как пчела, из роз душистых
Сладкий мед ты будешь пить.

Что тебе страна родная
Меж туманов и снегов?
Там — свобода золотая!
Жизнь эфирная духов!»

Птичка пела, пела, пела,
А я слушал — и мечтал;
Быстро жизнь моя летела;
Дни прошли — и я не знал.

И красуется, как прежде, в пышной
Зелени, густой, могучий лес;
Но певицы дивной уж не слышно,
И навеки след ее исчез.

Время хладною рукой сорвало
Юности венок с главы моей,
Все померкло — сердце перестало
Верить сладким песням вешних дней...

Бесприютным сиротою
Я у хижины родной
Постучался в дверь клюкою —
Мне ответил глас чужой:

«Кто ты, странник? из какого края?
Где твой бог? и где твоя семья?..
Или, может быть,— судьбина злая
На изгнанье обрекла тебя?

Есть народная святыня!
Есть заветный кров родной!
И семейство, как твердыня,
Нас хранит в године злой.

Неужель на белом свете
Некому тебя обнять,
Приютить, пригреть на сердце
И тебе „люблю“ сказать?»

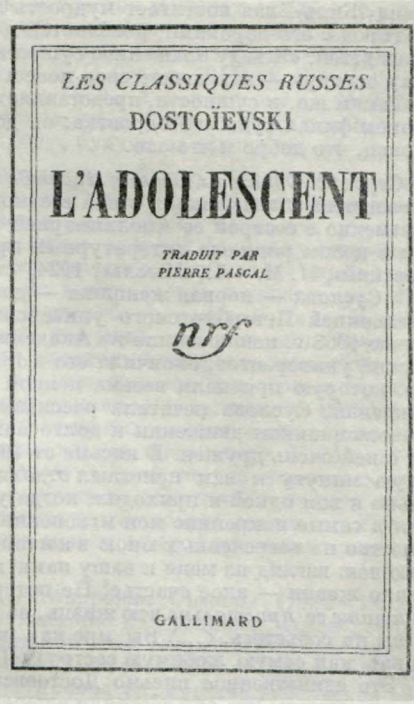
Странник:
Ах! поверь: и мне не чужды были
Ласки матери родной!
И друзья мне счастие сулили,
И звезда светила предо мной!
Но — я слышал глас Красы незримой;
Этот глас меня очаровал.
Я отца, и мать, и край родимый —
Все на жертву ей отдал!
Где ты? где, Краса небесная!
Где? В какой стране тебя найду?
За горами ль за высокими?
За морями ль за широкими?
Всюду за тобой пойду!
Предо мной везде она мелькала
И манила за собой;
Я за ней.— Она вдруг исчезала,
Будто призрак в тьме ночной.
И теперь бездомным сиротою
По́ миру один брожу,
Сладкого везде ищу покою —
И нигде не нахожу...

В письме Печерина, сопровождавшем эти стихотворения, мы находим следующие грустные слова: «Я сам не могу себе объяснить, для чего я посылаю вам эти стихи. Это какое-то темное чувство — или просто желание переслать на родину хоть один мимолетный умирающий звук».

Аксаков немедленно напечатал и письмо и стихотворения, предпослав им горячо написанную передовую статью. «Мы не знаем,— писал он,— найдется ли в России человек, которому глубокая скорбь этих искренних, сердечных, ароматических стихов не выворотила бы всего сердца! Это брат наш скорбит и страдает, это родная нам душа бьется, как птица в клетке, изнывает, гибнет и стонет! Он наш, наш, наш — даже под латинским фроком! — он имеет полное право на наше участие и сострадание! Неужели нет для него возврата? Ужели поздно, поздно?.. ‹...› Русь простит заблуждения, которых повод так чист и возвышен, она оценит страстную, бескорыстную жажду истины» («День», 1865, № 29, 2 сентября).

Появились в 60-х годах и другие сведения о Печерине, которые Достоевский должен был читать. В 1863 г. рассказал (в «Московских ведомостях», №№ 168 и 174) историю обращения Печерина Катков. По его словам, Печерин уверовал под влиянием одного случая, который его потряс. Будучи человеком безусловно неверующим, он однажды в Брюсселе вошел в католическую церковь, чтобы посмеяться и покощунствовать, и затеял богословский спор с монахом-редемптористом; но монах разбил его доводы, поразил его непоколебимой твердостью своего убеждения и сумел пробудить в молодом

ОБЛОЖКА ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК»
(Париж, 1956)



вольнодумце религиозное чувство; результатом был переход Печерина в католичество и вступление его в орден редемптористов. В предисловии Огарева к сборнику русских запрещенных стихов говорится об этом же глухо: «Внешнее чудо могло столкнуть его живого в гроб» (Н. П. Огарев. Избранные произведения, т. 2. М., 1956, стр. 492). В повести «Долг прежде всего» Герцен явно воссоздал эту же историю из жизни Печерина (Герцен, т. VI, стр. 525). В «Русском архиве», 1870, № VII, был опубликован отрывок очень интересных собственных воспоминаний Печерина. И в № XI — его замечательное письмо к попечителю Московского учебного округа графу С. Г. Строганову, в котором он подробно объясняет причину, почему он решил навсегда остаться в Европе.

Стр. 112. *Вообще весь роман через лицо подростка, ищущего правды жизненной (Жиль-Блаз и Дон-Кихот), может быть очень симпатичен.*— Образ Подростка ассоциируется в сознании писателя одновременно с двумя колоссальными по емкости типическими образами из мировой литературы. С Жиль-Блазом — преимущественно сюжетно, по истории жизни и приключений юноши из «случайного семейства», «его исканий, надежд, разочарований, горечи, возрождения», когда он сталкивается с людьми разных классов и сословий в поисках своего места на земле. С Дон-Кихотом— по своей нравственной высоте; это история,— читаем мы чуть ниже этой записи,— «самого милого, самого симпатичного существа», сердцу которого, его «милой симпатии и глубине идей», «при таком легком образовании», удивляется человек такой исключительной душевной глубины, как Версилов.

Первые части знаменитого романа Алена Рене *Лесажа* (1668—1747) «История Жиль Блаза» вышли в 1715 году. Создавался роман в течение двадцати лет и печатался частями. В начале книги Жиль-Блаз — неопытный юноша, в заключительных главах ее — это уже пожилой человек, испытавший многие превратности судьбы. Член «случайного семейства», сын конюха, получивший скромное образование, умный и с добрым сердцем, он покидает родительский дом и отправляется странствовать в поисках счастья. Мир ему кажется прекрасным, как и люди — все без исключения. Но жизнь сразу разбивает его юношескую мечту. Начинаются его испытания, падения и подъемы. Его обманывают и над ним потешаются как над деревенским легковерным парнем. Всюду, во всех слоях общества, он встречает людей хитрых, корыстных, расчетливых и коварных. Следует рассказ о целом ряде его падений: он становится мошенником, ведет знакомство с ворами, сам участвует в воровских операциях. Но хорошие душевные качества его натуры берут верх, он вовремя осуждает себя и свои поступки,

исправляется, чтобы снова поддаться соблазну и снова падать. В последних книгах романа Жиль-Блаз постигает мудрость жизни, успокаивается. Он окончательно бросает город с его пороками, поселяется в деревне в своем маленьком поместье и воспитывает детей. «Я веду блаженное существование, окруженный людьми, столь дорогими моему сердцу»,— заключает свое повествование Жиль-Блаз.

Таким же, в сущности, представляется Достоевскому в первой стадии работы над романом финал судьбы Подростка: он должен после всех своих мытарств постигнуть, наконец, что добро и что зло.

Стр. 112. *Однажды пошел к Надежде Прокофьевне...*— Речь идет о Н. П. Сусловой. Достоевский познакомился с ней в самом начале 60-х годов, по всей вероятности, одновременно с сестрой ее Аполлинарией Прокофьевной, оставившей в его личной жизни и в целом ряде его литературных произведений очень большой след (см. сб. «Достоевский», II. М.—Л., «Мысль», 1924, статья А. Долинина «Достоевский и Суслова»). Н. П. Суслова — первая женщина — доктор медицины в России. Она была вольнослушательницей Петербургского университета, затем Медико-хирургической академии. Весною 1863 г. исключенная из Академии, она уехала в Швейцарию, поступила в Цюрихский университет, окончила его в 1867 г., блестяще защитив докторскую диссертацию, которую признали весьма ценной в научном отношении. Будучи крайне левых убеждений, Суслова печатала рассказы в «Современнике» Некрасова, участвовала в революционном движении и долго находилась под надзором полиции. Достоевский был с ней очень дружен. В письме от 19 апреля 1865 г. он пишет ей: «Я в каждую тяжелую минуту к вам приезжал отдохнуть душой, а в последнее время исключительно только к вам одной и приходил, когда уж очень бывало наболит в сердце. Вы видели меня в самые искренние мои мгновения...» И дальше: «Я вас высоко ценю, вы редкое существо из встреченных мною в жизни, я не хочу потерять вашего сердца. Я высоко ценю ваш взгляд на меня и вашу память обо мне ⟨...⟩ У вас теперь юность, молодость, начало жизни — экое счастье! Не потеряйте жизни, берегите душу, верьте в правду. Но *ищите* ее *пристально* всю жизнь, не то — ужасно легко сбиться. Но у вас есть сердце, вы не собьетесь. ⟨...⟩ Вы мне как молодое, новое дороги, кроме того, что я люблю вас, как самую любимую сестру» («Письма», т. I, стр. 403—405).

Это единственное письмо Достоевского к ней, которое сохранилось. Но есть основание думать, что они состояли в переписке довольно долгое время. В этом же письме Достоевский признавался ей: «Вы мне всегда будете очень памятны». Почти через три года он так говорил о ней своей племяннице С. А. Ивановой-Хмыровой: «На днях прочел в газетах, что прежний друг мой, Надежда Суслова, ⟨...⟩ выдержала в Цюрихском университете экзамен на доктора медицины и блистательно защитила свою диссертацию. Это еще очень молодая девушка: ей, впрочем, теперь 23 года, редкая личность, благородная, честная, высокая!» («Письма», т. II, стр. 73). Суслова, очевидно, должна была появиться в финале романа, после пережитых Подростком душевных мук в поисках правды, когда он в разных средах, в которых «вращался», всюду находил только разочарование «и с оскорбленной душой со всех сторон не знал, к кому пойти». У Сусловой он поразился ее высоким нравственным строем, «вышел с умилением». Умилением перед теми же высокими качествами ее души окрашен тот сложный комплекс чувств, который Ахмакова вызывает в Подростке. Автор придает ей черты студентки 60-х годов, снимая с нее маску великосветскости. Как студент со студентом, говорили они часто, они «читали „факты" ⟨...⟩ По целым часам говорили про одни только цифры, считали и примеривали, заботились о том, сколько школ у нас, куда направляется просвещение. Мы считали убийства и уголовные дела, сравнивали с хорошими известиями ⟨...⟩ Хотелось узнать, куда это все стремится и что с нами самими, наконец, будет» (т. 8, стр. 282). Совсем как студентка Надежда Суслова, активно работает Ахмакова в знаменитых воскресных школах 60-х годов. Ахмакову сближают с Сусловой и общественные ее взгляды. На стр. 136 в черновиках есть такая запись: «... сделать так, что, может быть, Васин имеет на нее ⟨Ахмакову⟩ некоторое влияние».

Стр. 114. *Король Людовик XVII, сапожник...* — Второй сын Людовика XVI, при рождении получил титул герцога Нормандского и в 1789 г., после смерти старшего брата, сделался дофином. В 1792 г. вместе с родителями был заключен в Тампль. После казни отца дядя Людовика, граф Прованский, провозгласил его за границей королем под именем Людовика XVII. В июле 1793 г. он был разлучен с матерью и передан для воспитания якобинцу Симону, по профессии сапожнику, который обращался с ним не «по-королевски». В начале 1794 г. был подвергнут одиночному заключению. После тяжелой болезни 8 июня 1795 г. умер. Был похоронен в общей могиле, и после реставрации Бурбонов его останки не были найдены. Это сделало возможным появление самозванцев, принимавших его имя. Среди них наиболее известны Матюрен Брюно и Анри Эбер. В 1834 г., когда Эбер был привлечен к суду за обман, против его притязаний был объявлен протест от имени «истинного Людовика XVII», часовых дел мастера из Пруссии, Карла Вильгельма Наундорфа (ум. в 1845 г.). Уже в эпоху Реставрации он выдавал себя за спасшегося из Тампля Людовика. Черты сходства его с фамильным типом Бурбонов, в особенности сходства его дочери с матерью Людовика, Марией Антуанеттой, многим внушали доверие к его показаниям. После суда над

ним, который признал его маниаком, Наундорф был выслан из Франции. Сын его продолжал считать себя претендентом на французский престол и дважды возбуждал по этому поводу процессы. Во Франции историки долго занимались этим вопросом, веря в тождество Наундорфа с Людовиком. Достоевскому могли быть известны следующие работы: J. Eckard. Mémoires historiques sur Louis XVII (Paris, 1817); A. Beauchêsne. Louis XVII. Sa vie, son agonie, sa mort (Paris, 1852), A. Nettement. Histoire populaire de Louis XVII (Paris, 1864). Особенно надо иметь в виду последнюю работу, которую Достоевский мог читать в 1865 году, будучи за границей.

Стр. 114. *...читают Виктора Гюго.*— Последний роман Гюго «Девяносто третий год», где решается вопрос о смысле и значении, с точки зрения нравственной, великих событий во Франции в эпоху Конвента. Идеалист в философии, пацифист, утопист в политике, ставивший своей задачей «дополнить великое правдой и правду великим», Гюго всегда видит в исторических лицах и исторических событиях «категории добра и зла», символы «движения от зла к добру», «от тени к свету», в данном произведении — «от монархии через республику террора к республике милосердия». У него Симурден, носитель идеи революции, с ее «логикой, режущей, как нож гильотины»,— односторонность. Так же односторонен и Лантенак, носитель идеи феодализма, консерватор, «отомститель». Единственно прав Говен, возвышающийся над обоими носителями частных идей, выразитель идеи автора, идеи гуманности, истинного «добра» и «света». Лантенак и Симурден — антитеза; у каждого из них — своя железная последовательность логически развивающейся идеи прошлого или настоящего. У Говена — синтез, идея будущего, «свет, рождающийся из хаоса». С этой же утопической точки зрения, с позиций высшей гуманности, пытается смотреть на события Парижской коммуны Достоевский. Так, версиловской теме «сожжение Тюильри» уделяется в черновиках исключительное внимание и почти всегда в этом «сверхлогическом» аспекте Говена.

Стр. 115. *Отчасти Спешнев.*— Николай Александрович *Спешнев* (1821—1882), один из самых главных деятелей, наиболее революционно настроенных, среди петрашевцев. Был приговорен к расстрелу, по конфирмации к 10 годам каторжных работ, которые отбывал в Нерчинском округе; манифестом 26 августа 1856 г. освобожден от каторги. Оставшись на поселении в Сибири, редактировал «Иркутские губернские ведомости». В начале 1860 г. вернулся в Петербург, с 1861 г. занимал должность мирового посредника Островского уезда Псковской губ. и, по донесению местных властей, твердо стоял за интересы крестьян. В кругу петрашевцев Спешнев — самая яркая фигура, оказавшая на Достоевского неотразимое влияние. По убеждению — атеист, коммунист; он знал безусловно «Нищету философии» Маркса, быть может, знаком был и с «Коммунистическим манифестом». Живя в Швейцарии и принимая там активное участие в политической жизни (по словам петрашевца Момбелли, участвовал в войне либеральных кантонов за изгнание иезуитов), Спешнев должен был лично знать известного коммуниста Вейтлинга. Человек сильной воли, с таинственным романтическим прошлым, вдумчивый, зорко наблюдательный, почти всегда молчаливый, обаятельный красавец, по праву относившийся к большинству петрашевцев с оттенком превосходства, всеми признаваемого,— Спешнев в известной мере мог послужить прототипом частью для Васина, а кое-какими чертами и для Версилова. «Чудная судьба этого человека!»— пишет о нем Достоевский в письме к брату из Омска от 22 февраля 1854 г.,— «Где и как он ни явится, люди самые непосредственные, самые непроходимые окружают его тотчас же благоговением и уважением» («Письма», т. I, стр. 140). В письме к Добролюбову от 12 февраля 1860 г. глубоко правдивый А. Н. Плещеев, ближайший друг Достоевского в последние годы до каторги, пишет о Спешневе такие восторженные слова: «Сегодня я, для своих именин, был порадован не одним вашим письмом, но еще приездом одного очень дорогого моему сердцу человека — Спешнева; он едет из Сибири с Муравьевым и будет непременно у Чернышевского, с которым желает познакомиться. Я дал ему и ваш адрес. Рекомендую вам этого человека,— который, кроме большого ума, обладает еще качеством,— к несчастию, слишком редким у нас: у него всегда слово шло об руку с делом. Убеждения свои он постоянно вносил в жизнь. Это в высокой степени честный характер и сильная воля. Можно сказать положительно, что из всех *наших* — это самая замечательная личность» («Русская мысль», 1913, кн. 1, стр. 142). В письмах к Достоевскому конца 50-х и начала 60-х годов, интимно дружеских, в которых ясно ощущается духовная близость между ними и общность взглядов, Плещеев несколько раз спрашивает о Спешневе — от 13 декабря 1859 г.: «Ради бога, сообщи ты мне,—правда ли, что Спешнев в Петербурге»; от 17 марта 1860 г.: «Что Спешнев дол го ли будет в Петербурге и где поселится» и т. д. (о Спешневе см. В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I. М., 1922, стр. 167—204; «Былое», № 25, 1924, а также А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. М., 1956, стр. 176; Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1959, стр. 65—70 и 77—80; М. Бакунин. Письма к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896, стр. 46—47 и 50—62).

Образ Спешнева ассоциируется здесь с революционно настроенным представителем молодого поколения, который должен обратить на себя особое внимание тем, что,

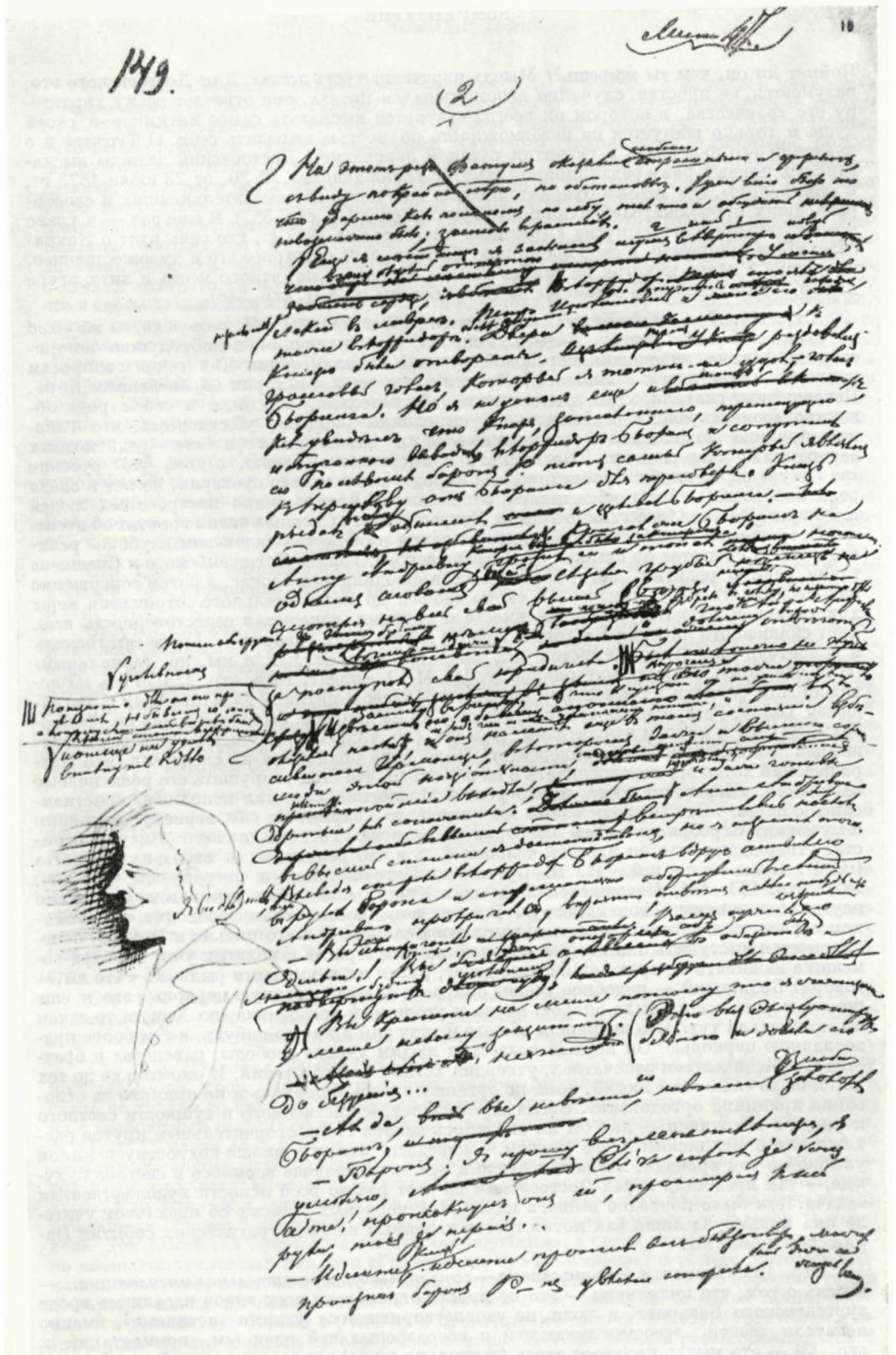
работая у немца на фабрике, на техническом заводе («настойчивость»), проповедует необходимость, в целях революции, считаться особенно с техникой. Источник, откуда взят образ этого революционера, здесь же указан: «Гражданин», 19 августа, Письма А⟨лексан⟩дра (Порецкого). Порецкий, путешествовавший летом 1874 г. по югу России, так рассказывает об одном молодом человеке: «В известной колонии Хортице, в Александровском уезде, есть фабрика земледельческих орудий. Когда я в последний раз был там⟨...⟩, вечером, вижу — на двор фабрики въезжает щегольской тарантас, запряженный тройкою превосходных серых коней.— Что за экипаж? — спрашиваю хозяина.— Это за одним из моих рабочих.—Как? за рабочим?—Один соседний помещик, богатый помещик, молодой человек, захотел быть у меня рабочим. — Что же это? От нечего делать, поиграть молотом для собственного увеселения? — О, нет! — воскликнул мой хозяин с некоторой торжественностью.— Отличный работник! Он, конечно, не берет платы, а пожелай, я бы положил ему по меньшей мере 20 рублей в месяц. Вот он сейчас переоденется и выйдет, вы его увидите.—Действительно через четверть часа показался прилично одетый и очень видный ⟨...⟩ молодой человек, сел в тарантас и покатил со двора».

Недалекий Порецкий с изумлением добавляет: «Так вот какие у нас заводятся работники!» Для Достоевского же это особенная, совершенно новая разновидность среди молодежи, революционер гораздо более трезвый, с ясным взглядом в будущее. Его новые убеждения в том сказываются, что он советует обратить особое внимание на техническую часть: «... примись у нас во всей России хотя бы только одна техническая часть хорошо, то уже произойдет переворот (революция) несравненно сильнейшая и успешнейшая, чем все ваши обращения к народу» (стр. 115).

Стр. 116. *Тон фатишки (Паша).*— Имеется в виду пасынок Достоевского Павел Александрович Исаев, которому он однажды писал («Письма», т. I, стр. 364): «У тебя на уме хвастовство, *задать шику, тону*». Хвастался Исаев близостью своей с Достоевским и с начальниками тех учреждений, в которых он служил, тратил нередко последние деньги на галстуки, на манишки, чтобы пофорсить. Таким он был в молодости, таким он оставался и женившись, имея уже несколько детей (о нем см. «Письма» Достоевского, по указателю к т. IV писем, а также «Воспоминания» А. Г. Достоевской).

Стр. 116. *Детство и отрочество. Поэт мелкого самолюбия. Лиза отстраняет литературу.* И на этой же странице несколько дальше: *Нет, это вы поэт мелкого самолюбия, а не граф Толстой (а черемуха).* — «Детство и отрочество» Толстого, написанное от лица центрального героя, от «*Я*» Николеньки Иртенева, безусловно, должно было быть, наравне с «Исповедью» Руссо, «Жиль-Блазом» и «Дон-Кихотом», в художественной памяти Достоевского, когда стоял перед ним вопрос о жанре: писать ли роман от автора, или от лица Подростка, «робко и дерзко желающего поскорее ступить свой первый шаг в жизни». Самолюбие героя Толстого проявляется «мелко», по-детски, в главе IX «Детства», когда он хочет превзойти Володю и искусством ездить верхом и молодечеством (Л. Н. Толстой, т. 1, 1928, стр. 28), в главе XXVII, где говорится о раздумье героя по поводу чувства грусти, к которому всегда примешивалось какое-то самолюбивое чувство — «то желание показать, что я огорчен больше всех, то заботы о действии, которое я произвожу на других» (там же, стр. 85—86). Об этом же, о мелком самолюбии,— в следующей главе: об анализе чувства тщеславия... и т. д. и т. д. В частности, внимание Достоевского могла бы особенно привлечь глава VI в «Отрочестве», где самолюбие героя, уже не детское, проявляется в такой сфере, к которой область переживаний Подростка подходит несколько ближе. «Я был слишком самолюбив,— говорит Николенька,— чтобы привыкнуть к своему положению, ⟨...⟩ старался презирать все удовольствия ⟨...⟩, которыми на моих глазах пользовался Володя, и которым я от души завидовал, и напрягал все силы своего ума и воображения, чтобы находить наслаждения в гордом одиночестве» (Л. Н. Толстой, т. 2, стр. 21). Показательно, однако, что дальше эта оглядка на трилогию Толстого нигде не повторяется. Слова Лизы в скобках «а черемуха» ясно намекают на то, насколько Достоевский и Толстой противоположны друг другу в основах своего мировосприятия. Сцена с черемухой во второй главе «Отрочества» — это чувство единства со всей окружающей природой: «Необозримое озимое поле ⟨...⟩ расстилается тенистым ковром до самого горизонта; с другой стороны осиновая роща ⟨...⟩ как бы в избытке счастия стоит, не шелохнется и медленно роняет с своих обмытых ветвей светлые капли дождя на сухие прошлогодние листья. ⟨...⟩ Хохлатые жаворонки; в мокрых кустах слышно хлопотливое движение маленьких птичек, и из середины рощи ясно долетают звуки кукушки. ⟨...⟩ Бегу к кустам, ⟨...⟩ рву мокрые ветки распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь их чудным запахом. ⟨...⟩ Кричу я: ⟨...⟩ — Посмотри, как хорошо! ⟨...⟩— Да ты понюхай, как пахнет!» (там же, стр. 12). В сравнении со счастьем освеженной и повеселевшей природы какой жалкой кажется эта угрюмая сосредоточенность самолюбивого одиночества, когда человек, занятый исключительно собою, себя противопоставляет миру, людям, всей окружающей жизни.

Стр. 117. *Мысль изреченная есть ложь.* — Цитата из стихотворения Тютчева «Silentium», из второй строфы: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? /



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва

Поймет ли он, чем ты живешь?/ Мысль изреченная есть ложь». Для Достоевского это, разумеется, не простая, случайно запомнившаяся цитата, она отвечает всему характеру его творчества, в котором он всегда старается высказать самое интимное в своей душе и горько жалуется на невозможность полностью выразить себя. О Тютчеве и о значении его как поэта в развитии русской литературы Достоевский дважды высказался: в первый раз в редакционной заметке «Гражданина», № 30, от 23 июля 1873 г., в «Некрологе», где Тютчев охарактеризован как «один из замечательнейших и своеобразнейших продолжателей пушкинской эпохи» (т. XIII, стр. 587). И еще раз — в главе второй декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г., где речь идет о Некрасове: «Был, например, в свое время поэт Тютчев, поэт обширнее его и художественнее, и, однако, Тютчев никогда не займет такого видного и памятного места в литературе нашей, какое бесспорно останется за Некрасовым» (т. XII, стр. 348).

Стр. 121. *Я уважаю Христа как деятеля...* И на стр. 192: *Я, тетушка, не то чтоб не уважал вашего Христа...*—Здесь, конечно, реминисценция, в добродушно юмористическом тоне, отношения передовой русской интеллигенции 40-х годов к вопросам религии, в частности к личности Христа и его роли в истории европейского мира. Петрашевцы считали себя атеистами; и действительно, это было в своем роде общество «воинствующих безбожников», по словам Герцена, убежденных, что главная причина порабощения русского народа и заключается в его религиозных верованиях. Утверждение Белинского в письме к Гоголю, о том, что русские «по натуре своей глубоко атеистический народ», в нем «много суеверия, но нет и следа религиозности»,— было убеждением большинства прогрессивно настроенных людей той эпохи. В марте 1848 г. на пятницах Петрашевского Спешнев читал трактат об атеизме. Петрашевец Тимковский был до вступления в общество человеком глубоко религиозным. В обществе он слышал от Петрашевского, Толля, Ястржембского и Спешнева такие речи о религии, которые сначала приводили его в ужас, а потом совершенно поколебали его веру, так что он скоро «дошел до положительного отрицания веры христианской <...> Петрашевский вместе с другими доказывал недостоверность всех книг священного писания Ветхого и Нового завета <...>, говорил <...>, что сам господь и спаситель наш Иисус Христос был такой же человек, как и мы, но гениальный» («Петрашевцы». Сборник материалов, т. III. М., Госиздат, 1928, стр. 125). Речь «О ненадобности религии в социальном смысле» произнес в пятницу 11 марта 1849 г. петрашевец Толль. Рассуждения его, как показал он на допросе, было построено по Фейербаху, Бауэру и другим мыслителям (там же, стр. 135). Причастный к обществу петрашевцев вольнослушатель университета Модерский показывал на следствии, что Петрашевский хотел его перевоспитать и начал с того, что стал разрушать его религиозные верования. «Перевоспитание» имело успех: Модерский перестал исполнять христианские обряды. От Петрашевского же поневоле заразился безверием чиновник и музыкант Серебряков: «Там не верят в религию господа нашего Иисуса Христа, утверждают, что он простой человек <...> и что религия есть страх и трусость» (В. И. Семевский. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I. М., 1922, стр. 153—154). Петрашевский называл Христа «известным демагогом, несколько неудачно кончившим свою карьеру». Все это, в сущности, если не восходит, то, во всяком случае, сливается полностью с мыслями Белинского в его письме к Гоголю, осмелившемуся выступить с книгой, в которой во имя Христа и религии учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их неумытыми рылами. «Что вы,— говорит Белинский,— подобное учение опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма, но Христа-то зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было *спасением* людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии». Взгляды юных лет, единственного в сущности светлого периода в его жизни,— как бы ни оказалось вскоре столь огорчительным крутое расхождение с Белинским и его кругом,— передать милому юноше-подростку с милой улыбкой о том времени, когда так легко и всезахватывающе верилось в светлое будущее,— так предстала перед Достоевским на этот раз во всей ясности художественная задача. Как было показано выше, в начальных черновых записях об идеальном учителе она мелькнула лишь как мотив третьестепенный на фоне трагических событий Парижской коммуны.

Стр. 125. *Нигилизм без социализма — есть только отвратительная нигилятина...*— Мысль о том, что нигилисты — это не просто отрицатели всех видов идеализма вроде тургеневского Базарова, а люди, не удовлетворяющиеся узкими «истинами», именно искатели общей, всеосмысливающей и всеразрешающей идеи (см. комментарий к стр. 73),— эта мысль получает здесь (несколько ниже) толкование, еще более близкое к статье Н. К. Михайловского «Идеализм, реализм и идолопоклонство», на которую мы ссылались. Здесь прямо уже противопоставляется «нигилизм» и «отвратительная нигилятина» как высокая идея социализма и тупость, мошенничество и «радость праву на бесчестие».

Стр. 136. *Светская заносчивость, нестерпимая гордость, английское упрямство и щепетильность (жена Байрона), мелкое самолюбие — вот ее великосветская сторона.*— Так представляется Достоевскому, в этот ранний период работы над романом, «мрачная» сторона характера «княгини», Катерины Николаевны Ахмаковой; но тут же добавляется: «хотя и с чрезвычайно светлыми проблесками ⟨...⟩ истинного великодушия», истинного человеколюбия. Такой именно внутренне противоречивой должно было получиться представление о жене Байрона по тем воспоминаниям о Байроне и его биографиям, которые появились в литературе 60-х и 70-х годов на многих европейских языках, и на русском. Интерес Достоевского к Байрону был всегда очень большим. Он называл его «великим и могучим гением, страстным поэтом», в стихах которого «зазвучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование его в своем назначении и в обманувших его идеалах» (т. XII, стр. 350). Достоевский мог знать, наверно, работу Маколея в первом томе его сочинений, появившемся в 1860 г. («Жизнь лорда Байрона, описанная Томасом Муром»), и саму книгу Томаса Мура: «Жизнь лорда Байрона» (СПб., 1865), где вопрос об истинной причине семейной драмы Байрона занимает очень большое место. В книге «Воспоминаний» о нем, появившейся в 1868 г., виновной рисуется леди Байрон: женщина гордая, холодная, узкосердечная, неимоверно упрямая; счастье своего великого мужа она принесла в жертву своим мелким общественным предрассудкам. А приблизительно через год выступает в ее защиту знаменитый автор «Хижины дяди Тома» Бичер-Стоу. В связи с этим разгорелась в европейской печати страстная полемика, нашедшая свое отражение и в русской журналистике, в частности в первой книжке «Отечественных записок» 1870 г., в статье о Байроне, где приводятся, между прочим, выдержки из бумаг леди Анны Бернард, близкой к жене поэта (см. Алексей В е с е л о в с к и й. Байрон. М., 1914).

Стр. 136. ... *с подробностями à la Л⟨ев⟩ Т⟨олстой⟩.*— Очевидно, упоминается Лев Толстой (об отношении к его творчеству Достоевского см. ниже в комментарии к стр. 367).

Стр. 137. ...*у старого князя был припадок размягчения мозга* (*Ламанский*). Порфирий Иванович *Ламанский* (1824—1875) — брат известного историка-слависта Евгения Ивановича, занимая довольно видный пост в Министерстве путей сообщения. В письме к жене от 6 февраля 1875 г. Достоевский пишет: «Вообрази, Порфирий Ламанский умер от того, что закололся в сердце кинжалом!» («Письма», т. III, стр. 148). Самоубийство и было совершено им на почве умственного расстройства. Достоевский должен был с ним встречаться у брата Евгения Ивановича, имевшего близкое отношение к Славянскому комитету, в котором был однажды товарищем председателя.

Стр. 141. *Не он ли Брусилов? Брусилов—Он...*—Очевидно, это первоначальная фамилия Версилова, отца Подростка; в черновиках выше: «Он», «Его» и т. д. с большой буквы. Несколько дальше прямо сказано: *Отец его был тогда Брусилов грансеньором (из средней руки).*

Стр. 142. *К швейцару ходит просящий по 20 коп. поручик. Этот поручик рассказывает о* [*работнике*] *лодке в Англии, об камне и проч.*— В окончательном тексте это два различных эпизода; рассказывает о камне и другие подобные анекдоты хозяин квартиры Подростка (т. 8, стр. 223—227); эпизод с поручиком, который нахально просит у Версилова пятиалтынный, и тот грозит ему полицией, рассказывает Подросток (т. 8, стр. 299—300).

Стр. 144. *Елейный швейцар учит подростка именно презрению богатства ∞ Великий характер.*— Это первый набросок с упоминанием некоторых черт центрального в идеологическом отношении образа странника Макара Долгорукого.

Стр. 188. *Проиграл 200 000 Некрасову...*— То, что здесь назван Некрасов, которому молодой князь проиграл такую преувеличенно огромную сумму, надо поставить в связь не только со слухами вообще об азартных играх Некрасова в карты и рулетку, но с конкретным «делом» об игорном доме штабс-ротмистра Колемина. В «Гражданине», № 11, от 18 марта 1874 г., в отделе «Петербургское обозрение», так рассказывается об обыске у отставного штабс-ротмистра Колемина, содержавшего заведение для запрещенной игры в рулетку: «Петербургская полиция занялась другою болезнью Петербурга, игрою в рулетку, и в лице товарища прокурора с жандармским офицером пожаловала нежданным гостем в квартиру офицера К., где застала рулетку и человек 15 игроков». Дом Колемина казался настолько «порядочным», а среди посетителей было столько высокопоставленных лиц, что «Гражданин» тут же сообщает о ропоте, который поднялся, очевидно, в высшем свете по поводу этого события. Событие это породило толки в городе: имела ли право полиция ворваться в частный дом? А домов таких, добавляется дальше, где играют в рулетку и проигрывают тысячи, в Петербурге очень много. О том, что это «болезнь Петербурга», говорил и А. Ф. Кони в своей обвинительной речи по делу Колемина. Вход был свободен для всякого — по рекомендации кого-нибудь из игроков. На вопрос обвинителя, как велика была ставка, один из свидетелей, кандидат прав Петербургского университета Ломновский ответил, что самая большая была в 1000 руб., а самая меньшая — в 25 руб. Колемин был «предан суду по

обвинению в устройстве в своей квартире заведения для запрещенной игры в рулетку» (см. А. Ф. К о н и. Избранные произведения. М., 1956, стр. 431). Судебное заседание петербургского окружного суда состоялось 30 апреля 1874 г., и обвинителем был Кони. Это дело было использовано Достоевским в главе 6-й второй части романа, где рассказывается об игре Подростка и князя Сережи в квартире тоже штабс-ротмистра Зерщикова. У Кони, кроме обвинительной речи, произнесенной им на суде, есть еще об этом деле воспоминания, где он рассказывает о чрезвычайном переполохе в кругу петербургских игроков в связи с предложением прокуратуры наложить арест на деньги Колемина в размере 49 тысяч, находившиеся на хранении в Волжско-Камском банке, с тем чтобы та сумма, которая не будет истребована проигравшимися у него лицами, была обращена в пользу колонии и приюта для малолетних преступников в окрестностях Петербурга (см. там же, стр. 788). В книге «На жизненном пути» (т. 2, СПб., 1912, стр. 117—118) имя одного из этих влиятельных, известных людей Кони точно называет: *Некрасов*, читаем мы там, встревоженный слухами о том, что, в связи с возбуждением прокуратурой дела о содержателе игорного дома штабс-ротмистре Колемине, будут возбуждены дела о всех лицах, выигравших крупные суммы в клубах и общественных собраниях, а деньги у них будут отобраны, обратился за разъяснением к Кони, который по должности прокурора возбудил дело о Колемине. Некрасов говорил Кони, что если бы слухи оправдались, то это гибельно бы отразилось на издании «Отечественных записок». Толки и слухи, разумеется, дошли и до Достоевского. Об опасениях Некрасова Достоевский наверно услышал от самого Кони, будучи с ним в довольно близких отношениях. Использован в романе и упомянутый в деле Колемина подполковник Бендерский. «Напротив меня, через стол,— рассказывает Подросток,— сидел один пожилой офицер ⟨...⟩ Решайтесь, полковник! — крикнул я, ставя новый куш.— Прошу оставить и меня в покое-с, без ваших советов,— резко отрезал он мне.— Вы очень здесь кричите» (т. 8, стр. 313—314).

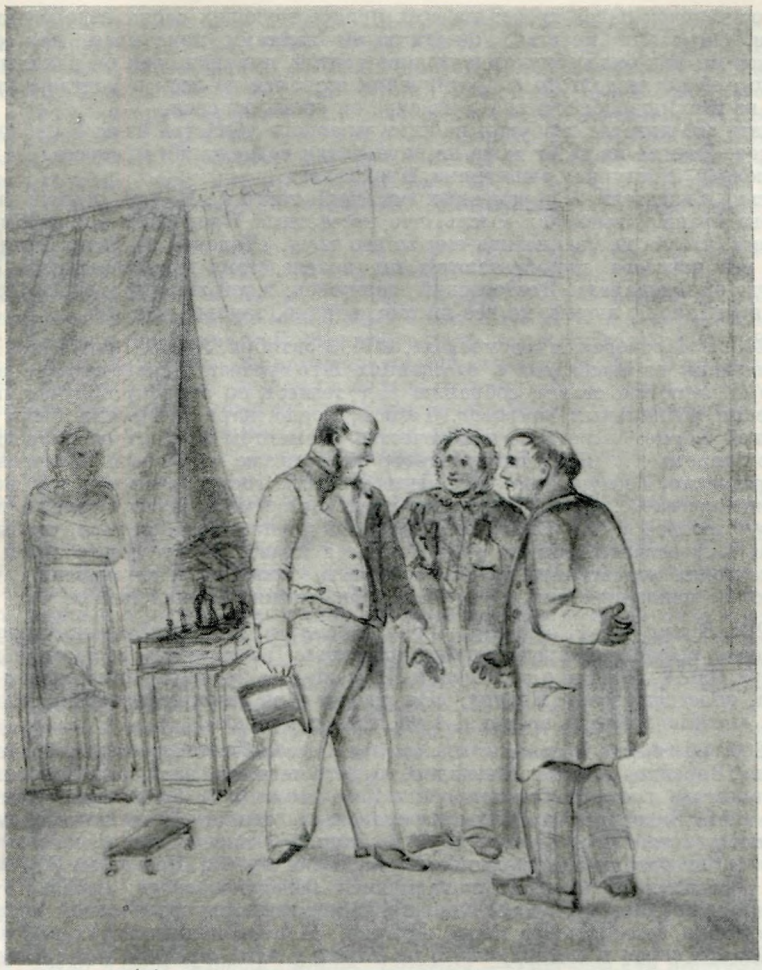
Душевное состояние Подростка после того, как он был заподозрен в краже 400 руб. во время игры у Зерщикова и со скандалом вытолкнут на улицу,— психологическая интерпретация одного газетного сообщения из Казани, напечатанного в «Голосе» за 1874 г.: капитан Ландсберг, играя в клубе, был заподозрен одним из партнеров, что он ведет нечестную игру. Капитан пишет записку, что не в силах выносить такое оскорбление, и «пускает себе пулю в лоб».

Стр. 195. *...только что прочел «Ант⟨она⟩ Гор⟨емыку⟩»*.—Об этой повести Д. В. Григоровича Белинский сказал: по прочтении этой трогательной повести, где так горестно обрисовано тягостное и бесправное положение крепостного мужика, в голове читателя поневоле «теснятся мысли грустные и важные». Мысли «важные» о необходимости уничтожения крепостного права действительно теснились в голове каждого читателя. Версилов так воспроизводит общественные настроения той эпохи: «Все мы тогда были энтузиасты и так настроены, все кипели ревностью сделать добро, служить отечеству, великим идеям, всему „прекрасному и высокому", как тогда говорили». По воле цензора Никитенко, повесть кончалась тем, что Антон Горемыка пристает к конокрадам и потом перед отправлением в Сибирь кается миру. Достоевский наверно знал, что у автора повесть имела совсем другой конец: выведенные из терпения крестьяне поджигают дом жестокого управляющего и его самого бросают в огонь. Но, независимо от финала, повесть производила в то время, в годы молодости Версилова, потрясающее впечатление.

Стр. 195. *«Полинька Сакс»* — повесть, которой началась в 1847 г. («Современник», № 12) литературная деятельность А. В. Дружинина, известного критика первой половины 50-х годов, представителя теории «чистого искусства». Как беллетрист он обратил на себя внимание, в сущности, только одной этой повестью, имевшей громкий успех, поскольку это была одна из первых серьезных попыток в общественной жизни того времени поставить женский вопрос на основе «гуманистического» признания «свободы» человеческого сердца. Современники увидели в ней необыкновенную новизну и смелость. На самом же деле она вся проникнута влиянием Жорж Занд, из повести которой «Жак» заимствован не только основной идейный мотив, но и целый ряд положений. Да и сам Дружинин не выдавал эту повесть свою за нечто оригинальное по замыслу: он прямо указывает источник, к которому она восходит. Когда муж Полиньки Сакс узнает, что она полюбила другого, он, не считая себя вправе осудить ее и лишить возможности уйти к любимому человеку, прямо говорит: «пламенные юноши почтут меня новым Жаком».

С именем Дружинина тесно связано учреждение Литературного фонда, он был одним из первых членов его комитета.

Стр. 198. В отделе «Театр и музыка» «С.-Петербургских ведомостей», 1874, 24 сентября, № 263, имеется нечто вроде рецензии на современную немецкую пьесу, осеннюю новинку немецкого театрального сезона. Автор рецензии, пытаясь использовать постановку в целях нравоучительных, сурово осуждает спекуляцию, поскольку единственной ее целью является нажива: «Единственная радость спекулятора — его комфорт, его богатство, *радость животная*, и в этом источник всего дальнейшего



ПРОСИТЕЛИ

Рисунок В. Г. Перова, 1880-е гг.

Русский музей, Ленинград

зла». Следует дальше такая прописная истина: «Только до тех пор и спорится работа, пока главный интерес ее сосредоточивается в ней самой, в результатах ее выполнения, а не продажи».

Стр. 202. В «Московских ведомостях», 1874, № 244, 1 октября, появилась статья, посвященная делу об убийстве за Бутырскою заставой, разбиравшемуся в Московском окружном суде 5 сентября. Поводом к появлению этой статьи было то, что защитник одного из подсудимых отказался от своей речи. Со всех сторон на адвоката посыпались обвинения, а вместе с тем высказывалось живейшее сочувствие «несчастному клиенту», который-де предоставлен был самому, себе в критическую для него минуту заседания суда. Его сравнивали с умирающим лишенными врачебной помощи. В статье излагается сущность дела. Зимой 1873 г. мещанин Лебедев и крестьянин Прокофьев (20 лет) встретились и договорились совершить нападение на дом, в котором жили только женщины и старик дворник. Они проникли в дом и там задушили кухарку, перерыли ее сундуки и нашли 3 рубля, которые разделили между собой. Затем они ломом, найденным в кухне, убили С. Гавреневу и С. Громовскую. Пожарный Смирнов, живший в первом этаже, когда напали на него, поднял крик, убийцы бежали. Обнаружили их не скоро. Через шесть месяцев Лебедев, содержавшийся в тюрьме за другую кражу, сознался без принуждения. «Но свет правды проник в эту темную душу лишь на мгновение». Рассказывая на суде ужаснейшие подробности преступ-

ления, этот человек навел трепет на всех присутствующих своим невероятным хладнокровием. Он почти хвастал, энергичными жестами показывая, как он замахивался ломом, как бил каблуком по голове убитой кухарки, как он накидывал петлю. Прокофьев после долгого сопротивления сознался во всем и подтвердил рассказ Лебедева во всех подробностях. Но на суде он снова отперся.

В печати же интерес возбудил не факт ужасного убийства из-за 3 рублей и двух полушубков. Многие из газет даже не передавали содержания процесса. Поднят был шум по поводу «поступка» защитника Прокофьева.

В письме к издателю «Современных известий» некто А. К — ов, осыпав защитника Прокофьева бранью, высказал мысль, что несчастный Прокофьев лишен был защитника потому, что не мог заплатить ему за его труд. «Человек не родится ни добрым, ни злым, все качества приобретаются им впоследствии и *есть* влияние общества и среды, где он вращался». Достоевский возмущен: в той же среде, что и Прокофьев, вращаются миллионы людей, но все ли они, однако, таковы, как он?

Стр. 203. В «Московских ведомостях», 1874, 3 октября, № 245, приводится большая корреспонденция из Висбадена о заседаниях 8-го протестантского съезда, на котором профессор Бёмерт представил собранию ряд тезисов по вопросу об участии церкви в разрешении социальных вопросов. Тезисы, после жарких прений, были приняты в следующей форме: «Прогресс человечества во многом зависит от разрешения социального вопроса ‹...› Язвы современного общества не могут быть излечены ни равным распределением имущества, ни вмешательством государства в сферу экономического производства ‹...› Имущественное неравенство не есть несчастие, а необходимый стимул прогресса ‹...› Более всего церковь должна позаботиться, чтобы в новом поколении ‹...› вселить истинно религиозные и нравственные чувства, при которых человек не может подчиняться грубым софизмам социалистов, скрывающих, что главная пружина, движущая ими, есть жажда физических наслаждений».

Стр. 207. *Бисмарк.*— 23 сентября 1862 г. Бисмарк был назначен министром иностранных дел и временным председателем кабинета. В заседании бюджетной комиссии 30 сентября 1862 г., говоря о положении Пруссии и ее будущем, он произнес знаменитые слова, облетевшие всю Европу: «Не речами и не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени, а железом и кровью».

Стр. 209. *Сравнение нигилизма с появлением поэта Бенедиктова...*— Сравнение это делает «Он», Версилов, и смысл, очевидно, тот, что нигилизм вначале пользовался у молодежи таким же громким успехом, как в свое время (в 1835 г.) первая книга стихотворений В. Г. Бенедиктова, которая произвела, пишет в своих воспоминаниях И. И. Панаев, «страшный гвалт и шум не только в литературном, но и в чиновничьем мире» («Литературные воспоминания», М., 1950, стр. 72). По словам Н. В. Гербеля, публика, ослепленная блеском и гармонией бенедиктовского стиха, буквально утопая в море звуков, раскупала книжку нарасхват, так что в самом непродолжительном времени понадобилось новое издание. К первой книге стихов Бенедиктова отнесся благосклонно и сам Пушкин: он нашел у него «*превосходное сравнение неба с опрокинутой чашей*» (см. там же), удивительные рифмы, каких нет ни у кого. Через три года (в 1838 г.) была выпущена Бенедиктовым вторая книга стихов тиражом в 3000 экземпляров, и она быстро разошлась без остатка,— успех по тому времени неслыханный. Не подлежит сомнению, что среди восторженных поклонников поэзии Бенедиктова были и братья Достоевские, настроенные тогда весьма романтически. Возможно, что и они, как молодой Тургенев, «воспылали негодованием» против Белинского, который осмелился так резко критиковать поэта, сразу ставшего всеобщим кумиром, находить в его стихах одну «риторическую шумиху», «набор общих мест», «ошибки против языка и здравого смысла». Если и у него есть талант,— говорил Белинский,— то только «стихотворческий», но отнюдь не поэтический. Тургенев, по его собственному рассказу, скоро почувствовал, что Белинский прав, прошло несколько времени, и он уже не читал Бенедиктова. Почувствовали это и другие, гром похвал стал стихать. Спустя всего два-три года разочарование сделалось всеобщим. В 1842 г. Бенедиктов снова выпустил книжку стихов, ее встретили чрезвычайно холодно. Это были годы, когда Достоевский уже весь находился под влиянием идей Белинского и тоже, подобно Тургеневу, по всей вероятности, уже не читал Бенедиктова.

Стр. 218. *Меж тем другой мир книжный, Вальтер Скотт, мечтательный.*—О своем увлечении в годы юного мечтательства романами Вальтера Скотта, в которых реализм бытописания органически сочетается с «поэтической идеализацией характеров», являясь в этом отношении типичным выражением романтизма с его страстным исканием неосуществимых в будничной действительности идеалов добра и красоты, Достоевский говорит с оттенком грусти и благоговения в статье 1861 г. «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (т. XIII, стр. 157). Достоевский пишет: «В юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона, то рыцарем на турнире, то Эдуардом Гляндeнингом из романа „Монастырь“ Вальтер Скотта». И тут же обобщение: «И чего я не перемечтал в моем

юношестве, чего не пережил всем сердцем, всей душою моей в золотых и воспаленных грезах, точно от опиума. Не было минут в моей жизни полнее, святее и чище». Вальтер Скотт рядом с самым возвышенным в глазах Достоевского романтиком — Шиллером (герой «Петербургских сновидений» ими обоими одинаково воспитывает свою возлюбленную Надю, которую он называет Амалией; читает ей вперемежку то Шиллера, то Вальтера Скотта) — один из тех великих европейских писателей: Шекспир, Байрон, Вальтер Скотт, Диккенс наиболее поняты и приняты в России, «роднее и понятнее русским», чем другим европейским народам, и это служит доказательством, что всечеловечность есть главнейшая личная черта и назначение русского (т. XI, стр. 309).

Стр. 221. *Республиканская курица Мишле; младоумие в старческих годах.*— Этот единственный отзыв о Мишле (ни в художественных произведениях, ни в статьях литературно-публицистических, ни в письмах — нигде о нем у Достоевского ни слова), да еще столь пренебрежительный, не может быть отнесен к главным историческим работам Мишле: «История Франции» и «История Французской Революции» 1847—1853, или «История XIX века» в 3 томах, из которых первый вышел в 1872 г., а два остальных уже после его смерти в 1875 г., как раз в период писания Достоевским «Подростка».

Достоевский, по всей вероятности, знал сочинения Мишле и по вопросам общественно-политическим: «Des Jésuites» (1843), «Du prêtres, de la femme, de la famille» (1845) и «Le peuple» (1846). Среди запрещенных книг, по которым петрашевцы создавали свои революционные воззрения, рядом с Луи Бланом, Прудоном и другими социалистами фигурирует и Мишле (см. «Дело петрашевцев», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 51, 324, 329). Должен был знать Достоевский его работу «Pologne et Russie» (1852) и уже безусловно «La Pologne martyre» (1863), когда он путешествовал по Европе, был во Франции и довольно долго в Париже, знал и полемику, возникшую между Мишле и Герценом как раз по вопросу, центральному в системе воззрений Достоевского: о роли и назначении русского народа в истории всего человечества. Замечательная статья Герцена «Русский народ и социализм» была адресована Мишле в виде письма к нему по поводу его «Légendes démocratiques du Nord» (1854). Общеизвестны были основные историко-философские идеи Мишле, высказанные им в одном из наиболее ранних своих трудов «Introduction à l'histoire universelle» (1831) о трех главных путях человечества к свободе: христианстве, реформации и революции. К идеям свободы духа должно идти человечество — и это является главной темой одного из поздних его очерков «Bible de l'humanité» (1864). Как видим, все эти вопросы полностью принадлежат к сфере идей, волновавших Достоевского. Остается допустить только одно: в стиле свойственной ему запальчивости Достоевский отзывается в этой записи о Мишле не как об историке и философе, а как об авторе сентиментальных очерков, сочиненных совместно с молодой женой и действительно довольно шаблонных по мысли: «L'Amour» (1858), «La femme» (1860), «De la montagne» (1868), «Nos fils» (1869), где назначение человека формулировано действительно очень узко, «по-куриному»: «семья, отечество, природа».

Стр. 221. *...«по плечу» золотой средине. Тургенев.*— Тургенев для Достоевского — один из самых памятных людей среди ближайших сверстников, по которым он обычно мерил ход своей эволюции в области художественного творчества, еще больше — в области мировоззрения. Диаметрально противоположные по своему социальному происхождению и положению, по своему психическому складу, миросозерцанию и литературной судьбе, они находились друг к другу в отношениях, полных глубокого драматизма как в области личной, так и литературной. Личные коллизии между ними начались, по-видимому, очень скоро после их первого знакомства. В травле, которой подвергался Достоевский, быть может, еще до ухода Белинского и его «оркестра» из «Отечественных записок» (в 1846 г.), Тургенев, несомненно, играл одну из самых главных ролей (см. комментарии к письму от 14 мая 1880 г.—«Письма», т. IV, стр. 412). В первой половине 60-х годов их отношения внешне были довольно приязненные; состояли они и в переписке; Тургенев печатал свои «Призраки» в «Эпохе» (январь 1864 г.); в 1865 г., когда Достоевский совершенно разорился, помог ему и материально, и все же это были люди, крайне далекие друг другу. В 1867 г. произошел полный разрыв между ними в связи с ссорой по поводу «Дыма», из-за «Потугинских идей» (см. «Письма», т. II, стр. 30—32, а также письмо Тургенева к П. И. Бартеневу от 22 декабря 1867/3 января 1868 г. в кн.: И. С. Тургенев. Поли. собр. соч. и писем, изд. «Наука», т. VII. М.—Л., 1964, стр. 17—18, и «Дневник» А. Г. Достоевской, стр. 193—200). Об отношениях Достоевского и Тургенева см.: Ю. Никольский. Тургенев и Достоевский. История одной вражды. София, 1921; А. С. Долинин. Тургенев в «Бесах».—Сб. «Достоевский». М.—Л., «Мысль», 1925; «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева.» Под ред. И. С. Зильберштейна. М.— Л., «Academia», 1928.

В черновых записях к «Подростку» Достоевский мог высказать полностью свое отношение к художественному таланту Тургенева, подчеркивая его слабость как психолога, проявившуюся для Достоевского особенно неприемлемо в этюде «Казнь Тропмана» («Вестник Европы», 1870, № 6) в трактовке душевного состояния человека перед смертной казнью. Автор так определяет свою цель: «Я буду доволен и извиню самому

себе свое *неуместное любопытство* <то, что присутствовал во время казни>, если рассказ мой доставит хотя несколько аргументов защитникам отмены смертной казни или, по крайней мере — отмены ее публичности». Достоевский возмущен тоном рассказа, в котором Тургенев все время говорит главным образом о себе. В письме к Страхову от 11/23 июня 1870 г. Достоевский еще сильнее выражает свое возмущение «Казнью Тропмана»: «Вы можете иметь другое мнение, Николай Николаевич, но меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила. Почему он все конфузится и твердит, что не имел права тут быть? Да, конечно, если только на спектакль пришел; но человек, на поверхности земной, не имеет права отвертываться и игнорировать то, что происходит на земле, и есть высшие *нравственные* причины на то. Homo sum et nihil humanum...* и т. д. Всего комичнее, что он в конце отвертывается и не видит, как казнят в последнюю минуту: „Смотрите, господа, как я деликатно воспитан! Не мог выдержать". Впрочем, он себя выдает: главное впечатление статьи, в результате — ужасная забота, до последней щепетильности, о себе, о своей целости и своем спокойствии, и это в виду отрубленной головы!» («Письма», т. II, стр. 274).

Стр. 221. *О Шерстобитове* (*Путилин*). *Вид суровый...*— Первоначальная запись новеллы, которую рассказывает Макар Долгорукий о Скотобойникове (т. 8, стр. 427—440).

Стр. 221. *Маркус — рассказывающий, как на лодке дали знать купцы в Англию в три дня.*— И дальнейшие анекдоты, которые рассказывает хозяин квартиры Подростка. Указан здесь «живой» источник этих рассказов, в которых Версилов видит человеческую доброту: ему хочется, этому милому человеку, это сообщить, «чтоб наградить счастьем слушателя, и для того, чтоб быть достойным всего прекрасного и высокого». Летописец семьи Достоевских, Андрей Михайлович Достоевский вспоминает добрым словом Федора Антоновича Маркуса, эконома в больнице на Божедомке, где лекарем был отец Достоевских Михаил Андреевич: «Его квартира была в этом же каменном флигеле, как раз над нашею квартирой и такого же расположения. Как ближайший сосед, он хаживал к нам и часто проводил вечера, разговаривая с папенькой и маменькой». Рассказывал он, очевидно, действительно очень «интересные анекдоты» в соответствии с культурным уровнем родителей Достоевского, умственно ограниченного отца и наивно-сентиментальной матери. На мальчика 8—10 лет, Андрея Достоевского, рассказы эти производили огромное впечатление: «Я бывало, уставлю на него глаза, только и смотрю, как он говорит, и слушаю его» (А. М. Достоевский. Воспоминания. М., 1930, стр. 31).

Стр. 222. *Рассказ об обращении св. Павла...*— В «Деяниях св. апостолов» рассказывается, как Павел во время одного из своих путешествий побывал в Иерусалиме. Там его в храме схватили ассийские иудеи, возмутили весь народ, повлекли вон и тотчас заперли двери в храм. Когда Павла вели в крепость, он попросил разрешения обратиться к народу. Он рассказал о том, что жил сначала фарисеем во всей строгости учения. Рассказал, что многих святых заключал в темницы, часто мучил их и принуждал хулить Иисуса. И вот, однажды, он шел в Дамаск, чтобы тамошних христиан привести в оковах в Иерусалим на истязания. Но когда был в пути и приближался к Дамаску, около полудня внезапно раздался голос Христа, который и обратил его в новую веру («Деяния святых апостолов».— Библия. М., 1956, стр. 1128—1131).

Стр. 223. «Голос», 5 августа 1874 г., № 215.—Имеется в виду заметка в «Земских известиях» о том, как два мировых посредника не были допущены съездом в число избирателей и удалены со съезда. «Не знаю,— пишет корреспондент,— насколько справедливы слухи, но *деятельность посредников рисуют в весьма непривлекательном виде.* Рассказывают, например, что один из них объявил в присутствии многих лиц, что он желает быть посредником только для того, чтоб получать 1500 руб. содержания; но исполнять обязанности, сопряженные с его должностью, он не хочет и не будет, и, в подтверждение своих слов, *каждого просителя-крестьянина*, который является к нему не в урочный час, он *выпроваживает от себя кулаками*».

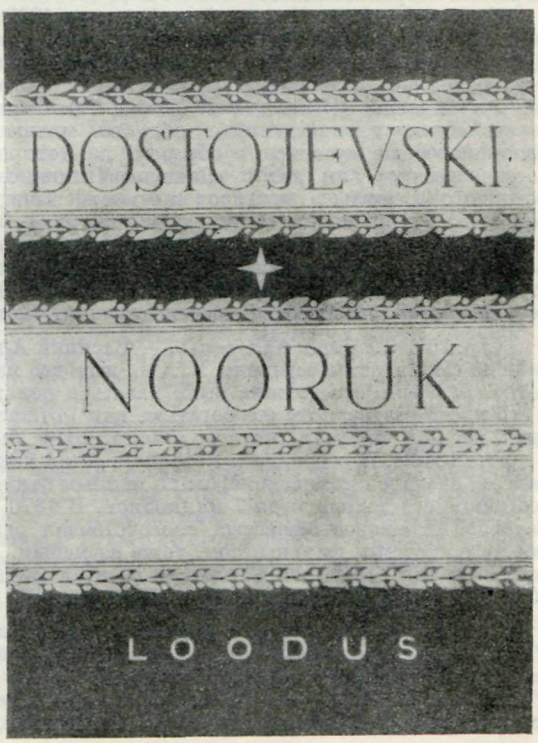
Стр. 240. Александр Иванович *Чернышев* (1786—1857)—военный министр (с 1827 г. по 1852 г.). В газете «Биржевые ведомости», 1873, № 225, 226, 234, 258, печатались материалы «Из Воспоминаний и из Памятной книжки петербургского старожила В. Бурнашева. (Клуб анекдотистов и каламбуристов)». Чернышев упоминается в этих анекдотах дважды.

Стр. 240. *О том, что на свадьбе нотариус не знал Виктора Гюго и Дюма, а один из писателей назвал себя проприетером, и тот обращался к нему с почтением.*— Это, очевидно, из материалов к анекдотам, которые старый князь мог рассказывать Подростку. Нотариус смешон своей крайней необразованностью — не читал даже таких всем известных писателей, как Дюма и Гюго, и слово «проприетер» понимает как особо высокое звание. Во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» («Время», 1863, кн. 1) Достоевский так иронизирует над легкомыслием француза, который «все знает, обо всем пишет»: «после своей биографии тотчас же начинает рассказывать рус-

* Я — человек, и ничто человеческое... (*лат.*).

скую повесть, конечно, истинную, взятую из русских нравов, под названием „Petrouchа", имеющую два преимущества, во-первых, что она верно характеризует русский быт, а во-вторых, что она в то же время верно характеризует и быт Сандвичевых островов. Кстати уж обратит внимание и на русскую литературу; поговорит о Пушкине и снисходительно заметит, что это был поэт не без дарований, вполне национальный и с успехом подражавший Андрею Шенье и мадам Дезульер ‹поэтесса XVII века.— *А. Д.*›; похвалит Ломоносова, с некоторым уважением будет говорить о Державине, заметит, что он был баснописец не без дарованья, подражавший Лафонтену, и с особенным сочувствием скажет несколько слов о Крылове, молодом писателе, похищенном преждевременною смертию (следует биография) и с успехом подражавшему в своих романах Александру Дюма» (т. XIII, стр. 35—36). Романы Александра Дюма в глазах этого «серьезного французского исследователя» — высшее, что есть во французской литературе, значит, с его точки зрения,— и в мировой, и это высшая похвала Крылову-«роману».

Отношение к Дюма в русском обществе и русской литературе лучше всего, с точки зрения Достоевского, характеризует наше развитие, наш рост в ту эпоху, когда «во все образованное сословие наше стал проникать анализ»,— разумеется натуральная школа во главе с Гоголем и Белинским: «Поль де Кока мы еще тогда читали, но с презрением отвергали Александра Дюма и всю компанию» — «выдумщиков», которые пишут «ужасно много с необычайною легкостью и быстротой». В статье о «Выставке в Академии художеств» о Дюма сказано, что он поражает чрезвычайною эффектностью, и именно чрезвычайною, потому что обыкновенных вещей он вовсе и не пишет, презирает вещи обыкновенные. Занимательность его композиций не подлежит сомнению. Дюма читался с жадностью, с азартом (т. XIII, стр. 540). Интерес к Дюма был настолько общепризнанным в России — особенно в первую половину прошлого века, а в широких читательских кругах — и позже, в течение всего века, что он стал мерилом популярности всякого писателя, успеха той или иной другой его вещи. В письме к брату начала 1847 г., утешая себя тем, что «Двойник» хоть и отрицательно оценен в критике, но «исподтишка (и от многих) такие слухи, что ужас. Иные прямо говорят, что это произведение *чудо* и не понято», Достоевский добавляет, что для иных оно «интереснее дюмасовского интереса» («Письма», т. I, стр. 108). Что касается Гюго, упоминаемого здесь рядом с Дюма, то сопоставлены они, конечно, только по одинаковой популярности: Гюго также читают с захватывающим интересом. Но его ценит Достоевский чрезвычайно высоко. Он нашел для него в годы юности (в письме к брату от 1 января 1840 г.) такие восторженные слова: «Hugo как лирик, чисто с ангельским характером, с христианским младенческим направленьем поэзии, и никто не сравнится с ним в этом,



ОБЛОЖКА ЭСТОНСКОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК» (Таллин, 1940)

ни Шиллер (сколько ни христианский поэт Шиллер), ни лирик — Шекспир <...> ни Байрон, ни Пушкин» («Письма», т. I, стр. 58). Патетический тон, в сущности, окрашивает высказывания Достоевского о Гюго в течение всей жизни (см. дальше комментарий к стр. 342).

Стр. 246. *Подросток об Отелло*: *Знаете ли, за что убил Дездемону, за то, что идеал потерял.* И ниже, на стр. 340: ... *Отелло не для того убил, а потом убил себя, что ревновал, а потому, что у него отняли его идеал.*— Так сказано и в окончательном тексте (т. 8, стр. 284). Высокий дух, истинный герой, великодушный, доверчивый, наивный, как дитя, став жертвой «полудьявола», коварного мстительного Яго, Отелло собственными руками убил свой идеал, высшее совершенство красоты, ума и непорочности, какое только возможно на земле, и должен тут же сам погибнуть — ему больше нечем и не для чего жить: «Кто преодолеть судьбы веленья может? Моя пора минула.<...> Мой путь свершон, и здесь его конец; здесь пристань та, где мой корабль спускает все паруса». Мужественное сердце охвачено печалью из очей, «к слезливым ощущеньям непривычных, теперь текут струей обильной слезы». Последние его слова, когда, умирая, падает на труп: «С поцелуем я убил тебя, и с поцелуем я смерть свою встречаю близ тебя» (В. Шекспир. Собр. соч., т. III. СПб., 1903, стр. 360—362. Перевод П. И. Вейнберга.)

Эта последняя сцена Отелло с Дездемоной явно ощущается как фон, как скрытый план в сцене Версилова с Ахмаковой, тоже последней. Катерина Николаевна Ахмакова, как Дездемона, тоже идеал нравственного совершенства, целомудрия, красоты, веселого ума — «живая жизнь». Она в глубоком обмороке, точно мертвая. Версилов «пристально смотрит ей в лицо и вдруг, нагнувшись, целует ее в бледные губы». И после этого сейчас же следует его покушение на самоубийство. Но катастрофы не произошло. Не обладая душевной цельностью Отелло, «рефлексер» оказался героем драмы без трагического финала.

Стр. 249. *Князь*: *Теперь ходят новые люди, все с бородами и тоже с тою мыслию, чтоб заключить по физиономии*: *читает ли он «Пиквикский клуб».*— «Новые люди, все с бородами», по всей вероятности, передовая народнически настроенная молодежь. По убеждению Достоевского, эта молодежь должна была безусловно читать «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса, его первое крупное произведение, сразу сделавшее его имя известным всей Европе. Пиквик, главный герой этого произведения, каждый раз возникал в памяти Достоевского, когда он создавал своих «положительно прекрасных героев»: князя Мышкина в «Идиоте», в какой-то мере на него похожего, Шатова в «Бесах», идеального учителя в «Подростке», к которому в окончательном тексте восходит, как мы знаем, странник Макар Долгорукий и, наконец, Алешу в «Братьях Карамазовых».

В письме к С. А. Ивановой от 1 января 1868 г., в самом начале работы над «Идиотом», Пиквик Диккенса ставился рядом с Дон-Кихотом. Они прекрасны,— пишет Достоевский,— единственно потому, что в то же время и смешны. «Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному—а стало быть, является симпатия и в читателе» («Письма», т. II, стр. 71). Пиквик для Достоевского одно из самых совершенных произведений в области жанра. В статье «По поводу Выставки» Диккенс вообще ставится в образец, до которого «нашему жанру далеко», в частности именно как автор «Записок Пиквикского клуба», этого высшего образца истинного реализма в противоположность эмпиризму. Диккенс заметил своего героя только в многообразии наблюдаемой им действительности, «создал лицо и представил его как результат своих наблюдений». «Таким образом, это лицо так же точно реально, как и действительно существующее, хотя Диккенс и взял только идеал действительности» (т. XI, стр. 78). Так опирался Достоевский на творчество Диккенса, создавая свой собственный художественный метод.

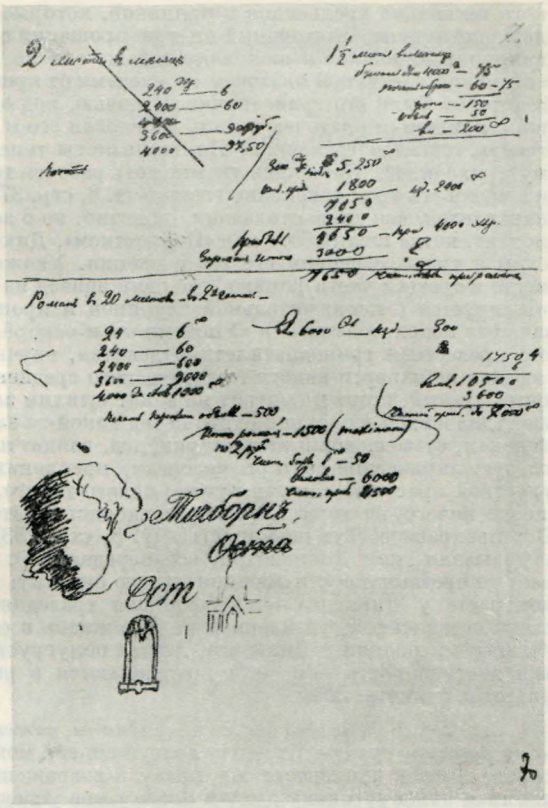
Стр. 255. ...*все эти Кокоревы...* — Василий Александрович *Кокорев* — один из крупнейших финансистов середины XIX в., выходец из мещан маленького города Солигалича. Биография его должна была казаться поистине соблазнительной для Подростка с его идеей стать таким же богатым, как Ротшильд. Кокорев в юности, едва научившись кое-как читать и считать, помогал отцу, бывшему сидельцем в питейных домах, в конце 1840 г. перебрался в Петербург, стал каким-то образом известен министру финансов, сделался комиссионером по винным откупам, разбогател, к началу 60-х годов состояние его доходило до 7 миллионов. В 1870 г. основал Волжско-Камский банк и Северное страховое общество, способствовал развитию нефтяного дела на Кавказе, вместе с крупным финансистом, тоже из мещан, Губониным построил Уральскую железную дорогу. В 50—60-х годах он печатал статьи по финансовым вопросам, главным образом, в «Русском вестнике», и Достоевский, возможно был с ним лично знаком.

Стр. 257. *Когда он ночью у Васина, то излагает ему часть сущности идеи* (*Санхо-Панса*), и дальше на стр. 261: *но в этом документе было что-то такое, напоминавшее остров в Балтийском море...* И позднее: *У тебя идея? Независимым королем острова. «Санхо-Панса», «Остров в Балтийском море», «Независимый король острова»* — это все намеки, ведущие к «великой книге» Сервантеса, в частности, к мечте Санчо Пансы

СТРАНИЦА
ИЗ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ
ДОСТОЕВСКОГО
К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Тетрадь № 9, л. 7

Центральный
государственный архив
литературы и искусства,
Москва



стать правителем острова, который завоюет ему Дон-Кихот. Для Достоевского книга о рыцаре Ламанчском и его верном оруженосце Санчо — одна из тех великих книг, которые посылаются человечеству по одной в несколько сот лет. В ней, пишет Достоевский, найдете на каждой странице столько «верно подмеченных глубочайших сторон человеческой природы» (т. XII, стр. 255). Самый яркий пример — отношения Санчо Пансы к своему великому другу, самому великодушному из всех рыцарей, бывших в мире. «Олицетворение здравого смысла, благоразумия, хитрости, золотой средины ⟨...⟩ Все время он обманывает его, надувает, как ребенка, и в то же время вполне верит в его великий ум, до нежности очарован великостью сердца его, вполне верит во все фантастические сны великого рыцаря и ни разу, во все время, не сомневается, что тот завоюет ему, наконец, остров!» Сущность идеи Подростка: «стать так же богатым, как Ротшильд», а для осуществления ее он, как и Панса, будет олицетворением здравого смысла, благоразумия, хитрости, словом, «золотой срединой» — это, конечно, идея низменная в сравнении с теми идеалами, которые определяют пути исканий Версилова, деятельность долгушинцев и особенно идею благообразия Макара, по всему своему душевному строю столь сходного с Дон-Кихотом. Макар-странник — один из людей, великих сердцем,—тоже странствует по миру, по русскому миру. Подросток им всем отнюдь не противостоит. Наоборот, тяготеет к ним лучшей стороной своей души и сердца, особенно — к страннику Макару.

Стр. 256—259. *проклятие писателям, описывающим детство.* (*Копперфильд*) *...я бы их сек, этих сирот.* ∽*Я терпеть не могу биографии Копперфильда.* — В окончательном тексте романа имеется целый ряд совпадений, весьма близких не только в ситуациях, но и в отдельных деталях с романом Диккенса «Давид Копперфильд»; таковы прежде всего описания в «Копперфильде» пансиона мистера Крика и рассказ Подростка о пансионе Тушара (о самом Тушаре): Тушар на свой манер груб и жесток, как и мистер Крик. То же деление в обоих пансионах, по выражению Достоевского, на «сенаторских и графских детей» и на простых.

Характерно особенно следующее совпадение. Аристократ Стирфорт вместе с другими товарищами отбирает у Копперфильда все его деньги, которые дала ему мать при прощании, покупает на них смородиновку, фрукты и бисквиты. Копперфильду удается спрятать только две кроны и кусочек бумаги, в которой они были завернуты и которая была для него драгоценность как память о страдающей, одинокой и страстно любимой матери. И в «Подростке»: графские и сенаторские дети отняли у Аркадия Долгору-

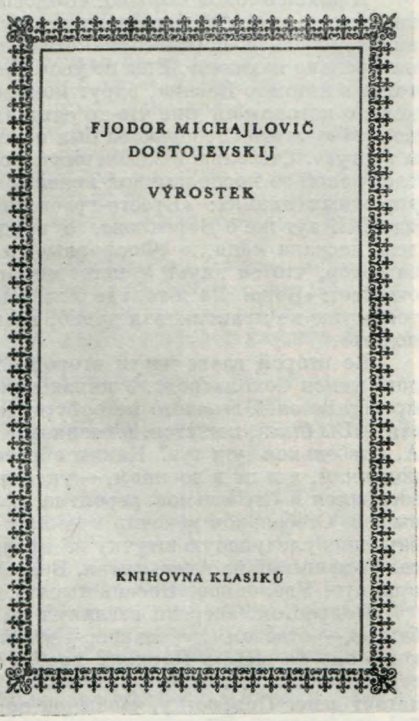
кого несколько апельсинов и пряников, которые принесла ему бедная мать. А четыре двугривенничка, полученные им при прощании с ней, отобрал у него Ламберт, на них накупили пирожков и шоколаду и даже его не попотчевали. Спрятал Подросток тот синенький клетчатый платочек со следами от крепко завязанного на кончике узелочка, в котором были эти гривенники. И ночью, под одеялом, чтоб никто не видел и не слышал, прижимал платочек к лицу и целовал его и плакал: «Мамочка, мама‹...› Где ты теперь, гостья моя далекая? Помнишь ли ты теперь своего бедного мальчика, к которому приходила?.. Покажись ты мне хоть разочек теперь‹...› только чтоб обнять мне тебя и поцеловать твои синенькие глазки» (т. 8, стр. 372). Можно бы привести еще целый ряд параллелей, свидетельствующих, конечно, не о заимствованиях, но о том, что в этот момент, когда шла работа над «Подростком», Диккенс неотступно стоял перед Достоевским в художественном его воображении. Укажем здесь же, между прочим, на одно место в третьей части романа, где один эпизод из «Лавки древностей» Диккенса интерпретируется с исключительной глубиной и проникновенностью. Здесь вспоминаются еще раз использованные в «Униженных и оскорбленных» «сумасшедший этот старик и эта прелестная тринадцатилетняя девочка, внучка его». Закатывается солнце, и этот ребенок на паперти какого-то готического средневекового собора, «вся облитая последними лучами, стоит и смотрит на закат с тихим задумчивым созерцанием в детской душе, удивленной душе, как будто перед какой-то загадкой ‹...› А тут, подле нее, на ступеньках, сумасшедший этот старик, дед, глядит на нее остановившимся взглядом...» И следует лирический восторг человека, преклонившегося в благоговении перед этой грустной красотой: «Знаете, тут нет ничего такого, в этой картинке у Диккенса, совершенно ничего, но этого вы ввек не забудете, и это осталось во всей Европе — отчего? Вот прекрасное! Тут невинность!» (т. 8, стр. 483). Сопоставления с «Копперфильдом» показывают, как Достоевский все переделывает по-своему. Он прежде всего усиливает до чрезвычайности эмоциональную окраску: вместо едва намеченного социального контраста у Диккенса — глубочайшая трагедия сложной детской души, одинокой, всеми оставленной, уязвленной на всю жизнь и ежеминутно оскорбляемой. Сентиментальные интонации у Диккенса, легкая полугрустная усмешка (спрятал кусок бумаги, как драгоценность — и все) превращаются в рыдание с истерическими всхлипываниями и причитаниями.

Стр. 258. *Вот успевают же штундисты, кажется, чего бы противуположнее народному русскому духу?*— Кто-то (у долгушинцев), может быть, Васин, а может быть, и Версилов, должен произнести эту фразу в возражение кому-то, утверждающему, что социализм чужд русскому духу и потому «не успевает».

Штундизм, или штундобаптизм,— секта, появившаяся вначале на юге России (впервые в деревне Основа Одесского уезда). К концу 1870 г. штундисты уже официально обнаружены в 11 местностях Одесского, Елисаветградского и Ананьевского уездов. Вскоре они появляются и в Киевской губернии, их много на юге, появляются они и на севере, в Орловской губернии, несколько позднее — в Калужской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Рязанской, Смоленской и т. д. до самой Москвы. Штундисты отрицают догмы православной церкви: Богородица и святые—обыкновенные люди, не могущие ходатайствовать за человек перед богом; каждый должен молиться сам за себя, а не надеяться на молитвы церкви и святых; богу надлежит поклоняться только «в духе и истине»; поклонение иконам и кресту — идолопоклонство. Современники Достоевского оценивали штундизм как течение в области религии, определенно рационалистическое (см. статью «Рационализм на юге России».— «Отечественные записки», 1878, № 3 и 5). Достоевскому, проповедовавшему, что «не православный не может быть русским», штундизм действительно должен был казаться резко противоположным русскому духу.

Стр. 264. *Подросток у Васина о Колосове...* — В черновиках имеется дальше целый ряд записей непосредственно о Колосове, как и об его «эквиваленте» — Стебелькове. В окончательном тексте он связан с жизнью Версилова в период его пребывания за границей и, главное, с молодым князем Сокольским и всей «гремящей аристократической молодежью». Восходит этот образ к газетному материалу, к громкому процессу о подделке акций Тамбовско-Козловской железной дороги («Голос», 1874, № 46 и далее). Дело слушалось в Петербургском окружном суде в феврале 1874 г. Обвинителем был А. Ф. Кони. Обвинялся вместе с врачом-акушером Колосовым — не то его служащий, не то компаньон — А. Ярошевич и библиотекарь Медико-хирургической академии, по происхождению дворянин старинного рода, Никитин. Отец Ярошевича, несколько лет тому назад осужденный по делу организованной шайки «письмоносцев», вынимавших деньги из почтовых пакетов, бежал за границу и там, в Брюсселе, устроил на деньги Колосова типографию, в которой стал печатать поддельные акции Тамбовско-Козловской железной дороги. В январе 1871 г. Колосов, молодой Ярошевич, его невеста О. С. Иванова и жена библиотекаря Никитина ездили за границу, где пробыли около трех месяцев, и вернулись обратно, захватив с собою несколько сот фальшивых акций. В эти три месяца, отослав от себя Ярошевича, Колосов сошелся с его невестой, подчинив ее всецело своей воле. По его приказанию, она скрывала от жениха свою связь; уверяя Ярошевича в любви, она настраивала его против Колосова, рассказывая

ОБЛОЖКА ЧЕШСКОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК»
(Прага, 1961)



о своих обидах и оскорблениях, умоляя о защите и требовала мести. В результате компания вся перессорилась, и Ярошевич с Никитиным решили убить Колосова. Они боялись, что он их предаст, несмотря на то, что его роль в подделке акций была самая главная. Колосов казался им всемогущим, он выдавал себя за важного агента III Отделения, которое, как показывал он на суде, поручило ему вступить за границей в сношения с Марксом, выведать у него тайны Интернационала, а также захватить там Нечаева и Серебряникова и привезти их в Россию. О том, что Колосов имел сношения с III Отделением и ему действительно было что-то поручено, компания, очевидно, знала.

Колосов начал судебное дело по обвинению своих компаньонов в покушении на его жизнь, а те уже раскрыли всю историю с фальшивыми акциями.

На предварительном следствии и на суде выяснились следующие факты из прошлого Колосова. В 1860 г. он подвергался уголовному преследованию за ложное обвинение валдайского городничего в подделке фальшивых кредитных билетов. Сам же составил ложное завещание помещицы Павловой, по которому имение ее перешло к нему. В 1866 г. он вместе с молодым Ярошевичем стал заниматься отдачей денег под заклад пенсионных книжек, а с 1869 г. открыл кассу ссуд с основным капиталом в 5000 рублей. Кассу он назвал Mont de piété и утверждал, что устроил ее с целью «благодетельствовать бедному люду». Среди молодежи он играл обыкновенно роль человека, угнетенного судьбою, несчастного страдальца, пострадавшего за правду. За границей выдавал себя за беглеца из Сибири, как он объяснял на суде, для того, чтобы приобрести доверие революционеров и получить от них бумаги.

На Достоевского этот судебный процесс произвел очень большое впечатление. В письме к В. П. Мещерскому от 4 марта 1874 г. он пишет: «Ужасть как хотел написать про Ольгу Иванову из процесса о подделке Тамбовских акций» («Письма», т. III, стр. 92—93). Ольга Иванова, дочь статского советника, его особенно поразила «как знаменье времени», и рядом с ней — Колосов, которого правительство «потянуло в суд и осудило в вышеупомянутом процессе». Как уже было указано, дальше в черновых записях Колосов несколько раз упоминается под своей фамилией в приблизительно той же роли, в какой в окончательном тексте выведен Стебельков. На некоторых страницах герой назван то Колосов, то Стебельков (колос — стебель; вместо зерна — солома; фамилия снижается семантически).

В судебном отчете о Колосове сказано скупо: Колосов высокого роста, брюнет с усами; лекарь-акушер. В романе его портрет детализирован и несколько изменен, внешние черты осложняются, отражая его душевные качества. Он появляется впервые в восьмой главе первой части, на квартире у Васина (т. 8, стр. 158—167).

И дальше такой портрет: «Волосы его, темно-русые с легкою проседью, черные брови», вместо усов (по судебному отчету) — только «большая борода»; хорошо одет, «очевидно, у лучшего портного, как говорится, „по-барски“»; он «не то что развязен, а как-то натурально нахален». Еще не успел этот человек сесть, как Подростку, находившемуся тогда в комнате Васина, вдруг померещилось, что это должно быть «некий г. Стебельков», о котором он уже что-то слышал, «что-то не хорошее». Подросток запомнил только, что «у этого Стебелькова был некоторый капитал и что он какой-то даже спекулянт и вертун». Стебельков заговаривает с Подростком, подмигивает ему, нарочно его сбивает какой-то косноязычной нелепой болтовней и вдруг переходит на тему о железнодорожных акциях: «Брест-граевские-то ведь не шлепнулись, а? Ведь пошли, ведь идут!» И тут же о Версилове, о грудном ребенке от Лидии Ахмаковой: «Прелестная дева ласкала меня...» «Фосфорные-то спички — а?» На восклицание Подростка: «Что за вздор, что за дичь! У него никогда не было ребенка от Ахмаковой!»—Стебельков отвечает: «Вона! Да я-то где был? Я ведь и доктор, и акушер-с ⟨...⟩ Правда, я и тогда уже не практиковал давно, но практический совет в практическом деле я мог подать».

Во второй главе части второй Стебельков снова появляется — в квартире молодого князя Сокольского. У князя важный гость, «с аксельбантами и вензелем», один из представителей высшего петербургского света, Дарзан. На вопрос к нему другого гостя: «Вы были, кажется, в военном?» Дарзан отвечает: «Да, в военном, но благодаря... А, Стебельков уж тут? Каким образом он здесь? Вот именно благодаря вот этим господчикам, я и не в военном,— указал он прямо на Стебелькова и захохотал. Радостно засмеялся и Стебельков, вероятно, приняв за любезность». По уходе Дарзана, «чуть он вышел, Стебельков вскочил с места и стал среди комнаты, подняв палец кверху:—Этот барчонок следующую штучку на прошлой неделе отколол: дал вексель, а бланк написал фальшивый на Аверьянова. Векселечек-то в этом виде и существует, только это не принято! Уголовное. Восемь тысяч».

Подросток зверски взглянул на него: «И наверно, этот вексель у вас?» «У меня банк-с,— ответил Стебельков,— у меня Mont de piété, а не вексель. Слыхали, что такое Mont de piété в Париже? хлеб и благодеяние бедным; у меня Mont de piété...» (т. 8, стр. 248—252). О том, что у него Mont de piété, он говорит и в главе третьей, когда предлагает денег Подростку, чтобы он не препятствовал князю Сокольскому, от которого беременна сестра Лиза, жениться на сестре Анне Андреевне. Подросток еще не знает об истории Лизы с Сокольским и, думая, что Стебельков хочет дать ему взаймы, говорит: «Но вы, я слышал, деретe проценты невыносимые». «У меня Mont de piété, а я не деру. Я для приятелей только держу, а другим не даю». И автор дальше поясняет, что «этот Mont de piété был самая обыкновенная ссуда денег под залоги, на чье-то имя, в другой квартире, и процветавшее» (т. 8, стр. 257). Касса ссуд Колосова была на имя Ярошевича.

Из судебного отчета видно, что из всей компании по подделке тамбовских акций Никитин, «дворянин старинного рода», был менее других виновен. Такую же роль автор дает князю Сергею Сокольскому. В главе седьмой второй части Сергей Сокольский, исповедуясь перед Подростком, говорит: «А главное, кажется, теперь уже все кончено, и последний из князей Сокольских отправится в каторгу. ⟨...⟩ Я — уголовный преступник и участвую в подделке фальшивых акций —ской железной дороги» (т. 8, стр. 337). Участие его заключалось в том, что он за 3000 рублей дал Стебелькову рекомендательное письмо к одному русскому эмигранту, «не русского, впрочем, происхождения», который в России однажды уже был замешан в подделке бумаг. Стебелькову нужен был «артист, рисовальщик, гравер, литограф и прочее, химик и техник, и — с известными целями. О целях он высказался даже с первого раза довольно прозрачно». Стебельков теперь пугает князя Сокольского. Он, конечно, не донесет, чтобы себя не предать. Но акции, которые «давно в ходу и еще будут пущены в ход, но, кажется, где-то уж начали попадаться». И в случае, если дело откроется, то они его, Сокольского, втянут (т. 8, стр. 338).

Этот русский эмигрант «не русского, впрочем, происхождения» — конечно, Ярошевич, по происхождению поляк. Из России он бежал, как мы знаем, после суда над ним по делу «письмоносцев». Он действительно был мастер на все руки: и гравер, и литограф, и рисовальщик, и техник; тамбовские акции, как выяснилось на суде, были подделаны очень неплохо.

Использованы и сведения из судебного отчета о близости Колосова к III Отделению. Стебельков каждый раз пытается говорить с Подростком на революционные темы. Он знает про кружок Долгушина-Дергачева и хочет туда втереться. Подростку он однажды делает предложение «познакомить его с господином Дергачевым, так как вы там бываете!». На вопрос Подростка, для чего это ему нужно, Стебельков прямо отвечает, что «у Дергачева, по подозрениям его, „наверно, что-нибудь из запрещенного, из запрещенного строго, а потому, исследовав, я бы мог составить тем для себя некоторую выгоду“».

Как уже было выше указано, наименее виновным из этой компании подделывателей фальшивых акций был библиотекарь Медико-хирургической академии Никитин. В судебном отчете приведено следующее письмо его к жене: «Я положительно никогда

не сознаюсь, ни на следствии, ни на суде. На суд я не попаду, ибо до суда умру, но умру не ради общества, а ради самого себя, жены и родных. Да, я умру еще не осужденным. Я не могу, я не хочу, я не должен жить. Быть ссыльным или каторжником — это почти все равно ⟨...⟩ Дело ясное, думать и надеяться не на что, и чем скорее умереть, тем лучше. Я и оправдание-то не перенесу, если б оно и было возможно. Все равно, мошенник на целый свет, помилованный присяжными. Меня могут спасти две вещи: 1) Если я буду иметь паспорт, уеду в Галицию, где русский язык, или пошляюсь по России в отдаленных местностях с каким-нибудь русским паспортом ⟨...⟩ Нет лучше не слушаться, а прямо умереть, и умереть не осужденным, а только находящимся под стражею ⟨...⟩ Родные все опозорены и унижены мною на веки ⟨...⟩ Голова моя очень дурна. Я теряю силы, смысл и разум. Равнодушие, апатия, тоска, отчаяние и ужас ни на одну минуту не оставляют меня».

В черновиках несколько раз говорится об отдаленных местах России, о Ташкенте, куда можно спастись Сергею Сокольскому от преследований Стебелькова. Но мысль о самоубийстве не покидает его ни на минуту. Перед тем как донести на себя, он, как и Никитин, тоже решает, что «лучше не слушаться, а прямо умереть, и умереть не осужденным», чтобы не опозорить свой княжеский род.

В своем письме к Подростку он так и пишет: «Я виновен перед отечеством и перед родом моим и за это сам, последний в роде, казню себя ⟨...⟩ Я ⟨...⟩ нашел в себе, наконец, настолько твердости или, может быть, лишь отчаяния, чтоб поступить так, как поступаю теперь» (т. 8, стр. 381).

Стр. 268. *...у него* ⟨у младшего князя, Сергея Сокольского с княгиней⟩ *было вроде, как у меня с Е. П. еще при жизни мужа.* И в другом месте: *Обман в том, как Ел. П-на.* Таким образом: Ахмакова обманула молодого князя, как Е. П. И еще: *У него* ⟨у князя⟩ *с княгиней,* вроде *как у меня с Е. П.* И наконец, такая запись: *Подросток разъясняет Анне Андреевне историю Е. П-ны. Это была шалость, я знаю из первых рук.*— Речь идет о Елене Павловне *Ивановой* (невестке сестры Федора Михайловича, Веры Михайловны). Об ее отношениях с Достоевским рассказывает, не совсем точно, Анна Григорьевна в своих «Воспоминаниях» (стр. 85): «Все Ивановы очень любили свою тетку по отцу, Елену Павловну, муж которой уже много лет был безнадежно болен. В семье решили, что по смерти его Елена Павловна выйдет замуж за Федора Михайловича и он навсегда поселится в Москве». Сам Достоевский так писал Анне Григорьевне (в письме от 29 декабря 1866 г.) еще до женитьбы о своих прежних отношениях с Еленой Павловной: «Спросил ее ⟨племянницу Сонечку⟩, что Елена Павловна в мое отсутствие вспоминала обо мне? Она отвечала: „О, как же, беспрерывно". Но не думаю, чтоб это могло назваться любовью. Вечером я узнал от сестры ⟨Веры Михайловны⟩ и от самой Елены Павловны, что она все время была несчастна. Ее муж ужасен; ему лучше. Он не отпускает ее ни на шаг от себя. Сердится и мучает ее день и ночь, ревнует. Из всех рассказов я вывел заключение: что ей некогда было думать о любви. (Это вполне верно). Я ужасно рад, и это дело можно считать покончен-ным». В следующем письме, от 2 января 1867 г., Достоевский снова пишет Анне Григорьевне на эту тему: «Елена Павловна приняла все весьма сносно и сказала мне только: „Я очень рада, что летом не поддалась и не сказала вам ничего решительного, иначе я бы погибла"» («Письма», т. I, стр. 451, 454). Когда Ахмакова познакомилась с Сергеем Сокольским, муж ее, как и муж Елены Павловны, имел уже «от невоздержанной жизни удар». В черновиках отношения Ахмаковой с князем Сокольским даны в двух вариантах: в одном — они страстно влюблены друг в друга; в другом — Ахмакова только «кокетничала» с ним, и обещание ее выйти за него замуж после смерти безнадежно больного мужа было лишь шуткой. В окончательном тексте, как известно, принят второй вариант. Подросток говорит, что «раз там, за границей, в одну шутливую минуту, она действительно сказала князю: „может быть" в будущем, но что же это могло означать кроме лишь легкого слова?» (т. 8, стр. 268). Елена Павловна тоже, очевидно, сказала Достоевскому «может быть».

О характере Елены Павловны мы знаем очень мало. В опубликованных материалах о роде Достоевского (М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевского. М., 1933) не приведена переписка с ней семьи Ивановых, с которой она всю жизнь поддерживала близкие отношения. Но не подлежит сомнению, образ ее мелькал перед Достоевским, когда он рисовал фигуру Ахмаковой. Судя по письмам Достоевского к Ивановым, в частности, к племяннице Софье Александровне, Елена Павловна была добра, проста и естественна, относилась ко всем одинаково ровно (с любовью, но без страсти). Человеку почти незнакомому, брату Анны Григорьевны, она дала 2000 рублей, когда просил об этом Достоевский («Письма», т. II, стр. 340—342). Давала она денег и Паше, пасынку Достоевского, поддерживала всегда Ивановых. Когда Достоевский бывал в Москве, то обычно у нее и останавливался.

«Княгиня — довольно мрачный, сильно впечатлительный характер, хотя и с чрезвычайно светлыми проблесками. Светская заносчивость, нестерпимая гордость, английское упрямство и щепетильность (жена Байрона), мелкое самолюбие»,— так сказано о будущей Ахмаковой в ранних записях о ней (см. стр. 136). Но тут еще у нее к молодому князю, будущему Сергею Сокольскому, действительно любовь, «какое-то материнское

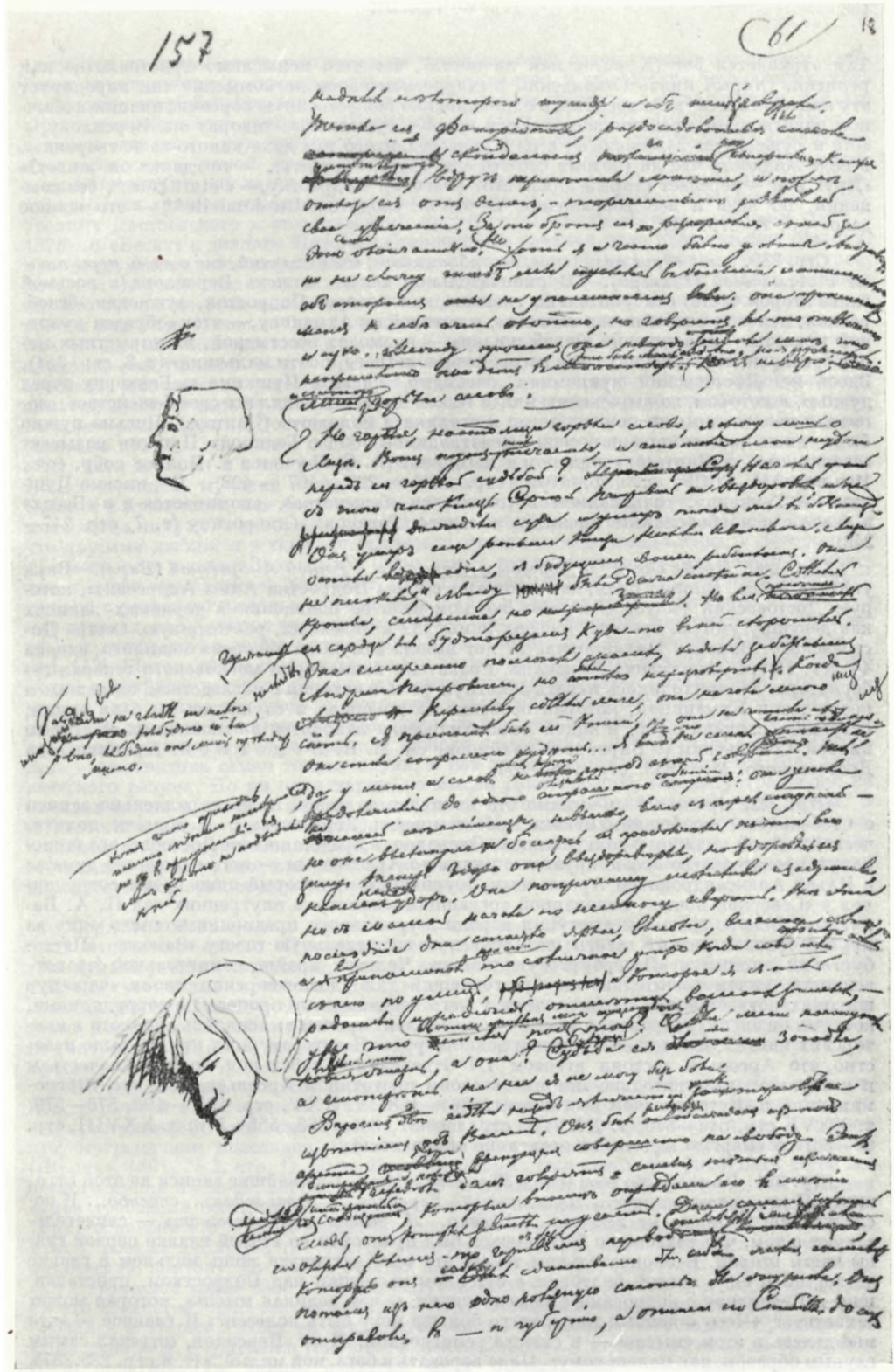
обожание, так что она прощает ему даже измены». Лично-биографическое, взаимоотношения Достоевского с Еленой Павловной еще не всплыли на поверхность сознания. Чем дальше, тем образ Ахмаковой все более и более смягчается и мало-помалу приобретает ее черты.

«Живая жизнь»,— сказано про нее,—простая русская красота, воплощение мягкости и доброты. В черновых набросках в сцене свидания с ней Подростка она говорит ему о своих «скверных пороках». Какие это? — спрашивает он. «Открытость. Желание тотчас победить, привлечь, осчастливить. Как можно? Так женщина не бывает откровенна, как я. Она не должна привлекать без любви. А я — я ведь никого не люблю... Я всех люблю. Я назначена *всех* любить, и, стало быть, *никого*». В романе ей дается такая характеристика: «Катерина Николаевна есть редкий тип светской женщины — тип, которого в этом кругу, может быть, и не бывает. Этот тип простой и прямодушной женщины в высшей степени».

Стр. 268. *...и вдруг княгиня говорит ему,что выходит за Ланского.*—Появление в черновой записи только в этот единственный раз фамилии Ланского следует, по всей вероятности, поставить в связь с тем, что во время работы Достоевского над «Подростком» Пушкин был весь в сфере его внимания — не только как великий писатель, как идеал «гармонии», полного согласия между «делом поэта» и «делом художника», но и как человек трагической судьбы в личной жизни. Как будет указано в примечании к записи на стр. 289, Достоевскому казалось, что письмо Версилова к Катерине Николаевне Ахмаковой, в котором он «излил все свое бешенство», можно сравнить с «бешеным» письмом Пушкина к Геккерну, послужившим поводом к дуэли с Дантесом. Всплыла в памяти фамилия того, «другого», за которого вышла Наталия Николаевна Пушкина: Ланского.

Стр. 281. *Современные науки нравственных выводов даже и не начинали еще полагать... не ее это дело ∽ Создать же и построить в силах только железные дороги. ∽ тут вовсе не хаяние науки...*— Противопоставление «нравственных выводов» «железным дорогам», т. е., как говорит в одном месте Л. Н. Толстой, прикладным различным знаниям о том, «как наилегчайшим способом бороться с силами природы и как пользоваться ими для облегчения труда людского», является одной из центральных идей во всем творчестве Достоевского 70-х годов, единящей его не столько с мистико-идеалистической системой В. С. Соловьева, сколько с нравственной философией Льва Толстого. В статье «О науке» с подзаголовком «Ответ крестьянину» (Л. Н. Толстой, т. 38, стр. 132—149) Толстой так определяет науку: «Знание того, что нужно делать всякому человеку для того, чтобы как можно лучше прожить в этом мире тот короткий срок жизни, который определен ему богом, судьбой, законами природы,— как хотите»; «надо прежде всего знать, что точно хорошо всегда и везде и всем людям, т. е. знать, что должно и чего не должно делать. В этом и только в этом всегда и была и продолжает быть истинная, настоящая наука». Эта «истинная наука», в основе своей, по Толстому, сводится к тому, чтобы «любить бога и ближнего, как говорил Христос. Любить бога, т. е. любить выше всего совершенство добра, и любить ближнего, т. е. любить всякого человека, как любишь себя». Это то самое, что проповедует в «Подростке» крестьянин Макар Долгорукий. Толстой не сочувствует «успехам всех прикладных наук: физики, химии, механики и других», поскольку успехи этих наук «неизбежно только увеличивают власть богатых над порабощенными рабочими и усиливают ужасы и злодейства войн» (там же, стр. 141—142). У Достоевского эта мысль просвечивает лишь очень слабо: одних «железных дорог», т. е. пользы от всякого рода «изобретений», способствующих улучшению материальных условий жизни, мало для человека.

Стр. 287. *...несмотря на то, что дошло до Спинозы.* И дальше (на стр. 292): *учил Лизу и мать философии...*— Мыслилась, очевидно, некая сцена, по всей вероятности, не лишенная комизма, когда простой малограмотной крестьянке излагает одну из сложнейших абстрактных философских систем юноша, «желающий поскорее ступить свой первый шаг в жизни», еще «неготовый человек», меньше всего склонный к рассуждениям на «высокие» философские темы. Это дает основания утверждать, что в период создания «Подростка» Спиноза безусловно был в памяти писателя, входил неким элементом своей философии, пусть в окончательном тексте и затушеванным, в сферу его мысли. Познакомился Достоевский со Спинозой в изложении Куно Фишера; первые четыре тома его «Истории философии» появились в переводе Н. Н. Страхова. Страхов же опубликовал в сентябрьской книжке «Времени» за 1861 г. (стр. 117—140) статью: «Учение Спинозы о боге», которая должна была особенно привлечь внимание Достоевского, поскольку в ней ясно выражена основа философской системы Спинозы. По ней, бог и природа тождественны. Природа, то, что Спиноза называет субстанцией, есть внутренняя сила, действующая во всем существующем (Natura naturans), а не простая сумма всего существующего (Natura naturata). Взгляд на бога и природу,—по учению Спинозы,— отличается от того взгляда, который обыкновенно защищали современные ему христиане. Он утверждал, что бог есть *внутренняя*, а не внешняя причина всех вещей.



ЗАПИСИ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Так отрицается бог (Христос как личность), без чего немыслимо христианство как религия. Старый князь Сокольский в старческом своем легкомыслии так пародирует эту пантеистическую философию и одновременно божественную персонификацию в обычном религиозном представлении: «Если высшее существо,— говорит он Версилову,— есть и существует *персонально*, а не в виде разлитого там духа какого-то по творению, в виде жидкости что ли (потому что это еще труднее понять), — то где же он живет?» «Друг мой,—передает старый князь этот разговор Подростку,— c'était bête *, без сомнения, но ведь и все возражения на это же сводятся. Un domicile** — это важное дело» (т. 8, стр. 42)

Стр. 289. *...то вдруг нахальное, оскорбительное, вне приличий, вне всякой меры письмо к Ахмаковой (Геккерн).*— В окончательном тексте записка Версилова (в восьмой главе второй части) оскорбительно гневная, как говорит Подросток, «ужасная, безобразная, нелепая разбойничья записка», в которой он Ахмакову,— этот «образец духовной красоты», «воплощение живой жизни»,— называет бесстыдной, из корыстных целей «развращающей юношу, еще несовершеннолетнего, почти мальчика» (т. 8, стр. 351). Здесь же Достоевский припомнил, очевидно, письмо Пушкина к Геккерну перед дуэлью, в котором, по выражению князя Вяземского, «он излил все свое бешенство», «запятнал неизгладимыми поношениями и старика и молодого» (Дантеса). Письмо нужно было лишь как символ нанесения неизгладимой обиды: Геккерна Пушкин называет «сводником», а Дантеса «подлецом и негодяем» (А. С. Пушкин. Полное собр. соч., Изд-во АН СССР, т. 16, 1949, стр. 221 — 222, 407 — 408). О письме Пушкина к Геккерну, написанном в «состоянии бешенства», упоминается и в «Бесах» в связи с оскорбительным письмом молодого Гаганова Ставрогину (т. 7, стр. 247—248).

Стр. 290. *Вроде какой-то дружбы у подростка с Анной Андреевной (Варя).*—Варя указана здесь, должно быть, как прототип сестры Подростка Анны Андреевны, которую Достоевский рисует с первых же моментов ее появления в черновых записях как девушку умную, трезвую в своих помыслах и надеждах, расчетливую. Сестра Достоевского, Варвара Михайловна, 17 лет вышла замуж за человека пожилого, вдовца 44 лет, Петра Андреевича Карепина, правителя канцелярии московского генерал-губернатора. Ей приходилось играть заметную роль в истории с наследством, оставшимся после тетки Куманиной, которая особенно ей доверяла и слушалась ее. Как видим, ситуация, сходная с той, в какой Анна Андреевна находится в отношениях со старым князем Сокольским (о Варваре Михайловне см. М. В. Волоцкой. Хроника рода Достоевского. М., 1933, стр. 158—164).

Стр. 293. *Арсеньев.*— Фамилия эта написана на левом поле, параллельно записи о Стебелькове: «сообщает намеками проект продать Дергачева», т. е. донести политической тайной полиции о долгушинцах. Очевидно, в представлении Достоевского шпионаж и предательство ассоциируется с каким-то Арсеньевым,— есть основание думать: с Ильей Александровичем Арсеньевым, журналистом, который одно время сотрудничал в «Северной почте», основанной тогдашним министром внутренних дел П. А. Валуевым. Вскоре затем он выступил в роли журнального предпринимателя и одну за другой основал разные газеты: сатирическую еженедельную газету «Заноза», «Петербургский листок» и «Петербургскую газету». Человек крайне сомнительной нравственности, ничем решительно не брезговавший для удовлетворения своих «чересчур широких потребностей». Происходили у него бесчисленные процессы с сотрудниками, которых он эксплуатировал, а также с соиздателем, причем выяснялись подлоги в конторских книгах, шантажные подвиги всякого рода. В литературных кругах было известно, что Арсеньев состоял агентом III Отделения. Стебельков, по своим качествам и поступкам, действительно мог иметь своим прототипом Арсеньева (см. его «Воспоминания» в «Историческом вестнике», 1886 — 1887, т. XXV, стр. 191 — 193, 576—579; т. XXVI, стр. 513—536; т. XXVII, стр. 69—81, 345—363, 555—570; т. XXVIII, стр. 68—86; со смертью Арсеньева печатание оборвалось).

Стр. 294. *Разговор обо всем (как у Шатова) о боге...* Ближайшие записи на этой странице: *Я жил на квартирке..., Тут сиживал Версилов ..., Я вас ждал..., спасибо...* И последующие: *Перешел на хозяина..., Хозяин. Я вышел его провожать.*— свидетельствуют о том, что разговор о боге должен был произойти во второй главке первой главы части второй. В окончательном тексте эта тема затронута лишь мельком в главке четвертой в виде легкой болтовни с оттенком насмешки над Подростком, приставшим к Версилову с вопросами о смысле жизни: «в чем великая мысль», которая может захватить? «Чем в данный миг я всего больше могу быть полезен?» И главное — «что мне делать в этом смысле» — в смысле религиозном? И он, Версилов, «отвечал самым глупым образом, как маленькому: „Надо веровать в бога, мой милый“» (т. 8, стр. 235, 237).

---

* это было глупо (*франц.*).

** Место жительства (*франц.*).

Ситуация во время этого разговора на такие глубоко ответственные по своему идейному определяющему смыслу темы, как и характер и положение беседующих, хоть отдаленно, но действительно напоминают разговор Шатова с Ставрогиным в главе «Ночь» второй части романа «Бесы» (т. 7, стр. 261—272). *«Разговор обо всем»* — о самом главном, что составляет в романе «Подросток» такую же кульминацию идеологическую, какой является разговор Шатова о боге в «Бесах», происходит в главе первой второй части романа (главки шестая и седьмая). Причем при сопоставлении обоих «разговоров» ясной становится та эволюция, которая совершилась в воззрениях Достоевского в этот короткий промежуток между обоими романами (1872—1875). В «Бесах» в диалоге Шатова с Ставрогиным главная роль принадлежит Шатову, проповедующему славянофильские идеи автора. «Знаете ли вы,— начал он почти грозно 〈...〉, *сверкая взглядом и подняв перст правой руки вверх пред собою,— знаете ли, кто теперь на всей земле единственный народ „богоносец", грядущий обновить и* спасти мир именем нового бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова... Знаете ли вы, кто этот народ и как ему имя»? (т. 7, стр. 261—262). С этой церковно-религиозной точки зрения и оценивается вся история европейского человечества. Достоевский устами Шатова изменяет здесь свою давнишнюю формулировку символа веры. В письме к Фонвизиной, жене декабриста Фонвизина, женщине, чрезвычайно религиозной, Достоевский, только что выпущенный из каторжной тюрьмы (февраль 1854 г.), говорит о своей жажде веры: «Я скажу вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. *Каких страшных мучений стоила и стоит* мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однако же бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» («Письма», т. I, стр. 142). Шатов, почти точно цитируя эти слова Достоевского, вносит как будто только некий тончайший оттенок, на деле же сказывается совершенно новая мысль. Он напоминает Ставрогину его слова, с которыми в высшей степени согласен: «Не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?». Доказали бы *«математически»* — математика самая точная наука, в ней полнее всего и проявляется сила человеческого разума. Но ни один народ, по мысли Достоевского, еще не устраивался на началах науки и разума. Истина вне Христа — тем хуже для истины, для науки. В «Подростке» такого противопоставления нет. Мистическая сторона христианства совершенно отсутствует. Социализм, осуществление его идеалов отнюдь не противопоставляется Христу, как и не противопоставляется западноевропейский мир русскому народу с точки зрения церковно-религиозной.

Стр. 310. *Подросток... думает о Lacenaire.*— В журнале «Время», 1861, № 2, была напечатана статья «Процесс Ласенера» со следующим примечанием редакции: «Мы думаем угодить читателям, если от времени до времени будем помещать у себя знаменитые уголовные процессы. Не говоря уже о том, что они занимательнее всевозможных романов, потому что освещают такие темные стороны человеческой души, которых искусство не любит касаться, а если и касается, то мимоходом, в виде эпизода,— не говоря уже об этом, чтение таких процессов, нам кажется, будет не бесполезно для русских читателей 〈...〉

В предлагаемом процессе дело идет о личности человека феноменальной, загадочной, страшной и интересной. Низкие инстинкты и малодушие перед нуждой сделали его преступником, а он осмеливается выставлять себя жертвой своего века. И все это при безграничном тщеславии. Это тип тщеславия, доведенного до последней степени» («Время», 1861, № 2, стр. 1). Пьер Франсуа *Ласенер* был одним из тринадцати детей почетного купца в Лионе, составившего себе состояние торговлей железом. Но большая семья требовала больших расходов, купец пустился на предприятия отчаянные, которые и довели его до разорения. Молодой Ласенер мечтал посвятить себя изучению права, поехал в Париж, где быстро создаются карьеры, но... пришлось поступить в купеческую контору. Он пытал счастья в военной службе, записался в полк, участвовал в греческой войне 1829 г., затем получил отставку. Вернувшись в Лион, не застал своего семейства, получил небольшую сумму, оставленную для него матерью, и снова бросился в Париж. Убил на дуэли племянника Бенжамена Констана. «Зрелище его 〈Констана.—*А. Д.*〉 агонии, говорил он впоследствии〈...〉 нисколько меня не тронуло... Надо полагать, уж таково свойство моей организации — особенная бесчувственность». Затем, чтобы достать деньги, не работая, Ласенер принялся за мошенничество, был приговорен к тюремному заключению на один год. По освобождении вздумал заняться литературой. Но литературная деятельность не удовлетворяла Ласенера, скоро он опять вошел в дружбу с тюремными товарищами, занимался под-

логами. В 1833 г. Ласенер был приговорен к 13-месячному тюремному заключению за воровство. В тюрьме он обдумывал планы на будущее и заключил, что воровство и подлоги обходятся иногда очень дорого, а приносят мало—кровавые замыслы сложились в его голове. Вскоре он их осуществил. Найдя себе сообщника, Ласенер совершил убийство Шардона и его матери, заранее распределив обязанности. После убийства отправились в кафе, где собирались воры и другие преступники. Убийство Шардона не было целью, а только средством. Преступление, совершенное из таких ничтожных видов, упрочивало в глазах Ласенера успех более широких замыслов.

В тюрьме держал себя спокойно. «Будучи в La Force, Ласенер держал при себе котенка; животное как-то сделало маленькую неприятность на его постели; он так ударил его об земь, что бедная тварь тут же и издохла». «Я смотрел, говорил он, на агонию животного с участием и состраданием, какого никогда мне не внушали мои жертвы. Вид трупа, агонии обыкновенно не производит на меня никакого впечатления. *Убить человека для меня то же, что выпить стакан вина*».

Один из посетителей приемной залы тюрьмы как-то заговорил с Ласенером о его злодействе и об ожидающей его каре.

«—Ласенер, вы человек незауряд, вы наделены, к несчастию, огромными умственными способностями. Каким образом собственный ваш рассудок не протестовал против пагубных побуждений?

— В жизни моей был случай, в котором не было для меня другого исхода, кроме самоубийства или преступления.

— Отчего ж вы не наложили на себя руки?

— Я задал себе тогда вопрос: жертва ли я самого себя или жертва общества? *И пришел к убеждению, что я жертва общества.* 〈...〉

— Но если бы и действительно вы были жертвой общества, отчего же вы направляли свои удары только на невинных?

— Это правда, и мне жаль тех, которых я убил, но они были обречены гибели, потому что я решился идти противу всех.

— И так вы составили систему поголовного убийства?

— Да, я избрал ее как средство самосохранения и упрочения собственного существования〈...〉

— Вы все это делали равнодушно, как бы устроивали коммерческую сделку?

— Да.〈...〉

— Так вас никогда не мучили угрызения совести?

— Никогда.

— Никогда боязнь не забиралась к вам в душу?

— Нет. Я знал, что голова моя идет ставкой в этой игре».

На суде вел себя спокойно, с большим самообладанием, в день открытия суда сложил песенку. Произнес речь, после которой толпа молодых адвокатов поздравляла его как своего коллегу, дебютировавшего блестящим образом.

Ласенер вышел из зала заседаний довольный. Он покушал с аппетитом и весело говорил о деле, о себе и своей жизни: „Мне жизнь так же дорога, как монетка в 5 су“» (там же, стр. 18,20—21, 38, 47).

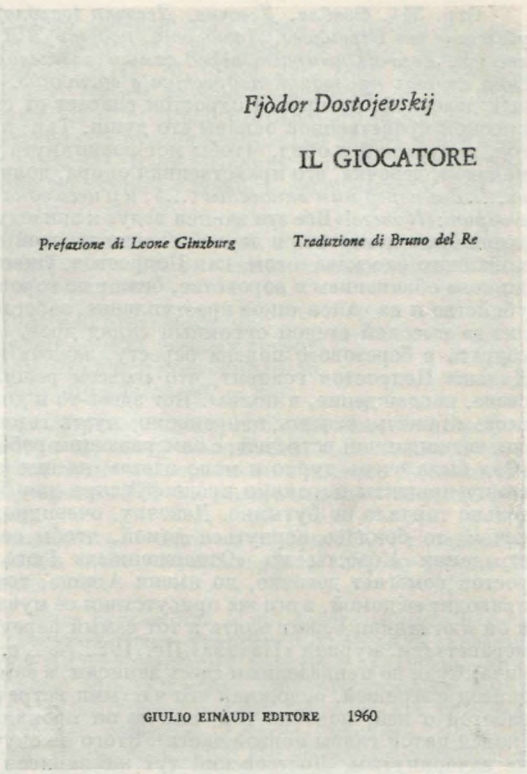
Последние слова Ласенера: «Гюго написал прекрасную книгу: „Последний день приговоренного к смерти“, но если б дали мне сроку, я бы перещеголял его».

Стр. 322. *Помнишь стих Лермонтова*: «*Но в мире лучшем друг друга они не узнали*».— Последняя строка из стихотворения, являющегося вольным переводом стихотворения Гейне «Sie liebten sich beide», начало которого приведено Лермонтовым в качестве эпиграфа. Достоевский цитирует не совсем точно — у Лермонтова: «Но в мире новом друг друга они не узнали» (см., например, М. Ю. Лермонтов. Соч. в шести томах, М.—Л., Изд-во АН СССР, т. II, 1954, стр. 201, 361).

Стр. 324. *Анна Андреевна умела ладить и с Фанариотовой и не как воспитанница у Пушкина в «Пиковой даме»*.— Гордой, независимой, с ярко выраженным чувством собственного достоинства представлена Анна Андреевна и в окончательном тексте, в полную противоположность воспитаннице из «Пиковой дамы» Пушкина, Елизавете Ивановне, которую Пушкин характеризует как «пренесчастное создание». Достоевский, очевидно, ориентировался при создании «Подростка» не только на «Скупого рыцаря», но и на эту пушкинскую повесть, когда в ходе развития сюжета возникла необходимость сопоставить по характеру, судьбе и отношению к людям «девицу из родового семейства», по матери Фанариотову, с сестрой, не родной, по матери крестьянкой, которой Достоевский и дает как раз черты воспитанницы «Пиковой дамы» и ее же имя: «Лиза». Они обе несчастны, возникает, по отдаленной ассоциации, образ героини повести Карамзина — в одном месте Достоевский и называет ее, эту вторую родную сестру Подростка, «бедной Лизой».

Стр. 343. *Недоконченные люди (вследствие Петровск〈ой〉 реформы вообще) вроде инженера в «Бесах»*.— Имеется в виду инженер Кириллов, вначале тоже входящий, как и Шатов, в «пятерку», группу революционеров, руководимую Петром Степанови-

ОБЛОЖКА
ИТАЛЬЯНСКОГО ИЗДАНИЯ
РОМАНА «ПОДРОСТОК»
(Турин <?>, 1960)



чем Верховенским. Их обоих волнуют в сущности одни и те же вопросы общественно-политического характера, которые они ставят и решают с точки зрения религиозно-философской и в связи с ходом развития всей истории человечества. Сходен вполне их жизненный путь, как и идеи нравственного порядка, которыми они руководствуются в своей деятельности и в отношении к людям. И в то же время они друг другу резко противостоят в мыслях в самом существенном для них вопросе — о боге. Шатов (см. комментарий к стр. 294) хотя еще и «зайца не поймал», но страстно хочет верить, что его поймает («Я... я буду веровать в бога») (т. 7, стр. 268) и восторженно проповедует о великой исторической миссии русского народа, единственного, «богоносца», грядущего обновить и спасти мир истиной нового бога и кому одному даны ключи жизни и нового слова. С этой точки зрения Кириллов именно «недоконченный» человек, он уже не русский, поскольку он не только не православный, но в полном смысле слова атеист. Подчеркивается с самого начала, что Кириллов говорит «как-то не грамматически», как-то странно переставляет слова и путается. Он сам говорит о том, что «не знает русского народа» и вовсе нет времени изучить. То, что его интересуют не вопросы социального благоустройства, не улучшения условий жизни народа, а причины, учащающие или задерживающие распространение самоубийств в обществе, приобретает особый символический смысл. Отречение от бога,— по мысли Достоевского,— неминуемо должно привести к смерти, к самоубийству, если человек не принадлежит к категории людей посредственных, довольствующихся личным благополучием. Достоевский дает Кириллову большую силу самостоятельной мысли по волнующим вопросам о смысле жизни, о причинах возникновения идеи бога, о вечности, об основах нравственности, словом, обо всем том, на что, по Достоевскому, человеку верующему отвечает религия. Но Кириллов мыслит иначе. И как бы ни были величественны идеи, они ведут к трагическому финалу, к самоубийству. Кириллов — высшая разновидность «человека из подполья». Для него все одинаково: добро и зло. Нет никаких объективных критериев добра и зла, восходящих к каким-то незыблемым истинам. Все в мире субъективно. «Всем тем хорошо, кто знает, что все хорошо. Если б они знали, что им хорошо, то им было бы хорошо, но пока они не знают, что им хорошо, то им будет нехорошо. Вот вся мысль, вся, больше нет никакой!» (т. 7, стр. 251—252). Кириллов—эпилептик, и все мысли, какие он высказывает, имеют напряженно-истерический характер, на грани умопомешательства.

Стр. 344. *Озябла. Девочка. Девочка* (*озябла*). *Необходима ему во всем романе как убежище от Версилова, Ламберта, недоверия Лизы, безучастия матери. Он к ней удаляется. Девочка умирает перед самым замыслом — решением на Ахмакову, забитая. Эта смерть приводит подростка в отчаяние.*— Как видно, история с какой-то озябшей девочкой, которую Подросток спасает от смерти, должна была служить символом высокой нравственной основы его души. Так находит он убежище от всех своих невзгод, искушений и обид. Чтобы мог возникнуть у него преступный замысел против Ахмаковой, девочка, его нравственная опора, должна умереть. И то же на стр. 346: *Девочка. ...Все перед ним виноваты* (...), *и у него одна эта девочка... Девочка озябла.Умирает, говорит:«Ничего!»* Все эти записи ведут к эпизоду о девочке в снегу, который Достоевский хотел было поместить в первой главке девятой главы второй части романа после взволнованного рассказа о том, как Подросток, ужасно оскорбленный в игорном доме у Зерщикова обвинением в воровстве, бежит по городу в бреду, одинаково готовый на самоубийство и на самое дикое преступление, забегает в какой-то пустынный переулок и видит за высокой стеной огромный склад дров. «Никого нет, тишина!» Влезть на стену, содрать с березового полена бересту, зажечь и пропихнуть в дрова — вот и пожар. Дальше Подросток говорит, что «совсем решился. Я ощутил чрезвычайное удовольствие, наслаждение, и полез». Вот здесь-то и должен был следовать эпизод, начиная со слов: «Зажечь, зажечь, непременно, пусть горят!». Он бы это исполнил, но был отвлечен неожиданной встречей с замерзающим ребенком, девочкой лет девяти или десяти. «Она была очень дурно и мало одета», на шее длинное суровое полотенце, к каждому концу пришиты корзинки вроде футляра для бутылки. Из каждой корзинки действительно торчало по бутылке. Девочку, очевидно, послали за чем-то с бутылками, и она почему-то боялась вернуться домой, чтобы ее не истязали; вспоминаются отдаленно страдания Козетты из «Отверженных» Гюго (о романе Гюго см. на стр. 424). Подросток помогает девочке, по имени Ариша, точно так же, как Вальжан Козетте. Он приводит ее домой, в его же присутствии ее мучают, а он над ней плачет. Его выгоняют, и он в отчаянии бежит опять в тот самый переулок, там он «будет сидеть и заснет и замерзнет» (см. журнал «Начала»,Пг., 1922, № 2, стр. 221—225. Публикация В. Л. Комаровича). Судя по приведенным здесь записям, в замысел Достоевского входило продолжить эпизод с Аришей, осложняя его частыми встречами с ней Подростка, его трогательной заботой о ней, подобно той, какую он проявляет в окончательном тексте о Риночке (конец пятой главы первой части). Этого не случилось. Хотя эпизод остался в рукописи не зачеркнутым, Достоевский тут же записал окончательную редакцию этого места романа, со слов: «Я лазить умел отлично»... до конца этой главки: «я с наслаждением стал к нему прислушиваться» (т. 8, стр. 366—367).

Стр. 350. *David — Salomon, у меня все это кружится.*— Смысл этой записи о старом князе Сокольском поясняет предшествующая запись об Анне Андреевне: запись последующая о ней же. Высокому поэтическому восторгу, какой он переживает после того, как величественно-гордая Анна Андреевна сказала ему о своей любви, старый князь находит соответствие (у него все это «кружится»), — старый князь выражает Подростку свой восторг по-французски: «Quelle charmante personne, a? Les chants de Solomon». И дальше о Поль де Коке. О нем в добродушном комическом стиле Достоевский говорит неоднократно во многих своих произведениях, начиная с «Бедных людей» и кончая «Братьями Карамазовыми». В «Бедных людях» Макар Девушкин, человек «начитанный, из компании Ратазяева», который «сам пишет, ух, как пишет! Перо такое бойкое и слогу пропасть»,— пишет своей корреспондентке Вареньке Доброселовой, что «ходит здесь по рукам Поль де Кока одно сочинение, только Поль де Кока-то вам, маточка, и не будет... Ни-ни!» (т. 1, стр. 130—134). Про героиню рассказа «Чужая жена и муж под кроватью» сказано: «Это хитрая молодая дама (вечно Поль де Кок под подушкой!)».

Фому Опискина, которого так почитают обитатели села Степанчикова, не один раз заставали за Поль де Коком, при людях он прятал его куда-нибудь подальше (т. 2, стр. 586). То же и о Степане Трофимовиче Верховенском, ученом с поэтической душой: «Возьмет с собою в сад Токевиля, а в кармашке несет спрятанного Поль де Кока» (т. 7, стр. 586). Вечный его друг, Ставрогина, так и попрекает его: «Вы читаете одного только Поль де Кока» (т. 7, стр. 21). В «Идиоте» юная, милая, по-детски капризная Аглая говорит князю Мышкину: «Я еще два года назад нарочно два романа Поль де Кока прочла, чтобы про все узнать. Maman, как услышала, чуть в обморок не упала» (т. 6, стр. 489). В «Введении» к «Ряду статей о русской литературе», в начале 1861 г. Достоевский не без иронии рассказывает «нашу *собственную* повесть, повесть нашего развития, нашего роста», когда во все образованное сословие наше вдруг стал проникать анализ: «Поль де Кока мы еще тогда читали, но с презрением отвергали Александра Дюма и всю компанию. Мы набросились на одного Жорж Занда и — боже, как мы тогда зачитались!» (т. XIII, стр. 49). Так повелось с натуральной школы в эпоху 40-х годов; отвергая Дюма и всех других романистов его круга, преклоняясь перед Жорж Занд за проповедь ею высоких гуманистических идеалов, Поль де Кока все же читали, согласно характеристике Белинского, как «доброго, почтенного, талантливого писателя, живо, остроумно и верно изображавшего действительность». Поль де Кок,— говорит

Белинский,— на французском языке «всегда забавен, мил, даже грациозен в самых пошлостях, а на русском частенько тяжеловат, плосковат и даже грязноват» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XIII. М., 1959, стр. 186). Достоевский не раз говорил, что Поль де Кока можно читать только по-французски, что наши российские перелагатели нещадно уродуют Поль де Кока, стирая с его рассказа колорит добродушия и грациозности, и заставляют русских читателей видеть в нем одни сальности и плоскости, грубые картины цинизма». Высказывания о Поль де Коке Достоевского, как видим, совпадают, по тону во всяком случае, с рецензиями о нем Белинского.

Стр. 354. *Сельское кладбище.*— Имеется в виду, по всей вероятности, переведенная Жуковским элегия английского поэта Томаса Грея «Сельское кладбище». У Жуковского она кончается следующим четверостишием:

Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель — бог.

Стр. 354. *Смотри Ст. после Петербурга. 25 февраля.* (№ *Век и современный человек*).— Смысл этой записи, очевидно, таков: смотри страницу с записями, сделанными по возвращении из Петербурга, 25 февраля. Как видно из переписки с женою, Достоевский приехал из Старой Руссы в Петербург 5 февраля 1875 г. и вернулся домой числа 18 февраля (см. «Письма», т. III, стр. 147, 159).

«*Век и современный человек*» — надо полагать, цитата из строфы XXII главы седьмой «Евгения Онегина» Пушкина. Версилов часто рисовался Достоевскому вплоть до окончательного текста с чертами Онегина.

Стр. 355. *...признается Макару, что беременна. Тот, вроде прощенной женщины во храме, кротко и боязливо.*— В восьмой главе Евангелия от Иоанна сказание о том, как книжники и фарисеи привели к Иисусу женщину, взятую в прелюбодеянии, с тем, чтобы ее наказать по закону Моисея, заповедавшего побивать камнями таких женщин. Иисус же сказал им: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень». Когда они это услышали, будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим; и остался один Иисус и женщина. Иисус сказал ей: «Я не осуждаю тебя, иди и впредь не греши». Судя по этой записи, странник Макар должен был так же поступить с Лизой, забеременевшей от молодого князя Сокольского. В окончательном тексте такой сцены нет.

Стр. 356. *Новых идей нет: идеи все те же одни, начиная с Иова. Прудон и Иов—искушение Христа.* — О книге Иова Достоевский пишет в письме к жене от 10/22 июня 1875 г.: «Читаю книгу Иова, и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу в комнате, чуть не плача, и если б только не подлейшие примечания переводчика, то, может быть, я был бы счастлив. Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!» («Письма», т. III, стр. 177). В шестой книге «Братьев Карамазовых» устами старца Зосимы Достоевский подробно рассказывает о том огромном, оставившем след на всю его жизнь впечатлении, которое произвел на него отрок, читавший в понедельник на страстной неделе книгу Иова: «Вышел на средину храма отрок с большою книгой, такою большою, что, показалось мне тогда, с трудом даже и нес ее, и возложил на налой, отверз и начал читать, и вдруг я тогда в первый раз нечто понял, в первый раз в жизни понял, что́ во храме божием читают. Был муж в земле Уц, правдивый и благочестивый, и было у него столько-то богатства, столько-то верблюдов, столько овец и ослов, и дети его веселились, и любил он их очень и молил за них бога: может, согрешили они, веселясь. И вот восходит к богу диавол вместе с сынами божьими и говорит господу, что прошел по всей земле и под землею. „А видел ли раба моего Иова?“ — спрашивает его бог. И похвалился бог диаволу, указав на великого святого раба своего. И усмехнулся диавол на слова божии: „Предай его мне и увидишь, что возропщет раб твой и проклянет твое имя“. И предал бог своего праведника, столь им любимого, диаволу, и поразил диавол детей его, и скот его, и разметал богатство его, все вдруг, как божиим громом, и разодрал Иов одежды свои и бросился на землю, и возопил: „Наг вышел из чрева матери, наг и возвращусь в землю, бог дал, бог и взял. Буди имя господне благословенно отныне и до века!“» (т. 9, стр. 364—365). Достоевский пишет дальше, что бог, как бы в награду за веру и покорность, дает Иову вновь богатство, проходят опять многие годы, и вот у него уже новые дети, другие, и любит он их. «„Да как мог бы он, казалось, возлюбить этих новых, когда тех прежних нет, когда тех лишился? Вспоминая тех, разве можно быть счастливым в полноте, как прежде с новыми, как бы новые ни были ему милы?“ Но можно, можно: старое горе великою тайной жизни человеческой переходит постепенно в тихую умиленную радость». Достоевский, точно намеренно, прячет от читателя центральную, главную часть книги, где Иов совсем не покорен, а вопиет против бога: зачем подверг его таким страшным мукам? Иов не постигает смысла, ради чего бог предал его сатане. Пятая книга романа «Pro и contra» вскрывает всю трагичес-

кую сущность человеческой жизни на земле так, как ее воспринимал Достоевский. Так последние слова записи: «Искушение Христа» нужно отвести не только к «идеям Прудона»— к идеям социализма (см. комментарий к стр. 59), но и к Иову: «Зачем ты меня оставил?»—горестное восклицание Христа-человека, каким мыслили его утопические социалисты.

Прудон и Иов. — Не совсем ясно, почему «все те же идеи», что «искушение дьявола», т. е. идеи социализма, связаны на этот раз с Прудоном, имя которого среди властителей умов революционно настроенной молодежи еще с 40-х годов появляется у Достоевского обычно последним, после Жорж Занд (она впереди всех), после Фурье, Кабе и т. д. Может быть, следует объяснить это тем, что именно Прудон, его идеи стали наиболее популярными в России в 70-е годы, особенно в первую половину, когда часть народнически настроенной молодежи склонилась к анархическим взглядам Бакунина. В это же время в русской литературе появились две работы о Прудоне: одна А. Н. Плещеева — непосредственно перед тем, как был задуман «Подросток»: «Жизнь и переписка Прудона» («Отечественные записки», 1873, ноябрь); вторая — цикл статей Д—ева (П. Д. Боборыкина) «П. Ж. Прудон в письмах» («Вестник Европы», 1875, кн. 3, 7—12). Тогда же появилась новая книга и на французском языке, на котором Достоевский обычно знакомился не только с французской, но с мировой литературой: S a i n t e B e u v e. P. J. Proudhon —sa vie et sa correspondance. 1838 — 1848. Paris, 1872.

Стр. 367. *Внезапное объяснение читателю себя самого (для ясности à la Лев Толстой).* И дальше: *Я полагаю, что я просто был в нее влюблен без памяти... (как на бале в углу) Ревновал.*— В окончательном тексте имеется этому соответствие в третьей части, там, где Подросток считает необходимым сказать всю правду: как это он мог вступить в сговор с Ламбертом, чтобы опозорить Ахмакову. Пусть же знают: «В записках моих это должно быть отмечено. 〈...〉 Не для того, чтобы спасти безумного Версилова и возвратить его маме, а для того ... что, может быть, сам был влюблен в нее, влюблен и ревновал! 〈...〉 Ко всем тем, на которых она на бале будет смотреть и с которыми будет говорить, тогда как я буду стоять в углу...» (т. 8, стр. 577). Слова: «à la Лев Толстой» наводят на мысль о том, что Достоевский вначале, очевидно, предполагал дать более подробное и углубленное объяснение Подростком своего душевного состояния, приведшего его к сговору с Ламбертом. В пятой главке второй главы первого выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. (под заглавием: «Именинник») Достоевский подробно останавливается на одном из шедевров Толстого. Это рассказ в «Детстве и отрочестве» о том, как двенадцатилетний мальчик страстно отдается мечтам и чувствам своим, а стыдливое целомудрие и высшая гордость мешают ему обнаруживать их. Он видит себя униженным, его никто не любит; ему хочется отличиться,— на языке Подростка это было бы: «устроить пожар». И он устраивает его, ударяет кулаком гувернера, его запирают в чулан, ему грозит наказание розгами. Ему хочется умереть, над ним будут плакать, его жалеть. Все кончается болезнью ребенка, лихорадкой, бредом. Это,— говорит Достоевский,— «чрезвычайно серьезный психологический этюд над детской душой, удивительно написанный» (т. XII, стр. 33—34). Так приблизительно построена и девятая глава второй части в романе «Подросток»; с тем же финалом: «болезнью, лихорадкой, бредом».

Стр. 367. *А то, что в тех юношах, что аблакатишки или инженеры с дистанции (Александр Александрович).*— Имеется в виду племянник Достоевского, сын сестры Веры Михайловны, по мужу Ивановой. Он учился вначале в Московском университете, оставил его и занялся, по выражению Достоевского, в одном из писем к С. А. Ивановой, «таким неблагодарным делом, как инженерство путей сообщения» («Письма», т. II, стр. 178). Этот Александр Александрович служил в Кременчуге в управлении Харьково-Николаевской железной дороги, дослужился до большой пенсии, был трижды женат, постоянно мечтал стать хозяином на своей ферме. «Все мы Ивановы большие эгоисты и при этом гордецы!»— так он сам однажды охарактеризовал себя (М. В. В о л о ц к о й. Хроника рода Достоевского, стр. 202—204).

Стр. 404 *«Dies irae, dies illa...»* — Имеются в виду финальные сцены из первой части трагедии Гете «Фауст». Для Достоевского, как и для Герцена, Гете — великий поэт, мыслитель, но не трагик: он слишком «олимпиец», слишком равнодушен к судьбам человеческим. Достоевский берет из финала первой части «Фауста» только два момента и ими кончает: молитву Гретхен, которую Достоевский переносит из тюрьмы в собор, и слова Мефистофеля: «Она осуждена на муки!» Причем дважды подчеркивает свое несогласие с Гете. У Гете молитва Гретхен — вначале, а потом слова Мефистофеля.

У Достоевского в окончательном тексте злой дух теряет облик Мефистофеля, циника, всегда только издевающегося над своей жертвой: это внутренний голос самой Гретхен, голос терзающей ее совести: «это — тенор, непременно тенор» — следует ремарка Достоевекого. И «начинает он тихо, нежно»,— с светлых воспоминаний об ее невинном детстве; и в нотах его «слезы, тоска, безустанная, безвыходная и, наконец, отчаяние: „Нет прощения, Гретхен, нет здесь тебе прощения“» (т. 8, стр. 482).

Песня Сатаны, внутреннего голоса, вдруг обрывается почти криком: «Конец всему, проклята!» «И вот тут ее молитва» — тут, а не раньше, не до проклятия. И всего «только четыре стиха», а не пять, как у Гете, где последняя строка: «Ты, Генрих, страх внушаешь мне», нарушает весь характер ее молитвы, «наивной, безо всякой отделки, в высшей степени средневековой». С Гретхен обморок после молитвы, а не как у Гете, в двадцатой сцене после хора. У Гете она падает в обморок со словами: «Соседка! Вашу склянку!» ...У Достоевского — никаких слов: «Смятение. Ее подымают, несут». И тут торжественный финал: «Хор вдохновенный, победоносный, подавляющий, ⟨...⟩ восторженный, ликующий всеобщий возглас: „Hossanna!“ — Как бы крик всей вселенной» (т. 8, стр. 482—483). У Гете же один только холодный намек: «Голос свыше: „Спасена“».

Стр. 405. *Христос на Белом море.*— В окончательном тексте прямо указано: видение, «как у Гейне, „Христа на Балтийском море“». Название неточное. У Гейне стихотворение названо «Frieden» («Покой») и входит в цикл его «Книги песен» («Das Buch der Lieder»), озаглавленный «Nordsee» (Северное, а не Балтийское море). Гейне рисует фантастическую картину, как Христос вновь появляется к людям, полный любви и сострадания, и сияние, исходящее от него, совершает чудо: человек перерождается, снова становится совершенным. Следует сказать между прочим: не подлежит сомнению, что в этом своем виде — как волшебный сон, как фантазия—«Видение» должно занять свое место среди источников «Легенды о великом инквизиторе» (в «Братьях Карамазовых»). Может быть, именно сюда-то и восходит первоначальный замысел легенды, в особенности, если принять во внимание тот смысл, который придается этому вторичному появлению Христа Версиловым в его мечте о финале человеческой истории, о «Золотом веке».

Стр. 410. *Клод Лоррен.*— В окончательном тексте (т. 8, стр. 513): «В Дрездене, в галерее, есть картина Клода Лоррена, по каталогу — „Асис и Галатея“; я же называл ее всегда „Золотым веком“, сам не знаю почему». Клод *Лоррен* (1600—1682)— знаменитый французский художник-пейзажист (настоящая фамилия — Желле). Лоррен использовал для своей картины сюжет XIII книги «Метаморфоз» Овидия, в которой рассказывается о любви прекрасной Галатеи к юноше Асису и об одноглазом Циклопе, влюбленном в Галатею и преследовавшем ее. У Лоррена запечатлен следующий момент текста Овидия:

С клинообразной верхушкою холм поднимался средь моря,
Так, что его отовсюду вода окружала. Забравшись
На середину холма, безобразный Циклоп там уселся⟨...⟩
Мы укрывались в пещере, где Асис держал меня
Крепко в нежных объятиях...

«Превращения» Публия Овидия Назона, перевод с латинского Ф. Матвеева, кн. IX—XV. М., 1876, стр. 163.

Пейзаж по композиции делится на две части: одна, освещенная косыми лучами заходящего солнца,— в ней зелень и море, сливающиеся вдали с небом; другая освещена только сверху, где открыт небольшой кусочек неба, большую часть ее занимает темная гора и темное от ее тени море. Шалаш Асиса и Галатеи — в центре композиции. Лучи солнца уже почти не попадают на него и лишь слегка скользят по белой фигуре Галатеи. Наверху, на холме, точно сливающаяся с его темным фоном, фигура Циклопа. Маленькие амуры у шалаша и греющиеся на закате наяды наполняют панораму настроением любви и радости.

В окончательном тексте Достоевский интерпретирует картину Клода Лоррена гораздо шире ее настоящего сюжета и смысла. Счастье и любовь последнего свидания Асиса и Галатеи символизируют у него «золотой век» человечества.

Стр. 422. *Соломон — все прейдет.*— Имеются в виду изречения в книге Ветхого завета «Экклезиаст», приписываемые царю Соломону, сыну царя Давида. Это — книга, крайне пессимистическая, созданная человеком, который испытал все удовольствия жизни, до дна испил чашу земных радостей, остался неудовлетворенным и с грустью восклицает: «Суета сует», «все—суета и томление духа!». «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». «Мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и—увы!— мудрый умирает наравне с глупым». «Все идет в одно место; все произошло из праха и все возвратится в прах»...

Стр. 424. «*Misérables*».— В окончательном тексте (см. т. 8, стр. 524) Версилов говорит Подростку, что «у великих художников в их поэмах бывают иногда такие *больные* сцены, которые всю жизнь потом с болью припоминаются,— например ⟨...⟩ встреча беглого каторжника с ребенком, с девочкой в холодную ночь, у колодца, в „Misérables“ Виктора Гюго; это раз пронзает сердце, и потом навеки остается рана». К Гюго, в частности к «Misérables», Достоевский относился с особенной любовью. В одном из своих писем за 1876 г. он отмечает что «они ⟨«Отверженные».—*А. Д.*⟩ вышли в то время, когда вышло мое „Преступление и наказание“ ⟨...⟩ Покойник Ф. И. Тютчев, наш ве-

ликий поэт, и многие тогда находили, что Преступление и наказание" несравненно выше „Misérables". Но я спорил со всеми и доказывал всем, что „Les Misérables" выше моей поэмы, и спорил искренно, от всего сердца, в чем уверен и теперь, вопреки общему мнению всех наших знатоков 〈...〉Прелестна фигура Вальжана, и ужасно много характернейших и превосходных мест 〈...〉 Там, где у него эти падшие люди истинны, там везде со стороны Виктора Гюго человечность, любовь, великодушие» («Письма», т. III, стр. 264). Именно в этой сцене встречи беглого каторжника с ребенком, в холодную зимнюю ночь, у колодца, Гюго с особой силой передает страдания загнанной восьмилетней девочки совершенно на манер Достоевского (ср. в первом романе Достоевского «Бедные люди» сцену с бедной девочкой у гроба своего брата, Горшкова) — не жестами отчаяния, не истерическими рыданиями, а тихими сдавленными стонами, невольно вырывающимися из ее израненного сердца.

Сцена в холодную ночь у колодца — одна из тех, ради которых Иван Карамазов готов «уменьшить размеры своей аргументации раз в десять», остановиться на страданиях одних детей, чтобы не дать «уму-подлецу вилять и прятаться», когда дело доходит до отчаяния в горестных размышлениях человека над трагедией мировой истории.

Стр. 424. *Лицо в размерах матушки игуменьи Митрофании.*—Игуменья Митрофания,— до ухода в монахини — баронесса Прасковья Григорьевна *Розен*,— была обвинена судом в подделке векселей на сумму 22 000 руб. и в подлоге завещания. Описание этого шумного процесса имеется в «Воспоминаниях» А. Ф. Кони, который дает Митрофании следующую характеристику: «Это была женщина обширного ума, чисто мужского и делового склада, во многих отношениях шедшего вразрез с традиционными и рутинными взглядами, господствовавшими в той среде, в узких рамках которой ей приходилось вращаться» (А. Ф. К о н и. Избранные произведения. М., 1956, стр. 866).

В «Гражданине» № 43, от 28 октября 1874 г., дается портрет игуменьи: «У нее лицо умное, энергическое, ясное и спокойное: она садится на кресло и как будто приготовляется слушать о ком-то интересный процесс».

Ниже даны указания на архивные источники соответственно страницам настоящего тома (страницы тома «Литературного наследства» выделены курсивом).

Как уже было сказано выше, большая часть рукописных материалов к роману «Подросток» содержится в трех записных тетрадях в ЦГАЛИ: № 8 (ф. 212, оп. 1, ед. хр. 11), № 9 (там же, ед. хр. 12), № 10 (там же, ед. хр. 13). В тетради № 8 имеется архивная нумерация листов, в тетрадях № 9 и № 10 — страничная.

Остальные творческие записи находятся на разрозненных листах, хранящихся в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ф. 93. I. 1. 8/1 и т. д.) и в Отделе рукописей ИРЛИ.

В дальнейшем, для краткости, материалы ЦГАЛИ обозначаются только единицей хранения и номером листа (или страницы), материалы же Библиотеки им. Ленина — указанием места хранения и единицы (например, ЛБ, 8/1).

Стр. 59—83 — ед. хр. 12, стр. 9—42, 196; *стр. 83—85* — ед. хр. 12, стр. 43—45; *стр. 85—87* — ед. хр. 13, стр. 60—63; *стр. 88* — ед. хр. 12, стр. 50—51; *стр. 89* — ед. хр. 12, стр. 51, 46—47; *стр. 90* — ед. хр. 12, стр. 47—49; *стр. 91* — ед. хр. 12, стр. 49, 52; *стр. 92—117* — ед. хр. 12, стр. 52—91; *стр. 117—125* — ед. хр. 13, стр. 39—47; *стр. 125—128* — ед. хр. 13, стр. 54—55; *стр. 128—129* — ед. хр. 13, стр. 57—58; *стр. 129—150* — ед. хр. 12, стр. 93—127; *стр. 150—155* — ед. хр. 13, стр. 30—38; *стр. 155—158* — ед. хр. 13, стр. 26—29; *стр. 158—169* — ед. хр. 12, стр. 128—141; *стр. 169—177* — ед. хр. 12, стр. 155—164; *стр. 177* — ед. хр. 12, стр. 169—171; *стр. 178* — ед. хр. 12, стр. 170, 172; *стр. 178 — 181* — ед. хр. 12, стр. 166—168; *стр. 181 — 191* — ед. хр. 12, стр. 173—187; *стр. 191—192* — ед. хр. 13, стр. 25; *стр. 192—194* — ед. хр. 13, стр. 23—24; *стр. 194—196* — ед. хр. 13, стр. 21—22; *стр. 196—203* — ед. хр. 13, стр. 11—20 (записи расположены в обратном порядке); *стр. 203—204* — ед. хр. 13, стр. 8—9; *стр. 204—206*—ед. хр. 13, стр. 9—11 (в обратном порядке); *стр. 206—208* — ед. хр. 13, стр. 4—7 (в обратном порядке); *стр. 208—210*— ед. хр. 11, лл. 15—17 об.; *стр. 210—212* — ед. хр. 13, стр. 3, 1—2; *стр. 213—217* — ед. хр. 12, стр. 188—192; *стр. 217* — ед. хр. 12, стр. 204; *стр. 218—219* — ед. хр. 12, стр. 203, 202; *стр. 219—221* — ед. хр. 12, стр. 198, 197; *стр. 221—223* — ед. хр. 13, стр. 59, 64—66; *стр. 224—232* — ед. хр. 11, лл. 97—102 об.; *стр. 232—233* — ед. хр. 11, лл. 103—104; *стр. 233* — ед. хр. 11, лл. 104 об., 105 об.; *стр. 233—235* — ед. хр. 11, лл. 105—106 об.; *стр. 235—236* — ед. хр. 11, лл. 88 об., 90, 89 об.; *стр. 236—240* — ед. хр. 11, лл. 90—93, 94—94 об.; *стр. 241—242* — ед. хр. 11, лл. 95—95 об., 96 об.; *стр. 242—243* — ед. хр. 11, л. 107; *стр. 243—259* — ед. хр. 11, лл. 109, 110—113 об., 114, 115—120 об., 121 об.; *стр. 259—262* — ЛБ, 8/1; *стр. 262—264* —ед. хр. 11, лл. 122—123; *стр. 264—265* — ед. хр. 11, лл. 106 об., 107 об.; *стр. 265—272* — ед. хр.

11, лл. 130, 131—135; *стр. 272—274* — ед. хр. 11, лл. 20—20 об., 21, 22, 21 об.; *стр. 274—276* — ед. хр. 11, лл. 130, 138 об.; *стр. 276* — ед. хр. 11, лл. 19 об., 23, 22 об.; *стр. 277—280* — ед. хр. 11, лл. 4, 7, 8 об.; *стр. 280—281* — ед. хр. 11, лл. 9—9 об., 14 об.; *стр. 281—284* — ед. хр. 11, лл. 23 об., 130, 24—24 об.; *стр. 284—285* — ед. хр. 11, л. 25—25 об.; *стр. 285—286* — лл. 26, 27—27 об.; *стр. 286—294* — лл. 28, 30, 31 об.— 33 об., 28 об.— 29 об.; *стр. 294—311* — ед. хр. 11, лл. 34—44 об.; *стр. 311—314* — ед. хр. 11, лл. 46, 45—45 об., 46 об., 47; *стр. 314—318* — лл. 47— 48 об.; *стр. 318—320* — ед. хр. 11, лл. 49, 50; *стр. 321—325* — ед. хр. 11, лл. 51—52 об.; *стр. 325—327* — ед. хр. 11, лл. 58—62; *стр. 327—332* — ед. хр. 11, лл. 53—55 об.; *стр. 332—333* — ед. хр. 11, лл. 56—57; *стр. 333—336* — ЛБ, 8/2; *стр. 336—340* — ЛБ, 8/3; *стр. 340—342* — ЛБ, 8/4; *стр. 342—343* — ед. хр. 11, л. 68—68 об.; *стр. 343—346* — ед. хр. 11, лл. 63—66, 59 об.; *стр. 346—350* — ЛБ, 8/5; *стр. 351—355* — ЛБ, 8/6; *стр. 355—360* — ЛБ, 8/8; *стр. 360—364* — ЛБ, 8/9; *стр. 364—368* — ЛБ, 8/10; *стр. 368—370* — ЛБ, 8/7; *стр. 370—373* — ЛБ, 8/12; *стр. 373—375* — ЛБ, 8/18; *стр. 375—376* — ЛБ, 8/13; *стр. 376—379* — ед. хр. 11, лл. 69—70 об.; *стр. 379—382* — ЛБ, 8/13; *стр. 382—384* — ЛБ, 8/17; *стр. 384—385* — ЛБ, 8/15; *стр. 385* — ЛБ, 8/14; *стр. 385— 387*— ед. хр. 11, л. 71—71 об.; *стр. 387—388* —ЛБ, 8/14; *стр. 388—391* — ЛБ, 8/11; ед. хр. 11, л. 71 об.; *стр. 391—395* — ед. хр. 11, лл. 72—74; *стр. 395—399* — ЛБ, 8/16; *стр. 399—401* — ед. хр. 11, лл. 84 об., 73 об., 75—75 об.; *стр. 401—408* — ед. хр. 11, лл. 81 об.— 84 об., 73, 85—87; *стр. 408*— ЛБ, 8/19; *стр. 408—411* —ЛБ, 8/21; *стр. 411—414* — ЛБ, 8/20; *стр. 414—419* — ЛБ, 8/23; стр. *419—424* — ЛБ, 8/22; *стр. 424—432* — ЛБ, 8/24; *стр. 432—434* — ИРЛИ, ф. 100, № 29449ССХб. 5.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Все ссылки в комментариях на художественные произведения Достоевского даются по изданию: Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в десяти томах. М., Гослитиздат, 1956—1958 (указываются только тома́ и страницы); ссылки же на статьи и «Дневник писателя» даются по изданию: Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений. Под ред. Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева. Т. I — XIII. М.— Л., ГИЗ, 1926—1930 (указываются только тома́ — римскими цифрами и страницы — арабскими).

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. М., Изд-во АН СССР, 1954—1965.

Достоевский, 1926 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений. Под ред. Б. В. Томашевского и К. И. Халабаева. Т. I — XIII. М.— Л., ГИЗ, 1926—1930.

Достоевский, 1956 — Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в десяти томах. М., Гослитиздат, 1956—1958.

«Письма» — Ф. М. Достоевский. Письма. Под ред. А. С. Долинина. Т. I — IV. М.— Л., ГИЗ — Гослитиздат, 1928—1959.

Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений («Юбилейное»). Т. 1—90. М.— Л., ГИЗ — Гослитиздат, 1928—1959.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград).

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Составила Г. Ф. Коган

I. ПОРТРЕТЫ ДОСТОЕВСКОГО

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК

Достоевский. Рис. карандашом И. Н. Крамского, 1882 (по фото М. М. Панова. М., 1880). МД — стр. 439

Достоевский. Рис. карандашом И. А. Шарлеманя, 1924. МД — стр. 353

Достоевский в картине М. В. Нестерова «На Руси». Фрагмент окончательного эскиза картины. Акварель, гуашь, карандаш, 1914 (слева изображен Достоевский, справа — Л. Н. Толстой). ГТГ — стр. 185

ФОТОГРАФИИ

Достоевский. Фото Н. Досса. СПб., 1876. МД — Фронтиспис

Достоевский. Фото Н. Досса. СПб., 1876, с дарственной надписью Достоевского племяннице Е. Н. Голеновской. ИРЛИ — стр. 157

Достоевский. Фото Н. Досса. СПб., 1876, с дарственной надписью Достоевского племяннику Ф. М. Достоевскому. МД — стр. 11

Достоевский. Фото Н. Досса. СПб., 1876, с дарственной надписью Достоевского В. К. Абазе, 18 февраля 1878 г. ИРЛИ — стр. 278—279

Достоевский. Фото К. А. Шапиро. СПб., 1879, с дарственной надписью Достоевского племяннику М. М. Достоевскому. МД — стр. 165

II. АВТОГРАФЫ ДОСТОЕВСКОГО

ТВОРЧЕСКИЕ РУКОПИСИ И ЗАПИСИ К РОМАНУ «ПОДРОСТОК», ХРАНЯЩИЕСЯ В ЦГАЛИ

Тетрадь № 8, лл. 14 об., 25, 84, 90, 131, 131 об.— стр. 283, 287, 402, 237, 267, 271

Тетрадь № 9, лл. 15, 29, 56, 62, 87, 172 — стр. 15, 75, 97, 47, 113, 179

Тетрадь № 10, л. 18 — стр. 197

Записи Достоевского к роману «Подросток» с заметками о журнале «Гражданин». Тетрадь № 8, л. 17 — стр. 67

Страницы с денежными подсчетами из записных тетрадей Достоевского к роману «Подросток». Тетрадь № 8, лл. 127 об., 2; тетрадь № 9, л. 7 — стр. 105, 215, 491

Записи Достоевского к роману «Подросток» на счете магазина колониальных товаров в г. Эмсе — стр. 31

ТВОРЧЕСКИЕ РУКОПИСИ И ЗАПИСИ К РОМАНУ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ЛБ

Листы рукописей — стр. 127, 359, 365, 383, 421, 426 — 427, 447, 481, 497

Наброски Достоевского к «Житию великого грешника», с замыслом которого связан роман «Подросток». Тетрадь № 2, лл. 9—10 («Бесы»)— стр. 463

---

* Список условных сокращений:

АНО — Архив Новгородской области
ГЛМ — Государственный Литературный музей, Москва
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея, Москва
ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР, Ленинград
ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва
МД — Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

Страница из записной тетради романа «Бесы», № 2, л. 149, с упоминанием имени Ламберта (одного из героев романа «Подросток»)— стр. 429
Наборная рукопись романа «Подросток». Лист с правкой Достоевского. Текст переписан А. Г. Достоевской — стр. 51

III. ДОКУМЕНТЫ

Договор на первое отдельное издание романа «Подросток», заключенный Достоевским с издателем П. Е. Кехрибарджи, 8 ноября 1875 г. Подписан Достоевским. ЛБ — стр. 36.
Письмо издателя П. Е. Кехрибарджи к Достоевскому от 16 декабря 1875 г. о ходе печатания романа «Подросток». ЛБ— стр. 37

ДОКУМЕНТЫ О НАДЗОРЕ ЗА ДОСТОЕВСКИМ В СТАРОЙ РУССЕ, 1872—1876 гг.

Обложка «Дела об отставном подпоручике Достоевском». АНО — стр. 141
Письмо Достоевского к исправнику Старой Руссы о выдаче заграничного паспорта, апрель 1875 г. Написано рукой А. Г. Достоевской. Подпись Достоевского. АНО — стр. 82
Заграничный паспорт Достоевского, выданный ему в мае 1875 г. в Новгороде. АНО — стр. 83
Письмо Достоевского к новгородскому губернатору Э. В. Лерхе о возвращении ему постоянного паспорта, взамен заграничного, 31 июля 1875 г. Написано рукой А. Г. Достоевской. Подпись Достоевского. АНО — стр. 91
Уведомление о снятии полицейского надзора над Достоевским, посланное петербургским градоначальником Ф. Ф. Треповым новгородскому губернатору, 5 января 1876 г. АНО — стр. 189

Курортная карта Достоевского, Эмс, 1874 г. МД — стр. 307

МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА ДОЛГУШИНЦЕВ (ЦГАОР)

Обложка следственного дела — стр. 147
Протокол допроса А. В. Долгушина, 28 января 1874 г., л. 1 — стр. 149
Список лиц, привлеченных в качестве обвиняемых по делу о составлении, печатании и распространении прокламаций «Русскому народу», «Как должно жить по закону правды и природы» и «К интеллигентным людям» — стр. 466
Обвинительный акт по делу А. В. Долгушина — стр. 467

ПРОКЛАМАЦИИ, НАПИСАННЫЕ А. В. ДОЛГУШИНЫМ (ЦГАОР)

«Русскому народу» — стр. 119
«К интеллигентным людям» — стр. 135
Прокламация «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы». Составлена долгушинцами по брошюре В. Берви (Флеровского) «О мученике Николае» — стр. 153.

«Санкт-Петербургские ведомости», 1874, № 189, от 12 июля. Судебная хроника. (Публикация материалов следственного дела о долгушинцах) — стр. 160—161
«Московские ведомости», 1874, № 180, от 14 июля. Судебная хроника. (Публикация материалов следственного дела о долгушинцах)— стр. 167

IV. КНИГИ И ГАЗЕТЫ

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ И ИЗДАНИЯ РОМАНА «ПОДРОСТОК»

«Подросток». Первая публикация в «Отечественных записках», 1875, № 1. Титульный лист журнала, начало публикации романа и оглавление тома — стр. 17
«Подросток». СПб., 1876, ч. 1. Первое отдельное издание. Экземпляр с дарственной надписью Достоевского А. М. Достоевскому. Титульный лист. МД — стр. 41
«Подросток». СПб., 1882. Первое посмертное издание. Подготовлено А. Г. Достоевской. Титульный лист и страницы романа с пометами А. Г. Достоевской. МД — стр. 254—255

ИЗДАНИЯ РОМАНА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Австралийское изд. Мельбурн, 1950. Обложка — стр. 393
Болгарское изд. София, 1960. Обложка — стр. 453
Венгерское изд. Будапешт, 1900. Обложка — стр. 387
Итальянское изд. Турин, 1960. Обложка — стр. 501
Первое немецкое изд. Лейпциг, 1886. Титульный лист — стр. 231
Польское изд. Варшава, 1956. Обложка — стр. 491
Румынское изд. Бухарест, 1961. Обложка — стр. 377
Французское изд. Париж, 1956. Обложка — стр. 477
Чешское изд. Прага, 1961. Обложка — стр. 493
Эстонское изд. Таллин, 1940. Обложка — стр. 489

ГАЗЕТЫ, УПОМИНАЕМЫЕ ДОСТОЕВСКИМ В ЧЕРНОВЫХ ЗАПИСЯХ К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

«Голос», 1874, № 48, от 17 февраля. Заголовок газеты и судебная хроника. «Дело Колосова и Ярошевича по подделке акций Тамбовско-Козловской железной дороги»— стр. 290—291
«Московские ведомости», 1874, № 50, от 26 февраля. Заголовок газеты и текст корреспонденции «Из Бахмута»— стр. 60—61

V. ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Аркадий. Акварель А. Б. Зегера, 1956. МД — стр. 227
Обложка романа. Рис. П. П. Зубченкова. М., 1955 — стр. 333
Иллюстрации Акселя Лескошека (Собр. соч. Достоевского, изд. на португальск. яз. в Рио де Жанейро, 1960). Ксилографии — стр. 315, 319, 323, 328, 329
Аркадий в чайной. Аркадий после скандала в игорном доме. Аркадий и Версилов. Тушь, перо М. Г. Ройтера, 1947. МД — стр. 79, 344, 449

VI. ПОРТРЕТЫ ЛИЦ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО

А. Г. Достоевская. Фото. Дрезден, 1871 — стр. 49
Дети Достоевского — Любовь и Федор. Фото Н. Лоренковича. СПб., 1878. МД — стр. 193
Е. П. Иванова. Фото Лео. М., 1860-е гг. Частное собрание, Москва — стр. 311
Н. П. Суслова. Фото К. Бергамаско. СПб., 1870-е гг., и оборотная сторона фотографии с автографической записью А. Ф. Кони. Из собрания А. Ф. Кони (подпись к фотографии составлена на основе неопубликованной переписки Н. П. Сусловой с А. Ф. Кони). ЦГАОР — стр. 116—117

VII. АВТОГРАФЫ ЛИЦ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ ДОСТОЕВСКОГО

Письмо Н. А. Некрасова к Достоевскому от 12 октября 1874 г. ЦГАЛИ — стр. 457
Письмо Н. А. Некрасова к Достоевскому от 18 декабря 1874 г. ЦГАЛИ — стр. 21
Конверт письма Н. А. Некрасова к Достоевскому от 20 августа 1875 г., адресованного в Старую Руссу. ЦГАЛИ — стр. 24

VIII. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

ПЕТЕРБУРГ

Дом на углу Греческого проспекта и 5-й Рождественской улицы (теперь Греческий пр., № 5 и Советская, № 6), в котором Достоевский жил с середины сентября 1875 до середины мая 1878 г. и где был закончен роман «Подросток». Фото, 1870-е гг., с надписью А. Г. Достоевской («Вид Греческой церкви в С.-Петербурге и дома г. Струбинского (на углу Греческого проспекта и улицы Песков)...»). МД — стр. 71
Тот же дом. Фото, 1957 г. ИРЛИ — стр. 201
Павловский вокзал. Литография, 1862. ГЛМ — стр. 125
Петербург. Рис. карандашом М. В. Добужинского. Иллюстрации в книге Н. П. Анциферова «Петербург Достоевского». Пг., 1923 — стр. 241, 245

Петербург. На набережной канала. Рис. карандашом М. В. Добужинского, 1920. Русский музей — стр. 431

СТАРАЯ РУССА

Общий вид города. Фото, 1880-е гг., с надписью А. Г. Достоевской: «Река Перерытица, на берегу которой находится дом Ф. М. Достоевского...». МД — стр. 25
Дом Достоевского. Фото, 1881 г. МД — стр. 27
Дом Достоевского. Гравюра, 1880-е гг. МД — стр. 137
Набережная Перерытицы. На первом плане дом Достоевского. Фото, 1929. ИРЛИ — стр. 175
Минеральные воды. Общий вид. Главное здание. Курзал. Парк. Муравьевская галерея (источник). Фото, 1880-е гг. МД — стр. 275, 63, 145, 219, 275

ЭМС

Общий вид. Фото, 1870-е гг., с надписью А. Г. Достоевской: «Вид г. Эмса, куда Ф. М. Достоевский приезжал лечиться летом 1874, 75, 76, 78 и 79 гг. ...» МД — стр. 35
Отель «Ville d'Alger». Фото, 1870-е гг., с надписью А. Г. Достоевской: «Дом Ville d'Alger, где Ф. М. жил во время своего пребывания в Эмсе». МД — стр. 110
Источник «Kränchen»; Улица, на которой находился отель «Ville d'Alger»; Галерея. Фото, 1870-е гг., с примечанием А. Г. Достоевской: «Фотографии, приобретенные Ф. М. Достоевским на память лечения его в Эмсе в 1879 г.» (А. Г. Достоевская) — см. об этом: «Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в „Музее памяти Ф. М. Достоевского" в Московском Историческом музее имени императора Александра III. 1846—1903». СПб., 1906. МД — стр. 111, 297, 303

IX. ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И ЛИЦА, УПОМИНАЕМЫЕ В ЗАПИСЯХ ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ «ПОДРОСТОК»

Джузеппе Гарибальди. Фото, 1870-е гг. Из коллекции А. Г. Достоевской. МД — стр. 121
Парижская Коммуна 1871 г. Дворец Тюильри, площадь Бастилии, Арсенал в развалинах из: «Album photographique des ruines de Paris. Collection de tous les monuments et édifices détruits par la Commune de Paris...» Paris, 1871. ГЛМ — стр. 471, 408, 211

X. РОССИЯ ЭПОХИ ДОСТОЕВСКОГО В ЖИВОПИСИ И ГРАФИКЕ

Ю. Г. Жуковский. Ростовщица. Рис. пером, 1870-е гг. ГЛМ — стр. 93
Ю. Г. Жуковский. Петербургские сцены. Акварели, 1870-е гг. ГЛМ — стр. 100, 101
Ю. Г. Жуковский. Петербургские типы. Рис. карандашом, 1870-е гг. ГЛМ — стр. 205
В. Е. Маковский. Шарманщик. Этюд к картине «Толкучий рынок в Москве». Масло, 1879. ГТГ — стр. 461
В. Г. Перов. Странник. Масло. Этюд к картине, 1870. ГТГ — стр. 171
В. Г. Перов. Путник. Рис. карандашом, 1873. ГТГ — стр. 371
В. Г. Перов. Просители. Рис. карандашом, 1880-е гг. Русский музей — стр. 485
Л. И. Соломаткин. У ростовщика. Акварель, белила, 1870—1880-е гг. ГЛМ— стр. 131
Н. А. Степанов (?). Светское общество. Рис. карандашом, 1860. ГЛМ — стр. 261

XI. КАРТИНА, УПОМИНАЕМАЯ ДОСТОЕВСКИМ В ЗАПИСЯХ И В ТЕКСТЕ РОМАНА «ПОДРОСТОК»

Клод Лоррен. Морской пейзаж с Ацисом и Галатеей. Масло, 1657. Фотографическая открытка, изданная в Дрездене в 1870-е гг. С надписью А. Г. Достоевской на обороте: «Картину эту очень высоко ценил Федор Михайлович и называл ее „Золотой век"» — стр. 443

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила Е. М. Лѣвова

Абаза Василий Константинович — 278, 279
Авессаломов Иван Флегонтович — 466, 467
Авсеенко Василий Григорьевич — 60, 446
Аксаков Иван Сергеевич — 469, 474, 476
Аксаков Константин Сергеевич — 473
Александр II — 8, 87, 90, 310
Алексеев Василий Алексеевич — 442, 444
Анциферов Николай Павлович — 241, 245
Аракчеев Алексей Андреевич — 27
Арсеньев Илья Александрович — 293(?), 343(?), 498

Байрон (рожд. Милбенк) Анна Изабелла — 136, 483, 495
Байрон Джордж Ноэль Гордон — 79, 99, 136, 410, 416, 419, 423, 445, 464, 483, 487, 490
Бакунин Михаил Александрович — 479, 504
Бартенев Петр Иванович — 487
Бауэр Бруно — 482
Белинский Виссарион Григорьевич — 8, 10, 38, 42, 69, 99, 152, 269, 297, 451, 456, 473, 482, 484, 486, 489, 502, 503
Белоголовый Николай Андреевич — 479
Бёмерт Карл Виктор(?) — 486
Бендерский, подполковник — 484
Бенедиктов Владимир Григорьевич — 209, 486
Бернард Анна — 483
Беррийский герцог Шарль Фердинанд — 95, 198, 465
Бирон Эрнст Иоганн — 473
Бисмарк, фон Отто Эдуард Леопольд — 207, 346, 486
Бичер Стоу Гарриет — 483
Блан Луи Жан Жозеф — 460, 487
Боборыкин (псевдоним Де—в) Петр Дмитриевич — 504
Брюно Матюрен — 478
Бурбоны, род — 465, 478
Бурнашев Владимир Петрович — 488
Буташевич-Петрашевский Михаил Васильевич — 464, 479, 482, 487

Валиханов Чокан Чингисович — 92, 464, 465
Валуев Петр Александрович — 498
Васильев Ананий — 466—468
Васин, причастный к делу долгушинцев — 468
Вейнберг Петр Исаевич — 490
Вейтлинг Вильгельм — 479
Верещагин, купец — 467
Веселовский Александр Николаевич — 442
Веселовский Алексей Николаевич — 483
Волоцкой Михаил Васильевич — 495, 498, 504
Вольтер Франсуа Мари — 42, 460
Врангель Александр Егорович — 464
Вяземский Петр Андреевич — 456, 498

Гааз Федор Петрович (Фридрих Иосифович) — 12
Гавренева С.— 485
Галилей Галилео — 123
Гамов Дмитрий Иванович — 465
Гарибальди Джузеппе — 118, 119, 121, 460
Гейне Генрих — 20, 44, 433, 500, 505
Геккерн Луи — 289, 496, 498
Гельвеций Клод Адриан — 460
Гербель Николай Васильевич — 486
Герцен Александр Иванович — 18, 99, 103, 410, 411, 449, 456—460, 470—474, 477, 479, 482, 487, 504, 508
Гершензон Михаил Осипович — 458
Гете Иоганн Вольфганг — 42, 44, 59, 208, 247, 404, 444, 445, 472, 504, 505
Гизо Франсуа Пьер Гильом — 85
Гливенко Иван Иванович — 53
Гоголь Николай Васильевич — 42, 59, 90, 160, 306, 343, 441, 482, 489
Голеновская Екатерина Николаевна — 157
Гончаров Иван Александрович — 23, 24, 263, 298, 342, 343
Горький (Пешков) Алексей Максимович — 43, 56
Грановский Тимофей Николаевич — 34, 38, 456
Грей Томас — 354, 503
Грибоедов Александр Сергеевич — 42—44, 218, 224, 256, 263, 298, 410, 411
Григорович Дмитрий Васильевич — 195, 416, 451, 473, 484
Григорьев Аполлон Александрович — 474
Гринберг Фрида Израилевна — 6
Громовская С.— 485

Гроссман Леонид Петрович — 5, 36, 44, 56
Губонин, финансист — 490
Гусев Николай Николаевич — 469
Гюго Виктор — 22, 42, 114, 240, 280, 424, 479, 488—490, 500, 502, 505, 506

Давид, царь — 350, 502, 505
Даламбер Жан Лерон — 460
Дантес Жорж Шарль — 496, 498
Дараган Петр Михайлович — 469
Д—ев — см. Боборыкин П. Д.
Дезульер (рожд. Дю Лижье де ла Гард) Антуанетта — 489
Державин Гавриил Романович — 126, 489
Дидро Дени — 460
Диккенс Чарлз — 42, 44, 249, 256, 258, 259, 262, 296, 487, 490—492
Д—ко Н. В.— 62
Дмитриев Иван Иванович — 126
Дмоховские, родители Л. А. Дмоховского — 467
Дмоховский Лев Адольфович — 465, 467
Добролюбов Николай Александрович — 210, 479
Добужинский Мстислав Валерьянович — 241, 245, 431
Долгушин Александр Васильевич — 17, 36, 95, 102, 108, 111, 112, 114, 115, 119, 130, 135, 143, 144, 147—149, 151, 153, 156, 160, 161, 167, 173, 174, 191, 213, 222, 224, 225, 230, 239, 242, 245, 247, 249, 250, 438, 440, 449, 453, 465—468, 474, 491, 492, 494, 498
Долгушина Аграфена Дмитриевна — 17, 102, 108, 111, 130, 144, 156, 239, 465—468
Долинин Аркадий Семенович — 5, 6, 10, 34, 52, 54, 56, 57, 446, 456, 487, 508
Досс Н., фотограф — фронтиспис, 11, 157, 278
Достоевская (рожд. Сниткина) Анна Григорьевна — 6, 7, 9, 24, 25, 28, 34, 35, 49—52, 55, 56, 71, 80, 82, 110, 111, 121, 254, 255, 297, 303, 443, 448, 454, 468, 480, 483, 487, 495, 503
Достоевская (по мужу Карепина) Варвара Михайловна — 34, 290, 498
Достоевская (по мужу Иванова) Вера Михайловна — 495, 504
Достоевская Любовь Федоровна — 193
Достоевская (рожд. Нечаева) Мария Федоровна — 488
Достоевский Андрей Михайлович — 41, 488
Достоевский Михаил Андреевич — 36, 451, 488
Достоевский Михаил Михайлович — 23, 42, 49, 445, 479, 486, 489
Достоевский Михаил Михайлович (племянник писателя) — 165
Достоевский Федор Михайлович (племянник писателя) — 11
Достоевский Федор Федорович — 193
Дружинин Александр Васильевич — 195, 343, 473, 484
Дуров Сергей Федорович — 464
Дьяков Александр Александрович — 394
Дюма Александр (отец)— 240, 280, 488, 489, 502
Дюссо, владелец ресторана — 60, 404, 446

Екатерина II — 421, 422, 446, 455

Жемчужников — 274
Жеромский, адвокат — 61, 62
Жихарев Михаил Иванович — 455—459
Жуковский Василий Андреевич — 354, 503
Жуковский Юлий Галактионович — 93, 100, 101, 205

Завьялов, купец — 280, 310, 464
Занд Жорж — см. Санд Жорж
Зегер Аркадий Борисович — 227
Зильберштейн Илья Самойлович — 6, 487
Зубченков Петр Петрович — 333

Иванов Александр Александрович — 367, 504
Иванов Иван Иванович, студент, убитый Нечаевым — 37
Иванов Константин Павлович — 268, 495
Иванова Вера Михайловна — см. Достоевская В. М.
Иванова Елена Павловна — 34, 268, 296, 297, 310, 311, 324, 333, 495, 496
Иванова Ольга Семеновна — 492, 493
Иванова (по мужу Хмырова) Софья Александровна — 23, 25, 29, 36, 478, 490, 495, 504
Ивановы, семья — 34, 494
Ильинский — 38, 446
Исаев Павел Александрович — 52, 116, 480, 495

Кабе Этьен — 504
Канкрин Егор Францевич — 490
Карамзин Николай Михайлович — 124, 343, 500
Карепин Петр Андреевич — 498
Каренина Варвара Михайловна — см. Достоевская В. М.
Карл X — 465
Катаев Михаил Матвеевич — 469
Катков Михаил Никифорович — 11, 24, 25, 37, 46, 65, 451, 476
Каширев Василий Владимирович — 30
Кехрибарджи Платон Евгеньевич — 36, 37
Кирилл Белозерский — 169
Киселев Павел Дмитриевич — 310
Клюшников Виктор Петрович — 450
К—ов А.— 202, 486
Коган Галина Фридмановна — 6
Козлов Павел Алексеевич — 90, 98, 464
Кок де Шарль Поль — 350, 489, 502, 503
Кокорев Василий Александрович — 255, 490
Колемин, штабс-ротмистр, владелец игорного дома — 483, 484
Колосов Василий Петрович — 36, 264, 271, 272, 274, 276, 277, 284, 285, 291, 492—494
Колумб Христофор — 259

Комарович Василий Леонидович — 5, 6, 53, 502
Кони Анатолий Федорович — 116, 117, 483, 484, 492, 506
Констан Бенжамен — 499
Коншина Елизавета Николаевна — 53
Костомаров Николай Иванович — 442
Крамской Иван Николаевич — 439
Крахт, причастный к делу долгушинцев —468
Крестовский Всеволод Владимирович — 464, 465
Крылов Иван Андреевич — 489
Куманин Александр Алексеевич — 130
Куманина (рожд. Нечаева) Александра Федоровна — 498
Кюи Цезарь Антонович — 116

Ламанский Евгений Иванович — 483
Ламанский Порфирий Иванович — 137, 483
Ландсберг, капитан — 484
Ланской Петр Петрович — 496
Ласенер Пьер Франсуа — 310, 499, 500
Лафонтен Жан — 489
Лебедев, мещанин — 485, 486
Лермонтов Михаил Юрьевич — 42, 263, 298, 322, 343, 409, 441, 500
Лерхе Эдуард Васильевич — 91, 189
Лесаж Ален Рене — 44, 112, 477, 478, 480
Лесков (псевдоним М. Стебницкий) Николай Семенович — 450
Лескошек Аксель — 315, 319, 323, 328, 329
Линкольн Авраам — 460
Ломновский, кандидат прав Петербургского ун-та — 483
Ломоносов Михаил Васильевич — 489
Лонгинов Михаил Николаевич — 455, 459
Лоренкович Н., фотограф — 193
Лоррен (Желле) Клод — 410, 412, 413, 417, 418, 422, 432, 433, 434, 443, 505
Лоу (Ло) Джон — 454
Лувель Луи Пьер — 465
Луначарский Анатолий Васильевич — 38
Лыжин Павел Петрович — 36
Людовик XVI — 478
Людовик XVII — 114, 478, 479
Людовик XVIII — 478

Мадье де Монжо Ноэль Франсуа Альфред — 413
Мазон Андре — 56
Майков Аполлон Николаевич — 8, 13, 22—24, 29, 34, 448, 449, 456, 457
Мак-Магон Мари Патрик Морис — 87, 460
Маковский Владимир Егорович — 461
Маколей Томас Бэбингтон — 483
Марий — 486
Мария Антуанетта — 478
Маркс Карл — 479, 493
Маркус Федор Антонович — 221, 488
Матвеев Ф.— 505
Меншиков Александр Сергеевич — 310
Мерк, домовлад. — 467
Мессалина — 210
Мещерский Владимир Петрович — 8, 493
Минин Василий Петрович — 469
Митрофания, игуменья — см. Розен П. Г.
Михайловский Николай Константинович — 7, 10, 54, 450, 452, 465, 482
Михаловский Валерьян Ильич — 469
Мишле Адель — 487
Мишле Жюль — 221, 487
Модерский (Мадерский) Александр Тимофеевич — 482
Момбелли Николай Александрович — 479
Монтескье Шарль де Секонда — 460
Мур Томас — 483
Муравьев (Амурский) Николай Николаевич — 479

Наке Альфред — 413
Наполеон I Бонапарт — 42, 89, 218, 302, 319, 465
Наундорф Карл Вильгельм — 478, 479
Наундорф, дети К.-В. Наундорфа — 478, 479
Некрасов Николай Алексеевич — 7, 8, 11, 18, 21, 24, 42, 188, 457, 478, 482—484
Нерон — 486
Нестеров Михаил Васильевич — 185
Нечаев Сергей Геннадиевич — 10, 30, 31, 37, 38, 493
Нечаева Вера Степановна — 52
Никитенко Александр Васильевич — 484
Никитин Иван Андреевич — 492—495
Никитина Вера Александровна — 492, 494—495
Никольский Юрий А.— 487
Нил Сорский — 169
Ньютон Исаак — 42

Ободовская Александра Яковлевна — 466, 467
Овидий Публий Назон — 505
Огарев Николай Платонович — 477, 479
Огородников Павел Иванович — 453
Орлов (Чесменский) Алексей Григорьевич — 446

Павлова, помещица — 493
Пальм Александр Иванович — 464
Панаев Иван Иванович — 486
Панаева (рожд. Григорьева-Брянская; во 2-м браке Головачева) Авдотья Яковлевна — 479
Панов М. М., фотограф — 439
Панова Екатерина Дмитриевна — 459
Папин Иван Иванович — 465, 467, 468
Перикл — 486
Перов Василий Григорьевич — 171, 371, 485
Песталоцци Иоганн Генрих — 460
Петр I —17, 86, 214, 216, 309, 343, 410, 420—422, 425, 458, 472, 473
Петрарка Франческо — 419
Петрашевский Михаил Васильевич — см. Буташевич-Петрашевский М. В.
Печерин Владимир Сергеевич — 473—477
Писарев Дмитрий Иванович — 452
Писарева, акушерка — 442

Плеханов Георгий Валентинович — 461
Плещеев Алексей Николаевич — 464, 479, 504
Плотников Николай Александрович — 465, 468
Победоносцев Константин Петрович — 8, 23
Поль Фридрих — 468
Померанц Григорий Соломонович — 55
Порецкий Александр Устинович — 115, 480
Прованский гр.— см. Людовик XVIII
Прокофьев, крестьянин — 485, 486
Прудон Пьер Жозеф — 356, 410, 470, 487, 503, 504
Пугачев Емельян Иванович — 126, 446
Пуцыкович Виктор Феофилович — 440
Пушкин Александр Сергеевич — 22, 38, 42—44, 95, 96, 111, 126, 174, 180, 198, 214, 284, 289, 324, 343, 350, 354, 408, 409, 424, 452, 456, 468, 469, 474, 486, 489, 490, 494, 496, 498, 500, 503
Пушкина (рожд. Гончарова; во 2-м браке — Ланская) Наталья Николаевна — 496
Пыпин Александр Николаевич — 442, 455

Рафаэль Санти — 42, 68
Рембрандт ван Рейн — 9
Рождественский Сергей Васильевич — 451
Розен Прасковья Григорьевна (игумения Митрофания)— 424, 506
Розенблюм Лия Михайловна — 6, 7, 56
Ройтер Мендель Григорьевич — 79, 344, 449
Роллан Ромен — 461
Россини Джоакино Антонио — 221
Ротшильд Джеймс — 17, 21, 75, 77, 80, 81, 91, 93—95, 116, 124, 129, 130, 132, 144, 148, 152, 154, 198, 200, 212, 217, 220, 222, 226, 252, 256, 257, 270, 440, 448, 451, 454, 465, 469, 490, 491
Ротшильды, семья — 129, 465
Румянцев Иоанн (о. Иван)— 95, 468
Румянцев (Задунайский) Петр Александрович — 446
Руссо Жан Жак — 44, 89, 90, 302, 460—462, 480
Рюрик — 298

Сакулин Павел Никитич — 6, 53, 54
Салиас Евгений Андреевич — 60, 446
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — 7, 8, 32, 42
Самарин Юрий Федорович (?) — 372
Санд Жорж — 484, 502, 504
Сахарова Татьяна Порфирьевна — 465, 467
Семевский Василий Иванович — 479, 482
Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович— 451
Сен-Симон Луи де Рувруа — 455, 473
Сент-Бёв Шарль Огюстен — 504
Сервантес де Сааведра Мигель — 42, 112, 257, 441, 442, 454, 477, 480, 490, 491
Сергий Радонежский — 343
Серебряков Николай Александрович — 482
Серебряников Владимир Иванович — 493
Сидорацкий Василий Петрович — 466, 467
Симон, якобинец — 478
Скальковский Аполлон Александрович — 462
Скотт Вальтер — 218, 441, 486, 487
Смирнов, пожарный — 485
Сниткин Иван Григорьевич — 495
Сниткина (рожд. Мальтопеус) Анна Николаевна — 52
Соловьев Владимир Сергеевич — 496
Соловьев Е. — 465
Соломаткин Леонид Иванович — 131
Соломина Наталья Николаевна — 6
Соломон, царь — 350, 422, 442, 502, 505
Спешнев Николай Александрович — 115, 284, 465, 469—470, 479, 482
Спиноза Барух (Бенедикт)— 287, 289, 292, 294, 312—314, 496
Стебницкий М.— см. Лесков Н. С.
Степанов Николай Александрович (?) — 261
Страхов Николай Николаевич — 12, 22, 23, 25, 29, 48, 135, 281, 456, 469—473, 488, 496
Строганов Сергей Григорьевич — 477
Струбинский Г., домовладелец — 71
Суворин Алексей Сергеевич — 21, 229
Суворов (Италийский) Александр Аркадьевич — 90, 464
Суслова Аполлинария Прокофьевна — 34, 116, 117, 478
Суслова (по мужу Эрисман) Надежда Прокофьевна — 33, 112, 117, 478

Тацит Публий — 415
Тимковский Константин (?) Иванович — 482
Тихомиров Василий Александрович — 467
Тихон Задонский — 343
Тихонравов Николай Саввич — 442
Тиходкий Виктор Александрович (?) — 468
Токвиль Алексис Шарль — 502
Толль Эммануил (Феликс) Густавович — 482
Толстая Александра Андреевна — 469
Толстая (по мужу Мусина-Пушкина) Елизавета Васильевна — 24
Толстой Алексей Константинович — 116
Толстой Дмитрий Андреевич — 451, 453
Толстой Лев Николаевич — 23, 24, 26, 33, 42, 43, 116, 122, 136, 185, 342, 343, 367, 385, 388, 404, 405, 412, 413, 418, 420, 424, 425, 433, 434, 442, 446, 450, 454, 455, 460, 469, 480, 483, 496, 504, 508
Томашевский Борис Викторович — 5, 508
Трепов Федор Федорович — 189
Тургенев Иван Сергеевич — 8, 23, 33, 42, 56, 94, 221, 282, 286, 441, 442, 464, 482, 486—488
Тургенев Николай Иванович — 456
Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна — 479
Тютчев Федор Иванович — 117, 480, 482, 505—506

Умецкая Екатерина — 28
Умецкая Ольга Владимировна — 28, 36
Умецкий Владимир — 28
Унгерн-Штернберг Карл Карлович — 89, 98, 117, 124, 138, 142, 172, 191, 194, 204, 217, 218, 224, 243, 252, 255, 261, 262, 269, 310, 461, 462

Фадеев Ростислав Андреевич (?) — 372
Фейербах Людвиг — 482
Феодосий, игумен — 70, 451
Филиппов Тертий Иванович — 8
Фихте Иоганн Готлиб — 460
Фишер Куно — 496
Флейснер Антон — 445
Флейснер, семья А. Флейснера — 445
Фонвизин Михаил Александрович — 499
Фонвизина (рожд. Апухтина; во 2-м браке Пущина) Наталья Дмитриевна — 54, 499
Фурье Шарль — 460, 473, 504

Халабаев Константин Иванович — 5, 508
Хмырова Софья Александровна — см. Иванова С. А.
Храповицкий, пб. военный ген.-губ.— 464

Циммерман Эмилий Эмильевич — 465, 467

Чаадаев Петр Яковлевич — 38, 455—460
Чернышев Александр Иванович — 240, 280, 294, 295, 298, 464, 488
Чернышевский Николай Гаврилович — 8, 10, 30, 54, 210, 452, 479
Чиков Александр Сергеевич — 467
Чулков Георгий Иванович — 53

Шапиро К. А., фотограф — 165
Шарден — 500
Шарден, мать — 500
Шарлемань Иосиф Адольфович — 353
Шевченко Тарас Григорьевич — 43, 434
Шекспир Вильям — 42, 43, 59, 246, 340, 341, 390, 441, 442, 454, 487, 490
Шенье Андре — 489
Шиллер Фридрих Иоганн Кристофор — 42, 59, 87, 444, 445, 487, 490
Шмид Георг Карлович — 451

Щелков Алексей Дмитриевич — 90 (?), 462, 464

Эбер Анри — 478
Энгельс Фридрих — 460, 461
Эрисман Федор Федорович — 116

Ядринцев Николай Михайлович — 464
Ярошевич Александр Феликсович —291, 492—494
Ярошевич Феликс Афанасьевич —492
Ястржембский Иван Фердинанд Львович — 482

Beauchesne Alcide Hyacinthe Du Bois — 479

Eckard Jean — 479

Nettement Alfred — 479

Sainte-Beuve — см. Сент-Бёв Шарль Огюстен

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО

Составила Е. М. Львова

«Атеизм». Неосуществленный замысел — 5, 8, 12, 13, 449

«Бедные люди» — 49, 502, 506
«Белые ночи» — 49
«Бесы» — 5—8, 10, 11, 13, 18, 20, 23, 25, 29—34, 36—38, 42—45, 50—53, 56, 60, 64, 211, 294, 341, 343, 423, 429, 437, 438, 440, 441, 446, 448—451, 453, 456, 457, 460, 463, 487, 490, 498, 502
«Исповедь Ставрогина» — 11, 13, 446, 449
«Братья Карамазовы» — 5, 10, 12, 13, 16, 21, 23, 36, 38, 40, 42—44, 50—52, 54, 55, 444—446, 450, 452, 490, 502, 503, 505, 506

«Вечный муж» — 34, 52, 53
«Выставка в Академии художеств за 1860—1861 год» — 489

«Двойник» — 5, 39, 42, 49, 489
«Дневник писателя». 1873 г.
II. Старые люди — 10, 451
IV. Нечто личное — 10, 54
IX. По поводу выставки — 490
XI. Мечты и грезы — 9, 54
XII. (По поводу новой драмы) — 9, 54
XIII. Маленькие картинки — 9, 54
XVI. Одна из современных фальшей — 10, 54
«Дневник писателя». 1876 г.—18, 19, 23, 27, 50, 55, 56, 71, 309, 441, 442, 444, 451, 454
«Дневник писателя». 1877 г.—10, 23, 39, 54, 56, 71, 444, 482, 491, 504

«Житие великого грешника». Неосуществленный замысел — 6, 8, 11, 12, 16, 30, 38, 53, 441, 444, 446, 448, 449, 456, 457, 459, 463

«Зависть». Неосуществленный замысел — 13, 30
«Записки из Мертвого дома» — 49, 343
«Записки из подполья»—45, 49, 343, 465, 501
Записные тетради — 12, 13, 30—31, 33, 34, 43, 44, 55, 56
«Зимние заметки о летних впечатлениях» — 14, 43, 56, 456, 458

«Идиот» — 5, 6, 8, 12, 13, 23—29, 34, 36, 38, 42—44, 48, 50—53, 55, 56, 211, 441, 490, 502
«Иностранные события». 17 сентября 1873 г.— 460
«Исповедь Ставрогина» — см. «Бесы»

«Кроткая» («Дневник писателя». 1876 г.) —27

«Мечтатель». Неосуществленный замысел — 45, 56

Некролог ‹Ф. И. Тютчева› — 482
«Неточка Незванова» — 5, 49

«Петербургские сновидения в стихах и прозе» — 486, 487
«Повесть о капитане Картузове». Неосуществленный замысел — 53
«Подпольная идея для „Русского вестника“» — см. «Бесы»
«Преступление и наказание» — 5—7, 12, 23, 25, 32, 33, 36, 38, 42, 46, 48—53, 56, 117, 343, 452, 505, 506
«Пьяненькие». Неосуществленный замысел — 51

«Ряд статей о русской литературе. I. Введение» — 488—489, 502

«Село Степанчиково» — 49, 502
«Социализм и христианство». Конспект статьи — 56

«Униженные и оскорбленные» — 23—24, 43, 49, 50, 55, 56, 492

«Чужая жена и муж под кроватью» — 502

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ДОСТОЕВСКОГО-РОМАНИСТА 7
ДОСТОЕВСКИЙ В СЕРЕДИНЕ 70-х ГОДОВ. СОЗДАНИЕ «ПОДРОСТКА» 7
ПОЭТ И ХУДОЖНИК 22
ИДЕЯ — ХАРАКТЕР — СЮЖЕТ 45
ОБРАЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ 48
Статья Л. М. Розенблюм

ТВОРЧЕСКИЕ РУКОПИСИ РОМАНА «ПОДРОСТОК» 57

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ НАБРОСКИ К РОМАНУ (февраль — июль 1874 г.) 59

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАБОТЫ НАД СЮЖЕТОМ (август — сентябрь 1874 г.) 88

ВТОРОЙ ПЕРИОД РАБОТЫ НАД СЮЖЕТОМ (8 сентября — ноябрь 1874 г.) 163

ТРЕТИЙ ПЕРИОД РАБОТЫ НАД СЮЖЕТОМ 224
ЗАПИСИ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ РОМАНА 224
ЗАПИСИ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ РОМАНА 277
ЗАПИСИ К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ РОМАНА 351
Публикация и комментарии А. С. Долинина

КОММЕНТАРИИ 435

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 508

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Составила Г. Ф. Коган 509

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составила Е. М. Львова 513

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО
Составила Е. М. Львова 518

В ТОМЕ 130 ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ОДНА ВКЛЕЙКА

«Литературное наследство»

Том 77

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *В. Г. Лаут*

Сдано в набор 18/III 1965 г. Подписано к печати 18/VIII 1965 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 32,5+1 вкл. (0,13 печ. л.) =
=44,7 усл. л. Уч.-изд. л.44,2(44,1+0,1 вкл.). Тираж 7000. А-08883
Изд. № 29/65. Тип. зак. № 2333

Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

2 руб. 40 к.

2 р. 40 к.

«ИЗ ПАРИЖСКОГО АРХИВА И. С. ТУРГЕНЕВА» — так называется вышедший в свет 73-й том «Литературного наследства».

Основное содержание этого тома составляют неизданные произведения Тургенева и материалы его переписки, сохранившиеся в разных частях некогда единого парижского архива писателя. Среди впервые публикуемых здесь художественных произведений:

рассказ «Русский немец и реформатор», *предназначавшийся автором для «Записок охотника»*, но не появившийся по цензурным причинам;

начало рассказа «Степан Семенович Дубков и мои с ним разговоры», над которым писатель работал в молодые годы;

материалы к повести «Наталия Карповна» — последнего творческого замысла Тургенева, записанного под его диктовку Полиной Виардо во время предсмертной болезни писателя;

либретто трех оперетт, написанных Тургеневым в 1860-х годах — «*Слишком много жен*», «*Последний колдун*» и «*Зеркало*», а также комедия-фарс «Ночь в гостинице Большого Кабана».

Кроме художественных произведений в томе печатаются:

неизвестные статьи Тургенева — о Пушкине, Лермонтове и Гоголе, о художнике Верещагине, а также считавшееся утраченным авторское предисловие к роману «Отцы и дети»;

последний дневник Тургенева (конец 1882—начало 1883 г.) — единственный уцелевший из дневников, которые писатель вел на протяжении последних трех десятилетий своей жизни;

письма Тургенева — в том числе 79 писем к виднейшему идеологу революционного народничества П. Л. Лаврову;

письма к Тургеневу И. И. Панаева, А. Ф. Писемского, М. А. Маркович (Марка Вовчка), Я. П. Полонского — всего 130 писем, представляющих большой историко-литературный интерес.

Особый раздел тома отведен материалам «Игры в портреты», которая занимала Тургенева и его друзей в течение более двадцати лет (1856—1877). Эта творческая игра, изобретенная Тургеневым, представлена в публикации «Литературного наследства» двумя сотнями его рисунков и сопровождающими их словесными очерками-характеристиками, *принадлежащими Тургеневу и Полине Виардо.*

В двух книгах свыше 400 иллюстраций.

Книгу можно приобрести в магазинах «Академкнига»
Москва, ул. Горького, 6
Ленинград, Литейный проспект, 57.
Для получения книги почтой заказы направлять